Русский биографический словарь

Фабер – Цявловский

1901 г.

ПКМ
13358/173

О3
Р89

РУССКІЙ БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

68/VI — 4088.

Фаберъ — Цявловскій.

Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества **А. А. Половцова.**

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА ПЕНЗЕНСКОЙ ИСТОРІИ ГИМНАЗІИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Безобразова и К°. (Вас. Остр., 8 линія, № 45).
1901.

1969 г.
БИБЛИОТЕКА Пензенского Областного Краеведческого Музея

ЛОЗА

Ф

Фаберъ, *Готтльфъ-Θеодоръ*, род. въ Ригѣ, въ 1768 г., ум. въ Парижѣ 16 (28) ноября 1847 г., въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Образованіе получилъ: среднее—въ Магдебургѣ, а высшее юридическое — въ университетахъ Галле и Іенѣ. Въ 1787 г. жилъ въ Страсбургѣ, а въ 1789 отправился въ Парижъ, гдѣ былъ свидѣтелемъ штурма Бастиліи. Живя здѣсь, Фаберъ имѣлъ случай узнать многихъ замѣчательныхъ людей и, между прочимъ, обѣдалъ ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ за общимъ столомъ съ поручикомъ Наполеономъ Бонапартомъ. Когда началась война съ Австріею, Фаберъ вступилъ въ ряды французской арміи и простымъ солдатомъ принималъ участіе, подъ командою Лафайета, въ военныхъ дѣйствіяхъ, происходившихъ въ Шампаньи и Бельгіи, а также въ сраженіяхъ при Вальми и Жемаппѣ. 1 марта 1793 г. корпусъ Лафайета былъ разбитъ на-голову принцемъ Кобургскимъ, и Фаберъ, въ числѣ немногихъ уцѣлѣвшихъ, попалъ австрійцамъ въ плѣнъ, изъ котораго ему удалось бѣжать только черезъ два года. Возвратившись въ Парижъ во время директоріи, Фаберъ вскорѣ перемѣнилъ военную службу на гражданскую и сначала состоялъ при центральномъ управленіи Рёрскимъ департаментомъ въ Ахенѣ, а затѣмъ занялъ должность коммисара въ гор. Клеве. Приглашенный профессоромъ французской литературы и языка въ Кёльнскую центральную школу, Фаберъ, вмѣстѣ съ профессоромъ Рейнгардомъ, издавалъ здѣсь нѣкоторое время «Beobachter im Rheindepartement» и мало-по-малу возобновилъ прерванныя сношенія съ родиною. Въ концѣ 1805 г. Фаберъ получилъ приглашеніе отъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, князя Чарторижскаго, перейти на службу въ Виленскій университетъ. Зачисленный 27 декабря 1805 г. въ русскую службу, онъ получилъ въ Берлинѣ приказаніе ѣхать въ Петербургъ. Князь Чарторижскій, управлявшій тогда Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, хотѣлъ дать Фаберу мѣсто въ своемъ вѣдомствѣ и поручить редактированіе предполагаемаго журнала «Anti-Moniteur». Съ отставкою Чарторижскаго всѣ эти планы рушились, и Фаберъ продолжалъ только числиться, а не дѣйствительно служить въ русской службѣ. До 1812 г. онъ, проживая то въ столицѣ, то въ сельскомъ уединеніи (Карлсбергѣ, около Вендена, лифляндской губ.), почти все время посвящалъ литературной дѣятельности и написалъ: «Notices sur l'intérieur de la France» (1807 г.) — замѣтки, обратившія на себя вниманіе въ Петербургѣ и безъ вѣдома автора перепечатанныя въ Лондонѣ подъ заглавіемъ: «Offrandes à Bonaparte»; «Observations sur l'armée française des derniers temps à partir de 1792 jusqu'en 1807» (1808 г.), появившіяся въ томъ же году въ переводѣ на русскій и нѣмецкій языки, и «Bagatelles. Promenades d'un désoeuvré dans la ville de St.-Pétersbourg», въ 2-хъ частяхъ (1811); послѣднее сочиненіе перепечатано въ Парижѣ въ 1812 г., а въ нѣмецкомъ переводѣ появилось въ Лейпцигѣ въ 1814 г. Опредѣленный въ статистическое отдѣленіе Министерства Полиціи въ 1812 г., Фаберъ въ слѣдующемъ году былъ назначенъ редакторомъ газеты «Conservateur impartial», органа

Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, издававшагося съ 1807 г. подъ названіемъ «Journal du Nord», а съ 1825—преобразованнаго въ «Journal de St.-Pétersbourg», существующій до-нынѣ. Редакторскія обязанности Фаберъ исполнялъ недолго—около пяти мѣсяцевъ. 21 октября 1814 г. состоялось опредѣленіе его въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, а въ 1816—во Франкфуртскую миссію. Приблизительно за годъ до послѣдняго назначенія Фаберъ написалъ «Beiträge zur Charakteristik der französischen Staatsverfassung und Staatsverwaltung während der Epoche Bonapartes (Königsberg, 1815); на русскомъ языкѣ въ переводѣ то же сочиненіе появилось подъ заглавіемъ: «Богъ Франціи, или коварная и вѣроломная система правленія нынѣшняго повелителя французовъ, описанная очевиднымъ наблюдателемъ», съ портретомъ Бонапарта. Въ 1818 г. Фаберъ произведенъ въ статскіе совѣтники, въ 1820 получилъ орденъ св. Владиміра 3-й степени, въ 1822 былъ назначенъ чиновникомъ при русской миссіи въ Майнцѣ, а въ 1834—въ Кобленцѣ. Выйдя въ 1840 г. въ отставку въ чинѣ д. с. с., Фаберъ жилъ сначала въ Люцернѣ, а въ 1843 г. переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ и умеръ. Живя въ Люцернѣ, Фаберъ подготовилъ къ печати двѣ работы о графѣ Каподистріи; сначала появилась небольшая брошюра: «Capodistrias. Zur Vorbereitung für die künftige Geschichte der politischen Wiederherstellung Griechenlands (Aarau, 1842)», а затѣмъ, въ томъ же году, въ Парижѣ вышло обширное (почти въ 400 стр.) извлеченіе изъ четырехтомной переписки графа правилъ политики и нравственности, расположенныхъ въ систематическомъ порядкѣ, подъ заглавіемъ: «Le comte I. Capodistrias, président de la Grèce, jugé par lui-même, d'après les actes de son administration».

Формулярный списокъ Фабера изъ С.-Петербургскаго архива Мин. Иностр. Дѣлъ.—Дѣло объ изданіи франц. журнала: сначала подъ названіемъ «Journal du Nord», потомъ «Conservateur Impartial» и, наконецъ, «Journal de St.-Pétersbourg» и о лицахъ, занимавшихся изданіемъ онаго, № IV, 50, 1806 г. № 1, хран. въ Моск. Глав. Арх. М. И. Дѣлъ.—Recke und Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon», т. I, стр. 543—45, и Nachträge von Th. Beise. — «Сѣверная Пчела» 1847 г., № 284, стр. 1135 («Парижскія письма»).—«Inland» 1848 г., № 7135.—«Brockhaus Conversations-Lexicon», т. 6. *С. Трубачевъ.*

Фабіанъ, *Иванъ Андреевичъ*, въ 1782 г. сотрудничалъ въ «Вечерней Зарѣ» Н. И. Новикова и въ объявленіи объ изданіи этого журнала названъ «питомцемъ Императорскаго Московскаго университета, упражняющимся въ наукахъ». Позднѣе (въ 1799 г.) Фабіанъ обучалъ при томъ же университетѣ «синтаксическій нѣмецкій классъ», имѣя чинъ коллежскаго секретаря, о чемъ сказано на обложкѣ изданной имъ въ 1799 г., въ Москвѣ, «Новой нѣмецкой грамматики, или руководства правильно говорить и писать по-нѣмецки, основаннаго на правилахъ лучшихъ нѣмецкаго языка учителей: Аделунга, Гейнаца и Морица». Въ томъ-же 1799 г. появились составленные Фабіаномъ «Разговоры французскіе (новые), съ россійскимъ переводомъ, раздѣленные на 99 задачъ». Не довольствуясь своимъ самостоятельнымъ трудомъ, Фабіанъ перевелъ еще въ 1804 г. «Методическое чтеніе, руководствующее къ познанію нѣмецкаго языка, съ присовокупленіемъ соотвѣтственнаго словаря и нѣкоторыхъ легкихъ разговоровъ», соч. І. Ф. Вегелина. Кромѣ перечисленныхъ самостоятельныхъ и переводныхъ учебниковъ, Фабіану принадлежитъ переводъ въ 2 частяхъ съ французскаго «Переписки Россійской Императрицы Екатерины II и господина Вольтера, продолжавшейся съ 1763 по 1778 г.». Трудъ этотъ, исполненный весьма добросовѣстно, вышелъ въ Москвѣ, въ 1803 г.

Неустроевъ: «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.», стр. 333.—Карточный каталогъ русскаго отдѣленія Императорской публичной библіотеки.—Сопиковъ: «Опытъ россійской библіографіи» (по указателю).—«Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Смирдина» (по указателю). *С. Тр.*

Фабри, *Іоаннъ*, докторъ медицины, первый русскій карантинный врачъ, род. въ Венгріи, ум. на Васильковскомъ форпостѣ 9-го сент. 1750 г. Во время войны съ турками, въ 1738 г., появилась чума, свирѣпствовавшая по всей южной границѣ Россіи, что и подало мысль къ устройству въ 1740 г. постояннаго карантиннаго дома на границѣ Малороссіи съ Подоліею и Волынью. Дѣятельность карантиннаго поста началась съ 1742 г., когда изъ за границы былъ вызванъ Фабри, получившій свой докторскій дипломъ въ Галле. Онъ былъ назначенъ завѣдывать

постомъ въ качествѣ «пограничнаго доктора», и ему въ помощь были командированы два «пограничныхъ лѣкаря», причемъ новооткрытая должность была приравнена къ должности дивизіоннаго врача.

Чистовичъ: «Ист. перв. медиц. школъ въ Россіи», стр. 614—615, и «Приложенія», стр. CCCXIV.

Фабриціанъ (Фабрицыэнъ), *Ѳедоръ Ивановичъ*, генералъ-маіоръ, род. въ 1735 г., ум. въ С.-Петербургѣ въ 1782 г.; происходя изъ дворянъ курляндской губерніи, Фабриціанъ поступилъ на службу въ 1749 г. солдатомъ; произведенъ въ прапорщики въ 1755 г. Принималъ дѣятельное участіе въ семилѣтней войнѣ (1757—1760 гг.), гдѣ былъ два раза раненъ, въ польскомъ походѣ (1767—68) и въ первой турецкой войнѣ (1769—1774). Отличался большою храбростью и отеческой заботливостью о подчиненныхъ. Изъ подвиговъ его особенно замѣчательнымъ является взятіе гор. Галаца 11 ноября 1769 года, когда онъ, въ чинѣ подполковника, командуя особымъ отрядомъ изъ егерскихъ баталіоновъ, численностью въ 1.600 чел., разбилъ на голову турецкій отрядъ въ семь тыс. человѣкъ и занялъ городъ Галацъ; за этотъ подвигъ Фабриціанъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Георгія 3-ей степени. Въ 1771 году, при осадѣ крѣпости Килія, получилъ тяжкую рану. Въ 1778 г. произведенъ въ бригадиры, въ 1779 г. въ генералъ-маіоры, состоя при пограничной дивизіи новороссійской губерніи.

Послужной списокъ, хранящійся въ Московскомъ отдѣленіи общаго архива Главнаго штаба.—«Журналъ военныхъ дѣйствій», т. I, II, III.—А. Петровъ: «Война Россіи съ Турціей и польскими конфедератами съ 1769—1774 г.», Спб. 1866 и 1874, томы 1-ый и 2-ой.—Глинка: «Военные подвиги Л. Я. Неклюдова», Москва 1825.—«С.-Петербургскія Вѣдом.», 1769, прибавл. къ № 96. — Письмо къ Фабриціану Суворова въ «Военн. журн.» 1859, № 1, стр. 64 и 65.—«Славянинъ», 1827, IV, 239. *А. Г.*

Фабръ, *Александръ Яковлевичъ*, генералъ-маіоръ корпуса инженеровъ путей сообщенія, французъ по происхожденію, родился въ варскомъ департаментѣ, въ Провансѣ, 16 ноября (нов. ст.) 1782 г. и былъ старшимъ изъ шести человѣкъ дѣтей у отца своего Якова Фабра, доктора медицины и хирургіи. Отецъ Александра Яковлевича съ ранняго возраста занялся воспитаніемъ своего сына, мечтая видѣть его инженеромъ, такъ какъ родной братъ его, Карлъ Фабръ, занималъ въ то время, какъ инженеръ, важный постъ. Послѣ обученія на родинѣ въ разныхъ школахъ, Фабръ во время революціи лишился отца и вышеупомянутый дядя его продолжалъ руководить занятіями своего племянника до 1801 г., т. е. до поступленія его въ Политехническую школу въ Парижѣ; пройдя въ этой школѣ два курса, по математикѣ и по черченію, Фабръ былъ переведенъ въ школу инженеровъ путей сообщенія и, окончивъ курсъ ея въ 1805 г. съ отличіемъ и званіемъ кандидата, былъ назначенъ въ распоряженіе генералъ-инспектора путей сообщенія. Послѣ цѣлаго ряда удачно исполненныхъ порученій и проектовъ, онъ въ 1810 г. состоялъ уже въ должности ординарнаго инженера. Послѣ свиданія императора Александра I съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ, въ 1809 г., Фабръ Высочайшимъ указомъ отъ 18 іюля 1810 года принятъ въ русскую службу, въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія, съ чиномъ подполковника и съ производствомъ ему двойного жалованья противъ того, которое онъ получалъ во Франціи. По прибытіи въ Россію, Фабръ былъ назначенъ въ только что основанный (1809 г.) Институтъ инженеровъ путей сообщенія профессоромъ прикладной математики, съ причисленіемъ въ резервъ корпуса инженеровъ путей сообщеніи и, присягнувъ 18 августа 1810 г. на вѣрность службы, уже осенью того-же года былъ прикомандированъ къ с.-петербургскому генералъ-губернатору для производства по городу водяныхъ сооруженій, съ оставленіемъ при институтѣ. Съ 1811 года Фабръ занимался въ С.-Петербургѣ постройкою мостовъ, одеждою береговъ камнемъ, очисткою каналовъ и проч. Въ 1812 г., во время военныхъ дѣйствій съ французами, онъ, въ виду политической неблагонадежности, былъ удаленъ на жительство сперва въ Ярославль, затѣмъ въ Пошехонье и наконецъ въ Иркутскъ, съ производствомъ ему одного лишь штатнаго жалованья; вслѣдствіе особаго ходатайства высшаго иркутскаго начальства, въ виду крайне бѣдственнаго матеріальнаго положенія Фабра, послѣдовалъ Высочайшій указъ о назначеніи ему вновь двойного оклада. Въ 1815 г., Фабръ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ и вступилъ въ русское подданство; въ этомъ-же году онъ былъ командированъ

въ IV округъ путей сообщенія и затѣмъ поступилъ туда на службу для составленія проектовъ по устройству таганрогскаго и маріампольскаго портовъ, а также для съемки и нивелировки рѣки Маныча. Въ 1818 году командированъ въ Москву для поднятія 4-хъ колоколовъ на колокольню Ивана Великаго, и въ этомъ-же году назначенъ на штатную должность помощника директора работъ военныхъ поселеній, съ назначеніемъ въ 1-й округъ путей сообщенія; въ 1820 г. онъ произведенъ въ генералъ-маіоры, въ 1827 г. назначенъ присутствовать въ Совѣтѣ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по военнымъ поселеніямъ, а 21 апрѣля 1831 г. переведенъ въ корпусъ инженеровъ военныхъ поселеній, но, вслѣдствіе болѣзни, приказомъ отъ 26 февраля 1833 г. уволенъ отъ службы.—Годъ смерти Фабра не извѣстенъ.

Архивъ Общихъ дѣлъ Министерства Путей Сообщенія.—Послужной списокъ.—Приказы по Военному Вѣдомству. *А. Гершельманъ.*

Фабръ, *Андрей Яковлевичъ*, тайный совѣтникъ, писатель по сельскому хозяйству, род. въ 1790 г. въ дворянской семьѣ Таврической губ., ум. 25 янв. 1863 г. въ Крыму. Получивъ основательное образованіе подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, Фабръ 25-го мая 1804 г. поступилъ на службу въ таврическую казенную экспедицію канцеляристомъ, а годъ спустя зачисленъ форстмейстеромъ. Въ августѣ 1812 г. въ разныхъ мѣстностяхъ Таврической губ. появилась чума, которая вскорѣ приняла грозные размѣры; для борьбы съ эпидеміею Фабръ былъ командированъ въ наиболѣе зачумленные пункты. Завѣдуя нѣсколькими зараженными селеніями, онъ въ то же время состоялъ смотрителемъ устроеннаго на р. Яндолѣ чумнаго лазарета, непремѣннымъ членомъ предохранительнаго комитета на керченскомъ полуостровѣ и членомъ временно учрежденнаго очистительнаго комитета. Въ 1819 г., выдержавъ при харьковскомъ университетѣ установленный для гражданскихъ чиновъ экзаменъ, онъ былъ прикомандированъ къ таврическому губернатору въ качествѣ чиновника особыхъ порученій. Распорядительность и безкорыстіе Фабра, благодаря которымъ были открыты многочисленныя злоупотребленія со стороны нѣкоторыхъ богатыхъ крымскихъ мурзъ, обратили на него вниманіе генералъ-адъютанта князя Воронцова, и по его докладу послѣдовало, въ октябрѣ 1825 г., Высочайшее повелѣніе о назначеніи Фабра таврическимъ губернскимъ прокуроромъ, а 20 февраля 1833 г. правителемъ канцеляріи Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора. Произведенный, въ іюнѣ 1837 г., въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Фабръ 22 апрѣля 1841 г. былъ зачисленъ членомъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ съ оставленіемъ въ прежней должности. Назначенный 24 января 1847 г. гражданскимъ губернаторомъ Екатеринославской губерніи и произведенный 29 ноября слѣдующаго года въ тайные совѣтники, онъ управлялъ ввѣренною ему губерніею до 15 ноября 1857 г., когда былъ уволенъ, по прошенію, въ отставку. Послѣдніе годы своей жизни Фабръ состоялъ членомъ таврическаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія по назначенію отъ правительства. Авторская дѣятельность его довольно обширна, и хотя не внесла ничего новаго въ литературу сельскаго хозяйства, тѣмъ не менѣе оказала много пользы. Фабръ писалъ почти исключительно по сельскому хозяйству и скотоводству; особенно хорошо описано имъ сельско-хозяйственное положеніе Таврической губерніи того времени. Фабръ состоялъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ и между прочимъ членомъ-основателемъ Одесскаго общества исторіи Россіи и древностей. Изъ историческихъ трудовъ его наиболѣе замѣчательны: «Достопамятнѣйшія древности Крыма и соединенныя съ ними воспоминанія» (Одесса, 1859), и «Древній бытъ Эйоны, нынѣшняго полуострова Тамани» (тамъ же, 1861).

«Таврич. Губ. Вѣд.» № 10 за 1863 г.—«Одесск. Вѣстн.» 1863, № 17.—«Русск. Арх.» 1865, кн. 1-ая, стр. 1378.—«Бирж. Вѣд.» 1868, № 221.—«Голосъ» 1863 г., № 229.—«Зап. Одесск. общ. ист. и древн.» Т. VI, 1870 г., стр. 485—487 (ст. Мурзакевича, въ которой перечислены сочиненія Фабра).

Фавстъ, преподобный, см. Спиридонъ, пустынникъ вологодскій.

Фадѣева, *Елена Павловна*, рожденная княжна Долгорукая, дочь Екатерининскаго генерала князя П. Г. Долгорукаго, супруга тайнаго совѣтника А. М. Фадѣева, мать извѣстнаго публициста Р. А. Фа-

дѣева и талантливой беллетристки Е. А. Ганъ, писавшей подъ псевдонимомъ Зинаиды Р-вой, род. 11 октября 1789 г. въ имѣніи Низкахъ, Могилевской губ., ум. 12 августа 1860 г. въ Тифлисѣ. Дѣтство провела въ с. Ржищевѣ, Кіевской губ., подъ заботливымъ призоромъ своей бабушки по матери, де-Бандре, которая дала единственной, любимой внучкѣ сначала наилучшее воспитаніе, а затѣмъ серьезное образованіе. Постоянно пополняя его, даже и по выходѣ замужъ (9 февраля 1813 г.), Фадѣева особенно полюбила естественныя науки, преимущественно ботанику, которою занималась въ часы, свободные отъ занятій съ дѣтьми и отъ домашняго хозяйства. Она составила огромную коллекцію (50 томовъ въ листъ) рисунковъ съ натуры растеній флоры саратовской, кавказской и всѣхъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ ей приходилось жить; всѣ эти растенія Фадѣева сама опредѣляла при помощи библіотеки лучшихъ ботаническихъ сочиненій. Академикъ Бэръ просилъ довѣрить ему эту замѣчательную коллекцію съ цѣлью снятія копій для Императорской академіи наукъ, но составительница не согласилась. Часть своей орнитологической, минералогической и палеонтологической коллекціи Фадѣева при жизни подарила Кавказскому обществу сельскаго хозяйства. Кромѣ естественныхъ наукъ, Фадѣева занималась также исторіей, археологіей, нумизматикой (составила значительную коллекцію монетъ и медалей) и языками, изъ коихъ превосходно знала французскій, нѣмецкій, итальянскій, польскій и латинскій. Она вела переписку съ президентомъ Лондонскаго географическаго общества Мурчисономъ, французскимъ академикомъ Вернелемъ, путешественникомъ Гомеръ-де-Гелемъ, назвавшимъ въ честь Фадѣевой одну изъ ископаемыхъ раковинъ (Venus Fadiefei), геологомъ Абихомъ, академиками Бэромъ и Стевеномъ, которому неоднократно сообщала рѣдкіе виды кавказскихъ растеній, и др. Обширныя познанія соединялись въ Фадѣевой съ необыкновенною скромностью. Воспитывая съ нѣжною заботливостью своихъ дѣтей, она замѣняла имъ большую часть учителей. Въ Саратовѣ Фадѣева оставила по себѣ память учрежденіемъ дѣтскаго пріюта.

«Русскій Архивъ» 1891 г. («Воспоминанія А. М. Фадѣева»), I, 301—329, 385—424, 465—494; II, 30—60; III, 119, 120, 244, 245, 251, 252, 447, 477, 485, 500—502, 522.—«Кавказъ» 1860 г., № 72.—Князь Голицынъ: «Библіографическій словарь русскихъ писательницъ», стр. 256.—«Собраніе сочиненій Р. А. Фадѣева, т. I, стр. 2 и слѣд.

С. Тр-въ.

Фадѣевъ, *Андрей Михайловичъ*, тайный совѣтникъ, род. 31 декабря 1789 г. въ Ямбургѣ, С.-Петербургской губ., ум. 28 августа 1867 г. въ Тифлисѣ. Происходилъ изъ старинной дворянской семьи и 12-ти лѣтъ, въ 1802 г., зачисленъ былъ въ гражданскую службу при своемъ отцѣ, директорѣ экономіи на Огинскомъ каналѣ. Числясь сначала смотрительскимъ помощникомъ, а потомъ бухгалтеромъ, письмоводителемъ и чиновникомъ мастерской бригады 17-го округа путей сообщенія, Фадѣевъ служебной работы имѣлъ мало и занимался, главнымъ образомъ, чтеніемъ и письмоводствомъ подъ диктовку отца. Женившись въ 1813 г. и выйдя затѣмъ въ отставку, Фадѣевъ вновь поступилъ на службу въ 1814 г. ассессоромъ въ Нижегородское губернское правленіе, а въ слѣдующемъ переведенъ въ Екатеринославъ членомъ новороссійской конторы иностранныхъ поселенцевъ. Съ преобразованіемъ въ 1818 г. управленія новороссійскими и бессарабскими колоніями и съ учрежденіемъ для главнаго управленія переселенцами попечительнаго комитета, а для мѣстной администраціи трехъ конторъ, Фадѣевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ екатеринославской конторы иностранныхъ поселенцевъ. Въ теченіе 16-ти лѣтъ онъ по нѣскольку разъ ежегодно объѣзжалъ колоніи и не мало содѣйствовалъ ихъ хозяйственному развитію. Съ упраздненіемъ, по мысли графа Закревскаго, конторъ, Фадѣевъ въ 1834 г. получилъ мѣсто члена попечительнаго комитета, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ Инзова, и переѣхалъ изъ Екатеринослава въ Одессу. Здѣсь Фадѣеву пришлось прожить недолго: въ концѣ 1835 г. послѣдовалъ переводъ его на вновь учрежденную должность главнаго попечителя надъ калмыцкимъ народомъ въ Астрахани. Вскорѣ Фадѣеву было поручено внимательно обозрѣть калмыцкіе улусы и саратовскія нѣмецкія колоніи, а также поселенія и государственныя имущества Астраханской губ. и Кавказской области. Послѣдствіемъ этой ревизіи было пожало-

ваніе Фадѣеву 1,500 дес. земли въ Ставропольской губ. и назначеніе его въ 1839 г. управляющимъ саратовскою палатою государственныхъ имуществъ. До отчужденія заволжскихъ уѣздовъ Саратовская губ. была одною изъ обильнѣйшихъ въ Россіи казенными землями, съ многочисленнымъ населеніемъ государственныхъ поселянъ и колонистовъ. Фадѣевъ не успѣлъ привести въ исполненіе всѣхъ задуманныхъ улучшеній, такъ какъ въ апрѣлѣ 1841 г., по рекомендаціи графа П. Д. Киселева, былъ назначенъ, какъ честный, энергичный и способный человѣкъ, саратовскимъ гражданскимъ губернаторомъ съ производствомъ въ статскіе совѣтники. Поставивъ себѣ задачею изучить всѣ мѣстности ввѣренной ему губерніи и узнать по возможности людей всѣхъ сословій, замѣчательныхъ въ томъ или другомъ отношеніи, Фадѣевъ не мало времени потратилъ на разъѣзды по саратовскимъ городамъ, селамъ, деревнямъ. Прослуживъ губернаторомъ пять лѣтъ безъ трехъ мѣсяцевъ, Фадѣевъ пріобрѣлъ искреннюю любовь всего населенія, всѣхъ сословій. Это ярко сказалось при оставленіи имъ губернаторской должности въ январѣ 1846 г. вслѣдствіе неосновательныхъ придирокъ и обвиненій тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Л. А. Перовскаго. Тяготиться бездѣйствіемъ Фадѣеву пришлось недолго: черезъ два мѣсяца послѣ отставки онъ получилъ приглашеніе князя М. С. Воронцова занять должность члена совѣта главнаго управленія Закавказскаго края и, вмѣстѣ съ тѣмъ, управляющаго мѣстными государственными имуществами. Графъ П. Д. Киселевъ писалъ по этому поводу Фадѣеву, что князь Воронцовъ «лучшаго выбора не могъ сдѣлать». Оставаясь на службѣ въ Закавказскомъ краѣ до конца дней своихъ, получивъ въ 1858 г. чинъ тайнаго совѣтника, а за особыя заслуги при введеніи въ дѣйствіе въ Тифлисской губ. крестьянской реформы орденъ Бѣлаго Орла (1864) и золотую, бриліантами украшенную, табакерку (1866), Фадѣевъ и здѣсь оставилъ по себѣ свѣтлую память безкорыстнаго, даровитаго администратора. Особенно усердно онъ занимался улучшеніемъ быта нѣмецкихъ колоній и селеній русскихъ сектантовъ и высоко поднялъ ихъ благосостояніе, показавъ, къ чему можетъ повести въ Закавказьи колонизація русскими, если надъ нею будетъ поставлено разумное попечительство.

Главнѣйшимъ и почти единственнымъ источникомъ для біографіи А. М. Фадѣева являются его интересныя «Воспоминанія»; въ нихъ, помимо подробной автобіографіи, заключается много мѣткихъ характеристикъ тѣхъ государственныхъ дѣятелей прошлаго, съ которыми Фадѣеву приходилось служить и сталкиваться. «Воспоминанія», напечатанныя въ «Русскомъ Архивѣ» за 1891 годъ (тетради: 2, 3, 4, 5, 9, 10, 11 и 12), сообщены въ редакцію Н. А. Фадѣевою, дочерью покойнаго, которая снабдила ихъ предисловіемъ, цѣнными примѣчаніями и послѣсловіемъ, такъ какъ Фадѣевъ не успѣлъ окончить своего дневника. *С. Тр-въ.*

Фадѣевъ, *Ростиславъ Андреевичъ*, извѣстный военный писатель и публицистъ, род. 28-го марта 1824 г. въ Екатеринославѣ, ум. 29-го декабря 1883 г., въ Одессѣ. Выдающіяся способности его сказались въ раннемъ дѣтствѣ: на колѣняхъ родителей ему нравились историческіе разсказы, жизнь великихъ людей, военныя событія. 10—11 лѣтъ Фадѣевъ зналъ наизусть почти весь «Освобожденный Іерусалимъ» Тасса, многія стихотворенія Державина, десятки страницъ изъ Корнеля, Расина, Карамзина. Послѣ подготовки въ двухъ пансіонахъ въ Екатеринославѣ и въ Одессѣ и домашнихъ уроковъ нѣсколькихъ учителей въ Астрахани, Фадѣевъ въ 1837 г. былъ отправленъ въ Петербургъ для опредѣленія въ артиллерійское училище, въ которое черезъ годъ успѣшно выдержалъ вступительный экзаменъ. Къ сожалѣнію, курса въ этомъ учебномъ заведеніи Фадѣеву не удалось кончить; за грубость дежурному офицеру онъ былъ посаженъ подъ арестъ въ артиллерійскій модельный кабинетъ, гдѣ зарядилъ одно изъ орудій и выпалилъ; за такой проступокъ виновному предстояло быть разжалованнымъ въ солдаты и только заступничество начальника артиллерійскаго штаба, князя Н. А. Долгорукова, родственника Фадѣева по матери, смягчило наказаніе высылкою (въ 1839 г.) юнкеромъ въ батарею, находившуюся въ Тирасполѣ. Пробывъ здѣсь годъ, Фадѣевъ былъ переведенъ въ одну изъ конно-артиллерійскихъ батарей въ Саратовъ, а въ 1842 г. ѣздилъ въ Петербургъ держать офицерскій экзаменъ. Возвратившись въ Саратовъ прапорщикомъ конной артиллеріи, Фадѣевъ не засталъ своей батареи и, по желанію отца, вышелъ въ отставку, въ которой пробылъ 8 лѣтъ. Это время онъ посвятилъ

самообразованію: прочиталъ множество книгъ, составилъ по разнымъ отраслямъ наукъ замѣчательные конспекты и настолько обогатилъ себя разносторонними познаніями, что впослѣдствіи бесѣдовавшіе съ нимъ первоклассные ученые изумлялись глубинѣ и обширности его свѣдѣній. Впрочемъ, одни книжныя занятія не могли удовлетворить молодаго, впечатлительнаго человѣка: умъ его кипѣлъ жизнью, воображеніе работало неутомимо и требовало живой дѣятельности. Въ 1844 году Фадѣевъ отправился на Кавказъ, пробылъ тамъ болѣе года, участвовалъ въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ, какъ волонтеръ, былъ два раза раненъ въ руку и голову, затѣмъ объѣхалъ весь край, изучилъ его и побывалъ въ Тифлисѣ. Возвратившись въ Саратовъ въ 1846 г., Фадѣевъ намѣревался, съѣздивъ въ Петербургъ, отправиться на Кавказъ къ родителямъ, но судьба измѣнила его планы. Взявшись хлопотать въ столицѣ объ освобожденіи сосланнаго въ Саратовъ графа М. Потоцкаго за семейныя исторіи съ его женой, Фадѣевъ «за непозволительную болтовню» былъ отправленъ съ жандармомъ въ Екатеринославъ, гдѣ принужденъ былъ прожить до половины 1849 г. и откуда былъ освобожденъ только по ходатайству намѣстника кавказскаго, князя М. С. Воронцова. Эта въ сущности пустая исторія имѣла вредныя послѣдствія для служебной карьеры Фадѣева: многіе думали, что онъ былъ сосланъ за политическое дѣло. Пріѣхавъ въ Тифлисъ, Фадѣевъ прежде всего усердно принялся за изученіе татарскаго языка, а въ концѣ 1850 г. вновь поступилъ на службу въ артиллерію и былъ назначенъ въ горную батарею, квартировавшую на самой границѣ южнаго Дагестана. Участвуя во многихъ экспедиціяхъ, стычкахъ и сраженіяхъ съ горцами, а въ 1853—1855 гг. въ войнѣ съ турками, Фадѣевъ неоднократно выказывалъ замѣчательную неустрашимость и хладнокровную распорядительность. Такъ, напр., во время войны съ турками Фадѣевъ особенно отличался въ бояхъ при Башкадыкларѣ и Кюрукдаре и за эти дѣла получилъ чинъ, золотую саблю съ надписью «за храбрость» и орденъ св. Владиміра 4-ой ст. съ бантомъ (описаніе сраженія подъ Башкадыкларомъ—первая печатная статья Фадѣева, появившаяся въ «Сѣверной Пчелѣ», и въ «Journal de St-Pétersbourg»). За переправу черезъ Койсу, благодаря которой была рѣшена участь скораго покоренія Кавказа, Фадѣевъ переведенъ лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ тѣмъ же чиномъ капитана, что̀ имѣлъ, а за дѣло съ горцами 25-го августа 1859 г., когда первый вступилъ на Гунибское плато, вмѣстѣ со штурмовою колонною,—награжденъ орденомъ св. Станислава 2 степ. съ мечами. Цѣня способности Фадѣева, намѣстникъ кавказскій и главнокомандующій кавказскою арміею князь А. И. Барятинскій назначилъ его состоять при себѣ по особымъ порученіямъ и неоднократно довѣрялъ ему составленіе различныхъ проектовъ. Въ январѣ 1860 г. Фадѣевъ былъ произведенъ въ полковники и въ томъ же году, по порученію фельдмаршала, написалъ свой первый большой трудъ «Шестьдесятъ лѣтъ кавказской войны», изданный штабомъ кавказской арміи и переведенный въ 1861 г. на нѣмецкій языкъ. Въ этомъ трудѣ, написанномъ, какъ и все вышедшее изъ подъ пера Фадѣева, превосходнымъ, яснымъ и сжатымъ языкомъ, авторъ выказалъ себя знатокомъ Кавказа, какъ въ географическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ, знатокомъ характера и обычаевъ разноплеменнаго его населенія, а также талантливымъ изслѣдователемъ происходившихъ въ теченіе 60-ти лѣтъ военныхъ дѣйствій и административныхъ распоряженій. Отказываясь отъ командованія полкомъ, который нѣсколько разъ предлагалъ князь Барятинскій, особенно благоволившій къ Фадѣеву, послѣдній продолжалъ состоять при штабѣ кавказской арміи и въ 1861 г., между прочимъ, сопровождалъ Императора Александра II во время его путешествія по Закавказскому краю. Государь остался доволенъ Фадѣевымъ и при отъѣздѣ собственноручно надѣлъ ему орденъ св. Владиміра 3 степ., въ воздаяніе отличныхъ дѣйствій противъ горцевъ. Принимая участіе въ усмиреніи возстанія въ Чечнѣ и въ экспедиціи 1864 г. на правомъ флангѣ, завершившей покореніе Кавказа, Фадѣевъ въ іюнѣ того же года произведенъ въ генералъ-маіоры. Этимъ закончилась его кавказская боевая жизнь. Правдивое описаніе счастливо закончившейся борьбы съ горцами Фадѣевъ сдѣлалъ въ родѣ «Писемъ съ Кавказа», печатавшихся въ 1864 и въ 1865 гг. въ

«Моск. Вѣд.», а затѣмъ вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ. Если въ кавказскихъ письмахъ Фадѣевъ показалъ себя искуснымъ администраторомъ и тонкимъ знатокомъ стратегическихъ положеній, то въ «Запискахъ о кавказскихъ дѣлахъ», составляющихъ вторую часть перваго тома собранія его сочиненій, онъ далъ драгоцѣнный матеріалъ для топографическаго знакомства съ театрами военныхъ дѣйствій на азіятско-турецкой границѣ и высказалъ много полезныхъ совѣтовъ, которые, къ сожалѣнію, не были исполнены. Предпринявъ въ 1865 г. заграничное путешествіе, которое доставило Фадѣеву тѣмъ бо́льшее удовольствіе, что онъ въ совершенствѣ владѣлъ французскимъ языкомъ, авторъ «Писемъ съ Кавказа», по возвращеніи въ Тифлисъ, занялся составленіемъ различныхъ проектовъ, изъ которыхъ особенно любопытенъ проектъ завоеванія Мерва, осуществившійся значительно позднѣе, а въ свое время затерявшійся въ петербургскихъ канцеляріяхъ. 1866 годъ имѣлъ въ жизни Фадѣева весьма важное значеніе: этимъ годомъ завершилась его военная карьера, сдѣланная такъ быстро и сулившая столь блестящую будущность; въ этомъ году Фадѣевъ получилъ отъ военнаго министра Д. А. Милютина письмо съ предложеніемъ состоять при военномъ министерствѣ—и отвѣтилъ на него отказомъ; зимою того же года Фадѣевъ началъ писать «Вооруженныя силы Россіи», которыя съ февраля 1867 г. (кн. 2—7) стали печататься въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ 1868 г. изданы отдѣльнымъ изданіемъ, переведены на многіе европейскіе языки и за границею встрѣтили вообще болѣе справедливую оцѣнку, чѣмъ въ Россіи. Это сочиненіе, направленное, главнымъ образомъ, противъ системы округовъ, возбудило оживленную полемику и до того обострило отношенія съ военнымъ министерствомъ, что авторъ принужденъ былъ выйти въ отставку. Оцѣнивая военное устройство съ точки зрѣнія боевой готовности арміи, осуждая полное сосредоточеніе въ министерствѣ не только хозяйственной, но и строевой части, врагъ въ военномъ дѣлѣ бумажнаго дѣлопроизводства, Фадѣевъ встрѣтилъ сочувствіе во многихъ военныхъ авторитетахъ, извѣстныхъ боевыхъ генералахъ, каковы: князь А. И. Барятинскій, графъ Н. И. Евдокимовъ, А. П. Ермоловъ, Д. И. Скобелевъ, А. Н. Лидерсъ, П. Е. Коцебу, А. Е. Врангель. Всѣ эти лица раздѣляли мнѣніе Фадѣева, что окружная система, жертвуя боевыми цѣлями административнымъ улучшеніямъ, ослабила командное и отвѣтственное начало, ради возвышенія коллегіально-нестроеваго элемента. Продолжая развивать и дополнять свои взгляды на совершавшіяся въ русской арміи преобразованія, Фадѣевъ въ 1873 г. собралъ свои статьи и брошюры въ одну книгу, подъ заглавіемъ: «Нашъ военный вопросъ», въ которой по прежнему заявлялъ о необходимости «органическаго устройства русской арміи, основаннаго на точномъ разсчетѣ средствъ и цѣлей, на вѣрной оцѣнкѣ естественныхъ источниковъ русской силы, подъ начальствомъ настоящихъ боевыхъ людей, вмѣсто устройства механическаго, подражательнаго и произвольнаго, руководимаго бюрократіей». Въ концѣ книги была помѣщена политическая брошюра: «Мнѣніе о восточномъ вопросѣ», напечатанная въ 1869 г. въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (№№ 310, 313, 315 и 323) и переведенная на англійскій и чешскій языки. Брошюра эта стяжала Фадѣеву широкую извѣстность въ славянскомъ мірѣ: славянскіе газеты и журналы стали печатать статьи о немъ и его біографіи, а нѣсколько славянскихъ городовъ прислали дипломы на почетное гражданство. «Мнѣніе о восточномъ вопросѣ» и прибавленіе къ нему—это программа рѣшенія всеславянскаго дѣла: находя, что восточный вопросъ неразрѣшимъ на Балканахъ, польскій не распутывается въ Варшавѣ, вопросъ о Черномъ морѣ не кончается на Босфорѣ и что всѣ эти затрудненія стянуты общимъ узломъ, лежащимъ на среднемъ Дунаѣ или, согласно позднѣйшей поправкѣ Фадѣева, въ Берлинѣ,—даровитый публицистъ говорилъ, что славянамъ предстоитъ неизбѣжное опѣмеченіе, если они не объединятся подъ главенствомъ и при помощи Россіи. Какъ и всѣ безпристрастные наблюдатели происходящаго въ средней Европѣ племеннаго броженія, Фадѣевъ утверждалъ, что никакое мирное развитіе въ этой странѣ свѣта невозможно, пока бытъ всѣхъ славянъ не будетъ обезпеченъ отъ нѣмецкихъ посягательствъ, не будетъ устроенъ въ смыслѣ русскихъ желаній. При окончательномъ рѣшеніи славянскаго вопроса Фадѣевъ придавалъ значеніе вы-

работанности общественнаго мнѣнія и не безъ основанія полагалъ, что отъ степени нашего нравственнаго развитія и экономическаго благосостоянія будетъ зависѣть ясное пониманіе историческаго значенія для Россіи славянскаго объединенія. Исходя изъ такого мнѣнія, Фадѣевъ въ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Мірѣ» (1872 г.) подъ общимъ заглавіемъ: «Чѣмъ намъ быть?» и вышедшихъ въ 1874 г. отдѣльнымъ изданіемъ подъ названіемъ: «Русское общество въ настоящемъ и будущемъ»,—высказалъ свои мысли о необходимости организовать общественное мнѣніе, при помощи созданія связнаго культурнаго сословія. Являясь высшимъ правящимъ классомъ въ Россіи, это сословіе не должно быть замкнутымъ для прилива въ него лучшихъ силъ изъ нижнихъ слоевъ населенія. Признавая необходимымъ постепенное ограниченіе, если не искорененіе, бюрократизма въ Россіи, Фадѣевъ предлагалъ съ этою цѣлью передать внутреннее управленіе въ руки земства. Дѣятелями его могли бы явиться всѣ слои населенія, принадлежащіе къ культурному сословію, ядромъ котораго было бы земельное дворянство. Чтобы предоставить цензовому дворянству реальное вліяніе на жизнь, Фадѣевъ полагалъ расширить его роль въ мѣстномъ управленіи, сдѣлавъ земство учрежденіемъ государственнымъ. Тогда земскіе дѣятели стали бы вырабатывать изъ своей среды людей, способныхъ и къ общему руководительству по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Русское дворянство, составляющее союзъ образованныхъ русскихъ родовъ, какого бы происхожденія они ни были, тѣсно сплоченное съ верховною властью, надолго обезпечило бы правильное развитіе Россіи—обезпечило бы до тѣхъ поръ, пока не воспитало бы народъ до всесословности не на словахъ, а на дѣлѣ. Фадѣевъ считалъ также необходимымъ опредѣлить особыя обязательныя отношенія дворянства къ всесословной воинской повинности и службѣ въ арміи. Для упорядоче нія крестьянскаго самоуправленія онъ совѣтовалъ поставить, по избранію дворянства, надъ волостями особыхъ попечителей. Съ цѣлью поднятія уровня народнаго образованія и сосредоточенія нашихъ образовательныхъ средствъ, Фадѣевъ указывалъ на необходимость для современной Россіи трехъ ступеней общественнаго воспитанія: грамотности для народа, технически-промышленнаго обученія для молодыхъ людей, переростающихъ чернорабочій слой вслѣдствіе зажиточности своихъ родителей, и науки, въ полномъ значеніи этого слова, для культурнаго класса.—Еще въ 1870 г. Фадѣевъ получилъ предложеніе отъ египетскаго правительства заняться устройствомъ египетской арміи и рѣшился принять это предложеніе только тогда, когда увидѣлъ, что для его военной дѣятельности нѣтъ мѣста въ Россіи. Фадѣевъ предполагалъ мало-по-малу подготовить хедива къ войнѣ съ Турціею, одновременно съ возстаніемъ славянъ. Въ январѣ 1875 г. Фадѣевъ отправился въ Египетъ, гдѣ встрѣтилъ самый радушный пріемъ. Хедивъ просилъ его принять на себя командованіе египетскою арміею, съ условіемъ—надѣть египетскій мундиръ, на что Фадѣевъ не согласился и поэтому не могъ быть назначенъ главнокомандующимъ, хотя дѣлами и занимался. Съ наступленіемъ 1876 г., лишь только выяснилась возможность враждебныхъ столкновеній Египта съ Абиссиніей, хедивъ сталъ настойчиво предлагать Фадѣеву командованіе войсками; но онъ рѣшительно объявилъ, что воевать съ христіанами не будетъ, и тотчасъ сталъ готовиться къ отъѣзду. Передъ отъѣздомъ хедивъ подарилъ Фадѣеву свой портретъ съ надписью и 4,000 червонцевъ. Во время русско-турецкой войны Фадѣеву не удалось поступить въ дѣйствующія русскія войска; не удалось ему также осуществить свои планы въ Сербіи, гдѣ до объявленія войны онъ пробылъ два мѣсяца и немало помогъ князю Милану своими указаніями, за что и получилъ орденъ Такова 1-й степ. Несмотря на полученное Фадѣевымъ согласіе императора Александра II оставаться во время войны въ Сербіи, князь Горчаковъ, изъ боязни дипломатическихъ осложненій, настоялъ на его отозваніи. Тогда Фадѣевъ отправился въ Черногорію, гдѣ оставался до конца военныхъ дѣйствій, совершилъ всѣ походы, участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ и штурмахъ при взятіи Антивари, Вольницы и другихъ фортовъ и крѣпостей. Князь Николай Черногорскій по товарищески дѣлилъ съ нимъ походную жизнь

и, по окончаніи войны, пожаловалъ ему орденъ Даніила 1-й степени и участокъ земли около Антивари. Лѣтомъ 1878 и 1879 годовъ Фадѣевъ ѣздилъ изъ Одессы въ Ялту для представленія императору Александру II: въ первый разъ—двухъ проектовъ (о желѣзныхъ дорогахъ въ Сербіи, причемъ доказывалъ необходимость передать ихъ въ русскія руки, и о пароходствѣ по Дунаю), а во второй—своихъ записокъ о современномъ состояніи Россіи. Эти записки были напечатаны, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ 1881 г. въ Лейпцигѣ, подъ заглавіемъ: «Письма о современномъ состояніи Россіи». Высказанные въ этихъ «Письмахъ» взгляды раздѣлялись многими и, между прочимъ, графомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ, который устроилъ причисленіе Фадѣева къ главному штабу и откомандированіе въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Осенью 1882 г. Фадѣевъ получилъ извѣщеніе главнаго штаба, что къ іюню 1884 г. будетъ зачисленъ въ запасъ. Несомнѣнно, что нравственное потрясеніе, вызванное такимъ извѣстіемъ, усилило давній физическій недугъ, который свелъ талантливаго писателя въ преждевременную могилу-послѣ четырехмѣсячныхъ страданій. Похороны Фадѣева происходили въ первый день Новаго 1884 года на Одесскомъ кладбищѣ.

«Воспоминанія о Р. Фадѣевѣ» Н. А. Ф-й въ первомъ томѣ «Собранія Сочиненій Р. А. Фадѣева»; здѣсь же обзоръ литературной дѣятельности Фадѣева.—Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. III, стр. 92—93.—«Моск. Вѣд.» 1883 г., № 362.—«Русь» № 1 за 1884 г.—«Моск. Вѣд.» №№ 3 и 5.—«Нива» № 6; и «Совр. Изв.» № 7.—«Русск. Вѣд.» №№ 7 и 8.—«Моск. Лист.» № 27.—«Истор. Вѣстн.», кн. 2, стр. 371—379 и 455—456.—«Изв. Спб. слав. благотвор. общ.», кн. 3.—«Русская Мысль» 1889 г., № 1 («Внутреннее обозрѣніе»).—«Русскій Вѣстникъ» 1891 г., кн. 9, 10, 11 (статья С. Т-ва «Р. А. Фадѣевъ и его сочиненія»); тоже, 1892 г., кн. 4 и 5 («Р. А. Фадѣевъ, какъ военный дѣятель и писатель»). *С. Трубачевъ.*

Фалецкій, *Аркадій Николаевичъ*, полковникъ, ум. 16 февраля 1889 г. Уроженецъ Сибири, воспитывался въ петербургскомъ Первомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда въ 1851 г. былъ выпущенъ прапорщикомъ въ 1-ю полевую артиллерійскую бригаду. Въ 1860 г. поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, по выходѣ изъ которой, въ 1862 г., принималъ участіе въ усмиреніи польскаго мятежа, состоя при 3-й пѣхотной дивизіи; затѣмъ служилъ въ военно-учебномъ отдѣленіи главнаго штаба, былъ помощникомъ начальника архива и въ 1876 г., въ чинѣ полковника, вышелъ въ отставку. Имя Фалецкаго не безъизвѣстно въ военной литературѣ; кромѣ статьи «О судахъ чести въ Пруссіи и возможно ли что-нибудь подобное у насъ?» («Отечественныя Записки», 1863 г., № 3, и «Сборникъ сочиненій офицеровъ Николаевской академіи генеральнаго штаба», 1863 г., № 2), ему принадлежитъ рядъ статей по вопросамъ тактики, стратегіи и артиллеріи, напечатанныхъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», «Военномъ Сборникѣ» и «Артиллерійскомъ Журналѣ»; но особенно извѣстны, напечатанные въ тѣхъ же журналахъ, его переводы капитальнѣйшихъ сочиненій нѣмецкихъ военныхъ писателей Шерфа, Гоффбауера и Тюргейма, вышедшіе впослѣдствіи и отдѣльно.

«Новое Время», 1889 г., № 4718.—«Новости», 1889 г., № 105.—«Русскій Инвалидъ», 1889 г., № 83.

Фалконій, *Иванъ Ивановичъ*, генералъ-маіоръ корпуса инженеровъ путей сообщенія, уроженецъ голландскаго города Бреды (Breda), род. въ 1757 г., ум. 20 апрѣля 1840 г. По Высочайшему указу 1783 г. принятъ изъ инженеръ-поручиковъ голландской службы, въ которой состоялъ съ 1778 г., въ русскую службу инженеръ-капитаномъ въ полевой инженерный корпусъ и въ 1784 г. командированъ изъ С.-Петербурга въ Ригу, а во время турецкаго похода (1787) въ Херсонъ къ екатеринославской арміи. Въ 1788 г., откомандированный въ Збуравскій ретраншементъ и въ Севастополь для укрѣпленія оныхъ, принималъ въ томъ же году дѣятельное участіе въ осадѣ города Очакова, но, по болѣзни, вскорѣ былъ вынужденъ удалиться въ Херсонъ. По выздоровленіи, Фалконій въ 1790 г. снова былъ прикомандированъ къ арміи и участвовалъ при атакѣ и взятіи городовъ Бендеръ, Килія и Измаила, за что былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ; въ этомъ же году, 11 ноября, произведенъ въ маіоры. Въ 1793 г. находился въ Польшѣ, вмѣстѣ съ войсками доходилъ до прусской границы и, по соединеніи нашей арміи съ прусскими войсками, участвовалъ въ осадѣ Варшавы, возводя батареи и укрѣпленія, въ переправѣ черезъ Вислу у деревни Маціовицъ и, на-

конецъ, въ штурмѣ Праги; за мужество и распорядительность, выказанныя имъ въ этихъ дѣлахъ, Фалконій былъ произведенъ въ подполковники и получилъ отъ прусскаго короля орденъ Pour le mérite. Съ 1799 по 1803 г. руководилъ работами по сооруженію Огинскаго канала (между рѣками Шарою, прит. Нѣмана, и Яцольдою, прит. Припети), за что пожалованъ бриліантовымъ перстнемъ. Въ 1804 г. произведенъ въ генералъ-маіоры и по указу департамента водяныхъ коммуникацій назначенъ старшимъ членомъ въ коммисію улучшенія русла рѣки Нѣмана и работалъ въ этой коммисіи совмѣстно съ прусскими чиновниками до ея упраздненія въ 1807 г., а затѣмъ, до 1810 г., завѣдывалъ Огинскимъ каналомъ «по ученой (т. е. технической) части»; 23 мая 1810 г. былъ переведенъ изъ сухопутнаго инженернаго корпуса въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія и назначенъ начальникомъ VI-го инженернаго округа (Варшава). Въ 1812 г. былъ, какъ сказано въ формулярѣ, «въ ретирадѣ отъ непріятеля» и управлялъ въ Кіевѣ V-мъ округомъ, а въ 1813 г., возвратившись въ Польшу, снова вступилъ въ управленіе VI округомъ, за сохраненіе же, при нашествіи непріятеля въ 1812 г., архивовъ и денежной казны въ 25,000 слишкомъ рублей, Всемилостивѣйше пожалованъ 4 мая 1816 г. орденомъ св. Владиміра 3 ст. 9 февраля 1823 г. получилъ въ награду на 12 лѣтъ, безъ платы кварты, имѣніе Ключь Иржилуцкій, гродненской губерніи. Уволенный въ 1830 г. по болѣзни отъ управленія VI округомъ путей сообщенія, Фалконій въ 1833 г. вышелъ въ отставку.

Послужной списокъ въ архивѣ Общихъ дѣлъ министерства путей сообщенія, и хранящееся тамъ же дѣло за № 454, 1844 года.

А. Гершельманъ.

Фалькенгагенъ, *Адольфъ Даниловичъ*, отставной инженеръ генералъ-маіоръ, изъ дворянъ Волынской губерніи, вѣроисповѣданія римско-католическаго, род. въ 1821 г., ум. 15 декабря 1880 г. Воспитаніе получилъ въ Главномъ, нынѣ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ, куда поступилъ, 15 лѣтъ, 20 сентября 1836 г. въ кондукторскую роту. Произведенный въ 1841 г. въ прапорщики полевыхъ инженеровъ, но оставленный, для продолженія курса наукъ, въ нижнемъ офицерскомъ классѣ (нынѣ Николаевская инженерная академія), Фалькенгагенъ уже въ 1842 г. былъ выпущенъ, до окончанія полнаго курса, въ дѣйствительную службу и назначенъ въ Варшавскую инженерную команду, а въ слѣдующемъ году—въ Брестъ-Литовскую, гдѣ и прослужилъ до назначенія, въ 1848 г., въ управленіе III отдѣленіемъ черноморской береговой линіи. Въ 1850 произведенъ въ поручики, а два года спустя переведенъ на Кавказъ въ Грузинскій инженерный корпусъ съ зачисленіемъ въ Тифлисскую инженерную команду. Съ переводомъ на Кавказъ начинается для Фалькенгагена боевая служба: онъ былъ прикомандированъ въ распоряженіе командующаго войсками въ прикаспійскомъ краѣ и, состоя все время при дагестанскомъ отрядѣ, участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ противъ горцевъ до 25 августа 1859 г., т. е. до взятія штурмомъ Гуниба и плѣненія Шамиля. За выказанную во время военныхъ дѣйствій храбрость и распорядительность Фалькенгагенъ въ 1856 г. награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст., въ 1856 произведенъ въ штабсъ-капитаны и въ 1857 г. пожалованъ золотою саблею съ надписью «за храбрость». Въ 1858 г. онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность инспектора работъ военнаго инженернаго управленія кавказской арміи, въ 1859 г. за отличіе по службѣ произведенъ въ капитаны и назначенъ строителемъ Петровскаго порта, продолжая состоять въ дагестанскомъ отрядѣ и принимая участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ этого года. Въ 1861 г. произведенъ въ подполковники, въ 1865 г.—въ полковники, съ назначеніемъ на должность начальника дагестанской инженерной дистанціи. Пожалованный въ 1869 г. бриліантовымъ перстнемъ, Фалькенгагенъ въ слѣдующемъ году былъ переведенъ въ С.-Петербургъ въ распоряженіе начальника инженеровъ, съ прикомандированіемъ для занятій къ Главному инженерному управленію. Въ 1871 г. 25 марта уволенъ, по болѣзни, въ отставку, съ производствомъ въ генералъ-маіоры, прослуживъ 35 лѣтъ въ инженерномъ корпусѣ, изъ нихъ 23 года на Кавказѣ.

Послужной списокъ и дѣло № 151 Главнаго инжен. управленія за 1871—1873 годы.

А. Гершельманъ.

Фальковскій, *Іаковъ*, римско-католическій священникъ, основатель института глухонѣмыхъ въ Варшавѣ, род. 29 апрѣля 1774 г. въ селѣ Будзевѣ, нынѣ Бѣльскаго уѣзда Гродненской губ., ум. 2 сент. 1848 г. въ Варшавѣ. По окончаніи гимназическаго курса въ школѣ піаристовъ въ г. Дрогичинѣ, онъ вступилъ въ ихъ конгрегацію въ 1792 г для богословскаго образованія и, рукоположенный въ священники въ 1795 г., былъ послѣдовательно учителемъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Дрогичинѣ, Ломжѣ и Щучинѣ, гдѣ въ 1807 г. исполнялъ обязанности ректора. Здѣсь Фальковскій, принимая участіе въ судьбѣ нѣсколькихъ глухонѣмыхъ дѣтей, задался мыслью изыскать наиболѣе удобный способъ ихъ обученія. По двукратной поѣздкѣ съ этой цѣлью за границу и надлежащемъ уясненіи примѣнявшагося имъ съ пользою звукового метода обученія глухонѣмыхъ членораздѣльной рѣчи и искусству чтенія по губамъ говорящаго, онъ приглашенъ былъ въ 1817 г. учебнымъ начальствомъ въ Царствѣ Польскомъ устроить въ Варшавѣ воспитательное заведеніе для глухонѣмыхъ; благодаря щедрому пожертвованію на сей предметъ Императора Алерксандра I въ 1822 г. институтъ былъ открытъ, и Фальковскій сдѣлался первымъ его директоромъ и учителемъ. Состоя вмѣстѣ съ тѣмъ настоятелемъ воздвигнутаго въ то время въ Варшавѣ иждивеніемъ императора костела св. Александра, Фальковскій всѣ свои доходы и заботы обращалъ на развитіе и усовершенствованіе сказаннаго учрежденія, преобразованнаго въ послѣдствіи въ существующій донынѣ институтъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ. Удрученный непосильными трудами, Фальковскій удалился въ 1837 г. на покой въ с. Гузовъ, гдѣ до конца жизни руководилъ въ теченіе десяти лѣтъ начальною школою. Изъ литературно-ученыхъ трудовъ сего почтеннаго педагога, писавшаго на польскомъ языкѣ, наиболѣе извѣстны: «Разнообразныя поученія для дѣтей», 7 выпусковъ, Варшава $18^{28}/_{29}$ гг., «Замѣчанія о воспитаніи глухонѣмыхъ», и нѣсколько руководствъ-словарей для нихъ, въ рукописяхъ, хранящихся въ библіотекѣ означеннаго института.

«Encyklopedya Koscielna» Новодворскаго, Варшава 1874 г., т. V стр. 255—56.—«Encyklop. powszechna» Оргельбранда, 1861 г., т. VIII стр. 639—41.

Вл. В—чъ.

Фальковъ, *Ефимъ Степановичъ*, исправлявшій должность адъюнкта Казанскаго университета по каѳедрѣ сельскаго хозяйства, род. въ 1836 году въ Западной Сибири, ум. 28 апрѣля 1865 г. въ Казани; происходилъ изъ духовнаго званія, воспитывался въ Тобольской духовной семинаріи. Въ кругъ наукъ, преподававшихся въ то время въ духовныхъ семинаріяхъ, входило изученіе сельскаго хозяйства. По всей вѣроятности, чтеніе этого предмета въ Тобольской семинаріи выпало на долю способнаго преподавателя, съумѣвшаго изъ сухого предмета, и притомъ заключеннаго въ узкія рамки, извлечь для слушателей интересное содержаніе; безъ сомнѣнія, благодаря этому, Фальковъ полюбилъ агрономію и, получивъ выпускной семинарскій дипломъ, поступилъ въ Горыгорѣцкій земледѣльческій институтъ, въ которомъ и кончилъ въ 1856 году успѣшно курсъ съ званіемъ ученаго агронома, имѣя всего 20 лѣтъ отъ роду. За симъ Ефимъ Степановичъ поселился въ Казани. Здѣсь онъ получилъ приглашеніе преподавать математику и физику въ Казанской духовной академіи и въ то же время принялъ въ ней должность эконома. Съ начала 1860 г. Фальковъ былъ опредѣленъ исправляющимъ должность адъюнкта сельскаго хозяйства на камеральномъ отдѣленіи юридическаго факультета Казанскаго университета, каковую каѳедру и занималъ по день смерти своей; онъ умеръ отъ чахотки на 30 году жизни и похороненъ на Арскомъ кладбищѣ, въ Казани. Смерть не позволила покойному закончить диссертацію на степень магистра агрономіи; работа эта была доведена имъ почти до конца и носила заглавіе: «О дѣйствіи жара на хлѣбныя зерна». Какая судьба постигла эту рукопись, неизвѣстно. Кромѣ названной диссертаціи покойный оставилъ слѣдующіе ученые труды, которые всѣ были напечатаны при жизни автора: 1) «О способахъ распространенія въ Россіи высшаго агрономическаго образованія» (напечатано въ «Запискахъ Казанскаго экономическаго общества» 1859 года); 2) «Главныя начала лѣсоводства». Переводъ изъ Рошера (напечатанъ тамъ-же, въ 1860 году); 3) «Сельское хозяйство, какъ промышленность и наука». Три публичныя лекціи, читанныя въ Казан-

скомъ университетѣ въ мартѣ 1860 года (напечатаны въ тѣхъ-же «Запискахъ» въ 1860 году, и отдѣльно); 4) «Современная научная теорія землевѣдѣнія». Переводъ одной изъ самыхъ интересныхъ главъ сочиненія Либиха: «Химія въ примѣненіи къ сельскому хозяйству и физіологіи» (напеч. въ «Трудахъ Императ. с.-петерб. вольнаго экономическаго общества» за 1863 годъ); 5) «Овцеводство и шерстовѣдѣніе Фридриха Шмидта», переводъ съ нѣмецкаго Е. Фалькова, подъ редакціею А. Совѣтова, СПб. 1863 г.; 6) «О всероссійской выставкѣ произведеній сельскаго хозяйства и сельской промышленности въ Москвѣ» (актовая рѣчь, произнесенная Фальковымъ въ торжественномъ собраніи Казанскаго университета 5 ноября 1864 г., напечатанная въ Ученыхъ запискахъ Казанскаго университета 1865 года). Въ 1864 году, по порученію совѣта университета, Фальковъ представилъ подробный и очень обстоятельный отзывъ о проектѣ устава Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи. Авторъ перечисленныхъ ученыхъ работъ и переводовъ, во время служенія своего въ Казанскомъ университетѣ, былъ командированъ, въ качествѣ представителя этого учебнаго заведенія, въ 1860 году въ С.-Петербургъ, на сельско-хозяйственную выставку, устроенную Вольнымъ экономическимъ обществомъ, и въ 1864 году въ Москву, на всероссійскую выставку сельско-хозяйственной и сельской промышленности. Въ Москвѣ онъ принималъ дѣятельное участіе въ качествѣ эксперта, а равно и въ собраніяхъ сельскихъ хозяевъ. Фальковъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ: 1) Казанскаго экономическаго общества, въ которомъ, сверхъ того, былъ редакторомъ изданій общества, 2) Императорскаго вольнаго экономическаго общества, 3) Московскаго общества сельскаго хозяйства, и 4) Императорскаго Россійскаго общества акклиматизаціи растеній и животныхъ.

И. Б. Знамснскій: «Исторія Казанской духовн. академіи», Казань, 1891—1892 г., т. I, стр. 154—155; 189—190; т. II, 90; т. III, 77; — «Труды Вольн. эконом. общ.» 1866, т. III, вып. 2-ой (некрологъ).

Н. Агафоновъ.

Фальконетъ, *Этіенъ-Морисъ*, французскій скульпторъ, род. 1 декабря 1716 г., ум. 24 января 1791 г. въ Парижѣ, вслѣдствіе паралича, отъ котораго страдалъ съ 1783 г. Сынъ столяра и сперва простой рабочій у рѣщика по дереву, исполнявшаго заказы для парикмахеровъ, онъ, сдѣлавшись ученикомъ скульптора Лемуана (Le Moyne), былъ признанъ впослѣдствіи Французской академіей художествъ «назначеннымъ» — 29 августа 1744 г., академикомъ — 31 августа 1754 г. за статую Милона Кротонскаго (наход. въ Луврѣ), адъюнктъ-профессоромъ — 5 іюля 1755, профессоромъ — 7 марта 1761, адъюнктъ-ректоромъ — 26 апрѣля 1783 г. Живя на родинѣ, онъ исполнялъ въ статуяхъ и барельефахъ преимущественно классическія, аллегорическія и религіозныя изображенія, изрѣдка жанровыя, которыя и выставлялись имъ въ парижскомъ «Салонѣ» съ 1745 по 1765 гг. въ гипсовомъ, терракотовомъ или мраморномъ видѣ, какъ напр.: «Геній скульптуры», «Открытіе», «Эригона», «Франція, обнимающая бюстъ своего короля» (Людовика XV), «Флора», «Наука», «Музыка», «Четыре времени года», «Дѣвушка съ гирляндой цвѣтовъ», «Амуръ», «Благовѣщеніе» и «Моленіе о чашѣ» (для церкви св. Рока), «Нимфа, выходящая изъ воды», «Дѣвушка прячущая стрѣлу Амура», «Нѣжная меланхолія», «Пигмаліонъ передъ своей статуей», «Сидящая женщина», «св. Амвросій», «Александръ Великій, приказывающій написать портретъ одной изъ своихъ наложницъ», «Дружба» и проч.; наконецъ въ Анжерскомъ музеѣ есть его работы мраморный бюстъ его старшаго брата. Многія изъ его твореній, не бывшихъ прежде ни на какихъ выставкахъ, находились потомъ на выставкѣ произведеній искусства XVIII в., устроенной въ галлереѣ Жоржа Пти въ Парижѣ въ 1883—84 г. изъ разныхъ частныхъ коллекцій, между прочимъ: «Паденіе Польши», «Прославленіе Екатерины II», «Дюбарри, танцующая передъ Людовикомъ XV», «Венера и Амуръ», «Три Граціи», «Исправленіе» и «Вознагражденіе» и проч. Кромѣ того, Фальконетъ извѣстенъ былъ въ отечествѣ и какъ художественный писатель, издавшій въ 1761 г. въ Парижѣ «Réflexions sur la sculpture» и въ 1785 г. въ Лозаннѣ — свои сочиненія въ 5 томахъ (вышедшія потомъ въ Парижѣ въ 1808 г., съ интересной статьей о немъ, написанной Левекомъ). Но всетаки Фальконетъ прославился не всѣми этими произведеніями, а созданіемъ замѣчательнѣйшаго

памятника императору Петру I въ Петербургѣ, для исполненія котораго онъ прожилъ въ Россіи цѣлыхъ 12 лѣтъ, съ 1766 г., будучи особенно рекомендованъ своимъ другомъ Дидро русскому посланнику въ Парижѣ, кн. Голицыну, и вызванъ сюда самою императрицею Екатериной II, находившейся потомъ съ нимъ въ продолжительной долгой перепискѣ. Дидро, дѣлая разборъ парижской художественной выставки 1765 г., давалъ такую характеристику Фальконета: «Вотъ геніальный человѣкъ полный всякихъ качествъ, свойственныхъ и несвойственныхъ генію. Въ немъ есть бездна тонкаго вкуса, ума, деликатности, прелести и граціи; онъ неотесанъ и выполированъ, милъ и шершавъ, нѣженъ и суровъ; онъ мнетъ глину, обработываетъ мраморъ, и въ тоже время читаетъ и размышляетъ; онъ мягокъ и ѣдокъ, серьезенъ и забавенъ; онъ философъ, ни во что не вѣритъ, и знаетъ, почему; онъ добрый отецъ, а однакоже сынъ бѣжалъ отъ него; онъ любилъ свою любовницу до безумія, и однакоже уморилъ ее горемъ, отъ чего потомъ сталъ печаленъ, мраченъ, меланхоличенъ и чуть самъ не умеръ съ горя; уже какъ давно онъ ее потерялъ, а до сихъ поръ все безутѣшенъ. Прибавьте къ этому, что нѣтъ человѣка болѣе ревниваго къ признанію его современниками, и болѣе равнодушнаго къ признанію его потомствомъ; онъ доводитъ эту философію до непостижимой степени и сто разъ мнѣ говорилъ, что гроша не дастъ за то, чтобы закрѣпить вѣчное существованіе за самой превосходной изъ своихъ статуй...». Немного позже тотъ же Дидро писалъ про Фальконета, рекомендуя его кн. Голицыну: «Онъ презираетъ золото, онъ человѣкъ пожилой, и у него есть состояніе мудреца; но его увлекаетъ талантъ и желаніе обезсмертить себя великимъ и чудеснымъ созданіемъ». Бецкому же Дидро сообщалъ по поводу Фальконетовскаго проекта: «Этотъ человѣкъ думаетъ и чувствуетъ съ величіемъ; его идея показалась мнѣ новой и прекрасной,—она его собственная; онъ сильно къ ней привязанъ и, мнѣ кажется, онъ правъ. При своемъ блестящемъ талантѣ, онъ такъ скроменъ, что ничего про себя не воображаетъ. Впрочемъ, я не сомнѣваюсь, что онъ лучше, пожалуй, вернется во Францію, не взирая на усталость отъ долгаго и труднаго путешествія, чѣмъ согласится работать надъ вещью обыкновенною и пошлою. Монументъ будетъ простъ, но вполнѣ будетъ соотвѣтствовать характеру героя; конечно, его можно бы было обогатить, но вы знаете лучше меня, что въ искусствѣ богатство почти всегда смертельный врагъ всего высокаго. Наши художники сбѣжались къ нему въ мастерскую, всѣ поздравляли его съ тѣмъ, что онъ отказался отъ протоптанной дороги, и я въ первый разъ вижу, что всѣ рукоплещутъ идеѣ новой,—и художники и свѣтскіе люди, и невѣжи и знатоки». Не смотря на всю свою геніальность, скромный отъ природы Фальконетъ спросилъ за предстоявшую ему въ Россіи работу болѣе чѣмъ вдвое меньше противъ другихъ его соотечественниковъ, не взирая ни на какіе совѣты друзей взять въ $1^1/_2$ раза больше, и ограничился опредѣленіемъ себѣ платы въ 200,000 франковъ (считая по 25,000 фр. въ годъ за 8 лѣтъ), говоря, что остальные 100,000 фр. «пусть ему выплатятъ хорошимъ обращеніемъ, такъ какъ это никому ничего не стоитъ»; но при томъ онъ включилъ въ контрактъ одно условіе, чтобы, послѣ утвержденія его проекта памятника императрицей, никто уже болѣе не вмѣшивался въ его дѣло и не являлся ему указывать, и чтобы онъ могъ спокойно и въ совершенномъ уединеніи производить свою работу. Однако послѣднее не осуществилось на дѣлѣ, и Бецкій, въ качествѣ главнаго руководителя постройкой памятника, постоянно дѣлалъ разныя помѣхи Фальконету за все время его проживанія въ Петербургѣ. Еще раньше прибытія послѣдняго въ Россію, онъ представилъ собственный проектъ такого памятника, долженствовавшій заключать въ себѣ, по словамъ автора, столь же прекрасное соединеніе скульптуры съ архитектурой, какое видно въ созданіяхъ Бернини, при чемъ императоръ долженъ былъ имѣть римскій, или скорѣй греческій костюмъ, съ мантіей, усѣянной русскими двуглавыми орлами, и съ фельдмаршалскимъ жезломъ въ рукѣ, на головѣ же короткіе волосы вмѣсто парика, а конь его долженъ бы былъ походить на коня античной статуи Марка Аврелія, и, наконецъ, пьедесталъ—украшенъ законодательными,

военными и властительскими аттрибутами и маленькими барельефами. Теперь Бецкій требовалъ отъ Фальконета: то, чтобы онъ согласовалъ свой проектъ съ конными статуями Марка Аврелія въ Римѣ и Филиппа IV въ Мадридѣ (раб. флорентійскаго скульптора Такка, половины XVII в., при участіи знаменитаго Галилея); то, чтобы онъ написалъ критическій разборъ послѣдней для прочтенія императрицѣ; то, чтобы онъ уничтожилъ змѣю подъ ногами лошади Петра I, необходимую для поддержанія послѣдней, стоявшей на однихъ заднихъ ногахъ; то, чтобы отказались отъ перевозки какихъ-то неслыханныхъ каменныхъ массъ изъ Финляндіи въ Петербургъ для пьедестала, какъ это совѣтовалъ его собственный адъютантъ, гр. Карбури, вмѣсто предлагавшейся скалы изъ нѣсколькихъ большихъ кусковъ гранита, связанныхъ между собой желѣзомъ; то, напротивъ, чтобы найденный камень, вѣсившій отъ 4 до 5 милліоновъ фунтовъ, былъ привезенъ сюда цѣликомъ, для бо́льшей изумительности и бо́льшаго шума въ Европѣ, и потомъ уже убавлялся въ мастерской скульптора; то, чтобы отлитая статуя была перелита снова; то, наконецъ, чтобы художникъ вернулъ передъ отъѣздомъ рисунокъ статуи, исполненный Лосенко и подаренный ему самою императрицей,—для того, чтобъ у него въ рукахъ ничего не оставалось.

Если Фальконетъ могъ скоро опровергнуть проектъ Дидро, совѣтовавшаго своему другу показать Петра несущимся на конѣ въ гору героемъ и изобразить: съ одной стороны—гонимое и испуганное имъ варварство въ звѣриной шкурѣ, съ растрепанными волосами, съ дикимъ взоромъ и жестомъ угрозы, съ другой—любовь народную съ руками, поднятыми къ законодателю, и глазами, благословляющими его, и, наконецъ, самый народъ въ видѣ лежащей на землѣ и наслаждающейся всѣмъ фигуры,—все это, окруженное бассейномъ потоковъ воды, стремящихся изъ разщелинъ пьедестала; то не такъ-то легко было отдѣлаться отъ Бецкаго. Первому онъ написалъ только: «Монументъ мой будетъ простъ. Тамъ не будетъ ни варварства, ни любви народной, ни олицетворенія народа. Можетъ быть, эти фигуры прибавили бы больше поэзіи въ мое произведеніе, но въ моемъ ремеслѣ, когда тебѣ 50 лѣтъ отъ роду, надо затѣвать попроще, если хочешь дожить до послѣдняго акта. Прибавьте къ этому, что Петръ Великій самъ себѣ сюжетъ, и аттрибутъ—довольно показать его. Итакъ, я ограничусь одной статуей этого героя, котораго я не трактую ни какъ великаго полководца, ни какъ побѣдителя, хотя онъ, конечно, былъ и тѣмъ и другимъ. Гораздо выше личность создателя, законодателя, благодѣтеля страны, и вотъ ее то и надо показать людямъ. Мой царь не держитъ никакого жезла,—онъ простираетъ свою благодѣтельную десницу надъ объѣзжаемою имъ страною. Онъ поднимается на верхъ скалы, служащей ему пьедесталомъ,—эмблема побѣжденныхъ имъ затрудненій. Итакъ, эта отеческая рука, эта скачка по крутой скалѣ,—вотъ сюжетъ, данный мнѣ Петромъ Великимъ. Природа и люди противоставляли ему самыя отпугивающія трудности; но сила и упорство его генія преодолѣли ихъ, онъ быстро совершилъ то добро, котораго никто не желалъ. Кругомъ Петра Великаго не будетъ никакой рѣшетки,—зачѣмъ сажать его въ клѣтку? Если надо будетъ защитить камень и бронзу отъ сумашедшихъ и дѣтей, на то есть часовые въ русской имперіи. Вы знаете, что я не одѣну его по римски, какъ не одѣлъ бы Юлія Цезаря или Сципіона—по русски».

Противъ Бецкаго же Фальконету приходилось искать защиты у самой Екатерины II, и такимъ образомъ между ними возникла очень оживленная переписка. Сперва императрица относилась очень внимательно и предупредительно къ чужеземному скульптору и всегда держала его сторону, но подъ конецъ, подъ вліяніемъ ли его постоянныхъ жалобъ, или же наговоровъ на него со всѣхъ сторонъ, она замѣтно перемѣнилась къ нему, переписка ихъ становилась все рѣже и рѣже, и онъ уѣхалъ изъ Россіи, не только не дождавшись открытія памятника, но даже не удостоившись обозрѣнія императрицею его произведенія въ окончанномъ видѣ и встрѣтивъ еще запрещеніе показывать готовую статую наслѣднику престола, великому князю Павлу Петровичу, пожелавшему сдѣлать визитъ Фальконету въ его мастерской.

Прежде, напр., когда Фальконетъ писалъ Екатеринѣ (1768) по поводу письма къ нему Бецкаго о статуѣ Филиппа IV: «такъ какъ задача не въ томъ состоитъ, чтобы подражать этой статуѣ, или критиковать ее, то ея худое исполненіе не должно останавливать насъ; точно также не надо останавливаться на размышленіяхъ письма объ античности: статуя Марка Аврелія прилична для Марка Аврелія, а статуя другого человѣка должна быть прилична для другого человѣка; разные портреты столь-же мало должны походить одинъ на другой, какъ и физіономіи разныхъ личностей,—точно также должно быть со статуями героевъ; впрочемъ, древніе не на стѳлько окончательно были нашими учителями, не настолько все превосходно дѣлали, чтобы новымъ людямъ уже не оставалось ровно ничего дѣлать самимъ»,—Екатерина отвѣчала: «Послушайте, оставьте и статую Buon Retiro (т. е. Филиппа IV), и статую Марка Аврелія, и плохія разсужденія тѣхъ, кто ничего не понимаетъ, и продолжайте идти своей дорогой, вы во сто разъ лучше сдѣлаете, слушаясь только своего упрямства (извините меня за это выраженіе,—я ему не придаю никаго худого смысла)».

Точно также императрица соглашалась съ Фальконетомъ, когда тотъ писалъ ей по поводу требованій уничтожить змѣю подъ ногами коня Петрова: «Никогда не можетъ быть сдѣлано ничего великаго тамъ, гдѣ будутъ устраивать всяческія маленькія помѣхи большому дѣлу, и пропускать смѣлую мысль сквозь рѣшето мелкихъ соображеній. Излагая Вашему Величеству свои доводы, умоляю Васъ рѣшить: не должна ли устоять противъ придирокъ и требованій ея уничтоженія—такая мысль, которая не наноситъ безчестія сюжету и, сверхъ того, сообразна съ исторіей. Мы вѣдь трудимся для потомства. Петръ Великій постоянно встрѣчалъ на дорогѣ зависть,—это вѣрно; онъ умѣлъ справиться съ нею,—тоже и это вѣрно: такова участь всякаго великаго человѣка... Не могу не сказать В. В., что многіе изъ видѣвшихъ змѣю нашли ее мыслью тѣмъ болѣе остроумною, что она возвышаетъ общую идею памятника, поддерживаетъ работу и скрываетъ, способомъ своего выполненія, необходимость обусловившую ее».

Бецкій, доставившій столько непріятныхъ минутъ Фальконету, распространялъ еще молву, будто всѣ идеи монумента Петру I идутъ изъ его головы, что долженъ былъ тутъ-же опровергать Фальконетъ; онъ приписывалъ себѣ даже мысль поставить подъ статую камень изъ одного куска и соображенія о возможности его перевозки, вслѣдствіе чего настоящій виновникъ этого проекта, Карбури, долженъ былъ напечатать въ 1777 г. особое сочиненіе объ этомъ вопросѣ (подъ заглавіемъ: «Monument de Pierre le Grand», переведенное и на русск. яз.) съ доказательствами своихъ авторскихъ правъ на помянутое изобрѣтеніе; наконецъ, отъ Бецкаго же исходили слухи, будто Фальконетъ требуетъ, чтобы передъ всенароднымъ открытіемъ памятника Петру I сенатъ явился къ его исполнителю съ просьбою идти на церемонію, даже самъ торжественно проводилъ его до площади (изъ его дома, на углу Большой Морской, противъ прусскаго посольства). Поэтому Фальконетъ совершенно въ правѣ былъ писать императрицѣ, что Бецкій со своими аколитами «ожидаетъ его отъѣзда изъ Россіи, какъ лучшаго дня своей жизни».

Большинство публики, за очень малыми исключеніями, особенно изъ среды высшей духовной іерархіи, оказывало полное равнодушіе къ творцу момумента, когда, съ 1770 г., дверь его мастерской была открыта для всѣхъ; нѣкоторые же, въ родѣ какого-то Яковлева, нападали открыто, хвалясь своими обширными знаніями,—и на головной уборъ императора, и на его усища, и на его якобы русскій костюмъ, и кричали, что больше 500 дворянъ въ негодованіи отъ сдѣланнаго Фальконетомъ, что объ этомъ идетъ рѣчь во всѣхъ домахъ и что это можно стерпѣть развѣ только по царскому указу; а иные, какъ тогдашній прокуроръ Синода, ни за что не хотѣли понять, откуда скульпторъ взялъ сдѣлать людей и лошадей вдвое больше настоящихъ, и какъ это въ скульптурѣ можетъ быть больше поэзіи, выраженной аллегоріей сюжета, чѣмъ въ глиняномъ горшкѣ. Не лучше отзывались, впрочемъ, и нѣкоторые изъ соотечественниковъ Фальконета, напр., рекомендованный Дидро императрицѣ для ея коммисіи о наказѣ, и раздосадованный на скульптора за его малое вниманіе Ларивьеръ,

возвѣщавшій, что это «дряниой скульпторишка, а памятникъ царя нелѣпъ и невыполнимъ». Императрица старалась, однако, увѣрить Фальконета, что его порицатели—люди неотесанные и необразованные глупцы, что по нѣсколькимъ примѣрамъ не слѣдуетъ судить обо всѣхъ, что ей заподлинно извѣстно, на сколько его Петръ В. нравится русскимъ. Но, очевидно, даже и на родинѣ Фальконетъ могъ ожидать нападковъ за свой смѣлый проектъ, если Дидро не совѣтовалъ ему посылать свою модель въ Парижъ на всеобщій судъ, говоря: «Чему ты хочешь, чтобы они тебя научили,—развѣ они разумѣютъ больше тебя?... развѣ ты не вѣдаешь, что они будутъ нѣмы насчетъ красотъ и что они станутъ трубить по цѣлому городу про каждый капельный недостатокъ? развѣ эти критики, основательныя или неосновательныя, не попадутъ потомъ въ Петербургъ? развѣ наши подлые газетчики не нашпигуютъ ихъ всею горечью, какую только съумѣютъ туда напихать? развѣ всѣ ихъ вздоры не сдѣлаются предметомъ петербургскихъ разговоровъ? развѣ не напустятся на вашу мастерскую, чтобы провѣрить ихъ? развѣ не станутъ находить всю эту чепуху въ вашей работѣ, если вы растворите свои двери? развѣ не станутъ увѣрять, что она тамъ навѣрное есть, если двери ваши останутся запертыми?».

Кромѣ императрицы въ началѣ и Дидро за все время, Фальконета поддерживала еще и ободряла, быть можетъ, больше всѣхъ другихъ—его талантливая и энергичная ученица и помощница Анна Марія Колло, несмотря на свои юные годы (она род. въ 1748 г.), взятая имъ отъ дурного отца, послѣдовавшая за нимъ въ Россію и вышедшая потомъ замужъ за его сына, неважнаго портретиста, пріѣхавшаго въ Петербургъ въ 1773 г. Ей-то, заставившей своего учителя уничтожить пропасть глупостей въ его проектѣ, по его собственному выраженію, онъ былъ обязанъ и исполненіемъ для его монумента превосходной головы Петра I, которая ему все не давалась, не взирая на неоднократныя потытки.

Послѣдняя неудача постигла Фальконета уже при самой отливкѣ статуи (въ 1775 г.), отдѣльныя части которой въ гипсѣ до сихъ поръ хранятся въ скульптурномъ музеѣ СПб. Академіи Художествъ. Съ трудомъ найденный мастеръ-литейщикъ проспалъ крѣпкимъ сномъ самую трудную и рѣшительную минуту отливки, такъ что хлынувшій металлъ проломалъ модель и чуть не затопилъ своею огненною массою всю мастерскую; моментально всѣ работники и помощники разбѣжались отъ страха и только одинъ Кайловъ, который управлялъ плавильнею, остался неподвижно на своемъ мѣстѣ и проводилъ растопленный металлъ въ форму до послѣдней капли, ни мало не теряя бодрости при всей представлявшейся ему опасности, такъ какъ не только онъ могъ сгорѣть, но все зданіе могло заняться пламенемъ. Фальконетъ былъ такъ тронутъ усердіемъ этого плавильщика, что, бросившись къ нему по окончаніи работы, цѣловалъ его отъ всего сердца и потомъ отдарилъ его деньгами. Такимъ образомъ литье, производившееся подъ главнымъ руководствомъ самого Фальконета, все-таки удалось во всемъ по желанію, исключая двухъ мѣстъ, фута на два отъ верху, но эта маленькая неудача, происшедшая отъ непредвидѣннаго случая, была легко поправима и не важна для статуи, отлитой изъ двухъ бронзовыхъ кусковъ. Однако, лишь по отъѣздѣ Фальконета изъ Петербурга, въ августѣ 1778 г., съ невѣсткою и дочерью, и послѣ открытія памятника, умолкли зависть и клевета въ отношеніи къ его творцу, начались великія похвалы ему, и его конная статуя Петру Великому получила всемірную извѣстность, будучи воспроизведена въ милліонахъ снимковъ всякаго рода, распространенныхъ повсюду. Но въ нынѣшнемъ столѣтіи прежній энтузіазмъ опять сталъ остывать, и въ Европѣ начали снова раздаваться голоса противъ Фальконета даже въ такихъ капитальныхъ изданіяхъ, какъ въ «Исторіи скульптуры» Чиконьяра (VI, 422), или въ «Словарѣ художниковъ» Наглера (IV, 233), или, наконецъ, въ «Большой всемірной энциклопедіи» Ларусса (VIII, 63). Главное, за что нападали на Фальконета, это за отрицаніе антиковъ, за мнимую подражательность второстепеннымъ художникамъ позднѣйшаго времени, за отсутствіе будто бы благородства и оригинальности въ произведеніи и замѣну ихъ напыщенностью и надменностью. Между тѣмъ самъ

БИБЛИОТЕКА Пензенского Областного Краеведческого Музея

памятникъ, несмотря на всѣ его условности, быть можетъ, отчасти навязанныя художнику со стороны, свидѣтельствовалъ именно о полной независимости его отъ всѣхъ предшествовавшихъ образцовъ, о необыкновенной выразительности въ немъ мысли, о совершенно неизвѣстной до тѣхъ поръ простотѣ и натуральности, начиная со стремленія одѣть своего героя въ возможно близкій его времени костюмъ и придать его коню типъ современной лошади (для чего онъ лѣпилъ царя съ генерала Мелиссино, нѣсколько напоминавшаго своею внѣшностію великаго преобразователя Россіи, а коня—съ арабскихъ лошадей изъ конюшень гр. Орлова), и кончая самымъ простымъ пьедесталомъ и такою же простою надписью: «Петру Первому Екатерина Вторая».

Кромѣ памятника Петру В., Фальконетъ исполнилъ въ Россіи: аллегорическія изображенія «Славы и величія князей» и «Зимы»—для кн. Голицына, подарившаго ихъ императрицѣ, и «Сидящаго Амура»—для гр. Строганова.

A. Jal, «Dictionnaire critique de biographie et d'histoire», 2-e ed., Paris, 1872, p. 559—561;—E. Bellier de la Chavignerie et L. Auvray, «Dictionnaire général des artistes de l'Ecole française», Paris, 1882, I, 530—531;—«La Grande Encyclopédie», par une Société de Savants et de Gens de lettres, Paris, XVI, 1120 (Art. de Ch. Grandmougin);—L. Dussieux, «Les artistes français à l'étranger», 3-e ed., Paris, 1876, p. 552—553;—Diderot, «Oeuvres complètes», Paris, 1876, vol. XVIII (lettres) et vol. X (Salons de 1765 etc.), и «Mémoires, correspondance et ouvrages inédits», Paris, 1831, vol. III;—Falconet, «Oeuvres», Lausanne, 1781, vol. I et VI;—«Сборникъ Импер. Русс. Истор. Общ.» 1876, т. XVII;—«Пчела», 1876, №№ 39 и 40;—«Русс. Стар.», 1874, № 4;—«Древн. и Нов. Россія», 1877, № 4 (ст. В. Стасова «Три французскихъ скульптора въ Россіи»); —«Собраніе пов. ежемѣс. сочин.», 1775, октябрь;—«Спб. Вѣд.» 1778, №№ 62 и 68 (объ отъѣздѣ Фальконета изъ Россіи);—въ Общемъ Архивѣ Мин. Имп. Двора, дѣла канцел. строеній, кн. 101, л.л. 39—46 и 55—64.

Н. Собко.

Фалькъ, *Іоганнъ Петръ*, шведскій врачъ и естествоиспытатель, бывшій директоръ ботаническаго сада при С.-Петербургской Академіи наукъ, род. въ Швеціи въ 1727 году, лишилъ себя жизни, въ припадкѣ ипохондріи, въ Казани 31 марта 1774 г. Окончилъ курсъ въ Упсальскомъ университетѣ со степенью доктора медицины, причемъ преимущественно изучалъ ботанику, которою занимался подъ руководствомъ знаменитаго Линнея. Послѣдній снабдилъ Фалька рекомендательнымъ письмомъ, благодаря которому онъ былъ принятъ въ С.-Петербургскую Академію наукъ и опредѣленъ на должность директора ботаническаго сада. Въ 1768 г. онъ участвовалъ въ экспедиціи, снаряженной академіею въ восточную Россію, подъ руководствомъ Георги, для изученія ея въ естественно-историческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Ф. принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ работахъ экспедиціи; въ теченіе шести лѣтъ имъ собрано было много матеріаловъ, касающихся главнымъ образомъ флоры пріуральскихъ степей и быта киргизскаго народа, но къ концу 1773 г. припадки ипохондріи, которыми онъ страдалъ и ранѣе, усилились до того, что онъ принужденъ былъ прекратить свое путешествіе. Онъ отправился въ Казань, гдѣ въ ночь съ 30 на 31-е марта лишилъ себя жизни выстрѣломъ изъ пистолета. Цѣнные научные матеріалы, оставшіеся послѣ Фалька, были собраны Георги и Лаксманомъ, приведены въ порядокъ и изданы при Академіи наукъ, на нѣмецкомъ языкѣ, съ рисунками и картами, въ трехъ частяхъ. Первая часть появилась въ 1785 г., а остальныя—въ 1786 г.

Митроп. Евгеній: «Слов. русск. свѣтск. писат.», т. II., стр. 228—230;—«Полн. собр. уч. путешест. по Россіи проф. Крашенинникова, Лепехина и Фалька», СПб., 1818 — 1825; — Край: «Справочн. энциклоп. словарь», т. XI, стр. 11;—Болдыревъ: «Изслѣдователи нашего края», въ «Уральск. войск. вѣдом.» 1874, № 41;—Ф. Руперехтъ: «Матеріалы для истор. Имп. Акад. наукъ по части ботаники», (Приложен. къ 7 тому Записокъ Имп. Акад. наукъ, № 3, СПб., 1865).

Фальцъ, *Эрнестъ Теофиловичъ*, сенаторъ, тайный совѣтникъ, род. въ 1779 г., ум. 31 августа 1855 г. Вступилъ въ службу въ 1797 г. аускультантомъ по судебной части въ бывшую Петроковскую регенцію, и до 1807 г. послѣдовательно занималъ разныя должности по судебной части въ Петроковской, Варшавской и Калишской регенціяхъ. Когда въ 1807 г. Польша поступила подъ владычество короля Саксонскаго, Ф. въ концѣ того же года былъ назначенъ членомъ ипотечнаго отдѣленія апелляціоннаго суда Калишскаго департамента, и, за все время существованія герцогства Варшавскаго, послѣдовательно состоялъ: судьею этого

департамента, затѣмъ, по преобразованіи судебной части, — адвокатомъ апелляціоннаго суда, съ 1809 по 1817 г.— казеннымъ повѣреннымъ при дирекціи финансовъ Калишскаго департамента и, наконецъ, съ 1817 по 1819 г.—оброндемъ (obroncy) или защитникомъ въ генеральной прокуратурѣ. Спустя пять лѣтъ послѣ сейма 1820 года Ф. былъ назначенъ императоромъ Александромъ I членомъ законодательной депутаціи (13 іюня 1852 г.) и въ этой должности оставался до возстанія 1830 г. Помимо этой дѣятельности, онъ, съ 1828 г., состоялъ совѣтникомъ генеральной консисторіи лютеранскаго исповѣданія, а съ 1832 г. — предсѣдателемъ ея. При учрежденіи Государственнаго совѣта царства Польскаго, Ф. былъ назначенъ въ 1833 г. членомъ этого совѣта. Въ 1835 г. командированъ коммисаромъ для опредѣленія границъ между царствомъ Польскимъ и королевствомъ Прусскимъ, въ 1841 г., съ производствомъ въ тайные совѣтники, назначенъ присутствовать въ общемъ собраніи варшавскихъ департаментовъ правительствующаго сената, а въ 1843 г. ему повелѣно быть первоприсутствующимъ во временномъ отдѣленіи IX департамента сената; эту должность онъ исправлялъ до закрытія отдѣленія, послѣдовавшаго 29 февраля 1844 г.

Сенатскій архивъ, формуляръ № 99; — Домашній архивъ П. И. Баранова, хранящійся у П. Н. Семенова.

Фальчевскій, или Хвальчевскій, *Георгій*, р.-катол. епископъ луцко-брестскій, ум. въ половинѣ XVI вѣка. Происходилъ изъ дворянъ литовскихъ, близкихъ двору короля Сигизмунда-Августа. Сперва былъ настоятелемъ прихода Лынтупы, виленской епархіи, въ 1525 г. состоялъ членомъ мѣстнаго каѳедральнаго капитула и, въ званіи прелата, въ 1532 г. возведенъ въ кіевскіе латинскіе епископы, а изъ Кіева перешелъ въ 1535 г. на епископію луцко-брестскую. Здѣсь онъ извѣстенъ сооруженіемъ на свой счетъ каменной каѳедральной церкви и укрѣпленнаго замка въ принадлежавшемъ его епископіи имѣніи Горчинъ. Кромѣ того онъ участвовалъ въ ревизіи замковъ волынскихъ въ 1545 г. и былъ коммисаромъ по разграниченію имѣній въ бѣлостокской области, купленныхъ королемъ Сигизмундомъ II отъ Ивана Радзивилла, старосты Жмудьскаго.

«Литургич. Календарь Луцко-Житомірской р.-к. епархіи на 1895 г.»;—Теодоровичъ: «Городъ Владиміръ-Волынскъ», Почаевъ, 1893, стр. 188; — Poczet rodow w Wiel. Księz. Litewskiem Бонецкаго, Варшава 1887, стр. 53;—«Encykl. Powszech.», Orgielbranda, т. V, стр. 571—73.

Вл. В-чъ.

Фаминцынъ, *Андрей Егоровичъ*, генералъ-маіоръ, директоръ московскаго генеральнаго госпиталя, род. въ 1714 г., ум. въ 1787 г. Въ службу вступилъ въ 1731 г. л.-гв. въ Преображенскій полкъ, гдѣ оставался до 1758 г., когда былъ по болѣзни уволенъ въ отставку въ чинѣ гвардіи капитана. 2 апрѣля 1761 г. вновь опредѣленъ на службу полковникомъ, съ назначеніемъ членомъ Военной конторы, а 15 октября 1763 г., по производствѣ въ генералъ-маіоры, опредѣленъ на должность директора московскаго генеральнаго госпиталя. Въ послѣдней должности Ф. состоялъ до своего увольненія въ отставку, 6 мая 1785 г.

Сыновья Андрея Егоровича: *Сергѣй Андреевичъ* (род. 1747 г., ум. 8 января 1819 г.), состоялъ въ чинѣ генералъ-поручика при Кавказскомъ корпусѣ и 4 ноября 1800 г. былъ уволенъ отъ службы.

Егоръ Андреевичъ, д. с. с., директоръ московскаго Ассигнаціоннаго банка, род. 3 марта 1736 г., ум. 14 іюля 1822 г. Въ 1777 г. служилъ въ Берггъ-коллегіи, съ 1780 г. состоялъ въ должности вицегубернатора («поручика») въ Харьковскомъ намѣстничествѣ, а въ 1786 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и назначенъ директоромъ Ассигнаціоннаго банка.

Послужн. спис. А. Е. Фаминцына, хран. въ Моск. Отд. Архива Гл. Штаба;—«Губерн. служебникъ» кн. Н. Туркестанова, стр. 123;—«Русс. Стар.» т. XVII, стр. 190;—«Сен. Архивъ», СПб. 1888 г., т. 1, стр. 669;—Чистовичъ: «Истор. первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи».

Д. С-въ.

Фаминцынъ, *Егоръ (Юрій) Ивановичъ*, генералъ-маіоръ, бывшій оберъ-комендантъ с.-петербургской крѣпости, ум. въ 1731 г. Вмѣстѣ съ отцомъ выѣхалъ въ концѣ XVII столѣтія изъ Польши въ Россію и въ 1696 г., въ чинѣ прапорщика, находился уже въ Азовскомъ походѣ боярина А. С. Шеина и участвовалъ въ дѣлѣ при Кизикирменѣ. Въ 1700 г. былъ въ сраженіи подъ Нарвою, въ слѣдующемъ

году, 29 декабря, съ войсками генералъ-фельдмаршала графа Шереметева, участвовалъ при пораженіи шведскаго генерала Шлиппенбаха у Эрестфера (въ Лифляндіи) и, въ томъ же отрядѣ, находился въ 1702 г. въ дѣлахъ при Гуммельсгофѣ 18 іюня, а съ 14 по 25 августа—при Маріенбургѣ. Находясь при дальнѣйшихъ операціяхъ Сѣверной войны, Ф. въ 1703 г., въ отрядѣ генералъ-маіора фонъ-Вердена, сражался противъ шведовъ подъ Ямбургомъ, и 23 іюня за отличіе былъ произведенъ въ чинъ поручика; въ 1704 г., 4 мая, участвовалъ во взятіи на рѣкѣ Эмбахѣ 13 шведскихъ судовъ, съ 5 іюня по 12 іюля—въ обложеніи и штурмѣ Дерпта и въ томъ же году, 19 ноября, пожалованъ въ капитаны, съ переводомъ изъ Новогородскаго въ Астраханскій пѣхотный полкъ. Въ рядахъ послѣдняго Ф. находился подъ Гродно, Быховымъ и въ другихъ дѣлахъ похода 1705—1707 гг.; 21 апрѣля 1708 г. былъ произведенъ въ секундъ-маіоры и 27 іюня 1709 г. явился однимъ изъ ближайшихъ участниковъ Полтавской баталіи, за что, годъ спустя, былъ пожалованъ въ чинъ премьеръ-маіора, а 19 іюля 1711 г., участвуя въ Прутскомъ походѣ, произведенъ въ подполковники. Въ продолженіе военныхъ дѣйствій противъ шведовъ, въ походахъ 1712 — 1719 гг., Ф. былъ въ Голштиніи и Помераніи и участвовалъ въ дѣлахъ подъ Фридрихштадтомъ, Тенингомъ и Штетиномъ, и съ эскадрою Сенявина въ овладѣніи тремя шведскими судами между островами Готландомъ и Эзелемъ. 1 января 1721 г. Ф. именнымъ Высочайшимъ указомъ былъ пожалованъ чиномъ полковника и вскорѣ, съ производствомъ въ бригадиры, назначенъ оберъ-комендантомъ с.-петербургской крѣпости. По должности оберъ-коменданта, Ф-ну была поручена въ іюлѣ 1726 г. передѣлка старыхъ ефимковъ и серебра въ новую монету и возложено участіе въ слѣдственной коммисіи по дѣлу извѣстнаго с.-петербургскаго генералъ-полицеймейстера Антона Девіера. Въ 1727 г., мая 7-го, Ф. произведенъ въ генералъ-маіоры, 14 мая получилъ изъ отписныхъ имѣній Девіера значительныя помѣстья и 9 сентября уволенъ отъ должности оберъ-коменданта. 21-го марта 1729 г. онъ былъ назначенъ въ Низовый корпусъ, на мѣсто умершаго генералъ-маіора Штерншанца, и оставался въ немъ до своей кончины.

Послужн. списъ., хран. въ Моск. Отд. Архива Гл. Штаба за № 21/23;—Опись Выс. указамъ и повел. Сенат. Архива, сост. П. Бараповымъ, т. II, №№ 1807, 2203, 2219, 2256, 2276, 2325, 2521, 2724, 3400, 4068, 4078, 7111 и 7534.

Д. С-въ.

Фангофтъ (фанъ-Гофтъ, — J. van Hooft), *Янъ*, шаутбенахтъ (контръ-адмиралъ), ум. 6 марта 1726 г. Принятъ на службу въ 1703 г. съ чиномъ капитана. Первые годы своей службы провелъ въ Воронежѣ при «экипажскихъ дѣлахъ». Съ 1713 г. сталъ командовать военными судами. Въ 1717 г. начинается его боевая дѣятельность: посланный съ двумя кораблями и пинкомъ въ крейсерство въ Балтійское море, онъ близъ Аландскихъ шхеръ взялъ (31 іюля 1717 г.) шведскую шняву «Поллуксъ», на которой было 24 орудія и 66 человѣкъ команды, за что и получилъ въ награду 500 рублей. Въ 1718 г., командуя, въ чинѣ капитанъ-командора, отрядомъ и всѣми крейсерскими судами Балтійскаго моря, во время крейсерства между Готландомъ, курляндскимъ берегомъ и Эзелемъ, взялъ десять непріятельскихъ кораблей. Въ 1719 г., командуя ревельскою эскадрою, былъ отправленъ въ экспедицію къ острову Эланду; осмотрѣлъ его самъ съ моря и сдѣлалъ въ ночь на 24 мая удачную высадку; возвращаясь оттуда въ Ревель, привелъ съ собою пять шведскихъ кораблей. Съ 1720 — 1723 г., командуя эскадрою, находился въ крейсерствѣ въ Балтійскомъ морѣ. Въ 1721 г., по заключеніи Ништадтскаго мира, награжденъ (октября 22) чиномъ шаутбенахта (контръ-адмирала). Въ 1723 г. принималъ участіе въ приготовленіяхъ мадагаскарской экспедиціи. Въ 1724 г. переведенъ для присутствованія въ адмиралтействъ-коллегію, а на слѣдующій годъ былъ командированъ на Сестрорѣцкіе заводы «для обозрѣнія ихъ и для описи тамошнихъ канцелярскихъ дѣлъ», гдѣ и пробылъ по день своей смерти.

Общій морской списокъ;—Веселаго: «Очеркъ русской морской исторіи».

В. Т.

Фанъ-деръ-Флисъ, *Борисъ Васильевичъ*, гидротехникъ, род. въ Ниппортѣ, въ Голландіи, 4 апрѣля 1762 г., ум. въ Одессѣ 16 марта 1846 г. Прибылъ

въ Россію въ числѣ прочихъ иностранныхъ инженеровъ, выписанныхъ для сооруженія крѣпостей и портовъ, и вскорѣ получилъ назначеніе участвовать въ сооруженіи одесскаго порта. Въ то время Одесса состояла изъ нѣсколькихъ домиковъ, а самый портъ представлялъ природный рейдъ очень неудобный для стоянки судовъ при восточныхъ и юговосточныхъ вѣтрахъ. Изъ Одессы онъ былъ командированъ въ 1796 г. въ Кинбурнъ для ремонта нѣкоторыхъ частей крѣпости и возведенія блокфорта, что и послужило началомъ тѣхъ работъ, которыя онъ производилъ въ теченіе своей 52-хъ-лѣтней службы въ Россіи. Въ 1800 г. построилъ шлюзы на Днѣпровскихъ порогахъ и Ненасытицкомъ каналѣ; въ 1802 г. командированъ въ Тулу для составленія проектовъ и сооруженія новаго тульскаго оружейнаго завода; съ 1806 по 1814 г. занимался постройкою Ивановскаго канала, моста черезъ р. Упу и другими гидротехническими сооруженіями, предпринятыми съ цѣлью соединенія рѣки Дона съ Упою. Съ 1814 по 1819 г. трудился надъ составленіемъ проектовъ морскихъ сооруженій на таврическомъ полуостровѣ; съ 1819 по 1828 г. состоялъ въ Николаевѣ гидротехникомъ черноморскихъ портовъ морского вѣдомства. Изъ построекъ сооруженныхъ имъ за это время наиболѣе замѣчательны: маякъ на островѣ Тендрѣ, паровая лѣсопильная машина въ Николаевѣ, элингъ подъ стопушечный корабль и Николаевская обсерваторія; ему же Николаевъ обязанъ своимъ внѣшнимъ благоустройствомъ. Кромѣ перечисленныхъ работъ имъ сооружены на Днѣпрѣ деревянная пристань, а въ Херсонѣ—каменный бассейнъ и множество другихъ построекъ. Въ 1828 г. назначенъ гидротехникомъ въ Одессу для постройки Одесскаго порта, прочнымъ устройствомъ котораго этотъ городъ обязанъ главнымъ образомъ его трудамъ. Въ теченіе 8 лѣтъ, проведенныхъ въ Одессѣ, онъ соорудилъ набережную внизу приморскаго бульвара и расширилъ практическій, карантинный и новоплатовскій молы.

«Московскія Вѣдомости», 1846 г., № 44;—«Одесскій Вѣстникъ», 1846, №№ 26 и 30;—Энциклопед. словари Березина, т. XV, Крайя, т. XI.

Фанъ-деръ-Флитъ, *Ѳедоръ Тимоѳеевичъ*, тайный совѣтникъ, директоръ общей канцеляріи министерства финансовъ, род. 19 мая 1810 г., ум. 22 апрѣля 1873 г. Окончивъ съ золотою медалью курсъ въ Царскосельскомъ благородномъ пансіонѣ, поступилъ 4 ноября 1827 г. въ канцелярію министра финансовъ и посвятилъ всю свою долголѣтнюю службу этому учрежденію. Исполняя постепенно обязанности столоначальника (1832) и секретаря и принадлежа съ 1836 г. уже къ числу старшихъ секретарей, онъ въ 1841 г. былъ назначенъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ министра и состоялъ дѣлопроизводителемъ по совѣту министра финансовъ, а въ 1842 г. былъ опредѣленъ начальникомъ отдѣленія канцеляріи. Въ 1850 г. командированъ въ Крымъ для разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ по соляной части и, исполнивъ это порученіе, представилъ рапортъ съ разными предположеніями, которыя удостоились полнаго одобренія со стороны министра. Произведенный въ дѣйствительные статскіе совѣтники (1851), Фанъ-деръ-Флитъ въ 1854 г. былъ назначенъ директоромъ Департамента мануфактуръ и внутренней торговли, а въ 1856 г. директоромъ правленія Русскаго общества пароходства и торговли и членомъ Высочайше учрежденнаго комитета для изысканія средствъ къ возрожденію въ Россіи купеческаго флота. Въ 1858 г. назначенъ директоромъ общей канцеляріи министерства финансовъ, съ оставленіемъ членомъ Мануфактурнаго совѣта, въ 1860 г. произведенъ въ тайные совѣтники, въ 1862 г. получилъ аренду въ 2000 р. на 12 лѣтъ. Прослуживъ 38 лѣтъ въ одномъ учрежденіи, уволенъ, согласно прошенію, отъ службы 1 января 1865 г., съ оставленіемъ членомъ Мануфактурнаго совѣта и съ предоставленіемъ права присутствовать по прежнему въ правленіи Русскаго общества пароходства и торговли.

Формул. списокъ въ архивѣ министерства финансовъ;—«Гражданинъ», 1874, № 3 (крат. некрологъ).

Фанъ-Димъ, Ѳ., псевдонимъ писательницы Елизаветы Васильевны Кологривовой, см. Кологривова.

Фантонъ-де-Верраіонъ, *Михаилъ Львовичъ*, генералъ-лейтенантъ, потомокъ старинной французской фамиліи, переселившейся въ Россію во время революціи, род. въ 1804 г., ум. 23 ноября 1887 г.

По окончаніи курса въ школѣ колонновожатыхъ, началъ службу въ 1821 г. въ Свитѣ Его Величества по квартирмейстерской части, что нынѣ Генеральный Штабъ. Послѣ турецкой войны 1828—29 гг., Ф. съ 1829 г. состоялъ при графѣ Киселевѣ въ Бухарестѣ, гдѣ женился на дочери валахскаго великаго ворника (министра внутреннихъ дѣлъ) Іордаки Филипеско. Въ 1840-хъ годахъ, уже въ чинѣ генералъ-маіора (1849), служилъ въ Петербургѣ, откуда вскорѣ былъ переведенъ въ Оренбургъ начальникомъ штаба отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, а съ открытіемъ Крымской кампаніи, былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника штаба западной арміи. Въ 1858 г. Ф. произведенъ въ генералъ-лейтенанты и, вмѣстѣ съ полковникомъ барономъ Штакельбергомъ, по завершеніи военныхъ дѣйствій, участвовалъ въ международной коммиссіи по разграниченію отошедшей по Парижскому миру части Бессарабіи. Затѣмъ состоялъ въ должности бессарабскаго военнаго губернатора, и въ 1874 г. былъ отчисленъ по запаснымъ войскамъ. Въ числѣ знаковъ отличія Ф. имѣлъ золотую медаль за труды по освобожденію крестьянъ.

«Русск. Стар.» т. 71, стр. 476, т. 72, стр. 473, т. 73, стр. 271 и 273;—«Новое Время», 1887 г., № 4227. *Д. С-въ.*

Фарафонтьевъ, *Яковъ Герасимовичъ*, живописецъ, род. 20 октября 1758 г., ум. 7 іюля 1798 г. отъ удара. Сынъ петергофскаго садовника, онъ былъ принятъ 18 іюня 1764 г. въ С.-Петербургскую академію художествъ, отъ которой получилъ медали: въ 1774 и 1776 гг. вторую и первую серебряныя за рисунки съ натуры, а въ 1777 и 1778 гг. вторую и первую золотыя за исполненіе программъ по исторической и батальной живописи: «Юстиніанъ приходитъ къ Велисарію», и «Сраженіе за Днѣстромъ 17 мая 1769 г. между партіею русскихъ легкихъ войскъ подъ предводительствомъ посланнаго кн. Прозоровскимъ капитана Рахманова и турецкою командою». Послѣдняя награда дала ему право на поѣздку за границу, гдѣ онъ и оставался съ 1780 по 1783 г. включительно, занимаясь въ Парижѣ у Демаши. Живя еще въ Петербургѣ, онъ обучался одно время (въ 1776 г.) живописи театральныхъ декорацій у итальянца, служившаго при Обществѣ благородныхъ дѣвицъ, а въ 1783 г. прислалъ изъ за границы писанный имъ еще въ 1781 а 1782 гг. «внутренній видъ сѣней храма дорическаго ордера» собственной композиціи, находящійся и понынѣ въ академической галлереѣ. По возвращеніи же въ Россію, принятъ былъ совѣтомъ академіи въ «назначенные» и опредѣленъ, по прошенію, въ 1784 г. преподавателемъ перспективы, чѣмъ и оставался до самой смерти.

Архивъ Имп. Акад. Худ., дѣла 1783 г., № 35, 1784, № 5, 1798, № 49, и 1818 г. № 61 (по стар. пум.);—«Сборникъ матеріаловъ для истор. Имп. Акад. Худ.» П. Н. Петрова и «Указатель» къ нему А. Е. Юндолова;—А. Н. Сомовъ: «Каталогъ оригинальн. произведеній русск. живописи въ картинной галлереѣ Имп. Акад. Худ.», 1872, ст. 154. *И. С.*

Фарварсонъ, *Андрей Даниловичъ* (Henry Farwharson), бригадиръ, профессоръ Россійской морской академіи, род. въ Шотландіи около средины XVII ст., ум. въ С.-Петербургѣ 19 декабря 1739 г. Въ бытность свою въ Лондонѣ, въ 1698 г., Петръ I выразилъ желаніе взять съ собою въ Россію опытнаго преподавателя наукъ математическихъ и мореплаванія. Царю представили Фарварсона, который состоялъ профессоромъ математики при Абердинскомъ университетѣ. Ему были обѣщаны безплатная квартира, кормовыя деньги и, кромѣ того, 50 ф. стерлинговъ за каждаго ученика, который успѣшно окончитъ курсъ математическихъ наукъ подъ его руководствомъ; въ томъ же году онъ съ двумя помощниками, Гвиномъ и Гризомъ, прибылъ въ Россію. При его дѣятельномъ участіи былъ разработанъ планъ математической и навигаціонной школы, открытой 19 августа 1699 г. въ Москвѣ, въ Сухаревой башнѣ. Въ этой школѣ, насчитывавшей уже въ 1706 г. свыше 400 учениковъ, Ф. состоялъ преподавателемъ до 1715 г., когда былъ переведенъ профессоромъ математики въ С.-Петербургъ, въ только что открытую морскую академію; здѣсь онъ продолжалъ свои ученыя занятія до конца 1739 г., т. е. до самой кончины своей. Сорокалѣтняя преподавательская дѣятельность Фарварсона была чрезвычайно полезна для нашего флота, чему не мало способствовало, помимо обширныхъ и разнообразныхъ познаній и основательнаго знакомства его съ языками англійскимъ, нѣмецкимъ, голландскимъ, французскимъ и латинскимъ, еще

и то обстоятельство, что онъ прекрасно владѣлъ русскимъ языкомъ и искренно привязался къ своей новой родинѣ. Со дня вступленія въ учительскую должность и до 1710 г. онъ подготовилъ 50 русскихъ «навигаторовъ», которые были отправлены въ Англію для усовершенствованія въ наукахъ; позднѣе, съ открытіемъ морской академіи въ С.-Петербургѣ, навигаторы поступали въ эту академію, гдѣ подъ руководствомъ Фарварсона подготовлялись въ «гардъ-де-марины». Такимъ образомъ Ф., по всей справедливости, признается первымъ русскимъ профессоромъ математики и навигаціи и главнымъ образователемъ первыхъ моряковъ русскаго флота. Въ 1737 г. онъ былъ награжденъ за выдающіяся заслуги бригадирскимъ чиномъ. Въ представленіи, сдѣланномъ по этому поводу императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, 8 марта 1737 г., Адмиралтействъ-коллегія, ходатайствуя о награжденіи Фарварсона, писала между прочимъ: «за знатныя его на пользу государства службы, хотя отъ него о награжденіи рангомъ прошенія и нѣтъ, однакожъ награды сей онъ достоинъ, понеже черезъ него первое обученіе математикѣ въ Россіи введено, и едва ли не всѣ при флотѣ Ея Императорскаго Величества россійскіе подданные, отъ высшихъ и до низшихъ, къ мореплаванію въ навигацкихъ наукахъ обучены». Онъ же, если вѣрить Голикову, ввелъ у насъ въ употребленіе арабскія цифры. Помимо профессорскихъ занятій Фарварсона въ Морской академіи, гдѣ онъ преподавалъ ариѳметику, геометрію, плоскую тригонометрію, плоскую и меркаторскую навигацію и геодезію, на него возложенъ былъ просмотръ и исправленіе всѣхъ учебныхъ книгъ, назначавшихся къ печати, и, кромѣ того, онъ руководилъ геодезистами при самостоятельныхъ ихъ работахъ, а также исправлялъ переводные труды и, по порученію Адмиралтействъ-коллегіи, трудился надъ составленіемъ «Генеральной карты Каспійскаго моря», по частнымъ съемкамъ, производившимся на мѣстѣ. Огромная заслуга Фарварсона заключается въ томъ, что онъ преподавалъ и составлялъ учебники на русскомъ языкѣ, для чего ему приходилось вновь подыскивать подходящія техническія названія и выраженія. Между прочимъ имъ были составлены руководства для русскихъ по высшей математикѣ, имѣвшія въ свое время обширное распространеніе. Въ мартѣ 1730 г. прокуроромъ Адмиралтействъ-коллегіи было сдѣлано распоряженіе о напечатаніи слѣдующихъ трудовъ Фарварсона, нынѣ уже неизвѣстныхъ: «Тригонометрія плоская и сферическая», «Большая астрономія, 17 лекцій къ пользѣ мореплаванія» (напечатано 200 экз.). Еще ранѣе, въ царствованіе Петра I, былъ изданъ (Магницкимъ) его трудъ «Логарифмы» (1716). Въ 1722 г. появился капитальный трудъ Фарварсона подъ заглавіемъ «Таблицы горизонтальныя сѣверныя и южныя широты восхожденія солнца, со изъявленіемъ: чрезъ которыя зело удобно, кромѣ труднаго ариѳметическаго исчисленія неправильное или непорядочное указаніе компасовъ, юже во всѣхъ мѣстахъ свѣта обрѣтаются, чрезъ нихъ же легко и удобно найти и скоро зело возможно тѣмъ, которыя въ Восточную Индію мореплаваютъ». Изъ его посмертныхъ изданій заслуживаютъ особаго вниманія: «Книжица о сочиненіи и описаніи сектора, скалъ и т. д.» (1743 г.). Изъ трудовъ, изданныхъ подъ его редакціею, слѣдуетъ упомянуть книгу, переведенную въ 1719 г. съ латинскаго на русскій языкъ хирургусомъ Иваномъ Сатаровымъ, «Эвклидовы Элементы изъ 12-ти Нефтоновыхъ книгъ выбранные и въ восемь черезъ профессора математики Андрея Фарварсона сокращенные». Послѣ Фарварсона осталась значительная библіотека, часть которой, вмѣстѣ съ его стѣнными и солнечными часами и ящикомъ съ разными математическими инструментами, оставлена была при Морской академіи.

Голиковъ: «Дѣянія», т. V, стр. 294. — Берхъ: «Жизнеопис. Росс. Адмираловъ», ч. I, стр. 78.— Г. Успенскій: «Опытъ повѣтств. о древн. Руси», 1818 г., ч. II, отд. II, стр. 530—532. — «Морск. Сб.», № 14, декабрь, 1856 г., т. 26, (статья Соколова). — «Общій Морской Списокъ», ч. I, 1856 г.— П. Пекарскій: «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ», т. I, 122, 123, 269, 271, 281; т. II, 371, 458, 586, 654.—Сопиковъ, т. III, стр. 5, 3675. *Л. В.*

Фаренсбахъ, *Дмитрій*, см. Францбековъ.

Фармаковскій, *Игнатій Ѳедоровичъ*, протоіерей Спасскаго собора въ Вяткѣ, род. въ 1813 г., ум. 6 февраля 1873 г. Родомъ изъ симбирской губерніи, Ф. образованіе

получилъ въ казанской дух. семинаріи и с.-петербургской дух. академіи. 10 октября 1835 г. началъ службу на педагогическомъ поприщѣ, поступивъ учителемъ въ вятскую дух. семинарію. Оставаясь въ этой должности до конца жизни, онъ, въ продолженіе 37 лѣтъ, кромѣ многихъ другихъ предметовъ, преимущественно преподавалъ священное писаніе, и преподавалъ со всею основательностью ученаго и православнаго толкователя. Не разъ онъ исправлялъ въ семинаріи и административныя должности, начиная съ помощника инспектора и кончая ректоромъ. 26 сент. 1840 г. онъ рукоположенъ былъ во священника къ вятскому Богоявленскому собору, 8 ноября того же года возведенъ въ санъ протоіерея и 12 августа 1854 г. перемѣщенъ къ Спасскому собору. Не покидая учительской дѣятельности въ семинаріи, о. Ф. 18 лѣтъ состоялъ членомъ духовной консисторіи, въ 1863 г. былъ редакторомъ Вятскихъ епархіальныхъ вѣдомостей, съ 1869 г. инспекторомъ классовъ и законоучителемъ въ вятскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ; кромѣ того состоялъ предсѣдателемъ приходскаго попечительства, директоромъ комитета попеченія о тюрьмахъ, членомъ миссіонерскаго комитета, губернскаго училищнаго совѣта и статистическаго комитета. При многочисленныхъ обязанностяхъ онъ находилъ время заниматься и духовно-литературными трудами; въ Вятскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ напечатаны слѣдующія статьи его: «О первоначальномъ появленіи раскола въ вятской губерніи» (1868, № 5 и 6); «Нѣкоторыя свѣдѣнія о книгахъ новаго завѣта» (1871, № 7 и 8); «О евангеліяхъ» (1872, № 13 и 14).

«Вятск. епарх. вѣдом.» 1873, № 4.—Межовъ: «Русск. историч. библіограф.», томы 3 и 6. *Здр.*

Фасановъ, *Николай Ивановичъ*, протоіерей Екатерининской, что въ Екатерингофѣ (С.-Петербургѣ), церкви, сынъ священника, род. въ псковской губерніи въ 1808 г., ум. 27 октября 1890 г. Образованіе получилъ въ псковской дух. семинаріи и съ 1832 г. былъ сначала учителемъ псковскаго приходскаго училища, а затѣмъ—учителемъ и инспекторомъ порховскихъ духовныхъ училищъ. Въ 1837 г. былъ опредѣленъ священникомъ въ Алексѣевскую церковь въ Ригѣ, а съ 1844 г. 40 лѣтъ прослужилъ при Екатерининской церкви. Ф. принадлежалъ къ числу тѣхъ пастырей, которые, хотя и не получили высшаго богословскаго образованія, но сами всячески старались восполнить его; одаренный рѣдкой энергіей, онъ всю свою жизнь неутомимо трудился на пользу церкви, а во время своего пребыванія въ Лифляндіи много содѣйствовалъ распространенію тамъ православія, обративъ въ него не одну сотню эстовъ. Онъ состоялъ депутатомъ для присутствованія по дѣламъ вѣры во всѣхъ низшихъ и высшихъ мѣстахъ г. Риги и членомъ лифляндскаго духовнаго правленія. Нѣмецко-протестантская партія приняла свои мѣры противъ ревностнаго борца за православіе и достигла того, что въ 1842 г. Ф. былъ арестованъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. При разслѣдованіи дѣла однако обнаружилась его невинность, и Ф. Высочайшимъ указомъ былъ опредѣленъ настоятелемъ Екатерининской церкви. Пробывъ на этомъ мѣстѣ до конца жизни, онъ положилъ не мало труда на уплату долга въ 50,000 рубл., числившагося на этой церкви со времени ея постройки. Кромѣ обязанностей приходскаго священника, Ф. 25 лѣтъ безмездно служилъ въ Крестовоздвиженской общинѣ сестеръ милосердія, былъ законоучителемъ въ Жуковскомъ Утинскомъ пріютѣ и въ Повивальномъ институтѣ. Онъ пользовался необыкновенною популярностью и большимъ уваженіемъ среди прихожанъ.

«Церковн. Вѣстникъ» 1890 г., № 44;—«Новое Время», 1890, № 5268;—«Новости», 1890, № 298. *Здр.*

Фатеръ, *Фридрихъ*, ордин. профессоръ казанскаго университета, род. въ Пруссіи и тамъ же ум. въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія. Получивъ въ Галле, въ 1840 г., степень доктора филологіи на основаніи диссертаціи «Quaestionum Andocidearum particula», онъ въ 1843 г., по рекомендаціи А. фонъ Гумбольдта, былъ вызванъ въ Россію и назначенъ профессоромъ въ казанскомъ университетѣ, гдѣ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе своими учеными изслѣдованіями; но, къ сожалѣнію, въ то же время обнаружилось въ немъ глубокое нервное разстройство, которое довело его черезъ нѣсколько лѣтъ до односторонняго умопомѣшательства: онъ воображалъ себя

всѣми преслѣдуемымъ, въ этомъ состояніи уничтожилъ въ 1853 г. свою отлично подобранную библіотеку и уѣхалъ за границу. Въ 1860 г. его уже не было въ живыхъ. Кромѣ приведенной диссертаціи и нѣсколькихъ мелкихъ статей въ періодическихъ изданіяхъ, Ф. написалъ: «Untersuchungen über die dramatische Poesie der Griechen», Berlin 1843, и «Euripidis Iphigenia in Aulide», 1845. Въ «Ученыхъ запискахъ казанскаго университета» были помѣщены: «Quaestionum historicarum fasciculus I: de Isocratis qui fertur epistolis part. I. 1844, IV, стр. 1— 96 (отдѣльно, Казань 1846); «Der Argonautenzug. Aus den Quellen dargestellt und erklärt», 1844, II, стр. 1—168, 1845, I, стр. 1—166; «Das Verhältniss der Linguistik zur Mythologie und Archäologie», 1844, стр. 97—176 (отдѣльно, Казань 1846); «Triton und Euphemos oder die Argonauten in Libyen», 1849, II, стр. 93—109.

«Московск. Вѣстн.», 1860, № 31 (статья Б. Ордынскаго);—«Указатель статей помѣщенныхъ въ Учен. зап. казанск. унив. за 1834—1872 гг.».

Фаттенборгъ, *Гансъ Генрихъ*, ординарный профессоръ университета въ Або, род. 8 октября 1769 г., ум. въ отставкѣ, 10 мая 1849 г. Вступивъ въ 1787 г. въ абоскій университетъ, Ф. въ 1795 г. былъ удостоенъ степени доктора философіи и, на основаніи диссертаціи «Iesaiae caput VII latine versum et animadversionibus explicatum» (1796), назначенъ доцентомъ восточныхъ языковъ въ томъ же университетѣ; съ 1804 г. читалъ, въ качествѣ адъюнктъ-профессора, исторію и нравственную философію, съ 1808 г.—богословіе; въ 1812 г. былъ произведенъ въ ординарные профессоры восточныхъ языковъ. Съ 1821—1822 г. исправлялъ должность ректора, 25 іюня 1830 г. получилъ отъ университета почетный дипломъ на степень доктора богословія. Кромѣ своихъ занятій по университету, Ф. въ 1822 г. состоялъ членомъ коммисіи для пересмотра статута абоскаго университета, въ 1827 г. былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для участія въ работахъ комитета по разсмотрѣнію новаго проекта университетскаго устава и осенью того же года былъ назначенъ членомъ коммисіи для принятія предварительныхъ мѣръ для перевода университета изъ Або въ Гельсингфорсъ; за труды по названнымъ коммисіямъ былъ въ 1828 г. награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. Кромѣ вышеприведенной диссертаціи Ф., между прочимъ, еще написалъ: «Caussae litterarum restaurationem post medii aevi barbariem promoventes», pars I, 1802; «Dissert. theol. veram notionem et indolem Regni Dei e sermonibus Christi enucleans», 1807; «Obadiae vaticinium Suethice versum notisque explicatum, part. I—IV, 1819; «Dissertatio acad. Threnos Ieremiae latine versos notisque explicatos sistens», p. I—X, 1815—1823.

«Robert Renvall: «Finlands Universitet 1828—1890». Andra upplagan, Helsingfors, 1891.

Фатьянъ Есиповичъ, новгородскій бояринъ, см. Иванъ Ѳедоровичъ, новгор. бояринъ.

Фатѣевъ, *Андрей Михайловичъ*, писатель, ум. въ Москвѣ 2-го января 1866 г. Большую часть жизни провелъ въ военной службѣ, въ гусарахъ, и участвовалъ въ венгерскомъ походѣ. Подъ конецъ своей жизни онъ, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, покинулъ военную службу и поступилъ въ гражданскую секретаремъ въ московскомъ почтамтѣ. Первымъ литературнымъ произведеніемъ его былъ военно-историческій очеркъ: «Сдача оружія Гёрги»; кромѣ того онъ написалъ «Разсказъ солдата о венгерской компаніи», и нѣсколько повѣстей изъ военно-походной жизни. Всѣ его произведенія отличаются живостью разсказа, точностью сообщаемыхъ историческихъ фактовъ и рельефностью описанія природы; въ особенности вѣрно и картинно описана имъ природа Венгріи.

«Современная Лѣтопись», Воскресн. прибавленія къ «Моск. Вѣдомостямъ» 1866 г., № 6.

Фаціусъ, *Иванъ*, генеральный консулъ въ Остенде, въ царствованіе Екатерины II. Съ 1745 по 1755 служилъ въ г. Регенсбургѣ, въ Голштинско-Готторпской канцеляріи. Въ сентябрѣ 1765 г. поступилъ на русскую службу; ему, въ качествѣ императорскаго коммисара, поручено было вербовать въ Пруссіи людей для устроивавшихся тогда правительствомъ нѣмецкихъ колоній на Волгѣ. Въ теченіе 1766 г. онъ отправилъ изъ г. Бидингена въ Любекъ, сборный пунктъ эмигрантовъ, 10148 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ. Затѣмъ онъ назначенъ былъ агентомъ (консуломъ) въ г. Боннѣ. Съ упразд-

неніемъ агентства въ Боннѣ, Ф. былъ опредѣленъ, въ чинѣ титул. сов., 28 іюня 1782 г. на вновь учрежденный постъ генеральнаго консула въ г. Остенде, въ австрійскихъ Нидерландахъ.

С.-Петерб. Главный архивъ Мин. иностр. дѣлъ;—Полное собр. закон., т. XXI, № 15482.

Фацiусъ, *Иванъ Ивановичъ* (Johann Christoph), сынъ предыдущаго, генеральный консулъ въ Кенигсбергѣ, въ царствованіе Екатерины II, род. 1 августа 1752 г., ум. въ 1812 г. Въ 1781 г. поступилъ на службу въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ и въ слѣдующемъ году былъ причисленъ къ генеральному консульству въ Остенде. Затѣмъ, послѣдовательно пройдя должности актуаріуса (1785) и переводчика (1794), Ф. въ 1798 г. назначенъ былъ консуломъ въ Любекѣ, съ производствомъ въ надворные совѣтники. Вскорѣ (1800) онъ былъ переведенъ консуломъ въ Кенигсбергъ и въ 1811 г. опредѣленъ на должность «генеральнаго консула въ Пруссіи».

С.-Петерб. Главный архивъ Мин. иностр. дѣлъ.

Фебруицкій, искаженіе фамиліи гравера Сребреницкаго, см. Сребреницкій; подъ именемъ Фебруицкаго онъ упоминается въ слѣдующихъ изданіяхъ: Fiorillo, «Versuch einer Geschichte der bildenden Künste in Russland», Göttingen, 1806 (въ приложеніи); «Журналъ Изящныхъ Искусствъ», Москва, 1807, кн. I; «Худож. Газета» Кукольника, 1838, № 15.

Февронія Петровна, княгиня. Такъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, называлась супруга Михаила (Михалка) Юрьевича, кратковременно великаго князя владимірскаго; она будто бы была дочь новгородца Михалковича и состояла въ бракѣ съ 1155 г. По другимъ извѣстіямъ женой Михаила Юрьевича была неизвѣстная по имени дочь кн. черниговскаго Святослава Ольговича. Достовѣрно, по лѣтописи, извѣстно только то, что жена Михалка, именемъ, дѣйствительно, Февронія, скончалась 5 августа 1202 г. и погребена въ суздальскомъ соборѣ Рождества Богородицы.

Лавр. л. (изд. 1872 г.) 396;—Головинъ: «Родосл. росписи» № 127; — Хмыровъ: «Алф.-справ. перечень...» №№ 142 и 186. *А. Э.*

Февронія святая, въ мірѣ Евфросинія, супруга муромскаго князя Давида, въ иночествѣ Петра, также причтеннаго къ лику святыхъ. О ней дошли до насъ извѣстія уже позднѣйшаго происхожденія, по всей вѣроятности XVI в., появившіяся, какъ можно полагать, одновременно съ канонизаціей муромскихъ чудотворцевъ. Извѣстія эти дошли до насъ въ видѣ повѣсти о святыхъ князьяхъ, въ достаточной степени обилующей измышленіями фантазіи; изъ этой повѣсти почти все, что можно признать болѣе или менѣе вѣроятнымъ и возможнымъ въ дѣйствительности, вошло въ житіе святыхъ въ прологѣ. По этимъ извѣстіямъ кн. Давидъ, еще до занятія княжескаго стола въ Муромѣ, долго страдалъ отъ какой-то тяжкой болѣзни: тѣло его было покрыто струпьями. Дочь одного «древолазца» (бортника), славившаяся умомъ своимъ, вылѣчила князя какою-то мазью. Изъ разговоровъ съ своей исцѣлительницей князь заключилъ о выдающемся умѣ и добромъ сердцѣ дѣвушки и, въ благодарность за исцѣленіе, хотѣлъ жениться на ней. Но потомъ нашелъ неприличнымъ своему сану супружество съ дѣвицей низкаго происхожденія. Вскорѣ князя опять посѣтила прежняя болѣзнь, и опять онъ исцѣленъ былъ тою же Евфросиніей. На этотъ разъ онъ привелъ уже въ исполненіе прежнее свое обѣщаніе: женился на Евфросиніи. Но когда Давидъ Юрьевичъ, по смерти старшаго брата своего, занялъ муромскій княжескій столъ, муромскіе вельможи, подъ вліяніемъ родичей Давида, завидовавшихъ власти послѣдняго, нашли бракъ своего князя неприличнымъ для него и унизительнымъ для родовитыхъ женъ: они требовали, чтобы князь или отпустилъ отъ себя супругу, или самъ оставилъ Муромъ. Давидъ Юрьевичъ согласился скорѣе на послѣднее требованіе. Покинувши княжество, онъ остался съ небольшими средствами, и это обстоятельство повергало его въ мрачныя думы. Умная княгиня совѣтовала князю не печалиться и надѣяться, что Господь не оставитъ ихъ въ нищетѣ. Вскорѣ въ Муромѣ поднялись междоусобія изъ-за власти, и въ этой борьбѣ пали многіе изъ вельможъ. Бояре вынуждены были просить Давида и Евфросинію возвратиться въ Муромъ и взять власть въ свои руки. Въ доказательство прозорливости и проницательнаго ума Евфросиніи въ повѣсти передается, между прочимъ,

слѣдующій эпизодъ изъ ея жизни. Во время плаванія по Окѣ, одинъ изъ сопровождавшихъ княгиню, человѣкъ женатый, неравнодушно смотрѣвшій на красивую княгиню, былъ въ сильномъ возбужденіи отъ нечистыхъ помысловъ. Княгиня, понявшая причину возбужденнаго состоянія этого человѣка, приказала ему почерпнуть и попробовать воды сначала съ одной стороны судна, а потомъ — съ другой, и когда исполнившій это приказаніе спутникъ на вопросъ княгини, какая разница между той и другой водой, отвѣтилъ, что нѣтъ никакой, Евфросинія сказала: «Точно такъ одинаково естество женское; напрасно ты, оставляя свою жену, думаешь о чужой». Достигши старости, князь и княгиня приняли иноческій чинъ, одинъ съ именемъ Петра, а другая—съ именемъ Февроніи. Послѣдняя ум. въ 1228 г. въ одинъ день съ супругомъ. Оба они, согласно съ ихъ завѣщаніемъ, положены были въ одинъ гробъ. По окружной грамотѣ митр. Макарія отъ 1547 г. февр. 26, память ихъ установлено праздновать «въ Муромѣ повсюду» іюня въ 25 день.

Памятн. стар. лит. I;—Степ. кн. I, 272;—Акт. Арх. экс. I, № 213, стр. 203;—Ключевскій: «Древнерусскія житія святыхъ» 287 и 464;—Филаретъ: «Житія святыхъ», іюнь 25, и «Обзоръ русск. дух. лит.», изд. 3, кн. I, стр. 155;—Голубинскій: «Истор. канонизаціи святыхъ», 1893, стр. 54, 71, 159, 174;—См. біогр. Петра, св. князя.

А. Э.

Фегезакъ, фонъ, *Оттонъ Морицъ* (Otto Moritz von Vegesack), т. с., русскій министръ-резидентъ въ ганзейскихъ городахъ, изъ лифляндскихъ дворянъ, род. 7 іюля 1808 г., ум. въ Гамбургѣ 3/15 марта 1874 г. Среднее образованіе получилъ въ рижской губернской гимназіи, высшее въ дерптскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ (1825—1828). Поступилъ на службу въ 1832 г. въ вѣдомство Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ и въ 1835 г. былъ назначенъ третьимъ секретаремъ при русской миссіи въ Греціи, въ 1839 г. младшимъ, а въ 1845 г. старшимъ секретаремъ при миссіи въ Берлинѣ; оттуда онъ въ 1850 г. былъ перемѣщенъ въ томъ же званіи въ Мюнхенъ. Будучи въ званіи камергера и въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Ф. былъ назначенъ въ 1864 г. повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Гамбургѣ, Любекѣ и Бременѣ, а съ 1866 г. состоялъ министромъ-резидентомъ въ тѣхъ же городахъ и при дворахъ великаго герцога Ольденбургскаго и герцога Брауншвейгскаго; въ 1873 г. произведенъ въ тайные совѣтники.

Формул. списокъ въ архивѣ Министерства Иностр. дѣлъ;—Album Academicum der Kaiserl. Universität Dorpat, 1889, № 2070.

В. Тепловъ.

Федоренко, *Иванъ Ивановичъ*, профессоръ астрономіи кіевскаго и харьковскаго университетовъ, род. 6 февр. 1827 г., ум. 14 дек. 1888 г. Малороссъ по происхожденію (изъ купеческой семьи г. Харькова), Ф. и дѣятельность свою посвятилъ главнымъ образомъ южной Россіи. Воспитывался въ одной изъ харьковскихъ гимназій, а затѣмъ въ харьковскомъ университетѣ. Съ юныхъ лѣтъ у него было уже влеченіе къ спеціальнымъ научнымъ занятіямъ, и онъ еще на студенческой скамьѣ сталъ заниматься астрономіей подъ руководствомъ профессора Шидловскаго, который взялъ его съ собою въ качествѣ помощника въ астрономическую экспедицію 1848 г. и назвалъ своимъ «ревностнымъ» ученикомъ. Плодомъ астрономическихъ занятій Ф-ка было его кандидатское сочиненіе, «Опредѣленіе географической широты харьковской обсерваторіи изъ наблюденій». Очевидно, онъ тогда уже пріобрѣлъ значительный навыкъ въ астрономическихъ вычисленіяхъ. Вслѣдствіе этого онъ рѣшился поѣхать для дальнѣйшаго усовершенствованія своего въ знаменитую Пулковскую обсерваторію, гдѣ и былъ принятъ въ 1850 году въ сверхштатные астрономы директоромъ ея В. Струве. Тамъ онъ, по предложенію Струве, вычислилъ среднее положеніе околополярныхъ звѣздъ изъ наблюденій Жерома Лаланда и результаты своихъ работъ опубликовалъ въ обширномъ сочиненіи на французскомъ языкѣ, изданномъ Академіей наукъ («Positions moyennes pour l'époque 1790,0 des étoiles circompolaires», St. Pbg, 1854, LXXIX, 156) и посвященномъ министру народнаго просвѣщенія Норову. «Трудъ этотъ, говоритъ проф. Г. Ц. Левицкій, сразу доставилъ Федоренку обширную извѣстность. На всякой обсерваторіи и у всякаго астронома, занимающагося звѣздной астрономіей, каталогъ Ф-ка составляетъ столь же необходимую справочную книгу, какъ каталогъ Британскаго астрономическаго общества».

За это сочиненіе онъ былъ удостоенъ Высочайшаго благоволенія. 25 декабря 1853 г. Ф. былъ опредѣленъ въ адъюнкты кіевскаго университета, а въ 1856 г. получилъ дипломъ на степень магистра астрономіи, послѣ того какъ выдержалъ экзаменъ въ петербургскомъ университетѣ и защитилъ тамъ же рукописную диссертацію «О среднихъ видимыхъ движеніяхъ звѣздъ», 1856 г. (она находится въ архивѣ харьковскаго университета). Въ 1857 г. Ф. былъ переведенъ въ родной ему харьковскій университетъ на ту же должность адъюнкта и здѣсь сталъ исправлять обязанности секретаря факультета. Въ 1862 г. былъ назначенъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора, а въ 1866 г.—экстраординарнымъ и въ томъ же году ординарнымъ профессоромъ. Въ 1865 г. онъ защитилъ въ петербургскомъ университетѣ диссертацію на степень доктора астрономіи «Розысканіе среднихъ собственныхъ, дѣйствительныхъ и параллактическихъ движеній звѣздъ» (печатный трудъ). Ф. былъ скромный труженникъ, не обладавшій крупными талантами, но проникнутый искреннимъ влеченіемъ къ научнымъ изысканіямъ. Въ Пулковской обсерваторіи, которая была прекрасно обставлена для научныхъ наблюденій, онъ выполнилъ выдающуюся работу. Къ сожалѣнію, Харьковъ въ этомъ отношеніи былъ обставленъ очень неудовлетворительно, и Ф-ку удалось устроить только «астрономическую вращающуюся башню»; но такъ какъ она помѣщалась на университетскомъ дворѣ, въ центрѣ жилыхъ построекъ, то производство научныхъ наблюденій было тутъ почти невозможно. Тѣмъ не менѣе, и при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, Ф. съумѣлъ возбудить интересъ къ своему предмету среди своихъ слушателей, и два изъ нихъ—Веребрюсовъ и Порѣцкій — заявили себя цѣлымъ рядомъ печатныхъ трудовъ по астрономіи. Изъ трудовъ самаго Ф-ка кромѣ указанныхъ выше слѣдуетъ отмѣтить еще слѣдующіе: 1) «Ueber die Doppelsterne» (Bullet. de l'Académie de St. Pétersbourg, 1850); 2) «Ueber die eigene Bewegung der Fixsterne» («Astronomische Nachrichten», 1857, №№ 1062, 1135); 3) «Способъ околомеридіональныхъ и равныхъ высотъ звѣздъ по обѣ стороны отъ зенита» (Харьковъ, 1879); 4) «Звѣздная карта сѣвернаго полушарія».

Дѣла харьковскаго университетскаго архива;—Г. Ц. Левицкій: «Астрономы и астрономическія обсерваторіи харьковскаго университета отъ 1843 по 1879 годъ», въ «Запискахъ Импер. харьк. унив.», 1894, кн. 3-я;—Лѣтоп. харьковскаго уп., стр. 44—53.

Дм. Багалѣй.

Федоренко, *Петръ Ивановичъ*, артиллеріи генералъ-лейтенантъ, сынъ сотеннаго атамана малороссійскихъ казаковъ, род. въ 1781 г., ум. въ 1852 г. Въ службу вступилъ 21 сентября 1798 г. юнкеромъ въ 5-й артиллерійскій баталіонъ ген.-лейт. Канцевича и въ слѣдующемъ году, находясь съ войсками Суворова въ швейцарскомъ походѣ, участвовалъ въ сраженіи противъ французовъ 14 сентября у Чертова моста. По производствѣ въ 1802 г. въ подпоручики, Ф., 23 іюня 1803 г., былъ переведенъ въ 3-й артиллерійскій полкъ, въ рядахъ котораго участвовалъ 20 ноября 1805 г. въ сраженіи подъ Аустерлицемъ, а въ кампанію 1806—1807 гг. въ битвахъ при Прейсишъ-Эйлау, Гейльсбергѣ и Фридландѣ, за что былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4 степени, золотымъ крестомъ и золотою шпагою, съ надписью «за храбрость». Въ 1812 г., при вторженіи французовъ въ предѣлы Россіи, онъ находился въ дѣлахъ при г. Друе 29 іюня и 18 и 19 іюля при мызѣ Якубовѣ. Участвуя на другой день въ сраженіи при Клястицахъ и въ преслѣдованіи непріятеля къ Полоцку до рѣки Дриссы, Ф. съ отличіемъ дѣйствовалъ 5-го и 6-го августа въ сраженіи подъ Полоцкомъ, гдѣ за особенно искусное дѣйствіе изъ орудій и за личное мужество получилъ благодарность командовавшаго корпусомъ, графа Витгенштейна, и былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степени съ бантомъ. Находясь вслѣдъ затѣмъ при штурмѣ Полоцка и въ дѣлахъ при Чашникахъ, Старомъ Борисовѣ и деревнѣ Березы, Ф. въ послѣднемъ дѣлѣ, 16 ноября, былъ раненъ въ лѣвую ногу ружейною пулею. 29 мая 1826 г., уже въ чинѣ подполковника, онъ назначенъ командиромъ батарейной № 1-го роты 16 артиллерійской бригады, а въ слѣдующемъ году произведенъ въ полковники. Выступивъ съ командуемой имъ 16 артиллерійскою бригадою въ турецкій походъ 1828 г., Ф. участвовалъ въ форсированномъ движеніи русскихъ войскъ въ Валахію, въ занятіи Бухареста и при переправѣ черезъ Дунай въ предѣлы Болгаріи. Въ томъ же

году находился при обложеніи крѣпости Силистріи, въ 1829 г.—при осадѣ Шумлы и происходившихъ тамъ сраженіяхъ, и за отличіе былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 3 степени, а за участіе въ пораженіи верховнаго визиря при Кулевчѣ и за переходъ черезъ Балканы произведенъ 6 апрѣля 1830 г. въ генералъ-маіоры. Годъ спустя, Ф. снова выступилъ на боевомъ поприщѣ, въ предѣлахъ привисляпскаго края, гдѣ, командуя 2-ю артиллерійскою дивизіею, принялъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ противъ польскихъ мятежниковъ. Поступивъ въ авангардъ главной русской арміи, онъ находился при преслѣдованіи поляковъ отъ с. Иганье за р. Костржинъ, въ поискахъ противъ непріятельскихъ отрядовъ черезъ Калушинъ къ Янову и двухдневномъ кровопролитномъ бою въ окрестностяхъ г. Седльце, за отличіе въ которомъ получилъ орденъ св. Станислава 1 степени. Въ іюлѣ того-же года 2-я артиллерійская дивизія поступила въ составъ войскъ графа Крейца и 26 августа участвовала въ штурмѣ Варшавы, доставившемъ Федоренкѣ орденъ св. Георгія 3-й степени. Послѣднимъ дѣйствіемъ Федоренки въ польской кампаніи было участіе его въ блокадѣ крѣпости Модлина и въ преслѣдованіи затѣмъ остатковъ польской арміи до прусской границы. Въ 1840 г. онъ былъ назначенъ комендантомъ крѣпости Замостье, 16 апрѣля 1841 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты и, состоя вслѣдъ затѣмъ около года комендантомъ варшавской Александровской цитадели, въ 1843 г. былъ опредѣленъ на ту же должность въ Новогеоргіевскую крѣпость. Въ послѣдней должности Ф., награжденный въ 1845 г. знакомъ императорской короны къ ордену св. Анны 1 степени, оставался до своей кончины.

Послужн. списокъ, хранящійся въ Артиллерійскомъ музеѣ; «Справочн. слов. К. Краия, т. XI, стр. 39.

Д. С—въ.

Федоровичъ, *Георгъ Фридрихъ*, профессоръ общаго права, дѣйствительный членъ Имп. Академіи наукъ, изучалъ юридическія науки за границею; служилъ сперва при медицинской канцеляріи, затѣмъ оберъ-аудиторомъ въ адмиралтействѣ, гдѣ усовершенствовался въ знаніи русскаго языка и права. Послѣ отрѣшенія отъ должности академика Штрубе де-Пирмона, плохо владѣвшаго русскимъ языкомъ, Ломоносовъ, по рекомендаціи академика Гольдбаха, представилъ Ф-ча, въ 1759 г., президенту академіи. Въ академическомъ собраніи, предварительно созванномъ съ этою цѣлью, предложеніе Ломоносова—избрать Ф-ча профессоромъ общаго права—встрѣтило одобреніе всѣхъ присутствовавшихъ, за исключеніемъ одного только секретаря конференціи, академика Миллера, почему-то не взлюбившаго Ф-ча съ перваго дня знакомства. Нападки Миллера на Ф-ча продолжались почти все время, пока послѣдній не вышелъ въ отставку (въ 1770 г.). Ссоры эти оканчивались нерѣдко грубыми оскорбленіями, какъ напр. 2-го декабря 1762 г., когда Миллеръ, по словамъ Ломоносова, «не токмо ругалъ Ф-ча безчестными словами, но и въ зашею выбилъ изъ конференціи».

«Общій списокъ членовъ Имп. Акад. Наукъ», сост. Шеміодтомъ, 1873 г.; — «Матеріалы для біогр. Ломоносова», собр. акад. Билярскимъ, Спб., 1865 г.; — Пекарскій: «Ист. Имп. Акад. Наукъ въ Петербургѣ» т. 2.

Федоровъ, *Борисъ Михайловичъ*, стихотворецъ, драматургъ, журналистъ и писатель для дѣтей, род. въ 1794 г., ум., въ чинѣ статскаго совѣтника, 7 апрѣля 1875 г. Литературную дѣятельность началъ въ 1813 г. стихотвореніемъ «Донской казакъ, возвратившійся въ свое отечество послѣ подвиговъ ратныхъ». Въ томъ же году Ф-вымъ была написана драма въ двухъ дѣйствіяхъ «Крестьянинъ-офицеръ или извѣстіе о прогнаніи французовъ изъ Москвы», игранная въ первоначальномъ видѣ въ Петрозаводскѣ, на праздникѣ, данномъ дворянствомъ при возвращеніи Олонецкаго ополченія, и съ прибавкою куплетовъ изданная въ 1846 г. подъ названіемъ оперы «Русскій крестьянинъ или гость съ Бородинскаго поля». Послѣдующія драматическія произведенія Ф-ва появлялись въ такомъ порядкѣ: въ 1814 г.—героическое представленіе въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, съ хорами, «Русскіе витязи при князѣ Владимірѣ»; въ 1816 г.—оригинальная комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, «Наказанная ханжа или урокъ каждому въ очередь», представленная въ первый разъ въ С.-Петербургѣ,

на Маломъ театрѣ (на мѣстѣ его въ 1832 г. построенъ Александринскій), 29 декабря 1816 г.; въ 1818 г.—оригинальная комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, «Чудныя встрѣчи или суматоха въ маскарадѣ», представленная на сценѣ Большого театра въ Петербургѣ въ 1-ый разъ — 28 октября 1818 г.; комедія эта посвящена Н. М. Карамзину. Послѣдними двумя драматическими опытами Ф-ва были: оригинальная комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, «Ротмистръ Громиловъ», напечатанная въ 1824 г., представленная на сценѣ Малаго театра въ 1826 г., и театральное представленіе въ одномъ дѣйствіи «Кадетскіе бивуаки», игранное кадетами 1-го корпуса 15 февраля 1835 г. Ни одна изъ пьесъ Ф-ва успѣха не имѣла и въ репертуарѣ не удержалась. Трудолюбивый, не сознававшій своей бездарности, авторъ понялъ, однако, что онъ на сценѣ скученъ для большихъ, и рѣшилъ сдѣлаться дѣтскимъ писателемъ. Начавъ съ составленія сначала переводныхъ книжекъ для дѣтей, Ф. перешелъ затѣмъ къ оригинальнымъ, какъ напр.: «Дѣтскій цвѣтникъ» (1827), «Дѣтскія стихотворенія» (1829), «Дѣтскій театръ» (1-ое изд.— въ 1830—31 гг., 2-ое—въ 1835, въ трехъ частяхъ, дополненное 30 пьесами, 3-е, въ двухъ томахъ,—въ 1882 г., М. О. Вольфа), «Дѣтскій павильонъ» (1836), «Новый храмъ счастія» (1836), «Привѣтствія дѣтской любви» (2-ое изд. въ 1858 г.) и др. Въ 1827—29 и въ 1831 г. Ф. издавалъ журналъ «Новая дѣтская библіотека» (первые три года—ежемѣсячно, четвертый годъ— 24 раза), еще раньше, въ 1815 г., участвовалъ въ изданіи литературнаго журнала «Кабинетъ Аспазіи» (вышло 6 книгъ), въ 1828 г. пытался, но безуспѣшно, издавать журналъ «С.-Петербургскій Зритель» (вышла одна книга) и, наконецъ, стараясь подражать духу времени, издалъ весьма плохой альманахъ «Памятникъ отечественныхъ музъ на 1827 и 1828 годы». Въ 1825 г. Ф. началъ, а въ 1848 г. окончилъ и напечаталъ большой историческій романъ въ 4-хъ частяхъ «Князь Курбскій» (3-е изд., Губинскаго, въ 1888 г.), въ которомъ нѣтъ ни исторической вѣрности характеровъ, ни колорита мѣста и времени. Кромѣ стихотвореній для дѣтей, Ф. писалъ также стихи поздравительные, на разные торжественные случаи и патріотическіе, напр., собраніе стихотвореній «Въ память Императора Николая I» (1857 г.) или «Легенды о Петрѣ Великомъ и стихи на двухвѣковой юбилей его рожденія». Сборники стиховъ Федорова появлялись: въ 1818 г. — «Опыты въ поэзіи» и въ 1829—«Эзоповы басни въ стихахъ», «Гитара и свирѣль или собраніе пѣсень и романсовъ» и «Вечерніе разсказы». Ф. сотрудничалъ въ «Сѣверной Пчелѣ» и писалъ въ 1838—42 г. критическіе разборы въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Въ 1823 г. служилъ секретаремъ при директорѣ департамента духовныхъ дѣлъ (А. И. Тургеневѣ) въ Министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, въ чинѣ титулярнаго совѣтника; затѣмъ былъ три года театральнымъ цензоромъ при Министерствѣ Двора и, наконецъ, состоялъ въ 50 — 60 гг. помощникомъ завѣдывающаго картинами, и драгоцѣнными вещами въ Императ. Эрмитажѣ. Въ 1833 г. Ф., по предложенію президента Россійской академіи А. С. Шишкова, избранъ въ ея дѣйствит. члены, а послѣ преобразованія академіи (1741 г.) былъ почетнымъ членомъ отдѣленія русск. языка и словесности.

«Иллюстрированная Недѣля» 1875 г., № 17. — Карточный каталогъ русскаго отдѣленія Имп. Публич. библіотеки.—Адресъ-календари разныхъ годовъ.—«Сочиненія В. Бѣлинскаго» (изд. 3, 1874 г.), т. 7, стр. 295—308 (отзывъ о Курбскомъ) и т. 10, стр. 63—66. М. И. Сухомлиновъ: «Истор. Росс. акад.» т. 7, ст. 473. *С. Тр.*

Федоровъ, *Василій Михайловичъ*, драматическій писатель и стихотворецъ первой четверти XIX ст., служившій по гражданскому вѣдомству въ Москвѣ, затѣмъ въ Петербургѣ; біографическихъ свѣдѣній о немъ не имѣется. Онъ написалъ довольно много, но его произведенія давно забыты и имѣютъ въ настоящее время лишь нѣкоторое историко-литературное значеніе. Перу Ф-ва принадлежатъ слѣдующія драмы и комедіи: «Лиза или послѣдствія гордости и обольщенія», въ 5 дѣйствіяхъ; эта драма, подражаніе «Бѣдной Лизѣ» Карамзина, была авторомъ поднесена императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и въ первый разъ представлена на с.-петербургскомъ придворномъ театрѣ 2 декабря 1803 г.; въ печати появилась въ 1804 и, вторымъ изданіемъ, въ 1817 г.; «Любовь и добро-

дѣтель» (1803); «Клевета и невинность» (1805); «Не бывать фатѣ» (1807); «Прасковья Борисовна Правдухина» (1813); «Русскій солдатъ, или хорошо быть добрымъ господиномъ» (1803); «Благодѣтельный расточитель» (1807); «Правда глаза колетъ» (1821); «Удачный обманъ» (1823). Кромѣ того «Ода на побѣды россіянъ надъ французами», написанная по случаю разбитія маршаловъ Даву и Нея, и стихи «На случай вторгнувшагося непріятеля въ россійскіе предѣлы». Наконецъ Ф. перевелъ съ французскаго «Басни Эзопа, съ правоученіями въ стихахъ и съ присовокупленіемъ ко всякой басни фигуръ»; эти басни напечатаны въ Москвѣ въ 1806 г., параллельно на русскомъ и французскомъ языкахъ.

О Ф-вѣ вскользь упоминается въ запискахъ П. А. Каратыгина (ст. 132 и 133), Жихарева (ст. 102 и 234) и Греча (210), а также въ «Лѣтописи русскаго театра» Аранова; — «Настольный словарь» Толля;—Сопиковъ: «Опытъ русск. библіогр., и указатель къ нему, составлени. Морозовымъ».

Федоровъ, *Иннокентій Васильевичъ*, поэтъ и беллетристъ, писавшій подъ псевдонимомъ *Омулевскаго*, род. въ Петропавловскѣ, въ Камчаткѣ, въ 1836 г., ум. въ С.-Петербургѣ 26-го декабря 1883 г. Первоначальное образованіе получилъ въ иркутской гимназіи, но курса въ ней не кончилъ. Выйдя изъ 6-го класса, онъ опредѣлился на службу, но служилъ не долго и въ концѣ пятидесятыхъ годовъ поступилъ въ с.-петербургскій университетъ вольнослушателемъ на юридическій факультетъ, гдѣ пробылъ около двухъ лѣтъ. Къ 1860 г. относится начало литературной дѣятельности Федорова: онъ сдѣлался сотрудникомъ «Искры» и другихъ сатирическихъ листковъ. Послѣ того стихотворенія его появлялись въ журналахъ: «Современникѣ» (1861 г.), «Русскомъ Словѣ», «Вѣкѣ», «Женскомъ Вѣстникѣ» и «Восточномъ Обозрѣніи», «Живописномъ Обозрѣніи», «Наблюдателѣ» и, главнымъ образомъ, въ «Дѣлѣ». Небольшіе размѣры художественнаго дарованія Федорова искупались въ глазахъ читателей либерализмомъ его направленія, а также несомнѣнною искренностью автора и стойкостью его убѣжденій. Переводныя (съ польскаго) стихотворенія Федорова удачнѣе оригинальныхъ, и русская литература обязана ему хорошими переводами изъ Владислава Сырокомли. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти вышелъ сборникъ стихотвореній Омулевскаго, подъ заглавіемъ: «Пѣсни жизни», гдѣ нашло мѣсто все, написанное имъ въ стихахъ въ теченіе 23 лѣтъ. Проза Омулевскаго имѣла гораздо большій успѣхъ, чѣмъ стихи. Его романъ «Шагъ за шагомъ», печатавшійся сначала въ «Дѣлѣ» (1870 г.), а затѣмъ вышедшій въ 1871 г. отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: «Свѣтловъ, его взгляды, характеръ и дѣятельность», произвелъ сенсацію и въ 70-хъ годахъ имъ зачитывались. Не отличаясь художественными красотами, романъ этотъ не лишенъ однако наблюдательности, живыхъ сценъ, зачатковъ типовъ. Написанный подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Шпильгагенскаго «In Reih und Glied» («Одинъ въ полѣ не воинъ»), романъ Омулевскаго затрогивалъ вопросы, волновавшіе молодежь 70-хъ годовъ: о свободѣ слова и дѣятельности, о положеніи рабочаго класса, о женской эмансипаціи, народномъ образованіи, и проч. Критика справедливо назвала «Шагъ за шагомъ» — «беллетристикою добрыхъ намѣреній», стремленіемъ изъ ничего создать «новаго человѣка», программою, внушенною искреннимъ и горячимъ чувствомъ. Другой романъ Федорова — «Попытка не шутка» — остался неоконченнымъ (появились только три главы въ январской книжкѣ «Дѣла» 1873 г.). Ведя кочующую жизнь литературной богемы, живя то въ Петербургѣ, то въ Иркутскѣ, Ф. частью не умѣлъ, а частью не хотѣлъ устроить свою жизнь, терпѣлъ нищету, доводившую до голода, и умеръ въ безъисходной нуждѣ, оставивъ семью безъ всякихъ средствъ.

А. М. Скабичевскій: «Исторія новѣйшей русской литературы», изд. 2-е, Спб. 1893 г., стр. 288—290;—Д. Языковъ: «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. III, стр. 93.—Некрологи: въ «Русскихъ Вѣд.» 1883 г., № 358, «Совр. Изв.» 1884. № 7, «Дѣлѣ» 1884, кн. 2, стр. 146—147, «Истор. Вѣстникѣ» 1884, кн. 2, стр. 457.

С. Тр.

Федоровъ, *Павелъ Ивановичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, бессарабскій военный губернаторъ, сенаторъ, род. въ 1791 г., ум. въ Москвѣ, состоя на службѣ, 30 іюня 1855 г. По окончаніи курса наукъ въ С.-Петербургскомъ 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, Ф., 17-ти лѣтъ отъ

роду, поступилъ 14 января 1808 г. прапорщикомъ въ Старооскольскій пѣхотный полкъ и въ томъ же году выступилъ съ своимъ полкомъ въ походъ въ Турцію, гдѣ оставался на театрѣ войны до 30 августа 1812 г., находясь, между прочимъ, въ 1809 г. на флотиліи въ Сулинскихъ гирлахъ и въ десантѣ при крѣпости Измаилѣ. Въ отечественную войну съ французами участвовалъ въ 1812 и 1813 гг. во всѣхъ главнѣйшихъ дѣлахъ русской арміи въ предѣлахъ Польши, Австріи и Германіи; 27 апрѣля 1813 г., при переправѣ черезъ Эльбу, былъ сильно контуженъ въ шею, подъ правымъ ухомъ и лишился слуха на этомъ ухѣ; 8 и 9 мая того же года сражался подъ городомъ Бауценомъ, 10 и 11 августа участвовалъ при разбитіи корпуса подъ начальствомъ маршала Нея при мѣстечкѣ Гольдбергѣ, причемъ на второй день раненъ пулею на вылетъ въ лѣвый бокъ, 5 и 6 октября того же года былъ въ генеральномъ сраженіи при Лейпцигѣ и унесенъ съ поля битвы, раненый двумя пулями. За выказанную во всѣхъ этихъ дѣлахъ храбрость награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степени и чиномъ маіора. Для излѣченія тяжкихъ ранъ оставался до 1817 г. въ разныхъ германскихъ госпиталяхъ, а затѣмъ лѣчился до 1819 г. на кавказскихъ минеральныхъ водахъ. Уволенный по болѣзни отъ военной службы, Ф. былъ назначенъ 29 сентября 1820 г. полицеймейстеромъ въ городѣ Николаевѣ, херсонской губерніи, и, занимая эту должность, состоялъ въ 1829 г. членомъ комитета, учрежденнаго для рѣшенія дѣлъ по Черноморскому департаменту; въ томъ же году назначенъ оберъ-штеръ-кригсъ-комисаромъ этого департамента, а въ 1833 г. переименованъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ комендантомъ города Николаева. Съ 23 іюня 1834 г. исправлялъ должность николаевскаго и севастопольскаго военнаго губернатора, 28 августа того-же года назначенъ бессарабскимъ гражданскимъ губернаторомъ, завѣдуя вмѣстѣ съ тѣмъ, съ 29 ноября 1835 г., измаильскимъ градоначальствомъ; въ 1836 г. назначенъ бессарабскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ отсутствіи новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора четыре раза временно исправлялъ его должность (съ 18 сент. 1838 г.—14 окт. 1839 г., съ 22 іюля—22 сент. 1840 г., съ 3 іюля 1843 по 26 окт. 1844 г. и, наконецъ, въ 1844 г.); за отлично усердную службу и полезные труды, оказанные при исправленіи этой должности, Ф. былъ награжденъ орденомя св. Владиміра 2 ст. (1839), чиномъ генералъ-лейтенанта (1840) и орденомъ Бѣлаго Орла (1844); кромѣ того, за содѣйствіе при исполненіи мѣръ, принятыхъ для устройства плаванія по Дунаю коммерческихъ судовъ, удостоенъ императоромъ австрійскимъ ордена Желѣзной Короны 1 ст. Произведенный въ 1852 г. въ генералы-отъ-инфантеріи, Ф. 29 мая 1854 г. былъ уволенъ отъ должности бессарабскаго военнаго губернатора, съ Высочайшимъ повелѣніемъ присутствовать въ сенатѣ и съ оставленіемъ при арміи; въ сенатѣ Ф. засѣдалъ до 1855 г. въ 1 отдѣленіи 6-го департамента.

Послужной списокъ, хранящійся въ домашнемъ архивѣ П. И. Баранова.

Федоровъ, *Павелъ Степановичъ*, д. с. с., драматургъ, начальникъ репертуарной части и управляющій с.-петербургскимъ театральнымъ училищемъ, род. въ 1803 г., ум. 11 марта 1879 года. Обучался въ с.-петербургскомъ университетѣ, но курса не кончилъ, и 15 мая 1818 г. поступилъ на службу канцеляристомъ въ бывшую Экспедицію Государственныхъ доходовъ. 4-го марта 1819 г. Ф. уволенъ отсюда и опредѣленъ въ Государственную экспедицію для ревизіи счетовъ, гдѣ дослужился до столоначальника и откуда въ 1836 г. переведенъ въ особую канцелярію главнопачальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ. По упраздненіи особой канцеляріи, Ф. около года служилъ въ III Отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи, а въ 1843 г. причисленъ къ почтовому департаменту, гдѣ въ теченіе десяти лѣтъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій VI класса, неоднократно исправляя при этомъ должность начальника отдѣленія. 23 мая 1853 г. Ф-ву поручено было исправленіе должности управляющаго с.-петербургскимъ театральнымъ училищемъ, а 15 сентября—и начальника репертуарной части. Въ 1854 г. (18 сентября) Ф. былъ утвержденъ въ должности и оставленъ сверхштатнымъ чиновникомъ особыхъ порученій почтоваго департамента, гдѣ извлекалъ изъ архива матеріалы для исторіи почтъ въ Россіи.

Отчисленіе Ф-ва отъ почтоваго вѣдомства состоялось 2 августа 1857 г. Въ 1861 г. онъ былъ произведенъ въ д. с. с., а въ 1878 г. получилъ орденъ св. Анны I степ. Назначеніе Ф-ва на должность начальника репертуарной части было мотивировано его «многочисленными литературными трудами для театра, свидѣтельствующими какъ объ опытности, такъ и знаніяхъ по этой отрасли искусства». Дѣйствительно, наравнѣ съ П. А. Каратыгинымъ и И. И. Григорьевымъ, Ф. былъ водевильною знаменитостью Николаевскаго царствованія. Онъ дебютировалъ въ сезонъ 1829 — 1830 гг. оригинальнымъ водевилемъ «Миръ съ турками», выдержавшимъ около пяти представленій и написаннымъ въ патріотическомъ духѣ, по случаю окончанія войны. Послѣ этого, въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ (до 1853 г. включительно) Ф. не переставалъ писать и, главнымъ образомъ, переводить и передѣлывать на русскіе нравы съ французскаго водевили и легкія комедіи. Въ итогѣ драматической дѣятельности Ф-ва явилось 74 пьесы, изъ которыхъ 17 оригинальныхъ и 57 переводныхъ. Изъ оригинальныхъ имѣли значительный успѣхъ: «Архиваріусъ» (1837), «Хочу быть актрисой» (1840) и «Довольно» (1849); изъ переводныхъ до сихъ поръ не сходятъ съ репертуара: «Путаница» (1840), «Азъ и фертъ» (1849), «Утка и стаканъ воды» (1852), комедія «Любовь и предразсудокъ» (1853) и др. Роль Мардашева въ водевилѣ «Азъ и фертъ» Мартыновъ считалъ одною изъ лучшихъ въ своемъ обширномъ репертуарѣ и передавалъ ее съ неподражаемымъ комизмомъ. По словамъ «Хроники Петербургскихъ театровъ», этотъ водевиль сыграли 22 раза кряду и не переставали играть въ продолженіе многихъ лѣтъ. Почти всѣ пьесы Ф-ва напечатаны въ журналѣ «Репертуаръ и Пантеонъ», а въ 1874 г. появился первый томъ его «Сочиненій и переводовъ», въ который вошли: «А. и Ф.», «Архиваріусъ», «Бархатная шляпка», «Буря въ стаканѣ воды», «Бабушкинъ внучекъ», «Выдалъ дочку замужъ», «Въ чужомъ глазу сучокъ мы видимъ» и «Гони любовь хоть въ дверь, она войдетъ въ окно». Къ сожалѣнію, изданіе не продолжалось. Двадцатишестилѣтнее управленіе репертуарною частью, несмотря на всѣ его недостатки, служившіе предметомъ ожесточенныхъ нападковъ повременной печати, имѣло и нѣкоторыя хорошія стороны: такъ Ф. обратилъ вниманіе на печальное состояніе русской оперы и всячески старался поднять ее, что ему и удалось сдѣлать; онъ уважалъ артистовъ и заставлялъ общество относиться къ нимъ съ уваженіемъ; онъ выхлопоталъ гонораръ за представленіе драматическихъ произведеній и принималъ дѣятельное участіе въ театрально-литературномъ комитетѣ, основанномъ (въ 1856 г.) графомъ В. Ѳ. Адлербергомъ, «съ цѣлью очистить репертуаръ русской сцены, согнать съ него плохія пьесы, допускать только пьесы хорошія, соотвѣтственныя современному направленію, привлечь даровитыхъ писателей,—словомъ, поставить сцену въ уровень съ жизнью». По словамъ А. А. Нильскаго, Ф. перенесъ много напраслины, незаслуженныхъ упрековъ и подозрѣній, стараясь служить дѣлу, а не лицамъ.

Дѣла архива Театральной дирекціи №№ 22 и 56.—«Историч. Вѣстникъ» 1894 г., февраль (портретъ П. С. Ф-ва) и мартъ («Воспоминанія» А. А. Нильскаго»).—Для характеристики дѣятельности Ф-ва, какъ театральнаго администратора, любопытны также отзывы: А. В. Никитенко («Дневникъ», т. II, стр. 81 и т. III, стр. 257); П. Юркевича, («Истор. Вѣстн.» 1882 г., № 10, стр. 171, «Изъ воспоминаній петербургскаго старожила»); А. Л. Леонидова, («Русская Старина» 1892, № 2, стр. 513—514, «Театральныя воспоминанія»); Д. В. Аверкіева, («Дневникъ писателя» 1886, № 2, стр. 67—72).—А. Вольфъ, «Хроника петербургскихъ театровъ», часть I, стр. 22, 138, 166; часть II, стр. LIII, часть III, стр. 3—8, 46, и др. — «Русскій Архивъ» 1896 г., № 4, стр. 619—629 («Къ исторіи театральной цензуры. Записка П. С. Федорова, съ предисловіемъ А. А. Ярцова»). *С. Тр.*

Ф е д о р о в ы х ъ, не приведенныхъ здѣсь, см. подъ буквою Ѳ.

Федотовъ, Павелъ Андреевичъ, живописецъ, см. Ѳедотовъ.

Федченко, *Алексѣй Павловичъ*, естествоиспытатель и географъ, род. въ Сибири 7-го февр. 1844 г., ум. во Франціи 3-го сентября 1873 г. Первоначальное воспитаніе получилъ въ домѣ отца своего (сперва богатаго, но впослѣдствіи разорившагося золотопромышленника), потомъ учился въ иркутской гимназіи. Поступивъ въ 1860 г. на физико-математическій факультетъ московскаго университета, онъ на первомъ и второмъ курсахъ занимался преимущественно ботаникой и въ теченіе

1861 и 1862 гг. составилъ очень полный гербарій окрестностей Москвы. Около того времени, по почину проф. А. П. Богданова, въ Москвѣ составился кружокъ естествоиспытателей, преимущественно зоологовъ, задавшійся цѣлью естественно-историческаго изученія прежде всего московской губ. и ближайшихъ къ ней мѣстностей средней Россіи. Ф. принялъ дѣятельное участіе въ трудахъ этого кружка, преобразованнаго 15 октября 1863 г. въ Общество любителей естествознанія, и посвятилъ свои силы зоологіи, оставшейся до конца жизни его любимымъ предметомъ. Съ образованіемъ при обществѣ отдѣла антропологіи, Ф. былъ избранъ секретаремъ этого отдѣла и сталъ заниматься и этою наукою; впослѣдствіи къ его спеціальнымъ занятіямъ прибавились еще географія и геологія. Совершенная неизвѣстность въ энтомологическомъ отношеніи московской губ. заставила образовать при обществѣ энтомологическую комиссію. Ф. получилъ званіе ея предсѣдателя и взялъ на себя собираніе и опредѣленіе двухъ большихъ отрядовъ: двукрылыхъ и перепончатокрылыхъ, по которымъ составилъ обширныя коллекціи, а по двукрылымъ издалъ «Списокъ двукрылыхъ московскаго учебнаго округа». Избранный дѣйств. членомъ также и общества акклиматизаціи, онъ, еще студентомъ, своими рефератами принималъ участіе въ его трудахъ. Окончивъ въ 1864 г. университетскій курсъ со степенью кандидата, онъ состоялъ учителемъ естественной исторіи въ Екатерининскомъ и Александровскомъ институтахъ и при Воспитательномъ домѣ. Въ 1865 г. ѣздилъ на лѣто за границу, между прочимъ, въ Парижъ и Лондонъ. Съ 6 октября 1866 г. состоялъ помощникомъ инспектора студентовъ московскаго университета, а свободное отъ службы время посвящалъ занятіямъ энтомологіей и антропологіей; въ это же время онъ принималъ дѣятельное участіе въ подготовленіи этнографической выставки, устройствомъ антропологическаго отдѣла и составленіемъ къ нему каталога. Въ 1867 г. онъ посѣтилъ Финляндію и Швецію, занимаясь въ Гельсингфорсѣ и Стокгольмѣ измѣреніями череповъ финновъ и всюду собирая насѣкомыхъ. Въ декабрѣ 1867 г. принялъ участіе въ 1-мъ съѣздѣ естествоиспытателей въ С.-Петербургѣ; въ февралѣ 1868 г. ѣздилъ въ Австрію и Италію, для изученія нѣкоторыхъ научныхъ вопросовъ въ виду предстоявшаго путешествія въ Туркестанъ; въ Неаполѣ занимался микроскопическими изслѣдованіями подъ руководствомъ проф. Лейкарта. Въ январѣ 1869 г. прибылъ въ Самаркандъ и 8 мѣсяцевъ посвятилъ изслѣдованію Зарафшанской долины, а на зиму былъ командированъ въ Москву для разборки коллекцій и заготовленія новаго запаса пособій для второй экспедиціи. Въ маѣ 1870 г. онъ выѣхалъ вторично въ Туркестанъ. Посѣтивъ озеро Искандеръ-Куль и верховья рѣки Зарафшана, занялся изслѣдованіемъ риппы (Filaria medinensis) въ Джизакѣ, а затѣмъ посѣтилъ новоприобрѣтенныя бекства — Фарапское и Магіанское. Зимою 1870—71 г. пополнялъ въ Ташкентѣ зоологическія коллекціи и занимался микроскопическими изслѣдованіями. Въ ту же зиму основалъ въ Ташкентѣ отдѣлъ общества любителей естествознанія и, въ качествѣ секретаря его, прочелъ рядъ публичныхъ лекцій о паразитахъ человѣка; основалъ комиссію для организаціи туркестанскаго отдѣла на политехнической выставкѣ, устраивавшейся въ 1872 г. въ Москвѣ, и былъ ея предсѣдателемъ. Въ апрѣлѣ 1871 г. изслѣдовалъ пески Кизилъ-Кумъ; затѣмъ отправился въ путешествіе по независимому тогда Коканскому ханству. Хотя завѣтная мечта Федченко — изслѣдовать Памиръ, и не могла осуществиться, и ему удалось достигнуть только сѣверной его границы, тѣмъ не менѣе путешествіе это, по своимъ результатамъ, было очень плодотворно: множество собранныхъ имъ животныхъ дало матеріалъ для 16-ти изъ вышедшихъ до 1888 г. двадцати двухъ выпусковъ «Путешествія въ Туркестанъ» и поступило, какъ и всѣ собранныя имъ зоологическія и энтомологическія коллекціи, въ зоологическій музей московскаго университета и въ московскій политехническій музей. Обширный гербарій, карты и маршруты странъ, антропологическія, этнографическія и техническія коллекціи тоже частью обработаны и вошли въ «Путешествіе» и въ его предварительные отчеты, коллекціи же хранятся въ ботаническомъ саду московскаго университета, политехническомъ и антропологическомъ музеяхъ. Въ сентябрѣ 1872 г. Ф. уѣхалъ за границу, командированный на два года

для обработки собранныхъ въ Туркестанѣ матеріаловъ и изданія описанія ихъ. Посѣтивъ Германію и Францію, онъ поселился на зиму 1872—73 г. въ Лейпцигѣ, гдѣ занимался въ лабораторіи Лейкарта, перевелъ 1-ый выпускъ труда «Путешествіе въ Туркестанъ»—«Слизняки», обработанный Мартенсомъ на нѣмецкомъ языкѣ, и писалъ «Въ Коканскомъ ханствѣ». Лѣто 1873 г. провелъ въ Гейдельбергѣ и въ Люцернѣ, гдѣ продолжалъ микроскопическія изслѣдованія и обработку «Коканскаго ханства» и началъ печатаніе двухъ первыхъ выпусковъ «Путешествія». Изъ Люцерна совершалъ экскурсіи въ горы для геологическихъ изслѣдованій; послѣдними онъ занимался въ виду предполагавшагося третьяго путешествія въ Туркестанъ, на Памиръ, которое разсчитывалъ совершить по возвращеніи изъ-за границы. Для сравненія съ ледниками Туркестана, намѣревался посѣтить три ледника европейскихъ Альпъ и 2-го сентября 1873 г. съ двумя проводниками поднялся изъ Шамуни во Франціи на одинъ изъ ледниковъ Монблана, «Col du Géant»; застигнутый бурею, онъ въ ночь на 3-е сент., еще живой, былъ покинутъ проводниками и погибъ. Ф. похороненъ 6 сент. въ Шамуни. Русскіе, находившіеся въ то время въ Швейцаріи, по подпискѣ воздвигли памятникъ на его могилѣ. Отъ ученыхъ обществъ Ф. получилъ награды: въ 1864 г. отъ Имп. Моск. общ. сельск. хоз. за коллекцію пилильщиковъ (Tenthredinidae)—большую серебряную медаль; въ 1871 г. отъ Имп. общ. любит. естествозн.—премію Щуровскаго (микроскопъ); за выставки, этнографическую 1867 г. и политехническую 1872 г., двѣ золотыя медали. Онъ состоялъ членомъ многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ, такъ, между прочимъ, членомъ-основателемъ Имп. общ. любителей естествознанія, дѣйствительнымъ членомъ: Русск. географ. общества въ С.-Петербургѣ, Общ. акклиматизаціи, Общ. испытателей природы, Общ. сельскаго хозяйства, Зоологическо-ботаническаго общ. въ Вѣнѣ и Берлинскаго энтомолог. общ., а также мѣстнымъ секретаремъ Лондонскаго антропологическаго общ. Изъ самостоятельныхъ трудовъ Ф. наиболѣе замѣчательны: 1) «О растеніяхъ, акклиматизація которыхъ желательна въ Закавказскомъ краѣ» («Акклиматизація, Т. IV., вып. 1 и 2 за 1863 г.); 2) «О важности изученія череповъ» и 3) «О мѣстѣ центра тяжести въ тѣлѣ человѣка» (помѣщены въ «Извѣст.» Общ. люб. ест., т. III, вып. I, 1867 г.); 4) «О болѣзняхъ шелковичныхъ червей» и 5) «О болѣзняхъ шелковичныхъ червей въ туркестанскомъ краѣ» («Отч. Комитета шелководства» за 1869 г., стр. 17, и за 1872 г., стр. 121); 6) «Топографическій очеркъ Заравшанской долины» (съ картой, въ «Извѣст.» Общ. люб. ест., т. VIII, вып. 2., стр. 19, за 1870 г. Перев. Мичеллемъ на англ. яз., подъ загл.: «Topographical sketch of the Zarafshan valley»); 7) «Замѣтки о бекствахъ заравшанской долины и о памятникахъ Самарканда» («Извѣст.» Общ люб. ест., т. VIII, вып. 2, стр. 19, за 1870 г.); 8) «Поѣздка въ Магіанъ», (ibid. т. IX, вып. 1, стр. 23); 9) «О строеніи и размноженіи ришты» («Изв.» Общ. люб. ест., т. VIII, вып. 2), и 10) «Отчего человѣкъ заболѣваетъ риштой?» (народн. изданіе для сартовъ, переведенное на туземное нарѣчіе Ибрагимовымъ); 11) «Зоологическія замѣтки: a) прѣсноводныя немертины, b) новый паразитъ свиньи и c) къ анатоміи круглыхъ червей» («Извѣст.» Общ. люб. ест., т. X, вып. 1 и 2). Съ 1874 по 1888 гг. въ «Изв.» Общ. люб. ест., въ томахъ XI, XIX, XXI и XXIV печатался капитальнѣйшій трудъ: «Путешествіе въ Туркестанъ А. П. Федченко», въ количествѣ 22 выпусковъ. Кромѣ того, съ 1869 по 1873 г. имъ было написано много мелкихъ статей, помѣщенныхъ въ «Извѣстіяхъ» Геогр. общества и въ «Mittheilungen aus Justus Perthes Geographischer Anstalt».

«Туркест. Вѣд.» 1873 № 41, 45, 50.—Отчетъ Имп. Русск. геогр. общ. 1873 г. (статья секрет. общ. Венюкова).—«С.-Петерб. Вѣд.» 1873, № 352 (письмо д-ра Вильбушевича).—«Московскія Вѣд.» 1873 г., №№ 230—232 и 245. — «Голосъ» 1873 г., № 245, (письмо жены покойнаго, О. А. Федченко).—«Изв. Имп. Общ. люб. ест., антроп. и этногр.», Т. LV.—Матеріалы для ист. научн. и прикл. дѣят. въ Россіи по зоологіи», собр. А. Богдановымъ, Т. I, 1888, листъ 27-й.—Marthe: «Fedshenko's Reisen in Turkestan (Зап. Берлин. геогр. общ., 1873 г., на нѣмецк. яз.).—«Botan. Zeitschr.» за 1873 г. (ст. Регеля, съ портр. Ф.).—Mac Lachlan, (некрол. въ «The Entomologists Monthly Magazine» № 114 за 1873 годъ). Lohde: «Nachruf» въ «Bot. Zeitschr.», 1873.

Л. Вейнбергъ.

Фезе, *Карлъ Карловичъ*, (Faesy), генералъ-лейтенантъ, род. въ 1797 г., ум. 22 іюля 1848 г. Сынъ профессора художественной школы и секретаря Верховнаго суда

въ Бернѣ, Ф. началъ службу въ швейцарскихъ войскахъ и, во время коалиціонной войны 1814 г. противъ Наполеона, состоялъ уже въ чинѣ маіора. Имѣя случай быть представленнымъ Императору Александру I, Ф. поступилъ на русскую службу и былъ 20 ноября 1816 г. зачисленъ, съ чиномъ штабсъ-капитана, л.-гв. въ Финляндскій полкъ. По сформированіи л.-гв. Волынскаго полка, въ 1817 г., переведенъ въ составъ его, откуда 12 марта 1822 г., съ производствомъ въ полковники, опредѣленъ баталіоннымъ командиромъ въ Подольскій пѣхотный полкъ. Съ 14 сентября 1826 г. Ф. командовалъ Житомірскимъ пѣхотнымъ полкомъ, 16 іюля 1830 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ сначала командиромъ 2-й бригады 14 пѣхотной дивизіи, а вскорѣ затѣмъ—2-й бригады 26-й пѣхотной дивизіи. Въ 1831 г. возгорѣлась польская война, и Ф. явился однимъ изъ дѣятельныхъ ея участниковъ. Командуя сначала форпостною линіею по р. Бугу, между мѣстечками Кутно и Немировымъ, онъ, со вступленіемъ русской арміи въ предѣлы Польши, перешелъ границу во главѣ брестъ-литовскаго отряда; 24 января 1831 г. овладѣлъ г. Тирасполемъ, а 6 февраля Бялою, и въ послѣдней остался начальникомъ Бяльскаго и Радзынскаго обводовъ. По возвращеніи черезъ мѣсяцъ въ дѣйствующую армію, Ф. командовалъ пѣхотою въ авангардѣ генерала барона Гейсмара подъ Прагою, а 19 марта находился въ сраженіи при Дамбе-Вельке, гдѣ былъ раненъ выше лѣваго локтя пулею. Не покидая строя, онъ на другой день участвовалъ въ сраженіи между Минскомъ и Калушинымъ. 21 числа, при Ягодинѣ, Ф., подъ картечнымъ огнемъ непріятеля, разрушилъ мостъ черезъ р. Кострелинъ и удержалъ преслѣдованіе 6-го пѣхотнаго корпуса арміею Скржинецкаго. При дальнѣйшемъ же преслѣдованіи, командуя авангардомъ генерала Игельстрома, отнялъ у непріятеля штыками селеніе Игане и удерживалъ его до полнаго отступленія и переправы черезъ р. Муховецъ войскъ корпуса барона Розена. Въ званіи начальника штаба въ отрядѣ генерала Угрюмова, предводительствуя 3-ю бригадою 1-й гренадерской дивизіи, Ф. въ сраженіи 2 и 3 апрѣля взялъ штурмомъ предмостное укрѣпленіе на р. Ливѣ и за оказанную храбрость былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1 степ. Назначенный вслѣдъ затѣмъ начальникомъ авангарда въ корпусѣ барона Крейца, онъ 27 апрѣля въ Фирлейскомъ лѣсу захватилъ въ плѣнъ польскаго генерала Ромарино, но мятежники, атаковавшіе его превосходными силами, успѣли освободить плѣннаго. На другой день, Ф., командуя лѣвымъ флангомъ корпуса барона Крейца, овладѣлъ городомъ Любартовымъ и принудилъ гарнизонъ къ безусловной сдачѣ. Съ орденомъ св. Георгія 4 степ. явился онъ снова къ корпусу барона Розена и 26 мая, у селенія Соломянки, разсѣялъ шайки мятежниковъ, предводимыя Нѣмцевичемъ, захвативъ ихъ лагерь и обозъ. Назначенный вскорѣ командующимъ 24 пѣхотной дивизіей, Ф. находился съ нею въ различныхъ дѣлахъ подъ Прагою и въ ея окрестностяхъ. 8 августа участвовалъ въ авангардномъ дѣлѣ при Гроховѣ, 16 числа въ сраженіи при Крынкахъ, гдѣ прикрывалъ отступленіе корпуса барона Розена, 20 и 21 августа способствовалъ отраженію нападеній непріятеля на Тирасполь и Брестъ-Литовскъ и, получивъ въ сраженіи при Ополе контузію въ правую руку, преслѣдовалъ непріятельскую кавалерію за рѣку одною пѣхотою. 4 сентября Ф. содѣйствовалъ окончательному пораженію войскъ польскаго генерала Ромарино при Раховѣ, за что получилъ орденъ св. Владиміра 3 степ., и затѣмъ гналъ остатки мятежниковъ до австрійской границы. Соединившись, послѣ ряда новыхъ дѣлъ, съ генераломъ Ридигеромъ, Ф. 10 сентября участвовалъ въ пораженіи Ружицкаго при Лаговѣ, 12-го – при Михайловѣ, 14-го — при Ничевѣ и затѣмъ въ преслѣдованіи его до Кракова. По взятіи послѣдняго, Ф. возвратился въ Россію и здѣсь въ 1833 г. былъ назначенъ командиромъ 1-ой бригады 9 пѣхотной дивизіи, а три года спустя начальникомъ 20 пѣхотной дивизіи, участвовавшей въ экспедиціи генерала Вельяминова за Кубанью. Въ 1837 г. Ф. предпринялъ съ отдѣльнымъ отрядомъ новую экспедицію въ Аварію, гдѣ овладѣлъ рядомъ укрѣпленныхъ селеній: Ашильты, Ахульго, Тилитли и др. Получивъ въ томъ же году въ командованіе 19 пѣхотную дивизію и участвуя съ нею въ экспедиціи 1838 г., онъ разсѣялъ скопища Шамиля на горѣ Бахулѣ-Сивухъ и овладѣлъ Аджіахурской тѣсни-

ной. Въ 1839 г., съ мая по іюнь, участвовалъ въ сраженіяхъ экспедиціи генерала Головина въ южномъ Дагестанѣ; въ 1841 г. находился въ дѣлахъ при взятіи русскими Хубарскихъ высотъ и селенія Чиркея, и въ 1842 г., занявъ покрытый снѣгомъ хребетъ Бахтуры, овладѣлъ съ боя Гергебилемъ, затѣмъ селеніемъ Чохъ и, при обратномъ движеніи въ Аварію, селеніемъ Унцукулемъ, гдѣ построилъ и укрѣпилъ фортъ. За участіе въ экспедиціяхъ противъ горцевъ Ф. былъ награжденъ: въ 1837 г.—орденомъ св. Владиміра 2 степ., въ 1838 г.—чиномъ генералъ-лейтенанта и въ 1841 г.—орденомъ Бѣлаго Орла. 9 февраля 1842 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ 1-ой пѣхотной дивизіи и занималъ эту должность до конца жизни.

«Сѣв. Пчела» 1848 г., №№ 263, 264;—Спр. Энц. Слов. К. Крайя, т. XI, стр. 42;—Русс. Арх., 1883 г. кн. III, стр. 256;—Русс. Стар., т. VI, ст. 379; XV, 381—387, 646—658; LVIII, 151, 152; XXXII, 279; LXXVIII, 155, 80; LXXIX, 295. *Д. С-въ.*

Фейзъ-Хановъ, *мулла Хусейнъ*, лекторъ татарскаго и турецкаго языковъ въ с.-петербургскомъ университетѣ, род. въ симбирской губерніи въ 1828 г., ум. въ С.-Петербургѣ 28 августа 1866 г. Получивъ хорошее мусульманское образованіе, Ф., подъ руководствомъ профессора Казембека въ Казани, а затѣмъ академиковъ Дорна и Вельяминова-Зернова въ С.-Петербургѣ, усвоилъ себѣ ученые пріемы и критическій духъ европейской науки. Благодаря этимъ качествамъ онъ, въ 1857 г., былъ назначенъ факультетомъ восточныхъ языковъ въ с.-петербургскомъ университетѣ для практическихъ занятій со студентами татарскимъ и турецкимъ языками; въ 1863 г. былъ утвержденъ лекторомъ. Къ сожалѣнію, преждевременная смерть положила конецъ его плодотворной и полезной дѣятельности. Въ 1862 г. имъ была издана «Краткая грамматика татарскаго языка» (95 страницъ въ листъ, литограф.). Археологическая и лингвистическая поѣздка въ киргизскія степи и оренбургскій край (1862) дала ему случай открыть на нагорномъ берегу Волги три старинныхъ надгробія, при объясненіи которыхъ («Три надгробныхъ болгарскихъ надписи», въ «Извѣст. Имп. Русск. Археол. общ.», IV, 1863) онъ сдѣлалъ важное открытіе встрѣчающихся въ нихъ чувашскихъ словъ. Далѣе Ф. списалъ въ московскомъ главномъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ грамоты и документы, изданные академикомъ Вельяминовымъ-Зерновымъ въ 1864 г. подъ заглавіемъ «Матеріалы для исторіи крымскаго ханства», и принималъ дѣятельное участіе въ ихъ изданіи. Наконецъ, Ф. собралъ и списалъ не малое число восточныхъ рукописей, хранящихся нынѣ въ Азіатскомъ музеѣ и въ библіотекѣ с.-петербургскаго университета.

В. В. Григорьевъ: «Имп. С.-Петерб. университ. въ течен. первыхъ 50 лѣтъ», 1870. — Н. Н. Веселовскій: «Свѣдѣнія объ оффиц. преподаваніи восточ. языковъ въ Россіи», въ «Трудахъ III-го междунар. съѣзда оріенталистовъ», Спб. 1879—80, стр. 202.—«Русскій Арх.» 1868, № 12. *К. З.*

Фейхтнеръ, *Василій Васильевичъ*, инженеръ генералъ-лейтенантъ, изъ дворянъ с.-петербургской губерніи, род. 25 ноября 1815 г., ум. въ Варшавѣ въ 1889 г.; воспитаніе получилъ въ Главномъ (нынѣ Николаевскомъ) Инженерномъ училищѣ, въ которое вступилъ 1 декаб. 1830 г. кондукторомъ въ кондукторскую роту. Произведенный въ 1832 г. въ прапорщики, Ф. продолжалъ занятія въ обоихъ офицерскихъ классахъ (нынѣ Инженерная академія) и, окончивъ полный курсъ наукъ съ отличнымъ успѣхомъ и со внесеніемъ его имени на мраморную доску въ конференцъ-залѣ училища, былъ въ 1835 г. назначенъ къ начальнику инженеровъ бывшаго гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютанту Шильдеру, и прикомандированъ сперва къ учебному саперному батальону, а затѣмъ послѣдовательно къ Брестъ-Литовской и Варшавской инженернымъ командамъ. Въ концѣ 1840 г. Ф. былъ назначенъ адъютантомъ къ начальнику инженеровъ бывшей дѣйствующей арміи, генералу Дэну, а въ 1849 г., съ назначеніемъ Дэна инспекторомъ по инженерной части, переведенъ вмѣстѣ съ нимъ въ С.-Петербургъ и въ 1850 г. назначенъ командиромъ Ивангородской инженерной команды. Занимая эту должность, Ф., послѣ личнаго осмотра Императоромъ Николаемъ I работъ по укрѣпленіямъ и воинскимъ зданіямъ въ крѣпости Ивангородѣ, два раза удостоился Высочайшаго именного благоволенія (1850 и 1857). Въ 1859 г. назначенъ начальникомъ штаба инженеровъ бывшей 1-й арміи, въ 1862 г., съ производствомъ въ генералъ-маіоры, началь-

никомъ инженеровъ въ Царствѣ Польскомъ, а, по преобразованіи онаго (1864), начальникомъ Варшавскаго военнаго округа. Въ 1865 г. Ф. принималъ дѣятельное участіе въ постройкѣ постояннаго моста черезъ Вислу въ Варшавѣ; въ 1869 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Помимо прямой служебной дѣятельности Ф. съ 1865—1877 г. состоялъ вице-предсѣдателемъ, а съ 1877 г. по день смерти предсѣдателемъ совѣтовъ правленія Варшавско-Вѣнской и Варшавско-Бромберг-ской желѣзныхъ дорогъ. Какъ инженеръ, Ф. считался отличнымъ знатокомъ своего дѣла, какъ человѣкъ пользовался всеобщею любовью и уваженіемъ. Въ награду за долголѣтнюю и полезную службу онъ имѣлъ всѣ ордена до св. Владиміра 2-й ст. включительно, а кромѣ того ему былъ Высочайше пожалованъ маіоратъ въ Царствѣ Польскомъ, приносившій 2000 р. годового дохода.

Послужной списокъ, хранящійся въ архивѣ Главн. Инженерн. управл.;—Приказы по военн. вѣдомству.

А. Гершельманъ.

Фейхтнеръ (Veichtner), *Францъ Адамъ*, музыкантъ и композиторъ, род. въ 1741 г. въ Регенсбургѣ, ум. въ 1822 г. въ Кливенгофѣ (Klievenhof), близъ Митавы. Первое образованіе получилъ въ регенсбургской іезуитской коллегіи, а затѣмъ бралъ уроки музыки въ Потсдамѣ у Франца Бенды († 1786). Виртуозною игрою на скрипкѣ и композиціями своими онъ обратилъ на себя вниманіе наслѣднаго принца Петра курляндскаго, находившагося въ 1765 г. въ Берлинѣ. По приглашенію принца, Ф. переселился въ Митаву и игралъ тамъ выдающуюся роль въ качествѣ капельмейстера и концертмейстера при дворѣ герцога курляндскаго (1769 — 1795). Ему было вмѣнено въ обязанность исполнять ораторіи и оперы извѣстныхъ западныхъ композиторовъ и ставить свои оперы (Singspiele) и ораторіи при торжественныхъ случаяхъ. Изъ большого числа музыкальныхъ произведеній Ф-ра часть хранится въ митавскомъ музеѣ, часть погибла отъ пожара, бывшаго въ Митавѣ въ 1889 г. Изъ кантатъ, сочиненныхъ Ф-ромъ, одна была исполнена 11 декабря 1765 г., въ день бракосочетанія герцога Петра курляндскаго съ Каролиною Луизою фонъ Вальдекъ, другія въ 1778, 1780 и 1786 гг. Изъ оперъ Ф-ра выдаются: «Сципіонъ», съ текстомъ, составленнымъ пробстомъ Неандеромъ († 1802), «Кефалъ и Прокрида» и «Киръ и Кассандана». Первая изъ нихъ была исполнена въ Митавѣ въ 1778 г., вторая тамъ же въ 1779 г. и третья въ Либавѣ въ 1784 г. Изъ Митавы Ф. нерѣдко отправлялся въ Ригу. Въ 1775 г. въ Ригѣ были съ большимъ успѣхомъ исполнены двѣ его симфоніи и скрипичный концертъ. Въ Италіи и Германіи Ф. концертировалъ съ не меньшимъ успѣхомъ. Въ Берлинѣ была поставлена въ 1770 г. его опера, «Кефалъ и Прокрида». Въ 1780 г. (20 октября) былъ устроенъ въ честь пріѣхавшаго въ Митаву наслѣднаго принца прусскаго, Фридриха Вильгельма, въ залѣ дворца вечеръ, на которомъ была исполнена сочиненная Ф-ромъ музыка на текстъ проф. Кютнера (Kütner). Когда герцогство курляндское соединилось съ Россіей, Ф. былъ опредѣленъ дирекціею с.-петербургскихъ театровъ на службу въ качествѣ каммеръ-музыканта и концертмейстера при оперѣ. Дослужившись въ С.-Петербургѣ до пенсіи, Ф. возвратился въ 1820 г. въ Митаву. Изъ большого числа сочиненій Ф-ра напечатаны четыре симфоніи (Митава, 1770 и Лейпцигъ, 1777), двѣ русскія симфоніи (Рига, 1771 и Лейпцигъ), скрипичный концертъ (Рига, 1775), три квартета (С.-Петербургъ, 1802), 24 фантазіи для скрипки и баса (Лейпцигъ) и переложенныя имъ на музыку русскія пѣсни. Изъ церковныхъ сочиненій Ф-ра наиболѣе извѣстны: «Вознесеніе Господне», исполненное въ Митавѣ въ 1787 г., и гимнъ «Hymne an Gott», исполненный въ 1779 г.

Hermann Mendel: «Musikalisches Conversations-Lexikon», fortgesetzt von Dr. August Reissmann; — Rudolph: «Rigaer Theater- und Tonkünstler-Lexikon»; — Архивъ дирекціи Императ. театровъ, отдѣлъ III;—Allunan: «Aus alten Tagen» (въ газетѣ «Für Stadt u. Land» 1893 г., № 259 и 260). Нѣкоторыя свѣдѣнія и поправки ошибокъ, вкравшихся въ статью Аллунана, получены отъ потомковъ Ф-ра.

В. Виссендорфъ.

Феликсъ и **Антоній**, преподобные, см. Евѳимій.

Фелицынъ, *Петръ Андреевичъ*, протоіерей каѳедральнаго тобольскаго собора, сынъ пономаря, род. 12 іюня 1783 г. въ московской губерніи, ум. 16 декабря 1879 года. Первоначально назывался Смирновымъ, а около 1799 г. перемѣнилъ свою

фамилію на Фелицына. Получивъ домашнее образованіе, Ф. съ 1793 г. нѣкоторое время учился въ московской славяно-греколатинской академіи и въ то же время состоялъ въ хорѣ нѣвчихъ митрополита. Въ 1799 г. былъ взятъ епископомъ калужскимъ въ Калугу, гдѣ сформировалъ архіерейскій хоръ и всю свиту архіерея и былъ руководителемъ при совершеніи архіереемъ богослуженій. Въ 1803 г. онъ для такого же дѣла былъ отправленъ въ Вологду, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Тобольскъ. Замѣчательно, что Ф. въ Калугѣ, Вологдѣ и Тобольскѣ продолжалъ свое образованіе въ тамошнихъ духовныхъ семинаріяхъ. Въ 1804 г. онъ былъ опредѣленъ священникомъ къ тобольскому собору, съ оставленіемъ регентомъ архіерейскаго хора и съ назначеніемъ епархіальнымъ катехизаторомъ и экзаменаторомъ ставленниковъ, а съ 1805 г. благочиннымъ надъ вогульскими церквами. Въ 1810 г. Ф. былъ сдѣланъ ключаремъ собора и членомъ тобольской консисторіи, въ 1826 г. возведенъ въ санъ протоіерея. Ф. былъ очень дѣятельнымъ лицомъ въ епархіи; онъ изучилъ нѣсколько азіатскихъ языковъ и перевелъ евангеліе отъ Матѳея на остякскій и вогульскій языки. Въ 1870 г., лишившись зрѣнія и слуха, Ф. вышелъ въ отставку и ум. на 97-мъ году жизни, пробывъ въ священномъ санѣ 75 лѣтъ.

Дѣло арх. Св. Синода 1820 г., № 938; — «Странникъ» 1880 г., № 5.

Здр.

Фельдманъ, *Александръ Ивановичъ*, генералъ-адъютантъ, инженеръ-генералъ, изъ дворянъ эстляндской губерніи, род. въ 1790 г., ум. 31 августа 1861 г. Въ службу вступилъ 9 октября 1806 г. кондукторомъ 2-го класса въ ревельскую инженерную команду, въ 1808 г. назначенъ кондукторомъ 1-го класса, а 14 сентября 1810 г., по окончаніи съ отличіемъ курса офицерскихъ классовъ Инженернаго училища (нынѣ Николаевская Инженерная академія), произведенъ въ подпоручики инженернаго корпуса, съ назначеніемъ въ Собственное Его Величества депо картъ. Въ январѣ 1812 г. Ф. опредѣленъ на должность репетитора фортификаціи и черченія въ Инженерное училище, откуда въ слѣдующемъ году былъ командированъ въ крѣпость Торнъ для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ союзной кампаніи. Состоя въ числѣ инженеровъ при штабѣ арміи Бенниигсена, Ф. участвовалъ въ укрѣпленіи Кульмской позиціи, 6 и 7 октября находился въ сраженіи подъ Лейпцигомъ и при занятіи его, 27 октября—въ сраженіи подъ Магдебургомъ и съ 11 декабря 1813 г. по 20 мая слѣдующаго года состоялъ однимъ изъ ближайшихъ участниковъ блокады Гамбурга. По окончаніи военныхъ дѣйствій, награжденный за боевыя отличія чиномъ поручика и орденами св. Анны, съ надписью «за храбрость» (на шпагу), и св. Владиміра 4 степ., Ф. 30 января 1816 г. былъ причисленъ къ Динабургской инженерной командѣ, но вскорѣ переведенъ въ С.-Петербургъ и назначенъ преподавателемъ практической съемки офицерамъ Инженернаго училища. Ко времени состоянія въ послѣдней должности относится его изобрѣтеніе особаго геодезическаго инструмента, мензулы, за что (1819 г.) онъ былъ Высочайше пожалованъ брилліантовымъ перстнемъ. Выдающійся по дарованіямъ, капитанъ Ф. въ 1821 г., по Высочайшему повелѣнію, былъ командированъ за границу, въ прусскія крѣпости на Рейнѣ—Кобленцъ и Кёльнъ, для усовершенствованія по технической части въ инженерномъ искусствѣ, и, по возвращеніи, въ 1823 г. произведенъ за отличіе въ подполковники, а два года спустя назначенъ строителемъ укрѣпленій ревельскаго порта. Успѣшное и быстрое выполненіе работъ сразу выдвинуло Ф-на въ ряды наиболѣе талантливыхъ инженеровъ. 21 августа 1829 г. онъ былъ произведенъ въ полковники, 5 октября, по Высочайшему повелѣнію, командированъ въ Брестъ-Литовскъ для составленія вновь проектовъ по постройкѣ брестъ-литовскихъ укрѣпленій, въ 1831 г. опредѣленъ на должность окружнаго командира по морской строительной части, а 22 августа того-же года назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Въ виду особаго Монаршаго довѣрія, Ф-ну поручается пересмотръ цѣлаго ряда проектовъ, плановъ и смѣтъ вновь строившихся крѣпостей по западному округу, при чемъ болѣе сложные проекты составляются лично имъ. Въ 1832 г. Ф. зачисленъ по общему списку инженернаго корпуса, въ декабрѣ 1833 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ въ

Свиту Его Величества, и 1 сентября 1836 г. опредѣленъ на должность вице-директора Инженернаго департамента. Въ мартѣ 1842 г. онъ былъ назначенъ членомъ комиссіи по постройкѣ Исаакіевскаго собора, по искусственной части, 6 декабря 1844 г., при производствѣ въ генералъ-лейтенанты, пожалованъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, а 23 сентября 1849 г. опредѣленъ директоромъ Инженернаго департамента. Произведенный 26 августа 1856 г. въ инженеръ-генералы, Ф. 31 октября 1859 г. былъ назначенъ членомъ Военнаго Совѣта.—Разсматривая дѣятельность Ф-на съ 1836 г., т. е. со дня назначенія его вице-директоромъ, затѣмъ директоромъ Инженернаго департамента и до оставленія службы въ инженерномъ корпусѣ, необходимо отмѣтить въ немъ рѣдкаго и выдающагося по уму и энергіи дѣятеля, на долю котораго выпало не мало полезныхъ реорганизацій въ военно-инженерномъ вѣдомствѣ. Имъ, между прочимъ, былъ установленъ выработанный до деталей хозяйственный порядокъ какъ для департамента, такъ и для учрежденій и комиссій по производству инженерныхъ работъ въ крѣпостяхъ на югѣ и въ западномъ инженерномъ округѣ. Почти ежегодно Ф. сопровождалъ Императора Николая I при объѣздахъ вновь строившихся или перестроиваемыхъ крѣпостей; съ 1853 по 1856 г., во время Крымской войны, состоя членомъ цѣлаго ряда временныхъ военныхъ комитетовъ, онъ не мало содѣйствовалъ успѣху ихъ дѣятельности своими указаніями и распоряженіями по доведенію пограничныхъ крѣпостей до соотвѣтствующаго оборонительнаго положенія. Благородство и твердость убѣжденій, неутомимая энергія, заботливое отношеніе къ нуждамъ подчиненныхъ—составляли исключительныя черты характера Ф-на. На новой служебной дѣятельности Ф. пробылъ не долго; пораженный 20 іюля 1861 г. параличемъ, онъ, мѣсяцъ спустя, ум. въ с. Ознаковѣ, петергофскаго уѣзда, и погребенъ первоначально въ с. Губаницы того же уѣзда, а впослѣдствіи тѣло его было перевезено на Смоленское лютеранское кладбище въ С.-Петербургѣ. Высшимъ знакомъ отличія Ф. имѣлъ орденъ св. Владиміра 1-й степ. съ мечами, изъ иностранныхъ—прусскій орденъ Краснаго Орла 2 степ.

Послужной спис., храп. въ архивѣ Главнаго Штаба;—«Сѣв. Пчела» 1866 г., № 250 (біограф. очеркъ);—«Мѣсяцесловъ» на 1863 г.;—А. И. Савельевъ: «Историч. очеркъ инженернаго управленія въ Россіи», Спб. 1894 г., ч. III.

А. Гершельманъ.

Фелькель, *Юлій Карловичъ*, (Julius Caesar Voelkel), докторъ философіи, лекторъ нѣмецкаго языка и преподаватель классическихъ наукъ въ московскомъ университетѣ, род. въ Берлинѣ $^{11}/_{23}$ января 1812 г., ум. въ Москвѣ 29 апрѣля 1882 г. Получивъ среднее образованіе въ извѣстной іоахимстальской гимназіи въ Берлинѣ, въ которой особенно процвѣтало изученіе классическихъ языковъ, Ф. въ 1827 г. поступилъ въ берлинскій университетъ на философскій факультетъ. Въ университетѣ онъ продолжалъ заниматься избраннымъ еще въ гимназіи предметомъ — классическою филологіей, посѣщая лекціи знаменитыхъ профессоровъ Бека, Лахмана, Цумпта и др. По окончаніи полнаго курса, Ф. получилъ степень доктора философіи и въ томъ же, 1833 г., по предложенію бывшаго много лѣтъ въ Россіи поэта Раупаха, принялъ въ Москвѣ мѣсто воспитателя въ домѣ П. П. Новосильцева. Въ теченіе 11 лѣтъ, проведенныхъ въ этомъ домѣ, онъ основательно изучилъ русскій языкъ и принялъ русское подданство (1835). Въ 1845 г. Ф. былъ опредѣленъ въ московскій университетъ лекторомъ нѣмецкаго языка и въ томъ же году преподавателемъ всеобщей исторіи и нѣмецкой словесности въ бывшемъ Александровскомъ сиротскомъ институтѣ, а годъ спустя—старшимъ учителемъ латинскаго и нѣмецкаго языковъ въ бывшемъ Дворянскомъ институтѣ. Первыя статьи Ф-ля помѣщались въ журналѣ «Библіотека для воспитанія», выходившемъ подъ редакціею проф. Рѣдкина; тамъ напечатаны: «Предварительныя замѣчанія о педагогикѣ и дидактикѣ» (1845), «О чтеніи» (1846). Въ 1848 г., по порученію университета, имъ была составлена изданная на казенный счетъ «Нѣмецкая христоматія» для студентовъ медицинскаго и физико-математическаго факультетовъ. Въ «Атенеѣ» вышла статья «Братья Гриммъ» (1858, кн. 47 и 49, 1859, кн. 1 и 5), въ «Москов. университетскихъ извѣстіяхъ» — «Новая рукопись Цицероновыхъ писемъ къ друзьямъ» (1865, кн. 4). Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ Ф. издалъ для употребленія

въ гимназіяхъ, съ введеніями и примѣчаніями, нѣсколько рѣчей Цицерона, pro Archia poëta et pro Ligario (Москва, 1868, издан. 3-е 1877), pro T. Annio Milone (1870 и 1877), orationes in Catilinam (1871 и 1876), pro rege Deiotaro (1874), pro L. Murena (1875); далѣе Titi Livi lib. XXI et XXII (М. 1868, изд. 4-ое, 1876) и C. Iulii Caesaris de bello Gallico libri VIII, въ 2-хъ частяхъ (М. 1872 и 1873); такимъ же образомъ онъ издалъ по греческому языку Платоновскій діалогъ «Апологія Сократа». Эти руководства, составленныя по нѣмецкимъ образцамъ, были въ свое время очень въ ходу въ гимназіяхъ, потому что другихъ изданій римскихъ авторовъ съ русскими примѣчаніями почти что не существовало; въ настоящее время они болѣе и болѣе вытѣсняются новѣйшими и лучшими изданіями.

«Біографич. словарь профессоровъ и преподават. Имп. Московск. универс.», Москва, 1855, часть II, 511—514;—«Рѣчи, читанныя въ торжеств собраніи Имп. Моск. универс., 12 января 1883 г.», М. 1883, ст. 127—141;—«Обзоръ жизни и труд. покойныхъ русск. писателей», Д. Д. Языкова, вып. II, ч. II, ст. 168—171.

Фелькерзамъ—фонъ, *Вилимъ Вилимовичъ*, артиллеріи генералъ-аншефъ, изъ лифляндскихъ дворянъ, сынъ капитана, поступившаго въ русскую службу въ 1725 г., род. въ 1710 г., ум. въ 1770-хъ годахъ. Шестнадцати лѣтъ отъ роду, Ф. поступилъ на дѣйствительную службу, зачисленный 31 марта 1726 г. бомбардиромъ въ осадную артиллерію. Въ чинѣ штыкъ-юнкера онъ участвовалъ уже въ 1734 г. при взятіи г. Гданска (Данцига) и въ польскомъ походѣ 1735 года. Получивъ вслѣдъ за тѣмъ, въ 1855 г., чинъ подполковника, съ началомъ Семилѣтней войны, выступилъ съ артиллеріею генерала Гольмера въ предѣлы Пруссіи и находился въ сраженіи 19 авг. 1757 г. при деревнѣ Гросъ-Егерсдорфѣ и въ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ предѣлахъ Помераніи и Бранденбургіи (1758). Оставаясь при походной арміи до заключенія мира съ Пруссіею, 24 апрѣля 1762 г., Ф., за отличіе во многихъ дѣлахъ кампаніи, въ томъ числѣ при атакѣ г. Кольберга, произведенъ въ 1759 г. въ генералъ-маіоры и съ 1760 г. былъ опредѣленъ къ командованію артиллерійскимъ корпусомъ и крѣпостями, расположенными по Вислѣ. 22-го сентября 1764 г. Ф., съ производствомъ въ чинъ генералъ-поручика, назначенъ командиромъ лифляндскаго и финляндскаго артиллерійскаго департамента и въ этой должности находился до 21 апр. 1773 г., когда съ чиномъ генералъ-аншефа, «въ разсужденіе долговременной и безпорочной службы», былъ уволенъ въ отставку.

Послужн. списокъ, хранящійся въ архивѣ Историч. Артиллер. музея. *Д. С-въ.*

Фелькерзамъ — фонъ, *Гамилькаръ Егоровичъ*, сынъ лифляндскаго гражданскаго губернатора, род. въ Ригѣ въ 1810 г., ум. тамъ же въ апрѣлѣ 1856 г. По окончаніи курса въ рижской гимназіи, слушалъ лекціи, съ 1829 по 1832 г., въ берлинскомъ университетѣ, изучая преимущественно естественно-историческія науки и философію Гегеля. Возвратившись на родину, онъ купилъ въ южной части Лифляндіи имѣніе Руэнъ-Гросгофъ и посвятилъ себя сельскому хозяйству. Обративъ вниманіе на незавидное экономическое положеніе мѣстныхъ латышей и эстовъ, вызванное тѣмъ, что, при освобожденіи крестьянъ въ 1819 г., они не были надѣлены землею, Ф. выступилъ защитникомъ интересовъ земледѣльческаго сословія и тѣмъ нажилъ себѣ много враговъ среди крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ 1848 г. онъ былъ избранъ губернскимъ предводителемъ дворянства, и въ этой должности ему удалось осуществить проектъ учрежденія городского банка. Прослуживъ трехлѣтіе, онъ отказался отъ должности предводителя дворянства и до конца жизни оставался директоромъ созданнаго имъ банка.

J. Eckardt: «Die Baltischen Prov. Russl.», Лейпцигъ, 1869 г., стр. 423—450;—«Allg. deutsche Biographie», т. VII, стр. 148;—«Рижскій Вѣстн.» 1872 г., №№ 54, 55, 57 и 58.

Фелькерзамъ—фонъ, *Густавъ Ефимовичъ*, ген.-маіоръ, членъ инженернаго отдѣленія Военно-ученаго комитета, род. въ 1799 г., исключенъ изъ списковъ умершимъ 13 мая 1849 г.; вступивъ въ службу въ 1815 г. юнкеромъ на окладъ кондуктора 1-го класса, Ф. въ 1817 г. былъ произведенъ въ прапорщики, съ оставленіемъ при с.-петербургской инженерной командѣ, и въ 1819 г. принадлежалъ къ первому выпуску изъ старшаго офицерскаго класса вновь учрежденнаго Главнаго инженернаго училища; въ 1821 г. былъ въ

числѣ другихъ инженерныхъ офицеровъ командированъ въ Пруссію для ознакомленія съ тамошними крѣпостями. Вернувшись изъ командировки, Ф. въ 1823 г. былъ переведенъ въ бобруйскую инженерную команду; въ 1827 г. назначенъ адъютантомъ къ исправлявшему должность инспектора инженернаго корпуса, генералу гр. Опперману, и въ томъ же году (8 нояб.) произведенъ въ капитаны; переведенный въ 1830 г. л.-гв. въ саперный баталіонъ, съ оставленіемъ при прежней должности, онъ въ апрѣлѣ 1831 г. былъ командированъ въ Либаву для укрѣпленія этого города и такъ скоро и удачно исполнилъ возложенное на него порученіе, что уже къ концу августа всѣ укрѣпленія вокругъ города были окончены и вооружены артилеріей; за отличное исполненіе этого порученія онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2 степ. По окончаніи работъ въ Либавѣ, Ф. былъ назначенъ помощникомъ окружнаго командира по морской строительной части, флигель-адъют. Фельдмана, въ 1832 г. — адъютантомъ къ начальнику Главнаго морского штаба и въ 1833 г. произведенъ въ полковники. Въ 1835 г. Ф. былъ назначенъ строителемъ севастопольскихъ укрѣпленій, съ переводомъ въ полевые инженеры и съ назначеніемъ командиромъ херсонскаго инженернаго округа (1836) и занималъ эту должность до 1840 г., когда былъ причисленъ къ с.-петербургской инженерной командѣ. Уволенный въ 1841 г., по прошенію, въ отставку, онъ въ 1844 г. (27 авг.) вновь опредѣленъ на службу и назначенъ для занятій въ инженерномъ отдѣленіи Военно-ученаго комитета, а 6-го нояб.—членомъ сего комитета; эту должность онъ занималъ до конца жизни. Произведенъ въ ген.-маіоры 3 апр. 1849 г.

Формулярный спис. 1848 г. и дѣло за № 135, 1849 года, въ Управл. генералъ-инспектора по инжен. части. — «Историч. очеркъ развитія Главн. инжен. училища, 1819—1868». *А. Гершельманъ.*

Фелькерзамъ—фонъ, *Егоръ Ѳедоровичъ* (Georg Friedrich von Foelkersahm), т. с., гражданскій губернаторъ лифляндской губерніи, род. 10 ноября 1766 г. въ родовомъ имѣніи Штейнзе, въ Курляндіи, ум. 18 ноября 1848 г. въ Ригѣ. Первоначальное образованіе получилъ дома, а въ 1781 г. поступилъ въ митавскую гимназію, которую окончилъ въ 1785 г.; годъ спустя онъ отправился за границу и съ 1786 по 1789 г. слушалъ лекціи въ геттингенскомъ университетѣ. Во время польскаго возстанія 1791 г. Ф., только что вернувшійся на родину, былъ приглашенъ герцогомъ курляндскимъ Петромъ на службу въ качествѣ генеральнаго комисара по снабженію провіантомъ русскихъ войскъ, расположенныхъ по курляндской границѣ. За образцовое исполненіе возложенныхъ на него обязанностей онъ былъ награжденъ Императрицею Екатериною II въ 1795 г. чиномъ коллежскаго асессора и орденомъ св. Владиміра 4 ст., а курляндское дворянство избрало его своимъ секретаремъ; въ этой должности онъ, въ числѣ шести уполномоченныхъ дворянствомъ делегатовъ, подписалъ въ томъ же году въ Петербургѣ актъ о подчиненіи Курляндіи Россійской имперіи. Въ 1801 г. Ф. вторично отправился въ Петербургъ членомъ депутаціи, избранной курляндскимъ дворянствомъ для принесенія поздравленія Императору Александру I по случаю восшествія Его Величества на престолъ, и присутствовалъ при коронаціи въ Москвѣ. Въ 1803 и 1807 гг. снова былъ командированъ курляндскимъ дворянствомъ въ Петербургъ; возвратившись въ Курляндію, онъ въ 1809 г. занялъ должность совѣтника губернскаго правленія, но въ іюлѣ 1812 г., при вступленіи непріятельской арміи въ балтійскія губерніи, покинулъ родину и пробылъ въ Петербургѣ до ноября того же года; возвратившись въ Ригу, онъ поступилъ въ канцелярію бывшаго военнаго губернатора и главнокомандующаго войсками округа, маркиза Паулуччи, вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ въ экспедиціи въ Мемель, снаряженной въ декабрѣ 1812 г., и исправлялъ въ этомъ городѣ должность генералъ-интенданта. Въ 1813 г. онъ былъ назначенъ правителемъ канцеляріи лифляндскаго генералъ-губернатора, въ 1826 г. пожалованъ въ дѣйствительные статскіе, въ 1835 г.—въ тайные совѣтники. Въ 1829 г. послѣдовало его назначеніе лифляндскимъ гражданскимъ губернаторомъ; въ этой должности онъ оставался до 1847 г., когда, за старостью, вышелъ въ отставку и вскорѣ скончался.

«Allg. Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon», herausgeg. von Recke u. Napiersky, т. I, стр. 589—590, и «Nachträge u. Fortsetzungen», т. I, стр. 197.—«Русск. Архивъ» 1869 г., кн. 11.

Фелькерзамъ — фонъ, *Карлъ*, генералъ-маіоръ, изъ лифляндскихъ дворянъ, род. въ 1716 г. Въ дѣйствительную службу вступилъ въ 1736 г. изъ кадетскаго корпуса и, числясь въ полевыхъ полкахъ, участвовалъ въ походѣ 1739 г. противъ турокъ, при взятіи Перекопа войсками графа Миниха, и въ кампанію 1742 и 1743 гг. находился въ дѣлахъ подъ Фридрихсгамомъ и Гельсингфорсомъ. По производствѣ въ 1755 г. въ чинъ подполковника, Ф. въ слѣдующемъ году выступилъ съ походными войсками въ Пруссію, гдѣ съ отличіемъ участвовалъ въ сраженіяхъ 19 августа 1757 г. при Гросъ-Егерсдорфѣ, въ 1758 г.—при осадѣ Кольберга, 12 іюля 1759 г. — при пораженіи прусскаго корпуса генерала Веделя при Пальцигѣ и 1 августа того же года, уже въ чинѣ полковника, находился въ генеральномъ сраженіи подъ Куннерсдорфомъ. Въ послѣднемъ сраженіи, командуя Новогородскимъ полкомъ, онъ былъ тяжело контуженъ въ лѣвый бокъ. Въ 1760 г. Ф. произведенъ въ чинъ бригадира и годъ спустя назначенъ въ Тобольскъ оберъ-комендантомъ, откуда въ 1762 г. переведенъ комендантомъ въ Динамюндскую крѣпость, а 1 сентября 1764 г., по производствѣ въ генералъ-маіоры, опредѣленъ на ту же должность въ крѣпость на р. Эвстѣ, при впаденіи ея въ Двину. Въ 1773 г. отставленъ отъ службы.

Послужн. спис., хран. въ Мск. отд. архива Гл. Штаба, оп. 25, кн. 317; — Арх. Истор. Артилл. Музея, св. 37, д. № 32. *Д. С—въ.*

Фелькнеръ, *Владиміръ Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, изъ дворянъ с.-петербургской губерніи, род. 20 сент. 1805 г., ум. въ С.-Петербургѣ 25 янв. 1871 г. Въ 1820 г. былъ зачисленъ кондукторомъ въ Главное (нынѣ Николаевское) инженерное училище и, по окончаніи курса, въ 1822 г. произведенъ въ прапорщики полевыхъ инженеровъ, съ оставленіемъ въ офицерскихъ классахъ при училищѣ (нынѣ Николаевская инженерная академія); въ 1823 г. поступилъ л.-гв. въ саперный баталіонъ, въ которомъ и прослужилъ до 1840 г., принимая въ его рядахъ дѣятельное участіе въ турецкой кампаніи 1828 года и въ усмиреніи польскаго возстанія 1831 года. Во время турецкой войны саперный баталіонъ перешелъ Дунай и 22 августа 1828 г. присоединился къ нашимъ войскамъ, осаждавшимъ Варну; уже 24 авг. саперы открыли свои дѣйствія противъ 2-го бастіона и 21 сент., подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Ф-ра, произвели удачный взрывъ мины въ 180 пудовъ пороху; за эти работы Ф. былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4 ст. съ надписью «за храбрость», а кромѣ того за дѣятельность во время всей кампаніи получилъ орденъ св. Владиміра 4 ст., за то, что, какъ было сказано въ приказѣ, «находился въ траншейныхъ работахъ, исполняя всѣ порученія съ отличнымъ усердіемъ». Во время польской кампаніи, выступивъ изъ С.-Петербурга 14 марта 1831 г., онъ участвовалъ съ своимъ баталіономъ въ постройкѣ батарей на берегу р. Нарева, по обѣимъ сторонамъ Остроленскаго моста. 5 мая получилъ порученіе съ однимъ взводомъ саперовъ и подъ прикрытіемъ роты л.-гв. Финляндскаго полка и 80 финскихъ стрѣлковъ уничтожить мостъ на рѣкѣ Рушѣ, при мѣстечкѣ Якацѣ; подъ картечнымъ огнемъ 16-ти польскихъ орудій саперы разобрали мостъ, три раза отбивая вмѣстѣ съ финляндцами попытки непріятеля помѣшать этой работѣ. Этотъ славный подвигъ покрылъ саперовъ неувядаемой славой, составляя одну изъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи л.-гв. сапернаго баталіона; Ф. былъ пожалованъ золотою полусаблей съ надписью «за храбрость». 14-го мая онъ участвовалъ въ сраженіи при Остроленкѣ, а 26 августа въ замѣчательномъ и крайне опасномъ дѣлѣ, получивъ, въ числѣ другихъ саперныхъ офицеровъ, приказаніе прорыть главный валъ одного изъ укрѣпленій въ предмѣстьѣ Варшавы, у деревни Чисте, чтобы проложить дорогу для прохожденія нашихъ колоннъ. Представляя Ф-ра за отличіе въ этомъ дѣлѣ къ производству въ штабсъ-капитаны, генералъ-фельдмаршалъ графъ Паскевичъ такъ писалъ въ своемъ донесеніи: «Ф. находился съ командою при занятіи главнаго вала, гдѣ съ примѣрнымъ мужествомъ и поспѣшностью устраивалъ проѣзды подъ картечными выстрѣлами и ружейнымъ огнемъ непріятельскихъ застрѣльщиковъ». По возвращеніи изъ кампаніи для Ф-ра наступила мирная дѣятельность по командованію ротою. Въ 1835 г., уже въ чинѣ капитана, онъ съ первымъ взводомъ роты Его Величества л.-гв. сапернаго баталіона былъ командированъ для участія въ сборѣ

нашихъ и прусскихъ войскъ въ большихъ маневрахъ подъ Калишемъ въ присутствіи императора Николая I и короля Фридриха-Вильгельма III. Произведенный въ полковники (1837), Ф. въ 1840 г. назначенъ командиромъ кавказскаго сапернаго баталіона и въ слѣдующихъ годахъ (1841 и 1842-омъ) участвовалъ въ дѣлахъ съ горцами; въ 1842 г. былъ назначенъ начальникомъ тифлисскаго гарнизона, въ 1846 г., съ производствомъ въ генералъ-маіоры, получилъ назначеніе состоять по саперным баталіонамъ и при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ, а съ 1847 г. завѣдывалъ саперными баталіонами кавказскаго округа и состоялъ инспекторомъ военно-рабочихъ ротъ на Кавказѣ находящихся; въ 1849 г. былъ причисленъ къ штабу генералъ-инспектора по инженерной части и въ 1850 г. назначенъ въ распоряженіе главнокомандующаго дѣйствующей арміей, для употребленія на службу по саперной и инженерной частямъ, но уже въ маѣ того же года опредѣленъ командиромъ 2-ой бригады 3-ей гренадерской дивизіи и командовалъ ею до 1855 г., когда былъ назначенъ начальникомъ штаба гренадерскаго корпуса —26 августа 1856 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 8 сентября назначенъ командиромъ 2-ой гренадерской дивизіи. Въ 1863 г. опредѣленъ въ число перемѣнныхъ членовъ спеціальнаго комитета по устройству и образованію войскъ, а черезъ два мѣсяца зачисленъ въ запасныя войска, съ оставленіемъ по саперным баталіонамъ. Въ концѣ того же 1863 г. Ф. снова былъ привлеченъ къ дѣйствительной службѣ и назначенъ состоять при генералъ-инспекторѣ по инженерной части, для возложенія на него, въ случаяхъ надобности, различныхъ порученій по инспекціи инженерныхъ войскъ, расположенныхъ въ различныхъ частяхъ имперіи; эту послѣднюю свою должность онъ занималъ до самой смерти. Ф. былъ человѣкъ очень образованный и до конца жизни внимательно слѣдилъ за наукой и литературой, въ особенности же его занимала политическая и военная исторія. Кромѣ нѣкоторыхъ военно-историческихъ очерковъ, напечатанныхъ въ «Военномъ Сборникѣ» и въ «Русскомъ Вѣстникѣ», ему принадлежитъ интересная статья, появившаяся въ Русской Старинѣ (1870, т. III) подъ заглавіемъ «14 декабря 1825 г.». Уже послѣ его смерти, въ томъ же журналѣ (1875, т. XII) напечатана его статья «Описаніе путешествія, совершеннаго въ свитѣ Наслѣдника Цесаревича, нынѣ царствующаго Государя Императора Александра Николаевича, въ Стокгольмъ». Другіе отрывки изъ воспоминаній Ф-ра уже приготовленные имъ къ печати («Описаніе большихъ маневровъ подъ Калишемъ» и «Путевыя замѣтки во время поѣздки изъ С.-Петербурга въ Калишъ и изъ С.-Петербурга моремъ въ Пруссію»), остались ненапечатанными.

Дѣла архива Главн. Инжен. управл. за 1848, 1863 — 1871 гг. — «Истор. л.-гв. сапери. батал.», составл. капитаномъ Волькенштейномъ и полковн. Случевскимъ.—Некрологи въ «Русск. Инвал.», 1871, № 48 и очень кратк. въ «Русск. Стар.» 1871, т. III, ст. 536.

А. Гершельманъ.

Фелькнеръ, *Николай Александровичъ*, тайн. сов., горный инженеръ, род. въ 1817 г., ум. 3 дек. 1878 г. Окончилъ курсъ въ Институтѣ корпуса горныхъ инженеровъ и, въ чинѣ поручика, назначенъ былъ въ 1838 г. практикантомъ на Пермскіе заводы. Здѣсь Ф. былъ опредѣленъ (1840 г.) плавленнымъ смотрителемъ Юговскаго мѣдиплавильнаго завода, но вскорѣ затѣмъ переведенъ на Олонецкіе горные заводы, на которыхъ и прошла почти вся служебная его дѣятельность. Назначенный первоначально (въ 1840 г.) смотрителемъ Александровскаго завода, Ф. послѣдовательно занималъ должности помощника управителя этого завода и управителя и помощника горнаго начальника Олонецкихъ заводовъ. Одновременно съ этимъ онъ занималъ должность асессора Олонецкаго горнаго военнаго суда (1841—1856) и наблюдалъ за лабораторіею упомянутаго завода. Для изученія своей спеціальности вообще и пушечно-литейнаго дѣла въ частности, онъ былъ неоднократно посылаемъ за границу, напр. въ Аугсбургъ (1349—1852 г.), въ Швецію, Францію и Бельгію (1858), а также въ Финляндію (1853). Въ 1859 г., въ чинѣ полковника, Ф. назначенъ былъ горнымъ начальникомъ Олонецкихъ заводовъ. По его иниціативѣ и планамъ Александровскій заводъ подвергся, вслѣдствіе ветхости бо̀льшей части зданій и устарѣлости техническихъ устройствъ, почти полной перестройкѣ. Въ названномъ заводѣ были построены: новая литейная фабрика съ

двумя вагранками системы Рашета и съ двумя самодувными печами, кузница съ 15 огнями, слесарно-механическій заводъ и мастерская для пріема снарядовъ, назначаемыхъ для морского и военнаго вѣдомствъ; перестроенъ пушечно-литейный заводъ и построена часть пушечно-сверлильнаго завода. Въ 1863 г., подъ руководствомъ Ф-ра, введенъ тамъ такъ называемый американскій способъ отливки чугунныхъ орудій, съ готовымъ каналомъ (при внутреннемъ охлажденіи водою и нагрѣвѣ снаружи), и въ этомъ же году начато приготовленіе, вмѣсто круглыхъ, цилиндро-овальныхъ снарядовъ. Въ 1867 г., со введеніемъ отливки орудій заряжающихся съ казны, введена машинная формовка малаго калибра снарядовъ. Ф-ру принадлежитъ честь постройки въ олонецкомъ округѣ (на Аканъ—озерѣ, повѣнецкаго уѣзда) Валазминскаго чугунно-плавильнаго завода, объ учрежденіи котораго ходатайствовалъ еще его предшественникъ Бутеневъ. Съ окончаніемъ этого завода и пускомъ его въ ходъ, было закрыто (1868 г.) доменное производство Александровскаго завода. Не мало энергіи было потрачено Ф-ромъ на введеніе въ округѣ правильнаго заводскаго хозяйства и на установленіе хозяйственной части по управленію округомъ на новыхъ началахъ, а также по освобожденію мастеровыхъ и приписныхъ крестьянъ отъ обязательныхъ заводскихъ работъ. Опытность Ф-ра въ заводскомъ дѣлѣ находила себѣ примѣненіе и не на однихъ только Олонецкихъ заводахъ; такъ въ 1854 году онъ былъ командированъ въ Брянскій арсеналъ для соображеній, соотвѣтствуетъ ли проектъ перестройки зданія этого арсенала расположенію литейной мастерской и устройству тамъ печей; въ слѣдующемъ году Ф. вызванъ былъ въ Петербургъ для разрѣшенія затрудненій, встрѣченныхъ при устройствѣ печей для отливки 60-фунтовыхъ бронзовыхъ пушекъ. Въ 1864 году онъ принималъ участіе въ занятіяхъ комиссіи образованной подъ предсѣдательствомъ адмирала гр. Путятина, для пересмотра устава о податяхъ и сборахъ. Въ январѣ 1872 г. Ф., уже генералъ-маіоромъ (съ 1864 г.), былъ назначенъ членомъ Горнаго совѣта и Горнаго ученаго комитета и въ этихъ должностяхъ оставался до самой смерти. Въ тайные совѣтники произведенъ въ 1874 г. Литература горнаго дѣла обязана Ф-ру 5-ю статьями въ «Горномъ Журналѣ» (1839—1856 гг.).

Холостовъ: «Краткій Истор. очеркъ горнозав. дѣла въ Олонецкомъ краѣ», Петрозаводскъ, 1874.— Формуляръ, хранящійся въ архивѣ Горнаго департамента. — Некрологъ Н. И. Фелькнера, Петрозаводскъ, 1878. *С. Кулибинъ.*

Фелькнеръ, *Ѳедоръ Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ Корпуса горныхъ инженеровъ, изъ дворянъ симбирской губ., род. въ 1802 г., ум. 16 іюня 1877 г. Образованіе получилъ въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ и, по окончаніи курса, въ 1820 г. началъ службу на Екатеринбургскомъ монетномъ дворѣ, гдѣ вскорѣ занялъ должность смотрителя. Съ 1822 по 1826 г. служилъ въ округѣ Екатеринбургскихъ горныхъ заводовъ, преимущественно на золотыхъ промыслахъ. Въ 1823 г. руководилъ одною изъ золотоискательныхъ партій, посланныхъ въ разныя части Урала Высочайше учрежденною подъ предсѣдательствомъ сенатора В. Ю. Соймонова Екатеринбургскою комиссіей, имѣвшей цѣлью развитіе золотопромышленнаго дѣла на Уралѣ; ввѣренная Ф-ру партія открыла Мало-Мостовской пріискъ въ Екатеринбургскомъ округѣ, разрабатывавшійся впослѣдствіи многіе годы. Въ 1826 г. Ф. сдѣланъ былъ помощникомъ управителя Екатеринбургскаго монетнаго двора и бергъ-пробиреромъ при Екатеринбургскихъ заводахъ, а въ 1828 г. бергъ-мейстеромъ Березовскихъ золотыхъ промысловъ. Перейдя (въ 1830 г.) на Колывано-Воскресенскіе (Алтайскіе) заводы, Ф. былъ командированъ, вмѣстѣ съ другимъ молодымъ инженеромъ, служившимъ на Алтаѣ,—Л. Соколовскимъ, за границу для изученія выплавки серебра; по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, въ началѣ 1833 г., онъ оставался нѣкоторое время въ Екатеринбургѣ, гдѣ, по порученію Горнаго департамента, производилъ опыты извлеченія золота изъ рудъ путемъ амальгамаціи. Пріѣхавъ въ Сибирь, онъ повторилъ эти опыты и на Алтаѣ, гдѣ, кромѣ того, занимался на рудникахъ Черепановскомъ, Змѣиногорскомъ, Риддерскомъ и Сокольномъ опытнымъ обогащеніемъ рудъ (1834—1835). Въ 1835 году Ф-ру ввѣрено было управленіе Локтевскимъ заводомъ и его рудниками, причемъ въ слѣдующемъ же году онъ получилъ денежную награду за

улучшеніе способа отдѣленія серебра отъ свинца. Въ концѣ 1837 г. Ф. возвратился на Уралъ и занялъ мѣсто горнаго начальника Пермскаго завода, а въ 1842 г.—Гороблагодатскихъ. Въ округѣ Пермскомъ имъ были на рудникахъ улучшены способы откатки и разборки рудъ, на заводахъ введены въ плавку мѣдныхъ рудъ нѣкоторые болѣе выгодные пріемы. Въ Гороблагодатскомъ же округѣ, въ верховьяхъ р. Кушайки, онъ, въ 1845 г., открылъ такъ называемое Кушайское мѣсторожденіе сѣрнаго и мѣднаго колчедана, съ успѣхомъ нынѣ разрабатываемаго и служащаго основаніемъ для пріуральской химической промышленности. Въ 1847 г. Ф., въ чинѣ полковника, съ Урала былъ переведенъ на югъ Россіи и сдѣланъ горнымъ начальникомъ Луганскаго литейнаго завода; здѣсь онъ обратилъ особенное вниманіе на подробную развѣдку мѣсторожденій желѣзныхъ рудъ и каменнаго угля. Произведенный въ 1851 г. въ генералъ-маіоры, онъ въ 1854 г. вышелъ въ отставку, но уже въ 1856 г. вновь принятъ на службу и назначенъ членомъ Совѣта и Ученаго комитета корпуса горныхъ инженеровъ, а въ концѣ того же года — главнымъ начальникомъ горныхъ заводовъ хребта Уральскаго. Онъ былъ первымъ горнымъ инженеромъ, назначеннымъ на эту должность, которую до того времени занимали исключительно военные. Въ 1862 и 1863 гг. Ф. принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ коммиссіи по пересмотру горнаго устава, для чего вызывался въ Петербургъ. При немъ произошло освобожденіе уральскаго горнозаводскаго населенія отъ обязательнаго труда. Въ 1861 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ 1863 г., по разстроенному здоровью, вышелъ въ отставку и поселился въ Симферополѣ. Перу Ф-ра принадлежитъ нѣсколько статей въ «Горномъ Журналѣ» (1838—1846 г.), кромѣ того, вмѣстѣ съ Соколовскимъ, имъ помѣщены тамъ же очерки иностранной горной промышленности.

Чупинъ: «О горн. управленіи и горн. промыслѣ на Уралѣ въ царствованіе Александра I» («Горн. Журн.», 1878, кн. 8—9, стр. 312).—«Горн. Журн.» 1842 г., т. II и III (Опыты на Пермск. зав.). — Носовъ: «Историч. очеркъ Луганскаго зав.» («Горн. Журн.» 1854 г., т. IV). — Мостовенко: «Мѣдныя руды Гороблагодатскаго окр.» («Горн. Журн.» 1868 г., т. I).—Формуляръ, хранящійся въ архивѣ Горнаго департ. *С. Кулибинъ.*

Фелькнеръ, *Ѳедоръ Христіановичъ* (Christian Friedr. Völkner), колл. сов., переводчикъ и писатель, род. въ Галле около 1722 г., ум. въ Россіи въ 1796 г.; служилъ переводчикомъ сперва при рижскомъ городскомъ управленіи, затѣмъ при сенатѣ, откуда, уже въ должности сенатскаго секретаря, былъ приглашенъ въ 50-тыхъ годахъ въ Москву въ качествѣ личнаго секретаря при гр. Разумовскомъ. Съ 1774 г. состоялъ при директорѣ А. О. Закревскомъ конференцъ-секретаремъ Имп. академіи художествъ; занимая эту должность, читалъ въ публичныхъ засѣданіяхъ академіи, кромѣ привѣтствія Ихъ Императорскимъ Высочествамъ (по-нѣмецки) и академической привилегіи (по-французски) въ 1776 г., слѣдующія двѣ рѣчи: «О воспитаніи», въ 1777 г., и «О пользѣ изящныхъ искусствъ», въ 1778 г. Но академическое хозяйство пришло въ полное разстройство во время его управленія дѣлами. Изъ переводныхъ трудовъ его извѣстны: «Nachricht von den Ajukischen Kalmucken», переводъ со шведскаго, помѣщенный въ 1760 г. академикомъ Мюллеромъ въ его «Sammlung russ. Geschichte» (IV, 275—364); «Deutsche Uebersetzung von der Rede bey der Beerdigung des Herrn Ambrosii, Erzbischofs zu Moskau und Kaluga, gehalten im Donschen Kloster den 4 Oct. 1771»; «Historisches Drama nach Shakespears Muster, ohne Beibehaltung der sonst üblichen Kunstregeln der Schaubühne, aus Ruriks Leben; 2-te russ. Ausgabe mit Anmerk. von Generalmajor Boltin», StPbg. 1792. Наконецъ, онъ помѣстилъ въ «Allgem. Lit. Anzeiger» (1796, № 41, 1797, №№ 72—74) нѣсколько отрывковъ изъ составлявшагося имъ очерка 1-го и 2-го періода русской исторіи.

Meusel: «Gelehrtes Teutschland», 1800, Bd. 8;—«Allgem. Schriftstell.- und Gelehrten- Lexicon», herausgeg. von Recke und Napiersky, VI, 450;—Н. П. Петровъ: «Сборн. матеріаловъ для истор. Имп. Акад. Худ.», I, 134, 136, 137, 142, 143, 148;—Сопиковъ: «Опытъ русск. библіогр.», III, ст. 300, № 5404.

Фельманъ, *Фридрихъ Робертъ* (F. R. Fählmann), лекторъ эстонскаго языка и предсѣдатель Ученаго Эстонскаго общества при дерптскомъ университетѣ, род. въ Эстляндіи 21 дек. 1799 г., ум. въ Дерптѣ 10 апр. 1850 г. Сынъ бывшаго крѣпостного, Ф., съ дѣтства обнаруживая

большой интересъ къ ученію, съ успѣхомъ окончилъ курсъ городского училища въ Везенбергѣ и гимназіи въ Дерптѣ и въ 1818 г. поступилъ на медицинскій факультетъ дерптскаго университета. Уже студентомъ Ф. выказывалъ рѣдкую энергію и неутомимое трудолюбіе, не покидавшія его до самой смерти; вынужденный крайнею бѣдностью постоянно давать уроки и очень прилежно занимаясь изученіемъ избраннаго предмета, онъ все еще находилъ время и для другихъ занятій, преимущественно для изученія роднаго эстонскаго языка, посвящая каникулярное время на собираніе и записываніе сказокъ и преданій своего народа. Когда въ 1823 г. профессоръ Эрдманъ покинулъ Дерптъ, онъ передалъ своему ученику Фельману, тогда еще студенту, значительную часть своей практики и указалъ медицинскому факультету на него какъ на достойнаго себѣ преемника. Въ 1827 г. Ф. былъ удостоенъ степени доктора медицины и, оставаясь въ Дерптѣ, въ короткое время пріобрѣлъ себѣ столь обширную практику, что она занимала все его время. Однако эта утомительная дѣятельность не могла его заставить отказаться отъ излюбленныхъ лингвистическихъ занятій; не имѣя времени днемъ, онъ посвящалъ имъ большую часть своихъ ночей, трудясь надъ подготовительными работами для сочиненія эстонской грамматики, основанной на строгонаучныхъ началахъ. Между тѣмъ его слава очень свѣдущаго и дѣльнаго врача распространилась по всему остзейскому краю, и ему стоило только представить совѣту университета какое нибудь медицинское изслѣдованіе, чтобы получить каѳедру; мало того, въ 1837 г. ему было предложено мѣсто ординарнаго профессора исторіи медицины и судебной медицины въ Казани; однако онъ такъ привязался къ своимъ обычнымъ занятіямъ, что отказался отъ профессуры, предпочитая оставаться простымъ врачемъ. Въ 1838 г. Ф. принадлежалъ къ числу учредителей Ученаго Эстонскаго общества при дерптскомъ университетѣ и съ 1849 г. до конца жизни состоялъ его предсѣдателемъ. Въ 1842 г. былъ избранъ лекторомъ эстонскаго языка и, кромѣ того, съ 1843 г. временно, въ продолженіе $2^1/_2$ лѣтъ, съ большимъ успѣхомъ читалъ лекціи по фармакологіи и рецептурѣ. Съ какимъ самоотверженіемъ Ф. исполнялъ обязанности врача, не зная никакой разницы между богатыми и бѣдными паціентами, особенно обнаруживалось при эпидеміяхъ; такъ, когда въ 1846 г. въ Дерптѣ свирѣпствовалъ кровавый поносъ, Ф. ежедневно пользовалъ до 125 больныхъ, а въ 1848 г., во время холеры, четыре недѣли не раздѣвался и часто вовсе не спалъ въ продолженіе нѣсколькихъ сутокъ. Столь неномѣрная работа расшатала его здоровье, и скоротечная чахотка положила преждевременный конецъ его полезной дѣятельности. — Кромѣ диссертаціи «Observationes inflammationum occultiorum», Dorpati, 1827, перу Фельмана принадлежатъ еще слѣдующіе труды: «Versuch einer neuen Anordnung der Conjunctionen in der estnischen Sprache», Dorpat, 1842; «Ueber die Declination der estnischen Nomina», 1844; «Die Ruhrepidemie in Dorpat im Herbst 1846», Dorp. 1846.

Дѣла архива юрьевскаго (дерптскаго) универс.;— «Verhandlungen der Gelehrten estnischen Gesellschaft», 1852, Heft 4. *В. Ш.*

Фельтенъ *Іоаннъ*, оберъ-кухенмейстеръ Петра I, пользовавшійся расположеніемъ императора. Въ знакъ особой милости къ академику Шумахеру, государь «соизволилъ изъ своихъ рукъ пожаловать ему невѣсту, которыя родителей Его Величество тогда отмѣнною милостью призирать изволилъ». Царь сговорилъ за него старшую дочь Фельтена, съ которымъ впослѣдствіи находился въ родствѣ и академикъ Таубертъ. Въ 1736 г., когда изъ московскихъ Спасскихъ школъ были присланы студенты, назначенные для командировки за границу, Ломоносовъ, Виноградовъ и др., содержаніе ихъ было поручено Фельтену (Ломоносовъ неправильно называетъ его Фельтингомъ).

«Матер. для біогр. Ломоносова», собранн. акад. Билярскимъ, стр. 53;—Пекарскій: «Ист. Имп. Акад. Наукъ въ Петербургѣ», т. I стр. 19, 59, 137, т. II, стр. 290.

Фельтенъ, *Юрій Матвѣевичъ* (Georg Friedrich Veldten), сынъ предыдущаго, профессоръ архитектуры, род. въ 1730 г., ум. въ 1802 г. въ С.-Петербургѣ. Ф. получилъ первыя познанія въ языкахъ и наукахъ въ гимназіи при Академіи наукъ; затѣмъ, уѣхавъ въ 1743 г. вмѣстѣ съ академическимъ профессоромъ Крафтомъ за границу, продолжалъ заниматься у него въ тюбин-

генскомъ университетѣ математическими и физическими науками; имѣя же наклонность къ архитектурѣ и прочимъ художествамъ, сталъ изучать и ихъ, сперва теоретически, потомъ практически, находясь въ 1747—48 гг. при строеніи штутгардскаго замка, а въ 1749 г. практикуясь въ архитектурѣ въ Берлинѣ. Вернувшись въ 1750 г. въ Петербургъ, Ф. поступилъ на службу при Академіи наукъ «архитектуріи гезелемъ», въ рангѣ поручика; обучался тамъ еще два года: перспективѣ—у театральнаго архитектора и живописнаго дѣла мастера Валеріани, рисованію съ натуры—у рисовальнаго мастера Гриммеля и моделированію у рѣзного дѣла мастера Ягана Дункера, работая, кромѣ того, при Географическомъ департаментѣ. Послѣ того, получивъ, какъ отъ нихъ, такъ и отъ архитектора Шумахера аттестаты, свидѣтельствовавшіе объ его успѣхахъ, упражнялся съ 1754 г. въ разныхъ «архитектоническихъ работахъ» при оберъ-архитекторѣ Растрелли, который и просилъ 20 декабря 1755 г. объ опредѣленіи Ф-на въ канцелярію строенія Е. И. В. домовъ и садовъ, въ помощь къ нему при постройкѣ каменнаго Зимняго дворца и при другихъ дѣлахъ, съ званіемъ «за архитектора» и съ рангомъ «отъ арміи капитана», на окладъ по 400 р. въ годъ. Произведенный въ 1760 г. (октября 16) въ архитекторы секундъ-маіорскаго ранга, Ф., за проектъ мѣста для конной статуи Петру В., былъ возведенъ Имп. Академіей художествъ 23 января 1770 г. въ «назначенные», а 24 сентября 1772 г. — въ профессоры, съ назначеніемъ членомъ совѣта; по производствѣ же въ надворные совѣтники въ 1773 г., онъ опредѣленъ былъ, сверхъ занимаемыхъ имъ должностей, въ 1775 г. «за опекуна» Имп. Воспитательнаго дома СПБ. Опекунскаго совѣта и въ 1778 г., съ производствомъ въ коллежскіе совѣтники,—членомъ Конторы строеній и инспекторомъ надъ всѣми находившимися въ ея вѣдѣніи мастерскими. Избранный въ корреспонденты Королевской французской академіи въ 1783 г. и пожалованный въ статскіе совѣтники 20 сентября 1784 г., Ф. былъ уволенъ отъ дѣлъ Конторы строеній, а 20 іюля 1785 г. утвержденъ, въ качествѣ старшаго профессора, адъюнктъ-ректоромъ СПБ. Академіи художествъ, «въ награжденіе отмѣнныхъ дарованій и полученной долговременной пользы», и 2 апрѣля 1789 г.—директоромъ, вмѣсто бригадира П. Ф. Мальтица; вскорѣ же по вступленіи въ должность новаго президента гр. А. И. Мусина-Пушкина, уволенъ отъ послѣднихъ обязанностей въ декабрѣ 1794 г.

За время своей долголѣтней службы при Конторѣ строеній и Академіи художествъ, Ф. принималъ участіе въ двухъ конкурсахъ послѣдней: по сооруженію памятника Императрицѣ Екатеринѣ II въ Твери и по застройкѣ, согласно Высочайшему повелѣнію, площади противъ Зимняго дворца въ Петербургѣ, между восточнымъ угломъ адмиралтейства и Милліонной улицей; для памятника онъ составилъ проектъ, за который получилъ золотую медаль отъ тверского дворянства (3 апрѣля 1777 г.), а для застройки площади—модель съ порталомъ дорическаго ордера и антаблементомъ коринѳскаго, за которую получилъ въ награду 300 червонцевъ (5 октября 1780 г.). Кромѣ того Ф. исполнялъ разныя строительныя работы: въ дворцахъ Зимнемъ каменномъ и Лѣтнемъ деревянномъ въ Петербургѣ, далѣе, въ Петергофѣ и въ Царскомъ Селѣ (между прочимъ имъ построены: башня-руина, чугунныя ворота, мосты крестовый при Китайской деревнѣ и съ мраморною колоннадою у большого каскада); затѣмъ участвовалъ при сооруженіи Чесменскаго дворца и церкви, Дѣвичьяго монастыря, набережной части академическаго зданія (съ парадной лѣстницей), монумента Петру В., Глазовскаго дома, казенныхъ домовъ противъ Зимняго дворца, средней части Эрмитажа съ наружными галлереями (для висячаго сада); каменнаго берега рѣки Невы съ желѣзною рѣшеткою у Лѣтняго Сада, домовъ принца Ольденбургскаго и Бецкаго, 2-хъ флигелей ломбарда, 4-хъ протестантскихъ церквей (св. Екатерины, св. Анны, въ Павловскѣ и въ Маріенгофѣ) и первой армейской, дома церкви «Всѣхъ скорбящихъ радости», бумажной мельницы въ Ропшѣ, Воспитательнаго дома въ Москвѣ и проч.; наконецъ, въ академическомъ музеѣ находится его работы деревянная модель предполагавшагося къ постройкѣ по дорогѣ въ Царское Село храма Бахуса. Съ рисунковъ же Ф-на И. Ф. Шлейсъ гравировалъ три большихъ эстампа, представляющихъ перенесеніе гранитной скалы для статуи Петра В.

Общій Архивъ Мин. Имп. Двора, дѣла канцел. строеній, 1755, № 110, л. 6 и слѣд., и 1778, кн. 101, л. 204—207; — Архивъ Имп. Акад. Худ., дѣла 1796 г., № 54, и 1831 г., № 45 (по стар. нумер.);—«Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.», П. Н. Петрова, т. I, и Указатель къ нему, А. Е. Юдолова;—«Худож. Газета», 1838, ст. 477, 590, 594 (изъ Фіорилло); — А. Оленинъ: «Крат. истор. свѣд. о состояніи Акад. Худож.», ст. 7 (гдѣ Ф. названъ однако Фельтзигомъ);—П. Свиньинъ: «Достопамятности С.-Петербурга», IV, 188 и 199;—Пушкаревъ: «Описаніе С.-Петербурга», IV, 185.

Н. Собко.

Феншъ (Fenshaw), *Андрей Семеновичъ*, генералъ отъ инфантеріи, сенаторъ, изъ англійскихъ дворянъ, род. въ 1757 г., ум. 29 февр. 1828 г.; вступилъ въ русскую службу въ 1785 г. подполковникомъ въ первый батальонъ Екатеринингскаго егерскаго корпуса, въ 1788 г. переведенъ въ Елецкій пѣхотный полкъ полковникомъ, въ 1793 г. произведенъ въ бригадиры, въ 1796 г. въ генералъ-маіоры, въ 1797 г. назначенъ шефомъ Московскаго мушкатерскаго полка, въ 1798 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ 1800 г. въ генералы отъ инфантеріи; въ томъ же году назначенъ инспекторомъ украинской инфантеріи и кіевскимъ военнымъ губернаторомъ, при чемъ на него возложено было и управленіе гражданскою частью; въ этихъ должностяхъ Ф. оставался до 1803 г., а затѣмъ состоялъ по арміи и военнымъ губернаторомъ въ Ѳеодосіи. Отставленный отъ службы въ 1808 г., онъ снова былъ принятъ по арміи въ 1812 г. Находился въ походѣ противъ турокъ, въ 1787 г. на р. Бугѣ; въ слѣдующемъ году участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ, происходившихъ на Очаковскомъ лиманѣ и при осадѣ города Очакова, при чемъ командовалъ также надъ галерами; за храбрость обнаруженную въ этихъ сраженіяхъ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст. и золотою шпагой съ надписью «за храбрость». Въ 1789 г. участвовалъ въ двухъ сраженіяхъ противъ шведовъ и при осадѣ Нейшлота, а въ слѣдующемъ году—въ дѣлахъ при Біёрке-Зундѣ, въ Выборгскомъ Зундѣ и при Роченсальмѣ. Далѣе, до 1794 г. находился въ рядахъ русской арміи, расположенной въ Польшѣ для усмиренія бунтовщиковъ. Въ 1815 г. участвовалъ при осадѣ Данцига, но въ слѣдующемъ году оставилъ военную службу и былъ назначенъ сенаторомъ 4-го департамента Правительствующаго сената. Вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, съ 1817 г. и почти до дня кончины проживалъ въ безсрочномъ отпуску за границею, гдѣ и ум. 70 лѣтъ отъ роду.

Арх. Правит. Сената, формуляръ за № 2142.—Бумаги-П. И. Баранова.—«Русск. Арх.» за 1891 г., въ прилож. («Зап. Вигеля»).

Феншъ (Fenshaw), *Григорій Андреевичъ*, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ, сынъ предыдущаго, род. въ 1789 г., ум. въ 1867 г.; принятъ въ 1807 г. изъ подпоручиковъ англійской службы въ русскую армію съ чиномъ прапорщика и съ назначеніемъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части (нынѣ Генеральный штабъ), и въ томъ же году участвовалъ волонтеромъ въ турецкой войнѣ. Пробывъ, по болѣзни, годъ въ отставкѣ, Ф. въ 1811 г. былъ снова принятъ на службу л.-гв. въ Семеновскій полкъ. Въ кампанію 1812 г., состоя адъютантомъ, принималъ участіе во всѣхъ главныхъ сраженіяхъ, при Бородинѣ контуженъ обломкомъ ядра въ шею; за отличіе въ дѣлахъ награжденъ шпагою съ надписью «за храбрость» и орденомъ св. Владиміра 4 ст. Въ 1813 г. былъ въ сраженіяхъ при Люценѣ (20 іюня), подъ Бауценомъ (8 и 9 іюля) и подъ Кульмомъ (17 и 18 авг.); въ послѣднемъ дѣлѣ былъ раненъ пулею на вылетъ въ правую руку; за храбрость награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст. съ алмазными къ нему знаками, а также прусскимъ орденомъ Желѣзнаго креста. Оставивъ 18 августа того же года свой полкъ для излѣченія ранъ, Ф. 30 августа назначенъ адъютантомъ къ великому князю Константину Павловичу. Въ кампанію 1814 г. Ф., находясь при цесаревичѣ, вступилъ въ предѣлы Франціи, былъ въ дѣлахъ подъ Бріенъ-ле-Шато (20 и 21 янв.) и при Фершампенуазѣ (13 марта) и съ союзными войсками вступилъ въ Парижъ (19 марта). Съ 9 сентября 1814 г. Ф., пребывая при великомъ князѣ, находился въ Царствѣ Польскомъ и въ 1826 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1830 г., во время возмущенія поляковъ, участвовалъ въ сраженіи при Гроховѣ, затѣмъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ выступилъ въ предѣлы Россіи и оставался при немъ до конца его жизни. Въ 1831 г. Ф. былъ назначенъ въ свиту Его Величества и награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст., въ 1835 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ повелѣніемъ состоять по арміи. Уволенный въ 1841 г.

отъ службы съ полной пенсіей, Ф. въ 1842 г. былъ переименованъ въ тайные совѣтники, съ назначеніемъ къ присутствованію въ общемъ собраніи варшавскихъ департаментовъ Правительствующаго сената; въ 1843 г. назначенъ членомъ комитета для составленія свода законовъ Царства Польскаго; съ 1850 г. снова присутствовалъ въ варшавскомъ сенатѣ (по 10 департаменту) до 1856 г., когда состоялось его назначеніе членомъ Совѣта Правительственной комисіи Царства Польскаго. 13 мая 1867 г. Ф. уволенъ отъ послѣдней обязанности съ оставленіемъ въ званіи сенатора.

Формуляръ въ архивѣ Прав. Сената за № 105.— Бумаги П. И. Баранова, хранящіяся у П. И. Семенова.—«Русскій Арх.» 1891 г. (записки Вигеля).

Ферберъ, *Иванъ Яковлевичъ* (Johann Jacob Ferber), извѣстный минералогъ и знатокъ горнаго дѣла, почетный членъ С.-Петербургской и дѣйствительный членъ Берлинской и Сіенской академій наукъ, род. въ Карлскронѣ (въ Швеціи) 29 авг. 1743 г., ум. въ Бернѣ 6 апр. 1790 г. Первоначальное образованіе получилъ въ карлскронской городской школѣ, затѣмъ поступилъ въ упсальскій университетъ для изученія медицины, но, увлеченный лекціями знаменитаго Валлеріуса по минералогіи, посвятилъ себя этой наукѣ; одновременно работалъ практически подъ руководствомъ Кронштедта и Линнея и много занимался математическими науками и астрономіею. Въ 1763 г. онъ защитилъ диссертацію «De prolepsi plantarum» и вскорѣ былъ опредѣленъ въ Горную коллегію въ Стокгольмѣ; издавъ тамъ свой первый трудъ: «Diarium florae Carolicoronensis», онъ предпринялъ путешествіе съ научною цѣлью по Швеціи. Въ 1765 г. посѣтилъ Германію, Австрію (гдѣ изучалъ ртутные рудники въ Идріи), Францію, Италію, Голландію и Великобританнію. Результатомъ путешествія явились его «Briefe aus Wälschland», весьма обстоятельный трудъ физико-минералогическаго содержанія, изданный въ Прагѣ въ 1773 г.; на основаніи этого сочиненія Ф. былъ избранъ членомъ Сіенской академіи наукъ и почетнымъ членомъ Берлинскаго общества естествоиспытателей. Издавъ въ 1774 г. обзоры положенія рудничнаго дѣла въ Идріи, онъ вскорѣ затѣмъ отправился въ Митаву, куда былъ приглашенъ преподавателемъ физики и естественной исторіи во вновь учрежденную гимназію. Здѣсь онъ, два года спустя, издалъ свой извѣстный трудъ: «Bergmännische Nachrichten von den merkwürdigsten mineralogischen Gegenden der herzoglich Zweibrückischen und Nassauischen Länder», заключающій весьма цѣнныя историческія свѣдѣнія о старыхъ и частью оставленныхъ пфальцскихъ ртутныхъ рудникахъ. Въ 1781 г., получивъ приглашеніе короля Станислава Августа, онъ предпринялъ обширное изслѣдованіе естественныхъ богатствъ Польши, но, вызванный въ Россію императрицею Екатериною II, отправился въ Петербургъ, гдѣ въ 1783 г. былъ избранъ членомъ Академіи наукъ. Изъ его изслѣдованій, напечатанныхъ въ «Acta Acad. scien. Petrop.», заслуживаетъ особеннаго вниманія «Examen hypotheseos de transmutationibus corporum mineralium» (1780, p. II), въ которомъ онъ выступилъ открытымъ противникомъ существовавшихъ воззрѣній алхимистовъ на превращенія, которымъ подвергаются минеральныя вещества. Разстроенное здоровье не позволило ему ни продолжать профессорскія занятія въ Петербургѣ, ни принять предложенное ему правительствомъ управленіе горными заводами въ Сибири, и заставило его въ 1786 г. разстаться съ академіею, избравшей его почетнымъ членомъ, и перейти въ прусскую службу, гдѣ онъ былъ назначенъ оберберграмомъ въ Берлинѣ. Слѣдуя приглашенію швейцарскаго правительства изучить положеніе горнаго дѣла въ Швейцаріи и указать его слабыя стороны, онъ отправился туда, но по дорогѣ къ Бріенцскому озеру ум. отъ апоплектическаго удара. Изслѣдованія Ф-ра отличались большою наблюдательностью и точностью, и физическая географія въ особенности обязана ему многими научными открытіями. Изъ трудовъ его, которые весьма многочисленны, кромѣ упомянутыхъ, наиболѣе важны слѣдующіе: «Versuch einer Oryktographie von Derbyshire» (1776); «Neue Beiträge zur Mineralgeschichte» (1788), и помѣщенные въ запискахъ Берлинской академіи наукъ: «Sur les corps pétrifiés», «Vom Ursprung des Basaltes» и др.

«Общій списокъ членовъ Имп. Акад. наукъ, составл. Шемiодтомъ, 1873;—«Allgem. Deutsche Biographie», т. VI;—«Schriftsteller und Gelehrten-Lexicon», herausgeg. von Recke und Napiersky, т. I (съ подроби. перечнемъ сочиненій Ф-ра), и «Nachträge».

Ферзенъ, баронъ, *Ермолай (Германъ) Егоровичъ*, генералъ отъ инфантеріи, род. въ 1742 г., ум. послѣ 1801 г. Происходя изъ эстляндскихъ дворянъ, въ дѣйствительную службу вступилъ, по окончаніи курса въ Сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ, въ 1761 г. л-гв. въ Преображенскій полкъ прапорщикомъ, гдѣ оставался до 1 янв. 1770 г., когда, съ переименованіемъ въ подполковники арміи, былъ переведенъ въ С.-Петербургскій легіонъ. Въ 1774 г. Ф. произведенъ въ чинъ полковника, а, по переформированіи легіона, поступилъ въ составъ Ревельскаго пѣхотнаго полка, съ которымъ продолжалъ свое участіе въ походахъ съ 1770 по 1780 г. противъ конфедератовъ Польши, и за отличіе произведенъ 24 ноября 1779 г. въ бригадиры, а годъ спустя—въ генералъ-маіоры, съ оставленіемъ въ томъ же полку. Уволенный 1 янв. 1785 г. въ отставку, Ф., со вступленіемъ на престолъ императора Павла I, былъ снова принятъ на службу и 18 дек. 1796 г. опредѣленъ шефомъ въ Тобольскій мушкатерскій его имени полкъ. 19 іюня 1797 г. произведенъ въ ген.-лейтенанты, 21 апр. 1799 г. пожалованъ чиномъ генерала отъ инфантеріи и 14 янв. 1801 г. вновь отставленъ, по прошенію, отъ службы. Ф. былъ женатъ на вдовѣ графинѣ Бржостовской, рожденной княжнѣ Радзивилъ.

Форм. спис., хранящ. въ Моск. отд. общаго архива Гл. Штаба. *Д. С—въ.*

Ферзенъ, баронъ, впослѣдствіи графъ, *Иванъ Евстафьевичъ*, генералъ отъ инфантеріи, потомокъ древней дворянской фамиліи, ведущей свое начало отъ тюрингенскаго уроженца Pherson или Fersen. Впослѣдствіи Ферзены встрѣчаются въ Шотландіи, Швеціи и Лифляндіи. Родоначальникомъ лифляндской вѣтви, къ которой принадлежалъ баронъ Иванъ Евстафьевичъ, является извѣстный въ 1471 г. гросмейстеръ Ливонскихъ рыцарей Іоаннъ Вальдгаузенъ-фонъ-Ферзенъ. Ф. род. въ 1747 г., ум. въ началѣ 1799 г. На службу поступилъ въ 1760 г. въ артиллерію сержантомъ и въ 1762 г. произведенъ въ подпоручики. Въ 1769 г., въ чинѣ капитана Елисаветградскаго пикинернаго полка, выступилъ въ походъ противъ турокъ и принималъ дѣятельное участіе въ первой турецкой войнѣ (1769—1775 г.); за отличія подъ Хотинымъ (1769), при переправѣ черезъ Прутъ (1770) и при осадѣ Силистріи (1773) послѣдовательно получилъ чины секундъ-маіора (1 янв. 1770 г.), премьеръ-маіора (7 іюля 1770 г.) и подполковника (1771 г.), а также орденъ св. Георгія 3 ст. (1775 г.). По возвращеніи изъ кампаніи былъ произведенъ въ 1782 г. въ бригадиры, а въ 1784 г. въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ состоять при третьей дивизіи. Въ 1790 г. принималъ участіе въ шведской войнѣ и содѣйствовалъ побѣдѣ адмирала Чичагова надъ шведскимъ флотомъ (22 іюня) въ Выборгскомъ заливѣ (Березовомъ зундѣ), увеличивъ замѣшательство укрывшихся въ заливѣ непріятельскихъ судовъ сильнымъ огнемъ изъ возведенныхъ береговыхъ батарей, за что награжденъ въ день празднованія Верельскаго мирнаго договора (3 авг. 1790 г.) шпагою съ алмазнымъ украшеніемъ и 5000-ми рублей. Произведенный въ 1791 г. въ генералъ-поручики, Ф. въ 1792 г., командуя отдѣльнымъ корпусомъ, вступилъ въ Литву, гдѣ, подобно тому, какъ и въ Польшѣ, происходили смуты по поводу конституціи 3-го мая 1791 г.; искусными распоряженіями онъ съумѣлъ образовать здѣсь генеральную конфедерацію, по примѣру Тарговицкой, которая принята была подъ покровительство императрицы Екатерины II, и такимъ образомъ быстро умиротворилъ весь край. За мужество и распорядительность, оказанныя имъ въ этомъ году, Ф. получилъ орденъ св. Александра Невскаго (1792), графское достоинство и двѣ тысячи душъ (1793 г.). Но блистательнѣйшею эпохою въ жизни Ф-на былъ 1794-тый годъ. Въ началѣ этого года возникло возстаніе въ Польшѣ, и Костюшко занялъ Варшаву (6 апр.). Ф., командовавшій въ Литвѣ отдѣльнымъ корпусомъ численностью въ 12,000 чел., соединился съ войсками прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III и вторгнулся въ предѣлы Польши. При деревнѣ Щекоцинѣ соединившіеся союзные корпуса встрѣтились съ войсками Костюшки, который, выдержавъ бой въ теченіе цѣлаго дня (8 іюня), принужденъ былъ къ вечеру отступить къ Варшавѣ. 13 іюля корпусъ Ф-на и пруссаки приступили къ осадѣ Варшавы и заняли предмѣстье Волю, но возникшее въ предѣлахъ Пруссіи возстаніе заставило короля (26 авг.) поспѣшно снять осаду, вслѣдствіе чего и Ф. принужденъ былъ

также отступить. Онъ пошелъ вверхъ по лѣвому берегу Вислы, распустивъ слухъ, что хочетъ уйти въ Австрію, съ тою цѣлью, чтобы ввести противника въ заблужденіе и облегчить себѣ переправу черезъ Вислу и соединеніе съ гр. Суворовымъ-Рымникскимъ, поспѣшно наступавшимъ къ Брестъ-Литовску. Костюшко, обманутый искуснымъ движеніемъ Ф-на, отправилъ сильный отрядъ въ Краковъ, чтобы пресѣчь корпусу Ф-на путь въ Австрію, а для ближайшаго за нимъ наблюденія послалъ незначительный отрядъ (3000 чел.) Понинскаго вдоль праваго берега Вислы; самъ же со всѣми своими войсками пошелъ къ Брестъ-Литовску навстрѣчу Суворову. Ф., узнавъ о незначительности наблюдающихъ за нимъ войскъ, приступилъ близъ Кошеницы къ переправѣ черезъ Вислу; тогда Костюшко бросился съ Брестской дороги навстрѣчу Ф-ну, чтобы остановить его и не дать ему соединиться съ Суворовымъ, и сталъ на позиціи у д. Маціовицъ, близъ мѣста переправы. Ф., переправивъ 27-го сент. свой корпусъ черезъ Вислу, частью вплавь и на плотахъ, частью по наведенному мосту, и осмотрѣвъ позиціи непріятеля, въ тотъ же день вечеромъ отправилъ отрядъ генерала Денисова и всѣхъ казаковъ лѣсомъ и болотами въ обходъ лѣваго фланга поляковъ, а самъ съ остальными войсками двинулся въ полночь къ Маціовицамъ и на разсвѣтѣ 28 сент. съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами атаковалъ непріятеля. Поляки защищались храбро, отбили первый натискъ русскихъ и даже перешли къ наступленію, но послѣ третьей нашей атаки и упорнѣйшаго рукопашнаго боя принуждены были очистить свои укрѣпленія; въ это время Денисовъ вышелъ изъ лѣса и атаковалъ ихъ лѣвый флангъ. Костюшко, предводительствуя лично кавалеріей, пошелъ ему навстрѣчу, но атака его была неудачна; подъ нимъ были убиты три лошади, онъ самъ былъ тяжело раненъ и взятъ въ плѣнъ. Поляки начали отступать въ порядкѣ, но стремительно преслѣдуемые Ф-помъ, пришли скоро въ совершенное разстройство: 6000 ихъ было убито или ранено, 2000 взяты въ плѣнъ, а равно захвачены вся артиллерія и весь обозъ. Пораженіе это имѣло рѣшительное вліяніе на судьбу Польши, въ особенности по нравственному своему значенію. За побѣду при Маціовицахъ императрица Екатерина II наградила Ф-на орденомъ св. Георгія 2 степ. и имѣніемъ въ Лифляндіи. 14-го окт. корпусъ Ф-на присоединился у Окунева къ войскамъ Суворова. Въ знаменитомъ штурмѣ Праги (24 окт.) Ф. принялъ дѣятельное участіе, командуя 5-ою, 6-ою и 7-ою колоннами, атаковавшими восточный фронтъ крѣпости. Въ донесеніи Суворова о пражскомъ штурмѣ сказано, что гр. Ф. «озаряясь свѣжей еще славою, разбитіемъ главнаго бунтовщика Костюшки и взятіемъ его въ плѣнъ, совокупилъ новые лавры; онъ, при всей слабости здоровья, бодрствуя духомъ, превозмогалъ и труды и опасности, и какъ распоряженіемъ по своей части, такъ и мужествомъ подтвердилъ извѣстную о немъ репутацію». По занятіи Варшавы Ф. посланъ былъ преслѣдовать главнокомандующаго польскою арміею Вавржецкаго, намѣревавшагося съ остатками войскъ удалиться въ Галицію; Ф. догналъ его 7 ноября на пути къ Кракову у д. Радочинъ и принудилъ положить оружіе. Со вступленіемъ на престолъ императора Павла I Ф. 18 сент. 1797 г. былъ уволенъ въ отставку, но уже 24 дек. того же года вновь зачисленъ на службу съ назначеніемъ директоромъ кадетскаго корпуса; 4 янв. 1798 г. произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи, но въ томъ же году, вышелъ въ отставку (14 декабря) и поселился въ городѣ Дубно, гдѣ вскорѣ затѣмъ скончался. Гр. Ф. былъ небольшого роста, худощавъ; съ нравомъ горячимъ соединялъ доброе сердце; отличался храбростью и правотою; дорожилъ солдатами.

Формулярный списокъ, хранящійся въ московск. отдѣлен. общ. архива Главн. Штаба. — «Журналъ военн. дѣйствій».—Петровъ: «Война Россіи съ Турціей и польск. конфедератами съ 1769—1774 г.».— «Русск. Архивъ», 1866, ст. 1617, 1873 г., ст. 2307.— «Русская Стар.», т. XII, ст. 232, т. XVIII, ст. 589.— Бантышъ-Каменскій: «Словарь достоприм. людей», 1836, т. 5.—«Военно-энциклоп. лексиконъ», т. XIII.

А. Гулевичъ.

Ферзенъ, графъ, *Павелъ Карловичъ*, д. с. с., оберъ-егермейстеръ двора Его Величества, род. въ 1800 г. По окончаніи курса наукъ въ Пажескомъ корпусѣ, вступилъ въ 1819 г. въ Кавалергардскій полкъ корнетомъ и въ 1821 г. назначенъ адъютантомъ къ генералу гр. Витгенштейну. Произведенный въ штабсъ-ротмистры (1827) и прослуживъ въ Кіевскомъ гусарскомъ (1830) и въ Лейбъ-кираспрскомъ

полкахъ, гр. Ф. въ 1831 г. снова былъ переведенъ въ Кавалергардскій полкъ и въ его рядахъ участвовалъ въ походѣ 1831-го г. противъ польскихъ мятежниковъ; за отличное мужество, выказанное при штурмѣ Варшавы, награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Уволенный, по болѣзни, отъ военной службы, съ чиномъ полковника, гр. Ф. въ 1836 г. былъ опредѣленъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ при Министерствѣ Императорскаго двора, съ причисленіемъ къ Кабинету Его Величества, а въ 1838 г. прикомандированъ къ комиссіи по возобновленію Зимняго дворца и назначенъ церемоніймейстеромъ Высочайшаго двора. Въ 1840 г. опредѣленъ шталмейстеромъ при великой княгинѣ Александрѣ Николаевнѣ и въ 1844 г. причисленъ къ той же должности Высочайшаго двора. Въ 1846 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и назначенъ егермейстеромъ, въ 1852 г. — управляющимъ Егермейстерской частью, въ 1862 г. — оберъ-егермейстеромъ. Выйдя въ отставку въ 1871 г., гр. Ф. остальное время жизни провелъ въ Германіи и преимущественно въ Дрезденѣ, гдѣ и умеръ 23 февр. 1884 г.

Формул. спис., хранящійся въ архивѣ Министерства Двора.

Ферморъ, графъ *Вилимъ Вилимовичъ*, генералъ-аншефъ, сенаторъ, сынъ англійскаго выходца, род. въ Россіи въ 1702 г., ум. въ отставкѣ 8 февр. 1771 г. На службу поступилъ бомбардиромъ въ полевую артиллерію въ 1720 г.; въ 1724 г. произведенъ въ штыкъ-юнкеры, въ 1726 г. въ поручики, въ 1729 г. въ капитаны; въ 1730 г. былъ командированъ для осмотра Колывано-Воскресенскихъ рудниковъ. Въ апрѣлѣ 1733 г., съ производствомъ въ подполковники, былъ назначенъ генеральсъ-адъютантомъ къ фельдмаршалу графу Б. Х. Миниху, которому обязанъ окончательнымъ развитіемъ своихъ дарованій и ближайшимъ изученіемъ военнаго искусства. Подъ его руководствомъ Ф. началъ свои военные походы, участвуя въ 1734 г. при атакѣ и взятіи крѣпости Гданска (Данцига). Въ 1735 г. находился при войскахъ, назначенныхъ для усмиренія конфедераціи въ Польшѣ. Въ 1736 г., въ Турецкую войну, находясь при арміи гр. Миниха, Ф. участвовалъ въ мартѣ мѣсяцѣ въ осадѣ и бомбардированіи крѣпости Азова,—въ апрѣлѣ того же года въ Крымскомъ походѣ и былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей при взятіи Перекопской линіи; во время этого похода, находясь съ отдѣльнымъ отрядомъ при мѣстечкѣ Черной-Долинѣ, онъ былъ окруженъ нѣсколькими тысячами турокъ и татаръ на открытомъ мѣстѣ, имѣя подъ ружьемъ лишь 350 чел.; онъ построилъ ихъ въ каре, приказалъ всѣмъ спѣшиться и отразилъ многочисленныя атаки непріятеля; въ награду за храбрость и благополучный исходъ этого дѣла Ф. былъ произведенъ въ полковники. Въ 1737 г., состоя въ арміи гр. Миниха въ должности генералъ-квартирмейстера и командуя вмѣстѣ съ тѣмъ авангардомъ арміи, Ф. принялъ дѣятельное участіе въ Очаковскомъ штурмѣ. Въ 1738 и 1739 гг., при походѣ арміи гр. Миниха къ Хотину и Яссамъ, Ф. командовалъ авангардомъ арміи, состоявшимъ изъ 7 пѣх. полковъ, одного гусарскаго полка и 2000 казаковъ; съ этимъ отрядомъ онъ особенно отличился въ сраженіи подъ Ставучанами 28 авг. 1739 г. По окончаніи кампаніи Ф. былъ назначенъ оберъ-комендантомъ въ Выборгѣ, съ производствомъ въ генералъ-маіоры. При открытіи въ 1741 г. военныхъ дѣйствій со стороны шведовъ, Ф. вступилъ въ ряды арміи, подъ начальствомъ фельдмаршала гр. Ласси, и находился въ дѣлѣ при Вильманстрандѣ (23 авг.); за храбрость, оказанную въ этомъ сраженіи, Ф. былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. Въ 1742 г. на Ф-ра возложено было окончательное устройство дороги отъ Сосницкаго Яма до Петербурга. Въ 1743 и 1744 гг. онъ былъ опредѣленъ къ производству ревизіи и переписи, а равно къ размежеванію земель крестьянскихъ душъ въ С.-Петербургѣ и Ингерманландіи. Въ 1746 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ завѣдывающимъ канцеляріей отъ строеній; занимая эту должность, онъ въ 1749 г. руководилъ постройкою Воскресенскаго Смольнаго монастыря, перестройкою въ 1756 г. Зимняго дворца и возобновленіемъ погорѣвшаго Петропавловскаго собора. Въ 1755 г. Ф. былъ произведенъ въ генералъ-аншефы. Въ маѣ 1757 г., съ началомъ Семилѣтней войны, Ф., по просьбѣ его о дозволеніи принять участіе въ дѣй-

ствіяхъ русской арміи, находившейся подъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала С. Ѳ. Апраксина, былъ уволенъ отъ занимаемыхъ имъ должностей и отправленъ въ армію, гдѣ получилъ въ командованіе отдѣльный осадный корпусъ, формировавшійся въ Лифляндіи. Въ эту войну Ф. игралъ видную роль. Ввѣренный ему корпусъ, вступивъ въ предѣлы Пруссіи, овладѣлъ 24 іюня, послѣ бомбардированія и правильной осады, городомъ Мемелемъ, 20 іюля занялъ г. Тильзитъ, потомъ г. Рагнитъ и соединился съ прочими войсками. 7 авг., при новой организаціи русской арміи, Ф. получилъ командованіе надъ 1-ой дивизіей. Въ сраженіи при Гросъ-Егерсдорфѣ (19 авг.) Ф. начальствовалъ правой колонной и распоряженіями своими въ значительной степени содѣйствовалъ пораженію прусскихъ войскъ генерала Левальда. 21 окт. того же года фельдмаршалъ Апраксинъ былъ отозванъ въ Петербургъ и начальство надъ всею заграничною арміею было ввѣрено Ф-ру. Открывъ 26 дек. того же года, вслѣдствіе категорическаго приказанія со стороны конференціи при Высочайшемъ дворѣ, наступательныя дѣйствія, Ф., пользуясь тѣмъ, что въ это время Фридрихъ II былъ занятъ дѣйствіями противъ шведовъ, быстро двинулся внутрь страны, занялъ 3 янв. 1758 г. Тильзитъ, 11 янв.—Кенигсбергъ и такимъ образомъ овладѣлъ всею Восточною и Западною Пруссіею, за исключеніемъ Данцига, осада котораго была безуспѣшна. 24 янв. состоялся указъ императрицы Елизаветы о назначеніи Фермора генералъ-губернаторомъ покоренныхъ областей королевства Прусскаго, а 12 іюня ему было пожаловано императрицею Маріей Терезіей графское Римской имперіи достоинство. Въ кампанію 1758 г. гр. Ф., сообразуясь съ планами вѣнскаго кабинета и приказаніями конференціи, рѣшился овладѣть обоими берегами Варты, чтобы перенести военныя дѣйствія въ Силезію, а потому русская армія, начавъ въ концѣ мая наступленіе, взявъ Эльбингъ, Торнъ, Маріенвердеръ, Познань и Ландсбергъ, подступила 4 авг. къ крѣпости Кюстрину, имѣвшей важное стратегическое значеніе, и, занявъ предмѣстья, начала бомбардировать самую крѣпость. Рѣшительные успѣхи Ф-ра заставили Фридриха II оставить Саксонію и, во главѣ 33-хъ тысячной арміи, явиться подъ Кюстриномъ, гдѣ онъ былъ встрѣченъ Ф-ромъ съ арміею численностью до 44 тыс.; въ семи верстахъ отъ Кюстрина, при урочищѣ Фюрстенфельде, 14-го авг. послѣдовала знаменитая Цорндорфская битва, кровопролитнѣйшая изъ всѣхъ бывшихъ въ Семилѣтнюю войну; наканунѣ Фридрихъ II предпринялъ обходъ позиціи русской арміи и зашелъ въ тылъ расположенія Ф-ра; въ ночь съ 13 на 14 авг. русская армія перемѣнила свой фронтъ и въ 9 часовъ утра встрѣтила атаку пруссаковъ. Бой продолжался десять часовъ; сначала успѣхъ оружія постоянно мѣнялся, та и другая стороны на разныхъ пунктахъ попеременно оспаривали побѣду, но къ сумеркамъ почти вся прусская пѣхота бѣжала съ поля сраженія, и только замѣчательная атака кавалеріи Зейдлица спасла прусскую армію отъ совершеннаго пораженія. Поле сраженія осталось за русскими, потерявшими въ этотъ день до 22,000 чел. и 85 орудій. Ф. въ теченіе всего боя находился безотлучно при войскахъ и былъ даже контуженъ; но распоряженіями своими онъ не съумѣлъ придать единство разрозненнымъ дѣйствіямъ нашей арміи, вслѣдствіе чего со стороны русскихъ сраженіе состояло изъ ряда частныхъ кровопролитныхъ боевъ, не имѣвшихъ между собою внутренней связи. На слѣдующій день армія, по приказанію Ф-ра, отступила къ Ландсбергу, откуда безпрепятственно отошла за Варту. Отступивъ отъ Цорндорфа, Ф. началъ осаду Кольберга, но послѣ 29-ти дневныхъ безуспѣшныхъ дѣйствій удалился съ арміею изъ Пруссіи и, перейдя Вислу, расположилъ войска въ Польшѣ на зимнихъ квартирахъ, а самъ отправился въ Петербургъ, гдѣ 25 янв. 1759 г. былъ пожалованъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго, хотя нѣкоторыя его дѣйствія подверглись при дворѣ императрицы Елизаветы сильной критикѣ, главнымъ образомъ неумѣлое устройство военно-административной части. По возвращеніи 15 марта того же года къ войскамъ, Ф., среди приготовленій къ открытію весною наступательныхъ дѣйствій, получилъ 8 мая рескриптъ императрицы, согласно которому, предводительство русскою заграничною арміею ввѣрялось генералъ-фельдмаршалу графу П. С. Салтыкову. Ф. сдалъ ему главное начальство надъ войсками, однако-

же, желая быть полезнымъ отечеству, остался при арміи и служилъ, командуя отдѣльными корпусами, до окончанія войны съ Пруссіею. Въ сраженіи подъ Пальцигомъ (или Цюлихау) 12 іюля 1759 г. Ф., начальствуя передовою линіею, разбилъ непріятельскую кавалерію, послѣ чего встрѣчалъ и опрокидывалъ всѣ прусскія пѣхотныя бригады арміи ген. Веделя, послѣдовательно черезъ тѣснину проходившія. Въ сраженіи при Кунерсдорфѣ, 1 авг. того же года, командуя правымъ крыломъ арміи, Ф. твердо удержалъ свою позицію, отбивъ атаку всей прусской конницы, и содѣйствовалъ огнемъ своей артиллеріи отраженію главной атаки непріятеля, сильно тѣснившаго нашъ лѣвый флангъ, и этимъ много способствовалъ совершенному пораженію арміи Фридриха II. Въ награду за такіе подвиги императрица Елизавета пожаловала Ф-ру 30 гаковъ земли въ Лифляндіи въ вѣчное владѣніе. Въ сентябрѣ 1760 г., вслѣдствіе болѣзни гр. Салтыкова, Ф. временно принялъ армію подъ свое начальство. По соглашенію съ австрійскимъ главнокомандующимъ, генераломъ Дауномъ, и по приказанію конференціи, Ф. рѣшилъ осенью начать наступательныя дѣйствія. Русская армія подъ его начальствомъ выступила изъ Колората и заняла Померанію и Мархію, а высланный впередъ отрядъ ген. Тотлебена овладѣлъ (9 окт.) Берлиномъ; но, получивъ извѣстіе о побѣдѣ Фридриха II надъ австрійской арміей при Торгау, Ф. отступилъ въ Польшу. Въ ноябрѣ того же года онъ сдалъ начальствованіе надъ арміею вновь прибывшему главнокомандующему, гр. А. Б. Бутурлину, оставшись служить при арміи подъ его начальствомъ. Въ 1761 г., командуя наблюдательнымъ корпусомъ въ окрестностяхъ Кольберга, Ф. овладѣлъ 10 окт., послѣ сраженія у Голтова, большимъ прусскимъ продовольственнымъ транспортомъ. По вступленіи 25 дек. 1761 г. на престолъ императора Петра III и по окончаніи войны, Ф., не пользовавшійся расположеніемъ новаго государя, числился сначала при арміи, а 5 апр. 1762 г. былъ уволенъ отъ службы. Воцарившаяся 28 іюня 1762 г. императрица Екатерина II назначила 3 марта 1763 г. Ф-ра смоленскимъ генералъ-губернаторомъ и въ томъ же году возложила на него возобновленіе г. Твери, почти совершенно уничтоженнаго пожаромъ. Въ 1764 г. Ф. былъ назначенъ къ присутствованію въ Правительствующемъ сенатѣ и предсѣдателемъ комиссіи о соляныхъ и винныхъ сборахъ. 18 окт. 1768 г. онъ былъ уволенъ, согласно прошенію, отъ службы. Отличительными чертами гр. Ф-ра были: личная храбрость, честность, аккуратность, исполнительность и крайняя осторожность Гр. Минихъ отзывался о немъ, какъ объ отличномъ артиллеристѣ и инженерѣ и человѣкѣ трудолюбивомъ и безкорыстномъ. Что касается до дѣятельности Ф-ра, какъ главнокомандующаго русскою арміею въ Семилѣтнюю войну, то полная его зависимость отъ конференціи при Высочайшемъ дворѣ, которая приняла на себя главное руководство операціями русской арміи, въ связи съ шаткимъ его положеніемъ какъ главнокомандующаго и свойствами его характера, придавали дѣйствіямъ русской арміи въ то время, когда она находилась подъ начальствомъ гр. Ф-ра, характеръ крайне нерѣшительный и осторожный.

Посл. списокъ, хранящійся въ моск. отдѣл. общ. архива Главн. штаба. — Масловскій: «Русская армія въ Семилѣтнюю войну», Москва 1888, вып. 2-ой.—Рукописная біографія, составленная по оффиціальнымъ источникамъ и хранящаяся въ бумагахъ П. И. Баранова (у П. И. Семенова).—«Военно-энциклоп. лексиконъ», т. XIII. — Бантышъ-Каменскій: «Словарь достопамятн. людей русск. земли», Москва. 1836, т. V.

А. Гулевичъ.

Ферморъ, *Павелъ Ѳедоровичъ*, ген.-лейт., членъ конференціи Николаевской инженерной академіи и училища, род. 13 дек. 1810 г., ум. 10 января 1882 г.; онъ вступилъ въ службу въ 1825 г. кондукторомъ въ кондукторскую роту Главнаго инженернаго училища и, окончивъ тамъ курсъ, былъ, съ производствомъ въ прапорщики (1829), оставленъ при училищѣ для продолженія занятій въ нижнемъ офицерскомъ классѣ; въ 1830 г. былъ назначенъ во 2-й саперный баталіонъ, въ 1831 г. прикомандированъ къ Литовскому баталіону (нынѣ 3-й саперный), въ рядахъ котораго дѣйствовалъ противъ польскихъ мятежниковъ; въ этомъ походѣ онъ имѣлъ случай неоднократно выказать свою храбрость: 13 февраля 1841 г. былъ въ Гроховскомъ сраженіи, затѣмъ, находясь въ отрядѣ ген.-маіора Герштенцвейга, два раза участвовалъ въ постройкѣ моста черезъ р.

Вислу при дер. Тырчинѣ и при укрѣпленіи праваго ея берега и подъ сильнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ охранялъ особой важности постъ отъ многократныхъ попытокъ непріятеля завладѣть имъ; за эти дѣла онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4 ст. съ надписью: «за храбрость» (1831). 21 іюня того же года Ф. былъ командированъ во 2-ой саперный баталіонъ и, находясь въ штурмовыхъ колоннахъ 2-го пѣхотнаго корпуса, участвовалъ во взятіи Варшавы, за что былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. съ бантомъ. Въ 1833 г. Ф. былъ переведенъ въ учебный саперный баталіонъ и два раза прикомандированъ къ кондукторской ротѣ Главнаго инженернаго училища (съ іюня 1834—апрѣля 1835 г. и съ янв. 1836—1841 г.); въ 1841 г. назначенъ начальникомъ офицерскаго отдѣленія; въ 1849 г. былъ отчисленъ отъ училища съ переводомъ въ учебный баталіонъ. Будучи прикомандированъ къ Дворянскому полку (нынѣ Константиновское артиллерійское училище), Ф. въ 1852 г. назначенъ помощникомъ инспектора классовъ. — Съ этого года для Ф-ра наступаетъ воспитательная дѣятельность, продолжавшаяся до самой его смерти; произведенный въ 1856 г. въ полковники, онъ 12 іюня 1865 г. былъ назначенъ директоромъ Аудиторскаго училища, а черезъ годъ директоромъ и вновь открытыхъ при училищѣ офицерскихъ классовъ, которые годъ спустя были переименованы въ Военно-юридическую академію. 27 марта 1866 г. Ф произведенъ въ ген.-маіоры и оставался во главѣ этихъ двухъ заведеній до 25 дек. 1875 г., когда былъ назначенъ членомъ конференціи Николаевской инженерной академіи и училища; въ 1879 г. произведенъ въ ген.-лейтенанты.

Послужн. списокъ, хранящ. въ архивѣ Главн. инжен. управл.—«Историч. очеркъ развитія Главн. инжен. училища, 1819—1869 гг.».

Феррари, *Яковъ*, архитекторъ, род. въ 1747 г., ум. 1 мая 1807 г. въ С.-Петербургѣ. Онъ строилъ трехъ-этажный домъ лютеранской церкви св. Петра и Павла на Большой Конюшенной (1792—95) и зданіе городской думы съ башнею и лавками на Невскомъ (1800—1806), а также отдѣлывалъ многія комнаты, главнымъ образомъ военную залу въ Стрѣльнинскомъ дворцѣ (1804).

Рукописн. матеріалы П. Н. Петрова.

Н. С.

Ферри-де-Пеньи, *Ипполитъ Іосифовичъ*, с. с., баккалавръ словесныхъ наукъ одного изъ французскихъ университетовъ и преподаватель французской словесности въ высшихъ петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ, род. въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія во Франціи, ум. 31 дек. 1880 г. въ Севрѣ, близъ Парижа. Онъ пріобрѣлъ извѣстность своими переводами на французскій языкъ произведеній русскихъ писателей. Поселившись въ Россіи въ двадцатыхъ годахъ, онъ первый началъ знакомить французскую публику съ выдающимися произведеніями русскихъ писателей того времени. Изъ числа переведенныхъ имъ сочиненій пользуются извѣстностью: «Панорама Петербурга», Башуцкаго, «Описаніе Пекина» извѣстнаго синолога Іакинѳа Бичурина, «Мертвыя души» Гоголя, и мн. др.; но капитальнымъ трудомъ его является переводъ сочиненія А. И. Левшина: «Описаніе степей и ордъ Киргизъ-Кайсацкихъ», напечатанный въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ роскошнымъ изданіемъ въ 1840 г. въ королевской типографіи въ Парижѣ. Изданный имъ въ С.-Петербургѣ въ 1830 г. курсъ французской литературы для высшихъ учебныхъ заведеній имѣлъ въ свое время значительный успѣхъ.

«Голосъ» № 9, за 1881 г.

Ферсманъ, *Александръ Ѳедоровичъ*, артиллеріи ген.-лейтенантъ, изъ лифляндскихъ дворянъ, род. 16 марта 1813 г., ум. 7 апр. 1880 г. Выпущенный въ 1833 г. изъ Артиллерійскаго училища прапорщикомъ полевой артиллеріи, Ф. остался при Офицерскихъ классахъ и, по окончаніи въ нихъ высшаго курса, былъ въ 1835 г. переведенъ л.-гв. во 2-ю артиллерійскую бригаду съ опредѣленіемъ на должность репетитора училища. Выдающіяся способности Ф-на обратили на него вниманіе начальства, и по Высочайшему повелѣнію онъ въ 1838 г. былъ командированъ на три года за границу для усовершенствованія пріобрѣтенныхъ познаній въ теоретической механикѣ и баллистикѣ. По возвращеніи въ Россію, Ф. въ 1843 г. былъ прикомандированъ къ Артиллерійскому

отдѣленію Военно-ученаго комитета, въ 1846 г. назначенъ ученымъ секретаремъ и въ 1850 г., въ чинѣ полковника,—членомъ того же отдѣленія. Призванный къ новому роду дѣятельности на военно-ученомъ поприщѣ, Ф. всецѣло посвятилъ себя тщательному изученію результатовъ сравнительнаго испытанія у насъ и за границею проектовъ по артиллерійской части, и, не ограничиваясь однимъ составленіемъ журналовъ комитета, представлялъ въ засѣданія всѣ собираемые имъ матеріалы въ строго научной обработкѣ. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ успѣлъ обогатить нашу артиллерійскую литературу своими цѣнными трудами, изъ которыхъ многіе не потеряли значенія и до настоящаго времени. Въ 1855 г. Ф. былъ произведенъ въ ген.-маіоры, въ 1864 г.—въ ген.-лейтенанты, продолжая состоять членомъ того-же Артиллерійскаго отдѣленія, преобразованнаго въ 1859 г. во временный Артиллерійскій комитетъ и переименованнаго въ 1867 г. въ Техническій комитетъ Главнаго Артиллерійскаго управленія, а въ 1869 г.—въ Артиллерійскій комитетъ того же управленія. Двѣ крупныя реформы относятся ко времени дѣятельности Ф-на въ комитетѣ: введеніе въ артиллеріи нарѣзныхъ орудій, заряжающихся съ казенной части, и желѣзныхъ къ нимъ лафетовъ. Съ 1867 г. онъ состоялъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ комиссіи ген.-адъютанта Тотлебена, образованной для выработки проектовъ нормальнаго вооруженія для каждой изъ крѣпостей; въ 1874 г. подъ его руководствомъ составлены «Правила снабженія сухопутныхъ и приморскихъ крѣпостей всѣми безъ исключенія предметами матеріальной части артиллеріи»; при ближайшемъ же его участіи выработаны новыя положенія объ осадныхъ паркахъ и объ осадной артиллеріи. При образованіи въ 1868 г., по мысли императора Александра II, Международной комиссіи подъ предсѣдательствомъ ген.-адъютанта гр. Милютина, по вопросу объ исключеніи взрывчатыхъ снарядовъ изъ снабженія ручного огнестрѣльнаго оружія, Ф. былъ назначенъ членомъ ея. Въ облегченіе дѣятельности комиссіи имъ было составлено подробное описаніе взрывчатыхъ пуль различныхъ государствъ и сравненіе ихъ дѣйствія съ дѣйствіемъ артиллерійскихъ снарядовъ. Наиболѣе капитальнымъ сочиненіемъ Ф-на является трудъ, составленный имъ въ 1879 г., вмѣстѣ съ полковникомъ Шкларевичемъ: «Объ организаціи и боевомъ употребленіи крѣпостной артиллеріи». Имъ же написанъ обстоятельный разборъ редактированнаго ген.-лейтенантомъ Тотлебеномъ труда «Описаніе обороны Севастополя».

Послужн. спис., хран. въ Гл. Артилл. Упр. — «Русск. Инв.» 1880 г., № 105.—«Артилл. Журн.» 1880 г., № 6. — Платовъ и Кирпичевъ: «Историч. очеркъ образованія и развитія Артиллерійскаго училища, 1820—1870», гл. IX.

Ферстеръ, *Егоръ Христіановичъ*, инженеръ, ген.-лейтенантъ, дворянскаго происхожденія, род. въ г. Брауншвейгѣ въ 1756 г., ум. въ Бендерахъ 4 нояб. 1826 г. Въ 1786 г. Ф. перешелъ изъ прусской арміи на русскую службу и поступилъ, съ чиномъ подпрапорщика, л.-гв. въ Преображенскій полкъ, но уже въ слѣдующемъ году вышелъ въ отставку. Поступивъ снова на службу 29 апр. 1791 г. въ инженерный корпусъ флюгель-адъютантомъ, онъ съ 1792 г. былъ командированъ съ разными порученіями по инженерной части въ Севастополь, Херсонъ, Тирасполь и, наконецъ, въ Овидіополь, для заложенія тамъ крѣпости и производства самыхъ работъ, съ назначеніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ начальникомъ инженерной команды, а съ 1796 г.—комендантомъ новой крѣпости. Пробывъ съ 1799—1801 г. въ отставкѣ, Ф. снова поступилъ на службу и былъ назначенъ начальникомъ инженерной команды и строителемъ гавани, крѣпости и карантинныхъ сооруженій въ Одессѣ. Въ Турецкую войну 1806-го и слѣдующихъ годовъ онъ, въ началѣ похода, занялъ съ отрядомъ казаковъ крѣпость Аккерманъ и временно исправлялъ въ ней должность коменданта; въ декабрѣ 1806 г., командуя отрядомъ, взялъ Килію, 3 марта 1807 г. принималъ участіе въ осадѣ Измаила, строя батареи, редуты и мостъ между этой крѣпостью и Тульчею; раненый 12 іюня того же года въ лѣвую руку, онъ долженъ былъ оставить театръ войны. Въ 1809 г. Ф. былъ командированъ въ распоряженіе адмирала маркиза де-Траверсе для производства работъ въ черноморскихъ крѣпостяхъ; назначенный въ томъ же году командиромъ отряда изъ четырехъ баталіоновъ, взялъ 15 іюня крѣпость Анапу, за что былъ награжденъ чиномъ ген.-маіора. Въ Отече-

ственную войну Ф., въ 1812 г., былъ назначенъ въ армію кн. Багратіона начальникомъ инженеровъ и руководилъ укрѣпленіемъ позицій, исправленіемъ дорогъ, постройкою мостовъ и т. п. и принималъ участіе въ дѣлахъ подъ Смоленскомъ и Бородинымъ; за оказанную въ Бородинскомъ сраженіи храбрость получилъ орденъ св. Анны 1 ст., а за отличные труды и усердіе во время всей кампаніи ему пожалованы брильянтовые знаки къ этому ордену. Замѣняя съ 13 сент. 1812 г. уволеннаго по болѣзни начальника инженеровъ при первой арміи, Ф. 12 и 13 окт. находился въ сраженіи при Маломъ Ярославцѣ, устраивая редуты подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, потомъ — подъ Краснымъ. Въ 1813 г. строилъ мостъ чрезъ Вислу, затѣмъ, поступивъ въ армію Бенингсена, участвовалъ въ блокадѣ Гамбурга и въ томъ же году былъ награжденъ орденомъ св Владиміра 2 ст., а въ 1814 г. получилъ шведскій орденъ Меча и французскій командорскій крестъ Почетнаго Легіона. Въ 1815 г., по возвращеніи въ Россію, былъ командированъ въ Бессарабію для осмотра крѣпостей Аккермана, Килін, Измаила, Хотина и Бендеръ и для составленія проектовъ по ихъ укрѣпленію; въ 1817 г. назначенъ начальникомъ Дунайскаго инженернаго округа, въ 1819 г.— начальникомъ инженеровъ второй арміи. Произведенный въ ген.-лейтенанты (1821), Ф. послѣдніе годы жизни провелъ въ Бендерахъ, гдѣ и умеръ въ должности управляющаго Херсонскимъ округомъ.

Формул. спис. въ архивѣ Главн. инжен. управл.— «Сѣверная Пчела» 1826 г. № 175.

Ферстеръ, *Іоганнъ Христіанъ*, искусный органный мастеръ и виртуозъ на органѣ, род. въ силезскомъ городѣ Ополье (Oppeln) въ 1671 г., ум. въ С.-Петербургѣ въ 1740-вых годахъ. Не менѣе его органовъ славились устроенные имъ «клокшпили», на которыхъ онъ игралъ съ большимъ мастерствомъ; клокшпилемъ (Glokkenspiel, Carillan) назывался инструментъ, состоящій изъ ряда металлическихъ или стеклянныхъ различной величины колоколовъ, настроенныхъ въ діатоническомъ или хроматическомъ порядкѣ; на колокола дѣйствуютъ молоточки, находящіеся въ связи съ клавіатурою, на которой играетъ такъ называвшійся «кампанистъ»; впрочемъ есть и клокшпили, на которыхъ игра производится валомъ, приводимымъ въ движеніе часами. Въ царствованіе Петра Великаго Ф. былъ приглашенъ въ С.-Петербургъ, и въ годъ коронованія императрицы Екатерины I (1724) съ нимъ заключенъ контрактъ въ «Канцеляріи отъ строеній», по которому Ф. обязался на три года быть на службѣ Ея Императорскаго Величества, въ С.-Петербургской крѣпости «у играніе въ колокола на шпицѣ Петропавловскомъ, такожъ въ Петергофѣ уставить хрустальный клокшпиль, чтобы дѣйствовать водою». Ему же было вмѣнено въ обязанность «выучить на колоколахъ играть россійскихъ людей изъ малолѣтнихъ». Въ 1731 г. ректоръ академической гимназіи Іоганнъ Эбергардъ Фишеръ проэкзаменовалъ учениковъ Ф-ра въ Петропавловскомъ соборѣ и «былъ изумленъ, какъ хорошо они всѣ научились играть не только на клокшпилѣ, но и на другихъ инструментахъ (вальторнѣ, гобоѣ)». 30 января 1735 г. съ Ф-ромъ былъ заключенъ новый контрактъ на шесть лѣтъ, въ которомъ онъ обязался «быть въ службѣ Ея Императорскаго Величества у играніе на клокшпиляхъ Петропавловскомъ, Исаакіевскомъ, Петергофскомъ и Московскомъ, и кромѣ того выучить колокольной игрѣ и композиціи трехъ учениковъ». Годъ смерти Ф-ра точно опредѣлить нельзя, но во всякомъ случаѣ онъ ум. до 1750 г., что подтверждается сенатскимъ указомъ этого года «о произвожденіи жалованья послѣ умершихъ Россійской службы штабъ-и оберъ-офицеровъ вдовамъ и ихъ дѣтямъ изъ окладовъ получаемыхъ мужьями»; въ этомъ указѣ между другими поименованными лицами приводятся жена и дочь «колокольнаго игральной музыки оберъ-мастера Ферстера». — Сынъ Ф-ра, *Іоганнъ Іосифъ*, былъ также органнымъ мастеромъ и поставилъ органы во многихъ лютеранскихъ и католическихъ церквахъ въ Россіи; кромѣ того, онъ въ качествѣ скрипача состоялъ на службѣ дирекціи Императорскихъ театровъ (1760—1783). Этимъ обстоятельствомъ объясняется невѣрное указаніе, встрѣчающееся въ нѣмецкомъ музыкальномъ словарѣ Менделя, будто бы колокольной игры мастеръ Іоганнъ Христіанъ Ф. былъ камернымъ музыкантомъ въ С.-Петербургѣ.

«Musikalisches Conversations-Lexicon», herausgeg. von Hermann Mendel, fortgesetzt von Dr. Aug. Reissmann, Berlin, 1880 — «Biographie universelle des musiciens et bibliographie générale de la musique», par François Ios. Fétis, Bruxelles, 2-e édition, 1860 — 65. — «Матеріалы для истор. Имп. акад. наукъ», II (годъ 1731—35), Спб., 1886 (см. въ указателѣ «Ферстеръ»). — Полн. собран. законовъ, т. XIII, ст. 226, № 9726.—Архивъ Дирекціи Имп. театровъ, отдѣлъ III, вып. 1 (1746—1801).

В. В.

Ферстеръ, *Іоганнъ Якобъ* или *Давидъ*, архитекторъ, ум. въ Петербургѣ въ 1747 г. въ глубокой старости. Принятый на службу императоромъ Петромъ I въ Гамбургѣ, въ качествѣ каменнаго мастера, онъ участвовалъ, подъ руководствомъ Брауншгейна, въ строеніи Кронштадта, Зимняго дворца Петра I въ Петербургѣ и многихъ другихъ зданій. Императрица Екатерина I поручила ему постройку своего увеселительнаго замка на Сарской мызѣ (что нынѣ Царское Село), со всѣми тамъ сооруженіями, а при Елизаветѣ Петровнѣ онъ опять находился при разныхъ постройкахъ въ Кронштадтѣ.

«Подлин. анекдоты о Петрѣ В., собр. Я. Штелиномъ», II, 172 и 173.—«Собраніе писемъ импер. Петра I къ разн. лицамъ», IV, 319.

Н. С.

Ферстеръ, *Карлъ Альбертъ Элеонъ*, писатель, род. 20 февр. нов. стиля 1791 г. въ Наумбургѣ, ум. 20 марта 1833 г. въ Ригѣ. Первоначальное образованіе получилъ дома подъ руководствомъ отца, съ 1810 по 1814 г. посѣщалъ княжескую школу близъ Наумбурга (Schul-Pforta), затѣмъ изучалъ богословіе и философію въ Лейпцигѣ, а съ 1816 г. въ Галле, гдѣ въ слѣдующемъ году получилъ степень доктора философіи. Въ 1819 г. Ф. былъ приглашенъ въ Ригу преподавателемъ окружной школы (Kreisschule) и вскорѣ затѣмъ избранъ членомъ курляндскаго «Общества литературы и искусствъ», а также общества «Literärisch-practische Bürgerverbindung zu Riga». Въ 1826 г. онъ былъ утвержденъ въ занимаемой должности, съ производствомъ въ титул. совѣтники, въ 1829 г. назначенъ инспекторомъ школы. Кромѣ отдѣльныхъ стихотвореній, появившихся въ рижскихъ и германскихъ альманахахъ, Ф. напечаталъ отдѣльными изданіями слѣдующія сочиненія: «Lieder und Gedichte, Riga, 1820; «Klara und Kurt von Eulenstein», romant. Dichtung, Riga, 1822; «Römische Lebensweise und Erziehung zu des Horaz Zeit», Riga, 1826; «Der Tonkunst, besonders der Hymnodie Einfluss auf der Menschen Geselligkeit und Leben», Riga, 1826.

«Allgem. Schriftsteller- und Gelehrt.-Lexicon», herausgeg von Recke und Napiersky.

Фесслеръ, *Игнатій Аврелій*, генералъ-суперинтендентъ и церковный совѣтникъ лютеранскаго исповѣданія въ С.-Петербургѣ, род. 7 (18) мая 1756 г. въ Нижней Венгріи, въ деревнѣ Цурани (на р. Лейтѣ), ум. 3 (15) дек. 1839 г. въ С.-Петербургѣ. Первоначальное образованіе получилъ въ Пресбургѣ и Рабѣ; въ 1773 г. поступилъ въ принадлежащій ордену капуциновъ Морскій монастырь, въ Штульвейссенбургскомъ комитатѣ, и въ 1779 г., послѣ странствованій по различнымъ монастырямъ и обстоятельнаго изученія классическихъ и философскихъ наукъ, принялъ священный санъ. Переведенный въ Мёдлингскій монастырь около Вѣны, въ 1784 г. былъ назначенъ лекторомъ, а затѣмъ и профессоромъ восточныхъ языковъ и ветхозавѣтной герменевтики въ Лембергѣ; получивъ степень доктора богословія, Ф. былъ уволенъ изъ капуцинскаго ордена. Въ Лембергѣ началась литературная дѣятельность Ф-ра учебниками по еврейскому и восточнымъ языкамъ («Anthologia hebraica», 1787, и «Institutiones linguarum orientalium», 1787). Напечатанная въ 1788 г. трагедія «Сиднеи»—яркое изображеніе фанатизма папистовъ въ Англіи — дало врагамъ Ф-ра оружіе начать противъ него процессъ. Не дождавшись его окончанія, Ф. бѣжалъ въ Силезію, гдѣ нашелъ пріютъ въ домѣ одного книгопродавца. Въ томъ же году онъ поступилъ воспитателемъ въ домъ князя Каролатъ-Шёнайхъ, гдѣ написалъ свой діалогъ «Маркъ Авреліи», въ трехъ частяхъ, имѣвшій большой успѣхъ и выдержавшій три изданія (3-е—въ 1799 г.). Перейдя въ 1791 г. изъ католичества въ лютеранство, Ф. усердно продолжалъ литературную дѣятельность. Такъ онъ написалъ историческій романъ «Аристидъ и Ѳемистоклъ», рядъ монографій по исторіи Венгріи («Матвѣй Корвинъ, король венгерскій и великій герцогъ силезскій», въ 2-хъ частяхъ, 1794; «Аттила, король гунновъ», 1794; «Картины изъ древневенгерской жизни», 3 асти, 1800) и былъ соиздателемъ, проживая съ 1796 г.

производствомъ въ ген.-маіоры, назначенъ оберъ-комендантомъ Керчи и Еникале и оставался въ этой должности до начала 1784 г., когда былъ причисленъ къ оренбургскому корпусу.

Формул. спис. 1781 года за № 249. — Книга опредѣленій Военной коллегіи за августъ 1784 г., стр. 152.—Годовой рапортъ 2-го гренад. полка, со списками, № 252.—Списки генералит. по старшинству за 1782—1783 гг., №№ 920—922. Означенные источники хранятся въ Московск. отдѣл. Общаго арх. Главн. штаба.

Филлисъ (Andrieux—Fillis), извѣстная пѣвица, род. въ Бордо въ 1780 году, ум. въ Парижѣ въ 1838 г. Первое музыкальное образованіе она получила отъ отца, отличнаго гитариста; въ 1796 г. вступила въ парижскую консерваторію, гдѣ въ 1801 г. была на конкурсѣ удостоена 2-ой преміи. Будучи въ слѣдующемъ году принята въ число пѣвицъ комической оперы, Ф., привлеченная блестящими условіямя ангажемента, въ 1803 г. пріѣхала въ С.-Петербургъ и въ продолженіе 10 лѣтъ принадлежала къ числу выдающихся пѣвицъ итальянской оперы. Въ концѣ 1812 г. Ф. вернулась въ Парижъ, но такъ какъ ея появленіе на сценѣ комической оперы не произвело большого впечатлѣнія, то она уже въ 1813 г. окончательно оставила сцену.

«Театральн. и музыкальн. вѣстн.» 1858 г., № 9, ст. 101—104.

Филомаѳитскій, *Алексѣй Матѳѣевичъ*, докторъ медицины, ординар. профессоръ въ московскомъ университетѣ, род. 17 марта 1807 г. въ селѣ Малаховѣ романовскаго уѣзда, ярославской губ., ум. 22-го янв. 1849 г. въ Москвѣ. Происходилъ изъ духовнаго званія и первоначальное образованіе получилъ въ ярославской семинаріи, затѣмъ, въ 1824 г., поступилъ въ харьковскій университетъ, въ отдѣленіе словесныхъ наукъ, гдѣ братъ его преподавалъ исторію, но вскорѣ перешелъ на медицинскій факультетъ. Окончивъ курсъ съ званіемъ лѣкаря въ 1828 г., онъ, по выдержаніи экзамена въ Императорской академіи наукъ, въ томъ же году поступилъ въ профессорскій институтъ при деритскомъ университетѣ; здѣсь онъ спеціально занимался физіологіей и въ 1833 г. удостоенъ степени доктора медицины, послѣ защиты диссертаціи «О дыханіи птицъ». Отправленный въ томъ же году за границу для усовершенствованія въ физіологіи и другихъ, связанныхъ съ нею наукахъ, Ф. занимался въ берлинскомъ и нѣкоторыхъ другихъ германскихъ университетахъ и въ 1835 г., по возвращеніи изъ за границы, опредѣленъ преподавателемъ въ московскомъ университетѣ. Четыре мѣсяца спустя, при введеніи въ дѣйствіе новаго университетскаго устава, утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ физіологіи и общей патологіи, а съ 1837 г. и до кончины своей читалъ, въ званіи ординарнаго профессора, помимо физіологіи, сравнительную анатомію и общую патологію. Ф. принадлежалъ къ числу немногихъ врачей-писателей того времени; капитальнѣйшимъ трудомъ его является «Курсъ физіологіи», изданный частью въ 1836 г. и долгое время признававшійся однимъ изъ лучшихъ русскихъ руководствъ по этому предмету; трудъ этотъ остался неоконченнымъ, такъ какъ изъ 4-хъ отдѣловъ, намѣченныхъ авторомъ, изданы только 2 первыхъ и половина 3-го. Также вниманія заслуживаетъ другой трудъ Филомаѳитскаго: «Исторія переливанія крови», въ который онъ внесъ немало новаго, добытаго собственными наблюденіями. «Физіологія», написана языкомъ нѣсколько тяжелымъ, но это объясняется тѣмъ, что Ф. первый сталъ обрабатывать эту науку на русскомъ языкѣ, впрочемъ, нѣкоторые ея отдѣлы, какъ, напр., о нервной системѣ, отличаются прекрасною обработкою. Кромѣ упомянутыхъ капитальныхъ трудовъ извѣстна еще его рѣчь «О жизни», въ которой авторъ стремится найти приложеніе физіологическихъ началъ къ физическому воспитанію дѣтей. Послѣ смерти Ф-скаго появилась въ «Военно-Медиц. журналѣ» его статья «Физіологическій взглядъ на употребленіе эѳировъ, хлороформа и бензина для притупленія чувствительности». Статья эта по отношенію къ оперативной хирургіи и теперь еще не потеряла своего научнаго значенія.

«Біограф. Слов. проф. и препод. Имп. моск. университета» ч. II, стр. 514—519. «Моск. Врач. журн.» за 1849 г., т. III, стр. 185 (некрологъ). Л. Ѳ. Змѣевъ: «Русск. врачи-писатели», стр. 138—139. «Моск. Вѣд.» № 12, 1849 г. «Москвитянинъ» № 3, 1849 г. «Военно-Медиц. Журн.» № 53, 1849 г.

Л. В.

Филомаѳитскій, *Евграфъ Матѳѣевичъ*, ордин. профессоръ харьковскаго университета, изъ духовнаго званія, род. въ 1719 г., ум. въ 1831 г.; съ 1799 г. по

29 сент. 1810 г. обучался въ ярославской семинаріи; по окончаніи въ ней курса поступилъ въ ярославское Демидовское высшее училище, а оттуда перешелъ въ харьковскій университетъ, гдѣ, состоя казеннокоштнымъ студентомъ, въ 1813 г. получилъ степень кандидата; съ 1814—1816 г. исправлялъ должность субъинспектора казеннокоштныхъ студентовъ, а въ 1818 г., удостоенный степени магистра изящныхъ наукъ и искусствъ (1816), утвержденъ адъюнктомъ по всеобщей исторіи и древней географіи, въ 1826 г. экстраординарнымъ, въ 1828 г. ординарнымъ профессоромъ. Сверхъ своихъ прямыхъ обязанностей Ф. исполнялъ и другія должности и порученія: такъ, между прочимъ, онъ состоялъ секретаремъ цензурнаго комитета, помощникомъ инспектора студентовъ, синдикомъ университета, секретаремъ совѣта и Училищнаго комитета; былъ визитаторомъ гимназій и училищъ въ екатеринославской, таганрогской, таврической и херсонской губерніяхъ. Вообще это былъ, очевидно, энергичный и разносторонній общественный дѣятель. Его имя должно занять почетное мѣсто въ исторіи харьковскаго литературнаго движенія и журналистики; онъ былъ редакторомъ-издателемъ перваго въ Харьковѣ журнала «Украинскій Вѣстникъ» и издавалъ его въ 1816 и 1817 гг. вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Гонорскимъ и извѣстнымъ малороссійскимъ писателемъ Гр. Өед. Квиткой; въ 1818 г. журналъ этотъ выходилъ подъ редакціей Ф-го и Гонорскаго, а въ 1819 г. подъ редакціей одного Ф-го. «Редакція была одушевлена самыми искренними желаніями содѣйствовать своимъ журналомъ всестороннему подъему науки и литературы. Кромѣ того въ этомъ органѣ чувствуется объединяющее всѣхъ его сотрудниковъ горячее чувство любви къ своему родному краю, желаніе узнать его и познакомить съ нимъ читателей. Мѣстная исторія, географія, этнографія составляли главное его содержаніе и по богатству и цѣнности передаваемыхъ свѣдѣній, и по удѣляемому имъ мѣсту» (Кіевск. Стар. 1872, авг., ст. 184). Журналъ издавался на счетъ университета и, что очень любопытно, окупалъ себя. Перу Ф-го принадлежатъ слѣдующіе труды: 1) магистерская диссертація подъ заглавіемъ: «De genuina scriptorum Romanorum elegantia deque usu et utilitate linguam addiscendi latinam», Kharcoviae 1816; 2) изданіе, по порученію университета, сочиненій Виргилія, подъ заглавіемъ: «Publii Virgilii Maronis opera», Kharcoviae 1818; 3) актовая рѣчь «Объ истинной цѣли образованія человѣка посредствомъ наукъ и изящныхъ искусствъ» («Рѣчи» 30-го авг. 1821 г., ст. 29—43); 4) Ода. Харьковъ 1815.

Архивъ харьковск. унив.; дѣла канцеляр. попечит. 1823—1829 гг., № по архиву 1009, по картону 55; 1817—1818, № по арх. 462, по картону 23.

Дм. Багалѣй.

Философовъ, *Алексѣй Иларіоновичъ*, ген.-адъютантъ, ген.-отъ-артиллеріи, род. въ 1799 г., ум. въ Парижѣ 18 окт. 1874 г. Изъ камеръ-пажей выпущенъ 22 марта 1818 г. прапорщикомъ л.-гв. въ 1-ю артиллерійскую бригаду, гдѣ, выдѣляясь отличными дарованіями, уже въ чинѣ штабсъ-капитана былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. Возгорѣвшаяся война съ Персіею вызвала Ф-ва на боевое поприще, и въ 1827 г. онъ былъ причисленъ къ дѣйствовавшимъ войскамъ князя Паскевича, съ назначеніемъ исправлять обязанности офицера генеральнаго штаба въ отрядѣ ген.-маіора князя Багратіона. Съ послѣднимъ онъ участвовалъ въ осадѣ крѣпости Сардарь-Абада и въ осадѣ и взятіи крѣпости Эривани. Въ 1828 г. Ф. перешелъ на театръ военныхъ дѣйствій противъ Турціи и здѣсь, командуя осадною артиллеріею, находился при осадѣ и взятіи Карса, а также при обложеніи и взятіи штурмомъ крѣпости Ахалкалаки. Вслѣдъ затѣмъ, съ частью осадной артиллеріи, онъ былъ назначенъ въ отрядъ ген.-маіора барона Остенъ-Сакена, подступилъ съ нимъ къ Ахалцыху, и участвуя во многихъ дѣлахъ подъ стѣнами крѣпости, дѣйствіемъ своихъ батарей немало способствовалъ ея паденію. 15 августа Ахалцыхъ былъ взятъ штурмомъ, и Ф. за оказанныя отличія былъ награжденъ золотою полусаблею съ надписью: «за храбрость», чиномъ полковника и персидскимъ орденомъ Льва и Солнца и вскорѣ затѣмъ назначенъ адъютантомъ къ генералъ-фельдцейхмейстеру великому князю Михаилу Павловичу. Въ 1829 г., состоя въ должности помощника начальника артиллеріи осаднаго корпуса, онъ новыми отличіями ознаменовалъ свое участіе въ осадѣ и взятіи войсками Дибича крѣпости Силистріи, при чемъ при одной изъ вылазокъ непріятеля былъ раненъ ружей-

ною пулею въ бровь и скулу. Награжденный за мужественное участіе въ Турецкой кампаніи орденами св. Георгія 4 ст. и св. Владиміра 3 ст., Ф. вернулся въ Россію, но въ слѣдующемъ же году, съ Высочайшаго соизволенія, отправился въ Алжиръ для участія во французской экспедиціи противъ туземцевъ и здѣсь съ отличіемъ находился во многихъ дѣйствіяхъ французскихъ войскъ генерала Бурмона, получивъ за участіе въ экспедиціи орденъ св. Станислава 2 ст. со звѣздою и французскій командорскій крестъ Почетнаго Легіона. Въ 1831 г. Ф. уже находился на театрѣ военныхъ дѣйствій противъ польскихъ мятежниковъ. Здѣсь онъ участвовалъ въ арріергардныхъ дѣлахъ гвардейскаго корпуса при Пржатицахъ и Рудкахъ, въ сраженіи подъ Остроленкой и при штурмѣ и взятіи варшавскихъ укрѣпленій. Награжденный золотою табакеркою съ брилліантами и знакомъ отличія за военныя достоинства 3 ст., Ф. сохранилъ званіе адъютанта великаго князя, съ производствомъ въ ген.-маіоры (1836). Выдающіяся боевыя заслуги и рѣдкое образованіе Ф-ва обратили на него вниманіе Государя; въ 1838 г. онъ былъ назначенъ состоять въ должности воспитателя при Ихъ Императорскихъ Высочествахъ великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Николаевичахъ, 6 декабря того же года зачисленъ въ свиту его Величества, 1 іюля 1842 г. произведенъ въ ген.-адъютанты и 25 марта 1847 г.—въ ген.-лейтенанты. Съ 1852 г. онъ состоялъ при Ихъ Высочествахъ въ должности попечителя и, не покидая своихъ высокихъ обязанностей, съ началомъ Восточной войны 1854 г., завѣдывалъ кронштадскою артиллеріею и приведеніемъ крѣпости въ оборонительное положеніе, а вслѣдъ затѣмъ сопутствовалъ великимъ князьямъ въ ихъ поѣздкѣ къ дѣйствующимъ войскамъ въ Кишиневъ и въ Крымъ. Въ 1857 г. Ф. былъ награжденъ брилліантовыми знаками къ ордену св. Александра Невскаго и въ 1859 г. произведенъ въ генералы отъ артиллеріи.

Послуж. спис., хранящ. въ архивѣ Гл. Артилл. Управл.—«Рус. Инв.» 1874 г., № 238.—«Иллюстр. Недѣля» 1874 г., № 45.—«Гражданинъ» 1874 г., № 9.—«Отчетъ Имп. Рус. Геогр. Общ.» 1874 г.—«Воен. ежегодн.» 1875 г.—«Рус. Стар.», т. VII, стр. 566. *Д. С-въ.*

Философовъ, *Дмитрій Алексѣевичъ*, ген.-маіоръ, изъ дворянъ с.-петербургской губерніи, род. въ 1837 г., ум. 27 дек. 1877 г. Окончивъ курсъ Пажескаго корпуса, Ф. опредѣленъ въ 1855 г. на службу корнетомъ л.-гв. въ Конный полкъ, откуда въ 1858 г. поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, а въ 1860 г., по окончаніи въ ней курса наукъ, отправленъ на Кавказъ, адъютантомъ къ главнокомандующему кавказскою арміею. Служа на Кавказѣ, онъ неоднократно участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ и за отличіе въ дѣлахъ былъ награжденъ орденами св. Станислава и св. Анны 3 ст. съ мечами. Въ 1867 г. Ф. произведенъ въ полковники, въ 1872 г. назначенъ начальникомъ бригады войскъ терской области и въ 1875 г., съ производствомъ въ ген.-маіоры, опредѣленъ на должность начальника 2 бригады 3 гвардейской пѣхотной дивизіи. Вскорѣ затѣмъ онъ принялъ въ командованіе 1 бригаду той же дивизіи и съ нею выступилъ въ походъ Турецкой кампаніи 1877 года. Съ 16 на 17 дек. онъ поднялся съ своимъ отрядомъ на Балканы у дер. Вратешъ, 19 числа спустился съ горъ въ виду расположенія непріятельскихъ войскъ и при преслѣдованіи турокъ, послѣ отступленія ихъ отъ Арабъ-Конака, былъ смертельно раненъ въ Петричевскомъ ущельѣ; скончался въ Орханіе, въ госпиталѣ.

Воен. ежегодникъ на 1879 г.—Спис. генераловъ на 1877 г.—«С.-Петерб. Вѣдом.» 1878 г., № 1. *Д. С—въ.*

Философовъ, *Михаилъ Ивановичъ*, ген.-лейтенантъ, сенаторъ, ум. въ 1748 г. Въ чинѣ полковника, Ф. съ 1732 г. состоялъ въ комиссіи по освидѣтельствованію счетовъ бывшаго кригсъ-комисаріата и провіантской канцеляріи, въ томъ же году былъ опредѣленъ къ присутствованію въ Сенатѣ при слушаніи доклада вотчинной главы, а въ 1740 г., по производствѣ въ ген.-маіоры, назначенъ сенаторомъ. Числясь въ званіи сенатора, Ф. занималъ должность ревельскаго оберъ-коменданта, въ 1742 г. переведенъ оберъ-комендантомъ въ Ригу, а 15 октября того же года назначенъ смоленскимъ губернаторомъ. Пожалованный въ ген.-лейтенанты, Ф. въ послѣдней должности оставался до своей кончины.

«Опис. сенат. архива» П. Барановъ, №№ 4251, 4312, 7393, 8728 и 8904. *Д. С—въ.*

Философовъ, *Михаилъ Михаиловичъ*, ген.-отъ-инфантеріи, русскій посланникъ

при датскомъ дворѣ, членъ Государственнаго совѣта, род. въ 1732 г., ум. 27 сент. 1811 г. Получивъ прекрасное образованіе, Ф. посвятилъ себя военной службѣ и пятнадцати лѣтъ отъ роду былъ уже поручикомъ гвардіи. Семилѣтняя война быстро выдвинула Ф-ва, отличавшагося выдающимся умомъ и храбростью. Въ сраженіи при Франкфуртѣ-на-Одерѣ онъ былъ тяжело раненъ, но выздоровѣвъ, снова вступилъ въ ряды арміи и въ 1762 г. былъ произведенъ въ ген.-маіоры. Императрица Екатерина II поручила ему въ 1766 г. завѣдываніе сухопутнымъ шляхетнымъ кадетскимъ корпусомъ; два года спустя, когда въ Копенгагенѣ скончался баронъ І. А. Корфъ, Ф. занялъ постъ полномочнаго министра при датскомъ дворѣ. Здѣсь ему предстояла трудная задача вслѣдствіе натянутыхъ отношеній, существовавшихъ тогда между Россіей и Швеціей, и враждебности датскаго правительства, а также вслѣдствіе козней французовъ, подстрекавшихъ оба государства противъ Россіи. Въ сравнительно короткое время Ф. успѣлъ пріобрѣсти расположеніе не только датскаго министра иностранныхъ дѣлъ графа Бернсдорфа, но и самого короля Христіана VII. Благодаря дипломатическому искусству Ф-ва, любимецъ слабаго и довѣрчиваго короля Струэнзе, враждебно относившійся къ Россіи, былъ удаленъ отъ двора вмѣстѣ съ другимъ противникомъ Россіи, графомъ Ранцау, и отношенія между Даніей и Россіей настолько улучшились, что Швеціи пришлось пріостановить вооруженіе арміи. Въ 1774 г. Ф., вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, вышелъ въ отставку. Въ 1796 г. императоръ Павелъ произвелъ его въ генералы отъ инфантеріи и назначилъ смоленскимъ военнымъ губернаторомъ. При императорѣ Александрѣ I Ф. былъ членомъ Государственнаго совѣта и въ этой должности скончался на восьмидесятомъ году отъ рожденья. Ф. отличался не только какъ искусный дипломатъ, но и какъ весьма дѣятельный администраторъ. Въ должности военнаго губернатора онъ не мало заботился объ улучшеніи сельской промышленности вѣреннаго ему края. Позднѣе, какъ видно изъ переписки его съ О. П. Козодавлевымъ, Ф. представлялъ въ Государственный совѣтъ доклады: о необходимости заведенія въ псковской губерніи полотняной фабрики для заготовки холста на армію, о заведеніи казенныхъ фабрикъ въ польскихъ губерніяхъ для производства солдатскаго сукна и т. п. Ф. перевелъ съ французскаго «Инструкцію или воинское наставленіе Фридриха, короля Прусскаго, его генералитету» (Москва, 1761); въ его же переводѣ изданъ «Пустынникъ» виконта д'Арленкура (Орелъ, 1824).

Бантышъ-Каменскій: «Словарь достопам. людей Русской земли», 1836, ч. V, стр. 216—219.—«Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова», Москва, 1865.—«Псковскія губ. вѣд.» 1872 г., №№ 2 и 3.—Журналъ «Для немногихъ» 1873—74 гг., СПБ., 1875, ст. 33—36.

Философовъ, *Николай Илларіоновичъ*, ген.-лейтенантъ, род. въ 1804 г., ум. 7 іюля 1854 г. Въ службу вступилъ въ 1821 г. юнкеромъ л.-гв. въ 1-ю артиллерійскую бригаду, въ рядахъ которой, по производствѣ въ первый офицерскій чинъ (1822), выступилъ въ Турецкій походъ 1828—1829 гг. Здѣсь онъ съ отличіемъ участвовалъ въ дѣлахъ при обложеніи и взятіи крѣпости Варны, за что былъ награжденъ орденами св. Анны 3 ст. и св. Владиміра 4 ст. съ бантами и произведенъ въ 1830 г. въ штабсъ-капитаны. Въ 1832 г. Ф. былъ переведенъ л.-гв. во 2-ю артиллерійскую бригаду, съ назначеніемъ командиромъ батарейной № 3-го роты, въ 1833 г. произведенъ въ полковники, въ 1838 г. получилъ въ командованіе 3-ю гвардейскую и гренадерскую артиллерійскую бригады и за отличіе произведенъ въ ген.-маіоры (1843). Въ 1844 г. Ф. переведенъ на ту же должность л.-гв. въ 1-ю артиллерійскую бригаду, въ 1848 г. назначенъ въ свиту Его Величества, съ оставленіемъ командиромъ бригады, а годъ спустя опредѣленъ на должность директора Пажескаго корпуса и въ 1852 г. произведенъ въ ген.-лейтенанты. Оставаясь директоромъ корпуса, Ф. съ 1851 г. состоялъ въ должности воспитателя князя Николая Максимиліановича герцога Лейхтенбергскаго.

Послужн. спис., хран. въ Главн. Артилл. Управл.—Графъ Милорадовичъ: «Матеріалы для истор. Пажескаго корп., Кіевъ», 1871.—«Русск. Стар.», т. 66, ст. 478.

Д. С—въ.

Философовъ, *Павелъ Андреевичъ*, ген.-маіоръ, род. въ 1769 г., ум. въ 1821 г. Начавъ службу рядовымъ л.-гв. Семеновскаго полка, онъ участвовалъ почти во

всѣхъ войнахъ Россіи конца XVIII столѣтія; въ 1789 г. сражался съ войсками генерала Мишельсона противъ шведовъ, въ 1794 г. находился при обложеніи и взятіи г. Вильны и въ 1799 г., подъ начальствомъ Суворова, совершилъ знаменитый походъ въ Италію. Въ 1808 г. Ф., командуя полкомъ, принималъ съ нимъ участіе во многихъ сраженіяхъ со шведами въ Финляндіи и, съ началомъ отечественной войны, поступилъ въ составъ войскъ генерала графа Остермана. Въ сраженіи 13 іюля при Островнѣ Ф. былъ тяжело раненъ.

Настол. слов. Толя, стр. 884.

Филоѳей *Кизаревичъ*, іеромонахъ Кіево-печерской лавры, игуменъ кіевскаго Михайловскаго Златоверхаго монастыря (съ 1631 по 1645 г.), ум. 20 апр. 1645 г. Именемъ іеромонаха Ф-я Кизаревича подписано предисловіе къ книгѣ «Преподобнаго отца нашего аввы Дороѳея поученія душеполезна различна къ своимъ ученикомъ» (Кіевъ, 1628). Предисловіе имѣло видъ посланія или посвященія Петру Могилѣ «воеводичу земль Молдавскихъ, милостію же Божіею архимандриту кіевскому святыя великія лавры Печерскія». Книга поученій съ греческаго переведна (исправися сіе отъ древняго истиннаго и славнаго еллиногреческаго діалекту) іеромонахомъ Іосифомъ по предложенію Памвы Берынды, архитипографа Печерской обители (какъ значится въ послѣсловіи «къ благочестивому читателю»).

Строевъ: «Списки іерарховъ», (1877), 14.—Каротаевъ: «Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами» (1883), 399.

Филоѳей, *Контаровскій*, игуменъ Лебединскаго Заднѣпровскаго монастыря. Воспитывался въ кіевской духовной коллегіи. Въ литературѣ извѣстенъ какъ авторъ писемъ къ игумену Кіево-Выдубицкаго монастыря Іакову; письма эти, писанныя въ 1764—1767 гг. и касающіяся борьбы православія съ католичествомъ и уніею въ юго-западной Россіи, были найдены въ архивѣ Выдубицкаго монастыря и напечатаны Аскоченскимъ, вмѣстѣ съ другими документами, подъ заглавіемъ «Извѣстія объ уніи, извлеченныя изъ переписки разныхъ лицъ» («Домашняя бесѣда», 1859, №№ 14—20).

Арх. Филаретъ: «Обзоръ русской духовной литературы (1884), стр. 343.

Филоѳей *Пирогов*, инокъ Болдина Троицкаго Гераспимова монастыря (смоленской епархіи), писатель XVI—XVII вв. Съ именемъ Ф-я въ памятникахъ сохранились житіе Нила Столбенскаго († 1554 г.) и стихиры и канонъ этому святому. Нельзя не предполагать, впрочемъ, что упомянутые труды лишь небольшая часть произведеній Ф-я и что въ свое время онъ пользовался нѣкоторой извѣстностью: по крайней мѣрѣ, когда одинъ изъ почитателей преп. Нила, іеромонахъ Германъ, считая себя «недовольнымъ писанія» для составленія житія Нила, рѣшилъ поручить эту работу какому нибудь другому лицу, ему указали на Ф-я. Въ 1598 г. черезъ Болдинскаго игумена Ѳеоктиста Германъ передалъ Ф-ю свои записки о жизни и чудесахъ Нила, составленныя на основаніи разсказовъ окрестныхъ жителей. Но этимъ запискамъ, добавивъ къ нимъ устные разсказы иноковъ, Ф. написалъ житіе Нила (не ранѣе 1599 г.); въ тоже время Ф-емъ были сочинены стихиры и канонъ Нилу. Разсказъ Ф-я о жизни этого святого въ 1667 г. былъ переработанъ, и, украшенный риторикой, потерялъ свою первоначальную простоту. Начальныя слова житія составленнаго Ф-емъ: Благословенъ Богъ Отецъ...; начальныя слова второй редакціи: Сей преподобный Нилъ.....

Ключевскій: «Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, М. 1871, стр. 313, 314.—Барсуковъ: «Источники русской агіографіи», 1882, 407—408 (здѣсь указаны списки сочиненій Ф-я).—Филаретъ: «Обзоръ русской духовной литературы», изд. 3-е (Спб. 1884), 216.

Вс. С—ій.

Филоѳей, до пострпженія *Лещинскій*, въ схимѣ *Ѳеодоръ*, митрополитъ сибирскій и тобольскій, просвѣтитель сибирскихъ инородцевъ, род. въ Малороссіи въ 1650 г., ум. 31 мая 1727 г. Образованіе получилъ въ малороссійскихъ школахъ и въ кіевской духовной академіи и по окончаніи курса наукъ былъ нѣсколько лѣтъ приходскимъ священникомъ; затѣмъ, овдовѣвъ, поступилъ въ Кіево-печерскую лавру, гдѣ постригся въ монашество съ именемъ Филоѳея и съ особою ревностью предался подвигамъ благочестія, поста и молитвы. Чрезъ нѣсколько времени Ф. былъ избранъ въ экономы лавры, а затѣмъ, въ 1701 г., назначенъ намѣстникомъ свѣнскаго Успенскаго монастыря орловской епархіи, съ

оставленіемъ въ должности лаврскаго эконома. Въ 1702 г., 4 января, Ф. былъ хиротонисанъ въ митрополита сибирскаго и тобольскаго и 4 апрѣля явился въ Тобольскъ, куда вслѣдъ за нимъ прибыло для евангельской проповѣди инородцамъ нѣсколько ученыхъ монаховъ. Въ 1709 г., по случаю тяжкой болѣзни, митроп. Ф. принялъ схиму съ именемъ Ѳеодора и, отказавшись отъ управленія епархіей, удалился на покой въ устроенный имъ (около 1708 г.) тюменскій Троицкій монастырь; но уже въ 1710 г. онъ принялъ на себя трудъ просвѣщенія и крещенія сибирскихъ инородцевъ и служилъ этому дѣлу съ полнымъ самоотверженіемъ болѣе пяти лѣтъ. Въ 1716 г. схимникъ Ѳеодоръ отправился въ Кіевъ на богомолье; тамъ засталъ его царскій указъ снова вступить, по смерти митроп. Іоанна, въ управленіе сибирской епархіей. Преосвященный Ѳеодоръ не отказался отъ исполненія царской воли и въ 1717 г. возвратился въ Тобольскъ, но уже въ 1720 г. былъ, по прошенію, вторично уволенъ отъ управленія епархіею и 13 сент. удалился въ тюменскій монастырь, откуда до самой смерти постоянно путешествовалъ по инородческимъ землямъ для крещенія язычниковъ и для утвержденія въ вѣрѣ крещенныхъ. Въ итогѣ дѣятельность митроп. Ф-я по обширнѣйшей сибирской епархіи дала слѣдующіе результаты: онъ выстроилъ новый архіерейскій домъ въ Тобольскѣ, увеличилъ его доходы и привелъ въ лучшее состояніе его вотчины; число храмовъ въ епархіи съ 160 довелъ до 448, умножилъ духовенство какъ въ церквахъ, такъ и въ монастыряхъ, и увеличилъ получаемое имъ содержаніе; учредилъ нѣсколько духовныхъ школъ, въ которыхъ обучались и дѣти инородцевъ, и самъ не мало трудился въ обученіи дѣтей. Самая же важная его заслуга состояла въ просвѣщеніи и крещеніи невѣрныхъ: всего онъ крестилъ до 40,000 язычниковъ по всей Сибири. Преосвящ. Ф. «жегъ ихъ нечестивыя чтилища, а на нихъ самихъ дѣйствовалъ духомъ кротости и доказательствами вразумительными, отнюдь не употребляя насилія».

А. Сулоцкій: «Тобольскіе и томскіе архіепископы», Омскъ, 1881. — Сулоцкій: «Святитель Филоѳей, митроп. сибирскій и тобольскій», Омскъ, 1882.—Н. Абрамовъ: «Святитель Филоѳей, въ схимѣ Ѳеодоръ, просвѣтитель сибирск. инородцевъ», Омскъ, 1882.—Архим. Мелетій: «Церковный соборъ въ Тобольскѣ при митроп. Филоѳеѣ 1702 г.», Казань, 1876.—«Духъ христіанина», 1864, № 5 и 6.—«Сибирскій вѣстникъ», 1823, ч. 2 (статья Г. С.);—«Миссіонеръ» 1875 г., № 34 и 37.—«Духовная бесѣда», 1876, № 21 (статья Н. Д.). — «Церковн. вѣстникъ», 1876, № 54.—«Московск. вѣдом.» 1876 г. № 130.

Здр.

Филоѳей, до пострига Тимоѳей Григорьевичъ *Успенскій*, митрополитъ кіевскій, род. 15 янв. 1808 г. въ селѣ Закобякинѣ даниловскаго уѣзда, ярославской губерніи, гдѣ отецъ его былъ діакономъ, ум. 29 янв. 1882 г. Получивъ начальное и среднее образованіе въ родной епархіи, онъ въ 1828 г. изъ ярославской духовной семинаріи поступилъ, для довершенія своего образованія, въ московскую духовную академію, гдѣ въ 1832 г. окончилъ курсъ первымъ магистромъ. Какъ лучшій воспитанникъ, онъ тогда же былъ оставленъ при академіи въ званіи бакалавра церковной словесности и 13 ноября того же года постриженъ въ монашество, а въ 1833 г. перемѣщенъ въ классъ богословскихъ наукъ, съ порученіемъ преподавать герменевтику и библейскую исторію. Въ томъ же 1833 г. онъ получилъ званіе соборнаго іеромонаха и дѣйствительнаго члена конференціи. Въ 1838 г. Ф. былъ назначенъ инспекторомъ академіи и въ томъ же году переведенъ на ту же должность въ с.-петербургскую духовную академію, съ обязанностью преподавать нравственное и пастырское богословіе. Занимая это мѣсто, Ф. въ 1839 г. былъ возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1842 г. онъ былъ перемѣщенъ въ Харьковъ на должность ректора тамошней духовной семинаріи, но въ томъ же году, по рекомендаціи митроп. московскаго Филарета, назначенъ ректоромъ Виѳанской духовной семинаріи, а въ 1847 г.—московской. Въ 1849 г., 18 декабря, онъ былъ хиротонисанъ во епископа дмитровскаго, викарія московской митрополіи. Вполнѣ освоившись въ дѣлахъ епархіальнаго управленія подъ руководствомъ митроп. Филарета, Ф. въ 1853 г. назначенъ былъ на самостоятельную каѳедру въ Кострому, при чемъ въ 1856 г., вмѣстѣ съ другими іерархами русской церкви, принималъ участіе въ священномъ коронованіи императора Александра Николаевича и императрицы Маріи Александровны и по сему случаю получилъ украшенную драгоцѣнными кам-

нями панагію. Въ 1857 г. Ф. былъ перемѣщенъ на старѣйшую каѳедру, въ Тверь и, вызванный въ 1859 г. въ Петербургъ, присутствовалъ въ Св. Синодѣ почти непрерывно до іюня 1868 г. за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда былъ увольняемъ изъ Петербурга для устроенія дѣлъ своей епархіи. На тверской каѳедрѣ Ф. 23 апр. 1861 г. былъ пожалованъ саномъ архіепископа. Благодаря высокимъ личнымъ и архипастырскимъ достоинствамъ и заслугамъ и особенно строго подвижнической жизни, Ф. 15 мая 1876 г., по смерти митроп. Арсенія, былъ возведенъ въ санъ митроп. кіевскаго и галицкаго, съ званіемъ священноархимандрита Кіево-печерской лавры и члена Св. Синода. Въ этомъ высокомъ санѣ, удостоенный за ревностное служеніе многихъ Высочайшихъ наградъ, изъ коихъ послѣднею былъ орденъ св. Владиміра 1 ст., Ф. ум. 74-хъ лѣтъ отъ роду, вслѣдствіе крайняго потрясенія нервной системы и всего организма при извѣстіи о страшномъ событіи цареубійства 1 марта 1881 г. Митроп. Ф. не былъ ученo-литературнымъ дѣятелемъ, хотя безспорно и былъ человѣкомъ высокаго ума и широкаго образованія. Кромѣ немногихъ проповѣдей, намъ извѣстно только одно его печатное произведеніе, кратко, но точно и основательно изложенная магистерская диссертація, подъ заглавіемъ: «О достоинствѣ человѣка, раскрытомъ и утвержденномъ христіанскою религіею» (Москва, 1832). Онъ не любилъ, по глубокому смиренію, высказываться печатно, а потому и не печаталъ своихъ проповѣдей, какъ и вообще не любилъ много говорить. Совершеннѣйшій аскетъ по жизни, онъ отнюдь не вмѣнялъ другимъ строгаго аскетизма въ непремѣнную обязанность, считая его дѣломъ добровольнаго избранія и подвига. Это особенно видно было въ его управленіи Кіево-печерскою лаврою. Всегда сосредоточенный и замкнутый въ себѣ, онъ былъ доступенъ всѣмъ, искавшимъ его благословенія или нуждавшимся въ немъ почему бы то ни было, и никогда не заставлялъ себя ждать, когда докладывали ему о приходѣ того или другого изъ желавшихъ видѣть его посѣтителей; при этомъ никогда не видно было раздраженія или гнѣва на лицѣ святителя, а всегда спокойный взоръ и готовность служить другимъ. Но всего выше была въ немъ его святая жизнь. Вездѣ и всегда онъ жилъ келейною, уединенною жизнью, преимущественно сосредоточенною на подвигѣ молитвы, внутренняго самоиспытанія и духовнаго усовершенія.

Полной біографіи митроп. Ф-я еще нѣтъ. Краткія же сообщенія о жизни и дѣятельности его были помѣщены въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ частію за 1876 г., при назначеніи его въ митрополиты кіевскіе, какъ, напримѣръ, въ «Дух. бесѣдѣ», № 21,—въ «Церковномъ вѣст.», № 54,—въ «Моск. вѣдом.», № 130,—въ «Тверскихъ губ. вѣдом.» № 52, частію за 1882 г., при вѣсти о кончинѣ его; сюда относятся: «Моск. церков. вѣдом.», №6 и 8;—«Моск. вѣдом.», № 35;—«Православ. Обозрѣніе», т. I, кн. 2:—«Душеполез. чтеніе», ч. I, кн. 4 и нѣк. др. — См. также: «Чтенія въ Обществѣ исторіи и древн.», 1874 г., кн. I.—С. К. Смирновъ: «Исторія моск. дух. академіи», Москва 1879.— Д. Д. Языковъ: «Писатели, умершіе въ 1882 году».—«Русск. арх.», 1889, т. III.—Болѣе подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о Ф-ѣ можно найти въ слѣдующихъ изданіяхъ: «Воспоминанія» А. Ковалевскаго, помѣщенныя въ «Душепол. чтеніи», 1883, ч. II, кн. 6, стр. 154—191.—«Ярославск. епарх. вѣдом.», 1882, кн. XXIII, стр. 70, 158, 1883, кн. XXIV, стр. 192.—«Кіевскія епарх. вѣдом.», 1882, № 3, и особенно «Тверскія епарх. вѣдом.», 1882, № 5—8, 16, 17, 19, 20 и 22,—1883, № 13 и 14,—1884, № 13, 14 и 18. Въ «Воспоминаніяхъ» Ковалевскаго и въ Твер. епарх. вѣдом. за 1882 г., № 16 и 19, напечатаны и нѣкоторыя письма Ф-я.

И. Корсунскій.

Филоѳей, шестой епископъ пермскій, въ 1470—1501 гг. По лѣтописнымъ сказаніямъ онъ съ 1447 по 1456 г. былъ игуменомъ Кирилловскаго Ѳерапонтова монастыря; въ спискахъ игуменовъ того монастыря онъ значится еще разъ, въ концѣ 60-хъ годовъ; это, вѣроятно, было второе его служеніе. 8 ноября 1470 или 1471 г. онъ былъ хиротонисанъ во епископа пермскаго и тридцать лѣтъ управлялъ епархіей. Въ 1480 г. великій князь Іоаннъ III послалъ его въ Великія Луки для убѣжденія враждующихъ братьевъ государевыхъ; около 1484 г. Ф. убѣдилъ вогульскаго князя Юшана покориться московскому государю; въ теченіе 1490—1499 гг. онъ присутствовалъ на всѣхъ бывшихъ въ то время соборахъ: объ избраніи митрополитовъ всея Руси, о стригольникахъ, о кругѣ пасхальномъ и проч. Въ 1499 г. ѣздилъ въ Москву, а весною 1501 г., по болѣзни и старости, уволенъ отъ управленія епархіею и удалился въ Кирилловъ монастырь, гдѣ и скончался, но когда, неизвѣстно.

Рукопись синодальнаго архива «Списки архіереевъ».—Продолженіе лѣтописи Нестора, ст. 279.—

«Софійскій врем.», II, 133. — «Лѣтоп. Никонова списка», VI, 35. — «Собраніе лѣтоп.», IV, 150. — Строевъ: «Списки іерарх.», столб. 729.

Здр.

Филоѳей, инокъ Сійскаго Антоніева монастыря архангельской епархіи, авторъ недошедшаго до насъ житія Антонія Сійскаго, ученикъ Антонія († 1556). На Ф-я ссылаются составители двухъ житій Антонія — инокъ Іона и царевичъ Иванъ Ивановичъ—одинъ, какъ на очевидца событій, другой, какъ на перваго составителя житія Антонія. Единственное біографическое свѣдѣніе о Ф-ѣ заключается въ извѣстіи о томъ, что въ 1579 г. онъ являлся въ Москву вмѣстѣ съ игуменомъ Питиримомъ просить о признаніи святымъ Антонія Сійскаго и, достигнувъ этого, просилъ царевича Ивана Ивановича составить житіе Антонія по списанію Іоны.

Карамзинъ: «Ист. гос. Россійскаго», т. IX, пр. 612. — Ключевскій: «Древне-русскія житія, какъ историческій источникъ» (1871), 301.—Барсуковъ: «источники русской агіографіи (1882), 54.—«Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря» (1885), ч. 2, 273.—Тупиковъ: «Литературная дѣятельность царевича Ивана Ивановича» (1894), 5, 9.

Вс. С-ій.

Филоѳей, пресвитеръ, жившій въ XVI вѣкѣ, извѣстенъ, какъ составитель каноновъ обрѣтенію мощей св. князя Всеволода Гаврінла Псковскаго и знаменію Чирской чудотворной иконы Божьей Матери. Нѣкоторые изслѣдователи сближаютъ пресвитера Ф-я съ извѣстнымъ писателемъ XVI в., инокомъ Спасо-Елеазарова монастыря старцемъ Филоѳеемъ.

Востоковъ: «Описаніе русск. и славянск. рукописей Румянц. муз.», 1842, 597. — Ключевскій: «Древне-русск. житія святыхъ, какъ историч. источникъ», 1871, 249.—Барсуковъ: «Источники русск. агіографіи», 1882, 110.—«Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря», 1885, II, 276. — Строевъ: «Библіологич. словарь», 1882, 276 и 277.

Вс. С-ій.

Филоѳей, епископъ рязанскій и муромскій въ 1562—1568 гг. Въ спискахъ настоятелей московскаго Симонова монастыря между 1560 и 1562 гг. значится архимандритъ Ф.; осенью 1562 г. онъ былъ хиротонисанъ во епископа рязанскаго и муромскаго. Изъ дѣятельности его извѣстны слѣдующіе факты: осенью 1564 г. онъ воодушевилъ рязанцевъ отстоять Рязань отъ нападенія крымскаго хана Девлетъ-Гирея; въ началѣ 1565 г., вмѣстѣ съ другими, ѣздилъ упрашивать царя Іоанна Грознаго возвратиться въ столицу, откуда царь выѣхалъ при учрежденіи опричины; 2 іюля 1566 г. присутствовалъ на собраніи чиновъ по поводу войны съ Польшею. Въ 1572 г. Ф. за какую-то вину, по повелѣнію царя, «былъ извергнутъ изъ сана». Когда и гдѣ скончался, свѣдѣній не имѣется.

Рукопись синод. архива «Списки архіереевъ».— Карамзинъ: «Ист. Росс. Госуд.», IX, стр. 40, 44, 56, 122; прим. 94, 177, 197, 205. *Здр.*

Филоѳей, архіепископъ смоленскій и дорогобужскій, родомъ грекъ изъ Константинополя, ум. 3 мая 1735 г. Въ званіи митрополита управлялъ охридскою епархіей и въ 1714 г. былъ отрѣшенъ отъ должности за неправильные сборы денегъ съ архіереевъ; онъ впалъ въ долги и уѣхалъ въ Россію, изгнанный турками. Получивъ доступъ къ императору Петру I, онъ 13 февр. 1722 г. былъ назначенъ архіепископомъ въ Смоленскѣ, при чемъ ему, какъ иностранцу, даны были помощники по управленію и переводчикъ. Архіеп. Ф. производилъ слѣдствіе по дѣлу о совращеніи Потемкина съ семействомъ въ католичество; въ 1723 г. онъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для исправленія чреды священнослуженія. Въ 1726 г. Ф. былъ обвиненъ въ неисполненіи синодальныхъ указовъ, въ симоніи, въ расхищеніи казны, въ дозволеніи постриженія въ монашество дѣвицъ 15-ти лѣтъ и т. п., но въ слѣдующемъ году прощенъ и отпущенъ назадъ въ Смоленскъ; въ 1728 г., по новымъ доносамъ, отрѣшенъ отъ должности и уволенъ на покой въ московскій греческій монастырь, гдѣ и оставался до конца жизни.

Опись дѣлъ и документовъ архива Св. Синода, томы I—VIII.

Филоѳей, инокъ Спасо-Елеазарова монастыря, духовный писатель первой половины XVI в. Съ именемъ Филоѳея соединяются слѣдующія литературныя произведенія: три письма псковскому дьяку Михаилу Григорьевичу Мунехину, письмо «нѣкоему вельможѣ, въ мірѣ живущему», письмо великому князю Василію Ивановичу и письмо царю Ивану Васильевичу Грозному; принадлежность другихъ произведеній, приписываемыхъ ему нѣкоторыми изслѣдователями, находится подъ сомнѣніемъ. Изъ несомнѣнно составленныхъ Ф-емъ сочиненій первымъ по времени написанія можно считать письмо великому князю Василію Ивановичу; по

нѣкоторымъ соображеніямъ оно относится къ 1514—1521 гг. Вслѣдъ за нимъ, во время морового повѣтрія во Псковѣ (1521—1522), было написано письмо къ дьяку М. Г. Мунехину. Третьимъ по времени произведеніемъ Ф-я считается письмо къ тому же Мунехину объ астрологіи, написанное по вызову Мунехина для опроверженія предсказанія знаменитаго Николая Нѣмчина о долженствовавшемъ произойти въ 1524 г. великомъ переворотѣ. Около того же времени было написано письмо къ вельможѣ, въ мірѣ живущему, которое затрогиваетъ и осуждаетъ вѣру въ астрологію, и третье письмо къ Мунехину, дающее поводъ предполагать существованіе оживленной переписки между этимъ дьякомъ и старцемъ Ф-емъ. Наконецъ, послѣднее изъ извѣстныхъ произведеній Ф-я — письмо къ Грозному — написано, надо думать, не ранѣе 1547 г.; это можно вывести изъ того, что царю дано въ письмѣ наименованіе «освященная глава», что, вѣроятно, слѣдуетъ понимать, какъ вѣнчанный на царство (вѣнчаніе имѣло мѣсто въ январѣ 1547 г.). — По скромному признанію автора (въ письмѣ къ Мунехину о звѣздочествѣ) онъ былъ «человѣкъ сельскій», учился лишь азбукѣ, не зналъ «еллинскихъ борзостей», не читалъ «рпторскихъ астрономій» и не разсуждалъ съ «мудрыми философами». Ф., дѣйствительно, какъ писатель не представляетъ собою ничего выдающагося; и въ содержаніи, и въ формѣ его произведеній мало разнообразія, много повтореній, иногда дословныхъ. Тѣмъ не менѣе онъ представляетъ интересъ, какъ типъ человѣка, проникнутаго взглядами своего времени, писателя начитаннаго въ Св. Писаніи, знакомаго съ произведеніями апокрифическаго содержанія. Основной темой сочиненій Ф-я было развитіе идеи о богоизбранности Россіи, о ея назначеніи служить оплотомъ православія и благочестія въ замѣнъ павшихъ Рима и Византіи; старый Римъ палъ и «болитъ неисцѣльно», по словамъ Ф-я, невѣріемъ ереси Аполинарія, второй Римъ погибъ подъ сѣкирами внуковъ Агари, настало царство третьяго Рима—Москвы съ ея соборнымъ храмомъ Успенія, смѣнившимъ св. Софію цареградскую; Москва — это послѣдній Римъ («четвертому не быти») и царство московскаго князя—послѣднее христіанское царство, въ которое должны сойтись всѣ христіанскія царства. Эта идея о византійскомъ преемствѣ Москвы получила распространеніе въ Россіи со второй половины XV в. и въ общемъ не представляетъ ничего новаго; но проведеніе ея въ письмахъ Ф-я интересно въ томъ отношеніи, что авторъ писемъ не былъ москвичъ, проживъ свою жизнь близъ Пскова (Елеазаровъ монастырь находится въ 28 верстахъ отъ Пскова), и любилъ этотъ вѣчевой городъ, только-что передъ тѣмъ испытавшій на себѣ тяжелую руку московской власти; тѣмъ не менѣе и онъ сроднился съ представленіемъ о Москвѣ, какъ о преемницѣ Рима и Византіи. Вторымъ предметомъ сочиненій Ф-я было требованіе различныхъ усовершенствованій во внутренней жизни современной Россіи: если Россіи достался жребій быть представительницей православія, говорится въ посланіяхъ Ф-я, ея правители должны на дѣлѣ поддерживать эту религію во всей ея чистотѣ, должны искоренить ереси, исправить заблужденія, позаботиться о церквахъ, монастыряхъ, очистить народъ отъ пороковъ и въ особенности отъ содомскаго грѣха — «горькаго плевела», распространившагося не только среди мірянъ, но и среди другихъ, о которыхъ не слѣдуетъ говорить («о нихъ же помолчу»). Третьимъ предметомъ писемъ Ф-я были нужды Пскова; о нихъ говорится открыто въ первомъ письмѣ къ Мунехину и намеками въ письмѣ къ великому князю Василію Ивановичу. Сочиненія Ф-я, надо думать, были въ почетѣ у людей XVI—XVII вв.; по крайней мѣрѣ выдержки изъ нихъ иногда съ обозначеніемъ автора, иногда безъ указанія его имени, приводятся не разъ въ сочиненіяхъ другихъ писателей, въ особенности раскольниковъ—попа Аввакума, Никиты Пустосвята, попа Лазаря, дьякона Ѳедора, инока Авраамія и др. (ср. также посланіе протопопа Терентія къ Лжедимитрію).—Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о Ф-ѣ слѣдуетъ прибавить, что приблизительно въ его время въ Спасо-Елеазаровомъ монастырѣ былъ игуменъ Филоѳей, который, какъ видно изъ житія св. Евфросина, присутствовалъ при чудѣ, совершившемся надъ гробомъ Евфросина; этотъ Филоѳей занялъ должность игумена послѣ 1514 г. (въ 1514 г. былъ еще живъ игуменъ Нифонтъ) и игуменствовалъ

до 1547 г. (въ 1547 г. есть упоминаніе объ игуменѣ Ѳеодосіи). Очень можетъ быть, что игуменъ Филоѳей и знаменитый старецъ—авторъ посланій—одно и то-же лицо; доказательствомъ противнаго является то обстоятельство, что письмо Ф-я къ Грозному было написано только послѣ января 1547 г. и, кромѣ того, что во всѣхъ спискахъ его произведеній онъ названъ просто старцемъ, а не игуменомъ.

Калайдовичъ и Строевъ: «Обстоятельное описаніе славяно-россійскихъ рукописей.... графа Ѳ. А. Толстова» (1825), т. I, отд. 2, стр. 361, 429, 476, 534.—Митр. Евгеній: «Словарь истор. о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина...» (1827), ч. 2. — «Дополненія къ актамъ историч., собр. и изд. Археогр. комис.», 1846, т. I, ст. 20—21. — Строевъ: «Рукописи слав. и русс., принадлежащія.... Царскому» (1848), ст. 75, 273, 484, 501, 575, 576, 593. — «Посланіе Ф-я... къ дьяку Михаилу Мунехину» (Правосл. собес., 1861, 2, ст. 78—96).—«Посланіе старца... Ф-я къ вел. кн. Василію Ивановичу», ibid. 1863, 1, ст. 337—348. — «Памятники старинной русс. литер., изд. гр. Кушелевымъ-Безбородко», т. 4 (1862), ст. 597. — Николаевскій: «Русская проповѣдь въ XV и XVI вѣкахъ» («Журналъ мин. нар. просв.», 1862).—«Описаніе славян. рукоп. библіотеки Свято-Троицкой Сергіевой лавры», т. 3 (1879), ст. 240.—Митр. Макарій: «Исторія русской церкви», т. 7 (1874).—Бычковъ: «Описаніе церковно-слав. и русс. рукописныхъ сборниковъ Имп. публ. библ. (1882), ст. 12, 66, 391, 392, 403, 522. — Строевъ: «Библіологическій словарь» (1882).—Жмакинъ: «Одинъ изъ литературныхъ памятниковъ XVI вѣка» («Журн. мин. нар. просв.», 1882, № 6). «Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря», (1885), ч. 2.—Арх. Леонидъ: «Свѣдѣніе о славян. рукоп., поступившихъ изъ книгохранилища Свято-Троицкой Сергіевой лавры въ библіотеку Троицкой дух. семин. въ 1747 г. (1887), в. 2, ст. 187, 349. — Малининъ: «Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланіе къ царю и вел. кн. Ивану Васильевичу» («Труды Кіевской Дух. Ак.» 1888, № 5; здѣсь указаны др. источники для біограф. Филоѳея).—Титовъ: «Рукописи слав. и рус. принадлежащія И. А. Вахрамѣеву» (1888), т. 1, ст. 99.—Викторовъ: «Описи рукописныхъ собраній въ книгохранилищахъ сѣв. Россіи» (1890), ст. 75, 49.—Петровъ: «Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ Кіевѣ» (1891), в. 1, ст. 119.—Отчетъ Имп. публ. библ. за 1890 г., ст. 16, 18—20.—Родосскій: «Описаніе 432-хъ рукописей, принадлежащихъ Спб. дух. акад.» (1894), ст. 77, 384, 390.—Пыпинъ: «Итоги Московскаго царства» (Вѣстникъ Европы, 1894, № 8).

Вс. С—ій.

Фильдъ, *Джонъ* (John Field), род. въ Дублинѣ 16 іюля 1782 г., ум. въ Москвѣ 11 янв. 1837 г. Извѣстный въ Англіи подъ именемъ «русскаго Фильда» знаменитый композиторъ и піанистъ провелъ большую часть жизни въ Россіи. Какъ композиторъ Ф. занимаетъ видное мѣсто въ исторіи фортепіанной литературы всѣхъ странъ, какъ виртуозъ онъ восхищалъ всю Европу, но какъ педагогъ онъ имѣлъ значеніе исключительно для Россіи. Отецъ и дѣдъ Фильда были музыканты, и первые уроки музыки онъ бралъ у дѣда, крайне строгаго учителя, отбившаго у мальчика охоту заниматься. Извѣстный музыкальный писатель Фетисъ разсказываетъ, что Ф. ему жаловался на немилосердное отношеніе къ нему отца и дѣда, принуждавшихъ его заниматься музыкой весь день, такъ что онъ уже рѣшилъ бѣжать изъ дому; но, къ счастію для него, его вскорѣ за тѣмъ отправили въ Лондонъ къ одному изъ извѣстнѣйшихъ въ то время учителей и виртуозовъ, къ знаменитому композитору Муціо Клементи. Клементи пользовался, какъ педагогъ, большою славою во всей Европѣ, такъ что около него постоянно собирался кружокъ талантливыхъ музыкантовъ, пріѣзжавшихъ къ нему со всѣхъ концовъ свѣта. Однимъ изъ способнѣйшихъ учениковъ его былъ однако Ф., достигшій, благодаря ученію и вліянію Клементи, той высокой степени совершенства въ игрѣ на фортепіано, которая выдвинула его въ рядъ первыхъ виртуозовъ міра. Ф. не только учился у Клементи, но жилъ съ нимъ, былъ его помощникомъ въ депо роялей, которое Клементи открылъ въ Лондонѣ, и сопровождалъ его въ концертныхъ путешествіяхъ. Такъ, въ 1802 г. Клементи предпринялъ вмѣстѣ съ Фильдомъ большое путешествіе; въ Парижѣ игра Фильда очень понравилась; исполненіе имъ фугъ Баха и Генделя обратило вниманіе музыкантовъ на выдающійся талантъ молодого виртуоза. Въ Вѣнѣ Ф. бралъ уроки теоріи музыки у извѣстнаго музыканта-педагога Альбрехтсбергера, а оттуда вмѣстѣ съ Клементи отправился въ Россію. Въ С.-Петербургѣ Клементи оставался до 1804 г., давая уроки и концерты; въ послѣднихъ Ф. принималъ дѣятельное участіе, и съ большимъ успѣхомъ. Извѣстный композиторъ Л. Шпоръ (Spohr), находившійся въ то время также въ Россіи, отозвался впослѣдствіи въ своей автобіографіи съ большою похвалой объ игрѣ Фильда, говоря, что онъ, касаясь клавишей, восхищалъ всѣхъ. Ф. нѣсколько разъ замѣнялъ Клементи на концертахъ въ Англійскомъ клубѣ, управленіе которыми было поручено послѣднему, а по

отъѣздѣ Клементи, далъ въ 1804 г. свой первый самостоятельный концертъ въ филармоническомъ залѣ: публики было много, успѣхъ былъ громадный. Съ тѣхъ поръ Ф. давалъ концерты не только въ С.-Петербургѣ, но и въ другихъ городахъ Россіи, всюду очаровывая слушателей; онъ часто былъ приглашаемъ на концерты въ аристократическихъ кружкахъ и давая много уроковъ, пріобрѣлъ славу замѣчательнаго педагога. Не менѣе привлекательна была личность Фильда: не зная вражды и зависти, онъ былъ благороденъ, великодушенъ и щедръ; къ талантамъ относился сочувственно и дружественно, всегда готовый помочь совѣтомъ и дѣломъ не только имъ, но и вообще всякому, обращавшемуся къ нему; когда же онъ садился за рояль и извлекалъ изъ него волшебные звуки, онъ восхищалъ и очаровывалъ всѣхъ. Въ «Сынѣ Отечества» 1834 г. есть статья о Фильдѣ, составленная по указаніямъ одного изъ его учениковъ, въ которой говорится, что его игра отличалась необыкновенной чистотой и нѣжностью и удивительной выразительностью; ровность гаммы или постепенное усиливаніе или ослабленіе звуковъ были неподражаемы, туше дивно. Но гораздо болѣе вѣса имѣетъ отзывъ знаменитаго Листа объ игрѣ Фильда, помѣщенный въ предисловіи къ изданію Фильдовскихъ ноктюрновъ; этотъ отзывъ сводится къ слѣдующему: когда Ф. сидѣлъ за роялемъ, то публики для него не существовало, и ему было все равно, были ли довольны его игрой, или нѣтъ. Характеръ Фильда вліялъ на его игру, а игра — на характеръ; въ преклонныхъ лѣтахъ Ф. любилъ тишину, говорилъ тихо и протяжно; такъ онъ и игралъ: спокойно и плавно. Сидѣлъ онъ за роялемъ неподвижно, руки держалъ необыкновенно спокойно; спокойствіе игры производило даже впечатлѣніе безчувственности или лѣни; между тѣмъ слышались дивные звуки; игра походила на импровизацію; разнообразіе звуковъ и переходы между ними были поразительны, узорчатыя арабески и украшенія очаровательны по нѣжности и тонкости исполненія; въ то же время главный мотивъ никогда не терялъ своей ясности и полноты.

Переселившись въ 1822 г. въ Москву, Ф. продолжалъ концертировать и преподавать музыку. Въ Москвѣ у него развилась кишечная болѣзнь, причинявшая ему впослѣдствіи ужасныя страданія. Съ цѣлью посовѣтоваться о своей болѣзни съ иностранными врачами, Ф. въ 1830 г. предпринялъ путешествіе за границу, давая на пути концерты во всѣхъ значительныхъ городахъ. Въ Англіи, куда онъ прибылъ въ 1831 г., онъ еще засталъ въ живыхъ своего стараго учителя и друга Клементи († 1832). Въ Лондонѣ болѣзнь Фильда обострилась; была сдѣлана операція, которая, хотя и доставила ему нѣкоторое облегченіе и возможность продолжать путь и давать концерты, однако болѣзни не устранила, а повела къ безконечному повторенію операцій. Въ Парижѣ Ф. былъ встрѣченъ извѣстными композиторами Россини и Керубини; на концертѣ, данномъ имъ въ залѣ консерваторіи, присутствовалъ весь музыкальный міръ Парижа, со вниманіемъ слѣдя за своеобразной игрой, слава о которой распространилась по всей Европѣ. Послѣ короткаго пребыванія въ Брюсселѣ и Антверпенѣ Ф. поѣхалъ на югъ Франціи, въ Швейцарію и Италію и игралъ, между прочимъ, въ Миланѣ, Венеціи и Флоренціи. Въ Неаполѣ Ф. былъ вынужденъ около десяти мѣсяцевъ пролежать въ лѣчебницѣ, страшно страдая отъ нѣсколько разъ повторенныхъ операцій. Пробывъ нѣкоторое время на островѣ Искіи, онъ, еще больной и слабый, отправился обратно въ Россію. Вернувшись въ Москву, Ф. прожилъ еще нѣсколько лѣтъ, но его здоровье было сильно потрясено; въ январѣ 1837 г. онъ простудился, вслѣдствіе простуды усилилась многолѣтняя болѣзнь и преждевременно свела его въ могилу. Во всѣхъ газетахъ и журналахъ печатались некрологи и біографическіе очерки Фильда, и вскорѣ былъ сооруженъ памятникъ на его могилѣ; но болѣе прочнымъ памятникомъ являются его сочиненія и то значеніе, которое онъ имѣетъ въ исторіи фортепіанной литературы и въ исторіи музыкальнаго развитія въ Россіи.

Фильда должно считать предшественникомъ Шопена, а Шопенъ былъ величайшій композиторъ для фортепіано, реформаторъ фортепіанной игры. До появленія Фильда (и вмѣстѣ съ нимъ Шуберта и Вебера) композиція для фортепіано была связана формами; первоначальныя формы танцевъ служили образцами для формъ сюиты и сонаты. Раз-

витіе этихъ двухъ формъ продолжалось цѣлое столѣтіе и только съ конца прошлаго вѣка начинается освобожденіе музыкальнаго содержанія отъ стѣсненій музыкальныхъ формъ или, лучше сказать, подчиненіе формы содержанію. Уже Бетховенъ начинаетъ сбрасывать съ себя оковы формъ, мѣшающія свободному полету фантазіи, но полное освобожденіе содержанія отъ формы было предоставлено романтической школѣ, во главѣ которой стоитъ и Ф. Въ этомъ отношеніи ноктюрны Фильда имѣютъ большое значеніе. Листъ правъ, говоря, что его ноктюрны — импровизаціи, фантазіи; дѣйствительно, Ф. не имѣетъ въ виду сочинить что нибудь въ извѣстной формѣ, а напротивъ, сочиняя безсознательно, находитъ форму, подходящую къ характеру чувствъ, которыя въ данный моментъ наполняютъ его душу. Но не только въ этомъ внутреннемъ отношеніи Ф. долженъ считаться предшественникомъ Шопена: характеръ его ноктюрновъ вытекаетъ также изъ характера инструмента. Нельзя сказать, чтобы Бетховенъ не понималъ значенія фортепіано, но играя на немъ и сочиняя для него, онъ находился подъ вліяніемъ музыки оркестровой и камерной, тогда какъ Ф. сочинялъ, примѣняясь къ спеціальному свойству и отличительному характеру фортепіано. Какъ Ф., такъ и Шопенъ писали исключительно для фортепіано. У нихъ мелодія отдѣляется отъ аккомпанемента, походя на вокальное пѣніе, аккомпанементъ же приноровленъ исключительно къ характеру фортепіано. Подвижныя фигураціи, бисерныя украшенія, характеръ пассажей, употребленіе педали, не игравшее до тѣхъ поръ роли, развитіе пѣвучей игры, благодаря примѣненію различныхъ туше, — все это обусловлено характеромъ инструмента, начато Фильдомъ и закончено Шопеномъ и Листомъ. Вполнѣ сознавая и оцѣнивая значеніе своего предшественника Фильда, Листъ высказываетъ слѣдующія мысли о его ноктюрнахъ: 30 лѣтъ прошло послѣ появленія ноктюрновъ Фильда, и многое, сочиненное послѣ нихъ, устарѣло, они же не утратили своей свѣжести и никогда не утратятъ, такъ какъ вытекаютъ непосредственно изъ души композитора, одареннаго рѣдкими качествами; они отличаются простодушіемъ безъ всякой аффектаціи и всегда останутся образцами простодушной граціи, меланхолической наивности и нѣжнаго, томнаго самозабвенія. До появленія ноктюрновъ Фильда сочинялись рондо или сонаты, Ф. создалъ новый родъ композицій, въ которомъ на первомъ планѣ стоитъ выраженіе чувствъ и пѣніе, а уже на второмъ—форма сочиненія; онъ изобрѣтатель композицій, извѣстныхъ подъ названіями «пѣсенъ безъ словъ», «балладъ», «баркороллъ», «impromptus» и т. п.

Въ отличной статьѣ о Фильдѣ, напечатанной въ извѣстномъ англійскомъ словарѣ Грове (Grove), предпочтеніе отдается ноктюрнамъ 4-му, 7-му, 2-му, 3-му и 5-му, остальные же считаются не выдающимися; и Листъ, вообще восхищаясь ноктюрнами Фильда, также находитъ въ нихъ нѣкоторую небрежность композиціи, но тутъ же смягчаетъ свое сужденіе замѣчаніемъ, что эта небрежность придаетъ еще особенную прелесть его сочиненіямъ. За ноктюрнами Фильда слѣдуютъ по своему значенію его фортепіанные концерты съ оркестромъ; ихъ всего семь, но наибольшею популярностью пользовались первые концерты въ es-dur и as-dur.

Во всѣхъ статьяхъ, напечатанныхъ о Фильдѣ на русскомъ языкѣ, говорится о его педагогическомъ значеніи для Россіи, объ основанной имъ школѣ, изъ которой вышло много хорошихъ учителей и піанистовъ, о выработкѣ имъ метода преподаванія, который преобразовалъ существовавшія до тѣхъ поръ понятія объ игрѣ. Методъ преподаванія Фильда, къ сожалѣнію, не сохранился, и извѣстно только то, что онъ обращалъ особенное вниманіе на спокойное держаніе рукъ и на развитіе пѣвучей, сочной, выразительной и бѣглой игры, въ отличіе отъ распространенной въ тѣ времена сухой, жесткой и холодной игры. Сохранилось нѣсколько написанныхъ имъ упражненій, такъ «Exercice pour le piano», «Exercice modulé dans tous les tons majeurs et mineurs». Другія сочиненія Фильда представляютъ меньше интереса; онъ написалъ 1) для фортепіано съ другимъ инструментомъ: два «Divertissements», «Rondeau» и «Квинтетъ», 2) для фортепіано въ четыре руки: «Air russe varié», 3) для фортепіано въ двѣ руки: два «Airs en rondeau», «Rondeau écossais», «Polonaise en forme de rondeau», «Fantaisie sur le motif «Guarda mi un poco», «Nouvelle fantaisie sur le motif: «Ah, quel dom-

mage»; далѣе «Air russe» (b-dur), «Air russe varié» (d-mol), «Romance pour le piano» (es dur), «Cavatine pour le piano» (e-dur). Наконецъ, ему принадлежатъ нѣсколько вокальныхъ сочиненій, такъ, напр., «Zwei Gesänge für eine Stimme». Въ словарѣ Грове ему еще приписываются два «Airs anglais» и «Vive Henry IV»—variés.

Для оцѣнки музыкальной дѣятельности Фильда важна статья Ф. Листа, предпосланная изданію Фильдовскихъ ноктюрновъ (Schubert et Co.) и перепечатанная въ русскомъ переводѣ въ журналѣ «Пантеонъ и репертуаръ русской сцены» 1851 г., т. II, № 4, ст. 22—26.—«A dictionary of Music and Musicians edited by George Grove», London 1879.—«Сѣверная пчела» 1839 г., №№ 180 и 181 (обширная статья Ф. А. Гебгарда, отличающаяся полнотой и достовѣрностью сообщаемыхъ свѣдѣній; главнымъ источникомъ при составленіи этой статьи служили разсказы самого Фильда).—Литературн. прибавл. къ «Нувелисту» 1852 г. № 3.—«Художественная газета» 1837 г., № 1, ст. 14—16 (некрологъ съ подробн. свѣдѣніями о болѣзни Фильда).—«Сынъ Отечества» 1834 г., т. 42, № 15, ст. 504—515 (статья о Фильдѣ, написанная по указаніямъ одного изъ его учениковъ).

В. Виссендорфъ.

Финке, *Іоганнъ-Христоферъ,* профессоръ казанскаго университета, род. въ 1773 г. въ Геттингенѣ, ум. 17 сент. 1814 г. въ Казани. Образованіе получилъ сначала въ гимназіи, а потомъ въ университетѣ родного города. Защитивъ въ 1798 г. въ Геттингенѣ диссертацію на степень доктора правъ «De unius testis confessione», Ф. сталъ практически заниматься адвокатурой, что не мѣшало ему однако и теоретически работать надъ разными юридическими вопросами. Въ 1809 г. Ф. обратился къ попечителю не задолго предъ тѣмъ открытаго казанскаго университета Румовскому съ просьбой назначить его на вакантную каѳедру юриспруденціи въ этомъ университетѣ. Вслѣдствіе отличныхъ свидѣтельствъ, представленныхъ Ф., Румовскій охотно согласился на его просьбу, и 21 окт. 1809 г. Ф. прибылъ въ Казань и вскорѣ началъ читать лекціи по римскому праву, отчасти по собственнымъ запискамъ, отчасти по книгѣ своего учителя, профессора Вальдена; затѣмъ онъ перешелъ къ теоріи общихъ уголовныхъ нѣмецкихъ законовъ, а въ 1813—1814 гг. излагалъ по-латыни естественное право, слѣдуя своему учебнику, написанному на нѣмецкомъ языкѣ. Съ 1811 г. Ф. кромѣ лекцій для студентовъ читалъ еще естественное, римское и частное гражданское право для чиновниковъ и состоялъ членомъ училищнаго комитета. Но онъ не ограничивалъ своей дѣятельности въ Казани только чтеніемъ лекцій; онъ принималъ горячо къ сердцу всю жизнь молодого университета и стремился къ ея улучшенію. Это, между прочимъ, видно изъ обширной записки на французскомъ языкѣ, которую онъ подалъ въ совѣтъ университета по вопросамъ объ измѣненіяхъ въ университетскомъ преподаваніи. Когда въ 1813 г. попечитель Салтыковъ предложилъ совѣту казанскаго университета «сочинить правила благочинія для студентовъ», такъ какъ составленныя въ 1808 г. Яковкинымъ были весьма кратки и неясны, Ф. былъ избранъ предсѣдателемъ комиссіи для обсужденія мнѣній, представляемыхъ по этому поводу профессорами, и положилъ много труда на составленіе правилъ. Эти правила, переведенныя на русскій языкъ, были, впрочемъ, отпечатаны лишь къ началу 1815—1816 академическаго года въ сильно измѣненномъ и сокращенномъ видѣ, подъ заглавіемъ: «Краткое изложеніе правилъ для наблюденія Императорскаго казанскаго университета студентамъ». Ф. былъ крайне недоволенъ пребываніемъ въ Казани, гдѣ онъ, вскорѣ по пріѣздѣ, лишился своей жены; казанскій климатъ оказывалъ вредное вліяніе на его здоровье; кромѣ того, Ф. раздражался окружающей его провинціальной, грубой средой и не былъ въ состояніи продолжать учено-литературныхъ занятій по недостатку необходимыхъ книгъ. Въ 1814 г. онъ былъ избранъ деканомъ отдѣленія нравственныхъ и политическихъ наукъ, но тѣмъ не менѣе задумалъ перемѣнить мѣсто и родъ службы; однако смерь не дала ему исполнить это намѣреніе. Кромѣ вышеприведенной диссертаціи перу Ф. принадлежатъ слѣдующіе труды: 1) «Darstellung eines Plans zum Gebrauch für Vorlesungen über die gemeinen deutschen Processe», Göttingen, 1806; 2) «Theophilus Paraphrase über die Institutionen Justinians». Aus dem Griech. mit Anmerkungen von Joh. Chr. Fincke. 1-ter Theil, Göttingen, 1809; 3) «Естественное частное, публичное и народное право», Казань, 1816 (предварит. было написано на нѣм. языкѣ и служило руководствомъ для студентовъ; на русск. языкъ переведено, какъ можно полагать, Срезневскимъ и Алехинымъ).

Дѣла казанск. университетск. архива. — Н. Н. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ казанскаго университета (1805—1819)», Казань, 1891, т. II, ст. 49—65, 278, 281—294 и др. *В. Корсакова.*

Финтельманъ, *Ѳедоръ Васильевичъ*, ученый садовникъ, ум. въ Москвѣ 22 іюня 1861 г. Онъ составилъ въ 1820 г. проектъ окруженія Москвы паркомъ; но этотъ проектъ не былъ приведенъ въ исполненіе вслѣдствіе кончины сочувствовавшаго ему князя Д. В. Голицына. Кромѣ того, Ф. разбилъ и распланировалъ Петровскій паркъ и много содѣйствовалъ развитію общественныхъ садовъ и городскихъ бульваровъ въ Москвѣ. Ф. считается учителемъ большинства садовниковъ въ Россіи пятидесятыхъ годовъ и русское промышленное садоводство не мало ему обязано своимъ развитіемъ. Въ 1852 г. имъ изданъ трудъ въ 4-хъ частяхъ подъ заглавіемъ: «Полное русское садоводство, цвѣтоводство и огородничество, или основанное на 45-тилѣтнихъ опытахъ руководство къ воспитанію и разведенію растеній въ комнатахъ, оранжереяхъ, теплицахъ, садахъ и огородахъ». Часть I содержитъ всегдашній садовый календарь, ч. II—описаніе растеній, ч. III—практическое руководство и ч. IV — садовыя тайны.

«Газета для сельскихъ хозяевъ» 1861 г., № 1, іюль.—«Вѣстн. Россійск. Общ. садоводства» 1861 г., іюль.—«Моск. вѣдом.» 1861 г., № 164.

Фіораванти дельи Альберти, *Рудольфо*, называвшійся также *Аристотелемъ* (за его хитрость, какъ сказано въ лѣтописяхъ), зодчій XV в. (1475 — 85 гг.) въ Москвѣ. Род. въ 1415 г. въ Болоньѣ, ум. послѣ 1485 г. По преданію, онъ происходилъ изъ извѣстной флорентинской фамиліи Альберти, давшей Италіи болѣе 20-ти художниковъ разныхъ спеціальностей. Инженеръ-механикъ, архитекторъ, литейщикъ и монетчикъ, Ф. еще на родинѣ составилъ себѣ большую извѣстность и даже славу. Въ первый разъ имя его встрѣчается въ 1436 г., когда онъ отливаетъ въ Болоньѣ колоколъ, вмѣстѣ съ Гаспаромъ Нади, при содѣйствіи котораго передвигаетъ тамъ же въ 1455 г., помощью придуманнаго имъ механизма, Torre della Magione или колокольню церкви Св. Маріи del Tempio со всѣми колоколами на 35 футовъ въ сторону. Между этими двумя работами онъ предается суду въ 1447 г. за называніе золотыхъ дѣлъ мастера Жерардо Гализано дѣлателемъ фальшивой монеты и фигурируетъ въ 1453—54 гг. еще въ двухъ незначительныхъ процессахъ. Принадлежа съ 1456 по 1472 г. къ обществу каменьщиковъ N. D. della Vita или dei Battuti, онъ дважды исполняетъ должность Massaro dell'arte dei Muratori; въ 1857 г. получаетъ приказаніе очистить вокругъ Болоньи извѣстное пространство отъ всѣхъ построекъ, которыя могли бы служить прикрытіемъ при непріятельскомъ наступленіи, что̀ однако вовлекаетъ его въ новые процессы въ 1457 и 1459 гг. Затѣмъ, въ 1458 г. получаетъ приглашеніе отъ флорентинскаго скульптора Pagno перенести, за 1000 зол. флориновъ, колокольню, на что̀, однако, не рѣшается безъ ознакомленія съ качествомъ грунта и состояніемъ фундамента зданія; въ 1459 г. получаетъ порученіе отъ миланскаго герцога выпрямить у него башню и такое же приглашеніе отъ г. Мантуи; въ 1461 г. «i dodici Riformatori» гор. Болоньи просятъ миланскаго герцога отпустить Ф. къ нимъ дней на 10 — 12; въ 1464 г. онъ нанимается своимъ роднымъ городомъ, на одинъ годъ, въ должность крѣпостного инженера, съ платой по 15 лиръ въ мѣсяцъ; въ 1465 производитъ работы во дворцѣ Подесты у городскихъ воротъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ, успѣвъ за все время своей службы построить башню у дворца, городскія стѣны близъ воротъ св. Феликса и новыя укрѣпленія, а также поправить ворота и проч.; наконецъ, въ 1468 г. ему разрѣшается начальникомъ гор. Болоньи отправиться, съ сохраненіемъ содержанія, въ Венгрію, гдѣ онъ, по преданію, сооружаетъ разныя зданія и мосты, бьетъ, съ разрѣшенія короля, монету со своимъ изображеніемъ и подписью и жалуется королемъ Матвѣемъ Корвиномъ въ придворные кавалеры; въ 1470 г., находясь уже на родинѣ, Ф. исполняетъ разныя гидравлическія работы въ Санъ-Джіованѣ въ Персичето и въ Чекто, гдѣ выпрямляетъ, не вынимая ни одного кирпича изъ стѣны, колокольню церкви св. Власія, отклонившуюся отъ отвѣсной линіи на 5½ футовъ; въ 1471 г. его отпускаютъ опять, съ сохраненіемъ содержанія, на три недѣли въ Римъ, гдѣ онъ переносилъ уже моно-

литовыя колонны Минервы въ Ватиканѣ, и куда онъ приглашается также въ 1473 г., пользуясь протекціей папы Павла II, но черезъ три мѣсяца, вслѣдствіе интриги, обвиняется въ изготовленіи фальшивой монеты, за что̀ болонское правительство лишаетъ его должности и жалованья. Освободившись изъ заточенія, Ф. поселяется въ Венеціи, живетъ тамъ въ собственномъ великолѣпномъ домѣ и строитъ церковь и кривыя ворота. Въ это время онъ приглашается пріѣхавшимъ туда въ 1474 г. посломъ вел. князя Іоанна III Семеномъ Толбухинымъ въ Москву для достройки соборной церкви во имя Успенія, выведенной уже подъ своды въ теченіе трехъ лѣтъ русскими мастерами Кривцовымъ и Мышкинымъ, но въ 1473 г. начавшей валиться изъ-за недостаточной вязкости цемента.

Передъ самымъ вызовомъ въ Москву Ф. получилъ приглашеніе и отъ турецкаго султана Магомета II пріѣхать въ Царьградъ для постройки сераля, но не пожелалъ служить врагу Венеціи; теперь же покровительствовавшій ему дожъ Марчелло съ трудомъ согласился отпустить его и то только въ угожденіе Москозскому государю за его услуги республикѣ по возбужденію татарскаго хана противъ ея враговъ турокъ. По заключенному Толбухинымъ условію съ Ф., послѣдній долженъ былъ получать на Руси по 10 руб. (около двухъ фунтовъ серебра) въ мѣсяцъ. Посолъ великаго князя такъ былъ очарованъ Ф., что всѣ превосходныя зданія въ Венеціи, въ томъ числѣ соборъ св. Марка, считалъ его произведеніями, и съ удивленіемъ разсказывалъ про его чудеса, какъ онъ, напр., лилъ у себя изъ оловяннаго сосуда въ родѣ умывальника на мѣдное блюдо —и воду, и вино, и медъ. Не менѣе сильное впечатлѣніе произвелъ Ф. и на москвитянъ, удивлявшихся его умѣнію ставить церкви и палаты, а также лить колокола, пушки и пр. Въ Москву Ф. прибылъ въ 1475 г., 26 апрѣля (а не марта, какъ, по ошибкѣ, записано въ лѣтописи), вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Андреемъ, также архитекторомъ, и архитекторскимъ ученикомъ, нѣкимъ Петромъ по имени, которые и помогали ему въ его работахъ.

Осмотрѣвъ три уцѣлѣвшія стѣны (восточную, западную и южную) строившагося русскими мастерами храма, Ф. хотя и хвалилъ чистоту кладки («гладость»), тѣмъ не менѣе, находя, что известь не имѣла достаточной вязкости («неклеевита»), а камень (собств. кирпичъ) твердости, не захотѣлъ придѣлывать четвертую стѣну (сѣверную), вмѣсто обрушившейся, и объявивъ, что храмъ надо воздвигать съизнова, велѣлъ ломать уже построенное—частью диковинною для русскихъ машиною изъ дубоваго бруса на трехъ деревахъ, прозванною ими бараномъ, частью поджиганіемъ деревянныхъ подпоръ, поставленныхъ подъ вынутые изъ стѣнъ камни. Разбивъ такимъ образомъ менѣе чѣмъ въ недѣлю то, что̀ было воздвигнуто въ три года, онъ, по словамъ лѣтописца, представилъ всѣмъ во очію разрушеніе Титомъ Іерусалима. Послѣ того ископали новые рвы, глубиною въ двѣ и болѣе сажени, вбили въ нихъ дубовыя сваи, сдѣлали изъ найденной Ф. за Андроникомъ монастыремъ въ Калитниковѣ лучшей глины кирпичъ, по наставленію самого зодчаго, у̀же, продолговатѣе и тверже прежняго, такъ что разломать его не было иной возможности, какъ только размочивъ напередъ въ водѣ; кирпичъ обжигался въ устроенной Ф. на берегу Яузы особой печи; стали густо мѣшать известь, которая такъ засыхала къ слѣдующему уже утру, что ее нельзя было расколупать ножемъ, причемъ, по его приказанію, ее намазывали на кирпичъ желѣзными лопатками; стѣны же начали выкладывать сплошь и внутри камнемъ, вмѣсто щебня и булыги. Съѣздивъ передъ началомъ работъ во Владиміръ на Клязьмѣ, для осмотра тамошняго Златоверхаго Успенскаго собора, Ф. узналъ въ послѣднемъ произведеніе своихъ одноземцевъ, по замѣчанію лѣтописца, но строилъ свою церковь по иному плану, причемъ, когда стѣны были выведены высоко (въ 1477 г.), камни не носили на верхъ, а поднимали устроенною Ф. машиною изъ большого и малыхъ колесъ на цѣпяхъ, прозванною у насъ векшей. Четыре столпа, поддерживающіе своды храма, онъ заложилъ круглые, ручаясь за ихъ прочность, а два въ алтарѣ — четыреугольные; въ стѣнахъ и столбахъ, гдѣ прежде клались дубовые брусья, положилъ желѣзныя связи, на верху же столбовъ — большіе четыреугольные ка-

мии; но своды онъ сдѣлалъ въ одинъ кирпичъ, такъ что сквозь нихъ бывала течь отъ дождя. Храмъ свой онъ увѣнчалъ четырьмя главами, около большой шеи устроивъ казну (помѣщеніе для ризницы) и сдѣлавъ лѣстницу для входа на верхъ собора, подлѣ же алтаря, отъ боковыхъ дверей, поставилъ хоры, а въ алтарѣ, за престоломъ, надъ митрополичьимъ мѣстомъ, высѣкъ было латинскій крестъ, не возбудивъ, однако, подозрѣнія въ какихъ либо видахъ, но митрополитъ Геронтій приказалъ его стесать; полъ въ церкви Ф. вымостилъ мелкимъ камнемъ, который передъ передними дверьми свелъ въ одинъ кирпичъ, приводя всѣмъ этимъ въ изумленіе москвитянъ. Для покрытія самыхъ главъ великій князь вызвалъ мастеровъ изъ Новгорода, которые и покрыли верьхи церкви деревомъ, а поверхъ его нѣмецкимъ желѣзомъ.

Построенный такимъ образомъ въ 5 лѣтъ храмъ освященъ былъ 12 авг. 1479 г. Имѣя внутри 55 аршинъ высоты отъ пола до купола большой главы, 50 длины отъ горняго мѣста до западныхъ дверей и 35 ширины отъ южныхъ до сѣверныхъ, и освѣщаясь длинными и узкими окнами въ два яруса, «бысть же та церковь,—по отзыву лѣтописца, чудна вельми величествомъ, и высотою, и свѣтлостію, и пространствомъ; такова же прежде того не бывала въ Руси, опрочь Владимірскія церкви». Но съ теченіемъ времени соборъ подвергся разнымъ передѣлкамъ, безъ особеннаго впрочемъ измѣненія общаго вида, почему и по его нынѣшнему состоянію можно судить о произведеніи Ф.

Не смотря на просьбу правителей Болоньи въ 1479 г. объ отпускѣ Ф. на родину, онъ былъ удержанъ великимъ княземъ въ Москвѣ, вѣроятно, для постройки и перестройки другихъ церквей (напр.: Іоанна Златоуста въ 1479 г., Срѣтенія Богородицы и Богоявленія Господня въ 1482 г., Спаса за Яузою въ 1483 г., Благовѣщенія въ 1484 г., Ризы положенія въ 1485 и проч.). Кромѣ построекъ въ Москвѣ, Ф. принадлежали, по преданію, нѣкоторыя строенія и въ другихъ русскихъ городахъ: въ Вологдѣ, въ Новгородѣ и др. Но помимо зодчества, Ф. занимался еще и литейнымъ искусствомъ. Такъ, съ самаго прибытія его къ намъ, въ Москвѣ—тамъ, гдѣ нынѣ артиллерійское депо, у св. Софіи премудрости Божіей, что̀ выше Кузнецкаго моста,—учрежденъ былъ въ 1475 г. первый у насъ пушечно-литейный дворъ, но до насъ ничего не дошло изъ его работъ эпохи Ф. (если не считать за таковую—древнѣйшую двухфунтовую пищаль, длиною 4 ф. $6^1/_4$ д., въ Спб. артиллер. музеѣ). Во время походовъ Іоанна III на Новгородъ (1478), Казань, Нижній (1482) и Тверь (1485), этотъ литейный мастеръ былъ всегда при возкахъ съ пушками и пищалями, а въ декабрѣ 1478 г., когда великокняжеское войско стояло подъ Новгородомъ, Ф., по волѣ Іоанна, построилъ черезъ Волховъ подъ Городищемъ мостъ на судахъ, притомъ столь прочный, что онъ стоялъ еще и тогда, когда великій князь, одолѣвъ республику, возвращался въ Москву.

Въ довершеніе всего, Ф. чеканилъ у насъ и монету въ 1475—83 гг., причемъ на многихъ деньгахъ обозначалъ свое имя «Aristoteles», а на оборотѣ нѣкоторыхъ изображалъ всадника съ цвѣткомъ подъ нимъ. Уже въ 1476 г. у него былъ въ Москвѣ, недалеко отъ дворца, довольно хорошій домъ, въ которомъ и останавливался въ томъ году, на нѣсколько дней, возвращавшійся изъ Персіи венеціанскій посолъ Контарини, пока ему не было приказано, именемъ великаго князя, выѣхать оттуда. Не смотря на то, что Ф. пользовался уваженіемъ Іоанна III и носилъ, по сохранившемуся въ фамиліи Альберти преданію, золотую медаль на груди, въ знакъ милости къ нему Московскаго государя, онъ, послѣ мученія и умерщвленія зимою 1483 г. прибывшаго изъ-за границы медника, нѣмчина Антона, за неизлеченіе царевича касимовскаго Каракучу Данвярова, просился у великаго князя на свою сторону, но Іоаннъ III приказалъ задержать его, отнять у него все имѣніе, а самого посадить на Антоновомъ дворѣ, за св. Лаврентіемъ; но опала эта, видимо, продолжалась только до 1485 г., послѣ же того имя Ф. болѣе не упоминается въ лѣтописяхъ.

Слава Ф., научившаго многому нашихъ мастеровъ, навѣки сохранилась на Руси, затмивъ собою извѣстность другихъ иностранныхъ зодчихъ той же эпохи, какъ

напр.: Антонія и Марко Фрязиныхъ, Петра Антонія Солярія, двухъ Алевизовъ и друг., являвшихся лишь послѣдователями его. Популярность Ф. можетъ быть сравнима, и то только отчасти, съ популярностью архитектора XVIII ст. графа Растрелли. Ф. былъ выведенъ даже въ одномъ изъ популярнѣйшихъ нашихъ романовъ, — въ «Басурманѣ» Лажечникова.

P. Pierling: «La Russie et le St. Siège», Paris 1896, I, 200—202.—L. Beltrami: «Aristotele da Bologna 1458—64», Milano 1888.—C. Canetta: «Aristotele da Bologna» (въ «Archivio storico Lombardo», Mil. 1882).—C. Malagola: «Delle cose operate in Mosca da Aristotele Fioravanti» (въ «Atti e Memorie... dell'Emilia», Modena 1877, I).—M. A. Gualandi: «Aristotele Fioravanti meccanico ed ingegnere del secolo XV» (въ «Memoria della Regia deputazione di storia patria per le provincia di Romagna», Bologna 1870, p. 57—77).—«Древности. Труды Моск. Археол. общ.», IV, «Матер. для Археол. Слов.», 33—45 (ст. графа Уварова), и VIII, 123—134 (ст. Н. Артлебена «Казна Успен. собора, устроен. А Фіоравянти»).—«Полн. собр. русс. лѣтоп.», VI, 16, 19, 23, 34, 152, 199—200, 205—207, 214, 221, 234—235 и 237.—Карамзинъ: «Ист. Гос. Росс.», VI, ст. 48 и 50, прим. 103; ст. 76, прим. 299.—Ивановъ-Писаревъ: «Спасо-Андроникова», ст. 72, и «Вечеръ въ Симоновѣ», ст. 93—95.—Снегиревъ: «Памят. Моск. древн.», сг. 2—5, 10, XVIII.—Забѣлинъ въ «Отеч. Зап.» 1855 г., № 5, науки и худож., ст. 44—45, и «Памятники древн. русс. зодчества», тетр. V.—Мурзакевичъ: «О пушеч.-литейн. искусствѣ» въ «Журн. мин. нар. просв.» 1838 г., № 9, ст. 531—532.—Висковатовъ: «Историч. опис. одежды и вооруж. русс. войскъ», I, 183—185.—Контарини: «Опис. путеш. черезъ Москву» (въ «Библіот. иностр. писат. о Россіи», I, 108). — «Энциклопед. Лексик.» Плюшара, 1835, I, 418—419 (ст. кн. Д. Эристова).—«Энциклопед. Слов., сост. русс. учен. и литерат.», 1861, III, 428 (ст. Н. Страхова). *Н. Собко.*

Фирковичъ, *Авраамъ Самуиловичъ*, род. въ 1786 г. въ одной изъ караимскихъ семей, проживавшихъ въ г. Луцкѣ, ум. 27 мая 1874 г. въ Евпаторіи. Воспитанный въ строгомъ духѣ сектантской замкнутости онъ, сдѣлавшись въ 1818 г. хазаномъ (вѣроучителемъ) въ родномъ городѣ, вступилъ въ горячую полемику съ евреями-раббанитами, главнымъ образомъ по поводу разногласія обоихъ ученій относительно календаря. Въ 1828 г. онъ побывалъ въ Бердичевѣ и имѣлъ случай ближе познакомиться съ умственными стремленіями раббанитовъ, но сильныя нападки одного изъ нихъ заставили Ф-ча написать первое свое сочиненіе для обличенія этого ученія. Оно было окончено въ 1838 г. и озаглавлено «Маса у мерриба», т. е. «Покушенія и споры». Но еще до окончанія печатаніемъ этой книги Ф. принялъ участіе въ учрежденіи и занятіяхъ общества, задачею котораго было изученіе караимской письменности и изданіе древнихъ караимскихъ сочиненій. Съ цѣлью отыскать древніе памятники этой литературы онъ въ 1830 г. посѣтилъ Палестину, гдѣ нашелъ важныя рукописи; отправившись оттуда въ Константинополь, Ф. остался тамъ до мая 1831 г. Его учительскія способности побудили тамошнихъ караимовъ пригласить его къ себѣ въ качествѣ главы ихъ общины. Ф. согласился и поселился на два года въ Константинополѣ, гдѣ ему удалось составить богатую коллекцію рукописей. Вернувшись оттуда, онъ поселился въ Крыму. Во все это время, приблизительно до 1838 г., онъ не прекращалъ своей борьбы съ талмудистами, о чемъ свидѣтельствуютъ разныя сочиненія и изданія на еврейскомъ языкѣ. Но около этого времени въ направленіи дѣятельности Ф-ча происходитъ замѣчательный переворотъ. Интересъ, возбужденный въ немъ къ памятникамъ караимской древности, и изученіе ихъ расширили его кругозоръ настолько, что онъ сдѣлался менѣе рѣзкимъ относительно другихъ отраслей іудѣйства и памятниковъ ихъ письменности. Онъ отказался отъ полемики и сталъ ревностно отыскивать скрытыя сокровища древности, сохранившіяся у его единоплеменниковъ. Начиная съ 1839 г., Ф., въ теченіе многихъ лѣтъ, путешествовалъ по Крыму, по Кавказу, Египту и Святой землѣ, открывая и собирая повсюду въ синагогахъ и «генизахъ» (мѣстахъ, гдѣ евреи прячутъ испорченныя рукописи и бумаги) остатки письменныхъ памятниковъ, причемъ ему нерѣдко приходилось прибѣгать къ хитрости или къ содѣйствію властей. Результатомъ этихъ неустанныхъ и продолжительныхъ странствованій и поисковъ были богатыя коллекціи караимскихъ книгъ и надгробныхъ надписей, найденныхъ въ Чуфутъ-Кале, рукописей Ветхаго Завѣта съ особою («вавилонскою») пунктуаціею еврейскаго текста, замѣчательныхъ произведеній столь мало еще извѣстной литературы самаритянъ, отчасти написанныхъ на арабскомъ языкѣ, и образцовъ еврейско-персидской письменности. Большинство этихъ рукописей нынѣ хранится въ Имп. Публичной

библіотекѣ, для которой еврейскія были пріобрѣтены въ 1862—63 гг., самаритянскія въ 1870 г. и третья, самая драгоцѣнная коллекція еврейскихъ и арабскихъ рукописей,—въ 1876 г. Къ концу жизни, на 85 г. отъ роду, Ф. предпринялъ послѣднее свое путешествіе въ западную Европу, съ цѣлью познакомиться съ европейскими учеными, и былъ вездѣ встрѣченъ съ большимъ почетомъ. Какъ ни высоко оцѣнивается польза, принесенная наукѣ открытіями неутомимаго путешественника, тѣмъ не менѣе нельзя обойти молчаніемъ одну сторону въ его дѣятельности, бросившую тѣнь на его память и надѣлавшую много шуму среди спеціалистовъ. Стараясь установить коренную разницу между караимами и остальными евреями-талмудистами и доказать, что выдѣленіе первыхъ изъ общаго іудейства состоялось уже въ самое древнее время—до Рождества Христова,—Ф. не только не удержался въ своихъ сочиненіяхъ отъ односторонникъ и безкритичныхъ сужденій и утвержденій, но это стремленіе побудило его даже дѣлать поправки, измѣненія и поддѣлки въ найденныхъ имъ памятникахъ, особенно относительно ихъ датировки. Отрицаемые на первыхъ порахъ его сторонниками, подобные поступки Ф-а уже болѣе не подлежатъ сомнѣнію: таковъ выводъ изъ многолѣтней полемики спеціалистовъ, литературу которой можно найти въ нижеприведенныхъ сочиненіяхъ.

Ф. Ливановъ: «А. С. Фирковичъ» («Церковно-обществ. вѣстникъ», 1874, № 89). — А. Фирковичъ: «Abnê zikkarôn», Вильна 1872 (на евр. яз.; введеніе содержитъ автобіографію). — Ad. Jellinek: «Abraham Firkowitsch, das religiöse Oberhaupt der Karäer. Ein Gedenkblatt», Wien, 1875.—Abr. Geiger: «Abr. Firkowitsch», въ «Jüdische Zeitschrift für Wissenschaft und Leben», XI (1875), 142—155.—А. Я. Гаркави: «Описаніе рукописей самаритянскаго Пятикнижія, хранящихся въ Имп. Публ. библіотекѣ», Спб. 1874. — A. Harkavy und H. L. Strack: «Catalog der hebräischen Bibelhandschriften der K. Oeffentl. Bibliothek in St. Petersburg», St. P. 1875. — Стракъ и Гаркави: «О коллекціи восточныхъ рукописей А. С. Фирковича, находящихся въ Чуфутъ-Кале» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1875, ч. 178, отд. 4).—A. Harkavy: «Altjüdische Denkmäler aus der Krim». St. P., Акад. 1876. — *H. L. Strack*: «A. Firkowitsch und seine Entdeckungen. Ein Grabstein der hebräischen Grabschriften der Krim», Lpz., 1876. — А. А. Куникъ: «Тохтамышъ и Фирковичъ», Спб., Акад. Наукъ, 1876. — *Д. А. Хвольсонъ*: «Сборникъ еврейскихъ надписей», Спб. 1884.—См. также «Систем. указатель литературы о евреяхъ на русск. яз.», Спб., 1892, ст. 39 и 40.

К. З.

Фиксъ, баронъ, *Александръ Александровичъ*, ген.-отъ-инфантеріи, род. 18 дек. 1817 г., ум. въ іюлѣ 1889 г. Происходилъ изъ дворянъ курляндской губерніи и воспитывался въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, откуда въ 1836 г. выпущенъ прапорщикомъ л.-гв. въ Волынскій полкъ. Въ 1840 г. онъ былъ прикомандированъ къ войскамъ кавказскаго корпуса и, находясь въ рядахъ Куринскаго егерскаго полка, принималъ участіе въ цѣломъ рядѣ экспедицій противъ горцевъ и за боевыя отличія былъ пожалованъ орденомъ св. Анны 4 ст. съ надписью «за храбрость». Въ 1841 г. Ф. вернулся въ Волынскій полкъ, въ которомъ продолжалъ служить до 1855 г., когда былъ зачисленъ въ запасныя войска. Въ 1857 г. онъ получилъ въ командованіе Томскій пѣхотный полкъ, а въ 1863 г., съ производствомъ въ ген.-маіоры, назначенъ помощникомъ командира 9 пѣхотной дивизіи и въ томъ же году опредѣленъ на должность окружнаго генерала 1-го корпуса внутренней стражи. При реорганизаціи гарнизонныхъ войскъ Ф. въ 1864 г. былъ назначенъ помощникомъ начальника мѣстныхъ войскъ петербургскаго военнаго округа, а въ 1869 г. получилъ въ командованіе 33 пѣхотную дивизію. По производствѣ въ ген.-лейтенанты (1871), онъ былъ переведенъ на ту-же должность въ 12 пѣхотную дивизію. Съ началомъ Турецкой кампаніи 1877—1878 гг. Ф. принадлежалъ съ своей дивизіей къ Рущукскому отряду, при чемъ за отличное мужество и распорядительность, оказанныя имъ въ сраженіяхъ у Трестеника и Мечки (14 и 30 ноября), награжденъ орденомъ св. Владиміра 2 ст. съ мечами. По возвращеніи въ Россію Ф. въ 1879 г. былъ назначенъ командиромъ 11 армейскаго корпуса, въ 1883 г. — временно командующимъ войсками кіевскаго военнаго округа, въ 1885 г. произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи.

Форм. спис., хранящ. въ общ. архивѣ Главн. штаба.—«Русск. Инв.» 1889 г., № 161.

Д. С—въ.

Фиксъ—фонъ, *Георгъ-Фридрихъ*, род. въ родовомъ имѣніи Ногалленъ, въ Курляндіи, 19 апр. 1782 г., ум. въ Теплицѣ въ іюлѣ 1843 г. Первоначальное образованіе получилъ дома, затѣмъ, пробывъ одинъ годъ въ митавской гимназіи, въ 1802 г. отправился за границу, гдѣ

слушалъ лекціи въ Іенскомъ и въ Лейпцигскомъ университетахъ. Совершивъ большое путешествіе по Германіи, Швейцаріи и Франціи, Ф. въ 1806 г. прибылъ въ С.-Петербургъ и былъ назначенъ членомъ-корреспондентомъ Высочайше утвержденной комиссіи по пересмотру законовъ. Предпринявъ по окончаніи занятій второе путешествіе за границу, онъ возвратился въ Курляндію и посвятилъ себя служенію интересамъ курляндскаго дворянства, сперва въ качествѣ депутата на дворянскихъ съѣздахъ, а съ 1814 г. въ должности уѣзднаго предводителя дворянства (Kreismarschal). Ф-су, между прочимъ, принадлежатъ слѣдующіе печатные труды: «Die Letten in Kurland oder Vertheidigung meines Vaterlandes gegen die Angriffe von G. Merkel in dessen «Letten», Leipzig, 1804; «Ueber Hülfs-Leihbanken in Kurland», Mitau, 1820; «Ueber den Ursprung des Adels in den Ostseeprovinzen Russlands und das den alten Rittergeschlechtern daselbst gebührende Prädicat «Freiherr», Mitau und Leipzig, 1843.

«Allgem. Schriftst.- und Gelehrten-Lexicon», herausgeg. von Recke und Napiersky, т. I, ст. 562, и «Nachträge und Fortsetzungen», т. I, ст. 185.— «Inland» 1843 г., ст. 200.

Фирксъ, баронъ, *Ѳедоръ Ивановичъ*, д. с. с., публицистъ, писавшій подъ псевдонимомъ *Шедо-Ферроти*, (D. K. Schédo-Ferroti), род. въ курляндскомъ городѣ Газенпотѣ 7 апр. 1812 г., ум. въ Дрезденѣ 10 окт. 1872 г. Получивъ образованіе въ Институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія, въ 1830 г. съ чиномъ поручика поступилъ на службу въ III округъ путей сообщенія. Служа въ этомъ вѣдомствѣ, Ф. въ 1840 г. былъ командированъ въ распоряженіе новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора для составленія проекта улучшенія торговыхъ путей этого края; позднѣе состоялъ непремѣннымъ членомъ лифляндской губернской строительной и дорожной комиссіи. Въ 1852 г. Ф. поступилъ на службу въ таможенное вѣдомство и въ 1854 г. назначенъ былъ членомъ рижской таможни. Наконецъ, онъ недолгое время состоялъ агентомъ министерства финансовъ въ Брюсселѣ. Послѣдніе годы жизни Ф. посвятилъ преимущественно публицистикѣ и, между прочимъ, долго сотрудничалъ въ «Аугсбургской Всеобщей газетѣ». Съ 1857 г. онъ издалъ рядъ этюдовъ, на французскомъ языкѣ, по вопросамъ внутренней русской политики,—подъ общимъ заглавіемъ: «Etudes sur l'avenir de la Russie». Нѣкоторые изъ этихъ этюдовъ въ свое время обращали на себя всеобщее вниманіе. Первый очеркъ, посвященный вопросу освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, «La libération des paysans», въ короткое время (1857—1861) выдержалъ 4 изданія. Полагая, что проектированная реформа легко могла вызвать смуты въ государствѣ, и имѣя въ виду личное освобожденіе крестьянъ безъ земельныхъ надѣловъ, Ф. предлагалъ правительству достигнуть этой цѣли постепенно, въ теченіе 20 лѣтъ, путемъ отдѣльныхъ мѣропріятій и не произнося опаснаго слова «свобода». Во многихъ этюдахъ и въ особенности въ брошюрѣ: «Les principes du gouvernement et leurs conséquenses», въ два года выдержавшей три изданія, Ф. рѣзко критиковалъ русскую администрацію, указывая на тѣ же слабыя ея стороны, которыя осмѣивалъ Салтыковъ. Уроженецъ прибалтійскаго края, Ф. въ другомъ этюдѣ той же серіи: «La noblesse», изданномъ въ 1859 г., указывалъ на необходимость образованія привиллегированнаго землевладѣльческаго дворянскаго сословія, опоры монархическаго государства. Среди современныхъ общественныхъ теченій онъ занималъ довольно самостоятельное положеніе. Въ открытомъ письмѣ къ Герцену (Lettre de M. Hertzen à l'Ambassadeur de Russie à Londres, avec réponse de M. Schédo-Ferroti, 5 изданій въ 1861—1862 гг.), допущенномъ цензурой въ Россію, онъ рѣзко критиковалъ идеи «Колокола» и заступаясь за честь русскаго правительства, доказывалъ, что III-е Отдѣленіе не могло имѣть намѣренія убить или похитить Герцена, какъ увѣрялъ послѣдній. Въ то же время въ очеркахъ, посвященныхъ польскому вопросу, Ф. полемизировалъ съ Катковымъ. Въ получившемъ наибольшую извѣстность этюдѣ (восьмомъ) «Que fera-t-on de la Pologne?», изданномъ во время польскаго возстанія, онъ пытался доказать, что «ультра-русскія идеи московской прессы не пользуются сочувствіемъ въ народѣ» и что наилучшимъ разрѣшеніемъ польскаго вопроса было бы дарованіе Польшѣ, навсегда соединенной съ Россіей, національнаго правительства по законамъ, свободно вотированнымъ польскимъ народомъ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ сочиненій, изданномъ также, какъ и предшествующія, заграницей, въ Берлинѣ, и озаглавленномъ «Le patrimoine du peuple» (1868), Ф. доказывалъ необходимость отмѣны русской общины; въ другомъ, изданномъ на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Die internationale Arbeiterbewegung», пытался объяснить сущность рабочаго вопроса и оспаривалъ идеи германскихъ соціалистовъ. Изъ другихъ его очерковъ отмѣтимъ: «Lettres sur les chemins de fer en Russie», 1858; «Le militaire», 1860; «Les serfs non encore libérés», 1861; «La tolérance et le schisme réligieux en Russie», 1863; «La question polonaise au point de vue de la Pologne, de la Russie et de l'Europe», 1863; «Le nihilisme en Russie», 1867; «Lettre sur l'instruction populaire en Russie», 1869.

«Augsburger Allgemeine Zeitung», 1872, № 300.—«С.-Петербургскія Вѣд.» 1872 г., № 286. — Архивъ департ. таможенныхъ сборовъ, 1871 г., дѣло № 4051. — «Русскій Вѣстникъ» 1872 г., 97. — «Книжный Вѣстникъ» 1862 г., ст. 168. — «Catalogue de la section des Rossica» Импер. публ. библіотеки, т. I и II. *Н. П.—С.*

Фирсовъ, *Авраамъ Панкратьевичъ*, переводчикъ Посольскаго приказа. По повелѣнію царей Іоанна и Петра Алексѣевичей онъ въ 1683 г. перевелъ на русскій языкъ Псалтырь. Въ своемъ переводѣ Ф. мѣстами удержалъ прежній славянскій переводъ, мѣстами же исправлялъ его, слѣдуя переводу Лютера съ еврейскаго языка и другимъ источникамъ. Въ «Объясненіи переводчика» Ф. рѣзко порицаетъ невѣжество современнаго ему русскаго общества: «Нашъ россійскій народъ — говоритъ онъ—грубый и неученый, не токмо простые, но и духовнаго чина....; истинныя вѣдомости и разума во Св. Писаніи не ищутъ и ученыхъ людей поносятъ и еретиками ихъ называютъ...». Такъ какъ этотъ переводъ возбудилъ споры, то онъ былъ запрещенъ патріархомъ Іоакимомъ, безъ разрѣшенія котораго его никому не выдавали. Рукопись хранится въ патріаршей библіотекѣ въ Москвѣ.

Архіеп. Филаретъ: «Обзоръ русск. дух. лит.», ст. 253. — Митроп. Евгеній: «Слов. русск. свѣтск. писат.», т. II, ст. 230. — «Учен. Зап. 2-го отдѣл. Имп. акад. наукъ», 1856 г., кн III (статья преосв. Филарета, еписк. харьковскаго). — «Сынъ Отеч.» 1822 г., ч. 75, № 4.—Пекарскій: «Наука и литерат. въ Россіи при Петрѣ Великомъ», т. I, ст. 199. *Л. В.*

Фирсовъ, *Василій Ивановичъ*, живописецъ Шпалерной мануфактуры и придворнаго театра, род. въ 1739 г., ум. 13 сент. 1780 г.; сперва служилъ унтеръ-мастеромъ.

Изъ рукописи. матер. П. Н. Петрова. *Н. С.*

Фирсовъ, *Петръ*, живописецъ; ученикъ Валеріани, онъ писалъ въ 1780 г. театральныя декораціи и, кромѣ того, пейзажи (руины и перспективы).

Meusel: «Miscell.», XI, 269.—«Nagler's Künstler-Lex.», IV, 300. *Н. С.*

Фирсовъ, *Петръ Савичъ*, ген.-маіоръ л.-гв. сапернаго баталіона, ум. 25 іюня 1825 г. Начавъ службу въ 1801 г. въ первомъ піонерномъ полку, онъ, въ чинѣ капитана, былъ въ 1813 г. переведенъ во вновь формировавшійся л.-гв. саперный баталіонъ, въ числѣ способнѣйшихъ и хорошо знающихъ инженерныя науки офицеровъ, и черезъ мѣсяцъ назначенъ шефомъ 2-ой саперной роты. Въ маѣ того же года Ф. состоялъ начальникомъ инженерной бригады и завѣдывалъ инженерными работами подъ Бауценомъ, за что, по представленію графа Витгенштейна, награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст. Въ 1817 г. на долю Ф-ва выпала честь быть первымъ руководителемъ минныхъ работъ въ саперномъ баталіонѣ. Въ 1820 г. онъ былъ произведенъ въ ген.-маіоры и до самой смерти состоялъ при генералъ-инспекторѣ по инженерной части и членомъ инженернаго отдѣленія Военно-ученаго комитета.

А. Г—нъ.

Фиртъ, Артемій, см. Фюрстъ.

Фитингофъ-Шель, баронъ, *Борисъ Ивановичъ* (Christoph Burhard von Vietinghof-Scheel), сынъ сенатора И. Ѳ. Ф-фа, почетный членъ Императорской Академіи Наукъ, род. въ Ригѣ 12 дек. 1767 г., ум. въ родовомъ имѣніи Маріенбургѣ 6 апр. 1829 г. Занимался преимущественно изученіемъ русской флоры и совмѣстно съ Г. Ф. Гофманомъ издалъ въ Москвѣ на латинскомъ языкѣ сочиненіе: «Hortus siccus Caucasicus seu plantae rariores in regionibus Caucasicis sponte nascentes inque earum locis natalibus collectae». Имъ же редактированъ и значительно дополненъ трудъ по лѣсоводству Христофа Крюгера фонъ-Крюгегейма: «Forstwissenschaftliche Bemer-

kungen über die wesentlichsten Gegenstände der Forstverwaltung zur Verbesserung und beständigen Erhaltung der Wälder» (Dorpat, 1806). Сочиненіе это Ф. снабдилъ примѣчаніями о культурѣ наиболѣе полезныхъ древесныхъ породъ въ Россіи и въ особенности въ Лифляндіи. Въ «Запискахъ Импер. Моск. общества естествоиспытателей» онъ помѣстилъ статью: «Discours sur quelques objets naturels recueillis au Caucase» (Москва, т. III, стр. 97—102). Кромѣ того, онъ составилъ по карманному лѣчебнику графа Л. Бертольда, изданному въ 1805 г. въ Мангеймѣ, «Наставленіе, какимъ образомъ можно предохранить себя отъ поноса съ рѣзомъ и какъ поступать одержимымъ оною болѣзнью для совершеннаго отъ нея освобожденія» (Дерптъ, 1807). Это сочиненіе, составленное авторомъ для ремесленнаго сословія, было переведено на языки латышскій — О. Ф. Рюлемъ и эстонскій — Ф. Д. Ленцомъ. Разбитый параличемъ въ 1825 г., Ф. до самой смерти вынужденъ былъ проводить время въ бездѣйствіи. Онъ былъ членомъ-учредителемъ и президентомъ Императорскаго с.-петербургскаго минералогическаго общества, президентомъ Императорскаго человѣколюбиваго общества, членомъ Академій Наукъ с.-петербургской, эрлангенской и эрфуртской, Вольно-экономическихъ обществъ въ С.-Петербургѣ и Ригѣ, членомъ Императорскаго Общества естествоиспытателей въ Москвѣ, почетнымъ членомъ московскаго университета и др.

«Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon», herausgeg. von Recke und Napiersky, т. IV, ст. 433 — 434 и «Nachträge», т. II, ст. 259.—«Роспись» Смирдина, 4845.—«Списокъ членовъ Имп. СПб. минералог. общества», СПБ., 1890, ст. 2.

Фитингофъ, баронъ, *Иванъ Андреевичъ*, ген.-отъ-кавалеріи, род. въ 1797 г., ум. 10 февр. 1871 г. Службу началъ въ 1815 г. юнкеромъ въ Кавалергардскомъ полку, гдѣ три года спустя былъ произведенъ въ корнеты. Въ чинѣ гвардіи ротмистра, въ польскую кампанію 1831 г. съ отличіемъ участвовалъ въ штурмѣ Варшавы, за что получилъ чинъ полковника и въ 1833 г. назначенъ командиромъ Новгородскаго кирасирскаго полка. Въ 1839 г. Ф. произведенъ въ ген.-маіоры, съ назначеніемъ командиромъ Кавалергардскаго полка, 1 іюля 1832 г. зачисленъ въ свиту Его Величества, въ концѣ 1847 г. получилъ въ командованіе 2-ю кирасирскую дивизію, 11 апр. слѣдующаго года пожалованъ чиномъ ген.-лейтенанта и затѣмъ, въ 1857 г., по соединеніи всѣхъ 8 кирасирскихъ полковъ въ одну сводную кирасирскую дивизію, назначенъ командиромъ ея. Вслѣдъ за упраздненіемъ армейскихъ кирасирскихъ полковъ, баронъ Ф. былъ опредѣленъ на должность помощника командующаго войсками одесскаго военнаго округа. Послѣдніе годы жизни, съ званіемъ члена Комитета о раненыхъ и въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи (1861 г.), провелъ въ своемъ имѣніи, гдѣ и скончался.

«Рус. Инв.» 1871 г., № 48.—«Иллюстр. Газета» 1871 г., № 12.

Фитингофъ, баронъ, *Иванъ Ѳедоровичъ* (Otto Hermann von Vietinghof), д. т. с., сенаторъ, главный директоръ медицинской коллегіи, род. въ Ригѣ въ 1720 г., ум. въ 1792 г. въ С.-Петербургѣ. Будучи рано зачисленъ въ военную службу, онъ, въ должности флигель-адъютанта, совершилъ подъ начальствомъ фельдмаршала Ласси походъ въ Персію, а въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны участвовалъ въ кампаніяхъ противъ Швеціи и Пруссіи. Въ 1755 г. Ф., 35-ти лѣтъ отъ роду, оставилъ военную службу съ чиномъ полковника и, женившись на графинѣ Аннѣ Минихъ, внучкѣ знаменитаго фельдмаршала, и вступивъ въ гражданскую службу совѣтникомъ губернскаго правленія, поселился въ Ригѣ. Огромное состояніе и обширныя вотчинныя владѣнія (ему принадлежало въ Лифляндіи семь имѣній), равно какъ и занимаемая имъ должность (губернскій совѣтникъ считался въ то время вторымъ лицомъ послѣ генералъ-губернатора) — доставили ему большое вліяніе. Ф. много сдѣлалъ для мѣстнаго сельскаго хозяйства и для развитія мѣстной промышленности. Онъ ввелъ улучшенныя системы винокуренія, обработки земли и молочнаго хозяйства. Рига ему обязана своимъ первымъ театромъ, который онъ построилъ и содержалъ на свой счетъ, какъ и первымъ клубомъ, названнымъ «die Musse». Въ Лифляндіи онъ оставался до 1787 г., когда императрица Екатерина II вызвала его въ Петербургъ и сдѣлала сенаторомъ и въ томъ же году назначила главнымъ директоромъ медицин-

ской коллегіи. Пятилѣтнее управленіе послѣднею принадлежитъ къ менѣе свѣтлымъ страницамъ исторіи его дѣятельности. Совершенно неподготовленный къ новымъ служебнымъ обязанностямъ, незнакомый ни съ медицинскою наукою, ни съ служебнымъ бытомъ подвѣдомственныхъ ему врачей и фармацевтовъ, Ф. въ своихъ распоряженіяхъ проявлялъ произволъ, дѣйствовалъ наперекоръ постановленіямъ коллегіи и не принималъ ничьихъ совѣтовъ. Впрочемъ зло происходило не столько отъ незнакомства Ф. съ подвѣдомственною врачебною частью, сколько отъ недобросовѣстности лицъ, вкравшихся въ его довѣріе. Лично Ф. немало заботился объ улучшеніи народнаго здравія и развитіи медицинской науки въ Россіи; между прочимъ ему принадлежитъ мысль о постройкѣ особаго зданія для учениковъ с.-петербургскаго медико-хирургическаго училища и генеральнаго сухопутнаго госпиталя. Докладъ объ этомъ Ф. подалъ императрицѣ 12 апрѣля 1789 г., и такъ какъ онъ денегъ на постройку не требовалъ, предполагая обойтись экономическими суммами медицинской коллегіи, то Екатерина II одобрила докладъ и удостоила Ф-фа Высочайшей благодарности за ревностную службу. Ему также принадлежитъ мысль объ учрежденіи должности инспектора учениковъ медико-хирургическихъ училищъ и нѣкоторыя другія мѣры.

«Полное Собр. Зак.», XXIII, 16, 766. — Чистовичъ: «Истор. перв. медиц. школъ въ Россіи», ст. 24—26, 125, 137, 207.—I. Eckardt: «Die Baltischen Provinzen Russlands», ст. 299—304.—«Рижск. Вѣстникъ» 1876 г., № 38.

Л. Вейнбергъ.

Фице-Джентымировъ-Абдурахмановъ, ген.-маіоръ, род. въ 1814 г., ум. 17 февр. 1874 г. Получивъ образованіе въ частномъ учебномъ заведеніи, онъ въ 1838 г. поступилъ на службу оруженосцемъ л.-гв. въ кавказскій горный полуэскадронъ, гдѣ въ 1842 г. произведенъ въ корнеты. Служба его на Кавказѣ сопровождалась почти непрерывнымъ участіемъ въ боевыхъ дѣйствіяхъ, то противъ горцевъ—въ походахъ съ 1845 по 1864 г., то противъ турокъ и ихъ союзниковъ—въ кампанію 1854 и 1855 гг., причемъ всѣ знаки отличія были получены имъ исключительно за военные подвиги. Высшими изъ нихъ пожалованы: въ 1863 г. золотое оружіе съ надписью: «за храбрость» и въ 1864 г. орденъ св. Владиміра 3 ст. съ мечами, установленнаго для мусульманъ образца. Въ 1858 г. Ф.-Д. былъ произведенъ въ чинъ полковника, въ 1863 г. назначенъ начальникомъ Абадзехскаго округа, 22 декабря 1867 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи, и тогда же опредѣленъ состоять при кавказской арміи.

«Воен. ежегодникъ» на 1875 г.—«Списокъ генераловъ» на 1872 г.

Д. С—въ.

Фицтумъ — фонъ, *Иванъ Ивановичъ* (Iohann von Vitzthum), ген.-маіоръ, членъ Военно-ученаго комитета, род. въ Саксоніи въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка, ум. въ С.-Петербургѣ въ 1829 г. Привезенный еще ребенкомъ въ Россію, онъ здѣсь воспитывался и началъ службу въ 1786 г. рядовымъ л.-гв. въ Конномъ полку. Отставленный отъ службы въ январѣ 1787 г. съ чиномъ поручика, онъ осенью того же года поступилъ вновь на службу въ 1-ый кадетскій корпусъ. Въ 1788 г. Ф. былъ зачисленъ въ инженерный корпусъ подпоручикомъ и затѣмъ дальнѣйшую службу проходилъ въ должности преподавателя фортификаціи и артиллеріи въ артиллерійскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ корпусѣ чужестранныхъ единовѣрцевъ и въ морскомъ кадетскомъ. Изъ послѣдняго Ф. въ 1801 г. зачисленъ маіоромъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части, гдѣ и оставался постоянно при депо, занимаясь съ колонновожатыми и преподавая имъ геометрію, полевую фортификацію и черченіе плановъ. По отзыву современниковъ Ф. принадлежалъ къ числу ученѣйшихъ и образованнѣйшихъ офицеровъ своего времени и, что всего важнѣе, умѣлъ оказывать весьма полезное вліяніе на ввѣренную ему молодежь. Изъ его ученыхъ трудовъ въ свое время наиболѣе было извѣстно «Разсужденіе о сочиненіи военныхъ плановъ», изданное имъ въ 1801 г. Между его переводными трудами до настоящаго времени сохранило свое военнонаучное значеніе переведенное въ 1827 г. сочиненіе Верблейна: «Разсужденіе о службѣ главнаго штаба и о подробностяхъ, наблюдаемыхъ при вожденіи войскъ». Кромѣ того имъ написаны: «Руководство къ практическому употребленію плоской тригонометріи въ пользу военно-

служащихъ», Спб., 1810; «Основаніе артиллерійской и понтонной науки», Спб., 1816 (издано при участіи предсѣдателя Военноученаго комитета Гогеля и члена названнаго комитета Гебгарда); наконецъ, онъ еще перевелъ сочиненіе Ф. Шуберта: «Руководство къ астрономическимъ наблюденіямъ, служащимъ къ опредѣленію долготы и широты мѣстъ», Спб., 1803.

«Военный Сборникъ» 1874 г., № 10 (статья П. Н. Глиноецкаго: «Русскій генеральный штабъ въ царствованіе императора Александра I», ст. 187—192).—«Роспись» Смирдина, №№ 3997, 4117, 4248, 4300. *Л. Вейнбергъ.*

Фишеръ, *Адамъ Андреевичъ*, профессоръ с.-петербургскаго университета, род. въ 1799 г. въ Штейерѣ (Австрія), ум. въ С.-Петербургѣ въ 1861 г. Получивъ воспитаніе въ Кремсмюнстерскомъ іезуитскомъ лицеѣ, онъ завершилъ свое образованіе въ 1819 г. въ вѣнскомъ университетѣ и вскорѣ затѣмъ вступилъ на педагогическое поприще. Будучи воспитателемъ у родственниковъ И. С. Тургенева, Ф. попалъ въ Россію и здѣсь имѣлъ случай познакомиться съ гр. Уваровымъ, который назначилъ его въ 1832 г. профессоромъ философіи въ Главный педагогическій институтъ, а затѣмъ и въ университетъ. Ф. быстро понялъ, что обстоятельства, при которыхъ ему пришлось выступать въ качествѣ представителя философской каѳедры, крайне неблагопріятны для философіи, и что эта наука должна вести трудную борьбу за собственное существованіе. Политическія и общественныя движенія новаго времени нерѣдко ставились въ причинную зависимость отъ философскихъ теченій, и такъ какъ Россія не разъ принимала на себя защиту историческихъ традицій, то понятна подозрительность, которую правительство питало по отношенію къ философіи. Отсюда усилія Ф-ра представить эту науку совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ («О ходѣ образованія въ Россіи и объ участіи, какое должна принимать въ немъ философія», рѣчь, Спб. 1835; «Сущность философіи и отношеніе ея къ авторитету» въ «Журн. мин. нар. просв.», 1845, т. 45). По его мнѣнію, «безстыдная суетность XVIII вѣка дерзко осмѣлилась ввести во всеобщее довѣріе, подъ священнымъ именемъ философіи, такія начала, которыхъ философія не признавала». Эти разрушительныя ученія являются результатомъ «изступленнаго метафизическаго фанатизма» и «порожденіемъ глубокаго нравственнаго разврата». Чтобы противодѣйствовать распространенію тлетворныхъ идей, въ среднеобразовательный курсъ было введено преподаваніе здравыхъ началъ естественнаго права, и Ф-ру было поручено заняться этимъ предметомъ; по этому поводу онъ написалъ статью: «О новѣйшемъ естественномъ правѣ» («Журн. мин. нар. просв.», 1836, т. 9; статья дальше введенія не пошла). Философія должна быть однимъ изъ необходимыхъ элементовъ образованія; подъ охраной правительства, она «служитъ благотворнымъ щитомъ, предохраняющимъ насъ отъ гибельныхъ слѣдствій—лжеобразованія, этого чудовищнаго порожденія нашего вѣка, которое, подобно нравственной язвѣ, заражаетъ и повреждаетъ болѣе и болѣе дряхлѣющее тѣло Европы». Цѣль философіи (Вступительная лекція теоретической философіи, Журн. Мин. Н. Пр. 1845, т. 45) — познаніе первыхъ основаній, первоначально узаконенныхъ отношеній и послѣднихъ цѣлей существующаго. Источникомъ ея служитъ опытъ естественный и сверхъестественный, но какимъ бы путемъ ни достигалась истина, конечный источникъ ея—въ Богѣ. Если Богъ даровалъ намъ какъ разумъ, такъ и откровеніе, то это доказываетъ, что мы должны принимать ихъ, какъ дары, ниспосылаемые источникомъ всякаго блага, истины и гармоніи и потому не состоящіе между собою ни въ какомъ противорѣчіи, развивать ихъ въ совершенномъ согласіи и пользоваться обоими для нашего спасенія. Основаніями философіи должны быть: священное уваженіе къ религіи, неколебимая вѣрность Монарху и безусловное повиновеніе существующимъ законамъ. Больше всего Ф. интересовался психологіею, и по этому предмету ему принадлежатъ слѣдующіе труды: «Введеніе въ опытную психологію» (по-русски, Спб., 1839, по-нѣмецки — 1843) и «Взглядъ на психологическую природу чувственнаго воспріятія» («Журн. мин. нар. просв.», 1850, т. 27). Психологію онъ хочетъ «представить свободною отъ всякаго умозрѣнія, какъ простую опытную науку»; однако въ своемъ анализѣ воспріятія Ф. отступаетъ отъ такого намѣренія и нерѣдко находится подъ вліяніемъ соображеній, не имѣющихъ ничего общаго съ наукою.

Въ университетѣ Ф. читалъ сначала на французскомъ, а затѣмъ на русскомъ языкѣ психологію, логику, нравственную философію, метафизику и исторію философскихъ системъ, по учебникамъ Эрлиха, бывшихъ въ ходу въ Австріи. Въ первые годы своей дѣятельности онъ пользовался большимъ успѣхомъ среди слушателей, но затѣмъ боязнь касаться философскихъ вопросовъ, волновавшихъ интеллигентные кружки тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, была замѣчена слушателями, и аудиторія Ф-ра опустѣла. Въ 1850 г., когда была закрыта каѳедра философіи во всѣхъ русскихъ университетахъ, Ф. былъ переведенъ на каѳедру педагогики, на которой и оставался до 1860 г., когда вышелъ въ отставку. Въ 1843—1853 гг. Ф. состоялъ профессоромъ философіи въ с.-петербургской духовной академіи. Онъ былъ также первымъ директоромъ с.-петербургской Ларинской гимназіи (1835—1861) и въ этомъ званіи пользовался особеннымъ расположеніемъ императора Николая I. Кромѣ поименованныхъ трудовъ Ф-ру принадлежатъ: «Начертаніе логики», Спб. 1833; переводъ на нѣмецкій языкъ пространнаго катихизиса митроп. Филарета и литургіи Іоанна Златоуста, а также учебникъ нѣмецкаго яз., имѣвшій много изданій.

Архим. Гавріилъ: «Исторія философіи», Казань, 1840, ч. VI, стр. 148.—В. Григорьевъ: «Импер. спб. университетъ», Спб., 1869.—«Пятидесятилѣтіе спб. Ларинской гимназіи», Спб. 1886.—Иберверъ-Гейнце: «Исторія новой философіи», Спб., 1890.

Я. Колубовскій.

Фишеръ, *Іоганнъ-Бернгардъ*, лейбъ-медикъ, род. въ Любекѣ 28 іюля 1685 г., ум. 8 іюня 1772 г. въ своемъ помѣстьѣ Гинтербергѣ, близъ Риги. Учился медицинѣ въ Галле и Іенѣ и въ Лейденѣ за диссертацію «Dissertatio inauguralis sistens varias ex singulis partibus medicinae desumptas positiones» въ 1705 г. получилъ степень доктора медицины. Посѣтивъ Англію и Францію, онъ въ декабрѣ 1710 г. прибылъ въ Ригу, гдѣ отецъ его былъ гарнизоннымъ врачемъ, и занялъ должность городского врача. Въ 1725 г. онъ былъ приглашенъ на консультацію къ герцогинѣ курляндской Аннѣ Іоанновнѣ, которая, по вступленіи на русскій престолъ, не замедлила вызвать его въ Петербургъ. Въ 1735 г. Ф. былъ назначенъ лейбъ-медикомъ и архіатеромъ (главнымъ директоромъ медицинской канцеляріи), а въ 1736 г. ему была поручена вся медицинская часть въ имперіи. Ставъ во главѣ медицинскаго дѣла, Ф. выказалъ себя разумнымъ администраторомъ. Обративъ вниманіе на недостатокъ врачей въ Россіи, онъ предпринялъ преобразованіе уже существовавшей московской медицинской школы и открылъ три новыя: двѣ при петербургскихъ госпиталяхъ (генеральномъ сухопутномъ и адмиралтейскомъ) и одну при кронштадтскомъ. Для подготовленія преподавателей для этихъ школъ, онъ предложилъ ежегодно посылать за-границу лучшихъ врачей, но, за выходомъ его вскорѣ въ отставку, мѣра эта не была приведена въ исполненіе. Для изданія необходимыхъ учебниковъ, въ особенности по анатоміи и ботаникѣ, было приказано рисовальнымъ мастерамъ заготовлять при госпиталяхъ рисунки. Въ облегченіе управленія генеральными госпиталями былъ составленъ «Генеральный регламентъ о госпиталяхъ», утвержденный императрицею Анною Іоанновною 24 декабря 1735 г. Изданіемъ «Регламента о полевыхъ аптекахъ» армія получила возможность быть снабжаемой необходимыми медицинскими средствами. Не мало было сдѣлано Ф-омъ и по пониженію аптекарской таксы. Въ 1736 г. Ф. испросилъ Высочайшій указъ о доставленіи въ медицинскую канцелярію болѣе рѣдкихъ экземпляровъ рудъ и минераловъ, коллекція которыхъ впослѣдствіи послужила основаніемъ минералогическаго кабинета медицинской академіи. Въ 1742 г., оставивъ службу, Ф. уѣхалъ въ свое имѣнье, гдѣ и жилъ до смерти. Изъ ученыхъ трудовъ его извѣстны: «De senio» (Erfurt, 1754), «De febri militari, purpura alba dicta, e veris principiis eruta et confirmata...» (Rigae, 1767) и рядъ статей въ тт. X—XIV «Acta physico-medica Acad. Caesar. Leopolbino-Carolinae naturae curiosorum», Norimbergae, 1752—1767—(«De krakatiza», «De scorbuto», «De munere archiatri in Russia» и пр.).

«Allgem. Schriftsteller- und Gelehrten-Lex.», herausgeg. von Recke u. Napiersky, Bd. I, 577.—Рихтеръ: «Исторія медицины въ Россіи», т. III, 270—279.—Gurlt u. Hirsch: «Biographisches Lexikon der hervorragenden Aerzte», Bd. II.—Чистовичъ: «Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи», Спб., 1883.

Фишеръ, *Іоганнъ-Эбергардъ*, академикъ по каѳедрѣ исторіи и археологіи, род.

10 янв. 1697 г. въ г. Эслингенѣ (въ бывш. герцогствѣ Вюртембергскомъ), ум. въ С.-Петербургѣ 13 сент. 1771 г. Въ 1730 г. Ф., имѣвшій ученую степень магистра, прибылъ въ Россію и занялъ при с.-петербургской академической гимназіи мѣсто сперва проректора, а два года спустя—ректора, съ правомъ присутствовать въ академическихъ собраніяхъ. По требованію барона Кейзерлинга, тогдашняго президента Академіи Наукъ, онъ составилъ въ 1733 г. проектъ объ учрежденіи гимназіи и училищъ въ С.-Петербургѣ. Зимою 1739 г. Ф. былъ командированъ Академіею въ Сибирь на смѣну академика Мюллера, участвовавшаго въ камчатской экспедиціи. Пробывъ слишкомъ девять лѣтъ въ командировкѣ, Ф. возвратился въ С.-Петербургъ, неудовлетворительно исполнивъ данныя ему порученія; эта неудача объясняется плохимъ знаніемъ русскаго языка и неуживчивымъ характеромъ этого ученаго, находившагося въ постоянномъ «партикулярномъ несогласіи» съ Гмелиномъ, Мюллеромъ и нѣкоторыми другими академиками. Для разбора и разработки историческихъ матеріаловъ, собранныхъ участниками сибирской экспедиціи, Академія, послѣ неудачной попытки заставить Мюллера и Ф-ра вдвоемъ заняться этимъ дѣломъ, назначила собранія изъ нѣсколькихъ академиковъ, въ томъ числѣ и двухъ названныхъ. Но въ первомъ же засѣданіи начались споры, которые настолько мѣшали ходу ученыхъ занятій, что академическая канцелярія была вынуждена поручить члену академіи Теплову присутствовать въ собраніяхъ съ тѣмъ, чтобы онъ со всею строгостью понуждалъ академиковъ наскорѣе привести къ концу сибирскія дѣла. Педагогическая дѣятельность Ф-ра, по возвращеніи его изъ Сибири, значительно расширилась. Кромѣ надзора за гимназіею, на него возложили въ 1748 г. наблюденіе за нравственностью академическихъ студентовъ. Самъ отличный латинистъ, Ф. и своихъ воспитанниковъ настолько усовершенствовалъ въ знаніи этого языка, что они свободно изъяснялись по-латыни. Кромѣ латинскаго, онъ одинъ изъ всѣхъ академиковъ того времени основательно зналъ и греческій языкъ. Въ 1749 г. ему поручено было преподаваніе элоквенціи въ университетѣ, вмѣсто уволеннаго профессора Крузіуса. Въ іюнѣ 1750 г. Ф. былъ уволенъ отъ завѣдыванія гимназіею и наблюденія надъ студентами, по причинѣ командировки его Академіею въ Псковъ для пересмотра и разбора хранившихся тамъ разныхъ книгъ, вывезенныхъ изъ завоеванныхъ шведскихъ городовъ. Вообще на Ф-ра возлагались самыя разнообразныя порученія. Между прочимъ, онъ вмѣстѣ съ другими членами Академіи экзаменовалъ воспитанниковъ духовныхъ училищъ, выбранныхъ для университета, участвовалъ въ сочиненіи надписей къ ракѣ для мощей св. Александра Невскаго, подавалъ мнѣніе объ университетскомъ регламентѣ, участвовалъ въ разсмотрѣніи Аргениды Тредіаковскаго и т. п. Любопытно мнѣніе, высказанное Ф-ромъ, по просьбѣ куратора московскаго университета графа Шувалова, относительно того, какого типа училища слѣдуетъ открывать въ городахъ и селахъ и по какой программѣ вести преподаваніе въ нихъ. Ф. былъ того мнѣнія, что, въ виду малоразвитости населенія того времени, учебныя заведенія слѣдовало вообще открывать лишь постепенно, а среднія учебныя заведенія—только въ большихъ городахъ, какъ напр. въ Казани. Училища, по его мысли, должны были носить строго сословный характеръ и въ школахъ, предназначенныхъ для образованія крестьянъ, его учебная программа ограничивалась чтеніемъ и письмомъ. Изъ ученыхъ работъ Ф-ра заслуживаетъ особеннаго вниманія изданная въ 1768 г. при Академіи Наукъ въ двухъ частяхъ: «Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Landes durch die russischen Waffen». Трудъ этотъ, законченный Ф-ромъ въ 1757 г., весь составленъ имъ по матеріаламъ, привезеннымъ исторіографомъ Мюллеромъ изъ сибирскаго путешествія. Лично Ф-ру принадлежитъ помѣщенное въ началѣ книги предисловіе, и въ концѣ второй части—подробный указатель. Въ 1774 г. появился русскій переводъ этого труда, сдѣланный академическимъ переводчикомъ Иваномъ Голубцовымъ, и изданный безъ предисловія и указателя. Въ 1770 г. появились статьи Ф-ра, изданныя А. Л. Шлецеромъ въ Гёттингенѣ, подъ общимъ заглавіемъ «Quaestiones Petropolitanae»: 1) De origine Ungrorum, 2) De origine Tatarorum, 3) De diversis Shinarum imperatoris nominibus titulisque, 4) De Hyperboreis. Кромѣ

того, Ф. помѣстилъ въ «Историческомъ Мѣсяцесловѣ» на 1770 и 1771 гг. двѣ статьи: «О происхожденіи молдавцевъ, о ихъ языкѣ, знатнѣйшихъ приключеніяхъ, вѣрѣ, нравахъ и поведеніи» и «Догадки о происхожденіи американцевъ».

«Allg. Deutsche Biographie, т. VII, стр. 73.—С. М. Соловьевъ: «Ист. Росс. съ древн. временъ» (изд. товарищ. «Общ. польза»), т. V, стр. 535, 844, 852, т. VI, стр. 211.—Билярскій: «Матеріалы для біографіи Ломоносова», (см. въ приложеніи указатель личныхъ именъ).—П. Пекарскій: «Истор. Имп. Акад. наукъ въ Петербургѣ», т. I, ст. 617—630 (см. алфавитн. указатель къ обоимъ томамъ).—«Матеріалы для истор. Академіи наукъ», т. 2-ой (см. указатель). — Митроп. Евгеній: «Словарь свѣтск. писат.», т. II.

Л. В—гъ.

Фишеръ — фонъ, *Иванъ Ивановичъ* (Johann Benjamin von Fischer), медикъ и правовѣдъ, род. въ Ригѣ 28 сент. 1720 г., ум. тамъ же 1 мая 1760 г. По окончаніи курса въ рижскомъ лицеѣ, онъ въ 1737 г. переѣхалъ въ С.-Петербургъ къ отцу своему, лейбъ-медику Іоганну Бернгарду Фишеру и воспитывался тамъ вмѣстѣ съ курляндскими принцами. Затѣмъ онъ отправился за границу для изученія медицины и слушалъ лекціи сперва въ Галле, потомъ въ Страсбургѣ, Лейденѣ и Парижѣ. Успѣшно защитивъ въ 1743 г. въ Лейденѣ диссертацію на степень доктора медицины: «Diss. osteologica de modo, quo ossa de vicinis accommodant partibus», Ф. возвратился въ Россію, но вскорѣ отказался отъ медицинской практики и занялся правовѣдѣніемъ. Въ 1846 г. онъ поселился въ Ригѣ, гдѣ занялъ должность секретаря гофгерихта. Кромѣ упомянутой диссертаціи, извѣстна рѣчь его, изданная въ Ригѣ въ 1737 г., «Die glückselige Geburt I. K. Majestät Anna Iwanowna, als die merkwürdigste Begebenheit des 1693 Jahres».

«Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon», herausgeg. von Recke und Napiersky, т. I, и «Nachträge», т. I.—Gurlt: «Biogr. Lexicon bedeutender Aerzte» т. II, ст. 370. — Я. Чистовичъ: «Исторія первыхъ мед. школъ въ Россіи», приложенія, стр. CCCXXI.—В. Рихтеръ: «Ист. медицины въ Россіи», т. III, ст. 279.

Фишеръ, *Константинъ Ивановичъ*, д. т. с., сенаторъ, род. въ 1805 г., ум. въ 1868 г. По окончаніи курса наукъ въ с.-петербургскомъ высшемъ училищѣ, поступилъ въ 1823 г. въ канцелярію министерства финансовъ и годъ спустя опредѣленъ въ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли. Въ 1828 г. онъ перешелъ на службу въ канцелярію начальника морского штаба и вскорѣ былъ командированъ на флотъ, отправлявшійся въ практическое плаваніе, съ порученіемъ хранить суммы, ассигнованныя на экстраординарные по флоту расходы и вести имъ счетъ. Въ 1833 г. Ф. удостоился денежной награды въ 1000 руб. «въ знакъ Монаршаго удовольствія за хорошее изложеніе отчета по главному морскому штабу». Въ 1836 г. ему поручено было завѣдываніе находившеюся въ С.-Петербургѣ собственною канцеляріею финляндскаго генералъ-губернатора. Въ 1840 г. онъ назначенъ директоромъ канцеляріи комитета и строительной комиссіи Николаевской желѣзной дороги, а въ 1842 г., уже въ чинѣ дѣйств. ст. совѣтника,—директоромъ департамента желѣзныхъ дорогъ, съ оставленіемъ въ прежней должности, которую онъ занималъ по морскому вѣдомству. Энергичная и полезная административная дѣятельность Ф-ра обратила на него вниманіе правительства, и онъ неоднократно привлекался къ участію въ занятіяхъ разныхъ комитетовъ и комиссій; такъ, между прочимъ, онъ состоялъ членомъ: въ 1842 г.—комитета для начертанія проекта положенія о преобразованіи комиссіи ревизіи отчетовъ главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій; въ 1844 г.—комитета для разсмотрѣнія проекта коммерціи совѣтника Попова о возстановленіи внѣшней торговли Россіи; въ 1845 г.—комитета для разсмотрѣнія предложеній барона Штиглица улучшить нарвскій портъ и устроить на акціяхъ желѣзную дорогу между С.-Петербургомъ и Нарвою. Въ томъ же году Ф. былъ назначенъ членомъ комитета для составленія общаго плана водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній въ имперіи, а въ 1850 г. опредѣленъ членомъ главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій, съ увольненіемъ отъ должности директора департамента желѣзныхъ дорогъ. За 17-тилѣтніе полезные труды по дѣламъ финляндскаго управленія Ф. Высочайшею грамотою причисленъ, въ ноябрѣ 1851 г., къ дворянскимъ родамъ финляндскаго рыцарскаго дома и назначенъ товарищемъ министра статсъ-секретаря Великаго Княжества Финляндскаго; вмѣстѣ съ тѣмъ

ему было поручено управленіе канцеляріею по своду морскихъ постановленій. Уволенный въ 1856 г. отъ занимаемой должности, онъ, въ званіи сенатора, былъ привлеченъ въ томъ же году къ особымъ занятіямъ и порученіямъ по министерству финансовъ и вслѣдъ за тѣмъ назначенъ къ присутствованію сперва въ общемъ собраніи первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи, а съ 1866 г.—въ 4-мъ департаментѣ Сената.

Формулярный списокъ, хранящійся въ арх. Правит. Сената.

В. Л.

Фишеръ, *Яковъ-Веніаминъ*, род. въ Ригѣ въ 1684 г., ум. 23 нояб. 1744 г.; получивъ образованіе въ рижскомъ лицеѣ, онъ въ 1711 г. занялъ мѣсто пастора въ лифляндскомъ приходѣ Буртнекъ, съ 1734 г. состоялъ пробстомъ въ рижскомъ округѣ и асессоромъ лифляндской главной консисторіи, а въ 1736 г. былъ назначенъ лифляндскимъ генералъ-суперинтендентомъ. Ф-ру, кромѣ нѣсколькихъ напечатанныхъ проповѣдей, принадлежитъ почтенный трудъ второго исправленнаго изданія латышской библіи, напечатаннаго въ 1839 г.

«Schriftsteller- und Gelehrten-Lex.», herausgeg. von Recke u. Napiersky, т. I.

Фишеръ, *Ѳедоръ Богдановичъ* (Ferdinand Fischer), д. с. с., членъ медицинскаго совѣта и членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ, директоръ с.-петербургскаго ботаническаго сада, — род. въ Гальберштадтѣ (въ Пруссіи) въ 1780 г., ум. въ С.-Петербургѣ 5 іюня 1854 г. По окончаніи курса естественно-историческихъ наукъ въ Галле, онъ отправился въ Россію, гдѣ въ 1812 г. поступилъ адъюнктомъ ботаники въ московскій университетъ и вскорѣ занялъ должность директора находящагося близъ Москвы Горенскаго ботаническаго сада. Садъ этотъ, принадлежавшій въ то время бывшему министру народнаго просвѣщенія графу А. К. Разумовскому, пріобрѣлъ, благодаря заботамъ о немъ Ф-ра, европейскую извѣстность. Въ Горенки пріѣзжали на лѣтнее вакаціонное время молодые спеціалисты по ботаникѣ для усовершенствованія въ наукѣ подъ руководствомъ дѣлавшаго съ ними экскурсіи Ф-ра. Вызванный въ С.-Петербургъ, Ф. въ 1823 г. основалъ здѣсь обширнѣйшій въ Европѣ ботаническій садъ, директоромъ котораго состоялъ въ продолженіе почти тридцати лѣтъ. Поддерживаемый монаршими щедротами и вниманіемъ къ этому учрежденію, Ф. при своей неутомимой дѣятельности успѣлъ довести ботаническій садъ до такого цвѣтущаго состоянія, какое только позволяли мѣстныя климатическія условія. Одною изъ важнѣйшихъ заслугъ Ф-ра являются весьма многочисленные опыты акклиматизаціи разныхъ чужестранныхъ растеній. Ф-ру принадлежатъ слѣдующіе ученые труды: «Zygophyllaceae» (СПб., 1833) и написанный имъ сообща съ Лангедорфомъ «Plantes recueillies pendant le voyage des Russes autour du monde» (экспедиція адмирала Крузенштерна), изданный въ Тюбингинѣ въ 1810 г.

«Біограф. словарь профессоровъ и преподават. Имп. Моск. университета», ч. II, стр. 530.—«Сѣв. Пчела» 1854 г., № 127.—«Другъ Здравія» 1854 г., № 30.—«Военно-медицинскій Журналъ» 1854 г, ч. LXIV.

Фишеръ фонъ Вальдгеймъ, *Александръ Григорьевичъ*, заслуженный профессоръ ботаники и почетный членъ московскаго университета, докторъ медицины, т. с., род. въ Майнцѣ 24 апр. 1803 г., ум. въ Москвѣ 13 іюля 1884 г. Онъ былъ сынъ извѣстнаго естествоиспытателя Григорія Ивановича Ф-ра, которому обязанъ основательнымъ первоначальнымъ образованіемъ въ наукахъ и языкахъ. Окончивъ курсъ въ московской гимназіи, затѣмъ въ бывшемъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, Ф. въ 1817 г. поступилъ въ московскій университетъ, гдѣ прослушалъ полный курсъ наукъ сперва по физико-математическому, а потомъ по медицинскому факультету. Въ 1819 г., т. е. по окончаніи курса естественныхъ наукъ, 16-лѣтній Ф. написалъ курсъ ботаники, подъ заглавіемъ: «De interna plantarum fabrica», за который былъ награжденъ золотою медалью, а сочиненіе, напечатанное на счетъ университета, принято какъ руководство при лекціяхъ объ анатоміи растеній. Вскорѣ послѣ блестящей защиты диссертаціи: «Tractatus anatomico-physiologicus de auditu hominis» на степень доктора медицины, онъ въ 1825 г., на 23-мъ году жизни, началъ чтеніе лекцій въ бывшемъ московскомъ отдѣленіи медико-хирургической академіи и опредѣленъ въ московскій университетъ, гдѣ

ему поручено было чтеніе курса ботаники, а съ 1828 г. — естественной исторіи на медицинскомъ факультетѣ. Въ 1830 г. Ф. произведенъ въ ординарные профессоры ботаники и фармакологіи въ медико-хирургической академіи, а въ 1832 г.—зоологіи въ московскомъ университетѣ, съ возложеніемъ на него въ 1834 г. завѣдыванія университетскимъ естественно-историческимъ музеемъ. Въ 1839 г. Ф. читалъ въ медико-хирургической академіи рецептуру и полный курсъ общей терапіи. Произведенный въ 1841 г. въ званіе академика той же академіи, онъ оставался на службѣ до слѣдующаго года, когда послѣдовало постепенное упраздненіе академіи. Дальнѣйшая ученая дѣятельность его была посвящена университету, въ которомъ онъ прослужилъ почти сорокъ лѣтъ (до 1865 г.). Но и съ выходомъ въ отставку онъ продолжалъ трудиться на пользу науки. Избранный въ 1853 г., послѣ смерти отца своего, вице-президентомъ, а затѣмъ президентомъ Императорскаго Московскаго общества испытателей природы, онъ посвящалъ въ теченіе болѣе 30 лѣтъ свою дѣятельность этому обществу, возникшему по почину его отца. Несмотря на обширныя и разносторонніе познанія и глубокій критическій умъ, Ф. рѣдко рѣшался выступать въ печати. Кромѣ упомянутыхъ выше трудовъ ему принадлежатъ слѣдующія три сочиненія: 1) «Notice sur l'accroissement du tronc des dicotylédones» (помѣщено въ Bull. de la société des natural. de Moscou, 1829). Въ этомъ трудѣ Ф. на 10 лѣтъ опередилъ Декандаля, высказавъ догадку о необходимости при объясненіи наростанія лѣсины двудольныхъ деревьевъ принимать порознь во вниманіе происхожденіе каждаго изъ обоихъ элементовъ ея ткани; 2) «Notice sur les avantages des micromètres au foyer de l'oculaire dans les microscopes composés etc.» (ibid., 1838); въ этомъ трудѣ указывается на несомнѣнныя преимущества этого способа микроскопическаго измѣренія предъ другими; 3) «Le microscope pancratique» (издано въ Москвѣ, въ 1841 г., переведено на нѣмецкій языкъ Мерцомъ). Послѣднее сочиненіе явилось результатомъ многолѣтнихъ попытокъ Ф-ра усовершенствовать микроскопъ. Ему удалось изобрѣсти панкратическій микроскопъ, устроенный по его мысли въ 1839 г. извѣстнымъ французскимъ оптикомъ В. Шевалье. Преимущества этого микроскопа были настолько значительны, что парижскій Атеней Искусствъ присудилъ изобрѣтателю высшую награду и избралъ его въ свои дѣйствительные члены; а послѣ лестнаго отзыва С.-Петербургской Академіи Наукъ, Московское общество испытателей природы наградило его золотою медалью, нарочно на этотъ случай выбитою. На Ф-ра, во время его профессорской дѣятельности, кромѣ преподаванія, возлагались разныя служебныя обязанности. Три года послѣдовательно онъ былъ избираемъ въ члены бывшаго при московскомъ университетѣ училищнаго совѣта (1833—1835 гг.), состоялъ членомъ отъ университета въ Высочайше утвержденной комиссіи для изслѣдованія злоупотребленій по чайной торговлѣ (1845); два раза былъ избираемъ проректоромъ университета, а съ 1850 г. 4 года состоялъ деканомъ физико-математическаго факультета и, наконецъ, съ 1840 по 1850 г.— инспекторомъ частныхъ учебныхъ заведеній въ Москвѣ. Въ 1875 г. онъ праздновалъ 50-лѣтіе докторскаго юбилея. Ф. состоялъ членомъ многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій; въ 1884 г. Московское общество испытателей природы учредило постоянную ботаническую премію его имени.

«Біограф. Словарь проф. и препод. Имп. Московскаго унив.», ч. II, ст. 528—536.—«Годичный актъ въ Моск. университетѣ», 1885 (некр., написанный Линдеманомъ).—«Русск. Вѣд.» 1884 г., № 196 (некрологъ).—«Моск. Вѣд.» 1884 г., № 197.—«Bull. de la société Imp. des naturalistes de Moscou» 1875 г., т. LIX, вып. 24 (ст. Өед. Вешнякова, съ портретомъ Ф-ра).—August Hirsch: «Biogr. Lexicon bedeutender Aerzte» т. 2, стр. 373—374.

Л. В-ъ.

Фишеръ фонъ Вальдгеймъ, *Григорій Ивановичъ* (Gotthelf Fischer von Waldheim), извѣстный естествоиспытатель, почетный членъ Императорской Академіи Наукъ, с.-петербургской и московской медико-хирургическихъ академій, д. с. с. и заслуженный профессоръ московскаго университета, род. въ Вальдгеймѣ, близъ Лейпцига, 3 (15) окт. 1771 г., ум. въ Москвѣ 6 окт. 1853 г. Поступивъ въ 1783 г. въ одну изъ фрейбергскихъ гимназій, онъ, по окончаніи курса, слушалъ лекціи у знаменитаго геолога Вернера. Въ Фрейбергѣ же онъ сблизился съ Гумбольдтомъ, Бухомъ и др. Слушалъ также лекціи въ Виттенбергѣ, Іенѣ, Галле и Геттингенѣ.

Въ Іенѣ онъ сошелся съ Гёте и Шиллеромъ; съ Гумбольдтомъ отправился въ Вѣну, гдѣ слушалъ лекціи по медицинѣ у извѣстнаго въ свое время врача Франка. Ф. рѣшилъ было посвятить себя этой наукѣ, но, по совѣту Гумбольдта и другихъ друзей, избралъ своею спеціальностью естественныя науки. Отправившись въ Парижъ, онъ сталъ въ дружескія отношенія съ Кювье, лекціи котораго пробудили въ немъ любовь къ естественнымъ наукамъ. Въ 1798 г. Ф. былъ назначенъ профессоромъ естественной исторіи въ майнцскомъ университетѣ, а годъ спустя избранъ библіотекаремъ тамошней центральной библіотеки. Отказавшись отъ предложенныхъ ему должностей — профессора въ іенскомъ университетѣ и директора сравнительно-анатомическаго кабинета, основаннаго Рейлемъ въ Вюрцбургѣ, онъ охотно принялъ приглашеніе занять мѣсто, обѣщавшее широкій просторъ его ученой дѣятельности,—профессора естественныхъ наукъ и директора музея въ московскомъ университетѣ, и прибылъ въ Россію въ началѣ 1804 г. Въ продолженіе своей слишкомъ полувѣковой ученой дѣятельности въ Москвѣ Ф. неутомимо работалъ на пользу русской науки. Онъ началъ съ того, что издалъ учебники зоологіи и минералогіи, которые долгое время были у насъ единственными пособіями при изученіи этихъ наукъ. Руководства, составленныя Ф-ромъ по собственнымъ матеріаламъ и системѣ, кромѣ внутреннихъ достоинствъ, ясности, порядка и полноты изложенія, имѣли еще и ту важную заслугу, что это были впервые появившіеся въ Россіи самостоятельные учебники, приноровленные къ требованіямъ русскихъ учебныхъ заведеній. Какъ геологъ, онъ первый изъ русскихъ ученыхъ предпринялъ обширныя геологическія изслѣдованія; но главнымъ образомъ онъ занимался описаніемъ ископаемыхъ животныхъ, насѣкомыхъ и минераловъ, находимыхъ въ Россіи. Результатомъ его неутомимыхъ изслѣдованій явился длинный рядъ ученыхъ работъ, изъ коихъ «Энтомографія Россіи» и «Орнктографія московской губерніи», изданныя со множествомъ рисунковъ, доставили Ф-ру европейскую извѣстность; сама школа Кювье утвердила за нимъ впослѣдствіи названіе «русскаго Кювье». Среди ученыхъ своего времени Ф. выдѣлялся обширнымъ, пытливымъ умомъ и необыкновенною разносторонностью. Еще въ Вѣнѣ онъ занимался анатоміей дунайскихъ рыбъ, а въ Майнцѣ, состоя въ должности библіотекаря,—изысканіями о началѣ книгопечатанія, причемъ сдѣлалъ весьма важное открытіе касательно Гуттенберга. Ф. занимался также изученіемъ библіографіи и типолитографическаго искусства и оказалъ большую услугу поясненіемъ нѣкоторыхъ вопросовъ о возникновеніи этого важнаго искусства. Свои любопытныя изслѣдованія онъ изложилъ въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: «Essai sur les monuments typographiques de Jean Guttenberg» (Майнцъ, 1804); «Notice du premier monument typographique en caractères mobiles avec date» (Майнцъ, 1804). Кромѣ того, множество подробностей о томъ же предметѣ находится въ изданномъ имъ на нѣмецкомъ языкѣ, въ 6 тетрадяхъ, «Описаніи типографическихъ рѣдкостей и замѣчательнѣйшихъ рукописей, съ прибавленіемъ объ исторіи типографическаго искусства». Сочиненія о подвижныхъ буквахъ, о древнѣйшей библіи и другихъ первоначальныхъ памятникахъ книгопечатанія доставили ему почетное мѣсто въ ряду библіофиловъ, какъ это видно изъ отзывовъ писателей того времени. Въ Россіи же, какъ сказано, онъ преимущественно занимался естественными науками. Въ Москвѣ, подобно Кювье, занялся изученіемъ тогда еще мало извѣстныхъ въ наукѣ ископаемыхъ животныхъ, въ особенности двучерепныхъ слизняковъ или теребратулъ, которыя встрѣчаются въ окрестностяхъ села Хорошова. Для изученія природы московской губерніи въ отношеніи всѣхъ трехъ царствъ ея Ф. неоднократно посѣщалъ разные уѣзды въ сопровожденіи членовъ Московскаго общества испытателей природы, причемъ собиралъ наиболѣе любопытные образцы естественныхъ произведеній; попутно производились химическіе анализы минеральныхъ источниковъ и собирались этнографическія, статистическія и географическія свѣдѣнія. Большое вниманіе обратило на себя его гидрографическое изслѣдованіе объ истокѣ Москвы-рѣки, такъ какъ оно противорѣчило научнымъ воззрѣніямъ того времени. Не менѣе онъ заслужилъ признательность Россіи какъ администраторъ.

По его почину было основано Императорское Московское общество испытателей природы (1805); ему же обязано своею плодотворною дѣятельностью Московское общество сельскаго хозяйства въ продолженіи 15 лѣтъ (1820—1835), когда Ф. состоялъ его директоромъ. Благодаря ему сохранилась во время пожара Москвы 1812 г. часть цѣнныхъ коллекцій зоологическаго музея, которую онъ спасъ, пожертвовавъ собственными научными собраніями; онъ же впослѣдствіи ревностно пополнялъ погибшія въ пламени коллекціи. Въ московской медико-хирургической академіи, которой онъ былъ сначала вице-президентомъ, а потомъ президентомъ, Ф. основалъ музей, библіотеку и опытную клинику. Въ началѣ текущаго столѣтія въ Москвѣ славились богатѣйшія коллекціи образцовъ всѣхъ царствъ природы и библіотека, собранныя ученикомъ знаменитаго Линнея, П. Г. Демидовымъ; Демидовъ поручилъ Ф-ру описаніе ихъ, и вскорѣ появилось въ печати полное описаніе этихъ коллекцій въ 4-хъ томахъ: «Museum Demidoff», т. I — «Catalogue de la bibliothèque», т. II — «Mineraux et petrifications», т. III — «Déscription des animaux» и т. IV — «Table synoptique de zoognosie». Этотъ капитальный трудъ, изданный со многими рисунками, сохранилъ до настоящаго времени свое научное значеніе. 2-го февр. 1847 г. въ Москвѣ праздновалось 50-лѣтіе ученой дѣятельности Ф-ра. Въ этомъ торжествѣ приняли участіе всѣ русскія ученыя общества и большинство западно-европейскихъ. Императоръ Николай прислалъ юбиляру знаки ордена св. Анны 1 степ., а прусскій король наградилъ его орденомъ Краснаго Орла. Постоянная усиленная работа ослабила наконецъ зрѣніе Ф-ра, и онъ, лишившись одного глаза, продолжалъ уже съ трудомъ свои ученыя занятія, выразивъ въ звучныхъ стихахъ свою покорность Небу: «Wem das Aug' den Dienst versagt». Еще наканунѣ дня смерти, 5 окт., неутомимый ученый трудился надъ изданіемъ 5-го тома «Энтомологіи Россіи» и написалъ предсмертное стихотвореніе: «Vertrauen auf Gott», характеризующее ученаго, какъ человѣка. Ф. оставилъ 212 сочиненій, изъ коихъ каждое имѣетъ свое научное значеніе; онъ состоялъ членомъ 70 ученыхъ обществъ и учрежденій въ Россіи и за-границею; въ честь его Германъ назвалъ одинъ новооткрытый минералъ «фишеритомъ». Ф. умеръ на 83-мъ году жизни и похороненъ въ Москвѣ на лютеранскомъ кладбищѣ, на Введенскихъ горахъ.

«Біогр. словарь проф. и препод. Моск. университета», ч. II.—«Матеріалы для истор. научн. и приклад. дѣятельн. въ Россіи по зоологіи и соприк. съ нею отраслей знанія», собр. А. Богдановымъ, томъ 3-й (напеч. въ т. LXX «Изв. Имп. Общ. люб. ест., антроп. и этнографіи»; здѣсь перечислены труды Ф-а, а также и общества и учрежденія, членомъ которыхъ онъ состоялъ).—Рихтеръ: «Ист. мед. въ Россіи», т. III.—«Журн. мин. нар. просв.» 1847 г., т. 3, ст. 34—42 (описаніе празднованія 50-лѣтняго юбилея Ф-ра).—«Изв. Имп. Общ. люб. ест., антроп. и этнографіи», т. XXXIII, 1872 г. (Рѣчь Е. Г. Шуровскаго о заслугахъ Ф-ра по минералогіи, зоологіи и палеонтологіи, произнесенная по случаю праздн. столѣтн. годовщины рожденія Ф-ра (1771 — 1871) въ торж. собраніи Имп. Общ. исп. природы, 3 окт. — «Журн. мин. нар. просв.» 1853 г., т. LXXX, отд. VII, стр. 91—93 (некрологъ Ф-ра, чит. въ засѣд. Имп. Общ. сельск. хоз. С. А. Масловымъ).—«Моск. Врачебн. журналъ» и «Другъ здравія» 1854 г.—August Hirsch: «Biogr. Lexicon bedeutender Aerzte», т. II, ст. 371 (говорится, между прочимъ, что настоящее имя Gotthelf v. Fischer, а фонъ-Вальдгеймъ добавлено по возведеніи его въ дворянское достоинство Россійской имперіи).

Л. В-ъ.

Флавіанъ, до пострпженія Ѳедоръ Петровичъ *Ласкинъ*, архимандритъ Иверскаго валдайскаго монастыря, ректоръ с.-петербургской духовной академіи, род. въ 60-хъ годахъ XVIII столѣтія, ум. 2 февр. 1808 г. Съ 1785 г. обучался въ коломенской духовной семинаріи и въ 1789 г. былъ присланъ въ петербургскую семинарію «для образованія къ учительской должности». Въ 1794 г. назначенъ учителемъ латинскаго языка и низшей математики въ петербургской семинаріи и, состоя въ этой должности, 13 марта 1897 г. постригся въ монашество съ именемъ Флавіана; 15 іюля рукоположенъ въ іеродіакона, 14 сент.—въ іеромонаха. Въ 1798 г. Ф. произведенъ въ архимандриты Зеленецкаго монастыря, въ слѣдующемъ году перемѣщенъ въ Сергіеву пустынь, а вскорѣ затѣмъ — въ новгородскій Антоніевъ монастырь. Въ то же время расширялась и его педагогическая дѣятельность: въ 1796 г. онъ состоялъ уже префектомъ с.-петербургской семинаріи и преподавалъ тамъ философію, а съ января 1800 г. — ректоромъ новгородской семинаріи. Въ 1798 и 1804 гг. Ф. исполнялъ чреду свя-

щенно-служенія въ Петербургѣ. Въ январѣ 1804 г. онъ былъ назначенъ архимандритомъ въ Иверскій валдайскій монастырь, а 5 февр. того же года—ректоромъ с.-петербургской духовной академіи и присутствующимъ въ консисторіи. На долю Ф-на, какъ ректора академіи, выпало составленіе новаго плана преподаванія наукъ и приведеніе его въ исполненіе; онъ улучшилъ содержаніе воспитанниковъ, значительно увеличилъ академическую библіотеку и составилъ проектъ реформы, утвержденный уже послѣ его смерти, въ 1808 г. Въ печати извѣстны только два слова Ф-на: «При избраніи судей въ с.-петербургской губерніи» (СПб., 1805), и «На случай Высочайшаго рескрипта къ с.-петербургскимъ жителямъ», говоренное при молебствіи въ Казанскомъ соборѣ 3 дек. 1805.

И. Чистовичъ: «Истор. с.-петерб. дух. акад.», стр. 85 и 130. — Филаретъ: «Обзоръ русс. дух. литер.», ст. 398.—Дѣла архива Св. Синода 1797 г., № 176 и 205; 1800 г., № 32; 1803 г., № 738; 1804 г., № 22; 1808 г., № 132. *Здр.*

Флавицкій, *Константинъ Дмитріевичъ*, профессоръ живописи, род. въ 1830 г., ум. 3 сентября 1866 г. въ С.-Петербургѣ. Будучи въ Императорской Академіи Художествъ ученикомъ профессора Ѳ. А. Бруни, онъ въ теченіе курса получилъ 2-ю и 1-ю золотую медали за исполненіе программъ по конкурсу: «Судъ Соломона», въ 1854 г. и «Дѣти Іакова продаютъ своего брата Іосифа», въ 1855 г., причемъ послѣдняя дала ему, вмѣстѣ съ званіемъ класснаго художника 1 ст., еще право на заграничное пенсіонерство. Пробывъ 6 лѣтъ въ Италіи, Ф. вернулся въ Россію въ 1862 г. съ написанною въ Римѣ колоссальной картиной, извѣстной по массѣ хромолитографій, «Христіанскіе мученики въ Колизеѣ», и доставившей ему званіе почетнаго вольнаго общника Академіи, которая сохранила картину въ своемъ музеѣ; но въ то же время онъ привезъ съ собою и зачатки чахотки, которая въ концѣ концовъ и погубила его. Не смотря однако на развивавшуюся болѣзнь, Ф. усердно работалъ и въ Петербургѣ надъ новой картиной: «Княжна Тараканова въ Петропавловской крѣпости во время наводненія». Выставленная въ Академіи въ 1864 г., эта картина, находящаяся теперь въ галлереѣ Третьякова въ Москвѣ, дала автору сразу званіе профессора и привлекла общее вниманіе какъ критики, такъ и массы публики. Болѣзнь тѣмъ не менѣе шла своимъ чередомъ и молодой художникъ скончался среди приготовленій къ новому путешествію на югъ Европы.

«Сборникъ матер. для исторіи Имп. Акад. Худ.» П. Н. Петрова, т. III, и «Указатель» къ нему А. Е. Юндолова.—«Иллюстриров. Газ.» 1866, т. II, № 38, ст. 202.—«Картинная галлерея Имп. Акад. Худож.», А. Сомова, I, 229.

Н. С.

Флейшеръ, *Карлъ-Фридрихъ-Вильгельмъ*, актеръ и писатель, товарищъ директора рижскаго театра, род. въ Брауншвейгѣ 12 іюня 1777 г., ум. въ Ригѣ 15 мая 1831 г. Получивъ образованіе въ институтѣ герцога Карла въ родномъ городѣ, онъ посвятилъ себя сценическому искусству и пробылъ годъ на сценѣ лейпцигскаго театра, а въ 1802 г. поступилъ въ театръ въ Кенигсбергѣ. Пользуясь своимъ пребываніемъ въ университетскомъ городѣ, чтобы восполнить пробѣлъ въ своемъ образованіи, Ф. слушалъ лекціи у многихъ профессоровъ и за три года настолько успѣлъ въ своихъ ученыхъ занятіяхъ, что въ 1805 г. самъ выступилъ въ роли лектора, избравъ своею спеціальностью эстетику. На кенигсбергской сценѣ онъ оставался до 1813 г. и за это время былъ избранъ въ 1810 г. режисеромъ, а въ 1812 г.—товарищемъ директора театра. Поступивъ въ 1813 г. на сцену рижскаго театра, онъ годъ спустя былъ назначенъ режисеромъ. Приглашенный въ 1815 г. на сцену петербургскаго театра, Ф. не ограничился сценическою дѣятельностью и въ 1817 г. открылъ чтенія лекцій по эстетикѣ, но вскорѣ, по разстроенному здоровью, принужденъ былъ покинуть свои занятія и уѣхать на родину. Въ 1819 г. онъ снова возвратился въ Ригу, гдѣ открылъ пенсіонъ для мальчиковъ. Ф. писалъ подъ своимъ именемъ и подъ псевдонимами: Theoros, Artamos и Kreopola. Изъ его самостоятельныхъ и переводныхъ сочиненій приводимъ слѣдующія: «Wallenstein. Ein Trauerspiel in 5 Aufzügen, nach Schiller's Original für die Bühnen bearbeitet» (1802), «Entwickelung der Rolle des Ferdinand Walter» (Гамбургъ, 1807) и «Beyträge zu Dr. Rosenheyn's deutscher Uebersetzung des Horaz in Reimen» (Кенигсбергъ, 1818). Вмѣстѣ съ Францомъ

Ксав. Карніеромъ онъ издавалъ въ 1810 г. въ Кенигсбергѣ журналъ «Der Spiegel», въ которомъ помѣщалъ свои переводы классическихъ авторовъ. Въ Ригѣ Ф. преимущественно писалъ театральныя рецензіи (1819—1831), помѣщавшіяся въ «Rig. Blätter» и другихъ отечественныхъ и иностранныхъ періодическихъ изданіяхъ.

«Allg. Schriftst.- u. Gelehrt.-Lex.», herausgeg. von Recke und Napiersky, т. I; и «Nachträge» т. I.

Флери, *Викторъ Ивановичъ*, директоръ училища глухонѣмыхъ въ С.-Петербургѣ, род. въ концѣ прошлаго вѣка, ум. въ С.-Петербургѣ 6 іюня 1856 г. Педагогъ по призванію, онъ съ молодыхъ лѣтъ посвятилъ себя образованію глухонѣмыхъ. Поступивъ въ 1824 г. наставникомъ въ институтъ глухонѣмыхъ, онъ состоялъ тамъ сперва преподавателемъ, затѣмъ инспекторомъ, а въ 1839 г. утвержденъ въ званіи директора. Ф. ввелъ многія и притомъ весьма существенныя усовершенствованія въ мимическомъ языкѣ и издалъ сочиненіе о глухонѣмыхъ, бывшее долгое время единственнымъ въ своемъ родѣ на русскомъ языкѣ. Онъ также составилъ «Правила нравственности для глухонѣмыхъ» и незадолго до своей кончины издалъ весьма обстоятельное руководство подъ названіемъ «Правила для преподаванія искусственнаго изустнаго слова для глухонѣмыхъ», пользующееся до сихъ поръ вниманіемъ спеціалистовъ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ Ф. трудился почти одинъ, безъ помощниковъ, такъ какъ не находилось желающихъ посвятить себя тяжелымъ обязанностямъ преподавателя глухонѣмыхъ. Пользуясь сочувствіемъ бывшаго почетнаго опекуна института графа Віельгорскаго, Ф. выхлопоталъ чрезъ его посредство Высочайшее разрѣшеніе приготовлять въ самомъ институтѣ опытныхъ преподавателей для обученія глухонѣмыхъ. По Высочайшему повелѣнію изъ Гатчинскаго института взяты были въ 1837 г. малолѣтніе воспитанники и помѣщены въ институтѣ для глухонѣмыхъ. Здѣсь они росли и воспитывались вмѣстѣ съ призрѣваемыми; затѣмъ поступали во 2-ю петербургскую гимназію и въ университетъ. По окончаніи курса наукъ они поступали наставниками въ институтъ глухонѣмыхъ, съ которыми занимались подъ руководствомъ Ф. и по его системѣ.

«Сѣв. Пчела», 1856, № 164.

Флеровскій, *Діонисій Николаевичъ*, рѣзчикъ изъ березовой коры разныхъ художественныхъ предметовъ, род. въ Тобольскѣ 26 сентября 1791 г., ум. послѣ 1862 г. Будучи самоучкой, онъ изучилъ свое искусство на практикѣ и, живя въ Томскѣ, посылалъ свои произведенія на выставки: сельскаго хозяйства въ Петербургѣ въ 1860 г. (цѣлую картину, изображавшую «Переселеніе Божіей Матери изъ Виѳлеема въ Назаретъ») и на всемірную въ Лондонѣ 1861 г., причемъ какъ на послѣдней, такъ и отъ Общества сельскаго хозяйства былъ награжденъ медалями, а отъ членовъ Императорской фамиліи — подарками.

«Русс. Худож. Лист.» Тимма, 1862 г., № 33, ст. 142.

Флеровъ, *Иванъ Ефимовичъ*, священникъ с.-петербургскаго Петропавловскаго собора, род. въ 1827 г. въ С.-Петербургѣ, ум. 4 дек. 1879 г.; образованіе получилъ въ с.-петербургской духовной семинаріи и съ 1849 г. въ с.-петербургской духовной академіи, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью магистра богословія, защитивъ диссертацію: «О православныхъ церковныхъ братствахъ, противоборствовавшихъ уніи въ юго-западной Россіи въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ» (Спб. 1857); затѣмъ Ф. священствовалъ въ С.-Петербургѣ, сначала при Смоленской кладбищенской церкви, потомъ въ Петропавловскомъ соборѣ; кромѣ того состоялъ преподавателемъ закона Божія въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ф. принималъ дѣятельное участіе въ изданіи прекратившагося нынѣ журнала «Духъ Христіанина» и одно время былъ его редакторомъ.

«Церковн. Вѣстникъ», 1879, № 50. *Здр.*

Флиге, *Карлъ Яковлевичъ*, ген.-маіоръ, военный губернаторъ Каменецъ-Подольска и гражданскій — подольской губерніи, происходилъ изъ дворянъ с.-петербургской губерніи и род. въ 1785 г., уволенъ въ отставку въ 1841 г. Ф. воспитывался во 2-омъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго выпущенъ въ 1801 г. въ корпусъ инженеровъ; прослуживъ до 1804 г. въ дюнаминдской инженерной командѣ, онъ былъ переведенъ во 2-ой артиллерійскій полкъ и участвовалъ въ войнѣ съ французами 1805—1807 гг.; за сраженіе при Фридландѣ (2 іюня 1807 г.)

былъ награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость» за то, что «цѣльными выстрѣлами изъ орудій, состоявшихъ подъ его командой, отъ пораженія непріятельскаго спасенъ былъ Пернавскій мушкетерскій полкъ». Въ войну 1812 года онъ былъ въ сраженіи при Городечнѣ (15 іюля) тяжко раненъ ядромъ и до сентября 1813 г. находился въ Кіевѣ для излѣченія ранъ. Въ 1816 г. Ф. былъ переведенъ въ 26 артиллерійскую бригаду и назначенъ командиромъ легкой № 52 роты, поступившей въ 1819 г. въ составъ Грузинской гренадерской бригады. Съ переходомъ на Кавказъ Ф. принималъ участіе въ дѣлахъ противъ горцевъ съ 1819—1828 г.; въ 1826 г. назначенъ командиромъ Навагинскаго пѣхотнаго полка, въ 1828 г. произведенъ въ полковники, а въ слѣдующемъ году, во время персидской войны, за особенные труды при построеніи батарей противъ Ардебильской крѣпости, пожалованъ алмазными знаками на орденъ св. Анны 2 ст. Выйдя для излѣченія ранъ въ отставку (1831), Ф. въ 1833 г. снова поступилъ на службу въ корпусъ жандармовъ и состоялъ жандармскимъ оберъ-офицеромъ въ курской, минской и черниговской губерніяхъ до 1839 г., когда онъ, съ производствомъ въ ген.-маіоры, былъ назначенъ курскимъ военнымъ и гражданскимъ губернаторомъ; въ 1840 г. переведенъ на ту же должность въ Каменецъ-Подольскъ; въ 1841 г. уволенъ отъ службы съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ.

Форм. спис. за № 5506 въ Москогск. отдѣл. общаго арх. Главнаго штаба.

Флитнеръ, *Давидъ*, вице-предсѣдатель с.-петербургской евапг.-лютеранской консисторіи, род. въ Саратовѣ 23 ноября 1796 г., ум. въ С.-Петербургѣ 15 іюля 1869 г.; окончивъ въ 1817 г. курсъ богословскаго факультета въ дерптскомъ университетѣ, Ф. въ томъ же году былъ назначенъ сперва адъюнктомъ, а въ 1818 г. пасторомъ въ колоніи Медвѣдицко-Крестовый Буеракъ, саратовской губерніи, въ 1820 г. переведенъ въ колонію Рязановка, самарской губерніи и оставался тамъ до 1830 г., состоя вмѣстѣ съ тѣмъ пробстомъ низовой приволжской стороны и членомъ саратовской (нынѣ московской) консисторіи. Въ 1830 г. Ф. былъ переведенъ въ С.-Петербургъ и опредѣленъ преподавателемъ закона Божія въ 1-омъ кадетскомъ корпусѣ и пасторомъ лютеранской церкви при корпусѣ; въ 1841 г. назначенъ генералъ-суперинтендентомъ и вице-предсѣдателемъ с.-петербургской евапг.-лютеранской консисторіи и занималъ эти должности до конца жизни. Въ 1836 г. Ф. былъ удостоенъ университетомъ въ Гисенѣ степени доктора философіи. Ему принадлежитъ сочиненіе «Denkmal der Säcularfeier des 1 Cadettencorps, ein Beitrag zur Geschichte der religiösen und kirchlichen Cultur im Russischen Reich», St.-Petersb., 1832.

«Album akadem. der kaiserl. Universität Dorpat», 1869, № 995.

Флоринскій, *Димитрій Продіоновичъ*, протоіерей ключарь Петропавловскаго собора въ С.-Петербургѣ, род. въ с.-петербургской губерніи въ 1827 г., ум. 4 іюня 1888 г.; обучался въ с.-петербургской семинаріи и съ 1847 г. — въ с.-петербургской духовной академіи, гдѣ и кончилъ курсъ магистромъ. Въ 1851 г. Ф. былъ опредѣленъ учителемъ греческаго языка, географіи, ариѳметики и пѣнія въ высшее отдѣленіе Александроневскаго духовнаго училища, но уже въ 1853 г. оставилъ эту должность и поступилъ священникомъ въ Петропавловскій соборъ. Въ теченіе 35 лѣтъ своей службы Ф., кромѣ прямыхъ священническихъ, несъ еще и другія немалотрудныя обязанности: онъ состоялъ законоучителемъ съ 1855 г. въ 3-й гимназіи, съ 1859 г. въ Петербургской (нынѣ Петровской) женской гимназіи, съ 1866 г. въ Патріотической школѣ Литейной части; въ 1860 г. былъ избранъ членомъ и секретаремъ историко-статистическаго комитета для описанія церквей и монастырей с.-петербургской епархіи. Много разъ онъ исполнялъ должность настоятеля собора и 4 раза былъ избираемъ въ предсѣдатели съѣздовъ епархіальнаго духовенства. Изъ литературныхъ трудовъ Ф-го извѣстны: «Историко-статистическое описаніе с.-петербургскаго Петропавловскаго собора», Спб., 1857, «Соборъ во имя свв. первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла въ С.-Петербургѣ, Спб., 1882 и «Сказаніе о святынѣ с.-петербургскаго Петропавловскаго собора», Спб., 1881. Эти сочиненія отличаются особенною отчетливостью, полнотою и чисто ученымъ, историко-статистическимъ характеромъ.

Церковный Вѣстникъ 1888 г., № 24. *Здр.*

Флоринскій, *Ѳеодоръ Васильевичъ*, протоіерей, род. въ 1813 г., ум. 22 авг. 1868 г. Сынъ священника Владимірской епархіи, Ф. получилъ домашнее и школьное образованіе въ предѣлахъ той же епархіи и въ 1834 г., по окончаніи курса во владимірской духовной семинаріи, поступилъ въ Московскую духовную академію, изъ которой выпущенъ въ 1838 г. въ числѣ первыхъ магистровъ. Въ томъ же году онъ былъ опредѣленъ на службу при самой академіи и въ званіи баккалавра занялъ каѳедру еврейскаго языка. Отказавшись отъ каѳедры словесности, которая была ему предложена въ готовившейся къ открытію Казанской духовной академіи, Ф. въ 1842 г. былъ, по прошенію, уволенъ отъ должности профессора и въ 1843 г. опредѣленъ священникомъ въ Москву, къ Введенской, или иначе, къ Казанской, въ бывшемъ Новинскомъ монастырѣ, церкви, настоятелемъ которой и прослужилъ до самой смерти, пользуясь общимъ уваженіемъ за свое честное, благоговѣйное служеніе, за умъ и другія высокія достоинства. Въ свою очередь и епархіальное начальство облекало его особымъ довѣріемъ; такъ еще въ 1846 г. ему поручена была ревизія московскаго Донского училища; въ 1848 г. онъ былъ назначенъ духовникомъ священноцерковнослужителей благочинія, къ которому принадлежалъ его приходъ; въ 1849 г. опредѣленъ въ составъ комитета для разсмотрѣнія и исправленія рукописи «Историческое и хронологическое обозрѣніе іерархіи Всероссійской»; въ 1862 г., по распоряженію митрополита Филарета, вошелъ въ составъ комитета для разсмотрѣнія проекта о церковно-свѣчномъ сборѣ; въ 1863 г. сдѣланъ благочиннымъ Пречистенскаго сорока и въ 1864 г. возведенъ въ санъ протоіерея. Какъ приходскій священникъ, Ф. ежегодно говорилъ проповѣди и вообще былъ однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ московскихъ пастырей. Но частью по болѣзни (онъ умеръ отъ чахотки), частью по причинѣ строгости цензурныхъ правилъ того времени, онъ не выступалъ въ печать съ своими литературными произведеніями, и изъ его трудовъ извѣстна лишь одна магистерская диссертація «Объ участіи злыхъ духовъ въ грѣхопаденіяхъ человѣческихъ», Москва, 1838.

Дѣла архива Московской духовной консисторіи за 1868 г. — Клировыя вѣдомости по Казанской (иначе Введенской), въ бывшемъ Новинскомъ монастырѣ, церкви. — С. К. Смирновъ: «Исторія Московской духовной академіи», Москва 1879, ст. 239 и 403.—«Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митропол. московск.», Москва, 1887, т. V, ст. 382, томъ дополн., ст. 118 и 645.

И. Корсунскій.

Флоринъ, *Францъ-Эдуардъ*, профессоръ-адъюнктъ Александровскаго университета по юридическому факультету, род. въ Тавастгусѣ 9 окт. 1816 г., ум. въ Гельсингфорсѣ 14 янв. 1854 г. Поступивъ въ 1831 г. въ Александровскій университетъ, Ф. въ 1838 г. сдалъ экзаменъ на степень кандидата, а въ 1840 г. на степень доктора философіи и въ 1841 г. поступилъ на службу въ Главную межевую контору. Въ 1845 г. былъ удостоенъ степени кандидата правъ, въ 1846 г. назначенъ сверхштатнымъ чиновникомъ въ абовскомъ гофъ-герихтѣ, а въ 1848 г., по полученіи степени магистра правъ, избранъ Александровскимъ университетомъ на каѳедру народнаго и государственнаго права, политической экономіи и финляндскаго экономическаго законовѣдѣнія, которую занималъ до своей смерти. Ф-ну принадлежатъ слѣдующія диссертаціи: «Försök till framställning af läran om quarnar, med fästadt afseende å 1734 års lag», 1848.—«De jure aedificandi antiquo coetuum rusticorum in Suecia», 1848.—«Om jordlägenheters bildning i Finland», 1853.

Renvall: «Finlands Universitet 1828—1890», Helsingfors, 1891.

Флоріо, баронъ, *Петръ Филипповичъ*, д. с. с., докторъ медицины и хирургіи, главный докторъ С.-Петербургскаго перваго военно-сухопутнаго госпиталя, род. въ 1786 г. въ Сардинскомъ королевствѣ, въ окрестностяхъ города Rioglio, ум. 11 апрѣля 1847 г. въ Петербургѣ. Высшее образованіе Ф. получилъ въ Туринскомъ университетѣ, гдѣ сперва былъ на богословскомъ отдѣленіи, а потомъ, по склонности къ медицинѣ, перешелъ въ отдѣленіе медицинскихъ наукъ. Двадцати лѣтъ отъ роду, тотчасъ по окончаніи университетскаго курса, Ф. получилъ степень доктора хирургіи и поступилъ на службу во французскій военный госпиталь въ Піемонтской крѣпости Александріи. Вскорѣ однако онъ оставилъ эту службу, не поладивъ со своими сослуживцами, и уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ получилъ приглашеніе отъ рус-

ского посольства поступить на русскую службу. Въ 1810 г. Ф. былъ назначенъ въ 20-ый егерскій полкъ младшимъ лѣкаремъ, а въ 1812 г. уже былъ штабъ-лѣкаремъ. Во время отечественной войны Ф. принималъ дѣятельное участіе въ подачѣ медицинской помощи раненымъ во многихъ сраженіяхъ: подъ Витебскомъ, Смоленскомъ, Бородинымъ, Тарутинымъ, Малымъ-Ярославцемъ и др. Его ревностная медицинская помощь больнымъ и раненымъ въ 1813 и 1814 гг., особенно въ сраженіяхъ при Баръ-сюръ-Объ, Арсисюръ-Объ, при Фершампенуазѣ и подъ Парижемъ удостоилась Всемилостивѣйшаго вниманія, и Ф. былъ награжденъ брилліантовымъ перстнемъ. По возвращеніи въ Россію Ф. получилъ назначеніе старшимъ лѣкаремъ въ Варшавскій гвардейскій госпиталь, въ которомъ и прослужилъ до 1831 г. Въ 1830 г., во время возникшаго въ Варшавѣ мятежа, Ф. подавалъ помощь русскимъ, находившимся въ плѣну у поляковъ, въ слѣдующемъ же году, по взятіи русскими Варшавы, былъ переведенъ старшимъ докторомъ въ Уяздовскій военный госпиталь. Извѣстный уже своей обширной практической опытностью и теоретическими познаніями, Ф. въ 1832 г. былъ избранъ старшимъ докторомъ Петербургскаго перваго военно-сухопутнаго госпиталя, устроеннаго на 2500 больныхъ. При устройствѣ новаго каменнаго зданія для этого госпиталя, по совѣту Ф. были примѣнены многія важныя усовершенствованія, сообразно съ требованіями медицинской науки того времени. За «отлично усердную и ревностную службу» въ этой должности Ф. былъ награжденъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Съ 1835 г. Первый военно-сухопутный госпиталь сталъ главнымъ центромъ, куда стекались воинскіе чины, заболѣвавшіе гнойточивымъ воспаленіемъ глазъ, эпидемически свирѣпствовавшимъ тогда въ гвардейскомъ корпусѣ и другихъ войскахъ, расположенныхъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ. Эпидемія была такъ сильна, что потребовалось открыть особое отдѣленіе госпиталя для нижнихъ чиновъ, заболѣвавшихъ этой болѣзнью въ войскахъ, расположенныхъ за городомъ. Такое отдѣленіе госпиталя и было сооружено подъ непосредственнымъ надзоромъ Флоріо. Эпидемія продолжалась до 1839 г. Плодомъ шестилѣтнихъ наблюденій и изысканій, произведенныхъ Ф. надъ многими тысячами больныхъ глазными болѣзнями во время эпидеміи, явилась его ученая работа подъ заглавіемъ: «Монографія глазной болѣзни, господствовавшей въ 1835—1838 гг. въ гвардейскомъ корпусѣ и другихъ командахъ, въ С.-Петербургѣ расположенныхъ, содержащая историческое и практическое о ней изложеніе». Въ награду за этотъ трудъ Ф. получилъ 2500 десятинъ земли въ вѣчное и потомственное владѣніе, а его сочиненіе было напечатано на счетъ Военнаго министерства. Конференція Петербургской медико-хирургической академіи, разсмотрѣвъ работу Ф., признала ее «по основательности своей лучшимъ оригинальнымъ сочиненіемъ по этой части». Монографія Ф. была переведена на французскій языкъ и доставила автору широкую извѣстность въ западной Европѣ. Ф. былъ членомъ многихъ иностранныхъ и русскихъ академій и ученыхъ обществъ, между прочимъ Императорскихъ медико-хирургическихъ академій въ С.-Петербургѣ и Вильнѣ, Палермской и Неаполитанской хирургическихъ академій, Общества русскихъ врачей, Парижскаго медицинскаго общества соревнователей и др. Король Прусскій за монографію, поднесенную ему во французскомъ переводѣ, наградилъ Ф. орденомъ Краснаго Орла 2 степ. Прослуживъ до 1841 г. въ образцово устроенномъ госпиталѣ, Ф. послѣ тяжкой болѣзни былъ уволенъ въ отпускъ за границу, гдѣ онъ имѣлъ случай, какъ подданный, представиться Сардинскому королю, который и пожаловалъ его титуломъ барона. Ф. отличался оригинальностью своихъ сужденій, силою ума, обширностью и многосторонностью своихъ познаній и былъ извѣстенъ какъ превосходный діагностъ. Кромѣ упомянутой монографіи перу Ф. принадлежатъ многія статьи, напечатанныя въ разныхъ повременныхъ медицинскихъ изданіяхъ того времени, по преимуществу въ «Военно-медицинскомъ журналѣ» и «Запискахъ по части врачебныхъ наукъ», такъ, напр., «О пользованіи венерическихъ больныхъ», «Описаніе тифа», «Краткое описаніе тифозной горячки» и др.

«Военно-медицинскій журналъ» 1847 г., ч. L, № 2 (некрологъ).—ibid. 1848 г., ч. LI, № 1, приложеніе III (біографич. очеркъ барона Ф., составл. И. Бобриковымъ). — «Московскій врачебный жур-

налъ» 1848 г., т. II (некрологъ). — «С.-Петерб. Вѣдом.» 1847 р., № 82.—«Москов. Вѣдом.» 1847 г., № 46.—Отношеніе конференціи Петерб. мед.-хир. акад. за № 979, отъ 15 окт. 1838 г.

А. Ч.

Флоровъ, *Александръ Александровичъ*, граверъ на мѣди, род. около 1784 г., ум. послѣ 1830 г. въ Москвѣ. Ученикъ Клаубера по Императорской Академіи Художествъ, онъ, по полученіи 2-й серебряной медали за рисунокъ съ натуры (1805) и 2-ой золотой — за гравюру «Несеніе креста», съ А. Кераччи (1806), былъ выпущенъ съ званіемъ художника 1 ст. и сразу занялъ должность рисовальщика и гравера при музеѣ московскаго университета, гдѣ и прослужилъ до мая 1822 г., занимаясь въ то же время исполненіемъ частныхъ заказовъ, особенно для Бекетова, главнымъ же образомъ по части воспроизведенія рукописей fac-simile и печатанія рисунковъ колерами, причемъ въ гравюрахъ ему много помогалъ его пріятель Скотниковъ, часто посѣщавшій его домъ. Цѣня свои работы еще въ 1812 г. наравнѣ со Скотниковскими, Ф. просилъ Академію въ 1829 г. дать ему званіе академика, но ему было отвѣчено, что напередъ онъ долженъ быть избранъ въ «назначенные», а потомъ уже просить о задачѣ программы на высшее званіе. За все время своей дѣятельности Ф. награвировалъ для разныхъ, преимущественно московскихъ, изданій до 65 портретовъ русскихъ и иностранныхъ личностей, до 25 снимковъ съ разныхъ картинъ, до 20 воспроизведеній разныхъ научныхъ предметовъ, до 15 fac-simile съ рукописей и старопечатныхъ книгъ, до 15 видовъ различныхъ мѣстностей и зданій, до 50 разнаго рода виньетокъ и заглавныхъ листовъ къ книгамъ.

«Сборникъ матер. для исторіи Имп. Акад. Худ.», ... П. Н. Петрова, т. I, и «Указатель» къ нему А. Е. Юндолова.—Д. А. Ровинскій: «Словарь русс. граверовъ», «Словарь русс. гравировани. портретовъ» и «Русс. народ. картинки» и алфавиты къ нимъ.

Н. С.

Флоровъ, *Кириллъ*, священникъ Остречинскаго прихода Петрозаводскаго уѣзда, ум. 28 марта 1810 г. Біографическихъ свѣдѣній о немъ не имѣется. Онъ извѣстенъ своею усердною и полезною церковно-общественною дѣятельностью. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія онъ пожертвовалъ собственный домъ для приходскаго училища, самъ принялъ на себя должность учителя и въ короткое время оказалъ отличные успѣхи въ обученіи дѣтей, пожалованные же ему отъ Государя Императора 500 руб. употребилъ на обновленіе приходскаго храма. О такой примѣрной ревности пастыря церкви было доведено до свѣдѣнія Государя, который и пожаловалъ о. Ф-ву наперсный крестъ, а о заслугахъ его было прописано въ Высочайшемъ указѣ 22 января 1806 г.

Дѣла арх. Св. Син. 1806 г., № 36; 1810 г., № 401. *Здр.*

Флоръ, *Густавъ-Адамъ*, ордин. профессоръ дерптскаго университета, род. въ Лифляндіи 13 авг. 1829 г., ум. въ Дерптѣ 1 мая 1883 г. Среднее образованіе получилъ (1840—1846) въ извѣстной въ свое время частной гимназіи въ Биркенру (Лифляндія) и въ 1847 г. вступилъ въ дерптскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ физико-математическаго факультета съ званіемъ кандидата зоологіи (1852). Затѣмъ перешелъ на медицинскій факультетъ и, удостоенный въ 1856 г. степени доктора медицины, продолжалъ занятія въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Парижѣ. Вернувшись въ 1859 г. въ Дерптъ, Ф. въ 1860 г. былъ избранъ въ доценты зоологіи, въ 1861 г.— въ экстраординарные, въ 1862 г.—въ ординарные профессоры и занималъ свою кафедру до конца жизни. Занимаясь спеціально энтомологіей, Ф. напечаталъ, кромѣ двухъ мелкихъ статей въ журналѣ «Wiener entomolog. Monatschrift» (1861), слѣдующіе труды: «Rhynchotorum livonicorum descriptio», Dorpat, 1856; «Die Rhynchoten in systematischer Folge beschrieben», Dorpat, 1861 (первоначально появилось въ журналѣ «Archiv für die Naturkunde Liv-, Est- und Curlands»); «Ueber Hemipteren im Kaukasus und an der Grenze Persiens»; «Ueber europäische Psylloden» (2 послѣднія статьи были напечатаны въ «Запискахъ Московск. Общ. любит. естествозн.» 1861 г.).

Формуляръ, хранящійся въ архивѣ юрьевск. (дерптск.) унив.;—Rückblick auf die Thätigkeit der Univers. Dorpat, 1802—1865», Dorpat 1866.

В. Ш.

Фогель, *Альфредъ*, профессоръ дерптскаго университета, сынъ Мюнхенскаго профессора химіи Августа Фогеля, род. въ Мюнхенѣ 19 (31) марта 1829 г., ум. тамъ же 27 сент. (8 окт.) 1890 г. Ф. изучалъ медицину въ Мюнхенѣ, затѣмъ въ

Берлинѣ подъ руководствомъ Шенлейна (Schönlein) и въ Вюрцбургѣ подъ руководствомъ Вирхова; получилъ въ 1852 г. въ Мюнхенѣ степень доктора и, поселившись въ этомъ городѣ, состоялъ врачемъ при дѣтской больницѣ доктора Гаунера (Dr Hauner), а съ 1852 — 1855 г. старшимъ ассистентомъ въ клиникѣ доктора Пфейфера (Dr. Pfeuffer); въ 1855 г. Ф. сталъ читать лекціи въ Мюнхенскомъ университетѣ и въ 1865 г. былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ, но уже въ слѣдующемъ году получилъ приглашеніе занять въ дерптскомъ университетѣ должность ординарнаго профессора спеціальной патологіи и терапіи и руководителя университетской клиники и въ началѣ 1866 г. прибылъ въ Дерптъ. Съумѣвъ съ самаго начала поставить себя на отличную ногу какъ съ товарищами, такъ и со студентами, онъ въ продолженіе двадцати лѣтъ, проведенныхъ въ Дерптѣ, велъ свое дѣло съ большимъ успѣхомъ и пользою для медицинскаго факультета и пріобрѣлъ вполнѣ заслуженную славу дѣльнаго профессора, отличнаго діагноста и опытнаго практическаго врача. Въ 1886 г. Ф., по болѣзни, вышелъ въ отставку и, вернувшись въ Мюнхенъ, почти до самой смерти читалъ лекціи въ тамошнемъ университетѣ и руководилъ университетской поликлиникой по дѣтскимъ болѣзнямъ. Не смотря на обширную дѣятельность въ качествѣ профессора и извѣстнаго практическаго врача, Ф. находилъ еще время для литературныхъ занятій по медицинѣ, и его перу принадлежитъ довольно большое число какъ самостоятельныхъ сочиненій, такъ и журнальныхъ статей, изъ которыхъ приводимъ главнѣйшія: «Ueber Rachitis», München 1853;—рядъ изслѣдованій о мочи въ журналѣ «Zeitschrift für rationelle Medicin» von Henle und Pfeuffer, 1853, т. IV;—«Klinische Untersuchungen über den Typhus auf der II medicinischen Abtheilung des allgemeinen Krankenhauses zu München», Erlangen 1855;—«Lehrbuch der Kinderkrankheiten», München 1860 (этотъ капитальный трудъ, имѣвшій съ 1860—1890 г. десять изданій, переведенъ почти на всѣ европейскіе языки); — нѣсколько статей, написанныхъ Фогелемъ за время пребыванія въ Дерптѣ, отпечатаны въ «Ziemssen's Deutsches Archiv für klinische Medicin» (тт. 7, 17 и 20); статья «Die Krankheiten der Lippe und der Mundhöhle» помѣщена въ «Ziemssens Lehrbuch der speciellen Pathologie und Therapie» (1874). Кромѣ того, Ф. вмѣстѣ съ докторомъ Фридрихомъ издавалъ съ 1857 г. въ продолженіе 8 лѣтъ медицинскій журналъ подъ заглавіемъ: «Medicinisch-chirurgische Monatshefte».

Дѣла Архива юрьевскаго (дерптскаго) унив. — «Allgem. Deutsche Biographie», т. 40. — «Biographisches Lexicon der hervorragenden Aerzte», herausgeg. von Gurlt.—«Münchener medicin. Wochenschrift» von Kerschensteiner.

В. Ш.

Фогель, *Густавъ Львовичъ* (Людвиговичъ), сынъ слѣдующаго, профессоръ по каѳедрѣ уголовныхъ и полицейскихъ законовъ въ казанскомъ университетѣ. Получивъ въ 1827 г. въ Кенигсбергѣ степень доктора философіи и магистра свободныхъ наукъ, онъ въ слѣдующемъ году былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ въ казанскомъ университетѣ, а съ 1837 г., со введеніемъ устава 1835 года, исправлялъ должность экстраординарнаго профессора. Въ 1839 г. удостоенъ степени доктора правъ, въ 1850 г. утвержденъ исправляющимъ должность ординарнаго профессора и занималъ ее до 1858 г., когда, за выслугой 30 лѣтъ, былъ уволенъ въ отставку. Ф. помѣстилъ въ «Ученыхъ запискахъ казанскаго унив.» слѣдующія двѣ статьи: «Ueber sittliche und bürgerliche Besserung der Verbrecher, als das sicherste Mittel den Zweck der Strafgesetzgebung zu erreichen» (1834, II, ст. 283—727), и «Опытъ возстановленія текста и объясненія Правды Русской» (1848, II, ст. 126—177).

Дѣла архива казанск. унив.

Фогель, *Людвигъ Лаврентьевичъ* (Joh. Ludwig Andreas Vogel), ординарный профессоръ казанскаго университета по каѳедрѣ «врачебнаго веществословія» (materia medica—фармація и факмакогнозія), род. въ городѣ Арнштадтѣ княжества Шварцбургъ-Зондерсгайзенъ 6 янв. 1771 г., ум. въ Готѣ 3 сент. 1840 г. Съ 1791 г. изучалъ медицину въ Іенскомъ университетѣ и тамъ же получилъ (1794) степень доктора медицины и хирургіи, представивъ диссертацію «De fatuitate». Затѣмъ проживалъ въ разныхъ городахъ Германіи, занимаясь медицинскою практикой, а въ 1818 г. переселился въ Россію и

занялъ мѣсто окружнаго врача въ эстляндской губерніи; въ 1821 г. признанъ С.-Петербургской Медико-хирургической академіей докторомъ медицины и въ августѣ слѣдующаго года назначенъ ординарнымъ профессоромъ въ казанскій университетъ по указанной выше каѳедрѣ, но въ концѣ того же года преподавалъ также хирургію. Въ 1831 г. состоялъ членомъ комиссіи для изслѣдованія холеры въ саратовской губерніи и за содѣйствіе къ ея прекращенію удостоился Высочайшаго благоволенія. Въ 1837 г., по случаю преобразованія казанскаго университета по новому уставу (1835), уволенъ въ отставку и выѣхавъ за границу, поселился въ Готѣ, гдѣ и умеръ, 67 лѣтъ отъ роду. Ф. былъ очень плодовитый медицинскій писатель и до своего пріѣзда въ Россію издалъ, между прочимъ, слѣдующія сочиненія: «Diätetisches Lexicon oder theoretisch-praktischer Unterricht über Nahrungsmittel» etc., Erfurt 1800—1803, 3 тома; «Vollständiges Lehrbuch der medicinischen und chirurgischen Geburtshülfe», Erfurt 1802; «Die Heilkunst der Wunden, Fracturen, Gliederstümpfe und Verbrennungen», Gotha 1817; «Heilkunst der Krätze, der Flechten und des Aussatzes», Gotha 1818, и др. Съ 1802 г. онъ издавалъ медицинскій журналъ «Gesundheitszeitung», а съ 1814—другой, подъ названіемъ «Hygaea».

Формулярн. спис. въ архивѣ казанскаго унив. — «Lexicon der hervorragenden Aerzte», herausgeg. v. August Hirsch, Wien, 1888.— «Allgem. Deutsche Biographie», Bd. 40, 1896.

М. Капустинъ.

Фодоръ-Менвьель, *Жозефина*, знаменитая пѣвица, род. въ Парижѣ въ 1793 г. Отецъ ея Жозефъ Фодоръ, талантливый скрипачъ, былъ сынъ венгерскаго офицера и получилъ основательное музыкальное образованіе преимущественно у Франца Бенды въ Берлинѣ. Въ 1787 г. съ успѣхомъ концертировалъ въ Парижѣ; въ 1794 г. онъ съ женой и малолѣтнею дочкою Жозефиной, которой тогда было не болѣе 15 мѣсяцевъ, переселился въ Петербургъ (ум. 1828). Жозефина Ф. унаслѣдовала отъ отца музыкальный талантъ и уже 11-ти лѣтъ имѣла успѣхъ своею игрой на фортепіано и на арфѣ въ концертахъ отца; затѣмъ, пробывъ три года въ с.-петербургскомъ театральномъ училищѣ, она выступила какъ пѣвица и съ 1808 г. была ангажирована въ русскую оперу въ Петербургѣ, получая большое для того времени жалованье по 2.500 р. въ годъ и бенефисъ. Ф. обладала въ одинаковой степени качествами хорошей пѣвицы и хорошей актрисы; она исполняла партіи Розы въ операхъ «Деревенскія пѣвицы», Зломѣки въ операхъ «Илья Богатырь», Армантины въ операхъ «Одна шалость»; кромѣ того отвѣтственныя партіи въ операхъ «Земира и Азоръ», «Минутное заблужденіе» и др. Въ 1810 г. Ф. вышла замужъ за актера французскаго театра въ Петербургѣ Менвьеля. По окончаніи перваго трехлѣтняго ангажемента Ф. пѣла въ Петербургѣ еще 2 года, а 12 дек. 1812 г. оставила Россію, получивъ приглашеніе въ Швецію, затѣмъ въ Данію; оттуда отправилась въ Парижъ и 9 авг. 1814 г. дебютировала въ комической операхъ въ театрѣ Фейдо. Здѣсь она исполняла главныя партіи въ операхъ «La fausse magie», «Le concert interrompu», «Jean de Paris», «La belle Arsène» и др., но успѣхъ ея былъ весьма ограниченный, и трудно было предвидѣть блестящую репутацію, которую она впослѣдствіи пріобрѣла въ итальянской операхъ. Французское пѣніе мало шло къ ея дикціи: говоря хорошо по русски, она плохо владѣла роднымъ языкомъ и съ трудомъ справлялась съ французскимъ произношеніемъ; это, вѣроятно, подало нѣкоторымъ поводъ считать Ф. родившеюся въ Россіи или даже чистокровною русскою, при чемъ ее не рѣдко называли по-русски Жозефиной Осиповной Федоровой. Почувствовавъ, что на сценѣ французской оперы она находилась не въ своей сферѣ, и твердо увѣренная въ своей будущности, Ф. рѣшилась испытать свои силы въ итальянской операхъ и выступивъ въ театрѣ Одеонъ вмѣсто незадолго предъ тѣмъ умершей знаменитой пѣвицы Баррили, дебютировала 16 ноября 1814 г. въ «Гризельдѣ» Паэра и не только съ успѣхомъ замѣнила Баррили, но даже превзошла ее; затѣмъ она имѣла большой успѣхъ въ «Свадьбѣ Фигаро» и въ «Пенелопѣ». Надо замѣтить, что голосъ Ф., обширный по объему и массивный по звуку, представлялъ въ началѣ сценической карьеры довольно большія затрудненія для обработки, но пѣвица приложила много серьезнаго труда, чтобы освободиться отъ нихъ, а ея голосъ, подъ вліяніемъ постоянныхъ и серьезныхъ занятій,

пріобрѣлъ много рѣдкихъ качествъ въ отношеніи объема, ровности, звучности, силы и нѣжности. Съ 1816 до 1818 г. Ф. пѣла въ Лондонѣ, а оттуда уѣхала въ Италію. Приглашенная въ Венецію, она выступила въ оперѣ «Елизавета» Карафы съ такимъ успѣхомъ, что въ честь ея была выбита большая золотая медаль, честь, которая до нея была оказана только знаменитому Маркези. Въ 1819 г. Ф. снова была приглашена на сцену парижской оперы, причемъ второе появленіе пѣвицы въ Парижѣ произвело самое глубокое впечатлѣніе; въ это время талантъ ея достигъ высшаго своего проявленія. «Севильскій Цирульникъ» Россини не имѣлъ въ Парижѣ никакого успѣха при первомъ представленіи въ итальянской оперѣ; но во второмъ представленіи совершилась полная перемѣна только потому, что Ф. взяла на себя исполненіе партіи Розины. Въ 1822 г. Ф., по совѣту докторовъ, предприняла путешествіе въ Италію для поправленія своего здоровья и въ августѣ создала въ театрѣ Санъ Карло въ Неаполѣ роль Дездемоны въ оперѣ «Отелло». Восторгъ неаполитанцевъ не уступалъ восторженнымъ пріемамъ въ Венеціи и Парижѣ. Успѣхи не покидали Ф. и въ Вѣнѣ, гдѣ она пѣла въ 1823 г. въ продолженіе всего сезона. Пробывъ затѣмъ до 1825 г. снова въ Неаполѣ, Ф. вернулась въ Парижъ и 9 дек. выступила въ «Семирамидѣ» Россини, но тутъ ее постигло неожиданное несчастіе: при появленіи на сцену у ней обнаружилось полное изнеможеніе голоса, и она не могла пропѣть ни одного тона. Съ этого вечера Ф. на всегда должна была отказаться отъ сцены. Въ 1828 г. она поѣхала въ Италію, и хотя тамъ подъ вліяніемъ климата хрипота и прошла, но въ голосѣ уже не было ни силы, ни мягкости. Къ заслугамъ Ф. надо отнести, что она первая ввела въ обыкновеніе пѣть mezza voce, что нашло себѣ множество подражательницъ и теперь признается необходимымъ условіемъ хорошей школы. О Ф. сохранились воспоминанія въ запискахъ М. И. Глинки, относящіяся къ 1831 г. Нашъ знаменитый композиторъ заявляетъ, что онъ обязанъ Ноцари (проф. пѣнія въ Неаполѣ) и Ф. больше чѣмъ кому либо своими познаніями въ пѣніи. Послѣдніе годы жизни Ф. провела въ полномъ уединеніи; годъ ея смерти не извѣстенъ.

«Biographie universelle des musiciens» par F. J. Fétis, Paris 1878. — Ch. Unger: «Joséphine Mein-vielle-Fodor. Précis historique sur sa vie etc.», Vienne 1823 (съ портр.). — П. Араповъ: «Лѣтопись русск. театра», Спб. 1861. — М. К(убликій): «Исторія оперы въ лучшихъ ея представителяхъ», Москва 1874, ст. 174—177.—Михневичъ: «Очеркъ исторіи музыки въ Россіи», Спб. 1879, ст. 327.—В. Морковъ: «Историч. очеркъ русск. оперы», Спб. 1862, ст. 55.—И. Д. Перепелицынъ: «Исторія музыки въ Россіи», Спб. 1885 (съ портр.). — «Записки М. И. Глинки», Спб. 1887, ст. 71—72.—«Музык. и театральн. вѣсти.» 1858, № 51.

Н. Л-с-кій.

Фойгтъ, *Карлъ Карловичъ*, профессоръ казанскаго и харьковскаго университетовъ, членъ Совѣта министра народнаго просвѣщенія, род. въ Нарвѣ 7 апр. 1808 г., ум. въ С.-Петербургѣ 30 окт. 1873 г. Двухъ лѣтъ отъ роду онъ лишился отца своего, который былъ первымъ профессоромъ философіи въ только что открытомъ казанскомъ университетѣ; проживая въ семьѣ своего родственника, профессора Ѳ. И. Эрдмана, Ф. въ 1823 г. кончилъ курсъ въ казанской гимназіи, а въ 1826 г.—въ казанскомъ университетѣ, по разряду восточной словесности, и въ томъ же году началъ службу въ гимназіи, воспитавшей его, преподавателемъ персидскаго языка. Оставаясь при гимназіи, онъ въ 1828 г. былъ назначенъ помощникомъ библіотекаря въ университетѣ и въ этой должности оказалъ библіотекѣ большую услугу составленіемъ особаго «Плана расположенія библіотеки, съ исторической запиской о главнѣйшихъ библіографическихъ системахъ, въ разныя времена предложенныхъ учеными». Этотъ планъ былъ одобренъ Академіей Наукъ, и по нему составлены всѣ каталоги библіотеки. Въ 1833 г. Ф. былъ назначенъ лекторомъ нѣмецкаго языка и литературы, а на основаніи представленнаго въ слѣдующемъ году сочиненія «Историческій взглядъ на сатиру у знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ» удостоенъ степени магистра и утвержденъ адъюнктомъ по каѳедрѣ русской словесности, съ возложеніемъ на него преподаванія исторіи общей литературы. Наконецъ, защитивъ диссертацію подъ заглавіемъ «Объ историческомъ значеніи эпопей у древнихъ и новыхъ народовъ», онъ въ 1838 г. получилъ степень доктора философіи и былъ назначенъ экстраординарнымъ, а въ 1842 г. — ординарнымъ профессоромъ; въ 1845 г.—избранъ въ

проректоры. Кромѣ того, онъ съ 1841 г. состоялъ инспекторомъ классовъ въ Родіоновскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Несмотря на эти разнообразныя занятія, Ф., одаренный рѣдкимъ трудолюбіемъ, находилъ еще время для обширныхъ и кропотливыхъ работъ; такъ, онъ издалъ (1844) подробный отчетъ за 17-лѣтнее управленіе казанскимъ учебнымъ округомъ Мусинымъ-Пушкинымъ и составилъ полный, документальный каталогъ университетскаго мюнцъ-кабинета, со включеніемъ обширнаго отдѣла восточной нумизматики. Въ 1853 г. Ф. былъ переведенъ ректоромъ въ харьковскій университетъ, въ 1859 г. назначенъ товарищемъ попечителя харьковскаго учебнаго округа, въ 1863 г.—попечителемъ и наконецъ, съ переводомъ въ С.-Петербургъ,—членомъ Совѣта министра народнаго просвѣщенія и предсѣдательствующимъ въ Ученомъ комитетѣ этого министерства. Свою дѣятельность въ харьковскомъ университетѣ Ф. ознаменовалъ изданіемъ въ высшей степени цѣннаго труда подъ заглавіемъ: «Историко-статистическія записки объ Императорскомъ харьковскомъ университетѣ и его заведеніяхъ, отъ основанія университета до 1859 г.» (Харьковъ, 1859). Этотъ съ величайшею добросовѣстностью составленный трудъ долженъ былъ, по словамъ автора, служить подготовительной работой для будущей исторіи харьковскаго университета; въ немъ Ф. изобразилъ въ сжатомъ историческомъ очеркѣ основаніе, постепенное устройство и главнѣйшія приращенія каждаго кабинета и заведенія, съ указаніемъ на настоящее ихъ положеніе. Кромѣ приведенныхъ выше диссертацій Фойгту принадлежатъ еще слѣдующіе труды: «Рѣчь при открытіи въ Казани памятника Г. Р. Державину», Казань, 1847; «Обозрѣніе хода и успѣховъ преподаванія азіятскихъ языковъ въ Импер. казанскомъ университетѣ за десятилѣтіе съ 1842—1852 г.», Казань, 1852; «О дидактической и эпической поэзіи римлянъ въ первый періодъ ихъ литературы, отъ основанія Рима до смерти Августа» (Журн. мин. нар. просв. 1852 г., кн. 4); «Мысли объ истинномъ значеніи и содержаніи риторики» (Журн. мин. нар. просв. 1856 г., кн. 3). Какъ профессоръ и писатель, Ф. пользуется заслуженною извѣстностью, какъ человѣкъ онъ былъ личностью въ высшей степени симпатичною; «знать Фойгта—значило любить его», говоритъ въ некрологѣ бывшій ученикъ его, профессоръ Н. Н. Буличъ. «Изъ своей семьи и изъ общества нѣкоторыхъ казанскихъ профессоровъ-иностранцевъ Ф. вынесъ прекрасное знаніе европейскихъ языковъ и знакомство съ произведеніями общей литературы, которая всегда была его любимымъ предметомъ, а также ту мягкость характера, отличительную черту его, которая высказывалась и въ простомъ его обхожденіи и въ изяществѣ его манеръ».

Дѣла архивовъ казанск. и харьковск. университетовъ.—«Историч. записка о 1-й казанск. гимназіи», составленная В. Владимировымъ, Казань 1867 и 1868, часть I, отд. 2, ст. 94 и слѣд., 158 и др.—«Прощальный обѣдъ въ Харьковѣ бывшему попечителю округа К. К. Фойгту» (въ Прибавл. къ «Кіевлянину» 1868 г., № 26).—«Біографич. очеркъ», Казань 1868. — Некрологъ, составленный проф. Н. Н. Буличемъ и напечатанный въ «Камско-Волжской газетѣ 1873 г., № 132.

Фокъ, *Александръ Борисовичъ*, генералъ-лейтенантъ, потомокъ древней голландской фамиліи, переселившейся въ XVI в. въ Голштинію, а оттуда, въ царствованіе Елизаветы Петровны, въ Россію, род. въ 1763 г., ум. 3 апр. 1825 г. Отецъ Александра Борисовича завѣдывалъ при императрицѣ Екатеринѣ II всѣми садами придворнаго вѣдомства. Первоначально Ф. былъ опредѣленъ въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ, но вскорѣ перешелъ на военную службу и въ 1780 г. былъ зачисленъ сержантомъ въ бомбардирскій полкъ, а оттуда, три года спустя, переведенъ съ производствомъ въ штыкъ-юнкеры въ 1-й бомбардирскій баталіонъ. Въ рядахъ послѣдняго онъ съ отличною храбростью участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Турціи 1788 г., при осадѣ и взятіи приступомъ Очакова, а въ 1789 г., по переводѣ въ финляндскую армію, находился въ дѣлахъ противъ шведовъ: 11 іюня — при сбитіи непріятельскихъ батарей подъ Парасальмою и у кирки св. Михеля и съ 9 по 14 іюля—при разбитіи непріятеля при границѣ р. Кюмени и дер. Куовале. Въ послѣднемъ дѣлѣ Ф. много способствовалъ устройству переправы и наведенію моста черезъ р. Кюмень, у Гекфорса. 19 апрѣля слѣдующаго года Ф., состоя въ отрядѣ генералъ маіора Сухтелена, содѣйствовалъ огнемъ командуе-

мыхъ имъ орудій вытѣсненію шведовъ изъ дер. Керникоски, при чемъ былъ раненъ пулею въ ногу, но, не покидая сраженія, мужественно прикрывалъ затѣмъ отступленіе отряда, за что былъ произведенъ въ капитаны и награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. 1791 г. Ф. провелъ при арміи въ Бѣлоруссіи, а 27 мая слѣдующаго года выступилъ на усмиреніе мятежа въ Польшу. Здѣсь онъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Столбцахъ и Мирѣ и 31 іюля 1794 г. содѣйствовалъ огнемъ своихъ орудій выбитію конфедератовъ изъ полевыхъ укрѣпленій и взятію Вильны, при чемъ былъ снова раненъ пулею въ бокъ. По окончаніи войны, награжденный чиномъ маіора, Ф. былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ, въ числѣ другихъ артиллерійскихъ офицеровъ, ему было поручено формированіе новой въ то время для Россіи конной артиллеріи. По сформированіи конно-артиллерійскаго баталіона, Ф. получилъ въ командованіе одну изъ его ротъ. 10 сентября 1799 г., съ производствомъ въ генералъ-маіоры, Ф. назначенъ начальникомъ артиллерійскихъ гарнизоновъ, расположенныхъ въ Финляндіи, и въ этой должности оставался до 26 января 1800 г., когда за недонесеніе императору Павлу объ арестованномъ офицерѣ былъ отставленъ отъ службы. Со вступленіемъ на престолъ императора Александра I, Ф. снова былъ зачисленъ, 15 марта 1801 г., на службу и назначенъ шефомъ 2-го артиллерійскаго батальона, сдавъ который 21 мая 1803 г., онъ, по Высочайшему повелѣнію, приступилъ къ сформированію 2-го конно-артиллерійскаго баталіона, но 28 декабря того же года вторично вышелъ въ отставку. Въ послѣдней Ф. оставался до 10 января 1807 г., когда, возвратившись въ ряды дѣйствующей арміи, занялъ должность дежурнаго генерала при графѣ Беннигсенѣ и выступилъ дѣятельнымъ участникомъ въ военныхъ операціяхъ противъ французовъ. За отличіе и распорядительность въ сраженіи 26 и 27 января подъ Прейсишъ-Эйлау Ф. получилъ орденъ св. Георгія 3 ст., и 29 мая, въ битвѣ при Гейльсбергскихъ высотахъ, въ которой былъ опасно раненъ въ грудь и руку, онъ съ особеннымъ мужествомъ руководилъ огнемъ командуемой имъ артиллеріи и предводительствовалъ атакою коннаго полка противъ непріятеля, за что былъ награжденъ орденами св. Владиміра 2 ст. и прусскимъ Краснаго Орла 1 ст. 19 апрѣля 1810 г. Ф. перешелъ на должность дежурнаго генерала къ военному министру Барклай-де-Толли и явился ближайшимъ его сотрудникомъ по приготовленіямъ къ отечественной войнѣ; въ слѣдующемъ году принялъ въ командованіе 18 пѣхотную дивизію обсерваціонной арміи и 8 апрѣля 1812 г. былъ назначенъ начальникомъ штаба десантнаго корпуса графа Штейнгейля. По переправѣ войскъ корпуса изъ Свеаборга въ Ревель и далѣе въ Ригу, Ф. участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Далькирхеномъ, Еккау, Цемаленъ и Гарузенъ, за отличіе въ дѣлѣ подъ Полоцкомъ противъ войскъ французскаго генерала Корбино произведенъ, 3 января 1813 г., въ генералъ-лейтенанты и вслѣдъ за взятіемъ Полоцка находился въ сраженіяхъ подъ Кубличемъ, Чашниками и при Студянкѣ, гдѣ жестокимъ огнемъ артиллеріи разрушилъ мостъ черезъ Березину и принудилъ непріятеля къ бѣгству. Послѣднимъ участіемъ Фока въ войнѣ 1812 г. было преслѣдованіе отрядами генераловъ Шепелева и Ридигера остатковъ арміи Наполеона до Кенигсберга, послѣ чего, по разстроенному здоровью, Ф. вынужденъ былъ взять отпускъ и вернуться въ Петербургъ. Числясь по арміи, Ф. 29 декабря 1819 г. былъ по прошенію уволенъ въ отставку, въ которой и состоялъ до своей кончины. Ф. находился въ близкой дружбѣ съ графомъ Л. Л. Беннигсеномъ и ближе другихъ былъ посвященъ въ истину намѣреній и образа дѣйствій главнокомандующаго второй кампаніи противъ Наполеона.

Семейныя бумаги ген.-лейт. А. Д. Шепелева.—«Воен. Гал. Зимн. Дв.» т. II.—«Моск. вѣд.» 1826 г., № 22.—«Рус. Инв.» 1826 г., № 54.—«Рус. Стар.» 1896 г., декабрь («Письма Беннигсена»). — Арх. Спб. Артил. ист. музея (Д. Инсп. св. 134).

И. С-въ.

Фокъ, *Иванъ Борисовичъ*, архитекторъ Конторы строеній Е. И. В. домовъ и садовъ (съ 1760 г.) и Гофъ-Интендантской конторы (съ 1802 г.), род. въ 1741 г., ум. 7 іюля 1807 г. въ Петербургѣ. Старшій сынъ придворнаго садоваго мастера Бернгарда Фока, онъ чрезъ пять лѣтъ по поступленіи на службу имѣлъ званіе „за архитектора капитанскаго ранга“ (1765)

и находился при Зимнемъ дворцѣ, получая жалованья по 200 руб. въ годъ; затѣмъ въ 1782 г. онъ состоялъ въ 8-омъ классѣ и умеръ, состоя въ 6-омъ классѣ.

Общій арх. Министерства Импер. Двора, дѣла Интендантской конторы 1790 г. оп. 122/556, № 9, с. 15 (формуляръ); 1717 г., оп. 87/521, № 203, и 1800 г., оп. 536/1524, № 10.

Н. С.

Фолетти, *Антонъ Егоровичъ*, скульпторъ. Ученикъ Императорской Академіи Художествъ, онъ занимался въ ней подъ руководствомъ профессора Витали и за свои работы получилъ награды: 2-ю серебряную медаль — 27 сентября 1849 г. за бюстъ архитектора Монферрана (бывшій на академической выставкѣ 1849 г. въ гипсовой отливкѣ, а въ 1850 г. сдѣланный уже изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ); 1-ую серебряную медаль — 23 декабря 1852 г. за лѣпку съ натуры (бюстъ профессора Витали, находящійся въ Академіи Художествъ), и 2-ю золотую — 24 сентября 1853 г. за исполненную по программѣ статую въ ростъ «отдыхающаго Адониса», послѣ чего возведенъ былъ 28 сент. 1859 г. въ званіе художника 14-го класса.

«Сборн. матер. для истор. Имп. Акад. Худ.» Петрова, т. III, и «Указатель» къ нему Юндолова.

Н. С.

Фольбортъ, *Александръ Ѳедоровичъ*, извѣстный естествоиспытатель, докторъ медицины и хирургіи, род. въ Могилевѣ 11 января 1800 г., ум. въ С.-Петербургѣ 5 марта 1876 г. По окончаніи курса въ Петропавловскомъ училищѣ въ С.-Петербургѣ Ф. поступилъ въ Тюбингенскій университетъ на медицинскій факультетъ, продолжалъ затѣмъ свои занятія въ Эдинбургѣ, Лондонѣ и Парижѣ и въ 1825 г. удостоенъ Берлинскимъ университетомъ степени доктора медицины и хирургіи. Вернувшись въ С.-Петербургъ, Ф., по выдержаніи экзамена въ С.-Петербургской Медико-хирургической академіи, въ 1827 г. поступилъ на службу въ Маріинскую больницу и въ Экспедицію заготовленія государственныхъ бумагъ. Затѣмъ состоялъ въ Обуховской больницѣ, изъ которой переведенъ на службу въ морское вѣдомство по медицинской части. Въ 1833 г. Ф., по экзамену въ Медико-хирургической академіи, былъ пропзведенъ въ званіе адъюнктъ-профессора, а въ 1844 г. назначенъ ординаторомъ с.-петербургскаго морского госпиталя и занималъ эту должность до 1848 г. Въ 1851 г. Ф. опредѣленъ въ 1-й ластовый экипажъ, а въ 1854 г. уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ. Причина оставленія имъ медицинской службы была та, что Ф. съ юныхъ лѣтъ питалъ страсть къ естественнымъ наукамъ. Медицина представлялась ему лишь необходимымъ пособіемъ при изученіи первыхъ. Въ 30-хъ годахъ онъ ревностно сталъ заниматься минералогіей и составилъ богатую минералогическую коллекцію. Минералогія обязана ему открытіемъ въ 1838 г. ванадіевокислой мѣди, образующей рѣдкій, но теперь уже хорошо извѣстный минералъ, который академикомъ Гессомъ былъ названъ въ честь ученаго «фольбортитомъ». Затѣмъ Ф. занялся палеонтологіей и впослѣдствіи посвятилъ всю свою жизнь этой наукѣ. Этому особенно способствовали его лѣтнія пребыванія въ Павловскѣ, окрестности котораго, богатыя плитными ломками, обрывами и профилями земной коры, доставляли ему рѣдкій матеріалъ для его ученыхъ занятій. Ф. собралъ обширную коллекцію окаменѣлостей нижнесилурійской системы окрестностей С.-Петербурга. Согласно выраженному Фольбортомъ желанію, собранная имъ въ теченіе 40 лѣтъ палеонтологическая коллекція, какъ и обширная минералогическая, послѣ его смерти поступили въ Императорскую Академію Наукъ, которая положила хранить ихъ въ своемъ минералогическомъ музеѣ отдѣльно подъ названіемъ «Собранія А. Ѳ. Фольборта». Заслуги Фольборта предъ русской наукой особенно проявились въ области палеонтологіи, однимъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей которой онъ признанъ всѣми. Въ честь его извѣстный палеонтологъ В. Мёллеръ назвалъ въ 1873 г. новый видъ ископаемыхъ брахіоподовъ «Volborthia». Спеціальные труды Фольборта помѣщены въ изданіяхъ Императорскаго Минералогическаго общества и Академіи Наукъ, членомъ-корреспондентомъ которой онъ избранъ былъ въ 1863 году. Ф. былъ также дѣятельнымъ членомъ Минералогическаго общества и въ 1868 г. избранъ въ почетные члены его. Кромѣ того, онъ съ 17 сент. 1846 г. состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Московскаго общества

испытателей природы, съ 23 дек. 1846 г. дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Русскаго географическаго общества, а съ 4 окт. 1873 г. непремѣннымъ членомъ Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при московскомъ университетѣ. Приводимъ главнѣйшіе труды Фольборта: «Ueber Baerocrinus, eine neue Crineideengattung aus Estland» (въ «Bull. de l'Acad.» 1864 г., т. VIII, стр. 171—181); Ueber die mit glatten Rumpfgliedern versehenen russischen Trilobiten, nebst einem Anhange über die Bewegungsorgane und das Herz derselben» («Mém. de l'Acad.», 1862 т. VI, № 2); «Ueber einige neue estländische Illaenen» (ibid., 1864, т. VIII, № 9); «Ueber Achadocystites und Cystoblastus, zwei neue Crinoideengattungen» (ibid., 1870, т. XVI, № 2). Въ «Сборникѣ Спб. минералог. общества» за 1867 г. помѣщено его изслѣдованіе «О цистобластяхъ, новомъ родѣ морскихъ лилій», а въ «Запискахъ» этого общества за 1870 г.—«О новомъ слоѣ въ силурійской системѣ с.-петербургской губерніи» и мн. др.

«Изв. Имп. общества люб. естествозн., антроп. и этнографіи», «Труды Зоолог. отдѣленія общества» т. IV. («Мат., собранные А. Богдановымъ» томъ 2-й, листъ 22), статья С. Н. Никитина (съ портретомъ Ф.). — «Neue Jahrbücher für Miner., Geol. und Palaeontol.» 1874 г. (статья В. Н. Меллера: «Volborthia»);—«Списокъ членовъ Имп. Спб. Минер. общества», составл. П. Н. Перозіо, 1890.—«Голосъ» 1876 г., № 71. *Л. В.*

Фолькманъ, *Альфредъ-Вильгельмъ*, извѣстный физіологъ, ордин. профессоръ дерптскаго университета, род. въ Лейпцигѣ 19 іюня (1-го іюля) 1800 г., ум. въ Галле 9 (21) апр. 1877 г. Съ 1821 г. Ф. изучалъ медицину въ университетѣ родного города и тамъ же былъ удостоенъ въ 1826 г. степени доктора; посѣтивъ съ научною цѣлью Лондонъ и Парижъ, онъ въ 1828 г. началъ приватъ-доцентомъ читать лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ и въ 1834 г. былъ избранъ экстраорд. профессоромъ зоотоміи, а въ 1837 г. приглашенъ въ дерптскій университетъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ физіологіи, патологіи и земіотики. Хотя Ф. пробылъ въ Дерптѣ всего только шесть лѣтъ (1837—43), однако его вліяніе не только на студентовъ, но и на научное направленіе всего медицинскаго факультета было значительно: онъ именно первый сталъ знакомить своихъ слушателей съ методомъ новѣйшихъ физіологическихъ изслѣдованій при помощи экспериментовъ и микроскопа. Часть научныхъ работъ, благодаря которымъ Ф. впослѣдствіи занялъ видное мѣсто въ ряду выдающихся физіологовъ, была написана имъ уже въ Дерптѣ (напр., о строеніи и функціяхъ нервовъ, о мозгѣ, о нервной системѣ и др.); тамъ же онъ произвелъ главнѣйшіе предварительные опыты для работъ по динамикѣ кровообращенія. Избранный въ ректоры, онъ въ 1842 г. былъ уволенъ отъ этой должности, вслѣдствіе чего отказался и отъ профессуры и въ слѣдующемъ году переселился въ Галле, гдѣ занималъ каѳедру физіологіи до 1876 г. Кромѣ многочисленныхъ статей въ «Joh. Müller's Archiv», «Poggendorff's Annalen», «Wagner's Handwörterbuch der Physiologie» и другихъ изданіяхъ, Фолькману принадлежатъ еще слѣдующіе труды: «Anatomia animalium», 2 тома, Leipzig 1831—32;—«Neue Beiträge zur Physiologie des Gesichtssinnes», Leipz. 1836;—«Die Lehre vom leiblichen Leben des Menschen», Leipz. 1837;—«Die Selbständigkeit des sympathetischen Nervensystems durch anatomische Untersuchungen nachgewiesen» (въ сотрудничествѣ съ проф. Ф. Г. Бидеромъ), Leipz. 1842;—«Die Hämodynamik nach Versuchen», Leipz. 1850;—«Physiologische Untersuchungen im Gebiet der Optik», 2 Hefte, Leipz. 1863—64.

Архивн. матеріалы юрьевскаго (дерптскаго) унив.—«Allgem. Deutsche Biographie».—«Biograph. Lexicon hervorragender Aerzte», т. 2-й. — «Das 2-te Jubelfest der Kais. Univers. Dorpat, 1853.—«Rückblick auf die Wirksamkeit der Univers. Dorpat 1802—1865, Dorpat, 1866. *В. Ш.*

Фоминъ, *Иванъ Васильевичъ*, медико-хирургъ, род. въ 1806 г., ум. въ 1880 г. По окончаніи курса въ 1828 г. въ С.-Петербургской Медико-хирургической академіи, поступилъ лѣкаремъ лейбъ-гвардіи въ конно-егерскій полкъ; въ 1834 г. удостоенъ званія медико-хирурга, а въ 1841 г. назначенъ сперва старшимъ лѣкаремъ, а затѣмъ штабъ-лѣкаремъ лейбъ-гвардіи драгунскаго полка; переведенный въ 1848 г. главнымъ лѣкаремъ въ Ѳеодосійскій военный госпиталь, онъ пробылъ на этой службѣ 10 лѣтъ, а затѣмъ былъ переведенъ на ту же должность въ Керчь-Еникальскій военный госпиталь. Въ 1864 г.

онъ поступилъ главнымъ докторомъ Симферопольскаго военнаго госпиталя, но, пробывъ на службѣ три года, вышелъ въ отставку. Сочиненія Фомина хирургическаго содержанія и относятся ко времени его утвержденія въ званіи медико-хирурга: «Операція искусственнаго задняго прохода» (въ «Другѣ Здравія», 1836 г.); «Операція надъ ушами» (тамъ-же 1836 г.); «Ушибъ во время верховой ѣзды» (въ 29 ч. «Военно-медиц. журнала», за 1837 г.).

Л. Ѳ. Змѣевъ: «Русскіе врачи-писатели» стр. 140.

Фоминыхъ, *Спиридонъ*, казакъ Уйской крѣпости оренбургской губ. Въ 1799, 1806 и 1807 гг. онъ заявлялъ въ Екатеринбургской горной канцеляріи нѣсколько золотыхъ и мѣдныхъ рудниковъ, найденныхъ имъ съ двумя товарищами по рѣкамъ Санаркѣ, Уѣ и Увелькѣ, въ троицкомъ уѣздѣ. Осмотръ указанныхъ Ф. мѣстъ не далъ ожидаемыхъ результатовъ, такъ какъ, вѣроятно, посланные горные чиновники искали золотыхъ жилъ, а не розсыпей, о которыхъ тогда на Уралѣ ничего не было извѣстно. Казакъ Ф., который, повидимому, подвергался притѣсненіямъ со стороны своего начальства, именно за объявленіе рудъ, нашелъ средство переслать въ Петербургъ прошеніе самому императору Александру I. Вслѣдствіе этого Высочайшимъ указомъ, даннымъ 3 апрѣля 1808 г. государственному казначею Голубцову, повелѣно было Ф., «извѣстнаго горному начальству по открытію имъ разныхъ пріисковъ рудъ, причислить навсегда къ вѣдомству Екатеринбургскаго горнаго начальства, съ исключеніемъ изъ прежняго его званія». Присланный въ 1809 г. изъ Оренбурга въ Пермь, Ф. объявилъ въ Горномъ правленіи, сверхъ прежнихъ, еще нѣсколько золотыхъ пріисковъ, въ томъ числѣ по рѣкамъ Сувундуку и Кулахтѣ. Ф. былъ отосланъ въ Міасскій заводъ и причисленъ къ мастеровымъ, а объ изслѣдованіи найденныхъ имъ рудниковъ предписано Міасской конторѣ. Освидѣтельствованіе рудниковъ указало на «малѣйшій знакъ золота», почему Екатеринбургская главная контора и признавала заявленные Ф. пріиски «дальняго вниманія не заслуживающими». Впослѣдствіи же, въ 1840 и 1850 годахъ, въ мѣстностяхъ, на которыя указывалъ Ф., было открыто весьма много богатыхъ золотыхъ розсыпей.

Чупинъ: «Горное Управл. и горн. промыслы на Уралѣ» при Александрѣ I.— «Горный Журналъ» 1878 г., № 8—9, стр. 296.

С. К.

Фонвизинъ, *Денисъ Ивановичъ*, род. въ Москвѣ 3 апр. 1745 г., ум. въ С.-Петербургѣ 1 дек. 1792 г. Родословныя росписи рода Фонвизиныхъ начинаются именемъ Петра Володимерова, титулуемаго барономъ. «Въ царство великаго государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича, всея Россіи самодержца, какъ онъ, великій государь, воевалъ Лифлянскую землю, взялъ въ плѣнъ Мечиносящаго братства брата Петра барона Володимерова сына Фонвисина съ сыномъ его Денисомъ и иныхъ того же честнаго братства шляхтовъ; и даны имъ въ Московскомъ государствѣ помѣстья многія въ разныхъ городахъ, и служили они великимъ государемъ въ нѣмецкой вѣрѣ». Въ 1653 г. внукъ Петра Фонвизина Юрій Денисовичъ перешелъ въ православіе, принявъ при этомъ имя Аѳанасія. Внукъ этого Юрія-Аѳанасія Денисовича—Иванъ Андреевичъ, отецъ автора Недоросля, служилъ сначала въ военной службѣ, потомъ перешелъ въ гражданскую, запявъ мѣсто члена ревизіонъ-комиссіи; въ 1774 г. онъ вышелъ въ отставку; умеръ въ 1786 г. 86 лѣтъ отъ роду. По свидѣтельству своего знаменитаго сына, Иванъ Андреевичъ «былъ человѣкъ большаго здраваго разсудка, но не имѣлъ случая, по тогдашнему образу воспитанія, просвѣтить себя ученіемъ. По крайней мѣрѣ читалъ онъ всѣ русскія книги, изъ коихъ любилъ отмѣнно Древнюю и Римскую исторію, Мнѣнія Цицероновы и прочіе хорошіе переводы нравоучительныхъ книгъ». О матери своей Катеринѣ Васильевнѣ (рожд. Дмитріевой-Мамоновой) Ф. вспоминалъ, какъ о женщинѣ умной, доброй и трудолюбивой. «Вторая супруга отца моего, а моя мать,— читаемъ въ «Чистосердечномъ признаніи» Фонвизина, — имѣла разумъ тонкій и душевными очами видѣла далеко. Сердце ея было сострадательно и никакой злобы въ себѣ не вмѣщало: жена была добродѣтельная, мать чадолюбивая, хозяйка благоразумная и госпожа великодушная».

Первоначальнымъ образованіемъ Ф. обязанъ былъ отцу. Образованіе было, конечно, скромное: ребенокъ выучился грамотѣ; знакомился, подъ руководствомъ

отца, съ церковно-славянскимъ языкомъ. «Какъ скоро я выучился читать,—разсказываетъ Ф.,—такъ отецъ мой у крестовъ (т. е. при молебнахъ и другихъ домашнихъ богослуженіяхъ) заставлялъ меня читать. Сему обязанъ я, если имѣю въ россійскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе. Ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего россійскаго языка и знать не возможно... Отецъ мой, примѣчая изъ читаннаго мною тѣ мѣста, коихъ, казалось ему, читая, я не разумѣлъ, принималъ на себя трудъ изъяснять мнѣ оныя; словомъ, попеченія его о моемъ наученіи были безмѣрны». Учителей иностранныхъ языковъ у Фонвизина не было.

Въ 1755 г. открытъ былъ московскій университетъ и при немъ гимназія. Одними изъ первыхъ воспитанниковъ, поступившихъ въ гимназію, были братья Фонвизины: Денисъ и Павелъ. Научное преподаваніе въ университетской гимназіи оставляло желать очень многаго. «Учились мы, говоритъ Ф., весьма безпорядочно, ибо съ одной стороны причиною тому была ребяческая лѣность, а съ другой нерадѣніе и пьянство учителей». Несмотря однако на недочеты въ ходѣ учебнаго дѣла, Ф. съ благодарностью вспоминалъ о своихъ школьныхъ годахъ. Въ это время «обучась полатыни», онъ «положилъ основаніе нѣкоторымъ знаніямъ». Тогда же онъ «научился довольно нѣмецкому языку» и «получилъ вкусъ къ словеснымъ наукамъ». Знакомство съ латинскимъ языкомъ, по замѣчанію Фонвизина, «пособило весьма къ обученію французскаго»; этимъ языкомъ Ф. занялся въ концѣ учебнаго курса. Изъ преподавателей своихъ онъ съ особенной признательностью вспоминалъ о профессорѣ Шаденѣ, который преподавалъ логику на латинскомъ языкѣ. Денисъ Ф. считался однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ гимназіи: онъ не разъ получалъ награды (въ 1756, 1760 и 1761 гг.); его школьныя сочиненія назначались, вмѣстѣ съ другими лучшими работами, для прочтенія на публичныхъ актахъ. Въ одномъ изъ такихъ сочиненій юный авторъ старался «показать щедрость и прозорливость Ея Императорскаго Величества, всещедрой музъ основательницы и покровительницы»; въ другой работѣ, изложенной на нѣмецкомъ языкѣ, рѣчь шла «о наилучшемъ способѣ къ обученію языковъ». Объ успѣхахъ Фонвизина свидѣтельствуетъ также его представленіе Ив. Ив. Шувалову. Директоръ университета, съ нѣкоторыми лучшими воспитанниками, отправился въ Петербургъ «для показанія основателю университета плодовъ сего училища». Въ числѣ «избранныхъ учениковъ» были и братья Фонвизины. Время этой поѣздки опредѣляется двумя указаніями самого Фонвизина: онъ былъ представленъ Шувалову прежде «производства» въ студенты, а это производство относится къ 1760 г.; въ Петербургѣ московскій гимназистъ видѣлъ на сценѣ комедію Гольберга: «Генрихъ и Перилла»; первое представленіе этой комедіи, по свидѣтельству «Драматическаго словаря», относится также къ 1760 г.; остается такимъ образомъ признать, что Ф. былъ въ Петербургѣ въ началѣ этого именно 1760 г. (по словамъ Фонвизина, онъ и его товарищи ѣздили въ Петербургъ «зимой»). Замѣчаніе Фонвизина о томъ, что во время поѣздки, т. е. въ январѣ—февралѣ 1760 года, онъ былъ «не старѣе четырнадцати лѣтъ» вполнѣ совпадаетъ съ годомъ его рожденія, указаннымъ въ надписи на надмогильномъ камнѣ (3 апрѣля 1745 г.).

Въ Петербургѣ Денисъ Ивановичъ имѣлъ случай видѣть нѣкоторыхъ тогдашнихъ знаменитостей нашего служебнаго, ученаго и артистическаго міра. Онъ былъ представленъ Шувалову, былъ на куртагѣ во дворцѣ, гдѣ его поразило «вездѣ сіяющее золото, собраніе людей въ голубыхъ и красныхъ лентахъ, множество дамъ прекрасныхъ, наконецъ огромная музыка». При представленіи московскихъ гимназистовъ Шувалову присутствовалъ Ломоносовъ. Узнавъ, что Ф. и его товарищи учились по-латыни, ученый «началъ говорить о пользѣ латинскаго языка съ великимъ краснорѣчіемъ». Въ домѣ своего дяди Ф. познакомился съ знаменитыми актерами Θед. Гр. Волковымъ и Ив. Аѳ. Дмитревскимъ. Это знакомство оказалось особенно интереснымъ для будущаго драматурга. «Ничто въ Петербургѣ, говоритъ онъ, такъ меня не восхищало, какъ театръ, который я увидѣлъ въ первый разъ отъ роду... Дѣйствія, произведеннаго во мнѣ театромъ, почти описать невозможно: комедію, виденную мною, довольно глупую, считалъ я произведеніемъ глубокаго разума, а акте-

ровъ—великими людьми, коихъ знакомство, думалъ я, составило бы мое благополучіе. Я съ ума было сошелъ отъ радости, узнавъ, что сіи комедіянты вхожи въ домъ дядюшки моего, у котораго я жилъ».

Въ 1760 г., спустя нѣкоторое время по возвращеніи изъ Петербурга, братья Фонвизины «произведены были въ студенты». Слушателемъ университета Денисъ оставался два года. Къ этой студенческой порѣ относятся его первые литературные опыты и вмѣстѣ съ тѣмъ его первые литературные успѣхи. Въ 1761 г. Ф. помѣстилъ въ журналѣ «Полезное Увеселеніе», издававшемся подъ руководствомъ М. М. Хераскова, переводную статейку «Правосудный Юпитеръ». Въ томъ же году появился переводъ басенъ Гольберга, сдѣланный Фонвизинымъ по заказу университетскаго книгопродавца; книга эта выдержала нѣсколько изданій.

Во время поѣздки въ Петербургъ московскій гимназистъ убѣдился, «сколько нуженъ молодому человѣку французскій языкъ». Спустя два года (1762), онъ уже «могъ разумѣть Вольтера и началъ переводить стихами его «Альзиру». Этотъ переводъ трагедіи Вольтера не остался незамѣченнымъ, хотя и не былъ напечатанъ. «Переводъ мой Альзиры,—говоритъ Ф. въ «Чистосердечномъ признаніи»,—сталъ дѣлать много шума и я самъ началъ имѣть нѣкоторое мнѣніе о моемъ дарованіи; но признаюсь, что будучи недоволенъ переводомъ, не отдалъ его ни на театръ, ни въ печать». Переводъ «Альзиры» дѣйствительно былъ несвободенъ отъ нѣкоторыхъ грубыхъ промаховъ, почему Ф. называлъ этотъ свой трудъ «грѣхомъ юности» своей. Въ томъ же году, когда переведена была Альзира, напечатана была первая часть русскаго перевода книги аббата Террасона: «Геройская добродѣтель, или жизнь Сифа, царя Египетскаго, изъ таинственныхъ свидѣтельствъ древняго Египта взятая»; слѣдующія части книги появились въ 1763 г. (ч. II), 1764 г. (ч. III) и въ 1768 г. (ч. IV); на первыхъ трехъ частяхъ означено имя переводчика, Дениса Фонвизина. Ему же принадлежитъ переводъ «слова» профессора исторіи І. Г. Рейхеля о томъ, что «науки и художества процвѣтаютъ защищеніемъ и покровительствомъ владѣющихъ особъ и великихъ людей въ государствѣ»; слово это произнесено было Рейхелемъ въ публичномъ собраніи московскаго университета 3-го окт. 1762 г. Въ этомъ же году проф. Рейхель предпринялъ періодическое изданіе подъ заглавіемъ: «Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствій». Въ изданіи Рейхеля помѣщено нѣсколько переводныхъ работъ Фонвизина: «Изысканіе о зеркалахъ древнихъ», «Торгъ семи музъ», «О приращеніи рисовальнаго художества», «Разсужденіе о дѣйствіи и существѣ стихотворства». Выборъ переведенныхъ статей сдѣланъ былъ, конечно, по указанію Рейхеля, который съ участіемъ слѣдилъ за дѣятельностью своего даровитаго слушателя. «Не напрасный трудъ имѣлъ господинъ Фонвизинъ въ переводѣ на россійскій языкъ книги сея своимъ согражданамъ, писалъ Рейхель по поводу перевода «Сифа». — Великой благодарности достойны переводчики, когда употребляютъ они время свое на такія книги, кои служатъ къ распространенію ученія и которыя вообще полезны для свободныхъ наукъ. При столь великомъ множествѣ худыхъ книгъ видно похвальное достоинство переводчика, когда избираетъ онъ нѣчто доброе, полезное и особливое. Что господинъ Фонвизинъ въ разсужденіи сего сдѣлалъ, о томъ общество узнаетъ съ удовольствомъ. О знаніи его въ нѣмецкомъ языкѣ я весьма увѣренъ, а общество видѣло уже силу его въ Россійскомъ языкѣ, какъ изъ различныхъ опытовъ, такъ и изъ басенъ барона Гольберга. Можетъ быть, переведенныя имъ на россійскій языкъ Овидіевы превращенія будутъ бо́льшимъ еще доказательствомъ его способности». Біографъ Рейхеля (Шевыревъ) предполагаетъ, что сближеніе даровитаго студента съ профессоромъ исторіи и нѣмецкой литературы могло имѣть вліяніе и на развитіе сатирическаго таланта Фонвизина: «изъ писемъ Рейхеля къ Миллеру мы могли бы съ нѣкоторою вѣроятностію заключить, что профессоръ своею проніею и своимъ умѣньемъ схватывать неразумную сторону жизни, свойствами, которыя въ этой перепискѣ сильно обнаруживаются, могъ имѣть отчасти вліяніе на нравственное развитіе геніальнаго комика».

Упомянутый Рейхелемъ переводъ Метаморфозъ Овидія не извѣстенъ. Нужно думать, что не дошли до насъ и нѣкоторыя оригинальныя произведенія Фонвизина пер-

ваго періода его дѣятельности. «Весьма рано появилась во мнѣ склонность къ сатирѣ, разсказываетъ авторъ «Чистосердечнаго Признанія». Острыя слова мои поспались по Москвѣ; а какъ они были для многихъ язвительны, то обиженные оглашали меня злымъ и опаснымъ мальчишкою; всѣ же тѣ, коихъ острыя слова мои лишь только забавляли, прославили меня любезнымъ и въ обществѣ пріятнымъ. Видя, что вездѣ принимаютъ меня за умнаго человѣка, заботился я мало о томъ, что разумъ мой похваляется на счетъ сердца, и я прежде нажилъ непріятелей, нежели друзей... Меня стали скоро бояться, потомъ ненавидѣть; и я вмѣсто того, чтобъ привлечь къ себѣ людей, отгонялъ ихъ отъ себя и словами, и перомъ. Сочиненія мои были острыя ругательства: много въ нихъ было сатирической соли, по разсудка, такъ сказать, ни капли». Для объясненія этого разсказа Фонвизина объ успѣхѣ его «острыхъ ругательствъ» не мѣшаетъ припомнить, что подобныя, не попадавшія въ печать, сатиры были въ то время въ большомъ ходу. Въ 1764 г. главнокомандующій въ Москвѣ графъ Салтыковъ доносилъ императрицѣ слѣдующее: «Развращенное здѣсь, на Москвѣ, между молодыми людьми своевольство и наглость до такой степени возрасли, что нѣкоторые изъ нихъ... дерзнули по всему городу потаенно разсѣять ругательныя сочиненія, состоящія въ каталогахъ на французскомъ и русскомъ языкахъ, въ которыхъ до 300 человѣкъ и больше какъ напзнатнѣйшихъ, такъ и прочихъ фамилій, въ томъ числѣ дамы и дѣвицы, не взирая ни на чины, ни на достоинства, наичувствительнѣйшими выраженіями обезчещены и обижены». Теперь изъ всѣхъ сатирическихъ сочиненій Фонвизина, поспвшихся по Москвѣ, дошли только два произведенія, съ вѣроятностью относимыя къ 1762 г.: эпиграмма на мнимое величіе (О, Климъ, дѣла твои велики!) и злая сатира въ формѣ басни: «Лисица-казнодѣй». Изъ числа сочиненій, приписываемыхъ Фонвизину, къ этой ранней порѣ его литературной дѣятельности относятъ шуточное стихотвореніе: «Чертикъ на дрожкахъ. Новая быль».

Въ 1759 г. въ Москвѣ открытъ былъ «россійскій театръ». По свидѣтельству Штелинга, въ этомъ театрѣ, кромѣ актеровъ по занятіямъ (Троепольскій, Троепольская, Пушкина), играли также «нѣкоторые университетскіе студенты». Сохранилось преданіе, что лучшими исполнителями изъ числа студентовъ были Як. Ив. Булгаковъ и Д. И. Фонвизинъ.

По обычаю стараго времени Ф. рано былъ записанъ въ военную службу; въ 1762 г., оставаясь студентомъ, онъ числился въ спискѣ сержантовъ Семеновскаго полка. Осенью 1762 г., во время пребыванія двора въ Москвѣ, этотъ «лейбъ-гвардіи семеновскаго полку сержантъ и московскаго университета студентъ» подалъ прошеніе объ увольненіи его изъ университета и объ опредѣленіи на государственную службу. Въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, куда желалъ поступить Ф., онъ былъ «свидѣтельствованъ въ языкахъ латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ и найденъ въ знаніи оныхъ достаточнымъ». Выдержавъ экзаменъ, Ф. поступилъ въ коллегію переводчикомъ капитанъ поручичья чина. Ко времени этой службы въ коллегіи относится первое путешествіе Фонвизина заграницу. Онъ былъ посланъ съ лентой ордена св. Екатерины къ герцогинѣ Мекленбургъ-Шверинской. Порученіе было исполнено удачно. «Тогда былъ я еще сущій ребенокъ, говоритъ Ф., и почти не имѣлъ понятія о свѣтскомъ обращеніи; но какъ я читалъ уже довольно и имѣлъ природную остроту, то у Шверинскаго двора не показался я невѣждою. И впрочемъ поведеніемъ своимъ пріобрѣлъ я благоволеніе герцогини и одобреніе публики».

Въ 1763 г. служебное положеніе Фонвизина измѣнилось: 7 октября этого года императрица Екатерина подписала указъ: «Переводчику Денису Фонвизину, числясь при иностранной коллегіи, быть для нѣкоторыхъ дѣлъ при нашемъ статскомъ совѣтникѣ Елагинѣ, получая жалованье по прежнему изъ оной коллегіи». Ив. Перф. Елагинъ занималъ въ это время должность кабинетъ-министра у принятія челобитенъ, а нѣсколько позже (въ 1766 г.) къ этой службѣ присоединена была другая, — завѣдываніе театрами. Въ это время у секретарей Елагина было, конечно, не мало дѣла. Въ 1768 г. принятіе челобитенъ передано было Степ. Ѳед. Стрекалову. «Дѣла наши, писалъ Ф. роднымъ, снятіемъ дѣлъ челобитческихъ совершенно облегчены, однако я каждый день у Ивана Перфильевича бываю, а сколь это безпокойно, то самъ Богъ

видитъ». Ф. оставался при Елагинѣ, получившемъ званіе сенатора и удержавшемъ должность «надъ спектаклями главнаго директора».

Поселившись по мѣсту службы въ Петербургѣ, Ф. поддерживалъ живую переписку съ родными: сохранились его письма къ отцу и матери, къ сестрѣ Ѳедосьѣ Ивановнѣ и къ ея мужу В. А. Аргамакову. Изрѣдка Ф. пріѣзжалъ въ родной городъ; такъ, въ концѣ 1765 г. онъ пробылъ въ Москвѣ около мѣсяца; въ 1769 г., какъ видно изъ писемъ къ Елагину, прожилъ въ Москвѣ больше полугода. Въ Петербургѣ молодой москвичъ на первыхъ порахъ сильно скучалъ. «Здѣсь знакомства еще не сдѣлалъ, — читаемъ въ первомъ сохранившемся письмѣ Фонвизина къ сестрѣ (отъ 10 августа 1763 г.). Съ кадетскимъ корпусомъ не очень обхожусь за тѣмъ, что тамъ большая часть солдаты; а съ академіей затѣмъ, что тамъ большая часть педанты». Молодой человѣкъ искалъ въ знакомствѣ или дружбы, или любви. «Однако этого желанія, говоритъ онъ, по несчастію не достигаю и ниже тѣни къ исполненію имѣю. Разсуди, не скучно-ль такъ жить тому, кто имѣетъ чувствительное сердце». Мало-по-малу знакомство однако завязалось. Кругъ этого знакомства, насколько можно судить по письмамъ Фонвизина, состоялъ изъ людей чиновныхъ и знатныхъ, среди которыхъ замѣшалось лишь одно имя, выборъ котораго объясняется артистическими наклонностями молодого писателя,—имя Ив. Аѳ. Дмитревскаго, котораго Ф. называлъ «человѣкомъ честнымъ, умнымъ, знающимъ». Изъ своихъ сверстниковъ, принадлежавшихъ къ свѣтской молодежи, Ф. особенно близко сошелся съ Вас. Ал. Аргамаковымъ, своимъ будущимъ зятемъ, служившимъ въ то время въ конной гвардіи, и съ кн. Ѳ. А. Козловскимъ, служившимъ въ Преображенскомъ полку. «Склонности и сходство нравовъ соединили насъ такъ много, что произошло оттуда истинное дружество», писалъ Ф. объ Аргамаковѣ. Съ кн. Козловскимъ, кромѣ подобнаго же сходства нравовъ, могли сближать Дениса Ивановича литературные интересы: Ѳ. А. Козловскій († 1770) не безъ нѣкотораго успѣха пробовалъ свои силы въ прозѣ и въ стихахъ. Знакомство съ этимъ рано умершимъ писателемъ оставило глубокій слѣдъ въ воспоминаніяхъ Фонвизина. Козловскій ввелъ своего друга въ общество, о которомъ тотъ впослѣдствіи не могъ «безъ ужаса вспомнить, ибо лучшее препровожденіе времени состояло въ богохуленіи и кощунствѣ. Въ первомъ, замѣчаетъ Ф., не принималъ я никакого участія и содрогался, слыша ругательство безбожниковъ; а въ кощунствѣ игралъ я и самъ не послѣднюю роль. Въ сіе время сочинилъ я Посланіе къ Шумилову, въ коемъ нѣкоторые стихи являютъ тогдашнее мое заблужденіе, такъ что отъ сего сочиненія у многихъ прослылъ я безбожникомъ»; Авторъ «Посланія къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ» въ шуточной формѣ касается философскаго вопроса, на которомъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливались мыслители XVIII вѣка, вопроса о такъ называемыхъ конечныхъ причинахъ (causes finales), о цѣляхъ міровданія; отвѣтъ сатирика на этотъ вопросъ—безнадежно скептическій, если не вполнѣ отрицательный: «И самъ не знаю я, на что сей созданъ свѣтъ!» Въ этомъ стихотвореніи, по словамъ Фонвизина, отразилось лишь его мимолетное, поверхностное увлеченіе; въ глубинѣ души его таилось постоянно иное, религіозное настроеніе. Это настроеніе подверглось новому испытанію, когда все тотъ же кн. Козловскій познакомилъ Фонвизина съ какимъ-то старикомъ графомъ, который «ничему не вѣрилъ». «Разсужденія его, говоритъ Ф., были софистическія и безуміе явное, но со всѣмъ тѣмъ поколебали душу мою». Эти колебанія прекратились, душевное настроеніе Дениса Ивановича пришло въ прежнее равновѣсіе послѣ бесѣды съ Г. Н. Тепловымъ, человѣкомъ умнымъ, ловкимъ и немножко философомъ (онъ составилъ книгу: «Наставленія нравственной философіи, или знанія до философіи касающіяся»). Тепловъ посовѣтовалъ Фонвизину прочитать сочиненіе англійскаго писателя Самуэля Кларка: «Доказательства бытія Божія и истины христіанскія вѣры». Книга такъ понравилась успокоившемуся скептику, что онъ рѣшился перевести ее на русскій языкъ и «издавъ въ свѣтъ сдѣлать нѣкоторую услугу соотчичамъ». Тепловъ которому сообщилъ о своемъ намѣреніи Ф., замѣтилъ, что изданіе полнаго перевода можетъ встрѣтить затрудненія, и посовѣто-

валъ сдѣлать лишь извлеченіе изъ книги Кларка. «Я послѣдовалъ совѣту Григорья Николаевича, говоритъ Ф., и сдѣлалъ выписку изъ Кларка. Недавно я ее читалъ и нахожу за нужное поправить нѣчто, а впрочемъ выписка годится. Въ самомъ концѣ моихъ «Признаній» я ее прилагаю, сердечно желая, чтобы трудъ мой принесъ хотя нѣкоторую пользу благомыслящимъ читателямъ». Признанія остались не оконченными. Не дошла до насъ и выписка изъ Кларка.

Литературные интересы и занятія Фонвизина сплетались и съ общественными, и съ служебными его отношеніями. Начальникъ Фонвизина Иванъ Перфильевичъ Елагинъ считался въ свое время замѣчательнымъ писателемъ: его переводы признавались «примѣрными на россійскомъ языкѣ» («Словарь» Новикова), его называли «первымъ нашимъ писателемъ въ прозѣ» послѣ Ломоносова; начитанность Елагина казалась «изумительной» («Извѣстіе» Дмитревскаго). Сближеніе съ такимъ человѣкомъ не могло, конечно, не имѣть вліянія на дѣятельность 20-лѣтняго писателя. Извѣстно, что Ф. высоко цѣнилъ литературныя мнѣнія Елагина, дорожилъ его критическими замѣчаніями. «Не хочу видѣть мою комедію представленною, — писалъ Ф. Елагину о Бригадирѣ, — прежде нежели вы мнѣ самую истину о ней сказать изволите, то есть прикажете выключить то, что вамъ не нравится, и прибавить то, что вамъ угодно. Ваша критика мнѣ необходима». Въ одной изъ статей, написанныхъ Фонвизинымъ уже въ концѣ жизни (1788), сочиненія Елагина упоминаются, какъ образцы «россійскаго витійства». Ближайшимъ сослуживцемъ Фонвизина былъ также писатель, — Владиміръ Игнатьевичъ Лукинъ (1737—1794), авторъ комедій, пользовавшихся въ свое время извѣстностью. Лукинъ былъ секретаремъ Елагина, Ф.—его помощникомъ. Писатели-сослуживцы не сумѣли сохранить добрыхъ отношеній. Лукинъ, правда, высоко цѣнилъ талантъ Фонвизина, признавалъ, что тотъ имѣетъ больше его «способности и знанія», но это не мѣшало секретарю Елагина всячески вредить своему помощнику по службѣ. «Невозможно представить себѣ на мысль, — писалъ Ф. отцу (26 іюня 1766),—всѣ тѣ злости, всѣ тѣ бездѣльническія хитрости, которыя употреблялъ онъ въ поврежденіе меня въ мысляхъ Ивана Перфильевича и всей его фамиліи». Ф. отзывался о своемъ противникѣ какъ о человѣкѣ умномъ, хотя и неуживчивомъ; что же касается литературной дѣятельности Лукина, то она давала матеріалъ для обычной насмѣшливости остроумнаго сатирика. Гордый Лукинъ не могъ, конечно, простить этихъ насмѣшекъ. «Сей человѣкъ, читаемъ въ «Чистосердечномъ Признаніи», имѣющій впрочемъ разумъ, былъ безпримѣрнаго высокомѣрія и правомъ тяжелъ преснесносно. Онъ упражнялся въ сочиненіяхъ на русскомъ языкѣ; физіономія ли моя, или не весьма скромный мой отзывъ о его перѣ причиною стали его ко мнѣ ненависти. Могу сказать, что въ домѣ самаго честнаго и снисходительнаго начальника велъ я жизнь самую непріятнѣйшую отъ дѣйствія ненависти его любимца». Ф. пытался вывести Елагина «изъ заблужденія», надѣялся, что Елагинъ «узнаетъ мало-помалу, что любилъ бездѣльника». Но эти надежды не сбылись. Расположеніе министра къ своему секретарю осталось неизмѣннымъ. Въ 1769 г. Ф. писалъ Елагину изъ Москвы: «Ваше превосходительство изволите сами знать, что я для милліона резоновъ съ г. Лукинымъ быть вмѣстѣ не могу». Вскорѣ послѣ этого Ф. дѣйствительно оставилъ службу при Елагинѣ.

Кромѣ упомянутаго выше Посланія къ слугамъ и Выписки изъ Кларка, Фонвизинъ написалъ въ это время (1763—1769) нѣсколько оригинальныхъ произведеній въ стихахъ и въ прозѣ и издалъ нѣсколько переводныхъ работъ. Предполагаютъ, что изъ немногихъ дошедшихъ до насъ стихотвореній Фонвизина къ этой именно порѣ относятся: «Къ уму моему» (отрывокъ) и «Матюшка разнощикъ» (извѣстно только по упоминанію въ словаряхъ Новикова и м. Евгенія и въ посланіи А. С. Хвостова). Въ письмѣ сестры Ф-на Ѳ. Ив. Аргамаковой отъ 7 іюля 1765 г. упоминается привѣтствіе императрицѣ въ стихахъ, написанное Фонвизинымъ, по порученію Елагина, по случаю закладки церкви въ Академіи Художествъ: «Сегодня Василій Алексѣевичъ (Аргамаковъ) и братецъ Денисъ Ивановичъ поѣхали въ академію; тамъ празднество и сама государыня изволитъ присутствовать... Братецъ поѣхалъ нѣ-

сколько и для того, что, думаю, хоръ академіи будетъ пѣть его похвальные государынѣ стихи, которые велѣлъ ему сдѣлать Елагинъ... Стихи, которые не болѣе какъ на девяти строкахъ, братецъ сдѣлалъ на одну матерію трижды и показалъ всѣ три сочиненія Елагину». Въ припискѣ къ письму замѣчено: «стиховъ братцовыхъ въ академіи не пѣли, а пѣли стихи Теплова, которые очень дурны передъ братцовыми». Переводныя работы Фонвизина этой поры: «Любовь Карпты и Полидора», романъ Ж. Ж. Бартелеми (1763), «Торгующее дворянство противуположенное дворянству военному», сочиненіе аббата Куайе (Coyer), съ приложеніемъ «особливаго о томъ же разсужденія г. Юстія» (1766); «Сидней и Силли, или благодѣяніе и благодарность», повѣсть Арно (1769); «Іосифъ», поэма въ девяти пѣсняхъ, соч. г. Битобе (1769). Въ 1764 г. поставлена была на сценѣ комедія Фонвизина «Коріонъ», написанная стихами. Вслѣдъ за Коріономъ появился знаменитый «Бригадиръ». Время перваго изданія и перваго представленія этой комедіи неизвѣстно. Съ вѣроятностью можно отнести появленіе Бригадира къ 1768 — 1769 гг. Дмитревскій, пріятель Фонвизина, отправившійся въ августѣ 1767 г. заграницу и составившій во время путешествія «Извѣстіе о русскихъ писателяхъ», говоритъ и о Фонвизинѣ, но въ числѣ его произведеній еще не знаетъ Бригадира; въ іюльскомъ выпускѣ журнала «Пустомеля» за 1770 г. упоминается о комедіи Фонвизина, которая «столько по справедливости разумными и знающими людьми была похваляема, что лутчаго и Моліеръ во Франціи своимъ комедіямъ не видалъ принятія и не желалъ». Замѣтка относится, конечно, къ Бригадиру. Выраженія замѣтки указываютъ на то, что въ половинѣ 1770 года комедія Фонвизина не была уже послѣдней литературной новинкой. По свидѣтельству самого Фонвизина Бригадиръ написанъ почти одновременно съ Іосифомъ: «Тогда сдѣлалъ я Бригадира; скоро потомъ перевелъ Іосифа, и все сіе окончилъ въ Москвѣ... Я пріѣхалъ въ Петербургъ и привезъ съ собой Бригадира и Іосифа». Подобное же указаніе находимъ въ письмѣ Фонвизина къ Елагину изъ Москвы: «я время мое провожу здѣсь весьма полезно... перевелъ Іосифа, напечаталъ Сиднея, пишу стихи, дописалъ почти свою комедію.» Какъ «Сидней», такъ и «Іосифъ» появились въ печати въ 1769 г. Въ этомъ же, очевидно, году возвратился Ф. въ Петербургъ и привезъ съ собой «Бригадира». Въ бумагахъ Фонвизина отысканы были: начало комедіи «Добрый наставникъ» и отрывокъ другой какой-то комедіи. Предполагаютъ, что эти отрывки написаны вскорѣ послѣ «Бригадира».

Изъ переводовъ Фонвизина особенный успѣхъ имѣла поэма «Іосифъ», выдержавшая нѣсколько изданій (1769, 1780, 1787, 1790, 1802, 1819). Біографъ Фонвизина кн. П. А. Вяземскій подсмѣивается надъ славянизмами Фонвизина въ Іосифѣ: ревностному карамзинисту «эти славянизмы напоминаютъ каррикатурныя лица французскихъ водевилей». Иначе судили современники переводчика. «Поэму Іосифъ, говоритъ Новиковъ, перевелъ прозою на Россійскій языкъ съ совершеннымъ искусствомъ. Въ переводѣ семъ держался онъ важности славенскаго и чистоты Россійскаго языка». Для объясненія дѣла нужно припомнить замѣчаніе Карамзина объ Елагинскомъ періодѣ въ исторіи нашего литературнаго слога: «раздѣляя слогъ нашъ на эпохи, первую должно начать съ Кантемира, вторую съ Ломоносова; третію съ переводовъ славяно-русскихъ господина Елагина и его многочисленныхъ подражателей». Очевидно, и Ф., какъ переводчикъ, принадлежитъ къ этой именно Елагинской эпохѣ.

Къ числу переводовъ можно отнести и комедію «Коріонъ», представляющую передѣлку драмы Грессе (Gresset): Сидней. Не вполнѣ оригиналенъ по замыслу и Бригадиръ. Образцомъ для этой комедіи послужило одно изъ произведеній того датскаго писателя, съ которымъ Ф. познакомился еще въ университетѣ. Гольбергъ въ комедіи Jean de France выставляетъ молодого человѣка, побывавшаго въ Парижѣ, считающаго себя представителемъ высшей культуры, пренебрежительно относящагося къ родному языку и къ родному быту. Таковъ же и Иванушка Фонвизина. Замѣчательно, что въ одно время съ «Коріономъ» Фонвизина (1764) поставлена была на сценѣ комедія «Французъ Русскій», переложенная Елагинымъ изъ упомянутой комедіи; эту же конечно пьесу отмѣчаетъ «Драматическій словарь» подъ заглавіемъ: «Жанъ де Моле, комедія въ 5 дѣйствіяхъ

г. Елагина»; авторъ, по отзыву словаря, показываетъ развращеніе тѣхъ молодыхъ людей, «кои, къ сожалѣнію нашему, будучи въ чужихъ краяхъ, возвращаются подобными персонажу Жана де Моле, не обрѣтя ничего, кромѣ тщеславія и нетерпѣнія своего языка». Комедія Фонвизина заставила забыть передѣлку Елагина. Литературныя достоинства комедіи, мастерское чтеніе автора доставили Бригадиру рѣдкій, необыкновенный успѣхъ. «Надобно примѣтить, говоритъ Ф., что я... читалъ мастерски. Чтеніе мое заслужило вниманіе А. И. Бибикова и графа Гр. Гр. Орлова, который не премнулъ донести о томъ государынѣ». Императрица пожелала ознакомиться съ «Бригадиромъ» въ передачѣ автора. 29 іюня въ Петергофѣ Ф. представленъ былъ Екатеринѣ. Она прерывала чтеніе выраженіями своего одобренія, а выслушавъ всю пьесу поблагодарила автора «всемилостивѣйшимъ привѣтствіемъ». Затѣмъ Ф. читалъ свою комедію у Наслѣдника престола, у гр. П. Ив. Панина, у гр. Зах. Гр. Чернышева и др., вездѣ выслушивая единодушныя похвалы. Кн. Козловскій говорилъ Фонвизину, что «весь Петербургъ наполненъ его комедіею, изъ которой многія острыя слова употребляются уже въ бесѣдахъ». Тоже говорилъ ему гр. Н. Ив. Панинъ: «я васъ увѣряю, что нынѣ во всемъ Петергофѣ (гдѣ находился тогда дворъ) ни о чемъ другомъ не говорятъ, какъ о комедіи и о чтеніи вашемъ». Панинъ называлъ «Бригадира» «первой комедіей въ нашихъ нравахъ»; его особенно заинтересовалъ характеръ Бригадирши: «я удивляюсь, говорилъ Никита Ивановичъ Фонвизину, вашему искусству, какъ вы, заставя говорить такую дурищу во всѣ пять актовъ, сдѣлали однако роль ея столько интересною, что все хочется ее слушать; я не удивляюсь, если сія комедія столь много имѣетъ успѣха». Эти извѣстія объ успѣхѣ «Бригадира», переданныя самимъ Фонвизинымъ въ его «Признаніи», подтверждаются и другими свидѣтельствами. Приведенная выше замѣтка «Пустомели» говоритъ, что авторъ Бригадира выслушивалъ такія похвалы, какихъ, можетъ быть, не слыхалъ и Мольеръ. «Драматическій словарь» (1787 г.) называетъ комедію Фонвизина «правящеюся публикѣ» и «невыходящею изъ вкуса»; она «часто представлялась на театрахъ, какъ въ Санктпетербургѣ, такъ и въ Москвѣ, завсегда къ отмѣнному удовольствію зрителей». Позднѣйшая критика указала нѣкоторые недочеты какъ въ построеніи комедіи, такъ и въ отдѣльныхъ подробностяхъ, но эти недочеты съ остаткомъ покрываются яркой характеристикой дѣйствующихъ лицъ: недалекой, забитой, но добродушной Бригадирши, взяточника и ханжи совѣтника, русскаго француза Иванушки, крутого и грубаго Бригадира.

Служебное честолюбіе Фонвизина не удовлетворялось занятіями у Елагина. По-видимому и самое поступленіе Фонвизина на службу къ кабинетъ-министру состоялось лишь по желанію его родныхъ. Молодому человѣку казалась болѣе привлекательной служба въ иностранной коллегіи. Въ письмѣ къ роднымъ отъ 9 февр. 1764 г. (т. е. спустя четыре мѣсяца послѣ начала занятій у Елагина), Ф. оправдывается въ какихъ-то отношеніяхъ къ коллегіи: «Напрасно думаете, чтобъ хотѣлъ я остаться въ коллегіи для того, чтобы всѣхъ тѣмъ огорчить васъ. Къ тому-же я очень знаю, сколь много я любимъ вами, и сколь много счастье мое вамъ нужно». Досада родныхъ имѣла однако основаніе. Вслѣдъ за приведенными словами Денисъ Ивановичъ сообщаетъ о своихъ планахъ относительно службы: онъ разсчитываетъ получить какое-то мѣсто при нашемъ резидентѣ въ Данцигѣ: «ce n'est pas loin d'ici, et je pourrais venir et revenir en Russie autant qu'il me plaira», утѣшалъ родныхъ молодой чиновникъ. Это предположеніе о Данцигѣ не осуществилось. Спустя четыре года, въ 1768 г., секретарь Елагина жаловался роднымъ на невнимательность своего шефа. «Въ производствѣ моемъ надежды никакой нѣтъ. По крайней мѣрѣ Иванъ Перфильевичъ о томъ, кажется, уже забылъ... Онъ меня любитъ, да вся его любовь состоитъ только въ томъ, чтобъ со мною отобѣдать и проводить время. О счастіи же моемъ не рачитъ онъ ни мало». Ф. рѣшился «расквитаться» съ Елагинымъ. Въ 1768 г. онъ выхлопоталъ себѣ продолжительный отпускъ и поселился въ Москвѣ. Въ слѣдующемъ году осуществилось желаніе Фонвизина: онъ расквитался съ Елагинымъ и вернулся къ первоначальной своей службѣ.

9 декабря 1769 г. по именному указу, Денисъ Фонвизинъ опредѣленъ былъ въ

коллегію иностранныхъ дѣлъ, во главѣ которой стоялъ въ это время гр. Ник. Ив. Панинъ, знавшій и оцѣнившій талантливость автора «Бригадира». Кромѣ завѣдыванія иностранными дѣлами, у Панина была еще другая важная должность, «надзираніе надъ воспитаніемъ великаго князя Павла Петровича». Служба при Панинѣ оказалась не легкой. Въ письмахъ Фонвизина этой поры нерѣдко встрѣчаются оговорки о «крайнихъ недосугахъ», о «стеченіи множества дѣлъ», которыя занимаютъ все его время. «Время, конечно, у тебя мало,—писалъ Фонвизину его пріятель В. Зиновьевъ,—и я на тебя не буду пенять, хотя и очень рѣдко будешь писать». Обширная переписка, которую приходилось вести Фонвизину, была большею частію дополненіемъ къ его служебнымъ занятіямъ. По мѣткому замѣчанію кн. Вяземскаго, въ этой перепискѣ секретаря Панина «видимъ его, такъ сказать, проводникомъ, къ которому примыкали всѣ второстепенныя, содѣйствующія и предварительныя сношенія многосложныхъ пружинъ съ главнымъ побудителемъ политическаго движенія». Извѣстны письма къ Фонвизину нашихъ пословъ въ Варшавѣ (Сальдерна и Штакельберга), Лондонѣ (Мусина-Пушкина), Мадридѣ (Зиновьева), Стокгольмѣ (гр. Остермана), Цареградѣ (Обрѣскова), секретаря посольства въ Варшавѣ Я. И. Булгакова и др. Сохранились и письма Фонвизина къ нѣкоторымъ изъ этихъ лицъ. Брату своего начальника П. Ив. Панину Ф. считалъ себя обязаннымъ сообщать постоянныя извѣстія о ходѣ политическихъ событій; въ приложеніяхъ къ письмамъ помѣщались копіи болѣе важныхъ и любопытныхъ дипломатическихъ бумагъ.

Отъ этой же поры дошло до насъ нѣсколько писемъ Фонвизина къ роднымъ, изъ которыхъ видно, какіе трудные и тяжелые дни приходилось иногда переживать людямъ, близкимъ къ Н. Панину. Враждебное къ нему отношеніе могущественнаго кн. Орлова, придворныя интриги, вторгавшіяся въ дѣятельность министра и воспитателя цесаревича, не оставляли въ покоѣ и сотрудниковъ Панина. Въ одномъ изъ писемъ 1773 года Ф. жалуется на интриги, какихъ «ни въ какомъ скаредномъ приказѣ нѣтъ». «Все вертится, пишетъ секретарь Панина, надъ бѣднымъ моимъ графомъ, котораго терпѣнію, кажется, конца не будетъ. Брата своего онъ сюда привезти боится, чтобъ еще скорѣе ему шеи не сломили, а здѣсь ни одной души не имѣетъ, ктобъ ему былъ истинный другъ. Ужасное состояніе. Я ничего у Бога не прошу, какъ чтобъ вынесъ меня съ честію изъ этого ада». Это ужасное состояніе было бы совершенно невыносимымъ, еслибы Фонвизина не поддерживала свойственная ему веселость и энергія духа, которыхъ онъ не терялъ среди самыхъ тягостныхъ обстоятельствъ. «Знай, матушка, писалъ Ф. сестрѣ,—что я весьма скучаю придворною жизнью. Ты вѣдаешь, созданъ ли я для нея. Между тѣмъ я положилъ за правило стараться вести время свое такъ весело, какъ могу, и если знаю, что сегодня въ такомъ-то домѣ будетъ мнѣ весело, то у себя дома не остаюсь». Было бы ошибкой видѣть въ этихъ словахъ указаніе только на свѣтскія развлеченія Фонвизина. Среди людей, въ обществѣ которыхъ находилъ онъ отдыхъ и отраду, было не мало лицъ, съ которыми связывали автора Бригадира литературные интересы. Онъ бывалъ у Державина, знакомъ былъ съ Княжининымъ, Козодавлевымъ, Домашневымъ, Херасковымъ, Майковымъ, Богдановичемъ, Барковымъ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ писателей Ф. встрѣчался въ литературномъ кружкѣ, собиравшемся у г-жи Мятлевой. По свидѣтельству кн. Вяземскаго, основанному на письмѣ Н. В. Мятлева, «въ сихъ собраніяхъ (у Мятлевой) находилась всегда А. И. Приклонская, съ отличнымъ умомъ, начитанностью, склонностью къ литературѣ, отмѣннымъ даромъ слова и прекраснымъ органомъ... Тѣлесныя свойства природы ея не соотвѣтствовали умственнымъ: длинная, сухая, съ лицомъ, искаженнымъ оспою, она не могла бы внушить склонности человѣку, который смотрѣлъ бы одними внѣшними глазами, но умъ сочувствуетъ уму, и зрѣніе умнаго человѣка имѣетъ свою оптику. Какъ бы то ни было, но Ф. былъ ей преданъ сердцемъ, мыслями и волею: она одна управляла имъ, какъ хотѣла, и чувства его къ ней имѣли все свойство страсти, и страсти безпредѣльной». Въ «Чистосердечномъ Признаніи» Ф. передаетъ намъ нѣсколько свѣдѣній о своихъ отношеніяхъ къ любимой женщинѣ. «Я познакомился съ нею, говоритъ онъ, и скоро узналъ, что почте-

ніе мое превратилось въ нелицемѣрную къ ней привязанность... Съ тѣхъ поръ во все теченіе моей жизни по сей часъ сердце мое всегда было занято ею. Ибо страсть моя основана на почтеніи и не зависѣла отъ разности половъ». Объ этой страсти упоминаетъ Ф. въ одномъ изъ писемъ къ сестрѣ. Этой же страстью внушено посвященіе переводной повѣсти: «Сидней и Силли»: «слѣдуя волѣ твоей, перевелъ я Сиднея, и тебѣ приношу переводъ мой. Что мнѣ нужды, будутъ ли хвалить его другіе? Лишь бы онъ понравился тебѣ. Ты одна всю вселенную для меня составляешь».

Въ 1773 г. Гр. Панинъ получилъ въ награду богатыя помѣстья. Цѣня заслуги своихъ секретарей (Бакунина, Убри и Фонвизина), Панинъ подѣлился съ ними высочайшимъ подаркомъ. Фонвизину досталось имѣніе въ витебской губерніи съ крѣпостнымъ населеніемъ въ 1180 чел. Не мѣшаетъ при этомъ припомнить, что Ф., кромѣ занятій по должности секретаря министра, исполнялъ нерѣдко и частныя порученія Никиты Ивановича и Цесаревича. Объ этомъ мы узнаемъ изъ записокъ Клостермана, коммиссіонера Фонвизина. «Великій князь наслѣдникъ и графъ Панинъ, говоритъ Клостерманъ, поручали ему покупать статуи и картины славныхъ художниковъ, книжныя рѣдкости, гравюры и проч. Я очень часто ѣздилъ съ нимъ въ лавки, въ которыхъ, равно какъ и на аукціонахъ, случалось ему дѣлать значительныя закупки. Когда ему самому не хотѣлось ѣхать на общественную распродажу художественныхъ произведеній, онъ посылалъ торговаться меня, отмѣтивъ предварительно въ каталогѣ, что нужно было купить. Такимъ образомъ я вошелъ въ сношенія съ главнѣйшими парижскими книгопродавцами... что доставило мнѣ въ послѣдствіи значительныя выгоды». Клостерманъ открылъ въ Петербургѣ магазинъ книгъ, картинъ и другихъ художественныхъ произведеній. Въ торговыхъ операціяхъ Клостермана принималъ участіе и Ф. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи 1786 г. онъ говоритъ: «заведенная мною коммерція вещами, до художествъ принадлежащими, и отправляемая нынѣ санктпетербургскимъ первой гильдіи купцомъ Германомъ Клостерманомъ, должна остаться въ полномъ и единственномъ хозяйствѣ и расположеніи жены моей».

Женился Ф. въ 1774 г. на вдовѣ Катеринѣ Ивановнѣ Хлоповой, рожд. Роговиковой. Передъ женитьбой, въ началѣ 1774 г., Ф. побывалъ въ Москвѣ; въ концѣ этого года онъ снова собирался пріѣхать въ родной городъ. Этотъ послѣдній пріѣздъ объясняется служебными отношеніями. Въ январѣ 1775 г. императрица Екатерина, вмѣстѣ со всѣмъ дворомъ, отправилась въ Москву для празднованія окончанія турецкой войны, заключенія кайнарджискаго мира.

Въ 1777 г. разстроившееся здоровье г-жи Фонвизиной потребовало климатическаго лѣченія и мѣстомъ лѣченія избрана была южная Франція. Въ началѣ іюля Фонвизины выѣхали изъ Петербурга. На пути они останавливались въ Варшавѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Мангеймѣ, Страсбургѣ, Ліонѣ. Въ Монпелье, гдѣ лѣчилась Катерина Ивановна, они пробыли около двухъ мѣсяцевъ. «Житье въ Монпелье было не тщетно», по выраженію Фонвизина. Когда здоровье жены достаточно окрѣпло, Денисъ Ивановичъ, «взялъ намѣреніе воспользоваться остающимся временемъ и посмотрѣть нѣкоторыя южныя французскія провинціи». Онъ посѣтилъ Лангедокъ, Провансъ, Дофинэ, Бургонь, Шампань. «Осмотрѣвъ все то, что заслуживало любопытство въ сихъ провинціяхъ», Ф. направился въ Парижъ, куда прибылъ 20 февр. 1778 г. Въ столицѣ Франціи русскіе путешественники пробыли полгода. Осенью 1778 г. они вернулись въ Петербургъ.

Человѣкъ, близкій къ Ник. Ив. Панину, сотрудникъ лица, руководившаго внѣшней политикой русскаго правительства, находилъ, конечно, радушный пріемъ и у нашихъ пословъ, и при иностранныхъ дворахъ. Въ Варшавѣ русскій посланникъ Штакельбергъ «офриповалъ намъ,—замѣчаетъ Ф.,—домъ свой такъ, чтобъ мы его за нашъ собственный почитали». На куртагѣ секретарь Панина представленъ былъ королю. «Король, разсказываетъ Ф., подошедъ ко мнѣ, сказалъ съ видомъ весьма ласковымъ, что онъ знаетъ меня давно по репутаціи и что весьма радъ видѣть меня въ своей землѣ. Потомъ спрашивалъ меня о состояніи здоровья жены моей и долго ли здѣсь останемся. На отвѣтъ мой, что я не могу имѣть счастія долго здѣсь пробыть, сказалъ онъ мнѣ, что весьма о томъ жалѣетъ, что

такое короткое время не позволяетъ ему оказать мнѣ всей аттенціи, которую-бъ онъ хотѣлъ мнѣ сдѣлать». Въ Мангеймѣ, резиденціи курфюста Пфальцскаго, Ф., зная «положеніе сего двора въ разсужденіи нашего», нашелъ нужнымъ представиться курфирсту. Ласково принятый при этомъ маленькомъ дворѣ, русскій путешественникъ изъ разговора съ курфирстомъ и его супругой убѣдился въ ихъ «просвѣщенномъ благоразуміи, усердіи къ нашему двору и большомъ уваженіи» къ Н. Ив. Панину. Предъ отправленіемъ въ Монпелье Ф. получилъ рекомендательныя письма къ маркизѣ Fraizeville, которая перезнакомила Дениса Ив-ча и его жену со всей мѣстной знатью. Жившіе въ Парижѣ русскіе встрѣтили заѣзжаго соотечественника какъ желаннаго гостя. «На другой день (послѣ пріѣзда въ Парижъ),— разсказываетъ Ф.,—послалъ я къ секретарю нашего министра, чтобъ онъ ко мнѣ пришелъ; вмѣсто секретаря Барятинскій самъ прискакалъ ко мнѣ верхомъ и обошелся со мною, какъ съ роднымъ братомъ. Онъ меня взялъ съ собою и повезъ къ Шуваловой, Строганову, Разумовскому и къ другимъ русскимъ». Гр. Шувалова и гр. Строганова пріѣхали навѣстить жену Дениса Ивановича, не дожидаясь ея визита; онѣ хотѣли показать, что «желаютъ обходиться съ нами безъ всякихъ чиновъ», замѣчаетъ путешественникъ. «И дѣйствительно, мы всѣ видимся всякій день,—продолжаетъ Ф. Русскихъ здѣсь множество и всѣ живутъ какъ одна семья». Продолжительный отпускъ Фонвизина, его полугодовое пребываніе въ Парижѣ, свидѣтельствуя о вниманіи и расположеніи Панина къ своему секретарю, наводятъ вмѣстѣ съ тѣмъ на мысль, что при поѣздкѣ за-границу Ф. могъ получить какое-нибудь особое служебное порученіе. По словамъ Клостермана Ф. находился въ Парижѣ «по дѣламъ». Есть впрочемъ извѣстіе, объясняющее продолжительный отпускъ Фонвизина иначе: онъ будто бы принужденъ былъ уѣхать изъ Россіи, потому что навлекъ на себя неудовольствіе могущественнаго Потемкина.

Находясь за-границей, Ф. поддерживалъ дѣятельную переписку съ П. Ив. Панинымъ и съ московскими родными. Въ обширныхъ и интересныхъ письмахъ изъ Франціи русскаго сатирика читатель находитъ рядъ замѣтокъ о жизни двора и дворянства, о положеніи духовенства, объ административномъ и судебномъ строѣ французскаго королевства, о бытѣ крестьянъ, объ ученыхъ учрежденіяхъ и людяхъ, объ искусствѣ и артистахъ. Общій тонъ заграничныхъ писемъ Фонвизина вызвалъ рѣзкое осужденіе кн. Вяземскаго: «Дома бичъ предразсудковъ, ревнитель образованности и успѣховъ разума, Ф.-путешественникъ смотритъ на все глазами предразсудка и только что не гласнымъ образомъ, а отрицательными умствованіями проповѣдуетъ выгоду невѣжества». Такъ ли? Ф., по справедливому замѣчанію Н. С. Тихонравова,—«по природной склонности къ насмѣшливости, смотрѣлъ на заграничную жизнь глазами сатирика и описанія путешествій, служившія для него образцами, выбиралъ также написанныя въ сатирическомъ родѣ». Но и оставаясь вѣрнымъ своему сатирическому таланту, Ф. не закрывалъ глазъ передъ тѣми сторонами иноземнаго быта, которыя заслуживали уваженія и симпатіи. «Надобно отрещись вовсе отъ общаго смысла и истины, говоритъ онъ, если сказать, что нѣтъ здѣсь весьма много чрезвычайно хорошаго и подражанія достойнаго». Русскому путешественнику нравятся нѣкоторыя черты французскаго народнаго характера: «сердечная доброта, привязанность къ родинѣ». Французы, по отзыву Ф.,—«нація просвѣщенная и, по справедливости сказать, человѣколюбивѣйшая». Это замѣчаніе о просвѣщенной націи показываетъ, чѣмъ именно дорожилъ и интересовался Ф. при изученіи европейской, въ частности—французской жизни: его вниманіе привлекала культура Франціи, ея наука, литература, искусство. Удивляясь «множеству способовъ просвѣщенія» во Франціи, Ф. старался воспользоваться этими способами для пополненія своего образованія: онъ учился юриспруденціи у французскаго адвоката, слушалъ курсъ экспериментальной физики у Бриссона, пригласилъ къ себѣ для чтенія лекцій какого-то «учителя философіи», знакомился съ французскими писателями, усердно пополнялъ свою библіотеку, посѣщалъ засѣданія ученыхъ и литературныхъ обществъ. Въ одномъ изъ такихъ обществъ или съѣздовъ (le rendez-vous de la

république des lettres et des arts) русскій писатель выступилъ съ сообщеніемъ объ особенностяхъ родного языка: «я имѣлъ удачу понравиться въ собраніи разсказываніемъ о свойствѣ нашего языка», замѣчаетъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ роднымъ. По поводу своихъ занятій правовѣдѣніемъ Ф. выражается такъ: «Главное раченіе мое обратилъ я къ познанію здѣшнихъ законовъ. Сколь много не совмѣстны они въ подробностяхъ своихъ съ нашими, столь, напротивъ того, общія правосудія правила просвѣщаютъ меня въ познаніи существа самой истины и въ способахъ находить ее въ той мрачной глубинѣ, куда свергаютъ ее невѣжество и ябеда. Система законовъ сего государства есть зданіе, можно сказать, премудрое, сооруженное многими вѣками и рѣдкими умами». Находясь въ Парижѣ, авторъ «Бригадира» не могъ, конечно, не заинтересоваться французскимъ театромъ. Отъ комедіи французской Ф. въ восторгѣ. «Что принадлежитъ до спектаклей, пишетъ онъ, то комедія возведена здѣсь на возможную степень совершенства. Нельзя, смотря ее, не забываться до того, чтобъ не почесть ее истинною исторіею, въ тотъ моментъ происходящею. Я никогда себѣ не воображалъ видѣть подражаніе натурѣ столь совершеннымъ. Словомъ, комедія въ своемъ родѣ есть лучшее, что я въ Парижѣ видѣлъ».

Говоря о французской литературѣ, Ф. не скрываетъ недостатковъ нравственнаго характера нѣкоторыхъ писателей, какъ бы ни былъ великъ ихъ талантъ и литературный авторитетъ; онъ говоритъ объ этихъ недостаткахъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ, но самая рѣзкость этихъ выраженій свидѣтельствуетъ о силѣ впечатлѣнія, оставленнаго въ душѣ нашего писателя произведеніями французской литературы. «Не могу вамъ довольно изъяснить, пишетъ онъ, какими скаредами нашелъ я въ натурѣ тѣхъ людей, конхъ сочиненія вселили въ меня душевное къ нимъ почтеніе». Въ этихъ словахъ слышится разочарованіе и обида; русскому писателю до боли досадно отъ того, что нравственный уровень французской литературной среды оказался не соотвѣтствующимъ высотѣ талантовъ, блестѣвшихъ въ этой средѣ. Ф. цѣнилъ писателей, которые «соединили свои знанія съ поведеніемъ». Такими, по его суду, оказались Руссо, съ которымъ, впрочемъ, русскому путешественнику не удалось познакомиться, и Тома (Thomas), авторъ «Похвальнаго слова Марку Аврелію», которое переведено было Фонвизинымъ на русскій языкъ. «Судьба не велѣла мнѣ видѣть славнаго Руссо, пишетъ Ф. сестрѣ. Твоя однакожь правда, что чуть ли онъ не всѣхъ почтеннѣе и честнѣе изъ господъ философовъ нынѣшняго вѣка. По крайней мѣрѣ безкорыстіе его было строжайшее». О Тома нашъ писатель отзывается такъ: «Исключая Томаса, котораго кротость и честность мнѣ очень понравились, нашелъ я почти во всѣхъ другихъ много высокомѣрія, лжи, корыстолюбія и подлѣйшей лести». Одинъ изъ историковъ французской литературы называетъ Тома, любимца нашего сатирика, un homme de bien qu'aucun soupçon ne peut atteindre et qui échappa complétement à la contagion morale dans un siècle de licence,... philosophe à la manière des anciens, disciple d'Epictete et de Marc-Aurèle égaré parmi épicuriens». Что касается сужденій нашего писателя объ общественныхъ отношеніяхъ и административныхъ порядкахъ Франціи, то для правильной оцѣнки этихъ сужденій нужно припомнить время, къ которому относятся наблюденія Фонвизина,—время, когда старый государственный строй, ancien régime, доживалъ свои послѣдніе дни. Французскіе историки пользуются письмами Фонвизина, какъ цѣннымъ матеріаломъ для изображенія нѣкоторыхъ сторонъ быта дореволюціонной Франціи. Въ исторической хрестоматіи (Lectures historiques) по исторіи новаго времени, составленной Ж. Лакуръ-Гайе, приведено нѣсколько отрывковъ изъ писемъ Фонвизина, рисующихъ «сцены провинціальной жизни» (гл. XVIII, отд. II); отрывки приведены по французскому переводу, изд. съ предисловіемъ Мельхіора де Вогюэ. — Въ дополненіе слѣдуетъ замѣтить, что дѣлясь съ своими корреспондентами наблюденіями надъ европейской жизнью, авторъ никогда не забывалъ своего Иванушки. Онъ боялся и тѣни сходства съ тѣми людьми, которые выдавали себя за знатоковъ и поклонниковъ европейскаго образованія, не понимая на самомъ дѣлѣ и не умѣя понимать истиннаго смысла этого образованія.

«Я очень радъ, что видѣлъ чужіе края, пишетъ Ф. сестрѣ. По крайней мѣрѣ не могутъ мнѣ импозировать наши Jean de France... Спору нѣтъ, много есть (здѣсь) очень хорошаго, но повѣрь же мнѣ, истинно хорошаго сіи господа конечно и не примѣчали; оно ушло отъ ихъ вниманія. Можно вообще сказать, что хорошее здѣсь найдешь, поискавши, а худое само въ глаза валитъ». Въ этихъ послѣднихъ словахъ открывается предъ нами сатирикъ. Худое ему «въ глаза валитъ»; поэтому и картины, изображающія это худое, выходили подъ его перомъ болѣе живыми, болѣе колоритными, чѣмъ замѣтки о «хорошемъ и подражанія достойномъ».

При сложныхъ и многочисленныхъ занятіяхъ Фонвизина во время службы при Панинѣ списокъ его литературныхъ произведеній этой поры не могъ оказаться очень обширнымъ. Въ 1771 г. напечатано составленное Фонвизинымъ «Слово на выздоровленіе великаго князя Павла Петровича».—22 авг. 1775 г. Ф. выбранъ былъ членомъ «Вольнаго россійскаго собранія» при московскомъ университетѣ. Общество имѣло цѣлію «исправленіе и обогащеніе Россійскаго языка чрезъ изданіе полезныхъ, а особливо къ наставленію юношества потребныхъ сочиненій и переводовъ, стихами и прозою»; отъ 1774 по 1783 г. было издано 6 частей «Опыта трудовъ Вольнаго росс. собранія». Вѣроятно, къ этому изданію относится указанный кн. Вяземскимъ отрывокъ какой-то статьи Фонвизина подъ заглавіемъ: «Мнѣніе о избраніи піесъ въ Московскія сочиненія». Въ 1777 г. изданъ упомянутый выше переводъ «Похвальнаго слова Марку Аврелію».—24 сент. 1782 г. «представлена въ первый разъ въ Санктпетербургѣ» комедія «Недоросль»; въ печати эта комедія появилась въ 1783 г. Въ этомъ же году кн. Дашкова предприняла періодическое изданіе, подъ заглавіемъ «Собесѣдникъ любителей россійскаго слова»; къ участію въ этомъ изданіи привлечены всѣ лучшія литературныя силы того времени: Державинъ, Богдановичъ, Княжнинъ, Капнистъ и др. Ф. помѣстилъ въ «Собесѣдникѣ» слѣдующія статьи: «Опытъ россійскаго сословника», «Примѣчанія на критику опыта росс. сословника»; «Вопросы автору Былей и Небылицъ» (вмѣстѣ съ Вопросами помѣщены были и «Отвѣты сочинителя Былей и Небылицъ»); «Челобитная Россійской Минервѣ отъ Россійскихъ писателей»; «Къ сочинителю Былей и Небылицъ отъ сочинителя Вопросовъ»; «Поученіе говоренное въ Духовъ день іереемъ Василіемъ». По указанію С. Н. Глинки Фонвизину также принадлежитъ помѣщенный въ Собесѣдникѣ сатирическій разсказъ: «Повѣствованіе мнимаго глухаго и нѣмаго». Кромѣ перечисленныхъ произведеній, къ этой же порѣ литературной дѣятельности Ф-на (1770—1783) съ большей или меньшей вѣроятностью относятся: сатирическое стихотвореніе «Посланіе къ Ямщикову» (изв. только отрывокъ); «Каллисѳенъ, греческая повѣсть»; «Та-гіо или великая наука, заключающая въ себѣ высокую китайскую философію» (переводъ); «Обманчивая наружность, или человѣкъ нынѣшняго свѣта» (отрывокъ перевода одной изъ комедій Буасси: Les dehors trompeurs, ou l'homme du jour); «Краткое изъясненіе о вольности французскаго дворянства и о пользѣ третьяго чина» (переводъ); отрывокъ статьи «О почтахъ»; проектъ государственныхъ реформъ, составленный подъ руководствомъ Н. Панина. Въ 1778 г. Ф. хлопоталъ объ изданіи какого-то лексикона. «Я вижу, что и лексиконъ нашъ умираетъ при самомъ своемъ рожденіи, писалъ Ф. Я. И. Булгакову 25 янв. 1778 г.—Повивальная бабушка, т. е. Даниловскій, плохо его принимаетъ. Я считалъ его за половину, а онъ еще около первыхъ литеръ шатается. Увѣдомьте меня искренно, не спала ли у него охота. Я купилъ уже le grand Vocabulaire. Въ маѣ онъ его вѣрно получитъ; но если молодецъ лѣнится, то пожалуйте, по привозѣ le grand Vocabulaire, продайте его скорѣе и деньги ко мнѣ переведите; а я за здоровье Даниловскаго роздамъ ихъ нищимъ, между которыми много будетъ за него богомольцевъ и изъ кавалеровъ св. Людовика». Быть можетъ, Даниловскій, по порученію Фонвизина, подготовлялъ матеріалы для того труда, отрывки изъ котораго изданы были въ «Собесѣдникѣ л. р. сл.» подъ заглавіемъ «Опытъ Россійскаго сословника», т. е. объясненія синонимовъ. Давно замѣчено, что большая часть словотолкованій Фонвизина представляетъ переводъ изъ книги Жирара (Girard): Synonymes françois. Упоминаніе о Le grand vocabu-

laire могло относиться къ другому словарному труду: Le grand vocabulaire français, contenant 1° l'explication de chaque mot considéré dans ses diverses acceptions grammaticales propres, figurées, synonymes et relatives; 2° les loix de l'orthographie, celle de la prosodie etc. Par une société de gens de lettres (Paris, 1767—1774 г.). Сотрудникомъ Фонвизина былъ, вѣроятно, Іоакимъ Евпмовичъ Даниловскій, издавшій впослѣдствіи переводъ французской грамматики Ресто (Спб. 1812).

Въ 1771 г. А. П. Сумароковъ въ Послѣсловіи къ своему «Димитрію Самозванцу» жаловался на то, что въ драматической литературѣ «ввелся новый и пакостный родъ слезныхъ комедій»; эти комедіи «вползли уже въ Москву, не смѣя появиться въ Петербургѣ, нашли всенародную похвалу и рукоплесканіе». Александръ Петровичъ напрасно утѣшалъ себя, предполагая, что петербургская сцена остается вѣрною строго-классическимъ преданіямъ. Слезныя комедіи имѣли одинаковый успѣхъ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ. Еще въ 1765 г. знакомый намъ соперникъ Фонвизина В. И. Лукинъ въ предисловіи къ пьесѣ: «Мотъ любовію исправленный» говорилъ о любителяхъ «жалостныхъ комедій», объ успѣхѣ пьесъ Детуша (Destouches) и Нивель де-ла-Шоссе (Nivelle de la Chaussée). «Одна и весьма малая часть партера любитъ характерныя, жалостныя и благородными мыслями наполненныя, а другая, и главная, веселыя комедіи. Вкусъ первыхъ съ того времени утвердился, какъ они увидѣли де-Тушевы и Шоссевы комедіи». О покровителѣ Лукина Ив. П. Елагинѣ сохранилось извѣстіе, что онъ перевелъ «почти всѣ драматическія сочиненія Детуша». Вмѣстѣ съ переводами жалостныхъ комедій стали появляться и оригинальныя произведенія этого рода. Къ слезнымъ комедіямъ принадлежитъ, по литературному характеру, и «Недоросль» Фонвизина. По вѣрному замѣчанію кн. Вяземскаго, въ содержаніи комедіи «Недоросль» и въ лицѣ Простаковой «скрываются всѣ лютыя страсти, нужныя для соображеній трагическихъ: разумѣется, что трагедія будетъ не по греческой или по французской классической выкройкѣ, но не менѣе того развязка можетъ быть трагическая»; впрочемъ и въ данной Фонвизинымъ развязкѣ Недоросля, въ этомъ крикѣ отчаянія, вырвавшемся изъ сердца Простаковой: «Нѣтъ у меня сына!», есть несомнѣнный трагизмъ. Біографъ и критикъ Фонвизина находитъ въ «Недорослѣ» одинъ недостатокъ: «недостатокъ изобрѣтенія и неподвижность событія. Изъ сорока явленій, въ числѣ коихъ нѣсколько довольно длинныхъ, едвали найдется во всей драмѣ треть, и то короткихъ, входящихъ въ составъ самаго дѣйствія и развивающихся изъ него, какъ изъ драматическаго клубка». Но эти недостатки въ построеніи драмы оставались незамѣтными и ничтожными для современниковъ Фонвизина: они забывали о разматываніи драматическаго клубка, когда передъ ними развертывалась поразительная картина «злонравія», выросшаго на почвѣ крѣпостныхъ отношеній,— картина дикаго произвола, одинаково гибельнаго для господъ и рабовъ. Недоросль, по словамъ Фонвизина, имѣлъ «полный успѣхъ» (Письмо къ Медоксу). Въ «Драматическомъ словарѣ» отмѣчено, что при первомъ представленіи Недоросля «несравненно театръ былъ наполненъ и публика апплодировала піесу метаніемъ кошельковъ» (подарковъ артистамъ). Заслуживавшая «вниманіе отъ публики» и «принятая съ отмѣннымъ удовольствіемъ отъ всѣхъ» комедія «почасту на санктпетербургскомъ и московскомъ театрахъ была представляема». Сохранилось преданіе, что Потемкинъ «выходя изъ театра и увидѣвъ сочинителя, съ обыкновеннымъ своимъ просторѣчіемъ сказалъ ему шутя: «Умри теперь, Денисъ, или хоть больше ничего ужъ не пиши: имя твое безсмертно будетъ по этой одной піесѣ» (Словарь м. Евгенія).

Въ мрачныя картины «злонравія» и порока драматурги стараго времени вводили, обыкновенно, нѣсколько свѣтлыхъ образовъ, олицетворявшихъ добро и правду. Эти добродѣтельныя лица рѣдко увеличиваютъ художественное достоинство комедіи, но они важны для ознакомленія съ взглядами и симпатіями драматурговъ. Въ «Недорослѣ» главнымъ представителемъ воззрѣній автора выступаетъ Стародумъ, умоначертаніе котораго указываетъ отчасти его именемъ: «отецъ мой воспиталъ меня по тогдашнему,— говоритъ Стародумъ. — Служилъ онъ

Петру Великому. Тогда одинъ человѣкъ назывался ты, а не вы; тогда не знали еще заражать людей столько, чтобъ всякій считалъ себя за многихъ. За то нонче многіе не стоютъ одного». Въ этомъ противопоставленіи «тогда» и «нонче», былаго и настоящаго, Ф. сходится съ нѣкоторыми современными ему писателями, какъ Новиковъ, Болтинъ и др. «Въ старину думали, — читаемъ въ Трутнѣ,—что для украшенія разума науками надлежитъ цѣлый жить вѣкъ, то есть посвятить себя наукамъ,... изъ чего здѣлали пословицу: Вѣкъ живи и вѣкъ учись. Но молодые наши дворяне, увидя ясно невѣжество предковъ своихъ, изъ сего заблужденія вышли и изъ стараго правила сдѣлали новое: Недѣлю учися и вѣкъ живи». Въ выраженіи новиковскаго журнала: «въ старину думали» слышится, очевидно, голосъ такого же Стародума, какого рисуетъ Ф. Было бы, однако, ошибкой причислять Фонвизина или Новикова къ людямъ, которые помѣщаютъ всѣ свои симпатіи въ быломъ, которые томятся страннымъ желаніемъ остановить движеніе исторической жизни или даже направить это движеніе вспять. Авторъ «Недоросля», съ такой силой изображавшій недуги стараго быта, не могъ, конечно, быть сторонникомъ попятнаго движенія. Пользуясь идеализаціей былого для болѣе яркаго освѣщенія неприглядныхъ сторонъ современности, Ф. не пропускалъ, однако, случая, когда могъ высказаться противъ «стариннаго рабства» и невѣжества. Въ «Сокращенномъ описаніи житія графа Никиты Ивановича Панина», представляющемъ въ сущности не біографію этого министра, а идеальное изображеніе «добродѣтельнаго мужа», Ф. рисуетъ достоинства государственнаго человѣка такими чертами: «По внутреннимъ дѣламъ гнушался онъ въ душѣ своей поведеніемъ тѣхъ, кои по своимъ видамъ, невѣжеству и рабству составляютъ государственный секретъ изъ того, что въ націи благоустроенной должно быть извѣстно всѣмъ и каждому, какъ-то: количество доходовъ, причины налоговъ и проч. Не могъ онъ терпѣть, чтобъ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ учреждались самовластіемъ частныя коммиссіи мимо судебныхъ мѣстъ, установленныхъ защищать невинность и наказывать преступленія. Съ содроганіемъ слушалъ онъ о всемъ томъ, что могло нарушить порядокъ государственный,... всякій подвигъ презрительной корысти и пристрастія, всякій обманъ, обольщающій очи государя или публики, всякое низкое дѣйствіе душъ, заматерѣвшихъ въ робости стариннаго рабства и возведенныхъ слѣпымъ счастіемъ на знаменитыя степени, приводили въ трепетъ добродѣтельную его душу».

Племянникъ автора Недоросля М. А. Фонвизинъ сохранилъ извѣстіе, что по порученію и подъ руководствомъ Н. Панина Денисомъ Ивановичемъ составленъ былъ проектъ государственныхъ реформъ. Въ проектѣ шла рѣчь о верховномъ сенатѣ, которому предполагалось предоставить законодательную власть, о губернскихъ и уѣздныхъ дворянскихъ собраніяхъ, о постепенномъ освобожденіи крѣпостныхъ. Теперь извѣстно лишь введеніе къ этому акту, содержащее общія разсужденія, мотивировавшія, очевидно, потребность реформы. Рѣзкими чертами изображается здѣсь тяжелое положеніе государства при господствѣ временщиковъ и любимцевъ, когда «никто не намѣренъ заслуживать, всякой ищетъ выслуживать». Въ самомъ дѣлѣ, «посвятя жизнь свою военной службѣ, лестно ли дослужиться до полководства, когда вчерашній капралъ, неизвѣстно кто, и сказать стыдно, за что становится сегодня полководцемъ и принимаетъ начальство надъ заслуженнымъ и ранами покрытымъ офицеромъ?» Авторъ проекта пытается выяснить истинныя основы государственнаго благосостоянія: «при изслѣдованіи, въ чемъ состоитъ величайшее благо государствъ и народовъ, и что есть истинное намѣреніе всѣхъ системъ законодательства, найдемъ необходимо два главнѣйшіе пункта: вольность и собственность». Окружавшая писателя дѣйствительность была далека отъ живого осуществленія этихъ пунктовъ. «Представимъ себѣ, говоритъ Ф., государство, гдѣ люди составляютъ собственность людей, гдѣ человѣкъ одного состоянія имѣетъ право быть вмѣстѣ истцомъ и судьею надъ человѣкомъ другаго состоянія, гдѣ каждый слѣдственно можетъ быть или тиранъ, или жертва,... гдѣ народъ, пресмыкаясь во мракѣ глубочайшаго невѣ-

жества, носитъ безгласно бремя жестокаго рабства». Любопытно для объясненія дѣла сопоставить эти замѣчанія Фонвизина и Панина съ нѣкоторыми мѣстами изъ писемъ (1778—1779 гг.) цесаревича Павла Петровича къ П. И. Панину: «По несчастію употребляются они (государственные доходы) или на то, чтобъ доставить себѣ удовольствія,... или на то, чтобъ окружать себя людьми, кои, недовольствуясь милліонами, которые имъ даются, удвояютъ расходъ ихъ непорядочнымъ поведеніемъ и правленіемъ частей своихъ»;—«Спокойствіе внутреннее зависитъ отъ спокойствія каждаго человѣка, составляющаго общество; чтобъ каждый былъ спокоенъ, то должно, чтобъ его собственныя, такъ и другихъ, подобныхъ ему, страсти были обузданы,—чѣмъ ихъ обуздать инымъ, какъ законами? Они общая узда, и такъ должно о семъ фундаментѣ спокойствія общаго подумать. Здѣсь опять воспрещаю себѣ болѣе о семъ говорить, ибо нечувствительно сіе разсужденіе довело бы меня до того пункта, отъ котораго твердость и непоколебимость законовъ зависитъ, утверждая навсегда бытіе и состояніе на вѣчность каждаго и рода его.»... Сохранилось преданіе, что проектъ реформъ составленъ былъ Панинымъ и Фонвизинымъ съ вѣдома вел. кн. Павла Петровича и его супруги Натальи Алексѣевны, сочувствовавшихъ предположеніямъ реформаторовъ. Мысли, выраженныя въ проектѣ, должны были лечь въ основу законоположенія, которому Павелъ Петровичъ имѣлъ въ виду придать, по своемъ воцареніи, значеніе государственнаго устава.

Важныхъ государственныхъ и общественныхъ вопросовъ касается Ф. и въ нѣкоторыхъ литературныхъ своихъ работахъ. Въ «Челобитной Россійской Минервѣ», вызванной, какъ догадываются, столкновеніемъ Державина съ кн. А. А. Вяземскимъ, обращается вниманіе «Минервы» на положеніе литературы, на правовыя отношенія россійскихъ писателей: они жалуются въ своей челобитной на «знаменитыхъ невѣждъ», которые «постановили между собою условіе: всякое знаніе, а особливо словесныя науки, почитать не иначе какъ уголовнымъ дѣломъ». Глубоко-серьезное значеніе имѣютъ также нѣкоторые «Вопросы» Фонвизина, обращенные «къ автору «Былей и небылицъ». Въ «Бригадирѣ» набросанъ портретъ отставного взяточника, который откровенно сознается, что бралъ и съ виновныхъ и съ правыхъ: «Я самъ бывалъ судьею,—говоритъ совѣтникъ,—виноватый, бывало, платитъ за вину свою, а правый за свою правду; и такъ въ мое время всѣ довольны были: и судья, и истецъ, и отвѣтчикъ». Такимъ образомъ «правосудіе претворилось въ торжище», какъ замѣчено въ предисловіи къ проекту реформъ. Въ «Вопросахъ» Ф. осторожно намекаетъ на гласность судопроизводства, какъ на одну изъ мѣръ для прекращенія «торжища»: «Отъ чего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній правительства?» (вопр. 5). Екатерина отвѣчаетъ шуткой: «Для того, что вольныхъ типографій до 1782 г. не было».—Вопросъ 10-й («Отъ чего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?») имѣлъ цѣлію напомнить автору «Былей и небылицъ» былые годы, пору Наказа и Коммиссіи объ уложеніи. Вопросъ 21 («Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ») любопытенъ, какъ показатель пробудившейся въ русскомъ обществѣ потребности національнаго самоопредѣленія; Ф. не безъ причины предложилъ этотъ вопросъ императрицѣ Екатеринѣ: онъ помнилъ тѣ замѣчанія о «народномъ умствованіи», которыя внесены были въ «Наказъ» подъ вліяніемъ взглядовъ Монтескье: «Многія вещи господствуютъ надъ человѣкомъ: вѣра, климатъ, законы, правила, принятыя въ основаніе отъ правительства, примѣры дѣлъ прешедшихъ, нравы, обычаи. Отъ сихъ вещей рождается общее въ народѣ умствованіе съ оными сообразуемое.... Законоположеніе должно примѣняти къ народному умствованію. Мы ничего лучше не дѣлаемъ, какъ то, что дѣлаемъ вольно, не принужденно и слѣдуя природной нашей склонности (гл. VI, § 45, 46, 57).

31 марта 1783 г. умеръ Н. Ив. Панинъ. Вскорѣ послѣ смерти его Ф. вышелъ въ отставку «съ чиномъ статскаго совѣтника и ежегоднымъ пенсіономъ въ 3 т. рублей изъ почтовыхъ доходовъ». (Зап. Клостермана).

Въ исторіи нашего просвѣщенія 1783 годъ памятенъ, какъ годъ учрежденія

Россійской академіи. Въ спискѣ лицъ, вступившихъ въ члены академіи при ея открытіи (21 окт.), значится и имя Фонвизина. Онъ посѣщалъ первыя засѣданія новаго учрежденія, принималъ дѣятельное участіе въ его работахъ. Вскорѣ послѣ открытія академіи при ней образована была комисія («отрядъ»), которая должна была выработать руководящія правила для составленія словаря русскаго языка. Въ составъ отряда вошли: митроп. Гавріилъ Петровъ, Ф., Леонтьевъ, Румовскій и Лепехинъ. «Планъ или начертаніе словаря, послужившее основою для дальнѣйшихъ работъ, — говоритъ историкъ Россійской академіи,—представлено въ академію какъ «сочиненное отрядомъ», но есть основаніе полагать, что истиннымъ авторомъ его былъ Ф. Онъ, а не кто другой изъ членовъ, читалъ начертаніе въ собраніи Россійской академіи; онъ же горячо отстаивалъ начертаніе и въ личныхъ бесѣдахъ и въ письменныхъ сношеніяхъ съ своими сочленами». Главныя возраженія противъ начертанія сдѣланы были Болтинымъ. Ф. отвѣчалъ на эти возраженія въ формѣ письма къ О. П. Козодавлеву. Кромѣ этого труда, Ф., по порученію академіи, составилъ «аналогическую таблицу буквъ К и Л» (т. е. списокъ словъ, начинающихся этими буквами), выбиралъ слова изъ «Лѣтописца архангелогородскаго», записывалъ «охотничьи термины» со словъ П. Ив. Панина, собиралъ «производныя и сложныя слова отъ глагола *дать*», продолжалъ также работать надъ своимъ «Сословникомъ».

Изъ письма Дениса Ивановича къ кн. Дашковой узнаемъ, что словарныя работы были закончены и представлены въ академію въ началѣ 1784 г. Ф. жилъ въ это время въ Москвѣ. Лѣтомъ 1784 г. онъ отправился вмѣстѣ съ женой въ заграничное путешествіе, продолжавшееся цѣлый годъ. Маршрутъ былъ такой: Пруссія, Саксонія, Баварія, Тироль, Италія. Путешественники останавливались въ Кенигсбергѣ, Лейпцигѣ, Нюренбергѣ, Аугсбургѣ, Инсбрукѣ, Боценѣ; въ Италіи пробыли около 8 мѣсяцевъ. На обратномъ пути останавливались въ Вѣнѣ, чтобы посовѣтоваться съ «славнымъ вѣнскимъ медикомъ Столле». Вернувшись на родину лѣтомъ 1785 г., Фонвизины поселились въ Москвѣ.

Связи съ міромъ дипломатическимъ и придворнымъ поддерживались Фонвизинымъ и послѣ отставки. Слѣды этого есть въ его письмахъ изъ-за границы. Въ Аугсбургѣ явился къ нему «русскій нашъ агентъ Кизовъ, къ которому Безбородко писалъ... сильную рекомендацію». Въ Пизѣ Ф. видѣлся съ С. Ром. Воронцовымъ, русскимъ посломъ въ Венеціи. Въ Ливорно нашъ консулъ далъ русскимъ путешественникамъ «большой обѣдъ и пригласилъ лучшихъ людей». Посолъ въ Вѣнѣ кн. Д. М. Голицынъ принялъ Фонвизина «очень хорошо». Сестра императора Іосифа II, эрцгерцогиня Елизавета, жившая въ Инсбрукѣ, узнавъ о пріѣздѣ Ф-на, пожелала съ нимъ познакомиться; прощаясь съ путешественникомъ, герцогиня поручила ему «сказать ея поклонъ» вел. герцогу Тосканскому и королевѣ неаполитанской. Во Флоренціи, Римѣ, Венеціи Ф. знакомился съ мѣстной знатью.

Въ письмахъ изъ Германіи и Италіи раздражительность и ворчливость сатирика выказываются еще сильнѣе, чѣмъ въ письмахъ изъ Франціи 1777—1778 гг. По поводу этой раздражительности нужно замѣтить, что въ нѣкоторой, быть можетъ, даже въ очень значительной мѣрѣ, она объясняется болѣзненностью путешественника. «Я наслѣдовалъ... отъ матери моей,—говоритъ Ф. въ «Признаніи,— головную боль, которою она во всю жизнь страдала и которая, промучивъ меня все время моего младенчества, юношества и большую часть совершенныхъ лѣтъ, лишила меня многихъ способовъ къ счастію; напримѣръ: въ университетѣ пропускалъ я многія важныя лекціи за головною болью, въ юношествѣ головная боль мѣшала мнѣ часто показать мою исправность въ отправленіи службы». Такимъ людямъ, какъ авторъ «Признанія» нужны привычныя удобства, опредѣленный образъ жизни, возможность покоя и отдыха. Путешествіе, нарушающее установившіяся привычки, можетъ оказаться для нихъ мукой. Въ заграничныхъ письмахъ Фонвизина разбросано нѣсколько замѣтокъ о мучительныхъ пароксизмахъ, которые пришлось ему вынести во время дороги. Эти болѣзненныя ощущенія должны были, конечно, оставить темный налетъ и на путевыхъ наблюденіяхъ. «Сказать могу безпристрастно, пишетъ Ф. сестрѣ, — что отъ Петербурга до Ниренберга балансъ со стороны нашего отечества перетягиваетъ сильно. Здѣсь во всемъ генерально

хуже нашего: люди, лошади, земля, изобиліе въ нужныхъ съѣстныхъ припасахъ, словомъ: у насъ все лучше и мы больше люди, нежели нѣмцы». Позже знакомство съ Италіей заставило Фонвизина смягчить сужденіе о нѣмцахъ: «Дороговизна въ Вероне ужасная: за все, про все червонный. Я договорился съ хозяиномъ, потому что въ Италіи безъ договора за рюмку воды заплатишь червонный. Надобно отдать справедливость нѣмецкой землѣ, что въ ней житье вполы дешевле и вдвое лучше». «Рады мы, что Италію увидѣли, но можно искренно признаться, что еслибъ мы дома могли такъ ее вообразить, какъ нашли, то конечно бы не поѣхали. Одни художества стоятъ вниманія, прочее все на Европу не походитъ». Лишь только рѣчь заходитъ объ итальянскомъ искусствѣ, тонъ писемъ мѣняется. Осматривая церкви и дворцы въ Болоньѣ, Ф. вездѣ находилъ «сокровища неизреченныя». Памятники искусства, собранныя въ Флорентійской галлереѣ, «составляютъ прямыя государственныя сокровища», по выраженію нашего путешественника. Соборъ св. Петра въ Римѣ поразилъ и очаровалъ его: «кажется, что сей храмъ создалъ Богъ для самого себя. Здѣсь можно жить сколько хочешь лѣтъ, и всякій день захочешь быть въ церкви св. Петра. Чѣмъ больше ее видишь, тѣмъ больше видѣть ее хочешь; словомъ, человѣческое воображеніе постигнуть не можетъ, какова эта церковь. Надобно непремѣнно ее видѣть, чтобъ имѣть о ней истинное понятіе. Я всякій день хожу въ нее раза по два».

Любуясь произведеніями искусства, Ф. не забывалъ, впрочемъ, и торговыхъ своихъ дѣлъ. Въ Нюренбергѣ онъ нашелъ «много хорошихъ живописцевъ и другихъ художниковъ», которые, однако, «умираютъ съ голоду, потому что покупать некому». «Посѣщалъ я сихъ бѣдняковъ, говоритъ Ф., лазилъ къ нимъ на чердаки и много кое-чего накупилъ по моей коммерціи и отправилъ въ Петербургъ. Въ письмѣ къ сестрѣ изъ Вѣны отъ 2 іюня 1785 г. Ф. упоминаетъ о своихъ сношеніяхъ съ Клостерманомъ: «За неоставленіе Клостермана покорно благодарствую. Онъ пишетъ ко мнѣ, что въ Москвѣ тысячи на три продалъ. Я отправилъ къ нему со всячиною семнадцать большихъ ящиковъ; кажется, что тутъ мы съ нимъ свой счетъ найдемъ».

По возвращеніи изъ заграничнаго путешествія Фонвизину, по его словамъ (въ «Разсужденіи о суетной жизни человѣческой»), «представлялся случай къ возвышенію въ суетную знаменитость». На что именно намекаютъ эти слова—не знаемъ; знаемъ только, что возвышеніе не состоялось, да и не могло состояться. Въ одномъ изъ своихъ заграничныхъ писемъ Ф. жалуется на «слабость нервовъ и онѣмѣніе лѣвой руки и ноги, оставшіяся послѣ жестокой въ Римѣ болѣзни». Эта болѣзнь была предвѣстницей паралича, который поразилъ Дениса Ив-ча въ Москвѣ 29 авг. 1785 г. Клостерманъ, посѣтившій Фонвизина въ декабрѣ этого года, такъ описываетъ состояніе своего несчастнаго друга: «Онъ страдалъ разслабленіемъ всѣхъ членовъ и едва владѣлъ языкомъ. Въ тусклыхъ глазахъ его засвѣтился лучъ радости, когда я подошелъ къ его постели; онъ хотѣлъ, но не могъ обнять меня, силился привѣтствовать меня словами, но языкъ не слушался и произносилъ невнятные звуки. Наконецъ удалось ему подать мнѣ лѣвую руку, которую я прижалъ къ груди своей... Правая рука у него совсѣмъ отнялась, такъ что онъ и двигать ею не могъ, и пытался писать лѣвою, но выводилъ по бумагѣ какіе-то знаки, по которымъ съ трудомъ можно было догадаться, что ему хотѣлось выразить. Душевныя способности также ослабли; но кушалъ онъ отлично и, не взирая на запрещеніе врача, требовалъ то того, то другого изъ любимыхъ снѣдей. Въ случаѣ отказа, вслѣдствіе неудобоваримости, онъ велъ себя, какъ малый ребенокъ, и нужно было пускать въ ходъ даже строгости, чтобы онъ успокоился».

Въ іюнѣ 1786 г. Катерина Ивановна Фонвизина отправилась съ больнымъ мужемъ за-границу. Продолжительное лѣченіе въ Вѣнѣ и Карлсбадѣ было не безполезно. Денисъ Ив-чъ могъ вести въ это время дневникъ, писалъ письма. Дневникъ интересенъ по нѣкоторымъ замѣткамъ, въ которыхъ пробивается живой и колкій юморъ автора, неподдававшійся, какъ видно, гнету недуга. Въ Лихвинѣ больному пришлось пустить кровь. По этому поводу Ф. вноситъ въ дневникъ такую замѣтку: «хотя московскій мой врачъ, филологъ и мартинистъ, увѣрялъ меня, что по дорогѣ, кромѣ кузнецовъ, лекарей никакихъ нѣтъ, однако въ Лихвинѣ сыскали

мнѣ лекаря, который пустилъ мнѣ тотчасъ кровь поискуснѣе самого филолога». На обратномъ пути изъ-за границы Фонвизины остановились въ Кіевѣ. Провожавшій ихъ мальчикъ долго стучался у воротъ гостиницы. «Наконецъ вышелъ на крыльцо хозяинъ и закричалъ: Кто стучится? На сей вопросъ провожавшій насъ мальчикъ кричалъ: «Отворяй: родня Потемкина». Лишь только произнесъ онъ сію ложь, въ ту минуту ворота отворились и мы въѣхали благополучно. Тутъ почувствовали мы, что возвратились въ Россію». Подъ вліяніемъ болѣзни измѣнились, повидимому, и сужденія Фонвизина объ отечествѣ. Прежде онъ находилъ, что «у насъ все лучше», чѣмъ у сосѣдей. Теперь, перебравшись за русскую границу, онъ «возблагодарилъ внутренно Бога, что онъ вынесъ его изъ той земли, гдѣ онъ страдалъ столько душевно и тѣлесно». Въ началѣ дневника, объясняя причины отъѣзда изъ Москвы, Ф. говоритъ: «совѣтъ вѣнскаго моего медика Столя и мучительная электризація, которою меня безполезно терзали, рѣшили меня поспѣшить отъѣздомъ въ чужіе краи и избавиться Москвы, которая стала мнѣ ненавистна. Сія ненависть такъ глубоко въ сердцѣ моемъ вкоренилась, что, думаю, по смерти не истребится». Конечно, эти замѣчанія о Россіи и Москвѣ выражаютъ такое же преходящее, мимолетное настроеніе, какъ и другая, противоположная замѣтка: «у насъ все лучше»... При спокойномъ состояніи духа Ф. говорилъ иначе. Онъ ставилъ вопросъ: «Какъ истребить два сопротивные и оба вреднѣйшіе предразсудки: первый, будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй, будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо»?

Осенью 1787 г. Фонвизины вернулись въ Россію и поселились въ Петербургѣ. Болѣзнь, нѣсколько ослабленная заграничнымъ лѣченіемъ, не оставляла однако Фонвизина. Лѣтомъ 1789 г. онъ ѣздилъ для лѣченія въ Ригу, Бальдонъ и Митаву. Сохранился журналъ этой поѣздки, представляющій, по выраженію кн. Вяземскаго, «журналъ страдальца и по мученіямъ, и по самымъ средствамъ исцѣленія, которыя онъ претерпѣвалъ». Здоровье не возвращалось.

Но пословицѣ, бѣда не приходитъ одна. Къ страданіямъ отъ болѣзни присоединились тревоги и хлопоты, вызывавшіяся денежными затрудненіями и продолжительной тяжбой съ барономъ Медемъ, неисправнымъ арендаторомъ витебскаго имѣнія Фонвизина. По дѣламъ этого имѣнія Денисъ Ив-чъ побывалъ въ Бѣлоруссіи въ 1792 г., незадолго до смерти. Въ запискахъ Ив. Ив. Дмитріева сохранился разсказъ о свиданіи его съ Фонвизинымъ по возвращеніи послѣдняго изъ поѣздки въ витебскую губернію. Дмитріевъ былъ у Державина. Пріѣхалъ Ф. «Онъ вступилъ въ кабинетъ Державина, поддерживаемый двумя молодыми офицерами, выпущенными изъ Шкловскаго кадетскаго корпуса и пріѣхавшими съ нимъ изъ Бѣлоруссіи. Уже онъ не могъ владѣть одною рукою; равно и одна нога одеревенѣла: обѣ поражены были параличемъ; говорилъ съ крайнимъ усиліемъ и каждое слово произносилъ голосомъ охриплымъ и дикимъ, но большіе глаза его быстро сверкали. Первый, брошенный на меня взглядъ привелъ меня въ смятеніе. Разговоръ не замѣшкался». Ф. говорилъ о своихъ прежнихъ литературныхъ работахъ, а затѣмъ «сказалъ хозяину, что онъ привезъ ему свою комедію: «Гофмейстеръ» («Выборъ гувернера?»). «Хозяинъ и хозяйка изъявили желаніе выслушать эту новость. Онъ подалъ знакъ одному изъ своихъ вожатыхъ. Тотъ прочиталъ комедію однимъ духомъ. Въ продолженіе чтенія авторъ глазами, киваніемъ головы, движеніемъ здоровой руки подкрѣплялъ силу тѣхъ выраженій, которыя самому ему нравились». «Игривость ума, продолжаетъ Дмитріевъ, не оставляла его и при болѣзненномъ состояніи духа». Авторъ «Недоросля» смѣшилъ своихъ собесѣдниковъ разсказами о какомъ-то почтмейстерѣ, который выдавалъ себя за горячаго поклонника Ломоносова, хотя, какъ оказалось, не читалъ ни одной изъ его одъ; о драматургѣ, который написалъ трагедію въ новомъ вкусѣ: «у всѣхъ трагедій оканчиваются добровольнымъ или насильственнымъ убійствомъ, а его героиня, или главное лицо, умираетъ естественною смертію». «Мы разстались съ нимъ, заканчиваетъ свой разсказъ Дмитріевъ, въ одиннадцать часовъ вечера, а на утро онъ уже былъ въ гробѣ». День смерти Фонвизина 1 декабря 1792 г. Могила его на старомъ Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Нев-

ской Лавры. Вдова Фонвизина скончалась въ 1796 г. Дѣтей у нихъ не было.

Интересъ къ литературной работѣ не покидалъ Фонвизина и въ послѣдній періодъ его жизни: «привычка упражняться въ писаніи сдѣлала сіе упражненіе для меня нуждою», писалъ Денисъ Ив-чъ въ 1788 г. Въ этомъ именно году онъ приступилъ къ изданію журнала: «Другъ честныхъ людей, или Стародумъ, періодическое сочиненіе, посвященное истинѣ». Было уже напечатано объявленіе объ этомъ журналѣ, въ маѣ долженъ былъ появиться первый выпускъ. Но, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, изданіе не состоялось. «Здѣшняя полиція воспретила печатаніе Стародума», писалъ Ф. гр. П. Ив. Панину 4 апр. 1788 г.—Въ дневникѣ Фонвизина подъ 14 февр. 1790 г. было отмѣчено: «по утру послалъ письмо къ Государынѣ о Тацитѣ». Князь Вяземскій объясняетъ эту замѣтку, какъ указаніе на то, что нашъ писатель «переводилъ, или готовился переводить Тацита». «Сколько намъ извѣстно, замѣчаетъ біографъ Фонвизина, отвѣтъ былъ не благопріятенъ». Смерть Потемкина въ 1791 г. привела Фонвизину на память «нѣкоторыя мѣста изъ священныхъ твореній царя Давида» о «бренности суетной жизни человѣческой». Думы на эту тему изложены въ «Разсужденіи о суетной жизни человѣческой». Незадолго передъ смертью («приближаясь къ пятидесяти лѣтамъ жизни») Ф. началъ автобіографическія записки, подъ заглавіемъ: «Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ». Записки остались неоконченными. Къ послѣднему періоду жизни и литературной дѣятельности Фонвизина относятся также: Précis historique de la vie du comte Nikita Iwanowitsch Panin (1784; русскій текстъ, подъ заглавіемъ «Сокращенное описаніе житія графа Никиты Ивановича Панина», появился въ 1786 г.) и комедія въ трехъ дѣйствіяхъ «Выборъ гувернера». Въ бумагахъ Фонвизина отысканы кн. Вяземскимъ: отрывокъ перевода «Иліады» и отрывокъ же перевода поэмы Геснера: «Смерть Авеля». Г. Ефремовъ предположительно пріурочиваетъ эти отрывки къ 1791 г.

Къ формѣ журнальной сатиры Ф. обращался неразъ. По догадкѣ проф. Тихонравова «весьма вѣроятно, что онъ принималъ участіе въ «Трутнѣ», «Живописцѣ» и др... При своемъ живомъ взглядѣ на общественное значеніе литературы, едва ли авторъ «Недоросля» могъ не принимать никакого участія въ журналахъ, которые были прямыми памфлетами на дурныя стороны русской жизни». Быть можетъ, умѣстно здѣсь вспомнить сатирическія статейки, направленныя противъ извѣстнаго намъ Лукина, которыя помѣщены были въ «Трутнѣ» и др. журналахъ 1769—1770 гг. Ф. признавался, что причиной вражды къ нему Лукина могъ быть «не весьма скромный отзывъ о его перѣ». Позже, въ 1783 г., Ф. помѣстилъ нѣсколько сатирическихъ произведеній въ «Собесѣдникѣ любителей росс. слова». Для «Стародума» издателемъ его приготовленъ былъ цѣлый рядъ статей: «Письмо къ Стародуму» отъ издателя; «Отвѣтъ Стародума»; «Письмо къ Стародуму отъ Дѣдиловскаго помѣщика Дурыкина»; «Отвѣтъ Стародума Дурыкину»; «Письмо къ Стародуму отъ племянницы его Софьи»; «Отвѣтъ Стародума Софьѣ»; «Письмо Тараса Скотинина къ родной его сестрѣ госпожѣ Простаковой»; «Всеобщая придворная Грамматика»; «Письмо Взяткина къ Его Превосходительству» и «Отвѣтъ» послѣдняго; «Письмо отъ Стародума» объ ораторскомъ искусствѣ, «Разговоръ у княгини Халдиной», «Наставленіе дяди своему племяннику». Имена лицъ, упоминаемыя въ этихъ статьяхъ (Стародумъ, Софья, Скотининъ, Простакова и др.) указываютъ на связь «Друга честныхъ людей» съ болѣе ранними произведеніями Фонвизина. Эта связь подтверждается и содержаніемъ статей. Въ «Стародумѣ» повторяются тѣ же литературныя темы, тѣ же сатирическія картины и тѣ же мечты о лучшемъ порядкѣ вещей, которыя знакомы намъ по «Бригадиру», «Недорослю», «Вопросомъ автору «Былей и Небылицъ» и пр. Въ Письмѣ Дурыкина находимъ двойниковъ Митрофанушки. «Большой мой сынъ Ѳединька, пишетъ Дѣдиловскій помѣщикъ, по семнадцатому году, читать и писать умѣетъ, а Митюшка и Павлинька еще не начинали грамоты. Митюшка матушкинъ сынокъ; съ нимъ надобно обходиться нѣжно, ибо онъ слабаго здоровья. Я хотѣлъ бы выписать изъ Москвы учителя, да боюсь взять Вральмана».—Въ «Разговорѣ у кн. Халдиной» есть подробности, напоминающія «Бригадира». Мимоходомъ затрогивается въ «Разговорѣ» во-

просъ о подготовленіи къ государевой службѣ «людей просвѣщенныхъ». Здравомыслъ, представитель автора, говоритъ: «Я хотѣлъ бы только, чтобы въ университетахъ нашихъ преподавалась особенно политическая наука... Разумѣю науку, научающую насъ правиламъ благочинія, науку коммерческую и науку о государственныхъ доходахъ. Я хотѣлъ, чтобъ у насъ по симъ предметамъ сочинены были на каждую часть особенныя книжки, по коимъ бы преподавалась въ университетахъ политическая наука. Симъ способомъ будетъ Россія имѣть во всѣхъ частяхъ гражданской службы людей годныхъ и просвѣщенныхъ». Замѣтимъ, что первыхъ профессоровъ политической экономіи и финансовъ въ московскомъ университетѣ встрѣчаемъ лишь въ началѣ истекающаго столѣтія. Въ письмѣ Стародума находимъ любопытное разсужденіе на тему: «отъ чего имѣемъ мы такъ мало ораторовъ»? «Никакъ нельзя положить, говоритъ Стародумъ, чтобъ сіе происходило отъ недостатка національнаго дарованія, которое способно ко всему велікому, ниже отъ недостатка россійскаго языка, котораго богатство и красота удобны ко всякому выраженію... Церковное наше краснорѣчіе доказываетъ, что россіяне при равныхъ случаяхъ никакой націи не уступаютъ. Преосвященные наши митрополиты: Гавріилъ, Самуилъ, Платонъ суть наши Тиллотсоны и Бурдалу; а разныя мнѣнія и голоса Елагина, составленные по долгу званіи его, довольно доказываютъ, какого рода и силы было бы россійское витійство, если бы имѣли мы гдѣ разсуждать о законѣ и податяхъ и гдѣ судить поведенія министровъ, государственнымъ рулемъ управляющихъ».

Литературная критика открыла въ нѣкоторыхъ статьяхъ «Стародума» слѣды литературныхъ заимствованій. Такъ переписка Дурыкина съ Стародумомъ оказалась передѣлкой одного изъ произведеній нѣмецкаго сатирика Рабенера. Подобныя же заимствованія давно отмѣчены и въ другихъ работахъ Фонвизина. Опытъ россійскаго сословника составленъ при пособіи «Синонимовъ» Жирара. Въ «Недорослѣ» есть рядъ реминисценцій изъ Вольтера, Лабрюйера, Дюфрени, Дюкло. Сочиненіе Дюкло (Duclos) о современныхъ нравахъ (Considérations sur les moeurs de ce siècle) было, повидимому, однимъ изъ любимыхъ произведеній Фонвизина. Отрывки изъ этой книги встрѣчаются даже въ письмахъ нашего сатирика. По поводу этихъ заимствованій нужно замѣтить, что передѣлка чужого матеріала на свой ладъ встрѣчается и у другихъ, современныхъ Фонвизину, писателей; не многіе только изъ нихъ сумѣли и при заимствованіяхъ сохранить свою оригинальность такъ, какъ сохранилъ ее Ф. Въ самомъ дѣлѣ, сколько бы ни указано было слѣдовъ подражанія въ произведеніяхъ нашего писателя, эти произведенія останутся все-таки замѣчательнѣйшими произведеніями русской литературы, свидѣтельствующими о самостоятельной сатирической наблюдательности автора, объ его крупномъ литературномъ талантѣ. «Я вижу, что вы очень хорошо нравы наши знаете,—сказалъ Фонвизину Панинъ, — ибо Бригадирша ваша всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимоѳеевну не имѣетъ или бабушку, или тетушку, или какую нибудь свойственницу». Трудно выразить болѣе опредѣленно то впечатлѣніе свѣжести, правдивости и оригинальности, которое оставалось въ сознаніи современниковъ Фонвизина послѣ ознакомленія съ его сатирическимъ творчествомъ.

По замѣчанію А. С. Пушкина, характеръ Фонвизина «имѣетъ нужду въ оправданіи». Быть можетъ, поэтъ имѣлъ при этомъ въ виду признаніе самого сатирика. Разсказавъ о томъ, какъ еще въ дѣтствѣ онъ «почувствовалъ, что идти прямою дорогою выгоднѣе, нежели лукавыми стезями», Ф. замѣчаетъ: «но должно признаться, что въ теченіе жизни я не всегда держался сего правила, ибо случался со мною такія обстоятельства, въ которыхъ долженъ былъ я или погибать, или приняться за лукавство». На что именно намекаютъ эти слова, остается неяснымъ. Интимная біографія Фонвизина не достаточно извѣстна. «Разсказываютъ, — передаетъ біографъ Дениса Ивановича,—что Ф., искавъ милости въ князѣ Потемкинѣ, былъ готовъ предать ему любовь и благодарность свою къ графу Н. И. Панину, котораго князь Потемкинъ не любилъ; что, забавляя вельможу, передразнивалъ онъ предъ нимъ своего начальника и покровителя; но что Потемкинъ, по своенравію и непостоянству прихотей своихъ, скоро наскучилъ искательствами новаго поклон-

ника и выждалъ только случая проводить его отъ себя съ оскорбленіемъ». Случай представился, и Потемкинъ «далъ приказаніе впередъ не впускать къ себѣ Фонвизина». Кн. Вяземскому точность этого разсказа справедливо кажется подозрительной. Ф. дѣйствительно бывалъ у Потемкина и нравился ему какъ веселый собесѣдникъ. «Сто лѣтъ васъ не видала,—писала разъ императрица Екатерина своему фавориту,—чортъ Фонвизина къ вамъ принесъ; онъ забавнѣе меня; однако я люблю, а онъ, кромѣ себя, никого». Могъ Ф. и передразнивать Н. И. Панина, но въ этой шуткѣ еще нельзя видѣть ни коварства, ни предательства. Есть притомъ другой разсказъ, объясняющій, изъ-за чего именно потерялъ Ф. расположеніе Потемкина. «Одно замысловатое слово, сообщаетъ Бантышъ-Каменскій въ своемъ «Словарѣ достоп. людей»,—сказанное имъ на счетъ кн. Потемкина, возстановило противъ Фонвизина этого вельможу. Острякъ нашъ принужденъ былъ воспользоваться болѣзнью жены своей и получилъ увольненіе въ чужіе края». Петръ Ив. Панинъ, которому добрые люди поспѣшили бы, конечно, сообщить объ отношеніяхъ Фонвизина къ Потемкину, не могъ бы сохранить неизмѣнно дружественнаго расположенія къ нашему писателю, если бы разсказъ о коварствѣ министерскаго секретаря дѣйствительно былъ правдивъ. Дружба же и уваженіе къ Фонвизину Петра Ивановича подтверждается его письмами къ сыну и къ А. Б. Куракину, относящимися къ 1788 г.: отецъ благодаритъ сына за посѣщеніе Дениса Ивановича, радуется его доброму отзыву о молодомъ человѣкѣ, называетъ своего друга «нашимъ страдальцемъ». — Подъ духовнымъ завѣщаніемъ Фонвизина (1786) находимъ подпись П. Ив. Панина, изъявившаго согласіе принять на себя душеприкащичество, о которомъ просилъ завѣщатель. Въ разсказѣ объ отношеніяхъ Фонвизина къ Потемкину, дошелъ до насъ, очевидно, отголосокъ одной изъ тѣхъ сплетенъ, отъ которыхъ не мало страдалъ остроумный сатирикъ. Теперь извѣстна еще другая сплетня, касавшаяся уже не общественныхъ, а семейныхъ отношеній Фонвизина. Онъ женатъ былъ, какъ было уже сказано, на Катеринѣ Ивановнѣ, рожд. Роговиковой, женщинѣ съ хорошими средствами: она принесла въ приданое немалый «денежный капиталъ» и домъ въ Петербургѣ. «Небо брачное, говоритъ біографъ Фонвизина, не всегда бываетъ безоблачно: нѣтъ согласія совершеннаго, то есть неразрывнаго; но счастливыми могутъ почесться тѣ браки, въ которыхъ виновнымъ бываетъ одинъ мужъ... Въ этомъ отношеніи брачный союзъ Ф-на былъ счастливъ». Въ письмахъ Фонвизина есть нѣсколько упоминаній о женѣ, свидѣтельствующихъ о добрыхъ, дружескихъ взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ. Въ духовномъ завѣщаніи Ф. говоритъ: «жена моя... сохраненіемъ ко мнѣ всегда совершенно-искренней своей любви и довѣренности обязала меня вѣчною къ себѣ благодарностію и признаніемъ». Далѣе перечисляются матеріальныя жертвы, принесенныя женой: «изъ принесенныхъ ею за собой денегъ мы въ общежитіи съ ней много уже прожили, и домъ ея теперь состоитъ подъ закладомъ, да хотя же нѣсколько изъ ея денегъ и считается въ остаткѣ, но всѣ онѣ состоятъ теперь обращеніемъ своимъ въ товарахъ монхъ». Но эта благодарность и эти жертвы не мѣшали Фонвизину въ его предсмертномъ «Признаніи» съ нѣжнымъ чувствомъ вспоминать о «женщинѣ плѣняющаго разума», которой во все теченіе его жизни занято было его сердце. Это-то затаенное, но не оставшееся тайной чувство и подало, быть можетъ, поводъ къ слуху о разводѣ, котораго будто бы добивалась Катерина Ивановна въ 1786 г. Фонвизины въ это время готовились къ поѣздкѣ заграницу. Катерина Ивановна уѣхала въ Петербургъ, чтобъ уладить денежныя дѣла. Больной ея мужъ оставался въ Москвѣ. Его извѣстили, что жена «возставляетъ всѣхъ противъ него жалобами своими и готовится просить императрицу о разводѣ». Кн. Вяземскій, сохранившій намъ разсказъ объ этой сплетнѣ, приводитъ отрывокъ изъ неизвѣстнаго теперь письма Фонвизина къ одному изъ его петербургскихъ друзей, изъ котораго видно, какъ сильно подѣйствовала эта вѣсть на несчастнаго больного. «Вчера, узнавъ о семъ,—писалъ онъ,—я почти вовсе сталъ безъ языка». Отвѣтъ пріятеля и возвращеніе жены разсѣяли страхъ, вызванный сплетней. Замѣтимъ, что въ это именно время, передъ отъѣздомъ заграницу, составлено было завѣщаніе Фонвизина; оно помѣчено 3 іюня 1786 г. Матеріальныя потери жены, кото-

рыя предусматривало завѣщаніе, возмѣщались векселемъ въ 30,000 рублей, «кои могутъ быть почитаемы въ остаткѣ отъ ея движимаго имѣнія».

Людей, которые готовы были поклеветать и посплетничать на счетъ Фонвизина, было не мало. Онъ еще въ молодости нажилъ себѣ враговъ. «Природа дала мнѣ умъ острый, говоритъ нашъ сатирикъ, но не дала мнѣ здраваго разсудка. Весьма рано появилась во мнѣ склонность къ сатирѣ. Острыя слова мои посылись по Москвѣ, а какъ они были для многихъ язвительны, то обиженные оглашали меня злымъ и опаснымъ мальчишкою; всѣ же тѣ, коихъ острыя слова мои лишь только забавляли, прославили меня любезнымъ и въ обществѣ пріятнымъ. Видя, что вездѣ принимаютъ меня за умнаго человѣка, заботился я мало о томъ, что разумъ мой похваляется на счетъ сердца, и я прежде нажилъ непріятелей, нежели друзей». Такимъ былъ Ф. въ студенческіе годы, такимъ же остался онъ и на всю жизнь. Его автохарактеристика подтверждается свидѣтельствами лицъ, хорошо знавшихъ нашего сатирика въ разные годы его жизни. «Ф. отличался живою фантазіею, — говоритъ Клостерманъ, — тонкою насмѣшливостію, умѣньемъ быстро подмѣтить смѣшную сторону и съ поразительною вѣрностью представить ее въ лицахъ; отъ этого бесѣда его была необыкновенно пріятна и весела, и общество оживлялось его присутствіемъ. Съ высокими качествами ума соединялъ онъ самое задушевное простосердечіе и веселонравіе, которыя сохранялъ даже въ самыхъ роковыхъ случаяхъ неспокойной своей жизни. Онъ въ высокой степени владѣлъ даромъ краснорѣчія, и если когда ему хотѣлось чего либо добиться, то бывало трудно противустоять его просьбѣ». — «Вчера я видѣлъ кн. Юсупова,—писалъ Пушкинъ кн. Вяземскому,— и исполнилъ твое препорученіе: допросилъ его о Фонвизинѣ и вотъ чего добился. Онъ очень зналъ Фонвизина, который нѣсколько времени жилъ съ нимъ въ одномъ домѣ. C'était un autre Beaumarchais pour la conversation. Онъ знаетъ пропасть его bons-mots, да не припомнитъ». На П. В. Мятлева, какъ видно изъ его письма, цитуемаго кн. Вяземскимъ, Ф. въ обществѣ производилъ впечатлѣніе «коршуна». Собесѣдникамъ сатирика приходилось не мало страдать отъ когтей этого хищника. «Взлетитъ-ли Херасковъ подъ облака, коршунъ замысловатымъ словомъ, неожиданною насмѣшкою, какъ острыми когтями, сшибетъ его на землю». Веселость Фонвизина, его остроуміе и комическій даръ не оставались незамѣченными даже иностранцами, съ которыми знакомился русскій писатель во время заграничныхъ поѣздокъ. «Часто шатаясь по утру по книжнымъ лавкамъ и по кофейнымъ домамъ, — пишетъ Ф. изъ Монпелье,—прихожу къ графу Перигору и разсказываю ему, какіе мнѣ дѣлаютъ вопросы; онъ помираетъ со смѣху и, будучи очень веселаго права, не взирая на свою флегму, разсказываетъ мнѣ самъ побасенки. Между прочимъ, талантъ мой дразнить людей находитъ здѣсь универсальную апробацію, а особенно дамы полюбили меня за дразненье. Я передразниваю здѣсь своего банкира не хуже Сумарокова. Словомъ, со мною всѣ очень поладили и поминутно дѣлаютъ мнѣ комплименты». Изъ приведеннаго выше разсказа Дмитріева узнаемъ, что «игривость ума не оставляла Фонвизина и при болѣзненномъ состояніи тѣла». Припомнимъ, что Дмитріевъ видѣлся съ Фонвизинымъ наканунѣ его смерти... Удивительна эта веселость человѣка страдающаго, многое испытавшаго, рано познакомившагося съ житейскими невзгодами и людской враждой. Знаемъ, что невзгоды, дрязги и непріятности продолжали тревожить его до послѣднихъ дней жизни, а онъ до этихъ послѣднихъ дней сохранялъ «игривость ума». Злой сатирикъ не сталъ, очевидно, озлобленнымъ человѣкомъ. Да онъ и не могъ стать такимъ. «Я наслѣдовалъ отъ отца,— пишетъ Ф. въ предсмертномъ «Признаніи»,—какъ вспыльчивость, такъ и непамятозлобіе. Сердце мое, не похвалясь скажу, предоброе. Я ничего такъ не боялся, какъ сдѣлать какую нибудь несправедливость, и для того ни передъ кѣмъ такъ не трусилъ, какъ передъ тѣми, кои отъ меня зависѣли и кои отмстить мнѣ были не въ состояніи». «При самомъ остромъ и бѣгломъ умѣ, подтверждаетъ П. В. Мятлевъ, онъ никогда и никого умышленно не огорчалъ, кромѣ тѣхъ, кои сами вызывали его на поприще битвы на словахъ». Клостерманъ говоритъ о «задушевномъ простосердечіи» своего друга.

Но это задушевное простосердечіе замѣ-

чалось и цѣпилось не всѣми. Затронутые остротами Фонвизина, чувствовавшіе себя оскорбленными, судили о немъ, конечно, иначе, чѣмъ Клостерманъ. Такія враждебныя сужденія проникали и въ литературу. Выше, при перечисленіи стихотвореній Фонвизина, упомянутъ былъ отрывокъ изъ «Посланія къ Ямщикову». По содержанію Посланіе представляетъ образецъ «острыхъ ругательствъ», какъ называлъ подобныя произведенія самъ Ф.:

Натуры пасынокъ, проказъ ея примѣръ,
Пінта, философъ и унтеръ-офицеръ!
Ограбленъ мачихой, обиженный судьбою,
Имѣешь рѣдкій даръ довольнымъ быть собою.

На это посланіе отозвался А. С. Хвостовъ, пользовавшійся въ свое время репутаціей остроумнаго стихотворца. Отвѣтъ носитъ заглавіе: «Посланіе къ творцу посланія или копія къ оригиналу». Ф. называется въ этомъ посланіи: «Парнасса капитанъ-исправникъ», «великій браковщикъ достоинства людей», «надутый самохвалъ». Авторъ отвѣтнаго посланія перечисляетъ рядъ произведеній своего противника, пытается отыскать въ нихъ матеріалъ для юмористическихъ замѣчаній, желаетъ поднять на смѣхъ всю литературную дѣятельность Фонвизина. Насколько удачны эти попытки, можно судить по сопоставленію Ф-на съ Сумароковымъ:

Посмотримъ, напримѣръ, всеобщій слышенъ крикъ,
Что Сумароковъ былъ и есть всегда великъ,
Но что имъ сдѣлано? Синавъ, Хоревъ, Семира,—
Бездѣлицы, а ты, ты далъ намъ Бригадира.
Тотъ чувствіями насъ и нѣжностью плѣнилъ,
А ты часть Библіи въ комедію вмѣстилъ...

Идетъ молва, продолжаетъ авторъ посланія,

Что славы кто себѣ не пріобрѣлъ дѣлами,
Тотъ сколько ни божись, что славенъ онъ, но ахъ!
Надутой самохвалъ останется въ срамцахъ;
Что цѣну знать даютъ всему прямое право
Наука, тонкой умъ и разсужденье здраво;
Что не всегда bon-mot ума бываетъ знакъ,
Что молвитъ иногда гладенько и дуракъ,
И что не надобно, на переломъ патурѣ,
Считать за старосту себя въ литературѣ
Во зло и ей самой и міру вопреки.

Въ Посланіи въ числѣ произведеній Фонвизина упоминается «Слово Марку Аврелію»; это указываетъ, что Хвостовъ писалъ свой отвѣтъ нераньше 1777 г.; отсутствіе упоминанія о Недорослѣ даетъ другую приблизительную дату: не позже 1782 г. На одномъ изъ списковъ Посланія Хвостова обозначены годъ и мѣсяцъ составленія: «1781 года въ іюлѣ». Такіе литературные отвѣты, какъ Посланіе Хвостова, пишутся, обыкновенно, подъ вліяніемъ живого, не остывшаго впечатлѣнія, да и въ читателяхъ они возбуждаютъ интересъ только въ томъ случаѣ, если появляются вслѣдъ за произведеніемъ, вызывающимъ отвѣтъ. Поэтому слѣдуетъ предположить, что «Посланіе къ Ямщикову», вызвавшее стихотвореніе Хвостова, написано Фонвизинымъ въ указанное время, т. е. между 1777 и 1782 гг. «Посланіе къ творцу посланія» не осталось одинокимъ. По замѣчанію кн. Вяземскаго, къ литературнымъ врагамъ нашего сатирика нужно причислить также кн. Д. П. Горчакова: «въ «Ноэлѣ» его есть куплетъ и на автора нашего».

Первая комедія Фонвизина «Коріонъ» имѣла нерѣшительный успѣхъ. По словамъ Лукина, «комедіи «Французъ Русской» (Елагина), «*Коріонъ*» (Фонвизина) и «Награжденная добродѣтель» (Ельчанинова) вытерпѣли жестокое нападеніе и, хотя оное совсѣмъ неосновательно было, однако многихъ поборниковъ имѣло. Словомъ, ничто не могло удержать ядовитой зависти, на нихъ вооружавшейся: не только удовольствіе многихъ зрителей, ниже благоволеніе, отъ двора оказанное». Слѣдующія за «Коріономъ» комедіи: «Бригадиръ» и «Недоросль» выдвинули Фонвизина изъ ряда современныхъ ему драматурговъ. По поводу этихъ комедій Ф. выслушивалъ такія похвалы, какія рѣдко достаются на долю литературныхъ дѣятелей. Но и къ этимъ похваламъ примѣшиваются иные, недоброжелательные голоса. Авторъ статейки о Фонвизинѣ, помѣщенной въ «Пустомелѣ» 1770 г., упомянувъ о достоинствахъ «Бригадира», спѣшитъ оговориться: «умолчу, дабы завистниковъ не возбудить отъ сна, послѣднимъ благоразуміемъ на нихъ наложеннаго».—Въ сатирѣ гр. Д. И. Хвостова «Къ разуму» читаемъ:

Лишь Недоросля намъ Фонвизинъ написалъ,
Надменинъ автора изподтишка кусалъ;
Тутъ стрѣлы злобныя отвсюду полетѣли,
Комедію играть актеры не хотѣли.

Въ примѣчаніи къ этому мѣсту сатиры авторъ говоритъ: «Недоросль Фонвизина вытерпѣлъ большое гоненіе, что извѣстно современникамъ и театральной архивѣ».

У талантливыхъ людей, кромѣ недоброжелателей, бываютъ еще другіе, не менѣе

опасные враги,—мнимые друзья. Одного такого друга Ф. зналъ еще въ университетѣ, среди своихъ товарищей. «Мой соученикъ, — говоритъ нашъ сатирикъ, — весьма боялся, чтобы я не сталъ смѣяться стихамъ его, а дабы вѣрнѣе имѣть меня на своей сторонѣ, то сталъ онъ хвалить мои стихи; каждая строка его восхищала; но какъ тогда разсудокъ во мнѣ недѣйствовалъ, то я со всею моею остротою не могъ проникнуть, для чего онъ такъ меня хвалилъ, и думалъ, что я похвалу его заслуживалъ». Такихъ разсчетливыхъ поклонниковъ зналъ, конечно, Ф. и въ позднѣйшіе годы. Были у него и искренніе, но опасные почитатели,—люди, которые цѣнили веселаго, остроумнаго собесѣдника, но мало интересовались литературной дѣятельностью русскаго писателя. «Ф., — говоритъ Пушкинъ на основаніи какого-то преданія,— забавлялъ знатныхъ, передразнивая Александра Петровича (Сумарокова) въ совершенствѣ»... Остроумному и общительному человѣку, какъ Ф., всегда представляется опасность размѣнять талантъ на мелочь, сдѣлаться салоннымъ говоруномъ и балагуромъ, оставить по себѣ память лишь какъ объ авторѣ интересныхъ анекдотовъ и забавныхъ bons-mots. Эта опасность служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ испытаніемъ серьезности и глубины таланта. Ф. выдержалъ испытаніе. Легкіе успѣхи въ гостиныхъ могутъ вскружить слабую, хотя бы и талантливую голову. Не такова была голова Фонвизина. Блестящее остроуміе, неистощимая веселость, «игривость ума», поражавшія собесѣдниковъ Фонвизина, выступаютъ, какъ господствующая, наиболѣе яркая черта, и въ литературной характеристикѣ автора «Бригадира» и «Недоросля». Но за этой веселостью и игрой ума скрывалась глубокая серьезность. Изъ показаній самого сатирика мы узнаемъ, какъ много работалъ онъ надъ своими произведеніями, съ какой вдумчивостью и требовательностью относился онъ къ литературному дѣлу. Въ «Письмѣ къ Стародуму» Ф. говоритъ: «болѣзнь моя не позволяетъ мнѣ упражняться въ родѣ сочиненій, кои требуютъ такого непрерывнаго вниманія и размышленія, каковыя потребны въ театральныхъ сочиненіяхъ». Посылая Елагину своего «Бригадира», авторъ проситъ сказать объ его комедіи «самую истину». «Нѣтъ во мнѣ, пишетъ онъ, смѣшной гордости тѣхъ, кои сами на себя и на свое искусство надѣясь, считаютъ себя равными съ Мольеромъ, или на худой конецъ съ Детушемъ». Произведенія въ стихотворной формѣ стоили Фонвизину, по его словамъ, «непзреченнаго труда». Этой напряженности труда отвѣчалъ интересъ содержанія литературныхъ работъ Фонвизина. Въ «Письмѣ Стародума», назначенномъ для «Друга честныхъ людей», нашъ авторъ намѣренно прикрашиваетъ положеніе современной ему литературы, чтобы имѣть поводъ указать на ея важныя задачи. «Я думаю, что таковая свобода писать, каковою пользуются нынѣ Россіяне, поставляетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей компатѣ, съ перомъ въ рукахъ быть полезнымъ совѣтодателемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества». Ф. оставался вѣренъ этой программѣ. Въ формѣ веселой комедіи или легкой сатирической статейки онъ говорилъ о предметахъ серьезнѣйшаго и важнѣйшаго значенія: о недостаткахъ современнаго воспитанія и образованія, о крѣпостныхъ отношеніяхъ, о судѣ и приказной неправдѣ, о положеніи литературы, о національныхъ и анти-національныхъ предразсудкахъ. Рѣчи резонеровъ въ комедіяхъ Фонвизина кажутся теперь утомительными и лишними, но та старательность, съ которой обдуманы и составлены эти рѣчи, показываетъ, какое значеніе придавалъ нашъ писатель этимъ общимъ разсужденіямъ на этико-соціальныя темы. Онъ желалъ, очевидно, будить мысль современниковъ. И дѣйствительно будилъ. Правда, проповѣди Стародума, быть можетъ, не всегда достигали этой цѣли, но жизненные комическіе образы его драмъ, яркія сатирическія картинки его журнальныхъ статей не могли не затрогивать самаго вялаго воображенія, самой лѣнивой мысли, самаго неотзывчиваго сердца. Успѣхъ произведеній Фонвизина, завистливые толки его враговъ подтверждаютъ это.

«Природа дала мнѣ умъ острый, но не дала мнѣ здраваго разсудка», говорилъ Ф.,

разумѣя, очевидно, подъ разсудкомъ то практическое благоразуміе, которое даетъ умѣнье приладиваться къ людямъ и обстоятельствамъ, лавировать по вѣтру. Такого умѣнья авторъ «Недоросля» не нажилъ до конца дней. Будь у него это умѣнье, онъ не потерялъ бы благоволенія автора «Былей и небылицъ», не обращался бы къ этому автору съ своими умными, но не благоразумными Вопросами, не пришлось бы ему вслѣдъ за Вопросами писать «къ сочинителю Былей и небылицъ» письма, наполненнаго оговорками и извиненіями, не пришлось бы и издателю «Стародума» встрѣтиться съ неожиданнымъ запрещеніемъ. Въ замѣнъ того, что Ф. называлъ «здравымъ разсудкомъ», природа дала ему другіе, лучшіе дары: мужественное и вѣрное сердце, стойкость и глубину души. Онъ оставался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и идеаламъ, какъ бы ни мѣнялось отношеніе дѣйствительности къ этимъ идеаламъ, онъ пронесъ черезъ жизнь молодую привязанность сердца, удержалъ, при всѣхъ колебаніяхъ, живую религіозную вѣру.

Не обладалъ Ф. навыками практическаго человѣка и въ области обыденныхъ житейскихъ отношеній. Отецъ Дениса Ивановича былъ человѣкъ небогатый и многосемейный. Поэтому какого-нибудь родового имущества нашему сатирику не досталось. Но послѣ службы у Панина и послѣ выгодной женитьбы у Фонвизина накопились порядочныя средства. У жены его были деньги и домъ въ Петербургѣ; Панинъ подарилъ ему имѣніе въ Бѣлоруссіи; познакомившись съ Клостерманомъ, Ф. завелъ «коммерцію вещами до художествъ принадлежащими»; при отставкѣ получилъ пенсію въ 3,000 р. Всѣхъ этихъ средствъ оказывалось, однако, мало. Ф. удивлялся своему отцу, который при небольшомъ состояніи, «воспитывая восьмерыхъ дѣтей, умѣлъ жить и умереть безъ долга». «Сіе искусство, замѣчаетъ нашъ писатель, въ нынѣшнемъ обращеніи свѣта едва ли кому извѣстно. По крайней мѣрѣ намъ, дѣтямъ его, кажется непостижимо». Имѣніе Фонвизина, вслѣдствіе неисправности неудачно выбраннаго арендатора, не приносило дохода. Привычка жить на широкую ногу, поѣздки за-границу, продолжительное лѣченіе, закупка предметовъ торговли не только поглощали наличныя средства, но и заставляли дѣлать долги. Въ духовномъ завѣщаніи 1786 г. Ф. высказываетъ опасеніе, что по смерти его останется столько долговъ, что жена его лучше захочетъ отказаться отъ наслѣдства, нежели имѣть хлопоты съ кредиторами. Тяжба по имѣнію, которую велъ Ф. въ послѣдніе годы жизни, еще больше разстроила его денежныя дѣла. По смерти Фонвизина вдовѣ его пришлось доживать вѣкъ свой въ бѣдности. Біографъ нашего писателя, кн. Вяземскій, имѣлъ въ рукахъ записку Катерины Ивановны, въ которой «проситъ она изъ крайней нужды дать ей взаймы 15 рублей». Пенсія, назначенная бывшему секретарю Н. Ив. Панина, не была оставлена его женѣ.

Служба министерскаго секретаря была, очевидно, скоро забыта. Но остались и останутся памятными литературныя заслуги даровитаго писателя. Батюшковъ предлагалъ выдѣлить въ исторіи нашей словесности особую эпоху, эпоху Фонвизина. Пушкинъ, ознакомившись съ «Разговоромъ у княгини Халдиной», высказывалъ сожалѣніе, «что не Фонвизину досталось изображать новѣйшіе наши нравы». «Литература екатерининскаго времени, — писалъ Бѣлинскій, — рѣшительно заслоняетъ собою предшествовавшую ей литературу. Кромѣ Державина, въ то время былъ Ф., первый даровитый комикъ въ русской литературѣ, писатель, котораго теперь не только чрезвычайно интересно изучать, но котораго читать есть истинное наслажденіе. Въ его лицѣ русская литература какъ будто даже преждевременно сдѣлала огромный шагъ къ сближенію съ дѣйствительностью; его сочиненія — живая лѣтопись той эпохи». «Недоросль» Фонвизина до сихъ поръ не сходитъ со сцены.

Лучшее изданіе сочиненій Фонвизина появилось въ 1866 г.: «Сочиненія, письма и избранные переводы Д. Ив. Фонъ-Визина». Съ портретомъ автора, со статьею «О жизни и сочиненіяхъ Фонъ-Визина», А. П. Пятковскаго, съ пояснительными примѣчаніями къ тексту и съ библіографическими объясненіями. Редакція Н. А. Ефремова; изд. П. И. Глазунова. Примѣчанія къ тексту принадлежатъ Пятковскому. Въ библіографическихъ объясненіяхъ, составленныхъ Ефремовымъ, вслѣдъ за перечнемъ сочиненій и переводовъ, принадлежащихъ и приписываемыхъ Фонвизину, а также собраній его сочиненій, помѣщено: «Перечисленіе статей о Фонъ-Визинѣ и его сочиненіяхъ, въ хронологическомъ порядкѣ». Въ виду общедоступности изданія Глазунова нѣтъ надобности повторять указаній, сдѣланныхъ въ «Перечисленіи» Ефремова. Остается до-

полнить это перечисленіе списком тѣхъ изданій сочиненій Фонвизина, а также книгъ и статей, касающихся его жизни и литературной дѣятельности, которыя появились послѣ 1866 г.: «Портретная галлерея русскихъ дѣятелей», изд. А. Мюнстера, т. II, 1869 г., стр. 7 — 9) краткая біографія Фонвизина, составл. М. Д. Хмыровымъ); Журналъ мин. народн. просв. 1872 г., т. II, ч. 160, апрѣль: Н. А. Лавровскій, къ біографіи Фонвизина (о переводѣ сочиненія: «Торгующее дворянство»); Русская Старина 1873 г., т. VIII, декабрь, 907—909: Письмо гр. П. Ив. Панина къ Д. Ив. Фонвизину отъ 29 авг. 1774 года (изъ собр. автографовъ Богушевскаго); Русск. Старина 1876 г., т. XV, февраль, 458—461: Письма Фонвизина къ С. С. Зиновьеву и къ Я. И. Булгакову (сообщ. кн. А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ и П. А. Ефремовымъ); А. П. Пятковскій, Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія, т. I, 1876 г., стр. 3—72: о жизни и сочиненіяхъ Фонвизина (перепеч. статьи помѣщенной въ упомянутомъ выше изданіи Глазунова); Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, изд. гр. С. Д. Шереметева, т. V, 1880 г.: Фонъ-Визинъ (первое изданіе этого труда, основаннаго на источникахъ, часть которыхъ теперь неизвѣстна, и потому имѣющаго первостепенное значеніе для біографіи Фонвизина, появилось въ 1848 году; есть еще нѣсколько замѣтокъ о Фонвизинѣ въ Записной книжкѣ кн. Вяземскаго, помѣщ. въ VIII и IX т. Собранія его сочиненій); Драмматическій словарь, или показанія по алфавиту всѣхъ россійскихъ театральныхъ сочиненій, Спб. 1880 (перепеч. изд. 1787 года; есть замѣтки о «Бригадирѣ» и «Недорослѣ»); Сочиненія Державина съ объясн. примѣчаніями Я. К. Грота, т. I—VIII, 1868—1880 г., passim (см. Указатель); Русскій Архивъ 1881 г., кн. III, вып. 2: Фонвизинъ. Изъ неизданныхъ записокъ Клостермана (перев. съ нѣмецкаго); Архивъ кн. Воронцова, кн. 26, 1882 г., стр. 315—324: Краткое изъясненіе о вольности французскаго дворянства и о пользѣ третьяго чина (статья анонимная, но по заглавію совершенно сходная съ переводнымъ трудомъ, приписываемымъ Фонвизину); А. Н. Веселовскій, Западное вліяніе въ новой русской литературѣ, Спб. 1883, стр. 70—77 (о заимствованіяхъ въ сочиненіяхъ Фонвизина); Порфирьевъ, Исторія русской словесности, ч. II, отд. 2, Каз. 1884 (стр. 71 — 109: о жизни и сочиненіяхъ Фонвизина); М. Ив. Сухомлиновъ, Исторія россійской академіи, вып. VII (Спб. 1885 г.), стр. 10—32 (обозрѣніе академической дѣятельности Фонвизина); Русскій Архивъ 1887 г., кн. III, вып. 10: А. П. Станкевичъ, «Альзира» Вольтера въ переводѣ Фонвизина; Первое полное собраніе сочиненій Д. Ив. Фонвизина какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, изд. К. К. Шамова, М. 1888 (помѣщ. полный текстъ переводныхъ работъ Фонвизина); В. Ив. Семевскій, Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка, т. I, Спб. 1888 (стр. 170—173: о политическихъ проектахъ Панина и Фонвизина); Матеріалы для жизнеописанія гр. Н. П. Панина, изд. подъ редакціей проф. Брикнера, 1888 г., т. I (письма П. Ив. Панина къ сыну и къ А. Б. Куракину) и VII (письмо Н. П. Панина къ сыну); А. П. Незеленовъ, Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху, Спб. 1889 г. (Фонвизинъ разсматривается въ ряду писателей «непосредственно народнаго направленія»); Русская Старина 1892 г., т. 76, декабрь: В. А. Бильбасовъ, Памяти Фонвизина; Сочиненія Д. И. Фонвизина, подъ ред. Арс. И. Введенскаго въ Сборникѣ «Нивы» 1893 г., № 12 («собраніе только оригинальныхъ и безспорныхъ произведеній Фонвизина»); Труды Кіевской дух. академіи 1893 г., № 3: В. Н. Малининъ, Д. И. Фонвизинъ, какъ авторъ комедій (рѣчь, читанная въ Обществѣ Нестора лѣтописца 1 дек. 1892 г.); Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Д. И. Фонвизина. Посмертный трудъ акад. Н. С. Тихонравова, изд. подъ ред. Л. Н. Майкова, Спб. 1894 г. (въ составъ «Матеріаловъ» вошли: а) Біографія Фонвизина, составленная Тихонравовымъ, б) Драматическія произведенія Фонвизина: Альзира, Коріонъ, Бригадиръ, Недоросль, в) Сочиненія, приписываемыя Фонвизину: Чертикъ на дрожкахъ и Повѣствованіе мнимаго Глухаго и Нѣмаго. Текстъ сочиненій Фонвизина напечатанъ по рукописямъ и первымъ изданіямъ; къ тексту присоединены обширныя критико-библіографическія примѣчанія.—Примѣчанія составлены акад. Майковымъ; ему же принадлежитъ редакція текста сочиненій, приписываемыхъ Фонвизину; второе изданіе книги А. Н. Веселовскаго: Западн. вліяніе въ новой русск. литературѣ, М. 1896, стр. 96—101. — Кромѣ указанныхъ изданій, для изученія дѣятельности Фонвизина важны всѣ книги и статьи о цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ, о гр. Н. Ив. и П. Ив. Паниныхъ, объ Ив. П. Елагинѣ, В. П. Лукинѣ, Павлѣ Ив. Фонвизинѣ, о литературной дѣятельности императрицы Екатерины II. Всѣ эти сочиненія указаны подъ соотвѣтствующими именами.

Ив. Жданов.

Фонвизинъ, *Михаилъ Александровичъ*, генералъ-маіоръ, сынъ подполковника Александра Ивановича, брата извѣстнаго писателя Дениса Ивановича Фонвизина, род. въ 1788 г., ум. 30 апрѣля 1854 г. Служа въ гвардіи, Ф. принималъ участіе въ отечественной войнѣ; впослѣдствіи онъ сблизился съ членами тайнаго общества, но не раздѣлялъ крайнихъ взглядовъ и стремленій главныхъ его дѣятелей. Въ 1817 г., въ числѣ нѣсколькихъ другихъ лицъ, онъ соглашался вступить въ «Союзъ спасенія» лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы Общество ограничилось медленнымъ дѣйствіемъ на мнѣнія и чтобы уставъ Общества, основанный на правилахъ слѣпого повиновенія и проповѣдывавшій насилія, былъ отмѣненъ. Ф. сдѣлался членомъ Общества въ 1818 г., когда оно переработало свой уставъ «Зеленую книгу» и приняло новое имя «Союза благоденствія». Ф. принималъ довольно дѣятельное участіе въ собравшемся въ Москвѣ въ началѣ 1821 г. съѣздѣ депутатовъ отъ разныхъ отдѣловъ этого союза; онъ ѣздилъ изъ Тульчина въ Петербургъ для приглашенія депутатовъ въ Москву и представилъ на обсужденіе съѣзда предложеніе раздѣлить членовъ общества на три разряда. Послѣ того, какъ съѣздъ объявилъ союзъ уничтоженнымъ, Ф. не вошелъ въ

составъ образовавшагося тогда новаго тайнаго общества и впослѣдствіи уклонялся отъ активнаго участія въ заговорѣ. Арестованный послѣ возстанія 14 декабря 1825 г., Ф. приговоромъ верховнаго уголовнаго суда былъ признанъ виновнымъ въ соучастіи замысламъ цареубійства и вооруженнаго бунта и, отнесенный къ 4 разряду государственныхъ преступниковъ, присужденъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 15 лѣтъ и потомъ на поселеніе; по указами 10 іюня и 22 августа 1826 г. срокъ каторжныхъ работъ былъ уменьшенъ, сначала до 12, затѣмъ до 8 лѣтъ. По отбытіи этого наказанія въ Петровскомъ заводѣ, Ф. въ 1832 г. былъ сосланъ на поселеніе въ г. Енисейскъ, затѣмъ переселенъ въ Красноярскъ и въ 1838 г. водворенъ на жительство въ Тобольскѣ. Въ 1853 г., по просьбѣ его брата, полковника Ивана Александровича, Фонвизину разрѣшено было возвратиться на родину, во вниманіе къ преклоннымъ лѣтамъ обоихъ братьевъ и одиночеству ихъ послѣ потери всѣхъ дѣтей и близкихъ родственниковъ, а также во вниманіе къ хорошему поведенію Михаила Александровича въ ссылкѣ; онъ обязанъ былъ проживать въ имѣніи брата въ Бронницкомъ уѣздѣ, съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицы; въ этомъ имѣніи онъ и умеръ ровно черезъ годъ послѣ отъѣзда изъ Сибири. Ф. былъ человѣкомъ широко образованнымъ и много занимался политикой, исторіей и литературой. Прочитанная имъ книга «Histoire philosophique et politique de Russie par Enneaux et Chennectot» (Paris 1835) побудила его написать «Краткое обозрѣніе проявленій политической жизни въ Россіи» съ древнѣйшихъ временъ, въ которомъ онъ хотѣлъ показать, что «древняя Русь не знала ни рабства политическаго, ни рабства гражданскаго, но что то и другое привились къ ней постепенно и насильственно вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ». Этотъ трудъ, напечатанный заграницей и съ нѣкоторыми сокращеніями въ Россіи, извѣстенъ подъ названіемъ «Записокъ Фонвизина». Въ «Русской Старинѣ» напечатанъ былъ также отрывокъ изъ его воспоминаній, относящійся къ 1807 г., подъ названіемъ «Одно изъ воспоминаній моей молодости». Незадолго до своей ссылки Ф. женился на Натальѣ Дмитріевнѣ Апухтиной, которая съ удивительнымъ самоотверженіемъ послѣдовала за нимъ въ ссылку, оставивъ на родинѣ двухъ дѣтей. Отличаясь въ молодости религіозностью и романтичной страстностью, она съ теченіемъ времени пріобрѣла обширныя богословскія познанія, которыя ярко проявились въ ея личныхъ сношеніяхъ и перепискѣ съ видными представителями сибирскаго духовенства. Мистицизмъ и экзальтированность Фонвизиной давали многимъ поводъ считать ее ясновидящей. Въ Сибири она возбудила тѣсную дружескую привязанность къ себѣ въ ссыльныхъ политическихъ преступникахъ и ихъ женахъ. По смерти мужа Наталья Дмитріевна вышла замужъ за его друга И. И. Пущина.

Донесеніе слѣдственной коммиссіи 30 мая 1826 г.—А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ: «Декабристы въ Сибири», XXXVII.—«Записки Фонъ-Визина», Лейпцигъ 1859, и «Русская Старина» 1884 г., т. XLII.—«Одно изъ воспоминаній моей молодости», тамъ же, 1881, т. XXXI.—А. Е. Розенъ: «Записки декабриста», ч. I и II.—В. П. Шенрокъ: «Одна изъ женъ декабристовъ», («Русское Богатство» 1894 г., № 11, 12). *Н. Павловъ-Сильванскій.*

Фонвизинъ, *Павелъ Ивановичъ*, младшій братъ Дениса Ивановича Фонвизина, директоръ московскаго университета, род. въ 1744 г., ум. въ 1803 г. Оставаясь для обученія въ домѣ родителей, Ф., по обычаю того времени, уже въ 1754 г. былъ зачисленъ на службу солдатомъ въ Семеновскій полкъ. Въ 1755 г. былъ открытъ московскій университетъ съ двумя при немъ гимназіями, и отецъ Фонвизина въ томъ же году помѣстилъ обоихъ сыновей, Павла и Дениса въ новооткрытую гимназію. Въ гимназіи Ф. постоянно оказывалъ отличные успѣхи, такъ что директоръ университета Н. И. Мелиссино, отправляясь въ С.-Петербургъ и желая блеснуть успѣхами питомцевъ ввѣреннаго ему заведенія предъ куратором университета И. И. Шуваловымъ, взялъ туда съ собой нѣсколько самыхъ лучшихъ учениковъ, и въ числѣ ихъ Фонвизина. Для поощренія дальнѣйшихъ занятій юноши, Ф., по ходатайству Шувалова, былъ произведенъ въ капралы Семеновскаго полка (1760). Пройдя съ полнымъ успѣхомъ гимназическій и университетскій курсы (1762), Ф., который между тѣмъ въ полку дослужился до сержантскаго чина, былъ командированъ отъ полка въ распоряженіе коллегіи иностранныхъ дѣлъ для курь-

ерскихъ посылокъ. Исправляя пять лѣтъ должность курьера, онъ имѣлъ возможность посѣтить многія государства Европы и ознакомиться съ тогдашнею жизнью просвѣщеннаго запада. Въ 1772 г., въ числѣ другихъ офицеровъ, Ф. сопровождалъ въ качествѣ кавалера графа Г. Г. Орлова въ Фокшаны и оставался при нашихъ войскахъ въ Турціи до заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира (1774), выполняя разнаго рода порученія. Произведенный въ бригадиры арміи, Ф. въ 1781 г. былъ назначенъ товарищемъ московскаго губернатора, а при введеніи въ московской губерніи новаго административнаго порядка, въ 1782 г. получилъ мѣсто предсѣдателя московской палаты уголовнаго суда. Въ 1784 г. Ф. былъ назначенъ директоромъ московскаго университета. Съ любовью и ревностью трудился онъ до конца 1796 г. надъ ввѣреннымъ ему заведеніемъ: при его ближайшемъ надзорѣ было выстроено новое зданіе университета, устроена и освящена университетская церковь. Заботясь не только объ умственномъ, но и о физическомъ и нравственномъ развитіи молодежи, онъ ввелъ всякаго рода игры и военныя экзерциціи и поддерживалъ устроенный въ университетѣ театръ; а чтобы юношество не чуждалось общественной жизни, къ которой оно готовилось, въ стѣнахъ университета устраивались маскарады, концерты и танцовальные вечера, куда съѣзжались съ своими семействами начальники, профессора и родственники студентовъ и гимназистовъ. Въ 1896 г. Ф. былъ назначенъ къ присутствованію во второмъ департаментѣ Сената, а въ 1797 г. переведенъ въ шестой московскій департаментъ. Въ 1799 г., вмѣстѣ съ сенаторомъ Сем. А. Неплюевымъ, былъ командированъ для ревизіи воронежской, симбирской, саратовской и астраханской губерній, но окончаніи же сей ревизіи въ 1800 г., вторично посланъ въ астраханскую губ. для производства слѣдствія по дѣлу о водвореніи разнаго званія людей на отведенныхъ имъ въ той губерніи мѣстахъ. 19 февраля 1801 г. Ф. по болѣзни былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ дѣйств. тайнаго совѣтника. Еще на школьной скамьѣ Ф. выказалъ поэтическій даръ и большой интересъ къ литературѣ. Нѣкоторыя изъ его поэтическихъ произведеній и мелкихъ прозаическихъ статей того времени, отчасти оригинальныхъ, отчасти переводныхъ, были на столько удовлетворительны, что нашли себѣ мѣсто въ журналахъ «Полезное увеселеніе», который издавался въ Москвѣ М. М. Херасковымъ съ 1760—1762 г., «Доброе намѣреніе», выходившемъ въ Москвѣ въ 1764 г. и въ «Собраніи лучшихъ сочиненій» (1762, ч. 1). Кромѣ этихъ произведеній вышли отдѣльно слѣдующіе переводы съ французскаго: 1) «Нравоучительныя сказки», соч. Мармонтеля, 3 части, (1764 и 1787); «Сила родства», испанская повѣсть, соч. госпожи Гомецъ, Москва, 1764; «Другъ дѣвицъ», Москва, 1765.

Рукописная біографія Фанвизина, хранящаяся въ бумагахъ П. И. Баранова.—С. Шевыревъ: «Истор. Московск. университета». — Митроп. Евгеній: «Словарь свѣтск. писат.», ч. I. — «Матеріалы для истор. русск. литературы», изд. П. А. Ефремовымъ, Спб., 1867. — М. Н. Лонгиновъ: «Русск. писатели XVIII в.» (въ «Русск. Стар.» 1871 г., т. 4, № 11). — Н. И. Новиковъ: «Опытъ словаря о россійск. писателяхъ».

Фонъ-Дезенъ (Фондезинъ) см. Дезенъ.

Фонтебассо, *Франческо*, живописецъ и граверъ, род. въ Венеціи въ 1709 г., ум. въ 1769 г. Послѣдователь Римской школы, ученикъ и подражатель Себастіана Риччи, онъ былъ приглашенъ въ Петербургъ въ 1760 г. и написалъ два блистательныхъ плафона въ манерѣ Тьеполо, въ Зимнемъ дворцѣ (сохранявшіеся тамъ до пожара), а также «Воскресеніе Христово» на плафонѣ дворцовой церкви. По заключенному съ нимъ 1 марта 1762 г. контракту, Ф. взялся за 1500 р. въ годъ учить въ Академіи Художествъ рисованію, перспективѣ и живописи и, кромѣ того, исполнить для нея даромъ картину, сюжетъ и величина которой зависѣли отъ ея же назначенія. По этому условію онъ написалъ (какъ записано въ рукописномъ каталогѣ 1774 года) «Вступленіе на престолъ императрицы Екатерины II», помѣщенное, въ видѣ плафона, на потолкѣ одной изъ академическихъ залъ (№ 42). По однимъ даннымъ Ф. вскорѣ возвратился въ отечество, по другимъ—умеръ въ Россіи.

Nagler's «Künstler-Lexicon», IV, 406.—«Худож. газета» 1838 г., стр. 548.—«Сѣверные цвѣты на 1826 г.», стр. 17 (въ письмѣ «О состояніи художествъ въ Россіи»).—«Примѣчанія» къ «Сборнику матер. для истор. Имп. Акад. Худ.», П. Н. Петрова, I, 633.—Архивъ Имп. Акад. Х., дѣло 1762 г.

Н. С.

Фонтонъ, *Антонъ Антоновичъ*, тайный совѣтникъ, род. въ 1780 г., ум. 24 апрѣля 1864 г.; въ 1799 г. перешелъ изъ французскаго подданства въ русское и былъ опредѣленъ въ вѣдомство Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, съ причисленіемъ къ русской миссіи въ Константинополѣ. Въ 1809 г. былъ командированъ къ главнокомандующему Задунайскою арміею князю Прозоровскому, а въ 1811 г. назначенъ главнымъ переводчикомъ на конгрессъ, собранный въ Бухарестѣ. По заключеніи мира былъ отправленъ въ Константинополь первымъ драгоманомъ нашей тамъ миссіи; въ этой должности онъ оставался до 1818 г., когда былъ отозванъ въ Петербургъ; причисленный въ слѣдующемъ году къ Азіятскому департаменту, онъ въ 1822 г. былъ назначенъ первымъ драгоманомъ при немъ, а чѐрезъ годъ управляющимъ отдѣленіемъ восточныхъ языковъ, только что тогда при этомъ департаментѣ учрежденномъ. При открытіи въ 1826 г. Аккерманскихъ конференцій, Ф. былъ утвержденъ начальникомъ канцеляріи уполномоченныхъ и первымъ драгоманомъ, а въ 1828 г. назначенъ правителемъ канцеляріи къ генералъ-фельдмаршалу графу Витгенштейну. Въ 1832 г. ему было повелѣно быть непремѣннымъ членомъ совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ, и въ этой должности онъ оставался до своей смерти. За свои заслуги Ф. былъ осыпанъ наградами: не считая подарковъ и орденовъ, въ 1824 г. Государь пожаловалъ ему въ Бессарабской области 6000 десятинъ земли и затѣмъ двѣ аренды, одну, начиная съ 1826 г., по 2000 р. въ годъ, и другую, независимо отъ первой, на пятьдесятъ лѣтъ, съ 1829 г., по 4000 р. въ годъ.

Формулярный списокъ, хранящійся въ с.-петербургскомъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ. *В. Тепловъ.*

Фонтонъ, *Іосифъ Петровичъ*, первый совѣтникъ русскаго посольства въ Константинополѣ, сынъ перваго драгомана французской службы, род. въ 1753 г. Въ 1795 г. опредѣленъ изъ французской въ русскую службу первымъ драгоманомъ къ Константинопольской миссіи. По разрывѣ сношеній съ Портою въ 1806 г. выѣхалъ изъ Константинополя и въ 1807 г. отправился къ Тенедосу на эскадру вице-адмирала Сенявина, при коемъ исполнялъ разныя возлагавшіяся на него порученія. По пріѣздѣ въ Россію былъ въ 1809 г. отправленъ по политической части къ главнокомандовавшему Задунайскою арміею. Произведенъ 27 мая 1810 г. въ дѣйствительные статскіе совѣтники; затѣмъ, въ 1812 г., былъ нашимъ третьимъ полномочнымъ въ Бухарестѣ при заключеніи мира съ Портою, за что пожалованъ орденомъ св. Анны 1 ст., а 3 августа 1812 г. назначенъ къ Константинопольской миссіи совѣтникомъ. Ф. пользовался, благодаря своимъ личнымъ качествамъ, особеннымъ уваженіемъ среди мѣстнаго населенія; въ апрѣлѣ 1821 г., во время безпорядковъ, произведенныхъ возмутившимися лазами, жизни его угрожала серьезная опасность, и онъ спасся лишь спрятавшись на чердакѣ своего дома въ Буюкдере, самый же домъ былъ подвергнутъ полному разграбленію со стороны фанатиковъ, искавшихъ повсюду лицъ виновныхъ, по ихъ мнѣнію, въ только что вспыхнувшемъ тогда греческомъ возстаніи.

Формулярный списокъ въ с.-петербургскомъ архивѣ Министерства иностр. дѣлъ.—Pouqueville: «Histoire de la régénération de la Grèce», II, 423. *В. Тепловъ.*

Фонтонъ, *Петръ Антоновичъ*, род. въ 1765 г., ум. 6 іюня 1846 года. Въ 1798 г., находясь при французской миссіи въ Константинополѣ судьею купеческихъ дѣлъ, за оказанныя имъ въ пользу Россіи услуги принятъ въ русское подданство и зачисленъ въ вѣдомство Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ драгоманомъ къ нашей Константинопольской миссіи, при которой уже въ 1805 г. назначенъ секретаремъ. Онъ участвовалъ въ переговорахъ о возобновленіи союзнаго трактата съ Оттоманскою Портою, происходившихъ въ 1806 г.; по разрывѣ съ Турціею онъ сопровождалъ нашего посланника въ Мальту; затѣмъ, прослуживъ нѣкоторое время въ С.-Петербургѣ, былъ въ 1810 г. командированъ въ Молдавію для мирныхъ переговоровъ, завершившихся въ 1812 г. Бухарестскимъ мирнымъ трактатомъ; за весь этотъ періодъ времени ему пришлось быть въ постоянной усиленной дѣятельности: то онъ ѣздилъ въ Шумлу къ начальствовавшимъ турецкою арміею великимъ визирямъ,—сначала къ Керъ-Юсуфъ-пашѣ, а затѣмъ къ Ахмету-

пашѣ, то выполнялъ порученія, даваемыя ему къ оттоманскимъ полномочнымъ, то, наконецъ, велъ протоколы конгресса. Наградою за его труды былъ чинъ коллежскаго совѣтника и брилліантовый перстень. Возвратившись, по заключеніи мира съ Портою, въ Константинополь, Ф. занималъ тамъ одновременно должности драгомана и секретаря посольства, управлялъ коммерческою канцеляріею при миссіи и, кромѣ того, исполнялъ разныя возлагавшіяся на него важныя порученія. Въ 1816 г. онъ былъ отозванъ изъ Константинополя и, послѣ годового пребыванія въ отставкѣ, причисленъ въ 1818 г. къ русской миссіи въ Неаполѣ, гдѣ и скончался въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Послужной списокъ въ с.-петербургскомъ архивѣ Министерства иностр. дѣлъ. *В. Тепловъ.*

Фонтонъ, *Феликсъ Петровичъ*, сынъ предыдущаго, род. въ 1801 г.; опредѣленъ въ вѣдомство Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ 1820 г. Во время кампаніи 1828—29 гг. въ Турціи состоялъ при главной квартирѣ дѣйствующей арміи; въ 1842 г. былъ назначенъ совѣтникомъ миссіи въ Берлинѣ, а въ 1846 г. совѣтникомъ посольства въ Вѣнѣ, будучи уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. 8 іюня 1855 г. онъ былъ опредѣленъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при дворахъ короля Ганноверскаго и великаго герцога Ольденбургскаго, а съ 5 января 1857 г. занималъ такую же должность при Германскомъ Союзѣ. Въ 1859 г. произведенъ въ тайные совѣтники и 20 сентября 1860 г. по болѣзни уволенъ отъ службы. Ф. издалъ въ 1862 г. въ Лейпцигѣ книгу въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ: «Воспоминанія. Юмористическія, политическія и военныя письма».

Формулярн. списокъ въ с.-петербургскомъ архивѣ Мин. иностр. дѣлъ. *В. Тепловъ.*

Фоняевъ, *Николай Никитичъ*, скульпторъ, род. около 1758 г. Поступивъ въ Академію Художествъ въ 1769 г. и получилъ 13 сент. 1778 г. за рисунокъ съ натуры 2-ю серебряную медаль, но еще за годъ передъ тѣмъ дѣлалъ эскизъ программы на золотую медаль — «Жертвоприношеніе Авраамомъ Исаака», но выходѣ же изъ Академіи остался тамъ учителемъ рисовальнаго класса и въ качествѣ такового обучалъ въ 1790 г. учениковъ театральнымъ представленіямъ, а въ 1795 г. назначенъ былъ по скульпторному классу, причемъ въ 1804 г. исполнялъ кромѣ того должность надзирателя.

«Сборн. матер. для ист. Имп. Акад. Худ.» Н. Н. Петрова, т. I и «Указатель» къ нему А. Е. Юндолова. *Н. С.*

Форстенбергъ см. Фростенбергъ.

Форстеръ, *Іоганнъ Рейнгольдъ*, извѣстный естествоиспытатель и путешественникъ, род. 22 окт. 1729 г. въ Диршау, ум. въ Галле 9 дек. 1798 г. Съ 1748 до 1751 г. слушалъ лекціи въ Галле, гдѣ съ особенною любовью занимался изученіемъ языковъ, преимущественно восточныхъ. Отъ природы чрезвычайно любознательный, Ф. одновременно изучалъ исторію, археологію, философію и естественныя науки. Въ Галле же онъ пристрастился къ богословію, прочиталъ лучшія сочиненія по этому предмету и настолько усовершенствовался въ немъ, что былъ приглашенъ проповѣдникомъ реформатской общины въ Данцигѣ, а затѣмъ въ сосѣднемъ городкѣ Нассенгубенѣ. Въ теченіе 11 лѣтъ, проведенныхъ въ этой должности, Ф. много занимался ботаникой и основательно изучилъ флору Восточной Пруссіи, систематизировавъ ее по тогда еще новой системѣ Линнея. Работы Форстера, имѣвшія большое значеніе и для агрономіи, обратили на него всеобщее вниманіе. Русскій резидентъ въ Данцигѣ, полковникъ фонъ Ребиндеръ, пригласилъ Форстера, отъ имени императрицы Екатерины II, заняться научными изслѣдованіями въ Россіи. Въ мартѣ 1765 г. Ф. прибылъ въ С.-Петербургъ и получилъ порученіе изслѣдовать экономическое положеніе колонистовъ въ Саратовѣ и его окрестностяхъ. Занятія Форстера продолжались съ мая по октябрь и за это время онъ не только основательно изучилъ гео-физическія особенности нижняго теченія Волги и соціально-экономическое положеніе вновь водворенныхъ колонистовъ, но и успѣлъ собрать богатый историко-географическій матеріалъ и обширную коллекцію монетъ и древностей монгольскаго періода. Возвратившись въ С.-Петербургъ, Ф. составилъ весьма подробный отчетъ по своимъ изслѣдованіямъ. Затѣмъ ему было поручено выработать спеціальныя правила и мѣро-

пріятія, приноровленныя къ нуждамъ земледѣлія, и составить проектъ законоположенія, касающагося быта и землевладѣнія колонистовъ. Послѣднія работы, какъ и отчетъ встрѣтили одобреніе со стороны русскаго правительства и Форстеру была обѣщана должность управляющаго колонистскими поселеніями. Одновременно Академія Наукъ намѣревалась избрать его своимъ членомъ, но этому помѣшалъ крайне самолюбивый и раздражительный характеръ Форстера, много вредившій ему въ его служебной дѣятельности. Отказавшись отъ званія академика въ пользу Палласа, онъ уѣхалъ въ Англію. Изъ Лондона его командировали сперва въ Сѣверо-Американскія владѣнія для естественно-историческихъ изслѣдованій, а затѣмъ, въ 1767 г., онъ занялъ каѳедру въ академіи въ Варрингтонѣ. Но Ф. нигдѣ не уживался; покинувъ Америку, онъ служилъ сперва въ Индіи, затѣмъ опять въ Англіи, совершилъ съ 1772 по 1775 г. кругосвѣтное плаваніе съ капитаномъ Кукомъ и, наконецъ, поселился въ Галле, гдѣ былъ избранъ профессоромъ естественныхъ наукъ и занималъ эту должность до конца жизни. Ф. писавшій и говорившій на 17 языкахъ, принадлежалъ къ числу выдающихся естествоиспытателей своего вѣка и немало внесъ новаго въ области географіи и исторіи. Лучшими изъ многочисленныхъ трудовъ Форстера считаются «Observations on physical geography, natural history and ethic philosophy», изд. въ Лондонѣ, и «Beiträge zur Völker- und Länderkunde», изд. въ Германіи.

«Allg. Deutsche Biographie» T. VII. *Л. В.*

Форсштейнъ, *Иванъ Ивановичъ* (Johann Forstein), штадтъ-физикъ и профессоръ анатоміи и хирургіи, сынъ пастора, уроженецъ г. Або, былъ принятъ ученикомъ въ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь 23 іюня 1758 г. и въ іюнѣ 1760 г., по окончаніи курса, признанъ лѣкаремъ и опредѣленъ въ Архангелогородскій пѣхотный полкъ. Прослуживъ тамъ четыре года, Ф. былъ переведенъ на должность оператора въ кронштадтскій адмиралтейскій госпиталь и, кромѣ того, ему поручено было, съ декабря 1762 г., временное исполненіе операторской должности, т. е. преподаваніе анатоміи и хирургіи въ госпитальныхъ школахъ, «впредь до усмотрѣнія трудовъ его и способности». Не смотря на то, что Ф. не имѣлъ ни университетскаго образованія, ни докторскаго диплома и не написалъ ни одного ученаго изслѣдованія, онъ при учрежденіи Калинкинскаго хирургическаго института былъ переведенъ туда профессоромъ анатоміи и хирургіи и управляющимъ учебною его частью, а 1 мая 1799 г. опредѣленъ штадтъ-физикомъ въ С.-Петербургѣ, съ оставленіемъ во всѣхъ прежнихъ должностяхъ. Въ сентябрѣ 1798 г. Ф. былъ назначенъ директоромъ института.

Я. Чистовичъ: «Ист. первыхъ медиц. школъ въ Россіи», стр. 148, 213, 349, 439, 443 и 528; приложенія, CCCXXII.

Фортунатовъ, *Алексѣй Ѳедоровичъ*, учитель естественной исторіи въ вологодской гимназіи; время и мѣсто рожденія его неизвѣстны, ум. въ Вологдѣ 4 дек. 1828 г. Ф. много писалъ по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и его сочиненія, предварительно разсмотрѣнныя ученымъ комитетомъ при московскомъ университетѣ, печатались въ разныхъ журналахъ. Въ «Вѣстникѣ Европы» за 1826 г. появилась статья о скотоводствѣ, птицеводствѣ, рыболовствѣ и пчеловодствѣ въ вологодскомъ уѣздѣ. Его изслѣдованія по части сельскаго домоводства помѣщались также въ «Періодическомъ сочиненіи объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія». Въ 1814 г. были изданы его «Метеорологическія наблюденія и разныя физическія замѣчанія, сдѣланныя въ Вологдѣ». Послѣднимъ трудомъ пользовался Ник. Як. Данилевскій въ 1851—1852 гг. при обработкѣ своего обстоятельнаго сочиненія «О климатѣ Вологды».

«Русскій Архивъ» 1865 г., статья Ѳ. Фортунатова («Замѣтки и дополненія вологжанина къ статьѣ объ А. П. Мельгуновѣ», стр. 1469—1504), и «Русск. Арх.» за 1869 г., № 11, стр. 309.

Фортунатовъ, *Ѳедоръ Никитичъ*, бывшій директоръ петрозаводской гимназіи; время и мѣсто его рожденія неизвѣстны, ум. въ Москвѣ 18 ноября 1872 г. Ф. былъ извѣстенъ какъ опытный и ревностный педагогъ и напечаталъ нѣсколько статей, посвященныхъ воспитанію юношества. Лучшими изъ этихъ статей считаются: «Каковъ долженъ быть наставникъ» и «Источники успѣховъ нравственнаго воспитанія въ общественныхъ

заведеніяхъ». Живыя и самобытныя статьи Фортунатова, печатавшіяся въ «Вологодскихъ губ. вѣдомостяхъ», обращали на себя всеобщее вниманіе. Имъ также написаны: 1) «Празднованіе въ 1775 г. іюля 12-го въ бывшей устюжской семинаріи Кучукъ-Кайнарджійскаго мира Россіи съ Турціею» (Волог. епарх. вѣд.», 1870, № 13); 2) «О старинныхъ русскихъ костюмахъ въ Грязовецкомъ и Сольвычегодскомъ уѣздахъ Вологодской губерніи» («Труды I археолог. съѣзда въ Москвѣ», т. I); 3) «Памятныя замѣтки вологжанина» (содержатъ біографическіе очерки Сперанскаго, Магницкаго, Трощинскаго и др., напечатаны въ «Русск. Архивѣ» за 1867 г., № 12). Въ этомъ же журналѣ за 1869 г. помѣщены его «Воспоминанія о с.-петербургскомъ университетѣ за 1830—1833 гг.». Въ 1868 г. Ф. приступилъ къ печатанію въ «Вологодскихъ епарх. вѣд.» своихъ «Воспоминаній о преосвященномъ архіепископѣ Иринеѣ», но печатаніе было пріостановлено по распоряженію мѣстной духовной цензуры. Наконецъ помѣщены его статьи въ «Журналѣ Мин. нар. просв.», ч. XCIX, 3, и CXII, 4.

«Журн. Мин. народн. просвѣщенія» за 1850 г., стр. 222.

Фоссати, *Гаспаръ*, архитекторъ при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ. Удостоенный отъ Императорской Академіи Художествъ 24 сент. 1836 г. званія «назначеннаго» за бывшій на выставкѣ проектъ «двухъ гостинницъ на желѣзной дорогѣ» и получивъ 31 декаб. того же года программу на званіе академика—составить «проектъ благороднаго собранія для столицы», онъ былъ уволенъ въ 1838 г. отъ службы по министерству Императорскаго двора. Служа затѣмъ при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ, Ф. не только произвелъ разныя важныя постройки, но реставрировалъ еще, по порученію султана, превращенный въ мечеть храмъ св. Софіи, собраніе рисунковъ котораго, въ томъ числѣ и съ мозаичныхъ изображеній, было имъ представлено въ 1848 г. совѣту Академіи Художествъ и доведено послѣднимъ до Высочайшаго свѣдѣнія. Сдѣланный 30 сент. того же года почетнымъ вольнымъ общникомъ, Ф. въ 1853 г. прислалъ въ даръ Академіи экземпляръ живописнаго альбома «Аія Софія», съ видами Константинопольской Софійской мечети, перестроенной имъ въ 1849 г.

Общій архивъ министерства Имп. двора, дѣла гофъ-интендантской конторы 1838 г., 84/518, № 288. — Архивъ Имп. Акад. Худ., дѣло 1849 г., № 15 (по старой нумераціи).—«Указатель выстав. въ Имп. Акад. Худ.» 1836 г., № 22. — «Сборн. матер. для истор. Имп. Акад. Худ.» П. Н. Петрова, т. II и III, и «Указатель» къ нему А. Е. Юндолова.

Н. С.

Фотій, митрополитъ Кіевскій и всея Россіи, духовный писатель, ум. въ 1431 г. Уроженецъ Морейскаго города Монемвазіи (иначе Мальвазіи), Фотій всю первую половину жизни провелъ на родинѣ; съ молодыхъ лѣтъ чувствуя влеченіе къ уединенной жизни, онъ еще отрокомъ удалился въ монастырь къ уважаемому въ свое время старцу Акакію. Когда Акакій былъ избранъ въ митрополиты Монемвазійской митрополіи и долженъ былъ оставить пустыню, Ф. послѣдовалъ за любимымъ наставникомъ и остался по прежнему въ числѣ близкихъ къ нему людей. Однимъ изъ послѣдствій такихъ отношеній между ученикомъ и учителемъ было возведеніе Фотія на русскій митрополичій престолъ, оставшійся праздднымъ въ 1406 г. послѣ смерти митрополита Кипріана. Обстоятельства назначенія Фотія русскимъ митрополитомъ были слѣдующія: въ 1408 г., когда Константинопольскій патріархъ получилъ извѣстіе о смерти Кипріана и просьбу московскаго великаго князя Василія Димитріевича о назначеніи новаго митрополита, Ф. случайно находился въ Константинополѣ по порученію Акакія; питомецъ всѣми цѣнимаго митрополита Монемвазійскаго, къ тому же уроженецъ Морей, гдѣ было много славянъ, можетъ быть, даже нѣсколько знакомый съ ихъ языкомъ, естественно обратилъ на себя вниманіе патріарха Матѳея. Не слушая его просьбъ позволить ему предаться монашеской жизни, не обращая вниманія на его боязнь ѣхать въ Россію, Фотія избрали въ митрополиты, убѣдили исполнить волю патріарха и 2 сентября 1408 г. рукоположили. 1-го сент. 1409 г. Ф. прибылъ въ Кіевъ; проведя тамъ около полугода, онъ 22 апр. 1410 г. торжественно въѣхалъ въ Москву. Первыя заботы Фотія по пріѣздѣ въ митрополію были обращены на паству, почти четыре года оставав-

шуюся безъ митрополита; видя распространеніе разныхъ пороковъ и среди мірянъ и среди духовенства, онъ разсылалъ по городамъ посланія, писалъ поученія для проповѣдыванія, такъ какъ, плохо зная русскій языкъ, первое время самъ не могъ говорить въ церквахъ. Въ то же время, найдя свою митрополію разоренной, церковное имущество послѣ смерти митр. Кипріана расхищеннымъ, онъ началъ добиваться возвращенія похищеннаго. Энергическія дѣйствія Фотія въ этомъ дѣлѣ скоро вооружили противъ него многихъ знатныхъ людей, въ рукахъ которыхъ оказались бывшія церковныя собственности; мало того, тѣ же старанія Фотія возбудили неудовольствіе и въ самомъ великомъ князѣ, въ казну котораго поступали нѣкоторые доходы съ бывшихъ церковныхъ и митрополичьихъ имѣній; несогласія съ княземъ, впрочемъ, можно думать, не были продолжительны, и поученія Фотія къ князю о неприкосновенности церковныхъ имѣній имѣли результатъ благопріятный для Фотія; мало того, между митрополитомъ и великимъ княземъ скоро началось даже нѣкоторое сближеніе; можно думать, что поводъ къ нему заключался въ начавшихся переговорахъ Василія Димитріевича съ Византійскимъ императоромъ Мануиломъ о бракѣ Анны, дочери Василія, съ наслѣдникомъ Византійскаго престола. Черезъ годъ послѣ пріѣзда въ Москву, въ 1411 г. значеніе Фотія было уже настолько сильно, что многіе его недоброжелатели принуждены были бѣжать изъ московскаго княжества. Но, когда начали улаживаться дѣла Фотія въ Москвѣ, новыя невзгоды настали для него въ литовской части его митрополіи. Сначала вслѣдствіе распоряженій польскаго короля Владислава обнаружились разныя притѣсненія православныхъ въ русскихъ областяхъ, соединенныхъ съ Польшею (1412), затѣмъ договорами короля Владислава съ литовскимъ великимъ княземъ Витовтомъ (1413) тѣже притѣсненія православія въ связи съ предоставленіемъ исключительныхъ правъ католикамъ начались и въ Литвѣ. Вслѣдъ за этимъ вновь открылось уже не новое движеніе къ отдѣленію отъ Москвы литовской части митрополіи; послѣ того какъ неоднократныя просьбы Витовта передъ Константинопольскимъ патріархомъ объ учрежденіи самостоятельной митрополичьей каѳедры для Литовскаго княжества не были уважены въ Константинополѣ, соборъ литовско-русскихъ епископовъ по приказанію Витовта избралъ своего самостоятельнаго митрополита (1415); попытка Фотія предупредить это избраніе окончилась для него плачевно: онъ былъ ограбленъ во время путешествія въ Литву, намѣстники его выгнаны, ихъ мѣста заняты княжескими управителями, наконецъ составлена была опись городовъ и селеній, долженствующихъ войти въ составъ литовской митрополіи. Раздѣленіе всероссійской митрополіи, въ общемъ вполнѣ въ то время естественное вслѣдствіе политическихъ видовъ Витовта, въ частности нельзя не считать слѣдствіемъ ошибокъ Фотія; его пристрастіе къ монашескому обиходу и уединенной жизни, предпочтеніе Москвы Кіеву, нерадѣніе о литовскихъ областяхъ (гдѣ онъ былъ лишь въ 1408 и 1411 гг.), завѣдываніе ими черезъ намѣстника, въ извѣстной мѣрѣ оправдываютъ Витовта. Отдѣльное существованіе литовской митрополіи продолжалось не долго; поставленный съ 1415 г. литовскій митрополитъ Григорій Цамблакъ въ 1419 г. скончался; новаго митрополита Витовтъ не назначилъ и Ф. съ его согласія вступилъ въ управленіе литовскими областями. — Близкій человѣкъ къ московскому князю, Ф. обыкновенно принималъ горячее участіе и въ трудныхъ политическихъ обстоятельствахъ его княжества, къ которому по прежнему тяготѣлъ, хотя послѣ 1419 г. и чаще посѣщалъ свои западныя области. Особенно большую услугу онъ оказалъ новому великому князю московскому, 13-тилѣтнему сыну Василія Димитріевича († 1425), впослѣдствіи получившему прозваніе Темнаго, когда угрожала новая усобица со стороны его дяди Юрія Димитріевича. Умиротворить князя Юрія Фотію удалось благодаря тому, что его отъѣздъ изъ Галича, куда онъ являлся въ качествѣ посла къ Юрію, совпалъ съ началомъ мора въ этомъ городѣ; испуганный Юрій бросился въ догоню за Фотіемъ, вернулъ его въ городъ и обѣщалъ примириться съ племянникомъ; а между тѣмъ моръ сталъ ослабѣвать; это было новымъ доказательствомъ чудесной силы Фотія и правоты его дѣла. Ф. скончался 2 іюля 1431 г. и погребенъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Въ

1472 г., по случаю перестройки собора, гробъ его былъ извлеченъ изъ земли вмѣстѣ съ гробами святителей Іоны, Ѳеогноста и Кипріана и затѣмъ вновь похороненъ въ томъ же соборѣ; здѣсь онъ находится и до нынѣ подъ спудомъ. По общепринятому мнѣнію день 27 мая 1472 г. считается днемъ обрѣтенія мощей четырехъ упомянутыхъ святителей и 1472 г. годомъ ихъ канонизаціи; но между тѣмъ извѣстно, что въ 1472 г. канонизированъ былъ одинъ митрополитъ Іона и что ни въ XV, ни въ XVI, ни въ XVII вѣкахъ празднованія памяти митрополитовъ Кипріана, Ѳеогноста и Фотія не было ни вообще въ Россіи, ни въ частности въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Въ настоящее время память Фотія празднуется 2 іюля и 27 мая.

Краткій обзоръ главнѣйшихъ событій жизни Фотія, сохранившійся въ лѣтописяхъ, даетъ сравнительно тусклый его обликъ; эту неполноту въ значительной степени устраняютъ произведенія самого архипастыря. Служба Фотія въ Россіи совпала съ труднымъ временемъ для его второго отечества; непрекратившаяся еще усобица князей, набѣги татаръ, несвоевременные морозы и снѣга до жатвы, засухи и лѣсные пожары, неурожаи, идущіе за такими явленіями, и далѣе дороговизна, голодъ, повальныя болѣзни были нерѣдкимъ явленіемъ въ эти годы и представлялись указаніемъ близкаго конца міра; физическія бѣдствія способствовали развитію бѣдствій духовныхъ, распространенію разврата и пороковъ среди мірянъ и духовенства, церковныхъ неустройствъ, ересей и пр. Въ борьбѣ съ этимъ зломъ прошла пастырская дѣятельность Фотія; человѣкъ образованный, хорошо знакомый съ священнымъ писаніемъ, правилами церкви и твореніями святыхъ отцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пастырь заботливый, обращавшій вниманіе на нужды паствы, онъ писалъ многочисленныя посланія, составлялъ поученія. Труды Фотія, въ литературномъ отношеніи маловажные, тѣмъ не менѣе представляютъ значительный интересъ, какъ проявленіе его дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ изображеніе духовнаго состоянія русскаго народа того времени; этимъ достоинствомъ въ особенности отличаются слѣдующія его произведенія: посланіе въ Новгородъ (1410 г.) и близкое къ нему по содержанію посланіе въ Псковъ, въ которыхъ онъ напоминаетъ забытыя церковныя постановленія о крещеніи дѣтей, о совершеніи браковъ, запрещаетъ поединки, ранніе браки, осуждаетъ совмѣстную жизнь въ монастыряхъ чернецовъ съ черницами, занятія священниковъ торговлею и ростовщичествомъ, увлеченія мірянъ чародѣйствомъ, вступленіе въ четвертый бракъ и пр. Далѣе слѣдуетъ упомянуть грамоты противъ ереси стригольниковъ (1416 и 1427 гг.), грамоты Псковскому духовенству (1417 и 1422 или 1425 гг.) о соблюденіи церковныхъ правилъ и обрядовъ, посланіе въ Снѣтогорскій монастырь о соблюденіи общежительнаго устава (1418 г.), посланіе къ Псковскому духовенству о совершеніи церковныхъ службъ, между прочимъ разрѣшающее вопросъ о троекратномъ произнесеніи «аллилуіа» (1419 г.). Труды Фотія, не имѣющіе отношенія къ тогдашней дѣйствительности, какъ сказано выше, малозначительны; таковы его учительныя посланія, поученія, долго считавшіяся оригинальными, а, какъ теперь доказано, представляющія иногда компиляцію (чаще плохую, чѣмъ удачную) изъ произведеній византійскихъ писателей, иногда же просто переводъ (напр., слово о бездождіи, вторая часть котораго, представляющая, можетъ быть, отдѣльное слово, есть дословный переводъ прекраснаго слова Василія Великаго). Къ недостаткамъ учительныхъ произведеній Фотія надо отнести плохую русскую рѣчь, обиліе греческихъ оборотовъ и невразумительность. Наконецъ слѣдуетъ упомянуть еще одно сочиненіе Фотія, стоящее въ ряду другихъ нѣсколько самостоятельно, именно его завѣщаніе, въ которомъ сообщаются, между прочимъ, свѣдѣнія о его жизни до пріѣзда въ Россію. Относительно того, на какомъ языкѣ писалъ Ф., нельзя дать опредѣленнаго отвѣта: сохранившіяся подлинныя его подписи на духовныхъ грамотахъ Василія Димитріевича, написанныя по-гречески, наводятъ нѣкоторое сомнѣніе относительно свѣдѣній его въ русской грамотѣ; этому предположенію впрочемъ слѣдуетъ противопоставить то обстоятельство, что греческихъ подлинниковъ сочиненій Фотія не сохранилось и что, напротивъ, по словамъ Строева, сохранилась русская рукопись, въ которой находятся сочиненія

Фотія «со многими вставками и помарками, нѣкоторыя въ двухъ экземплярахъ, одинъ чище другого», какъ бы черновыя и перебѣленныя.

Горскій: «Ф. митроп. Кіевскій и всея Россіи». (Прибавленіе къ изданію твореній св. отцевъ, ч. 11, 1752, с. 206—271). — Макарій: «Исторія русской церкви», т. 4 и 5 (1866).—А. Вадковскій (еп. Антоній): «О поученіяхъ Ф., митр. Кіевскаго и всея Руси» («Правосл. собес.» 1875, ч. 2, 284—315; ч. 3, 57—86). — Строевъ: «Библіографическій словарь», 1882 ст. 278—287.—Филаретъ: «Обзоръ русск. духовн. литерат.» (1884).—Карамзинъ: «Исторія госуд. Рос.», т. 5. — Соловьевъ: «Исторія Россіи», т. 1 (1895). — Голубинскій: «Исторія канонизаціи святыхъ въ русс. церкви» (1894).—Филаретъ: «Русскіе святые», (1882). — Барсуковъ: «Источники русской агіографіи», (1882), с. 575—578. — С. Шевыревъ: «Ист. русс. словесности», ч. 3, (1858).—Митр. Евгеній: «Словарь историч. о писат. духовнаго чина», т. 2 (1827).—Чистовичъ: «Очеркъ исторіи западнорусс. церкви» (1882), ч. 1. — Николаевскій: «Русс. проповѣдь въ XV и XVI вв.» («Ж. М. Нар. Пр.» 1868, №№ 2 и 4).—Экземплярскій: «Великіе и удѣльные князья сѣв. Руси».—«Словарь историч. о святыхъ, прославленныхъ въ Россійской церкви» (1836). — Арх. Леонидъ: «Святая Русь», (1891). — «Русскій сводный иконописный подлинникъ XVIII в.» («Вѣстн. общества древне-русск. искусства», 1876, ч. 11—12, с. 106).—Павловъ: «Первоначальный Славяно-русск. помоканонъ», (1869), с. 11—12.—Филимоновъ: «Иконные портреты на большомъ саккосѣ Фотія митр.», («Вѣстникъ общества древне-русс. искуства, 1875, в. 6—10).—Кротковъ: «Плащаница всеросс. митроп. Фотія», (1864). — Невоструевъ: «Монограмма всеросс. митроп. Фотія» (Сборн. 1866 г., издан. Общ. древне-русск. искусства, 175 и 181)., — Описаній библіотекъ, въ коихъ сохранились рукописи съ сочиненіями Фотія, не указываемъ; не указываемъ также первоисточниковъ для его біографіи (лѣтописей), но большей части отмѣченныхъ въ перечисленныхъ выше трудахъ, и источниковъ второстепеннаго значенія. — Сочиненія Фотія были напечатаны въ «Актахъ Археограф. экспед.», т. I, № 369; въ «Актахъ историч.», т. I; въ «Дополн. къ Актамъ историч.», т. I; у митр. Макарія въ «Исторіи Русс. церкви», IV. 377—382; въ «Правосл. Собесѣдникѣ», 1860, т. 2 и 3; 1861, т. 2; 1875, ч. 3; въ «русск. историч. библіотекѣ», т. VI.—Посланія и грамоты Фотію см. въ «Актахъ Археограф. экспедиціи», т. I, №№ 20 и 23; въ «Актахъ, отн. къ исторіи запад. Россіи», т. I, № 23; въ «Лѣтописяхъ занятій Археограф. коммиссіи», т. 3, с. 26 — 28; въ «Русской исторической библіотекѣ», т. VI, №№ 37 и 40, т. VIII, № 2.

Вс. С—ій.

Фотій, до постриженія Аркадій Александровичъ *Романовскій*, архимандритъ, членъ духовно-цензурнаго комитета въ Петербургѣ, сынъ священника, род. въ Москвѣ въ 1822 г., ум. 18 окт. 1861 г. Образованіе получилъ въ московской семинаріи и съ 1842—1846 г.—въ московской духовной академіи; 1 августа 1843 г. постригся въ монашество съ именемъ Фотія, 8 авг. рукоположенъ въ іеродіакона, 9 іюля 1846 г.—въ іеромонаха. По окончаніи академическаго курса Ф. въ 1846 г. поступилъ въ тверскую духовную семинарію наставникомъ по догматическому богословію и помощникомъ инспектора; въ 1850 г. былъ перемѣщенъ въ новгородскую семинарію помощникомъ ректора и учителемъ, а въ 1851 г. сдѣланъ инспекторомъ семинаріи и 29 мая 1853 г. произведенъ въ архимандриты. 28 окт. того же года Ф. былъ назначенъ на должность ректора полоцкой семинаріи, и на него возложены обязанности члена консисторіи, благочиннаго монастырей и ревизора подвѣдомыхъ семинаріи училищъ. Съ 10 ноября 1855 г. Ф. проходилъ тѣ же, что и въ Полоцкѣ, должности въ Орлѣ, а въ 1858 г. назначенъ членомъ духовно-цензурнаго комитета въ Петербургѣ. Въ 1861 г. онъ былъ назначенъ настоятелемъ Доминцкаго (Думницкаго) монастыря Черниговской епархіи, но въ томъ же году просилъ увольненія на покой и скончался наканунѣ состоявшагося опредѣленія объ его отставкѣ. Обширную библіотеку свою онъ пожертвовалъ въ новгородскую семинарію.

Дѣла арх. Св. Синода 1850 г. № 1930; 1843 г. № 1508; 1854 г. № 2231; 1855 г. № 1986; 1859 г. № 1741; 1861 г. № 527.

Здр.

Фотій, до постриженія Петръ Никитичъ *Спасскій*, архимандритъ, настоятель новгородскаго Юрьевскаго монастыря, род. 4 іюня 1792 г. въ погостѣ Спасскомъ, новгородскаго уѣзда, гдѣ его отецъ былъ дьячкомъ, ум. 26 февр. 1838 г. Въ 1814 г., окончивъ курсъ въ новгородской семинаріи, Спасскій поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію, но уже въ слѣдующемъ году, вынужденный по болѣзни оставить ее, былъ опредѣленъ учителемъ въ Александроневскомъ духовномъ училищѣ. Состоя, по тогдашнимъ правиламъ, въ близкомъ и непосредственномъ отношеніи къ семинарскому начальству, Ф. имѣлъ возможность сойтись съ ректоромъ семинаріи, архимандритомъ Иннокентіемъ († 1819 на пути въ Пензу, куда былъ хиротонисанъ во епископа). Иннокентій былъ человѣкъ высокихъ аскетическихъ воззрѣній. По собственному признанію, Ф. замѣчалъ «всѣ слова Иннокентія, поступки виды, дѣйствія, духъ вѣры» и по нему слагалъ въ тайникахъ своей души «образъ

житія благочестиваго». Въ 1817 г. Ф. принялъ монашество, получилъ священный санъ и былъ назначенъ законоучителемъ во Второмъ кадетскомъ корпусѣ. До послѣдняго своего назначенія Ф. былъ лишенъ возможности болѣе или менѣе замѣтно проявлять свои дарованія, такъ какъ вращался въ небольшой и замкнутой средѣ тогдашняго духовенства. Съ назначеніемъ же въ корпусъ, въ которомъ воспитывались дѣти «изъ общества», Фотію открывалось широкое поле вліянія. Съ перваго же года онъ выступилъ противъ господствовавшаго въ тогдашнемъ обществѣ мистическаго настроенія, или, по его собственному выраженію, «противъ массоновъ, иллюминатовъ, методистовъ, Лабзина, Сіонскаго Вѣстника и прочихъ». Рѣзкія обличенія мистикамъ, высказываемыя Фотіемъ, остались не безъ вліянія на разрывъ тѣхъ связей, которыя въ иныхъ случаяхъ были довольно тѣсны между мистиками и нѣкоторыми представителями духовенства. Событія какъ бы нарочно оправдали рѣзкости Фотія. Одинъ изъ іеромонаховъ, занимавшій довольно видный постъ, будучи увлеченъ лжемысліемъ, допустилъ кощунственный поступокъ, молва о которомъ быстро обошла общество. Послѣ этого Ф. съ еще большею увѣренностью «возвысилъ вопль свой, яко трубу», а въ своей рѣзкости дошелъ до того, что въ городѣ стали говорить, будто онъ помѣшался. Фотію было сдѣлано внушеніе, но мало подѣйствовало на него, потому что въ средѣ тогдашняго петербургскаго общества и высшаго духовенства были лица, сочувствовавшія Фотію, хотя обнаруживать свое сочувствіе и остерегались, такъ какъ господствующее положеніе безспорно занимала партія противоположныхъ Фотіевымъ воззрѣній. Въ 1820 г., послѣ проповѣди, произнесенной въ Казанскомъ соборѣ (27 апрѣля), Ф. былъ удаленъ изъ Петербурга и назначенъ (20 іюля) настоятелемъ Деревяницкаго монастыря, въ трехъ верстахъ отъ Новгорода. Это назначеніе принесло Фотію игуменскій санъ, но, будучи въ сущности почетной ссылкой, не могло его не огорчить, тѣмъ болѣе, что Деревяницкій монастырь былъ одинъ изъ самыхъ захудалыхъ. Но въ это же время на жизненномъ пути Фотія встрѣтился добрый его геній, выведшій его снова на дорогу. Это была графиня А. А. Орлова-Чесменская, которую направилъ къ Фотію ея прежній духовный отецъ, преосвященный Иннокентій. Графиня слушала проповѣди Фотія въ Казанскомъ соборѣ, познакомилась съ нимъ, и когда онъ былъ удаленъ изъ Петербурга, сообщала ему столичныя новости, присылала щедрыя пожертвованія и вообще всячески поддерживала его духъ, а въ то же время хлопотала за него всюду, гдѣ можно было, не оставляя мысли вернуть его снова въ Петербургъ. Подъ ея вліяніемъ митрополитъ Серафимъ въ январѣ 1822 г. перевелъ Фотія въ Сковородскій монастырь, съ возведеніемъ въ архимандриты, а послѣ пасхи того же года вызвалъ его въ Петербургъ и помѣстилъ въ лаврѣ. Въ Петербургѣ Ф. сразу примкнулъ къ обществу благочестивыхъ петербургскихъ дамъ высшаго свѣта, и какъ человѣкъ оригинальный, убѣжденный, смѣлый и окруженный нѣкоторымъ ореоломъ изгнанія и подвижничества (онъ носилъ вериги), имѣлъ въ этомъ обществѣ полный успѣхъ. Къ сожалѣнію, вліяніе новой среды успѣло вредно сказаться на Фотіи, способствуя утратѣ прямоты характера и развитію лукавства, о которомъ онъ, по крайней самоувѣренности, безъ стѣсненія вспоминалъ въ послѣдующіе годы. 21 мая, при освященіи новой Духовской церкви въ лаврѣ, Ф. познакомился съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода княземъ А. Н. Голицынымъ, былъ приглашенъ къ нему въ домъ и послѣ неоднократныхъ свиданій съ нимъ у графини Орловой, гдѣ онъ «дѣвицѣ и князю предлагалъ слово и дѣло Божіе по три, по шести и до девяти часовъ въ день», былъ зачисленъ княземъ его «духовнымъ учителемъ» и «златоустомъ». Нѣкоторое время спустя Ф. сталъ собираться въ свой монастырь, но князь Голицынъ удержалъ его до возвращенія въ Петербургъ государя, обѣщая исходатайствовать ему аудіенцію. Свиданіе съ государемъ произошло 5 іюня, въ 7 часовъ вечера, въ Каменноостровскомъ дворцѣ. Этому свиданію, во всякомъ случаѣ необычному, придавали особенное значеніе. Митрополитъ благословилъ Фотія древнею иконою нерукотвореннаго Спаса, а Голицынъ долго бесѣдовалъ съ нимъ наканунѣ аудіенціи. Ф. же, хотя собственно шелъ противъ Голицына, однако не показывалъ и виду, что онъ его противникъ. Входя во дво-

рецъ, Ф. крестилъ всѣ входы и выходы, «помышляя, что тьмы здѣсь живутъ и дѣйствуютъ силъ вражіихъ». Бесѣда съ государемъ шла «о дѣлахъ вѣры и церкви». Вскорѣ за тѣмъ Ф. получилъ изъ кабинета Его Величества наперстный крестъ съ драгоцѣнными украшеніями, а въ августѣ былъ назначенъ Св. Синодомъ, по представленію митрополита Серафима, настоятелемъ первокласснаго Юрьевскаго монастыря. Рекомендуя Фотія Синоду, митрополитъ выставлялъ на видъ, что Фотіемъ исправлены въ короткое время два монастыря безъ пособія со стороны казны, почему есть надежда, что имъ будетъ исправленъ и Юрьевъ монастырь. Передъ отъѣздомъ въ Новгородъ Ф. былъ приглашенъ къ императрицѣ и въ разговорѣ съ нею коснулся, какъ онъ выразился, «до князя Голицына и прочихъ враговъ вѣры, сыновъ беззаконія». А Голицынъ, ничего не подозрѣвая, благоговѣйно переписывалъ получаемыя отъ Фотія письма характера не только не обличительнаго и не враждебнаго, но даже льстиваго и пересылалъ ихъ графинѣ Орловой. Это столь памятное для Фотія лѣто было ознаменовано рѣзкимъ поворотомъ отношенія правительства къ мистикамъ: Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ 1 августа 1822 г. на имя Кочубея, всѣ тайныя общества, подъ какимъ бы наименованіемъ они не существовали, были обречены на закрытіе; покровительствуемые стали опальными. Полтора слѣдовавшихъ за тѣмъ года, проведенные Фотіемъ въ Юрьевскомъ монастырѣ, были временемъ, когда его авторитетъ укрѣпился незыблимо. Когда, вызванный въ февралѣ 1824 г., Ф. явился въ Петербургъ, онъ уже не стѣснялся выставлять себя какимъ то вопиствующимъ орудіемъ Промысла, опредѣленнымъ на пораженіе духовъ злобы, изрекать загадочныя тирады, вѣщать о своихъ видѣніяхъ и снабжать представителей высшаго общества своими широковѣщательными посланіями. Два такихъ посланія, въ которыхъ заключались намеки на какую то тайну, были доставлены и государю. Въ результатѣ Ф. добился того, что онъ 20 апрѣля былъ приглашенъ явиться въ кабинетъ государя тайно, съ секретнаго входа, и бесѣдовалъ съ нимъ три часа. Послѣ этого, уже развернувшись безъ всякаго стѣсненія, Ф. порвалъ всякія сношенія съ княземъ Голицынымъ, даже предалъ его анаѳемѣ, обзывая духовнымъ Наполеономъ и не стѣсняясь всѣмъ о томъ разсказывать и даже писать государю. Устранивъ себя отъ вмѣшательства въ дѣла вѣры и принимая Фотія за истиннаго выразителя взглядовъ церковной іерархіи, государь оставилъ безнаказанною самовольную и безпримѣрную анаѳему, отстранилъ князя Голицына отъ управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ (15 мая 1824 г.), но оставилъ его министромъ почтъ, и какъ ни старалась противная Голицыну партія, имѣвшая во главѣ Аракчеева и выставлявшая своимъ передовымъ бойцомъ Фотія, подъ надежнымъ прикрытіемъ дѣла церкви, все же она окончательно погубить Голицына не могла. Тогда ея усилія были направлены на устраненіе сподвижниковъ Голицына и на уничтоженіе результатовъ того направленія, представителемъ котораго былъ Голицынъ. Ожесточенная борьба шла противъ Библейскаго общества, предполагалось преобразованіе духовныхъ училищъ, запрещены были нѣкоторыя книги, прежде одобренныя, между прочимъ извѣстный краткій катихизисъ, составленный митрополитомъ Филаретомъ. Ф., въ это время сильно поддерживаемый Аракчеевымъ и митрополитомъ Серафимомъ петербургскимъ, достигъ своего апогея: онъ былъ окруженъ лестью своихъ приверженцевъ, безнаказанно представлялъ государю даже благосклонно принимаемыя «хартіи», въ которыхъ писалъ о «тайнѣ беззаконія», о «заговорѣ подъ звѣринымъ апокалипсическимъ числомъ 666», о вліяніи Англіи, о революціи, имѣющей быть въ 1836 г. и т. п. Всѣ апокалипсическія тайны и реченія въ запискахъ Фотія сводились обыкновенно къ тому, что «непремѣнно и немедленно нужно нынѣ выслать изъ столицы нѣкоторыхъ на всегда, по плану, прежде поданному». Но этотъ прежде поданный планъ, заключавшій въ себѣ ясный только одному автору смыслъ, естественно оставался безъ выполненія, какъ и всѣ совѣты Фотія, имѣя тотъ лишь прискорбный результатъ, что всѣ эти писанія удручающимъ образомъ вліяли на государя и еще болѣе увеличивали и безъ того свойственное ему

въ послѣдніе годы мрачное настроеніе. Съ воцареніемъ императора Николая I положеніе Фотія рѣзко измѣнилось. Государь оказалъ ему особое вниманіе и дозволилъ писать въ собственныя руки о чемъ угодно, но, будучи характера прямого и положительнаго, не допуская криводушія и не любя неясности, исключилъ Фотія изъ среды близкихъ къ престолу лицъ. Ф. долженъ былъ отказаться отъ роли вѣщателя тайнъ и пророка государева, спасателя церкви и отечества и стать въ ряды ординарныхъ архимандритовъ-настоятелей; послѣ «дѣлъ великихъ и необычайныхъ» ему опять пришлось вѣдаться съ несогласіями, недовольствомъ и неповиновеніемъ монастырской братіи. Привыкнуть къ этому было не легко, и вся послѣдующая жизнь Фотія представляетъ собою непрерывный рядъ различныхъ странностей и неожиданностей, давшихъ поводъ митрополиту Серафиму выразиться о немъ, что «не сносить ему головы своей, ежели нрава своего не перемѣнитъ». Въ то же время Ф. крайне изнурялъ себя аскетическими подвигами. Видно было, что онъ, словно будучи привязанъ на цѣпи, «рвался и метался, не находя выхода для своей кипучей энергіи, пока смерть не погасила снѣдавшаго его пламени». Скончался Ф. среди тяжкихъ аскетическихъ подвиговъ и былъ похороненъ въ заранѣе приготовленномъ имъ для себя гробѣ, въ Юрьевскомъ монастырѣ, который онъ богато обстроилъ на средства, пожертвованныя графиней Орловой. Необычайныя отношенія къ императору Александру I, соединенныя съ нѣкоторою таинственностью, постоянныя рѣчи о неисповѣренін «врага церкви» (діавола въ лицѣ «сектантовъ»), объ особомъ избраніи своемъ, о видѣніяхъ и откровеніяхъ, витійственный складъ рѣчи, широкая благотворительность на средства графини Орловой, наконецъ, безспорный и высокій аскетизмъ, молитвы, бдѣнія, вериги, воздержаніе, непоколебимая преданность «дѣлу церкви»,—все это было причиною того, что въ Новгородѣ и его окрестностяхъ, среди простого народа, а также въ значительной части петербургскаго общества и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Россіи Ф. считался праведникомъ, «святителемъ», избранникомъ Провидѣнія. Послѣ Фотія осталось въ Юрьевскомъ монастырѣ множество рукописей, заключающихъ въ себѣ его автобіографію, проповѣди, письма и разнаго рода матеріалы. Проповѣди Фотія отличаются сильнымъ чувствомъ вѣры, но чрезвычайно «витійственный» слогъ дѣлаетъ ихъ мало вразумительными. Этимъ недостаткомъ страдаютъ и всѣ другія писанія Фотія. Въ автобіографіи, напечатанной въ «Русской Старинѣ» 1894—1896 гг. и представляющей по своему содержанію смѣшанный типъ «житія» и исторической монографіи, Ф., кромѣ весьма подробнаго повѣствованія о разныхъ перемѣнахъ въ своей жизни, высказываетъ свой взглядъ на современное ему положеніе и строй церкви, государства, общества, духовенства, входитъ въ оцѣнку преобладавшаго въ то время въ обществѣ міровоззрѣнія, наиболѣе видныхъ дѣятелей и т. п. Относительно воззрѣній Фотія можно сказать, что они чрезвычайно односторонни, оригинальны и пропитаны нетерпимостью, какъ и его сужденія о лицахъ. Наконецъ, письма Фотія заключаютъ въ себѣ значительную дозу лести въ отношеніи къ ихъ адресатамъ.

Е. П. Карновичъ: «Архим. Фотій» (въ «Русск. Стар.» 1875 г., т. IV, и въ книгѣ «Замѣчат. и загадочн. личности XVIII и XIX вв.», Спб., 1884).—Поповъ: «Юрьевскій архим. Ф. и его церковно-обществ. дѣятельность» (въ «Трудахъ Кіевск. дух. акад.» 1875 г., кн. 2 и 6).—С. И. Миропольскій: «Ф. Спасскій, юрьевск. архим.» (въ «Вѣстн. Европы» 1878 г., кн. 11 и 12).—П. А. Чистовичъ: «Руководящіе дѣятели духовн. просвѣщенія...», Спб. 1894.—Въ предисловіи къ автобіографіи Фотія (Русск. Стар. 1894, мартъ) подробно указана литература о Фотіи и его сочиненіяхъ.—О рукописяхъ Фотія см. «Русск. Арх.» 1873 г., т. II (статья Лилеева), «Чтен. въ Общ. истор. и древн.» 1880 г., кн. I (статья Н. В. Сушкова) и «Христ. Чтеніе» 1896 г., кн. I (Письма Фотія къ оберъ-прокурору Св. Син. С. Д. Нечаеву, статья С. Г. Рункевича).

С. Г. Р.

Фотій, въ мірѣ Григорій Ѳедоровичъ *Щиревскій*, архимандритъ, сынъ протоіерея Брянскаго уѣзда Орловской губерніи, род. въ 1811 г., ум. 5 ноября 1877 г. Образованіе получилъ въ Орловской семинаріи, откуда поступилъ въ Кіевскую духовную академію, и здѣсь окончилъ курсъ въ 1837 г. однимъ изъ первыхъ магистровъ. Въ томъ же году (1 сент.) онъ былъ опредѣленъ на службу при Кіевской академіи баккалавромъ по каѳедрѣ св. писанія. Въ 1838 г. былъ постриженъ въ монашество и въ 1841 г. возведенъ въ званіе собор-

наго іеромонаха. Въ 1844 г. Ф. былъ перемѣщенъ въ новооткрытую Казанскую духовную академію на должность профессора по каѳедрѣ церковнаго краснорѣчія (гомилетики) и сразу занялъ тамъ видное положеніе, какъ членъ конференціи, а съ 1845 г., какъ членъ внѣшняго правленія и цензурнаго комитета. Въ 1846 г. онъ былъ опредѣленъ на должность инспектора академіи и 8 сент. возведенъ въ санъ архимандрита, съ присвоеніемъ ему лично степени настоятеля третьекласснаго монастыря. Но скоро кончилась его служба при академіи. Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 25 сент. 1850 г. Ф. былъ назначенъ ректоромъ Смоленской духовной семинаріи и профессоромъ богословскихъ наукъ, съ званіемъ настоятеля второкласснаго Спасо-Аврааміева монастыря. За тѣмъ, въ 1858 г., онъ былъ перемѣщенъ на ректорскую же должность въ Тифлисскую, въ 1860 г.— въ Костромскую и въ 1861 г.— въ Полтавскую семинарію. Въ томъ же 1861 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣданія слова Божія и назначенъ членомъ с.-петербургскаго духовно-цензурнаго комитета, на каковой должности состоялъ до 15 декабря 1869 г., когда былъ уволенъ отъ службы, и нѣкоторое время жилъ сперва въ Задонскомъ, потомъ въ Благовѣщенскомъ монастырѣ Воронежской епархіи, а въ 1874 г. назначенъ настоятелемъ новгородъ-сѣверскаго (Черниговской епархіи) первокласснаго Спасопреображенскаго монастыря, гдѣ и оставался до конца жизни. Вездѣ, гдѣ служилъ отецъ Ф., онъ пользовался уваженіемъ за свой умъ, обширныя познанія и краснорѣчіе. Но онъ не обладалъ въ достаточной степени практическою опытностью, необходимою для административной дѣятельности; не могъ похвалиться и здоровьемъ, которое часто измѣняло ему. Однако все это не препятствовало ему выступать въ свѣтъ съ ученолитературными произведеніями. Имя его весьма извѣстно въ духовной литературѣ. Кромѣ многихъ проповѣдей, напечатанныхъ въ разное время въ «Христіанскомъ Чтеніи» и «Странникѣ», и кромѣ произнесенной на годичномъ актѣ Казанской духовной академіи 8 ноября 1845 г. рѣчи «О характерѣ Священнаго Писанія» (напечатанной въ «Странникѣ» за 1861 г., ч. III, кн. 9, стр. 101—129), его перу принадлежитъ множество статей преимущественно назидательнаго характера, изъ которыхъ приводимъ слѣдующія: «О явленіи Бога Моисею на Хоривѣ» («Христ. Чтеніе» 1862 г., стр. 443—472);—«Объ истинной мудрости по опыту жизни св. Іустина философа» (тамъ же, стр. 737—750);—«Міръ по взору Евангелія, и гоненіе его на духъ христіанства» (тамъ же, ч. II, стр. 3—18);—«Праведный Іовъ, невинный многострадалецъ и образецъ терпѣнія» («Странникъ» 1863 г., кн. 5); — «Враги креста Христова» («Христ. Чтеніе» 1866 г., ч. I, стр. 644 — 656);—«Святая православная церковь, любвеобильная мать и великая благодѣтельница наша» («Странникъ» 1866 г., кн. 2);—«Правда Божія въ видимой природѣ» («Странникъ» 1869 г., кн. 1);—«Размышленія христіанина при воспоминаніи о вознесеніи Господа на небо» (тамъ же, кн. 5); — «О цѣли жизни человѣка» (тамъ же, кн. 9. Подобная же статья помѣщена Фотіемъ и въ «Воронежскихъ епарх. вѣдом.» 1874 г., № 2);—«О воспитаніи» («Странникъ» 1869 г., кн. 10);—«Благочестіе—наше истинное благо и счастіе въ настоящей жизни» (тамъ же, кн. 12);—«О прогрессѣ и гласности по взгляду и духу слова Божія» («Воронежскія епарх. вѣдом.» 1871 г., № 13);—«О величіи святыхъ угодниковъ Божіихъ еще во время земной ихъ жизни» (тамъ же, 1872, № 12);—«О мірѣ, какъ темной области въ родѣ человѣческомъ, противоположной церкви Христовой» (тамъ же, № 16);—«Грѣхъ—главный и опаснѣйшій врагъ намъ» (тамъ же, 1876, № 13). Кромѣ того одна проповѣдь Фотія, въ день святыхъ Кирилла и Меѳодія, издана отдѣльною брошюрою въ С.-Петербургѣ (1867).

Послужной списокъ, хранящійся въ архивѣ Спасопреображенскаго новгородъ-сѣверскаго монастыря.—П. В. Знаменскій: «Истор. Казанской дух. акад.», Казань, 1891—92, т. I, стр. 73, 76, 80, 311; т. II, стр. 196.—Нв. Сперанскій: «Очеркъ исторіи Смоленской дух. семинаріи», Смоленскъ, 1892, стр. 277. — Дѣла архива Св. Синода 1849 г., № 1759; 1850 г., № 2132; 1860 г., №№ 4623 и 4675.

И. Корсунскій.

Фотій, въ мірѣ *Ѳедоръ*, старецъ Іосифова Успенскаго Волоколамскаго монастыря, ученикъ Кассіана Босого, духовный писатель XVI в., былъ родомъ изъ Кіевской области; до 1500 г. онъ жилъ въ Путивлѣ на службѣ у послѣдняго владѣтельнаго путивльскаго князя Богдана Глинскаго и за-

нималъ должность дядьки сына Богдана Владиміра. При завоеваніи Путивля войсками великаго князя Ивана Васильевича III (1500 г.), Ф. былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ княземъ Богданомъ и его семьею и попалъ къ боярину Юрію Ивановичу Замятнину. Проживъ нѣсколько лѣтъ у Замятнина въ большомъ почетѣ, Ф. удалился отъ міра и поселился въ Волоколамскомъ монастырѣ, гдѣ принялъ монашество отъ знаменитаго основателя этого монастыря Іосифа († 1515). Изучивъ подъ руководствомъ одного изъ старшихъ монаховъ Кассіана Босого уставъ, введенный Іосифомъ, и правила иноческой жизни, Ф. скоро сталъ замѣтнымъ лицомъ въ монастырѣ; онъ прославился среди монаховъ большою начитанностью, ученостью, тяжелыми духовными подвигами и въ то же время замѣчательной скромностью, заставлявшей его всегда избѣгать старѣйшинства. Кромѣ этого Ф. сохранилъ по себѣ также память какъ о трудолюбивѣйшемъ переписчикѣ книгъ (на это есть указанія, какъ въ біографіи его, составленной его ученикомъ Вассіаномъ, такъ и въ самихъ рукописяхъ Волоколамскаго монастыря, нынѣ перешедшихъ въ собственность Московской духовной академіи).—Изъ сочиненій Фотія съ его именемъ дошли до насъ немногія, вѣроятно, только небольшая часть имъ написаннаго. Эти сочиненія суть: 1) Служба св. Іосифу Волоколамскому; служба была представлена митрополиту Макарію, который благословилъ старца Фотія «въ кельи молитвовати по ней», 2) Поученіе противъ сквернословія: «Старца Фатѣя, ученика великаго старца Кассіана Босого, собрано отъ божественныхъ писаній, зѣло полезно, еже не сквернословити языкомъ всѣмъ православнымъ христіаномъ, паче же намъ иноком, ниже паки рещи матерне лаяніе брату своему»; 3) Посланейце утѣшительно къ старицѣ Александрѣ. — Ф. умеръ, по сообщенію Вассіана, въ 1554 г., 9 марта; послѣднія 25 лѣтъ жизни онъ провелъ въ монастырѣ безвыходно.

Жизнеописаніе Фотія (оставшееся въ рукописи), составленное его ученикомъ Вассіаномъ (Имп. Публичной библ. Q. XVII, 64, л. 353 и слѣд.; Моск. синодальной библ. № 927, л. 172 и слѣд.).—И. Хрущовъ: «Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, преп. игумена Волоцкого» (1868), стр. 48, 68—69.—Арх. Филаретъ: «Обзоръ русс. духов. литерат.» (1884), стр. 156.—П. Строевъ: «Библіологическій словарь» (1882), стр. 287—288.—Преосв. Евгеній: «Словарь историч. писат. духов. чина» (1827), т. II, 276—277. — В. Ключевскій: «Древне-русскія житія святыхъ» (1871), стр. 295—296.—«Памятники старинной русской литературы», изд. гр. Кушелевымъ-Безбородко, т. IV (1862), стр. 189—191.—Калайдовичъ и Строевъ: «Описаніе славяно-россійскихъ рукоп... гр. Ѳ. А. Толстого» (1825), стр. 262, 387. — Іер. Іосифъ: «Опись рукописей, перенесенныхъ изъ библіотеки Іосифова монастыря въ библіотеку Моск. дух. академіи» (1882), стр. 109, 116, 182. — Жмакинъ: «Митроп. Даніилъ и его сочиненія» (1881), 124.—П. Строевъ: «Описаніе рукописей монастырей Волоколамскаго, Новый Іерусалимъ...» (Спб. 1891), 68, 69, 176. *Вс. С—ій.*

Фофановъ, *Иванъ Ѳедоровичъ*, граверъ и словолитецъ при Московскомъ печатномъ дворѣ (съ 1620 г.), ум. въ сентябрѣ 1646 г. Братъ извѣстнаго печатнаго мастера Никиты Ѳедоровича Фофанова псковитянина, онъ въ 1628 г. былъ отставленъ изъ «рѣзцовъ» за бражничество, но снова принятый въ 1629 г., состоялъ въ словолитцахъ въ 1632 г. и въ 1637 г. переведенъ въ рѣзцы на мѣсто отставленнаго Михаила Осипова. Изъ его рѣзныхъ работъ извѣстны, по расходнымъ книгамъ, гравированныя имъ украшенія и вырѣзанныя мѣдныя строки или штампы для «басменья» переплетовъ.

В. Румянцовъ: «Свѣдѣнія о гравиров. и граверахъ при Московск. печатн. дворѣ», Москва, 1870, отд. А., № 6. *Н. С.*

Фофановъ, *Никита Ѳедоровичъ*, мастеръ печатнаго дѣла и словолитецъ начала XVII в. Краткія данныя, сообщаемыя въ сказаніи «о воображеніи книгъ», въ приходо-расходныхъ книгахъ Печатнаго приказа и въ послѣсловіяхъ сохранившихся изданій Фофанова, представляютъ лишь самыя отрывочныя свѣдѣнія о его трудахъ и жизни. Псковичъ по происхожденію, Ф., послѣ переселенія въ Москву, началъ свою дѣятельность въ качествѣ словолитца, сколько можно судить по этимъ даннымъ, въ царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго; по приказанію Шуйскаго онъ отлилъ въ 1606 г. новую штамбу и напечаталъ въ 1609 г. Минею общую (въ листъ, на 373 л., съ предисловіемъ и послѣсловіемъ). Послѣ Литовскаго разоренія въ 1611 г. Ф. съ остальными типографщиками бѣжалъ изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ. Здѣсь онъ устроилъ печатное дѣло, отлилъ шрифтъ и сталъ печатать книги; нижегородскія изданія Фофанова, къ сожалѣнію, до насъ не дошли, что же касается до его шрифта, то извѣстно, что въ 1620 г. изъ Казанской или Нижегородской области въ Москву, на вновь отстроенный печатный дворъ, была

перевезена штамба «со всякими снастьми»; эта штамба, вѣроятно, и представляетъ собою нижегородскій шрифтъ Фофанова. Когда съ воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича была сознана необходимость печатанія церковныхъ книгъ и оказалась возможность приняться за это дѣло, свѣдущіе люди вспомнили Фофанова, человѣка «смышленаго и разумнаго къ таковому хитрому дѣлу», и вызвали его изъ Нижняго Новгорода. Возобновителямъ московской типографіи предстояло трудное дѣло, такъ какъ во время рѣзни 19 марта 1611 г. и разгрома поляками Китай-города погибъ весь печатный дворъ, вся штамба и всѣ дѣла Печатнаго приказа; приходилось заводить заново все дѣло, строить новыя помѣщенія для типографіи, отливать новые шрифты. Работа возобновителей типографіи пошла такъ энергично, что въ іюнѣ 1614 г. можно было уже приступить къ печатанію книгъ; первой книгой, напечатанной новымъ шрифтомъ Фофанова, по размѣру и рисунку буквъ похожимъ на первопечатный, была Псалтырь (Москва, 1615, въ 4^0 на 309 листахъ) съ гравированнымъ изображеніемъ царя Давида, съ предисловіемъ и историческимъ послѣсловіемъ. Слѣдующей работой Фофанова, сохранившейся съ его именемъ, былъ Октоихъ, начатый печатаніемъ въ 1616 г., оконченный въ 1618 г. (въ двухъ книгахъ); отношеніе Фофанова къ работѣ выражено въ послѣсловіи Октоиха словами: «списканіемъ и начальствомъ преславнаго дѣла сего мастера»; отношеніе другихъ печатниковъ словами: «труды и тщаніемъ прочихъ сработниковъ мастера Іаникиты и въ работѣ повинующихся ему, еже съ нимъ и по немъ трудившихся».—Послѣсловія и предисловія къ изданіямъ Фофанова любопытны для исторіка книгопечатанія въ Россіи; главное же ихъ значеніе біографическое; оно заключается въ томъ, что эти статьи представляютъ собою изображеніе взглядовъ ихъ автора на важность религіознаго просвѣщенія и на книгопечатаніе, какъ одно изъ средствъ его развитія. Написанныя высокопарнымъ слогомъ, но не лишенныя литературныхъ достоинствъ, онѣ даютъ Фофанову право на мѣсто среди писателей того времени; мысли же, въ нихъ высказанныя, выдвигаютъ его изъ ряда обыкновенныхъ техниковъ и заставляютъ видѣть въ немъ дѣятеля, съ убѣжденіемъ и сознательно преданнаго своему дѣлу. Ф. умеръ незадолго передъ 1620 г., что можно заключить по расходной книгѣ о выдачѣ жалованья типографскимъ мастерамъ, не доживши такимъ образомъ до перенесенія типографіи (1620) изъ временнаго помѣщенія въ Кремлѣ на прежнее мѣсто, разоренное поляками, гдѣ онъ началъ свою дѣятельность. Оставшаяся послѣ смерти Фофанова азбука долго называлась по его имени «Никитинской».

«Сказаніе извѣстно о воображеніи книгъ печатнаго дѣла» (Строевъ: «Описаніе старопечатныхъ книгъ... Царскаго», стр. 437 и слѣд.).—Румянцевъ: «Сборникъ памятниковъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи» (М. 1872). — Румянцевъ: «Древнія зданія Моск. печатнаго двора» (Древности, труды Мос. археологическаго общества, т. 2, в. 1).—Румянцевъ: «Свѣдѣнія о гравированіи и граверахъ при Московскомъ печатномъ дворѣ въ XVI и XVII ст. (приложеніе къ труду Ровинскаго «Подробный словарь русскихъ граверовъ», 1895).—Каратаевъ: «Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами», т. I (1883). - Строевъ: «Описаніе старопечатныхъ книгъ... гр. Толстого» (1829).—Строевъ: «Описаніе старопечатныхъ книгъ... Царскаго» (1836). — Булгаковъ: «Иллюстрированная исторія книгопечатанія», т. 1 (1889). — Соловьевъ: «Исторія Россіи», т. 2 (1896). *Вс. С—ій.*

Франке, *Іоганнъ-Валентинъ*, ордин. профессоръ Дерптскаго университета, род. 19 (31) марта 1792 г. въ Шлезвигскомъ городѣ Хузумѣ, ум. 24 сент. (6 окт.) 1830 г. въ Дерптѣ; изучалъ филологію въ Килѣ и, по окончаніи курса, состоялъ тамъ же съ 1816—1818 г. приватдоцентомъ; въ 1819 г. получилъ мѣсто субректора въ Фленсбургѣ, а въ 1820 г. перешелъ въ Дерптскій университетъ ордин. профессоромъ древнеклассической филологіи, исторіи литературы и педагогики и занималъ эту каѳедру до конца жизни. Кромѣ того, онъ съ 1822 г. состоялъ членомъ училищной коммисіи. Обладая большою ученостью и неутомимымъ трудолюбіемъ, Ф. много содѣйствовалъ развитію и процвѣтанію филологическихъ занятій въ Дерптскомъ университетѣ. Кромѣ двухъ небольшихъ сочиненій, напечатанныхъ еще до перехода въ Дерптъ, Ф. издалъ: «Examen criticum D. Junii Juvenalis vitae», Altona und Leipzig, 1820; «Die Goldmünze des Basilius in St. Petersburg» (появилось въ «Neues Museum der deutsch. Provinzen Russlands», Heft I, Dorpat, 1824); «Quaestio altera de vita D. Junii Juvenalis», Dorp., 1827. Наконецъ, Ф. издалъ въ 1830 г. «Griechische und latein. Inschriften, gesammelt von Otto Fr. von Richter», Berlin.

Формуляръ, хранящ. въ архивѣ юрьевскаго (дерптск.) унив.—«Rückblick auf die Wirksamkeit der Univers. Dorpat, 1802—65, Dorpat, 1866.—«Allgem. deutsche Biographie».—«Allgem. Schriftsteller-und Gelehrten-Lex.» von Recke und Napiersky.

В. Ш.

Франкини, *Викторъ Антоновичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1820 г., ум. 28 іюля 1892 г. въ Абаціи. Воспитанникъ Артиллерійскаго училища, въ которомъ окончилъ и офицерскіе классы (нынѣшняя Михайловская академія), онъ былъ выпущенъ въ 1844 г. на службу въ конную артиллерію. Въ чинѣ штабсъ-капитана провелъ 10 мѣсяцевъ въ Крымской войнѣ, а затѣмъ состоялъ при главнокомандующемъ на Кавказѣ князѣ Барятинскомъ и участвовалъ въ плѣненіи Шамиля. Въ 1860 г. былъ назначенъ военнымъ агентомъ въ Константинополь. Здѣсь онъ въ совершенствѣ изучилъ турецкій языкъ и близко ознакомился съ бытомъ и учрежденіями Турціи. Въ 1870 г. переведенъ на Кавказъ, гдѣ завѣдывалъ военногорскимъ управленіемъ. Въ русско-турецкую войну 1877 г. онъ былъ командированъ въ Персію, а по окончаніи войны назначенъ первымъ русскимъ губернаторомъ присоединенной Карской области. Съ успѣхомъ выполнивъ выпавшую на него задачу по устройству этой области, онъ въ 1881 г. оставилъ службу и уѣхалъ во Флоренцію, гдѣ дѣятельно занялся литературными работами. Отрывокъ его обширнаго труда «Восточная политика императора Николая I», напечатанъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1891 г., ноябрь.

«Новое Время», 1892 г., № 5901. — «Карсъ», 1892 г., № 33.

А. Ф.

Франкхартъ или *Фраукардъ*, живописецъ, род. въ Гамбургѣ въ 1710 г., ум. въ С.-Петербургѣ въ 1743 г. (?). Ученикъ Бундта, онъ при Аннѣ Іоанновнѣ (1737) прибылъ въ Россію, гдѣ и остался до конца жизни; онъ удачно писалъ портреты, особенно женскіе.

Meusel: «Miscellaneen», 1782, II, 162.—«Künstler-Lexicon von Fässli. — Fiorillo: «Kleine Schriften», Th. 2. — Андреевъ: «Живопись и живописцы», 476 (лишь упомин.).

Н. С.

Франкъ, *Иванъ Петровичъ* (Johann Peter), профессоръ-клиницистъ, род. 19 марта 1745 г. въ Баденскомъ мѣстечкѣ Ротальбенѣ, ум. 24 апрѣля 1821 г. въ Вѣнѣ. Родители предназначали его къ духовному званію, и онъ началъ учиться въ школѣ піаристовъ въ Раштадтѣ, а затѣмъ, съ 1761 г., въ Мецѣ и Pont-à-Mousson, гдѣ въ 1763 г. получилъ степень доктора философіи; но, чувствуя влеченіе къ медицинѣ, онъ въ томъ же году поступилъ въ Гейдельбергскій, затѣмъ въ Страсбургскій университетъ, гдѣ въ 1766 г. за диссертацію «De cunis infantum» получилъ степень доктора медицины. Начавъ практику сперва въ Бичѣ, затѣмъ въ Раштадтѣ и Брухзалѣ онъ въ то же время приступилъ къ изданію давно задуманнаго труда, первый томъ котораго вышелъ въ Мангеймѣ въ 1779 г. подъ заглавіемъ «System einer vollständigen medicinischen Polizey», а затѣмъ до 1788 г. слѣдующіе 4 тома. Появленіе этого труда обратило на Франка вниманіе ученаго міра, и авторъ сразу получилъ предложеніе занять кафедру отъ университетовъ въ Майнцѣ, Геттингенѣ и Павіи. Выборъ его палъ на Геттингенъ, но, пробывъ здѣсь шесть лѣтъ, Ф. въ 1786 г. перешелъ въ Павію, гдѣ былъ назначенъ директоромъ госпиталя, а затѣмъ главнымъ директоромъ медицинской части во всей Ломбардіи. Къ этому времени относится появленіе и другихъ его извѣстныхъ трудовъ: «Delectus opusculorum medicorum antehac in Germaniae diversis academiis editorum (Paviae, 1785 — 1793, 12 vol.) и «De curandis hominum morbis epitome, praelectionibus academicis dicata» (Manheim, Stuttgart, Wien, 1792). Въ 1795 г. онъ былъ приглашенъ въ Вѣну директоромъ госпиталя и профессоромъ клиники. Въ 1804 г. перешелъ въ Виленскій университетъ и, пробывъ здѣсь 10 мѣсяцевъ, былъ вызванъ въ Петербургъ въ медико-хирургическую академію и пожалованъ въ лейбъ-медики. Несмотря на кратковременное пребываніе въ Петербургѣ, знаменитый профессоръ оставилъ замѣтные слѣды; такъ, по его иниціативѣ, учреждены были кафедры физіологіи и патологіи, реформированы клиники, положено основаніе ветеринарной школы. Разстроенное здоровье заставило Ф-ка оставить Петербургъ, и въ 1808 г. онъ, награжденный пенсіей въ 3000 р., уѣхалъ въ Вѣну, гдѣ и жилъ до кончины. Извѣстность Франка основывается преимущественно на его капитальномъ трудѣ «System einer medicinischen Polizey», давшемъ автору мѣсто перваго основателя этой области медицинскихъ наукъ. Кромѣ указанныхъ

работъ, ему принадлежатъ еще нѣсколько мелкихъ статей, которыя перечислены въ его автобіографіи, вышедшей въ Вѣнѣ въ 1802 г. (Biographie des D-r Johann Peter Frank, von ihm selbst geschrieben).

«Biographisches Lexikon der hervorragenden Aerzte», herausg. von Gurlt, Wien, 1885, II, 426.— Heinrich Rohlfs: «Geschichte der deutschen Medicin», Stuttgart, 1880, II. Abth., 127. — Kośminski: «Słownik lekarzów polskich», Warszawa, 1883.

А. Ф.

Франкъ, *Іосифъ Ивановичъ* (Joseph Frank), сынъ предыдущаго, профессоръ Виленскаго университета, извѣстный писатель по медицинѣ, род. 23 декабря 1771 г. въ Раштадтѣ, ум. 18 декабря 1812 г. въ своей виллѣ близъ озера Комо. Получивъ превосходное домашнее образованіе, онъ изучалъ медицину сперва въ Геттингенѣ, затѣмъ подъ руководствомъ отца своего, въ Павіи, гдѣ и былъ удостоенъ докторскаго диплома. Въ 1794 г. получилъ въ Павіи мѣсто ассистента и репетитора при своемъ отцѣ, а когда послѣдній въ 1795 г. перешелъ въ Вѣну, онъ короткое время занималъ его каѳедру, но уже въ 1796 г. переселился также въ Вѣну, получивъ мѣсто ординатора въ тамошней общей больницѣ. Въ 1802 г. Ф. съ научною цѣлью путешествовалъ по Франціи и Англіи, работалъ въ Парижѣ, Лондонѣ и Эдинбургѣ и познакомился со всѣми тогдашними корифеями медицинской науки. Вернувшись въ Вѣну, онъ въ 1804 г. вмѣстѣ съ отцомъ получилъ приглашеніе въ Виленскій университетъ и занималъ тамъ сперва каѳедру патологіи, а съ переходомъ отца въ Петербургъ, каѳедру частной терапіи и клиники. Оставаясь 20 лѣтъ въ Вильнѣ, Ф. принесъ не малую пользу и городу и университету; такъ, онъ въ 1805 году учредилъ медицинское общество, состоя первые двѣнадцать лѣтъ его секретаремъ, а слѣдующіе три года предсѣдателемъ; въ 1807 г. по его иниціативѣ возникло благотворительное общество, въ 1808 г.— общество оспопрививанія. Кромѣ того, благодаря его стараніямъ, были устроены клиника для приходящихъ и родовспомогательный институтъ, при университетѣ учреждено 50 стипендій для бѣдныхъ студентовъ. Въ 1824 г. Ф., страдая глазами, вышелъ въ отставку и поселился сначала въ Вѣнѣ, а въ 1826 г. въ своей виллѣ близъ озера Комо и жилъ тамъ до своей смерти, занимаясь переработкой и дополненіемъ своихъ сочиненій и ихъ переводомъ на нѣмецкій и французскій языки. Бо́льшую часть своего значительнаго состоянія онъ завѣщалъ университету въ Павіи. Ознакомившись съ «теоріей возбужденія» извѣстнаго англійскаго врача Брауна (John Brown, 1780), Ф. принадлежалъ сначала къ числу самыхъ ревностныхъ ея поборниковъ, и первыя его сочиненія посвящены почти исключительно развитію и распространенію этого ученія. Кромѣ значительнаго числа брошюръ къ этому періоду относятся особенно два сочиненія: «Handbuch der Toxicologie, nach den Grundsätzen der Brownschen Arzneilehre» (1800) и «Grundriss der Pathologie nach den Gesetzen der Erregungstheorie», Wien 1803. Въ слѣдующихъ затѣмъ сочиненіяхъ замѣчается уже значительное охлажденіе къ этому ученію. Будучи профессоромъ въ Вильнѣ, Ф. издалъ: «Acta instituti clinici Caesareae universitatis Vilnensis», три выпуска, 1808—1812 (нѣмецкое изданіе вышло въ 1810 г.), и капитальный трудъ, который благодаря богатой библіографіи, собранной въ немъ, до нашего времени не утратилъ своего значенія, подъ заглавіемъ: «Praxeos medicae universae praecepta», 6 томовъ, 1811—24 (2-е издан.—Wien, 1826—43, нѣмецк. изданіе въ 9 томахъ, Leipzig 1828—43).

A. C. P. Callisen: «Medicinisches Schriftsteller-Lexikon», Copenhagen 1831, VI, 433—441 (съ подробн. перечнемъ всѣхъ сочинен. Франка). — Gurlt: «Biographisches Lexicon der hervorragenden Aezte», II, 429. — Hirschel: «Geschichte des Brown'schen Systems und der Erregungstheorie», Dresden 1846.— Kosminski: «Slownik lekarzow Polskich», Warszawa 1883, ст. 122.—Mich. Balinsky: «Dawna akademia Wilenska», 1862, стр. 398.

Францбековъ, *Дмитрій Андреевичъ*, крестившійся въ православную вѣру нѣмчинъ (до принятія православія назывался Фаренсбахомъ), человѣкъ довольно образованный, знавшій даже греческій языкъ. Поступилъ въ русскую службу въ 1613 г. послѣ взятія московскими войсками города Бѣлаго, въ 1627 г. принялъ православіе и записанъ по московскому списку въ дворяне. О первыхъ шести годахъ службы Францбекова мы не имѣемъ свѣдѣній; въ началѣ 1633 г., во время войны съ Польшей, московское правительство нуждалось въ свѣдѣніяхъ о недругѣ государевомъ, королѣ польскомъ Владиславѣ, и

рѣшило послать въ Стокгольмъ «для польскихъ и литовскихъ вѣстей» агента. На рѣшеніе московскаго правительства повліяло и то обстоятельство, что шведскій король за два года передъ тѣмъ прислалъ въ Москву перваго шведскаго резидента Ягана Меллера. Въ 1633 г. послана была шведской королевѣ государева грамота съ объясненіемъ причинъ, вызвавшихъ отправленіе въ Швецію русскаго агента, а также съ объявленіемъ, что на эту должность предположено назначить Д. Францбекова, «изъ рыцерскихъ людей добраго и вѣрнаго человѣка». Но дѣло отправки Францбекова замедлилось, вѣроятно, вслѣдствіе крайне неблагопріятнаго оборота дѣлъ на театрѣ войны польской, и только 15 ноября 1634 г. былъ написанъ наказъ для Францбекова. Въ наказѣ ему поручалось не только вести официальныя сношенія съ шведскимъ правительствомъ, но также «тайно провѣдывать отъ нарочитыхъ людей, добрыхъ и досужихъ, кому бы довѣрить можно, и у агенговъ разныхъ земель, какъ съ цесаревыми людьми войну ведутъ, кто отъ цесаря противъ свейскихъ людей учиненъ начальникомъ, и чаять ли миру...» Большая часть обширнаго наказа касалась польскихъ и крымскихъ дѣлъ. Кромѣ этого наказа данъ былъ еще тайный, который агенту было приказано вытвердить наизусть въ Москвѣ. При отправленіи въ Швецію Ф. получилъ государева жалованья и подмоги 500 р. деньгами, да собольми на 200 р.; даны были ему разные запасы (рыба, икра, меды, пастила и т. п.), «чѣмъ ему иноземцевъ потчивать». Съ Францбековымъ поѣхала большая свита въ 34 человѣка. Такъ какъ шведскій резидентъ въ Москвѣ получалъ содержаніе отъ русскаго правительства, то и Ф. долженъ былъ получать «кормъ» отъ шведской королевы. Въ Стокгольмѣ Францбекова встрѣтили не особенно благосклонно, потому что онъ явился съ столь многочисленной свитой; кромѣ того, отъ имени королевы вскорѣ послана была въ Москву жалоба на то, что людьми Францбекова былъ убитъ одинъ шведъ; вслѣдствіе этого Францбекову отъ имени государя сдѣланъ былъ Посольскимъ приказомъ выговоръ за то, что онъ «въ чужомъ государствѣ оказываются такимъ дурнымъ дѣломъ, что и слышать стыдно; самому управляться и до смерти убивать человѣка непригоже». Впрочемъ, пробывъ нѣкоторое время въ Швеціи, Ф. успѣлъ вызвать къ себѣ расположеніе двора; не смотря на это онъ не долго оставался агентомъ при этомъ дворѣ: 30-лѣтняя война на столько поглощала вниманіе шведскаго правительства, что оно не могло оказать Москвѣ поддержку въ польскихъ дѣлахъ, и поэтому 26 октября 1636 г. Ф. возвратился въ Москву, гдѣ за свою «свейскую службу» былъ награжденъ придачею къ помѣстному окладу 150 чети и къ денежному 30-ти рублей. Въ 1642 и 1643 гг. Ф. занималъ уже довольно важное мѣсто вятскаго воеводы. Въ 1644 г. онъ явился въ Москву по государеву указу и порученію патріарха Іосифа къ королевичу Вольдемару, прибывшему въ Москву въ качествѣ жениха царевны Ирины Михайловны. Францбекову поручено было склонять королевича къ принятію православія; но не смотря на все усердіе Францбекова, королевичъ не принялъ православія. Неизвѣстно, чѣмъ былъ занятъ Ф. съ 1644—1648 г., а въ концѣ 1648 г. онъ былъ назначенъ Якутскимъ воеводой. Прибывъ на мѣсто назначенія, Ф. принялся энергично исполнять данный ему наказъ, разсылалъ служилыхъ и охочихъ людей для пріисканія «новыхъ лсачныхъ землицъ» и для добычи «рыбьяго зуба». Одной изъ такихъ экспедицій открыто было мѣсто, гдѣ той кости было такъ много, что ею можно было бы «нагрузить многіе суды». Для образца Ф. прислалъ въ Москву одну кость вѣсомъ въ 5 пудовъ 33 гривенки, цѣною въ 226 рублей. Замѣчательнѣе всего организованная Францбековымъ экспедиція въ Даурію, на р. Амуръ. Ф. разрѣшилъ «старому опытовщику» Ерофею Хабарову набрать 150 охотниковъ и снабдить ихъ «въ ссуду», безъ всякаго пособія изъ государевой казны, оружіемъ, припасами и всѣмъ необходимымъ для похода; очевидно надѣялись не только подчинить Даурію великому государю, но и пограбить даурскихъ «князцовъ» такъ, чтобы вознаградить себя за труды и издержки. Экспедиція увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ: достигнувъ Амура, Хабаровъ взялъ нѣсколько даурскихъ городовъ съ большой добычей и въ маѣ 1650 г. вернулся въ Якутскъ, а Ф. отписалъ въ Москву о вновь приведенной подъ государеву руку богатой странѣ. Отпустивъ Хабарова опять

въ Даурію, Ф. послалъ съ нимъ служилыхъ людей для сбора ясака и для провѣдыванья серебряной руды, а въ маѣ 1651 г. уже послалъ въ Москву собранный Хабаровымъ съ даурскихъ князей ясакъ вмѣстѣ съ извѣстіемъ о заложеніи города на Амурѣ, при впаденіи въ него Шилки. Но еще не успѣли въ Москвѣ получить тѣ донесенія Францбекова, какъ въ Якутскъ присланъ былъ 31 авг. 1651 г. неожиданный государевъ указъ объ отозваніи Францбекова съ воеводства. Дѣло въ томъ, что Ф. такъ управлялъ своею областью, что въ Якутскѣ говорили: «былъ воевода Головинъ, тотъ головнею людей покатилъ, пріѣхалъ Василій Пушкинъ, такъ стало пуще, а какъ Дмитрій Ф. пріѣхалъ, то весь міръ разбѣгалъ». Не смотря на указъ государевъ держать къ ясачнымъ людямъ ласку, Ф. посылалъ ратныхъ людей на бурятъ, изъ которыхъ многіе были убиты; ясачныхъ якутовъ ограбилъ подъ предлогомъ, что они затѣваютъ бунтъ, и скотомъ ихъ себя обогатилъ, служилымъ людямъ не выдавалъ жалованья, бралъ посулы и поманки, не посылалъ въ Москву отчетовъ о расходѣ государевой казны, многихъ промышленныхъ и торговыхъ людей «животы пограбилъ» и т. п., а чтобы о всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ не узнали въ Москвѣ, Ф. устроилъ около Якутска заставы, на которыхъ всѣхъ людей, ѣхавшихъ на Русь, «обыскивали накрѣпко, раздѣвая до нага и разрѣзывая шубы», чтобы нельзя было провезти въ Москву челобитныхъ. Но наконецъ всетаки удалось пострадавшимъ отъ Францбекова написать въ Москву о его злоупотребленіяхъ. Вслѣдствіе этого въ 1651 г. повелѣно было стольнику Акинфову ѣхать въ Якутскъ, принять у Францбекова воеводство, «сыскать о всѣхъ его злоупотребленіяхъ, а всѣ его грабежные и посульные животы отписать на государя». Акинфовъ нашелъ въ помѣщеніяхъ Францбекова денегъ, заемныхъ кабалъ и мягкой рухляди на 12,742 р. (около 216,614 р. на наши деньги), а въ государевой якутской казнѣ ничего не оказалось. По повелѣнію государя всѣ описанные у Францбекова животы были взяты на государя, а Францбекову выдано только на 2000 р. мягкой рухляди, и онъ отпущенъ въ Москву. Такъ неблагополучно завершилась почти сорокалѣтняя служба Францбекова. Послѣ 1652 г. онъ уже не долго прожилъ; въ боярской книгѣ 1658 г. упоминается только братъ его Иванъ Андреевичъ, тогда какъ въ боярскихъ книгахъ до этого года они упоминаются оба.

Соловьевъ: «Ист. Росс.», т. IX, изд. 1866 г., стр. 228, 247, 268 — 270. — Цвѣтаевъ: «Протестанты и протестантизмъ въ Россіи», М. 1890, стр. 379, 429 и др. — «Русск. истор. библіот.», т. IX, стр. 477, 491, X, 118 и 254. — «Чтенія въ Общ. Любит. духовн. просв.» за 1891 г., мартъ, стр. 303, май-іюнь, стр. 571, 573, іюль, стр. 111.—Моск. архивъ Мин. Юст., Боярск. кн. № 2, л. 275, № 4, л. 220, № 5, л. 266, № 23; ibid. Московскаго стола, столб. 212, лл. 547—583; ibid. Грамоты Коллегіи экономіи № 14301; ibid. Сибирск. приказъ, столб. № 338.—Московск. арх. Минист. Иностр. д., дѣла шведскія 1633 г., № 4; 1634 г., № 8, № 60; ibid. Подлинн. грамоты №№ 54, 60, 64; ibid. Дѣла Малороссск. 1636 г., № 3.—Акты Археограф. экси., т. III, стр. 467. — Акты Истор., т. IV, № 31, стр. 67 — 70, 74—76.—Дополн. къ Акт. истор., т. III, стр. 214, № 61, стр. 221—223; 332; т. IV, № 5, стр. 9; № 122, стр. 279. *В. Эйнгорнъ.*

Фраукардъ см. Франкхартъ.

Фребеліусъ, *Василій Ивановичъ* (Wilhelm Fröbelius), извѣстный окулистъ, главный врачъ С.-Петербургскаго воспитательнаго дома, род. въ С.-Петербургѣ 24 января 1812 г., ум. въ Меррекюлѣ, близъ Нарвы, 29 мая 1886 г. Получивъ среднее образованіе въ нѣмецкой Петропавловской школѣ въ С.-Петербургѣ, Ф. съ 1832—1838 г. изучалъ медицину въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ учениковъ Н. И. Пирогова; затѣмъ нѣсколько лѣтъ работалъ въ клиникахъ Парижа, Вѣны, Праги и Берлина, занимаясь преимущественно хирургіей и офтальмологіей. Вернувшись въ С.-Петербургъ въ 1842 г., Ф. въ короткое время пріобрѣлъ извѣстность дѣльнаго спеціалиста по глазнымъ болѣзнямъ. Зорко слѣдя за успѣхами своей спеціальности, онъ самостоятельно усвоивалъ себѣ всѣ новые способы лѣченія, вводившіеся въ то время знаменитымъ преобразователемъ офтальмологіи, Берлинскимъ профессоромъ Грефе (Graefe); первыя сообщенія въ Россіи объ офтальмоскопическихъ изслѣдованіяхъ (1851) связаны съ именемъ Фребеліуса, онъ же произвелъ здѣсь первую иридектомію при глаукомѣ (1857). Въ 1864 г. Ф. былъ назначенъ главнымъ врачемъ С.-Петербургскаго воспитательнаго дома, въ которомъ уже съ 1847 г. состоялъ ординаторомъ глазного отдѣленія боль-

ницы. Многосторонняя, преимущественно административная дѣятельность, связанная съ новою должностью, поглощала всѣ его силы и, къ сожалѣнію, отвлекала его отъ спеціальности, въ которой онъ до того занималъ въ Россіи одно изъ первыхъ мѣстъ. Но и на новомъ поприщѣ дѣятельность Фребеліуса была не менѣе плодотворна: его стараніямъ Воспитательный домъ главнымъ образомъ обязанъ учрежденіемъ въ 1859 г. прозектуры, первой больничной прозектуры въ Россіи; Ф. первый сталъ созывать врачей своего госпиталя на регулярныя конференціи для обсужденія медицинскихъ вопросовъ; благодаря его неутомимой дѣятельности стали выходить въ свѣтъ отчеты по Воспитательному дому, занимающіе видное мѣсто въ медицинской литературѣ; наконецъ, по его почину учрежденъ (1868) при Воспитательномъ домѣ первый въ С.-Петербургѣ институтъ для привитія телячей оспенной лимфы. Главный трудъ Фребеліуса, прекрасный атласъ офтальмоскопіи, надъ которымъ онъ много трудился, остался, къ сожалѣнію, не напечатаннымъ; его многочисленныя статьи, преимущественно по офтальмологіи, печатались въ с.-петербургскихъ и заграничныхъ журналахъ, въ медицинскихъ отчетахъ Воспитательнаго дома и отдѣльными брошюрами; вотъ главнѣйшія изъ нихъ: «Zweiter Bericht über die Ophtalmia neonatorum und die Ophtalmia purulenta der Ammen», St.-Petersb., 1858; Ein Beitrag zur Casuistik der Glaucomheilungen», 1861; «Zur Technik der Iridectomie bei Glaucom», 1863; «Ein statistischer Beitrag zur Aetiologie der catarrhalischen Pneumonie der Neugeborenen und Säuglinge» (въ «Archiv für Kinderheilkunde», томъ XI); «Ueber die Häufigkeit der Tuberculose und die hauptsächlichen Localisationen im zartesten Kindesalter», 1885.

«Album academicum der Kaiserl. Universität Dorpat», 1889.—«Врачъ», 1886, 484.—«St Petersburger Medic. Wochenschr.», 1886, 352.—«Всемірн. Иллюстр.» 1886 г., № 909.

Фредериксъ, баронъ, *Александръ Андреевичъ*, ген.-лейтенантъ, начальникъ 2-й гренадерской дивизіи, происходилъ изъ дворянъ княжества Финляндскаго и род. въ 1778 г., ум., состоя на службѣ, въ 1849 г. Въ службу вступилъ портупей-юнкеромъ въ 1815 г. и, произведенный въ томъ же году въ офицеры, послѣдовательно служилъ въ 1-омъ учебномъ карабинерномъ, л.-гв. Егерскомъ и Московскомъ полкахъ, состоялъ адъютантомъ при фельдмаршалѣ гр. Дибичѣ-Забалканскомъ, а затѣмъ временнымъ комендантомъ въ Таганрогѣ во время пребыванія тамъ императора Александра Павловича. Назначенный въ 1826 г. флигель-адъютантомъ, онъ послѣдовательно былъ начальникомъ штаба 3-го пѣхотнаго корпуса и 2-й гренадерской дивизіи; въ 1843 г. произведенъ въ ген.-лейтенанты. Бар. Ф. принималъ участіе въ походахъ 1815 года противъ французовъ, въ 1826 и 1827 гг.—въ Персію, въ 1828 г.—противъ турокъ, при чемъ подъ Варною былъ раненъ пулею въ лѣвую ногу, наконецъ, въ 1831 г. — противъ польскихъ мятежниковъ и за выказанное въ этихъ походахъ мужество былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. и золотою шпагой съ надписью «за храбрость»; кромѣ того ему въ 1836 г. было пожаловано въ вѣчное и потомственное владѣніе имѣніе въ Царствѣ Польскомъ съ годовымъ доходомъ въ 10 тысячъ злотыхъ.

Формуляръ, хранящійся въ общемъ архивѣ Главнаго штаба.

Фредериксъ, баронъ, *Борисъ Андреевичъ*, братъ предыдущаго, ген.-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, род. въ 1797 г., ум. 22 мая 1874 г.; въ службу вступилъ въ 1811 г. въ Лѣсной департаментъ, но черезъ три года промѣнялъ гражданскую службу на военную и былъ опредѣленъ прапорщикомъ въ Козловскій пѣхотный полкъ; участвуя затѣмъ въ походахъ 1814, 1815, 1826, 1827, 1828, 1829 и 1831 гг., бар. Ф. за военныя отличія противъ непріятелей былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. и двумя золотыми шпагами съ надписью «за храбрость», изъ которыхъ одна была украшена алмазами. Съ 1827 г. бар. Ф. командовалъ Эриванскимъ карабинернымъ полкомъ, съ 1830 г.—первой бригадой пятнадцатой пѣхотной дивизіи, а въ 1846 г. былъ назначенъ С.-Петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, въ 1856 г. — почетнымъ опекуномъ С.-Петербургскаго опекунскаго совѣта; произведенный въ слѣдующемъ году въ генералъ-лейтенанты, бар. Ф. въ 1861 г. былъ сдѣланъ товарищемъ главноуправляющаго IV отдѣленіемъ Собствен-

ной Его Величества канцеляріи и исправлялъ эту должность до конца жизни. Въ 1864 г. пожалованъ званіемъ ген.-адъютанта.

Формуляръ, хранящійся въ общемъ архивѣ Главнаго штаба.—«Русск. Инвал.» 1874 г., № 125.—«Иллюстриров. Недѣля» 1874 г., № 22.

Фредериксъ, баронъ, *Владиміръ Александровичъ*, шталмейстеръ, род. 6 января 1837 г., ум. 9 апрѣля 1892 г. Воспитаніе получилъ въ Пажескомъ корпусѣ и началъ службу въ 1854 г. въ Преображенскомъ полку. Чрезъ пять лѣтъ перемѣнилъ военную службу на статскую, поступивъ въ вѣдомство министерства иностранныхъ дѣлъ, и въ 1862 г. состоялъ младшимъ секретаремъ миссіи въ Штутгартѣ. Пробывъ затѣмъ нѣкоторое время въ должности младшаго секретаря посольства въ Лондонѣ, бар. Ф. былъ переведенъ въ 1867 г. въ Петербургъ чиновникомъ особыхъ порученій при государственномъ канцлерѣ; въ 1877 г. при началѣ военныхъ дѣйствій съ Турціею, сопровождалъ князя А. М. Горчакова въ Бухарестъ. Послѣ кратковременнаго пребыванія въ должности непремѣннаго члена совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ, бар. Ф. былъ въ 1879 г. опредѣленъ директоромъ департамента личнаго состава и хозяйственныхъ дѣлъ, оставаясь на этомъ посту до 1884 г., когда былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при дворахъ короля Виртембергскаго и великаго герцога Баденскаго. Скончался отъ разрыва сердца въ Штутгартѣ. Всегда живо всѣмъ интересуясь, отзывчивый на все доброе, бар. Ф. соединялъ въ себѣ качества блестящаго свѣтскаго человѣка съ большими достоинствами. Преждевременная смерть скосила его въ полномъ расцвѣтѣ силъ къ искреннему сожалѣнію всѣхъ, знавшихъ этого многообѣщавшаго дипломата и цѣнившихъ его неизмѣнно ровный характеръ, его привѣтливость и постоянное желаніе оказать каждому услугу или содѣйствіе во всемъ, что только могло отъ него зависѣть. Бар. Ф. былъ женатъ на княжнѣ Д. В. Трубецкой.

Формулярный списокъ, хранящійся въ архивѣ министерства иностр. дѣлъ.

В. Тепловъ.

Фредериксъ, баронъ, *Иванъ Юрьевичъ*, придворный банкиръ въ царствованіе императрицы Екатерины II, род. въ Архангельскѣ 16 апрѣля 1723 г., ум. въ С.-Петербургѣ 25 сент. 1779 г. Своимъ возвышеніемъ, какъ и огромнымъ богатствомъ онъ былъ обязанъ преимущественно покровительству графовъ Орловыхъ, съ которыми былъ знакомъ съ давнихъ лѣтъ. Возвышаясь сами, Орловы выдвигали и Фредерикса, и по ихъ ходатайству императрица Екатерина II въ 1773 г. возвела его «за прилагаемое имъ стараніе къ лучшему распространенію торговли и оказанныя многія заслуги» въ баронское достоинство. Орловы же доставили ему званіе придворнаго банкира.

Е. Карновичъ: «Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи», 1885, гл. 20, стр. 307.—Соловьевъ: «Истор. Госуд. Росс.», кн. VI, стр. 1087 (приложеніе къ 29 тому).

Фредериксъ, баронъ, *Петръ Андреевичъ*, внукъ Ивана Юрьевича, генералъ-адъютантъ, оберъ-шталмейстеръ, род. въ С.-Петербургѣ въ 1786 г., ум. 13 ноября 1855 г. Бар. Ф. отъ своихъ родителей получилъ весьма незначительныя средства, всего 200 душъ въ Выборгской губерніи. Судьба предназначила ему пробить себѣ дорогу личнымъ трудомъ. Въ 1806 году онъ поступилъ во второй кадетскій корпусъ, но уже черезъ годъ вышелъ и былъ опредѣленъ портупей-юнкеромъ л.-гв. въ Егерскій полкъ, а въ 1804 г. переведенъ портупей-прапорщикомъ л.-гв. въ Семеновскій полкъ и 20 ноября 1805 г., въ сраженіи при Аустерлицѣ, за отличную храбрость пожалованъ орденомъ св. Анны 3 ст. Въ кампанію 1812 года бар. Ф. за отличія, оказанныя при Бородинѣ 24 и 26 августа, пожалованъ орденомъ св. Владиміра 4 ст., а 16 и 17 августа 1813 г., какъ гласитъ приказъ, находился впереди, сохраняя совершенный порядокъ, служилъ примѣромъ отличія, храбрости, мужества и неустрашимости для подчиненныхъ, за что и пожалованъ орденомъ св. Анны 2 ст., прусскимъ орденомъ «за заслуги» и знакомъ отличія желѣзнаго креста. Въ сраженіи подъ Кульмомъ онъ былъ раненъ пулею въ лѣвую ногу и отвезенъ въ замокъ графа Гуровскаго; здѣсь онъ познакомился съ графинею Сесиліею Владиміровною Гуровскою, которая черезъ годъ вышла за него замужъ. Графиня С. В. была подругою принцессы Прусской, вышедшей впослѣдствіи замужъ за вели-

каго князя Николая Павловича. Этотъ бракъ имѣлъ, конечно, большое значеніе въ судьбѣ бар. Фредерикса. 2 мая 1817 г. онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ великому князю Николаю Павловичу, 13 апрѣля 1819 г.—полковымъ командиромъ л.-гв. Московскаго полка и 19 марта 1820 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ прискорбный день 14-го декабря 1825 г. бар. Ф. явился на Дворцовую площадь въ рядахъ гвардейскаго корпуса; въ отвѣтъ на его увѣщанія служившій въ его-же полку штабсъ-капитанъ князь Щипинъ-Ростовскій саблей ударилъ бар. Фредерикса по головѣ и нанесъ ему рану. На другой день императоръ Николай Павловичъ произвелъ бар. Фредерикса въ генералъ-адъютанты. 24 марта 1828 г. бар. Ф. пожалованъ въ шталмейстеры двора Его Величества, въ 1836 г. назначенъ вице-президентомъ придворной конюшенной конторы, а 5 декабря 1843 г. пожалованъ въ оберъ-шталмейстеры и назначенъ президентомъ конюшенной конторы. Бар. Ф. имѣлъ всѣ русскіе ордена до св. Владиміра 1 степ. включительно.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ однимъ изъ потомковъ бар. Фредерикса.

Фредериксъ, баронъ, *Платонъ Александровичъ*, ген.-адъютантъ, ген.-лейтенантъ, род. въ 1828 г., ум. 17 сент. 1888 г. Изъ Дворянскаго полка (что нынѣ Константиновское артиллерійское училище) въ 1848 г. выпущенъ офицеромъ л.-гв. въ Егерскій полкъ, откуда въ 1863 г. назначенъ на должность генералъ-полиціймейстера въ Варшаву. По производствѣ въ 1864 г. въ ген.-маіоры, бар. Ф. 8 ноября того же года былъ зачисленъ въ свиту Его Величества, въ 1871 г. пожалованъ въ званіе ген.-адъютанта, а въ 1873 г., съ производствомъ въ ген.-лейтенанты, назначенъ на постъ генералъ-губернатора Восточной Сибири; въ этой должности онъ состоялъ до 1879 г.

Формуляръ, хранящійся въ общ. архивѣ Главнаго штаба.—«Новое Время» 1888 г., № 4511.

Д. С—въ.

Фредро, *Янъ-Максиміанъ, графъ Плешовицъ*, род. въ Галиціи въ 1784 г., ум. въ Парижѣ 2 марта 1845 г. Въ 1806 г. Ф. вступилъ въ военную службу и вскорѣ былъ назначенъ адъютантомъ при кн. Понятовскомъ, а въ 1813 г. произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ французскаго егерскаго полка. Послѣ присоединенія Царства Польскаго къ Россіи, Ф. перешелъ въ русскую службу. Императоръ Александръ I назначилъ его адъютантомъ, съ производствомъ въ генералъ-маіоры. Скоро однако гр. Ф. перешелъ въ гражданскую службу и, въ званіи гофмаршала, былъ назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, а затѣмъ попечителемъ Варшавскаго университета. Когда въ 1830 г. произошло возмущеніе Польши, онъ вышелъ въ отставку и удалился въ Веймаръ. Гр. Ф. написалъ на польскомъ языкѣ нѣсколько балладъ и трагедій «Гаральдъ», «Ванда» и «Виданъ», изданныя въ Варшавѣ въ 1837 г.; кромѣ того онъ переводилъ на польскій языкъ съ французскаго, англійскаго, русскаго (басни И. А. Крылова) и латинскаго (стихотворенія Горація и Виргилія).

«Encyklopedyja powszechna» S. Olgielbranda.

Фрезе, *Александръ Устиновичъ*, одинъ изъ первыхъ профессоровъ психіатріи въ Россіи, устроитель и первый директоръ Казанской окружной лѣчебницы для душевно больныхъ, род. 3 апр. 1826 г. въ Ревелѣ, гдѣ его отецъ былъ оберъ-насторомъ, ум. въ Казани 4 февр. 1884 г. Окончивъ гимназію 19-ти лѣтъ, онъ $2^1/_2$ года изучалъ медицину въ Дерптскомъ университетѣ, а затѣмъ переѣхалъ въ Москву и получивъ тамъ въ 1851 г. званіе врача, провелъ нѣсколько лѣтъ на частной службѣ, у помѣщика Конпина въ Калужской губерніи; въ 1854 г. онъ возвратился въ Москву и вскорѣ затѣмъ занялъ мѣсто ординатора въ Преображенской больницѣ для душевно больныхъ, гдѣ началъ изучать психіатрію подъ руководствомъ опытнаго психіатра доктора Саблера. Въ 1855 г. Ф. открылъ въ Москвѣ частную лѣчебницу для душевно больныхъ, которую и содержалъ въ теченіе 7 лѣтъ. Пробывъ въ 1857 г. 4 мѣсяца въ Германіи, Голландіи и Англіи для изученія лучшихъ учрежденій для душевно больныхъ, Ф. въ 1858 г. защитилъ въ Московскомъ университетѣ диссертацію подъ заглавіемъ «De paralysi generali sive dementia paralytica». Этотъ періодъ спеціализаціи Ф. въ психіатріи какъ разъ совпалъ съ развитіемъ заботъ

высшей медицинской администраціи о лучшей постановкѣ въ Россіи дѣла попеченія о душевно больныхъ. Появившееся въ 1862 г. сочиненіе Ф. «Объ устройствѣ домовъ умалишенныхъ» обратило на себя вниманіе, и Ф. въ этомъ же году былъ командированъ на $1^1/_2$ года за границу для ознакомленія со всѣми подробностями устройства и администраціи психіатрическихъ заведеній. Еще до командировки онъ былъ преднамѣченъ какъ будущій директоръ Казанскаго «окружнаго дома умалишенныхъ», для чего былъ вызванъ въ Петербургъ и принималъ участіе въ трудахъ особой коммисіи подъ предсѣдательствомъ директора медицинскаго департамента Е. В. Пеликана. Коммисія эта имѣла задачей окончательно выработать проектъ «окружныхъ домовъ», задуманныхъ еще въ 1844 г. для замѣны печальной памяти «губернскихъ сумасшедшихъ домовъ», извѣстныхъ также подъ именемъ «желтыхъ домовъ». Проекты 8 окружныхъ домовъ были выработаны къ 1856 г., но постройка ихъ замедлилась, а къ 1862 г. проекты оказались устарѣвшими, и потребовался ихъ радикальный пересмотръ. Въ 1862 г. было окончательно рѣшено построить въ видѣ опыта первый окружной домъ въ Казани для потребностей семи смежныхъ губерній, и произведена закладка, хотя планы построекъ далеко еще не были выработаны окончательно. Въ 1864 г. Ф. былъ назначенъ директоромъ будущаго заведенія и лѣтомъ того же года прибылъ въ Казань для наблюденія за постройкой возводимыхъ зданій. Въ 1869 г. окружной домъ былъ, наконецъ, освященъ и открытъ, а затѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ переименованъ въ окружную лѣчебницу во имя Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ. Время строительной и административной дѣятельности не было однакоже потеряннымъ для цѣлей избранной докторомъ Ф. спеціальности. Въ мартѣ 1866 г. онъ былъ избранъ совѣтомъ Казанскаго университета доцентомъ психіатріи и съ этого года начинается его преподавательская дѣятельность. Въ 1872 г. онъ былъ назначенъ сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ и оставался въ этой должности до своей смерти.

Всѣ знавшіе Ф. единодушно свидѣтельствуютъ объ его энергіи, трудолюбіи и человѣколюбіи. «Это былъ человѣкъ честный, добрый и безкорыстный», говорятъ его ученики-біографы. Получая значительное содержаніе, онъ много помогалъ бѣднымъ и ничего почти не оставилъ своей семьѣ; получая въ университетѣ добавочное вознагражденіе за чтеніе лекцій юристамъ, онъ отдавалъ его цѣликомъ на нужды юридической библіотеки. Ф. былъ иниціаторомъ и горячимъ дѣятелемъ по устройству въ Казани колоніи малолѣтнихъ преступниковъ. Научная дѣятельность Ф., какъ психіатра-профессора, была переходнаго типа, какъ и сама психіатрія времени его юности. Было уже большое стремленіе войти въ область анатомо-физіологическихъ основъ душевной дѣятельности и ея патологіи, содержаніе же накопленнаго матеріала наблюденій было въ значительной мѣрѣ умозрительное и касающееся внѣшнихъ проявленій болѣзни. Тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ приводимаго ниже списка трудовъ Ф., онъ до конца жизни участвовалъ въ разработкѣ своей спеціальности, какъ въ русской, такъ и въ нѣмецкой литературѣ. При оцѣнкѣ этой стороны его дѣятельности нужно помнить, что главнымъ дѣломъ его жизни были общественно-административныя задачи человѣка, стоявшаго во главѣ новаго и живого дѣла. Капитальнымъ трудомъ Ф. является изданный имъ въ 1881 г. «Краткій курсъ психіатріи», изложенный въ видѣ девятнадцати лекцій и назначенный для элементарнаго ознакомленія начинающихъ съ предметомъ и задачами психіатріи. Этотъ краткій курсъ обозрѣваетъ всѣ отдѣлы психіатріи и, какъ говоритъ авторъ въ предисловіи, назначенъ для того, чтобы неспеціалисты нашли въ немъ матеріалъ для пополненія «научной цѣльности» медицинскаго образованія, а будущіе спеціалисты, усвоивъ этотъ элементарный курсъ, легче могли переходить къ болѣе обширнымъ и спеціальнымъ сочиненіямъ. Кромѣ уже приведенныхъ сочиненій Ф., между прочимъ, принадлежатъ слѣдующіе печатные труды: «О вліяніи менструаціи на помѣшательство», 1867; — «Къ открытію Казанскаго окружнаго дома умалишенныхъ», 1870; — «О сомнамбулизмѣ», 1871 (въ «Протоколахъ Общества врачей въ Казани»); — «Zur Theorie der Gefühle», (въ «Allgem. Zeit-

schrift für Psychiatrie», 1871, т. XXVII);—«Ueber den physiologischen Unterschied der Melancholie und Manie» (ibid. 1872, т. XXVIII);—«О дѣятельности Казанскаго окружнаго дома для умалишенныхъ; первые 3 года его существованія» (въ «Сборникѣ сочиненій по судебной медиц.», 1873, т. I);—«О судебно-психологическомъ значеніи падучей болѣзни» (ibid. 1873);—«Tobabtheilung der Irrenanstalt zu Kasan» (въ «Allgem. Zeitschr. f. Psychiatrie» 1873, т. XXIX); — «Zur Lehre von der Zurechnungsfähigkeit» (въ «Friedreich's Blätter für. gerichtl. Medicin», 1873); — «Очеркъ судебной психологіи», Казань, 2-ое изд. 1874; — «О предсказаніи въ душевныхъ болѣзняхъ», Казань, 1875;—«Помѣшательство и его отношеніе къ нашему уголовному законодательству» (въ «Сборн. сочин. по судеб. медиц.», 1879, т. II и III); — «Первое десятилѣтіе Казанской окружной лѣчебницы», Казань, 1880;—«Вступленіе въ психіатрію» (въ «Архивѣ психіатріи, неврологіи и судебн. психол.», Харьковъ, 1883, т. I, №№ 1 и 2).

Послужн. спис. въ архивѣ Казанск. унив.—Некрологи, написанные: 1) докторомъ П. Х. Аккерблюмомъ (въ «Дневникѣ» Казанск. общ. врачей, 1884, № 15), 2) докторами В. А. Вяпцевымъ и П. И. Ковалевскимъ (въ «Архивѣ» П. И. Ковалевскаго, 1884, т. III), 3) д-ромъ А. Роте (въ «Allg. Zeitschr. f. Psychiatrie», т. XLI), 4) невзвѣстнымъ авторомъ въ «Волжскомъ вѣстникѣ», 1884, № 18.—А. П. Роте: «Исторія психіатріи въ Россіи и Польшѣ», Харьковъ, 1893.—Нѣкоторыя свѣдѣнія заимствованы изъ сочиненій самого Фрезе и изъ устныхъ воспоминаній лицъ, знавшихъ покойнаго профессора.

М. Я. Капустинъ

Фрей, *Адамъ Леонтьевичъ*, инспекторъ с.-петербургскаго училища св. Анны, род. въ Лифляндіи 30 января 1820 г., ум. въ С.-Петербургѣ 12 января 1876 г.; получивъ среднее образованіе въ частномъ училищѣ, онъ съ 1838—1842 г. пробылъ на филологическомъ факультетѣ Дерптскаго (нынѣ Юрьевскаго) университета, но не окончивъ курса, выдержалъ экзаменъ на званіе домашняго учителя и въ 1845 г. опредѣленъ преподавателемъ латинскаго языка въ с.-петербургскомъ училищѣ св. Анны, въ 1846 г.—преподавателемъ нѣмецкаго языка въ Главномъ инженерномъ училищѣ и въ 1850 г.—перешелъ на ту же должность во 2-ую гимназію. Въ 1870 г. Ф. былъ утвержденъ инспекторомъ Аннинской школы и занималъ это мѣсто до конца жизни. Ф. извѣстенъ какъ составитель учебниковъ по нѣмецкому языку, которые въ свое время пользовались большимъ распространеніемъ въ среднеучебныхъ заведеніяхъ; такъ онъ издалъ нѣмецкую грамматику подъ заглавіемъ «Praktische deutsche Elementar-Sprachlehre», которая въ 1863 г. вышла уже шестымъ изданіемъ; въ 1866 г. напечатана переработка этой книги для русскихъ гимназій и также пережила нѣсколько изданій. Наконецъ, въ 1872 г. появился составленный имъ «Пространный русско-нѣмецкій и нѣмецко-русскій словарь» и непосредственно затѣмъ тотъ же словарь въ сокращенномъ видѣ.

Формул. списокъ, хранящійся въ архивѣ с.-петерб. училища св. Анны. — «Album academ. der Kaiserl. Universität Dorpat», Dorpat, 1889.—«Народная школа» 1876 г., № 14.

Фрейгангъ, *Андрей Васильевичъ*, вице-адмиралъ, род. 21 іюля 1809 г. въ Тропау, гдѣ отецъ его, докторъ философіи Геттингенскаго университета, состоялъ на русской государственной службѣ по дипломатической части, ум. 24 марта 1880 г. въ Гатчинѣ. Получивъ прекрасное домашнее образованіе, владѣя девятью языками, онъ въ теченіе двухъ лѣтъ (1826 и 1827) пробылъ въ Лейпцигскомъ университетѣ. Въ 1828 г., по пріѣздѣ въ Россію отца, Ф. поступилъ унтеръ-офицеромъ л.-гв. въ Егерскій полкъ, а затѣмъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Желаніе участвовать въ кругосвѣтномъ плаваніи заставило его однако перемѣнить родъ службы: осенью 1830 г. онъ перешелъ въ гвардейскій экипажъ и на слѣдующій годъ отправился въ плаваніе на два года на военномъ транспортѣ «Америка». Вернувшись въ Россію, Ф. до 1840 г. почти каждое лѣто участвовалъ въ морскихъ кампаніяхъ на разныхъ судахъ и, между прочимъ, проѣхалъ на шкунѣ «Метеоръ» изъ Архангельска по Бѣлому морю и Сѣверному океану до Нордкапа. Въ 1841 г. Ф. былъ назначенъ адъютантомъ къ дежурному генералу главнаго морского штаба адмиралу Колзакову; затѣмъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, находился въ плаваніи при великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ. Въ 1848 г. онъ былъ прикомандированъ къ морскому ученому комитету

и принялъ дѣятельное участіе въ изданіи «Записокъ Гидрографическаго департамента» и «Морскаго Сборника», основаннаго въ томъ же году. Въ Севастопольскую кампанію, въ 1854 г., командуя батареею и Абовскимъ отрядомъ канонерскихъ лодокъ, участвовалъ (10 августа) въ дѣлѣ съ англійскими судами, за что былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст. съ мечами. Затѣмъ, въ теченіе пяти лѣтъ (1855 — 1860) состоялъ помощникомъ редактора «Морскаго Сборника», а до 1874 г. продолжалъ быть однимъ изъ дѣятельныхъ его сотрудниковъ. Въ этомъ журналѣ, кромѣ значительнаго числа библіографическихъ замѣтокъ, Ф. помѣстилъ рядъ переводовъ и самостоятельныхъ статей; кромѣ того онъ писалъ еще въ «Московскихъ вѣдомостяхъ», «Голосѣ», «Русской старинѣ» и др. Нѣкоторыя изъ его работъ вышли отдѣльными изданіями, наприм., «Взглядъ на Венецію въ морскомъ отношеніи» (1851), «Иностранцы, служившіе въ русскомъ флотѣ» (1863). Въ частной и общественной дѣятельности Ф. обладалъ замѣчательною способностью жертвовать и возбуждать къ пожертвованію другихъ. Въ самый разгаръ Крымской войны, узнавъ о лотереѣ, устраиваемой въ пользу семействъ убитыхъ и раненыхъ солдатъ, Ф., по словамъ его сослуживца, Ѳ. Ѳ. Веселаго, собралъ и принесъ распорядителямъ лотереи всѣ, какія нашлись въ его домѣ, золотыя и серебряныя вещи, за единственнымъ исключеніемъ крестовъ, полученныхъ при крещеніи, и обручальныхъ колецъ. Бѣдствія и страданія славянъ всегда вызывали въ немъ дѣятельное сочувствіе, и въ 1867 г. онъ былъ однимъ изъ первыхъ членовъ-учредителей Славянскаго благотворительнаго общества. Видное участіе принималъ онъ и въ дѣлахъ «Общества для содѣйствія русскому торговому мореходству» и, между прочимъ, пожертвовалъ въ библіотеку какъ этого общества, такъ и яхтъ-клуба и устраивавшихся тогда мореходныхъ классовъ значительное количество «весьма рѣдкихъ и полезныхъ книгъ». Ему же обязано своимъ учрежденіемъ въ 1872 г. «Общество спасанія на водахъ». Первоначальная подписка, устроенная Ф-гомъ среди своихъ знакомыхъ, дала 15 рублей; въ настоящее же время общество располагаетъ капиталомъ болѣе милліона рублей. Въ 1874 г. Фрейганга постигла тяжкая и продолжительная болѣзнь, заставившая его просить объ отставкѣ; 7 января 1874 г. онъ былъ уволенъ отъ службы съ производствомъ въ чинъ вице-адмирала. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ Гатчинѣ, гдѣ и умеръ на 71 году.

Формулярн. списокъ. — «Андрей Васильевичъ Фрейгангъ». Рѣчь Ѳ. Ѳ. Веселаго, произнесенная 25 апр. 1880 г. въ общемъ собраніи Общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ и отпечатанная въ «Кронштадтск. Вѣстникѣ» 1880 г., № 48. «Первыя 15 лѣтъ существованія С.-Петербургск. Славянск. благотвор. общ.»; статья О. Ѳ. Миллера: «А. В. Фрейгангъ». — Петровъ: «Указатель статей Морск. Сборн. съ 1848 — 1872 г.». — Зеленой: «Указатель статей Морск. Сборн. съ 1873—1882 г.—Пенкина: «Русск. библіографія морского дѣла за 1701 — 1882 г.».

Фрейгангъ, *Василій Ивановичъ* (Wilhelm von Freygang), сынъ лейбъ-медика Ивана Ѳедоровича Фрейганга († 1815), русскій генеральный консулъ въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, род. въ С.-Петербургѣ въ 1783 г., ум. 31 марта 1849 г. въ Венеціи, во время осады этого города австрійцами. Ф. получилъ образованіе въ с.-петербургской Петропавловской школѣ и въ 1793 г. былъ записанъ вахмистромъ л.-гв. въ Конный полкъ, а въ 1797 г. началъ службу юнкеромъ въ Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ и въ 1800 г. былъ переведенъ въ канцелярію вице-канцлера кн. Куракина. Получивъ отпускъ, онъ съ 1802 до начала 1805 г. слушалъ лекціи въ Геттингенскомъ университетѣ и вернувшись въ Россію со степенью доктора философіи, снова поступилъ въ коллегію и въ томъ же году былъ назначенъ къ генералу гр. Буксгевдену для иностранной корреспонденціи, а въ 1806 г. переведенъ на ту же должность къ главнокомандующему молдавской арміи генералу Михельсону. Въ 1807 г. Ф. былъ назначенъ состоять при посольствахъ въ Вѣнѣ, затѣмъ въ Парижѣ. Пробывъ 1810 годъ въ Петербургѣ, онъ сопровождалъ кавказскаго генералъ-губернатора маркиза Паулуччи въ Тифлисъ и въ 1812 г. былъ посланъ въ Персію для веденія мирныхъ переговоровъ. По возвращеніи съ Кавказа Ф. послѣдовательно состоялъ съ 1814 г. старшимъ секретаремъ посольства при Нидерландскомъ дворѣ, съ 1820 г. — генеральнымъ консуломъ въ Саксонскомъ ко-

ролевствѣ и съ 1834 г. въ той же должности въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ. Ф. уже въ 1844 г. подалъ мысль о сооруженіи памятника Богдану Хмельницкому и высказался по этому поводу въ особой запискѣ «О славянствѣ»; эта записка, на французскомъ языкѣ, была представлена гр. Нессельроде и гр. (впослѣдствіи князю) А. Ѳ. Орлову; она отпечатана въ русскомъ переводѣ въ «Русской старинѣ» 1870 г., II, стр. 94. Во время своего пребыванія въ Геттингенскомъ университетѣ Ф. написалъ двѣ комедіи на нѣмецкомъ языкѣ: «Doctor Gall auf Reisen» (1805) и «Geniestreiche» (1806); тамъ же напечатана въ 1805 г. его статья «Ueber die Luftsteine» (переводъ съ французскаго).

«Русская Старина» 1870 г., II, 94—95. — «Моск. Вѣд.» 1849 г., № 49.

Фрейманъ, *Отто Оттовичъ*, инженеръ-ген.-лейт., командиръ Кіевскаго инженернаго округа и строитель Кіевской крѣпости, род. въ 1786 г. Родомъ изъ лифляндскихъ дворянъ, Ф. образованіе получилъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда былъ выпущенъ 10 авг. 1803 г. въ инженерный корпусъ и командированъ въ Нарвскую инженерную команду. Съ 1805—1814 г. онъ находился на Кавказѣ и, какъ офицеръ генеральнаго штаба, участвовалъ во всѣхъ главныхъ дѣлахъ кавказскаго корпуса; въ 1807 и 1809 гг. былъ въ сраженіяхъ противъ турокъ и при блокадѣ крѣпости Поти, двумя орудіями удерживалъ переправу Эрзерумскаго сераскира Шерифа-паши съ 12-тысячнымъ корпусомъ. За храбрость въ этихъ сраженіяхъ Ф. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Въ 1814 г. онъ былъ назначенъ командиромъ Рижской инженерной команды, въ 1829 г.—начальникомъ Лифляндскаго инженернаго округа. За выказанную распорядительность и смѣлость при спасеніи жителей Риги и Динамюнде во время постигшаго эти города наводненія Фрейману въ 1830 г. были пожалованы 3000 десятинъ земли въ Саратовской губерніи. Съ 1838 г., состоя начальникомъ Кіевскаго инженернаго округа, Ф. произвелъ постройку Кіевской крѣпости. Ф. вышелъ въ отставку 23 апрѣля 1854 г.

Послужн. списокъ 1853 г., хранящійся въ общемъ архивѣ Главн. Штаба.—«Русск. Инв.» 1853 г., №209.

Фрейманъ, *Ѳедоръ Юрьевичъ* (Magnus Ferdinand von Freymann), ген.-поручикъ, род. 26 окт. 1725 г. въ Лифляндіи, ум. 3 ноября 1796 г. Въ 1760 г., въ чинѣ ген.-маіора, Ф. занималъ должность Рижскаго коменданта; въ 1772 г., когда Яицкіе казаки, увлеченные движеніемъ Пугачевщины, убили своихъ старшинъ и высланнаго противъ нихъ генерала Траубенберга, Ф. былъ посланъ для усмиренія мятежниковъ. Съ пятитысячнымъ отрядомъ онъ подступилъ къ городку Яицку (нынѣ Уральскъ) и готовился уже къ приступу, но устрашенные казаки положили оружіе. Подавивъ мятежъ и выславъ главныхъ зачинщиковъ въ Оренбургъ, Ф. принялъ рядъ мѣръ къ успокоенію умовъ населенія и тогда-же составилъ перепись яицкимъ казакамъ. Въ 1774 г. Ф. отличился при взятіи крѣпости Татищевой и способствовалъ окончательному пораженію Пугачева, за что былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3 ст. Походъ противъ Яицкихъ казаковъ и Пугачева Ф. самъ описалъ на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Getreue Darstellung der Expedition wider die jaikischen Kosaken, wie auch wider den Rebellen Pugatschew»; этотъ разсказъ былъ напечатанъ въ «Neue Nordische Miscellaneen», тт. VII и VIII.

Бантышъ-Каменскій: «Словарь достопримѣч. людей русской земли, т. V. — «Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon etc.», herausgeg. von Recke u. Napierski, Bd. I. *Д. С-въ.*

Фрейтагъ, *Марія-Франциска-Регина*, рожденная Шфундгеллеръ, переводчица съ нѣмецкаго, род. въ 1754 г. въ С.-Петербургѣ, ум. тамъ-же въ 1837 г. Она получила хорошее образованіе, кромѣ нѣмецкаго языка хорошо знала французскій, а русскимъ, несмотря на свое нѣмецкое происхожденіе, владѣла настолько свободно, что въ свое время считалась одной изъ лучшихъ переводчицъ на русскій языкъ. По словамъ лицъ, знавшихъ ее, она была знатокомъ нѣмецкой драматической литературы и, желая познакомить съ нею хотя отчасти нашъ русскій театръ, перевела нѣсколько пьесъ Гёте, Коцебу, Иффланда и др.; но напечатаны ею были лишь: «Нашъ пострѣлъ всюду поспѣлъ», комедія Гинтера въ 5 дѣйствіяхъ, и «Охотники или изображеніе сельскихъ нравовъ», комедія Иффланда

въ 5 дѣйствіяхъ. Обѣ комедіи напечатаны въ 1802 г. Не такъ удачна была ея попытка въ 1806 г. выступить въ роли сочинительницы. Театралъ того времени Жихаревъ иронизируетъ по этому поводу надъ нею, говоря, что она «разрѣшилась оригинальной драмой въ 5 дѣйствіяхъ, «Великодушная женщина». «Мнѣ случилось прочитать ее, прибавляетъ онъ, и — грѣшный человѣкъ! — полагаю, что зрители слишкомъ будутъ великодушны, если при представленіи досидятъ до окончанія перваго дѣйствія».

«Записки Современника», Спб. 1859, ст. 319.—«Записки гр. Бобринскаго» («Русск. Арх.» 1877 г., III, 116).—«Записки Даля» (ibid., 337).—«Дамскій Журн.» 1830 г., ч. 31, № 27.—Голицынъ, «Русск. женщины-писательницы».

Фрейтагъ, *Робертъ Карловичъ*, генералъ-лейтенантъ, сподвижникъ кавказскихъ войнъ, род. въ 1802 г., ум. 27 сентября 1851 г. Родомъ изъ Лифляндіи, Ф. былъ сыномъ извѣстнаго своими трудами по богословію суперъ-интенданта Вольмарскаго округа. Въ 1809 г. онъ былъ опредѣленъ въ 1-й кадетскій корпусъ, откуда, по окончаніи курса, въ 1821 г. вмѣстѣ со своимъ братомъ вступилъ на службу прапорщикомъ въ 3-ю гренадерскую артиллерійскую бригаду, а въ слѣдующемъ году переведенъ въ свиту Его Величества, по квартирмейстерской части (что нынѣ генеральный штабъ). Въ 1830 г., уже въ чинѣ штабсъ-капитана генеральнаго штаба, Ф. выступилъ въ походъ противъ польскихъ мятежниковъ и принялъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ кампаніи 1831 г. 5 и 6 февраля онъ находился при преслѣдованіи непріятеля отъ Калушина до корчмы Янувекъ, 7-го—въ дѣлѣ у Вавра, гдѣ подъ нимъ убиты двѣ лошади, 13-го—въ генеральномъ сраженіи подъ Гроховымъ и за отличіе въ эти четыре дня награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. съ бантомъ; за храбрость въ битвѣ подъ Остроленкою и при штурмѣ Варшавы былъ пожалованъ чиномъ капитана и орденами св. Владиміра 4 степ. и св. Анны 2 степ., оба съ бантами. По окончаніи войны Ф. былъ оставленъ въ Царствѣ Польскомъ для топографической съемки и здѣсь послѣдовательно занималъ должности: въ 1833 г.—дивизіоннаго квартирмейстера 6-й пѣхотной дивизіи, въ 1834 г., въ чинѣ подполковника, должность старшаго адъютанта главнаго штаба дѣйствующей арміи. Въ 1838 г. Ф. былъ переведенъ на Кавказъ, съ назначеніемъ старшимъ адъютантомъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Тотчасъ-же по прибытіи къ новой должности, онъ былъ командированъ для устройства Лезгинской кордонной линіи и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ временнымъ ея начальникомъ, а въ 1839 г. уже снова выступилъ на боевомъ поприщѣ. Въ составѣ Самурскаго отряда генерала Головина, онъ участвовалъ въ экспедиціи въ южный Дагестанъ и находился въ дѣлахъ при сел. Цукуль и при взятіи приступомъ главныхъ пунктовъ Аджіахурской позиціи, за что произведенъ въ полковники. Въ 1840 г. онъ получилъ въ командованіе Куринскій пѣхотный полкъ, прославленный выдающимися подвигами въ борьбѣ противъ горцевъ. Въ экспедиціи 1840 г. Ф. вошелъ въ составъ отряда ген.-лейтенанта Галафѣева и съ нимъ 30 іюня участвовалъ въ движеніи по лѣвому берегу р. Сунжи и въ уничтоженіи многихъ деревень, а 11 іюля находился при пораженіи огромныхъ чеченскихъ скопищъ въ Гехинскомъ лѣсу и при взятіи, послѣ упорнаго боя, укрѣпленной позиціи на р. Валерикѣ. Сопутствуя отряду въ дальнѣйшемъ движеніи въ Большую Чечню, Ф. участвовалъ во всѣхъ его стычкахъ съ горцами. Въ 1841 г. онъ съ Куринскомъ полкомъ находился въ экспедиціи отряда ген.-адъютанта Граббе, собраннаго при Внезапной, и 27 іюня, въ стычкѣ у сел. Алды, былъ раненъ пулею въ шею, но не покинулъ рядовъ до окончанія боя. Едва залѣчивъ рану, онъ въ октябрѣ явился уже участникомъ новаго горячаго дѣла съ чеченцами при переходѣ черезъ Гойтинскій лѣсъ и за отличіе въ экспедиціи былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 3-й степ. Въ 1842 г. Фрейтагу былъ порученъ небольшой отдѣльный отрядъ, который получилъ назначеніе защищать отъ вторженія горцевъ Кумыкскую площадь на протяженіи 400 верстъ. Дѣйствія отряда ознаменовались безпрерывными набѣгами, ночными нападеніями и рекогносцировками; множество сожженныхъ хуторовъ были плодами этихъ смѣлыхъ экспедицій, наиболѣе-же выдающимся дѣломъ—были стычки съ горцами при закладкѣ и возведеніи Куринскаго укрѣпленія при р. Ойсунгурѣ. 22 декабря

того-же года Ф. за отличіе былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ командиромъ 2-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи и начальникомъ лѣваго фланга кавказской линіи. Почти весь 1843 г. Ф. занимался исключительно постройкою Куринскаго укрѣпленія и только въ ноябрѣ, съ отрядомъ въ 1400 казаковъ, въ 4 баталіона пѣхоты и 16 орудій, получилъ возможность снова выступить противъ горцевъ. На крайнемъ лѣвомъ флангѣ кавказской линіи низовое укрѣпленіе близъ г. Тарки было съ 11 ноября блокировано шайками Шамиля; Ф. освободилъ его, опрокинувъ превосходныя силы непріятеля. Вскорѣ ему снова пришлось идти на выручку осажденнаго въ укрѣпленіи Зирянь аварскаго отряда подполковника Пассека, а также участвовать въ пораженіи полчищъ Шамиля у сел. Казанищи. 26 февраля 1844 г. Ф. былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 1-й ст. и въ томъ-же году, войдя съ отрядомъ въ составъ войскъ, сосредоточенныхъ въ Ташъ-Кичу подъ начальствомъ ген.-адъютанта Нейдгардта, находился въ цѣломъ рядѣ дѣлъ. Близъ Карагачскаго лѣса онъ поразилъ чеченцевъ, въ Гехинскомъ лѣсу выручилъ окруженный непріятелемъ арріергардъ Назрановскаго отряда, участвовалъ въ общемъ движеніи чеченскаго и дагестанскаго отрядовъ къ аулу Буртунай. 30 ноября Ф. былъ назначенъ командующимъ 20-ю пѣхотною дивизіею, съ оставленіемъ въ должности начальника лѣваго фланга кавказской линіи и вскорѣ выѣхалъ въ 4-хмѣсячный отпускъ въ Петербургъ, гдѣ женился. 27 декабря 1844 г. намѣстникомъ и главнокомандующимъ на Кавказѣ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ, особенно цѣнившій боевыя достоинства Фрейтага. Тотчасъ-же по возвращеніи послѣдняго, Воронцовъ поручилъ ему двинуться изъ Грозной по направленію къ дер. Шали, для отвлеченія непріятеля отъ движенія отряда самого главнокомандующаго къ главному убѣжищу Шамиля, Дарго. Безпрерывными стычками Ф. задерживалъ дѣйствія горцевъ, наконецъ двинулся изъ Герзель-аула навстрѣчу главному отряду и 16 іюля явился его избавителемъ. Потерявъ взятое Воронцовымъ Дарго, горцы сосредоточили противъ него всѣ свои полчища. Предпринятое главнокомандующимъ новое наступательное движеніе было встрѣчено упорнымъ боемъ и Шамилю удалось на небольшой полянѣ сел. Шаугалъ-Берды оцѣпить сплошнымъ кольцомъ истощенныя боемъ войска главнаго отряда. Положеніе отряда становилось критическимъ, тѣмъ болѣе, что прекратился подвозъ продовольствія. Спасителемъ отряда главнокомандующаго явился Ф. Съ быстротою собралъ онъ изъ разныхъ пунктовъ $7^1/_2$ батальоновъ, 13 орудій и 300 казаковъ и двинулся на выручку въ Шаугалъ-Берды. Пораженные горцы бѣжали и оба отряда безпрепятственно выступили къ Герзель-аулу, за оказанный же подвигъ Ф. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и утвержденъ въ должности начальника дивизіи. Годъ спустя, 12 сентября 1846 г., Ф. получилъ орденъ св. Анны 1 степ. за отличіе при преслѣдованіи Шамиля и за вырубку просѣки въ Гойтинскомъ лѣсу, бывшемъ единственнымъ оплотомъ Чечни. Участвуя въ дальнѣйшихъ экспедиціяхъ 1847 и 1848 гг., онъ окончательно освободилъ отъ горцевъ дорогу отъ укрѣпленія Воздвиженскаго къ укрѣпленію Ачхой, за что былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 2-й ст. 12 апрѣля 1848 г. Ф. получилъ назначеніе на должность генералъ-квартирмейстера дѣйствующей арміи, вступившей въ апрѣлѣ 1849 г. въ предѣлы Австріи противъ венгерскихъ мятежниковъ, и здѣсь участвовалъ, между прочимъ, въ сраженіяхъ подъ Вайценомъ и подъ Дебречиномъ. Награжденный орденомъ св. Георгія 3-й ст., Ф. вернулся въ Россію, но заболѣвъ, былъ вынужденъ выѣхать для лѣченія за границу. Вскорѣ за тѣмъ Ф. скончался.

С. Новоселовъ: «Описаніе замѣчательныхъ подвиговъ, совершенныхъ на Кавказѣ». Спб., 1858. «Рус. Инв.» 1853 г., №№ 73—76.—«Библ. для чтенія» 1853 г., т. 120.—Волоцкой: «Ген. Фрейтагъ и его боевые товарищи». Спб., 1873.

Д. С—въ.

Фрейтагъ, *Ѳедоръ Карловичъ* (Theodor Friedrich Freytag), докторъ филологіи, ординарн. профессоръ римской словесности и древностей въ С.-Петербургскомъ университетѣ, саксонскій подданный, род. 2 февраля 1800 г., ум. 5 марта 1859 г. въ Фрейбургѣ. Университетское образованіе Ф. получилъ въ Дерптѣ, гдѣ съ 1817—1820 г. изучалъ филологію; по оконча-

нiи курса былъ назначенъ преподавателемъ древнихъ языковъ въ Дерптской гимназiи. Въ февралѣ 1833 г. онъ былъ опредѣленъ профессоромъ греческой и латинской словесности въ Ришельевскомъ лицеѣ и въ 1835 г. утвержденъ цензоромъ Одесскаго цензурнаго комитета, но уже въ слѣдующемъ году переведенъ ординарнымъ профессоромъ въ С.-Петербургскiй университетъ, гдѣ и читалъ лекцiи до 1852 г., состоя въ то же время помощникомъ директора Императорскаго Эрмитажа. Ф. былъ выдающiйся филологъ своего времени съ обширною ученостью, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуютъ два его изданiя: 1) «Virorum doctorum epistolae selectae ad Bilib. Pirchhemium, Isach. Camerarium, Car. Clusium et Julium episc. Herbip. datae. Ex autographis nunc primum edidit Th. Fr. Freytagius», Lipsiae 1831; 2) «Homeri Iliadis primi duo libri. Recogn. et delectis veterum grammaticorum scholiis suisque commentariis instructos edidit F.», Petropoli 1837. Кромѣ этихъ капитальныхъ трудовъ отъ Фрейтага сохранились еще двѣ актовыя рѣчи, изъ которыхъ первая «De laudibus Graecarum litterarum» была имъ произнесена въ 1834 г. въ Ришельевскомъ лицеѣ, а вторая: «De litterarum studiis bene prudenterque instituendis» въ 1839 г. въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

В. В. Григорьевъ: «Имп. С.-Петерб. универс. въ теченiе первыхъ 50 лѣтъ его существованiя», Спб. 1870.—«Album academicum der Kaiserl. Universit. Dorpat», 1889.—Михневичъ: «Историч. обзоръ 40-лѣтiя Ришельевскаго лиц. съ 1817—1857 г.», Одесса 1858.

Френчемъ, *Джемсъ* (James Frencham), аптекарь. Въ 1581 г. Ф. прибылъ въ Россiю съ англiйскимъ врачемъ Робертомъ Яковомъ, присланнымъ къ царю Iоанну Грозному англiйскою королевою Елизаветой. Затѣмъ, въ письмѣ отъ 8 iюня 1583 г., королева просила царя отпустить Френчема обратно въ Англiю къ его престарѣлому отцу. Несомнѣнно, что Ф. и былъ отпущенъ, такъ какъ 11 марта 1601 г. королева писала Борису Годунову о вторичной поѣздкѣ Френчема въ Россiю, куда онъ и прибылъ 7 ноября 1602 г. съ запасомъ лѣкарствъ, сохранившiйся перечень которыхъ знакомитъ насъ съ тогдашнею терапiею. Сохранилось также составленное имъ донесенiе о моровой язвѣ, свирѣпствовавшей на пути его въ Россiю, о дальнѣйшей судьбѣ его ничего не извѣстно. Френчема можно считать первымъ аптекаремъ въ Россiи, такъ какъ цѣлью прибытiя его было устройство царской аптеки, первой во всей Россiи, до открытiя которой, какъ извѣстно, медикаменты составлялись самими врачами.

Рихтеръ: «Исторiя медицины въ Россiи», М. 1814, ч. I.—Цвѣтаевъ: «Медики въ Московской Россiи и первый русскiй докторъ», Варшава 1896.—«Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ.», т. 38.

А. Ф.

Френъ, *Христiанъ Даниловичъ* (Christian Martin von Frähn), д. с. с. и ординарный академикъ Императорской Академiи Наукъ, род. 23 мая 1782 г. въ городѣ Ростокѣ (въ Мекленбургъ-Шверинскомъ велик. герцогствѣ), ум. 16 августа 1851 г. въ С.-Петербургѣ. Ф. занималъ весьма видное мѣсто между орiенталистами первой половины нашего вѣка, преимущественно какъ основатель научной нумизматики мусульманскаго Востока. Въ Россiи же съ именемъ Френа связаны, кромѣ того, возникновенiе научнаго востоковѣдѣнiя вообще, открытiе и обнародованiе новыхъ матерiаловъ для исторiи Руси, славянъ и народовъ, обитавшихъ и обитающихъ въ предѣлахъ нынѣшней Россiи, какъ булгаръ, татаръ, хазаръ и др., и, наконецъ, основанiе Азiатскаго музея при Академiи Наукъ.

Воспитанiе Ф. получилъ въ Ростокскомъ университетѣ (1800—1803), гдѣ на него особенно вліялъ профессоръ богословскаго факультета О. Г. Тихсенъ (1734—1815). Въ то время, отчасти и понынѣ, въ Германiи преподаванiе восточныхъ языковъ и древностей, преимущественно еврейскихъ и арабскихъ, возлагалось на профессоровъ богословiя, такъ какъ изученiе ихъ предпринималось обыкновенно въ интересахъ лучшаго пониманiя книгъ Ветхаго Завѣта при сравненiи древне-еврейскихъ языка и древностей съ другими родственными имъ семитскими языками. Случайно находимыя на берегу Балтiйскаго моря Куфическiя монеты, хранившiяся въ велико-герцогскомъ минцъ-кабинетѣ, дали Тихсену поводъ заняться арабской нумизматикой и магометанскими древностями, и свою любовь къ этимъ занятiямъ профессоръ заронилъ и въ душу Френа, который впослѣдствiи оставилъ

далеко за собою своего учителя. Однако, за рѣдкостью въ тѣ времена въ Германіи восточныхъ памятниковъ, молодой ученый не сразу попалъ на настоящую дорогу, и пробывъ нѣкоторое время въ другихъ германскихъ университетахъ, а затѣмъ въ Швейцаріи въ качествѣ частнаго учителя, въ 1806 г. вступилъ приватъ-доцентомъ богословскаго факультета въ свой родной университетъ. Жизнь приватъ-доцента, и еще при такомъ извѣстномъ профессорѣ по той же каѳедрѣ, каковъ былъ Тихсенъ, представляла собою только рядъ лишеній и прозябаніе въ неизвѣстности. Но скоро Френу представился благопріятный случай сразу выдвинуться на научномъ поприщѣ. Въ новооткрытомъ (1804) Казанскомъ университетѣ была учреждена также каѳедра восточныхъ языковъ, которую рѣшено было сначала замѣстить иностраннымъ спеціалистомъ, и по рекомендаціи Тихсена она была предложена Френу, который 3 октября 1807 г. и прибылъ въ Казань. Въ Казани Ф., правда, не нашелъ тѣхъ научныхъ средствъ, которыя существовали въ старинныхъ нѣмецкихъ университетахъ (даже не нашлось латинскаго шрифта для напечатанія сочиненія), но взамѣнъ этого онъ тамъ нашелъ то, что для него было гораздо важнѣе: много восточныхъ рукописей и восточныхъ монетъ, дотолѣ совсѣмъ неизвѣстныхъ ученой Европѣ. Уже первый трудъ Френа по этой части, посвященный описанію 17 неизвѣстныхъ мусульманскихъ монетъ и напечатанный (по вышеуказанной причинѣ) на арабскомъ языкѣ, обратилъ на него вниманіе ученыхъ оріенталистовъ, знаменитѣйшій изъ которыхъ, Сильвестръ де-Саси въ Парижѣ, далъ весьма лестный отзывъ объ этомъ сочиненіи и всячески поощрялъ молодого автора продолжать свои изысканія по этой отрасли науки. Въ слѣдующіе года Ф. дѣйствительно представилъ описаніе нѣсколькихъ частныхъ коллекцій восточныхъ монетъ, хранившихся въ Казани и другихъ городахъ, подробно останавливаясь на неизвѣстныхъ до того времени монетахъ восточнаго халифата, династій Саманидовъ, волжскихъ булгаръ, татарскихъ владѣтелей и др. Изслѣдованіе этихъ монетъ привело Френа къ изысканіямъ о мѣстахъ ихъ чеканки, о хронологической послѣдовательности династій, о титулахъ владѣтелей и т. п., такъ что мало-по-малу онъ захватывалъ въ кругъ своихъ изслѣдованій почти всю область мусульманской археологіи. Въ концѣ 1815 г. умеръ профессоръ Тихсенъ; Ф. былъ избранъ на его каѳедру въ Ростокскомъ университетѣ и принялъ избраніе, но, проѣзжая по пути въ Ростокъ чрезъ С.-Петербургъ и познакомившись съ богатымъ собраніемъ восточныхъ монетъ при Академіи Наукъ, согласился, по порученію Академіи, составить описаніе означеннаго собранія. Этотъ трудъ блестящимъ образомъ былъ исполненъ въ 1817—1819 гг. Весьма естественно, что въ средѣ Академіи, преимущественно у новаго ея президента С. С. Уварова явилось желаніе удержать Френа навсегда въ Россіи и такимъ образомъ способствовать возникновенію одной изъ важнѣйшихъ отраслей востоковѣдѣнія на отечественной почвѣ. Это было достигнуто избраніемъ Френа въ ординарные академики (1820). Съ этого времени Ф. не только продолжалъ неутомимо свои нумизматическія изысканія, закончившіяся классическимъ сочиненіемъ: «Recensio numorum muhammedanorum Acad. Imp. Scient. Petropolit.» (1826), но и обогатилъ, благодаря своимъ неослабнымъ стараніямъ, сокровища основаннаго по его плану Азіатскаго музея (1818). Кромѣ того, постояннымъ и умѣлымъ отстаиваніемъ интересовъ оріентализма предъ правительствомъ, искреннимъ поощреніемъ молодыхъ русскихъ ученыхъ, посвятившихъ себя изученію Востока, и всегдашней готовностью помогать имъ совѣтами и указаніями — Френу удалось положить прочное основаніе русскому востоковѣдѣнію. Одна изъ главнѣйшихъ заслугъ Френа предъ русской наукой состоитъ въ открытіи имъ богатыхъ матеріаловъ для исторіи Россіи и древнихъ ея обитателей. Слѣдуетъ замѣтить, что время дѣятельности Френа совпадаетъ съ эпохой пробужденія научнаго сознанія въ Россіи, когда на арену выступили Карамзинъ, Калайдовичъ, Строевъ, Ходаковскій и др., когда между государственными людьми нашелся такой благородный меценатъ, какъ канцлеръ гр. Румянцевъ, особенно покровительствовавшій всѣмъ работавшимъ въ области славяно-русскихъ исторіи и древностей. Онъ, между прочимъ, совершилъ во время пребыванія въ Казани въ 1816 г., въ сопро-

вожденіи Френа, поѣздку къ развалинамъ столичнаго города Булгара, и надобно полагать, что съ этого времени Ф., побуждаемый гр. Румянцевымъ, сталъ заниматься изслѣдованіемъ восточныхъ сказаній о Россіи. Еще въ Казани Ф. напечаталъ нѣсколько статей въ этомъ направленіи, напр., о происхожденіи русскаго слова «деньга» (1815), о судьбахъ города Биляра (1816).

Послѣ переселенія въ Петербургъ и пріобрѣтенія для Азіатскаго музея многихъ важныхъ восточныхъ рукописей труды Френа по исторіи древнихъ обитателей Россіи стали особенно плодотворны. Очень богатый запасъ свѣдѣній нашелъ онъ въ большомъ географическомъ словарѣ арабскаго географа первой половины XIII в. Якута. Извѣстія, заключающіяся въ этомъ словарѣ о Руси, волжскихъ булгарахъ и хазарахъ, заимствованныя Якутомъ изъ записки халифскаго посланника къ булгарамъ Ибнъ-Фадлана (922 г. послѣ Р. Х.), въ связи съ свѣдѣніями другихъ восточныхъ писателей, доставили Френу матеріалы для трехъ весьма важныхъ монографій: «Veteres memoriae Chasarorum ex Jbn-Foszlano, Jbn-Haukale et Schems-Eddino Damasceno» (1821), «Jbn-Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit» (1823; самый важный его ученый трудъ послѣ Recensio numorum), «Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren aus Jbn-Foszlan's Reiseberichte» (1832). Эти три изслѣдованія и нѣкоторыя другія, менѣе важныя, открыли ученымъ какъ бы новый міръ о восточной Европѣ, и если Карамзинъ оставался нерѣшительнымъ въ виду извѣстій Ибнъ-Фадлана о Руси («Ист. Гос. Росс.», 2 изд., т. VIII, стр. 128; изд. Эйнерлина, т. I, прим., стр. 37—39, 99—103), то слѣдующіе за нимъ ученые (Макушевъ, Котляревскій, Голубовскій и др.) успѣли объяснить многое въ означенныхъ извѣстіяхъ. Но какъ бы ни былъ окончательно рѣшенъ вопросъ о Русахъ Ибнъ-Фадлана, заслуги Френа, открывшаго и издавшаго записки этого арабскаго путешественника, велики и не подлежатъ никакому сомнѣнію. Стоитъ только сравнить указанныя сочиненія Френа съ вышедшимъ нѣсколько позже сборникомъ восточныхъ извѣстій о Руси извѣстнаго оріенталиста Гаммера (J. de Hammer, Sur les origines russes, Спб. 1827) и напечатаннымъ Френомъ по порученію гр. Румянцева, чтобы видѣть разницу между научнымъ и фантастическимъ разсужденіемъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Полный списокъ сочиненій и статей Френа помѣщенъ въ концѣ нижеуказаннаго очерка П. С. Савельева и въ приложеніи Дорна къ «Fraehnii opuscula postuma», pars I, стр. 415—433. Здѣсь мы, кромѣ вышеупомянутыхъ, укажемъ только на важнѣйшія изъ нихъ, касающіяся преимущественно Россіи: 1) «Commentatio de titulorum et cognominum honorificorum, quibus Chani Ordae Aureae usi sunt, origine, natura atque usu» (Казань, 1814); 2) «De Baschkiris quae memoriae prodita sunt ab Jbn-Foszlano et Jakuto» (1821); 3) «Abulghasi Bahadür Chani historia Mongolorum et Tatarorum» (Казань, 1825; текстъ изданъ подъ ред. Френа); 4) «Essai servant à déterminer d'une manière plus précise l'époque d'une expédition entreprise au X-e siècle par les Russes sur les côtes de la Mer Caspienne» (Nouv. Journal Asiatique, Paris, 1828); 5) «Разысканіе объ исторіи Табаристана» (Чтенія Имп. Акад. Наукъ за 1829 и 1830 гг., Спб. 1831); 6) «Ueber die ehemalige mongolische Stadt Ukek im Süden von Saratow» (1836); 7) «Jbn-Abi-Jacub el-Nedim's Nachricht von der Schrift der Russen im X Jahrh. n. Chr., kritisch beleuchtet» (1835); 8) «Ueber ein merkwürdiges Volk des Kaukasus, die Kubetschi» (1838); 9) «Ein neuer Beleg, dass die Gründer des russischen Staates Nordmannen waren» (1838); 10) «Quinque centuriae numorum anecdotorum Chalifarum cum Umeijadarum tum Abbasidarum ex variis museis» (1840); 11) Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von altem arabischen Gelde in Russland, nebst chronologischer und geographischer Bestimmung des Inhalts der verschiedenen Funde» (1841). — Кромѣ того, въ Мемуарахъ и въ Бюллетеняхъ Имп. Акад. Наукъ, въ приложеніяхъ къ сочиненію Дорна объ Азіатскомъ музеѣ и въ «St. Petersburger Zeitung» напечатаны многочисленные отчеты Френа о пріобрѣтеніяхъ Азіатскаго музея по части восточныхъ монетъ и рукописей, равно какъ и объясненія многихъ арабскихъ надписей и другихъ восточныхъ памятниковъ. Многія записки и статьи Френа были переведены на русскій языкъ и напечатаны въ свое время въ «Журналѣ Мин. Нар. Пр.», въ «Библіотекѣ для Чтенія» и въ другихъ

періодическихъ изданіяхъ. Ф. оставилъ не мало и рукописныхъ трудовъ, помимо изданныхъ академикомъ Дорномъ въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ «Opuscula postuma» (1855—1877). Важнѣйшій изъ этихъ до сихъ поръ не напечатанныхъ трудовъ—объемистый критическій словарь арабскаго языка, надъ пополненіемъ котораго авторъ трудился всю жизнь.

B. Dorn: «Ch. M. Fraehnii opuscula postuma», Petrop., 1855.—«Сѣверный Архивъ» 1823 г., № 18 (статья Булгарина). — «Труды Восточ. отд. Имп. Русск. арх. общ.», 1856, стр. 1—67 (самая обстоятельная біографія Френа, составленная И. Савельевымъ; отдѣльные оттиски вышли въ 1855 г.).—«Biographie Universelle et portative des contemporains», de V. de Boisjoslin, 1827. — «Grand dictionnair universel» de Larousse, VIII, 698. — «Encyclopedia Britannica», нов. изд., т. IX, стр. 504.—«La Grande Encyclopédie», ed. Dreyfus, т. XVII, стр. 948. *А. Г.*

Фрибе, *Вильгельмъ-Христіанъ*, докторъ философіи, инспекторъ училищъ рижскаго учебнаго округа, писатель, род. 28 іюля (н. ст.) 1762 г. въ Гроссъ-Бальгаузенѣ, въ Тюрингіи, ум. 14 сент. 1811 г. въ Ригѣ. До 11-лѣтняго возраста воспитывался дома, затѣмъ обучался въ латинской школѣ въ Тенштедтѣ и въ Ганноверской гимназіи; въ 1781 г. поступилъ въ Геттингенскій университетъ для изученія богословія, но кромѣ этого предмета много занимался естественными науками. Въ 1784 г. Ф. отправился въ Россію, гдѣ въ теченіе 17 лѣтъ состоялъ гувернеромъ въ двухъ частныхъ домахъ въ Лифляндіи, и только въ 1801 г. получилъ мѣсто постояннаго секретаря Лифляндскаго экономическаго общества; въ 1804 г. онъ кромѣ того былъ назначенъ инспекторомъ училищъ рижскаго учебнаго округа. Шесть лѣтъ Ф. неутомимо трудился въ должности секретаря, и при томъ настолько успѣшно, что когда онъ въ 1810 г., по разстроенному здоровью, подалъ въ отставку, то Дерптскій университетъ въ общемъ собраніи профессоровъ выразилъ ему признательность за выдающіяся заслуги и удостоилъ его диплома доктора философіи. Въ своей литературной дѣятельности Ф. отличался неутомимостью и необычайною разносторонностью, и труды его находили себѣ достойную оцѣнку далеко за предѣлами Россіи. Особенно цѣнны его труды по естествознанію, агрономіи, физикѣ и статистикѣ, но онъ подвизался и въ области поэзіи и изящной словесности. Изъ его многочисленныхъ сочиненій приводимъ главнѣйшія и преимущественно тѣ, которыя касаются Россіи, относясь къ періоду времени, когда наша спеціальная литература была еще очень бѣдна подобнаго рода произведеніями. Находясь еще въ должности гувернера, Ф. помѣстилъ рядъ историческихъ и политико-экономическихъ статей въ издававшихся въ то время Гупелемъ «Nordische Miscellaneen» и издалъ «Handbuch der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands», въ пяти томахъ, «Physisch-ökonomische und statistische Bemerkungen über Livland», въ одномъ, и «Ueber Russlands Handel», въ трехъ томахъ. Въ должности секретаря Лифляндскаго экономическаго общества онъ написалъ между прочимъ: «Oekonomisch-technische Flora für Livland» и «Ueber die Verbesserung der Schaafzucht in Russland». Послѣднее сочиненіе, переведенное на русскій языкъ и напечатанное на казенный счетъ, было разослано многимъ землевладѣльцамъ («Руководство къ усовершенствованію въ Россіи овцеводства», Спб., 1808; оно появилось и въ польскомъ переводѣ, Вильна, 1815). Изъ трудовъ его, касающихся преимущественно Лифляндіи, наиболѣе цѣннымъ является «Oekonomisches Repertorium für Livland», который онъ началъ издавать въ 1808 г., но не успѣлъ закончить: всего вышло 8 томовъ по 3 выпуска въ каждомъ. За 15 сочиненій Ф. были присуждаемы преміи Императорскимъ вольнымъ экономическимъ обществомъ въ С.-Петербургѣ и другими учеными обществами. Кромѣ того Ф. былъ избранъ членомъ Имп. вольнаго экономическаго общества въ С.-Петербургѣ, Общества естествоиспытателей въ Москвѣ, Лифляндскаго экономическаго и литературно-практическаго кружка въ Ригѣ, Іенскаго общества естествоиспытателей и др. Два русскихъ императора и двѣ императрицы почтили его цѣнными и почетными подарками.

«Rig. Stadtbl.», 1811, № 40, стр. 329—334.—«Allg. Schriftst.-und Gelehrten-Lexikon etc.» von Recke und Napierski, т. I, и «Nachträge», т. I.— «Bibliographia Palska», т. I, стр. 517.—«Rigasche Biographien, т. I. *Л. Вейнбергъ.*

Фриде, *Александръ Карловичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ, род. въ 1829 г., ум. 23 февраля 1885 г. По окончаніи курса въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, Ф. въ 1850 г. поступилъ на службу

въ департаментъ министерства юстиціи. Проходя постепенно низшія должности, онъ въ 1855 г. былъ командированъ въ сенатъ, въ составъ коммиссіи для обозрѣнія и исправленія счетоводства и отчетности въ мѣстахъ вѣдомства министерства юстиціи, находящихся въ Курляндской губерніи, а въ 1856 г. опредѣленъ чиновникомъ VII класса для особыхъ порученій при департаментѣ. 14 января 1859 г. Ф. былъ назначенъ оберъ-секретаремъ 2-го отдѣленія 3-го департамента сената, а 23 мая 1860 г.—2-го департамента. Въ чинѣ статскаго совѣтника онъ въ 1864 г. былъ сдѣланъ членомъ коммиссіи для пересмотра устава объ опекахъ, въ 1865 г.—членомъ московской судебной палаты. Въ 1872 г., 1 іюня, съ производствомъ въ чинъ тайнаго совѣтника, ему было повелѣно присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, и онъ засѣдалъ сперва въ уголовномъ, а съ 1881 г. въ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ. Кромѣ мелкихъ статей, напечатанныхъ въ Журналѣ Министерства Юст. (т. III, ч. 2, т. XVI, ч. 2), Ф. въ 1869 г. издалъ въ Москвѣ «Положеніе о несостоятельности торговой и не торговой», а въ 1870 г. «Законы о духовныхъ завѣщаніяхъ, разъясненные судебною практикой».

Формулярный списокъ. — Межовъ: «Систематич. катал. русск. книгамъ, издающимся въ книжн. магазинахъ Базунова», 1869.

Фридерици, *Ермолай Карловичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, род. въ 1779 г., ум. 1 марта 1869 г. Проходя курсъ наукъ въ Эстляндской дворянской гимназіи, Ф., по обычаю того времени, на восьмомъ году отъ роду былъ записанъ капраломъ л.-гв. въ Конный полкъ и только въ 1796 г. опредѣленъ на дѣйствительную службу съ чиномъ капитана въ Рязанскій пѣхотный полкъ. Въ томъ же году онъ былъ командированъ въ Финляндію для производства топографическихъ и картографическихъ работъ и здѣсь, во время войны со шведами, участвовалъ во многихъ дѣлахъ противъ непріятеля. По переводѣ въ 1797 г. въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части (что нынѣ генеральный штабъ), Ф. въ 1802 г. былъ командированъ для изученія астрономіи къ академику Шуберту, при которомъ находился около полугода, послѣ чего былъ причисленъ къ миссіи, посланной въ Японію на фрегатѣ «Надежда», подъ командою флота капитанъ-лейтенанта Крузенштерна. По возвращеніи въ 1806 г. изъ кругосвѣтнаго плаванія, Ф. произведенъ въ подполковники и съ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ Наполеона прибылъ къ арміи Беннингсена. Здѣсь онъ принималъ участіе въ дѣлахъ при Пултускѣ, Ландсбергѣ, Прейсишъ-Эйлау, Янковѣ, Гутштадтѣ, Гейльсбергѣ и Фридландѣ, причемъ за рядъ оказанныхъ отличій былъ награжденъ орденами св. Георгія 4 ст., св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ, св. Анны 2 ст., а также золотою шпагою съ надписью «за отличіе» и прусскимъ орденомъ «За заслуги». Въ 1808 г. Ф. былъ произведенъ въ полковники и въ томъ же году явился участникомъ новой войны, противъ Швеціи, и находился въ дѣлахъ 1808—1809 гг. и при переходѣ черезъ Ботническій заливъ. Въ 1810 г. Ф. уже въ предѣлахъ Турціи, гдѣ за боевыя отличія при осадѣ Силистріи и въ сраженіяхъ подъ Шумлою и Рущукомъ произведенъ, на 31 году отъ роду, въ генералъ-маіоры. Въ 1813 г. онъ вышелъ въ отставку, въ которой оставался до своего назначенія въ 1820 г. на должность директора г. Павловска. Занявъ въ 1826 г. постъ Павловскаго коменданта, онъ сохранилъ его до своей кончины, причемъ за отличіе былъ пожалованъ: въ 1829 г чиномъ генералъ-лейтенанта и въ 1848 г. — генерала-отъ-инфантеріи.

«Воен. Ежегодн.» 1870 г.—«Рус. Инв.» 1837 г., № 101, 1869 г., № 28. *Д.-С—въ.*

Фридерици или **Фридрицъ**, *Иванъ Павловичъ*, граверъ на мѣди, род. въ 1802 (3) г., ум. въ 1860-хъ годахъ. Сынъ недостаточныхъ родителей польскаго происхожденія, онъ обучался въ Имп. Академіи Художествъ съ 1815 г., на счетъ барона А. Ѳ. Корфа, и былъ любимымъ ученикомъ проф. Н. И. Уткина, который помогалъ ему въ его портретныхъ работахъ. Отличаясь «слабымъ характеромъ», по отмѣткѣ въ отчетѣ Акад. Худож. за 1822 — 23 г., онъ получилъ однако въ 1824 г. золотую медаль на счетъ Общества поощренія художествъ за портретъ Баптыша-Каменскаго, гравированный имъ одновременно съ портретомъ С. И. Миницкаго и Н. С. Семеновой. Кромѣ того, имъ были исполнены портреты Рафаэля, съ рисунка Дубровина, и Микель-Анджело,

съ рисунка Михайлова, — для «Журнала Изящныхъ Искусствъ» В. И. Григоровича 1823 г.; И. А. Крылова, съ рисунка П. Оленина,—для изданія «Басень» 1825 г., имп. Александры Ѳеодоровны—для «Невскаго Альманаха» 1826 г. и «Садовника», съ оригинала Кипренскаго,—для «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» 1826 г.; Ѳ. В. Булгарина—для его «Сочиненій» 1828 г.; Н. И. Хмельницкаго—для его «Театра» 1829 г.; И. К. Кайданова (съ собств. акварели)—для его «Краткаго изложенія дипломатіи» 1833 г., и Наполеона-Бонапарте—для его «Жизни, сочин. де Шаплета», тоже 1833 г., а также заглавныя виньетки къ книгамъ: «Гильомъ Чистосердечный», де Шаплета, 1827 г.; «Опытъ русской аноологіи», 1828 г.; «Стихотворенія М. Лобанова», съ рис. А. Нотбека, и «Торговый Адресный Календарь» 1836 г., съ рисунка И. Иванова; наконецъ, «Фасадъ Академическому дому» (по чертежу Орлова). Помимо гравированія, Ф. занимался еще и литографированіемъ, исполнивъ на камнѣ портреты: ген.-лейт. А. А. Вельяминова, кн. А. Д. Меньшикова, ген.-отъ-инфантеріи князя Циціанова, — для литографіи Тюлева, гдѣ печаталась «Отечественная портретная галлерея знаменитыхъ особъ въ Россійской Имперіи отъ начала XVIII в. до нашего времени»,— и П. Л. Голенищева-Кутузова (съ оригин. Левицкаго), Д. М. Княжевича (съ оригин. Крюгера), гр. Паскевича-Эриванскаго, С. И. Тюрина, — для литографіи Гельбаха, равно какъ двѣ картинки: «Боонгарее-Мотора, начальникъ Бракелъ-Байской орды, и его жена» (рис. П. Михайлова) и «Женщина, бѣгущая по парку, и кавалеръ, стоящій за кустами». Затѣмъ, шесть акварельныхъ портретовъ его работы находились на Академической выставкѣ 1839 г. Спившись съ круга, онъ не могъ болѣе работать.

Д. Ровинскій: «Подробный словарь русск. гравероъ», 1895 г., т. II.—Въ Архивѣ Имп. Ак. Худож. дѣло 1818 г., № 58 (по стар. нумер.). —«Указат. выст. въ Имп. А. Х.» 1833 и 1839 гг.

Н. С.

Фридлендеръ, *Эбергардъ-Давидъ* (E. D. Friedländer), ордин. профессоръ Дерптскаго университета, сынъ купца, род. въ Кенигсбергѣ въ 1799 г., ум. 17 (29) апр. 1869 г. въ Гейдельбергѣ. Удостоенный въ 1824 г. Геттингенскимъ университетомъ степени доктора философіи, Ф. состоялъ приватъ-доцентомъ въ Кенигсбергѣ, когда, въ концѣ 1828 г., получилъ приглашеніе въ Дерптскій университетъ на каѳедру ордин. профессора камеральныхъ наукъ. Прослуживъ въ Дерптѣ 25 лѣтъ, онъ былъ въ 1853 г. уволенъ въ отставку съ полной пенсіей и переселился въ Гейдельбергъ, гдѣ и провелъ послѣдніе годы своей жизни. Перу Фридлендера принадлежатъ, между прочимъ, слѣдующія сочиненія: «Das britische Geldsystem, nach den neuesten gesetzlichen Bestimmungen in Kürze wiedergegeben», Königsberg, 1826; «Ueber die rechte Begründung der Staatswirthschaft, über ihr Verhältniss zu den Staatswissenschaften und zur Jurisprudenz», Dorpat, 1829; «Bericht über die Reise nach London zur Weltausstellung», 1851 (отрывки изъ этого отчета были напечатаны въ «Журн. Мин. Народн. Просв.»); «Die Theorie des Werthes», Dorp., 1852. Въ соединеніи съ другими профессорами Ф. издавалъ въ Дерптѣ журналъ подъ заглавіемъ: «Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst».

Формуляръ въ архивѣ Юрьевскаго (Дерптскаго) унив.—«Rückblick auf die Wirksamkeit der Univers. Dorpat 1802—65». Dorp., 1866. *В. Ш.*

Фридрицъ, см. Фридерици, Ив. Павл.

Фрикенъ, фонъ, *Ѳедоръ Карловичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1780 г., ум. 5 октября 1849 г. Начавъ службу унтеръ-офицеромъ, Ф. участвовалъ въ кампаніи противъ французовъ 1806 и 1807 гг. и находился въ сраженіяхъ при Пултускѣ, Прейсишъ-Эйлау, Гутштадтѣ, Гейльсбергѣ и Фридландѣ; въ войнѣ со шведами 1808 и 1809 гг. онъ былъ въ дѣлахъ при Иденсальми и Севарѣ. Передъ Отечественною войною Ф. принималъ участіе въ приготовленіяхъ къ ней и въ 1811 г., въ чинѣ маіора, состоялъ командиромъ Старорусской резервной бригады, а по отправленіи ея къ дѣйствующей арміи формировалъ резервный баталіонъ гренадерскаго графа Аракчеева полка. Въ 1813 г. онъ находился въ сраженіяхъ при Нолендорфѣ, Кульмѣ и Лейпцигѣ, за что былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст. Въ 1819 г. произведенъ въ полковники и вскорѣ затѣмъ назначенъ командиромъ гренадерскаго графа Аракчеева полка, а въ 1828 г., съ производствомъ въ генералъ-маіоры, получилъ въ командованіе 2-ю бригаду 1-й по-

селенной гренадерской дивизіи. Въ 1831 г., во время польскаго возстанія, Ф. состоялъ военнымъ губернаторомъ Августовскаго воеводства; преслѣдуя мятежниковъ, онъ разбилъ ихъ скопища при селеніяхъ Попіолкѣ и Лиссѣ, а во время отступленія черезъ воеводство отряда генерала Сакена, присоединился къ нему и 7 іюня успѣшно содѣйствовалъ пораженію поляковъ у Вильны. Награжденный за отличіе орденомъ св. Владиміра 2 ст., Ф. въ 1833 г. былъ назначенъ начальникомъ округа пахотныхъ солдатъ Новгородской, Витебской и Могилевской губ. и въ этой должности оставался до своей кончины. Въ 1837 г. онъ былъ пожалованъ чиномъ генералъ-лейтенанта.

Формул. списокъ, хранящійся въ общ. архивѣ главн. штаба.—«Спб. Вѣдом.» 1849 г., № 239.

Д. С—въ.

Фрицше, *Юлій Ѳедоровичъ* (Karl Julius Fritzsche), членъ Академіи Наукъ по каѳедрѣ химіи и натуралистъ, род. 29 октября (н. ст.) 1808 г. въ Нейштадтѣ, въ Саксоніи, ум. 8 іюня 1871 г. въ Дрезденѣ. Первоначальное образованіе получилъ дома и 14-ти лѣтъ поступилъ въ Дрезденѣ въ аптеку своего дяди, доктора Струве, гдѣ въ теченіе пяти лѣтъ изучалъ фармацію, затѣмъ отправился въ Берлинъ и тамъ $2^1/_2$ года пробылъ лаборантомъ въ аптекѣ Гельмпнга. Фармацевтическая дѣятельность подготовила Ф. къ занятію должности ассистента въ химической лабораторіи знаменитаго Берлинскаго профессора Митчерлиха, въ которой онъ состоялъ съ 1830 до средины 1832 г. Склонность Ф. къ естественнымъ наукамъ, которымъ онъ посвящалъ все свободное время, находясь еще въ аптекѣ, еще болѣе развилась подъ руководствомъ Митчерлиха. Одновременно съ поступленіемъ ассистентомъ въ химическую лабораторію онъ началъ посѣщать университетскія лекціи, а годъ спустя поступилъ въ число студентовъ Берлинскаго университета, по философскому факультету. Подъ вліяніемъ корифеевъ науки тогдашняго Берлинскаго университета Ф. вступилъ на почву самостоятельной научной дѣятельности и уже черезъ годъ издалъ свое первое изслѣдованіе въ области ботаники: «Beitrag zur Kenntniss der Pollen», а въ 1833 г. представилъ диссертацію: «De plantarum polline» и получилъ степень доктора философіи. Въ его дальнѣйшихъ трудахъ замѣчается постепенный переходъ отъ ботаники къ химіи, и главнымъ образомъ къ химіи органической. Его научныя изслѣдованія, вышедшія въ 1833 и 1834 гг., носятъ уже переходный характеръ; таковы наблюденія надъ «цвѣтнемъ и поллениномъ» и капитальный трудъ «О крахмалѣ»; а слѣдующій его трудъ: «О соединеніи хлористаго кальція съ уксусно-кислой и щавелево-кислой известью» принадлежитъ уже цѣликомъ къ области химіи. Переселившись въ 1834 г. въ Россію, онъ печаталъ свои труды въ изданіяхъ С.-Петербургской Академіи наукъ, адъюнктомъ которой былъ избранъ 24 августа 1838 г. Шесть лѣтъ спустя онъ получилъ званіе экстраординарнаго, а въ 1852 г.—ординарнаго академика. Свою ученую дѣятельность въ Россіи, продолжавшуюся 37 лѣтъ, онъ началъ съ того, что помѣстилъ въ 1836 г. сводъ своихъ наблюденій надъ цвѣтнемъ въ «Mémoires des Savants étrangers» академіи, подъ заглавіемъ «Ueber den Pollen». Всѣхъ его ученыхъ работъ свыше 60, и огромное большинство ихъ принадлежитъ къ области органической химіи. Начавъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ съ изслѣдованія производныхъ мочевой кислоты и ангидридовъ азотистой и азотноватой кислотъ, онъ перешелъ къ изученію производныхъ индиго. Въ продолженіе сороковыхъ годовъ онъ изслѣдовалъ алкалоиды, заключающіеся въ южнорусскомъ степномъ растеніи, названномъ степной рутой (peganum harmala), и открылъ въ сѣмянахъ его два алкалоида: гармалинъ и гарминъ. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ трудился надъ изслѣдованіемъ углеводородовъ. Изъ ряда открытій, сдѣланныхъ Ф., наиболѣе любопытны слѣдующія: выясненіе природы мурексида, представляющаго амміачную соль неизвѣстной въ свободномъ состояніи пурпурной кислоты, обнаруженіе факта распаденія рядовой амидобензойной и антраниловой кислоты на анилинъ и угольную кислоту, открытіе изомеріи мононитрофеноловъ и др. Помимо чисто научныхъ занятій Ф. привлекался также, въ качествѣ спеціалиста, къ участію въ совѣщаніяхъ административныхъ и общественныхъ учрежденій; такъ, въ сороковыхъ годахъ онъ состоялъ членомъ коммиссіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для изслѣдованія и устройства Кавказскихъ минеральныхъ

водъ, анализы которыхъ сдѣланы имъ; химикомъ при медицинскомъ департаментѣ и совѣщательнымъ членомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ 1865 г. онъ вмѣстѣ съ академикомъ Н. И. Зининымъ устроилъ при академіи обширную химическую лабораторію. Ф. состоялъ членомъ весьма многихъ ученыхъ учрежденій и обществъ, изъ коихъ первыми избрали его своимъ членомъ: германская Леопольдино-Каролинская и С.-Петербургская академіи наукъ и Московское общество испытателей природы.

«Зап. Имп. Ак. Наукъ» 1871 г., т. 20.—«Журн. русск. химич. общ.» 1872 г., т. IV, вып. 2. (Некрологъ, написанный проф. Бутлеровымъ).—П. Алексѣевъ: «Органич. химія». 2 изд., Кіевъ, 1880 (см. статьи аллоксанъ, анилинъ, мурексидъ, индиго и др.).

Л. Вейнбергъ.

Фробенъ (Frohbeen), *Леонардъ Ѳедоровичъ*, т. с., докторъ медицины, род. въ Ригѣ 21 декабря 1813 г., ум. въ С.-Петербургѣ 26 ноября 1883 г. Воспитывался въ Рижской гимназіи, въ 1832 г. поступилъ на медицинскій факультетъ Дерптскаго университета и окончилъ курсъ въ 1839 г. со степенью врача 1-го класса. Уже съ 1838 г. онъ состоялъ ординаторомъ Дерптской хирургической клиники и до конца 1839 г. былъ ассистентомъ профессора Н. И. Пирогова, съ которымъ оставался въ дружескихъ отношеніяхъ до конца жизни. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи Пироговымъ извѣстнаго хирургическаго атласа, помогая ему приготовлять нужные хирургическіе препараты и состоя редакторомъ всего изданія. Въ 1843 г. Ф., по защитѣ диссертаціи «de syphilitide», былъ удостоенъ Дерптскимъ университетомъ степени доктора медицины. Уже въ 1840 г., переселившись въ С.-Петербургъ, онъ поступилъ на службу врачемъ л.-гв. Финляндскаго полка; въ 1848 г. былъ назначенъ старшимъ врачемъ Горнаго института, въ 1864 г. старшимъ врачемъ с.-петербургской Маріинской больницы, въ 1867 г. медицинскимъ инспекторомъ учрежденій императрицы Маріи и постояннымъ членомъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, въ 1871 г. избранъ президентомъ Медико-филантропическаго комитета. Въ 1876 г. Ф. былъ командированъ съ ученою цѣлью на международную выставку въ Брюссель, въ 1880 г. съ такою же цѣлью въ Туринъ, Гамбургъ и Данцигъ.

«Album Academicum der Kais. Univers. Dorpat», 1889.—«St.-Petersb. Medicin. Wochenschr.», 1883.—Gurlt: «Biograph. Lexicon bedeut. Aerzte», Wien 1885.

Фролова-Багрѣева, *Елизавета Михайловна*, писательница, единственная дочь графа М. М. Сперанскаго, род. 5 сентября 1799 г., ум. 23 марта 1857 г.; мать ея, англичанка, рожденная Стевенсъ, умерла послѣ одиннадцатимѣсячнаго супружества, и шестинедѣльный ребенокъ остался на попеченіи отца. Елизавета Михайловна была талантливая, высокообразованная женщина; она не обучалась ни въ одномъ учебномъ заведеніи, не было у нея учителей, а всѣми своими знаніями, любовью къ умственнымъ занятіямъ, выдержаннымъ и твердымъ характеромъ она всецѣло обязана своему отцу. Вся жизнь ея представляетъ рядъ невзгодъ и горестей, первое время связанныхъ съ непостоянною судьбою отца, а затѣмъ, по выходѣ замужъ, павшихъ на ея семейный очагъ. Въ дѣтскомъ возрастѣ она была очень слабаго сложенія, здоровье ея требовало болѣе мягкаго климата, чѣмъ петербургскій, и ее отправили въ Кіевъ къ родственникамъ матери, гдѣ Ф.-Б. и прожила нѣсколько лѣтъ. Двѣнадцатилѣтней дѣвочкой она сопровождала своего отца въ Нижній Новгородъ; въ 1816 г., когда графъ назначенъ былъ губернаторомъ въ Пензу, она оставалась въ деревнѣ. Къ этому времени относится очень интересная переписка графа съ дочерью; изъ нея видно, что дѣвушка въ деревнѣ много занималась, работала, читала, отецъ давалъ ей совѣты и требовалъ отъ нея отчетовъ въ занятіяхъ. Живя долго въ семьѣ родственниковъ-англичанъ, Ф.-Б. прекрасно овладѣла англійскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языками, а по-русски иногда выражалась неправильно; отецъ замѣчалъ это въ ея письмахъ и дѣлалъ поправки. Въ 1819 г., когда гр. Сперанскій былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Сибирь, дочь послѣдовала за нимъ, въ 1821 г. была пожалована въ статсъ-дамы къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, а 16 августа 1822 г. вышла замужъ за Александра Алексѣевича Фролова-Багрѣева, въ то время Черниговскаго гражданскаго губернатора. Въ 1824 г., когда мужъ Е-ты М-ны былъ сдѣланъ

членомъ совѣта министра финансовъ, Фроловы переѣхали на жительство къ тестю. Въ домѣ гр. Сперанскаго собиралось въ то время все лучшее общество Петербурга, и центромъ его постоянно была Ф.-Б., блиставшая живымъ умомъ и образованностью. По смерти отца въ 1839 г., Ф.-Б. путешествовала по Германіи подъ именемъ Багрѣевой-Сперанской; въ это время у ней было уже трое дѣтей. Въ 1844 г. ее постигло большое горе: старшій сынъ, Михаилъ, уже ротмистръ Астраханскаго кирасирскаго полка, въ 1-й день своего пріѣзда на Кавказъ былъ убитъ товарищемъ во время попойки; утрата сына сильно подѣйствовала на мать, и она, чтобъ утѣшиться въ своемъ несчастіи, предприняла путешествіе къ святымъ мѣстамъ, откуда вернулась въ іюнѣ 1847 г.; между тѣмъ въ 1846 г. умеръ ея мужъ, въ то время уже сенаторъ, и единственной отрадой для несчастной матери осталась дочь Марія Александровна, незадолго до отъѣзда матери въ Іерусалимъ вышедшая замужъ за князя Р. Н. Кантакузина. Результатомъ путешествія Фроловой-Багрѣевой была книга «Les pélerins russes à Jérusalem». Книга написана въ высшей степени патріотично, пересыпана поэтическими описаніями природы, мѣстами прекрасно передано благочестивое внутреннее настроеніе, добродушіе и умъ русскихъ простолюдиновъ. Возвратившись изъ путешествія на Востокъ, Ф.-Б. нѣкоторое время жила у себя въ Украинскомъ имѣніи, занималась дѣлами благотворительности и всячески заботилась объ улучшеніи положенія своихъ крестьянъ. Въ 1850 г. она поселилась въ Вѣнѣ, гдѣ такъ же, какъ въ домѣ отца въ Петербургѣ, была средоточіемъ самаго образованнаго литературнаго и артистическаго кружка.

Литературною извѣстностью въ Россіи Ф.-Б. не пользовалась; на русскомъ языкѣ ею написано только «Чтеніе для малолѣтнихъ дѣтей» (Спб. 1828), но за то большую славу она пріобрѣла въ Европѣ. Всѣ ея сочиненія, написанныя на французскомъ языкѣ, близко знакомили иностранцевъ съ Россіей; содержаніе ея разсказовъ и романовъ бралось изъ русской жизни, или въ нихъ передавались впечатлѣнія, вынесенныя авторомъ изъ своихъ путешествій. Просперъ Мериме, удивляясь ея прекрасному французскому языку, писалъ, что разсказы ея о Россіи увеличиваютъ его желаніе побывать въ этой странѣ. У Виктора Дюре въ его книгѣ «Un portrait russe, l'oeuvre et «le livre d'une femme» de M-me Bagréeff-Spéranski», гдѣ разбираются сочиненія Багрѣевой, какъ изданныя, такъ и оставшіяся въ рукописи, напечатано одно изъ самыхъ интересныхъ произведеній Фроловой-Б.; это — собраніе афоризмовъ, отрывковъ и мыслей философскаго и религіознаго содержанія, подъ общимъ названіемъ «Le livre d'une femme». Въ заключеніе надо прибавить, что Ф.-Б. сдѣлала драгоцѣнный вкладъ въ нашу Публичную библіотеку, пожертвовавъ туда всѣ рукописи отца, и написала свои воспоминанія о немъ, по просьбѣ біографа гр. Сперанскаго, барона Корфа. Полный перечень многочисленныхъ сочиненій и переводовъ Фроловой-Б., какъ изданныхъ, такъ и не напечатанныхъ, приводитъ кн. Голицынъ въ своемъ библіографическомъ словарѣ русскихъ писательницъ; здѣсь отмѣтимъ только главнѣйшія: 1) Чтеніе для малолѣтнихъ дѣтей. Спб., 1828. Позднѣе сдѣланы авторомъ переводы на нѣмецкій и французскій языки: Das Buch der Kleinen. Wien, 1855, и Le livre des petits. Vienne, 1885. 2) Le livre d'une femme, писано въ 1845—1857 гг., напечатано въ приложеніи въ книгѣ Duret. 3) Les pélerins Russes à Jérusalem. Bruxelles et Leipzig, 2 vol., 1854, 2-е изданіе ibid. 1857. 4) Les dernières heures de Sa Majesté l'Empereur Nicolas. Leipzig 1885. 5) Esquisses de moeurs russes. Le starowère et sa fille, roman (въ «Revue des deux Mondes», 1856). 6) Esquisses de moeurs Russes. Une famille toungouse. Bruxelles et Leipzig 1857. 7) La vie de château en Ukraine. Roman. Bruxelles et Leipzig 1857. 8) Les îles de la Néva à St. Pétersbourg (oeuvre posthume). Bruxelles et Leipzig 1858; съ біограф. очерк. автора. 9) Стихи ея А. П. Глинкѣ напечатаны въ «Сѣверн. пчелѣ» 1857 г., № 96.

Бар. Корфъ: «Жизнь графа Сперанскаго». Спб. 1861.—Мордовцевъ: «Русскія женщины новаго времени». Спб. 1874.— Victor Duret: «Un portrait russe, l'oeuvre et «le livre d'une femme» de M-me Bagréeff-Spéranski». Leipz. 1867.—Кн. Голицынъ: «Библіограф. словарь русскихъ писательницъ». Спб. 1889.—«Сѣверная Пчела» 1857 г., № 96.—«Библіограф. Записки», 1858 г., № 12.—«Русскій Архивъ» 1865 г.

Фроловъ - Багрѣевъ, *Александръ Алексѣевичъ*, дѣйств. т. с., сенаторъ, род. въ 1785 г., ум. 11 сент. 1845 г. въ своемъ имѣніи Локнѣ, въ Полтавской губерніи. Въ службу вступилъ 7 февраля 1797 г. юнкеромъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ; въ 1802 г. былъ причисленъ къ Берлинской миссіи, въ 1806 г. опредѣленъ, по собственному желанію, въ земское войско шестой области, къ главнокомандующему князю Прозоровскому, и занимался при немъ дѣлами ополченія. Въ 1807 г. былъ снова причисленъ къ Берлинской миссіи, съ оставленіемъ при главнокомнадующемъ Молдавской арміи, для занятій по части дипломатической; находясь при арміи во время всей задунайской кампаніи до заключенія мира съ Портой, былъ въ 1811 г. награжденъ орденомъ Владиміра 3-й степени, а въ 1812 г. произведенъ въ дѣйств. статскіе совѣтники. Въ отечественную войну находился въ 1812 г. при главнокомандующемъ западной арміи адмиралѣ Чичиговѣ и былъ употребленъ къ возстановленію гражданскаго порядка и временнаго управленія Гродненской губерніей; въ 1813 г. состоялъ при князѣ Барклаи-де-Толли, потомъ, до заключенія перваго Парижскаго мира, при австрійскомъ генералъ-фельдмаршалѣ князѣ Шварценбергѣ. По второмъ вступленіи русскихъ войскъ въ предѣлы Франціи (1815) и до заключенія второго Парижскаго трактата находился при министрѣ русской арміи, генералъ-губернаторѣ Алопеусѣ по управленію французскими департаментами, занятыми русскими войсками. По возвращеніи арміи въ Россію состоялъ при коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ 1818 г. былъ назначенъ Черниговскимъ гражданскимъ губернаторомъ, но уже въ 1824 г., по прошенію, уволенъ отъ этой должности и опредѣленъ членомъ совѣта министра финансовъ, а въ 1826 г. управляющимъ государственнымъ заемнымъ банкомъ. 21 апрѣля 1834 г. ему повелѣно присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, сперва во второмъ отдѣленіи 5-го, а съ 1840—1845 г. — во второмъ отдѣл. 3-го департамента. Ф.-Б. былъ женатъ на единственной дочери графа М. М. Сперанскаго, Елизаветѣ Михайловнѣ.

Формуляръ въ сенатскомъ архивѣ, за № 488. — Архивъ Н. П. Баранова.

Фроловъ-Багрѣевъ, *Яковъ Лукичъ*, генералъ-аншефъ, сподвижникъ Семилѣтней войны. Въ 1742 г., въ чинѣ полковника, состоялъ при русскомъ посольствѣ въ Персіи, въ слѣдующемъ году временно, до возвращенія персидскаго шаха въ свои владѣнія, командовалъ войсками въ Кизлярѣ и вскорѣ затѣмъ возвратился въ Россію. 23 октября 1758 г. генералъ-поручикъ Ф.-Б. получилъ въ командованіе 1-ю дивизію дѣйствовавшей противъ Пруссіи арміи и съ нею участвовалъ въ движеніи за р. Вислу къ Эльбингу и Маріенвердеру. По отозваніи въ С.-Петербургъ гр. Фермора, въ январѣ 1759 г. принялъ командованіе надъ всею арміею, сдавъ 1-ю дивизію генералу Вильбуа. По возвращеніи главнокомандующаго, Ф.-Б. остался при арміи въ должности начальника 2-й дивизіи и находился въ крѣпости Торнѣ; дѣятельность его по прикрытію р. Вислы ознаменовалась установленіемъ образцоваго направленія службы на постахъ, выработаннаго имъ еще въ началѣ кампаніи 1759 г. Разстроенное здоровье и преклонный возрастъ побудили однако Фролова-Багрѣева покинуть дѣйствующую армію, и 5 іюня онъ былъ назначенъ къ присутствованію въ военной коллегіи, а вскорѣ затѣмъ уволенъ въ отставку.

П. Барановъ: «Опись арх. Прав. Сената», №№ 8864, 9005, 11413, 11601 и 12140. — Д. Масловскій: «Рус. армія въ семил. войну», вып. I, стр. 336, 349, 379, 383, 398, 402, 419; вып. III, стр. 15, 77, 162, 184.

Фроловъ, *Илья Степановичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, сенаторъ, род. 20 іюля 1808 г., ум. 17 августа 1879 г. По окончаніи курса съ золотою медалью въ пансіонѣ Царскосельскаго лицея, Ф. 7 января 1826 г. поступилъ на службу прапорщикомъ въ гвардейскій генеральный штабъ. Съ началомъ турецкой войны 1828 г. онъ съ войсками гвардейскаго корпуса перешелъ Дунай, далѣе слѣдовалъ до крѣп. Варны, гдѣ участвовалъ при ея осадѣ и взятіи, и 30 сентября командированъ къ отряду ген.-м. Полешко для преслѣдованія турецкаго корпуса паши Омеръ Вріоне. По возвращеніи изъ кампаніи, Ф. въ 1829 г. состоялъ при ген.-м. Бергманѣ для устройства предохранительнаго кордона противъ чумы, открывшейся въ окрестностяхъ Одессы, а въ апрѣлѣ 1830 г. былъ назна-

ченъ въ составъ Калишскаго отряда и съ нимъ выступилъ въ походъ противъ польскихъ мятежниковъ. 8 апрѣля 1831 г. Ф. назначенъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 2 гвардейской пѣхотной дивизіи. Поступивъ вслѣдъ затѣмъ въ отрядъ ген.-адъютанта Бистрома, составлявшій арріергардъ гвардейскаго корпуса, при отступленіи послѣдняго, участвовалъ въ дѣлахъ при м. Соколовѣ и Якацѣ, при с. Рудкѣ и при переправѣ черезъ р. Наревъ, при переходѣ же гвардейскаго корпуса въ наступленіе, находился въ сраженіи при г. Остроленкѣ и при штурмѣ и взятіи укрѣпленій Варшавы. За отличіе въ дѣлахъ польской кампаніи былъ награжденъ орденами св. Анны 3 ст. съ бантомъ и св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ же, а въ 1832 г., по возвращеніи въ Россію, назначенъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 2-й легкой гвардейской кавалерійской дивизіи и вскорѣ затѣмъ опредѣленъ на должность адъюнктъ-профессора тактики въ Императорской военной академіи. Въ 1837 г. Ф. былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ, а въ 1839 г. назначенъ, съ производствомъ въ полковники, оберъ-квартирмейстеромъ гвардейскаго резервнаго кавалерійскаго корпуса и утвержденъ въ слѣдующемъ году въ должности профессора тактики при академіи. Въ 1842 г. Ф. назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, въ слѣдующемъ году — начальникомъ штаба 3-го пѣхотнаго корпуса и 6 декабря 1847 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1849 г. Ф. съ штабомъ 3-го пѣхотнаго корпуса выступилъ въ Венгрію для участія въ войнѣ противъ венгерскихъ мятежниковъ. По соединеніи корпуса съ главными силами, Ф. 5 іюля участвовалъ въ генеральномъ сраженіи у города Вайцена и при занятіи его, а 21 іюля въ сраженіи подъ Дебречиномъ. Въ послѣднемъ Ф. подъ жестокимъ артиллерійскимъ огнемъ непріятельскихъ батарей велъ лично атаку кавалерійскаго полка на пѣхотное каре, увѣнчавшуюся блестящимъ успѣхомъ. Съ 26 по 31 іюля онъ находился въ дѣлахъ при преслѣдованіи арміи Гергея до м. Кашъ-Іено, откуда былъ отправленъ въ непріятельскую главную квартиру, въ м. Вилагашъ, для переговоровъ съ Гергеемъ о сложеніи мятежниками оружія. По возвращеніи въ Россію, Ф. былъ 19 мая 1850 г. назначенъ въ свиту Его Императорскаго Величества; въ 1854 г. выступилъ на театръ военныхъ дѣйствій противъ Турціи, гдѣ находился въ дѣлахъ при осадѣ кр. Силистріи и въ томъ-же году, 11 апрѣля, пожалованъ въ генералъ-адъютанты. Въ 1855 г. Ф. былъ назначенъ состоять при главнокомандующемъ средней и западной арміей въ должности квартирмейстера, 26 августа слѣдующаго года произведенъ въ генералъ-лейтенанты, въ 1861 г. опредѣленъ на должность члена Виленской коммиссіи по крестьянскому дѣлу, послѣ чего въ началѣ 1863 г. назначенъ помощникомъ командующаго войсками Виленскаго военнаго округа, а 1 января 1864 г. зачисленъ въ списки генеральнаго штаба съ назначеніемъ состоять при особѣ Его Императорскаго Величества. Въ томъ-же году, 18 января, Фролову повелѣно было присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, сначала въ межевомъ департаментѣ, а затѣмъ въ департаментѣ герольдіи. 30 августа 1869 г. онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи.

Выписка изъ формул., хранящ. въ Прав. Сенатѣ. — «Спис. лицъ Свиты Ихъ Величествъ», гр. Милорадовича. Кіевъ, 1886. *Д. С—въ.*

Фроловъ, *Кириллъ Ѳедоровичъ*, граверъ на мѣди, род. въ 1748 г., ум. 18 ноября 1810 г. въ С.-Петербургѣ. Ученикъ извѣстнаго Махаева по гравировкѣ ландкартъ, онъ служилъ при Академіи Наукъ, а потомъ при депо картъ (1806), по службѣ въ которомъ достигъ 9-го класса. Изъ сыновей его двое были также граверами при Военно-топографическомъ депо: 1) *Николай* (род. въ 1795 г.), служившій съ 1826 г. въ вѣдомствѣ путей сообщенія и гравировавшій, между прочимъ, чертежи и карты для изданій: «Чертежи всѣмъ полковымъ и батарейнымъ орудіямъ» (1805), «Путешествіе Палласа» (1809), «Гидрографическій атласъ Россійской Имперіи» (1832), «Древности Босфора Киммерійскаго» (1840), и 2) *Семенъ*, достигшій въ 1830 г. тоже 9-го класса и вырѣзавшій заголовокъ къ «Медалямъ» гр. О. П. Толстого, гравированнымъ Н. И. Уткинымъ.

Рукописи. матер. П. Н. Петрова. — Д. Ровинскій: «Подробн. словарь русск. граверовъ», 1895, т. II. *Н. С.*

Фроловъ, *Кузьма Дмитріевичъ*, берггауптманъ 6 класса, род. въ 1733 г. въ Полевскомъ заводѣ (на Уралѣ), ум. въ 1799 г. Учился Ф. въ Екатеринбургскомъ училищѣ, гдѣ пріобрѣлъ лишь свѣдѣнія изъ русскаго языка и начальной математики. Службу началъ въ 1744 г. въ качествѣ «горнаго ученика» на Березовскихъ золотыхъ пріискахъ близъ Екатеринбурга. Отсюда онъ въ 1757 г., уже въ качествѣ штейгера, былъ посланъ на Воицкій рудникъ, въ Олонецкой губерніи, для установленія правильныхъ горныхъ работъ и промывки золота, а затѣмъ ѣздилъ въ Лапландію для осмотра тамошнихъ золотыхъ рудниковъ и открытія новыхъ рудъ. Возвратясь въ Березовскій рудникъ, Ф. дѣятельно принялся за усовершенствованіе промывки золота и въ 1760 г. изобрѣлъ особую золотопромывальную машину, работа на которой требовала втрое меньше рабочихъ и давала до 3400 р. сбереженія въ годъ; въ награду за это изобрѣтеніе Ф. былъ назначенъ бергмейстеромъ всѣхъ Екатеринбургскихъ золотыхъ промысловъ. Съ цѣлью открытія новыхъ золотоносныхъ жилъ и осушенія всѣхъ работъ Ф. проектировалъ провести въ Березовскомъ рудникѣ, въ крестъ простиранія породъ, штольню длиною до 2 верстъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы уменьшить сносъ золота при промывкѣ, онъ предложилъ пережигать кварцъ, содержащій въ себѣ тонкое листовое золото, которое при этомъ процессѣ сплавлялось бы въ зерна и не увлекалось затѣмъ водою. Эти мѣры не получили осуществленія, такъ какъ Ф., по требованію начальника Колывано-Воскресенскихъ (Алтайскихъ) заводовъ А. И. Порошина, въ 1762 г. былъ переведенъ на эти заводы для установленія здѣсь золотопромывальныхъ устройствъ. Въ 1763 г., вслѣдствіе представленія берггъ-коллегіи, находившей присутствій Фролова въ Екатеринбургѣ необходимымъ, Сенатъ далъ предписаніе вернуть Фролова съ Алтая на Уралъ. Но въ томъ же году императрица повелѣла послать изъ Сената указъ въ берггъ-коллегію, «чтобъ оная затрудненія о Фроловѣ не дѣлала и оставила бы на Колыванскихъ заводахъ». Съ этого времени Ф. до конца жизни служилъ на Алтаѣ. Въ 1767 г. Ф. былъ утвержденъ въ офицерскомъ чинѣ шихтмейстера, причемъ въ Высочайшемъ объ этомъ указѣ названъ «отличными талантами подобнымъ Ползунову» (см. Ползуновъ), сверхъ того, за усовершенствованіе толчейныхъ устройствъ въ золотопромывальняхъ Змѣиногорской и Нижнекорбалихинской, ему дана была денежная награда. Назначенный въ 1781 г. управляющимъ рудниками Змѣиногорскаго края, онъ обратилъ вниманіе на огромную затрату денегъ и людского труда на отливъ воды изъ рудниковъ, затруднявшій развитіе выработокъ. Это обстоятельство побудило Фролова соорудить въ 1783 г. въ Змѣиногорскомъ рудникѣ, въ неглубокой подземной выработкѣ, такъ наз. Екатерининское водяное наливное колесо (7 саж. въ діаметрѣ), приводимое въ движеніе водою изъ пруда, которое помощью двухъ рядовъ насосовъ производило отливъ воды изъ рудника. Въ 1875 г. пріѣхалъ на Колывано-Воскресенскіе заводы членъ кабинета Его Величества П. А. Соймоновъ. Ф. представилъ ему проектъ второго подземнаго водоотливнаго колеса (Вознесенскаго) въ томъ же рудникѣ и двухъ водяныхъ колесъ, долженствовавшихъ замѣнить собою конную силу при подъемѣ рудъ. Проектъ былъ утвержденъ и въ слѣдующемъ году приведенъ въ исполненіе, для чего понадобилось увеличить плотиною объемъ пруда, провести изъ него воду на колеса подземнымъ ходомъ, устроить длинную подземную галлерею для провода отработанной воды съ одного колеса на другое и, наконецъ, провести штольню (длиною въ 1 версту), которая отводила бы какъ всю воду отработанную, такъ и отлитую изъ рудника. Всѣ эти сооруженія и ихъ сочетаніе обнаруживаютъ въ Фроловѣ недюжинныя способности къ механикѣ, развить которыя ему пришлось совершенно самостоятельно, такъ какъ школа, какъ мы видѣли, не дала Фролову въ этомъ отношеніи никакой подготовки. Придуманныя имъ сооруженія дали возможность производить добычу рудъ въ частяхъ рудника, уже затопленныхъ водою, и были впослѣдствіи введены на нѣкоторыхъ другихъ рудникахъ округа. Ф. получилъ въ награду орденъ св. Владиміра 4 ст. Кромѣ улучшенія водоотлива и подъема рудъ Ф. изобрѣлъ и построилъ въ Змѣиногорскомъ и Семеновскомъ рудникахъ (на первомъ шесть, на второмъ

двѣ) толчейныя и промывальныя фабрики для извлеченія золота изъ рудъ, приводимыя въ дѣйствіе водою. При одной изъ Змѣиногорскихъ фабрикъ имъ устроены были вододѣйствующіе часы, отличавшіеся очень вѣрнымъ ходомъ. Не мало потрудился Ф. на Змѣиногорскомъ рудникѣ также надъ улучшеніемъ разборки рудъ, введеніемъ каменнаго крѣпленія, вмѣсто деревяннаго, устройствомъ правильнаго схода въ рудникъ и улучшеніемъ подъема рудъ. Въ 1798 г., одряхлѣвшій и почти ослѣпшій Ф. сталъ проситься въ отставку; онъ былъ освобожденъ отъ всякихъ обязанностей, но оставленъ на службѣ, съ сохраненіемъ жалованья и казенной квартиры, «въ чаяніи томъ, что онъ, Фроловъ, при случившихся по заводамъ въ установленіи машинъ или чего другого, соотвѣтственное его званію, колико силъ его будетъ, требуемое выполнить не оставитъ». Скончался Ф. въ Барнаулѣ, куда онъ, не желая оставаться бездѣятельнымъ, пріѣхалъ для участія въ Горномъ совѣтѣ. Ф. отличался кротостью и простотою; увлекаясь своимъ дѣломъ, онъ нерѣдко останавливался на улицѣ и чертилъ палкою по землѣ планы задуманныхъ имъ устройствъ. Трое сыновей его воспитывались на казенный счетъ въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ и служили затѣмъ на Уралѣ и Алтаѣ.

Біографич. очеркъ К. Д. Фролова составилъ А. Карнинскій («Горн. Журн.» 1827 г., № 7). — Голубевъ: «Алтай». Томскъ, 1890, стр. 371.—Кулибинъ: «Описаніе Колывано-Воскресенскихъ заводовъ» («Горн. Журн.» 1836 г., № 5).

С. Кулибинъ.

Фроловъ, *Николай Григорьевичъ*, род. въ концѣ 1812 г., ум. въ своемъ имѣніи, Черниговской губерніи, 15 янв. 1855 г. Сынъ убитаго подъ Полоцкомъ генерала, Ф. въ 1819 г. былъ принятъ въ Пажескій корпусъ, откуда въ 1830 г. выпущенъ прапорщикомъ л.-гв. въ Семеновскій полкъ; но уже въ 1834 г., чувствуя влеченіе къ научнымъ занятіямъ, вышелъ въ отставку и отправился въ Дерптскій (нынѣ Юрьевскій) университетъ, а оттуда въ Германію. Посѣтивъ нѣсколько университетовъ, Ф. въ 1837 г. поселился въ Берлинѣ и слушалъ курсы исторіи, философіи и естественно-историческихъ наукъ. Увлекательныя лекціи знаменитаго географа Риттера имѣли рѣшающее значеніе для дальнѣйшихъ занятій Фролова. Вернувшись въ 1847 г. въ Россію, Ф. рѣшилъ посвятить себя распространенію точныхъ свѣдѣній по тогда еще совершенно новой наукѣ сравнительнаго землевѣдѣнія. Въ 1852 г. онъ началъ издавать журналъ «Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій», котораго при жизни Фролова вышло три тома. Имъ же сдѣланъ переводъ Гумбольдтова «Космоса» и снабженъ пояснительными примѣчаніями и дополненіями. Кромѣ того, онъ помѣстилъ въ журналѣ «Современникъ» нѣсколько главъ изъ предполагавшагося обширнаго сочиненія о первыхъ путешествіяхъ Гумбольдта, но этотъ трудъ остался неоконченнымъ.

«Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій», т. IV, ч. I, Москва, 1855 (статья Граповскаго). — Отчетъ Имп. Русск. географ. общ. за 1854 г. — «Вѣстн. естеств. наукъ» 1855 г., № 4.

Фроловъ, *Петръ Александровичъ*, писатель, род. въ 1828 г., ум. 29 марта 1867 г. По окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ Ф. поступилъ на службу въ канцелярію общей думы, по отдѣленію ремесленнаго сословія. Впослѣдствіи онъ былъ гласнымъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ редактировалъ «Извѣстія С.-Петербургской городской общей думы», кромѣ того состоялъ членомъ театральнаго комитета для разбора пьесъ и занимался въ коммисіяхъ при статистическомъ комитетѣ. Литературная дѣятельность Фролова началась съ 1849 г., когда онъ напечаталъ нѣсколько повѣстей въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Въ этой газетѣ онъ сотрудничалъ долгое время (съ 1852 по 1863 г.) и въ то же время, въ теченіе 14 лѣтъ, состоялъ постояннымъ сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ велъ отдѣлъ современной хроники. Позднѣе онъ сотрудничалъ въ газетѣ «Голосъ» и въ «Русскомъ Инвалидѣ» и съ 1862 г. до самой смерти редактировалъ журналъ «Русскій Ремесленникъ». Во всѣхъ этихъ изданіяхъ Ф. помѣстилъ множество анонимныхъ статей серьезнаго и легкаго содержанія, не блиставшихъ выдающимся талантомъ, но отличавшихся умомъ, знаніемъ, благородствомъ и душевной теплотой. Отличаясь большою скромностью, Ф. никогда не подписывалъ своего имени ни подъ статьями, ни подъ отдѣльными сочиненіями и поэтому пользовался извѣстностью только

въ небольшомъ литературномъ кругу, въ которомъ его цѣнили, какъ писателя, и очень уважали, какъ человѣка. Изъ беллетристическихъ произведеній Фролова въ свое время обратили на себя вниманіе повѣсти «Желѣзная маска» и «Тайна», напечатанныя въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», разсказъ «Раекъ» и повѣсть «Сумерки», помѣщенные въ «Отечественныхъ Запискахъ». Ф. писалъ также и для театра, перевелъ нѣсколько пьесъ и издавалъ въ 1858 г., вмѣстѣ съ Вильде, «Драматическій сборникъ»; его небольшая пьеса «Маленькія ласки» и комедія «Быть или не быть» имѣли успѣхъ; послѣдняя поставлена была въ бенефисъ Каратыгина, незадолго до смерти автора.

«Голосъ» 1867 г., № 89.—«Русскій Ремесленникъ» 1867 г., № 4.—«С.-Петербургскія Вѣд.» 1867 г., № 93.

Фроловъ, *Петръ Кузьмичъ,* сынъ Кузьмы Дмитріевича Фролова (см. выше), сенаторъ, начальникъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ и Томскій гражданскій губернаторъ, род. 16 янв. 1775 г., ум. 10 дек. 1839 г. Ф. окончилъ курсъ наукъ въ С.-Петербургскомъ горномъ училищѣ въ 1793 г. и поступилъ въ чинѣ шихтмейстера на Колывано-Воскресенскіе (Алтайскіе) заводы, гдѣ первые годы служилъ на рудникахъ Змѣиногорскомъ, а затѣмъ на Гольцовскомъ, Семеновскомъ, Лазурскомъ и № 8 «по маркшейдерской должности и завѣдыванію лѣсовъ». Въ 1797 г. Ф. переведенъ былъ на Сузунскій мѣдиплавильный заводъ для завѣдыванія припасами, а въ 1798 г. ему поручено было отправиться въ Нерчинскій заводъ для наблюденія за поставкой оттуда свинца на Алтайскіе заводы. По возвращеніи изъ Нерчинска (1801), Ф. занялъ мѣсто маркшейдера при Барнаульской чертежной, а затѣмъ форстмейстера. Этотъ періодъ его дѣятельности характеризуется, между прочимъ, постройкою перваго въ Россіи рельсоваго (чугуннаго) пути (1806—1810) съ Змѣиногорскаго рудника на Змѣевскій заводъ ($1^1/_2$ версты длиною) для доставки рудъ на послѣдній. Кромѣ того онъ занимался осмотромъ рѣкъ Чарыша, Алея и др. въ виду предполагавшагося на нихъ судоходства, продолжая состоять при Барнаульской чертежной и инспекторомъ горнаго училища. Въ 1808 г. Ф. завѣдывалъ постройкой судовъ и опытнымъ сплавомъ на нихъ рудъ въ Барнаулъ по рѣкамъ Алею и Оби. Неоднократно за эти года Ф. сопровождалъ въ Петербургъ караваны Алтайскаго серебра. Переведенный въ 1811 г. въ Петербургъ, Ф. сдѣланъ былъ начальникомъ чертежной департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ. При этомъ онъ исполнялъ различныя техническія порученія, такъ, наприм., въ 1812 г. ему поручено было осмотрѣть мѣстность близъ устья р. Камы и составить соображенія относительно постройки здѣсь соляныхъ магазиновъ; въ 1812 и 1813 гг. онъ изслѣдовалъ вопросъ о сравнительномъ удобствѣ доставки съ озера Эльтона соли на Волгу помощью канала или «чугунной дороги» и составилъ первый проектъ такой солевозной дороги, который однако осуществленъ не былъ. Здѣсь же онъ изучалъ состояніе возчиковъ и ломщиковъ соли и, совмѣстно съ астраханскимъ губернаторомъ, представилъ свои соображенія относительно сравненія ихъ въ правахъ съ казенными крестьянами, передъ которыми первые пользовались нѣкоторыми преимуществами. Въ 1814 г. Ф. былъ на Старорусскомъ солеваренномъ заводѣ для изысканія средствъ къ возстановленію его, а въ 1815 г.—на Бѣлорѣцкихъ заводахъ Пашкова для изслѣдованія причинъ ропота крестьянъ на заводчика. Въ 1817 г. Ф. получаетъ назначеніе начальникомъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, а съ 1822 г., при соединеніи послѣдней должности съ званіемъ томскаго гражданскаго губернатора, въ его рукахъ сосредоточивается и гражданское управленіе этой губерніи. Въ первое время своего завѣдыванія Алтайскими заводами Ф., кромѣ своего прямого дѣла, производилъ еще ревизію Уральскихъ заводовъ. Дѣятельность Фролова на Алтаѣ была направлена не столько на развитіе горнаго дѣла, сколько на административно-хозяйственную часть округа, въ сферѣ которой при его содѣйствіи были изданы весьма существенныя мѣропріятія. Изъ реформъ въ горномъ дѣлѣ можно упомянуть введеніе на Гурьевскомъ заводѣ (1819) доменнаго и желѣзнаго производствъ, прекращеніе плавки серебра въ Сузунскомъ заводѣ, который остался только мѣдиплавильнымъ, и увеличеніе съ 1827 г. чеканки монеты съ 250 тысячъ р. до 350 тысячъ ежегодно; выплавка свинца

при Фроловѣ была увеличена настолько, что съ 1824 по 1830 г. не требовалось доставленія этого металла изъ Нерчинскаго завода. Изъ мѣръ же административныхъ обращаетъ на себя вниманіе выдѣленіе (Высочайшимъ указомъ 22 іюня 1822 г.) управленія приписными крестьянами изъ вѣдѣнія горнаго начальства и передача его особымъ десяти управителямъ, по числу отдѣленій, на которыя были раздѣлены всѣ волости приписныхъ крестьянъ; управители же, хотя и назначались горнымъ начальствомъ, но являлись отвѣтственными уже передъ земскимъ судомъ, членами котораго они состояли; а такъ какъ земскій судъ находился въ вѣдѣніи гражданскаго управленія, то реформа эта давала приписнымъ крестьянамъ нѣкоторую возможность обжалованія дѣйствій горнаго начальства. Впрочемъ, въ заводскихъ повинностяхъ и въ хозяйственномъ ихъ управленіи крестьяне по прежнему состояли въ вѣдомствѣ заводскаго начальства, но раскладка работъ на приписныхъ крестьянъ была при Фроловѣ гораздо льготнѣе, чѣмъ до и послѣ него.

Ф., судя по воспоминаніямъ о немъ старожиловъ, былъ характера довольно крутого и начальникомъ очень строгимъ, но справедливымъ. Наѣзды его на заводы и рудники были всегда совершенно внезапны, и у подчиненныхъ его сложилась поговорка: «не боюсь ни огня, ни меча, а Петра Кузьмича». Извѣстный путешественникъ Ледебуръ ставитъ въ заслугу Фролову, что онъ своимъ образованіемъ и любовью къ искусствамъ далъ жизни и вкусамъ барнаульскаго общества совершенно иное направленіе, и самая жизнь въ Барнаулѣ получила даже нѣкоторый блескъ. Самъ Ф., любитель всего изящнаго, обладалъ недурною картинною галлереей и большой коллекціей азіатскихъ рукописей, древностей, художественныхъ предметовъ и т. п. Изъ числа солдатъ горнаго баталіона онъ образовалъ оркестръ, а также хоръ изъ кантонистовъ. Въ Барнаулѣ Ф. учредилъ горнозаводскій, естественно-историческій, этнографическій и археологическій музей округа.

Закономъ 22 іюня 1822 г. впервые точно были опредѣлены географическія границы вѣдомства Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, 16 апрѣля 1828 г. Высочайше утверждено учрежденіе объ управленіи сихъ заводовъ и положеніе о мастеровыхъ и приписныхъ къ заводамъ крестьянахъ; въ силу этого положенія мастеровые стали получать безплатный провіантъ.

Въ 1830 г. Алтайскіе заводы перешли (на время) въ вѣдѣніе министра финансовъ, а Ф., въ чинѣ оберъ-берггауптмана 4 класса, вышелъ въ отставку; въ слѣдующемъ году однако вновь поступилъ на службу съ производствомъ при этомъ въ тайные совѣтники и съ назначеніемъ сенаторомъ. Вслѣдствіе ревизіи и личнаго объѣзда нѣкоторыхъ губерній генераломъ П. Д. Киселевымъ (впослѣдствіи министромъ государственныхъ имуществъ и графомъ), а также болѣе близкаго ознакомленія его съ неудовлетворительною дѣятельностью департамента государственныхъ имуществъ, указомъ 7 января 1837 г. было упразднено званіе директора этого департамента; управленіе же имъ, съ совершеннымъ отдѣленіемъ отъ министерства финансовъ, поручено было временному совѣту съ отвѣтственностью и властью директора департамента и министра. Членомъ этого совѣта назначенъ былъ Ф. вмѣстѣ съ сенаторами Княжнинымъ, Кочубеемъ и кн. Голицынымъ. При открытіи 9 января 1837 г. означеннаго совѣта, ему передано было 15000 рѣшенныхъ и не рѣшенныхъ дѣлъ. Почти одновременно съ этимъ Фролову поручено было предсѣдательствованіе въ коммиссіи при департаментѣ государственныхъ имуществъ по выясненію дѣлъ о конфискованныхъ имѣніяхъ; по учрежденіи же 26-го декабря 1837 г. особаго министерства государственныхъ имуществъ, Ф. назначенъ былъ членомъ совѣта новаго министерства, дѣятельностью котораго первое время, какъ извѣстно, руководилъ лично императоръ Николай I. Одновременно съ этимъ Ф. состоялъ членомъ особаго присутствія при 1-мъ департаментѣ Сената для разсмотрѣнія проекта откупныхъ условій, а въ 1838 г.,—предсѣдателемъ коммиссіи для устройства управленія государственными имуществами въ западныхъ губерніяхъ; съ 1839—1843 г. Ф. былъ членомъ присутствія Сената по производству торговъ на питейные откупа.

Формуляръ за № 2222 въ сенатскомъ архивѣ.—«Очеркъ 50-лѣтней дѣятельности министерства го-

сударственныхъ имуществъ». Спб., 1887.—Голубевъ: «Алтай». Томскъ, 1890, стр. 375.—Зобнинъ: «Приписные крестьяне на Алтаѣ» («Алтайскій сборникъ». Томскъ, 1894).—Ledebur: «Reise durch das Altai-Gebirge». Berl., 1829, I, стр. 44, 369, 373 и 388.—Саитовъ: «Петербургскій Некрополь».—Спасскій: «Горный словарь». М. 1841—43, ч. I, стр. 120.

С. Кулибинъ.

Фромманъ, *Георгій-Карлъ-Людвигъ*, докторъ богословія, вице-президентъ С.-Петербургской еванг.-лютеранской консисторіи, род. въ Унтеръ-Лаутерѣ, близъ Кобурга, 28 марта (9 апр.) 1809 г., ум. въ Іенѣ 23 нояб. (5 дек.) 1879 г.; съ 1828—1830 г. изучалъ филологію и богословіе въ Іенскомъ университетѣ, затѣмъ до 1831 г.—богословіе въ Боннѣ и Берлинѣ. Удостоенный въ 1833 г. степеней доктора философіи и кандидата богословія, Ф. въ томъ же году былъ назначенъ приватдоцентомъ, а въ 1837 г. экстраорд. профессоромъ богословія въ Іенскомъ университетѣ; въ 1839 г. Ростокскимъ университетомъ возведенъ въ почетное званіе доктора богословія и, посвященный въ духовный санъ, 16 дек. того же года назначенъ проповѣдникомъ еванг.-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ; въ этой должности онъ оставался до октября 1865 г.; затѣмъ до 1868 г. состоялъ ордин. почетнымъ профессоромъ богословія въ Берлинскомъ университетѣ. Высочайшимъ приказомъ отъ 12 іюля 1868 г. назначенъ генералъ-суперинтендентомъ и вице-президентомъ С.-Петербургской еванг.-лют. консисторіи; по увольненіи, согласно прошенію, отъ этихъ должностей, Ф. въ 1877 г. переселился въ Іену, гдѣ вскорѣ и умеръ. Во время своего пребыванія въ Россіи Ф., кромѣ занятій по должности, принималъ дѣятельное участіе въ работахъ различныхъ коммиссій, такъ онъ въ 1848 г. состоялъ членомъ коммиссіи для начертанія проекта новыхъ переколовъ, въ 1844 и 1854 гг.—членомъ коммиссіи для разсмотрѣнія проекта новыхъ пѣсенниковъ, съ 1841—1865 г.—членомъ главнаго комитета библейскаго общества и др. Фромману принадлежатъ слѣдующіе печатные труды: «Der Johanneische Lehrbegriff in seinem Verhältniss zur gesammten biblisch-christlichen Lehre». Leipzig, 1839;—«Zehn Predigten». Leipzig, 1841;—«Das Heil in Christo. Drei Predigten». St. Ptb., 1850;—«Das Verhältniss zwischen dem christlichen Glauben und unserer heutigen wissenschaftlichen Bildung. Drei Vorträge». St. Ptb., 1865;—«Ueber die seufzende Creatur. Röm. 8, 19—23. Exegetische Studien» (Separatabdruck aus den «Jahrbüchern für deutsche Theologie» VIII, 1), St. Ptb., 1865.

Формул. спис., хранящійся въ архивѣ Спб. еванг.-лют. консист. — «Evangel. Sonntagsblatt», 1876, №№ 47 и 48. *И. Б.*

Фростенбергъ, *Іоганнъ Карлъ*, архитекторъ изъ Дрездена, былъ нанятъ на службу въ мануфактуръ- и коммерцъ-коллегію въ Петербургѣ въ 1756 г. и построилъ, между прочимъ, на Петербургской сторонѣ, при рѣкахъ Карповкѣ и Малой Невѣ, мастерскія зданія суконной фабрики, которыя и продавалъ въ 1763 г. Онъ же или другой архитекторъ, Форстенбергъ, въ 1770 г. сдѣлался извѣстнымъ въ Москвѣ поднятіемъ колокола въ Троицкой лаврѣ и тѣмъ, что вызывался принять отколотый край къ Царь-колоколу, вѣсившему 12 тысячъ пудовъ.

Архивн. докум.—«Спб. Вѣдом.» 1763 г., №№ 3, 5, 7, 8 (объявленія). — «Моск. Вѣдом.» 1850 г., № 51, стр. 588. — Снегиревъ: «Памятн. Моск. древн.», стр. 119.—Ивановъ: «Историч. свидѣт. о большомъ колоколѣ», 9. — «Справочн. Энциклоп. словарь», XII, 10. *Н. С.*

Фрязинъ, *Иванъ*, денежный мастеръ (1469—1481), см. Джіамбаттиста делла Вольпе.

Фрязинъ, *Иванъ*, зодчій (1517—1538) въ Псковѣ, гдѣ онъ исправлялъ упавшую стѣну кремля и откуда былъ посланъ царемъ Іоанномъ Грознымъ дѣлать деревянную стѣну «на усть р. Исковы черезъ рѣку».

«Полн. собр. русск. лѣтоп.», IV, 290 и 302. *Н. С.*

Фрязинъ, *Іоаннъ Спаситель* или *Спасатель*, иконописецъ. Капланъ бѣлыхъ чернецовъ Августинскаго ордена, онъ, пріѣхавъ въ Москву въ 1490 г. вмѣстѣ съ другими мастерами, принялъ въ 1492 г. православіе и женился на русской. Есть предположеніе, что онъ расписывалъ въ греческомъ вкусѣ Успенскій соборъ, построенный Аристотелемъ Фіоравенти.

«Полн. собран. русск. лѣтоп.», VIII, 224. — «Временникъ» 1849 г., III, смѣсь, с. 10—12. *Н. С.*

Фрязины, *Алевизъ*, *Антоній* и *Петръ*, см. подъ этими имена.

Фуксъ, *Александра Андреевна*, рожденная Анохтина, писательница, оставившая не мало произведеній въ стихахъ и прозѣ, род. въ Казани, ум. тамъ же 4 февраля 1853 г. Она писала по самымъ разнообразнымъ родамъ русской словесности и подвизалась также на научномъ поприщѣ, съ большою любовью и умѣньемъ занимаясь этнографіей; страсть къ этой наукѣ развилъ въ ней ея мужъ К. Ѳ. Фуксъ (см. ниже). Мать Александры Андреевны была родная сестра казанскаго поэта Г. П. Каменева († 1801), автора баллады «Громвалъ» и другихъ романтическихъ стихотвореній, за которыя Пушкинъ назвалъ его родоначальникомъ романтизма въ нашей поэзіи. Унаслѣдовавъ литературныя традиціи своего дяди-поэта и выйдя въ 1821 г. замужъ за К. Ѳ. Фукса, извѣстнаго уже въ то время автора «Исторіи древней Казани», Ф. обратила на себя вниманіе своими сочиненіями и явилась соперницей казанскихъ поэтовъ того времени, Городчанинова и Рындовскаго. Вотъ перечень ея литературныхъ произведеній: 1) «Стихотворенія Александры Фуксъ», Казань, 1834; 2) «Основаніе города Казани». Повѣсть въ стихахъ, взятая изъ татарскихъ преданій, Казань, 1836; 3) «Она похудѣла». Комедія-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, Казань, 1837; 4) «Царевна-Несмѣяна». Народная русская сказка, переложенная въ стихи для десятилѣтняго читателя П. А. Жмакина Александрою Фуксъ, Казань, 1838; 5) «Записки Александры Фуксъ о чувашахъ и черемисахъ казанской губерніи», Казань, 1840; эта книга вызвала очень лестные отзывы со стороны О. И. Сенковскаго и В. А Сбоева; 6) «Княжна Хабиба». Повѣсть въ стихахъ, взятая изъ татарскихъ преданій, Казань, 1841; 7) «Поѣздка къ вотякамъ Казанской губерніи» («Казанск. губернск. вѣдом.» 1844 г., №№ 14, 16, 17, 19, 22, 26 и 29); 8) «А. С. Пушкинъ въ Казани» («Казанск. губ. вѣд.» 1844 г., № 2). Въ рукописи остались: «Зюлима, или Пугачевъ въ Казани», историч. романъ, и «Поѣздка изъ Казани въ Нижній-Новгородъ». Въ послѣдней статьѣ приводятся многія чрезвычайно интересныя подробности о старообрядцахъ.

«Записки Ф. Ф. Вигеля», 2-ое полн. изд. П. И. Бартенева, Москва 1892—1893, т. I.—М. Ѳ. Де-Пуле: «Огецъ и сынъ», въ «Русск. Вѣсти.», 1875, № 8.—Н. И. Второвъ: «Описаніе литературныхъ вечеровъ Фукса», въ «Казанск. губ. вѣдом.» 1844 г., № 48 и 50.—В. П. Папаевъ: «Воспоминанія», въ «Вѣсти. Евр.» 1867 г., т. III.—Некрологи въ «Казанск. губ. вѣд.» 1853 г., № 8, и въ «С.-Петербургск. вѣдом.» 1853 г., № 46.

Н. Я. Агафоновъ.

Фуксъ, *Антонъ*, писатель по математикѣ, род. въ Майнцѣ въ мартѣ 1766 г., ум. въ Ригѣ 28 марта 1812 г. Посвятивъ себя съ юныхъ лѣтъ изученію математическихъ наукъ, онъ кромѣ того занимался еще исторіей и правовѣдѣніемъ. Тридцати лѣтъ отъ роду Ф. былъ назначенъ публичнымъ нотаріусомъ въ Эденкобенѣ (въ Баваріи), но такъ какъ должность не соотвѣтствовала его наклонностямъ, то онъ нѣсколько лѣтъ спустя отправился въ Россію, гдѣ предался педагогической дѣятельности въ С.-Петербургѣ. Въ 1805 г. онъ былъ назначенъ старшимъ учителемъ мореходныхъ наукъ въ навигаціонномъ училищѣ въ Ригѣ и предварительно, для подготовки, былъ на казенный счетъ отправленъ на годъ въ Копенгагенъ. Изъ сочиненій Фукса наиболѣе извѣстны: «Versuch einer theoretischpraktischen Anschauungslehre der ersten Grundbegriffe der Grössen- und Zahlenlehre» (съ 5-ю таблицами, Митава, 1808); «Le quarré d'une quantité négative est positif; en réponse d'une pièce intitulée: «le quarré d'une quantité négative est négatif et non positif» (Рига, 1811); «Abhandlung über die Frage: wie ändern die trigonometrischen Linien nach den verschiedenen Quadraten ihre Zeichen?» (Рига, 1811).

«Livländisches Schulblt.» 1813, стр. 71.—«Allg. Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon», herausgegeben von Recke und Napierski, т. I.

Л. В.

Фуксъ, *Викторъ Яковлевичъ*, тайный совѣтникъ, род. въ 1829 г., ум. 1 января 1891 г. въ Монтре. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата въ 1852 г., поступилъ въ канцелярію сперва Костромского, а затѣмъ Московскаго губернатора. Здѣсь онъ неоднократно исполнялъ секретныя порученія по разслѣдованію раскола, главнымъ образомъ старо-поморской секты. Въ 1855 г. Ф. перешелъ въ департаментъ сельскаго хозяйства министерства государственныхъ имуществъ, а затѣмъ состоялъ переводчикомъ и дѣлопроизводителемъ ученаго комитета того же министерства. Въ 1861 г.

назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ этой должности онъ участвовалъ въ разныхъ комитетахъ и коммисіяхъ, въ пересмотрѣ цензурнаго устава, въ подготовленіи предварительныхъ соображеній о преобразованіи цензуры и въ составленіи проекта новаго устава по дѣламъ печати. Занимаясь разработкою цензурнаго устава, онъ напечаталъ въ журналѣ «Наше Время» (1862, № 112) статью «Замѣтка по поводу напечатанной въ № 32 «Дня» статьи о законодательствѣ по дѣламъ печати», вызвавшую горячій отвѣтъ И. С. Аксакова («Дѣнь», 1862, № 34). Въ 1863 г. онъ былъ назначенъ членомъ коммисіи по пересмотру проекта устава о книгопечатаніи, а въ 1865 г. членомъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Въ концѣ 60-хъ годовъ принималъ участіе въ разработкѣ основаній по устройству цензуры въ Царствѣ Польскомъ и въ 1871 г. былъ назначенъ первымъ предсѣдателемъ вновь учрежденнаго Варшавскаго цензурнаго комитета. Произведенный въ 1877 г. въ тайные совѣтники, Ф. оставилъ службу и жилъ за границею. Кромѣ нѣсколькихъ статей по вопросамъ о цензурѣ и печати, ему принадлежитъ крупное сочиненіе «Судъ и полиція».

«Новое Время» 1891 г., № 5335.—«Всемирная Иллюстрація» 1891 г., № 1148.

А. Ф.

Фуксъ, *Егоръ Борисовичъ*, писатель-историкъ, адъютантъ Суворова, род. въ 1762 г., ум. 25 марта 1829 г. въ С.-Петербургѣ. Свою служебную карьеру онъ началъ при кн. Безбородко по дипломатической части; кромѣ того, императрица Екатерина II неоднократно поручала ему вести ея личную переписку. Во время русско-австрійской кампаніи Ф. неотлучно состоялъ правителемъ дѣлъ и довѣреннымъ лицомъ при Суворовѣ, который до конца своей жизни оказывалъ ему самое дружеское расположеніе. Въ отечественную войну 1812 года Ф. находился при генералъ-фельдмаршалѣ кн. Голенищевѣ-Кутузовѣ въ должности директора военной канцеляріи и занималъ этотъ постъ до самой кончины князя. Ф. написалъ нѣсколько сочиненій преимущественно историческаго характера. Изъ нихъ приводимъ: «Исторія россійско-австрійской кампаніи 1799 года» (Спб., 1825—1830); «Исторія генералиссимуса графа Суворова-Рымникскаго» (Спб., 1811); «Анекдоты графа Суворова» (1827); «О военномъ краснорѣчіи» (1825). Въ 1827 г. вышло его «Собраніе разныхъ сочиненій». Изъ отдѣльныхъ его статей, разновременно напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы», заслуживаютъ вниманія «Предувѣдомленіе объ издаваемомъ описаніи Персидскаго похода, подъ главнымъ начальствомъ В. А. Зубова» (1810 г., ч. 54) и «Суворовъ и Тугутъ» (1810 г., ч. 51; изъ Вѣстника Европы перепечатана въ «Чтеніяхъ Имп. Общ. ист. и древн. Росс.» 1847 г., № 9). Послѣдняя статья содержитъ любопытныя подробности относительно двусмысленнаго поведенія Тугута во время войны Россіи съ Франціею.

«Московскій Телеграфъ» 1829 г., № 7.—«Русск. Инвалидъ» 1829 г., № 82.—«Сѣв. Пчела» 1829 г., № 38.—«Военн. Журналъ» 1817 г., книжка 7 (помѣщена статья Фукса «О прибытіи графа Суворова-Рымникскаго въ Италію»).

Л. В.

Фуксъ, *Карлъ Ѳедоровичъ*, профессоръ и ректоръ Казанскаго университета, род. 6 сент. 1776 г. въ Нассаускомъ городѣ Герборнѣ, ум. 24 апр. 1846 г. въ Казани. Высокопочтенная просвѣтительная дѣятельность этого многосторонне образованнаго ученаго и истиннаго друга человѣчества всецѣло принадлежитъ Казани, куда онъ заброшенъ былъ судьбою изъ Германіи. Отецъ его былъ профессоромъ богословія и ректоромъ Герборнской академіи. Дѣтство Фукса протекло при весьма благопріятныхъ условіяхъ для его умственнаго развитія, такъ какъ въ числѣ его родственниковъ было не мало ученыхъ и профессоровъ; дѣдъ, со стороны матери, Гофманъ, былъ извѣстнымъ ботаникомъ, а тетка (родная сестра его матери), по мужу Альмендингъ, славилась своею ученостью не только въ семейномъ кругу, но вообще въ Германіи. Съ юныхъ лѣтъ Ф. пристрастился къ естествознанію, въ особенности къ ботаникѣ, и къ древнеклассическимъ языкамъ и литературѣ; поэзія и музыка особенно были свойственны его натурѣ. Вѣроятно также еще въ родительскомъ домѣ Ф. изучилъ новые языки; по словамъ профессора Казанскаго университета Н. Н. Булича, знавшаго его лично, онъ, кромѣ своего роднаго нѣмецкаго языка, въ совершенствѣ владѣлъ языками

англійскимъ, французскимъ и итальянскимъ, а впослѣдствіи, по пріѣздѣ въ Казань, усвоилъ и русскій языкъ. Въ 1793 г. Ф. поступилъ студентомъ въ Герборнскую академію и въ теченіе двухъ лѣтъ слушалъ сперва общеобразовательные предметы, а затѣмъ общіе курсы по разнымъ отраслямъ естествознанія и медицины. Въ 1795 г., окончивъ курсъ академіи, Ф. поступилъ въ Гёттингенскій университетъ, славившійся въ то время профессорами по разнымъ отраслямъ знаній, въ особенности по филологіи и естествознанію. Пюттеръ, Шлёцеръ (основатель исторической критики), Гейне, Михаэлисъ, Галлеръ, Блюменбахъ, Лихтенбергъ и др. привлекали въ Гёттингенъ массу слушателей. Въ литературѣ, философіи и политикѣ года, проведенные Фуксомъ въ Герборнѣ и Гёттингенѣ, были знаменательной порой не только для всей Германіи, но и для цѣлой Европы. То было время разгара французской революціи, съ первыхъ изверженій которой прошло всего пять — шесть лѣтъ. Вся политическая и военная Германія боролась съ конвентомъ и консульствомъ во Франціи, а Германія эстетическая и ученая увлекалась художественными образами, создаваемыми гигантами тогдашней германской поэзіи—Шиллеромъ и Гёте и философскими абстракціями Канта и Фихте. Для даровитаго нѣмецкаго юноши, съ широкой домашней подготовкой, какимъ былъ Ф., всѣ эти политическія и умственныя теченія не могли пройдти безслѣдно. Но онъ, какъ два его старшіе земляка,—Гёте и Шлёцеръ,—по свойствамъ своей натуры, не увлекся революціей, а предался идеальному служенію наукѣ и искусству. Тихо протекли для него студенческіе годы въ Гёттингенѣ, вдали отъ политическихъ распрей и праздной и шумной жизни студентовъ. Кромѣ естествознанія и медицины Ф. слушалъ исторію литературы у профессора Эйхгорна, извѣстнаго своими изслѣдованіями по языкознанію и литературѣ Востока. Изъ всѣхъ профессоровъ оказалъ, повидимому, наибольшее вліяніе на развитіе, взгляды и направленіе Фукса замѣчательный ученый и писатель, профессоръ физики Лихтенбергъ, стоявшій во главѣ противниковъ обскурантизма Циммермана и мечтательности Лафатера. Окончивъ курсъ въ Гёттингенѣ въ 1797 г., Ф. въ слѣдующемъ году защитилъ въ Марбургскомъ университетѣ диссертацію на степень доктора медицины, посвященную изложенію ученыхъ трудовъ и заслугъ Андрея Цезальпинскаго (Andreas Caesalpinus), одного изъ замѣчательнѣйшихъ натуръ-философовъ эпохи возрожденія. Въ первомъ изъ пяти тезисовъ къ диссертаціи говорится о необходимости изученія медиками литературы древнихъ грековъ и римлянъ, въ виду невозможности быть хорошимъ врачемъ безъ основательнаго и широкаго общаго образованія. Ф. доказалъ потомъ на дѣлѣ, что идеалъ, внушенный ему «изученіемъ древнихъ», дѣйствительно способенъ вести врача къ совершенству, къ славѣ, къ благословеніямъ страждущаго человѣчества. Здѣсь будетъ умѣстно припомнить слова проф. Казанскаго университета Китера, сказанныя имъ при погребеніи Фукса: «Въ жилищѣ больного при первомъ звукѣ его голоса все оживало, все приходило въ восторгъ; боли уменьшались, упадшій духъ воскресалъ». Проф. Аристовъ тогда же сказалъ между прочимъ: «Самый блестящій лучъ въ ореолѣ священной памяти Карла Ѳедоровича—это его дѣятельная любовь къ ближнему. Его сердце не знало различія между людьми, и равною, неугасною любовію теплилось ко всѣмъ».

Послѣ защиты диссертаціи Ф. въ теченіе двухъ лѣтъ занимался медицинской практикой на родинѣ, а въ 1800 г. отправился въ Петербургъ и нѣсколько времени былъ тамъ полковымъ врачемъ. Такимъ образомъ 24-лѣтнему идеалисту-медику, возросшему въ интеллигентной сферѣ ученой Германіи, привелось впервые вступить на русскую почву при очень неблагопріятныхъ условіяхъ: тяжела была обязанность русскаго полкового врача при императорѣ Павлѣ I, и непросвѣщенна и дика была въ то время военная среда, куда попалъ Ф. Въ 1801 г. ему удалось предпринять путешествіе въ восточную Россію съ естественно-научными, преимущественно ботаническими цѣлями. Вернувшись въ Петербургъ, Ф. осенью 1805 г. былъ назначенъ профессоромъ естественной исторіи и ботаники въ только что открытый Казанскій университетъ; это назначеніе произошло по рекомендаціи министра народнаго просвѣщенія и попечителя Московскаго учебнаго округа М. Н.

Муравьева, находившагося въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Гёттингенскими учеными, среди которыхъ имя молодого Фукса пользовалось уже заслуженной славой. Въ декабрѣ 1806 г. Ф. прибылъ въ Казань, гдѣ нашелъ, по собственнымъ его словамъ, «почти дикарей»; грубость нравовъ, приводившая въ отчаяніе Фукса, была поразительна: на каждомъ шагу встрѣчались здѣсь злоупотребленія, притѣсненія слабыхъ, разнаго вида жестокости, даже пытки. Общество относилось равнодушно къ наукѣ и къ новорожденному университету, и Фуксу пришлось впослѣдствіи преодолѣть не мало затрудненій, чтобы выйдти побѣдителемъ изъ борьбы противъ многолѣтнихъ неустройствъ этого разсадника высшихъ знаній. Профессора-нѣмцы ѣхали въ Казань по большей части неохотно, относились къ студентамъ свысока и презрительно, читали лекціи по-нѣмецки, по-французски или по-латыни, нисколько не намѣреваясь изучить русскій языкъ, а потому естественно не могли расположить къ себѣ молодежь. Совершенно въ иномъ положеніи былъ Ф., съ любовью вступившій на профессорскую каѳедру и притомъ настолько владѣвшій русскимъ языкомъ, что въ случаѣ крайности могъ пользоваться имъ для объясненій со студентами, которые нѣсколько затруднялись первое время, пока онъ читалъ лекціи по-французски. Ф. скоро съумѣлъ возбудить въ своихъ слушателяхъ интересъ къ естественной исторіи, а когда пришла весна—«Руководство по естественной исторіи» Гёттингенскаго профессора Блюменбаха, переведенное на русскій языкъ (П. Наумовымъ и Андр. Терлевымъ, Спб. 1796), сдѣлалось положительно ихъ настольной книгой. Прогулки со студентами по полямъ для собиранія растеній и бабочекъ входили въ программу лекцій Фукса, при чемъ ботаническія коллекціи располагались по системѣ Блюменбаха, служившей основаніемъ для студенческихъ экзаменовъ. С. Т. Аксаковъ подробно и съ увлеченіемъ описываетъ въ «Семейной хроникѣ» и «Воспоминаніяхъ», какъ онъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ по университету В. И. Панаевымъ ловилъ бабочекъ и учился расправлять ихъ и сушить подъ руководствомъ Фукса. Въ 1819 г., по смерти профессора по разнымъ медицинскимъ наукамъ и перваго ректора Казанскаго университета Брауна, Фуксу была впервые поручена каѳедра патологіи, терапіи и клиники, а въ слѣдующемъ году на него же возложено чтеніе анатоміи, физіологіи и судебной медицины. Первые пятнадцать лѣтъ своей службы въ Казанскомъ университетѣ Ф. былъ только профессоромъ, а съ 1812 г. также практическимъ врачемъ, и на этомъ поприщѣ оставилъ по себѣ неизгладимую память истиннаго друга человѣчества. Участіе Фукса въ ученой администраціи начинается лишь съ 1820 г., послѣ суровой ревизіи Казанскаго университета М. Л. Магницкимъ, который вслѣдъ затѣмъ былъ назначенъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа. Съ 1820 по 1824 годъ Ф. былъ избираемъ на должность декана врачебнаго отдѣленія (теперешняго медицинскаго факультета), а затѣмъ ректора университета, въ каковой должности онъ оставался до 1827 года.

Но широкообразованная и любознательная натура Фукса не могла удовлетвориться только университетской дѣятельностью. Талантливаго ученаго влекло къ научному изученію въ различныхъ отношеніяхъ невѣдомаго, «дикаго» Казанскаго края. Съ самаго своего пріѣзда въ Казань онъ обращаетъ вниманіе на невозможное ея санитарное положеніе и кладетъ начало изученію Поволжья въ медико-топографическомъ отношеніи. Съ 1812 г. онъ начинаетъ печатать въ «Казанскихъ Извѣстіяхъ» краткія замѣтки о показаніяхъ барометра и термометра, о направленіи и свойствахъ вѣтровъ, о болѣзняхъ, господствовавшихъ въ Казани, а также и свои наблюденія о прилетѣ птицъ, о появленіи бабочекъ, растительности и т. д. Не менѣе важны въ научномъ отношеніи изслѣдованія Фукса въ областяхъ этнографіи, археологіи и исторіи Поволжья. Онъ изучаетъ религіозные обряды, праздники, обычаи и семейную жизнь татаръ и поволжскихъ инородцевъ финскаго племени, при чемъ пользуется иногда своимъ вліяніемъ въ качествѣ врача въ татарскихъ домахъ, чтобы присутствовать при такихъ обрядахъ, зрѣлище которыхъ оставалось недоступно для постороннихъ. Результаты своихъ изученій татаръ Ф. изложилъ главнымъ образомъ въ двухъ монографіяхъ: «Краткая исторія г. Казани», напечатанная въ «Казанскихъ Извѣ-

стіяхъ» 1817 г., въ №№ 67, 68 и слѣд. (есть и отдѣльные оттиски), и «Казанскіе татары въ статистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ», Казань, 1844. Эти монографіи написаны живо, читаются съ интересомъ и до сихъ поръ не утратили значенія; проф. Буличъ находилъ, что «Краткая исторія г. Казани остается лучшею, несмотря на то, что имѣла продолжателей». Въ 1821 г. Ф. женился на казанской дворянкѣ Ал. Андр. Апехтиной. Увлеченная этнографическими работами Фукса, она стала помогать ему собирать матеріалы объ инородцахъ Казанской губерніи, разъѣзжая по чувашскимъ и черемисскимъ деревнямъ. Ф. указывалъ, о чемъ слѣдовало спрашивать, на что обращать вниманіе, а самъ дополнялъ потомъ трудъ своей жены замѣтками, составленными на основаніи литературныхъ источниковъ, личныхъ наблюденій и статистическихъ матеріаловъ; такъ возникла книга «Записки о чувашахъ и черемисахъ». Ф. изслѣдовалъ также вотяковъ и мордву. Имѣя возможность наблюдать вотяковъ во время частыхъ поѣздокъ въ имѣніе тетки своей жены, онъ, вѣроятно, готовилъ о нихъ статью для печати, но, къ сожалѣнію, не успѣлъ ее написать; появились лишь письма его жены «Поѣздка къ вотякамъ Казанской губерніи». Для знакомства съ мордвою Ф. ѣздилъ въ Чистопольскій уѣздъ и напечаталъ свои замѣтки о мордвѣ въ «Журн. Мин. Вн. Дѣлъ» 1839 г. Изучая современный бытъ татаръ и записывая преданія, Ф. обращалъ вниманіе и на вещественные памятники, а потому сталъ собирать рукописи и монеты и въ короткое время пріобрѣлъ замѣчательную коллекцію древнихъ восточныхъ монетъ. Извѣстный оріенталистъ Френъ, незадолго до своего отъѣзда изъ Казани, занялся изслѣдованіемъ и приведеніемъ въ порядокъ этого собранія, которое, по его словамъ, было составлено «съ достохвальною ревностію и съ успѣхомъ необыкновенно счастливымъ». Въ 1823 г. Ф. продалъ свою нумизматическую коллекцію Казанскому университету. Въ слѣдующіе годы Ф. продолжалъ собирать рѣдкія монеты и неустанно пополнялъ минералогическую, ботаническую и зоологическую (главнымъ образомъ энтомологическую) коллекціи своего музея, какъ собственными трудами, такъ и выпиской разныхъ предметовъ изъ за границы. Въ 1823 г. Ф. совершилъ путешествіе на Уралъ; результатомъ этой поѣздки, кромѣ коллекціи минераловъ, явилось нѣсколько статей, напечатанныхъ въ «Казанскомъ Вѣстникѣ»; въ нихъ говорится о топографическихъ особенностяхъ края, его растительномъ и минеральномъ богатствѣ и организаціи Уральскаго горнаго промысла. Профессоръ Казанскаго университета Рыбушкинъ сказалъ, между прочимъ, въ рѣчи при гробѣ Фукса: «Онъ первый открылъ, что хребетъ Уральскій есть неисчерпаемое дно благородныхъ металловъ, что не достанетъ рукъ къ его разработкѣ и что богатствомъ своимъ онъ едва ли не превосходитъ Америку. Эта мысль Фукса была уже схвачена и усвоена знаменитымъ Гумбольдтомъ, но существенно принадлежитъ Фуксу». Въ обширной библіотекѣ его были почти всѣ сочиненія иностранцевъ, путешествовавшихъ по Россіи, а также много сочиненій по исторіи, топографіи и этнографіи Россіи. Ему удалось собрать значительное количество не только русскихъ и татарскихъ рукописей, но даже раскольничьихъ, благодаря близости съ раскольничьимъ начетчикомъ и разными старицами скитовъ. Приводимъ интересный отзывъ объ отношеніяхъ Фукса къ раскольникамъ одного изъ его біографовъ, ректора и профессора Казанскаго университета Н. Н. Булича: «Какъ протестанта и человѣка вообще въ высшей степени чуткаго на все, заслуживающее изученія, Фукса интересовало религіозное состояніе народа, посреди котораго онъ жилъ и дѣйствовалъ; многочисленные казанскіе раскольники не могли уйти отъ его просвѣщеннаго вниманія. Ф. умѣлъ съ ними сближаться, совершенно по человѣчески изучалъ ихъ разномыслія въ вѣрѣ, и они были довѣрчивы къ нему. Онъ собиралъ ихъ рукописи, старопечатныя книги, не имѣя никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ ученаго любопытства. Мало того, въ тѣ темные годы, когда раскольниковъ подозрительно преслѣдовали, Ф. былъ, вѣроятно, единственнымъ въ губерніи ходатаемъ за нихъ. Пользуясь уваженіемъ властей, онъ не разъ заступался за нихъ и помогалъ имъ, даже въ ихъ кровномъ дѣлѣ. Мы знаемъ это по лежащимъ передъ нами письмамъ Фукса». Говоря о Фуксѣ, какъ историкѣ и археологѣ, слѣ-

дуетъ упомянуть о его попыткѣ спасти отъ истребленія архивъ Казанскаго губернскаго правленія, въ которомъ хранились грамоты чуть ли не временъ Іоанна Грознаго. Онъ обратился къ губернатору Б. А. Мансурову († въ Казани 16 окт. 1814 г.) за разрѣшеніемъ списать копіи съ грамотъ и актовъ, но былъ принятъ имъ очень грубо и не получилъ никакого опредѣленнаго отвѣта. Въ сентябрѣ 1815 г. въ Казани произошелъ сильный пожаръ, и хотя присутственныя мѣста сгорѣли лишь на третій день, тѣмъ не менѣе архивъ погибъ, потому что начальство не распорядилось заблаговременно вывезти его изъ крѣпости, а когда Ф. бросился въ губернское правленіе, туда невозможно уже было проникнуть.

Слава Фукса, какъ врача, особенно возросла въ 1812 г., когда въ Казани сильно распространились болѣзни, вслѣдствіе наплыва жителей среднихъ губерній, бѣжавшихъ въ Приволжскій край отъ французовъ. Несмотря на то, что Ф. былъ первой медицинской знаменитостью въ городѣ, его приглашали къ себѣ люди всѣхъ сословій и состояній и никогда не получали отказа. Проф. Буличъ говоритъ: «Душу полную любви и участія вносилъ Ф. въ жилища бѣдныхъ. При обширной своей практикѣ, при томъ всеобщемъ уваженіи, которымъ онъ пользовался за свое знаніе дѣла и дѣйствительное множество счастливыхъ случаевъ излѣченія, Ф. могъ бы нажить большое состояніе, но онъ принадлежалъ къ рѣдкимъ и въ ту пору врачамъ безкорыстнымъ, не жалѣлъ для бѣдняковъ своего времени, и ту плату, которую онъ часто неохотно бралъ съ людей зажиточныхъ, раздавалъ людямъ неимущимъ». Зная, что простолюдины относятся съ предубѣжденіемъ къ аптечнымъ медикаментамъ, онъ лѣчилъ ихъ по возможности домашними средствами и имѣлъ для этого большой запасъ лѣкарственныхъ травъ. Запасъ постоянно пополнялся приношеніями его паціентовъ-крестьянъ, выраженіе «благодарности» коихъ онъ допускалъ лишь въ видѣ сбора нужныхъ ему лѣкарственныхъ растеній. Когда въ 1816 г. открылся въ Казани мѣстный комитетъ Императорскаго человѣколюбиваго общества, Ф. былъ избранъ въ члены-попечители и обязался вносить въ кассу ежегодно по 50 р. и безплатно лѣчить всѣхъ бѣдныхъ, состоящихъ въ вѣдѣніи попечительства. Въ 1830 г., во время «первой холеры», Ф. лѣчилъ очень успѣшно и напечаталъ въ «Казанскомъ Вѣстникѣ» свои наблюденія о ходѣ болѣзни и о способахъ ея лѣченія, примѣненныхъ какъ имъ, такъ и другими врачами, о санитарныхъ мѣропріятіяхъ и обо всемъ, что могло послужить матеріаломъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій по этому вопросу.

При такой разносторонней и просвѣтительной дѣятельности неудивительно, что Ф. сталъ центральнымъ лицомъ интеллигентной Казани, казанскою знаменитостью, въ дѣйствительномъ, серьезномъ значеніи этого слова. «Онъ пользовался самою широкою популярностью среди всѣхъ классовъ общества казанскаго населенія, — говоритъ Н. Н. Буличъ, — къ нему обращались за справками и указаніями всѣ, кому нужно было узнать о Поволжьи въ какомъ либо отношеніи. Къ Фуксу первому въ Казани спѣшили иностранцы и люди заѣзжіе, несмотря на различіе ихъ цѣлей и предметовъ изученія. Къ Фуксу обращались за свѣдѣніями и указаніями и баронъ Гакстгаузенъ, изучавшій русскую сельскую общину, и Кастренъ, знакомившійся съ финскими инородцами, и Гумбольдтъ, и Пушкинъ. Почти въ каждой книжкѣ заѣзжаго въ Казань туриста, а такихъ было не мало въ годы дѣятельности Фукса, можно найдти описаніе его гостепріимнаго дома и сочувственный отзывъ о его привлекательной личности». Графъ М. М. Сперанскій, проѣздомъ черезъ Казань изъ Пензы въ Сибирь, куда онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ, посѣтилъ Фукса и оставилъ краткую, но мѣткую его характеристику: «Профессоръ одинъ, Фуксъ — чудо! — пишетъ Сперанскій въ своемъ дневникѣ. — Многообразность его познаній. Страсть и знаніе татарскихъ медалей. Знаніе его въ татарскомъ и арабскомъ языкѣ. Благочестивый и нравственный человѣкъ. Весьма дѣятеленъ. Большое его вліяніе на татаръ по медицинѣ» (бар. Корфъ, Жизнь гр. Сперанскаго, II, 190). Послѣ женитьбы Фукса домъ его сдѣлался положительно центромъ умственной жизни въ Казани. Литературные вечера, устраиваемые у него, съ удовольствіемъ посѣщались любителями просвѣщенія и высоко-

поставленными лицами и предпочитались вечерамъ съ картами и танцами въ другихъ домахъ. По дорогѣ въ Оренбургъ въ 1833 г. Пушкинъ остановился въ Казани, желая познакомиться съ Фуксомъ и разузнать отъ него о пребываніи въ Казани Пугачева. Ф. не занимался этимъ вопросомъ и могъ подѣлиться сравнительно немногимъ, но обѣщалъ собрать болѣе подробныя свѣдѣнія. Не успѣвъ исполнить этого при жизни великаго поэта, Ф. счелъ своею обязанностью сдержать данное слово и послѣ смерти его, а потому въ теченіе четырехъ лѣтъ собиралъ всѣ свѣдѣнія, рукописи и изустныя сказанія казанскихъ старожиловъ, бывшихъ очевидцами происшествій при Пугачевѣ. Собранныя свѣдѣнія послужили женѣ его матеріаломъ для большого романа «Зюлима, или Пугачевъ въ Казани», но этотъ романъ неизвѣстно какъ и куда исчезъ. Подробный разсказъ Александры Андреевны Ф. о знакомствѣ съ Пушкинымъ напечатанъ въ «Каз. губ. вѣд.» 1844 г., № 2. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ ней Пушкинъ проситъ «засвидѣтельствовать глубочайшее почтеніе Карлу Ѳеодоровичу, коего благосклонность и любезность будутъ вѣчно памятны». Въ письмѣ же къ своей женѣ изъ Казани Пушкинъ говоритъ о Фуксѣ: «умный и ученый нѣмецъ одолжилъ меня очень, и я радъ, что съ нимъ познакомился».

Въ 1842 г., вскорѣ послѣ большого пожара, начавшагося вблизи дома Фукса и сильно его взволновавшаго, съ Фуксомъ сдѣлался апоплексическій ударъ. Хотя черезъ нѣсколько времени состояніе его здоровья настолько улучшилось, что онъ могъ по прежнему посѣщать больныхъ, расположеніе духа его замѣтно измѣнилось: въ осенніе и зимніе дни на него нападала хандра, являлись «мрачныя мысли», какъ онъ самъ признавался женѣ, и только солнце, въ особенности весеннее, заставляло проясниться лицо Фукса и разгоняло его мрачныя думы. Весной 1846 г. онъ серьезно заболѣлъ и мирно скончался рано утромъ 24 апрѣля. Вѣсть о его смерти быстро разнеслась по городу, повсюду слышались сожалѣнія, благословенія, проливались искреннія слезы, всякій желалъ отдать ему послѣднюю честь, а потому неудивительно, что при погребеніи его присутствовали не только губернаторъ, все начальство университета съ попечителемъ во главѣ и учащіеся, но и громадныя толпы разнообразныхъ обитателей Казани: купцы, ремесленники и множество раскольниковъ и татаръ, шедшихъ безъ шапокъ. Ф. погребенъ въ Казани, въ лютеранскомъ отдѣленіи Арскаго кладбища.

Кромѣ уже приведенныхъ сочиненій перу Фукса принадлежатъ слѣдующія: «Prodromus florae Rossicae Cisuralensis», до 1805 г.; «Замѣтки медико-топографическія» («Каз. Изв.» 1812 г., №№ 5, 9, 14, 19 и 22); «Museum Orientale Fuchsianum», Casani, 1815—1817 (собраніе отдѣльныхъ таблицъ, литогр. въ Казани); «О болѣзняхъ горныхъ и заводскихъ работниковъ на Уральскихъ заводахъ» (на лат. яз.); перепеч. въ «Каз. Вѣстн.» 1824 г., № 1, подъ заглавіемъ «О политическомъ состояніи золотого промысла по хребту Уральскихъ горъ». Въ «Казанскомъ Вѣстникѣ» помѣщены: «Объ Уральскихъ золотосодержащихъ пескахъ»; «Уральскіе лѣса»; «О г. Екатеринбургѣ» (1824); «Поѣздка изъ Казани въ Нижегородскую губ.» (1828); «Замѣчанія о холерѣ, свирѣпствовавшей въ г. Казани въ теченіе сент. и окт. мѣсяцевъ 1830 г. (1830, апрѣль); «Путешествіе по Башкирскому Уралу» (1832 г., кн. VIII и IX); «Поѣздка изъ Казани въ Чебоксары, письма А. А. и К. Ѳ. Фуксъ», («Заволжскій Муравей» 1834 г., т. I и II); статья эта вошла впослѣдствіи въ «Записки о чувашахъ и черемисахъ»; «Сказаніе казанскаго купца Л. Ф. Крупеникова о пребываніи Пугачева въ Казани» («Каз. губ. вѣд.» 1843 г., № 51); предварительно помѣщалось въ видѣ отдѣльныхъ статей въ «Каз. Изв.» 1814—1815 гг. и въ «Заволжск. Муравьѣ» 1834 г.

Х. М. Френъ: «De Numorum Bulgharicorum fonte antiquissimo». 1815.—Его же: «Die Münzen der Chane vom Ulus Dschutschi's». St. Ptb. 1832; русскій переводъ Волкова: «Монеты хановъ улуса Джучіева». 1832.—А. А. Фуксъ: «Вечеръ на дачѣ іюля 13-го 1831 г.» («Заволжск. Муравей» 1832 г., т. II; характеристика К. Ѳ. Фукса).—«Письма хана Букеевской орды Джангира къ проф. Фуксу», съ прим. «объ учтивости киргизскаго хана» (ibid., idem).—Н. А. Скандовскій: «Воспоминанія» (Каз. губ. вѣд.» 1843 г., № 19).—Н. И. Второвъ: «Описаніе литературныхъ вечеровъ Фукса» (Ibid. 1844 г., №№ 48 и 50).—Надгробныя рѣчи, сказанныя профес. Аристовымъ, Камбекомъ, Китеромъ и Рыбушкинымъ («Заволжск. Мурав.» 1846, 21, 22).—Баронъ Гакстгаузенъ: «Изслѣдованіе народной жизни въ Россіи». 1847 (русскій переводъ Л. И. Рагозина. Спб.

1870).—С. Т. Аксаковъ: «Воспоминанія» и «Семейная Хроника», М. 1856, и «Полн. собр. соч. С. Т. Аксакова», Спб., 1886, т. I.—В. И. Панаевъ: «Воспоминанія», («Вѣстн. Евр.» 1867 г., т. III).—В. Владиміровъ: «Историч. записка о 1-й казанской гимназіи», Казань, 1867.—М. Ѳ. Де-Пуле: «Отецъ и сынъ» («Рус. Вѣст.» 1875 г., № 8).—К. В. Лавровскій и П. А. Пономаревъ: «К. Ѳ. Фуксъ и его время», («Казанск. литературн. сборникъ» 1878 г., стр. 223—538).—Н. Н. Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805—1819)», Казань, 2 тома, 1887 и 1891.—«Записки Вигеля», 2-ое полн. изд. П. И. Бартенева. Москва 1892—1893, т. I.

В. и Д. Корсаковы.

Фуллонъ, *Александръ Андреевичъ*, оберъ-берггауптманъ 4-го класса, родственникъ (быть можетъ сынъ) того Фуллона, которому, вмѣстѣ съ Баралемъ и Шанони, принадлежалъ построенный въ 1765 г. на мѣстѣ бывшаго Петровскаго завода на берегу Онежскаго озера заводъ желѣзныхъ, стальныхъ и жестяныхъ издѣлій; род. въ 1764 г., ум. 3 мая 1844 г. Въ службу вступилъ въ 1792 г. управляющимъ главною конторою для веденія счетовъ по Олонецкимъ заводамъ и черезъ 5 лѣтъ назначенъ въ комитетъ, который управлялъ этими заводами. Въ 1808 г. Фуллону поручено временно управлять С.-Петербургскимъ и Кронштадтскимъ заводами, и въ то же время онъ былъ прикомандированъ къ особому комитету при артиллерійской экспедиціи, для составленія инструкціи по пріему снарядовъ для сухопутной артиллеріи; эта инструкція 18 августа 1808 г. получила Высочайшее утвержденіе. Послѣ смерти (1818) горнаго начальника Олонецкихъ, С.-Петербургскаго и Кронштадтскаго заводовъ А. В. Армстронга, Ф. занялъ его мѣсто и оставался въ этой должности до 1833 г., но въ то же время ему приходилось исполнять и много другихъ обязанностей, такъ, напр., въ 1822 г. онъ состоялъ представителемъ горнаго вѣдомства въ военномъ министерствѣ при выработкѣ послѣднимъ положенія о пріемѣ съ горныхъ заводовъ артиллерійскихъ орудій и снарядовъ; затѣмъ, въ 1827 г., вошелъ въ составъ комитета объ устройствѣ казенныхъ горныхъ заводовъ, который составлялъ для этихъ заводовъ новые штаты и положенія, введенныя въ дѣйствіе съ 1829 г. Сверхъ того онъ принималъ участіе въ трудахъ комитета для положенія о пробѣ и способѣ выдѣлки якорей и для усовершенствованія флота (подъ предсѣдательствомъ адмир. Грейга) и коммиссіи о постройкѣ въ Петербургѣ Александровскаго литейнаго завода. Въ управленіе Фуллона Олонецкими заводами императоръ Александръ I посѣтилъ Александровскіе заводы (въ Петрозаводскѣ). Въ присутствіи государя была отлита изъ отражательныхъ печей 24-фунтовая морская пушка; другую пушку, 36-фунтовую, императоръ оковывалъ собственноручно. Въ 1825 г. былъ учрежденъ ученый комитетъ по горной и соляной части, посвящій въ то время характеръ чисто научной коллегіи, такъ что члены его не имѣли значенія должностныхъ лицъ. Ф., какъ человѣкъ, познанія котораго весьма цѣнились, былъ сдѣланъ членомъ этого комитета. Разставшись съ Олонецкими заводами, Ф. получилъ званіе члена совѣта при горномъ департаментѣ «съ обязанностью ежегодно обозрѣвать дѣйствіе Олонецкихъ заводовъ и быть по дѣламъ оныхъ въ С.-Петербургѣ ходатаемъ». Совершившееся въ 1834 г. преобразованіе всего горнаго вѣдомства сопровождалось и новою организаціею горнаго совѣта и горнаго ученаго комитета, которые пріобрѣли теперь въ упомянутомъ вѣдомствѣ значеніе самостоятельныхъ учрежденій съ опредѣленною технически-административною дѣятельностью. Членомъ обоихъ учрежденій сдѣланъ былъ и Ф., оставшійся на этомъ посту до самой своей смерти. Въ оберъ-берггауптманы 4-го класса онъ былъ произведенъ въ 1837 г. Послѣ пожара Зимняго дворца Ф. числился (1838) членомъ коммиссіи, которая завѣдывала приготовленіемъ на с.-петербургскомъ Александровскомъ литейномъ заводѣ металлическихъ издѣлій для возобновленія дворца. Въ награду за эту работу Ф. получилъ брильянтовый перстень съ вензелемъ Государя и золотую медаль въ память обновленія Зимняго дворца. Ф. извѣстенъ какъ авторъ книги «О выдѣлкѣ желѣза въ сыродутныхъ печахъ и по каталанской методѣ», Спб. 1819. Кромѣ того имъ помѣщено нѣсколько статей въ «Горномъ журналѣ» 1826, 1831 и 1844 гг.

Формуляръ въ архивѣ горнаго департ.—П. Холостовъ: «Краткій историческій очеркъ горнозаводскаго дѣла въ Олонецкомъ краѣ». Петрозаводскъ, 1874.—Полн. Собр. Зак., XX., стр. 738.

С. К.

Фуллонъ, *Иванъ Александровичъ*, горный инженеръ, ген.-м., сынъ предыдущаго, род. въ С.-Петербургѣ въ 1793 г., ум. 21 іюля 1855 г. Службу свою началъ въ 1808 г. губернскимъ регистраторомъ на Олонецкихъ заводахъ; прослуживъ затѣмъ нѣкоторое время въ канцеляріи государственнаго казначея и въ горномъ департаментѣ, онъ вновь попалъ на Олонецкіе заводы, гдѣ и занялъ должность бухгалтера главной конторы. Въ 1819 г. Ф. получилъ мѣсто управляющаго главною конторой Олонецкихъ, С.-Петербургскаго и Кронштадтскаго заводовъ, на которыхъ отецъ его былъ въ то время горнымъ начальникомъ, а въ 1825 г. былъ назначенъ коммисаромъ къ построенію Александровскаго литейнаго завода въ Петербургѣ. Опредѣленный въ 1832 г., уже въ чинѣ оберъ-бергмейстера 7 класса, совѣтникомъ главной конторы этого завода, Ф. въ томъ же году перешелъ въ морское вѣдомство и былъ назначенъ помощникомъ начальника Ижорскихъ заводовъ по хозяйственной и технической частямъ, при чемъ въ 1834 г. былъ зачисленъ въ корпусъ корабельныхъ инженеровъ. На этой должности Ф., за отъѣздомъ начальника заводовъ, неоднократно управлялъ ими и состоялъ членомъ коммисіи, образованной подъ предсѣдательствомъ контръ-адмирала Мелихова для лучшаго устройства Ижорскихъ заводовъ и для составленія правилъ къ уравнительному и единообразному довольствію мастеровыхъ этихъ заводовъ. Въ 1842 г. Ф. возвращается въ горное вѣдомство и назначается директоромъ С.-Петербургскаго литейнаго завода, одновременно состоитъ и членомъ общаго присутствія департамента военныхъ поселеній по части искусственной (съ 1843 г.). Въ награду за труды по составленію плановъ и разрѣзовъ металлическихъ устройствъ на собственномъ Его Величества дворцѣ и присмотръ за самыми устройствами Ф. получилъ брильянтовый перстень. Вслѣдствіе передачи с.-петербургскаго Александровскаго завода въ вѣдомство главнаго управленія путей сообщенія (1844) Ф. былъ зачисленъ въ члены совѣта и ученаго комитета корпуса горныхъ инженеровъ и горнаго аудиторіата, а въ 1846 г. сдѣланъ сверхъ того и членомъ мануфактурнаго совѣта. Состоя въ этихъ должностяхъ, Ф. получилъ (1849) командировку на Уралъ для осмотра въ техническомъ отношеніи тамошнихъ казенныхъ заводовъ; замѣчанія объ улучшеніи этихъ заводовъ, изложенныя въ отчетѣ его, доведенномъ до Высочайшаго свѣдѣнія, были признаны полезными; наконецъ, въ томъ же году послѣдовало его назначеніе на должность директора департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ и предсѣдателя аудиторіата. За послѣднее десятилѣтіе своей жизни Ф., помимо своихъ прямыхъ обязанностей, состоялъ членомъ комитета для разсмотрѣнія положенія объ устройствѣ фабричныхъ заведеній въ С.-Петербургѣ (съ 1848 г.) и коммисіи для изысканія средствъ къ развитію желѣзнаго производства въ Россіи (1852). Въ 1846 г. Ф. былъ произведенъ въ ген.-маіоры.

Формул. списокъ, хранящійся въ Горномъ департаментѣ. *С. К.*

Фуль—фонъ, баронъ, *Карлъ-Людвигъ-Августъ*, генералъ русской службы, род. въ Штутгартѣ въ 1757 г., ум. тамъ-же 13 апрѣля 1826 г. По окончаніи курса въ Штутгартской гимназіи, славившейся основательнымъ изученіемъ древнихъ языковъ, Ф. поступилъ на военную службу сначала въ своемъ отечествѣ, а вскорѣ затѣмъ въ Пруссіи. Фридрихъ II, цѣнившій въ Фулѣ его выдающіяся познанія и увлеченіе исторіею походовъ древнихъ временъ, въ частности походовъ Юлія Цезаря, приблизилъ его къ себѣ, и по кончинѣ короля юному теоретику пришлось участвовать при главныхъ штабахъ въ первой (1792 г.) и второй (1806 г.) бѣдственныхъ войнахъ Пруссіи съ Франціею. Въ 1806 г. Ф. былъ отправленъ съ порученіемъ въ Петербургъ и здѣсь произвелъ на императора Александра I столь выгодное впечатлѣніе, что получилъ приглашеніе перейти на русскую службу. Безпредѣльная вѣра императора въ способности и стратегическія знанія Фуля можетъ служить единственнымъ объясненіемъ факта принятія выдумки Фуля о сооруженіи извѣстнаго въ исторіи Отечественной войны Дрисскаго укрѣпленнаго лагеря, о которомъ вызванный въ главную квартиру маркизъ Паулуччи рѣшительно отвѣтилъ императору, что «этотъ лагерь придуманъ или сумасшедшимъ, или измѣнникомъ, котораго должно въ первомъ

случаѣ засадить въ домъ умалишенныхъ, а во второмъ—повѣсить». Наслуччи за столь рѣзкій отзывъ подвергся временной немилости императора, но вскорѣ и Александръ I убѣдился въ полной односторонности военныхъ дарованій своего любимца. Въ 1814 г. Ф. получилъ назначеніе посланника при Голландскомъ дворѣ и оставался тамъ до 25 апрѣля 1821 г., когда, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, былъ уволенъ отъ службы. Послѣдніе годы жизни Ф. провелъ въ Штутгартѣ, гдѣ не переставалъ перечитывать древнихъ авторовъ и заниматься составленіемъ статей, оставшихся, впрочемъ, въ рукописяхъ.

«Русск. Стар.» 1870 г., т. I, стр. 348—351.— «Рус. Инв.» 1821 г., № 478. — М Богдановичъ: «Истор. царств. Александра I». Спб. 1869, т. III, стр. 175. — «Изъ записокъ лифляндца» («Военн. Сборн.» 1865 г.). *Д. С—въ.*

Фундуклей, *Иванъ Ивановичъ*, д. т. с., членъ Государственнаго Совѣта, род. 13 ноября 1804 г., ум. въ Москвѣ 22 августа 1880 г. Сынъ коммерціи совѣтника, Ф. образованіе получилъ домашнее и уже въ 1811 г. поступилъ на службу подканцеляристомъ въ почтовый департаментъ; въ 1818 г. онъ былъ переведенъ въ канцелярію комитета министровъ, въ 1819 г. перешелъ въ канцелярію принятія прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, а въ 1831 г. былъ опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при Новороссійскомъ и Бессарабскомъ генералъ-губернаторѣ. Съ этого времени Ф. сталъ быстро подвигаться впередъ на служебномъ поприщѣ. Въ 1838 г. онъ уже былъ назначенъ Волынскимъ вицегубернаторомъ, а годъ спустя,—Кіевскимъ губернаторомъ. Въ послѣдней должности онъ оставался до 1852 г. и кромѣ различныхъ почетныхъ наградъ семь разъ удостоивался Высочайшаго благоволенія за свою полезную дѣятельность. Человѣкъ здравомыслящій, одаренный необыкновенной энергіей и трудолюбіемъ, Ф. на своемъ отвѣтственномъ посту много разъ имѣлъ случай выказать и свои административныя способности, и свой широкій, просвѣщенный взглядъ на вещи. Въ свою бытность въ Кіевѣ онъ обратилъ особенное вниманіе на улучшеніе быта заключенныхъ, упорядочилъ дѣло взиманія пошлинъ и составилъ весьма цѣнное статистическое описаніе Кіевской губерніи. Много заботъ и стараній прилагалъ онъ къ дѣлу образованія, и особенно женскаго; такъ, онъ много содѣйствовалъ улучшенію Кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ и подарилъ Кіеву первую тогда въ Россіи женскую гимназію, носившую сначала названіе «Фундуклеевскаго женскаго училища». Этому заведенію, которому суждено было впослѣдствіи служить прототипомъ всѣхъ русскихъ женскихъ гимназій, онъ пожертвовалъ каменный домъ и капиталъ, проценты съ котораго составляютъ въ годъ 1200 р. Заваленный административными заботами, Ф. всетаки находилъ время и для научныхъ занятій и принималъ непосредственное и дѣятельное участіе въ составленіи двухъ томовъ «Обозрѣнія Кіева и Кіевской губерніи по отношенію къ древностямъ», а также и въ сочиненіи «Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи», изданномъ на его счетъ. Въ уваженіе его ученыхъ заслугъ Ф. въ 1849 г. былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Археологическаго и нумизматическаго общества и почетнымъ членомъ университета св. Владиміра, а въ 1850 г.— членомъ Имп. русскаго географическаго общества и Одесскаго общества исторіи и древностей. О губернаторствѣ Фундуклея въ Кіевѣ сохранились и до настоящаго времени воспоминанія, рисующія характерныя отношенія его къ порученному ему дѣлу и къ подчиненнымъ. Разсказываютъ, наприм., что чиновники его канцеляріи сверхъ положеннаго по штату содержанія получали еще столько же изъ частной кассы губернатора, жалованье котораго распредѣлялось между служащими. Вообще, обладая очень большимъ состояніемъ, доставшимся ему по наслѣдству отъ отца, Ф. благотворилъ щедрою рукой и, въ высшей степени скромный въ частной жизни, не жалѣлъ средствъ для общественаго дѣла. Съ 1852 г., произведенный въ тайные совѣтники, Ф. присутствовалъ въ Варшавскомъ департаментѣ сената, а 12 іюля 1855 г. получилъ высокое назначеніе генеральнаго контролера Царства Польскаго и предсѣдательствующаго въ высшей счетной палатѣ. И на этомъ посту Ф. принесъ много пользы; въ теченіе тѣхъ многихъ лѣтъ, когда Привислинскаго края не коснулись еще объединительныя реформы, онъ не только ревниво охранялъ го-

сударственные интересы, но и дорожилъ нуждами края. Отличаясь необыкновеннымъ трудолюбіемъ, Ф. отдавалъ всѣ свои досуги тщательному изученію экономической жизни края. Результатомъ его трудовъ явились обстоятельныя монографіи о разныхъ отрасляхъ мѣстнаго хозяйства; особенно замѣчательна его работа о лѣсахъ въ Царствѣ Польскомъ. Всѣ эти труды его послужили богатымъ матеріаломъ для Н. А. Милютина во время подготовительныхъ работъ по освобожденію крестьянъ въ Привислинскихъ губерніяхъ. Ко времени же пребыванія Фундуклея въ Варшавѣ относится его большая работа по составленію «Статистическаго обозрѣнія расходовъ на военныя потребности Россіи съ 1649—1825 г.». Въ 1864 г., въ день 50-лѣтняго юбилея его службы, Ф. былъ произведенъ въ дѣйств. тайн. совѣтники, а въ 1865 г. назначенъ вице-предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта Царства Польскаго, съ оставленіемъ при всѣхъ занимаемыхъ должностяхъ и въ званіи сенатора, и какъ въ этомъ, такъ и въ 1866 и 1868 гг. по нѣсколько мѣсяцевъ управлялъ гражданскою частью въ Царствѣ Польскомъ по случаю отъѣзда намѣстника въ Петербургъ. Онъ также предсѣдательствовалъ въ засѣданіяхъ учредительнаго комитета, именно въ той коммиссіи, которой былъ порученъ переводъ на русскій языкъ всѣхъ сборниковъ административныхъ распоряженій Царства Польскаго. Трудъ этотъ былъ успѣшно оконченъ въ три года. Вообще Ф. принималъ дѣятельное участіе въ преобразованіяхъ всего гражданскаго строя Польши, совершившихся подъ главнымъ руководствомъ статсъ-секретаря Н. А. Милютина. 30 января 1867 г. Ф. былъ сдѣланъ членомъ Государственнаго Совѣта Имперіи, съ увольненіемъ отъ занимаемыхъ должностей, и 1 января 1869 г. ему было повелѣно присутствовать въ департаментѣ законовъ. Въ 1874 г., по случаю 60-лѣтія службы, ему былъ пожалованъ орденъ св. Андрея Первозваннаго, при милостивомъ рескриптѣ. Вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія ему въ 1876 г. былъ разрѣшенъ переѣздъ въ Москву на жительство; тамъ онъ и скончался преклонныхъ лѣтъ.

Формул. списокъ. — «Новое Время 1880 г., № 1619.—С. Пономаревъ: «Мих. Ал. Максимовичъ» («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1871 г., т. 157, № 10.

Фурманъ, *Антонъ Ѳедоровичъ*, оберъ-бергмейстеръ 7-го класса, членъ совѣта департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, род. въ 1783 г.; окончивъ курсъ въ С.-Петербургскомъ горномъ училищѣ въ 1799 г., поступилъ на службу въ распоряженіе директора Олонецкихъ заводовъ. Переведенный затѣмъ въ 1802 г. на Уралъ, въ округъ Гороблагодатскихъ заводовъ, Ф. прослужилъ тамъ три года и въ іюнѣ 1805 г. былъ отправленъ за границу для усовершенствованія въ горныхъ наукахъ. За границею пробылъ онъ болѣе 4 лѣтъ и за это время успѣлъ осмотрѣть важнѣйшіе рудники и заводы въ Германіи, Австріи и Франціи, а также пройти полные курсы горныхъ наукъ во Фрейбергѣ и въ Парижѣ. Возвратясь въ Россію въ 1810 г., Ф. преподавалъ до 1815 г. въ горномъ кадетскомъ корпусѣ металлургію, горное искусство и геогнозію. Въ 1815 г. назначенъ горнымъ начальникомъ Златоустовскихъ заводовъ. Въ то же самое время рѣшено было, при помощи выписанныхъ изъ Золингена мастеровъ, устроить въ Златоустовскомъ заводѣ фабрику бѣлаго оружія. Директоромъ послѣдней опредѣленъ иностранецъ Эверсманъ, который просилъ назначить ему въ помощники Фурмана (помимо его прямыхъ обязанностей); Ф. и завѣдывалъ хозяйственною частью фабрики. Въ концѣ 1817 г. Эверсманъ, по болѣзни и старости, покинулъ занимаемое имъ мѣсто и Ф., оставаясь горнымъ начальникомъ, назначенъ былъ директоромъ фабрики, при чемъ на его обязанности лежало окончаніе устройства ея и доведеніе до «предназначенной цѣли». При завѣдываніи Фурмана Златоустовскими заводами и постройкою оружейной фабрики замѣчены были нѣкоторые непорядки въ счетахъ, вслѣдствіе чего министръ финансовъ въ 1820 г. нарядилъ слѣдствіе, которое, впрочемъ, выяснило, что хотя Ф. «по управленію своему распоряжался безъ надлежащаго хозяйства и сдѣлалъ отступленія отъ правилъ и формъ», однако злоупотребленій съ его стороны никакихъ не было и заводы дали прибыль, а расходы по устройству оружейной фабрики оказались умѣренными. Во время производства слѣдствія Ф. былъ отставленъ отъ должности, но въ началѣ 1825 г. опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ финансовъ, а

затѣмъ членомъ горнаго совѣта и горнаго ученаго комитета. Какъ видно изъ архивныхъ дѣлъ горнаго департамента, Ф. въ теченіе слѣдствія былъ одержимъ бѣлою горячкою, отъ которой «хотя и излѣчился, но не совершенно». Вѣроятно подъ вліяніемъ этого недуга онъ написалъ въ 1831 г. во Францію какое-то «нелѣпое» письмо, за которое и былъ взятъ подъ стражу, но императоръ Николай Павловичъ приказалъ освободить Фурмана и внушить ему, чтобы онъ впредь «не дурачился». Въ спеціальной литературѣ Ф. извѣстенъ статьею «Минералогическое описаніе Старой и Новой Финляндіи» (Горн. Журн. 1828 г.)

По даннымъ архива горнаго департамента.
С. К.

Фурманъ, *Василій Андреевичъ* (Wilhelm Heinrich), академикъ архитектуры, род. въ Москвѣ 1 дек. 1810 г., ум. въ Петербургѣ 31 окт. 1876 г. Прусскій подданный, онъ имѣлъ дозволеніе исполнять задававшіяся ученикамъ Академіи Художествъ программы и выставлять на экзамены, что онъ и дѣлалъ, работая подъ присмотромъ профессора А. И. Брюллова и представляя академіи свои проекты: «театра на 500 человѣкъ» (за который онъ получилъ званіе некласснаго художника, 30 сент. 1838 г.), «кладбищенской церкви на 1000 человѣкъ» (1842), «инвалиднаго дома» (1846), «театра на 1000 зрителей (за который удостоенъ званія академика, 30 сент. 1848 г.).—Сынъ его *Николай* (род. 9 авг. 1848 г., ум. 4 апр. 1883 г.) былъ также архитекторомъ.

Архивъ Имп. Акад. Худож., дѣла 1838 г., № 143, 1848 г., № 177 (по старой нумераціи). — «Сборн. матер. для истор. Имп. Ак. Худ.» П. Н. Петрова, II, 426 и III, 91.—«Указатель выставокъ въ Имп. Ак. Худ.» 1846 г., отд. А. *Н. С.*

Фурманъ, *Петръ Романовичъ*, живописецъ и писатель, род. 8 окт. 1816 г. въ Лифляндіи, ум. 8 янв. 1856 г. въ С.-Петербургѣ; воспитывался въ с.-петербургскомъ училищѣ св. Петра, откуда по окончаніи полнаго курса поступилъ въ Императорскую Академію Художествъ. Въ академіи онъ воспитывался на казенный счетъ до ноября 1833 г. и, будучи ученикомъ М. Воробьева, получилъ 24 сент. 1836 г. 2-ю серебряную медаль за живопись (выставленные тогда виды Екатерининскаго канала, пять видовъ съ Ладожскаго озера и нѣсколько копій), 30 сент. 1838 г. — званіе свободнаго художника за «видъ съ натуры отъ Круглаго рынка въ Петербургѣ», и 11 іюня 1842 г.— званіе назначеннаго въ академики. Занимаясь искусствомъ, Ф. не оставлялъ и книгъ, которыми пользовался для самообразованія. Слѣдить за литературой и наукой ему было нетрудно благодаря основательному знанію языковъ французскаго и нѣмецкаго, къ которымъ онъ впослѣдствіи прибавилъ еще языки итальянскій и англійскій. Судьба сблизила его съ извѣстными литераторами и издателями журналовъ, и скоро литературные интересы увлекли его до такой степени, что онъ забросилъ живопись и сталъ заниматься переводами. Быть можетъ, къ этому побудило его и тяжелое матеріальное положеніе, особенно усложнившееся благодаря его женитьбѣ. Первое оригинальное его сочиненіе, «Начертаніе архитектуры для сельскихъ хозяевъ», принесло больше барышей лицу, купившему у него эту работу, нежели ему самому. Болѣзнь жены заставила Фурмана въ 1846 г. отказаться отъ должности учителя въ Удѣльномъ земледѣльческомъ училищѣ, которую онъ занималъ съ 1839 г., и на послѣднія деньги ѣхать въ Швейцарію. За границей Ф. работалъ очень усиленно и въ то же время очень успѣшно. Какъ переводчикъ, владѣвшій изящной рѣчью, онъ былъ извѣстенъ столичнымъ издателямъ, а потому былъ всегда желаннымъ сотрудникомъ. Иногда его работы, переводныя и оригинальныя, появлялись вдругъ въ 10 и болѣе періодическихъ изданіяхъ, литературныхъ и спеціальныхъ. Изъ Швейцаріи онъ, между прочимъ, присылалъ въ «Петербургскія Вѣдомости» и «Сынъ Отечества» свои «Письма», въ которыхъ легко и игриво изображалась общественная, умственная и политическая жизнь Запада. Въ 1849 г. онъ вернулся въ Петербургъ и опять поступилъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ, гдѣ занимался переводами въ ученомъ комитетѣ. Съ 1850 г. онъ состоялъ редакторомъ «Вѣдомостей с.-петербургской городской полиціи», которыя ему удалось оживить своими фельетонами. Служба сильно отвлекала его отъ любимыхъ занятій литературой, но не могла заглушить въ немъ любви къ ней и ко всей писа-

тельской братіи. По словамъ В. Я. Стоюнина, онъ «мечталъ о соединеніи всѣхъ русскихъ писателей въ одинъ тѣсный кругъ, гдѣ всѣ стремились бы къ одной высокой цѣли...» Идеалистъ, онъ любилъ молодежь и хорошо вліялъ на нее, судя по тѣмъ прочувствованнымъ строкамъ, которыя посвятилъ его памяти въ 1856 г. Стоюнинъ. Особенно извѣстенъ Ф., какъ дѣтскій писатель. Въ легкихъ образахъ воскресилъ онъ цѣлый рядъ русскихъ историческихъ дѣятелей и съумѣлъ сдѣлать ихъ интересными для молодыхъ читателей. Изъ сочиненій его приводимъ слѣдующія: «Другъ дѣтей. Записки Петра Ивановича», 1843; «Дѣтскія комедіи, повѣсти и были», 1844; «Альманахъ для дѣтей», 1847; «Александръ Даниловичъ Меньшиковъ», 1847; «Сынъ рыбака Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ», 1847; «Григорій Александровичъ Потемкинъ», 1847; Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій», 1848; «Ближній бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ», 1848.

«Сборн. матер. для истор. Имп. Ак. Худ.» П. Н. Петрова, т. II, и «Указатель» къ нему А. Е. Юндолова. — «Указатель выстав. въ Имп. Акад. Худ.» 1836 г., №№ 124—134. — Арх. Имп. Акад. Худ., дѣло 1888 г., № 143. — «Мѣсяцесловъ» 1837 г.— «Сѣверная Пчела» 1856 г., № 39 (некрологъ, написанный В. Я. Стоюнинымъ).

Фурманъ, *Романъ Ѳедоровичъ*, т. с., сенаторъ, род. въ 1784 г., ум. въ отставкѣ въ 1851 г. Получивъ образованіе въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ (1794 — 1798), Ф. поступилъ въ 1798 г. на службу въ С.-Петербургскую таможню, въ которой прослужилъ, занимая должности контролера и инспектора, до 1801 г., когда былъ опредѣленъ письмоводителемъ въ канцелярію Государственнаго Совѣта. Въ 1804 г. назначенъ правителемъ канцеляріи Ѳеодосійскаго военнаго губернатора, въ 1810 г. директоромъ Ѳеодосійской учетной конторы, а въ 1818 г. перемѣщенъ директоромъ въ С.-Петербургскій государственный коммерческій банкъ, съ производствомъ въ статскіе совѣтники. Въ 1819 г. былъ дважды командированъ въ Одессу съ порученіемъ сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія къ открытію тамъ конторы коммерческаго банка и по открытіи назначенъ первымъ ея управляющимъ. Въ 1824 г. Ф. былъ опредѣленъ вице-директоромъ департамента внѣшней торговли министерства финансовъ. Съ 1831 г. начинается его служба въ Царствѣ Польскомъ; въ этомъ году онъ былъ назначенъ членомъ временнаго правленія Царства Польскаго, а съ 1832—1845 г. состоялъ главнымъ директоромъ, предсѣдательствующимъ въ правительственной коммиссіи финансовъ и казначейства; съ 1838—1840 г. предсѣдательствовалъ, за отсутствіемъ намѣстника, въ государственномъ совѣтѣ Царства Польскаго, съ 1845 г. присутствовалъ въ общемъ собраніи Варшавскихъ департаментовъ сената, въ 1847 г. уволенъ отъ службы, согласно прошенію, по разстроенному здоровью.

Формулярный списокъ 1845 года.

Фурсъ, *Аѳанасій-Андрей*, Холмскій греко-уніатскій епископъ 1649 г., происходилъ изъ Пинскихъ дворянъ, род. въ г. Минскѣ. По обученіи богословскимъ наукамъ въ папскихъ алюмнатахъ въ Ольмюцѣ и Римѣ, возвратившись на родину, постригся въ Васильянскій орденъ и вскорѣ затѣмъ былъ избранъ ректоромъ уніатской коллегіи (гимназіи) во Владимірѣ Волынскомъ и намѣстникомъ тамошняго епархіальнаго епископа Мокосья Баковецкаго. Въ 1647 г., по приглашенію Холмскаго епископа Меѳодія Терлецкаго, перешелъ въ Холмъ, въ качествѣ помощника сего епископа, съ правомъ наслѣдства. Послѣ смерти Терлецкаго, послѣдовавшей 7 іюня 1649 г., получилъ королевскую грамоту на Холмскую каѳедру, но чрезъ пять мѣсяцевъ, не дождавшись хиротоніи, скончался въ с. Бѣлополѣ, тогдашнемъ имѣніи Холмской уніатской епископіи, куда онъ скрылся во время казацкихъ войнъ.

Петрушевичъ: «Крат. извѣстіе о Холмской епархіи и святителяхъ ея». Львовъ 1867. — И. Чистовичъ: «Очеркъ исторіи Западно-русс. церкви», ч. 2, стр. 411. — Теодоровичъ: «Городъ Владиміръ-Волынскъ». 1893, стр. 27.—Encykl. powszechna Orgelbranda. Варшава 1862, т. IX.

Вл. В—чъ.

Фуругельмъ, *Оттонъ Васильевичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1819 г., ум. 24 мая 1883 г. По окончаніи курса въ Финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ 1839 г. выпущенъ на службу л.-гв. въ Семеновскій полкъ и здѣсь, получая послѣдовательно чины, въ 1854 г. былъ произведенъ въ полковники, а въ слѣдующемъ году назначенъ командиромъ Ека-

териславскаго гренадерскаго полка. Получивъ вскорѣ затѣмъ въ командованіе 2-ю гренадерскую резервную бригаду, Ф. въ 1858 г. принялъ Таврическій гренадерскій полкъ и въ 1863 г., по производствѣ въ генералъ-маіоры, опредѣленъ на должность окружнаго генерала 1-го округа отдѣльнаго корпуса внутренней стражи. Въ томъ-же году Ф. былъ назначенъ командиромъ л.-гв. Литовскаго полка, съ которымъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ польскихъ мятежниковъ, въ началѣ 1866 г. — исполняющимъ должность начальника мѣстныхъ войскъ Московскаго военнаго округа и въ 1867 г.— начальникомъ штаба инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ. Въ послѣдней должности Ф. принималъ особенно дѣятельное участіе въ трудахъ коммисіи по перевооруженію арміи и по стрѣлковому дѣлу, за что въ 1871 г. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ помощникомъ инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ. Въ 1876 г. Ф. получилъ назначеніе состоять по гвардейской пѣхотѣ и въ запасныхъ войскахъ и въ концѣ 1882 г. зачисленъ въ запасъ гвардейской пѣхоты.

«Рус. Инв.» 1883 г., № 116. — Дарнпъ: «Ист. л.-гв. Семен. полка», т. II, стр. 173.

Д. С—въ.

Фуссатье (Fussatié), *Вилимъ Вилимовичъ*, лейбъ-хирургъ императрицъ Елизаветы Петровны и Екатерины II, род. въ Орлеанѣ 25 дек. 1709 г., ум. въ С.-Петербургѣ 9 февр. 1773 г. Въ 1741 г. служилъ городскимъ хирургомъ въ Ригѣ, затѣмъ переселился въ С.-Петербургъ, гдѣ въ 1746 г. былъ зачисленъ въ штатъ придворныхъ врачей, получивъ чинъ статск. совѣтника, а въ 1756 г. назначенъ лейбъ-хирургомъ, въ 1770 г.—первымъ лейбъ-хирургомъ.

Richter: «Geschichte der Medicin in Russland», т. III, стр. 494.

Фусъ, *Егоръ Николаевичъ*, директоръ академической обсерваторіи въ Вильнѣ, род. въ С.-Петербургѣ 13 дек. 1806 г., ум. въ Вильнѣ 6 янв. 1854 г. Принятый въ число воспитанниковъ Академіи Наукъ, онъ изучалъ астрономію подъ ближайшимъ руководствомъ академика Вишневскаго; затѣмъ, чтобы усовершенствоваться въ практической астрономіи, продолжалъ свои занятія (1828—1829) въ Дерптскомъ (нынѣ Юрьевскомъ) университетѣ у извѣстнаго профессора В. Я. Струве. Когда въ 1830 г. отправилась въ Китай одиннадцатая духовная миссія, Ф. былъ Академіей Наукъ прикомандированъ къ ней въ качествѣ астронома; результаты его научныхъ изслѣдованій въ Монголіи и Китаѣ изложены въ напечатанныхъ Академіей письмахъ и отчетахъ («Rapport préalable fait à l'Académie sur un voyage en Chine...», Recueil des actes, 1832, ст. 36—75) и въ трудѣ «Geographische, magnetische und hypsometrische Bestimmungen, abgeleitet aus Beobachtungen auf einer Reise in den Jahren 1830—1832 nach Sibirien und dem Chinesischen Reich» (Mémoires de l'Acad., IV série, 1). По возвращеніи въ Россію Ф. временно (1833—1834) читалъ астрономію въ Петербургскомъ университетѣ, а въ 1835 г. совершилъ большое путешествіе по Германіи, Франціи и Англіи для ознакомленія съ лучшими заграничными обсерваторіями. Въ 1836 г. участвовалъ вмѣстѣ съ А. Н. Савичемъ и Е. Е. Саблеромъ въ экспедиціи, снаряженной Академіей Наукъ для опредѣленія разности высотъ уровней Чернаго и Каспійскаго морей и, какъ результатъ своихъ изслѣдованій, помѣстилъ въ бюллетенѣ Академіи за 1838 г. четыре статьи (въ томахъ IV и V). Въ 1839 г. Ф. былъ назначенъ однимъ изъ четырехъ помощниковъ директора открытой въ этомъ году Пулковской обсерваторіи и, занимая эту должность до 1847 г., въ первые годы принималъ живое участіе въ составленіи каталоговъ всѣхъ звѣздъ сѣвернаго неба до седьмой величины включительно, а съ 1844 г. производилъ наблюденія большимъ пассажнымъ инструментомъ, собирая данныя для составленія фундаментальнаго каталога звѣздъ. Назначенный въ 1848 г. директоромъ академической обсерваторіи въ Вильнѣ, Ф. поставилъ себѣ первой задачей привести ее въ такое состояніе, которое бы давало возможность производить на ней научныя работы; начатыя же затѣмъ наблюдательныя и кабинетныя работы онъ, къ сожалѣнію, не могъ довести до конца вслѣдствіе тяжкой болѣзни, которая и свела его въ могилу уже на 48 году жизни.

Послуж. спис., хранящійся въ Академіи Наукъ.— «Tableau général des matières contenus dans les publications de l'Acad. Imper. de sc. de St. Pétersbourg depuis sa fondation», 1-ère partie.—«Album acad. der Kais. Universit. Dorp.», 1889.—Свѣдѣнія, сообщенныя сыномъ покойнаго, В. Е. Фусомъ.

Фусъ, *Николай Ивановичъ*, отецъ предыдущаго, ординарный академикъ и непремѣнный секретарь Академіи Наукъ, род. въ Базелѣ 30 янв. 1755 г., ум. въ С.-Петербургѣ 23 дек. 1829 г. По автобіографическому наброску Ф. шести лѣтъ отъ роду поступилъ въ гимназію родного города и блестяще окончивъ въ ней курсъ, тринадцати лѣтъ былъ принятъ въ число студентовъ Базельскаго университета по математическимъ наукамъ. Въ 1772 г. ослѣпшій Эйлеръ, извѣстный математикъ и членъ С.-Петербургской Академіи Наукъ, обратился къ своему другу Д. Бернулли съ просьбой рекомендовать ему, въ качествѣ чтеца и помощника, молодого швейцарца, обѣщая со временемъ позаботиться объ его опредѣленіи адъюнктомъ при Академіи. Бернулли рекомендовалъ юнаго Фуса, съ похвалой отозвавшись объ его способностяхъ и нравственномъ направленіи. 8 іюля 1772 г. Ф. прибылъ въ Петербургъ, былъ радушно принятъ въ домѣ Эйлера и 10 лѣтъ прожилъ въ его семействѣ, занимаясь ежедневно по 8 и 9 часовъ: онъ или писалъ подъ диктовку Эйлера, или дѣлалъ вычисленія по его указаніямъ, или читалъ въ слухъ математическія сочиненія, при чемъ Эйлеръ разъяснялъ все, что Фусу при чтеніи являлось непонятнымъ. Уже въ 1774 г. Ф. напечаталъ въ «Acta» Академіи свою первую самостоятельную статью подъ заглавіемъ «Instruction detaillée pour porter toutes sortes de lunettes au plus haut degré de perfection», за которой, послѣ назначенія его адъюнктомъ Академіи (1776), послѣдовалъ длинный рядъ другихъ статей и рефератовъ, печатавшихся съ 1778 г. или въ «Acta» Академіи, или въ «Opuscula mathematica», которыя издавалъ самъ Ф.; такихъ статей по всѣмъ областямъ математики, по физикѣ, механикѣ и астрономіи со временемъ набралось болѣе трехъ сотъ. Въ январѣ 1783 г. Ф. былъ избранъ въ академики и въ томъ же году, по приглашенію графа де Бальмена, поступилъ профессоромъ математики въ Дворянскій сухопутный корпусъ и 20 лѣтъ занималъ эту должность, способствуя образованію большого числа офицеровъ русскаго войска; для облегченія преподаванія математики Ф. издалъ «Leçons d'algèbre à l'usage du corps Imperial des cadets nobles» (1783) и «Leçons de géométrie» (1798). Эти руководства, переведенныя на русскій языкъ, были введены почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ того времени, а ихъ автору была въ награду пожалована пенсія въ 600 р. въ годъ. Въ 1796 г. Ф. былъ назначенъ профессоромъ въ Морскомъ корпусѣ. Давая въ обоихъ корпусахъ по 20 уроковъ въ недѣлю, Ф., привыкшій съ юныхъ лѣтъ къ усиленному труду, продолжалъ въ то же время и свои ученыя работы, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленные рефераты и статьи, напечатанныя за тѣ годы въ изданіяхъ Академіи. Принявъ въ 1799 г. русское подданство, Ф. въ слѣдующемъ году былъ избранъ непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ, на мѣсто умершаго Эйлера, и секретаремъ Вольнаго экономическаго общества; эти новыя должности, сопряженныя со многими трудами, заставили его отказаться отъ дальнѣйшихъ занятій въ Дворянскомъ и Морскомъ корпусахъ. Въ 1802 г. Ф. съ сенаторами Муравьевымъ и гр. Потоцкимъ былъ назначенъ членомъ комитета для пересмотра уставовъ Академій Наукъ и Художествъ, Московскаго и Виленскаго университетовъ; по успѣшномъ исполненіи сего порученія Ф. былъ пожалованъ брильянтовымъ перстнемъ и назначенъ членомъ главнаго правленія училищъ. Дѣятельность его по этому учрежденію была весьма плодотворна: при частыхъ перемѣнахъ въ составѣ правленія онъ одинъ изъ немногихъ довольно долго оставался на своемъ мѣстѣ и пользуясь большимъ вліяніемъ среди членовъ правленія, провелъ нѣсколько мѣръ, служившихъ къ улучшенію учебной части въ Россіи. Въ 1805 г. Ф., помимо занимаемыхъ должностей, былъ назначенъ членомъ совѣта военныхъ учебныхъ заведеній. Въ 1819 и 1820 гг. онъ, за отсутствіемъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа С. С. Уварова, исправлялъ его должность. Кромѣ прямыхъ обязанностей по службѣ Ф. не разъ исполнялъ особыя порученія, возлагавшіяся на него по повелѣнію императора Александра I и императрицы Маріи Ѳеодоровны. Благодаря своимъ научнымъ заслугамъ Ф. былъ избираемъ или дѣйствительнымъ, или почетнымъ членомъ многихъ русскихъ и иностранныхъ академій, ученыхъ обществъ и университетовъ; между прочимъ, онъ со-

стоялъ членомъ академій Берлинской (съ 1793 г.), Стокгольмской (съ 1797 г.), Мюнхенской (съ 1808 г.), Бостонской (съ 1812 г.), Падуанской (съ 1816 г.) и Туринской (съ 1823 г.) и многихъ ученыхъ обществъ, почетнымъ членомъ университетовъ въ Вильнѣ (съ 1802 г.), Харьковѣ (съ 1811 г.) и Москвѣ (съ 1819 г.). Изъ сочиненій Фуса, кромѣ уже упомянутыхъ, слѣдуетъ еще привести брошюру «Entwurf einer allgemeinen Leih-Bank» (St.-Ptb., 1776), положившую начало ссудосберегательнымъ кассамъ и страховому дѣлу въ Россіи. Многочисленныя ученыя статьи Фуса всѣ приведены въ алфавитномъ указателѣ академическимъ изданіямъ (часть I и II).

Формул. списокъ, хранящійся въ Академіи Наукъ.—«Eine autobiographische Skizze von Nicolaus Fuss» (рукопись).—«Системат. и алфавитн. указатель статей, помѣщенныхъ въ періодич. изданіяхъ и сборникахъ Имп. Акад. Н., ч. I. и II.—«Библіографическіе листы» Кеппена. 1825, № 38.—«Московскій Телеграфъ» 1826 г., ч. X, № 13.—«Сѣверная Пчела» 1825 г., № 156, 1826 г., № 3 и 6.—G. Schmidt: «Geschichte der Mittelschulen Russlands seit dem Beginn des XIX Jahrh., стр. 18.—«Моск. Вѣдом.» 1826 г., № 6 и 22.

Фусъ, *Павелъ Николаевичъ*, ординарный академикъ по кафедрѣ математики, непремѣнный секретарь Императорской Академіи Наукъ, д. с. с., род. 21 мая 1798 г. въ С.-Петербургѣ, ум. тамъ-же 10 января 1855 г. Получивъ образованіе въ академической гимназіи, онъ въ 1814 г. поступилъ въ число академическихъ учениковъ. Въ 1816 г. Ф. былъ назначенъ преподавателемъ математики въ 1-й кадетскій корпусъ и въ томъ же году—корректоромъ математическихъ сочиненій, печатавшихся въ академической типографіи. Выдающіяся способности молодого ученаго обратили на него вниманіе президента академіи Уварова, по предложенію котораго Ф. въ 1818 г. и былъ избранъ адъюнктомъ по кафедрѣ математики, а затѣмъ, въ 1823 г.,—экстраординарнымъ академикомъ. Въ 1824 г., по волѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, онъ былъ назначенъ инспекторомъ классовъ Воспитательнаго дома. Должность эту онъ занималъ до 1826 г., когда состоялось его избраніе ординарнымъ академикомъ и непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ. Кромѣ того Ф. болѣе 17 лѣтъ (съ 1826 г.) исполнялъ обязанности секретаря Императорскаго вольно-экономическаго общества, а въ 1845 г. былъ назначенъ предсѣдателемъ учебнаго комитета при IV отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи. Изъ его ученыхъ работъ, которыя исключительно печатались въ академическихъ изданіяхъ, слѣдуетъ особенно упомянуть его годовые отчеты по Академіи, содержащіе въ себѣ весьма цѣнный матеріалъ по исторіи сего ученаго учрежденія. Будучи по отцу правнукомъ извѣстнаго математика Эйлера, Ф. издалъ оставшіеся не напечатанными труды этого ученаго и опубликовалъ его переписку съ знаменитыми геометрами: «Correspondance mathématique et physique de quelques célèbres géometres du XVIII siècle, précédée d'une notice sur les travaux de Léonard Euler». С.-Петербургъ, 1843, 2 тома. Ф. состоялъ членомъ болѣе 40 ученыхъ учрежденій и обществъ.

Формулярный списокъ.—Біографическія замѣтки (въ рукописи), составленныя сыномъ покойнаго академика. — «С.-Петерб. Вѣдом.» 1851 г., № 120.

А. Ф.

Фѣтурскій, *Николай*, граверъ на деревѣ XVIII в. Будучи іеродіакономъ, онъ рѣзалъ изображенія для Черниговскихъ изданій 1703 года: «Полуустава» и «Служебника», помѣчая свои работы начальными буквами имени и фамиліи.

Д. Ровинскій: «Словарь русск. граверовъ».

Н. С.

Фюрстъ, *Артемій* (Otto Fürst), содержатель театра въ царствованіе Петра I. Когда онъ прибылъ въ Россію, неизвѣстно. Будучи по ремеслу золотыхъ дѣлъ мастеромъ, Ф., не смотря на свою неподготовленность, замѣнилъ умершаго въ Москвѣ антрепренера Кунста, составилъ труппу, пригласивъ нѣкоторыхъ оставшихся въ Россіи актеровъ-иностранцевъ прежней труппы, и съ марта 1704 г., въ теченіе двухъ—трехъ лѣтъ, давалъ представленія въ «Московской комидійной храминѣ», построенной незадолго передъ тѣмъ (1702) по приказанію Петра Великаго. Въ то же время Ф. состоялъ начальникомъ театральнаго училища. Русскіе ученики этой школы жаловались на него, что онъ мало занимается ихъ обученіемъ; актеръ Петръ Боковъ донесъ начальству, что «которыя комедіи они, комедіанты, выучили, и тѣ комедіи за нерадѣніемъ его въ компліментахъ и за недознаніемъ въ рѣ-

чахъ, дѣйствуютъ не въ твердости, для того, что онъ, иноземецъ, ихъ русскаго поведенія не знаетъ». По докладу дьяковъ посольскаго приказа, въ вѣдѣніи котораго находилось театральное дѣло, русскіе ученики зимою 1704 г. «дѣйствовали только три комедіи и многіе безъ дѣла праздны пребывали и для ученія особо никакихъ комедій не дѣйствовали». Въ первый годъ своей театральной службы Ф., подобно Кунсту, давалъ пьесы только на нѣмецкомъ языкѣ, а съ 1705 г.—на русскомъ. Въ нѣмецкихъ пьесахъ женскія роли исполняли дѣвица Іоганна фонъ Вилихъ и жена генеральнаго доктора Германа Паггенкампфа (Паганкова). Спектакли давались два раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ и четвергамъ, мѣста въ театрѣ были четырехъ разрядовъ, въ 10, 6, 5 и 3 коп. Въ 1704 г., съ 15 мая по 10 ноября, собрано съ зрителей 388 р. 9 алт. 4 д.; число посѣтителей доходило до 400 человѣкъ, но нерѣдко театральный сборъ не превышалъ $1^1/_2$ р. въ день. Посольскій приказъ заявилъ, что зрители неохотно ѣдутъ въ театръ, потому что имъ приходится платить два раза пошлину въ воротахъ; поэтому указомъ государя 5 янв. 1705 г. велѣно было не запирать до 9 часовъ городскихъ воротъ въ Кремлѣ, Китай-Городѣ и Бѣломъ-Городѣ и не взимать съ проѣзжихъ въ дни спектаклей поворотнаго сбора. Репертуаръ Фюрста состоялъ изъ комедій и оперъ англійскихъ, итальянскихъ и нѣмецкихъ авторовъ въ нѣмецкихъ передѣлкахъ, приноровленныхъ къ тогдашнему грубому вкусу публики. Неуклюжіе переводы этихъ пьесъ на русскій языкъ изготовлялись въ посольскомъ приказѣ; сохранилось четыре такихъ перевода: «Сципіо Африканъ, вождь римскій и погубленіе Софонизбы, королевы нумидійскія» (переводъ Фельтеновой передѣлки трагедіи Лоэнштейна «Софонизба»); комедія «Честный измѣнникъ или Фридерико фонъ Поплей и Алонзія супруга его» (передѣлка трагедіи Чиконьема); «Принцъ Пикель-Гярингъ, или Жоделетъ, самый свой тюрьмовый заключникъ» и «Донъ-Педро, почитанный шляхта, и Амариллисъ дочь его», или «Комедія о донъ-Янѣ и донъ-Педрѣ», изъ которой сохранилось только одно пятое дѣйствіе. Кромѣ того Фюрсту, какъ раньше Кунсту, приходилось сочинять и давать пьесы на случай; въ декабрѣ 1704 г. Головинъ приказалъ ему, по случаю пріѣзда государя, «учинить комедію торжественную (тріумфальную) на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ». Какъ ни слабы были въ литературномъ отношеніи трагедіи и комедіи, дававшіяся въ комедійной храминѣ, и какъ ни плохи были ихъ русскіе переводы, иногда до полной непонятности, тѣмъ не менѣе театръ Кунста и Фюрста, по замѣчанію П. О. Морозова, успѣлъ привлечь и заинтересовать публику, вызвать подражанія не только въ высшемъ, но и въ низшихъ слояхъ общества и затѣмъ возбудить, рядомъ съ переводной, и оригинальную дѣятельность въ области русской драмы. Неизвѣстно, когда именно прекратилась театральная дѣятельность Фюрста; въ 1706 г. онъ принималъ еще участіе въ процессіи при погребеніи своего начальника Головина; для этого ему выданы были изъ театральнаго платья «латы добрыя всея воинскія одежды». Въ слѣдующемъ 1707 г. представленія въ комедійной храминѣ прекратились; въ этомъ году ее начали разбирать, и затѣмъ зданіе нѣсколько лѣтъ стояло полуразрушеннымъ. Часть театральныхъ принадлежностей была передана въ 1709 г. въ домашній театръ царевны Наталіи Алексѣевны, въ село Преображенское, другая часть въ 1713 г. — въ домашній театръ царицы Прасковьи Ѳеодоровны. Послѣднее упоминаніе о «золотарѣ Артеміи Фирштѣ» встрѣчается въ рѣшеніи государя 1709 г. по поводу перехода по наслѣдству къ Фюрсту дома какого-то иноземца Ефима Фрезе.

П. Пекарскій: «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ», т. I.—Е. В. Барсовъ: «Новыя разысканія о первомъ періодѣ русскаго театра», въ «Чт. Об. Ист. и Др. Росс.», 1882, кн. III.—В. С. Тихоправовъ: «Русскія драматическія произведенія», т. I.—П. О. Морозовъ: «Очерки изъ исторіи русской драмы». — Доклады и приговоры Правит. Сената, т. II № 812.

П. П.-С.

X

Хабаровъ, *Ерофей Павловичъ*, завоеватель земель на Амурѣ, былъ родомъ изъ Сольвычегодска. Сильно задолжавъ на родинѣ, онъ оставилъ семью и отправился въ Сибирь поискать счастья. Тамъ онъ первоначально занялся торговлей и звѣринымъ промысломъ, а въ 1630-хъ годахъ испросилъ у Енисейскаго воеводы Н. Веревкина разрѣшеніе занять пустую землю по р. Ленѣ. У Усть-Кутскаго острога онъ устроилъ соляную варницу и поставлялъ соль въ окрестные города, а у Усть-Киренги распахалъ около 60 десятинъ земли и построилъ мельницу. Такъ какъ Х. былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ поселенцевъ на Ленѣ, то велѣно было выдать ему изъ казны въ награду 500 рублей, однако онъ ихъ не получилъ. Хабарову земля была дана подъ условіемъ отдачи въ казну десятаго снопа, но въ 1645 г. онъ жалуется, что первый Якутскій воевода П. П. Головинъ совершенно его разорилъ, взявъ у него „пятую лучшую десятину“, а затѣмъ, отписавъ на государя всю его землю и варницу, его же самого держалъ въ Якутскѣ за приставомъ. Хотя земля на Ленѣ осталась за Хабаровымъ, однако онъ не долго продолжаетъ прежнее дѣло, а задумываетъ новое—покореніе Даурской земли на Амурѣ, которая привлекала въ то время многихъ смѣльчаковъ своими богатствами. На Амуръ уже ранѣе снаряжалось нѣсколько экспедицій, не вполнѣ однако удавшихся. Послѣдняя изъ нихъ была отправлена въ 1647 г. Якутскими воеводами В. Пушкинымъ и К. Супоневымъ подъ предводительствомъ казака В. Юрьева, но дошла только до границъ Даурской земли. Въ 1649 г. въ Якутскѣ произошла смѣна воеводъ, и Юрьевъ вернулся назадъ. Новый воевода Дм. Андр. Францбековъ съ первой весенней полой водой поплылъ къ мѣсту своего назначенія. Не успѣлъ онъ еще доплыть до Якутска и принять дѣла отъ прежнихъ воеводъ, какъ 6 марта 1649 г. въ Илимскомъ острогѣ къ нему явился Х. съ предложеніемъ своихъ услугъ для покоренія Даурской земли. Онъ заявилъ, что прежніе походы на Амуръ потому были безуспѣшны, что не былъ извѣстенъ кратчайшій путь въ Даурію, онъ же брался итти именно такимъ путемъ. Кромѣ того, онъ ничего не требовалъ отъ правительства, а обѣщалъ на свои средства снарядить и прокормить 150 человѣкъ. Тотчасъ разосланы были памяти съ вызовомъ желающихъ итти съ Хабаровымъ. Набралось только 70 человѣкъ охотниковъ. Хотя Х. объявлялъ, что снаряжаетъ экспедицію на свой счетъ, но на дѣлѣ онъ только ссужалъ деньги охочимъ промышленнымъ людямъ на подъемъ. Кромѣ Хабарова и воевода давалъ служилымъ людямъ въ долгъ деньги и оружіе. Это обстоятельство дало впослѣдствіи поводъ бывшему Якутскому дьяку И. Стеньшину писать въ Москву, что походъ на Амуръ былъ предпринятъ Хабаровымъ и Францбековымъ съ своекорыстными цѣлями и что воевода, снабжая служилыхъ людей деньгами, бралъ за это 50% и удерживалъ въ свою пользу ихъ денежное жалованье. Стеньшинъ считалъ незаконнымъ самое назначеніе Хабарова начальникомъ отряда, такъ какъ Х. не имѣлъ права уходить со своихъ пахотныхъ заимокъ, и ему „даурская служба и посольская рѣчь не за обычай, потому что онъ нигдѣ на службѣ, ни въ посольствѣ не былъ и ничего опрично пашни не знаетъ“. Осенью 1649 г. Х. выступилъ со своимъ немногочисленнымъ отрядомъ и пошелъ тѣмъ же путемъ, что и ближайшій его предшественникъ, В. Юрьевъ,—по Олекмѣ, Тугирю и волокомъ къ Амуру. У устьевъ Тугиря онъ зазимовалъ. По пути онъ грабилъ якутовъ и ясачныхъ тунгузовъ, уводя ихъ стада. Не щадилъ онъ и русскихъ промышленниковъ, занимавшихся звѣринымъ ловомъ. Въ январѣ 1650 г. Х. на нартахъ и лыжахъ двинулся дальше по Тугирю и черезъ волокъ вступилъ въ Даурію. Туземцы были предупреждены однимъ казакомъ, что на нихъ идетъ

большое войско, которое хочетъ всю землю пограбить, а женъ и дѣтей въ полонъ взять, и всѣ разбѣжались: Х. на пути своемъ встрѣчалъ только пустые городки и улусы. Проѣхавъ нѣсколько времени по пустой странѣ, онъ вернулся въ первый изъ встрѣтившихся ему по пути городковъ, и оставивъ тамъ часть своего отряда, съ остальными отправился въ Якутскъ, куда прибылъ 26 мая 1650 г. Воеводѣ онъ донесъ о богатствѣ и плодородіи Даурской земли, которая «противъ всей Сибири будетъ всѣмъ украшена и изобильна». Онъ привезъ съ собой также «чертежъ» пройденной имъ страны. Разсказы Хабарова привлекли много желающихъ отправиться съ нимъ въ Даурію. Въ этотъ разъ онъ набралъ 117 человѣкъ промышленниковъ; воевода далъ ему 21 казака и 3 пушки. Съ ними Х. отправился на Амуръ прежнимъ же путемъ. Дауры между тѣмъ, увидѣвъ, что враговъ вовсе не такъ много, какъ они думали, сдѣлались смѣлѣе и не убѣгали отъ русскихъ, но вступали съ ними въ бой. Однако, не смотря на свою многочисленность, они не могли устоять противъ огнестрѣльнаго оружія русскихъ и должны были покориться, дать Хабарову аманатовъ и платить ясакъ, состоявшій преимущественно изъ соболей. Х. засѣлъ въ Албазинѣ и оттуда разсылалъ отряды для привода инородцевъ подъ высокую царскую руку. Пробывъ тамъ зиму и часть лѣта, онъ послалъ въ Якутскъ казаковъ Чечигина и Васильева и племянника своего Петриловскаго съ собраннымъ ясакомъ, а самъ, построивъ дощаники, двинулся внизъ по Амуру доканчивать завоеваніе Дауріи. Осенью онъ доплылъ до послѣдняго даурскаго владѣнія, гдѣ княземъ былъ Толга. Взявъ Толгинъ городокъ, Х. устроилъ острогъ, однако зимовать здѣсь не остался, какъ предполагалъ первоначально, но 7 сентября 1651 г., предавъ огню сооруженныя имъ постройки, поплылъ внизъ по рѣкѣ въ землю дучеровъ и зазимовалъ въ Ачанскомъ городкѣ. Движеніе Хабарова сопровождалось грабежомъ и убійствомъ аманатовъ. По словамъ соратниковъ Хабарова онъ болѣе радѣлъ о своемъ прибыткѣ—собольихъ шубахъ, чѣмъ о прибыли государевой казнѣ. Хищничество и вѣроломство Хабарова возстановили противъ него дучеровъ, которые 2 окт. 1651 г. напали на русскій станъ, но были отражены. Послѣ этого зима прошла тихо, но 24 марта 1652 г. подъ Ачанскимъ городкомъ явилось приведенное дучерами большое манджурское войско (человѣкъ около 1000), имѣвшее и огнестрѣльное оружіе, но немногочисленный русскій отрядъ отразилъ и этихъ враговъ. При вылазкѣ изъ городка Х. былъ раненъ. Въ виду того, что съѣстные припасы истощились, Х. 22 апрѣля того же года поплылъ назадъ и вскорѣ встрѣтился съ Чечигинымъ, возвращимся изъ Якутска съ порохомъ, свинцомъ и вспомогательнымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 27 казаковъ и 110 промышленниковъ. Оказалось, что Чечигинъ выслалъ впередъ для развѣдыванія, гдѣ находится Х., небольшой отрядъ съ И. Нагибой во главѣ, но этотъ отрядъ не встрѣтился съ Хабаровымъ. Казаки хотѣли плыть внизъ для поисковъ пропавшихъ товарищей, но Х. воспротивился ихъ желанію и продолжалъ свой путь вверхъ по Амуру. Это движеніе назадъ возбудило неудовольствіе среди казаковъ, желавшихъ докончить завоеваніе Приамурскаго края приведеніемъ въ подданство царю гиляковъ, жившихъ по нижнему теченію Амура, и 1 августа 1652 г. въ полку Хабарова произошелъ расколъ: 136 человѣкъ подъ предводительствомъ Полякова и другихъ поплыли назадъ. Они явились въ гиляцкую землю, въ которой начали дѣйствовать очень удачно. Х. поплылъ вслѣдъ за ними, 30 сентября появился у выстроеннаго ими острожка и началъ его обстрѣливать. Тогда Поляковъ съ остальными бунтовщиками сдался, чтобы «не учинить позоръ Царскому Величеству и славу недобру и укоръ», заручившись предварительно обѣщаніемъ Хабарова не наказывать ихъ. Однако, какъ только они очутились въ его власти, вожаки были заключены въ оковы, а остальные подверглись побоямъ и истязаніямъ. Покончивъ съ бунтовщиками, Х. опять двинулся вверхъ по рѣкѣ. У устьевъ Зеи онъ встрѣтился 6 августа 1653 г. съ дворяниномъ Дм. Ив. Зиновьевымъ, присланнымъ изъ Москвы съ золотыми для раздачи Хабарову и его соратникамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Зиновьеву было поручено разслѣдовать о злоупотребленіяхъ Хабарова, слухъ о которыхъ дошелъ до Москвы.

Допрошены были его служилые люди, которые показали, что Х. посылалъ ложныя донесенія въ Якутскъ и много прикрашивалъ въ своихъ разсказахъ о Даурін и Манджуріи, или, какъ ее называли,—Богдойской землѣ, чтобы побудить правительство къ ихъ завоеванію. Затѣмъ выяснился его образъ дѣйствій по отношенію къ инородцамъ, который привелъ къ тому, что они разбѣжались и плодородная страна была теперь не воздѣлана, государева же казна не получала столько ясака, сколько могла бы получить при миролюбивыхъ сношеніяхъ съ туземцами. Поселеній Х. не устраивалъ, острожки же, въ которыхъ зимовалъ, при отъѣздѣ обыкновенно сжигалъ. Отношенія Х. къ подчиненнымъ также не были дружелюбны. Не говоря уже о ссудахъ, данныхъ имъ при снаряженіи въ походъ, Х. и на Амурѣ старался обогатиться на ихъ счетъ. Такъ, данное ему воеводой оружіе, серпы и косы, онъ продавалъ имъ по дорогой цѣнѣ, и почти весь отрядъ былъ у него въ кабалѣ. Что при сношеніяхъ съ туземцами Х. не забывалъ своей пользы, видно изъ росписи вещамъ, ему принадлежавшимъ: онъ пріобрѣлъ большое количество собольихъ, лисьихъ и другихъ шубъ, кафтановъ и т. п. Большая часть его имущества перешла въ руки Зиновьева, съ которымъ у Хабарова начались недоразумѣнія съ самаго его пріѣзда. Началось съ того, что Зиновьевъ потребовалъ, чтобы Х. сдалъ ему дѣла, но не показалъ ему царской грамоты, какъ этого требовалъ Х. Зиновьевъ не стѣснялся съ Хабаровымъ и билъ его. Чтобы избавиться отъ побоевъ, Х. дѣлалъ ему подарки и такимъ образомъ передалъ ему много своихъ вещей. Остальное Зиновьевъ самъ взялъ. Сдавъ свою должность О. Степанову, Х. лѣтомъ 1654 г. отправился въ Москву и подалъ жалобу на Зиновьева; начался сыскъ. Х. былъ въ это время въ очень стѣсненномъ положеніи, «межъ дворъ скитался и за бѣдностью голодомъ помиралъ». По этому онъ просилъ, чтобы его поверстали въ чинъ, въ какой онъ пригодится, и дали ему денегъ. Что онъ дѣйствительно былъ въ такомъ положеніи, видно изъ того, что судебныя пошлины были взысканы не съ него въ Москвѣ, а съ его имущества въ Сибири. Наконецъ осенью 1655 г. дѣло Хабарова съ Зиновьевымъ закончилось въ пользу перваго: имущество, отнятое у него Зиновьевымъ, было ему возвращено, самъ же онъ былъ сдѣланъ сыномъ боярскимъ и посланъ въ Сибирь управлять Усть-Кутской волостью Въ 1667 г. Х. пріѣхалъ по дѣлу въ Тобольскъ и 15 ноября подалъ воеводѣ П. И. Годунову челобитную, въ которой просилъ снова разрѣшить ему снарядить на свои средства 100 человѣкъ и съ ними итти на Амуръ въ Даурской землѣ «ставить города и острожки и завести хлѣбныя пахоты, отъ чего государю въ ясачномъ сборѣ и въ хлѣбной пахотѣ будетъ прибыль». Какой отвѣтъ получилъ Х., не извѣстно, такъ же, какъ и неизвѣстна его дальнѣйшая судьба. По имени Хабарова названы деревня Хабарова, выше Киренска, гдѣ онъ жилъ, и городъ Хабаровскъ на Амурѣ.

Столбцы Сибирскаго приказа, хранящіеся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи №№ 59, 124, 132, 136, 241, 338, 341, 381, 422, 427, 460, 472, 508 и 811.—Акты историческіе, изданные Археограф. ком., т. 4, с. 67—77.—Дополненіе къ актамъ историч., т. II, стр. 252—254, 276; т. III, стр. 258—260, 345—348, 354—373, 325—528, и т. IV, стр. 34—35, 144—147.—Историческіе акты о подвигахъ Е. Хабарова на Амурѣ, въ «Сынѣ Отеч.» 1840 г., т. I, кн. I, и въ «Журн. для чтенія воспит. военно-учебн. завед.», 1840 г., т. 27, № 105.—Берхъ: «Подвиги боярскаго сына Ерофея Х. и водвореніе россіянъ при берегахъ рѣки Амура». Открывокъ изъ исторіи географич. открытій россіянъ («Сынъ Отеч.» 1821 г., № 9—12).—Д. Садовниковъ: «Наши землепроходцы». М. 1874.—П. Шумахеръ: «Первыя русскія поселенія на Сибирскомъ Востокѣ» («Рус. Арх.» 1879 г., № 5).—Н. Н. Оглоблинъ: «Ерофей Павловъ Хабаровъ» («Рус. Стар.» 1892 г., № 3, с. 679).—Г. Миллеръ: «Описаніе Сибирскаго царства».—Фишеръ: «Сибирская исторія». — П. Словцовъ: «Историческое обозрѣніе Сибири». 1886. — В. В. Андріевичъ: «Исторія Сибири», 1889, ч. 1, гл. 5.—Соловьевъ: «Исторія Россіи», т. XII, гл. 5.

Н. Чулковъ.

Хабаръ-Симскій (Образцовъ), *Иванъ Васильевичъ*, бояринъ и воевода великаго князя Московскаго Василія Ивановича, ум. въ 1534 г. Онъ былъ сыномъ извѣстнаго полководца Іоанна III, его боярина и воеводы Василія Ѳеодоровича Образца, умершаго въ 1484 г., и принадлежалъ къ древнимъ родовитымъ людямъ Московскаго государства. По семейнымъ преданіямъ, родъ Х.-Симскихъ-Образцовыхъ ведетъ свое начало отъ Косожскаго князя Редеди, жившаго въ XI в., павшаго въ единоборствѣ съ Тму-

тараканскимъ княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ и ставшаго родоначальникомъ многихъ «честныхъ» служилыхъ родовъ Московскаго государства (Белеутовыхъ, Глѣбовыхъ, Сорокоумовыхъ, Ушаковыхъ и др.). Первыя данныя о службѣ Хабара-Симскаго восходятъ къ 1505 г., когда онъ, будучи воеводой въ Нижнемъ-Новгородѣ, отразилъ приступъ къ этому городу Казанскаго хана Мехметъ-Амина, имѣя въ своемъ распоряженіи незначительное число воиновъ и 300 литовскихъ плѣнныхъ, которыхъ онъ выпустилъ изъ темницы и снабдилъ оружіемъ, пообѣщавъ даровать имъ свободу, если они отстоятъ городъ. Затѣмъ Х.-С. принимаетъ дѣятельное участіе въ важнѣйшихъ внѣшнихъ и внутреннихъ событіяхъ княженія в. кн. Василія Ивановича. Такъ, во время Литовской войны онъ является однимъ изъ главныхъ воеводъ Московскихъ въ походѣ подъ Дорогобужъ въ 1508 г. и стоитъ въ 1514 г. съ сторожевымъ полкомъ на Угрѣ, вмѣстѣ съ бояриномъ С. И. Воронцовымъ и окольничимъ П. Я. Захарьинымъ. Въ 1510 г., по лишеніи Пскова его вѣчевой свободы, Х.-С. былъ посланъ туда въ числѣ трехъ воеводъ съ московскими войсками для приведенія псковичей къ присягѣ на вѣрность «Государю Псковскому, великому князю Московскому и всея Руси» Василію Ивановичу. Въ томъ же 1510 г. Х.-С. пожалованъ въ окольничіе и введенъ въ составъ боярской думы. Въ 1520 г. онъ имѣетъ званіе намѣстника Перевитскаго (въ Рязанской области), а въ 1521 г., по присоединеніи Рязанскаго княжества къ государству Московскому, состоитъ воеводою въ «стольномъ городѣ» княжества, Переяславлѣ-Рязанскомъ, при чемъ является убѣжденнымъ сторонникомъ великокняжеской Московской политики и врагомъ Рязанской областной независимости, мысль о которой все еще не покидала послѣдняго Рязанскаго князя Ивана Ивановича, пребывавшаго въ Москвѣ въ заточеніи. Вскорѣ послѣ низверженія съ Казанскаго престола Шигъ-Алея, братъ новаго Казанскаго царя Сапнъ-Гирея, Крымскій ханъ Мехметъ-Гирей, вооружилъ крымцевъ и ногайцевъ, соединился съ атаманомъ Запорожскихъ казаковъ Дашковичемъ и двинулся къ Московскимъ предѣламъ, чтобы нападеніемъ врасплохъ нанести сильный ударъ Москвѣ. На берегахъ Оки онъ разбилъ войска вел. князя и подъ Коломной соединился съ Сапнъ-Гиреемъ, тоже шедшимъ къ Москвѣ. Они убивали людей, брали многихъ въ плѣнъ, оскверняли храмы и навели такой ужасъ на вел. кн. Василія Ивановича, что онъ грамотою обязался платить дань Мехметъ-Гирею и тѣмъ только склонилъ его уйти изъ Московскаго государства. Мехметъ-Гирей расположился станомъ подъ Переяславлемъ-Рязанскимъ. Между тѣмъ Рязанскій князь Иванъ Ивановичъ, сидѣвшій въ Москвѣ подъ стражею за сношенія съ Мехметъ-Гиреемъ, воспользовался отсутствіемъ изъ Москвы великаго князя и суматохой, происходившей тамъ при извѣстіи о приближеніи татаръ, и бѣжалъ изъ Москвы по направленію къ Переяславлю-Рязанскому, надѣясь при помощи Рязанскихъ бояръ и Мехметъ-Гирея вновь завладѣть Рязанскимъ княжествомъ, но Х.-С. помѣшалъ исполненію этихъ плановъ. Еще раньше, когда ханъ прошелъ къ Коломнѣ, онъ собралъ бояръ и дѣтей боярскихъ къ епископу Рязанскому и Муромскому Сергію и взялъ съ нихъ клятвенное обѣщаніе вѣрно служить великому князю Московскому и сражаться съ татарами. Теперь же, когда распространилась вѣсть, что Рязанскій князь бѣжалъ изъ неволи, Х.-С. опять собралъ служилыхъ людей и заставилъ ихъ поклясться, что они не только не признаютъ Ивана Ивановича своимъ государемъ, но и постараются поймать его, какъ бѣглеца. Видя, что всѣ усилія возвратить престолъ тщетны, князь Иванъ скрылся въ Литву. Не менѣе рѣшительно и удачно дѣйствовалъ Х.-С. въ томъ же году при отраженіи Мехметъ-Гирея, намѣревавшагося, вопреки мирному договору, овладѣть Переяславлемъ-Рязанскимъ. Въ слѣдующемъ 1522 г. Х.-С. былъ полковымъ воеводой лѣвой руки на Окѣ, близъ Рославля, въ числѣ войскъ, сторожившихъ Мехметъ-Гирея, замышлявшаго новое вторженіе въ предѣлы Московскаго государства. Весной 1524 г. Московскіе полки выступили къ Казани, чтобы завоевать ее; однимъ изъ воеводъ сухопутныхъ войскъ, шедшихъ на Муромъ, воеводой большого полка былъ Х.-С. и въ 30 верстахъ отъ Казани, на берегу Свіяги, одержалъ побѣду надъ чувашами и казанцами, старавшимися не допустить

его до соединенія съ воеводой судовой рати Шигъ-Алеемъ. Казань не была взята войсками великаго князя, но дни ея самостоятельности уже были сочтены, и Московское вліяніе укоренилось во враждебномъ Россіи клочкѣ Кипчака. За заслуги въ дѣлахъ крымскихъ и казанскихъ Х.-С. былъ награжденъ въ 1524 г. саномъ боярина. Въ теченіе послѣдующихъ десяти лѣтъ имя его вовсе не упоминается ни въ актахъ государственныхъ, ни въ лѣтописяхъ; можно предполагать, что, будучи уже въ годахъ и утомленный усиленной службой, онъ совсѣмъ удалился отъ дѣлъ.

Русск. Времен., М. 1790, стр. 202, 231.—Продолж. Нест. лѣтоп., стр. 379—380.—Соф. Времен., изд. Строева, М. 1821, т. II, стр. 312—314.—Полн. собр. русс. лѣтоп., т. IV и VIII.—Нижегор. лѣтописецъ, изд. Гациского, Н. Новгородъ, 1886.—Дворц. разр. списки 1462—1676 гг. (Древн. росс. вивл., изд. 2, ч. XX и Разр. книга во «Временникѣ Общ. ист. и древ. росс.» 1851 г., кн. XI).—Пискаревъ: «Древн. грам. и акты Рязанскаго края», СПб. 1854.—Экземплярскій: «Велик. и удѣльн. князья сѣв. Руси», т. II.—Бѣляевъ: «Разск. изъ Русск. ист.», т. II.—Никитскій: «Очеркъ внутр. истор. Пскова».—Иловайскій: «Ист. Рязанскаго княж.», М. 1858.—Шеферъ: «Празднованіе 800-лѣтія Рязани», Рязань 1896.

В. Корсакова.

Хавскій, *Петръ Васильевичъ*, т. с., извѣстный законовѣдъ и изслѣдователь русской хронологіи, род. 4 іюня 1771 г., ум. въ Москвѣ 22 января 1876 г. Какъ человѣкъ не родовитый, не получившій образованія и только знавшій грамоту, Х. началъ служебную карьеру съ самой маленькой должности — подкопіиста въ земскомъ судѣ; но уже въ 1808 г. онъ былъ назначенъ повытчикомъ въ Рязанское губернское правленіе и вскорѣ переведенъ на ту же должность въ Москву, въ 7-ой департаментъ сената, а съ 1812 г. состоялъ при юрисконсультскихъ дѣлахъ въ департаментѣ министерства юстиціи въ Петербургѣ. Здѣсь онъ представилъ министру юстиціи И. И. Дмитріеву свой проектъ объ уничтоженіи во всей Россіи письменныхъ книгъ о запрещеніяхъ и разрѣшеніяхъ, налагаемыхъ на имѣнія, и о замѣнѣ ихъ новыми, печатными книгами. Вскорѣ однако Х. былъ переведенъ снова въ Москву секретаремъ въ 6-й департаментъ Сената, и его проектъ надолго попалъ подъ сукно. Съ 1815 по 1817 г. онъ слушалъ въ Московскомъ университетѣ лекціи по юридическимъ наукамъ у профессоровъ Снегирева и Давыдова, послѣ чего ему было поручено преподавать русскую исторію и юриспруденцію въ канцеляріи сената сенатскимъ чиновникамъ, готовившимся въ аудиторы. По этому поводу онъ въ 1818 г. напечаталъ «лекцію, читанную при публичномъ преподаваніи правилъ россійскаго законовѣдѣнія приготовляемымъ въ аудиторы для армейскихъ полковъ». Въ этой лекціи Х. подвергаетъ критическому разбору почти всю существовавшую тогда литературу по юриспруденціи и настаиваетъ на необходимости теоритическаго образованія и знакомства съ исторіей законодательства и для юриста-практика. Служебныя обязанности не мѣшали Хавскому заниматься юриспруденціей и результатомъ этихъ занятій въ 1817 г. явилась книга «О наслѣдствѣ завѣщательномъ, родственномъ и вымороченомъ», историко-догматическое изслѣдованіе, охватывавшее предметъ съ возможною для того времени полнотою и свидѣтельствующее о непосредственномъ знакомствѣ автора съ нашимъ законодательствомъ, не смотря на его хаотическое состояніе. Сперанскій писалъ Хавскому по поводу этой книги: «нахожу, что она имѣетъ главныя достоинства, свойственныя сочиненіямъ сего рода: порядокъ, расположеніе, ясность слога и такую мѣру обозрѣнія, которая объемлетъ важнѣйшіе и труднѣйшіе вопросы». Сочиненіе о наслѣдствѣ обратило вниманіе правительства на его автора, и Х. былъ избранъ корреспондентомъ коммисіи составленія законовъ. При ея помощи онъ предпринялъ обширное изданіе: «Собраніе россійскихъ законовъ», цѣлью котораго было расположить въ хронологическомъ порядкѣ весь законодательный матеріалъ, «чтобы по всѣмъ предметамъ россійскаго законовѣдѣнія замѣнить недостатокъ и невѣрность юридическихъ книгъ». Въ основаніе этого собранія Х. кладетъ вѣрную мысль о необходимости изданія «копій съ законодательныхъ памятниковъ по старшинству времени составленія ихъ, безъ всякаго оныхъ сокращенія противъ оригинала», ибо «новый законъ объясняется прежнимъ». Въ семи объемистыхъ томахъ Х. издалъ законодательный матеріалъ о наслѣдствѣ и вексельномъ правѣ. Въ 1822 г. онъ былъ назначенъ редакторомъ въ коммисію составленія законовъ и результатомъ его участія въ трудахъ коммисіи

явились систематическія собранія узаконеній о дворянахъ, купцахъ, Государственномъ Совѣтѣ, Сенатѣ и министерствахъ, а также законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, о судоустройствѣ и судопроизводствѣ гражданскомъ и уголовномъ и пр., что составило съ прежними томами всего 16 томовъ. Много труда и энергіи вложилъ Х. въ это изданіе, но столь обширная работа не по силамъ одному человѣку, и вѣрная въ основѣ мысль Хавскаго объ изданіи точныхъ копій съ оригиналовъ въ хронологическомъ порядкѣ осуществилась лишь при императорѣ Николаѣ I въ изданіи Полнаго собранія законовъ. Въ 1820 г., по иниціативѣ Московскаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына былъ разсмотрѣнъ проектъ, поданный Хавскимъ еще въ 1813 г., о сокращеніи «юстицкихъ книгъ» вотчинной коллегіи чрезъ исключеніе статей уничтоженныхъ и о замѣнѣ ихъ новыми, печатными книгами, и утвержденный 28 декабря 1821 г., положилъ основаніе періодическому изданію сенатскихъ объявленій для текущихъ запрещеній и разрѣшеній, налагаемыхъ на имѣнія. Для приведенія же въ надлежащій порядокъ прежнихъ «юстицкихъ книгъ» въ Москвѣ учреждена была коммисія, предсѣдателемъ которой съ 1829 г. состоялъ Х. Участіе Хавскаго въ нашемъ законодательствѣ, постоянныя занятія въ коммисіи составленія законовъ и его печатные труды по юриспруденціи обратили на него вниманіе ученаго міра, и главное правленіе училищъ выдало ему свидѣтельство, замѣнявшее ученый аттестатъ, котораго онъ не имѣлъ. По совѣту Карамзина и Жуковскаго Х. написалъ исторію законодательства при Александрѣ I, начало которой было напечатано въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1826 г. (№ 18 и 19) подъ заглавіемъ: «Взглядъ на исторію россійскихъ законовъ, изданныхъ въ царствованіе императора Александра I». Эта исторія, оставшаяся неоконченною, не представляетъ собою ничего выдающагося, однако свидѣтельствуетъ объ обширныхъ познаніяхъ автора въ отечественномъ законовѣдѣніи. По упраздненіи коммисіи составленія законовъ Х., назначенный во Второе отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи чиновникомъ при библіотекѣ и архивѣ, сдѣлался однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ графа М. М. Сперанскаго по изданію Полнаго собранія Законовъ. Онъ пожертвовалъ Второму отдѣленію часть своей библіотеки, около 200 старинныхъ книгъ юридическаго содержанія, за что получилъ отъ государя брильянтовый перстень. Обширными познаніями и опытностью Хавскаго Второе отдѣленіе однако пользовалось только до 1829 г., когда онъ, послѣ утвержденія его новаго проекта о сокращеніи изданія сенатскихъ объявленій, былъ назначенъ въ Москву предсѣдателемъ коммисіи и членомъ комитета по составленію свода запрещеній и разрѣшеній на имѣнія. Въ этой должности Хавскаго застало порученіе министра юстиціи произвести совмѣстно съ Солнцевымъ и Дмитріевымъ осмотръ сенатскихъ архивовъ въ Москвѣ и выработать проектъ описанія документовъ, хранящихся въ этихъ архивахъ. Составленный имъ проектъ объ учрежденіи коммисіи для описанія Московскихъ архивовъ сенатстаго, государственнаго и вотчиннаго въ 1835 г. былъ утвержденъ министромъ юстиціи Дашковымъ; Х., какъ одинъ изъ составителей проекта, былъ назначенъ постояннымъ членомъ комитета и горячо взялся за дѣло. Члены комитета раздѣлили между собою изученіе архивовъ и на долю Хавскаго пришлись архивы вотчинный и разрядный. Во время частыхъ споровъ въ коммисіи Хавскому нерѣдко приходилось оставаться при особомъ мнѣніи, и многія изъ мыслей его были осуществлены министерскимъ распоряженіемъ при ревизіи дѣлъ комитета. Какъ ни скромны были результаты дѣятельности комитета, значительная часть ихъ несомнѣнно принадлежитъ Хавскому. Во время занятій въ комитетѣ Х. въ 1837 г. былъ опредѣленъ за оберъ-прокурорскій столъ въ сенатѣ, потомъ переведенъ въ 1-е отдѣленіе 6 департамента. Въ 1853 г. онъ былъ назначенъ инспекторомъ московскихъ сенатскихъ архивовъ, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ, а во время службы въ сенатѣ снова состоялъ съ 1862 г. корреспондентомъ II отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи, и ему было поручено заняться пріисканіемъ въ московскихъ архивахъ и другихъ хранилищахъ и доставленіемъ во II отдѣленіе указовъ, положеній и пр., а также составить реестръ прежнимъ, до царство-

ванія Алексѣя Михайловича, уложеніямъ, указамъ и т. п., по княженіямъ и царствованіямъ россійскихъ государей. Наконецъ, въ 1868 г. Х. былъ назначенъ членомъ консультаціи, учрежденной при министерствѣ юстиціи и въ 1873 г., въ день празднованія 80-лѣтняго юбилея служебной дѣятельности, пожалованъ чиномъ тайнаго совѣтника, а затѣмъ еще два года, до конца жизни, оставался на государственной службѣ. Не смотря на многочисленныя и сложныя служебныя занятія, Х., какъ большой любитель русской старины, находилъ еще время и для изученія русской археологіи и съ особеннымъ усердіемъ въ продолженіе многихъ лѣтъ разрабатывалъ наиболѣе трудные отдѣлы ея—хронологію и генеалогію. Начиная съ тридцатыхъ годовъ онъ помѣстилъ цѣлую массу статей и замѣтокъ по хронологіи въ «Московскихъ университетскихъ и губернскихъ вѣдомостяхъ», «Сѣверной Пчелѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Москвитянинѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ» и въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія». Кромѣ того, въ 1839 г. издалъ объемистый трудъ: «Указатель источниковъ исторіи и географіи Москвы съ ея древнимъ уѣздомъ»; этотъ трудъ подъ разными названіями выдержалъ три изданія: въ 1847 г. онъ былъ изданъ съ небольшими измѣненіями подъ заглавіемъ: «Семисотлѣтіе Москвы (1147—1847), или указатель источниковъ ея топографіи и исторіи за семь вѣковъ», въ 1868 г. явилось третье изданіе подъ названіемъ «Древность Москвы». Это сочиненіе представляетъ собою плодъ огромнаго, кропотливаго труда и рисуетъ картину возрастанія и измѣненія Москвы въ топографическомъ и административномъ отношеніяхъ въ разныя эпохи. Вторымъ, болѣе крупнымъ трудомъ Хавскаго были его «Хронологическія таблицы, въ трехъ книгахъ», изданныя въ 1848 г. по предварительномъ разсмотрѣніи Академіей Наукъ. Хронологическія таблицы были плодомъ двѣнадцатилѣтняго усидчиваго труда и имѣли цѣлью «дать способъ хронологамъ и историкамъ, безъ всякихъ вычисленій по формуламъ ариѳметики и алгебры, прямо въ таблицахъ находить всѣ предметы, принадлежащіе къ Юліанскому счисленію времени, гражданскому и церковному православнаго исповѣданія, равно узнавать всѣ числа и значенія терминологіи, введенной для показанія времени въ русскихъ лѣтописяхъ». Осенью 1846 г. Х. представилъ въ рукописи свои таблицы въ Академію Наукъ на Демидовскую премію. Разсмотрѣніе этого труда было поручено академику Я. И. Бередникову, который, не углубляясь въ хронологическія изслѣдованія, согласился съ Хавскимъ относительно старшинства мартовскаго года предъ сентябрскимъ и январскимъ и призналъ таблицы Хавскаго достойными награды, такъ какъ онѣ «превосходятъ извѣстныя у насъ подобныя руководства полнотою и удобствомъ къ употребленію и служатъ на время пособіемъ къ обрабатыванію исторической хронологіи и исправленію нашихъ лѣтописей». Однако академическая коммисія по присужденію Демидовской преміи не согласилась съ Бередниковымъ и присудила Хавскому только въ 1849 г., когда онъ представилъ свои таблицы вторично, уже отпечатанными, половинную премію лишь въ видѣ поощренія. Назначеніе премія за хронологическія таблицы Хавскаго, въ основаніе которыхъ положена ложная мысль о старшинствѣ мартовскаго года, т. е. отвлеченная теорія, совершенно противоположная той, которой слѣдовали Несторъ и другіе лѣтописцы, подало поводъ къ жаркой журнальной полемикѣ, въ которой приняли участіе многіе академики, и не только историки, но и астрономы. Х. до конца жизни упорствовалъ въ своемъ заблужденіи и во всѣхъ своихъ послѣдующихъ сочиненіяхъ по хронологіи отстаивалъ мысль, что міръ и Адамъ были созданы въ мартѣ мѣсяцѣ, поэтому мартовскій годъ идетъ впереди январскаго и сентябрскаго. Кромѣ уже приведенныхъ сочиненій Хавскому принадлежатъ еще слѣдующіе труды: Истинное значеніе врученія» («Журн. мин. нар. просв.» 1850 г., № 12); «Истинное значеніе ключа границъ (ibid. 1851, 4); «Объ источникахъ исторіи Москвы и Московскаго университета» (1852); «Сокращенныя хронологическія таблицы» (1856); «Мѣсяцесловы, календари и святцы русскіе въ 3-хъ книгахъ» (1856); «О тысячелѣтіи государства Россійскаго и способахъ повѣрки и исправленія времясчисленія, показаннаго въ русскихъ лѣтописяхъ» (1861);

«Таблицы для провѣрки годовъ въ русскихъ лѣтописяхъ, съ приложеніемъ хронологическихъ таблицъ, сравнивающихъ Юліанскій календарь съ Григоріанскимъ» (1861); «Опытъ исправленія недостатковъ въ русскихъ лѣтописяхъ, исторіяхъ государства Россійскаго, мѣсяцесловахъ, календаряхъ и святцахъ» (1862). Х. считалъ себя компетентнымъ также и въ астрономіи и написалъ «Указатель часовъ Москвы» (1852) и «Изъясненіе указателя часовъ Москвы» (1854), но получилъ отъ директора Пулковской обсерваторіи официальное увѣдомленіе, изобличавшее автора часовъ Москвы въ совершенномъ невѣжествѣ по части астрономіи. Изъ работъ Хавскаго по генеалогіи извѣстны: «Предки и потомство рода Романовыхъ» (1865); «Сокращенная родословная роспись къ генеалогическому изслѣдованію о родѣ Романовыхъ» (1868); «Вѣчный указатель времени династіи царствованія дома Романовыхъ» (1872). Въ 1864 г. Х. написалъ «Валаамскій міротворный кругъ» съ цѣлью отвратить «мракъ хронологической учености запада, принявшаго предложеніе папы Григорія XIII, отъ котораго отреклась наша церковь еще въ 1582 г.». Кромѣ вышеупомянутыхъ сочиненій Х. напечаталъ еще около 40 брошюръ, относящихся преимущественно къ предметамъ церковной хронологіи, пасхаліи, генеалогіи и русской исторіи. Сочиненія Хавскаго какъ по юриспруденціи, такъ и по исторіи, генеалогіи и хронологіи не блещутъ ни глубиной мысли, ни оригинальностью, но свидѣтельствуютъ объ огромномъ трудолюбіи автора, и это трудолюбіе въ свое время было оцѣнено современниками. Х. былъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ, членомъ Одесскаго общества исторіи и древностей и членомъ-корреспондентомъ Археографической коммисіи, гдѣ принималъ участіе въ изданіи полнаго собранія русскихъ лѣтописей. Не смотря на трудовую жизнь, Х. дожилъ до глубокой старости и умеръ на 106 году.

«На память друзьямъ моимъ», автобіограф. очеркъ П. В. Хавскаго, кн. I и II, М. 1874.—«Формул. списокъ о службѣ д. с. с. П. В. Хавскаго», М. 1867. – «Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Моск. архивѣ министерства юстиціи», СПб. 1869 г., кн. I, стр. XXVIII — XXIX, кн. VI, статья «Очеркъ дѣятельности комитета, учрежд. въ 1835 г. для описанія Московскихъ сенатскихъ архивовъ», стр. 130 — 191. — П. Ивановъ: «Краткій отчетъ о занятіяхъ коммисіи составленія свода запретительныхъ и разрѣшительныхъ книгъ».—«Краткій очеркъ дѣятельности Втораго отдѣл. Собств. Е. В. канц. за 1826 — 1876 гг.», СПб. 1876. — А. Ѳ. Бычковъ: «Къ L-лѣтію II отдѣленія» («Русская Старина» 1876 г., № 2).—«Восемьнадцатое присужденіе учрежденныхъ Н. Н. Демидовымъ наградъ, 17 апрѣля 1849 г.», СПб. 1849. — «Ученыя записки Имп. Акад. Наукъ по I и IIотдѣл.», т. 3, вып. V, статья ак. Куника.—«Чтенія въ Общ. ист. и древн. росс. 1875 г., № 4: (Арх. Григорій: «О лѣтахъ жизни П. В. Хавскаго»).—«Всемірная иллюстр.» 1871 г., № 375.—Москов. Вѣд.» 1876 г., № 25, 28.—Иконниковъ: «Опытъ русской исторіографіи», ч. I, стр. 157—158.

А. У.

Хагенъ, *Августъ*, живописецъ, см. Гагенъ.

Хаджи-Муратъ, отважный сподвижникъ имама Шамиля въ его многолѣтней борьбѣ съ Россіей. Совершивъ въ 1851 г. съ небольшимъ отрядомъ мюридовъ удалое вторженіе въ Кайтахъ и Таба-Сарань, Х.-М. послѣ двухъ неудачныхъ стычекъ въ ноябрѣ сего года бѣжалъ отъ гнѣва Шамиля и передавшись близъ крѣпости Воздвиженской отряду полковника кн. С. М. Воронцова, былъ отправленъ въ Тифлисъ. Но уже весною 1852 г. онъ сдѣлалъ попытку ускакать въ родныя горы и былъ убитъ въ геройской защитѣ противъ своихъ преслѣдователей. Довольно обширный и весьма интересный разсказъ Х.-Мурата о своихъ подвигахъ, записанный М. Т. Лорисъ-Меликовымъ, напечатанъ въ «Русской Старинѣ» (1881, т. XXX); тамъ же помѣщена и переписка о Х.-Муратѣ кавказскаго намѣстника кн. М. С. Воронцова съ военнымъ министромъ кн. А. Н. Чернышевымъ въ 1851 и 1852 гг., изъ которой видно, какое кн. Воронцовъ придавалъ значеніе этому горцу-разбойнику.

«Русск. дѣятели въ портретахъ», изд. редакціи «Русской Стар.», собраніе 2-ое, 1886.

Хайловъ, *Емельянъ*, пушечный литейный мастеръ, род. въ 1720 г. Сынъ монетчика С.-Петербургскаго монетнаго двора Михаила или Сергѣя Хайлова, онъ въ 1739 г. былъ «пушечнымъ ученикомъ», а по удаленіи литейнаго мастера Эрсмана, которому въ 1772 г. была поручена отливка памятника императору Петру I работы Фальконета, на него возложено было смотрѣніе за плавильною печью, и ему то Фальконетъ былъ обязанъ спасеніемъ сво-

ей работы въ 1775 г.: въ литейной, вслѣдствіе лопнувшей трубы, расплавленный металлъ хлынулъ на полъ и грозилъ уничтоженіемъ всей литейной и работѣ Фальконета; всѣ рабочіе въ страхѣ разбѣжались, и только Х., не теряя присутствія духа, остался на своемъ мѣстѣ и съумѣлъ заткнуть неожиданно образовавшуюся трещину и вовремя потушить пламя. Онъ же исправилъ на памятникѣ голову змѣи и хвостъ лошади.

«Историч. извѣстіе объ извѣстн. конн. изображ. Петра Вел.», стр. 76—79 и 84.—П. Сумароковъ: «Обозрѣніе царствованія имп. Екатерины Вел.», II, 151—153.—«Вѣстн. Евр.» 1819 г., № 16, стр. 261 и 284—285.—«Худож. Газета» 1841 г., № 15, стр. 5. *Н. С.*

Халанскій, *Андрей Ивановичъ*, т. с., сенаторъ, род. въ 1795 г., ум. 28 марта 1864 г.; высшее образованіе получилъ въ Харьковскомъ университетѣ и 26 декабря 1816 г. вступилъ въ службу въ канцелярію Малороссійскаго военнаго губернатора, откуда спустя три года былъ переведенъ въ Государственную коммисію погашенія долговъ. Въ 1824 г. Х. перешелъ на службу въ Государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, но уже въ декабрѣ 1826 г. снова поступилъ въ коммисію погашенія долговъ, въ должности правителя канцеляріи, и спустя два года назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря при предсѣдателѣ Государственнаго Совѣта. Въ 1832 г. Х. получилъ постъ дѣлопроизводителя Высочайше утвержденнаго комитета о Царствѣ Польскомъ, а въ 1840 г. былъ назначенъ исправляющимъ должность статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта по департаменту дѣлъ Царства Польскаго. Наконецъ, съ 1856 г. и до самой смерти присутствовалъ въ Сенатѣ, сначала въ департаментѣ герольдіи, а съ 1857 г. въ третьемъ департаментѣ. За отличное исполненіе возлагавшихся на него порученій и особые труды по дѣламъ Россійско-Американской компаніи, коммисіи погашенія долговъ и комитета о Царствѣ Польскомъ Х. неоднократно удостоивался служебныхъ наградъ до ордена св. Владиміра 2 степени включительно.

Формул. списокъ, хранящійся за № 1681 въ сенатскомъ архивѣ. *А. Д.*

Халезовъ, *Ѳедоръ Антоновичъ*, полковникъ корпуса штурмановъ, одинъ изъ сподвижниковъ лейтенанта Г. И. Невельскаго, род. въ 1787 г., ум. въ С.-Петербургѣ 26 дек. 1866 г. Получивъ домашнее образованіе, Х. въ 1799 г. поступилъ на службу въ штурманскіе ученики и въ 1811 г. произведенъ въ первый офицерскій чинъ. Во время разрыва съ Англіею, въ 1808 г., Х. служилъ на тендерѣ или, какъ тогда называли, катерѣ «Опытъ», состоявшемъ подъ командою лейтенанта Г. И. Невельскаго. Получивъ 11 іюня того же года приказъ итти изъ Свеаборга на видъ острова Наргена съ депешами къ корвету «Лашарлотъ» и выйдя въ открытое море, тендеръ нѣсколько часовъ спустя по ошибкѣ набѣжалъ на 44-пушечный англійскій фрегатъ «Сальсетъ» и вступилъ съ нимъ въ неравный бой. Послѣ 4-часового боя, во время котораго Х. правилъ рулемъ, сильно пострадавшій «Опытъ», воспользовавшись наступившимъ штилемъ, на веслахъ ушелъ въ Ревель. Въ этомъ геройскомъ сраженіи Х. былъ тяжело раненъ вмѣстѣ съ командиромъ судна. Въ 1813 г. онъ находился при блокадѣ Данцига и при высадкѣ десанта съ гребной флотиліи и участвовалъ въ дѣлѣ противъ французовъ вмѣстѣ съ Воронежскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Когда въ 1815 г. въ морскомъ вѣдомствѣ возникъ вопросъ относительно неправильнаго дѣйствія компаса у береговъ острова Юссари, то морской министръ предложилъ адмиралтейской коллегіи произвести подробныя наблюденія надъ склоненіемъ магнитной стрѣлки у названнаго острова и выбрать для этой экспедиціи искуснаго морского офицера, снабдивъ его необходимыми инструментами. Выборъ палъ на Халезова, который отправился въ экспедицію на палубномъ ботѣ съ помощниками Кузьминымъ и Бабашинымъ. Три года длились наблюденія, результатомъ которыхъ явился замѣчательный трудъ: «Испытаніе надъ примѣченнымъ неправильнымъ дѣйствіемъ магнитной стрѣлки у острова Юссари, учиненное въ 1815, 1816 и 1817 годахъ», напечатанный въ «Запискахъ Госуд. Адмиралтейскаго Департамента» 1820 г. (ч. IV-ая). Къ этой статьѣ была приложена весьма подробная карта острова Юссари и его окрестностей съ обозначеніемъ направленія неправильнаго дѣйствія магнитной стрѣлки. Свѣдѣнія, собранныя Халезовымъ, впослѣдствіи приложены были ко

всѣмъ картамъ Финскаго залива, изданнымъ Сорычевымъ, и ими руководствовались до изданія картъ по новой описи М. О. Рейнеке. Командуя тендеромъ «Алисъ», Х. лѣтомъ 1821 г. занимался описью Свеаборга и изслѣдованіемъ всѣхъ фарватеровъ, къ нему ведущихъ, а осенью былъ назначенъ старшимъ штурманомъ на бригъ «Аяксъ», снаряженный съ грузомъ въ Камчатку. Въ теченіе 1827 — 1829 гг., служа на фрегатахъ «Елена» и «Касторъ» въ Средиземномъ морѣ и въ Архипелагѣ, Х. участвовалъ въ Наваринскомъ сраженіи и былъ контуженъ въ правый бокъ. По возвращеніи изъ Средиземнаго моря онъ служилъ на судахъ Балтійскаго флота и, будучи уже подполковникомъ, въ зимнее время постоянно участвовалъ въ экзаменаціонныхъ коммисіяхъ въ Кронштадтскомъ штурманскомъ училищѣ. Въ 1850 г. Х., по болѣзни, вышелъ въ отставку, но несмотря на свои преклонныя лѣта и болѣзнь, не переставалъ слѣдить за научными успѣхами въ морскомъ дѣлѣ.

«Русскій Архивъ» 1869 г., № 11 и 12, стр. 2016. — «Морской Сборникъ» 1867 г., февраль (статья А. Андреева).—«Иллюстр. Газета» 1867 г., № 12.

Халколивановъ, *Иванъ Егоровичъ*, протоіерей, род. въ 1814 г., ум. 1 февраля 1882 г. Сынъ священника Саратовской епархіи, онъ съ 1830 по 1836 г. обучался въ Саратовской духовной семинаріи, а довершалъ свое образованіе въ Московской духовной академіи, гдѣ въ 1840 г. окончилъ курсъ третьимъ магистромъ и въ томъ же году былъ назначенъ преподавателемъ словесности во вновь открытую тогда Симбирскую семинарію. Въ 1845 г. онъ былъ рукоположенъ во священника къ Казанско-Богородицкому собору г. Самары, бывшаго тогда еще уѣзднымъ городомъ Симбирской губерніи, и вскорѣ возведенъ въ санъ протоіерея. Съ этого времени начинается его широкая педагогическая, пастырская и административная дѣятельность, вполнѣ обнаружившая его далеко не дюжинныя способности, неутомимую энергію, твердый, неподкупно честный характеръ и жизнь вполнѣ достойную истиннаго пастыря христовой церкви. Онъ уже тогда былъ и первоприсутствующимъ въ мѣстномъ духовномъ правленіи, и благочиннымъ градскихъ церквей, и цензоромъ проповѣдей, и катихизаторомъ, и миссіонеромъ, и ректоромъ уѣзднаго и приходскаго училищъ. Когда же въ 1851 г. Самара сдѣлана была губернскимъ епархіальнымъ городомъ, съ присоединеніемъ къ ней, для образованія губерніи и епархіи, нѣсколькихъ уѣздовъ изъ прежняго состава Симбирской, Саратовской и Оренбургской губерній, тогда дѣятельность Халколивановa еще болѣе расширилась. Онъ принялъ самое живое и дѣятельное участіе въ учрежденіи Симбирской духовной семинаріи и епархіальнаго женскаго училища, при чемъ самъ въ нихъ по нѣскольку лѣтъ былъ преподавателемъ различныхъ предметовъ, не отказавшись быть законоучителемъ и мѣстныхъ уѣзднаго училища и гимназіи. При его же участіи, вмѣсто Казанско - Богородицкаго, Спасо-Вознесенскій храмъ былъ сдѣланъ каѳедральнымъ соборомъ, и Х. назначенъ въ немъ каѳедральнымъ протоіереемъ. При открытіи Самарской духовной консисторіи, какъ главнаго органа епархіальнаго управленія, Х. сдѣлался первоприсутствующимъ членомъ ея и до конца жизни былъ умнымъ совѣтникомъ, скорымъ и искуснымъ рѣшителемъ дѣлъ, строгимъ и вѣрнымъ исполнителемъ правительственныхъ распоряженій, блюстителемъ законовъ справедливости и неутомимымъ труженикомъ, такъ что наканунѣ смерти съ чистою совѣстью могъ сказать, выходя изъ присутствія консисторіи, что у него «не осталось ни одной бумаги неисполненною». Какъ миссіонеръ, онъ своими увѣщаніями, цѣлесообразнымъ дѣйствованіемъ и неутомимою энергіею достигъ того, что многіе раскольники присоединились къ православію на правилахъ единовѣрія. Какъ педагогъ, онъ обладалъ замѣчательнымъ умѣньемъ говорить съ дѣтьми по-дѣтски, а съ взрослыми болѣе серьезно и увлекать тѣхъ и другихъ къ внимательному слушанію и уваженію себя. Вообще это былъ человѣкъ, всю свою жизнь полагавшій на служеніе благу общему и не щадившій себя ради этого блага. Онъ и умеръ въ этомъ служеніи чрезъ четыре часа послѣ совершеннаго имъ съ обычнымъ благоговѣніемъ всенощнаго бдѣнія подъ праздникъ Срѣтенія Господня въ Казанско-Богородицкомъ храмѣ, въ которомъ нѣкогда началъ свое служеніе въ священ-

номъ санѣ. Пользуясь общимъ уваженіемъ въ городѣ, какъ вполнѣ достойный дѣятель на поприщѣ общественнаго служенія, онъ былъ постоянно во вниманіи и у высшаго духовнаго начальства и получилъ всѣ, возможныя въ его положеніи, награды, отъ скуфьи до ордена св. Владиміра 3 ст. и палицы; имѣлъ также наперсный крестъ съ драгоцѣнными камнями изъ кабинета Его Величества. Какъ человѣкъ весьма умный и высокообразованный, Х. сдѣлался извѣстнымъ и на учено-литературномъ поприщѣ; болѣе важные труды его можно раздѣлить на проповѣдническіе, учебные и миссіонерскіе. Къ первому разряду принадлежатъ: 1) «Слова и поученія на воскресные и праздничные дни», 2 части, СПб., 1855, изд. 2-е, Самара, 1873; 2) «Бесѣды къ причастникамъ Святыхъ Христовыхъ Таинъ», Самара, 1865; 3) «Слова и поученія на всѣ недѣли въ году, на праздники Господскіе и Богородичные, на дни святыхъ, особенно чтимыхъ св. православною церковію, на дни высокоторжественные, на нѣкоторые особые случаи и на св. четыредесятницу», 2 части, Спб. 1865; второе изданіе, съ четырьмя житіями святыхъ, вышло въ Самарѣ, 1872—1873; 4) «Катихизическія поученія» (на символъ вѣры, на молитву Господню, на заповѣди закона Божія и проч.), Самара, 1874. Ко второму разряду относятся: 5) «Краткое ученіе о св. храмѣ и утвареяхъ его; о священно-церковно-служителяхъ и облаченіяхъ ихъ», Самара, 1859, 2-е изданіе—1862, 3-е изданіе, дополненное ученіемъ о богослуженіи и богослужебныхъ книгахъ, СПб. 1863; 6) «Краткое ученіе о богослужебныхъ книгахъ, употребляемыхъ въ православной русской церкви», Самара, 1860; 2-е изданіе — Москва, 1862; 7) «Православное нравственное богословіе, составленное по программѣ, изданной духовно-учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ для православныхъ семинарій», Самара, 1872; второе изданіе, исправленное и дополненное, тамъ же, 1875. Къ третьему разряду можно отнести: 8) «Письма духовнаго отца къ его духовному сыну, живущему въ селеніи, въ которомъ есть часть молоканъ, о вѣрѣ и жизни христіанской», Самара, 1863; 9) О римско-католической церкви», Самара, 1865. Наконецъ, его перу принадлежитъ еще нѣсколько трудовъ критико-библіографическаго характера, каковы, напримѣръ, «Замѣтки на статью: «Письма священника къ своему собрату», въ «Странникѣ» за 1869 г., мартъ; «Отвѣтъ рецензенту моей книги г. Гренкову», въ «Православномъ Собесѣдникѣ» за 1872 г., декабрь, и нѣкоторые другіе.

С. К. Смирновъ: «Исторія Московской духовной академіи», Москва 1879, стр. 475. — «Русскія Вѣдомости» 1892 г., № 38.—Д. Д. Языковъ: «Писатели, умершіе въ 1882 г.». — «Самарск. Епарх. вѣдом.» за 1882 г. Подробный отзывъ о «Нравственномъ богословіи» протоіерея Халколиванова см. въ книгѣ: «Сборникъ отзывовъ Учебнаго комитета при Св. Синодѣ о сочиненіяхъ, одобренныхъ для учебныхъ заведеній духовнаго и другихъ вѣдомствъ», Спб. 1877, стр. 262 — 287.— «Правосл. Собесѣдникъ» 1872 г., сентябрь.

Иванъ Корсунскій.

Халчинскій, *Иванъ Дмитріевичъ*, генеральный консулъ въ Молдавіи и Валахіи, д. с. с., род. въ г. Кременчугѣ, гдѣ отецъ его служилъ почтмейстеромъ, въ 1810 г., ум. въ 1856 г.; образованіе получилъ въ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородко и 1829 г., по окончаніи курса со степенью кандидата, поступилъ на службу въ департаментъ внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ. Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ Константинополѣ въ должности секретаря нашего посольства, Х. вернулся въ С.-Петербургъ и занялъ мѣсто начальника отдѣленія въ Азіатскомъ департаментѣ, затѣмъ снова былъ назначенъ въ Константинополь совѣтникомъ посольства и оставался тамъ до 1850 г., когда для поправленія разстроеннаго здоровья удалился въ свое имѣніе Полтавской губерніи, гдѣ у него былъ небольшой, но замѣчательный конскій заводъ арабскихъ лошадей. Въ началѣ 50-тыхъ годовъ Х. снова поступилъ на службу, получивъ постъ генеральнаго консула въ Молдавіи и Валахіи. Съ очищеніемъ Дунайскихъ княжествъ нашими войсками онъ возвратился на родину и вскорѣ затѣмъ умеръ на 46 г. жизни. Изъ литературныхъ трудовъ Халчинскаго извѣстенъ, между прочимъ, составленный имъ обстоятельный біографическій очеркъ К. М. Базили, его товарища по Нѣжинской гимназіи, бывшаго въ 1854 г. русскимъ полномочнымъ коммисаромъ въ Дунайскихъ княжествахъ.

«Гимназія высшихъ наукъ и лицей кн. Безбородко». Изд. 2-е, Спб. 1881, стр. 326—333, 473.

Я. З.

Халчинскій, *Ѳедоръ Лаврентьевичъ*, управляющій Государственнымъ заемнымъ банкомъ, т. с., ум. въ С.-Петербургѣ 26 дек. 1860 г. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, поступилъ въ 1803 г. на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и, причисленный къ Московскому ея архиву, занимался подъ руководствомъ Н. Н. Бантыша-Каменскаго разборомъ дипломатическихъ дѣлъ прежняго времени; съ 1807 — 1809 г. состоялъ при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ, а съ 1809—1817 г.—въ министерской канцеляріи канцлера графа Румянцева. Въ 1817 г. Х. находился при министрѣ иностранныхъ дѣлъ графѣ Нессельроде въ Москвѣ и оттуда былъ командированъ въ Варшаву, гдѣ въ то время императоръ Александръ I открывалъ первый польскій сеймъ; въ томъ же году сопровождалъ управлявшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ на конгрессъ въ Ахенъ. Затѣмъ Х. занималъ различныя должности то въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, то въ придворномъ вѣдомствѣ, пока въ 1843 г. не перешелъ на службу въ министерство финансовъ, въ которомъ сперва состоялъ управляющимъ новоучрежденною, взамѣнъ ассигнаціоннаго банка, экспедиціею государственныхъ кредитныхъ билетовъ, а съ января 1854 г.—управляющимъ государственнымъ заемнымъ банкомъ и оставался въ этой должности до преобразованія банка. 31 дек. 1853 г. исполнилось 50-тилѣтіе служебной дѣятельности Халчинскаго, и по этому случаю онъ былъ награжденъ чиномъ тайнаго совѣтника и орденомъ св. Владиміра 2 ст. Х. перевелъ съ нѣмецкаго книгу «Наполеонъ Бонапарте и французскій народъ» (Спб. 1806) и съ французскаго сочиненіе генерала Жомини «Разсужденіе о великихъ военныхъ дѣйствіяхъ, или критическое и сравнительное описаніе походовъ Фридриха и Наполеона», въ 8 частяхъ (Спб. 1809—1811).

«Русск. Архивъ» 1864 г., изданіе 2-е, стр. 1080–1081.—«Сѣверная Пчела» 1854 г., № 6.—«Мѣсяцесловъ» на 1862 г., стр. 118—119.

Хальфины, татарская семья, въ трехъ поколѣніяхъ служившая просвѣщенію Россіи относительно татарскихъ инородцевъ.

1) *Хальфинъ*, *Сагитъ*, казанскій татаринъ, служившій толмачемъ въ мѣстной адмиралтейской конторѣ, пріобрѣлъ извѣстность, какъ депутатъ отъ Старой и Новой татарскихъ слободъ въ Казани въ Коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія. Императрица Екатерина II обратила вниманіе на Хальфина и, постоянно заботясь о развитіи у насъ знаній восточныхъ языковъ, повелѣла ввести въ Казанской гимназіи преподаваніе татарскаго языка и назначить преподавателемъ Хальфина, который по этому случаю былъ съ потомствомъ изъятъ изъ податного сословія и награжденъ званіемъ «переводчика съ чиномъ». Преподаваніе Х. началъ въ 1769 г. Ему принадлежитъ первое по времени пособіе на русскомъ языкѣ для изученія татарскаго языка: «Азбука татарскаго языка», отпечатанная въ Москвѣ въ 1778 г. Въ 1785 г. Х. по старости отказался отъ преподаванія.

2) *Хальфинъ*, *Исхакъ*, сынъ Сагита, смѣнилъ отца въ должности учителя татарскаго языка въ Казанской гимназіи и исполнялъ ее до своей смерти, послѣдовавшей въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія. Онъ перевелъ на татарскій языкъ «Учрежденіе о губерніяхъ» и «Уставъ управы благочинія», для чего былъ вызванъ въ Петербургъ. Переводъ напечатанъ въ 1792 г. Въ награду за этотъ трудъ Х. получилъ чинъ губернскаго секретаря и деньгами 1000 р.

3) *Хальфинъ*, *Ибрагимъ*, сынъ Исхака, поступилъ въ Казанскую гимназію учителемъ татарскаго языка въ 1800 г. и несъ эту обязанность до своей смерти, послѣдовавшей въ 1828 г. Кромѣ того онъ былъ первымъ лекторомъ татарскаго языка въ Казанскомъ университетѣ (1812—1828). Онъ напечаталъ въ Казани въ 1809 г. татарскую грамматику и первую у насъ христоматію для татарскаго языка подъ заглавіемъ: «Жизнь Чингисъ-хана и Аксакъ Тимура»; ему же, по мысли академика Френа, было поручено печатаніе въ Казани джагатайскаго текста исторіи, написанной Абуль-Гази-ханомъ.

Ковалевскій: «Обозрѣніе хода и успѣховъ преподаванія азіатскихъ языковъ въ Казанск. универс.», Казань, 1842.—В. Владиміровъ: «Историч. записка о 1-ой Казанской гимназіи», Казань, 1867 и 68.—А. Артемьевъ: «Казанскія гимназіи въ XVIII ст.», СПб. 1874 (также въ «Журн. Мин. нар. просв.» 1874 г., ч. 173, № 5, 174, № 7, 176, № 11).

Н. Веселовскій.

Хандошкинъ, *Иванъ*, композиторъ, капельмейстеръ, скрипачъ-виртуозъ и камеръ-музыкантъ, пользовавшійся огромнымъ успѣхомъ при дворѣ императрицы Екатерины II, род. въ 1765 г., ум. въ 1804 г. Сынъ бѣднаго петербургскаго портного, онъ происходилъ изъ крѣпостного званія. Уже въ раннемъ дѣтствѣ Х. обнаружилъ большія музыкальныя дарованія, выучившись превосходно играть на балалайкѣ, а затѣмъ пристрастившись къ игрѣ на скрипкѣ. Первоначально онъ обучался въ Петербургѣ у Тито Порто, камеръ-музыканта скрипача, состоявшаго 40 лѣтъ на службѣ дирекціи императорскихъ театровъ; послѣ этого, благодаря содѣйствію извѣстнаго мецената Л. А. Нарышкина, для усовершенствованія ѣздилъ за границу, гдѣ также бралъ уроки и достигъ такого совершенства, что состязался съ первыми европейскими скрипачами: Віотти, Местрино и др., и затмевалъ ихъ своей игрой, вполнѣ оправдывая данное ему современниками прозваніе «русскаго Паганини». Игра его отличалась «сильной техникой и особенно геніальнымъ порывомъ». Какъ композиторъ Х. былъ очень плодовитъ и написалъ много сонатъ, концертовъ и варіацій для скрипки съ фортепіано; ему приписываютъ до 100 сочиненій для скрипки, но о нихъ не имѣется почти никакихъ свѣдѣній, за исключеніемъ нѣсколькихъ варіацій на русскія пѣсни, изданныхъ въ концѣ XVIII в. магазиномъ И. Д. Герстенберга въ Петербургѣ; затѣмъ одна его соната была издана значительно позднѣе Ѳ. Стелловскимъ. О времени поступленія Хандошкина на службу дирекціи императорскихъ театровъ ничего не извѣстно, но въ 1783 г. онъ уже получалъ жалованья 1100 р. въ годъ и кромѣ того квартирныя и дровяныя деньги, вознагражденіе для того времени очень хорошее. Въ февралѣ 1784 г. Х. просилъ о выдачѣ ему квартирныхъ и дровяныхъ денегъ за три года, съ 1781 г., слѣдовательно можно предположить, что служба его началась не позже этого времени; продолжалась же она до 1 марта 1785 г., когда съ Высочайшаго соизволенія, по ходатайству кн. Г. А. Потемкина, Х. былъ уволенъ отъ службы дирекціи для опредѣленія въ проектированный въ Екатеринославлѣ университетъ, съ награжденіемъ чиномъ придворнаго мундшенка. Согласно этому состоялось постановленіе дирекціи Хандошкина отъ службы уволить и дать ему о добропорядочномъ поведеніи аттестатъ; на его же мѣсто былъ назначенъ скрипачъ Сыромятниковъ. О назначеніи Хандошкина въ Екатеринославскій университетъ имѣются нѣкоторыя данныя, кромѣ архива дирекціи, также и въ архивѣ Екатеринославской городской управы. Въ ордерѣ кн. Потемкина правителю намѣстничества Екатеринославскаго отъ 26 апрѣля 1785 г., между прочимъ, сказано, что Х. «уволенъ къ опредѣленію въ Екатеринославскій университетъ съ награжденіемъ чиномъ придворнаго мундшенка, который чинъ ему отъ Правительствующаго Сената и объявленъ». Достовѣрныхъ свѣдѣній о дѣятельности Хондошкина въ Екатеринославлѣ не имѣется. Въ одномъ изъ своихъ прошеній въ дирекцію императорскихъ театровъ онъ называетъ себя начальникомъ Екатеринославскаго университета, но, какъ извѣстно, учрежденіе этого университета осталось лишь въ проектѣ, хотя для него была уже ассигнована опредѣленная сумма и приглашены нѣкоторые преподаватели, которымъ производилось даже жалованье. Что же касается долженствовавшей состоять при немъ академіи художествъ и музыки, то она подъ названіемъ Екатеринославской музыкальной академіи существовала независимо отъ университета въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и содержалась на счетъ суммъ, которыя отпускались на нее изъ Кабинета Ея Величества, но послѣ смерти кн. Потемкина (4 октября 1791 г.) дѣла академіи пошатнулись и самое существованіе ея было болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Вотъ въ этой то академіи Хандошкинъ, вѣроятно, и былъ—преподавателемъ и нѣкоторое время начальникомъ, исполняя послѣднія обязанности за извѣстнаго композитора Сарти, который по конткракту, заключенному 10 февраля 1787 г. съ кн. Потемкинымъ, обязался быть «директоромъ музыки, состоящей при учрежденномъ въ г. Екатеринославлѣ университетѣ, обучать тамъ сочиненію опой и самому сочинять музыкальныя пьесы, въ коихъ будетъ надобность», но впослѣдствіи, именуясь уже директоромъ Екатеринославской музыкальной академіи, часто совершалъ, по порученію кн. Потемкина, про-

должительныя поѣздки по дѣламъ музыки, на время которыхъ, очевидно, и долженъ былъ кому либо передавать свои обязанности по управленію академіею.

Архивъ дирекціи имп. театровъ, вып. I, СПб. 1892.—М. М. Владиміровъ, «Первое столѣтіе города Екатеринослава». Екатеринославъ, 1887.—«Руководство къ изученію исторіи музыки А. фонъ Доммера», съ приложеніемъ очерка исторіи музыки въ Россіи, З. Дурова, Москва, 1884. — Вл. Михневичъ: «Очеркъ истор. музыки въ Россіи», СПб., 1879. — «Русск. энциклоп. словарь» Березина. — «Біографич. лексиконъ русск. композиторовъ» (Рубецъ), СПб., 1879. — «Biographie universelle des musiciens», par F. Y. Fétis, t. VII.

Н. Л-скій.

Ханенко, *Михаилъ Осиповичъ*, профессоръ древнихъ языковъ и россійской словесности въ бывшемъ Демидовскомъ училищѣ въ г. Ярославлѣ, род. въ 1779 г. въ Черниговской губ., ум. въ Ярославлѣ въ декабрѣ 1839 г. Первоначальное образованіе получилъ дома, затѣмъ воспитывался въ Кіевской духовной академіи (1796—1805) и въ Московскомъ университетѣ, гдѣ, по окончаніи курса въ 1809 г., получилъ степень кандидата физико-математическихъ наукъ, а два года спустя защитилъ диссертацію, за которую былъ удостоенъ степени магистра свободныхъ наукъ. Въ 1811 г. Х. поступилъ на службу старшимъ комнатнымъ надзирателемъ и учителемъ логики, риторики, поэзіи и латинскаго языка въ бывшій при Московскомъ университетѣ благородный пансіонъ, а въ 1812 г. былъ назначенъ профессоромъ Демидовскаго училища (нынѣ юридическаго лицея) и занималъ эту должность до конца жизни, исполняя неоднократно и обязанности проректора. Х. состоялъ предсѣдателемъ бывшаго при училищѣ общества любителей россійской словесности, а также дѣйствительнымъ членомъ такого же общества въ Казани. Онъ, между прочимъ, написалъ: «Разсужденіе о духѣ первобытной поэзіи» (Москва, 1813) и «Разсужденіе о сущности, цѣли и употребленіи изящныхъ искусствъ» (М., 1828). Уже послѣ его смерти были помѣщены въ «Черниговскихъ губ. вѣдомостяхъ» за 1852 г. его изслѣдованія «Графъ М. В. Гудимъ-Левковичъ» (№ 1) и «О бумагахъ генеральнаго хорунжаго Н. Д. Ханенка» (№№ 33 и 34).

«Черты жизни и дѣятельности Ярос. Демид. высшихъ наукъ училища», Ярославль, 1869, стр. 43 и 57. — К. Д. Головщиковъ: «П. Д. Демидовъ и исторія основаннаго имъ Демид. училища», Яросл. 1887, стр. 27, 177 и 178.

Ханенко, *Михаилъ Степановичъ*, малороссійскій гетманъ. О немъ сохранились лишь немногія свѣдѣнія; отецъ его, Степанъ Ханенко, служилъ въ началѣ XVII в. въ Запорожскомъ войскѣ и умеръ, вѣроятно, или въ городѣ Умани, или гдѣ либо по близости; мать была полька изъ фамиліи Лукомскихъ или Луковскихъ; у нихъ было три сына, и старшій изъ нихъ, Михаилъ, родился приблизительно въ 1620-хъ годахъ. Далѣе свѣдѣнія о Михаилѣ Ханенкѣ прекращаются до 1659 г., но, конечно, онъ долженъ былъ принимать участіе въ происходившей тогда борьбѣ за Малороссію, и при томъ въ свое время замѣтное, такъ что въ 1659 г. онъ уже былъ Уманскимъ полковникомъ. Въ этомъ званіи пробылъ онъ до 1669 г., путаясь въ тѣхъ интригахъ и междоусобіяхъ, которыя наступили въ Малороссіи по смерти Богдана Хмельницкаго, и придерживаясь преимущественно гетмановъ, стоявшихъ за союзъ съ Рѣчью Посполитой. Отъ Юрія Хмельницкаго Ханенко ѣздилъ посломъ къ королю Яну Казимиру, отъ котораго въ 1661 г. получилъ вмѣстѣ съ братьями нобилитацію, а отъ гетмана Тетери былъ даже наказнымъ гетманомъ; въ 1663 г., когда король Янъ Казиміръ шелъ въ походъ на Русь, Х. строилъ для него мостъ чрезъ рѣку Днѣпръ подъ Ржищевымъ. Въ 1669 г. онъ принялъ сторону гетмана Суховія противъ Дорошенка, а послѣ торжества послѣдняго и бѣгства Суховія въ Запорожье самъ явился кандидатомъ въ гетманы и на радѣ въ Умани въ 1670 г. былъ избранъ, хотя лишь казаками немногихъ правобережныхъ полковъ. Опасаясь Дорошенка, Х. вступилъ въ сношенія съ тогдашнимъ гетманомъ лѣвобережной стороны Многогрѣшнымъ, воевавшимъ съ Дорошенкомъ; потомъ Х. помирился съ Дорошенкомъ на условіи, что новая казацкая рада разрѣшитъ ихъ споръ о гетманской булавѣ, но, вѣроятно, не разсчитывая на успѣхъ, бѣжалъ въ Запорожье, а оттуда въ Крымъ, чтобы добыть себѣ помощи у татаръ. Помощь эту онъ получилъ, но все же не могъ одолѣть Дорошенка, снова бѣжалъ въ Сѣчь и сталъ заискивать у Московскаго правительства, но большого успѣха не имѣлъ; послѣ чего вошелъ въ сношенія съ польскимъ правительствомъ и заручился его согласіемъ на свое гетман-

ство, обѣщавъ за то вновь соединить Малороссію съ Рѣчью Посполитой. Дѣйствительно, по признаніи его гетманомъ, Х. тотчасъ же (1670) заключилъ договоръ съ Польшей на условіяхъ, сходныхъ съ условіями Гадяцкаго договора, заключеннаго незадолго до того при гетманѣ Выговскомъ, присягнулъ королю Михаилу и получилъ отъ него въ 1671 г. знаки гетманскаго достоинства и значительныя помѣстья въ Уманщинѣ (гор. Брусиловъ и др.). Считался гетманомъ Х. до 1674 г., но его признавала въ этомъ званіи лишь часть лѣвобережной Малороссіи, державшаяся Рѣчи Посполитой (лѣвобережная съ гетманомъ Многогрішнымъ стояла за Москву), тогда какъ другая, даже большая часть правобережья съ гетманомъ Дорошенкомъ предалась туркамъ; да и въ своей части Х., поселившійся въ Умани, не чувствовалъ себя вполнѣ безопаснымъ и въ борьбѣ съ Дорошенкомъ терпѣлъ неудачи. Когда въ 1672 г. Дорошенко навелъ турокъ на Каменецъ (Подольскій), Х. по приказанію польскаго начальства пытался не пропустить Дорошенка къ этой важной крѣпости, но былъ разбитъ у Четвертиновки на р. Бугѣ, и турки овладѣли Каменцомъ. Въ послѣдующей войнѣ между Польшей и Турціей Ханенко тоже принималъ участіе, но не имѣвшее важнаго значенія. Между прочимъ Дорошенко былъ признанъ въ 1672 г. гетманомъ и уманскими казаками и захватилъ въ Умани всю семью гетм. Ханенка, который ушелъ въ Польшу, но приверженцы Дорошенка такъ безобразно вели себя въ Умани, что на Пасху 1673 г. здѣсь вспыхнуло возстаніе, дорошенковцы были изгнаны, а уманцы снова признали гетманомъ Ханенка. Онъ занялъ Умань и опять вступилъ въ борьбу съ Дорошенкомъ изъ за булавы, но, разбитый имъ и турками у Стеблева на р. Роси, сперва отступилъ къ Кіеву, прося разрѣшенія у кіевскаго воеводы войти въ городъ, а когда воевода отогналъ его отъ Кіева, бѣжалъ въ запорожскія степи; Умань же и другіе признававшіе его гетманомъ города были разорены турками. Потерявъ надежду утвердиться въ гетманскомъ достоинствѣ, Х. весною 1674 г. явился въ Переяславль къ гетману Самойловичу (преемнику Многогрішнаго), сдалъ ему булаву и принесъ присягу царю; тогда онъ былъ прощенъ и получилъ значительныя имѣнія въ лѣвобережной Малороссіи, хорошо вознаградившія его за утрату правобережныхъ, такъ что онъ былъ очень богатымъ человѣкомъ. Сперва онъ помогалъ Самойловичу въ его борьбѣ съ Дорошенкомъ, а въ концѣ жизни проживалъ то въ Кіевѣ, то въ Лохвицѣ, то въ Козельцѣ. Ни мѣсто, ни самый годъ его смерти пока неизвѣстны, но едва ли онъ былъ живъ во время паденія Самойловича, т. е. въ 1687 г., иначе о немъ бы вспомнили, можетъ быть, въ это время. Несомнѣнно, что Х. былъ человѣкомъ умнымъ, но его поведеніе во время малорусской «Руины» показываетъ въ немъ большого интригана, готоваго служить всѣмъ и каждому и изъ за личныхъ выгодъ не брезгавшаго измѣною; впрочемъ, такихъ дѣльцовъ было въ то время въ Малороссіи вовсе не мало. Нѣкоторыя показанія рисуютъ его очень жестокимъ и мстительнымъ, другія, можетъ быть, не вполнѣ достовѣрныя, сластолюбивымъ; но все это обычныя черты людей того времени.

Спеціальныхъ сочиненій о М. С. Ханенкѣ нѣтъ, за исключеніемъ развѣ небольшой и бѣглой статейки профессора В. Б. Антоновича, напечатанной въ изданіи «Историческіе дѣятели юго-западной Россіи въ біографіяхъ и портретахъ», вып. 1-й, составили В. Б. Антоновичъ и В. А. Бецъ, Кіевъ 1883. Къ этой статьѣ приложенъ и портретъ Ханенка, переснятый съ портрета коллекціи В. В. Тарновскаго. Обстоятельнѣе говорится о гетм. Ханенкѣ въ монографіи Н. И. Костомарова «Руина», авторъ которой пользовался источниками, и нынѣ еще не опубликованными. Затѣмъ свѣдѣнія о Ханенкѣ находятся у различныхъ малорусскихъ лѣтописцевъ (Самовидца, Велички, Гробянки), а также въ нѣкоторыхъ актахъ, напечатанныхъ въ Памятникахъ, изд. Временною коммисіею для разбора древнихъ актовъ, въ Архивѣ Юго-западной Россіи, въ Архивѣ Южн. и Зап. Россіи и др. Наконецъ, нѣкоторыя свѣдѣнія о Ханенкахъ вообще, на основаніи ихъ родословныхъ документовъ, сообщены О. М. Бодянскимъ въ предисловіи къ опубликованному имъ «Дневнику» (Діаріуму) Н. Д. Ханенка, въ «Чтен. Имп. Общества Ист. и Древн.» 1858 г., кн. I, смѣсь, стр. I—VII.

Ал. Маркевичъ.

Ханенко, *Николай Даниловичъ*, малороссійскій генеральный хорунжій и авторъ записокъ. Свѣдѣнія о его родителяхъ сообщены въ біографіи М. С. Ханенка (см. выше). Х. род. 30 ноября 1691 г., ум. въ Глуховѣ 27 января 1760 г. По смерти отца въ 1697 г. и еще ранѣе потерявъ мать, онъ воспитывался у ея отца, а своего дѣда, извѣстнаго Ломиковскаго; учился

сперва въ Кіево-Могилянской коллегіи, гдѣ въ числѣ его наставниковъ былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ; окончилъ ученіе около 1709 г. въ Львовской академіи. Въ 1710 г. Х. поступилъ въ военную службу и въ 1711 г. участвовалъ въ походѣ, имѣвшемъ цѣлью разореніе нижнеднѣпровскихъ городовъ. Послѣ того онъ служилъ въ генеральной канцеляріи, при чемъ съ 1717 г. состоялъ канцеляристомъ при гетманѣ Скоропадскомъ, а въ 1721 г. получилъ званіе «реента» или старшаго канцеляриста и, пользуясь у гетмана большимъ довѣріемъ, исполнялъ различныя его порученія. Еще въ 1719 г. Х. началъ вести для памяти повседневныя записки, которыя продолжалъ до 1754 г. Когда гетманъ въ 1722 г. отправился въ Москву поздравить императора Петра Великаго съ заключеніемъ Ништадтскаго мира и кстати добиться нѣкоторыхъ льготъ для Малороссіи, Х. сопровождалъ его и въ теченіе полугода велъ особый дневникъ. Поѣздка гетмана была очень неудачна по результатамъ: учреждена была Малороссійская коллегія, и престарѣлый гетманъ съ горя скончался; съ письмами объ этомъ къ императору, бывшему тогда въ Дербентскомъ походѣ, генеральная старшина и полковники отправили Ханенка. По возвращеніи Х. сталъ близкимъ человѣкомъ къ наказному гетману Полуботку и за службы получилъ отъ него двѣ деревни; а когда возникшее ходатайство старшины о выборѣ новаго гетмана не было уважено и ссоры ея съ предсѣдателемъ коллегіи Вельяминовымъ привели, по возвращеніи Петра Великаго изъ похода въ С.-Петербургъ, къ вызову туда гетмана и старшинъ, то Полуботокъ ранѣе отправилъ депутацію съ просьбой объ избраніи гетмана, и въ ней участвовалъ Ханенко; имъ же составлена была и меморія, какъ встрѣтить въ Малороссіи Румянцова, посланнаго на ревизію. При арестѣ Полуботка и старшинъ арестованъ былъ и Х., а когда при восшествіи на престолъ императрицы Екатерины малороссійскіе узники были освобождены, но все же должны были еще жить въ Петербургѣ, Х. сталъ учителемъ въ гарнизонной школѣ и затѣмъ нашелъ себѣ въ Петербургѣ протекцію, такъ что даже не потерялъ данныхъ ему Полуботкомъ деревень. Вскорѣ по возвращеніи на родину Х. въ 1727 г. былъ посланъ коллегіей съ разными порученіями снова въ Петербургъ, гдѣ былъ во время смерти императрицы Екатерины, вступленія на престолъ императора Петра II и паденія князя Меншикова, а изъ Петербурга былъ назначенъ тогда стародубскимъ судьею. Въ послѣдующіе годы Ханенкѣ еще не разъ приходилось бывать въ Петербургѣ; такъ, въ 1728 г. онъ сопровождалъ новоизбраннаго гетмана Апостола, ѣздившаго благодарить императора; въ концѣ 1729 г. Х. при гетманѣ же отправился на свадьбу государя, присутствовалъ при его похоронахъ, вступленіи на престолъ императрицы Анны и ея коронаціи; очень долго проживалъ онъ въ Петербургѣ по разнымъ дѣламъ въ 1732—1733 гг.; видимо онъ считался спеціалистомъ въ сношеніяхъ съ петербургскими дѣльцами. Съ 1736 по 1739 г. Х. исполнялъ различныя военныя порученія, участвуя не безъ чести въ походахъ противъ турокъ, при чемъ въ 1738 г. былъ повышенъ сперва въ стародубскіе полковые обозные, потомъ въ генеральные бунчужные, а въ 1739 г. служилъ «за полковника». По окончаніи турецкой войны Х. въ 1740 г. былъ опредѣленъ членомъ генеральнаго суда, а въ 1741 г. генеральнымъ хорунжимъ, и въ этомъ званіи пробылъ до самой смерти, почти 20 лѣтъ, исполняя въ то же время отдѣльныя и немаловажныя порученія; такъ, онъ былъ членомъ коммиссіи для составленія свода малороссійскихъ законовъ, ему же была поручена забота объ исправленіи дорогъ, постройкѣ дворцовъ и пр. во время путешествія въ Малороссію императрицы Елизаветы. Въ началѣ 1745 г. Х. снова ѣздилъ въ Петербургъ; затѣмъ онъ участвовалъ въ депутаціи, присутствовавшей при бракосочетаніи наслѣдника престола и тогда же просившей о возстановленіи гетманства. Хлопоты депутаціи привели къ положительному результату лишь черезъ пять лѣтъ, когда явилась возможность устроить избраніе въ гетманы К. Г. Разумовскаго, и въ теченіе всего этого времени Х. не возвращался на родину. Потомъ онъ и еще разъ довольно долго жилъ по дѣламъ въ Петербургѣ въ 1750—1751 гг. Послѣдніе годы Х. провелъ въ Глуховѣ, среди генеральной старшины, пользуясь большимъ значеніемъ. И къ гетману Разумовскому онъ сталъ также близко, какъ и къ его предшественникамъ, и получилъ

отъ него въ награду за службу не мало деревень; гетманъ имѣлъ въ виду доставить Ханенкѣ одинъ изъ болѣе важныхъ малороссійскихъ чиновъ, но не успѣлъ; 27 января 1760 г. Х. умеръ въ Глуховѣ. Наслѣдникамъ своимъ онъ оставилъ огромныя имѣнія въ разныхъ уѣздахъ нынѣшней Черниговской и частью Полтавской губерній, какъ полученныя отъ предковъ, такъ и пріобрѣтенныя лично имъ въ награду за службы. Изъ біографіи Ханенка, его дневниковъ и переписки видно, что это былъ человѣкъ умный и для своего времени образованный; напр., онъ настолько хорошо зналъ латинскій языкъ, что писалъ по латыни письма къ Бидло и Блюментросту; постоянно пріобрѣталъ онъ латинскія сочиненія. Воспитанный на началахъ современнаго ему южнорусскаго образованія, Х. умѣлъ цѣнить и западноевропейскую культуру, почему и посылалъ сыновей учиться за-границу или къ петербургскимъ нѣмцамъ. Опытный и ловкій дѣлецъ, Х. умѣлъ стать близкимъ ко всѣмъ высокопоставленнымъ и вліятельнымъ лицамъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться, и изъ этой близости извлекалъ для себя не мало пользы; рисуется онъ въ дневникахъ и умѣлымъ хозяиномъ; видно также, что онъ былъ человѣкъ религіозный, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ не чуждъ и обычныхъ у малороссовъ того времени недостатковъ: ссорился съ сосѣдями, любилъ поиграть въ карты, могъ напиться пьянымъ и во хмели подраться. Главный интересъ внушаетъ къ себѣ Х. своими сочиненіями: «Діаріумъ» или журналъ, веденный имъ съ 1 января по 5 іюля 1722 г., и «Партикулярный журналъ» или для памяти повседневная записка, веденная съ 9 ноября 1719 г. по 29 января 1754 г., отъ которой, къ сожалѣнію, сохранились лишь дневники съ 3 февраля 1727 г. по 6 декабря 1733 г., съ 1 января 1742 г. по 21 декабря 1749 г. и съ 5 октября 1752 г. по 13 октября 1753 г., да и то не безъ пропусковъ. Дневники эти могутъ служить, наравнѣ съ записками Якова Марковича, превосходнымъ источникомъ для знакомства съ жизнью Малороссіи въ то время, когда она, вслѣдствіе сближенія съ остальною Россіей, стала усвоивать себѣ новую западноевропейскую культуру, главнымъ проводникомъ которой былъ Петербургъ или, вѣрнѣе, придворная его среда. Частое пребываніе Ханенка въ Петербургѣ и посѣщеніе имъ самыхъ разнообразныхъ придворныхъ лицъ дали ему возможность внести въ свой дневникъ массу указаній о нихъ, особенно о малороссахъ, которыхъ было такъ много въ Петербургѣ при императрицѣ Елизаветѣ; при томъ Х. былъ наблюдатель тонкій, только онъ, какъ и всѣ подобные авторы записокъ, не всегда заносилъ въ нихъ то, что заслуживало бы упоминанія, или заносилъ черезчуръ осторожно, зная что излишняя откровенность даже въ дневникѣ можетъ не повести къ добру; поэтому дневники Ханенка нѣсколько сухи; но все же историкъ, изучающій XVIII в., найдетъ въ нихъ не мало цѣнныхъ указаній. Дневникъ за 1722 г. напечатанъ О. М. Бодянскимъ въ «Чтен. Общ. Ист. и Древн.» 1858 г., кн. I, смѣсь; дневники за 1727—1753 гг. А. М. Лазаревскимъ въ приложеніи къ «Кіевской Старинѣ» 1884 — 1886 гг. и отдѣльнымъ оттискомъ. Въ приложеніи къ изданію Лазаревскаго («Кіевск. Стар.» 1886, кн. 12) напечатано и духовное завѣщаніе Н. Д. Ханенка. Затѣмъ сохранилась еще «О службахъ сказка», составленная Ханенкомъ въ 1755 г. и напечатанная А. И. Ханенкомъ въ «Черниг. губ. вѣдомостяхъ» 1852 г., и переписка еще не вполнѣ опубликованная; часть ея тоже была напечатана А. И. Ханенкомъ вмѣстѣ съ сказкою, часть же въ извлеченіяхъ О. М. Бодянскимъ въ предисловіи къ Діаріуму.

Свѣдѣнія о Н. Д. Ханенкѣ главнымъ образомъ собраны О. М. Бодянскимъ и А. М. Лазаревскимъ въ предисловіяхъ къ изданіямъ его дневниковъ. Предисловіе А. М. Лазаревскаго напечатано въ «Кіевской Старинѣ» 1884 г., № 2 (приложеніе).

Ал. Маркевичъ.

Ханкинъ, *Викторъ Логиновичъ*, докторъ медицины, старшій ординаторъ петербургской Обуховской больницы, ум. въ С.-Петербургѣ 9 іюня 1875 г. Х. извѣстенъ, какъ одинъ изъ основателей «Обуховскаго благотворительнаго общества»; онъ помѣщалъ въ столичныхъ журналахъ много популярныхъ статей и замѣтокъ по гигіенѣ и, между прочимъ, напечаталъ въ газетѣ «Голосъ», сотрудникомъ которой онъ состоялъ почти со дня ея основанія, рядъ статей по изслѣдованію причинъ развитія тифозной эпидеміи, по народному здравію и по улучшенію санитарныхъ условій С.-Петербурга. Какъ эти статьи

его, такъ и статьи о Прибалтійскомъ краѣ обнаруживаютъ въ немъ не только спеціалиста по гигіенѣ, но и даровитаго публициста.

«Голосъ» 1875 г., № 160.—«Петерб. Листокъ» 1875 г., №№ 79 и 80.—«Энциклоп. всенаучн. слов.» Клюшникова, ч. III.

Хановъ, *Сергій Ѳедоровичъ*, докторъ медицины и хирургіи, непремѣнный членъ военно-медицинскаго ученаго комитета, д. с. с., род. въ Харьковской губ. въ 1777 г., ум. въ Одессѣ въ 1850 г.; изъ Бѣлгородской духовной семинаріи Х. въ 1799 г. поступилъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію, въ которой въ 1803 г. окончилъ курсъ со степенью кандидата хирургіи I отдѣленія и, съ производствомъ въ лѣкари, былъ опредѣленъ на службу сперва въ Тобольскій, а въ 1804 г. въ Московскій мушкатерскій полкъ, откуда вскорѣ переведенъ въ Смоленскій мушкатерскій полкъ. За успѣшное лѣченіе больныхъ и раненыхъ въ Молдавскомъ госпиталѣ Х. въ 1806 г былъ произведенъ въ штабъ-лѣкари, въ 1811 г. назначенъ докторомъ 3-ей пѣхотной дивизіи, въ 1816 г. полевымъ генералъ-штабъ-докторомъ второй арміи, а три года спустя — генералъ-штабъ-докторомъ всей дѣйствующей въ Турціи арміи. Въ 1820 г. С.-Петербургская медико-хирургическая академія признала его докторомъ медицины и хирургіи. Пробывъ съ 1830—1834 г. въ отставкѣ, Х. былъ назначенъ генералъ-штабъ-докторомъ дѣйствовавшей въ Царствѣ Польскомъ арміи и въ томъ же 1834 г. предсѣдателемъ медицинскаго комитета въ Варшавѣ и оставался въ послѣдней должности до преобразованія медицинской части въ Привислинскомъ краѣ въ 1838 г. Назначенный въ слѣдующемъ году членомъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, а въ 1848 г. непремѣннымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета, Х. былъ командированъ военнымъ министромъ для осмотра военныхъ госпиталей, но, не успѣвъ исполнить возложенное на него порученіе, умеръ въ Одессѣ. Въ качествѣ военнаго врача Х. находился въ сраженіяхъ подъ Аустерлицемъ, Смоленскомъ, Бородинымъ, Тарутинымъ, Мало-Ярославцемъ, Краснымъ, Дрезденомъ, Кульмомъ, Лейпцигомъ и при взятіи Парижа и участвовалъ почти во всѣхъ сраженіяхъ Турецкой кампаніи. Х. оставилъ одинъ только научный трудъ: «Руководство къ лѣченію тифоидальной горячки» (Варшава, 1847); прочія его работы имѣютъ чисто служебный характеръ: «Отчеты о лѣченіи больныхъ въ дѣйствующей арміи за 1836 — 1837 гг.» («Военно-медиц. журн.» 1839 г., ч. 33), за 1837—1838 гг. (ibid., ч. 34) и за 1846—1847 гг. (ibid., ч. 51).

Змѣевъ: «Русск. врачи-писатели», вып. I.—Некрологъ, написанный И. Брыковымъ, въ «Военно-мед. журналѣ» за 1850 г., ч. 56, № 2.

Ханыковъ, *Василій Васильевичъ*, чрезвычайный посланникъ при Саксонскомъ дворѣ, род. въ 1759 г., ум. 12 апрѣля 1829 г.; поступивъ въ 1773 г. на службу л.-гв. въ Преображенскій полкъ капраломъ, онъ въ 1796 г. былъ переведенъ въ провіантскій департаментъ, въ 1798 г., въ чинѣ генералъ-лейтенанта, отправленъ въ Москву для учрежденія провіантскаго депо, а въ 1799 г. командированъ въ Литовскую губернію по затрудненіямъ, оказавшимся въ продовольствіи корпусовъ, собранныхъ на границѣ, и выполнилъ съ успѣхомъ это порученіе. Исполнивъ еще одно порученіе по командировкѣ въ Москву для распоряженій къ продовольствію войскъ, собиравшихся тамъ по случаю торжествъ коронаціи, Х. въ 1802 г. былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ къ Саксонскому двору. Во время его пребыванія въ Дрезденѣ и благодаря его стараніямъ были заключены: въ 1808 г. трактатъ съ Саксонскимъ дворомъ о возвращеніи изъ бывшаго Варшавскаго герцогства русскихъ дезертировъ и въ 1812 г.—конвенція съ Саксенъ-Веймарскимъ правительствомъ объ уничтоженіи пошлинъ, которыя взимались въ Россіи и въ герцогствѣ Саксенъ-Веймарскомъ съ имуществъ, вывозимыхъ изъ одного государства въ другое; за успѣшное веденіе этихъ дѣлъ Х. былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. Между тѣмъ въ 1812 г. война возгорѣлась снова, и Х. былъ, по требованію тогдашняго французскаго правительства, задержанъ около пяти мѣсяцевъ плѣннымъ въ Дрезденѣ, послѣ чего переѣхалъ въ Богемію, гдѣ оставался по Высочайшей волѣ, продолжая съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ переписку по разнымъ служебнымъ дѣламъ. Съ 1813 г. онъ состоялъ при вели-

кой княгинѣ Маріи Павловнѣ; въ 1815 г. на него было возложено, кромѣ обязанностей представителя при Саксонскомъ дворѣ, быть посланникомъ при дворахъ Ганноверскомъ, Гессенъ-Кассельскомъ, Веймарскомъ, Мекленбургскомъ и Ольденбургскомъ. Произведенный въ 1819 г. въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, Х. въ 1826 г. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 1 ст. Независимо отъ заслугъ Ханыкова на поприщахъ дипломатическомъ и военно-административномъ необходимо отмѣтить и его заслуги боевыя во время войны со шведами въ 1788 г. и въ особенности во время морской кампаніи 1790 г., когда онъ командовалъ отрядомъ гвардіи и завѣдывалъ флагманскимъ дежурствомъ при начальникѣ галерной эскадры контръ-адмиралѣ графѣ Литтѣ; онъ участвовалъ въ морскомъ сраженіи 28 іюня 1790 г. при Роченсальмѣ и былъ посланъ съ флотиліей каноперскихъ лодокъ для спасенія, подъ непріятельскимъ огнемъ, людей съ разбитыхъ судовъ и для помѣщенія ихъ на тѣ суда, которыя могли ретироваться; при этомъ имъ спасено было и перевезено на одну адмиральскую галеру болѣе двухсотъ человѣкъ.

Формул. списокъ, хранящійся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. *Т.*

Ханыковъ, *Василій Яковлевичъ*, статсъ-секретарь, т. с., членъ Государственнаго Совѣта, род. въ 1793 г., ум. въ 1850 г.; поступивъ въ 1804 г. кадетомъ въ морской корпусъ, онъ въ 1809 г., съ производствомъ въ мичманы, былъ назначенъ адъютантомъ къ контръ-адмиралу Муравьеву. Въ 1812 г. находился при блокадѣ Курляндскихъ береговъ, въ 1813 г. состоялъ при вице-адмиралѣ Грейгѣ на гребной флотиліи подъ Данцигомъ, затѣмъ находился для исполненія порученій въ Мекленбургскомъ герцогствѣ и по распоряженіямъ относительно взятыхъ у непріятеля судовъ—въ Данцигѣ и Кенигсбергѣ, откуда въ 1814 г. былъ посланъ во Францію, въ главную квартиру императора Александра I. Вернувшись въ томъ же году въ Россію, Х. оставался въ морской службѣ еще до 1819 г., когда былъ уволенъ изъ флота «для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ» и назначенъ въ Собственную Его Величества канцелярію помощникомъ начальника отдѣленія. Занимая съ 1822 г. должность начальника отдѣленія, онъ въ 1833 г. былъ пожалованъ въ званіе камергера Высочайшаго двора и, произведенный въ тайные совѣтники и статсъ-секретари (1841), назначенъ въ 1843 г. управляющимъ дѣлами комитета министровъ и 1 янв. 1850 г.—членомъ Государственнаго Совѣта, съ сохраненіемъ званія статсъ-секретаря.

Формулярный списокъ, хранящійся въ канцел. комитета министровъ.

Ханыковъ, *Николай Владиміровичъ*, извѣстный оріенталистъ и писатель по этнографіи, род. въ 1822 г., ум. 3 ноября 1878 г. въ Рамбулье близъ Парижа. Окончивъ курсъ наукъ въ Царскосельскомъ лицеѣ (1837), Х. въ продолженіе двухъ лѣтъ посѣщалъ лекціи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, а въ февралѣ 1838 г. былъ по прошенію зачисленъ въ департаментъ внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ и вскорѣ затѣмъ получилъ должность третьяго переводчика. Въ ноябрѣ того же 1838 г. Х. опредѣлился чиновникомъ особыхъ порученій при Черниговскомъ, Полтавскомъ и Харьковскомъ генералъ-губернаторѣ, а въ мартѣ слѣдующаго года былъ перемѣщенъ на ту же должность къ Оренбургскому военному губернатору и принималъ участіе въ Хивинской экспедиціи съ 18 ноября 1839 г. по 10 апрѣля 1840 г., послѣ чего былъ переведенъ въ Азіатскій департаментъ переводчикомъ IX класса, съ прикомандированіемъ къ Оренбургскому военному губернатору. Х. имѣлъ призваніе къ ученымъ занятіямъ; гдѣ бы онъ ни былъ на службѣ, онъ вездѣ интересовался мѣстными особенностями и явленіями. Служба въ Оренбургѣ привела его къ изученію восточныхъ языковъ и литературъ. Языки давались ему очень легко, и въ скоромъ времени онъ пріобрѣлъ извѣстность среди оріенталистовъ; онъ хорошо зналъ арабскій языкъ, а персидскимъ владѣлъ въ совершенствѣ; кромѣ того основательно изучилъ мусульманское богословіе. Въ 1841 г. Х. отправился въ Бухару съ посольствомъ маіора Бутенева. Эмиръ Бухарскій Насръ-Улла, узнавъ, что въ Сибири промываютъ золото, просилъ русское правительство прислать ему горныхъ инженеровъ для обученія этому бухарцевъ. Такимъ образомъ представился благопріятный случай изучить Бухарское ханство во всѣхъ отно-

шеніяхъ. Въ составъ миссіи вошли разные спеціалисты, обогатившіе нашу литературу въ высшей степени цѣнными свѣдѣніями. Посольство отправилось въ маѣ 1841 г., а вернулось въ Оренбургъ лѣтомъ 1842 г. За эту экспедицію Х. получилъ въ награду 400 червонцевъ и былъ опредѣленъ переводчикомъ VIII класса для персидскаго языка въ Азіатскомъ департаментѣ. Въ научномъ отношеніи результатомъ пребыванія Ханыкова въ Бухарѣ явилось его «Описаніе Бухарскаго ханства» (Спб. 1834), съ приложеніемъ географической карты и плановъ. Этотъ трудъ переведенъ на англійскій языкъ подъ заглавіемъ: «Bokhara, its amir and its people». Translated by the baron Clement A. de Bode. London 1851. Затѣмъ въ 1844 г. Х. въ «Журналѣ министерства внутр. дѣлъ» напечаталъ статьи «Городское управленіе въ средней Азіи» (№ 5) и «О населеніи киргизскихъ степей, занимаемыхъ внутреннею малою ордою» (№ 8). Въ январѣ 1845 г. Х. по желанію графа М. С. Воронцова былъ откомандированъ въ дипломатическую канцелярію главнаго управленія въ Закавказскомъ краѣ. Ко времени его пребыванія на Кавказѣ относится цѣлый рядъ его статей и корреспонденцій въ Академію Наукъ и разныя ученыя общества; такъ, онъ составилъ топографическій очеркъ г. Тифлиса, въ запискахъ Археологическаго общества напечаталъ статьи «Объ археологическихъ изслѣдованіяхъ на Кавказѣ» (т. IV) и «О нѣкоторыхъ арабскихъ надписяхъ въ Дербентѣ и Баку» (т. IX), а совмѣстно съ П. С. Савельевымъ: «Древности, найденныя на Кавказѣ»; далѣе онъ помѣстилъ въ бюллетеняхъ Академіи Наукъ: «Note sur le yarligh d'Abou-Said-Khan, conservé sur les murs de la mosquée d'Ani («Bull. hist.-phil., X, № 6), а въ газетѣ «Кавказъ» (1850, № 52, 53, 76, 85 и 86) рядъ статей подъ заглавіями «Археологическое открытіе» и «Еще археологическое открытіе», въ которыхъ приводятся мусульманскія надписи, открытыя въ Закавказьѣ, Нахичевани и Ордубанѣ, съ ихъ переводомъ и объясненіемъ. Избранный въ 1852 г. въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ, Х. въ 1854 г. былъ назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Тавризѣ и оставался въ этой должности до конца мая 1857 г., послѣ чего былъ назначенъ драгоманомъ V класса при Азіатскомъ департаментѣ и прикомандированъ къ намѣстнику кавказскому князю Барятинскому. Между тѣмъ въ томъ же 1857 г. было рѣшено снарядить ученую экспедицію въ Хорасанъ и Авганистанъ съ цѣлью разрѣшить разнообразные географическіе, этнографическіе и историческіе вопросы и пролить свѣтъ на древнѣйшія судьбы Иранскаго племени и на характеръ страны, имъ обитаемой. Во главѣ экспедиціи, состоявшейся при содѣйствіи правительства и Каспійскаго товарищества, Х. тронулся съ своими сотрудниками въ путь 18 марта 1858 г.; работы велись до весны слѣдующаго года, а самъ Х. вернулся въ Россію лишь въ августѣ 1859 г. Результаты этой экспедиціи были весьма важны, при чемъ главное было сдѣлано самимъ Ханыковымъ. Разработка богатыхъ матеріаловъ, собранныхъ во время экспедиціи, требовала свободнаго отъ службы времени, а потому князь Горчаковъ, съ согласія князя Барятинскаго, командировалъ Ханыкова въ 1860 г. на три года въ Германію, Францію и Англію, чтобы дать ему возможность воспользоваться тамошними богатыми учеными пособіями для предстоящаго труда. Уже въ 1861 г., въ видѣ предварительныхъ работъ, появились статья Ханыкова «Meched, la ville sainte, et son territoire» (въ журналѣ «Le Tour du Monde») и брошюра «Lettre à M. Reinaud sur un plan archéologique de Hérat», а въ 1862 г. былъ напечатанъ Парижскимъ географическимъ обществомъ первый отчетъ Ханыкова о Хорасанской экспедиціи, подъ заглавіемъ: «Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale». Въ январѣ 1863 г. Х. вернулся въ Тифлисъ, но не на долго: своими учеными трудами онъ обратилъ на себя вниманіе тогдашняго министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина, который, чтобы дать Ханыкову возможность окончить этнографическую часть Хорасанской экспедиціи, выхлопоталъ ему въ 1864 г. заграничную командировку на два года, съ пособіемъ по 800 р. въ годъ и съ сохраненіемъ получаемаго имъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ содержанія въ 1000 р.; когда срокъ этой командировки окончился, Головнинъ исходатайствовалъ въ 1866 г. продолженіе ея еще на три года. Между тѣмъ, вслѣд-

ствіе значительнаго сокращенія драгоманата въ Азіатскомъ департаментѣ, Х. 24 февраля того же года былъ уволенъ отъ занимаемой должности, при чемъ содержаніе въ 1000 р. было обращено ему въ пенсію. Съ тѣхъ поръ Х. поселился въ Парижѣ, состоя тамъ до 1872 г. агентомъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ 1866 г. въ Парижѣ вышло продолженіе большого труда Ханыкова подъ заглавіемъ: «Mémoire sur l'ethnographie de la Perse». Уже по выходѣ въ свѣтъ первой части Х. былъ удостоенъ Парижскимъ географическимъ обществомъ большой золотой медали и избранъ почетнымъ членомъ какъ этого общества, такъ и географическихъ обществъ Лондонскаго, Берлинскаго, Итальянскаго и Венгерскаго. Въ Россіи оцѣнилъ этотъ трудъ, кажется, только Петербургскій университетъ, который въ мартѣ 1866 г. возвелъ Ханыкова въ степень доктора исторіи Востока. Занятія Персіей и судьбами Иранскаго племени естественнымъ путемъ привели Ханыкова къ другому труду, предпринятому Русскимъ географическимъ обществомъ, а именно къ переводу (съ дополненіями) на русскій языкъ изъ сочиненія Риттера «Erdkunde von Asien» главы объ Иранѣ. Первая часть этого труда появилась въ 1874 г., но тѣмъ дѣло и ограничилось. Для подобной работы никто въ Россіи не былъ подготовленъ въ такой степени, какъ Ханыковъ. Единственный упрекъ, который можно ему сдѣлать, тотъ, что онъ нигдѣ не провѣрялъ текста Риттерова труда по его источникамъ, а это было необходимо въ виду того что Риттеръ, вслѣдствіе спѣшности и массы труда, далеко не всегда точно передавалъ чужія извѣстія. Кромѣ выше уже приведенныхъ трудовъ, въ «Журналѣ министерства нар. просв.» помѣщенъ рядъ корреспонденцій Ханыкова изъ Парижа: «О дѣятельности министерства нар. просвѣщенія во Франціи въ 1862 г.» (1863), «О библіотекахъ Британскаго музея, Геттингенской, Боиской и Брюссельской» (1864), «Свѣдѣнія объ арабо-французскихъ школахъ въ Алжирѣ» (1869); въ «Запискахъ Географическаго общества» (1864) напечатана статья о British Association въ Батѣ. Послѣднимъ трудомъ Ханыкова было письмо къ издателю «Русскаго Архива» о Хивинскомъ походѣ 1839 года («Рус. Архивъ» 1892 г., кн. I). Х. былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ оріенталистовъ; къ сожалѣнію, въ Россіи не нашлось мѣста, которое бы соотвѣтствовало его способностямъ и громадной эрудиціи.

Формулярный списокъ, хранящійся въ архивѣ министерства нар. просв., и дѣла архива министерства иностранныхъ дѣлъ.—СочиненіяН. В. Ханыкова.—Некрологъ Ханыкова, написанный Л. Н. Майковымъ въ «Журналѣ мин. нар. просв.» 1879 года. *Н. Весловскій.*

Ханыковъ, *Петръ Ивановичъ*, адмиралъ, главный командиръ Кронштадтскаго порта, род. 14 дек. 1743 г., ум. 10 дек. 1813 г. Поступивъ въ 1759 г. кадетомъ въ Морской корпусъ, онъ до 1762 г., когда былъ произведенъ въ мичманы, находился въ плаваніяхъ въ Балтійскомъ морѣ и участвовалъ въ Кольбергской экспедиціи, а затѣмъ былъ посланъ въ Англію для изученія морской практики и до 1764 г. ходилъ на англійскихъ военныхъ судахъ въ Сѣверную Америку и Испанію. Вернувшись въ Россію, Х. отправился въ Средиземное море и на кораблѣ «Святославъ» находился въ Чесменскомъ бою (1770), а въ 1773 г. участвовалъ въ десантной вылазкѣ подъ крѣпостью Чесмой, за что былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. Плавая затѣмъ въ Средиземномъ и Балтійскомъ моряхъ, онъ въ 1778 г. былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга; въ слѣдующемъ году, командуя фрегатомъ «Наталія», подвергся семидневному штурму въ Нѣмецкомъ морѣ и, сбившись въ счисленіи, потерпѣлъ крушеніе у острова Шкеленга. Въ 1781 г. Х. былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга, въ 1783 г. назначенъ командующимъ Каспійской флотиліей. Съ 1786 г. въ теченіе трехъ лѣтъ командовалъ кораблемъ «Саратовъ», въ 1789 г. произведенъ въ контръ-адмиралы. Имѣя свой брейдъ-вымпелъ на кораблѣ «Св. Елена», Х. въ маѣ 1790 г. участвовалъ въ Ревельскомъ сраженіи, а 22 іюня, командуя сѣвернымъ отрядомъ изъ трехъ фрегатовъ, находился въ сраженіи при Выборгѣ и былъ награжденъ за первое дѣло орденомъ св. Владиміра 2 ст., а за второе—орденомъ св. Георгія 3 ст. и золотой шпагой съ надписью «за храбрость». Въ 1793 г., съ производствомъ въ вице-адмиралы, назначенъ командо-

вать гребнымъ флотомъ, безъ исключенія изъ корабельнаго, въ 1799 г. произведенъ въ адмиралы бѣлаго флага, въ 1801 назначенъ главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта. Командуя въ 1808 г. флотомъ, назначеннымъ дѣйствовать противъ англо-шведской эскадры въ Финскомъ заливѣ, Х. въ началѣ кампаніи взялъ шведскій бригъ «Фалькъ», но вскорѣ за тѣмъ за неисполненіе высочайшихъ предписаній былъ подвергнутъ суду адмиралтействъ-коллегіи, которая признала его виновнымъ «въ неосмотрительной оплошности, слабости въ командованіи, медленности и нерѣшительности, вслѣдствіе которыхъ дозволилъ англійскимъ кораблямъ соединиться съ шведскимъ флотомъ и, не имѣя основательныхъ причинъ, удалился въ Балтійскій Портъ, при чемъ потерялъ корабль «Всеволодъ», сожженный англичанами». Х. былъ приговоренъ къ разжалованью въ рядовые на одинъ мѣсяцъ. Этотъ приговоръ однако конфирмованъ не былъ.

«Общ. Морск. списокъ», часть II. — «Полн. собраніе сочиненій А. И. Михайловскаго-Данилевскаго», т. II, стр. 194—203.—А. Соколовъ: «Лѣтопись крушеній и пожаровъ судовъ русск. флота», 1853, стр. 25.—А. Кротковъ: «Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русск. флотѣ», 1894, стр. 157, 172, 173, 175 и др.

А. П.

Ханыковъ, *Яковъ Владиміровичъ*, д. с. с., Оренбургскій губернаторъ, дѣйствительный членъ Императорскаго географическаго общества, род. 2 марта 1818 г., ум. 25 января 1862 г. Въ 1851 г. Х. былъ избранъ секретаремъ Географическаго общества и благодаря своимъ счастливымъ дарованіямъ сумѣлъ придать одушевленіе его занятіямъ. Онъ по преимуществу извѣстенъ своими картографическими трудами; такъ, имъ, между прочимъ, составлены извѣстная «карта Аральскаго моря и Хивинскаго ханства съ ихъ окрестностями» и «карта озера Иссыкъ-Куль съ окрестностями», изданныя въ 1851 г. Въ Запискахъ Географическаго общества Х. напечаталъ рядъ статей, главнѣйшія изъ которыхъ слѣдующія: «Очеркъ состоянія внутренней Киргизской орды, съ картою» (во II книгѣ), «Пояснительная записка къ картѣ Аральскаго моря и Хивинскаго ханства съ ихъ окрестностями» (въ V кн.), «Карта сѣверо-западной части средней Азіи» (въ X кн.). Въ числѣ другихъ его печатныхъ трудовъ географическаго и этнографическаго характера заслуживаетъ особаго вниманія его «Описаніе Оренбургскаго края», напечатанное въ «Матеріалахъ для статистики Россіи», издававшихся въ 1839 г. отдѣленіемъ статистики министерства внутреннихъ дѣлъ; въ этомъ описаніи Х. сдѣлалъ замѣчательный въ свое время опытъ примѣненія Риттеровскихъ географическихъ воззрѣній къ обозрѣнію физическихъ свойствъ страны. Кромѣ того, извѣстны еще: «Свѣдѣнія о путяхъ въ Хиву», собранныя Ханыковымъ вмѣстѣ съ В. И. Далемъ и возбудившія въ свое время живѣйшій интересъ публики. Въ библіотекѣ Географическаго общества находится еще его «Собраніе статей о Малой Азіи».

«Отчетъ о дѣйствіяхъ Имп. русск. географич. общества за 1862 г., СПб. 1863.—«Русскій Архивъ», годъ 2-й, изд. II, стр. 1100 (некрологъ). — Словари Толля и Березина.

Ч.

Хапаловъ, *Яковъ Гавриловичъ*, классный художникъ I степени по живописи, род. въ 1851 г. въ Шадринскѣ, ум. въ 1886 г. въ Римѣ; происходя изъ государственныхъ крестьянъ Костромской губ., онъ сталъ заниматься живописью самоучкой, въ 1871 г. поступилъ вольнослушающимъ въ Академію Художествъ, а въ 1872 г. въ ученики, послѣ чего получилъ серебряныя медали за этюды и рисунки съ натуры: двѣ малыя въ 1874 г., двѣ большія въ 1875 и 1878 гг. и малую золотую въ 1879 г. за программу «Христосъ и грѣшница», а въ 1880 г. уѣхалъ въ Италію. Онъ участвовалъ въ выставкахъ: Академическихъ годичныхъ 1877 и 1879 гг.—портретами, во Всероссійской 1882 г. въ Москвѣ — вышеупомянутой программой, двумя этюдами старика и дѣвочки и четырьмя итальянскими видами, въ Академическихъ передвижныхъ 1886 г. въ Одессѣ и 1887 г. въ Харьковѣ и Екатеринбургѣ — двумя этюдами изъ Сполетто и картиной «Размышленіе о вѣчности».

Архивъ Имп. Акад. Худ., личное дѣло.—«Отчеты Имп. Акад. Худ.» 1874 — 79 гг. — «Указатели» приведенныхъ выставокъ.

Н. С.

Харинъ, *Василій Петровичъ*, генералъ-маіоръ корпуса флотскихъ штурмановъ, завѣдывающій строевой и хозяйственной частями техническаго училища

морского вѣдомства, род. въ Кронштадтѣ 23 февраля 1821 г., ум. въ Ораніенбаумѣ 17 февраля 1888 г.; въ 1832 г. поступилъ кадетомъ въ 1-ый штурманскій полуэскадронъ (нынѣ морское техническое училище императора Николая I) и въ 1841 г., съ производствомъ въ прапорщики, отправленъ въ числѣ отличныхъ въ морской кадетскій корпусъ для окончанія высшаго курса въ офицерскихъ классахъ. Произведенный по окончаніи курса въ 1845 г. въ подпоручики, плавалъ на судахъ Балтійскаго флота, занимаясь преимущественно гидрографическими работами. Съ 1848 г. Х. посвятилъ свою жизнь педагогической дѣятельности въ 1-омъ штурманскомъ полуэскадронѣ, гдѣ въ теченіе 40 лѣтъ состоялъ воспитателемъ и преподавателемъ высшихъ морскихъ наукъ и математики. Имъ были составлены записки по дифференціальному и интегральному вычисленіямъ, которыми много лѣтъ пользовались воспитанники училища. Въ 1884 г. Х. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры; исполняя должность начальника училища, онъ въ 1887 г., за упраздненіемъ корпуса флотскихъ штурмановъ, былъ уволенъ въ отставку.

Формулярный списокъ.—«Кронштадскій вѣстн.» 1888 г., № 22. *А. Петцъ 2.*

Харитина, преподобная. Свѣдѣній о жизни Харитины сохранилось очень мало; извѣстно лишь, что она родилась въ Литвѣ, принадлежала къ княжескому роду, что, переселившись въ Россію, приняла монашество въ Петропавловскомъ дѣвичьемъ монастырѣ на Синичьей горѣ подъ Новгородомъ и умерла въ санѣ игумены этого монастыря. Время ея жизни въ рукописныхъ святцахъ неопредѣленно отнесено къ седьмому тысячелѣтію (въ лѣто 6000); поздняя напись на ракѣ святой сообщаетъ, что она преставилась «въ лѣто отъ сотворенія міра 7000, отъ рождества Христова 1492, октября 5, при великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, при митрополитѣ Московскомъ Зосимѣ Брадатомъ и при архіепископѣ Новгородскомъ св. Геннадіи»; можно думать, что составители написи на ракѣ, желая поправить невѣроятный числовой знакъ *s* (=6000) въ фразѣ святцевъ «бысть въ лѣто 6000 мѣсяца октября въ 5 день» и не понявъ, что онъ означаетъ не годъ 6000-й (т. е. по нашему счисленію 492), а тысячелѣтіе, переодѣлали его въ знакъ з (=7000), болѣе естественный, чѣмъ прежній. Новѣйшіе агіографы, пытаясь опредѣлить время жизни преп. Харитины на основаніи историческихъ данныхъ, берутъ за исходную точку объясненіе причины появленія литовской княжны въ Россіи; пользуясь этимъ путемъ, они относятъ ея дѣятельность ко второй половинѣ XIII вѣка, когда многіе литовскіе князья, между прочимъ Довмонтъ съ цѣлымъ родомъ, бѣжали изъ Литвы отъ междоусобій и неурядицъ своего отечества въ псковскія и новгородскія области. Такого мнѣнія придерживался и преосв. Филаретъ, считавшій годомъ смерти Харитины 1281 годъ (т. е. отъ сотворенія міра 6789 и 6790). Опредѣленіе дня смерти преп. Харитины 5-нымъ числомъ мѣсяца октября, вѣроятно, тоже невѣрно, такъ какъ это день памяти мученицы Харитины, замученной при императорѣ Діоклетіанѣ въ 304 г. Мощи преп. Харитины покоятся подъ спудомъ въ Новгородѣ въ церкви Петра и Павла, превращенной въ 1764 г. въ кладбищенскую церковь изъ бывшаго женскаго Петропавловскаго монастыря. Преп. Харитина чтится мѣстно, неизвѣстно съ какого времени. По иконописному подлиннику святая изображается на иконахъ такъ: «подобіемъ простовласа, дѣвица въ единой свитѣ безъ мантіи».

Арх. Филаретъ: «Русскіе святые» (1865), т. 3, 199—200.—Графъ М. В. Толстой: «Книга глаголемая описаніе россійскихъ святыхъ, 47 (Чтенія въ Имп. общ. исторіи и древностей, 1887, кн. 4).—Арх. Макарій: «Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ (1860), 555—556.—Барсуковъ: «Источники русской агіографіи» (1882), 578. — Голубинскій: «Исторія канонизаціи святыхъ (1894), 102. — Филимоновъ: «Сводный иконописный подлинникъ XVIII столѣтія», 24 (Вѣстникъ Общ. древнерусскаго искусства, 1874, 1—3).—Словарь историческій о святыхъ (1836), 270—271. *В. С-ій.*

Харитоненко, *Иванъ Герасимовичъ*, сахарозаводчикъ и извѣстный благотворитель, дѣйств. статскій совѣтникъ, род. въ 1820 г., ум. 30 ноября 1891 г. Сынъ крестьянина слободы Нижней Сыроватки Сумскаго уѣзда, Харьковской губерніи, Х. получилъ скромное образованіе въ сельской приходской школѣ, но одаренный замѣчательными способностями и большой любознательностью, онъ поражалъ развитіемъ ума и разнообразными познаніями,

пріобрѣтенными путемъ самообразованія; еще на 56-омъ году жизни онъ сталъ заниматься изученіемъ французскаго языка. Торгово-промышленникъ по призванію, онъ любилъ свое дѣло, какъ художникъ любитъ свое искусство, и посвящалъ ему всѣ свои силы. Обширныя зданія его завода въ г. Сумахъ не только благоустроены, но и красивы и изящны; его поля представляли образецъ усовершенствованнаго земледѣлія, а обширные лѣса походили скорѣе на бережные сады, чѣмъ на доходныя статьи; сосѣдніе съ его имѣніями крестьяне, благодаря ему, жили въ довольствѣ и не имѣли казенныхъ недоимокъ. Х. былъ самородокъ изъ простого народа, силою дарованій и упорнаго труда составившій себѣ видное общественное положеніе и значительное состояніе, не зачерствѣвшій подъ вліяніемъ такого богатства, но отзывчивый на всякое доброе дѣло. Трудно перечислить всѣ его благодѣянія, но вотъ главнѣйшія изъ нихъ: на постройку дѣтскаго пріюта, состоящаго въ настоящее время въ вѣдомствѣ учрежденій императрицы Маріи, онъ пожертвовалъ до 90 т. р. и капиталъ въ 150 т. на его содержаніе; на устройство общежитія для студентовъ Харьковскаго университета—100 т. р.; на постройку церкви въ селѣ Нижней Сыроваткѣ—70 т. р.; кромѣ того, онъ назначалъ значительныя пенсіи осиротѣвшимъ семействамъ лицъ, служившихъ въ его имѣніяхъ, устроилъ безплатную подачу медицинской помощи бѣднымъ города Сумъ и при помощи приходскихъ священниковъ раздавалъ бѣднымъ ежемѣсячно до 200 р.; много жертвовалъ онъ на учебныя заведенія и благотворительныя учрежденія, и рѣдкій проходилъ день безъ удовлетворенной имъ просьбы о помощи. Х. умеръ на 71-омъ году отъ рожденія; на похороны его собралось до 15000 простого народа.

«Южный Край» 1891 г., декабрь.—«Церковныя вѣдом.» 1891 г., № 50.

Здр.

Харитонова, *Авдотья*, перевела съ французскаго на русскій языкъ небольшую нравоучительную повѣсть Беркеня «Шарлота, или утѣшенный старикъ»; этотъ переводъ былъ напечатанъ въ 1803 г. въ московской типографіи П. П. Бекетова и въ числѣ первыхъ въ Россіи изданъ изящно въ 36-ю долю листа.

Шторхъ и Аделунгъ: «Системат. обозрѣніе литературы въ Россіи съ 1801—1806 г.», № 337.—«Дамскій журн.» 1830 г., ч. XXXI, № 30.—Кн. Голицынъ: «Библіограф. словарь русск. писательницъ», Спб. 1889.

Харитоновъ, *Гавріилъ Тихоновичъ*, граверъ на мѣди при горномъ училищѣ (1790—1797) и при географическомъ департаментѣ вѣдомства экспедиціи государственнаго хозяйства и сельскаго домоводства (съ 1789 г.), род. въ 1767 г., ум. въ началѣ XIX столѣтія. Имъ были гравированы: миропомазаніе императрицы Екатерины II къ «Описанію вшествія въ Москву и коронованія Государыни Императрицы Екатерины II» (издан. безъ обозначенія мѣста и времени напечатанія); восемь медалей русскихъ князей къ сочиненію Екатерины II «Выпись хронологическая изъ исторіи Русской» (1783); изображенія св. Димитрія Ростовскаго (около 1786 г.); портретъ князя Потемкина Таврическаго въ ростъ, съ рисунка М. Иванова (1788); заголовокъ къ изданію «Новый атласъ или собраніе картъ всѣхъ частей земнаго шара» (Спб. 1793); десять картинокъ для книги «Образованіе древнихъ народовъ» (1796, ч. III); «Географическая карта Россійской Имперіи», съ вензелемъ Павла I въ картушѣ, на 8 листахъ; заголовокъ въ рамкѣ «Ипѳагоровы ученицы» (Спб. 1797); двадцать досокъ къ изданію «Учрежденіе хозяйственной школы» (1798); пять картушей къ картамъ «Атласа Россійской Имперіи» (1800) и десять картушей къ такому же атласу другого изданія.

Архивные матеріалы.—Д. Ровинскій: «Подробный словарь русск. гравюровъ», 1895, т. II.

Н. С.

Харитонъ, преподобный, Сянжемскій, игуменъ Спасо-Евѳиміева Сянжемскаго монастыря, упраздненнаго въ 1764 г. Начало его духовныхъ подвиговъ относится ко времени переселенія изъ Спасокаменскаго монастыря на рѣку Сянжему преподобнаго Евѳимія; сюда въ уединеніе Евѳимія явился преп. Х.; общими силами вдвоемъ они построили келью, а затѣмъ основали монастырь. Послѣ смерти своего учителя (не позже 1465 г.), по его завѣту Х. принялъ управленіе обителью; въ санѣ игумена онъ и скончался 11 апрѣля 1509 г. Мощи Харитона покоятся подъ спудомъ въ Вознесенской церкви бывшаго Сян-

жемскаго монастыря, нынѣ приходской погоста Вознесенскаго (Кадниковскаго уѣзда, въ 120 верстахъ къ сѣверу отъ Вологды). Х. чтится святымъ мѣстно. Память его въ святцахъ отмѣчена 11 апрѣля и 26 сентября. По иконописному подлиннику (подъ 4 августа) на иконахъ Х. долженъ изображаться такъ: «подобіемъ надендъ изчерна, брада шире и долѣ Сергіевы, ризы преподобническія и схима на плечахъ». Въ святцахъ и новыхъ агіографіяхъ имя Харитона обыкновенно соединяется съ именемъ его учителя Евѳимія.

Филаретъ: «Русскіе святые» (1882), I, 460. — Графъ М. В. Толстой: «Книга глаголемая описаніе россійскихъ святыхъ», 128 («Чтенія въ Имп. общ. исторіи и древностей», 1887, кн. 4). — Барсуковъ: «Источники русской агіографіи» (1882), 578. — Голубинскій: «Исторія канонизаціи святыхъ» (1894), 146.—Вѣрюжскій: «Историческія сказанія о жизни святыхъ, подвизавшихся въ Вологодской епархіи» (1880), 360, 362.—«Словарь историческій о святыхъ» (1836), 271.—Сергій: «Полный мѣсяцесловъ Востока» (1876), т. 2. ч. 1, 93, 258.—Строевъ: «Списки іерарховъ» (1877), 758.—Филимоновъ: «Сводный иконописный подлинникъ», 32 («Вѣстникъ общ. древнерусскаго искусства», 1874, 4—6).—«Исторія Россійской іерархіи», т. 4, 96.

В. С-ій.

Харитонъ, преподобный, Кудинскій, основатель и первый игуменъ нынѣ упраздненнаго Кудина Харитонова монастыря, ум. въ XVI в.; онъ принадлежитъ къ числу мѣстно-чтимыхъ святыхъ; съ какого времени почитается, неизвѣстно. Мощи Харитона, по сказанію Новгородской Софійской лѣтописи, покоятся подъ спудомъ въ бывшей монастырской церкви Благовѣщенья пр. Богородицы, нынѣ приходской церкви погоста Кудина (на озерѣ Кудинѣ, въ трехъ верстахъ отъ г. Торопца Псковской губерніи).

Барсуковъ: «Источники русской агіографіи» (1882), 578.—Евгеній: «Исторія княжества Псковскаго» (1831), 3, 80.—«Словарь историческій о святыхъ» (1836), 271.—Сергій: «Полный мѣсяцесловъ Востока», т. 2 (1876), ч. 3, 208.—Ратшинъ: «Полное собраніе историческихъ свѣдѣній о монастыряхъ и церквахъ въ Россіи» (1852), 457.—«Исторія россійской іерархіи», т. 4, 878, 879.

В. С-ій.

Харитонъ, епископъ Хельмскій (Холмскій), жилъ въ концѣ XIV и въ первой четверти XV вв. Біографическихъ свѣдѣній о немъ не имѣется. Извѣстно, что въ 1414 (6922) г. онъ присутствовалъ на соборѣ, созванномъ великимъ княземъ Литовскимъ Витовтомъ по вопросу объ отдѣленіи іерархіи юго-западной Россіи отъ Московской митрополіи, и въ 1416 (6924) г. — на соборѣ объ избраніи митрополита Григорія Самблака.

Рукопись синодальн. архива «Повѣрка іерархич. каталоговъ», протоіер. Діева.

Харламовъ, *Іоаннъ Герасимовичъ*, протоіерей Покровскаго собора въ Москвѣ, писатель и переводчикъ, род. въ 1746 г., ум. въ 1791 г. Онъ перевелъ съ латинскаго языка сочиненія св. Амвросія «О должностяхъ» (Москва 1767) и «О покояніи» (Спб. 1778); съ французск. языка—сочиненія госпожи Ле-Пренсъ-де-Бомонтъ «Юношеское училище, или нравоучительные разговоры.. .», 4 части, М. 1774, и «Совершенное воспитаніе, или сокращенная древняя исторія, съ показаніемъ географическихъ и хронологическихъ мѣстъ», 3 ч., М. 1787, и сочиненіе д'Аламбера «Собраніе разныхъ разсужденій, касающихся до словесныхъ наукъ, исторіи и философіи», ч. 1, Спб. 1787. Съ нѣмецкаго языка онъ перевелъ вмѣстѣ съ М. Соколовымъ сочиненіе І. Гибнера и М. Вагнера «206 священныя исторіи, выбранныя изъ священнаго писанія и изрядными нравоученіями снабденныя», 2 ч., М. 1775, 2-ое изд. 1793. Съ 1787 г. Х. состоялъ редакторомъ трехъ періодическихъ изданій, которыя печатались въ Москвѣ на средства Н. И. Новикова: 1) «Бесѣды съ Богомъ, или размышленія въ утренніе часы, на каждый день года», 2) «Размышленія о дѣлахъ Божіихъ въ царствѣ натуры и провидѣнія, на каждый день года» и 3) «Бесѣды съ Богомъ, или размышленія въ вечерніе часы, на каждый день года». Всѣ три изданія выходили одновременно; статьи въ нихъ помѣщенныя состояли изъ переводовъ съ нѣмецкаго, сдѣланныхъ отчасти самимъ Харламовымъ, отчасти Дмитріевымъ, Петровымъ, Карамзинымъ и др. Въ 1787 г. были выпущены первыя три книжки каждаго изъ этихъ изданій, четвертая же (окт.—декаб.) «Размышленій» вышла въ 1788 г., а «Бесѣдъ съ Богомъ» въ 1789 г. На этомъ изданія и прекратились.

Неустроевъ: «Историч. розыск. о русск. повремен. издан. и сборникахъ», Спб. 1874, стр. 444.—Арх. Филаретъ: «Обзоръ русск. дух. литерат.» кн. 2 (1863).—«Роспись» Смирдина, № 49.—«Опытъ» Сопикова, №№ 4437 и 12306.

Харламовъ, *Ѳедоръ Семеновичъ*, академикъ архитектуры, род. 3 іюня 1835 г., ум. 28 февр. 1889 г. въ Петербургѣ; по окончаніи курса ученія въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ въ 1855 г., онъ поступилъ въ ученики Академіи Художествъ и былъ награжденъ серебряными медалями: въ 1859 г.—малою за проектъ арсенала, въ 1860 г.—большою за проектъ православной церкви на 2000 человѣкъ. Выпущенный тогда же со званіемъ класснаго художника, Х. въ 1863 г. былъ возведенъ въ званіе академика за исполненіе проекта «анатомическаго отдѣленія при медико-хирургической академіи» и состоялъ архитекторомъ при С.-Петербургскомъ университетѣ, совѣтѣ С.-Петербургскихъ дѣтскихъ пріютовъ при дворѣ великаго князя Николая Николаевича и при Высочайшемъ дворѣ. Изъ его построекъ наиболѣе извѣстны: доходный домъ Имп. Человѣколюбиваго общества въ Петербургѣ, домъ сестеръ милосердія Покровской общины съ церковью въ Галерной гавани, церковь при дѣтскомъ пріютѣ въ память великой княгини Александры Николаевны на Петергофскомъ проспектѣ, деревянная церковь св. Иліи на мызѣ Знаменкѣ великаго князя Николая Николаевича, по Петергофскому шоссе, зрительный залъ Красносельскаго театра (при участіи архитектора И. П. Ропота).

«Худож. Новости» 1889 г., № 6, стр. 162.—«Отчеты Имп. Акад. Х.» за 1864—65, 1874—75, 1877—78, 1880—81 гг.—Каталогъ Всеросс. выставки 1882 г. въ Москвѣ. *Н. С.*

Харузинъ, *Михаилъ Николаевичъ*, писатель и дѣятель Прибалтійскаго края, род. въ Москвѣ 4 іюня 1860 г., ум. въ Ревелѣ 25 сент. 1888 г. Среднее образованіе получилъ въ Ревельской губернской гимназіи, которая дала ему основательное знакомство съ нѣмецкимъ языкомъ и литературою. По окончаніи гимназическаго курса, въ 1881 г. поступилъ въ Московскій университетъ; блестяще окончивъ курсъ юридическихъ наукъ, онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Берлинскомъ и Гейдельбергскомъ университетахъ, гдѣ завершилъ свое научное образованіе. Еще будучи студентомъ, онъ живо интересовался изученіемъ обычнаго права и, не довольствуясь изученіемъ юридическаго быта народа путемъ книжнымъ, въ 1882 г. предпринялъ рядъ изысканій въ различныхъ мѣстахъ Вятской губерніи, согласно съ требованіями, какія предъявлялись существовавшими въ то время въ русской юридической литературѣ программами для собиранія юридическихъ обычаевъ. Ему удалось собрать много матеріаловъ и обработать въ интересной статьѣ, напечатанной въ февральской книжкѣ «Юридическаго Вѣстника» за 1883 г. подъ заглавіемъ: «Очерки юридическаго быта народностей Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи». Въ этомъ трудѣ уже сказались тѣ черты, которыя характеризуютъ всѣ послѣдующія работы Харузина. Вниманіе изслѣдователя не исчерпывается одной юридической стороной народной жизни: онъ смотритъ на народъ съ точки зрѣнія этнографа, наблюдая самыя разнообразныя проявленія народной жизни, религіозныя вѣрованія, обряды, обычаи и т. п. и, сосредоточивая главное вниманіе на юридическихъ понятіяхъ, пытается въ то же время по возможности нарисовать полную картину всего склада народной жизни. Предметомъ его наблюденій въ Сарапульскомъ уѣздѣ были черемисы, вотяки и татары. Въ 1883 г. Х. предпринялъ поѣздку въ область Войска Донского, и результатомъ его изслѣдованій явился капитальный научный трудъ: «Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону», первый выпускъ котораго (до 400 стр.) вышелъ въ Москвѣ въ 1885 г. Этотъ трудъ былъ посвященъ «неутомимому борцу за русское народное самосознаніе И. С. Аксакову», къ которому Х. питалъ глубокое уваженіе, какъ къ вождю славянофиловъ. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ Х. началъ принимать очень дѣятельное участіе въ трудахъ Московскаго отдѣла этнографіи при Обществѣ любителей естествознанія, секретаремъ котораго онъ былъ избранъ еще до окончанія курса. Солидный трудъ Харузина по изслѣдованію области Войска Донского былъ принятъ юридическимъ факультетомъ Московскаго университета, какъ кандидатская диссертація, и авторъ оставленъ при университетѣ. Въ должности секретаря Х. привелъ въ исполненіе обширную задачу составленія программы по собиранію научныхъ свѣдѣній по этнографіи и обычному праву, въ приложеніи къ Россіи и къ народамъ, въ ней обитающимъ. Идея этой программы зародилась у Харузина еще во время пребы-

ванія его въ области Войска Донского, но только теперь удалось ему осуществить ее; трудъ этотъ озаглавленъ: «Программа для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ» (1887); напечатанная въ количествѣ болѣе 1.000 экземпляровъ, она быстро разошлась вся. Въ іюлѣ 1887 г. Х. сложилъ съ себя званіе секретаря отдѣла этнографіи и отправился въ Ревель, гдѣ поступилъ на службу чиновникомъ особыхъ порученій при Эстляндскомъ губернаторѣ. Въ Ревелѣ онъ занялся «балтійскимъ» вопросомъ: изучалъ исторію края, собиралъ архивные документы, которые печаталъ въ редактируемыхъ имъ «Эстляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», внимательно изучалъ этнографическія и бытовыя условія разныхъ національностей губерніи, предпринималъ съ этой цѣлью поѣздки, писалъ статьи и издавалъ политическаго характера брошюры. Въ теченіе одного 1888 г. онъ издалъ три сочиненія, изъ которыхъ «Указатель хронологическій и систематическій законовъ для Прибалтійскихъ губерній съ 1704 по 1888 г.» представляетъ крупный вкладъ въ литературу юридическаго изученія края, такъ какъ нѣкоторыя статьи обработаны авторомъ весьма подробно, особенно вопросъ «о правахъ и привилегіяхъ», составляющихъ, какъ извѣстно, больную сторону этого края. Затѣмъ появились: «Балтійская конституція, историко-юридическій очеркъ» и, наконецъ, «Православіе на островахъ Даго и Вормсъ», «Пюхтица — святое мѣсто; бытовой очеркъ изъ Балтійской дѣйствительности». Кромѣ того, онъ въ «Моск. Вѣд.» печаталъ свои «Письма съ Балтійской окраины». Среди столь многосторонней и плодотворной дѣятельности смерть подкосила эту молодую силу, такъ много уже сдѣлавшую и еще больше обѣщавшую. 29-ти лѣтъ отъ роду Х. заболѣлъ тифомъ и черезъ 13 дней его не стало; тѣло его было перевезено изъ Ревеля въ Москву и предано землѣ на кладбищѣ Ново-Дѣвичьяго монастыря.

«Рижск. епарх. вѣд.» 1888 г., № 18.—«Рижск. вѣсти.» 1888 г., № 213—215.—С.-Петерб. Вѣдом.» 1888 г., № 269.—«Новости» 1888 г., № 276 (некрол., напис. Г. А. Исаевымъ).—«Моск. Вѣдом.» 1888 г., №№ 269—271. — «Труды» отдѣла этнограф. Общества люб. естествозн., антропол. и этнографіи за 1879 г., кн. IX, вып. I (съ портретомъ).—«Эстляндск. губ. вѣд.» 1888 г., № 38, 39 и 40.—«Курляндск. губ. вѣд.» 1888 г., № 78.—«Мих. Ник Харузинъ», жизнеописаніе, изданное въ Ревелѣ въ 1888 г. отдѣльною брошюрою Н. Ш. — Рѣчь проф. В. Ѳ. Миллера, произнесенн. 28 сент. 1888 г. въ засѣданіи отдѣла этнограф. Общества люб. естествозн., антропол. и этногр.—Рѣчь проф. А. Н. Филиппова, сказанная 30 окт. 1888 г. въ засѣдан. Московск. юридич. общ.—«Истор. Вѣстн.» 1888 г., декабрь.

Хатовъ, *Александръ Ильичъ*, генералъ отъ инфантеріи, извѣстный военный писатель, род. въ С.-Петербургѣ въ дворянской семьѣ въ 1780 г., ум. въ Царскомъ Селѣ 15 октября 1846 г. Послѣ подготовительнаго домашняго образованія былъ помѣщенъ въ 1-й кадетскій (бывшій сухопутный шляхетный) корпусъ, откуда выпущенъ въ 1797 г. изъ фельдфебелей въ Елецкій мушкетерскій полкъ подпоручикомъ и вскорѣ послѣ того переведенъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части. Въ 1799 г. за особые труды по составленію карты театра войны средней Европы отъ предѣловъ Россіи до Франціи награжденъ алмазнымъ перстнемъ и чиномъ поручика, а годъ спустя произведенъ въ капитаны и, будучи назначенъ инспекторскимъ адъютантомъ къ инженеръ-генералу и генералъ-квартирмейстеру гр. Сухтелену по части расквартированія и движенія войскъ, занимался предварительными подготовленіями къ предстоявшей тогда войнѣ съ французами. Въ кампаніи 1805 г. Х. состоялъ при кавалерійской колоннѣ генералъ-маіора Войнова и участвовалъ въ Аустерлицкомъ сраженіи, за которое былъ награжденъ чиномъ маіора. Во время обозрѣнія гр. Сухтеленомъ нашей западной границы отъ Таурогена до устья Днѣстра, Х., состоя при немъ, занимался съемкою мѣстностей, назначенныхъ для постройки крѣпостей, за что въ 1807 г. удостоился Высочайшей награды, а въ продолженіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ участвовалъ въ войнѣ противъ шведовъ при осадѣ Свеаборгской крѣпости и въ экспедиціи на Аландскіе острова. Въ этомъ походѣ онъ составилъ генеральную карту сѣверной Финляндіи и шведской и датской частей Лапландіи до Нордъ-Капа; наградою за эти труды были чинъ подполковника и орденъ Св. Анны 2 ст. Въ 1810 г. онъ, по порученію гр. Сухтелена, составилъ по японскимъ источникамъ генеральную карту Японской имперіи и затѣмъ часть секретной маршрутной карты Европейской Россіи. Въ томъ же году онъ былъ

назначенъ начальникомъ надъ всѣми колонновожатыми въ С.-Петербургѣ, для подготовленія ихъ къ службѣ генеральнаго штаба и для обученія фортификаціи, артиллеріи и тактикѣ. Въ 1811 г. появилось его первое военное сочиненіе, въ 2 частяхъ, подъ заглавіемъ «Общій опытъ тактики», за которое онъ удостоился получить алмазный перстень и чинъ полковника. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ директоромъ вновь учрежденнаго разсадника офицеровъ генеральнаго штаба, училища колонновожатыхъ, и начальникомъ офицерской чертежной, а въ 1814 г. начальникомъ топографическаго отдѣленія канцеляріи генералъ-квартирмейстера Главнаго штаба Его Величества (нынѣ военно-топографическое депо). Съ 1816 г. Х. въ продолженіе 3 лѣтъ работалъ надъ составленіемъ военно-топографической карты Аландскихъ острововъ на 9 листахъ, съ историческимъ, статистическимъ и военнымъ описаніемъ, и карты земель, лежащихъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями; въ это же время появились его сочиненія: «О воинской дисциплинѣ» и «Описаніе зимняго похода на Аландскіе острова». Произведенный въ 1819 г. въ генералъ-маіоры, онъ въ слѣдующемъ году былъ назначенъ непремѣннымъ членомъ Военно-ученаго комитета, а вслѣдъ затѣмъ ему повелѣно было содѣйствовать Комитету азіатскихъ дѣлъ по вопросу о возможности провести границу чрезъ Киргизскую степь и завести на ней русскія поселенія; послѣднее порученіе дало ему поводъ собрать необходимые геостатистическіе и военно-историческіе матеріалы и по нимъ исправить карту Средней Азіи. Въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I Х. исправлялъ должность генер.-квартирмейстера Главнаго штаба Его Величества. Произведенный въ 1829 г. въ генералъ-лейтенанты, онъ въ томъ же году былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія Военно-ученаго комитета и въ этой должности оставался до 1845 г., когда былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи; годъ спустя онъ скончался 66 лѣтъ отъ роду. Кромѣ перечисленныхъ уже трудовъ ему принадлежитъ работа: «Руководство молодымъ офицерамъ къ отправленію службы разнаго рода войскъ въ военное время», Спб., 1835; имъ же переведены два французскихъ сочиненія Д. П. Бутурлина: «Военная исторія походовъ Россіянъ въ XVIII ст.», Спб., 1819 — 23, 4 части, и «Исторія нашествія императора Наполеона на Россію въ 1812 г.», Спб., 1823, 2 части. Изъ картъ составленныхъ Хатовымъ, кромѣ перечисленныхъ выше, слѣдуетъ привести еще слѣдующія: карта западной части Турецкой имперіи, на 12 л., 1822; карта восточной половины Отоманской Порты, на 12 л., 1826; генеральная карта Валахіи, Булгаріи и Румеліи, 1827; топографическая карта Булгаріи и Румеліи, 1828; карта Греческаго княжества и Архипелага, 1830; военно-генер. карта западной части Россіи, на 9 л., 1831, и карта военныхъ дѣйствій россійскихъ императорскихъ и союзныхъ войскъ противъ французовъ въ 1812, 1813 и 1814 гг., на 6 листахъ, 1836.

«Сѣверн. Пчела» 1846 г., № 238.— «Воен. энцикл. лексиконъ», изд. 2-е, т. XIII, стр. 471.— «Справочн. энц. словарь», Т. XI.—«Энц. Словарь» Брокгауза и Ефрона, Т. V, стр. 91.—«Вѣстн. Европы» 1823 г., ч. 129, № 10, стр. 159.

Хатовъ, *Иванъ Ильичъ*, генералъ-лейтенантъ, директоръ Александровскаго малолѣтняго корпуса, род. въ С.-Петербургѣ въ декабрѣ 1784 г., ум. тамъ-же 31 октября 1875 г. Воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ при директорахъ графѣ Ангальтѣ и Кутузовѣ (впослѣдствіи кн. Смоленскомъ) и въ 1800 г. выпущенъ прапорщикомъ въ Полоцкій мушкетерскій полкъ, а два года спустя, съ производствомъ въ подпоручики, переведенъ въ 1-ый кадетскій корпусъ дежурнымъ офицеромъ. Кромѣ надзора за кадетами, на него возложено было преподаваніе въ старшихъ классахъ русскаго языка и ситуаціи. Въ 1820 г. Х. былъ назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ при главномъ директорѣ пажескаго и кадетскихъ корпусовъ (нынѣ Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній), а въ 1834 г.— директоромъ нынѣ упраздненнаго Александровскаго малолѣтняго кадетскаго корпуса. Онъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ занятіяхъ «Комитета о сочиненіи воинскаго строеваго устава», въ которомъ всѣ чертежи и планы составлены имъ. Х. перевелъ съ нѣмецкаго «Объ атакѣ и оборонѣ крѣпостей» (1811), «Полевую фортификацію» (1812), «Наставленіе о съемкѣ мѣстъ посредствомъ мен-

зулы» (1812) и «Воинскіе уставы о строевой пѣхотной и кавалерійской службѣ прусскихъ войскъ» (1813); съ французскаго—«Памятную книжку для военныхъ людей», напечатанную въ 1818 г. на счетъ Кабинета Его Величества. За послѣдніе два труда ему были пожалованы брилліантовые перстни. Въ 1834 г. Х. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, въ 1845 г.—въ генералъ-лейтенанты. Х. 75 лѣтъ состоялъ въ офицерскихъ чинахъ, при чемъ большая часть его службы была посвящена военно-учебной дѣятельности.

«Русскій Инвалидъ» 1875 г., № 241. — «Иллюстрированная Недѣля» 1875 г., № 45, стр. 720.— «Справ. энц. Словарь», т. XI, стр. 462.

Хворостининъ, князь, *Андрей Ивановичъ*, окольничій и воевода, извѣстный защитникъ Пскова отъ короля Баторія, род. въ Москвѣ въ двадцатыхъ годахъ XVI стол., ум. тамъ же 24 апрѣля 1604 г. Государственную службу началъ въ 1544 г. въ должности рынды въ большомъ полку и до 1551 г. участвовалъ въ походахъ къ Полоцку и др. и постоянно ѣздилъ съ государевымъ сайдакомъ. Затѣмъ состоялъ въ опричинѣ и въ октябрѣ 1566 г. посланъ изъ Москвы полковымъ воеводою въ Болховъ для защиты этого города отъ осаждавшихъ его крымцевъ. За блестящую побѣду надъ послѣдними ему былъ пожалованъ золотой. 26 сентября 1568 г. Х. былъ снова назначенъ рындою и съ большимъ государевымъ сайдакомъ участвовалъ въ Новгородскомъ походѣ противъ польскаго короля. Съ 1569 до 1580 г. послѣдовательно состоялъ воеводою полковъ въ Калугѣ, подъ Москвою, въ Тарусѣ, Новгородѣ, Новосили, Каширѣ и Дѣдиловѣ; въ 1579 г., въ походѣ на Лифляндію, былъ назначенъ стрѣлецкимъ головою въ государевомъ полку. Когда дошли вѣсти о движеніи польскаго короля Баторія къ Пскову, Іоаннъ IV, знавшій военныя способности и энергичный характеръ кн. Хворостинина, отправилъ его воеводою въ Псковъ, довѣривъ ему защиту города. Здѣсь Х. обнаружилъ мужество и неустрашимость въ вылазкахъ противъ осаждавшихъ поляковъ, снискавшія ему славу. Переведенный въ 1582 г. воеводою же изъ Пскова въ Коломну, онъ потомъ находился въ этой должности въ Нижнемъ, Алатыри, Шацкѣ и Рязани. Съ 1588 по 1590 г. Х. находился на Кавказѣ въ должности перваго воеводы въ Теркахъ. Командированный туда, по просьбѣ персіанъ, для защиты отъ крымцевъ, Х. построилъ тамъ двѣ крѣпостцы по пути слѣдованія ордынцевъ въ Персію. Въ 1591 г. онъ, по крымскимъ вѣстямъ, былъ поспѣшно вызванъ въ Россію для охраны береговъ Оки отъ ордынскихъ хищниковъ, а затѣмъ, въ 1592 г., переведенъ воеводою въ Новосиль и за отличія въ семъ году произведенъ въ окольничіе. Въ 1593 г., состоя воеводою сторожевого полка на Окѣ, онъ осмотрѣлъ границу и въ теченіе слѣдующаго года построилъ засѣки на всемъ протяженіи отъ Курска до Орла. Слѣды этихъ засѣкъ мѣстами сохранились донынѣ. Слѣдующіе три года (1595—1597) онъ провелъ на Кавказѣ, куда былъ командированъ съ большимъ отрядомъ для утвержденія власти Россіи надъ черкесскими и кабардинскими князьями и для защиты кахетинскаго князя Александра отъ турокъ, персіанъ и владѣтеля Тарковской области Шевкала. Александръ, прося о помощи, обѣщалъ съ своей стороны выставить многочисленное войско. Х. разбилъ Шевкала на голову, заставилъ его бѣжать въ неприступныя горы, взялъ его столицу Тарки и побѣдоносно прошелъ весь Дагестанъ, покоряя всѣ народности русскому скипетру. Но Александръ измѣнилъ и кахетинскихъ полковъ на помощь не выслалъ; вмѣсто послѣднихъ русскій отрядъ окружили несмѣтныя полчища воинственныхъ горцевъ. Предвидя гибель, Х. разорилъ Тарки до основанія и, безпрестанно отбиваясь отъ напиравшихъ горцевъ, отступилъ къ Тереку, потерявъ 3000 чел. На Терекѣ и Койсѣ онъ возвелъ города, въ которыхъ укрѣпился. Въ 1598 г. Х. былъ назначенъ сходнымъ воеводою въ большомъ полку украинскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ крымскихъ татаръ. Вызванный въ слѣдующемъ году въ Москву, онъ вторымъ встрѣчалъ на крыльцѣ при представленіи царю шведскаго королевича Густава. Затѣмъ съ 1600 по 1602 г. годовалъ первымъ воеводою въ новопостроенномъ городѣ Царевѣ-Борисовѣ и послѣ этого былъ по болѣзни вызванъ въ Москву, гдѣ и умеръ спустя 2 года.

«Сокращенное описаніе службъ благородн. Росс. дворянъ», Москва, 1810, ч. I, степень 21, № 2378, стр. 320—321.—С. М. Соловьевъ: «Ист. Росс.», изд. Тов. «Общ. Польза», кн. II, стр. 627 (ошибочно

приписано взятіе г. Тарки кн. Д. И. Хворостинину).— П. Петровъ: «Исторія родовъ Русскаго двор.», 1885, ч. I, стр. 87.— «Военно-Энциклоп. лексиконъ», изд. 2, т. XIII.— «Русскій ист. сборникъ», изд. Общ. ист. и древн. росс., т. II, кн. 2, стр. 126, 128, 158, 222, 281.

Л. Вейнберъ.

Хворостининъ, князь, *Дмитрій Ивановичъ*, боярин и воевода-намѣстникъ, выдающійся русскій полководецъ, род. въ Москвѣ въ двадцатыхъ годахъ XVI столѣтія, ум. тамъ же 7 августа 1591 г. Службу началъ при царѣ въ званіи стольника. Въ 1551 г., въ походѣ на Полоцкъ, былъ назначенъ головою въ государевомъ полку, и при немъ находилось 177 дѣтей боярскихъ. Въ мартѣ 1559 г. Х., годовавшій городовымъ воеводою въ Шацкѣ, былъ назначенъ головою царевыхъ полчанъ, находившихся подъ главнымъ начальствомъ кн. Бѣльскаго при большомъ полку, противъ ордынскихъ кочевниковъ и въ томъ же году отправленъ вторымъ воеводою войскъ, назначенныхъ для охраны южнорусскихъ границъ отъ набѣга крымскихъ татаръ. Съ 1560 по 1562 г. онъ пробылъ воеводою въ Нижнемъ Новгородѣ, затѣмъ переведенъ въ Юрьевъ, откуда въ 1563 г. вмѣстѣ съ кн. Глинскимъ назначенъ въ большой полкъ для похода къ Торвасу противъ литовцевъ. Когда въ Москву дали знать о движеніи крымскаго хана, Х. былъ отправленъ царемъ къ воеводамъ въ Серпуховъ, съ повелѣніемъ поспѣшно идти къ Мценску для дружнаго отпора хану. Въ ноябрѣ того же года, при выступленіи войскъ подъ личнымъ предводительствомъ царя въ походъ на Полоцкъ, Х. ѣздилъ за государемъ вторымъ «съ топоромъ». Когда литовцы сдѣлали вылазку, онъ во главѣ отряда напалъ на нихъ и ворвался въ городъ. Въ 1564 г. назначенъ вторымъ воеводою сторожевого полка въ Великихъ Лукахъ и оттуда переведенъ первымъ воеводою лѣвой руки войскъ въ Калугу. Въ мартѣ слѣдующаго года Х., годовавшій первымъ воеводою у Николы Зарайскаго, подстерегъ крымскихъ татаръ, возвращавшихся изъ Руси съ полономъ, напалъ на нихъ, разбилъ ихъ на голову, освободилъ русскихъ и взялъ много ордынцевъ въ плѣнъ. Въ октябрѣ 1566 г., когда крымцы во множествѣ осадили Болховъ, Х. былъ вызванъ въ Москву и, отправленный на помощь находившемуся въ опасности городу, съ такимъ успѣхомъ исполнилъ возложенное на него порученіе, что по возвращеніи въ Москву ему былъ пожалованъ золотой. Весною 1569 г. Х. произведенъ во вторые воеводы передового полка, квартировавшаго въ Вязьмѣ, и за отличіе пожалованъ въ окольничіе и назначенъ первымъ воеводою сперва въ Великихъ-Лукахъ, затѣмъ въ Калугѣ для отраженія крымцевъ и, наконецъ,— въ Тулѣ первымъ воеводою сторожевого полка. Провѣдавъ о движеніи крымскихъ татаръ, Х., бывшій первымъ воеводою у Николы Зарайскаго, въ ночь съ 20 на 21 мая 1570 г. напалъ на нихъ врасплохъ и, несмотря на численное превосходство враговъ, разбилъ ихъ на голову и многихъ взялъ въ плѣнъ, а затѣмъ передвинулся съ полкомъ въ Рязань. Въ 1572 г. Х. участвовалъ въ зимнемъ походѣ царя противъ шведовъ, а съ весны 1573 г. отправленъ съ войсками въ Коломну противъ приближавшихся къ Серпухову крымцевъ; настигнувъ ордынцевъ подъ Воскресенскомъ, онъ разбилъ и разсѣялъ ихъ полчища и двинулся къ берегу Оки для наблюденія за отступавшимъ непріятелемъ. Во время Эстонской войны 1573 г. онъ участвовалъ въ походѣ, состоя при царѣ въ передовомъ полку вторымъ воеводою лѣвой руки войскъ; смѣлымъ приступомъ взялъ города Пайду и Ропу, а по возвращеніи въ Москву отправленъ на берегъ Оки, для охраны южной границы отъ набѣговъ татаръ. Зимою 1577 г. онъ участвовалъ со сторожевымъ полкомъ въ Ливонскомъ походѣ; а въ концѣ лѣта, вслѣдствіе приближенія татаръ, былъ поспѣшно переведенъ въ передовой полкъ въ Калугу. Встрѣтивъ передовыя крымскія полчища, онъ не далъ имъ соединиться, разбилъ ихъ и гналъ до Гуляя городка. Осенью 1578 г. Х. въ должности второго воеводы большого полка выступилъ въ походъ и обложилъ Оберпаленъ, занятый послѣ бѣгства Магнуса, съ согласія тамошнихъ нѣмцевъ, сильнымъ шведскимъ гарнизономъ. Послѣ взятія города воеводы, вмѣсто того, чтобы идти на Венденъ, изъ зависти и мѣстничества отказались помогать Хворостинину; царь прислалъ дьяка Щелкалова съ выговоромъ воеводамъ; хотя они вслѣдствіе этого и смирились и, прекративъ споры, выступили, однако удобное время уже было упущено: литовцы успѣли соединиться со шведами; русскимъ войскамъ

пришлось отказаться отъ осады Вендена и отступить. Х. былъ вызванъ въ Москву, успѣлъ оправдаться и остался при царѣ.

Въ 1579 г. Х. былъ назначенъ третьимъ воеводою передового полка противъ союзныхъ литовско-ливонскихъ войскъ; разбивъ ихъ, онъ вмѣстѣ съ полкомъ перешелъ въ Ржевъ, а осенью 1580 г. двинулся въ Можайскъ, гдѣ соединился съ другими воеводами, а оттуда въ Литву и въ началѣ весны слѣдующаго года выжегъ и опустошилъ всѣ попутные посады и деревни по окрестности гг. Дубровны, Орши, Шклова и Могилева. Въ Шкловѣ литовцы сдѣлали смѣлую вылазку, но, разбитые на голову, бѣжали, оставивъ множество плѣнныхъ. Между тѣмъ ходъ политическихъ событій требовалъ присутствія Хворостинина на шведской границѣ, и онъ былъ отправленъ въ Новгородъ осаднымъ воеводою. Въ декабрѣ 1582 г. вспыхнула война со Швеціею; Х. состоялъ вторымъ воеводою передового полка; въ февралѣ 1583 г. произошло кровопролитное сраженіе въ Водской пятинѣ, при Лялицахъ; побѣда клонилась на сторону шведовъ, но Х. быстрымъ и смѣлымъ ударомъ своей конницы рѣшилъ бой, и шведы бѣжали въ безпорядкѣ. За эту побѣду онъ былъ произведенъ въ первые воеводы передового полка и ему вторично былъ пожалованъ золотой, — награда въ тѣ времена весьма рѣдкая. Возвратившись изъ шведскаго похода, Х. въ концѣ того же 1583 года усмирилъ бунтъ, вспыхнувшій среди луговыхъ черемисовъ, а въ слѣдующемъ году былъ посланъ въ Казань усмирять взбунтовавшихся татаръ. Въ награду за длинный рядъ блестящихъ побѣдъ Х. по возвращеніи изъ Казани былъ пожалованъ въ бояре, назначенъ первымъ воеводою большого полка и вслѣдъ затѣмъ—государевымъ намѣстникомъ въ Рязани, съ порученіемъ охранять всю украинскую линію отъ ордынскихъ набѣговъ. Въ февралѣ 1586 г. онъ былъ вызванъ въ Москву, гдѣ сидѣлъ «въ большой лавкѣ» при представленіи царю въ столовой палатѣ литовскаго посла. Новый бунтъ черемисовъ и набѣгъ крымцевъ потребовалъ его присутствія сперва на Волгѣ, а затѣмъ на Окѣ и Дону до 1689 г., когда онъ снова былъ вызванъ въ Москву, гдѣ ожидали новой войны со шведами. Х. былъ приглашенъ къ царскому столу и назначенъ девятымъ изъ засѣдавшихъ въ ближней царской тайной думѣ. Затѣмъ, въ ноябрѣ 1590 г., когда открылась война со шведами, Х. взялъ г. Ямы и подъ Нарвою разбилъ на голову 20-тысячное войско шведовъ, находившееся подъ начальствомъ Густава Банера. 13 іюня 1591 г. престарѣлый бояринъ встрѣчалъ еще близъ Москвы крымскихъ царевичей и присутствовалъ при представленіи ихъ царю, но вскорѣ послѣ этого умеръ, принявъ предъ смертью постриженіе съ именемъ Діонисія.

«Сокращенное описаніе службъ благороди. Росс. дворянъ», М. 1810, ч. I, степень 21, № 2376, стр. 316—318. — С. М. Соловьевъ: «Ист. Россіи», изд. товарищ. «Общ. Польза», кн. II, стр. 580, 627 и 645 (Соловьевъ ошибочно приписываетъ Д. И. Хворостинину взятіе г. Тарки; городъ былъ взятъ его братомъ кн. Андреемъ Ивановичемъ).—П. Петровъ: «Исторія родовъ русскаго дворянства», т. I, 1885, стр. 87. — «Воен. Энц. Лексиконъ», изд. 2-е, т. XIII.—«Русск. ист. сборникъ», изд. Общ. ист. и древн. Россійск., т. II, кн. 2, стр. 75, 89, 93, 96, 97, 99, 101, 116, 140, 159, 165, 180—181, 188, 199, 222, 231 и 232.

Л. Вейнберъ.

Хворостининъ, князь, *Иванъ Андреевичъ*, воевода, извѣстный въ исторіи своею приверженностью къ Западу. Въ день бракосочетанія Лжедмитрія съ Мариною, 8 мая 1606 г., первымъ стоялъ у стола и на другой день четвертымъ съ самозванцемъ ходилъ въ баню; въ томъ же году пожалованъ сперва въ окольничіе, а потомъ въ кравчіе. Въ мартѣ 1613 г., когда были двинуты войска противъ литовцевъ, опустошавшихъ Бѣлевскія, Мещовскія, Калужскія и Козельскія мѣста, Х., стоявшій подъ Козельскомъ, въ шести верстахъ отъ войскъ кн. А. Хованскаго, отказался явиться на помощь послѣднему противъ напиравшаго непріятеля. Частыя столкновенія между этими двумя приверженцами «латинской ереси», имѣвшія своимъ послѣдствіемъ постоянныя неудачи, вселили наконецъ сомнѣніе въ благонадежности обоихъ полководцевъ, и они были смѣнены. Х. былъ назначенъ первымъ воеводою сторожевого полка въ Новосили, а въ 1618 г. переведенъ въ Рязань. Но и живя внутри Россіи, Х. не стѣснялся рѣзко высказывать недовольство старыми порядками и стремленіе къ новому, чужому. Образъ мыслей этого «вольнодумца» XVII ст. наглядно характеризуется указомъ отъ имени великихъ государей патріарха Филарета и царя Михаила Ѳеодоровича, даннымъ на имя Хворостинина: «Князь Иванъ!—говорится между прочимъ

въ этомъ документѣ, — извѣстно всѣмъ людямъ Московскаго государства, какъ ты былъ при Разстригѣ въ приближеніи, то впалъ въ ересь и въ вѣрѣ пошатнулся, православную вѣру хулилъ, постовъ и христіанскаго обычая не хранилъ и при царѣ Василіѣ Ивановичѣ былъ за то сосланъ подъ начало въ Іосифовъ монастырь, послѣ того, при государѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, опять началъ приставать къ польскимъ и литовскимъ попамъ и полякамъ и въ вѣрѣ съ ними соединился, книги и образа ихъ письма у нихъ принималъ и держалъ у себя въ чести. Эти образа и письмо у тебя вынуты, да и самъ ты сказалъ, что образа римскаго письма почиталъ наравнѣ съ образами греческаго письма. Тутъ тебя, по государевой милости, пощадили, наказанья тебѣ не было никакого, только заказъ сдѣланъ былъ тебѣ крѣпкій, чтобы ты съ еретиками не знался, ереси ихъ не перенималъ, латинскихъ образовъ и книгъ у себя не держалъ...» Но Х. несмотря на увѣщанія продолжалъ жить по-прежнему. Своимъ крестьянамъ запрещалъ ходить въ церковь и публично глумился надъ религіею, говоря что «молиться не для чего: воскресенія мертвыхъ не будетъ». Онъ даже собирался негласно продать свои вотчины и уѣхать на всегда за границу, увѣряя, что «на Москвѣ людей нѣтъ, все людъ глупый, жить не съ кѣмъ». Впослѣдствіи онъ за это былъ сосланъ подъ начало въ Кирилловъ монастырь, гдѣ былъ «въ вѣрѣ истязанъ»; онъ покаялся и былъ прощенъ. Ему позволили вернуться въ Москву и возвратили дворянскія права.

«Сокращенное описаніе служебъ благородн. Россійск. дворянъ», М., 1810, ч. I, степень 22, № 2383, стр. 323.—П. Петровъ, «Ист. род. русск. дворянства», 1885 г., ч. I, стр. 87.—С. М. Соловьевъ, «Ист. Россіи», изд. товарищ. «Общ. Польза», кн. II, стр. 1067, 1372, 1373.

Л. Вейнбергъ.

Хворостининъ, князь, *Иванъ Дмитріевичъ*, окольничій и воевода, убитъ въ Астрахани 16 сент. 1616 г. До 1598 г. числился стольникомъ; затѣмъ былъ назначенъ сперва головою, а потомъ есауломъ въ Серпуховскомъ походѣ царя противъ крымскихъ татаръ. 14 мая 1598 г. состоялъ при крымскомъ гонцѣ, въ слѣдующемъ году — при шведскомъ королевичѣ Густавѣ, въ 1600 г. — при персидскихъ, въ 1601 г. — при англійскихъ послахъ, въ 1602 г. — при датскомъ королевичѣ. Послѣ этого назначенъ первымъ воеводою въ Борисовъ; но уже въ 1603 г. былъ вызванъ въ Москву, гдѣ состоялъ объѣзжимъ въ деревяномъ городѣ. 24 апрѣля 1604 г., въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, Х. за отличія былъ приглашенъ къ царскому столу и пожалованъ въ окольничіе, а 3 марта 1605 г. былъ третьимъ въ отвѣтѣ съ англійскимъ посломъ, въ 1606 г. назначенъ третьимъ въ меньшемъ государевомъ совѣтѣ. Съ 1607 г. проживалъ первымъ воеводою въ Астрахани. Здѣсь, повидимому, искренно убѣжденный въ правотѣ дѣла Лжедимитрія, Х. поднялъ Астрахань противъ Василія Шуйскаго и перешелъ на сторону самозванца; но при воцареніи дома Романовыхъ отрекся отъ Лжедимитрія и былъ вѣрнымъ слугою царю Михаилу Ѳеодоровичу. При осадѣ Астрахани Пв. Заруцкимъ Х. вступилъ съ нимъ въ бой, но потерялъ сраженіе и былъ убитъ на полѣ брани.

«Сокращенное описаніе служебъ благородн. Росс. дворянъ», М., 1810, ч. I, степень 22, № 2380, стр. 322.—П. Петровъ: «Ист. родовъ русскаго дворянства», 1885, ч. I, стр. 87.—С. М. Соловьевъ: «Ист. Россіи», изд. товарищ. «Общ. Польза», кн. II, стр. 815, 880 и 1055.

Л. Вейнбергъ.

Хворостининъ, князь, *Иванъ Михайловичъ*, по прозванію *Хобердинскій*, род. въ концѣ XV ст., ум. въ 1571 г. Его отецъ, кн. Михаилъ Васильевичъ, по прозванію *Хвороста*, потомокъ Всеволода III, назывался сперва кн. Хворостинимъ, а впослѣдствіи Хворостининымъ, и это имя перешло къ его потомству. Въ 1537 г. Х. былъ посланъ изъ Владиміра въ Муромъ въ должности стрѣлецкаго головы, а годъ спустя переведенъ тѣмъ же званіемъ въ большой полкъ, гдѣ состоялъ при кн. Кубенскомъ. Назначенный въ 1540 г. въ Рязань воеводою сторожевого полка, онъ затѣмъ пробылъ годъ вторымъ воеводою въ Тулѣ, куда былъ командированъ для охраненія границъ отъ набѣговъ крымскихъ татаръ. Своими смѣлыми и энергичными распоряженіями Х. обратилъ на себя вниманіе царя, и когда въ 1543 г. распространились слухи о движеніи татаръ къ «польскимъ» (украиннымъ) городамъ, онъ былъ отправленъ въ Калугу первымъ воеводою сторожевого полка. Съ 1546 по 1547 г. онъ былъ воеводою сперва

въ Тулѣ, а потомъ въ Калугѣ, а въ слѣдующемъ году находился въ Казанскомъ походѣ въ должности пристава при царевичѣ Астраханскомъ Едигиреѣ. Въ 1550 г. назначенъ вторымъ посломъ для заключенія мира съ Польшею и по возвращеніи въ Москву отправленъ воеводою въ Василь-городъ. Затѣмъ онъ былъ назначенъ первымъ воеводою выборнаго полка и, находясь при царѣ, участвовалъ въ завоеваніи Казани (1553). Въ 1554 г. Х. былъ отправленъ съ войсками на западную границу, гдѣ такъ отличился, что произведенъ царемъ въ окольничіе и пожалованъ «золотымъ угорскимъ». Когда возгорѣлась война съ Лифляндіею, Х. былъ назначенъ вмѣстѣ съ царемъ Шихъ-Алеемъ въ большой полкъ, съ которымъ онъ въ 1558 г. разбилъ лифляндцевъ во многихъ сраженіяхъ, взялъ приступомъ г. Костеръ и разорилъ предмѣстья всѣхъ попутныхъ городовъ до Риги. По возвращеніи въ Москву онъ въ 1562 г. былъ назначенъ воеводою во вновь завоеванный городъ Казань, но уже въ ноябрѣ слѣдующаго года отправился въ походъ подъ главнымъ начальствомъ царя и участвовалъ во взятіи г. Полоцка. Х. умеръ въ монашествѣ съ именемъ Іосифа.

«Сокращенное описаніе службъ благородныхъ Россійскихъ дворянъ», М., 1810, ч. I, степень 20, № 2374, стр. 315—316.—С. М. Соловьевъ: «Ист. Россіи, изд. товарищ. «Общ. Польза», кн. I, стр. 1008», табл. № 1. — П. Петровъ: «Исторія родовъ русскаго дворянства», 1885, т. I, стр. 87.

Л. Вейнберъ.

Хворостининъ, князь, *Петръ Ивановичъ*, воевода и намѣстникъ Рязанскій, род. въ Москвѣ въ двадцатыхъ годахъ XVI ст., ум. въ Астрахани въ 1592 г. Въ 1544 и 1551 гг. участвовалъ въ походахъ къ Полоцку въ должности рынды, съ большимъ государевымъ копьемъ. Въ октябрѣ 1565 г. былъ посланъ царемъ въ Рязань къ боярину Басманову «съ рѣчью» и съ золотыми за службу противъ крымцевъ. Съ 1572 г. участвовалъ въ должности воеводы въ походахъ сперва противъ крымцевъ, потомъ въ Лифляндію; затѣмъ былъ городовымъ воеводою въ Орлѣ и Тулѣ, откуда въ 1575 г. выступилъ въ походъ противъ союзныхъ полчищъ Крымской и Ногайской ордъ и въ Печерниковыхъ Дубровахъ одержалъ надъ ними блестящую побѣду, за что произведенъ въ намѣстники и первые воеводы города Рязани. Затѣмъ послѣдовательно былъ воеводою въ передовомъ полку, въ Колывани, Дѣдиловѣ, Каширѣ и Кеси (нынѣ Венденъ). Вызванный въ 1579 г. въ Москву, онъ былъ отправленъ сперва въ Новгородъ, а затѣмъ опять въ Кесь, гдѣ въ сраженіи съ поляками попался въ плѣнъ. Въ 1583 г. онъ былъ выкупленъ царемъ изъ плѣна за баснословно высокій для того времени выкупъ: 3328 руб. и четыре сорока соболей. Въ 1586 г. участвовалъ въ новгородскомъ противъ шведовъ походѣ въ должности перваго воеводы Ертаульнаго полка. Съ 1589 г. годовалъ воеводою въ Астрахани, гдѣ и умеръ.

«Сокращенное описаніе службъ благородн. Росс. дворянъ», М., 1810, ч. I, степень 21, № 2379, стр. 321—322.

Л. Вейнберъ.

Хворостининъ, князь, *Ѳедоръ Ивановичъ*, боярин и воевода, дипломатъ, род. въ Москвѣ въ концѣ первой четверти XVI вѣка, ум. тамъ-же 17 сент. 1608 г. Въ Полоцкихъ походахъ 1544 и 1551 гг. завѣдывалъ государевыми пищалями; въ 1559 г. участвовалъ въ дѣлѣ съ крымцами у Монастырскаго острова и былъ посланъ оттуда воеводою Д. Адашевымъ съ извѣстіемъ объ этомъ дѣлѣ къ государю; затѣмъ возвратился стрѣлецкимъ головою въ большой полкъ въ Тулу и участвовалъ въ окончательномъ пораженіи татаръ кн. Бѣльскимъ. Въ Полоцкомъ походѣ 1563 г. и Новгородскомъ противъ польскаго короля, предпринятомъ 26 сент. 1568 г., находился въ войскѣ въ должности рынды съ государевыми пищалями. Съ 1571 по 1577 г. послѣдовательно состоялъ: третьимъ головою первой статьи въ крымскомъ походѣ царя, предпринятомъ изъ Александровой слободы въ Зарайскъ, Каширу, Коломну и Серпуховъ, затѣмъ вторымъ дворовымъ воеводою во второмъ походѣ царя по крымскимъ вѣстямъ, годовалъ первымъ воеводою въ Александровой слободѣ, участвовалъ въ усмиреніи взбунтовавшихся черемисовъ и наконецъ состоялъ вторымъ воеводою сперва лѣвой руки войскъ въ Каширѣ, а потомъ передового полка въ Калугѣ и за заслуги пожалованъ въ 1577 г. въ дворецкіе. Въ обоихъ походахъ 1577 и 1579 гг. противъ лифляндцевъ и литовцевъ состоялъ при особѣ государя и настолько заслужилъ его расположеніе, что при бракосочетаніи

Іоанна Васильевича съ Маріею Ѳеодоровною Нагою (1581) несъ въ церковь золотую чару. Въ 1583 г. Х. сидѣлъ четвертымъ въ «большой лавкѣ» при представленіи царю польскихъ пословъ и былъ пожалованъ въ окольничіе. Назначенный воеводою во Псковъ, онъ въ 1587 г. былъ вызванъ въ Москву и ему было приказано сидѣть четвертымъ въ большой лавкѣ при представленіи царю литовскаго посла. Въ томъ же году назначенъ вторымъ воеводою передового полка на берегу Оки для охраненія границъ отъ татаръ, но, по шведскимъ вѣстямъ, вскорѣ былъ вызванъ и посланъ первымъ воеводою въ Новгородъ для «дѣланія города». За успѣшное и своевременное выполненіе возложеннаго на него порученія Х. въ 1588 г. пожалованъ въ бояре и десятымъ въ ближней царской тайной думѣ; въ 1589 г. названъ намѣстникомъ Старицкимъ и посланъ первымъ посломъ на съѣздъ съ шведскими послами на р. Плесѣ (у Соловьева—Плюса). 13 іюня 1590 г. встрѣчалъ въ Тулѣ крымскихъ царевичей, а въ слѣдующемъ году былъ снова назначенъ первымъ посломъ на съѣздѣ въ Иванъ-городѣ со шведскими послами. Въ апрѣлѣ того же 1591 г. Х. былъ отправленъ въ Коломну воеводою сторожевого полка, но когда въ Москвѣ узнали о наступленіи на столицу несмѣтныхъ полчищъ крымскихъ татаръ, его поспѣшно перевели воеводою въ войска, расположенныя у Донского монастыря. Послѣ отступленія непріятеля, онъ снова вернулся въ Коломну, при чемъ за отличія былъ удостоенъ крайне рѣдкой по тому времени награды — «полуторнаго золотого». Въ 1593 г. Х. находился въ пограничномъ г. Ливнахъ первымъ посломъ для договора съ крымскими послами, а въ слѣдующемъ году за государевымъ столомъ съ Кизылбашскимъ посломъ. Возведенный въ санъ намѣстника Коломенскаго, онъ въ 1597 г. былъ въ отвѣтѣ съ Цесарскимъ посломъ, въ 1598 г. отправленъ въ Нижній, Казань и др. города приводить жителей къ присягѣ въ вѣрности царю Борису Ѳедоровичу. Въ 1599 г. встрѣчалъ на второй встрѣчѣ шведскаго королевича Густава, а съ 1606 г. числился совѣтникомъ въ большомъ царскомъ совѣтѣ. Х. окончилъ жизнь монахомъ съ именемъ Ѳеодосія.

«Сокращ. описаніе службъ благородн. Росс. дворянъ», М. 1810, ч. I, степень 21, № 2377, стр. 318 — 320.—С. М. Соловьевъ: «Ист. Росс.», изд. товарищ. «Общ. Польза», кн. II, стр. 263, 579, 580, 617.—Л. Б. Вейнбергъ: «Воронежскій край», ист. очеркъ, вып. I, Воронежъ, 1885, стр. 87 — 89.—П. Петровъ: «Ист. родовъ Русск. дворянства», 1885, ч. I, стр. 87.—«Русск. Ист. Сборникъ» (изд. Общ. ист. и древн.), т. II, кн. 2, стр. 109, 116 и 222.

Л. Вейнбергъ.

Хворостининъ, князь, *Ѳедоръ Юрьевичъ*, боярин и воевода, ум. въ Москвѣ 22 дек. 1656 г. Съ 1640 по 1645 г. онъ въ званіи стольника занималъ разныя придворныя должности и всего чаще «вина наряжалъ при государевомъ столѣ». Въ іюлѣ 1646 г. былъ посланъ во Псковъ, Изборскъ, Гдовъ и Опочки приводить всѣхъ къ присягѣ въ вѣрности царю Алексѣю Михаиловичу. Въ 1647 г. былъ назначенъ воеводою въ Тулѣ и наблюдать за безопасностью «Рязанскихъ мѣстъ» отъ прихода воинскихъ людей. 16 янв. 1648 г. Х., вызванный въ Москву, участвовалъ въ чинѣ бракосочетанія царя Алексѣя Михаиловича съ Маріею Ильиничною Милославскою. Въ царскія именины, 17 марта 1651 г., пожалованъ въ окольничіе и въ апрѣлѣ представлялъ царю польскихъ пословъ. Назначенный 9 мая первымъ воеводою въ Тулѣ для наблюденія за крымскою ордою, онъ тамъ пробылъ всего годъ, затѣмъ былъ вызванъ въ Москву и оставленъ при царскомъ дворѣ. Часто приглашаемый къ государевому столу, Х. пользовался особымъ расположеніемъ царя и когда былъ объявленъ походъ противъ польскаго короля въ 1654 г., его назначили воеводою въ передовомъ полку. Находясь во всѣхъ главныхъ сраженіяхъ, онъ 16 іюля взялъ приступомъ Минскъ и принималъ дѣятельное участіе въ пораженіи поляковъ и литовцевъ подъ начальствомъ гетмановъ Радзивила и Гонсевскаго. Возвратившись послѣ взятія Вильны въ Москву, Х., пожалованный въ бояре и обласканный царемъ, но тяжко больной, покинулъ службу, постригшись въ монашество съ именемъ Ѳеодосія, и спустя годъ умеръ. Онъ похороненъ въ Троицкой лаврѣ.

«Русская родосл. книга», изд. «Русск. Старины», ч. I, стр. 21.—П. Петровъ: «Ист. род. русск. дворянства», 1885, ч. I, стр. 87.—«Сокращ. опис. службъ благ. росс. дворянъ», М., 1810, ч. I, степень 23, № 2384, стр. 323—324.—С. М. Соловьевъ, «Ист. Россіи» изд. тов. «Общ. Польза» кн. II, стр. 1663, 1682.

Л. Вейнбергъ.

Хвостова, *Александра Петровна*, дочь Петра Матвѣевича Хераскова, брата извѣстнаго писателя, и Елизаветы Петровны, рожденной графини Девьеръ, род. въ Петербургѣ въ 1768 г., ум. въ 1853 г.; воспитаніе получила домашнее, но очень тщательное. Уже въ дѣтствѣ, подъ надзоромъ родителей, она основательно изучила иностранные языки и познакомилась не только съ чужими литературами, но и съ родной русской, что тогда въ офранцузившемся русскомъ обществѣ не считалось необходимостью. Вѣроятно еще въ ранней молодости у ней проявились литературные интересы: она вѣдь была родной племянницей «Россійскаго Гомера» и «Россійской де-ла-Сюзы», знаменитой тогда въ русской литературѣ четы Херасковыхъ. 20 лѣтъ отъ роду Х. уже выступила въ печати съ небольшимъ переводнымъ произведеніемъ «О тройственномъ пути». Рано вступила она и въ большой свѣтъ и скоро обратила здѣсь на себя общее вниманіе. Среди высшаго общества она выдѣлялась своими талантами и образованіемъ, но, главное,—знаніемъ родной русской жизни. Вигель, близко знавшій ее, говоритъ, что «разговорный языкъ лучшаго свѣта былъ ей также знакомъ, какъ и всѣ наши простонародныя поговорки... По-французски она писала развѣ только хуже Севинье, голосъ имѣла очаровательный и въ свое время была первою въ столицѣ музыкантшой и пѣвицей». Живая, всѣмъ интересующаяся, она удивляла всѣхъ разносторонностью и гибкостью ума: она умѣла говорить съ одинаковою живостью и «съ попомъ, съ деревенскою барыней или съ степнымъ дворяниномъ, какъ съ первымъ государственнымъ человѣкомъ». «Обо всемъ умѣла она судить, правда, довольно поверхностно, но всегда умно и пріятно». Немудрено, что молодая дѣвушка пользовалась большимъ успѣхомъ въ столичномъ обществѣ: «и придворные, и дипломаты, и писатели, и русскіе, и иностранцы, — всѣ, по словамъ Вигеля, были у ея ногъ»... Конечно, не мало этимъ успѣхамъ способствовала ея литературная слава. Въ 1796 г. Х. выпустила въ свѣтъ свое небольшое прозаическое сентиментальное произведеніе «Каминъ и Ручеекъ», написанное прекраснымъ Карамзинскимъ языкомъ. Сочиненіе это имѣло большой успѣхъ и въ рукописяхъ распространилось въ обѣихъ столицахъ. По словамъ одного современника, «во всѣхъ ученыхъ кабинетахъ, во всѣхъ будуарахъ» можно было встрѣтить это сочиненіе въ рукописи, а когда оно было напечатано, то въ теченіе года его разошлось 2400 экземпл. и оно было переведено на французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Не такъ счастливо сложилась частная жизнь Александры Петровны; родители поспѣшили выдать ее замужъ и выдали неудачно за Дм. Сем. Хвостова, «человѣка, по словамъ Вигеля, глупаго, грубаго и порочнаго». Вскорѣ она была совсѣмъ брошена мужемъ. Въ это время мы видимъ ее хозяйкой салона, въ которомъ собирались многіе передовые люди того времени. «Почти каждый вечеръ, разсказываетъ Вигель, въ сихъ комнатахъ собиралось прелюбезное общество, составленное по большей части изъ отборныхъ иностранцевъ, изъ малой части молодыхъ женщинъ, строгихъ къ себѣ и снисходительныхъ къ другимъ, и изъ немногихъ русскихъ, довольно образованныхъ, чтобы знать цѣну такого дома». Среди «отборныхъ иностранцевъ» завсегдатаями салона Хвостовой были, между прочимъ, извѣстные графы Местры. Вліянію этихъ иностранцевъ, а, быть можетъ, отчасти и семейныхъ неудачъ можно приписать обстоятельство, что мистицизмъ, овладѣвшій русскимъ обществомъ въ началѣ вѣка, съ особенной силой сказался у Хвостовой. Съ годами она становилась все упорнѣе въ своемъ увлеченіи, стала ѣздить по русскимъ святынямъ, тѣсно сошлась съ цѣлымъ кружкомъ единомышленницъ и играла въ нихъ средѣ видную роль. Подъ вліяніемъ этого религіознаго настроенія она написала цѣлый рядъ душеспасительныхъ разсужденій, такъ, въ 1815 г.—«Письмо христіанки, тоскующей по горнемъ своемъ отечествѣ, къ двумъ друзьямъ ея, мужу и женѣ»; въ 1816 г.—«Совѣты души моей, твореніе христіанки, тоскующей по горнемъ своемъ отечествѣ» и «Письмо къ другу и завѣщаніе отца сыну». Въ это время она была близка съ извѣстнымъ мистикомъ А. Ѳ. Лабзинымъ и сотрудничала въ его «Сіонскомъ Вѣстникѣ». Въ концѣ царствованія Александра I, когда открыты были гоненія на мистиковъ, ее въ 1823 г. вмѣстѣ съ г-жей Крюденеръ и нѣкоторыми другими единомышленницами удалили изъ столицы.

Х. поселилась въ Кіевѣ, гдѣ и осталась жить до самой смерти. Въ 1833 г. она была выбрана предсѣдательницей «Кіевскаго общества для помощи бѣднымъ». Эта дѣятельность была совсѣмъ по ней. По словамъ людей, хорошо ее знавшихъ, еще въ молодости «сострадательность была главной чертой ея характера; денегъ у нея не было, и несчастнымъ она помогала не однѣми слезами, а неимовѣрной дѣятельностью; мучила друзей, наряжала ихъ преслѣдовать сильныхъ и богатыхъ, дабы исторгнуть у нихъ помощь страждущимъ. Она была великая искусница утѣшать и успокоивать печальныхъ». Понятно поэтому, что въ роли предсѣдательницы благотворительнаго учрежденія она оказалась на своемъ мѣстѣ и вскорѣ заслужила общую любовь и уваженіе кіевлянъ. Въ томъ-же 1833 г. она была сдѣлана начальницей женскаго училища, учрежденнаго графиней А. В. Левашовой. Дѣятельность руководительницы молодого поколѣнія точно такъ же подошла къ характеру Хвостовой. До конца своихъ дней она сохранила бодрость духа и ясность разсудка. «Обращеніе ея, полное искренняго привѣта и сердечнаго радушія, разсказываетъ одинъ изъ знавшихъ ее въ эту пору, было невыразимо очаровательно; бесѣда ея была исполнена необыкновенной увлекательности и прелести».

Макаровъ: «Дамскій Журналъ» 1830 г., ч. 30.—«Московскія Вѣд.» 1855 г., № 129.—Кн. Вяземскій въ «Росс. Родослови. сборникѣ» кн. Долгорукова, 1841, 2. — Воспоминанія Вигеля, ч. II, III, VII («Кіевск. Старина» 1882 г., т. I).—«Сѣв. Пчела» 1849 г., № 37.—Кн. Н. Н. Голицынъ: «Библіограф. словарь русскихъ писательницъ».—Руссовъ: «Библіогр. каталогъ росс. писат.».

В. В. Сиповскій.

Хвостова, *Екатерина Александровна*, рожденная Сушкова, дочь Александра Васильевича Сушкова и Анастасіи Павловны, рожд. кн. Долгоруковой, род. въ Симбирскѣ 18 марта 1812 г., ум. 10 октября 1868 г. Въ 1838 г. вышла замужъ за камеръ-юнкера Александра Васильевича Хвостова, впослѣдствіи генеральнаго консула въ Венеціи, Марсели и Генуѣ. Выросла среди членовъ многочисленной литературной семьи Сушковыхъ. Принадлежа по рожденію и по связямъ къ высшимъ слоямъ общества Москвы и Петербурга, Х. постоянно вращалась въ водоворотѣ великосвѣтской жизни, выдѣляясь среди своихъ сверстницъ не столько образованіемъ, которое нельзя было назвать блестящимъ, сколько своею красотой: «Стройный станъ, красивая, выразительная физіономія, черные глаза, сводившіе многихъ съ ума, великолѣпные, какъ смоль, волосы, въ буквальномъ смыслѣ доходившіе до пятъ, бойкость, находчивость и природная острота ума, все это, по словамъ ея біографа М. В. Семевскаго, дѣлало Хвостову въ періодъ ея молодости замѣтной въ великосвѣтскихъ гостиныхъ и бальныхъ залахъ. Рой поклонниковъ весьма рано жужжитъ вокругъ нея; они принадлежатъ, разумѣется, къ той-же великосвѣтской средѣ, къ которой принадлежала она сама». Среди этой-то молодежи судьба столкнула Екатерину Ал. съ Лермонтовымъ, тогда еще 16-лѣтнимъ юношей, который увлекся ею, впрочемъ, весьма не надолго. Выведенный вскорѣ изъ терпѣнія ея насмѣшками и кокетствомъ, Лермонтовъ пересталъ ею интересоваться, а его чувство перешло даже въ какую-то непріязнь, которую онъ не скрывалъ и открыто выказывалъ при встрѣчахъ. О своемъ знакомствѣ съ Лермонтовымъ, а также о своихъ родителяхъ, жизни и воспитаніи Х. разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ», обнимающихъ періодъ времени съ 1812 по 1835 г. и писанныхъ въ 1836 и 1837 гг., когда она, еще дѣвицею, жила въ деревнѣ. Записки напечатаны по частямъ въ «Русскомъ Вѣстн.» (1857, т. II), въ «Вѣстн. Европы» (1869, № 8 и 9) и наконецъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1870 г. въ Петербургѣ, съ дополненіями и приложеніями. Эти записки вызвали при своемъ обнародованіи множество возраженій и опроверженій со стороны родственниковъ Хвостовой, напр., Н. Р. Фадѣевой (въ «Совр. Лѣтописи» 1869 г., № 46 и 1872 г., № 41), сестры—Е. А. Ладыженской (въ «Русск. Вѣстн.» 1872 г., № 2), дяди—Н. В. Сушкова (ib. стр. 642). Эти возраженія, а также позднѣйшія розысканія по этому поводу біографа Лермонтова—П. А. Висковатова, заставляютъ заключать, что къ «Запискамъ» Хвостовой слѣдуетъ относиться съ большимъ недовѣріемъ: автору ихъ зачастую измѣняетъ память (напр., въ разсказѣ о своихъ предкахъ), или онъ жертвуетъ правдой въ пользу занимательности и желанія придать своимъ отношеніямъ къ Лермонтову видную роль въ

его жизни, на самомъ дѣлѣ ей не принадлежащую. Въ доказательство малой достовѣрности воспоминаній Хвостовой можно указать на то, напр., что она говоритъ о принадлежности нѣкоторыхъ стиховъ Лермонтову, между тѣмъ какъ они писаны Пушкинымъ. Желая, по словамъ ея кузины — Е. П. Ростопчиной, прослыть «Лаурой русскаго поэта», она совершенно сбивается въ своихъ «Запискахъ» въ хронологіи. Считая себя вдохновительницею лучшихъ произведеній Лермонтова, она разсказываетъ, между прочимъ, что стихотвореніе «Сонъ» («Въ полдневный жаръ въ долинѣ Дагестана»...) было имъ написано, когда онъ дѣлалъ видъ, что вызоветъ на дуэль жениха ея, а своего друга—Лопухина, т. е. въ 1835 г., тогда какъ это стихотвореніе написано лишь въ 1841 г. Множество другихъ подобныхъ доказательствъ, добытыхъ путемъ позднѣйшихъ розысканій (Мартынова въ «Всемірномъ Трудѣ», годъ IV, октябрь, А. П. Шанъ-Гирея въ «Русск. Обозрѣніи» 1890 г., стр. 729, и П. А. Висковатова въ біографіи Лермонтова при изданіи сочиненій, въ «Русской Мысли» 1882 и 1884 гг. и въ «Русскомъ Вѣсти.» 1882 г.) и изобличающихъ совершенную недостовѣрность сообщаемыхъ Хвостовой свѣдѣній, заставляютъ относиться къ тѣмъ частямъ ея «Записокъ», въ которыхъ говорится о ея отношеніяхъ къ Лермонтову, какъ къ вымыслу, блестящему обману самой себѣ, миражу пылкаго воображенія. Хвостова сообщила также въ печать «Записки» отца своего мужа, сенатора Вас. Сем. Хвостова, относящіяся къ 1832 г. Онѣ напечатаны въ «Русск. Архивѣ» 1870 г. (№ 3, стр. 551—610).

Кн. Н. Н. Голицынъ: «Словарь русскихъ писательницъ», Спб., 1889. — «Русская Старина», т. LIII, стр. 746—751 и т. LV, стр. 430.—«Историч. Вѣстникъ» 1886 г., т. XXV, стр. 207—212, 219—221 и 224.—П. А. Висковатовъ: «Біографія Лермонтова» въ VI т. «Собранія сочиненій», М., 1891, стр. 95—100 и 204—213.

Б. Модзалевскій.

Хвостовъ, *Александръ Семеновичъ*, двоюродный братъ графа Дм. Ив. Хвостова, тайный совѣтникъ, управляющій Государственнымъ заемнымъ банкомъ, род. въ селѣ Кежовѣ Гдовскаго уѣзда, Петербургской губерніи, 18 іюня 1753 г., ум. въ Петербургѣ 14 іюня 1820 г. Получивъ образованіе въ академической гимназіи, онъ въ 1772 г. поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а потомъ, при генералъ-прокурорѣ кн. А. А. Вяземскомъ, былъ секретаремъ въ Сенатѣ. Въ 1779 г. перешелъ въ военную службу и съ 22 сент. того же года состоялъ подполковникомъ во 2 баталіонѣ Лифляндскаго егерскаго корпуса. Въ Турецкую войну, командуя въ чинѣ полковника Троицкимъ пѣхотнымъ полкомъ, отличился при взятіи крѣпости Измаила (1790), однимъ изъ первыхъ взойдя на стѣну, за что былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. (25 марта 1791 г.). По заключеніи мира въ Яссахъ, Х. въ началѣ 1793 г. былъ назначенъ въ Константинополь повѣреннымъ въ дѣлахъ и оставался въ этой должности до февраля 1794 г., когда, съ производствомъ въ бригадиры, былъ замѣненъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ В. П. Кочубеемъ. Вернувшись въ Россію, Х. приказомъ императора Павла отъ 22 мая 1797 г. былъ исключенъ изъ службы «за неприбытіе къ полку» и только со вступленіемъ на престолъ Александра I снова принятъ на службу съ производствомъ въ дѣйств. статскіе совѣтники (23 апр. 1801); въ 1804 г. произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ совѣтникомъ Государственнаго заемнаго банка, а вскорѣ затѣмъ и управляющимъ и занималъ эту должность до конца своей жизни. Въ молодости Х. занимался переводами съ разныхъ языковъ и начиная уже съ 1770 г., печаталъ эти свои юношескіе труды; такъ, еще на школьной скамьѣ онъ перевелъ съ латинскаго комедію Теренція «Андріянка» (Спб. 1773), съ нѣмецкаго—изъ географіи Бюшинга отдѣлъ «Португалія» (Спб. 1772), съ французскаго комедію въ одномъ дѣйствіи «Любопытные оборотни» (1770) и повѣсть «Ножка Фаншетина, или сирота французская» (1774). Кромѣ этихъ переводовъ, Х. въ литературѣ извѣстенъ болѣе по преданію, какъ счастливый острословъ и тонкій эпикуреецъ, нежели по своимъ сочиненіямъ, изъ которыхъ только два обратили на себя вниманіе потомства, а именно: шуточная ода «Къ безсмертію» («Хочу къ безсмертью пріютиться»), напечатанная въ «Собесѣдникѣ любит. россійскаго слова» (X, стр. 165), и «Посланіе къ творцу посланія», т. е. къ Фонвизину, приведенное кн. Вяземскимъ въ біографіи Фонвизина (стр. 330). Еще во время своей

службы въ сенатѣ Х. сблизился съ Державинымъ, и ихъ дружескія отношенія не измѣнялись и впослѣдствіи; Державинъ не разъ показывалъ ему, какъ и А. В. Храповицкому, свои поэтическіе опыты и былъ обоимъ обязанъ полезными въ этомъ дѣлѣ совѣтами; такъ, еще въ 1808 г. онъ переслалъ Хвостову въ рукописи на просмотръ свою трагедію «Иродъ и Маріамна», при особомъ посланіи. Уже въ 1793 г. Х. былъ избранъ въ члены Россійской академіи, а въ 1811 г., при учрежденіи «Бесѣды любителей россійскаго слова», сдѣланъ предсѣдателемъ 3-го ея разряда.

Сочиненія Державина, изд. Я. Грота, 1866 (см. указатель). — «Мѣсяцесловъ» 1793 и 1820 гг. — Митроп. Евгеній: «Словарь русск. свѣтск. писат.», т. I. — Пекарскій: «Ист. Имп. Акад. Н.», I, стр. 715.—«Атеней» 1858 г., стр. 278. — «Отеч. Зап.» 1820 г., II, стр. 112. — «Reise der russ.-kaiserl. ausserord. Gesandtschaft an die Othomanische Pforte im Jahre 1803», т. I и III. — Сопиковъ: «Опытъ росс. библіогр.», №№ 2243, 5438, 6878, 7131.

Хвостовъ, *Борисъ Николаевичъ*, т. с., сенаторъ, род. 20 апрѣля 1828 г., ум. 17 іюня 1883 г. По окончаніи курса наукъ въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, въ 1847 г. опредѣленъ на службу въ канцелярію 2-го департамента Правительствующаго, Сената и, прослуживъ тамъ до 1853 г., назначенъ редакторомъ въ департаментъ министерства юстиціи и одновременно секретаремъ совѣта Училища правовѣдѣнія, въ 1859 г.—состоящимъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ во 2-омъ департаментѣ Сената, съ оставленіемъ при занимаемыхъ должностяхъ. 19 февраля 1860 г. Х. былъ командированъ для завѣдыванія дѣлами предсѣдателя редакціонныхъ коммиссій графа В. Н. Панина, для составленія положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, а въ 1862 г. утвержденъ въ должности вице-директора департамента министерства юстиціи, съ оставленіемъ въ должности секретаря совѣта Училища правовѣдѣнія. Въ 1867 г. Х. былъ назначенъ герольдмейстеромъ Сената, а въ 1871 г., съ производствомъ въ тайные совѣтники, ему повелѣно присутствовать въ Сенатѣ по департаменту герольдіи, и онъ значился присутствующимъ въ семъ департаментѣ до смерти, послѣдовавшей въ 1883 г.

Послужной списокъ, хранящійся въ сенатскомъ архивѣ.

Хвостовъ, *Василій Семеновичъ*, т. с., сенаторъ, род. въ 1756 г., ум., состоя на службѣ, 27 авг. 1832 г. Въ службу вступилъ въ 1774 г. въ артиллерію сержантомъ, а въ 1779 г., въ чинѣ капитана, назначенъ въ Колывано-Воскресенскій горный баталіонъ. Оставивъ военную службу, Х. въ 1783 г. былъ назначенъ совѣтникомъ гражданской палаты бывшей Колыванской губерніи, въ 1788 г. перемѣщенъ въ Колыванское намѣстническое правленіе, въ 1790 г., съ увольненіемъ отъ занимаемой должности, причисленъ къ герольдіи и три года спустя назначенъ въ посольство кавалеромъ при чрезвычайномъ послѣ въ Константинополѣ, генералъ-поручикѣ М. Л. Голенищевѣ-Кутузовѣ. Вернувшись изъ посольства и уволенный въ 1796 г. отъ службы, Х. въ 1803 г., съ производствомъ въ дѣйствит. статскіе совѣтники, былъ назначенъ гражданскимъ губернаторомъ вновь учрежденной Томской губерніи. Начавъ съ 1805 г. водвореніе посельщиковъ, поселилъ 3200 семействъ и изъ 385 тысячъ рублей, назначенныхъ на это дѣло, употребилъ только 60 тысячъ и такимъ образомъ сберегъ казнѣ крупную сумму въ 325 т. рублей. Въ 1808 г. Х., по представленію сибирскаго генералъ-губернатора И. Б. Пестеля былъ уволенъ отъ должности губернатора и судимъ въ 5-омъ департаментѣ Сената по донесеніямъ бывшаго сибирскаго генералъ-губернатора, по доносу одного канцеляриста, а также за медленное исполненіе возложеннаго на него генералъ-губернаторомъ порученія. По изслѣдованіи дѣла открылось, что Х. по первымъ двумъ пунктамъ былъ невиновенъ, а по третьему пункту, что исполненіе порученія генералъ-губернатора было замедлено только на одни сутки. Вслѣдствіе этого въ 1814 г. Высочайше повелѣно было вмѣнить Хвостову судъ въ наказаніе; впослѣдствіи же, будучи оправданъ бывшимъ сибирскимъ генералъ-губернаторомъ гр. Сперанскимъ, который особою запиской при рапортѣ своемъ указалъ на причины неблагорасположенія къ Хвостову И. Б. Пестеля, Х. въ 1822 г. былъ пожалованъ въ тайные совѣтники, ему было выдано жалованье за все время нахожденія подъ судомъ и повелѣно присутствовать въ Сенатѣ по 1-му отдѣленію 3-го департамента; въ 1831 г. онъ былъ перемѣщенъ во 2-ой департаментъ, а въ слѣдующемъ году во

временное общее собраніе, гдѣ и оставался до смерти.

Форм. спис. за №№ 2114 и 2115 въ сенатскомъ архивѣ. — «Томскія губ. вѣдом.» 1871 г., № 30 (статья Н. Кострова).

Хвостовъ, графъ, *Дмитрій Ивановичъ*, сынъ подпоручика гвардіи Ивана Михайловича Хвостова отъ брака его съ Вѣрой Григорьевной Карпиной (сестрой писателей Александра, Николая и Ѳедора Карпиныхъ), род. въ С.-Петербургѣ 19 іюля 1757 г., ум. тамъ же 22 октября 1835 г.; до 8-лѣтняго возраста обучался дома, потомъ былъ отданъ въ пансіонъ извѣстнаго тогда профессора Литке и, наконецъ, бралъ уроки въ Московскомъ университетѣ. По окончаніи образованія Х. въ 1772 г. былъ записанъ на службу рядовымъ л.-гв. въ Преображенскій полкъ, гдѣ особенно сблизился съ кн. Д. П. Горчаковымъ, извѣстнымъ сатирикомъ, и самъ началъ писать стихи. Въ 1779 г. онъ былъ уволенъ изъ полка съ чиномъ подпоручика и 10 марта того-же года поступилъ въ провіантскій штатъ, съ переименованіемъ въ оберъ-провіантмейстеры. Въ 1783 г. Х. былъ перемѣщенъ на службу по гражданской части въ состоявшую при Сенатѣ, подъ начальствомъ кн. А. А. Вяземскаго, 3-ю винную экспедицію столоначальникомъ, въ 1786 г. назначенъ экзекуторомъ во 2-й департаментъ Сената и въ это время перевелъ, по порученію кн. А. А. Вяземскаго, трактатъ Неккера о финансахъ, оставшійся, впрочемъ, въ рукописи. Въ слѣдующемъ году за неявку на службу былъ отрѣшенъ отъ должности и уѣхалъ въ Москву, гдѣ 17 января 1789 г. вступилъ въ бракъ съ княжной Аграфеной Ивановной Горчаковой, родной племянницей по матери князя А. В. Суворова-Рымникскаго; по ходатайству послѣдняго Х. въ 1790 г. былъ переименованъ въ подполковники Черниговскаго пѣхотнаго полка, съ повелѣніемъ «состоять при Суворовѣ», въ 1795 г. получилъ званіе камеръ-юнкера, а 30 мая 1797 г. былъ произведенъ въ дѣйств. статскіе совѣтники, съ назначеніемъ оберъ-прокуроромъ въ 4-й департаментъ Сената; въ 1799 г. назначенъ на ту-же должность въ Синодъ, но въ 1802, уже въ чинѣ тайнаго совѣтника (съ 10-го іюля 1800 г.), вышелъ въ отставку. Еще ранѣе (4/15 октября 1799 г.) король Сардинскій Карлъ-Эммануилъ IV, снизойдя на просьбу Суворова, возвелъ Хвостова въ графское достоинство королевства Сардинскаго; пользоваться этимъ званіемъ въ Россіи Х-ву разрѣшено было 28 янв. 1802 г. Въ 1807 г. гр. Х. былъ пожалованъ званіемъ сенатора, съ назначеніемъ присутствовать въ 4-мъ департаментѣ, а въ 1810 г. перемѣщенъ во 2-е отдѣленіе 3-го департамента, гдѣ и служилъ до 1831 г. Въ 1813 г. гр. Х. былъ командированъ въ Ярославскую, Владимирскую, Костромскую и Вологодскую губерніи для принятія мѣръ «противъ заразы, проявившейся по случаю провода въ эти губерніи плѣнныхъ французовъ», и выполнилъ свои полномочія «счастливо». Въ 1818 г. онъ былъ избранъ дворянствомъ Симбирской губерніи на три года «членомъ Государственнаго Совѣта по кредитной части» и въ это же время, какъ человѣкъ, пользовавшійся репутаціей неподкупной честности, исправлялъ должность С.-Петербургскаго совѣстнаго судьи. Въ 1831 г. гр. Х. былъ произведенъ въ дѣйств. тайные совѣтники и назначенъ присутствовать во временномъ общемъ собраніи Сената, въ каковомъ званіи и состоялъ до своей смерти.

Въ исторіи русской литературы гр. Х. пріобрѣлъ громкую, но печальную извѣстность бездарнѣйшаго стихотворца-метромана. Начавъ сочинять стихи съ раннихъ лѣтъ (около 1776 г.), онъ много, но безуспѣшно писалъ во всѣхъ родахъ поэзіи. Первое появленіе его въ печати относится къ 1777 г., когда была издана его комедія въ 3 дѣйствіяхъ «Легковѣрный», игранная въ присутствіи Екатерины II на придворномъ театрѣ. Гр. Х. былъ самымъ ярымъ, но и самымъ бездарнымъ послѣдователемъ ложно-классицизма, раболѣпнымъ поклонникомъ Буало и Баттё; и въ то время, когда одинъ за другимъ являются Дмитріевъ, Карамзинъ, Жуковскій, наконецъ Пушкинъ, гр. Х. остается все тѣмъ-же непреклоннымъ старовѣромъ-классикомъ, однимъ изъ послѣднихъ представителей отжившаго направленія. Въ то время, какъ новое движеніе въ литературѣ завоевываетъ себѣ все большее и большее сочувствіе среди даровитой молодежи, безталанный и самоувѣренный графъ, поддерживаемый наглыми льстецами, выхвалявшими изъ самыхъ низкихъ цѣлей и побужденій его творенія, все-таки остается вѣрнымъ послѣдователемъ французской

пiитики. Дѣло кончается тѣмъ, что гр. Х. со своими безчисленными стихотвореніями, представляющими, по большей части, наборъ словъ и натянутыхъ рѳмъ, сопоставленныхъ часто безъ всякаго смысла, становится предметомъ самыхъ безпощадныхъ насмѣшекъ и въ литературѣ и въ обществѣ. Ни на кого не писалось столь огромнаго количества эпиграммъ, ни о комъ не разсказывалось столько анекдотовъ, какъ о гр. Хвостовѣ. Его несчастная страсть къ рѳмоплетству осмѣяна даже въ лубочныхъ картинкахъ, изображающихъ чорта, бѣгущаго отъ злополучнаго графа, который читаетъ ему свои стихи; а подъ картинкой обыкновенно печатается басня А. Е. Измайлова «Стихотворецъ и Чортъ». Свои стихи, по выраженію Батюшкова, «какъ барабанъ для уха нестерпимые», писанные на всякіе счастливые, несчастные, прошедшіе, настоящіе и даже будущіе случаи, гр. Х. навязывалъ кому только могъ. Случалось такъ, что онъ ловилъ знакомыхъ на улицѣ и заставлялъ ихъ выслушивать свои деревянные вирши, большимъ запасомъ которыхъ всегда снабжены были два гайдука, всюду сопровождавшіе графа. Иногда онъ потихоньку разсовывалъ свои произведенія, всегда изящно отпечатанныя, по карманамъ фраковъ посѣтителей того или иного торжественнаго собранія, которыхъ самъ бывалъ непремѣннымъ гостемъ. Во всемъ этомъ гр. Х. не видѣлъ ничего смѣшного: онъ даже гордился стойкостью своихъ литературныхъ убѣжденій, вѣруя въ то, что распространенію новаго, «развращеннаго» вкуса скоро долженъ притти конецъ, что «новая, развращенная мода» скоро пройдетъ, и тогда талантъ его и «неувядающій геній» найдутъ себѣ достойныхъ и многочисленныхъ поклонниковъ. Въ этомъ убѣжденіи поддерживали Хвостова многіе мелкіе, русскіе и даже иностранные, литераторы, которые осыпали его просительными письмами, исполненными самой грубой, безстѣнчивой лести. Ослѣпленный притворными похвалами, довѣрчивый старикъ не понималъ часто истинной подкладки хвалебныхъ отзывовъ о его твореніяхъ, и, пользуясь своимъ высокимъ общественнымъ положеніемъ, въ большинствѣ случаевъ исполнялъ просьбы своихъ панегиристовъ, въ твердой увѣренности, что онъ, оказывая помощь будто-бы единомышленнымъ ему писателямъ, приноситъ пользу и словесности. Въ своемъ непомѣрномъ литературномъ честолюбіи гр. Х. дошелъ до того, что въ собственныхъ же стихотвореніяхъ и въ автобіографіи, составленной въ 1822 г. по просьбѣ митроп. Евгенія Болховитинова, ни мало не задумываясь, величаетъ себя «мудролюбцемъ», «наперсникомъ музъ», вдохновеннымъ творцомъ произведеній, «образцовыхъ во всѣхъ родахъ», говоритъ даже, что онъ—«первый, который направилъ поэзію въ Россіи правилами и образцами на ту благородства цѣль, для которой она сотворена». Россійская академія, принявшая его въ число своихъ членовъ по предложенію Е. Р. Дашковой (4 іюля 1791), Падуанская академія, Вольно-экономическое общество, университеты Московскій, Харьковскій, Виленскій и Казанскій, Бесѣда любителей русскаго слова, Общество любителей россійской словесности и многія другія общества, избравшія его, вслѣдствіе различныхъ причинъ, въ свои почетные члены, еще больше способствовали развитію его болѣзненнаго самомнѣнія; онъ даже сталъ съ презрѣніемъ относиться ко всѣмъ насмѣшкамъ надъ собою и своею литературною дѣятельностью, объясняя ихъ личною завистью своихъ «зоиловъ». Добродушный по природѣ и увѣренный въ своихъ талантахъ Х. часто дѣлалъ видъ, что не понимаетъ глумленій надъ собою, а въ то же время въ записныхъ книжкахъ всегда отмѣчалъ подобные факты въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Таковъ, напримѣръ, случай, происшедшій въ Обществѣ любителей россійской словесности, наукъ и художествъ при избраніи графа въ почетные члены (14 марта 1812 г.), по предложенію предсѣдателя его — А. Е. Измайлова. Д. В. Дашковъ, одинъ изъ молодыхъ членовъ Общества, привѣтствовалъ Хвостова торжественно-комическою рѣчью, въ которой, между прочимъ, говорилось, что графъ «вознесся превыше Пиндара, унизилъ Горація, посрамилъ Лафонтена, побѣдилъ Мольера, уничтожилъ Расина» и т. под. Гр. Х. выслушалъ все это и сдѣлалъ видъ, что не понялъ насмѣшки; однако, на другой же день пригласилъ Дашкова къ обѣду и, одинъ на одинъ, доказалъ ему всю непристойность его поступка, но добрыхъ отношеній къ нему не измѣнилъ. Такъ же онъ поступалъ и съ другими

своими насмѣшниками, извиняя ихъ тѣмъ, что они «не вѣдятъ, что творятъ». Гораздо прискорбнѣе было для Хвостова, когда его проходили обиднымъ молчаніемъ. Съ цѣлью пріобрѣсти извѣстность онъ разсылалъ свои стихотворенія по всѣмъ редакціямъ столичныхъ и провинціальныхъ журналовъ, но многія изъ нихъ, подъ различными предлогами, старались отдѣлаться отъ помѣщенія стиховъ его. Этимъ гр. Х. особенно не стѣснялся и издавалъ ихъ на свой счетъ (тщательно, впрочемъ, скрывая послѣднее) подъ всевозможными видами: на отдѣльныхъ листкахъ, иногда даже съ параллельными переводами на иностранные языки, въ видѣ сборниковъ, полнаго собранія сочиненій и т. под. Онъ часто жертвовалъ доходъ отъ ихъ продажи на какую-либо благотворительную цѣль, желая хоть такимъ способомъ привлечь покупателей. Съ необыкновенною щедростью разсылалъ онъ свои безчисленныя творенія по всей Россіи и даже за-границу въ академіи, общества, университеты, гимназіи, училища, воспитательные дома, богадѣльни, частнымъ лицамъ, знакомымъ и незнакомымъ. По словамъ М. А. Дмитріева «онъ такъ любилъ распространять свою славу, что по дорогѣ въ свою деревню дарилъ свои сочиненія станціоннымъ смотрителямъ, и у нихъ можно было видѣть приклеенные къ стѣнкѣ его портреты». Укажемъ теперь главнѣйшіе его труды. Въ числѣ «классическихъ» произведеній стоитъ переводъ «Андромахи» Расина, изданный въ 1794 г. и перепечатанный на средства Хвостова еще три раза (1811, 1815 и 1821); сдѣланъ онъ тяжелыми и чрезвычайно неуклюжими стихами. Затѣмъ Х. перевелъ сочиненіе Буало, служившее предметомъ его глубочайшаго поклоненія—«Науку о стихотворствѣ»; оно издано въ 1808, 1813, 1818, 1824 и 1830 гг.; изданіе 1818 года снабжено примѣчаніями проф. Г. Н. Городчанинова, искренняго почитателя таланта Хвостова. Объ этомъ трудѣ своемъ гр. Х. былъ особенно высокаго мнѣнія, говоря, что «многія мѣста перевода... выражены на русскомъ языкѣ столь удачно, что имѣютъ всю живость и красоту, свойственную оригиналу». Издавъ по нѣскольку разъ сборники своихъ лирическихъ произведеній (1810, 1828), притчъ («служившихъ настольною и потѣшною книгою въ Арзамасѣ»), посланій, одъ, духовныхъ стихотвореній и т. под., Х. въ 1817 — 1818 гг. издалъ первое «Полное собраніе» сочиненій своего пера въ 4 томахъ и повторилъ его въ 1821—1822 гг., а въ 1827 г. прибавилъ къ нимъ и 5-й томъ «съ разными стихотвореніями», снабдивъ его собственнымъ портретомъ. Въ 1828—1830 гг. эти 5 томовъ были вновь перепзданы, но съ прибавленіемъ уже 6-го тома.

Въ литературной дѣятельности гр. Хвостова есть одна черта, заслуживающая благодарности потомства. Вращаясь постоянно, въ теченіе своего полувѣкового служенія отечественной словесности, въ кругу писателей извѣстныхъ и малоизвѣстныхъ, различныхъ положеній и направленій, и заботясь притомъ и о своемъ безсмертіи, гр. Х. пришелъ къ мысли издать словарь, который бы служилъ продолженіемъ извѣстнаго «Опыта» Новикова. Преслѣдуя эту цѣль, онъ, начиная уже съ 1801 г., сталъ ревностно собирать свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ, иногда въ видѣ ихъ автобіографій, иногда путемъ собственныхъ розысканій. Но узнавъ, что этимъ же вопросомъ занятъ митрополитъ Евгеній Болховитиновъ, Х. предложилъ послѣднему помѣщать собранные имъ матеріалы въ видѣ словаря въ журналѣ «Другъ Просвѣщенія», который графъ издавалъ въ это время, живя въ Москвѣ (1804—1806), съ гр. Гр. Серг. Салтыковымъ, Пав. Ив. Голенищевымъ-Кутузовымъ и Н. Н. Сандуновымъ. На страницахъ этого-то журнала и появились впервые отрывки изъ «Словаря» Евгенія, отъ буквы А до половины буквы К., съ дополненіями изъ матеріаловъ самого Хвостова. Въ 1826 г. Х. задумалъ снова приняться за свою прежнюю работу по словарю, желая придать ему болѣе широкій объемъ «архива, т. е. записокъ біографическихъ древней и новой словесности». Съ этою цѣлью онъ сталъ опять обращаться ко многимъ писателямъ съ просьбою о сообщеніи ему своихъ автобіографій. Для болѣе успѣшнаго достиженія намѣченной цѣли составлено было даже особое «приватное общество о словарѣ», въ которомъ графъ, какъ это видно изъ его писемъ за этотъ періодъ къ разнымъ лицамъ, принималъ живѣйшее участіе до самыхъ послѣднихъ дней своей жизни. Ревностнымъ сотрудникомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ С. В. Руссовъ, составитель «Словаря русскихъ писательницъ». Результаты ра-

ботъ были довольно существенны, но, къ сожалѣнію, смерть прекратила дальнѣйшую дѣятельность гр. Хвостова; собранные имъ рукописные матеріалы хранятся до сихъ поръ въ архивѣ редакціи «Русской Старины». Гр. Хвостову также принадлежитъ трудъ составленія біографій первыхъ духовныхъ членовъ Россійской Академіи и его же заботами собраны были для Академіи портреты нѣкоторыхъ старѣйшихъ ея членовъ.

Формулярный списокъ въ сенатскомъ архивѣ.—«Улей» 1811 г., т. I, стр. 32—35, 111—115 и 271—285. — «Труды Общ. Любит. Росс. Словесности», ч. IV, стр. 197 и ч. XII, стр. 23.—«Невскій Зритель» 1820 г., ч. III: «Моя бесѣда съ друзьями или взглядъ на стихотворенія пѣвца Кубры», ст. И. Георгіевскаго, и отд. изд., Спб. 1820.—Н. Ѳ. Остоловъ: «Словарь поэзіи», Спб. 1820, ч. III, стр. 197.—Н. И. Гречъ: «Опытъ исторіи русской литературы», Спб. 1822, стр. 212. — П. Н. Араповъ: «Лѣтопись русск. театра», Спб. 1861, стр. 206 и 300.—Е. Колбасинъ: «Пѣвецъ Кубры гр Д. И. Хвостовъ. Психологическій очеркъ» («Время» 1862 г., № 6). — «Письма Карамзина къ Дмитріеву», Спб. 1866 (по указателю).—В. Ѳ. Кеневичъ: «Примѣчанія къ баснямъ Крылова», Спб. 1868 (по указат.).—П. М.: «Изъ прошлаго» (въ «Русск. Вѣстн.» 1868 г., т. LXXIV, № 4, стр. 438, 455, 465—466 и 470).—«Сборникъ Отд. Рус. яз. и слов. Акад. Наукъ», т. V, вып. I, въ память митр. Евгенія, Спб. 1868.—М. А. Дмитріевъ: «Мелочи изъ запаса моей памяти», Спб. 1869.—В. П. Бурнашевъ: «Мое знакомство съ Воейковымъ («Русск. Вѣстн.» 1871 г., № 9, 10 и 11).—Касьянъ Касьяновъ (Бурнашевъ): «Наши чудодѣи», Спб. 1814.—Эртауловъ: «Воспоминанія объ А. Е. Измайловѣ» («Дѣло» 1874 г., № 4).—Неустроевъ: «Историческое розысканіе», Спб. 1874.—М. И. Сухомлиновъ: «Исторія Росс. Академіи, вып. I, IV, VI, VII и VIII. — Де-Пуле: «Второвъ и сынъ» («Русск. Вѣстн.» 1875, № 8).—В. И. Саитовъ: «Дополненія къ Сопикову» («Ж. Мин. Нар. Просв.» 1878 г.).—«Записки П. А. Каратыгина», Спб. 1880, стр. 110, 111 и 206.—Н. С. Тихонравовъ: «Д. В. Дашковъ и гр. Хвостовъ» («Русс. Стар.» 1884 г., т. XLIII). — Сочиненія Пушкина, изд. Литерат. Фонда, Спб. 1887, т. VII (по указат.).—Сочиненія Батюшкова, изд. Л. Н. Майкова и В. И. Саитова, Спб. 1887.—П. И. Панаевъ: «Воспоминанія», Спб. 1888, стр. 14—15.—А. Кочубинскій: «Начальные годы русс. славяновѣдѣнія», Одесса, 1888.—Е. Ф. Шмурло: «Митр. Евгеній, какъ ученый», Спб. 1888.—Барсуковъ: «Жизнь и труды Погодина». Спб. 1888—1892, т. I, II, III, IV и VI.—А. И. Незеленовъ: «Литерат. направл. въ Екатерининск. эпоху», Спб. 1889, стр. 238. — Майковъ: «Очерки изъ исторіи литературы», Спб. 1889.—Жихаревъ: «Записки современника», М. 1890.—Морозовъ: «Гр. Д. И. Хвостовъ» («Русская Старина» 1892 г., т. LXXIV и LXXV).—Чистовичъ: «Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи», Спб. 1894.—Письма Шишкова къ гр. Хвостову («Русск. Стар.» 1896 г., № 4).—«Русскій Архивъ» 1863, 1866, 1867, 1870 и слѣд. годовъ. — «Библіографич. Записки» 1858 и 1861 гг. — «Русская Старина» 1872, 1874, 1881, 1883 и слѣд. годовъ.—«Историч. Вѣстникъ» 1881, 1882, 1887, 1889 и 1893 гг.

Б. Модзалевскій.

Хвостовъ, *Николай Александровичъ*, лейтенантъ, род. въ 1776 г., ум. въ Петербургѣ 4 октября 1809 г.; воспитывался съ 1786 г. въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ; произведенный въ 1792 г. въ мичманы, а въ 1797 г. въ лейтенанты, плавалъ до 1801 г. на разныхъ судахъ въ Финскомъ заливѣ, Атлантическомъ океанѣ и Средиземномъ морѣ, а въ 1802 г. поступилъ на службу въ Россійско-Американскую компанію. Своей энергіей, предпріимчивостью и знаніемъ морского дѣла Х. принесъ много пользы компаніи, штурманы которой были крайне неопытны въ мореплаваніи. Въ 1806 г., командуя судномъ «Юнона», онъ перешелъ изъ Охотска къ острову Сахалину и въ губѣ Анива сжегъ японскіе хлѣбные магазины «въ отмщеніе Японской имперіи за отказъ, сдѣланный Россійскому посольству» (Резанова). Въ слѣдующемъ году, командуя тѣмъ же судномъ и въ сопровожденіи тендера «Авось» подъ начальствомъ мичмана Давыдова, плавалъ къ Курильскимъ островамъ и на островѣ Шана сжегъ два японскихъ селенія съ ихъ магазинами и, отобравъ у японцевъ у острова Мацмая грузовыя суда, вернулся въ Охотскъ, но тутъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ Давыдовымъ и отправленъ въ Петербургъ, гдѣ находился подъ слѣдствіемъ адмиралтействъ-коллегіи, постановившей предать его и Давыдова военному суду. Между тѣмъ Х. и Давыдовъ были командированы въ Финляндію въ распоряженіе главнокомандующаго и, командуя лодками, принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ шведовъ и оказали чудеса храбрости. На представленіи главнокомандующаго о награжденіи за отличіе Хвостова орденомъ св. Георгія 4 ст., а Давыдова—Владиміра 4 ст., императоръ Александръ I собственноручно написалъ: «Не полученіе награжденія въ Финляндіи послужитъ симъ офицерамъ въ наказаніе за своевольство противъ японцевъ». Ночью 4 октября 1809 г. Х. и Давыдовъ, пытаясь при помощи проходившей барки перебраться по разведенному Исаакіевскому мосту съ Васильевскаго острова на другую сторону Невы, упали въ воду и утонули; ихъ трупы не были найдены.

«Общій Морск. списокъ», т. V. — «Записки Гидрографич. департ.», ч. X, стр. 393.—А. Кротковъ: «Повседневная запись замѣчат. событій въ русск. флотѣ», 1894, стр. 334, 372, 373.

А. Петцъ 2.

Хвощинская, *Надежда Дмитріевна*, писательница, извѣстная въ литературѣ подъ псевдонимомъ «В. Крестовскій», род. въ Рязани 20 мая 1825 г., ум. въ Петергофѣ 7 іюня 1889 г. Отецъ Хвощинской, бывшій артиллеристъ, по выходѣ въ отставку служилъ въ разныхъ уѣздныхъ городкахъ Рязанской губерніи по вѣдомству коннозаводства; онъ былъ человѣкъ образованный, очень живой и общительный; мать, полька по происхожденію, получила обычное образованіе дѣвушекъ того времени, владѣла въ совершенствѣ французскимъ языкомъ и передала это знаніе своимъ дѣтямъ. Рано пришлось Хвощинской познакомиться съ жизнью. Когда она была еще ребенкомъ, отецъ ея, обвиненный въ растратѣ казенныхъ денегъ, попалъ подъ судъ и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ неопредѣленнаго и тяжелаго положенія подсудимаго подвергся взысканію въ размѣрѣ 15 тысячъ рублей и тѣмъ лишился всего своего состоянія. Въ довершеніе бѣдствія онъ послѣ суда долгое время оставался безъ мѣста и только черезъ десять лѣтъ ему удалось снова поступить на службу. Семьѣ пришлось вести самый скромный образъ жизни, и Х. впослѣдствіи разсказывала, что въ щели ихъ домика просвѣчивало зимнее солнце и что ея мелкій, убористый почеркъ былъ вызванъ необходимостью беречь бумагу. Такимъ образомъ дѣтство Хвощинской протекло среди суровой дѣйствительности, которая, впрочемъ, оказала на нее благотворное вліяніе, развивъ въ ней энергію, любовь къ труду и терпѣніе. Уже на десятомъ году она помогала отцу въ его работѣ, переписывала дѣловыя бумаги, копировала планы и т. п. Образованіе Х. получила только домашнее; одно время ее помѣстили въ частный рязанскій пансіонъ, но бѣдность вскорѣ заставила родителей взять ее опять къ себѣ. Такимъ образомъ своимъ развитіемъ и образованіемъ Х. обязана самой себѣ. Имѣя свободный доступъ къ библіотекѣ отца, она съ дѣтства пристрастилась къ чтенію и читала безъ разбора все, что ей попадало въ руки; между прочимъ она еще дѣвочкой познакомилась съ сочиненіями Сведенборга и съ Апокалипсисомъ, благодаря которымъ въ ней зародилась склонность къ мистицизму. Самая тѣсная дружба связывала Хвощинскую съ ея сестрой Софьей Дмитріевной (см. ниже), которая вполнѣ раздѣляла ея взгляды и стремленія. Въ обѣихъ сестрахъ рано появилась страсть къ литературнымъ занятіямъ; еще дѣвочкой Хвощинская начала писать стихи и задумала даже издавать журналъ подъ названіемъ «Звѣздочка»; она сама состояла редакторомъ журнала, а сестра и братъ сотрудниками. Отъѣздъ сестры въ институтъ прервалъ эти литературныя забавы. Вскорѣ послѣ разлуки съ сестрой Х. нѣсколько времени провела у своего дяди въ Москвѣ; тамъ она впервые ознакомилась съ произведеніями многихъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ, Шекспира, Шиллера, Данте и другихъ, и это знакомство не могло не повліять весьма благотворно на ея дальнѣйшее развитіе. Въ Москвѣ же Х. много занималась музыкой и усовершенствовалась въ итальянскомъ языкѣ, который начала изучать уже въ Рязани. Между тѣмъ она не прекращала и своихъ литературныхъ занятій. Въ 1847 г. появились въ періодическихъ изданіяхъ первыя стихотворенія Хвощинской, а за ними, начиная съ 1850 г., послѣдовалъ непрерывный рядъ стихотвореній, романовъ, повѣстей, критическихъ статей и переводовъ, и уже черезъ девять лѣтъ вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ 6 томахъ ея романы и повѣсти (Романы и повѣсти В. Крестовскаго. Спб. 1859). Въ 1852 г. Х. на нѣкоторое время съ отцомъ пріѣхала въ Петербургъ, гдѣ у ней, какъ и въ Москвѣ, были родные. Послѣдніе любезно отнеслись къ молодой писательницѣ, радушно встрѣтилъ ее и кружокъ Краевскаго. Ободренная такимъ пріемомъ, Х. по возвращеніи въ Рязань съ удвоенной энергіей принялась за работу. Въ это время и критика, относившаяся къ Хвощинской сначала очень сдержанно, стала давать о ея произведеніяхъ все болѣе и болѣе одобрительные отзывы. Съ увеличеніемъ извѣстности растетъ и гонораръ, получаемый Хвощинской, и даетъ ей возможность оказывать существенную помощь своей семьѣ, которая послѣ смерти отца (1856) находилась въ еще болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ прежде. Рязанское общество косо смотрѣло на молодую писательницу: ея нелюбовь къ выѣздамъ, мужскія привычки, усвоенныя отъ отца, и, наконецъ, ея занятія литературой не располагали въ ея пользу; Хвощинскую считали странной, чуть ли не

сумасшедшей. Благодаря такому къ ней отношенію общества, она еще болѣе уединялась, ведя вмѣстѣ съ сестрой трудовую жизнь въ тѣсномъ семейномъ кругу. Единственнымъ для нея развлеченіемъ служили поѣздки въ Петербургъ, гдѣ она находила радушный пріемъ въ литературномъ мірѣ. Въ это сравнительно счастливое время ея жизни, какъ громъ, поразила ее смерть сестры (1865). Х., самоотверженно ходившая за больной, была въ полномъ отчаяніи: въ сестрѣ она потеряла лучшаго друга, помощницу и товарища въ трудахъ и житейскихъ передрягахъ. Съ горя Х. тяжко захворала, одно время была даже психически разстроена и помышляла лишить себя жизни. Оправившись, она неожиданно для всѣхъ вышла замужъ за лѣчившаго покойную сестру доктора Заіончковскаго. Это былъ еще молодой человѣкъ, добрый и хорошо образованный, но съ крайними убѣжденіями. Обвиненный въ 1863 г. въ распространеніи прокламацій, Заіончковскій 11 мѣсяцевъ просидѣлъ въ крѣпости, гдѣ тяжко простудился. Женился онъ на Хвощинской уже совсѣмъ больнымъ. Этотъ въ высшей степени странный бракъ объясняется отчасти самою Хвощинскою: «изъ-за того, говоритъ она, я замужъ пошла, что боялась одиночества; развѣ можно никого не имѣть?» Бракъ этотъ былъ неудачнымъ: Заіончковскій слишкомъ расходился во взглядахъ со своей женой; къ тому же болѣзнь дѣлала его капризнымъ и придирчивымъ, и онъ измучилъ жену нравственно и физически. Зимой 1866 г. Х. сама опасно заболѣла горячкой и послѣ выздоровленія долго еще чувствовала слабость и разстройство нервовъ. При такихъ условіяхъ работать ей было совершенно невозможно, а между тѣмъ она была для семьи и мужа единственной кормилицей. Въ 1868 г. доктора отправили Заіончковскаго для лѣченія за границу, тамъ онъ и умеръ въ 1872 г. Пользуясь его отсутствіемъ, Надежда Дмитріевна снова принялась за работу; въ это время она писала извѣстный романъ «Большая медвѣдица» («Вѣстникъ Европы» 1870 и 1871 гг., отдѣльныя изданія въ 1872, 1875 и 1883 гг.) и работала надъ нимъ дни и ночи. Слѣдствіемъ такой усиленной работы было переутомленіе, вызвавшее на нѣкоторое время полную апатію и мрачное настроеніе. Въ 1884 г., похоронивъ свою мать, Х. покинула Рязань и переселилась на постоянное жительство въ Петербургъ; но и тамъ, какъ въ Рязани, она вела жизнь почти затворническую, хандра, начавшаяся еще въ провинціи, не покидала ее и въ столицѣ, не прерывая однако ея литературныхъ занятій. За Хвощинской уже окончательно признано литературное значеніе, публика и критика ей сочувствуютъ. Еще въ 1880 г. рязанская молодежь устроила ей овацію. Въ апрѣлѣ 1883 г. ей подносятся въ Петербургѣ адресъ и часы отъ читателей и товарищей по литературной дѣятельности. Въ Москвѣ въ это же время почитатели Хвощинской, узнавъ о ея бѣдственномъ матеріальномъ положеніи, устроили въ ея пользу вечеръ и собрали 700 рублей. Отдавая почти весь свой заработокъ семьѣ, Х. до такой степени нуждалась сама, что ей иногда приходилось занимать по нѣсколько рублей въ знакомой редакціи и что въ 1887 и 1888 гг. Литературный Фондъ счелъ необходимымъ оказать ей вспомоществованіе. Съ 1885 г. здоровье Хвощинской начало мало по малу расшатываться. Осенью сего года она серьезно заболѣла, но несмотря на запрещеніе врача продолжала работать. Характеръ Хвощинской подъ конецъ жизни очень измѣняется: изъ добродушнаго и веселаго онъ становится желчнымъ и меланхолическимъ, юморъ переходитъ въ сарказмы; въ ея сочиненіяхъ проявляется крайняя тенденціозность. Въ маѣ 1889 г., благодаря помощи Литературнаго Фонда, Х., совсѣмъ уже больная, могла переѣхать на дачу въ Петергофъ; тамъ она и скончалась 7 іюня 1889 г.

Первыя стихотворенія Хвощинской («Въ сумерки», «Птичка» и др.) были напечатаны въ 1847 г. частью въ «Литературной газетѣ», частью въ «Иллюстраціи». Ободряемая редакторомъ «Литературной газеты» Зотовымъ, Х. съ 1850 г. предается непрерывной литературной дѣятельности, помѣщая свои стихотворенія въ различныхъ журналахъ, преимущественно же въ «Отечественныхъ запискахъ» и «Пантеонѣ»; лучшія изъ нихъ «Нѣтъ я не назову обманомъ», «Не могу я приняться за дѣло», «Поздней осени порою» и др. Нѣкоторыя изъ нихъ, правда, нѣсколько туманны и небрежно отдѣланы, но ихъ оригинальность, глубокая мысль и чувство про-

изводятъ на читателя глубокое впечатлѣніе. По своему содержанію это по большей части элегіи. Съ 1850 г. Х., кромѣ стихотвореній, начинаетъ писать и прозу. Первой попыткой въ прозѣ была повѣсть «Анна Михайловна» («Отечественныя записки» 1850 г.), напечатанная подъ псевдонимомъ «В. Крестовскій», которымъ съ этихъ поръ Х. и подписывала всѣ свои романы и повѣсти. Въ первыхъ своихъ романахъ и повѣстяхъ Х. изображаетъ драмы семейной жизни; на фонѣ пошлой провинціальной жизни она рисуетъ съ одной стороны семейныхъ деспотовъ, съ другой «униженныхъ и оскорбленныхъ» въ семьѣ («Анна Михайловна», «Испытаніе», «Въ ожиданіи лучшаго» и др.). Съ 1860 г. въ ея произведеніяхъ появляется новая струя: Х. затрогиваетъ вопросы общественные («Пансіонерка», «За стѣною», «Первая борьба», «Большая Медвѣдица» и др.). До 70-хъ годовъ Х. изображала время дореформенное: мало бывая въ обществѣ, она сначала несимпатично относилась къ молодежи 60-хъ годовъ и не понимала ея. Но ближе познакомившись съ нею, она дѣлается горячей ея сторонницей и защитницей. Съ этихъ поръ Х. уже не возвращается къ прежнимъ темамъ и рисуетъ типы современныхъ людей («Свиданіе», «Прощанье», «Счастливые люди», «Между друзьями» и др.). Произведенія Хвощинской всѣ субъективны: она строго проводитъ свои взгляды, свою мораль и рисуетъ дѣйствующихъ лицъ только съ той стороны, которая требуется для достиженія цѣли автора. Отъ этого страдаютъ типы дѣйствующихъ лицъ: они выходятъ односторонними, не рельефными, и въ этомъ то, равно какъ и въ слогѣ, который въ иныхъ мѣстахъ уже слишкомъ небреженъ, заключаются причины, почему мѣсто Хвощинской въ литературѣ только второстепенное. Главныя достоинства ея прозаическихъ произведеній заключаются въ глубинѣ мысли и чувства. Кромѣ того Х. обладаетъ мастерскимъ психологическимъ анализомъ и прекрасно изображаетъ нѣкоторыя стороны душевной жизни, особенно въ женщинѣ. Хороши у нея также описанія природы. Лучшіе романы Хвощинской: «Въ ожиданіи лучшаго», «Большая Медвѣдица», «Первая борьба» и др. Критическія статьи Х. начала писать въ 1861 г. («Провинціальныя письма о нашей литературѣ»). Особымъ критическимъ талантомъ она не обладала. Въ 80-хъ годахъ Х. мало писала оригинальнаго, занимаясь переводами съ французскаго и итальянскаго. Переводы свои она помѣщала въ «Отечественныхъ запискахъ», «Дѣлѣ», «Изящной литературѣ», «Русской Мысли» и др.

Жизнь и труды Хвощинской рисуютъ ее въ очень симпатичномъ свѣтѣ: это была личность въ высшей степени энергичная, съ недюжиннымъ строго-логичнымъ умомъ, добрая до самопожертвованія. Характерстичной особенностью ея было отвращеніе отъ всякой лжи и рисовки. Когда ей было 13 лѣтъ, духовникъ ея, узнавъ о ея литературныхъ занятіяхъ, сказалъ ей: «Великъ или малъ будетъ твой даръ, помни одно: не пиши никогда ни одного слова противъ совѣсти». Слова эти были завѣтомъ для Хвощинской, который она блюла во всю свою жизнь.

Кн. Н. Н. Голицынъ: «Библіографическій словарь русскихъ писательницъ».—С. И. Пономаревъ: «Наши писательницы». — М. Цебрикова: «Очеркъ жизни Н. Д. Хвощинской-Заіончковской» («Міръ Божій» 1897 г., декабрь).

Е. Кульманъ.

Хвощинская, *Софья Дмитріевна*, сестра Надежды Дмитріевны Хвощинской (см. выше), писавшая подъ псевдонимомъ «Ив. Весенъевъ», род. въ 1828 г. въ Рязани, ум. тамъ же 5 авг. 1865 г. До десятилѣтняго возраста она училась у своихъ родителей, а въ 1838 г. была отдана въ институтъ. Неразрывная дружба связывала ее съ раннихъ лѣтъ со старшей сестрой Надеждой, которая и внушила ей любовь къ литературѣ. До отъѣзда въ институтъ обѣ сестры были неразлучны, вмѣстѣ учились, работали, читали и сотрудничали въ созданномъ ими журналѣ «Звѣздочка». Уже въ 1857 г. Х., какъ и сестра, выступила на литературномъ поприщѣ; она писала повѣсти и помѣщала ихъ въ «Иллюстраціи», «Библіотекѣ для чтенія» и преимущественно въ «Отечественныхъ запискахъ». Въ послѣднемъ журналѣ были напечатаны: «Знакомые люди» (т. 91), «Наслѣдство тетушки» (1858, т. 117), «Простые смертные, очерки изъ провинціальной жизни» (1858, т. 120), «Біографія одного семейства» (1860, № 6), «Мудреный человѣкъ» (1862, № 6), «Кое-что изъ нашихъ нравовъ» (1862, № 2), въ

«Библіотекѣ для чтенія» (1865, № 3) появилась повѣсть «Маленькія бѣды, очеркъ настоящаго». Критика отмѣчала въ произведеніяхъ Хвощинской недостатокъ яркости и живости, а также небрежность слога, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ ея повѣстяхъ всегда видна оригинальная мысль и удачно изображены вѣрные жизни и разнообразные типы. Литературная дѣятельность Хвощинской была весьма кратковременна; лѣтомъ 1865 г. она тяжко захворала и умерла 5 августа на рукахъ своей сестры. Кромѣ литературы, Х. интересовалась еще живописью и сама хорошо рисовала; извѣстенъ сдѣланный ее портретъ художника Иванова.

Кн. Н. Н. Голицынъ: «Библіогр. словарь русск. писательницъ».—Статьи Семевскаго и Зотова о Н. Д. Хвощинской («Русск. Мысль» 1890 г., №№ 10—12, «Историч. Вѣсти.» 1889 г., № 10).

Е. Кульманъ.

Хвощинскій, *Павелъ Ксаверіевичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. 20 февраля 1792 г., ум. 5 января 1852 г. Съ началомъ Отечественной войны Х. былъ переименованъ изъ губернскихъ секретарей въ подпоручики и въ рядахъ петербургскаго ополченія съ отличіемъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1812, 1813 и 1814 гг. Въ 1823 г., по производствѣ въ чинъ полковника, былъ переведенъ л.-гв. въ Московскій полкъ, состоя въ которомъ два года спустя пожалованъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Выступивъ съ своднымъ гвардейскимъ полкомъ въ персидскій походъ 1826—1827 г., Х. находился во многихъ дѣлахъ противъ непріятеля и въ томъ числѣ 1 іюля 1827 г.—при взятіи войсками Паскевича крѣпости Аббасъ-Абада, 5 числа того же мѣсяца—въ сраженіи при Джаванъ-Булахѣ, 19 сентября — при взятіи крѣпости Сардарь-Абада и 1 октября—при завоеваніи Эривани. Награжденный за персидскую кампанію орденомъ св. Владиміра 3-й степ., Х. въ апрѣлѣ 1828 г. былъ назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи по разбору и приведенію на русскій вѣсъ пріобрѣтеннаго отъ персіянъ золота и серебра, а въ 1831 г., съ производствомъ въ генералъ-маіоры, опредѣленъ къ изслѣдованію безпорядковъ по военнымъ поселеніямъ, послѣ чего вскорѣ получилъ начальство надъ формировавшимися батальонами 2-й гренадерской дивизіи. Въ 1834 г. Х. былъ опредѣленъ директоромъ Полоцкаго кадетскаго корпуса и въ этой должности оставался до 1842 г., когда былъ отчисленъ въ управленіе военно-учебныхъ заведеній.

Послужн. списокъ, хран. въ архивѣ Главнаго штаба.

Д. С—въ.

Хелмскій, *Василій Александровичъ*, генералъ-маіоръ, изъ дворянъ Черниговской губерніи, род. въ 1791 г. Получивъ образованіе въ Московскомъ университетѣ, въ 1812 г. поступилъ на военную службу прапорщикомъ въ 1-й егерскій полкъ Московскаго ополченія, откуда черезъ нѣсколько дней былъ откомандированъ съ командою въ Сибирскій пѣхотный полкъ. Въ рядахъ послѣдняго Х. принималъ участіе въ походахъ противъ французовъ, какъ въ Отечественную войну, такъ и въ послѣдовавшихъ за нею кампаніяхъ 1813 и 1814 гг. За отличіе въ сраженіи 5, 6 и 7 октября 1813 г. подъ Лейпцигомъ, гдѣ онъ былъ раненъ и контуженъ въ грудь, Х. былъ произведенъ въ подпоручики. Въ 1817 г. онъ по прошенію былъ уволенъ отъ службы, но годъ спустя снова вступилъ въ ряды арміи и въ чинѣ поручика зачисленъ въ Курляндскій драгунскій полкъ. Съ началомъ Турецкой кампаніи 1828—1829 гг. онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ начальнику главнаго штаба 2-й арміи ген.-адъютанту Киселеву и за отличіе въ сраженіяхъ противъ турокъ въ 1829 г. переведенъ, съ оставленіемъ въ должности, л.-гв. въ конноегерскій полкъ, а въ слѣдующемъ году—л.-гв. въ драгунскій. По производствѣ въ 1834 г. въ полковники, Х. три мѣсяца спустя былъ опредѣленъ состоящимъ для порученій при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ и въ 1835 г.—на туже должность при генералъ-губернаторѣ Новороссійскомъ и Бессарабскомъ Съ учрежденіемъ управленія имѣніями, конфискованными послѣ мятежа 1831 г. у польскихъ помѣщиковъ, онъ былъ назначенъ сначала предсѣдателемъ бывшей Уманской окружной конторы, а въ 1837 г.—членомъ Главной хозяйственной конторы, съ переименованіемъ-же имѣній въ поселенія, 1 февраля 1838 г. оставленъ въ штабѣ 5-ти округовъ членомъ по ликвидаціоннымъ дѣламъ. 26 февраля 1842 г. Х. по разстроенному ранами здоровью былъ уволенъ отъ службы съ производствомъ въ

генералъ-маіоры. Съ 1844—1847 г. состоялъ директоромъ департамента государственныхъ имуществъ.

Послужн. списокъ, хран. въ арх. Глав. Штаба. *Д. С—въ.*

Хемницеръ (Joh. Chemnitzer), *Иванъ Егоровичъ*, штабъ-лѣкарь, род. въ Саксоніи 5 іюля 1705 г., ум. въ Россіи 22 апрѣля 1789 г. Въ 1734 г. прибылъ въ Берлинъ и здѣсь былъ принятъ въ русскую службу графомъ Ягужинскимъ, который командировалъ его съ ранеными въ С.-Петербургъ. Выдержавъ повѣрочный экзаменъ въ медицинской канцеляріи, Х. былъ опредѣленъ лѣкаремъ въ Закамскую линію, гдѣ оставался въ драгунскомъ полку до конца 1739 г. Переведенный затѣмъ въ гарнизонный драгунскій полкъ, квартировавшій въ Оренбургѣ, онъ оставался тамъ до 1741 г., когда былъ командированъ сперва въ Астрахань, а оттуда въ Персію до г. Энтша въ распоряженіе резидента Братищева. Въ 1751 г. назначенъ лѣкаремъ въ Астраханскую губернію для лѣченія «опасныхъ болѣзней» и 5 лѣтъ спустя былъ переведенъ въ С.-Петербургскій генеральный сухопутный госпиталь; въ 1757 г. произведенъ въ штабъ-лѣкари съ назначеніемъ въ заграничную армію, а 12 янв. 1762 г. уволенъ отъ полевой службы съ переводомъ въ пограничные госпитали.

Чистовичъ: «Исторія первыхъ медиц. школъ въ Россіи», Спб., 1883, стр. 547.

Хемницеръ, *Иванъ Ивановичъ*, извѣстный русскій баснописецъ XVIII вѣка, сынъ военнаго штабъ-лѣкаря, а впослѣдствіи инспектора Петербургскаго сухопутнаго госпиталя Іоганна-Адама Хемницера († 1789), уроженца города Фрейберга въ Саксоніи, род. въ Епотаевской крѣпости (нынѣ городъ Епотаевскъ) Астраханской губерніи 5 января 1745 г., ум. близъ Смирны 19 марта 1784 г. Грамотѣ научился онъ отъ родителей, лишь только началъ говорить; вскорѣ отецъ сообщилъ ему первыя свѣдѣнія изъ нѣмецкаго и латинскаго языковъ и ариѳметики. Поступивъ затѣмъ на воспитаніе къ жившему въ Астрахани пастору Нейбауэру, Х. шестилѣтнимъ ребенкомъ перешелъ уже въ синтаксическій классъ, отличаясь большой усидчивостью и недюжинными дарованіями. Затѣмъ съ нимъ занимался одинъ инженерный офицеръ, преподававшій ему ариѳметику и геометрію. Въ 1755 г. молодой Х. былъ привезенъ въ Петербургъ и отданъ матерью къ школьному учителю, а въ слѣдующемъ году, пріѣхавшій изъ Астрахани отецъ помѣстилъ его къ учителю латинскаго языка при врачебномъ училищѣ, предназначая сына къ врачебной дѣятельности. Но молодой Х., не внимая совѣтамъ отца, пожелалъ итти въ военную службу, и на 13-мъ году, 27 іюня 1757 г., опредѣлился солдатомъ въ Нотебургскій пѣхотный полкъ, гдѣ вскорѣ своимъ кроткимъ характеромъ заслужилъ расположеніе начальства и сталъ повышаться. Въ 1759 г. Х. былъ съ своимъ полкомъ по случаю семилѣтней войны въ Кенигсбергѣ, гдѣ и встрѣтился послѣ двухлѣтней разлуки со своимъ отцомъ, который, въ званіи штабъ-лѣкаря, отправился съ арміею въ Пруссію. По возвращеніи въ Россію, Х., перейдя на службу въ Копорскій пѣхотный полкъ, 12 мая 1762 г. назначенъ былъ адъютантомъ къ генералъ-маіору графу Ѳ. А. Остерману, 1 января 1766 г. произведенъ въ поручики, а въ 1769 г. находился при главнокомандующемъ арміею генералъ-аншефѣ князѣ А. М. Голицынѣ «для случающихся курьерскихъ посылокъ». Вскорѣ Х. вышелъ изъ военной службы и опредѣлился въ горное вѣдомство гиттенфервальтеромъ. На новой службѣ онъ нашелъ себѣ покровителя въ лицѣ директора Горнаго училища М. Ѳ. Соймонова, приходившагося родственникомъ ближайшему пріятелю Хемницера—Н. А. Львову, который, вѣроятно, и содѣйствовалъ опредѣленію своего друга на новую должность. Въ 1774 г. Х., въ званіи маркшейдера и переводчика Бергъ-коллегіи, состоялъ въ числѣ членовъ только что образованнаго ученаго собранія при Горномъ училищѣ, а въ концѣ 1776 г. получилъ возможность съѣздить за границу съ Соймоновымъ, отправившимся въ чужіе края для поправленія здоровья. Х. посѣтилъ Дрезденъ, Лейпцигъ, Франкфуртъ на Майнѣ и Кельнъ, занося на нѣмецкомъ или русскомъ языкѣ свои замѣчанія въ записную книжку, побывалъ въ Голландіи и 19 февраля 1777 г. пріѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь онъ почти каждый вечеръ посѣщалъ концерты и французскій или итальянскій театры, восхищаясь игрою г-жи Вестрисъ, Лекена, Ларива и др. актеровъ въ ложно-классическихъ произведе-

ніяхъ. Покинувъ Парижъ въ серединѣ мая, Х. опять посѣтилъ Голландію и до 10 сентября оставался въ Спа при своемъ начальникѣ, лѣчившемся минеральными водами. 9 октября 1777 г., пробывъ за границей почти годъ, Х. вернулся въ Петербургъ. Предавшись теперь съ любовью работамъ на литературномъ поприщѣ, на которое выступилъ еще въ 1770 г., напечатавъ безцвѣтную «Оду на побѣду при городѣ Журжѣ 4-го февраля 1770 года» Х. начинаетъ вести болѣе открытый образъ жизни, сходится со многими литераторами, между прочимъ съ Державинымъ, которому много помогалъ своими совѣтами, и В. В. Капнистомъ, посѣщаетъ литературныя и ученыя собранія, особенно Общество при Горномъ училищѣ. Въ то-же время онъ, уже въ званіи оберъ-бергмейстера, издаетъ свой переводъ съ нѣмецкаго или скорѣе передѣлку минералогическаго сочиненія русскаго академика Іог. Лемана «Кобальтословіе, или описаніе красильнаго кобальта» (Спб. 1778, 2 ч.), а затѣмъ редактируетъ съ А. Карамышевымъ сдѣланный Беспаловымъ переводъ сочиненія Брикмана «О драгоцѣнныхъ камняхъ» (Спб. 1779) и въ сотрудничествѣ съ Мартовымъ просматриваетъ переведенное съ нѣмецкаго А. Пикаромъ «Минералогическое извѣстіе о Саксонскомъ рудномъ кряжѣ» (издано въ 1780 г.). Нѣсколько ранѣе, въ 1774 г., онъ издалъ въ С.-Петербургѣ свой переводъ съ французскаго героиды Дора «Письмо Барнвеля къ Труману изъ темницы», съ посвященіемъ Н. А. Львову. Не находя удовлетворенія въ однихъ ученыхъ трудахъ, Х. посвящалъ свои досуги чисто-литературной дѣятельности, начавъ писать басни, о которыхъ никогда не говорилъ никому, пока Н. А. Львовъ и В. В. Капнистъ случайно не узнали о нихъ и не уговорили Хемницера издать сочиненія, которыми онъ по справедливости могъ гордиться. Уступая ихъ настояніямъ, Х. въ 1779 г. издалъ въ Петербургѣ первое собраніе своихъ басенъ, числомъ 27, подъ заглавіемъ «Басни и сказки NN», скрывъ свое имя изъ боязни, чтобы нѣкоторые явные намеки на современность не повредили его службѣ. Въ 1781 г. М. Ѳ. Соймоновъ отказался отъ должности директора Горнаго училища, и Х. также вышелъ въ отставку. Вслѣдствіе ограниченности своихъ средствъ онъ, однако, вскорѣ же долженъ былъ искать себѣ какой нибудь службы; и на этотъ разъ ему помогъ Н. А. Львовъ, который, воспользовавшись своими близкими отношеніями къ графу Безбородко, исходатайствовалъ своему другу мѣсто генеральнаго консула въ Смирнѣ. 20-го сентября 1782 г. Х. прибылъ на мѣсто своего новаго служенія и съ ревностью принялся за выполненіе своихъ консульскихъ обязанностей, зачастую доставлявшихъ ему много хлопотъ и огорченій. Къ тому-же онъ былъ сильно стѣсненъ въ матеріальныхъ средствахъ, такъ какъ жалованье высылалось ему чрезвычайно неправильно. Тѣмъ не менѣе онъ старался всегда соблюдать русскіе интересы и, между прочимъ, не мало хлопоталъ о построеніи въ Смирнѣ греческой и русской церкви. Предъ самымъ отъѣздомъ въ Смирну Х. выпустилъ 2-ое изданіе своихъ «Басенъ и сказокъ» (Спб. 1782), прибавивъ во 2-ой части 35 новыхъ басенъ. Во время же своего пребыванія на Востокѣ онъ, всецѣло занятый служебными обязанностями, совершенно оставилъ литературныя занятія. Пребываніе Хемницера въ Смирнѣ продолжалось всего съ небольшимъ полтора года. Заболѣвъ внезапно 14 марта 1784 г., въ 20-ти верстахъ отъ Смирны, въ деревнѣ Бурновѣ, гдѣ иностранные консулы имѣли свои дачи, онъ умеръ 19 марта и на другой день былъ перевезенъ въ Смирну, гдѣ и погребенъ на лютеранскомъ кладбищѣ. Все время пребыванія Хемницера въ Смирнѣ было отравлено постояннымъ сознаніемъ своего полнаго одиночества и отдаленности отъ близкихъ людей, что съ особенною яркостью проглядываетъ въ его дружескихъ письмахъ къ Н. А. Львову, впервые напечатанныхъ въ собраніи сочиненій Хемницера, изданномъ въ 1873 г. подъ редакціей академика Я. К. Грота. Къ этому примѣшивалось сознаніе той отвѣтственной дипломатической роли, которую ему приходилось играть и къ которой онъ, по своимъ привычкамъ и характеру, не чувствовалъ никакой склонности. Незадолго до своей кончины, именно 24 февраля 1784 г., Х. по предложенію Н. А. Львова былъ избранъ въ члены Россійской Академіи.

Въ исторіи русской литературы Х. извѣстенъ своими баснями, многія выраженія изъ которыхъ перешли даже въ посло-

вицы. Правда, онъ написалъ не малое число разныхъ мелкихъ стихотвореній, какъ то: эпиграммъ и надписей, надгробій, посланій, нѣсколько сатиръ (напримѣръ «На худыхъ судей», «На худое состояніе службы», «На подъячихъ»), но всѣ они не отличаются никакими достоинствами, и лишь басни представляются заслуживающими большого вниманія. Дѣйствительно, мы видимъ, что въ этой области онъ чувствуетъ себя вполнѣ непринужденно; долголѣтняя жизнь среди солдатъ обогатила языкъ Хемницера настолько, что басни его отличаются замѣчательной безыскусственностью и «простотой», на которую указывали критики уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія и даже ранѣе. Въ этомъ отношеніи онъ далеко опередилъ своихъ предшественниковъ—Хераскова, Н. Леонтьева, В. И. Майкова и Сумарокова. Заслуга его въ области литературнаго языка увеличивается еще и тѣмъ, что онъ не имѣлъ себѣ образцовъ въ этомъ отношеніи, ибо выступилъ со своими баснями еще до Богдановича и Фонвизина. Единственнымъ упрекомъ Хемницеру можно поставить то, что онъ весьма часто прибѣгаетъ къ наглагольнымъ риѳмамъ, да изрѣдка въ его басняхъ встрѣчаются архаизмы, неправильныя ударенія и излишнія поэтическія вольности. Но жизненность и простота темъ, ихъ близость къ интересамъ народа искупаютъ эти небольшіе недостатки. Большая часть басенъ Хемницера, около 60,— оригинальны и лишь около 30 переводныхъ, при чемъ большая часть ихъ (18) заимствована изъ любимѣйшаго писателя Хемницера—Геллерта, 5 взято изъ Лафонтена и по одной изъ Вольтера, Дора и Ножана. Всѣми вышеуказанными достоинствами надо объяснить ту извѣстность и широкое распространеніе, которыми пользовались басни Хемницера прежде и пользуются еще теперь. Начиная съ 1799 г., когда друзьями Хемницера были роскошно изданы въ 3-хъ частяхъ басни его съ прекрасными виньетками работы А. Н. Оленина и силуэтомъ автора и съ присоединеніемъ 23 новыхъ басенъ, извлеченныхъ непосредственно изъ рукописей, «Басни и сказки» Хемницера издавались огромное число разъ. Такихъ посмертныхъ изданій Я. К. Гротъ до 1855 г. насчиталъ 33, а съ тѣхъ поръ онѣ распространялись еще въ большемъ количествѣ. Наиболѣе удачными баснями считаются «Метафизикъ», «Богачъ и Бѣдный», «Два Сосѣда», «Хитрецъ», «Домовой», «Лисица и Сорока» и нѣкоторыя другія. По сообщенію С. Н. Глинки Х. былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ писателемъ Ѳ. Г. Карнымъ, «у котораго часто гостилъ и которому оставилъ рукописныя «сказки», укрывшіяся и отъ печати и отъ пересудовъ: онѣ были въ духѣ вольныхъ Лафонтеновскихъ сказокъ».

По свидѣтельству современниковъ Х., при некрасивой наружности и большой разсѣянности, отличался замѣчательнымъ добродушіемъ, прямотою и честностью, чѣмъ и заслужилъ себѣ доброе имя среди всѣхъ знавшихъ его людей.

Я. К. Гротъ: «Собраніе сочиненій Хемницера», изд. Академіи Наукъ, Спб. 1873.—А. Н. Неустроевъ: «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ», Спб. 1874.—Н. И. Григоровичъ: «А. А. Безбородко», Спб. 1879 — 1881, т. I и II. — Бар. Ѳ. А. Бюлеръ: «О мѣстѣ погребенія Хемницера» («Чтен. въ Московск. Общ. Истор. и Древн. Россійск.», 1884, кн. III, стр. 1—12).—М. И. Сухомлиновъ: «Исторія Россійской Академіи», т. VII, Спб. 1885. — «Записки» С. Н. Глинки, подъ ред. А. О. Круглаго, Спб. 1895.

Б. Л. Модзалевскій.

Хераскова, *Елизавета Васильевна*, рожденная Неронова, жена извѣстнаго писателя М. М. Хераскова, ум. въ 1809 г. Она представляетъ въ высшей степени любопытный типъ одной изъ передовыхъ русскихъ женщинъ середины XVIII в. Воспитавъ свой вкусъ на богатой тогда литературѣ переводныхъ романовъ, она пристрастилась къ беллетристикѣ и еще молодой дѣвушкой попробовала свои силы на писательскомъ поприщѣ. Въ тѣ времена, когда русская литература была бѣдна выдающимися писателями, когда и критика находилась еще въ зачаточномъ положеніи, появленіе въ литературѣ женщины-писательницы естественно должно было вызвать изумленіе, смѣшанное съ благоговѣйнымъ поклоненіемъ. Поэтому и Хераскова, одна изъ первыхъ по времени нашихъ писательницъ, скоро и безъ труда завоевала себѣ почетное прозваніе «Россійское Де-ла Сюзы». Еще дѣвушкой она сотрудничала въ журналѣ М. М. Хераскова, за котораго и вышла замужъ въ 1760 г. Весьма возможно, что къ писательской дѣятельности привлекъ ее именно Херасковъ, страстно любившій литературу и замѣтившій у молодой дѣвушки

литературные интересы; весьма вѣроятно также, что онъ былъ ея руководителемъ, быть можетъ, исправлялъ даже ея стихи и орѳографическія ошибки, но едва-ли онъ сочинялъ за нее. Между тѣмъ В. Майковъ заподозрѣваетъ его въ этомъ: «Хераскова — щегольская барынька, говоритъ онъ, да если бы писать ей, то у мужа не было бы и щей хорошихъ: онъ пишетъ, она пишетъ, а кто-же щи-то сваритъ?» Но не всѣ такъ скептически относились къ Херасковой: до насъ дошло ея письмо къ А. П. Сумарокову, свидѣтельствующее, во-первыхъ, о томъ почтеніи, съ какимъ онъ относился къ ней, а во-вторыхъ, о малой образованности «Россійской Де-ла Сюзы»: «письмо ваше я получила, пишетъ она, которое мнѣ много чести делаетъ; кампессію вашу я бы сахотою исполнила однако стихотворцы здешние столко упрямы что и самаго опаллона непослушаютъ; чтожь принадлежитъ до меня то я стану стараться быть достоиной таго названія которымъ вы меня почтили, то есть «московской стихотворецои». Впрочемъ для насъ совершенно безразлично, имѣла-ли Х. серьезныя права на титулъ «московской стихотворецы», или нѣтъ. Она любопытна для насъ, какъ показатель умственныхъ интересовъ того времени. Молодая женщина, не справляющаяся еще съ орѳографіей, она глубоко интересуется литературой, искренно ее любитъ, поддерживаетъ своего мужа въ его литературныхъ затѣяхъ. Въ этомъ отношеніи она совершенно подошла къ нему по характеру. Немудрено, что ихъ домъ въ Москвѣ сдѣлался центромъ, гдѣ охотно собирались молодые авторы, начинавшіе свою дѣятельность подъ руководствомъ Хераскова. По словамъ Дмитріева Х. много помогала въ этомъ отношеніи своему мужу: «она облегчала мужа во всѣхъ заботахъ по хозяйству, была лучшимъ его совѣтникомъ по кабинетскимъ дѣламъ и душою вечернихъ бесѣдъ въ кругу ихъ друзей и знакомцевъ». За то эти «друзья и знакомцы», даже состарившись, не иначе, какъ «съ умиленіемъ» говорили о добродушной, привѣтливой Херасковой. Нѣжно любя своего супруга, она принимала участіе и въ служебныхъ дѣлахъ его. Невзгоды, обрушившіяся на него съ преслѣдованіями масонства, сильно ее обезпокоили; она всѣми силами старается помочь мужу: пишетъ письма къ Державину, котораго то проситъ заступиться за мужа, то благодаритъ за дружескую поддержку. Вообще, какъ человѣкъ, Х. была въ высшей степени симпатична; ея миролюбіе и добродушіе видно хотя бы изъ того, что она съ мужемъ 20 лѣтъ прожила неразлучно подъ одной кровлей съ четой Трубецкихъ. Узнавъ объ этомъ, императрица Екатерина II, говорятъ, сказала: «не удивляюсь, что братья (Херасковъ и Н. И Трубецкой были сводные братья) между собой дружны, но вотъ, что для меня удивительно, какъ бабы столь долгое время въ одномъ домѣ уживаются между собою». Литературой Х. занималась только въ молодости, а потомъ всецѣло отдала себя хозяйству, вести которое было очень трудно вслѣдствіе стѣсненныхъ матеріальныхъ обстоятельствъ. Современники оставили намъ нѣсколько любопытныхъ анекдотовъ касательно интимной жизни Херасковыхъ; изъ этихъ анекдотовъ не трудно понять характеры обоихъ супруговъ: съ одной стороны, добродушный, безпечный старикъ, воодушевленный безграничной любовью къ литературѣ, съ другой—душой преданная ему жена, вся ушедшая подъ старость въ заботы о томъ, какъ извернуться въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, и въ то же время не имѣющая силъ сердиться на причуды своего мужа. Херасковъ скончался 27 сентября 1807 г., черезъ 2 года, въ сентябрѣ 1809 г, сошла въ могилу и жена его, осыпаемая до конца дней своихъ милостями Двора. Она получила полную пенсію мужа и была сдѣлана въ воспоминаніе его заслугъ кавалерственной дамой. Дѣтей у Херасковыхъ небыло. Х. сотрудничала въ журналахъ: «Полезное Увеселеніе», «Вечера», «Аониды»; въ нихъ были напечатаны ея мелкія стихотворенія (стансы, сонеты, басни, надписи къ портретамъ) и нѣкоторыя переводныя произведенія.

Лонгиновъ: «Новиковъ и Моск. Мартинисты», М., 1867.—И. Дмитріевъ: «Взглядъ на мою жизнь».—М. Дмитріевъ: «Мелочи изъ запаса моей памяти», М. 1869.—Сочиненія Державина (акад. изд.).—«Дамскій Журналъ» 1830 г., 29.—Макаровъ: «Воспоминанія о Херасковѣ, какъ драмат. писателѣ» («Репертуаръ и Пантеонъ» 1845 г., т. 9).—«Русск. Арх.» 1873 г., № 8.—Отрывки изъ переписки А. П. Сумарокова («Отеч. Зап.» 1858 г., № 2).—Кн. Н. Н. Голицынъ: «Библіографическій словарь русскихъ писательницъ».—Руссовъ: «Библіогр. каталогъ россійск. писательницъ».—А. Н. Неустроевъ: «Указатель къ русск. повременнымъ изданіи. за 1703—1802 гг.», Спб. 1898.

В. В. Сиповскій.

Херасковъ, *Михаилъ Матвѣевичъ*, род. 25 октября 1733 г. въ г. Переяславлѣ, гдѣ отецъ его, Матвѣй Андреевичъ Херасковъ, былъ комендантомъ крѣпости, ум. 27 сентября 1807 г. Отецъ Херасковъ происходилъ изъ знатной Валашской фамиліи Хереско и при Петрѣ Великомъ переселился въ Россію (въ 1712 г.) съ своей сестрой княгиней Кантакузенъ. Петръ I пожаловалъ имъ 5.000 душъ въ Малороссіи. Вѣроятно, Матвѣй Андреевичъ особенными способностями не отличался, такъ какъ императоръ къ себѣ его не приблизилъ, хотя Херасковъ и былъ у него на виду. М. А. Херасковъ былъ маіоромъ Кавалергадскаго полка и умеръ въ 1784 г. О матери Хераскова, Аннѣ Даниловнѣ, рожденной княжнѣ Друцкой-Соколинской, извѣстно только, что она была замѣчательной красавицей. Ее, между прочимъ, воспѣлъ послѣ ея смерти знаменитый Сумароковъ. Черезъ годъ послѣ смерти мужа она 10 ноября 1735 г. вышла замужъ за кн. Никиту Юрьевича Трубецкого. Отъ перваго брака у нея осталось три сына, изъ которыхъ Михаилъ Матвѣевичъ былъ самый младшій. Такимъ образомъ родного отца онъ совсѣмъ не зналъ и съ нѣжнаго возраста оказался почти въ чужой семьѣ.

Н. Ю. Трубецкой во время своей женитьбы проживалъ въ г. Изюмѣ, на Украйнѣ, гдѣ съ 1736 г. исправлялъ должность генералъ-кригсъ-коммиссара. Говорятъ, къ обязанностямъ своимъ Трубецкой относился недобросовѣстно, но Минихъ покровительствовалъ ему «за красоту его жены», въ чемъ впослѣдствіи на судѣ самъ сознавался и упрекалъ себя. Такимъ образомъ нравственная атмосфера, которой дышалъ въ дѣтствѣ Х., была самая неблагопріятная. Впрочемъ, съ другой стороны бракъ матери съ кн. Трубецкимъ имѣлъ для него и хорошія послѣдствія. Кн. Трубецкой жилъ въ глухой провинціи сравнительно недолго: въ сентябрѣ 1740 г. онъ былъ назначенъ въ Петербургъ генералъ-прокуроромъ, и Х. семилѣтнимъ ребенкомъ оказался въ средоточіи тогдашней русской образованности. Блестящія связи кн. Трубецкого совершенно измѣнили обстановку, въ которой Х. росъ на родинѣ. Вотчимъ его, находясь въ родствѣ со многими аристократическими фамиліями, принадлежалъ къ тогдашней интеллигенціи, у которой уже не трудно подмѣтить нѣкоторые зародыши литературнаго пониманія. Стихотворцы того времени постоянно вращались въ кругу этихъ русскихъ меценатовъ, вдохновлялись ихъ дѣяніями, имъ подносили свои произведенія. Вѣроятно, и въ домѣ вотчима встрѣчалъ Х. тогдашнихъ служителей Аполлона; по крайней мѣрѣ извѣстно, что Сумароковъ воспѣлъ его мать. Такимъ образомъ уже съ дѣтства Х. могъ заинтересоваться литературой, которой впослѣдствіи и посвятилъ себя. Въ концѣ 1743 г., 10 лѣтъ отъ роду, Х. былъ отданъ въ Шляхетный кадетскій корпусъ, получившій въ этомъ году названіе «Сухопутнаго». Въ основу воспитанія этого замѣчательнаго учебнаго заведенія было положено очень мудрое правило не мѣшать дѣтской натурѣ развиваться самостоятельно. Военными экзерциціями занимали кадетъ только одинъ день въ недѣлю; такимъ образомъ «военнаго» въ корпусѣ было немного, только форма да названіе. Руководясь словами именного указа, даннаго Сенату при учрежденіи корпуса: «понеже не каждаго человѣка природа къ одному воинскому склонна», учителя въ послѣднемъ классѣ корпуса занимались съ кадетами лишь тѣми науками, къ которымъ каждый изъ нихъ оказывалъ болѣе склонности въ младшихъ классахъ. Склонность эта опредѣлялась совѣтомъ педагоговъ очень осторожно. Не мудрено, что при такихъ порядкахъ корпусъ выпускалъ людей не обезличенныхъ, а съ извѣстными вкусами и интересами; если успѣхи въ наукахъ иногда были и не блестящи, за то люди даровитые могли безпрепятственно развить свои способности. Въ корпусѣ процвѣтала и любовь къ словесности, въ средѣ кадетъ существовало даже литературно-драматическое общество. Такимъ образомъ корпусъ, въ особенности подъ вліяніемъ дѣятельности Сумарокова, былъ средою самою благопріятною для юноши съ писательскими наклонностями. Такимъ юношей и былъ Х. Учился Х. въ корпусѣ посредственно: въ графѣ—«изъявленіе изученнаго и уповаемой впредь надежды»—замѣчено подъ его фамиліей: «имѣетъ посредственное понятіе». По словамъ жены Хераскова, его «до двадцати двухъ лѣтъ считали человѣкомъ простенькимъ, ни къ чему большому не способнымъ». Однако уже въ корпусѣ Х. взялся за перо и, вдохновляемый

Ломоносовымъ и Сумароковымъ, началъ писать стихи. Страннымъ, однако, кажется несомнѣнный фактъ пассивнаго отношенія Хераскова къ любительскимъ спектаклямъ кадетъ, которыми положено было основаніе русскому театру. Первый такой спектакль въ присутствіи Сумарокова произошелъ въ 1749 г., т. е. тогда, когда Х. былъ уже въ старшихъ классахъ, между тѣмъ его фамиліи нѣтъ въ числѣ участниковъ спектакля или лицъ, какъ нибудь въ немъ заинтересованныхъ. Какъ бы тамъ ни было, но несомнѣнно, что Х. изъ корпуса вынесъ любовь къ литературѣ и этой любви не измѣнилъ до гроба.

Окончивъ курсъ въ сентябрѣ 1751 г., Х. былъ выпущенъ поручикомъ въ Ингерманландскій полкъ. Но военная служба, хотя и не обременительная въ тѣ времена, не пришлась по душѣ молодому поэту, уже со школьной скамьи привыкшему къ книгѣ, перу и бумагѣ. Въ 1754 г. онъ перешелъ въ Комерцъ-коллегію съ чиномъ титулярнаго совѣтника. Но и чиновничество не долго удовлетворяло Хераскова: онъ тяготѣлъ къ такой средѣ, которая отвѣчала бы его вкусамъ и стремленіямъ. Какъ иначе объяснить его готовность оставить блестящую столицу съ цѣлымъ кругомъ родныхъ и знакомыхъ, съ установившимися уже литературными связями и ѣхать въ Москву на слажбу въ университетъ (1755). И должно быть, въ кругу учащейся молодежи и ученыхъ профессоровъ, приглашенныхъ съ Запада, онъ почувствовалъ себя хорошо, если на полвѣка отдалъ себя ревностному служенію университету. Этого юношу «съ посредственными понятіями» инстинктивно влекло къ просвѣщенію. Изъ незначительной роли университетскаго ассесора, главной обязанностью котораго было наблюдать за поведеніемъ студентовъ и завѣдывать дѣлами университетской типографіи, онъ сдѣлалъ очень многое. Не обладая выдающимся литературнымъ талантомъ, не отличаясь даже богатствомъ духовныхъ силъ, онъ тѣмъ не менѣе безъ труда приблизилъ къ себѣ всю передовую молодежь; она полюбила въ Херасковѣ теплоту душевную, отзывчивость, искреннюю любовь къ литературѣ и обширную начитанность. Воспоминанія современниковъ сохранили намъ факты, на основаніи которыхъ можно смѣло говорить о любви молодежи къ Хераскову. Студенты Богдановичъ, Фонвизинъ, Карины, Домашневъ, Булгаковъ, Санковскій, Рубанъ и нѣкоторые другіе,— вотъ тотъ кружокъ питомцевъ Московскаго университета, съ которымъ былъ особенно близокъ Х., и онъ безъ труда сдѣлался руководителемъ своихъ молодыхъ друзей-литераторовъ. Уже современники оцѣнили его заслугу въ этомъ отношеніи. Батюшковъ, вообще относящійся къ Хераскову иронически, говоритъ, что онъ «ободрялъ возникающій талантъ и славу писателя соединялъ съ другой славой, не менѣе лестной для души благородной, не менѣе прочной,—со славою покровителя наукъ». И чѣмъ Х. выше подымался по службѣ, тѣмъ онъ все болѣе и болѣе расширялъ свою благую дѣятельность. Еще одно обстоятельство помогло ему въ этомъ отношеніи. Въ 1760 г. онъ женился на Елизаветѣ Васильевнѣ Нероновой (ум. 1809). Это была въ высшей степени симпатичная женщина, во всѣхъ отношеніяхъ подходившая къ своему мужу. Начать съ того, что она была писательницей, заслужила даже у современниковъ прозваніе «Русской Дела-Сюзы». Добродушная и общительная подобно своему супругу, она не только сумѣла поддержать его связи съ литературной молодежью, но, быть можетъ, даже укрѣпила ихъ. «Домъ ихъ всегда былъ открытъ для всякаго, кто имѣлъ стремленіе къ просвѣщенію и литературѣ, и всѣ молодые люди, преданные этимъ высокимъ интересамъ, составляли какъ бы семейство ихъ». Она, какъ женщина, вносила семейный элементъ въ отношенія, установившіяся между Херасковымъ и молодежью, сглаживала неравенство ихъ положенія, возраставшее съ успѣхами Хераскова по службѣ. Въ шестидесятыхъ годахъ, въ началѣ царствованія Екатерины, Х. съ братьями хлопотали о возвращеніи имъ отобранныхъ въ казну имѣній, пожалованныхъ Петромъ ихъ покойному отцу. Императрица деньгами удовлетворила Херасковыхъ, и каждый изъ братьевъ получилъ по 30.000 рублей. Такимъ образомъ, обезпеченный въ матеріальномъ отношеніи, Х. спокойно наслаждался семейнымъ счастьемъ, отдавая свои досуги друзьямъ и поэзіи. По службѣ онъ шелъ быстро. Вліятельный вотчимъ, тогда уже фельдмаршалъ, старался выдвигать своего пасынка. Въ 1761 г. Хераскову было поручено на-

чальство надъ русскими актерами Московскаго театра и заключеніе договоровъ съ итальянскими пѣвцами для концертовъ. Въ томъ же году Х., въ чинѣ надворнаго совѣтника, исправляетъ должность директора университета въ отсутствіе Мелиссино. Въ 1762 г., по порученію вотчима, назначеннаго верховнымъ маршаломъ на коронаціи Екатерины, онъ сочиняетъ хоры къ уличному маскараду «Торжествующая Минерва» и орнаментъ для тріумфальныхъ воротъ, а такое порученіе считалось тогда немалой честью. 13 іюля 1763 г., 30 лѣтъ отъ роду, Х. уже былъ назначенъ директоромъ Московскаго университета съ производствомъ въ канцеляріи совѣтники. Хмыровъ связываетъ это назначеніе съ признательностью императрицы за оду Хераскова и за его хлопоты по устройству коронаціонныхъ торжествъ. Въ это время куратором университета былъ В Е. Ададуровъ, человѣкъ уже старый, уставшій, и Хераскову приходилось много работать за него. Впрочемъ, Х. за время своего директорства ни въ чемъ особенномъ себя не проявилъ; только въ вопросѣ о введеніи русскаго языка въ университетское преподаваніе онъ обнаружилъ нѣкоторую настойчивость, пойдя даже противъ воли своего начальника. Такая рѣшительность, вѣроятнѣе всего, объясняется воздѣйствіями русской партіи въ средѣ профессоровъ Московскаго университета. Введя въ 1767 г. частнымъ образомъ преподаваніе на русскомъ языкѣ, Х. въ письмѣ къ С. М. Кузьмину, статсъ-секретарю Екатерины II, просилъ официальнаго отъ имени императрицы подтвержденія своего частнаго распоряженія и, добившись Высочайшаго повелѣнія, увѣдомилъ объ этомъ куратора Ададурова, который, вопреки прежнимъ своимъ распоряженіямъ, долженъ былъ исполнить волю императрицы.

Въ 1770 г. Х. оставляетъ службу при Московскомъ университетѣ и переѣзжаетъ въ Петербургъ, гдѣ 18 мая назначается вице-президентомъ Бергъ-коллегіи съ производствомъ въ статскіе совѣтники. Трудно сказать съ достовѣрностью, что заставило Хераскова бросить Москву. То обстоятельство, что судьба его вообще находится въ какой-то странной связи съ судьбой Мелиссино, заставляетъ догадываться о несомнѣнномъ существованіи какихъ-то личныхъ отношеній между ними. Въ самомъ дѣлѣ, когда въ 1763 г. Мелиссино переводится въ Петербургъ, Х. получаетъ мѣсто директора университета; когда въ началѣ 1771 г. Мелиссино возвращается въ Москву куратором университета, Х. незадолго передъ этимъ уѣзжаетъ въ Петербургъ. О службѣ Хераскова въ Петербургѣ мы не знаемъ никакихъ подробностей. Извѣстно только, что въ 1772 г. онъ состоялъ членомъ коммисіи по описанію русскихъ медалей вмѣстѣ съ кн. М. М. Щербатовымъ и А. И. Нартовымъ, а также членомъ Вольнаго экономическаго общества, а съ 1772 г. и Вольнаго Россійскаго собранія при Московскомъ университетѣ, выбранный заочно. Литературнымъ своимъ вкусамъ и въ бытность въ Петербургѣ Х. не измѣнилъ: онъ сочинялъ въ это время «Россіаду», перечитывалъ для этого Гомера, Виргилія, Вольтера, Тассо и другихъ западно-европейскихъ авторовъ эпопей и знакомился съ русской исторіей, насколько считалъ это нужнымъ для своей эпопеи. И въ Петербургѣ онъ поддерживалъ связи съ литературнымъ міромъ. Въ это время мы видимъ его во главѣ литературнаго салона, имѣвшаго даже свой особый органъ «Вечера». Этотъ салонъ состоялъ изъ нѣсколькихъ писателей, которые предпочитали литературныя занятія пустымъ свѣтскимъ удовольствіямъ и собирались въ извѣстные дни по вечерамъ, чтобы дѣлиться другъ съ другомъ плодами своего вдохновенія. Въ это же время произошелъ фактъ, въ высшей степени важный въ исторіи русскаго просвѣщенія: Х. сблизился съ Н. И. Новиковымъ. Этотъ замѣчательный человѣкъ съ его изумительной энергіей, съ его вѣрой въ просвѣщеніе долженъ былъ оказать большое вліяніе на Хераскова, отличавшагося мягкимъ, податливымъ характеромъ Они сошлись очень близко. Новиковъ конечно, дорожилъ своей дружбой съ Херасковымъ, видя въ немъ человѣка во всѣхъ отношеніяхъ подходящаго для осуществленія своихъ широкихъ плановъ: Х. занималъ довольно высокое официальное положеніе и могъ быть полезнымъ покровителемъ его дѣлу. Надо полагать, что не безъ вліянія Новикова Х. начинаетъ опять тяготѣть къ Москвѣ и Московскому университету; 30 марта 1775 г. онъ покидаетъ Петербургъ и, выйдя въ отставку съ чиномъ дѣйств. статскаго совѣтника, пе-

реселяется въ Москву. Сейчасъ же за нимъ ѣдетъ туда и Новиковъ. Въ Москвѣ Х. поселился вмѣстѣ со своимъ своднымъ братомъ (отъ второго брака матери) Николаемъ Никитичемъ Трубецкимъ, съ которымъ всегда былъ очень друженъ; кн. Трубецкой въ Петербургѣ служилъ подъ началомъ Хераскова: онъ былъ во время его вице-президентства членомъ Берггъ-коллегіи. Уже въ то время онъ увлекся масонствомъ и, переѣхавъ въ Москву, сдѣлался однимъ изъ самыхъ видныхъ членовъ ордена; онъ же сдѣлалъ масонами и Хераскова съ Новиковымъ. Къ этому же времени относится дружба обоихъ съ Шварцемъ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей того времени, просвѣщенное вліяніе котораго на нихъ было громадно. Въ 1778 г. Мелиссино, правившій Московскимъ университетомъ за постояннымъ отсутствіемъ Шувалова и Ададурова, былъ уволенъ въ отпускъ за границу. Говорятъ, что Екатерина II, много наслышавшись о «Россіадѣ» и увлекавшаяся тогда русской исторіей, сама назначила куратором Хераскова. Вѣроятнѣе, впрочемъ, что это назначеніе стоило ему нѣкоторыхъ хлопотъ. 28 іюня 1778 г. Х. былъ уже куратором университета, имѣя при томъ ближайшимъ другомъ и руководителемъ Н. И. Новикова. И какъ славно въ исторіи Московскаго университета было это кратковременное самостоятельное управленіе! Каждый годъ знаменовался какимъ нибудь новымъ мѣропріятіемъ, задуманнымъ широко и разумно, выполненнымъ толково и практично. Вожаками просвѣтительнаго движенія, возникшаго въ это время въ университетѣ, были, конечно, Новиковъ и Шварцъ, но огромная заслуга Хераскова заключается въ томъ, что онъ доброжелательно встрѣчалъ разумные совѣты своихъ друзей. Вотъ важнѣйшія событія, происшедшія за время кураторства Хераскова: 15 декабря 1778 г. учрежденъ при университетѣ «Благородный пансіонъ» (открытый въ 1779 г.); 1 мая 1779 г. заключенъ контрактъ съ Новиковымъ объ отдачѣ ему въ аренду на 10 лѣтъ университетской типографіи и книжной лавки и изданія «Московскихъ Вѣдомостей»; 13 сентября 1779 г. поступаетъ въ университетъ профессором И. Гр. Шварцъ; 13 ноября того же года по мысли Шварца открыта «Педагогическая семинарія»; въ 1780 г. произведены существенныя улучшенія въ гимназіи; 13 марта 1781 г. учреждено «Собраніе университетскихъ питомцевъ» и, наконецъ, все было приготовлено къ открытію «Друж. ученаго общества», которое и начало дѣйствовать со 2 ноября 1782 г. Что Х. не самъ съ такою энергіей двинулъ впередъ университетскую жизнь, видно, между прочимъ, и изъ того обстоятельства, что онъ могъ бы сдѣлать это уже много лѣтъ тому назадъ: и типографія была въ его рукахъ, и его окружала литературная молодежь; но онъ не сдѣлалъ ничего особеннаго, такъ какъ у него не было духовной силы Новикова и Шварца, не было ихъ организаторскаго таланта. Въ 1782 г., когда правительство начало уже подозрительно относиться къ дѣятельности Новикова, явился въ Москву кураторъ Мелиссино. Университета онъ не узналъ: въ немъ кипѣла жизнь. Мелиссино, человѣкъ очень самолюбивый, самъ мечтавшій о нѣкоторыхъ улучшеніяхъ въ университетѣ, былъ непріятно пораженъ дѣятельностью Хераскова. И вотъ съ пріѣздомъ его начинаются непріятности для послѣдняго и его друзей, обостряются гоненія на московскихъ масоновъ. Императрица Екатерина стала замѣтно не благоволить къ Хераскову, котораго ей очевидно выставили, какъ покровителя людей съ вреднымъ направленіемъ. Кн. Прозоровскій, которому было поручено разслѣдованіе дѣятельности Новикова, правда, значительно позднѣе, въ 1790 г., прямо говоритъ, донося о масонахъ: «Х., кажется, быть куратором въ университетѣ не достоинъ». Но дѣятельнымъ и убѣжденнымъ масономъ Х. никогда не былъ; живя подъ одной кровлей съ Н. Н. Трубецкимъ, главой московскихъ масоновъ, онъ по неволѣ интересовался его интересами, перебывалъ вмѣстѣ съ нимъ въ нѣсколькихъ ложахъ различнаго наименованія, но никогда не занималъ виднаго мѣста въ средѣ московскихъ мистиковъ. Онъ даже въ опасную минуту легко отказывается отъ солидарности съ орденомъ и, повидимому, дѣлаетъ это съ спокойной совѣстью. Благодаря Державина за то, что тотъ чрезъ Зубова замолвилъ за него предъ императрицей нѣсколько словъ, онъ восклицаетъ: «чудно мнѣ, что нѣкто врагъ мой вздумалъ оклеветать меня какой-то Мартинизмой, о чемъ я, по совѣсти, ни малаго свѣдѣнія не имѣю. Когда

мнѣ думать о Мартинистахъ и подобныхъ тому вздорахъ? Когда? будучи вседневно заняту моею должностью—моими музами, чтеніемъ стихотворцевъ, моихъ руководителей. Взведена на меня убійственная ложь, лишающая меня чести и Государской милости, слѣдовательно и жизни». Конечно, правительство преслѣдовало не масонство, но просвѣтительное движеніе, вызванное Новиковымъ и его кружкомъ, а съэтимъ кружкомъ Х. несомнѣнно былъ близокъ; это дѣлало его въ глазахъ Екатерины человѣкомъ, если и не опаснымъ, то во всякомъ случаѣ непріятнымъ. Х., конечно, сознавалъ это и, оставаясь на своемъ высокомъ посту въ то время, когда жестоко страдали его бывшіе друзья, переживалъ особенно въ первое время тяжелыя минуты: онъ какъ то съежился, замкнулся въ себѣ,—и исторія Московскаго университета больше ничего не знаетъ связаннаго съ его именемъ. Кромѣ того, расположеніе свое императрица дала ему почувствовать очень осязательно: до конца своихъ дней она обходила его наградами и повышеніями; младшіе сослуживцы обгоняли его по службѣ. Это обижало Хераскова, и онъ былъ на столько малодушенъ, что рѣшался хлопотать за себя и лично, и черезъ сильныхъ міра сего. 24 декабря 1795 г., указывая на то, что онъ 20 лѣтъ безъ повышенія состоитъ куратором, онъ въ письмѣ обращается къ государынѣ со словами: «не имѣя, по несчастнымъ моимъ обстоятельствамъ другого пропитанія кромѣ Государскаго Вашего жалованья..., осмѣливаюсь при истеченіи дней моихъ отверзть мое сердце предъ лицомъ прозорливѣйшей монархини, преклонить мои дрожащія колѣна предъ священнымъ Твоимъ престоломъ, простирать къ Тебѣ трепещущія мои руки, къ Тебѣ, матерь моя, матерь отечества, и воззвать къ божественному Твоему милосердію...». Вѣроятно, просьба его не была уважена, такъ какъ въ іюлѣ 1796 г. Шуваловъ, по случаю полученія директоромъ университета Фонвизинымъ чина тайн. совѣтника, хлопочетъ за куратора Хераскова, все еще дѣйств. ст. совѣтника. Онъ указываетъ, что Х. «нѣсколько разъ уже обойденъ», «поверженъ въ горести», «боленъ». Если бы не это обстоятельство и не стѣсненное матеріальное положеніе, Х. не могъ бы пожаловаться на свою судьбу. Литературная слава была за нимъ упрочена, друзья окружали его, въ семьѣ онъ находилъ необходимый покой. Современники оставили намъ нѣсколько описаній той обстановки, въ которой жилъ въ это время Х. Вотъ, какъ, по словамъ кн. И. М. Долгорукаго, проводилъ онъ лѣто: «Въ лѣтнее время они (Трубецкіе) живали въ подмосковной, называемой Очаково, въ 8 верстахъ отъ города. Тамъ ежедневныя происходили очарованія, разнородныя сельскія пиршества, театры, иллюминаціи, фейерверки и все, что можетъ веселить умъ и чувства. Съ ними жилъ въ одномъ и томъ же убѣжищѣ безсмертный нашъ піитъ, старецъ Х., который въ липовой рощѣ ходя задумавшись, вымышлялъ свои пѣсни въ то время какъ въ регулярномъ саду вся фамилія Трубецкихъ предлагала гостямъ всякіе сюрпризы. Это былъ храмъ любви, въ которомъ все горячило воображеніе, воспламеняло душу и облекало разумъ въ радужную ризу веселости!» Трубецкіе «любили жить роскошно и весело; во вкусѣ ихъ были театръ, балъ, маскарадъ и всѣ вообще увеселенія; по зимамъ они жили въ Москвѣ. Тутъ мы игрывали комедіи, наряжались въ хари на балъ и всѣми забавами молодости наслаждались». Х. любилъ особенно домашній театръ. Въ свободное же отъ развлеченій время онъ усердно занимался литературой: «читалъ все, что только могъ читать, и всѣмъ умѣлъ пользоваться, ловилъ, такъ сказать, каждую минуту, чтобъ она не ушла, не сообщивъ ему новыхъ понятій. Сіе занятіе или, лучше сказать, сія страсть составляла единственное удовольствіе, самую пріятную пищу для души его». Насколько добродушенъ и общителенъ былъ Х., свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ Болотовъ. Въ 1781 г., т. е. въ эпоху особенно блестящую во всѣхъ отношеніяхъ положенія Хераскова, Болотовъ посѣтилъ его и вотъ, что написалъ по этому поводу: «Онъ принялъ меня не только безъ наималѣйшей гордости и спѣси, но такъ снисходительно, съ такою ласкою и съ такимъ благопріятствомъ, что я даже удивился и былъ тѣмъ тронутъ».

Вступленіе на престолъ императора Павла принесло радость всѣмъ, такъ или иначе пострадавшимъ при Екатеринѣ. Х. 19 ноября 1796 г. былъ произведенъ въ тайные совѣтники; 10 марта 1799 г. онъ полу-

чилъ Аннинскую ленту и 600 душъ крестьянъ. Впрочемъ, не смотря на всѣ эти милости, за которыя Х. искренно почиталъ Павла, онъ, чувствуя себя старымъ, просится на покой и въ началѣ 1801 г. выходитъ въ отставку съ чиномъ дѣйств. тайн. совѣтника. При Александрѣ I онъ опять былъ назначенъ куратором, но уже въ 1802 г. окончательно оставилъ службу. Съ этого времени онъ началъ замѣтно опускаться и дряхлѣть. Добродушный и благожелательный, всегда охотно всѣмъ помогавшій, Х. тихо доживалъ свои дни съ дряхлѣющей подругой своей жизни. Дѣтей у нихъ не было, была лишь воспитанница, которая вышла за мужъ за А. Ѳ. Лабзина, извѣстнаго масона.

Выступленіе Хераскова въ печати совпало съ переселеніемъ его въ Москву. Въ 1756 г. въ № 3 «Ежемѣсячныхъ Сочиненій» были напечатаны его 6 эпиграммъ, а въ № 6—четыре басни «Оселъ хвастунъ», «Волкъ и Журавль», «Сорока въ чужихъ перьяхъ», «Ворона и Лисица». Съ этихъ поръ Х. почти каждый годъ что-нибудь выпускалъ въ свѣтъ: въ 1757 г. поэму въ 3 пѣсняхъ «Плоды Наукъ», въ слѣдующемъ году—трагедію въ стихахъ «Венеціанская монахиня». Въ 1760 г. онъ началъ издавать ежемѣсячный журналъ «Полезное Увеселеніе»; въ 1761 г. появились поэма «Храмъ Славы» и героическая комедія «Безбожникъ». Ко дню коронаціи Екатерины II Х. сочинилъ оду, которая, говорятъ, понравилась императрицѣ. Въ 1763 г. онъ издавалъ два журнала: «Невинное Упражненіе» и «Свободные Часы»; въ 1764 г. выпустилъ въ свѣтъ двѣ книги «Басенъ», а въ 1765 г. трагедію въ 5 дѣйствіяхъ, написанную стихами, «Мартезія и Фалестра»; въ 1767 г. издалъ «Новыя философическія пѣсни», а въ слѣдующемъ «Нуму Помпилія или процвѣтающій Римъ». Въ Петербургѣ онъ написалъ и издалъ въ 1770 г. поэму «Селимъ и Селима» и комедію «Ненавистникъ», въ слѣдующемъ году выпустилъ въ свѣтъ извѣстную поэму, прославляющую Чесменскую побѣду гр. А. Г. Орлова — «Чесменскій бой» и сочинилъ слезную драму въ 3 дѣйствіяхъ «Другъ несчастныхъ»; въ 1774 г. напечаталъ трагедію «Борославъ», прославленную игрою Дмитревскаго, и слезную драму «Гонимые» (въ 3 д.); въ слѣдующемъ году издалъ трагедію «Идолопоклонники или Горпславъ» (въ пяти дѣйств.) и мелодраму «Милана» (въ двухъ дѣйств). Но эти произведенія писались «въ видѣ отдыха или развлеченія», все же свободное отъ дѣлъ время Х. отдавалъ «Россіадѣ», надъ которой трудился 8 лѣтъ; въ 1779 г. онъ, наконецъ, выпустилъ ее въ свѣтъ. Эта огромная поэма, состоящая изъ 12 пѣсней, посвящена прославленію похода царя Іоанна на Казань; въ разрушеніи этого города Х., спутавшій Казанскихъ татаръ съ Золотою ордою, видѣлъ освобожденіе Россіи отъ Монгольскаго ига. Въ томъ же 1779 г. вышло первое изданіе сочиненій Хераскова, и онъ сталъ сочинять другую поэму, которую и выпустилъ въ свѣтъ въ 1785 г. Эта поэма, состоящая изъ 18 пѣсней, носитъ названіе «Владиміръ Возрожденный»; въ ней Х. прославилъ крещеніе Руси. Увлеченіе масонствомъ замѣтно отразилось на этой поэмѣ; на ней лежитъ отпечатокъ мистицизма. Въ 1787 г., ко дню 25-лѣтія царствованія Екатерины, онъ сочинилъ прологъ съ хорами «Счастливая Россія или 25-лѣтній юбелей» и выпустилъ въ свѣтъ второе изданіе своихъ сочиненій, а черезъ 2 года издалъ романъ въ 2 частяхъ «Кадмъ и Гармонія». Въ 1791 г. онъ передѣлалъ своего «Владиміра», прибавивъ къ нему еще 10 новыхъ пѣсней. Въ это время Х. находился въ апогеѣ своей славы; понятно поэтому, какъ сильно должна была обезкуражить его совершенная неудача переведенныхъ имъ трагедій Корнеля «Цидъ» и Вольтера «Юліанъ Отступникъ»; онѣ не имѣли никакого успѣха. Подъ вліяніемъ этой неудачи Х. на нѣсколько лѣтъ даже отказался отъ литературной дѣятельности, но привычка взяла свое, и въ 1793 г. онъ издалъ «Оду на случай присоединенія къ Россійской Имперіи отъ Польши областей», въ слѣдующемъ — продолженіе романа «Кадмъ»—«Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи», въ 3 частяхъ, а въ 1795 г. сочинилъ поэму «Пилигриммы или искатели счастія», въ 6 пѣсняхъ. Въ 1796 г. Х. сталъ готовить третье изданіе своихъ сочиненій въ 14 частяхъ, дополненное драмами: «Школа добродѣтели», въ 5 дѣйствіяхъ, и «Извинительная ревность», въ 3 дѣйствіяхъ. Съ воцареніемъ императора Павла Х. сочинилъ новую трагедію «Освобожденная Москва» въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ; она была разыграна впервые на

московской сценѣ 18 января 1798 г. и имѣла большой успѣхъ. Очень понравилась она и императору. Въ 1800 г. Х. издалъ новую поэму: «Царь или спасенный Новгородъ», въ 1801 г. привѣтствовалъ одой новаго императора, а черезъ два года издалъ послѣднее свое произведеніе, поэму «Бахаріана или Неизвѣстный», содержаніе которой почерпнуто изъ русскихъ сказокъ и поэмы Тассо «Освобожденный Іерусалимъ». Посмертнымъ произведеніемъ Хераскова была трагедія: «Раздѣленная Россія или Зарецда и Ростиславъ», увѣнчанная академической преміей.

За все время своей литературной дѣятельности Х. сотрудничалъ въ слѣдующихъ журналахъ: въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ», «Полезномъ Увеселеніи», «Свободныхъ Часахъ», «Опытѣ трудовъ Вольн. Росс. Собранія», «Музыкальныхъ Увеселеніяхъ», «Собраніи Новостей», «Вечерахъ», «Собесѣдникѣ любит. Росс. Слов.», «Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ», «Россійск. Ѳеатрѣ», «Московскомъ Журналѣ» и «Аонидахъ».

Сочиненія Хераскова выдержали 3 изданія: 1-ое было въ 1779 г., 2-ое — въ 1787 (12 ч.) и 3-е, въ 14 частяхъ, — въ 1796 г. Но огромное число произведеній не вошло въ эти изданія; ихъ надо искать въ различныхъ современныхъ журналахъ. Приведенныя изданія сочиненій, особенно второе, въ высшей степени плохи; каждый экземпляръ его составлялся московскимъ книгопродавцемъ и типографщикомъ Пономаревымъ по его произволу: выбиралось то или другое сочиненіе, появившееся сперва отдѣльнымъ изданіемъ, къ нему прикленвался общій заглавный листъ, а иногда и не прикленвался вовсе, и такимъ образомъ сколачивались 12 требуемыхъ томовъ. Вслѣдствіе этого одинъ экземпляръ сочиненій Хераскова не имѣетъ ничего схожаго съ другимъ того же изданія!

Уже изъ одного перечня литературныхъ произведеній Хераскова видно, насколько разнообразна и плодовита была его дѣятельность. Оды, басни, эпиграммы, пѣсни, поэмы, трагедіи, комедіи, оперы, слезныя драмы, сказки и повѣсти, — во всѣхъ этихъ видахъ по многу разъ перепробовалъ Х. свои силы, но двѣ эпопеи, какъ извѣстно, особенно прославили его, какъ «Россійскаго Гомера». Происхожденіе этой славы совершенно ясно. Въ то время зарожденія изящной русской литературы и пробужденія въ Россіи національнаго самосознанія у насъ явилось вполнѣ понятное желаніе догнать Европу хотя бы въ томъ, въ чемъ это сдѣлать казалось нетруднымъ, именно въ литературѣ. На Западѣ въ это время господствовало увлеченіе классицизмомъ; поэты древности, иногда плохо понимаемые, служили предметомъ подражанія; ихъ имена давались въ качествѣ почетныхъ прозвищъ писателямъ наиболѣе отличившимся. Подражая Западу, и мы завели своихъ «Россійскихъ Пиндаровъ, Горацієвъ, Гомеровъ и даже Расиновъ и Стерновъ». Вакансіи эти пополнялись безъ особаго труда, такъ какъ и конкурренговъ на нихъ было у насъ еще очень мало, да и людей, судившихъ писателей, было тоже не много. Поэтому сколько нибудь выдающійся по трудолюбію или таланту авторъ легко становился «классическимъ», и положеніе его въ глазахъ всѣхъ дѣлалось чуть ли не офиціальнымъ; прозвище-же, состоявшее изъ имени какого нибудь извѣстнаго писателя, становилось иногда чѣмъ то въ родѣ его званія, порою замѣняло даже его фамилію. Херасковъ занялъ именно такое «офиціальное» положеніе «Россійскаго Гомера». Его прославили эпопеи не потому, что эти произведенія особенно выдаются изъ ряда другихъ его твореній по своимъ достоинствамъ, но потому, что до нихъ мѣсто «Гомера» въ нашей литературѣ оставалось еще вакантнымъ. Подобнаго рода отношеніе къ писателю ставило его въ очень фальшивое положеніе, что и видно хотя-бы изъ отношеній современниковъ къ Хераскову. Въ печати говорятъ о немъ не иначе какъ съ восторженными восклицаніями, но попытки дать «Россіадѣ» серьезную критическую оцѣнку оказались неудачными. Новиковъ съ друзьями нѣсколько разъ собирались для этого; они «писали, чертили, переправляли и, наконецъ, при всемъ своемъ усердіи сознались въ своемъ безсиліи». Просвѣщеннѣйшіе люди не совладали съ Россіадой, и въ этомъ сказалась безпомощность нашей тогдашней критики. Между писателемъ и обществомъ не было еще органической связи. Критики осыпали похвалами творенія «Россійскаго Гомера», и публика довольствовалась этими хва-

лебными отзывами, вѣрила, что у насъ есть «Гомеръ», но произведеній его или не читала, или не понимала. Мерзляковъ прямо говоритъ, что «большая часть русскихъ знаютъ только по имени ту и другую поэму», а И. И. Дмитріевъ въ своихъ воспоминаніяхъ заявляетъ, что тогдашніе «корифеи русской литературы» мало занимали публику; что касается Хераскова, то «его въ зрѣлыхъ лѣтахъ читали только просвѣщеннѣйшіе изъ нашего дворянства». Къ такимъ «просвѣщеннѣйшимъ» знатокамъ литературы, которые даже затверживали стихи Хераскова наизусть, относится, между прочимъ, С. Н. Маринъ, по словамъ Батюшкова, «большой поклонникъ Хераскова»; знаемъ мы также про «ученую дѣвицу» Турчанинову, которая передъ Вигелемъ, еще ребенкомъ, «хвалилась любовью и покровительствомъ стараго Хераскова» и заставляла Вигеля читать «Россіаду». Жуковскій еще ребенкомъ читалъ «Россіаду» по настоянію родственниковъ, очень цѣнившихъ Хераскова. Но такихъ искреннихъ поклонниковъ у Хераскова было не много. Большинство же, говоря о немъ, отдѣлывалось обыкновенно самыми общими хвалебными фразами, обличая часто незнакомство съ его произведеніями. Печатныя восхваленія доходили порою до нелѣпости. Но, если «Россійскаго Гомера» офиціально и осыпали комплиментами, то исподтишка трунили надъ нимъ иногда довольно зло: въ этомъ и сказалась фальшь его «офиціальнаго» положенія. По поводу изображенія летящаго Пегаса, которымъ были украшены стихотворенія Хераскова, Фонвизинъ замѣтилъ, что «Пегасу надобно покрѣпче сѣдока: онъ на себѣ терпѣть не можетъ дурака». Хемницеръ въ своей «Памятной книжкѣ» прямо называетъ сочиненія Хераскова «дурными». Державинъ, сочинитель посланія «Къ портрету Хераскова», часто трунитъ надъ нимъ въ эпиграммахъ. Карамзинъ въ письмахъ къ И. И. Дмитріеву по поводу одного удачнаго замѣчанія Хераскова съ нѣкоторымъ удивленіемъ замѣчаетъ, что увѣрился «въ хорошемъ вкусѣ Хераскова». Особенно ясно сказалась двойственность въ отношеніи къ Хераскову Батюшкова. Называя Хераскова «честью и славой Россовъ», торжественно заявляя въ своей «Рѣчи о вліяніи легкой поэзіи»: «Творецъ Россіады посѣщалъ сіи мирныя убѣжища (университетъ), онъ славу писателя соединялъ съ другою славою..., славой покровителя наукъ», Батюшковъ о Россіадѣ отзывается такъ: «я не знаю скучнѣе и холоднѣе поэмы. Она вяла, утомительна, въ слогѣ виденъ и недостатокъ мыслей, чувствъ и вездѣ какая то дрожь. А планъ..., стыдно и говорить о немъ»... Такимъ образомъ искреннее мнѣніе почти всѣхъ лучшихъ писателей того времени о Херасковѣ не выгодно для него. Наконецъ, уже въ 1815 г. появилась въ печати безпощадная, даже несправедливая критика твореній Хераскова, сдѣланная въ «Современномъ Наблюдателѣ россійской словесности» Строевымъ. Все это вмѣстѣ взятое указываетъ, что Х. очень скоро сдѣлался достояніемъ исторіи. Современники злорадно развѣнчали его и очень немногіе изъ нихъ смогли оцѣнить его значеніе безпристрастно. Къ такимъ цѣнителямъ Хераскова слѣдуетъ отнести И. И. Дмитріева: «Образцами моими, говоритъ онъ, были Сумароковъ и Херасковъ. Но впослѣдствіи я уже предпочиталъ ему Хераскова, находя въ стихахъ его болѣе мыслей и стихотворныхъ украшеній. Молодые наши словесники судятъ о его талантѣ по настоящему ходу общей литературы, забывая, что онъ писалъ за 50 лѣтъ до нихъ. Конечно, современникамъ до нѣкоторой степени простительно не понимать историческаго значенія писателя, но историкъ долженъ признать, что Херасковъ честно и добросовѣстно поработалъ на писательскомъ поприщѣ, и исторія нашей литературы должна быть благодарна ему за многое».

Х. первый обратилъ особое вниманіе на изящество стиха. Конечно, невыработанность языка помѣшала ему достигнуть въ свое время большихъ результатовъ, но для историка важно уже, что онъ ясно сознавалъ необходимость заботиться о качествахъ стиха и старался вліять въ этомъ смыслѣ на литературную молодежь. Батюшковъ совсѣмъ несправедливо вышутилъ за это Хераскова: «Покойникъ Херасковъ, говоритъ онъ въ одномъ письмѣ, сей водяной Гомеръ, любилъ давать совѣты молодымъ стихотворцамъ и, прощаясь съ ними, всегда говорилъ, приподнявъ колпакъ: «чистите, ради Бога, чистите! Въ этомъ вся и сила, чистите! О, чистите, какъ можно болѣе чистите, су-

дарь! Чистите, чистите, чистите!» Между тѣмъ, потѣшаясь надъ Херасковымъ за его заботы о чистотѣ стиха, тотъ же Батюшковъ, вообще не доброжелательный къ творцу Россіады, не можетъ отказать ему въ красотѣ нѣкоторыхъ его стиховъ. Онъ самъ признаетъ, что «Рѣчь его (Магомета) достойна эпопеи и напоминаетъ замашку самого Тассо». Эта выработанность формы ставила Хераскова головой выше современныхъ ему писателей; чистота и гладкость его стиха — достоинство его твореній общепризнанное; самъ Державинъ нѣсколько разъ совершенно серьезно говоритъ объ этомъ, какъ о чемъ то несомнѣнномъ. Относясь строго къ себѣ, Х. старался, какъ мы видѣли, развить эту строгость и у молодыхъ писателей. Воспитательное значеніе Хераскова — вторая несомнѣнная заслуга его для исторіи нашей литературы. Три поколѣнія литературныхъ дѣятелей испытали на себѣ его вліяніе: Богдановичъ, Державинъ и Фонвизинъ, Дмитріевъ и Карамзинъ, Мерзляковъ и Жуковскій,— вотъ наиболѣе извѣстные изъ его учениковъ. Большинство изъ нихъ оказалось гораздо талантливѣе своего учителя, но всѣ они несомнѣнно должны быть благодарны ему за поддержку въ ранней юности. На молодежь онъ оказывалъ большое воздѣйствіе не столько своимъ литературнымъ талантомъ, сколько нравственной высотой своего духа. Онъ былъ идеалистъ и свой идеализмъ внесъ въ литературную дѣятельность; въ этомъ его третья заслуга. Для молодого общества это имѣло большое значеніе. Кромѣ того, слабо очерченные идеальные герои его эпопей служатъ связующимъ звеномъ между героями трагедій Сумарокова и героями сентиментальнаго романа. Въ этомъ отношеніи онъ является прямымъ предшественникомъ Карамзина. Наконецъ, четвертая заслуга Хераскова, особенно въ виду его близости къ молодежи, заключается въ томъ, что онъ не тормозилъ хода русской литературы. Онъ не былъ никогда литературнымъ старовѣромъ. Благодаря изумительной свѣжести духа, онъ до конца дней остался свободнымъ отъ предразсудковъ. Онъ не старѣлъ духомъ, не костенѣлъ въ разъ отлившихся формахъ, онъ «жилъ» до глубокой старости интересами молодежи и всѣми силами старался не отстать отъ времени и своихъ учениковъ, а потому никогда не осуждалъ литературныхъ новшествъ. Отъ псевдоклассическихъ трагедій онъ легко перешелъ къ слезнымъ драмамъ, столь ненавистнымъ Сумарокову, а отъ драмъ къ нравоучительнымъ романамъ, въ которыхъ уже просвѣчивалъ сентиментализмъ. Онъ горячее участіе принималъ въ предпріятіяхъ молодежи, даже тогда, когда эти предпріятія другимъ казались не стоющими поддержки. До насъ дошло извѣстіе, что «къ журналу Карамзина его друзья отнеслись скептически и удивлялись, что солидный Х обѣщалъ свое сотрудничество легкомысленному предпріятію». До глубокой старости онъ слѣдилъ за иностранной литературой, и Дмитріевъ передаетъ намъ въ своихъ воспоминаніяхъ глубоко трогательный эпизодъ, подтверждающій сказанное о свѣжести духа Хераскова. «Я заставалъ его, говоритъ Дмитріевъ, почти всегда за книгою. Однажды нашелъ его читающимъ Лагарпова «Лицей, или курсъ литературы». Первыя его слова были ко мнѣ: «не такъ бы я писалъ мои трагедіи, если бы сорокью годами прежде прочиталъ эту книгу! Надобно было видѣть разрушеніе во всѣхъ чертахъ лица и во всемъ составѣ, слышать дрожащій голосъ его, чтобы понять, какъ въ эту минуту онъ меня тронулъ». Много нужно силы духа старику, въ особенности въ положеніи Хераскова, чтобы передъ молодымъ сравнительно человѣкомъ поставить крестъ на той дѣятельности, на которой основывалась вся его былая слава и почетъ! Х. оправдалъ жизнью и дѣятельностью свою любимую поговорку: «человѣкъ можетъ состариться, а сердце его состарѣться не можетъ!»

С. П. Шевыревъ: «Истор. Московск. универс.— Лонгиновъ: «Новиковъ и Московскіе мартинисты», М. 1862. — Незеленовъ: «Литерат. направл. въ Екатерининск. эпоху». — Кн. Долгорукій: «Капище моего сердца». — Макаровъ: «Воспомин. о Херасковѣ, какъ драмат. писат.» («Репертуаръ и Пантеонъ» 1845 г., т. 9).—«Записки» Лопухина.—М. Дмитріевъ: «Мелочи изъ запаса моей памяти», М. 1869.—И. Дмитріевъ: «Взглядъ на мою жизнь».— «Записки» С. Н Глинки, («Русск. Вѣстн.» 1865 г., № 7).—«Воспоминанія» Вигеля, М. 1864—1866.— «Записки» Болотова, Спб. 1871—1873.—Митроп. Евгеній: «Словарь свѣтск. писат.»—Сочиненія Державина (академич. изд.).—«Русск. Стар.», томы I, V, VIII, IX, XXII, XXIV, XXXIV, XLI.—«Русск. Арх.» 1863—66, 1870, 1871, 1874, 1877—79, 1881, 1885 гг.—Сборн. 2-го Отдѣл. Имп. Акад. Н., тт. V, VII, XI, XXX, XXXI, XXXVII.—«Истор. Вѣстн.», т. IX и X.—«Библіогр. Зап.», I, II, III.—«Сбор-

ник Имп. Русск. Ист. Общ.», т. 42. — «Архивъ кн. Воронцова», т. IV.—«Моск. Курьеръ», ч. I.—«Русск. Вѣсти.» 1808 г., ч. I.—«Труды Общ. любителей росс. слова», 1812, ч. I.—«Пріятн. и полезн. препровожд. времени» 1797 г., ч. XIII.—«Вѣсти. Евр.» 1815 г.—«Кабинетъ Аспазіи» 1815 г., кн. VI. — «Соврем. Наблюдат. росс. слов.», 1815, ч. I и II.—А. П. Неустроевъ: «Указатель къ русск. повременн. изданіямъ и сборникамъ за 1703 — 1802 гг.», Спб. 1898.

В. Сиповскій.

Хергозерскій, *Алексѣй Никитичъ*, преподаватель Вологодской духовной семинаріи, род. въ 1812 г., ум. 26 февраля 1891 г. Сынъ причетника Олонецкой епархіи, онъ въ той же епархіи получилъ низшее и среднее образованіе и въ 1835 г. поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1839 г. со степенью кандидата богословія. Еще на студенческой скамьѣ Х., подъ вліяніемъ лекцій знаменитаго профессора еврейскаго языка и его словесности протоіерея Г. П. Павскаго († 1863), болѣе всѣхъ наукъ полюбилъ священное писаніе и былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ этого профессора по переводу священныхъ книгъ Ветхаго завѣта съ еврейскаго на русскій языкъ. Получивъ въ 1839 г. по окончаніи академическаго курса назначеніе на должность преподавателя церковной исторіи и священнаго писанія въ Вологодской духовной семинаріи, Х. всею душею предался особенно послѣднему предмету и, оставаясь во все дальнѣйшее время своей служебной дѣятельности въ той же семинаріи, при чемъ, кромѣ преподавательской службы, исполнялъ въ разное время и многія побочныя обязанности и порученія, настолько основательно освоился съ этимъ предметомъ и такъ хорошо, дѣльно и увлекательно преподавалъ его, что и послѣ преобразованія семинаріи въ 1869 г. по ревизіи найденъ былъ однимъ изъ наилучшихъ преподавателей священнаго писанія. Обозрѣвавшій Вологодскую семинарію въ 1869 г. членъ-ревизоръ учебнаго комитета при Св. Синодѣ С. В. Керскій далъ о немъ такой отзывъ: «изъ неоднократныхъ посѣщеній классовъ св. писанія я вынесъ убѣжденіе, что г. Хергозерскій можетъ быть названъ полнымъ хозяиномъ своего дѣла; что при глубокомъ, основательномъ и всестороннемъ знаніи предмета онъ въ состояніи безъ всякаго приготовленія предлагать самыя подробныя и обстоятельныя объясненія на любое мѣсто Писанія. Безъ всякаго затрудненія онъ цитируетъ на память греческія и латинскія выдержки изъ отеческихъ твореній, тутъ же переводимыя имъ на русскій языкъ, также мѣста изъ православныхъ и западныхъ экзегетовъ, а иногда даже изъ Талмуда и сочиненій ученыхъ раввиновъ, и, гдѣ нужно, приводитъ подлинныя слова еврейскаго текста, или греческаго перевода седмидесятн. Проникнутыя огнемъ одушевленія и любви къ наукѣ объясненія его слушаются воспитанниками съ живѣйшимъ сочувственнымъ вниманіемъ и безъ сомнѣнія должны неотразимо вліять столько же на научное ихъ развитіе, сколько на развитіе и укрѣпленіе въ нихъ нравственно - религіознаго направленія». Подобный же отзывъ данъ былъ въ 1872 г. и другимъ ревизоромъ (С. И. М—нымъ). Х. оставался на службѣ до 1881 г., когда, по выслугѣ свыше сорокалѣтняго срока, вышелъ въ отставку и до смерти жилъ въ Вологдѣ же частнымъ человѣкомъ въ тихомъ семейномъ кругу, получивъ всѣ возможныя въ его положеніи отличія и награды, воспитавъ сотни учениковъ и пользуясь общимъ глубокимъ уваженіемъ и любовью, какъ честный, безкорыстный труженикъ, хорошій человѣкъ и истинный христіанинъ. Не обладая достаточными денежными средствами, Х. не могъ издавать плоды своихъ кабинетныхъ работъ надъ любимымъ научнымъ предметомъ, отголосками которыхъ служили его классные уроки. Въ рукописномъ видѣ остались его записки едва не на всѣ книги священнаго писанія Ветхаго и Новаго завѣта и особо обработанныя статьи по разнымъ предметамъ въ области той же науки. Но въ печати появились только двѣ довольно большія по объему книги трудовъ его по сему предмету: «Исагогика, или введеніе въ книги священнаго писанія Новаго завѣта», Спб. 1860, и «Обозрѣніе пророческихъ книгъ Ветхаго завѣта», Спб. 1873. Первая изъ этихъ книгъ, предназначенныхъ въ учебники для духовныхъ семинарій, по своему времени представляла совершенную новинку въ области богословской учебной литературы и скоро разошлась въ продажѣ; а вторую, не смотря на появившіяся уже въ то время нѣкоторые другіе труды подобнаго рода, Учебный комитетъ

при Св. Синодѣ удостоилъ преміи и призналъ нужнымъ ввести ее въ качествѣ учебника въ духовныя семинаріи.

«Вологодск. Епарх. Вѣдом.» 1891 г., № 6. — «Церковныя Вѣдом.», издав. при Св. Синодѣ, за 1891 г., № 26.—«Сборникъ отзывовъ Учебнаго комитета при Св. Синодѣ о сочиненіяхъ, одобренныхъ для учебныхъ заведеній духовнаго и другихъ вѣдомствъ», Спб. 1877, стран. 2 и 136—146.

Ив. Корсунскій.

Херсонскій, *Василій Васильевичъ*, профессоръ Московской духовной академіи, сынъ священника Московской епархіи, род. въ 1789 г., ум. 7 октября 1830 г. Въ 1798 г. поступилъ въ Московскую Перервинскую духовную семинарію и, прошедши въ ней курсъ до риторики, въ 1806 г. перешелъ въ Московскую Славяно-греко-латинскую академію, а въ 1808 г. поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію и въ ней въ 1814 г. получилъ степень магистра богословія и въ томъ же году былъ назначенъ на должность баккалавра по классу всеобщей гражданской исторіи во вновь открытую тогда Московскую духовную академію, въ которой вмѣстѣ съ тѣмъ вскорѣ занялъ должность и секретаря правленія, а въ 1818 г., по открытіи конференціи академіи, и конференцъ-секретаря. Уже въ 1815 г. ревизовавшій Московскую духовную академію архимандритъ Филаретъ (Дроздовъ), впослѣдствіи знаменитый митрополитъ Московскій, нашелъ Херсонскаго «очень способнымъ и прилежнымъ», а въ 1818 г., вновь посѣтивъ Московскую академію въ санѣ епископа Ревельскаго, далъ о немъ такой отзывъ: «отлично способенъ, прилеженъ и успѣшенъ въ должности и въ поведеніи благоустроенъ. Нѣкоторый недостатокъ въ чувствѣ слуха принуждаетъ его отказаться отъ духовнаго званія; но ученую службу продолжать онъ и желаетъ и можетъ. По должности секретаря, также не легкой, также исправенъ». Слѣдствіемъ такого отзыва и ходатайства ревизора предъ высшимъ духовнымъ начальствомъ было то, что Х. въ 1818 г. былъ возведенъ въ званіе ординарнаго профессора. Особеннымъ достоинствомъ Херсонскаго въ преподаваніи исторіи, по отзыву ревизора, было то, что онъ вводилъ въ это преподаваніе философско-историческое направленіе. Замѣченный ревизоромъ недостатокъ въ «чувствѣ слуха», съ лѣтами все болѣе и болѣе усиливавшійся, побудилъ Херсонскаго въ 1822 г. отказаться и отъ профессорской должности (должность секретаря онъ оставилъ еще въ 1820 г.). По выходѣ изъ академіи Х. поступилъ въ составъ Коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ при Московскомъ архивѣ государственной коллегіи (нынѣ министерства) иностранныхъ дѣлъ, директоромъ котораго въ то время состоялъ А. Ѳ. Малиновскій. Съ согласія и утвержденія государственнаго канцлера графа Н. П. Румянцева, Х. по прошенію былъ опредѣленъ въ 1820 г. въ означенную коммисію контръ-корректоромъ на мѣсто извѣстнаго археолога К. Ѳ. Калайдовича. Въ 1824 г. Х. опредѣленъ былъ и на государственную службу при томъ же архивѣ и много потрудился при изданіи IV-го и отчасти V-го томовъ «Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ». Въ этой должности онъ оставался до конца своей жизни. Уже философско-историческое направленіе, данное Херсонскимъ предмету своей каѳедры, показывало, что онъ не чуждъ былъ того мистическаго направленія, которое было господствующимъ въ его время и которое яснѣе всего выразилось въ единственномъ печатномъ трудѣ, вышедшемъ изъ-подъ его пера, подъ заглавіемъ: «Возношеніе души къ Богу, или благочестивыя размышленія человѣка-христіанина, пособствующія къ ежедневному испытанію и назиданію самаго себя. Переложено съ иностраннаго В. Херсонскимъ». Москва, 1825. Это — переводъ сочиненія извѣстнаго нѣмецкаго проповѣдника Г. І. Цолликофера, и переводъ для своего времени очень хорошій.

С. К. Смирновъ: «Исторія Московской духовной академіи», стран. 128, 183 и 396. М., 1879. «Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митроп. Московскаго», издан. архіепископ. Саввою, т. I, стр. 41, 45, 52, 62, 299, 444, 449; т. II, стр. 50, 54. Спб. 1885.—«Очеркъ дѣятельности Коммиссіи печат. грамотъ и договоровъ, состоящей при Моск. Главномъ архивѣ минист. иностр. дѣлъ», стр. 18—22. Москва, 1877.—Архивные матеріалы изъ дѣлъ правленія и конференціи Московской духовной академіи и Московскаго Главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

Ив. Корсунскій.

Хилковы, древній княжескій родъ, ведущій свое начало отъ удѣльныхъ князей Стародубскихъ. Въ родословной послѣднихъ показано, что потомокъ великаго князя Владиміра Святославича, кре-

стившаго Русскую землю, кн. Иванъ Всеволодовичъ въ 1238 г. получилъ отъ брата своего великаго князя Ярослава Всеволодовича въ удѣлъ Стародубъ, и отъ него пошли князья Стародубскіе; тѣ изъ рода князей Стародубскихъ, которые впослѣдствіи владѣли Ряполовскою волостью, приняли названіе князей Ряполовскихъ. Князья Ряполовскіе въ XVI вѣкѣ неизвѣстно почему перемѣнили свою фамилію и стали писаться: старшая вѣтвь—князьями Хилковыми, а младшая — князьями Татевыми. Родоначальникомъ князей Хилковыхъ былъ правнукъ князя Ивана Андреевича Ряполовскаго (Наговицы) — князь Иванъ Ѳедоровичъ Хилокъ. Въ отечественной исторіи родъ кн. Хилковыхъ игралъ довольно видную роль. При царѣ Алексѣѣ Михаловичѣ было 16 знатнѣйшихъ родовъ, члены которыхъ поступали прямо въ бояре, минуя чинъ окольничаго; въ числѣ ихъ находился и родъ князей Хилковыхъ.

Хилковъ, князь, *Андрей Васильевичъ*, бояринъ и воевода, намѣстникъ Рязанскій, род. въ пятидесятыхъ годахъ XVI в., ум. въ Москвѣ въ декабрѣ 1644 г. Съ 1601 по 1605 г. состоялъ первымъ воеводою въ Ельцѣ, затѣмъ былъ отправленъ на воеводство въ Веневъ. Здѣсь во время борьбы съ измѣнникомъ Болотниковымъ кн. Х. въ 1607 г. былъ разбитъ и поспѣшно отступилъ въ Каширу; но вскорѣ, соединившись тамъ съ кн. Михаиломъ Долгорукимъ, двинулся къ Серебрянымъ Прудамъ, разбилъ скопища бунтовщиковъ и взялъ въ плѣнъ ихъ двухъ начальниковъ, кн. Ив. Мосальскаго и литвина Старовскаго, но на обратномъ пути близъ г. Дѣдилова снова натолкнулся на сильныя дружины бунтовщиковъ подъ начальствомъ Телятевскаго и, потерпѣвъ вторичное пораженіе, въ безпорядкѣ отступилъ въ Каширу. Съ 1618 по 1624 г. былъ первымъ воеводою сперва на Двинѣ, а потомъ во Псковѣ. Въ 1826 г. кн. Х. былъ пожалованъ въ бояре и опредѣленъ первымъ судьею въ Судно-патріаршемъ приказѣ. Во второе бракосочетаніе царя съ Евдокіею Лукьяновною Стрешневою, 5 февр. 1626 г., вторымъ ходилъ предъ государемъ. Съ этого времени начинается близость ко двору кн. Хилкова, сдѣлавшагося любимцемъ царя. Михаилъ Ѳеодоровичъ часто приглашалъ его къ столу и во время своихъ отлучекъ по окрестнымъ монастырямъ оставлялъ его «вѣдать Москву». Въ 1631 г. кн. Х. велъ переговоры съ датскимъ посломъ, а въ слѣдующемъ году съ гольштинскимъ и за успѣшное окончаніе ихъ возведенъ въ званіе намѣстника Черниговскаго и опредѣленъ первымъ судьею на Патріарховомъ дворѣ у духовныхъ дѣлъ. 19 марта 1635 г., при заключеніи мирнаго договора съ польскими послами, кн. Х. находился въ Грановитой палатѣ, держалъ крестъ на головѣ и подносилъ его царю цѣловать въ присутствіи пословъ. Съ 1636 г. былъ первымъ судьею въ Ямскомъ приказѣ; возведенный въ томъ же году въ намѣстники Рязанскіе, онъ велъ переговоры съ польскимъ посломъ. Въ 1638 г. ему было поручено строеніе земляного вала за Москвой рѣкой отъ Яузскаго устья по Чертольскую башню. Въ августѣ 1639 г. онъ велъ переговоры съ крымскими послами, а затѣмъ былъ назначенъ первымъ воеводою въ Новгородѣ. Наконецъ, съ 1643 г. до самой смерти состоялъ первымъ судьею Судно-Московскаго приказа.

«Сокращ. Опис. служебъ благ. Росс. дворянъ», М., 1810, ч. II, степень 21-я, № 3244, стр. 98—100.—Карамзинъ: «Ист. Госуд. Росс.» т. XII, стр. 51—52 и примѣчанія 105, 114 и 116.

Л. Вейнберъ.

Хилковъ, князь, *Андрей Яковлевичъ*, русскій резидентъ въ Швеціи, ум. въ 1718 г. Въ 1697 г. кн. Х., въ званіи комнатнаго стольника, былъ отправленъ въ числѣ другихъ стольниковъ въ Италію для изученія мореходства и кораблестроенія. Вскорѣ по возвращеніи въ Россію онъ въ іюнѣ 1700 г. былъ посланъ резидентомъ въ Швецію, при чемъ ему поручено было извѣстить короля Карла XII о скоромъ прибытіи великихъ пословъ (боярина кн. Я. Долгорукаго и окольничаго кн. Ѳ. Шаховскаго) для торжественнаго подтвержденія мирныхъ договоровъ съ Швеціей. Петръ Великій назначилъ резидента въ Стокгольмъ, исключительно съ цѣлью усыпить бдительность шведскаго правительства и скрыть отъ него свои приготовленія къ войнѣ съ Швеціей, которую онъ рѣшилъ начать немедленно по заключеніи мира съ Турціей. Не заставъ короля въ Стокгольмѣ кн. Х. послѣдовалъ за нимъ къ берегамъ Даніи и здѣсь 19 августа 1700 г. на королевской яхтѣ передалъ Карлу XII грамоты и сказалъ, по

наказу, рѣчь на итальянскомъ языкѣ, которому научился во время своей учебной поѣздки въ Италію. На отвѣтной аудіенціи 30 августа король объявилъ, что царская грамота ему «зѣло пріятственна», и что онъ признаетъ кн. Хилкова резидентомъ при своемъ дворѣ. Между тѣмъ въ тѣ самые дни, 19 августа, въ Москвѣ объявлена была война съ Швеціей «за многія свейскія неправды», и ратнымъ людямъ велѣно было идти на свейскія города войною. Какъ только, мѣсяцъ спустя, объ этомъ узнали въ Швеціи, русскій резидентъ былъ арестованъ, имущество его было опечатано и къ дому приставили караулъ; кн. Х. не протестовалъ, заявивъ шведскому церемоніймейстеру: «что хотятъ, то въ своемъ государствѣ чинятъ». Шведское правительство объявило кн. Хилкову, что оно согласно размѣнять его на шведскаго резидента въ Москвѣ Книпера, но впослѣдствіи отказалось отъ этого, и кн. Хилкову пришлось прожить въ плѣну 15 лѣтъ и умереть на чужбинѣ. Шведы очень сурово обращались какъ съ кн. Хилковымъ, такъ и съ попавшими позднѣе въ ихъ руки военноплѣнными русскими генералами и офицерами. кн. Х. сообщалъ императору Петру въ 1703 г.: «лучше быть въ плѣну у турокъ, чѣмъ у шведовъ: здѣсь русскихъ ставятъ ни во что, ругаютъ и безчестятъ; караулъ у меня и у генераловъ внутри; кто пойдетъ ради нужды, караульщикъ всегда при немъ съ заряженнымъ мушкетомъ; купцовъ нашихъ замучили тяжкими работами, несмотря на всѣ мои представленія». Въ 1711 г. состоялся размѣнъ большей части военноплѣнныхъ; но кн. Х. остался въ Швеціи. Въ 1713 г. его перевели изъ Стокгольма въ Вестеросъ; «въ нынѣшнее время, писалъ онъ государю, я, неключимый рабъ, никакой службы Вашему Величеству служить не могу». Однако и изъ этого провинціальнаго городка онъ старался узнавать и сообщать Петру шведскія политическія новости. Въ одномъ изъ неизданныхъ его донесеній, хранящихся въ Государственномъ архивѣ, находимъ сообщеніе объ административной реформѣ въ Швеціи 1714 года: «Отъ короля здѣшняго пріѣхалъ не очень давно подполковникъ въ Стокгольмъ съ множествомъ фольмахтовъ на чины своимъ подданнымъ, межъ которыми пришли фольмахты на новый чинъ и службу, какая прежъ сего николи въ Свѣи не бывала: омбудсродъ—градусъ самый ближній къ боярину. Такихъ омбудсродовъ сдѣлано шесть: Justitiae, Вопискихъ дѣлъ, Большой казны, Торговыхъ дѣлъ, Первыхъ иностранныхъ дѣлъ, Нѣмецкихъ дѣлъ». Кн. Х. скончался въ Вестеросѣ въ 1718 г.; тѣло его привезено было въ Петербургъ и погребено въ Александро-Невскомъ монастырѣ 18 окт. 1719 г. Историкъ Миллеръ считалъ кн. Хилкова авторомъ «Ядра русской исторіи», но, какъ выяснено въ послѣднее время, этотъ обзоръ исторіи Россіи написанъ былъ состоявшимъ при Хилковѣ съ 1709 г. переводчикомъ посольскаго приказа Алексѣемъ Манкіевымъ.

Н. Устряловъ: «Ист. царств. Петра Вел.», т. II, стр. 566, т. III, стр. 377, т. IV, ч. I, стр. 2, 62—68, ч. II, стр. 160, 282, 356.—С. Соловьевъ: «Ист. Росс.», т. XIV, стр. 342.—Голиковъ: «Дѣянія Петра Вел.», изд. 2, т. II, стр. 14, 170, т. V, стр. 274.—Митр. Евгеній: «Слов. русс. свѣтскихъ писателей», т. II, стр. 237—239.—Государств. архивъ, Кабинетныя дѣла, отд. II, № 21, л. 527 (письмо 1714 г., ноября 11), № 6, л. 172, № 10, л. 193.—«Библіографъ» 1886 г., № 6—7.

Н. П.-С.

Хилковъ, князь, *Василій Дмитріевичъ*, боярин и воевода, намѣстникъ Путивльскій, ум. въ Москвѣ въ 1602 г. Вступилъ въ военную службу въ 1545 г. и участвовалъ въ Казанскомъ походѣ въ должности полкового головы государева полка; въ 1551 г. онъ уже былъ полковымъ судьею и въ этомъ званіи участвовалъ въ Полоцкомъ походѣ. Назначенный въ 1576 г. первымъ воеводою въ Данковѣ, онъ вскорѣ былъ оттуда переведенъ сперва первымъ головою при боярин и кн. Пронскомъ въ передовой полкъ, а затѣмъ воеводою сторожевого полка въ Коломну. Въ 1577 г. кн. Х. былъ командированъ въ Вотскую пятину для высылки на службу въ Лифляндію дворянъ и дѣтей боярскихъ; потомъ состоялъ первымъ головою при боярин и кн. Голицынѣ въ Колыванскомъ походѣ, а послѣ вторымъ воеводою большого полка въ Серпуховѣ и первымъ воеводою въ Тулѣ и Орлѣ. Когда въ 1579 г. открылась Ливонская война, кн. Х. былъ командированъ въ Лифляндію. Выступивъ въ должности перваго воеводы большого полка изъ Полоцка въ Курляндію, онъ во главѣ отряда въ 20000 всадниковъ переправился черезъ Западную Двину, разбилъ на голову нѣм-

цевъ и опустошилъ всю страну, за что царь Іоаннъ IV пожаловалъ ему «золотой корабельникъ». Однако счастье вскорѣ измѣнило кн. Хилкову: двинутый въ слѣдующемъ году на помощь войскамъ, защищавшимъ Торопецъ противъ поляковъ, онъ вступилъ въ неравный бой съ Стефаномъ Баторіемъ и потерпѣлъ пораженіе. Въ томъ же году ему было поручено охранять всю линію городовъ Пскова, Смоленска, Вязьмы и Холма отъ ожидавшагося движенія польскихъ войскъ. Близъ Холма онъ встрѣтился съ непріятелемъ и одержалъ надъ нимъ побѣду, за что былъ возведенъ въ намѣстники Путивля и назначенъ осадным воеводою этого пограничнаго тогда города. Въ теченіе времени съ 1583 по 1589 г. онъ послѣдовательно пробылъ воеводою въ Псковѣ, Гдовѣ, Тарусѣ и Алексинѣ, а съ 1590 по 1596 г. состоялъ первымъ воеводою въ Теркахъ. Вызванный въ Москву, онъ въ 1699 г. былъ пожалованъ въ окольничіе и отправленъ въ Тверь встрѣчать шведскаго королевича Густава, котораго онъ же представлялъ царю. Пожалованный въ 1602 г. въ бояре, онъ вскорѣ послѣ этого умеръ.

«Сокращ. Опис. служебъ благородн. Росс. дворянъ», М., 1810, ч. II, степень 20-я, № 3242, стр. 13, 96—97.—Карамзинъ: «Ист. Госуд. Россійскаго», т. IX, стр. 296, 313 и примѣчанія 38, 546.—«Русс. Ист. Сборникъ» (подъ редакц. Погодина), М., 1838, т. II, кн. 2, стр. 61—62, 66, 160, 184 и 320.—Петровъ: «Ист. родовъ Русск. дворянства», 1887, ч. I, стр. 148.

Л. Вейнберъ.

Хилковъ, князь, *Василій Ивановичъ*, боярин и воевода, род. въ Москвѣ въ 1614 г., ум. тамъ же 1 апр. 1677 г. Свою службу онъ началъ при дворѣ и въ сентябрѣ 1643 г. ѣздилъ «со столомъ отъ государя» къ турецкому послу, а 28 янв. 1644 г. былъ посланъ приглашать отъ имени царя датскаго королевича Вальдемара, прибывшаго въ Москву вмѣстѣ съ посольствомъ. Въ январѣ и февралѣ 1645 г. встрѣчалъ датскихъ и затѣмъ польскихъ пословъ. Пробывъ на воеводствѣ въ Рыльскѣ и Тулѣ съ 1646 до 1648 г., онъ былъ вызванъ въ Москву и въ бракосочетаніи царя Алексѣя Михайловича съ Маріею Ильиничною Милославскою (16—18 янв. 1848 г.) «чашничалъ вторымъ». Въ 1652 г. онъ былъ назначенъ первымъ воеводою въ Тобольскъ, гдѣ пробылъ 5 лѣтъ и много содѣйствовалъ подчиненію русскому скипетру остяковъ, калмыковъ и др. инородцевъ и водворенію въ странѣ порядка. Командированный 21 мая 1659 г. во Владиміръ встрѣчать прибывшаго въ Россію Грузинскаго царя Теймураза Давыдовича въ качествѣ перваго при немъ пристава, а въ декабрѣ того же года въ Сѣвскъ полковымъ воеводою и затѣмъ для осмотра Одоевскихъ засѣкъ, онъ по возвращеніи въ Москву и до конца своей жизни исправлялъ исключительно придворныя должности. Какъ человѣкъ и какъ государственный дѣятель, кн. Х. отличался безкорыстіемъ, сострадательностью и правдивостью. Въ бытность Тобольскимъ воеводою онъ оказывалъ покровительство ссыльнымъ и вообще нуждавшимся въ защитѣ. У него въ домѣ находилъ пріютъ и извѣстный протопопъ Аввакумъ. Заступаясь за обижаемыхъ остяковъ, онъ писалъ Березовскому воеводѣ Давыдову по поводу его безчеловѣчной расправы съ послѣдними: «Ты учинилъ не по государеву указу, что Березовскихъ лучшихъ остяковъ перевѣшалъ безъ вины, для своей бездѣльной корысти, норовя ворамъ, Березовскимъ ясачнымъ сборщикамъ»....

«Сокращ. Опис. служебъ благородн. Росс. дворянъ», М. 1810, ч. II, степень 22, № 3252, стр. 104—106.—С. М. Соловьевъ: «Ист. Росс. съ древнѣйшихъ временъ» (изд. тов. «Общ. Польза»), кн. III, стр. 578, 582, 790, 791.—Петровъ: «Ист. Родовъ русскаго дворянства», 1887, ч. I, стр. 149.—Кн. Долгоруковъ: «Русск. родослови. книга», ч. I, стр. 251.—«Сборникъ Русск. Ист. Общества», т. 93, стр. 424.

Л. Вейнберъ.

Хилковъ, князь, *Димитрій Ивановичъ*, боярин и воевода, прославившійся при осадѣ Казани, род. въ Москвѣ въ концѣ XV вѣка, умерщвленъ по приказанію Іоанна Грознаго въ 1564 г. Въ 1543 г. былъ полковымъ воеводою въ Гороховцѣ «за городомъ» и 1 марта 1544 г. назначенъ первымъ воеводою 6-го передового полка въ Казанскомъ походѣ. Послѣ этого онъ былъ полковымъ воеводою въ Рязани и Васильгородѣ. Въ 1549 г. участвовалъ въ Шведскомъ походѣ, а годъ спустя былъ посланъ подъ Казань строить туры и укрѣпленія и одновременно былъ назначенъ первымъ воеводою Мещеры. Въ 1551 г., когда Іоаннъ IV отправилъ Шихъ-Алея съ 500 знатныхъ казанцевъ и съ сильнымъ войскомъ къ устью р. Свіяги для устроенія укрѣпленнаго города, кн. Х., стоявъ-

шій съ войсками въ Мещерахъ, былъ командированъ сперва въ помощь Шихъ-Алею, а потомъ подъ Коломну для предупрежденія надвигавшихся крымскихъ полчищъ. Подъ Казанью онъ обнаружилъ недюжинныя военныя способности и отвагу. Такъ, однажды татары сдѣлали вылазку въ огромномъ числѣ. При быстромъ натискѣ мужественный кн. Шемякинъ, тяжело раненый, едва не потерялъ позиціи, но въ это время командовавшій всѣми передовыми отрядами кн. Х. быстро явился на помощь и «втопталъ» непріятеля въ крѣпость. Въ другой разъ, 28 іюля 1552 г., непріятель устремился густыми толпами на Арское поле, перебилъ стражу и кинулся на станъ передового полка. Командовавшій этимъ полкомъ кн. Х. оборонялся отчаянно и въ виду многочисленности противника съ трудомъ удержался на своемъ мѣстѣ; на другой день непріятель возобновилъ вылазку, но кн. Х. успѣлъ стянуть войска и нанесъ татарамъ жестокое пораженіе. При штурмѣ города ему велѣно было первымъ ударить въ Кабанкія ворота. Съ 1552 по 1556 г. кн. Х. послѣдовательно былъ воеводою въ Свіяжскѣ, Коломнѣ, Тулѣ, Казани, Каширѣ, Рославлѣ и, наконецъ, снова въ Казани, куда былъ командированъ для подавленія вспыхнувшаго мятежа; за успѣшное исполненіе порученія онъ былъ пожалованъ въ бояре. Съ 1557 кн. Х. былъ послѣдовательно воеводою въ Воротынскѣ, Коломнѣ, Чебоксарахъ, Тулѣ и въ Юрьевѣ Ливонскомъ. Изъ Юрьева былъ отправленъ первымъ воеводою сторожевого полка противъ литовцевъ къ г. Тарвасу, но здѣсь за что-то подвергся гнѣву Іоанна IV и былъ убитъ въ 1564 г.

«Сокращенное Опис. службъ благ. росс. дворянъ», М., 1810, ч. II, степень 19, № 3241, стр. 95—96.— «Русскій Ист. Сборникъ» (ред. Погодина), т. II, кн. 2, стр. 64, 65, 276, 328. — Кн. Долгоруковъ: «Русск. родослови. книга», ч. I, стр. 251.—Карамзинъ: «Ист. Госуд. Россійскаго», т. VIII, стр. 122, 146, 160, 163, 175; т. IX, примѣчанія 3 и 35. — «Военный Энц. Лексиконъ», изд. 1857 г., т. XIII, стр. 481.

Л. Вейнбергъ.

Хилковъ, князь, *Иванъ-меньшой Андреевичъ*, боярин и воевода, извѣстный въ исторіи геройскою обороною Юрьева Ливонскаго, началъ службу въ званіи стольника при дворѣ царя Михаила Ѳеодоровича, затѣмъ въ 1637 г. былъ отправленъ первымъ воеводою въ г. Терки, откуда спустя 3 года вызванъ въ Москву съ порученіемъ осмотрѣть оборонительное состояніе пограничныхъ крѣпостей, Путивля и др. Въ 1645 г. посланъ въ Рязань въ полки, расположенные по тогдашней южной границѣ государства, для приведенія ратныхъ людей къ присягѣ въ вѣрности царю Алексѣю Михайловичу, а затѣмъ былъ первымъ воеводою въ Веневѣ, Мценскѣ и Вязьмѣ. Честная и безкорыстная служебная дѣятельность доставила ему въ 1648 г. почетное званіе перваго судьи Судно-Московскаго приказа. Пожалованный въ окольничіе, кн. Х. въ маѣ 1649 г. былъ отправленъ на воеводство сперва въ Казань, а оттуда въ Тобольскъ, но уже въ 1652 г. вызванъ въ Москву для завѣдыванія столицею въ государево отсутствіе. Царь Алексѣй Михайловичъ очень цѣнилъ безкорыстіе и заслуги кн. Хилкова, часто приглашалъ его къ своему столу и въ 1654 г. назначилъ его первымъ судьей въ Монастырскомъ и Переносныхъ дѣлъ приказѣ. Во время похода Алексѣя Михайловича въ Польшу, кн. Х. на время отсутствія царя былъ оставленъ четвертымъ «Москву вѣдать». Пожалованный 20 февр. 1655 г. въ бояре, онъ былъ назначенъ первымъ воеводою сперва въ Псковъ, а потомъ въ Юрьевъ Ливонскій, въ которомъ геройски выдержалъ осаду со стороны многочисленнаго непріятеля; вызванный послѣ этого въ Москву, онъ 25 дек. 1659 г. въ Золотой палатѣ у государя за столомъ былъ, а послѣ стола ему были пожалованы «за осадное въ Юрьевѣ сидѣнье» шуба атласная золотая и кубокъ, а къ его окладу придача въ 160 руб. Въ январѣ 1660 г. онъ былъ назначенъ первымъ воеводою въ Полоцкъ, откуда предпринялъ походъ противъ литовцевъ, разбилъ ихъ на голову, до 2000 положилъ на мѣстѣ, а ихъ начальника со многими другими взялъ въ плѣнъ и отправилъ въ Москву. Съ 1664 по 1670 г. кн. Х. былъ первымъ воеводою сперва въ Тобольскѣ, а затѣмъ въ Астраханѣ; вызванный въ 1671 г. въ Москву, онъ въ государственныхъ дѣлахъ болѣе участія не принималъ и только изрѣдка появлялся на придворныхъ торжествахъ.

«Сокращенное Описаніе службъ благородн. Росс. дворянъ», М., 1810, ч. II, степень 21-я, № 3250, стр. 103 — 104. — Карамзинъ: «Ист. Госуд. Росс.», т. IX, примѣч. 724.—«Чтенія въ Имп. Общ. ист. и др. Росс.» 1891 г., кн. 3, стр. 148.

Л. Вейнбергъ.

Хилковъ, князь; *Иванъ Васильевичъ*, боярин и воевода, род. въ Москвѣ въ 1571 г., ум. тамъ же 9 іюня 1655 г. Въ государственную службу вступилъ при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ и долгое время состоялъ стряпчимъ. Въ 1605 г. былъ командированъ въ Рязань собирать дворянъ противъ Разстриги, въ 1613 г., уже въ званіи стольника, участвовалъ въ избраніи царя Михаила Ѳеодоровича. При этомъ государѣ, какъ и при преемникѣ его Алексѣѣ Михайловичѣ, кн. Х. завѣдывалъ иностранными дѣлами, принималъ иностранныхъ пословъ и велъ съ ними переговоры. Такъ, въ 1634 и 1635 гг. онъ встрѣчалъ пословъ турецкаго, а затѣмъ шведскихъ и персидскаго, а въ 1636 г. гольштинскихъ. Пожалованный 15 авг. 1647 г. въ окольничіе, онъ 16 янв. слѣдующаго года, при бракосочетаніи царя Алексѣя Михайловича съ Маріею Ильиничною Милославскою, находился во главѣ участвовавшихъ въ торжествѣ дворянъ, шелъ первымъ съ ними за царицынми санями и во время вѣнчанія въ этихъ саняхъ сидѣлъ. Въ 1651 г. онъ былъ пожалованъ въ бояре, и когда въ томъ же году царь Алексѣй Михайловичъ отправлялся въ походъ противъ польскаго короля, онъ оставилъ кн. Хилкова вторымъ «вѣдать Москву».

«Сокращ. Описаніе службъ благородн. Росс. дворянъ», М., 1810, ч. II, степень 21-я, № 3245, стр. 100—101. — «Русскій Ист. Сборникъ» (подъ редакц. Погодина), т. II, кн. 2, стр. 290. — Кн. Долгоруковъ: «Родословная Книга», ч. I, стр. 251.— Петровъ: «Ист. родовъ Русскаго дворянства», ч. I, стр. 148. *Л. Вейнбергъ.*

Хилковъ, князь, *Иванъ Ѳедоровичъ*, боярин и воевода, намѣстникъ Тульскій. Настоящее его имя было кн. Ряполовскій-Хилокъ, но онъ первый сталъ писаться кн. Хилковъ. Извѣстно, что онъ въ 1511 г. былъ посланъ въ должности воеводы «Литву воевать», въ 1522 г., въ походѣ въ Коломну, состоялъ при царѣ четвертымъ рындою; въ 1527 г. назначенъ намѣстникомъ въ г. Тулѣ. Въ Коломенскомъ походѣ 1531 г. онъ состоялъ головою въ государевомъ полку и спустя 4 года былъ назначенъ первымъ воеводою въ г. Серпуховъ.

«Сокращ. Описаніе службъ благородн. Росс. дворянъ», М., 1810, ч. II, степень 18, стр. 95.—Кн. Долгоруковъ: «Родословная Книга», ч. I, стр. 250.— Гр. А. Бобринскій: «Дворянскіе роды», ч. I, стр. 147—148. *Л. Вейнбергъ*

Хилковъ, князь, *Степанъ Александровичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1786 г., ум. 10 октября 1854 г.; первоначальное воспитаніе получилъ въ родительскомъ домѣ, затѣмъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ пансіонѣ профессора Напинье и, наконецъ, въ славившемся въ свое время пансіонѣ Жакино. 25 декабря 1799 г. онъ поступилъ на службу подпрапорщикомъ л.-гв. въ Преображенскій полкъ, откуда черезъ два года переведенъ юнкеромъ л.-гв. въ Конный полкъ и, оставаясь въ послѣднемъ, въ 1802 г. произведенъ въ корнеты. Въ рядахъ Коннаго полка кн. Х. участвовалъ въ кампаніяхъ 1805 и 1807 гг. и находился въ кровопролитной битвѣ подъ Аустерлицемъ и въ сраженіяхъ подъ Гутштадтомъ, Гейльсбергомъ и Фридландомъ; въ послѣднемъ онъ получилъ сильную контузію въ правый бокъ и заслужилъ орденъ св. Георгія 4 ст. Въ 1809 г. кн. Х. былъ уже въ чинѣ ротмистра, но съ началомъ Турецкой кампаніи вышелъ въ отставку и волонтеромъ при главнокомандующемъ Молдавскою арміею, графѣ Каменскомъ, выѣхалъ въ Бухарестъ. Сопутствуя арміи, онъ находился при переходѣ ея за Дунай, при осадѣ Силистріи и въ операціяхъ противъ Шумлы, но вскорѣ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ, по волѣ цесаревича Константина Павловича, 26 іюля 1810 г. былъ зачисленъ чиномъ капитана л.-гв. въ Драгунскій полкъ и принялъ въ командованіе лейбъ-эскадронъ. 13 октября 1811 г. кн. Х. былъ произведенъ въ полковники и въ мартѣ слѣдующаго года выступилъ съ полкомъ въ походъ къ западной границѣ, къ Вилькомиру, гдѣ поступилъ въ составъ 1-го резервнаго кавалерійскаго корпуса генералъ-адъютанта Уварова. Отступленіе графа Витгенштейна отъ Кайданъ къ Друѣ доставило кн. Хилкову блестящій случай къ отличію. Оперируя съ авангардомъ Кульнева у рѣки Вилейки, онъ получилъ приказаніе со своимъ эскадрономъ возвратиться въ Вилькомиръ, но послѣдній былъ уже занятъ непріятелемъ. Это обстоятельство поставило эскадронъ кн. Хилкова въ тылу цѣлаго корпуса маршала Удино; оставалось одно средство къ спасенію—прорваться сквозь непріятельскіе ряды. Кн. Х. понесся впередъ подъ ружейными выстрѣлами и, несмотря на устремившихся на перерѣзъ его пути французскихъ конныхъ егерей, ускользнулъ отъ

нихъ и на другой день присоединился къ корпусу Уварова. Вслѣдъ затѣмъ, слѣдуя дальнѣйшему отступленію 1-й западной арміи, кн. Х. участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Витебскомъ, Смоленскомъ и Бородинымъ и два дня спустя — въ дѣлѣ подъ Можайскомъ, за что былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 степ. 9 сентября л.-гв. Драгунскій полкъ поступилъ въ составъ партизанскаго отряда генерала Дорохова, отправленнаго изъ села Диены на московскую дорогу для истребленія слѣдовавшихъ къ Москвѣ непріятельскихъ обозовъ. Успѣшное дѣйствіе отряда въ тылу арміи Наполеона побудило послѣдняго выслать противъ Дорохова нѣсколько полковъ подъ начальствомъ генерала Ламюза. 15 сентября у с. Бурцова партизанскій отрядъ былъ атакованъ непріятелемъ. Незамѣтнымъ движеніемъ кн. Х. обошелъ въ тылъ французскій пѣхотный баталіонъ, атаковалъ и смялъ его, послѣ чего, атакованный въ свою очередь во флангъ двумя эскадронами французскихъ гвардейскихъ драгунъ, столь-же стремительнымъ натискомъ отбросилъ ихъ и обратилъ въ бѣгство. Эта замѣчательная встрѣча гвардейскихъ полковъ двухъ армій происходила на глазахъ генерала Дорохова, который поблагодарилъ князя Хилкова за одержанный успѣхъ и послалъ его въ непріятельское каре съ предложеніемъ сдаться. Непріятель встрѣтилъ его ружейными выстрѣлами. Тогда Дороховъ велѣлъ снова атаковать французовъ и князю Хилкову приказалъ заслонить имъ отступленіе въ находившійся вблизи лѣсъ. Съ половиною своихъ эскадроновъ Х. бросился въ атаку противъ непріятеля, но былъ раненъ пулею въ правый пахъ на вылетъ и замертво унесенъ съ поля сраженія. За дѣло при Бурцовѣ онъ получилъ алмазные знаки къ ордену св. Анны 2 ст. По выздоровленіи, въ началѣ ноября 1812 г., кн. Х. возвратился въ полкъ и участвовалъ съ главною арміею въ преслѣдованіи непріятеля до границы. Перейдя въ первый день января 1813 г. съ полкомъ за Нѣманъ и слѣдуя далѣе черезъ Пруссію и Силезію въ Саксонію, онъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Люценомъ и Бауценомъ, находясь съ л.-гв. Драгунскимъ полкомъ въ прикрытіи артиллеріи и въ продолженіе перемирія, съ 21 мая по 3 августа, состоялъ въ главномъ резервѣ Богемской арміи, бывшей подъ начальствомъ цесаревича Константина. По возобновленіи военныхъ дѣйствій, кн. Х. участвовалъ въ наступательномъ движеніи арміи изъ Силезіи къ Дрездену, въ сраженіи подъ Дрезденомъ и въ двухдневной знаменитой битвѣ 17 и 18 августа подъ Кульмомъ, гдѣ 17 числа былъ снова раненъ пулею въ правую руку, но не покинулъ строя. За Кульмскій бой онъ получилъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость» и прусскій знакъ Желѣзнаго креста. Вслѣдъ затѣмъ кн. Х. съ 4—6 октября находился въ сраженіяхъ подъ Лейпцигомъ, 11 октября въ дѣлѣ между Экартсбергомъ и Бютельштетомъ и потомъ въ преслѣдованіи остатковъ арміи Наполеона до Рейна, гдѣ сдалъ полкъ генералу Чичерину. Кампанію 1814 г. кн. Х. началъ въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Дибича, посланнаго къ Сезану для содержанія сообщенія съ Силезской арміею Блюхера, которая слѣдовала отъ Бріенна къ Шалону. Въ составѣ отряда кн. Х. участвовалъ 2, 3 и 5-го февраля въ дѣлахъ съ французами подъ Сезаномъ и Монмиралемъ, а по отступленіи Дибича за Объ получилъ въ командованіе особый отрядъ въ составѣ четырехъ эскадроновъ гвардейской кавалеріи и сотни казаковъ, съ которымъ былъ двинутъ черезъ Арсисъ къ Иланси, во флангъ и тылъ непріятеля, шедшаго изъ Реймса къ Арсису. 8 марта кн. Х. завязалъ перестрѣлку съ гвардіею Наполеона, но, уклонясь отъ неравнаго боя, отступилъ и 10-го марта двинулся по Витриской дорогѣ по слѣдамъ непріятельской арміи, и пройдя до деревни Сомпюи, въ продолженіи двухъ сутокъ безпокоилъ французскій арріергардъ перестрѣлкою, послѣ чего возвратился къ полку. Участіе князя Хилкова въ войнѣ 1814 г. закончилось блестящимъ подвигомъ въ битвѣ подъ Фершампенуазомъ, когда, по выбору цесаревича, лейбъ-драгуны получили приказаніе атаковать непріятельскія батареи. Кн. Х. съ двумя эскадронами первый двинулся на орудія, но въ серединѣ боевой линіи французовъ былъ внезапно атакованъ во флангъ тремя эскадронами французскихъ латниковъ. Повернувъ свои эскадроны навстрѣчу непріятелю, Х. ввязался съ нимъ въ жестокій рукопашный бой и опрокинулъ латниковъ. Въ этомъ бою онъ былъ раненъ пулею изъ пистолета въ кисть правой руки на вылетъ и, сбитый

съ лошади, едва не поплатился жизнью за одержанный успѣхъ. За свой мужественный подвигъ кн. Х. былъ награжденъ чиномъ генералъ-маіора и получилъ пожалованные ему королями прусскимъ и баварскимъ за участіе въ войнѣ 1814 г. ордена «За заслуги» и Максимиліана Іосифа. 14 сентября 1814 г. кн. Х. былъ назначенъ состоять по кавалеріи, но въ слѣдующемъ году прикомандированъ ко 2-й уланской дивизіи и при вторичномъ походѣ во Францію командовалъ бригадою. По окончаніи военныхъ дѣйствій онъ прибылъ въ Парижъ для совѣта съ докторами о своей ранѣ, а оттуда, по личному приказанію императора Александра, отправился къ Висбаденскимъ водамъ для лѣченія. По возвращеніи въ Россію кн. Х. 9 апрѣля 1816 г. былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 1-й уланской дивизіи, 23 марта 1822 г. — командиромъ л.-гв. Гусарскаго полка, 26 сентября 1823 г.—командиромъ 2-й бригады легкой гвардейской кавалерійской дивизіи, 17 мая 1824 г.—начальникомъ числившейся при гвардейскомъ корпусѣ 1-й уланской дивизіи, 22 августа 1826 г., въ день коронаціи императора Николая Павловича, произведенъ въ генералъ-лейтенанты, 5 іюля 1827 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 2 степ. и 6 декабря 1830 г.—орденомъ св. Анны 1-й степ. съ императорскою короною, получивъ, въ теченіе десяти лѣтъ, 22 монаршихъ благоволенія.

Мятежъ, вспыхнувшій въ Царствѣ Польскомъ въ концѣ 1830 г., снова вызвалъ князя Хилкова на боевое поприще. Выступивъ изъ дивизіонной квартиры, бывшей въ Твери, съ полками 1-й уланской дивизіи, онъ перешелъ 12 марта границу Царства Польскаго въ Брестъ-Литовскѣ и здѣсь, по случаю свирѣпствовавшей въ окрестностяхъ холеры, былъ оставленъ начальникомъ Брестъ-Литовска и Тирасполя. Въ концѣ марта князю Хилкову былъ порученъ особый отрядъ для дѣйствій въ Витебской губерніи противъ литовскихъ мятежниковъ. Одну бригаду 1-й уланской дивизіи онъ направилъ черезъ Августовское воеводство, а другую, вмѣстѣ съ 5-ю пѣхотною дивизіею, повелъ самъ черезъ Бѣлостокъ, Гродно и Меречь въ Вильну, выступивъ откуда 16 апрѣля съ 12-мъ Егерскимъ и Сибирскимъ уланскимъ полками и 4-мя орудіями, на другой день разбилъ двухтысячный отрядъ виленскихъ мятежниковъ подъ мѣсточкомъ Ширвинты и преслѣдовалъ ихъ до Гедроицъ. 18 числа онъ вытѣснилъ ихъ и оттуда, двинулся далѣе черезъ Маляты и Колтиняны въ г. Свенцяны и очистилъ послѣдній отъ скопищъ мятежниковъ Борткевича. Холера, обнаружившаяся въ войскахъ, заставила, однако, князя Хилкова временно остановиться въ Свенцянахъ. Время остановки онъ употребилъ на возстановленіе сообщенія между Вилькомиромъ и Динабургомъ, послѣ чего разогналъ мятежниковъ между Вильною и Вилькомиромъ и 14 мая занялъ послѣдній. Преслѣдуя непріятеля, кн. Х. продолжалъ движеніе къ Купишкамъ, когда получилъ извѣстіе, что къ Вильнѣ идетъ корпусъ мятежниковъ, предводимый Гелгудомъ. Форсированнымъ маршемъ кн. Х. возвратился въ Вильну, собралъ весь свой отрядъ и, выйдя навстрѣчу отряду Дембчинскаго, составлявшему авангардъ корпуса Гелгуда, въ 8 верстахъ отъ города разбилъ его и принудилъ отступить. Черезъ день кн. Х. принялъ дѣятельное участіе въ пораженіи на голову самого Гелгуда на Понарской горѣ, послѣ чего былъ посланъ въ г. Ковну, 16 іюня занялъ его своимъ авангардомъ, овладѣлъ мостомъ черезъ р. Вилію и взялъ въ плѣнъ болѣе 600 человѣкъ, 30 офицеровъ и полковника Кекерницкаго, командира гарнизона. Подъ начальствомъ графа Дибича кн. Х. находился вслѣдъ затѣмъ при преслѣдованіи корпуса Гелгуда до самой Пруссіи, гдѣ мятежники, сложивъ оружіе, перешли границу. Во вторую половину похода князь Хилковъ, слѣдуя черезъ Ковну форсированными переходами на Ломжу, Остроленку и Липно, 7 августа переправился черезъ Вислу у Осьека и, достигнувъ Сохачева, получилъ повелѣніе обезпечить своимъ отрядомъ лѣвое крыло арміи. Примкнувъ вслѣдъ затѣмъ къ главнымъ силамъ фельдмаршала Паскевича, во время приступовъ къ передовымъ укрѣпленіямъ Варшавы, онъ командовалъ всею кавалеріею нашего лѣваго фланга и за оказанныя при покореніи Варшавы отличія награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. 29 августа кн. Х. вступилъ въ командованіе авангардомъ корпуса графа Палена и преслѣдовалъ выступившихъ изъ Варшавы мятежниковъ. Двигаясь черезъ Липно, онъ 21 сентября настигъ у Ры-

нина корпусъ Рыбинскаго и двое сутокъ тѣснилъ его до Прусской границы, гдѣ мятежники сложили оружіе. По усмиреніи польскаго мятежа, кн. Х. былъ назначенъ командиромъ 4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, сдавъ свою дивизію принцу Адаму Виртембергскому; вскорѣ затѣмъ, на пути въ Россію, назначенъ командиромъ 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, принявъ который, по собственному желанію, 15 октября 1833 г. отчисленъ по кавалеріи и 6 декабря того-же года назначенъ командиромъ 4-го пѣхотнаго корпуса, впослѣдствіи переименованнаго въ 6-й. 15 сентября 1834 г. кн. Х. былъ награжденъ алмазными знаками ордена св Александра Невскаго, 9 іюля слѣдующаго года получилъ увольненіе въ годовой отпускъ для излѣченія болѣзни и 30 декабря 1836 г., по прошенію, былъ уволенъ отъ службы.

Оставивъ службу, ознаменованную дѣятельнымъ участіемъ въ главныхъ событіяхъ всѣхъ войнъ императора Александра съ Наполеономъ и въ усмиреніи польскаго мятежа, кн. Х. поселился сначала въ Москвѣ, а затѣмъ переѣхалъ на жительство въ г. Тверь. Въ 1848 г. поправившееся здоровье возбудило въ князѣ Хилковѣ желаніе не оставаться въ бездѣйствіи въ то время, когда смуты въ Европѣ вызвали приготовленія къ новой войнѣ, и 15 іюня того же года онъ былъ снова принятъ на службу, съ назначеніемъ состоять по кавалеріи.

Послужн. списс., хран. въ арх. л.-гв. гусар. полка. — «Воен. Гал. Зимн. Дворца», Спб. 1848, вып. 134-й. — «Сѣв. Архивъ» 1826 г., №№ 17 и 18.—«Рус. Инв.» 1830 г., № 315; 1831 г., №№ 8, 16, 30, 153, 302; 1834 г., №№ 205, 236, 238, 240 и 253.

Д. С—въ.

Хилковъ, князь, *Ѳедоръ Андреевичъ*, по прозванію *Молодой*, боярин и воевода, ум. отъ моровой язвы въ Москвѣ въ 1657 г. Въ службу вступилъ въ 1598 г. приставомъ у Ергенскаго царевича въ Серпуховскомъ походѣ противъ крымцевъ; занималъ разныя придворныя должности до 1626 г., когда былъ пожалованъ въ стольники; въ 1645 г. назначенъ на весьма важный по тому времени постъ Бѣлгородскаго воеводы, которому подчинялись всѣ воеводы прочихъ украинныхъ городовъ. Въ 1646 г., собравъ пограничныя войска, двинулся въ Рыльскій уѣздъ и близъ Городенска разбилъ и изгналъ изъ предѣловъ Россіи крымскія полчища. Въ 1649 г. назначенъ воеводою въ Новгородъ, но тамъ не поладилъ съ возставшими новгородцами и уже въ 1650 г. былъ отозванъ обратно въ Москву; въ 1652 г. командированъ въ Путивль, гдѣ велъ переговоры съ Богданомъ Хмельницкимъ относительно присоединенія Малороссіи къ Россіи. Отправившись въ 1654 г. въ Москву, для отдачи отчета о своемъ управленіи, онъ былъ оставленъ «вѣдать Москву» на время отсутствія царя и умеръ тамъ во время эпидеміи.

«Сокращ. Описс. служебъ благородн. Росс. дворянъ», М., 1810, ч. II, степень 21-я, № 3247, стр. 101 — 102. — Соловьевъ: «Ист. Россіи», изд. тов. «Общ. Польза», кн. 2, стр. 1529, 1530, 1533—1537, 1621, 1629 и 1669. — Кн. Долгоруковъ: «Русская родосл. книга», ч. I, стр. 251.—Петровъ: «Ист. родовъ русск. дворянства», т. I, стр. 148.

Л. Вейнберъ.

Хитрово, древній русскій родъ. Во второй половинѣ XIV ст. выѣхали изъ Большой орды къ великому князю Рязанскому Олегу Іоанновичу (1350—1402) два родныхъ брата: Еду-Ханъ (Сильно Хитръ), родоначальникъ рода Хитрово, и Салахмиръ, родоначальникъ Крюковыхъ, Шишкиныхъ, Вердеревскихъ и др. О представителяхъ трехъ первыхъ поколѣній рода Хитрово до половины XVI в. не сохранилось никакихъ свѣдѣній; жили они сначала въ Рязанскомъ княжествѣ, а съ присоединеніемъ его къ государству Московскому (1520) переѣхали на службу къ великому князю Московскому, отъ котораго получили помѣстья въ Алексинѣ, Вязьмѣ, Москвѣ, Калугѣ и иныхъ городахъ.

Хитрово, *Авраамъ Ивановичъ*, думный дворянинъ и воевода Нѣжинскій, ум. 22 окт. 1698 г., погребенъ въ Лютиковомъ монастырѣ. Въ 1669 г. пожалованъ «въ комнату», а въ 1672 г. ему назначенъ помѣстный окладъ 700 четвертей и деньгами 40 рублей. Состоя при царевичѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, онъ неоднократно сопровождалъ его въ походахъ въ окрестности Москвы, такъ въ 1674 г. въ село Преображенское, гдѣ на обѣдѣ, даннomъ царевичемъ 24 ноября, «стоялъ у пироговъ». 12 янв. 1682 г., будучи комнатнымъ стольникомъ, Х. вмѣстѣ съ другими подписалъ соборное уложеніе объ уничтоженіи мѣстничества и 26 іюня того же года, на дру-

гой день вѣнчанія на царство царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, былъ пожалованъ въ думные дворяне. Въ 1684 г. назначенъ полковымъ и осаднымъ воеводою въ Переяславль, откуда въ концѣ 1685 г. написалъ дружественное письмо генералу Гордону. Въ 1689 г. участвовалъ въ крымскомъ походѣ кн. В. В. Голицына, будучи товарищемъ боярина Бор. П. Шереметева; за этотъ походъ онъ получилъ «кубокъ золоченый съ кровлями, кафтанъ золотный на соболяхъ, денежной придачи къ жалованью 80 руб. и 3 тысячи ефимковъ на покупку вотчины». Въ томъ же 1689 г. Х. былъ переведенъ изъ Курска воеводою въ Нѣжинъ. Въ одномъ изъ послѣдующихъ годовъ (до 1695 г.) его посылали съ московскими стрѣльцами и полуполковникомъ Иваномъ Башмаковымъ за «воромъ» Оськой Старченкомъ, но порученіе это повидимому не увѣнчалось успѣхомъ.

«Родослови. книга рода Хитрово», СПБ. 1866, стр. 128—132.—Собр. Госуд. Грам., IV, 655.

В. Корсакова.

Хитрово, *Александръ Севастьяновичъ*, братъ Ивана Севастьяновича (см. ниже), стольникъ, думный дворянинъ, ум. 28 августа 1686 г.; пожалованный въ 1649 г. стольникомъ съ окладомъ въ 550 четвертей и деньгами 25 рублей, онъ принималъ участіе въ Литовскомъ походѣ 1653—1656 гг. и былъ раненъ подъ Смоленскомъ; съ 1663—1665 г. состоялъ воеводою въ Свіяжскѣ, а слѣдующіе два года пребывалъ въ Москвѣ при царскомъ дворѣ; въ 1669 г. былъ назначенъ товарищемъ Богдана Матвѣевича Хитрово (см. ниже), управлявшаго приказомъ Большого дворца и Оружейною палатой, и въ 1671 г. пожалованъ въ думные дворяне. Находясь при дворѣ, онъ нерѣдко замѣнялъ Б. М. Хитрово, состоя при пріѣзжавшихъ въ Москву иностранныхъ послахъ и сопровождая царя въ его походахъ на богомолье. 30 января 1676 г., на другой день смерти царя Алексѣя Михаиловича, онъ вмѣстѣ съ другими присягнулъ новому царю, устраивалъ всю церемонію его вѣнчанія на царство и въ томъ же году пожалованъ въ окольничіе. Въ 1680 г. Х. по неизвѣстной причинѣ подвергся опалѣ и былъ посланъ воеводою на Терекъ; какъ долго оставался онъ тамъ, не извѣстно, но въ годъ своей смерти (1686) онъ опять находился въ Москвѣ. Х. погребенъ въ Новомышльскомъ Лютиковомъ монастырѣ.

«Родословная книга рода Хитрово». СПБ. 1866.

Хитрово, *Алексѣй Захаровичъ*, камергеръ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, членъ Государственнаго Совѣта, род. 9 ноября 1776 г. въ Москвѣ, ум. 21 февраля 1854 г.; получивъ домашнее воспитаніе, онъ уже въ 1784 г. былъ записанъ л.-гв. въ Измайловскій полкъ сержантомъ, а въ 1789 г. поступилъ на дѣйствительную службу и былъ переведенъ л.-гв. въ Конный полкъ вахмистромъ. Пробывъ въ полку до 1798 г., Х. въ чинѣ штабъ-ротмистра былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры сначала ко двору Его Величества, а годъ спустя ко двору наслѣдника. Причисленный къ герольдіи, онъ съ 1800 по 1804 г. состоялъ при предсѣдателѣ мануфактуръ-коллегіи, исполняя временно, съ 1803 г., должность предсѣдателя. Въ 1804 г. Х. повелѣно было состоять за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ первомъ департаментѣ Сената, и онъ занималъ эту должность до 1808 г., когда былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ пятаго департамента и временно исполнялъ обязанности старшаго оберъ-прокурора по общему собранію Сената, вмѣсто гр. Орлова. Въ 1812 г. онъ былъ избранъ петербургскимъ дворянствомъ въ члены комитета ополченія 2-го округа и по порученію министра юстиціи велъ слѣдствіе по дѣлу петербургскаго губернскаго прокурора Львова, а въ 1813 г., съ производствомъ въ тайные совѣтники, ему повелѣно было присутствовать во 2-омъ, а вскорѣ затѣмъ въ 1-мъ департаментѣ Сената. Въ бытность свою присутствующимъ сенаторомъ Х. до 1827 г. по высочайшему повелѣнію неоднократно ревизовалъ различныя губерніи; такъ, онъ въ 1813 г. производилъ слѣдствіе въ Вологодской и Вятской губерніяхъ по случаю накопившихся въ нихъ недоимокъ, въ 1814 г. произвелъ общую ревизію Воронежской губерніи, въ 1815 г.—Пензенской; въ 1817 г. былъ членомъ слѣдственной коммисіи по дѣламъ Волынской губерніи и членомъ комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія вновь открывшихся въ ней безпорядковъ. Въ 1820 г. Х. былъ командированъ въ Бессарабскую область для изслѣдованія причинъ появленія въ ней заразы и для обо-

зрѣнія принятыхъ противъ нея мѣръ, а также для общей ревизіи всей губерніи. Кромѣ того Х. въ разное время состоялъ членомъ многихъ коммисій и комитетовъ, напр., членомъ комитета объ уравненіи по всему государству земскихъ повинностей (1819), коммисіи по построенію Исаакіевскаго собора, первымъ членомъ частнаго комитета по случаю наводненія, бывшаго въ Петербургѣ въ 1824 г., предсѣдателемъ коммисіи о фальшивомъ клейменіи товаровъ (1825), и другихъ. Въ 1827 г. Х. былъ назначенъ исправляющимъ должность государственнаго контролера и членомъ Государственнаго Совѣта, а въ 1829 г. — членомъ комитета финансовъ. Въ 1831 г., утвержденный въ должности государственнаго контролера, онъ былъ сдѣланъ членомъ особаго комитета для составленія новаго и полнаго расписанія разрядовъ для опредѣленія пенсій гражданскимъ чиновникамъ. За примѣрное управленіе государственнымъ контролемъ и за полезную дѣятельность въ различныхъ коммисіяхъ и комитетахъ Х. неоднократно удостоивался высочайшихъ рескриптовъ съ изъявленіемъ признательности и благоволенія, въ 1832 г., съ производствомъ въ дѣйств. тайные совѣтники, ему былъ пожалованъ орденъ св. Владиміра 1 ст., въ 1845 г., по случаю совершившагося 50-лѣтія его государственной службы, орденъ св. ап. Андрея Первозваннаго, въ 1851 г. — алмазные знаки къ сему ордену и въ 1854 г., въ знакъ особаго монаршаго благоволенія, вторично тѣ же знаки.

Формулярный списокъ, хранящійся въ сенатскомъ архивѣ за № 2112. — Во «Временникѣ» Общества ист. и древн. Росс. 1852 г., т. XII и XIII, помѣщены письма Х. къ кн. Голицыну.

Хитрово, *Анна Петровна*, мама-воспитательница царя Ѳеодора Алексѣевича, верховная боярыня, была замужемъ за стряпчимъ Степаномъ Тарасовичемъ Хитрово; овдовѣла до 1661 г. Въ 1630 г. она была казначеей царевны Ирины Михайловны, но въ 1646 г., по смерти царицы Евдокіи Лукьяновны, уволена отъ придворной должности. Родственникъ ея мужа, боярин и дворецкій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, былъ въ большой милости у царя Алексѣя Михайловича; вѣроятно, благодаря этому обстоятельству Анна Петровна вскорѣ заняла видное положеніе при царскомъ дворѣ. Въ 1658 г. она была пожалована въ дворовыя боярыни, а въ 1661 г. назначена мамой, т. е. воспитательницей новорожденнаго царевича Ѳеодора Алексѣевича. Когда послѣдній по смерти старшаго брата, Алексѣя Алексѣевича, сдѣлался старшимъ въ семействѣ, то и Х. заняла при дворѣ первенствующее положеніе. Будучи мамой, она исполняла и другія придворныя обязанности, такъ, она была кравчей царицы Натальи Кирилловны за родинымъ столомъ царевича Петра Алексѣевича (1672) и за родинымъ и крестинымъ столами царевны Ѳеодоры Алексѣевны. По вступленіи на престолъ Ѳеодора Алексѣевича и женитьбѣ его, Х. была сдѣлана кравчей царицы Агаѳіи Семеновны, а по смерти ея и вступленіи царя во второй бракъ, исполняла тѣже обязанности и при дворѣ царицы Марѳы Матвѣевны. Х. имѣла большое вліяніе на своего воспитанника, царя Ѳеодора Алексѣевича. Приверженцы Нарышкиныхъ и боярина Матвѣева считали ее главной виновницей ссылки А. С. Матвѣева и размолвки между царицей Натальей Кирилловной и царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ. Хитрово отличалась большимъ благочестіемъ, но, по словамъ одного современника, принадлежавшаго, впрочемъ, къ враждебной ей партіи, была «подъ фарисейскимъ видомъ постница, пустой лицемѣрной бабьей святыни полная устами, а не дѣломъ». Послѣ смерти Ѳеодора Алексѣевича имя Анны Петровны встрѣчается въ чиновныхъ спискахъ до 1698 г., но уже не на первомъ мѣстѣ. Въ 1687 г. она воздвигла въ г. Калугѣ каменный Троицкій соборъ. Умерла по всей вѣроятности въ глубокой старости.

«Исторія о невинномъ заточеніи боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева». М. 1785.—«Временникъ» Общества ист. и древн. Росс., т. IX, стр. 47.—Родословная книга рода Хитрово, Спб. 1866.—Забѣлинъ: «Домашній бытъ русск. царицъ», гл. 6.—Соловьевъ: «Ист. Росс.», т. XIII, гл. 2.—Погодинъ: «Семнадцать перв. лѣтъ жизни Петра В.»—Ратшинъ: «Полн. собран. свѣдѣній о всѣхъ бывшихъ древле и нынѣ существующихъ монастыряхъ...»

Н. Чулковъ.

Хитрово, *Богданъ (Іовъ) Матвѣевичъ*, ближній боярин и дворецкій, намѣстникъ Ржевскій, начальникъ приказа Большого дворца, занимавшій видное мѣсто въ царствованіе Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича, род. въ 1615 или 1616 г.,

ум. 27 марта 1680 г. и погребенъ въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Службу Х. началъ уже при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, состоя въ 1632 г. стряпчимъ, съ помѣстнымъ окладомъ въ 500 четвертей и 18 рублей деньгами; затѣмъ находился при дворѣ, сопровождая царя во всѣхъ его походахъ на богомолье по окрестнымъ монастырямъ, а въ 1646 г. былъ назначенъ полковымъ воеводой въ Темниковѣ противъ ногайцевъ и калмыковъ, въ 1647 г.—воеводою въ Атемарѣ. Въ это время онъ обвелъ земляннымъ валомъ г. Керенскъ, вновь обстроилъ Корсунь и выстроилъ Симбирскъ и за эти немаловажные труды былъ пожалованъ (1647) въ окольничіе и получилъ къ помѣстному окладу прибавку въ 250 четвертей и 62 руб., а также вотчину село Городню въ Царевосанчурскомъ. Съ 1648—1649 г. Х. вѣдалъ Земскій приказъ и Новую четверть, а въ 1650 г., при возмущеніи псковичей, царь повелѣлъ ему быть вмѣстѣ съ воеводами кн. Трубецкимъ и кн. Пронскимъ подъ Псковомъ съ ратными людьми; походъ однако не состоялся и Х. остался въ Москвѣ, откуда 13 сент. и 30 нояб. сопровождалъ царя на богомолье въ Звенигородъ. Управляя съ 1651 г. Челобитнымъ приказомъ, онъ 3 іюля слѣдующаго года объявилъ царю въ золотой палатѣ польскихъ пословъ. Въ 1653 г. полномочными послами въ Польшу были назначены кн. Борисъ Ал. Репнинъ и кн. Ѳ. Ѳ. Волконскій; недѣлю спустя, занемогшаго кн. Волконскаго замѣнилъ Х., получивъ при этомъ случаѣ званіе намѣстника Ржевскаго. Посольство было отправлено съ тѣмъ, чтобы требовать наказанія извѣстныхъ лицъ за неправильное писаніе царскаго титула, уничтоженія уніи и заключенія съ Богданомъ Хмельницкимъ договора на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ былъ заключенъ договоръ Зборовскій. Послы выѣхали изъ Москвы въ концѣ апрѣля и, не найдя короля Яна Казиміра въ Варшавѣ, отправились въ Львовъ, гдѣ 22 іюля были на аудіенціи. Переговоры съ панами радными ни къ чему не привели, и двѣ недѣли спустя послы отправились въ обратный путь и 25 сент. были милостиво приняты царемъ въ Троице-Сергіевой лаврѣ и пожалованы къ царскому столу. Въ 1654 г. царь выступилъ изъ Москвы съ войскомъ противъ польскаго короля «за его многія неправды и крестопреступленье». Въ этомъ походѣ Х. участвовалъ въ осадѣ Смоленска и въ ночь съ 15 на 16 августа нѣсколько разъ, хотя и безъ успѣха, приступалъ къ осажденному городу. По окончаніи похода Х. былъ отпущенъ царемъ на богомолье въ Лютиковъ монастырь Перемышльскаго уѣзда и при этомъ случаѣ пожертвовалъ въ память своихъ родителей 1000 р. на построеніе въ семъ монастырѣ церкви. Когда весною 1655 г. готовился новый походъ на Польшу, Х. былъ вмѣстѣ съ кн. И. С. Прозоровскимъ назначенъ товарищемъ къ воеводѣ большого полка кн. Я. К. Черкасскому; походъ имѣлъ успѣхъ: въ теченіе мѣсяца были взяты Минскъ, Вильно, Ковно и Гродно, разбиты гетманы Радзивилъ и Гонзевскій. Въ декабрѣ того же года царь принималъ въ золотой палатѣ цесарскихъ пословъ, Лорбаха и іезуита Аллегрети, присланныхъ императоромъ Фердинандомъ III для посредничества между Польшей и Россіей и для возбужденія послѣдней противъ Швеціи; по указу царя переговоры съ послами велъ въ числѣ другихъ и окольничій Х. Въ объявленной затѣмъ 17 мая 1656 г. Швеціи войнѣ Х. опять состоялъ товарищемъ при воеводѣ большого полка Черкасскомъ, получивъ предъ тѣмъ въ награду за службу въ литовскомъ походѣ шубу подъ атласомъ золотымъ, кубокъ и придачи къ прежнему окладу 80 рублей. Х. участвовалъ во взятіи Динабурга и Кокенгузена, но не дождался окончанія осады Риги, будучи посланъ царемъ въ Москву. Въ 1657 г. онъ былъ пожалованъ оружейничимъ и вѣдалъ Оружейную палату. 15 августа 1657 г. умеръ гетманъ малороссійскій Богданъ Хмельницкій, и на его мѣсто былъ избранъ 16-лѣтній сынъ его Юрій, а опекуномъ къ нему приставленъ генеральный писарь Выговскій; въ Малороссіи поднялись смуты, Юрій бѣжалъ, а Выговскій просилъ царя Алексѣя Михайловича объ утвержденіи гетманомъ его самого. Вслѣдствіе этого отправленный царемъ въ Переяславль Х. утвердилъ Выговскаго и принялъ отъ него присягу «на вѣрную и вѣчную подданственную службу», не обративъ должнаго вниманія на доносъ полковника Пушкаря, обвинявшаго Выговскаго въ измѣнѣ. Царь, впрочемъ, остался доволенъ исполненнымъ порученіемъ, и когда Х. 5 марта 1658 г. возвращаясь изъ

Малороссіи, подъѣзжалъ къ Москвѣ, то къ нему навстрѣчу былъ высланъ стольникъ Кафтыревъ съ милостивымъ отъ царя словомъ и «о здоровьѣ спрашивать». Лѣтомъ того же 1658 г. у царя Алексѣя Михайловича былъ обѣдъ по случаю пріѣзда въ Москву грузинскаго царя Теймураза. Х., очищая ему путь, случайно ударилъ патріаршаго стряпчаго кн. Дмитрія Мещерскаго. «Не дерись Богданъ, Матвѣевичъ!» закричалъ Мещерскій, «вѣдь я не просто сюда пришелъ, а съ дѣломъ». «Ты кто такой?» спросилъ Х. — Патріаршій человѣкъ, съ дѣломъ присланный».—«Не чванься!» сказалъ Х. и еще разъ ударилъ его по лбу палкой. Кн. Мещерскій пожаловался патріарху Никону, а патріархъ собственноручно написалъ царю, прося разслѣдовать дѣло и наказать Хитрово. Царь тоже собственноручно отвѣчалъ, обѣщая разобрать дѣло и повидаться съ патріархомъ. Однако они встрѣтились лишь зимой, когда уже происходилъ судъ надъ патріархомъ Никономъ. На судѣ разбиралось и это столкновеніе Х. съ Мещерскимъ; такимъ образомъ Х. отчасти былъ хотя и невольной причиной явнаго разрыва царя съ патріархомъ Никономъ. Въ 1658, 1661 и 1662 гг. Х. находился въ отвѣтѣ съ литовскимъ посломъ Адамомъ Соковичемъ, съ цесарскимъ посломъ Августомъ фонъ Мейербергомъ, отозвавшимся о Х., какъ о мужѣ опыта въ мирѣ и на войнѣ, и съ шведскимъ посломъ Бентомъ Горномъ, пріѣхавшимъ въ Москву для скрѣпленія Кардисскаго договора. Съ 1663 г. Х. вѣдалъ приказъ Большого дворца, Золотую и Серебряную палаты, а съ 1665 г. присутствовалъ въ приказахъ Лифляндскихъ дѣлъ и Дворцовомъ судномъ, въ 1667 г. пожалованъ въ бояре. Во все царствованіе Алексѣя Михайловича Х. оставался близкимъ къ нему человѣкомъ, при пріемѣ иностранныхъ пословъ занималъ первое мѣсто по лѣвую сторону царя, во время поѣздокъ на богомолье сидѣлъ въ одной съ нимъ каретѣ, докладывалъ ему лично о дѣлахъ и присутствовалъ въ думѣ царской. Въ 1672 г. онъ былъ посланъ царемъ въ Крестовую палату ко властямъ объявить, чтобы патріарха выбирали соборнѣ; онъ же потомъ доноситъ царю объ избраніи въ патріархи Новгородскаго митрополита Питирима. Въ 1676 г., при вѣнчаніи на царство Ѳеодора Алексѣевича, на чертожномъ мѣстѣ стояли съ нимъ кн. И. И. Одоевскій, кн. Ю. А. Долгорукій и Б. М. Хитрово. Затѣмъ Х. былъ пожалованъ въ дворецкіе и «въ путь» ему даны Ярославскія дворцовыя и Ловецкія села, а окладъ увеличенъ до 500 рублей. Наконецъ, въ 1677 г., по уничтоженіи Монастырскаго приказа, дѣла его были переданы Х. въ приказъ Большого дворца. О послѣднихъ годахъ его жизни свѣдѣнія очень скудны. Судя по многочисленнымъ вкладамъ въ монастыри, Х. былъ богатъ, благочестивъ и щедръ и усердно чтилъ память своихъ умершихъ родственниковъ. Жена Х., Марія Ивановна, пережила его на 13 лѣтъ и продолжала владѣть многочисленными вотчинами и помѣстьями, принадлежавшими ея мужу въ Московскомъ, Рузскомъ, Воротынскомъ, Епифанскомъ, Рязанскомъ и Ярославскомъ уѣздахъ. Передъ смертью Х. выразилъ желаніе отпустить на волю изъ числа принадлежавшихъ ему холоповъ кабальныхъ людей и плѣнныхъ, что и было исполнено царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ чрезъ два мѣсяца по смерти Х.

«Родосл. книга рода Хитрово», Спб. 1866, стр. 16—48.—Бантышъ-Каменскій: «Словарь достоприм. людей Русской земли», ч. 5.—Дополн. къ Акт. истор., V, 115, 117, 121, 131, 139; VI, 235, 236, 240; VIII, 344. — Собр. Госуд. грам., IV, стр. 220. — Акты юрид., стр. 397. — Опис. докум. Московск. арх. министр. юстиціи, т. I. — «Сѣверн. Архивъ» 1825 г., № 20, стр. 295, № 22, стр. 105.—Соловьевъ: «Ист. Росс.», XI, 358—361. — Барсуковъ: «Родъ Шереметевыхъ», кн. V, 7—11. *В. Корсакова.*

Хитрово, *Елизавета Михаиловна*, любимая дочь фельдмаршала кн. Голенищева-Кутузова, род. въ 1783 г., ум. 3 мая 1838 г.; была замужемъ сперва за флигель-адъютантомъ гр. Тизенгаузеномъ, который въ 1805 г. попалъ въ плѣнъ къ французамъ и умеръ отъ тяжкой раны, полученной въ сраженіи при Аустерлицѣ. Во второй бракъ Елизавета Михаиловна вступила съ генералъ-маіоромъ Николаемъ Ѳедоровичемъ Хитрово. Ко времени второго брака относятся письма къ ней ея отца кн. Кутузова, полныя ласки и любви къ милой дочери. Лишившись и второго мужа, Елизавета Михаиловна до смерти проживала въ Петербургѣ весьма открыто, принимая у себя почти все высшее столичное общество. Вышеупомянутая переписка кн. Кутузова съ дочерью напеча-

тана въ «Русск. Старинѣ» 1874 г., т. X, стр. 337.

«Сынъ Отеч.» 1839 г., т. 8 («Лѣтопись событій», стр. 42).—«Родосл. книга рода Хитрово», стр. 208, СПБ. 1866.

Хитрово, *Иванъ Богдановичъ*, думный дворянинъ, дядька царевича Ѳеодора Алексѣевича, род. вѣроятно въ 1620 г., ум. въ 1682 г.; пожалованный въ 1638 г. изъ жильцовъ въ стряпчіе, съ помѣстнымъ окладомъ въ 550 четвертей и 18 руб. деньгами, онъ въ 1646 г. былъ стольникомъ, а въ 1653 г. воеводой въ Алатырѣ. Въ 1663 г. назначенъ товарищемъ въ приказъ Большого дворца къ Богдану Матвѣевичу Хитрово и занималъ эту должность до 1669 г. Въ 1666 г. пожалованъ въ думные дворяне и присутствовалъ въ Дворцовомъ судномъ приказѣ и въ приказѣ Лифляндскихъ дѣлъ. Въ концѣ октября этого года онъ былъ посланъ царемъ въ подмосковное село Рогожу вмѣстѣ съ архимандритомъ владимірскаго Рождественскаго монастыря Филаретомъ для встрѣчи вселенскихъ патріарховъ Макарія Антіохійскаго и Паисія Александрійскаго. Когда патріархи прибыли въ Рогожу, царскіе посланные были тотчасъ призваны въ отведенную патріархамъ избу. При входѣ Х. и архимандрита Филарета патріархи встали и стоя выслушали привѣтственныя рѣчи и отвѣчали имъ черезъ своего архидіакона Анастасія. По окончаніи рѣчей патріархи благословили Х., архим. Филарета и пріѣхавшихъ съ ними дворовыхъ людей и старцевъ, затѣмъ сѣли и велѣли думному дворянину сѣсть,—и онъ сидѣлъ возлѣ Макарія, патріарха Антіохійскаго. Потомъ былъ отпускъ и патріархи вновь благословили царскихъ посланныхъ. По должности, которую Х. занималъ въ приказѣ Большого дворца, ему приходилось во время царскихъ обѣдовъ сидѣть за патріаршимъ или посольскимъ поставцами, сопровождать иконы въ крестныхъ ходахъ и ѣздить по монастырямъ съ царскимъ кормомъ и милостынею. Въ 1668 г. онъ былъ назначенъ вмѣстѣ съ кн. Ѳ. Ѳ. Куракинымъ дядькой къ семилѣтнему царевичу Ѳеодору Алексѣевичу. Имѣлъ ли Х. какое нибудь вліяніе на дѣло воспитанія царевича, объ этомъ свѣдѣній не сохранилось, но что царевичъ любилъ его, это можно заключить изъ описанія торжества, происходившаго 1 сентября 1674 г. по случаю совершеннолѣтія Ѳеодора Алексѣевича. Въ этотъ день былъ торжественный выходъ царя Алексѣя Михайловича въ Успенскій соборъ; его сопровождали Сибирскій и Касимовскій царевичи, бояре, окольничіе, думные дворяне, думные дьяки и стольники; царевича Ѳеодора Алексѣевича вели подъ руки дядьки его кн. Ѳ. Ѳ. Куракинъ и Х., а въ соборѣ они стояли у его мѣста. По возвращеніи изъ церкви царь пожаловалъ Х. въ окольничіе, какъ сказано въ Дворцовыхъ разрядахъ, «для упрошенія сына своего Гос. Царев. и Вел. Князя Ѳеодора Алексѣевича». Хотя боярину Ѳ. Ѳ. Куракину была тоже награда въ 150 руб. денежнаго жалованья, не въ примѣръ другимъ боярамъ, получившимъ по 100 руб., однако не прибавлено, чтобы это было сдѣлано по просьбѣ царевича. Дальнѣйшія свѣдѣнія, сохранившіяся о Х., не имѣютъ особаго значенія: весьма естественно, что, будучи дядькой царевича, онъ оставался въ его покояхъ, когда царь отправлялся на богомолье по Московскимъ монастырямъ; что онъ присутствовалъ на обѣдѣ, даннымъ царемъ въ Грановитой палатѣ 7 сентября по случаю «всемірной радости и объявленія Гос. Царев. и Вел. Кн. Ѳеодора Алексѣевича»; что во время поѣздокъ царя и царевича въ село Преображенское и въ село Коломенское онъ сидѣлъ въ одной каретѣ съ ними. 18 іюля 1676 г., въ день вѣнчанія на царство Ѳеодора Алексѣевича, его поддерживали дядьки его кн. Куракинъ и Ив. Богд. Х. Вскорѣ затѣмъ Х. получилъ въ вотчину въ Костромскомъ уѣздѣ села Минское, Сунгурово и Здѣморово съ деревнями, пустошами и рыбными ловлями.

Главный руководитель партіи Нарышкиныхъ и Петра Алексѣевича, боярин Арт Серг. Матвѣевъ, сосланный царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ въ Пустозерскій острогъ, былъ, какъ видно изъ его челобитной, твердо убѣжденъ, что виновниками его заточенія были кн. Куракинъ и Ив. Богд. Х. Они говорили, что Матвѣевъ пробовалъ вмѣстѣ съ ними лѣкарства только до царскаго пріема, но не выпивалъ того, что оставалось послѣ царя; эти-то рѣчи будто бы и послужили поводомъ для его ссылки. Но, какъ извѣстно, ссылка А. С. Матвѣева обусловливалась болѣе серьезными политическими причинами. Въ послѣдній разъ имя И. Б. Х. встрѣчается

12 янв. 1682 г., когда онъ въ числѣ другихъ бояръ подписалъ положеніе объ уничтоженіи мѣстничества.

Родосл. книга рода Хитрово, СПБ. 1866, стр. 107—119.—Дополн. къ Акт. историч., V, 229, 335, 340, 383, 409, 418; VI, 100.

В. Корсакова.

Хитрово, *Иванъ Большой (Анфимъ) Севастьяновичъ*, думный дворянинъ, воевода Кіевскій, род. въ 1624 г., ум. 28 янв. 1697 г., принявъ предъ смертью монашество съ именемъ Антонія. Въ 1646 г. онъ былъ пожалованъ изъ жильцовъ въ стряпчіе, при чемъ за Атемарскую и Корсунскую службу (неизвѣстно какихъ годовъ) ему былъ назначенъ окладъ 400 четв. и деньгами 8 руб. Тяжело раненый въ 1655 г. во время Виленскаго похода, онъ въ слѣдующемъ году былъ назначенъ воеводой въ Верхотурьѣ, а въ 1657 г., по царскому указу, принималъ въ Сибири мѣры противъ морового повѣтрія. Съ 1659 по 1660 г. состоялъ воеводой на Дону, откуда 28 іюля 1661 г. былъ посланъ вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ Як. Тим. Хитрово противъ крымцевъ для освобожденія изъ плѣна Шереметева и другихъ знатныхъ русскихъ. Съ 1665 — 68 г. вѣдалъ Хлѣбный приказъ, затѣмъ до 1669 г. — приказъ Новгородскій. Пожалованный въ думные дворяне (1670), онъ вѣдалъ приказы Устюжской четверти и Смоленскій, а съ 1672—1674 г. вновь былъ воеводой на Дону, гдѣ послѣ казни Стеньки Разина стали появляться многочисленныя шайки его сообщниковъ; долго Х. не могъ справиться съ ними и въ 1673 г. былъ даже вынужденъ позвать къ себѣ на помощь калмыцкаго тайшу Аюку и другихъ тайшъ, кочевавшихъ близъ Дона. Въ 1674 г. были назначены воеводами на Донъ кн. Петръ Ив. Хованскій и Як. Тим. Хитрово, а Ивану Севастьяновичу приказано сдать полкъ и ѣхать къ Москвѣ. Сдача полка затянулась однако до осени. Въ концѣ октября сего года донскіе воеводы прислали отписки въ посольскій приказъ къ боярину Арт. Серг. Матвѣеву съ жалобой на Х.; по ихъ словамъ онъ поссорился съ кн. Булатомъ Черкасскимъ и съ калмыками, вслѣдствіе чего они ушли къ себѣ на Терекъ; донскіе же казаки изъ за его жестокости разбѣжались, а ратники умирали съ голоду, такъ какъ хлѣбъ, привезенный изъ разныхъ городовъ для служилыхъ людей, былъ весь распроданъ. Вслѣдствіе этой жалобы въ декабрѣ того же года была отправлена изъ посольскаго приказа съ нарочнымъ гонцомъ грамота на Донъ къ Х., чтобы онъ ѣхалъ въ Коротоякъ и безъ указа и безъ грамоты государя не пріѣзжалъ къ Москвѣ, а черезъ мѣсяцъ царь поручилъ разслѣдованіе этого дѣла боярину Ив. Богд. Милославскому. Надо полагать, что слѣдствіе оправдало Х., такъ какъ годъ спустя онъ опять появился въ Москвѣ: 30 янв. 1676 г. онъ приносилъ присягу царю Ѳеодору Алексѣевичу и вѣдалъ Монастырскій приказъ, а 5 мая того же года пожалованъ въ окольничіе. Съ 1679 — 1681 г. Х. былъ воеводой въ Кіевѣ и весьма дѣятельно занялся тамъ разными исправленіями, какъ видно изъ сохранившейся смѣтной книги, въ которой помѣщена роспись «подѣлокъ» въ укрѣпленіяхъ, произведенныхъ въ бытность его тамъ воеводой. Въ 1682 г. онъ подписалъ въ Москвѣ соборное дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества, а осенью того же года сопровождалъ царей въ ихъ походѣ въ Троице-Сергіеву лавру. Съ 14 окт. 1689 г. Х., вмѣстѣ съ бояриномъ Як. Никит. Одоевскимъ, вѣдалъ палату расправную. Послѣ 1691 г. его имя уже не встрѣчается въ разрядныхъ спискахъ, но неизвѣстно, когда именно онъ удалился отъ дѣлъ и постригся въ монахи. Х. получалъ частыя денежныя награды за свою службу и владѣлъ вотчинами въ Арзамасскомъ, Воротынскомъ, Кадомскомъ и Ижорскомъ уѣздахъ.

«Родосл. книга рода Хитрово», СПБ. 1866, стр. 66—73.—Дополн. къ Акт. истор., IX, стр. 110, 112.—Акты истор., IV, 501—507.—Акты юридич., 397. — Описан. докум. Московск. арх. минист. юстиціи, IV, стр. 238. *В. Корсакова.*

Хитрово, *Михаилъ Григорьевичъ*, стольникъ, воевода Каргопольскій. Въ 1649 г. былъ стряпчимъ, съ 1653—1656 г. участвовалъ въ отрядѣ боярина Петра Вас. Шереметева въ Польскомъ и Литовскомъ походахъ и былъ раненъ въ бою подъ Карачевымъ, въ 1659 г. состоялъ воеводой въ Рыльскѣ, гдѣ въ январѣ 1662 г. выдержалъ двухнедѣльную осаду крымскихъ татаръ, отбилъ нѣсколько приступовъ и заставилъ хана отступить. Въ 1677 г. былъ назначенъ воеводой въ Каргополѣ. До 1696 г. имя его встрѣчается еще въ боярскихъ книгахъ въ числѣ стольниковъ.

Родосл. книга рода Хитрово, СПБ. 1866, стр. 102—104. *В. Корсакова.*

Хитрово, *Михаилъ Елисѣевичъ*, отставной генералъ-маіоръ, сподвижникъ войнъ Суворова, род. въ 1765 г., ум. 18 іюля 1848 г. По обычаю своего времени, онъ десяти лѣтъ отъ роду былъ записанъ сержантомъ отъ мушкатеръ л.-гв. въ Измайловскій полкъ, откуда 11 декабря 1776 г. перечисленъ л.-гв. въ Преображенскій полкъ тѣмъ же званіемъ, но въ составъ бомбардирской роты. Въ 1787 г. Х. съ чиномъ капитана былъ уволенъ въ отставку, но вскорѣ снова принятъ на службу ротмистромъ сначала въ Казанскій кирасирскій, а затѣмъ въ С.-Петербургскій драгунскій полкъ. 18 октября слѣдующаго года онъ былъ произведенъ въ премьеръ-маіоры, съ временнымъ зачисленіемъ на должность кригсъ-цальмейстера въ коммисаріатъ, но военныя дѣйствія противъ Турціи вызвали его на боевое поприще, и въ декабрѣ 1788 г. онъ находился при штурмѣ и взятіи войсками Потемкина Очакова, за что награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степ. съ бантомъ. Въ 1789 г. онъ участвовалъ въ разбитіи 13 сентября при Каушанахъ непріятельскаго корпуса, 28 сентября во взятіи крѣпости Аккермана и 3 ноября во взятіи Бендеръ. Оставаясь при арміи до заключенія Ясскаго мира, Х. 9 февраля 1790 г. за отличіе получилъ чинъ маіора и переведенъ въ Бѣлорусскій егерскій корпусъ, а въ 1796 г.—въ Низовскій пѣхотный полкъ и 23 декабря 1798 г. произведенъ въ полковники. Съ началомъ войны 1799 г. Х. въ составѣ войскъ Суворова вступилъ въ Италію и съ отличіемъ участвовалъ въ сраженіяхъ 15 апрѣля при занятіи города Лекко и 5 мая—при Маренго, гдѣ за храбрость награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст.; съ 15 мая по 20 іюня находился при содержаніи постовъ на Альпійскихъ горахъ, съ 6 по 10 іюля—при осадѣ и взятіи крѣп. Алессандріи и съ 23 по 27 іюля при занятіи Багратіономъ замка Серравалле. За отличную храбрость въ генеральномъ сраженіи 4 августа при гор. Нови Х. былъ пожалованъ командоромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго; затѣмъ, вступивъ въ Швейцарію, онъ находился въ дѣлахъ при Сенъ-Готардѣ и при преслѣдованіи непріятеля до Чортова моста, участвовалъ въ переходѣ черезъ оный и во всѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ до окончанія кампаніи. По возвращеніи въ Россіи Х. въ 1799 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ шефомъ Нижегородскаго пѣхотнаго полка, съ которымъ въ 1806 г. снова выступилъ въ походъ въ войнѣ съ Турціею. Въ 1807 г. онъ находился при осадѣ крѣп. Измаила, въ 1709 г.—при осадѣ Браилова, при чемъ, участвуя въ неудачномъ штурмѣ, былъ раненъ пулею въ шею, въ маѣ 1810 г. при бомбардированіи Туртукая и при осадѣ крѣп. Рущука. По разстроенному раною здоровью Х. 25 августа 1811 г. вышелъ въ отставку, но 11 мая 1816 г. былъ снова принятъ въ дѣйствительную службу и назначенъ командиромъ 2 бригады 27 пѣхотной дивизіи, а 14 сентября слѣдующаго года командиромъ 1 бригады той же дивизіи. Въ 1817 г. онъ былъ назначенъ состоять по арміи, въ 1819 г. опредѣленъ на должность начальника 9-го округа внутренней стражи, а съ 4 марта по 15 ноября того же года предсѣдательствовалъ въ переведенной изъ Варшавы въ Гродно счетной провіантской коммисіи по продовольствію войскъ въ царствѣ Польскомъ и 8 декабря 1833 г. по прошенію уволенъ отъ службы.

Послужн. списокъ, хранящ. въ архивѣ Гл. Штаба.—«Моск. Вѣд.» 1848 г., № 92.

Д. С—въ.

Хитрово, *Николай Захаровичъ*, ген.-маіоръ, род въ 1779 г.; воспитывался въ родительскомъ домѣ и уже въ 1786 г. былъ записанъ сержантомъ л.-гв. въ Измайловскій полкъ. Дѣйствительную службу началъ въ чинѣ корнета л.-гв. въ Конномъ полку и въ 1801 г. былъ пожалованъ императоромъ Павломъ во флигель-адъютанты, а въ 1804 г., съ производствомъ въ полковники, назначенъ командиромъ Псковскаго драгунскаго полка и съ нимъ участвовалъ въ походѣ 1805 г. Въ 1807 г., состоя въ корпусѣ Бенигсена, 22 января отличился въ авангардномъ дѣлѣ при мѣстечкѣ Прошино, 4 февраля сражался при Остроленкѣ, 4 мая—при Пултускѣ и въ ночь съ 16 на 17 мая овладѣлъ непріятельскимъ мостомъ на рѣкѣ Наревѣ противъ Остроленки и сжегъ его. Будучи въ 1809 г. тяжко раненъ при осадѣ Браилова, Х. вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ, гдѣ предался научнымъ занятіямъ, состоя дѣйствительнымъ чле-

номъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ и почетнымъ членомъ Московскаго университета. Въ 1826 г. Х. издалъ описаніе Перемышльскаго Лютикова монастыря, съ присовокупленіемъ генеалогическихъ таблицъ рода Хитрово. Х. былъ женатъ на Аннѣ Михайловнѣ, дочери кн. М. П. Кутузова-Смоленскаго.

«Родосл. книга рода Хитрово», стр. 221, Спб., 1866.—«Новости Литературы» 1822 г., кн. II, стр. 194.

Хитрово, *Николай Михайловичъ*, генералъ лейтенантъ, род. въ 1810 г., ум. въ ноябрѣ 1879 г. Начавъ службу л.-гв. въ Волынскомъ полку, онъ въ чинѣ подпрапорщика выступилъ участникомъ военныхъ дѣйствій въ польской кампаніи и 13 февраля 1833 г. находился въ генеральномъ сраженіи подъ Прагою, на Гроховскихъ поляхъ, 14 мая въ битвѣ при Остроленкѣ, 7 іюня въ сраженіи при Вильнѣ и 25 и 26 августа участвовалъ въ штурмѣ передовыхъ укрѣпленій Варшавы. Въ 1832 г. Х. былъ произведенъ въ прапорщики и, оставаясь въ томъ же полку, въ 1843 г.—въ капитаны. Послѣ временнаго пребыванія въ безсрочномъ отпуску, онъ въ 1847 г. былъ переведенъ л.-гв. въ Егерскій полкъ, а въ слѣдующемъ году л.-гв. въ Семеновскій, гдѣ въ 1848 г. произведенъ въ полковники; въ рядахъ Семеновскаго полка онъ участвовалъ въ походѣ въ Венгрію (1849). Въ 1856 г. Х. за отличіе былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ состоять при гвардейскомъ пѣхотномъ корпусѣ, въ 1857 г. опредѣленъ на ту же должность при гренадерскомъ корпусѣ, въ 1860 г. назначенъ помощникомъ начальника 2-й гренадерской дивизіи, а въ 1863 г. опредѣленъ командующимъ 33 пѣхотною дивизіею, съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1868 г. Х. былъ уволенъ въ 11-мѣсячный отпускъ, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ, по истеченіи котораго 24 ноября 1869 г. назначенъ состоять при войскахъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.

Послужн. списокъ, хран. въ арх. Гл. Штаба.—Списки ген. 1872 г. — «Ист. л.-гв. Семеновскаго полка», сост. П. Дирпнъ, Спб. 1883, т. II, стр. 173.

Д. С—въ.

Хитрово, *Петръ Васильевичъ*, сенаторъ, президентъ коллегіи экономіи, ум. около 1793 г.; когда и куда поступилъ на службу, неизвѣстно, но въ 1767 г. состоялъ уже вице-президентомъ коллегіи экономіи и депутатомъ дворянства Болховскаго уѣзда въ коммиссіи для составленія новаго уложенія. Съ 1775—1779 г., въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, былъ президентомъ той же коллегіи, съ 1780 г. завѣдывалъ соляною конторою и присутствовалъ въ 6-омъ департаментѣ Сената, въ 1781 г. былъ вызванъ въ Петербургъ для участія въ трудахъ коммиссіи по составленію новаго по соляной части положенія.

«Родословная книга рода Хитрово», стр. 176, Спб. 1866.

Хитрово, *Сергій Петровичъ*, сенаторъ, род. въ 1745 г., ум., состоя на службѣ, 27 іюня 1827 г.; будучи въ 1757 г. опредѣленъ на службу въ артиллерію солдатомъ, онъ черезъ десять лѣтъ (1767), съ производствомъ въ поручики, былъ переведенъ л.-гв. въ Семеновскій полкъ и дослужилъ тамъ до чина капитана (1781). Въ 1784 г. Х. былъ уволенъ отъ военной службы для опредѣленія къ гражданскимъ дѣламъ и съ чиномъ бригадира опредѣленъ въ коммисаріатскій штатъ на оберъ-кригсъ-коммисаріатскую вакансію. Находясь въ Москвѣ членомъ главнаго коммисаріата и смотрителемъ надъ всею денежною казной, онъ въ 1785 г. за труды и полезную дѣятельность былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 3 ст. и въ 1789 г. назначенъ оберъ-штеръ-кригсъ-коммисаромъ, въ 1793 г. произведенъ въ ген.-маіоры, въ 1798 г.—въ ген.-лейтенанты, а въ 1799—въ дѣйствит. тайные совѣтники, съ увольненіемъ отъ коммисаріатскаго штата, для опредѣленія къ гражданскимъ дѣламъ. По вступленіи на престолъ императора Александра I, Х. 10 апрѣля 1801 г. повелѣно было присутствовать въ Сенатѣ, а именно во временномъ казенномъ департаментѣ, откуда онъ въ 1805 г. былъ перемѣщенъ въ 5 департаментъ.

Формул. спис. 1799 г.—Высочайшіе указы сенатскаго архива.—«Русск. родосл. книга», изд. Русск. Стар., I, 921.—«Родосл. книга рода Хитрово», Спб. 1866.

Хитрово, *Софронъ Алферовичъ*, воевода Вятскій, ум. 14 авг. 1701 г. и погребенъ въ Перемышльскомъ Лютиковомъ монастырѣ. Пожалованный въ 1649 г. въ

стольники, онъ въ числѣ другихъ сопровождалъ царя весной 1651 г. въ его походѣ изъ Москвы въ с. Покровское, съ 1653 — 56 г. участвовалъ въ Литовской войнѣ, а съ 1657—58 г. состоялъ воеводой въ Вяткѣ. Въ 1670 г. Х. участвовалъ въ походѣ противъ Стеньки Разина. Его помѣстный окладъ (первоначалью 600 четвертей и деньгами 30 руб.) постепенно увеличивался, такъ что за 40 лѣтъ службы онъ имѣлъ 1000 четвертей и 97½ руб.; кромѣ того ему была дана пошлинная грамота на деревню Ларшну и другія деревни Орловскаго уѣзда. Въ 1699 г. онъ владѣлъ 140 дворами въ уѣздахъ Вологодскомъ, Шешехонскомъ, Муромскомъ, Дмитровскомъ, Московскомъ и др. Передъ смертью Х. принялъ схиму съ именемъ Евфимія.

«Родосл. книга рода Хитрово», Спб. 1866, 120—122.—«Вятскій календарь» 1880 г., III.

В. К.

Хитрово, *Яковъ Лукичъ*, дѣйств. тайный совѣтникъ, сенаторъ, род. въ 1700 г., ум. въ апрѣлѣ 1771 г.; по повелѣнію императора Петра I онъ въ 1712 г. былъ отданъ на обученіе въ математическую школу, гдѣ въ томъ году и значился ученикомъ; затѣмъ учился въ Ревелѣ и въ С.-Петербургской морской школѣ разнымъ наукамъ, нѣмецкому языку и навигаціи и въ 1716 г. былъ опредѣленъ на службу во флотѣ гардемариномъ и, по распоряженію генералъ-адмирала графа Ѳ. М. Апраксина отъ 6 апрѣля того же года, назначенъ къ отправленію за границу для дальнѣйшаго обученія. По возвращеніи въ Россію (1720) Х. въ 1726 г. былъ произведенъ въ лейтенанты, а въ 1732 г., въ чинѣ дѣйствительнаго полковника, опредѣленъ совѣтникомъ въ контору генералъ-интенданта флота, съ назначеніемъ во 2-ую экспедицію, завѣдывавшую подрядомъ и закупкою лѣсовъ для флота, а также и постройкой въ Новой Голландіи амбаровъ и эллинговъ. Въ 1735 г. Х. было предложено имѣть ближайшій надзоръ за построеніемъ судовъ, а въ 1739 г. послѣдовало распоряженіе объ его отправленіи въ Казань для закупки лѣсовъ. Въ 1740 г. Х. былъ назначенъ въ экипажскую экспедицію оберъ-экипажмейстеромъ, а въ 1748 г., съ производствомъ въ дѣйствительные генералъ-маіоры, опредѣленъ членомъ адмиралтейской коллегіи. Вслѣдствіе отъѣзда императрицы Елизаветы Петровны въ Москву и отправленія туда Сената, Х. 7 дек. 1748 г. повелѣно присутствовать въ С.-Петербургской сенатской конторѣ. Въ 1753 г. онъ былъ назначенъ президентомъ вотчинной коллегіи, въ 1755 г. произведенъ въ тайные совѣтники, а 16 авг. 1760 г. назначенъ сенаторомъ, но уже два года спустя, 17 янв. 1762 г., уволенъ, согласно прошенію, отъ дѣлъ съ производствомъ въ дѣйств. тайные совѣтники.

Высочайшіе указы сенатскаго архива.—Русск. родосл. книга, изд. Русск. Стар., I, стр. 314, 320.—Дѣла Моск. архива минист. юстиціи.—Матеріалы для истор. русск. флота.—Архивъ морск. минист.—«Родословн. книга рода Хитрово», Спб., 1866, стр. 181.

Хитрово, *Яковъ Тимоѳеевичъ*, думный дворянинъ, воевода на Дону, ум. въ концѣ 1675 г. Въ 1634 г. за службу подъ Смоленскомъ и за полученную тамъ рану ему назначенъ помѣстный окладъ 400 четвертей и 10 руб. деньгами. Х. состоялъ воеводой въ Ефремовѣ (1645), въ Инсарѣ (1648), въ Карповѣ (1652). Въ 1653 г. онъ былъ въ числѣ дворянъ, отправленныхъ въ Польшу съ полномочными послами кн. Репнинымъ и Богд. Матв. Хитрово, въ 1653—56 гг. участвовалъ въ Литовскомъ походѣ и былъ вторично раненъ. Въ 1659 г. былъ вмѣстѣ съ окольничимъ кн. Дм. Алексѣевичемъ Долгорукимъ назначенъ воеводой въ Казань, гдѣ оставался до 1661 г., когда былъ посланъ воеводой же на Донъ съ Ив. Севаст. Хитрово. Во время воеводства на Дону Х. постоянно воевалъ съ крымцами и взялъ у нихъ нѣсколько улусовъ, но затѣмъ попалъ къ нимъ въ плѣнъ и освободился лишь черезъ 6 недѣль. Въ 1664 г. онъ былъ пожалованъ въ думные дворяне и отправленъ воеводой въ Полтаву, въ 1668 г. посланъ усмирять бунтовавшихъ запорожцевъ; такъ какъ у казаковъ возникли нелады, то Х. скоро удалось подавить возстаніе: онъ взялъ и разорилъ Кременчугъ и на его мѣстѣ построилъ новый городъ съ тѣмъ же названіемъ. Въ 1669 г., находясь воеводой въ Тамбовѣ, Х., по царскому указу, велѣлъ сдѣлать опись всего хлѣба, собраннаго въ Тамбовскомъ уѣздѣ, обмолотить его, везти въ Тамбовъ и ссыпать тамъ въ житницы и въ амбары, на

случай прихода воинскихъ людей. Лѣтомъ 1670 г., когда Стенька Разинъ двинулся изъ Астрахани вверхъ по Волгѣ, Х. посылалъ на Хоперскую пристань развѣдчиковъ и отправилъ объ этомъ донесеніе къ царю съ нарочнымъ гонцомъ. 11 октября онъ выступилъ изъ Тамбова съ войскомъ въ 2670 человѣкъ; въ деревнѣ Печинищахъ, въ 20 верстахъ отъ Шацка, образовалась новая «воровская» шайка; къ ней кромѣ крестьянъ пристали тамбовскіе казаки и солдаты, которымъ велѣно было идти на службу въ Шацкій полкъ и къ Х. Изъ Печенищъ они перешли въ с. Алгасово и стали тамъ обозомъ, разбойничая въ окрестностяхъ и призывая къ себѣ сосѣднихъ крестьянъ. 22 октября Х. осадилъ воровской обозъ, а село Алгасово велѣлъ зажечь и разорить, такъ какъ тамошніе крестьяне тоже участвовали въ грабежахъ. На другой день, когда вожаки воровской шайки стали бить челомъ о помилованіи, Х. привелъ казаковъ и солдатъ къ присягѣ и отпустилъ въ Тамбовъ. 11 декабря онъ самъ выступилъ изъ Шацка къ Керенску, который незадолго передъ тѣмъ былъ тоже взятъ мятежниками; по дорогѣ къ Керенску, въ деревнѣ Агадовѣ, онъ выдержалъ упорный бой съ «ворами»; при этомъ ему оказалъ помощь полковникъ Швыйковскій съ Смоленской, Бѣльской и Рославльской шляхтой, и воры вынуждены были сдаться. Отпущенные на волю мятежники отправились въ Керенскъ и такъ напугали тамошнихъ жителей разсказами о польской шляхтѣ, что Швыйковскій безъ сраженія былъ впущенъ въ городъ. Вскорѣ послѣ этого Х. былъ отозванъ въ Москву, а на его мѣсто назначенъ воеводой кн. Бор. Еф. Мышецкій. 22 янв. 1671 г. Х. присутствовалъ на свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной Нарышкиной, а 19 марта обѣдалъ у царя съ прочими воеводами, участвовавшими въ дѣлѣ усмиренія Стеньки Разина, и былъ награжденъ шубою подъ атласомъ золотнымъ и увеличеніемъ денежнаго оклада. Въ 1672 г. Х. былъ посланъ въ Сибирь съ порученіемъ «на Уральскихъ горахъ городъ поставить надъ Тасмами рѣками въ камнѣ и сыскивать серебряную руду». Товарищемъ при немъ состоялъ сынъ его Венедиктъ Яковлевичъ, а для отысканія серебряной руды отпущены мастера и знающіе нѣмцы. Х. повезъ съ собой много пушекъ, ницалей, пороху, свинцу; пашенные крестьяне всѣхъ государевыхъ слободъ доставляли на Уральскія горы хлѣбные запасы, казну, все необходимое для рудная дѣла и лѣсъ на постройку города и хоромъ, а для поставленія города и охраны его были созваны со всѣхъ городовъ дѣти боярскіе, рейтары и солдаты. Въ 1673 г. Х. писалъ Верхотурскому воеводѣ Хрущову о скорѣйшей присылкѣ въ Чусовскую слободу кормщиковъ и гребцовъ на струги, для отправленія «рудознатцевъ» по рѣкамъ Серебряной и Усвѣ, для сыска серебряной руды. Въ теченіе двухъ лѣтъ разыскивали серебряную руду также по рѣкѣ Тоболу, въ Кузнецкомъ Острогѣ, на Красномъ Ярѣ, въ Томскомъ уѣздѣ—и нигдѣ ничего не нашли. Тогда Х. велѣно было вернуться въ Москву съ товарищами и съ нѣмцами, служилыхъ людей распустить по городамъ, городъ на Уралѣ сжечь, а снаряды отослать въ Тобольскъ. Въ 1674 г. Х. былъ вновь назначенъ воеводой на Донъ вмѣстѣ съ кн. Петр. Ив. Хованскимъ; по прибытіи туда, у него возникли пелады съ прежнимъ воеводой Ив. Севаст. Хитрово, и 25 февр. 1675 г. на его мѣсто былъ назначенъ кн. Ив. Мих. Кольцовъ-Мосальскій. Х. остался на Дону, вѣроятно, вслѣдствіе болѣзни и старости, и умеръ тамъ въ концѣ 1675 г.

Бантышъ-Каменскій: «Слов. дост. людей Рус. земли», Спб. 1836, 5.—«Родосл. книга рода Хитрово», Спб., 1866, 81—91.—Соловьевъ: «Ист. Росс.», XI и XII.

В. Корсакова.

Хлопицкій, *Іосифъ*, польскій генералъ-лейтенантъ и диктаторъ во время возстанія 1830 г., дивизіонный генералъ русской службы, род. въ 1772 г., ум. въ 1854 г. Имя Хлопицкаго впервые встрѣчается въ спискѣ польскихъ офицеровъ, подносившихъ въ 1792 г. медаль князю Понятовскому по заключеніи Тарговицкой конфедераціи. Въ 1798 и 1799 гг. онъ, въ чинѣ маіора, состоялъ баталіоннымъ командиромъ въ 1-мъ Польскомъ легіонѣ французской арміи въ Италіи и съ отличіемъ участвовалъ въ сраженіи на р. Аддѣ и при взятіи Пескіеры. Незадолго до заключенія Тильзитскаго мира Х. возвратился въ Варшаву, гдѣ получилъ въ командованіе 1-й пѣхотный полкъ Вислян-

скаго легіона и съ нимъ въ 1808 г. былъ посланъ въ Испанію. Здѣсь онъ явился участникомъ осады Сарагоссы, военныхъ дѣйствій въ Аррагоніи, подъ начальствомъ маршала Сюше́, при С.-Маріа и Бельхитѣ и за отличіе произведенъ въ бригадные генералы. Пробывъ около четырехъ лѣтъ въ Испаніи, Х., при движеніи въ 1812 г. Наполеона въ Россію, былъ вызванъ имъ, вмѣстѣ съ польскими войсками, въ главную армію. Бородинскій бой, въ которомъ онъ былъ раненъ, и неудовольствіе за обходъ при производствѣ въ дивизіонные генералы побудили однако Хлопицкаго покинуть армію и отправиться въ Парижъ. По взятіи послѣдняго въ 1814 г. союзными войсками, Х. былъ принятъ императоромъ Александромъ въ польскую армію съ чиномъ генералъ-лейтенанта, но, вслѣдствіе нѣкоторыхъ частныхъ неудовольствій по службѣ, снова вышелъ въ отставку и окончательно поселился въ Варшавѣ. Здѣсь ожидали его участія событія мятежа Польши 1830 — 1831 гг. Общее довѣріе и расположеніе польскаго народа и войска къ Хлопицкому поставили его сначала во главѣ всей польской арміи, а затѣмъ вручили ему и бразды верховнаго правленія, съ титуломъ диктатора. Х., какъ старый, честный воинъ, былъ врагомъ тайныхъ заговоровъ и народнаго возстанія и потому принялъ всѣ мѣры къ прекращенію революціи и къ примиренію Польши съ ея законнымъ государемъ. Это обстоятельство вызвало протестъ противной партіи, восторжествовавшей на сеймѣ 18 декабря, и Х. сложилъ съ себя диктаторство, оставшись служить только генераломъ въ польской арміи. Тяжелая рана, полученная въ битвѣ на Гроховскихъ поляхъ, вывела его изъ строя. Х. удалился въ Краковъ, а оттуда въ Австрію и навсегда покинулъ военное и политическое поприще.

«Воен. энциклопед. лексиконъ», изд. 2.—«Militair-Conversations-Lexicon».

Д. С—въ.

Хлопко-Косолапъ, атаманъ разбойниковъ въ царствованіе Бориса Годунова. Въ голодный годъ на Руси появилось много разбойничихъ шаекъ, состоявшихъ преимущественно изъ холопей, которыхъ отпускали господа, не желая кормить ихъ. Одна изъ такихъ шаекъ, подъ предводительствомъ Хлопка-Косолана, грабила подъ самой Москвой. Посланные для истребленія шайки военные отряды ничего не могли сдѣлать. Наконецъ, въ 1604 г. противъ Хлопка отправлено было цѣлое войско подъ начальствомъ окольничаго П. О. Басманова; во время битвы Басмановъ палъ, но тѣмъ не менѣе разбойники были разбиты, а Хлопко, чуть живой отъ ранъ, взятъ въ плѣнъ. Какая его постигла участь, не извѣстно.

«Никоновск. лѣтоп.», ч. 8, стр. 54. — «Новая лѣтоп.», гл. 88. — Лѣтоп. о многихъ мятежахъ», стр. 71. — Карамзинъ: «Истор. Госуд. Росс.», т. XI.—Соловьевъ: «Ист. Россіи», т. XIII.—Арцыбашевъ: «Повѣствованіе о Россіи».

Хлопова, *Марія Ивановна*, дочь московскаго дворянина, невѣста царя Михаила Ѳедоровича. Въ 1616 г. царю пошелъ 20-ый годъ, и рѣшено было его женить. Выборъ царя палъ на Хлопову. Невѣсту помѣстили въ верхнихъ хоромахъ царскаго дворца, нарекли царицей, дали ей новое имя «Анастасія» и стали уже поминать при богослуженіи. Вмѣстѣ съ царственнымъ женихомъ она ѣздила въ Троице-Сергіевскую лавру на богомолье. Во дворцѣ съ царской невѣстой поселились ея мать и бабка, отецъ же и дяди ежедневно ее навѣщали. Царь приблизилъ къ себѣ родныхъ невѣсты, въ особенности же дядю ея Гавріила Васильевича Хлопова. Это обстоятельство не могло нравиться царскому родственнику и самому могущественному человѣку при дворѣ, боярину Михаилу Михайловичу Салтыкову, и между нимъ и Г. В. Хлоповымъ не замедлило произойти столкновеніе. Однажды царю въ Оружейной палатѣ показывали турецкую саблю. Салтыковъ, завѣдывавшій этой палатой, заявилъ, что и въ Москвѣ у него сдѣлаютъ такую. Спрошенный царемъ о своемъ мнѣніи, Х. выразилъ сомнѣніе въ вѣрности словъ Салтыкова, и между соперниками произошелъ споръ. Вскорѣ Салтыкову представился случай отомстить за оскорбленіе. Хлопова заболѣла, ее «рвало, и ломало нутро, и опухоль была». По мнѣнію Гавр. Вас. Хлопова болѣзнь произошла отъ неумѣреннаго употребленія сладкаго. О болѣзни доложили царю и его матери, и царь велѣлъ осмотрѣть невѣсту докторамъ, главный же надзоръ за лѣченіемъ былъ порученъ Салтыкову. Докторъ Фалентинъ Бильсъ нашелъ, что у Хлоповой желудокъ не въ порядкѣ, но что отъ этой болѣзни «плоду и

чадородію порухи не бываетъ». Осматривавшій же затѣмъ больную лѣкарь Балсырь (Бальцеръ) нашелъ у больной желтую болѣзнь, отъ которой, впрочемъ, по его мнѣнію, порухи чадородію не бываетъ. Докторъ прописалъ лѣкарство, но родные, не довѣряя ему, лѣчили больную и своими средствами: давали воду съ мощей и камень «безуй». Не смотря на благопріятные отзывы врачей и на то, что Хлопова вскорѣ выздоровѣла, Салтыковъ объявилъ царю, что доктора нашли у ней неизлѣчимую болѣзнь. Онъ возстановилъ противъ Хлоповой и тетку свою, мать царя. Дѣло о Хлоповой было передано на рѣшеніе боярской думы, которая объявила, что «царская невѣста къ государевой радости не прочна». Ее сослали съ «верху», гдѣ она прожила всего шесть недѣль. Хлопова поселилась у бабки своей, Ѳеодоры Желябужской. Черезъ 10 дней ее вмѣстѣ съ бабкой, теткой и двумя дядями Желябужскими сослали въ Тобольскъ и разлучили такимъ образомъ съ матерью и отцомъ, который былъ посланъ на воеводство въ Вологду. Осенью 1619 г. Хлопова и Желябужскіе были переведены въ Верхотуры, гдѣ они пробыли немного болѣе года, такъ какъ уже 30 декабря 1620 г. была отправлена въ Верхотуры грамота о томъ, что царь пожаловалъ свою бывшую невѣсту съ родными ея для отца своего Великаго Государя Святѣйшаго Патріарха Филарета Никитича и велѣлъ перевести ихъ въ Нижній-Новгородъ. Выѣхать во вновь назначенный для пребыванія городъ Хлопова и Желябужскіе могли не раньше февраля 1621 г., такъ какъ только 4 февраля пріѣхалъ въ Верхотуры человѣкъ Ивана Хлопова, привезшій царскую грамоту. Царь не покидалъ между тѣмъ мысли жениться на прежней невѣстѣ. Когда послѣ неудачныхъ переговоровъ о бракѣ съ иностранными принцессами ему предложили выбрать невѣсту изъ русскихъ дѣвицъ, онъ отвѣчалъ: «обручена мнѣ царица, кромѣ ея не хочу взять иную». Въ это же время въ Москвѣ стало извѣстно, что Хлопова, живущая въ Нижнемъ-Новгородѣ, совершенно здорова. По совѣту патріарха Филарета рѣшено было разслѣдовать дѣло о болѣзни Хлоповой. 15 сент. 1623 г. царь въ присутствіи бояръ самъ допрашивалъ доктора Бильса и лѣкаря Балсыря, которые повторили свои прежнія слова. Очная ставка ихъ съ Салтыковымъ обнаружила его обманъ. 19 сентября царь съ патріархомъ допрашивали отца и дядю Хлоповой, изъ которыхъ послѣдній подробно объяснилъ всѣ обстоятельства, предшествовавшія болѣзни царской невѣсты, и разсказалъ о ссорѣ съ Салтыковымъ. Духовникъ Хлоповой показалъ, что она всегда была здорова. Послѣ этого въ Нижній-Новгородъ былъ посланъ бояринъ Ѳ. П. Шереметевъ съ нѣсколькими другими лицами, въ числѣ которыхъ были и врачи, для допроса Хлоповой и жившихъ съ нею родныхъ. Слѣдователямъ велѣно было «къ Хлоповой держать честь и береженіе во всемъ и деньги и запасы всякіе на ея обиходъ давать, чтобы ей скудости и недостатка ни въ чемъ не было». При допросѣ Хлопова объявила, что болѣзнь ея «учинилась отъ супостатъ». Слѣдователи пришли къ заключенію, что Хлопова вполнѣ здорова. Когда слѣдствіе было окончено, Ѳ. И. Шереметевъ по царскому повелѣнію выдалъ Хлоповой 300 р. и запасы хлѣбные и медвяные. Салтыковы подверглись опалѣ и были высланы изъ Москвы. Однако царю не пришлось привести въ исполненіе свое желаніе. Мать его, старица Марѳа Ивановна, продолжала быть противъ Хлоповой и объявила, что не быть ей въ царствѣ передъ сыномъ, если Хлопова будетъ царицей. Не смотря на то, что патріархъ Филаретъ былъ за бракъ съ Хлоповой, Михаилъ Ѳедоровичъ не хотѣлъ идти противъ воли матери. 1 ноября была послана къ Шереметеву грамота съ приказомъ объявить Ивану Хлопову, что государь дочь его Марію взять за себя не изволилъ. Ивану Хлопову приказано было ѣхать въ его Коломенскую вотчину, а Марія Ивановна съ бабкой и дядями оставлена въ Нижнемъ-Новгородѣ. Корму имъ было велѣно давать вдвое противъ прежняго. Для житья Хлоповой былъ данъ вымороченный дворъ Козьмы Минина. Хлопова скончалась въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1633 г., не позже марта мѣсяца, такъ какъ 31 марта ея дворъ былъ отданъ князьямъ Черкасскимъ.

Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, ч. III, № 63—65.—Акты Историч., т. III, № 80 и 91.—Акты, собранн. Археограф. Экспедиціей, т. III, № 218.—Полн. собр. русскихъ лѣтописей, т. V, стр. 55. — Соловьевъ: «Ист. Росс.», т. IX, гл. 3.—Забѣлинъ: «Домашній бытъ русскихъ царицъ», гл. 3.

Чулковъ.

Хлоповъ, *Кириллъ Осиповичъ*, воевода и боярин. Назначенный въ 1662 г. воеводой въ Борисовъ, онъ во время осады этого города поляками писалъ государю, что ратные люди безпрестанно бьютъ челомъ о соли, а дать имъ нечего, и онъ боится, чтобъ «отъ нихъ не сдѣлалось чего нибудь дурного», потому что они сильно скучаютъ и измѣняютъ, начали даже перебѣгать къ польскимъ людямъ. 9 іюля того же года Х. получилъ приказъ покинуть городъ, изъ котораго и вышелъ со всѣми ратными людьми, пушками, запасами и казною. Въ 1663 г. Х. состоялъ воеводой у Брюховецкаго и 23 окт. донесъ, что ходилъ съ гетманомъ подъ Кременчугъ и что они взяли этотъ городъ со всѣми людьми, парядомъ и знаменами. Вскорѣ послѣ того Х. былъ назначенъ воеводой въ Переяславль на мѣсто кн. Волконскаго, смѣненнаго, по просьбѣ кіевскаго архіерея Меѳодія, за упрямство, а въ 1677 г. сдѣланъ думнымъ дворяниномъ и присутствовалъ въ Астрахани, въ качествѣ товарища воеводы, при совершеніи шертной записи калмыцкаго тайши Аюки Мончакова на подданство Московскому государю по прежнимъ и новымъ договорнымъ грамотамъ. Въ томъ же году Х. былъ посланъ изъ Астрахани въ Царицынъ съ ратными людьми для поимки воровскихъ казаковъ, взявшихъ Гурьевъ городокъ, а съ 1678—1679 г. состоялъ въ Земскомъ приказѣ и въ 1682 г. подписалъ соборное дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества. По государеву указу Х. присутствовалъ при постриженіи въ Чудовомъ монастырѣ боярина Кирилла Полуектовича Нарышкина и въ 1690 г. былъ сдѣланъ боярином.

Собр. госуд. гр. и дог., IV, 344, 408, 462. — Доп. къ акт. ист., VII, 97, 98, 253; IX, 107; X, 24.—Рус. Ист. Библ., X, 362, 369, 372.—Разрядн. кн., II, 945, 946, 951, 953, 954, 957—960, 962—967, 969, 972, 974, 977, 978. — Берхъ: «Царств. Ѳеодора Алексѣевича», I, 38; II, 56.—Соловьевъ: «Ист. Россіи», XI, 163, 166, 171, 174—176.

В. Корсакова.

Хлопуша, *Аѳанасій*, одинъ изъ главныхъ сподвижниковъ Пугачева, около двадцати лѣтъ наводившій своими разбоями ужасъ на жителей Оренбургскаго края, казненъ въ іюнѣ 1774 г.; за свои злодѣйства не разъ битый кнутомъ, онъ трижды былъ сосланъ въ Сибирь и трижды сумѣлъ бѣжать оттуда. Во время появленія Пугачева подъ Оренбургомъ (1773), содержавшійся въ Оренбургскомъ острогѣ каторжникъ Хлопуша вызвался доставить въ войско Пугачева увѣщательные манифесты отъ оренбургскаго губернатора Рейнсдорпа и тайно распространить ихъ среди мятежниковъ. Въ это критическое для Оренбурга время наивный Рейнсдорпъ повѣрилъ клятвамъ каторжника и его обѣщаніямъ привести самозванца связаннымъ въ Оренбургъ. За точное исполненіе порученія губернаторъ пообѣщалъ Хлопушѣ свободу, полное прощеніе за прежнія вины и сто рублей денегъ. Прибывъ въ станъ самозванца, Х. тотчасъ явился къ Пугачеву и вручилъ ему самому всѣ губернаторскія бумаги, за что Пугачевъ пожаловалъ ему полтину денегъ и велѣлъ надѣть на него халатъ и шаровары съ недавно повѣшеннаго киргиза. Хорошо зная мѣстность Оренбургскаго края, хитрый и энергичный Х. вскорѣ сдѣлался любимцемъ и правой рукой Пугачева. Пожаловавъ Хлопушу чиномъ полковника, Пугачевъ поручилъ ему грабежъ и возмущеніе окрестныхъ заводовъ. Х. началъ съ Овзяно-Петровскаго завода. Здѣсь онъ отлилъ для Пугачева пушки, возмутилъ приписныхъ крестьянъ и окрестныхъ башкиръ, подъ Оренбургомъ присоединился съ ними къ Пугачеву, а затѣмъ пошелъ съ многочисленнымъ отрядомъ въ Тимошенскія села, въ деревни по рѣкѣ Сакмарѣ, на Богульминскую и Стерлитамакскую соляныя пристани, на Твердышевскіе и другіе уральскіе заводы, производя вездѣ по пути грабежъ, вербуя новыя шайки и посылая Пугачеву захваченныя на заводахъ пушки, ядра, мортиры, порохъ и людей годныхъ къ оружію. По приказанію Пугачева Х. овладѣлъ крѣпостью Ильинскою, захватилъ въ Губерлинскихъ горахъ команду, слѣдовавшую отъ генералъ-маіора Станиславскаго, и назначенный начальникомъ Бердской слободы, руководилъ до прибытія Пугачева осадой Верхне-Озерной крѣпости и вмѣстѣ съ нимъ разорилъ Илецкую крѣпость. Во время частыхъ отлучекъ Пугачева Х., вмѣстѣ съ Шигаевымъ и Падуровымъ, руководилъ осадой Оренбурга и воспользовавшись однимъ изъ отсутствій Пугачева, самовольно овладѣлъ Илецкой Защитой, разграбилъ все казенное имущество и перебилъ офицеровъ. Такое своеволіе Хлопуши вызвало гнѣвъ даже Пуга-

чева. Въ Мартѣ 1774 г., послѣ сильнаго пораженія въ крѣпости Татищевой, Х. вмѣстѣ съ Пугачевымъ укрылся въ Берду, потомъ поскакалъ въ Каргалинскую слободу, чтобы спасти жену и сына, но былъ пойманъ тамошними татарами, связанъ и посаженъ въ погребъ, а затѣмъ, по приказанію Рейнсдорпа, перевезенъ въ Оренбургъ, гдѣ и былъ казненъ.

«Журналъ объ осадѣ Оренбурга», напечатанный по рукописи академика Рычкова въ матеріалахъ къ «Исторіи Пугачевскаго бунта» А. С. Пушкина (соч. т. VI, изд. 8, 1882 г., стр. 234, 242, 318—319 и др.; ibid. 23, 35—37 и др.).—Щебальскій: «Начало и характеръ Пугачевщины», М. 1865, стр. 68 и др.—Балтышъ-Каменскій: «Словарь достопам. людей», 1836, т. V.

А. Ч.

Хлудовъ, *Алексѣй Ивановичъ*, род. въ 1818 г., ум. въ ночь на 22 марта 1882 г. въ Москвѣ, гдѣ и погребенъ на кладбищѣ Покровскаго монастыря. Происходя изъ именитой купеческой фамиліи, Х. принадлежалъ къ почетнѣйшимъ представителямъ стараго московскаго купечества, велъ большія коммерческія дѣла по хлопчатобумажному производству и за свои заслуги на этомъ поприщѣ былъ награжденъ званіемъ мануфактуръ-совѣтника и орденомъ Владиміра 3 степ. Х. былъ главою одного изъ значительнѣйшихъ купеческихъ домовъ въ Россіи, однимъ изъ учредителей Братства св. Петра митрополита въ Москвѣ и Ореховской мануфактуры. По отзывамъ людей, близко его знавшихъ, Х. былъ человѣкъ неподкупной честности, прямой, правдивый, трудолюбивый, отличался силой ума и вѣрностью взглядовъ. Одаренный большими природными способностями и развившій ихъ вполнѣ самостоятельно, такъ какъ въ молодости не получилъ почти никакого образованія, Х. не могъ тѣсно замкнуться въ узкой средѣ торговыхъ интересовъ: пристрастившись къ собиранію древне-русскихъ рукописей и книгъ, онъ составилъ изъ нихъ богатѣйшее собраніе, всегда открытое для всѣхъ, желавшихъ имъ пользоваться. Это собраніе образовалось, главнымъ образомъ, изъ трехъ коллекцій: А. И. Озерскаго, А. И. Лобкова и А. Ѳ. Гильфердинга, и въ 1872 г. состояло изъ 361 рукописи, въ числѣ которыхъ было 69 писанныхъ на пергаментѣ и бомбицинѣ, болѣе 60 принадлежало къ числу памятниковъ древняго письма (конца XIV в.), почти столько же—къ памятникамъ югославянскимъ; кромѣ того въ собраніи было много замѣчательныхъ русскихъ списковъ древнихъ памятниковъ и болѣе 100 полемическихъ сочиненій за и противъ раскола въ русской церкви. Обнимая въ своемъ составѣ обширный кругъ рукописнаго матеріала, отъ св. писанія до церковно-историческихъ и литературныхъ произведеній, собраніе Хлудова заключало въ себѣ весьма важные памятники, напримѣръ: Просвѣтитель Іосифа Волоцкаго, превосходный списокъ словъ митр. Даніила, четыре списка Стоглава, Великій Міротворный кругъ св. Агаѳона, неизданные переводы и сочиненія Максима Грека, творенія Іоанна Дамаскина въ переводѣ кн. А. М. Курбскаго съ собственноручными его замѣтками, Книгу о вѣрѣ единой русской, житія святыхъ, святцы, лѣтописи, бесѣды, памятники исторической и духовно-полемической литературы XVII и XVIII вв., синодики, путешествія, много любопытныхъ книгъ, касающихся русскаго раскола, книгъ старопечатныхъ и т. п. Собраніе Хлудова было съ полнымъ знаніемъ дѣла и тщательностью описано Андр. Ник. Поповымъ; трудъ этотъ вышелъ въ Москвѣ въ 1872 г. подъ заглавіемъ: «Описаніе рукописей библіотеки А. И. Хлудова», а въ 1875 г. появилось въ Москвѣ составленное имъ же «Первое прибавленіе къ описанію рукописей и каталогу книгъ церковной печати библіотеки А. И. Хлудова». Сверхъ того, архимандритъ Амфилохій въ «Трудахъ Моск. Археологич. Общества» помѣстилъ статью «О славянской псалтири XIII—XIV вв. изъ библіотеки Хлудова» (1870), въ 1878 г. Н. П. Кондаковъ издалъ въ Москвѣ описаніе «Миніатюръ греческой рукописной псалтири IX в. изъ собранія Хлудова, съ 2 хромолитографіями и 14 литографированными таблицами» и, наконецъ, въ 1887 г. Х. М. Лопаревъ напечаталъ въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. ист. и древн. Рос.» «Описаніе Хлудовской рукописи» (кн. III, стр. 1—18). Впослѣдствіи общее число рукописей у Хлудова дошло до 430 (въ томъ числѣ 99 были на пергаментѣ), а старопечатныхъ книгъ—до 624. Въ 1866 г. Х. пожертвовалъ часть книгъ, принадлежавшихъ прежде В. М. Ундольскому (Брестскія, Краковскія и Витебскія старопечатныя изданія), въ библіотеку Московской духовной академіи, вся же библіотека и

собраніе рукописей Хлудова, по его смерти, согласно его завѣщанію, поступили въ Никольскій единовѣрческій монастырь въ Москвѣ.

Въ 1847 — 49 гг. Х. состоялъ членомъ Московскаго коммерческаго суда, въ 1855—1861 гг.—почетнымъ членомъ совѣта Московскаго коммерческаго училища, съ 1855 по 1869 г.—биржевымъ старшиной, въ 1859 г. былъ назначенъ членомъ Московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта. Съ установленіемъ въ 1859 г. должности предсѣдателя Московскаго биржевого комитета, Х. былъ избранъ первымъ въ это званіе, которое и носилъ до 1865 г. Сверхъ того, Х. въ 1862 г. былъ выбранъ предсѣдателемъ Московскихъ отдѣленій мануфактурнаго и коммерческаго совѣтовъ и оставался въ этомъ званіи до 1867 г., состоя въ 1865 г. предсѣдателемъ комитета по устройству въ Москвѣ мануфактурной выставки и принадлежа къ числу учредителей Московскаго художественно-промышленнаго музея.

«Московск. Вѣдом.», 1882 г., №№ 82, 86 и 87.—«Новое Время» 1882 г., № 2181.—Проф. Н. Субботинъ: «Въ память объ А. И. Хлудовѣ». М. 1882. — «Ист. Вѣстн.» 1886 г., № 2. — Д. А. Покровскій: «Очерки Москвы» — въ «Ист. Вѣстн.» 1893 г., т. 52.—Записки Имп. Акад. Наукъ 1872 г., т. XX.—Сборникъ статей, чит. въ отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т. X, стр. XVII—XXV (ст. И. И. Срезневскаго).—Сборн. 2-го Отд. Имп. Ак. Н., т. VII, стр. VII, т. XV, № 2, стр. XI; т. XVII, стр. III.—Отчетъ Моск. Археол. Общ. за 1872—73 г., т. IV, вып. I, стр. 45—46.—В. С. Иконниковъ: «Опытъ русской исторіографіи». Кіевъ, 1891 — 1892 (по указателю). — Н. Бокачевъ: «Описи русскихъ библіотекъ». Спб. 1890, стр. 152 — 153. — «Собраніе сочиненій кн. П. П. Вяземскаго». Спб. 1893, стр. 185.

Б. Л. Модзалевскій.

Хлудовъ, *Давидъ Ивановичъ*, извѣстный благотворитель, род. въ Москвѣ въ 1822 г., ум. 3 апр. 1886 г. Младшій сынъ извѣстнаго Московскаго купца Ивана Хлудова, Давидъ Ивановичъ получилъ строго религіозное образованіе и по достиженіи совершеннолѣтія дѣятельно занялся торговлей, особенно на Ирбитской и Нижегородской ярмаркахъ. Избранный въ 1857 г. городскимъ головой въ г. Егорьевскѣ, онъ мало-по-малу сталъ устраняться отъ торговли и въ 60-хъ годахъ совершенно оставилъ фирму «Ивана Хлудова сыновья». Съ этого же времени начинаются его щедрыя пожертвованія на монастыри и церкви. Въ г. Егорьевскѣ Х. отдѣлалъ заново соборъ, въ которомъ былъ церковнымъ старостой, построилъ на погостѣ Крупинахъ (въ Егорьевскомъ уѣздѣ) новый каменный храмъ, перестроилъ рязанскій Богословскій монастырь и сдѣлалъ цѣнные вклады въ Ольговъ монастырь и во многія церкви селъ Рязанской епархіи. Большія пожертвованія сдѣланы Хлудовымъ также въ монастыри и церкви Московской епархіи, такъ, имъ заново отстроенъ Бобреневъ монастырь и получилъ богатыя пожертвованія николаевскій Песношскій монастырь; кромѣ того Х. на свои средства устроилъ нѣсколько богадѣленъ и начальныхъ училищъ при монастыряхъ и церквахъ, а для призрѣнія бѣдныхъ дѣтей духовенства Московской епархіи пожертвовалъ большой каменный домъ на Ордынкѣ въ Москвѣ, приспособленный потомъ для Маріинскаго епархіальнаго женскаго училища.

«Давидъ Ивановичъ Хлудовъ», некрологъ. М. 1886.—«Рязанск. епарх. вѣд.» 1871 г., № 5.—«Чтенія въ Имп. Общ. ист. и древн. Росс.» 1874 г., кн. 4—«Московск. церков. вѣд.» 1885 г., № 51.

Хлудовъ, *Иванъ Алексѣевичъ*, извѣстный своею смѣлостью и предпріимчивостью на поприщѣ торговли и промышленности, род. въ 1839 г., ум. въ Самаркандѣ въ іюлѣ 1868 г. Получивъ образованіе въ с.-петербургскомъ Петропавловскомъ училищѣ, Х. въ 1857 г. былъ отправленъ въ Бременъ, гдѣ для коммерческой практики поступилъ на службу въ контору, имѣвшую обширныя торговыя сношенія со всѣми странами свѣта, а чрезъ два года отправился въ Англію и обстоятельно изучивъ тамъ хлопковый рынокъ, рѣшился завести прямыя торговыя сношенія съ Америкою. Въ 1860 году Х. пріѣздилъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, изучилъ на мѣстѣ производство хлопка и завелъ сношенія съ важнѣйшими американскими торговыми домами, хотя на первый разъ потерпѣлъ убытки до 3 милліоновъ рубл. вслѣдствіе того, что сѣверные штаты, находившіеся въ то время въ войнѣ въ южными, частью конфисковали, частью сожгли купленный имъ хлопокъ. Стремясь вывести русскую торговлю изъ подъ опеки иностранцевъ, Х. въ 1862 г. открылъ свою торговую контору на главномъ хлопковомъ рынкѣ—въ Ливерпулѣ. Когда съ расширеніемъ владѣній нашихъ въ Средней Азіи торговый домъ бр. Хлу-

Хмельницкій, *Зиновій Богданъ*, знаменитый малороссійскій дѣятель, ум. 27 іюля 1657 г. Событіе громаднаго историческаго значенія, совершившееся въ половинѣ XVII в., — соединеніе Великой, Малой и Бѣлой Россіи, которое подготовило образованіе могучей Всероссійской имперіи, съ рѣшительнымъ стремленіемъ къ усвоенію западно-европейской культуры, тѣсно связано съ дѣятельностью гетмана Богдана Хмельницкаго. Не мудрено, что дѣятельность эта, равно и самая личность его пріобрѣли въ нашей исторіографіи не маловажный интересъ; причемъ оцѣнка ихъ находилась чаще всего въ зависимости отъ субъективныхъ воззрѣній изслѣдователей, и сдѣлавшаяся предметомъ страстной полемики личность Хмельницкаго остается до настоящаго времени не вполнѣ выясненною.

Такъ какъ Х. до возстанія 1648 г. былъ въ сущности лицомъ малозначительнымъ, которымъ никто не имѣлъ основаній особенно интересоваться, то и біографія его до этого времени недостаточно извѣстна; хотя громкая роль его впослѣдствіи и вызвала не мало ретроспективныхъ указаній, но и они не вполнѣ достовѣрны, такъ что съ нѣкоторою вѣроятностью о біографіи Хмельницкаго до 1648 г. можетъ быть сообщено лишь слѣдующее:

Хмельницкіе были люди не родовитые и извѣстія о выходѣ ихъ изъ Люблинскаго воеводства, изъ Жмуди, или изъ г. Лисянки (нынѣ Кіевской губ.), о чемъ говорятъ польскія и южно-русскія лѣтописи, столь же маловѣроятны, какъ и разсказъ о происхожденіи Богдана Хмельницкаго отъ молдавскихъ господарей Богдановъ, сложившійся уже во время славы Хмельницкаго. Вѣрнѣе, что отецъ Б. Хмельницкаго, Михайло Х., происходилъ изъ податного класса и былъ родомъ изъ г. Хмельника (нынѣ Подольской губ.), почему и назывался Хмельницкимъ. Онъ служилъ сперва хлопцемъ у знаменитаго коронаго гетмана Жолкевскаго, къ нему очень благоволившаго, потомъ сталъ писаремъ у него же, далѣе сборщикомъ податей и счетчикомъ въ г. Чигиринѣ. По женѣ-казачкѣ и онъ сталъ казакомъ и затѣмъ сотникомъ реестроваго чигиринскаго полка, при чемъ за усердную службу получилъ около 1580 г. отъ чигиринскаго старосты помѣстье вблизи Чигирина, построилъ хуторъ Субботово (въ 8 верстахъ отъ Чигирина, на р. Тясминѣ) и началъ заселять свое владѣніе, такъ что въ результатѣ составилъ себѣ значительное состояніе; вѣроятно, имъ же была построена въ Субботовѣ деревянная Михайловская церковь. Чуть ли Михайло Х. не дослужился даже до званія чигиринскаго подстаросты и въ такомъ званіи былъ нобилитованъ, съ причисленіемъ къ гербу Абданкъ. Наконецъ, 6 октября 1620 г. онъ былъ убитъ въ сраженіи подъ Цецорою. Насколько извѣстно, у него остался лишь одинъ сынъ—Зиновій. На основаніи послѣдующихъ хронологическихъ датъ біографіи Б. Хмельницкаго можно предположить, что онъ родился около 1595 г.; настоящее имя его было Зиновій, но, вѣроятно, до его рожденія у отца его долго не было дѣтей, и рожденіе его явилось нѣсколько неожиданнымъ, почему онъ и прозванъ былъ Богданомъ, и это имя пристало къ нему крѣпче настоящаго. Какъ человѣкъ зажиточный, Михайло Х. могъ дать сыну хорошее воспитаніе и, по разнымъ извѣстіямъ, Богданъ Х. послѣдовательно учился въ Кіевѣ, у іезуитовъ въ Ярославлѣ Галицкомъ и въ Варшавѣ; поэтому онъ хорошо владѣлъ польскимъ и латинскимъ языками, посвященъ былъ въ кругъ тогдашнихъ школьныхъ знаній и вообще былъ человѣкомъ развитымъ и образованнымъ, разумѣется, на польскій ладъ. По достиженіи совершеннолѣтія, Х. служилъ въ казакахъ и участвовалъ въ 1620 г. въ сраженіи подъ Цецорою, гдѣ былъ убитъ его отецъ, а самъ онъ взятъ въ плѣнъ, въ которомъ (неизвѣстно, въ Турціи, или въ Крыму) пробылъ 2 года и могъ познакомиться съ турецкимъ (или татарскимъ) языкомъ и магометанскими обычаями; кажется, онъ былъ выкупленъ изъ плѣна на средства короля Сигизмунда III. Извѣстіе, что Х. въ 1621 г. участвовалъ въ набѣгѣ запорожцевъ на Турцію, и даже былъ ихъ предводителемъ, недостовѣрно; возможнѣе, что, по возвращеніи изъ плѣна, онъ участвовалъ въ какомъ либо запорожскомъ предпріятіи, напр., въ набѣгѣ 1629 г. на Константинополь, и во всякомъ случаѣ Х. былъ въ Запорожьи не безызвѣстенъ; но еще вѣроятнѣе, что въ 20-хъ годахъ онъ служилъ при кабинетѣ короля Сигизмунда въ Варшавѣ, а потомъ въ его гвардіи,

пока (до 1632 г.) не переселился въ Субботово, которымъ онъ владѣлъ послѣ смерти отца и, весьма успѣшно заселяя его, жилъ здѣсь состоятельнымъ человѣкомъ. Можно думать, что это переселеніе было связано съ его женитьбой на Аннѣ Сомковнѣ, богатой переяславкѣ изъ куческой семьи, отъ которой у него было 3 сына и 2 дочери. Старшій сынъ Тимоѳей родился въ началѣ 30-хъ годовъ, второй (Остапъ?) около 1635 г., третій Юрій въ 1641 г.; дочери его Екатерина и Елена были замужемъ за его сподвижниками: первая за Даніломъ Выговскимъ (братомъ гетмана Ив. Выговскаго), вторая за Иваномъ Нечаемъ.

Что Х. былъ уже въ 30-хъ годахъ человѣкъ замѣтный, видно изъ того, что онъ въ 1632 г. участвовалъ въ посольствѣ, которое ходатайствовало передъ королемъ о правахъ и преимуществахъ казачества; затѣмъ есть указаніе, что въ 1634 г. Х. служилъ въ польскомъ войскѣ при осадѣ Смоленска и получилъ за храбрость отъ короля Владислава IV дорогую саблю; а что ему приходилось не разъ участвовать въ отраженіи татарскихъ загоновъ, нападавшихъ тогда на Украйну, на то имѣются и точныя указанія. Въ 1636 г. Х., подобно отцу, былъ чигиринскимъ сотникомъ и въ этомъ званіи лѣтомъ былъ посланъ казаками вмѣстѣ съ черкасскимъ сотникомъ Барабашемъ поздравить короля съ именинами и жаловаться на притѣсненія отъ польскихъ солдатъ, а въ началѣ 1637 г. на сеймъ—съ жалобою же на неуплату слѣдуемаго казакамъ жалованья. Кажется, уже въ это время король, не довольный панами, далъ казакамъ милостивую грамоту, разрѣшивъ имъ хлопотать о возстановленіи прежняго устройства, уничтоженнаго послѣ бунта 1625 г. Куруковскимъ соглашеніемъ, и на насилія совѣтовалъ отвѣчать насиліями. Не невозможно, что такое отношеніе короля было одною изъ причинъ происшедшихъ послѣ того казацкихъ безпорядковъ; но Х. участія въ нихъ не принималъ, а послѣ разгрома казаковъ подъ Кумейками въ 1637 г., когда въ старшину попали люди преданные правительству, онъ сталъ войсковымъ писаремъ. Осенью 1638 г. онъ снова былъ въ числѣ лицъ, посланныхъ казаками съ кіевской рады къ королю просить о снисхожденіи къ казакамъ послѣ пораженія подъ Лубнами. Тогда Х. уже не былъ войсковымъ писаремъ, а вернулся къ чигиринской сотнѣ, и не потому, что онъ участвовалъ въ казацкихъ возстаніяхъ (какъ полагалъ Костомаровъ), а скорѣе вслѣдствіе недовольства имъ со стороны бунтовавшихъ казаковъ. Этому соотвѣтствуетъ и его роль въ дѣлѣ Личая; когда тотъ поднялъ бунтъ противъ тогдашней казацкой старшины, то мятежъ былъ потушенъ при, неясномъ впрочемъ, содѣйствіи Хмельницкаго, и личаевцы убѣжали въ Запорожье. Событіе это могло случиться не позже начала 40-хъ годовъ. Около того же времени Х., по преданію, сопровождалъ короннаго гетмана Конецпольскаго, расположеніемъ котораго онъ несомнѣнно пользовался, и инженера Боплана при осмотрѣ ими Кодацкой крѣпости, устроенной именно противъ казаковъ, и на похвальбы ею Конецпольскаго сказалъ будто бы: «manu facta manu destruo». Еще позднѣе, въ 1645 г., Х. былъ посланъ королемъ во Францію для переговоровъ насчетъ доставки казаковъ во французскую службу для войны съ Испаніей (тогда еще продолжалась тридцатилѣтняя война) и окончилъ эти переговоры вполнѣ успѣшно.

Съ этого времени біографія Хмельницкаго становится болѣе извѣстною, хотя все же она еще запутана наслоившимися легендами. Когда король Владиславъ задумалъ вести безъ согласія сейма войну съ Турціей, можетъ быть имѣя въ виду произвести затѣмъ переворотъ въ смыслѣ усиленія въ Рѣчи Посполитой монархической власти, то онъ, между прочимъ, желалъ опереться на силы реестровыхъ казаковъ, число которыхъ предполагалось увеличить. Посредникомъ между сторонниками короля и казацкою старшиною сталъ Х., несомнѣнно уже извѣстный королю и пользовавшійся его довѣріемъ; по возвращеніи изъ Франціи онъ видѣлся съ королемъ въ Варшавѣ, а потомъ поселился въ Субботовѣ и сдѣлался снова войсковымъ писаремъ. Вѣроятно, что король именно въ это время далъ казакамъ льготныя грамоты, одною изъ которыхъ возстановлялось ихъ прежнее устройство; но привиллегіи эти пока должны были храниться въ тайнѣ у казацкаго старшо́го Барабаша; впрочемъ, вопросъ

объ этихъ льготныхъ грамотахъ далеко еще не выяснено.

Весною 1646 г. канцлеръ Оссолинскій и другіе сторонники короля отправились на Украйну и видѣлись съ Хмельницкимъ; проектировалось будто бы доставить ему гетманство, ибо Барабашъ сталъ относиться къ королевскимъ затѣямъ несочувственно. Х. хотя и указывалъ на трудность предпріятія, но все же соглашался помогать королю и началъ подготовлять дѣла, волнуя казаковъ противъ пановъ и евреевъ, какъ притѣснителей и эксплуататоровъ народа, и безъ того конечно, въ Малороссіи весьма непопулярныхъ; повидимому, онъ пускалъ въ ходъ и разсказы о королевскихъ привиллегіяхъ. Уже въ то время на Хмельницкаго поступали доносы мѣстному уряду, который, еще не предпринимая противъ него никакихъ мѣръ, сталъ однако смотрѣть на него неблагосклонно. Можетъ быть, Х. согласился помогать королю особенно потому, что считалъ себя лично оскорбленнымъ мѣстнымъ урядомъ: отъ Хмельницкаго потребовали поповщины (подати); онъ не заплатилъ, вѣроятно, въ качествѣ шляхтича; и какъ разъ въ то время, въ началѣ 1646 г., когда онъ доставлялъ гетману Конецпольскому двухъ плѣненныхъ имъ во время отраженія набѣга татаръ, въ Субботовѣ за подать взяли изъ конюшни боевого сѣраго коня. Повидимому, эта исторія имѣла отношеніе къ тому эпизоду частной жизни Хмельницкаго, который пріобрѣлъ большую популярность и дѣйствительно не остался безъ вліянія на дальнѣйшее поведеніе Хмельницкаго. Чигиринскій подстароста, полякъ Чаплинскій, пріятель Хмельницкаго, жилъ съ какою-то женщиною, православною и довольно молодою (такою ее называютъ лица, видѣвшія ее въ 1649 г.); Х., овдовѣвшій въ половинѣ 40-хъ годовъ, переманилъ ее къ себѣ (по другимъ извѣстіямъ она и раньше жила у Хмельницкаго въ качествѣ няньки при дѣтяхъ); изъ этого вышла ссора; кажется, по распоряженію Чаплинскаго и забрали у Хмельницкаго коня. Не довольствуясь этимъ, Чаплинскій захотѣлъ отнять у Хмельницкаго самое Субботово, документы на владѣніе которымъ были не совсѣмъ въ порядкѣ; на этомъ основаніи Чаплинскій выпросилъ у новаго чигиринскаго старосты Конецпольскаго (сына) отдачу ему Субботова въ управленіе, какъ королевскаго имѣнія; можетъ быть, Чаплинскій даже пытался насильственно завладѣть Субботовымъ. Не найдя защиты въ мѣстномъ урядѣ, Х. отправился въ Варшаву и въ іюлѣ 1646 г. получилъ отъ короля привиллегію на потомственное владѣніе Субботовымъ въ качествѣ шляхтича. Такимъ образомъ споръ затягивался; тогда Чаплинскій, по практиковавшемуся въ Польшѣ между панами обыкновенію, рѣшилъ не добиваться полученія Субботова легальнымъ путемъ, а, не обращая вниманія на королевскую привиллегію, расправиться самосудомъ; воспользовавшись тѣмъ, что весною 1647 г. Х. снова ушелъ въ степь въ отрядѣ кн. Іеремія Вишневецкаго-Конецпольскаго, преслѣдовавшемъ набѣжавшій татарскій загонъ (причемъ на жизнь Хмельницкаго сдѣлано было будто бы измѣнническое покушеніе, хотя не удавшееся), Чаплинскій, напавъ на Субботово, занялъ тамъ пасѣку и гумно съ 400 копенъ хлѣба, зажегъ мельницу и захватилъ любовницу Хмельницкаго, съ которою и обвѣнчался, повидимому съ ея согласія, обративъ ее предварительно въ католическую вѣру; зять же Чаплинскаго будто бы засѣкъ за грубость сына Хмельницкаго (Остапа?)

Въ маѣ 1647 г. Х. отправился въ Варшаву жаловаться на Чаплинскаго сейму, но ничего не добился, тѣмъ болѣе, что Чаплинскій предъявилъ противъ него обвиненіе въ государственной измѣнѣ, хоть и слабо мотивированное, но отчасти оправдываемое доносомъ на Хмельницкаго со стороны чигиринскаго его сослуживца. Х. снова обратился къ королю, при чемъ нашлись и еще казаки, жаловавшіеся ему на панскія притѣсненія. Владиславъ помочь имъ не былъ въ силахъ, но такъ какъ онъ самъ былъ тогда страшно обиженъ панами, разрушившими на сеймахъ въ концѣ 1646 и весною 1647 г. слишкомъ рано открывшіеся воинственные его планы, то онъ и далъ Хмельницкому и казакамъ прежній совѣтъ: противъ силы употребить силу, и напомнилъ, что у нихъ есть же сабли; король жаловался казакамъ, что польскіе магнаты его не слушаютъ и разоряютъ его земли. Такимъ образомъ Хмельницкому предоставлялось основаніе эксплуатировать въ свою пользу, съ согласія короля, казацкія силы, заготовлен-

ныя для королевской надобности. Легко видѣть, что король, давая Хмельницкому совѣты, смотрѣлъ на него, какъ на вліятельнаго дѣятеля Рѣчи Посполитой и своего сторонника, а впослѣдствіи поляки въ бунтѣ Хмельницкаго постоянно обвиняли главнымъ образомъ короля и его польскую партію (Оссолинскаго и др.).

Какъ на королевскаго слугу, посмотрѣлъ на себя и Х. и вернувшись домой (въ Чигиринъ, гдѣ у него былъ дворъ, или даже въ Субботово, гдѣ сохранилась усадьба), онъ сталъ энергично возбуждать неудовольствіе казаковъ противъ панства, но отнюдь не противъ короля; наоборотъ, онъ всюду сѣялъ смуту королевскимъ именемъ; заволновалась Украйна, происходили какія-то тайныя сходки и т. п.

Кажется, Владиславъ тогда не совсѣмъ еще покончилъ съ своими планами; лѣтомъ 1648 г. онъ ѣздилъ въ Литву и оттуда велъ сношенія съ казаками, а осенью прислалъ въ распоряженіе Хмельницкаго значительныя суммы для подготовки къ слѣдующему лѣту нападенія на Турцію; между тѣмъ агитація Хмельницкаго сдѣлалась уже столь значительною, что окончательно обратила на себя вниманіе мѣстнаго уряда, особенно когда Х. обманнымъ образомъ добылъ спрятанныя у Барабаша королевскія привиллегіи. О предстоящей опасности донесено было новому коронному гетману Николаю Потоцкому, а Конецпольскій и казацкій коммиссаръ Шемберъ будто бы успѣли даже обманомъ захватить Хмельницкаго на ярмаркѣ въ с. Бужинѣ (близъ Чигирина); но прямыхъ уликъ противъ него не было, въ самомъ урядѣ были у него пріятели, онъ сумѣлъ отвертѣться и лишь отданъ былъ подъ надзоръ. Сознавая, что при основательномъ разслѣдованіи дѣла ему грозитъ казнь (о чемъ позднѣе, кажется, и состоялось распоряженіе Потоцкаго), и ему остается лишь довести агитацію до открытаго возмущенія, а въ то же время не считая, вѣроятно, реестровыхъ казаковъ достаточно сильными для успѣшной борьбы, или даже не вполнѣ надѣясь на нихъ, Х. рѣшилъ поднять безпокойное, удалое и падкое на участіе во всякихъ безпорядкахъ Запорожье, куда и бѣжалъ изъ Субботова 7 декабря 1647 г. вмѣстѣ съ сыномъ Тимоѳеемъ (отдавъ остальныхъ дѣтей въ «добрыя руки») и значительнымъ числомъ сторонниковъ. 11 декабря Х. прибылъ за пороги, но не въ Сѣчь, а на островъ Буцкій или Токмаковскій (лежавшій нѣсколько выше Сѣчи, которая тогда находилась на Никитиномъ рогу); тамъ тоже жили запорожцы, но они принадлежали къ тѣмъ линчаевцамъ, которымъ Х. нѣкогда насолилъ, почему агитація его здѣсь не только не имѣла успѣха, но ему самому грозила сильная опасность, тѣмъ болѣе, что Потоцкій распорядился послать за нимъ погоню, или, по другимъ извѣстіямъ, приказалъ поймать его той залогѣ (отряду), которая будто бы тогда находилась въ Запорожьи. Х. бѣжалъ далѣе и чуть не рѣшился укрыться на Дону (по крайней мѣрѣ этого боялись въ Польшѣ); но измѣна казаковъ, бывшихъ въ отрядѣ, который долженъ былъ преслѣдовать Хмельницкаго, и перебившихъ своихъ польскихъ товарищей, дала ему возможность продолжать свое дѣло. Онъ вернулся въ Запорожье и сталъ волновать запорожцевъ, недовольныхъ тогда польскимъ правительствомъ за постройку Кодака, за запрещеніе набѣговъ на татаръ и турокъ и за помѣхи, дѣлаемыя лицамъ, убѣгавшимъ въ Запорожье; поэтому агитація Хмельницкаго, подкрѣпляемая ссылками на королевскія привиллегіи, имѣла успѣхъ, и къ нему собралось не мало запорожцевъ и всякаго бродячаго люда изъ земель Рѣчи Посполитой. Старшина запорожская будто бы не сочувствовала Хмельницкому, особенно узнавъ, что онъ продолжаетъ сноситься съ польскимъ урядомъ на Украйнѣ, и Х. чуть ли даже не былъ арестованъ, но вскорѣ его освободили. При извѣстіи о бѣгствѣ Хмельницкаго въ Запорожье Потоцкій, какъ сказано, принялъ нѣкоторыя мѣры, чтобы захватить его; Хмельницкому онъ не придавалъ особаго значенія, но боялся, что изъ за него могутъ произойти безпорядки на Украйнѣ, гдѣ накопилось не мало неудовольствія противъ правительства. Въ виду этого Потоцкій къ веснѣ 1648 г. сталъ собирать войско для защиты Украйны; въ то же время онъ вступилъ въ сношенія съ Хмельницкимъ, обѣщая ему въ случаѣ повинной помилованіе. Въ свою очередь Х. въ мартѣ 1648 г. послалъ Потоцкому жалобу, исчисляя обиды и оправдывая свое поведеніе; подобныя же письма писалъ онъ и Конецпольскому,

Шемберу и Барабашу. Для переговоровъ съ Хмельницкимъ Потоцкій послалъ Хмелецкаго, знатока казацкихъ обычаевъ, но Х. уже ставилъ слишкомъ тяжелыя условія въ родѣ возстановленія прежняго казацкаго устройства и вывода изъ южной Руси всѣхъ поляковъ; поэтому переговоры прекратились. Многіе польскіе паны защищали Хмельницкаго; одни не придавали значенія всей этой исторіи, другіе полагали, что Х. организуетъ набѣгъ на татаръ; упрекали даже украинскихъ правителей, что они своею жадностью и несправедливостью и такого человѣка, какъ Х., заставили поднять оружіе. Король тоже былъ недоволенъ, что противъ Хмельницкаго приняты были строгія мѣры, и рекомендовалъ Потоцкому разбирать судомъ казацкія жалобы, а канцлеръ Оссолинскій послалъ въ началѣ 1648 г. особую коммиссію изслѣдовать положеніе дѣлъ на Украйнѣ; но изъ этого ничего не вышло, ибо у коммиссіи не было даже денегъ заплатить казакамъ слѣдуемое имъ жалованье, чѣмъ они тогда были очень недовольны. Потоцкій оправдывался передъ королемъ, обвиняя Хмельницкаго въ честолюбивыхъ замыслахъ, и издавалъ строгія распоряженія противъ украинцевъ, бѣжавшихъ къ Хмельницкому; но распоряженія эти имѣли мало значенія, и число приверженцевъ Хмельницкаго возрастало съ каждымъ днемъ, а Украйна сильно волновалась. Между тѣмъ Х., сперва склонявшій запорожцевъ укрѣплять Сѣчь и иныя подходящія мѣста, очевидно, на случай нападенія, задумалъ самъ напасть на Украйну, но, сомнѣвалсь въ возможности успѣшной борьбы съ поляками одними малорусскими силами, онъ съ сыномъ въ концѣ марта 1648 г. отправился въ Бахчисарай искать помощи у хана. Этотъ поступокъ показываетъ въ Хмельницкомъ далеко не типическаго представителя южно-русскаго казачества, весь смыслъ существованія котораго основывался на борьбѣ съ магометанствомъ. Случалось, правда, что запорожцы при грабежахъ Польши пользовались помощью татаръ, но безъ союза съ ханомъ; обращеніе же польскихъ магнатовъ за помощью къ хану во время борьбы партій было явленіемъ непсключительнымъ.

Въ Крыму былъ ханомъ Исламъ Герай, хотя и связанный договоромъ, который онъ въ 1646 г. заключилъ съ Рѣчью Посполитой, но весьма недовольный ею за прекращеніе съ 1644 г. присылки поминокъ, равно и за союзъ съ Москвою, явно направленный противъ Крыма. Х. указалъ хану, что король затѣвалъ войну съ магометанами, и могъ это подтвердить королевскими привиллегіями; онъ будто бы обѣщалъ даже привести въ подданство хану Малороссію. Исламъ Гераю хотѣлось воспользоваться случаемъ повредить Польшѣ, ограбивъ ее, а, можетъ быть, и присоединить Украйну, но онъ желалъ въ то же время снять съ себя отвѣтственность передъ королемъ; да нужно было еще отдѣлаться отъ султана, призывавшаго крымскія силы къ себѣ на службу. Поэтому ханъ помогъ Хмельницкому найти въ Крыму союзника въ лицѣ перекопскаго мурзы (каймакана?) Тугай-бея (изъ Ширинскихъ мурзъ), который, по принятому въ Крыму обычаю, могъ и безъ ханскаго разрѣшенія броситься съ ордою на грабежъ сосѣднихъ земель; но въ то же время Исламъ Герай о предстоящемъ покушеніи Хмельницкаго сообщилъ кн. Іер. Вишневецкому, крупнѣйшему землевладѣльцу лѣвобережной Малороссіи, лучше другихъ пановъ извѣстному въ Крыму, а султану указалъ на опасность отъ предстоящей войны съ Польшей; но кн. Вишневецкій, бывшій въ то время въ ссорѣ съ Потоцкимъ, никакихъ серьезныхъ мѣръ не принялъ. Оставивъ въ Бахчисараѣ заложникомъ сына, Х. въ началѣ апрѣля уѣхалъ въ Перекопъ, окончательно условился тамъ съ Тугай-беемъ и въ сопровожденіи орды явился въ Сѣчь, гдѣ къ половинѣ апрѣля былъ избранъ запорожцами въ ихъ старшіе, а 22 апрѣля выступилъ съ приверженцами въ походъ, слѣдуя въ общемъ вверхъ по правому берегу Днѣпра. Орда все время двигалась нѣсколько сзади, яко-бы съ тою цѣлью, чтобы сперва выждать, будетъ ли удаченъ походъ Хмельницкаго, а въ противномъ случаѣ, измѣнивъ ему, ограбить его войско. Потоцкій зналъ о предполагаемомъ нападеніи и готовился къ охранѣ Украйны; весною 1648 г. войско его расположено было въ юго-западной части Кіевщины, а самъ онъ находился въ Черкасахъ. При извѣстіи о подходѣ Хмельницкаго къ Днѣпру (близъ устья Тясмина) Потоцкій притянулъ къ себѣ войска изъ окрестностей,

противъ Хмельницкаго отправилъ небольшой отрядъ подъ начальствомъ своего сына и Шембера и распорядился, чтобы на соединеніе съ ними спустился по Днѣпру на лодкахъ другой отрядъ, состоявшій главнымъ образомъ изъ казаковъ, подъ начальствомъ Барабаша. Въ концѣ апрѣля Х. подошелъ къ урочищу «Желтыя воды», гдѣ войско его усилилось отправленнымъ противъ него казацкимъ отрядомъ, 4 мая измѣнившимъ правительству и перебившимъ старшинъ и бывшихъ въ отрядѣ поляковъ. Съ 5 на 6 мая Х. и Тугай-бей разбили поляковъ при Желтыхъ водахъ; молодой Потоцкій былъ убитъ, а другіе начальники сдали войско на почетную капитуляцію, но затѣмъ были ограблены татарами и попали въ плѣнъ; въ числѣ плѣнныхъ оказался и Иванъ Выговскій (будущій гетманъ), вѣроятно, и раньше извѣстный Хмельницкому, а теперь примкнувшій къ нему и ставшій его ближайшимъ совѣтникомъ. Послѣ битвы Х. во время переговоровъ отказывался совѣщаться о дѣлахъ съ кѣмъ либо изъ польскихъ воеводъ, такъ какъ между ними не было ни сенатора, ни уполномоченнаго, которому бы онъ могъ объяснить, что заставило его взяться за оружіе. Потоцкій между тѣмъ получилъ извѣстіе о предстоящемъ пріѣздѣ на Украйну короля, надѣявшагося, что Х. покорится передъ своимъ монархомъ и благодѣтелемъ, а затѣмъ другое—о Желтоводской битвѣ, которое заставило его отступить къ Корсуни, гдѣ онъ былъ настигнутъ Хмельницкимъ и Тугай-беемъ; 16 мая поляки были вторично разбиты и Потоцкій съ другими военачальниками взятъ въ плѣнъ; Х. съ товарищами обогатились добычею изъ непріятельскаго лагеря, а орда стала грабить Кіевщину, хотя Х. и старался ее удерживать; послѣ того Тугай-бей ушелъ домой. Извѣстія о разгромѣ польскихъ войскъ стали сигналомъ для всеобщаго возстанія на Украйнѣ; Х. двинулся къ Бѣлой Церкви—и въ это время получилъ извѣстіе о смерти Владислава IV. Можно было бы ожидать, что Х. воспользуется наступившимъ безкоролевьемъ и еще энергичнѣе поведетъ борьбу съ поляками, тѣмъ болѣе, что безкоролевья въ Польшѣ (какъ хорошо, разумѣется, зналъ Х.) сопровождались всегда большими безпорядками; но онъ остановился лагеремъ подъ Бѣлою Церковью, въ ожиданіи послѣдующихъ событій; правда, онъ разослалъ повсюду универсалы, призывая народъ къ себѣ въ лагерь, и явившихся къ нему хлоповъ организовалъ въ полки; но въ то же время онъ вступилъ въ переговоры съ правительствомъ и съ нѣкоторыми панами; въ немъ видимо оказался тогда не народный вождь, а предводитель извѣстной партіи; даже поляки удивлялись такому поведенію Хмельницкаго.

Въ половинѣ іюня 1648 г. онъ отправилъ въ Варшаву пословъ съ жалобой на притѣсненія со стороны польскаго урада на Украйнѣ, но и съ засвидѣтельствованіемъ своего вѣрноподданичества; въ инструкціи, данной посламъ, Х. жаловался на насильственное введеніе уніи. Очевидно, онъ тогда лишь понялъ, какое могучее орудіе представляетъ эта жалоба: хотя при Владиславѣ IV положеніе православныхъ было обезпечено и насилій надъ ними почти не происходило, но, по традиціи, народъ, а тѣмъ болѣе духовенство были крайне возбуждены противъ уніи. Желаніе ладить съ Польшей Х. выразилъ и тѣмъ, что отпустилъ бывшихъ у него въ плѣну поляковъ; такъ поступалъ онъ и неоднократно. Отмѣтимъ еще, что 22 іюля Х. женился на Чаплинской, мужъ которой былъ еще живъ (бракъ этотъ былъ бездѣтенъ). Въ то же время Х. попытался привлечь къ себѣ благосклонность и Московскаго правительства. При вступленіи на престолъ Алексѣя Михайловича, послѣ крымскаго набѣга на границы Московскаго государства (1645), между Москвою и Польшею состоялся договоръ для взаимопомощи противъ Крыма, изъ коего, впрочемъ, не вышло ничего кромѣ мелкихъ пограничныхъ стычекъ. Но царь былъ человѣкъ миролюбивый, въ Москвѣ происходили безпорядки; поэтому Московское правительство старалось поддерживать союзъ съ Польшей, хотя и были обычныя пререканія изъ за прописокъ царскаго титула и т. п. Когда Х. привлекъ къ союзу татаръ, то изъ Польши потребовали отъ Москвы условленной помощи; тамъ стали къ ней готовиться, но узнавъ о разгромѣ поляковъ, рѣшили дѣйствовать осторожнѣе. Свѣдавъ объ этихъ переговорахъ, Х. въ свою очередь вступилъ въ сношенія съ московскими пограничными воеводами, объявляя имъ,

что казаки сражаются за православную вѣру, и прося помощи у царя, онъ рисовалъ ему перспективу не присоединенія Малороссіи, а воцаренія въ Польшѣ. Ни обращеніе Хмельницкаго къ царю, ни предложеніе царю польской короны не представляютъ ничего особеннаго; уже неоднократно южнорусскіе дѣятели обращались къ Москвѣ за помощью въ борьбѣ съ поляками и съ предложеніемъ услугъ; даже Сагайдачный, въ смутное время жестоко разорявшій Московскія земли, готовъ былъ передаться подъ руку царя, когда сомнѣвался, что ему удастся добиться возстановленія православной іерархіи въ юго-западной Руси. Съ другой стороны въ Рѣчи Посполитой издавна было не мало людей, и даже вліятельныхъ, желавшихъ соединить ее съ Москвою посредствомъ избранія въ короли царя, и такое настроеніе существовало во время царя Алексѣя Михайловича.

Если Х. почти въ теченіе 4 мѣсяцевъ велъ себя дипломатомъ, то украинское населеніе, возбужденное его бунтомъ, устроило такую рѣзню пановъ и вообще католиковъ, а также и евреевъ, какой до того еще никогда не происходило; большинство отрядовъ и шаекъ дѣйствовало при этомъ на свой страхъ, лишь прикрываясь именемъ Хмельницкаго. Возстаніе охватило не только всю Малороссію, отъ Гадяча до Львова, но и Бѣлую и Черную Русь; бунтовался и старый Кіевъ; кто изъ пановъ могъ, бѣжалъ; паны же могущественные и удалые сопротивлялись, особенно кн. Іер. Вишневецкій, который, гдѣ попадалъ, усмирялъ бунтовавшихъ съ страшною жестокостью, но и онъ не разъ отступалъ передъ народными полчищами.

Конвокаціонный сеймъ, собравшійся лѣтомъ 1648 г., и не думалъ о какихъ либо серьезныхъ уступкахъ казакамъ, а наоборотъ озаботился организаціей войска для усмиренія бунта; но, въ виду настойчиваго желанія нѣкоторыхъ магнатовъ, рѣшено было отправить къ казакамъ для ихъ успокоенія особую коммиссію; притязаніямъ же хана на полученіе по прежнему поминокъ данъ былъ рѣзкій отпоръ. Такъ какъ коммиссія продъявила къ казакамъ лишь требованія, ничего не говоря о ихъ привилегіяхъ, то миръ состояться не могъ, и вся эта исторія только скомпрометировала передъ народомъ Хмельницкаго, на котораго пало обвиненіе въ предательствѣ. Вскорѣ возобновились военныя дѣйствія: Х. съ огромнымъ уже войскомъ двинулся на Волынь и около Константинова встрѣтился съ польскимъ войскомъ; онъ завелъ переговоры съ его предводителями, чтобы выждать прихода татаръ, явившихся вслѣдствіе агитаціи въ Крыму Тимофея Хмельницкаго, ихъ и приведшаго. 20—22 сентября произошло столкновеніе подъ Пилявою, и дезорганизованное ссорами между начальниками польское войско не столько было поражено оружіемъ, сколько разбѣжалось отъ паническаго страха, наведеннаго появленіемъ татаръ; Х. получилъ громадную добычу. Безпрепятственно дошелъ онъ до Збаража (въ Галиціи), гдѣ на радѣ казаки предложили ему гетманство; но Х. не далъ согласія на это до избранія короля и, вопреки желанію казаковъ, не шелъ далѣе въ Польшу, а разославъ отряды для занятія украинскихъ крѣпостей, большею частью сдававшихся безъ сопротивленія, въ октябрѣ осадилъ Львовъ, но вскорѣ отступилъ, удовольствовавшись окупомъ съ него. Въ началѣ ноября Х. осадилъ Замостье, но взять не могъ и тоже ограничился окупомъ, при чемъ и здѣсь ссорился съ казаками, принуждавшими его къ болѣе энергичнымъ дѣйствіямъ. Х. могъ бы тогда разгромить Варшаву, въ которой уже волновалась чернь противъ шляхты, но вмѣсто того онъ отправилъ пословъ на элекціонный сеймъ для переговоровъ о мирѣ и съ наказомъ дѣйствовать въ пользу избранія въ короли Яна Казимира, о чемъ и писалъ панамъ; кажется, онъ раньше заручился согласіемъ Яна Казимира на разныя льготы казачеству. Какъ бы то ни было, мнѣніе Хмельницкаго не лишено было значенія, и 17 ноября Янъ Казиміръ былъ избранъ въ короли, о чемъ сейчасъ же былъ извѣщенъ Х.; королевскаго посланца онъ принялъ съ большимъ торжествомъ, и когда тотъ сообщилъ ему приказъ короля уходить изъ Польши и ждать его коммиссаровъ, то Х. 24 ноября отступилъ отъ Замостья, къ великому удивленію поляковъ, казаковъ и татаръ. По дорогѣ Х. получилъ отъ короля булаву и другіе подарки въ знакъ признанія его старшимъ въ войскѣ запорожскомъ, а также разныя обѣщанія, и изъ Острога издалъ универсалы

къ бунтовщикамъ, чтобы они прекратили безпорядки, а къ панамъ, чтобы они не мстили бунтовщикамъ и не преслѣдовали православныхъ; универсалы эти однако на смуту вліянія почти не оказали и рѣзни не прекратили. Въ началѣ января 1649 г. Х. прибылъ въ Кіевъ, гдѣ былъ встрѣченъ съ большимъ торжествомъ жителями и особенно духовенствомъ, какъ новый Моисей, освободившій Украйну отъ польской неволи; Іерусалимскій патріархъ Паисій, ѣхавшій въ Москву черезъ Кіевъ, благословилъ Хмельницкаго на войну съ папистами. Х. былъ на верху славы, но современники указываютъ, что, начиная съ осады Замостья, и особенно въ Кіевѣ онъ все время былъ неспокоенъ духомъ и предавался пьянству; вѣроятно, онъ не былъ увѣренъ, что его политика приведетъ къ желаемымъ результатамъ.

Изъ Кіева Х. отправился въ Переяславль, куда къ нему прибылъ цѣлый рядъ посольствъ. Съ турецкимъ посольствомъ онъ заключилъ договоръ о союзѣ и взаимопомощи съ Турціей, съ обѣщаніемъ отдать ей часть русской Польши (до Люблина), и выпросилъ позволенія для казаковъ свободно плавать по Черному и Азовскому морямъ и безпошлинно заниматься въ этихъ мѣстахъ торговлею. Послы господарей Молдавскаго и Валашскаго тоже хлопотали о союзѣ съ Украйной, и Х. согласился поддерживать перваго изъ нихъ, Лупула, противъ иныхъ претендентовъ, но обусловилъ помощь выдачею дочери Лупула Александры (Домны Розанды) за Тимофея Хмельницкаго. Князь Трансильванскій хлопоталъ о помощи, чтобы стать королемъ польскимъ, и за это дѣлалъ Хмельницкому очень щедрыя обѣщанія; Х. и съ нимъ заключилъ союзъ; писалъ о чемъ-то къ Хмельницкому (можетъ быть, впрочемъ, позже) и Кромвель,—такъ знаменитъ сталъ Х.! Московскій гонецъ привезъ ему подарки отъ царя, но отъ вмѣшательства въ его дѣла царь уклонился. Наконецъ, въ началѣ февраля явились и польскіе коммиссары для переговоровъ и 10 февраля вручили Хмельницкому отъ короля грамоту на гетманство и знаки гетманскаго достоинства; но изъ переговоровъ ничего не вышло. Правительство готово было возстановить прежнее устройство казаковъ, но требованія послѣднихъ простирались уже неизмѣримо далѣе: рѣчь шла о полной обособленности Малороссіи, уничтоженіи уніи, изгнаніи евреевъ и пр.; число реестровыхъ казаковъ должно было зависѣть отъ воли Хмельницкаго, а онъ полагалъ устроить ихъ 40,000. Затѣмъ Х. требовалъ выдачи его «враговъ»: Чаплинскаго (онъ постоянно при переговорахъ требовалъ его выдачи, но всякій разъ безуспѣшно), кн. Вишневецкаго и др. Уже на число реестровыхъ казаковъ полякамъ согласиться было невозможно, такъ какъ у нихъ самихъ регулярнаго войска было меньше и мобилизовалось оно гораздо труднѣе, чѣмъ казаки, которые составили бы тогда главную военную силу Рѣчи Посполитой; коммиссары добились лишь заключенія перемирія до Троицы, съ чѣмъ и уѣхали. Судя по ихъ разсказамъ, они встрѣтили противодѣйствіе не столько въ Хмельницкомъ, сколько въ иныхъ казакахъ, которыхъ онъ даже побаивался; онъ часто бывалъ пьянъ и во хмѣлю сильно шумѣлъ и бахвалился, грозя Польшѣ, но трезвый со слезами увѣрялъ, что ведетъ борьбу не съ королемъ, а съ панами; о пьянствѣ въ это время Хмельницкаго сообщаютъ и лица изъ иныхъ посольствъ.

Собравшійся въ Варшавѣ сеймъ рѣшилъ продолжать войну, и лѣтомъ официально открылись военныя дѣйствія, собственно же рѣзня на Украйнѣ и не прекращалась. Польское войско вступило въ Подолію; Х., поднявшій снова универсалами народныя массы и организовавшій ихъ въ полки, дожидался крымцевъ, съ которыми на этотъ разъ явился самъ Исламъ-Герай; султанъ тоже прислалъ помощь, явились и донцы; словомъ, войско у Хмельницкаго было громадное. Въ концѣ іюня Х. окружилъ польскую армію подъ Збаражемъ, и хотя не могъ одолѣть ее, но истомилъ мѣсячною осадой. На выручку двинулся король съ другимъ войскомъ, отрѣзавъ Хмельницкаго отъ гетманства; но когда онъ подошелъ къ Зборову въ началѣ августа, то Х. и ханъ, оставивъ часть полчищъ подъ Збаражемъ, двинулись къ нему навстрѣчу, разбили его и окружили войско. Въ столь отчаянномъ положеніи король долженъ былъ согласиться на переговоры, предложенные Хмельницкимъ и ханомъ, при чемъ обращеніе Хмельницкаго къ королю дышало вѣрноподданическими чув-

ствами. Результатомъ переговоровъ было заключеніе двухъ трактатовъ Рѣчи Посполитой съ ханомъ и съ Хмельницкимъ; въ первомъ шла рѣчь объ уплатѣ крымцамъ постоянной дани, за что ханъ обѣщалъ помощь Польшѣ. Зборовскій же договоръ, заключенный съ казаками 9 августа 1649 г., предоставлялъ имъ важныя права, изъ коихъ главными были: запорожское войско (такъ назывались тогда малорусскіе казаки) возстановляется въ прежнихъ вольностяхъ, число казаковъ опредѣляется въ 40,000, составленіе реестра поручается гетману, въ казаки могутъ быть записываемы какъ королевскіе, такъ и шляхетскіе подданные, но тѣ, которые не стали казаками, должны вернуться къ своимъ панамъ; Чигиринъ передается во владѣніе гетмана (на булаву), въ данномъ случаѣ Хмельницкаго; дается амнистія всѣмъ участвовавшимъ въ возстаніи; польскія войска выводятся изъ казацкихъ мѣстностей; не могли тамъ жить и евреи; относительно уничтоженія уніи и его послѣдствій будетъ сдѣлано постановленіе на сеймѣ; кіевскому митрополиту дано мѣсто въ сенатѣ и пр.; впрочемъ, всѣ статьи договора должны были получить утвержденіе отъ предстоявшаго сейма. 10 августа Х. съ сыномъ явился въ польскій лагерь и, преклонивъ колѣно передъ королемъ, просилъ у него извиненія во всемъ случившемся, хотя въ то же время и оправдывался; въ заключеніе Х. присягнулъ на вѣрность королю и Рѣчи Посполитой. Независимо отъ главныхъ операцій лѣтомъ 1649 г. продолжалась борьба польскихъ пановъ съ казацкими отрядами; но съ заключеніемъ Зборовскаго договора и она прекратилась. На Украйнѣ стало тихо.

Зборовскій трактатъ былъ торжествомъ Хмельницкаго. Къ сожалѣнію, реализація его представлялась невозможною: если бы даже поляки и рѣшились соблюдать его (чего, впрочемъ, не было), то Х. все равно не могъ его исполнить; его возстаніе всколыхнуло массу украинскаго населенія, далеко превосходившую тѣ 40,000, которые могли попасть въ войсковой реестръ. И этой своевольной массѣ, начинавшей привыкать къ казакованью, на совѣсти которой лежали многочисленные грабежи и убійства, приходилось возвращаться въ подчиненіе панамъ, работать на нихъ и зачастую ждать жестокаго возмездія! Назначая число казаковъ въ 40,000, Х. съ одной стороны имѣлъ въ виду, что и на такое количество поляки согласятся очень неохотно, съ другой—онъ вовсе и не думалъ разорять пановъ, напр., путемъ передачи ихъ имѣній крестьянамъ, что въ сущности болѣе всего интересовало возставшія массы, но Рѣчь Посполитая не могла допустить существованія и 40,000 реестровыхъ казаковъ, ибо тогда Малороссія пріобрѣла бы въ ней по количеству войска первенствующее значеніе, совсѣмъ неудобное для шляхты, отнюдь не желавшей распространить свои права и преимущества на православное казачество. Все это сказалось, впрочемъ, не сейчасъ послѣ договора. Х. съ большимъ торжествомъ проѣхалъ черезъ Украйну въ Кіевъ, затѣмъ поселился въ Чигиринѣ и жилъ тамъ съ большой роскошью, подобно крупному польскому пану, имѣя много сокровищъ (въ разсказахъ размѣръ ихъ, конечно, преувеличивается) и получая съ своихъ имѣній огромные доходы; онъ носилъ горностаевую мантію и вообще наряды, осыпанные драгоцѣнностями, окружилъ себя гвардіей изъ казаковъ и татаръ и чеканилъ монету со своимъ именемъ. Наѣзжалъ онъ и въ Субботово, которое хорошо устроилъ и гдѣ выстроилъ большую каменную Юрьевскую церковь.

Всю зиму 1649—1650 г. Х. былъ занятъ водвореніемъ порядка на Украйнѣ, при чемъ вездѣ сохранялъ прежній польскій строй, лишь подчиняя его новому—военному. Но главное затрудненіе оказалось при устройствѣ реестра: въ казаки пожелала записаться масса народа, какъ изъ королевскихъ, такъ и изъ панскихъ подданныхъ; Х. предпочиталъ вторыхъ, но и ихъ было слишкомъ много; онъ не зналъ, что дѣлать, и, кажется, втихомолку приписывалъ больше, чѣмъ имѣлъ право, и создалъ особое «охочее» войско. Первые же возвратившіеся на Украйну паны стали жаловаться на отсутствіе въ ихъ имѣніяхъ подданныхъ; не попавшіе въ реестръ или убѣгали въ Московскія владѣнія и на Запорожье, или бунтовались и убивали своихъ помѣщиковъ; Х. помогалъ панамъ усмирять такіе бунты, иногда даже казня

возмутившихся крестьянъ, но удерживалъ пановъ отъ несвоевременнаго еще, по его мнѣнію, появленія въ Малороссію. Многія населенныя имѣнія Х. отдалъ въ завѣдываніе своей генеральной старшинѣ и полковникамъ, начавъ этимъ путемъ создавать малороссійскій помѣщичій классъ.

Въ началѣ 1650 г. сеймъ, хоть и не безъ ропота, утвердилъ Зборовскій договоръ; правда, изъ за мѣста въ сенатѣ кіевскому митрополиту заволновалось католическое духовенство, и митрополитъ, во избѣжаніе непріятностей, уѣхалъ изъ Варшавы, но нѣкоторыя обѣщанія поляки исполнили. Тогда Х. сталъ разрѣшать панамъ возвратиться въ ихъ имѣнія и издавалъ универсалы къ ихъ подданнымъ о повиновеніи; тѣ, разумѣется, продолжали сопротивляться, нѣкоторые паны жестоко мстили подданнымъ за минувшіе грабежи и тѣмъ вызвали уже крупные бунты; Х. поддерживалъ пановъ; тогда начались волненія въ самомъ казачествѣ, слишкомъ близко стоявшемъ къ народу; подавлять ихъ Х. не рѣшался, тѣмъ болѣе, что Запорожье выбрало себѣ (хоть и не надолго) новаго старшóго. На упреки польскихъ коммиссаровъ Х. откровенно отвѣчалъ, что ограничить реестръ 40,000 казаковъ онъ не въ состояніи, и его убьютъ, если онъ это сдѣлаетъ, а противъ поляковъ возмутятся снова не попавшіе въ реестръ. Въ мартѣ 1650 г. на радѣ въ Переяславлѣ реестръ былъ одобренъ, но въ него не было вписано еще 20,000 казаковъ, составившихъ резервъ подъ командою Тимофея Хмельницкаго. Конечно, и это нисколько не удовлетворило тѣхъ, которые не попали въ число казаковъ, и безпорядки продолжались; Х. изворачивался, какъ могъ, желая угодить обѣимъ сторонамъ, но скоро пришелъ къ заключенію, что исполненіе договора немыслимо, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые пункты его, напр., относившіеся къ уніи, не исполнялись и поляками. Дѣло снова шло къ борьбѣ. Въ ожиданіи ея Х. опять обратился за помощью къ Московскому правительству, которое получило свѣдѣнія, что въ Малороссіи дѣйствительно господствуетъ настроеніе въ пользу перехода подъ власть царя, и поляки этого боятся. Хотя на Москвѣ все еще продолжались нестроенія, но правительство, придравшись къ проискамъ въ книгахъ, приподняло тонъ и отправило въ Варшаву пословъ съ требованіемъ возвратить города, уступленные въ Смутное время. Поляки, конечно, ихъ не отдали, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ войны могли надѣяться на крымскую помощь, и тѣмъ дѣло пока окончилось. Между тѣмъ съ Хмельницкимъ изъ Москвы вступили въ оживленныя сношенія, дѣлали подарки ему и приближеннымъ къ нему лицамъ, хотя на всякій случай подкупили кое-кого изъ нихъ (Выговскаго?) и устроили надъ Хмельницкимъ негласный надзоръ. Не зная этого, Х. вступилъ въ сношенія тоже съ Крымомъ и Константинополемъ, обѣщая отдать Украйну подъ покровительство Турціи; султанъ прислалъ ему знаки гетманскаго достоинства и грамоту, въ которой титуловалъ его княземъ Украйны. Но все это открывало отдаленныя перспективы, а война готовилась въ скорости; поводомъ для нея послужило вмѣшательство Хмельницкаго въ молдавскія дѣла. Польскіе источники объясняютъ, что Х. затѣялъ молдавскую авантюру чуть ли не въ интересахъ Рѣчи Посполитой, чтобы сбыть въ Молдавію массу производившей безпорядки малорусской черни; но вѣрнѣе полагать, что онъ дѣйствовалъ по традиціи: поляки и казаки и до этого времени постоянно вмѣшивались въ молдавскія дѣла, тѣмъ болѣе, что Молдавія нѣкогда составляла часть Польскаго государства. Къ лѣту 1650 г. Х. потребовалъ отъ молдавскаго господаря исполненія обѣщанія — выдать дочь за Тимофея Хмельницкаго. Лупулъ отговаривался несогласіемъ султана, а когда это препятствіе было устранено, господарь отказался и сталъ сближаться съ поляками. Въ августѣ Тимофей Х. съ казаками и крымцами завладѣлъ Молдавіей, а въ сентябрѣ Богданъ Х. съ резервомъ сталъ въ Ямполѣ. Лупулъ смирился, согласился на бракъ, оттянувъ, впрочемъ, на годъ его заключеніе, и затѣмъ сталъ помогать полякамъ противъ Хмельницкаго, такъ какъ дѣйствія послѣдняго вызвали сборъ польскаго войска у Каменца. Началась переписка между Потоцкимъ и Хмельницкимъ съ взаимными перекорами. Х., по обычаю, заключилъ договоръ о подданствѣ съ султаномъ и искалъ союза съ Трансильваніей и даже съ Швеціей, что стало извѣстно полякамъ. Въ концѣ 1650 г. созванъ былъ

сеймъ, куда явились и послы Хмельницкаго съ требованіемъ уничтоженія уніи; въ отвѣтъ на это 24 декабря объявлена была война. Хотѣли нѣсколько проволочить дѣло,ославъ къ Хмельницкому коммиссаровъ, но онъ тотчасъ же издалъ универсалы о войнѣ, подымая даже польскихъ хлоповъ; на борьбу особенно склоняло его духовенство; въ лагерѣ у него былъ корпноскій митрополитъ, а Константинопольскій патріархъ благословилъ его на брань съ невѣрными. Греческое духовенство настойчиво ходатайствовало передъ царемъ о заступничествѣ за Хмельницкаго; въ Москвѣ по этому дѣлу былъ соборъ, но помощи не подали.

Поляки приготовились къ войнѣ лучше обычнаго и дѣйствія казаковъ въ началѣ 1651 г. были не особенно удачны; татары явились на помощь поздно, опасаясь нападенія на Крымъ донцовъ и калмыковъ, и Х., по обычаю, заступался за татаръ передъ Дономъ. Кажется, предыдущія отношенія Хмельницкаго къ народу были причиною, что войско у него было не столь многочисленно, какъ раньше; притомъ Хмельницкаго постигло семейное горе: жена его связалась съ его дворецкимъ, кстати его обокравшимъ. Уходя на войну, Х. поручилъ розыскъ Тимофею, а тотъ будто бы казнилъ виновныхъ; во всякомъ случаѣ Хмельницкая 10 мая 1651 г. умерла, и Х. былъ ужасно огорченъ ея смертью.

Когда началась настоящая война, король и Х. съ Исламъ Гераемъ встрѣтились въ половинѣ іюля подъ Берестечкомъ (на р. Смыри); 19 іюля были стычки; ханъ уже тогда ссорился съ Хмельницкимъ, обманувшимъ его будто бы насчетъ числа польскихъ войскъ. 20-го произошла главная битва, и казаки были разбиты; ханъ, подозрѣвая со стороны Хмельницкаго измѣну, бѣжалъ еще до разгрома; за нимъ бѣжали и Х. съ сыномъ, желая, кажется, вернуть татаръ, а когда это не удалось, то уже не возвратились на поле битвы; по нимъ извѣстіямъ ханъ задержалъ Хмельницкаго, казаки же послѣ геройской защиты были почти уничтожены поляками. Пораженіе подъ Берестечкомъ имѣло послѣдствіемъ постепенное подчиненіе полякамъ всей Малороссіи; занятъ былъ и Кіевъ; Х. метался по южной Украйнѣ, собирая войска, но сознавалъ, что его дѣло проиграно, тѣмъ болѣе, что народъ относился къ нему довольно враждебно; случалось, что и жизни его грозила опасность. Впрочемъ, это не помѣшало ему жениться въ 3-й разъ—на Аннѣ Никифоровнѣ, урожденной Золотаренковой. Новая гетманша была женщина серьезная, и вліяніе ея сказалось къ лучшему при чигиринскомъ дворѣ. И этотъ бракъ былъ бездѣтенъ. Такъ какъ ханъ помощи Хмельницкому не давалъ, то послѣдній снова обратился къ царю, грозя въ случаѣ пренебреженія его ходатайствомъ поддаться султану и хану и разорять Москву; онъ оскорблялъ московскихъ пословъ и не хотѣлъ выдать одного изъ самозванцевъ, попавшаго въ Чигиринъ. Духовенство тоже приглашало москвичей занять Малороссію, но въ Москвѣ снова ограничились посольствомъ въ Варшаву съ угрозами насчетъ прописокъ. Видя, что дѣло затягивается, Х. вступилъ въ переговоры съ поляками, и послѣ долгихъ споровъ, прерываемыхъ вооруженными столкновеніями, благодаря особенно хлопотамъ Выговскаго, который въ это время пріобрѣлъ огромное вліяніе на Хмельницкаго, заключенъ былъ 17 сентября 1651 г. Бѣлоцерковскій договоръ, отмѣнившій почти всѣ условія Зборовскаго договора: число реестровыхъ ограничено 20,000; но Х. остался гетманомъ и сохранилъ Чигиринъ. По заключеніи трактата польскіе вельможи угощали Хмельницкаго, и описанія современниковъ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что паны смотрѣли на него, какъ на своего брата, сводившаго съ ними панами личные счеты.

Если Зборовскій трактатъ не могъ успокоить южную Русь, то Бѣлоцерковскій и подавно. Масса народа переселилась въ московскія владѣнія, происходили бунты противъ поляковъ и Хмельницкаго, который, продолжая богато жить въ Чигиринѣ, равнодушно смотрѣлъ, какъ казнили казацкихъ предводителей; чуть ли не было у казаковъ противъ него даже заговора, въ который былъ замѣшанъ сынъ его Тимофей, разсчитывавшій стать гетманомъ, но онъ помирился съ отцомъ. Х. понималъ, что дѣло не окончится Бѣлоцерковскимъ трактатомъ (онъ даже не былъ утвержденъ сеймомъ) и, какъ всегда, старался запастись союзниками; онъ подчинился султану, о чемъ официально заявилъ въ концѣ 1651 г.,

и, кажется, именно изъ за того и образовался заговоръ, оставшійся, впрочемъ, безъ послѣдствій. Такъ прошла зима 1651/52 г.; народъ все болѣе и болѣе волновался, ожидая новой войны; между тѣмъ Х. въ началѣ 1652 г. поднялъ снова вопросъ о женитьбѣ сына на молдавской княжнѣ. Когда онъ потребовалъ у Лупула исполненія обѣщанія, тотъ отпѣкивался и интриговалъ въ Польшѣ, вслѣдствіе чего польское войско заняло горы около Батога (на Бугѣ), ставъ на дорогѣ, по которой долженъ былъ идти Тимофей Х. въ Молдавію. Х., отправивъ сына съ частью войска, слѣдовалъ за нимъ и послалъ начальнику польскаго отряда письмо съ просьбой не мѣшать проходу сына. Тотъ не послушался, въ началѣ мая 1652 г. напалъ на казаковъ и былъ разбитъ Т. Хмельницкимъ; явившійся на поле битвы гетманъ, кажется, не былъ доволенъ дѣйствіями сына: онъ обласкалъ плѣнныхъ и отправилъ къ королю письмо, упрекая поляковъ въ самовольной попыткѣ помѣшать женитьбѣ Тимофея Хмельницкаго; универсалами же онъ приказывалъ народу не подымать мятежа; однако въ то же время, хотя и неудачно, пытался захватить Каменецъ. Но извѣстіе о битвѣ подъ Батогомъ еще болѣе усилило бунтъ на Украйнѣ, и польскія войска поспѣшили оттуда удалиться. Х. продолжалъ успокоивать народъ, надѣясь, что до войны дѣло можетъ и не дойти. Испуганный Лупулъ согласился на бракъ дочери; Тимофей Х. явился въ Яссы, и 31 августа 1652 г. состоялась свадьба; какъ она, такъ и пріемъ казаковъ Лупуломъ были очень торжественны; затѣмъ молодые вернулись въ Чигиринъ.

Сеймъ, собравшійся лѣтомъ 1652 г., обсуждалъ вопросъ о войнѣ съ Хмельницкимъ и, какъ всегда, сперва послалъ къ нему коммиссаровъ; но изъ переговоровъ ничего не вышло. Поляки требовали разрыва союза съ Турціей и Крымомъ. Не рѣшаясь на это и понимая, что при отказѣ его должна возникнуть война, Х. въ декабрѣ 1652 г. послалъ однихъ пословъ въ Москву просить царя о принятіи Малороссіи подъ свою высокую руку, другихъ въ Константинополь съ просьбою о покровительствѣ. Въ Москвѣ начали склоняться къ вмѣшательству въ дѣла Малороссіи, но медлили съ посольствомъ, а весною 1653 г. поляки напали на Украйну и стали опустошать ее, не обращая уже вниманія на просьбы Хмельницкаго о переговорахъ; въ то же время въ Молдавіи вспыхнулъ бунтъ противъ Лупула, поддержанный враждебнымъ ему валашскимъ господаремъ, опасавшимся честолюбивыхъ замысловъ Т. Хмельницкаго. Лупулу пришлось плохо и онъ бѣжалъ изъ Молдавіи къ зятю, находившемуся тогда въ Рашковѣ (на Днѣстрѣ), кажется, ему принадлежавшемъ. Т. Хмельницкій съ казаками помогъ Лупулу снова занять господарство; они даже начали воевать Валахію, но были разбиты и прогнаны изъ Яссъ. Т. Хмельницкій вернулся на Украйну, набралъ новое войско и опять двинулся на помощь тестю, занявъ Сучаву, а Лупулъ явился въ Чигиринъ къ Б. Хмельницкому, прося помощи; въ свою очередь молдавскіе противники Лупула хлопотали о помощи у Польши; впрочемъ, и Тимофей Х. заискивалъ у нея, предлагая доставить господарство ей въ подданство. Поляки предпочли поддержать враговъ Лупула; тогда Х. сталъ торопить московское правительство къ принятію рѣшительныхъ мѣръ, а самъ двинулся на Подолію, гдѣ снова завелъ переговоры съ поляками; войска у него было немного, такъ какъ универсалы его на народъ особеннаго впечатлѣнія не производили.

Изъ Москвы, наконецъ, отправлено было посольство въ Польшу съ обычными придирками, но и съ указаніемъ на просьбы казаковъ о принятіи ихъ подъ царскую руку, при угрозѣ въ противномъ случаѣ подчиниться турецкому султану и крымскому хану, чего Москва допустить не могла; въ виду этого послы настойчиво рекомендовали польскому правительству помириться съ казаками на условіяхъ Зборовскаго договора. Послы только пересорились съ польскими уполномоченными и уѣхали съ такими заявленіями, которыя явно показали, что въ Москвѣ уже рѣшено принять казаковъ въ подданство и за нихъ воевать съ Польшею; но такъ какъ въ Москвѣ все дѣлали волокитно, то, хотя и укрѣпляли Хмельницкаго въ принятомъ имъ намѣреніи податься царю, но реальной помощи ему не давали; вслѣдствіе сего Х., продолжая умолять царя, всесильнаго тогда патріарха

Никона и вліятельныхъ бояръ (напр. И. Морозова) о помощи, все же повелъ дѣятельные переговоры съ Турціей и Крымомъ, тѣмъ болѣе, что дѣла сына его въ Молдавіи шли очень плохо: въ 1653 г. Тимофей Х. долженъ былъ запереться въ Сучавѣ и тамъ во время осады былъ смертельно раненъ ядромъ и спустя 4 дня умеръ отъ антонова огня; смерть его скрывали еще въ теченіе нѣсколькихъ дней, чтобы казаки не пали духомъ. Х. двинулся было на помощь сыну, но по дорогѣ встрѣтилъ трупъ его, который доставили въ Чигиринъ къ женѣ его, недавно родившей близнецовъ, и похоронили съ большимъ торжествомъ въ Субботовѣ. По отзывамъ современниковъ, относившихся, впрочемъ, враждебно къ Т. Хмельницкому, онъ былъ небольшого роста, имѣлъ лицо, изрытое оспою, и вообще былъ невзраченъ, очень застѣнчивъ и не разговорчивъ; подобно отцу и онъ напивался и во хмелю могъ плясать, ругаться и всячески безобразничать. Указываютъ, что онъ былъ очень развратенъ, но въ то же время изъ его дѣяній видно, что это былъ человѣкъ храбрый, любимый казаками, и по нѣкоторымъ извѣстіямъ Домна Розанда вышла за него замужъ по расположенію, а не только вслѣдствіе тѣхъ политическихъ условій, въ какихъ тогда находился ея отецъ.

Въ сентябрѣ 1653 г. изъ Москвы послано было, наконецъ, къ Хмельницкому посольство съ изъявленіемъ согласія на принятіе его подъ царскую руку; 1-го октября созванный въ Москвѣ соборъ высказался за присоединеніе Малой Россіи и за войну съ Польшей; война была объявлена 23 октября, но въ дѣйствительности наступила еще не скоро; на Украйнѣ же кипѣла тогда мелкая борьба, а 28 ноября Х. съ помощью татаръ сильно потѣснилъ короля въ лагерѣ подъ Жванцемъ (на Днѣстрѣ); но такъ какъ полякамъ удалось отдѣлить отъ Хмельницкаго хана и заключить съ нимъ договоръ, то результаты битвы были гибельны только для разоренной татарами Украйны, а Х. не выигралъ ничего. Послѣдніе переговоры Хмельницкаго съ московскими дипломатическими агентами закончились въ Чигиринѣ въ декабрѣ 1653 г., послѣ чего изъ Москвы отправлено было торжественное посольство въ Переяславль для принятія Малороссіи въ царское подданство; оно прибыло туда 31 декабря, а Х. явился изъ Чигирина 6 января 1654 г. Уговорившись съ старшиною, Х. назначилъ на 8 января раду, на которой произнесъ рѣчь, указывая на утѣсненія Малороссіи Польшею и предлагая поддаться подъ царскую руку. Предложеніе было принято радою съ большимъ одушевленіемъ, и такимъ образомъ состоялось соединеніе Великой и Малой Россіи. Шла рѣчь объ условіяхъ этого соединенія; они понравились казакамъ, но это была простая бесѣда. Потомъ явились на раду послы и заявили о согласіи царя. Х., старшина, казаки и народъ присягнули на подданство царю, и Хмельницкому переданы были отъ него знаки гетманскаго достоинства и цѣнные подарки. Произошли, правда, кое-какія недоразумѣнія изъ за нежеланія пословъ присягнуть въ свою очередь отъ имени царя, но все уладилось. Москвичи настаивали на введеніи московскихъ войскъ въ важнѣйшіе южно-русскіе города, но удалось занять лишь Кіевъ; желали подчиненія кіевскаго митрополита московскому патріарху,—не добились. Въ мартѣ 1654 г. Х. отправилъ своихъ пословъ въ Москву, чтобы окончательно подтвердить условія соединенія, что и удалось сдѣлать, хотя не безъ волокиты. Царь далъ Хмельницкому и запорожскому войску милостивыя грамоты, дополненныя особыми статьями. По условію, казакамъ, которыхъ полагалось 60,000, дана была значительная самостоятельность во внутреннихъ распорядкахъ, согласно съ ихъ прежними правами и привиллегіями въ Рѣчи Посполитой; сверхъ того царь осыпалъ разными милостями вліятельныхъ лицъ казацкой старшины. Лично Х., въ дополненіе къ Субботову, получилъ обширныя пустыя земли въ его окрестностяхъ, рядъ мѣстечекъ около Чигирина, даннаго ему на булаву, и г. Гадячъ. Но для малорусскаго народа не было сдѣлано ничего. Вообще соединеніе Малороссіи съ Московскимъ государствомъ иначе понималось въ Малороссіи, чѣмъ въ Москвѣ: царь и его бояре принимали подчиненіе Малороссіи (иначе они соединенія и не допустили бы), а на грамоты и статьи смотрѣли, какъ на царскую милость, въ сущности не обязательную и

скорѣе всего временную. Х. же и вообще казаки смотрѣли на соединеніе лишь какъ на унію вольнаго народа съ вольнымъ и равнаго съ равнымъ, подъ властью царя, но дѣлавшую ихъ отъ Москвы независимыми, какъ независимы были бы они отъ Рѣчи Посполитой, если бы осуществился Зборовскій договоръ. Изъ такого недоразумѣнія проистекали всѣ дальнѣйшія столкновенія Хмельницкаго и послѣдующихъ гетмановъ съ Московскимъ правительствомъ, приводившія ихъ къ измѣнамъ Москвѣ и къ союзамъ съ Польшей, Турціей и даже Швеціей; а въ этомъ, какъ сейчасъ будетъ сказано, повиненъ былъ и Х.

Въ Малороссіи соединеніе съ Москвою имѣло за собою всегда три элемента: низшее духовенство, озлобленное предшествующими гоненіями со стороны католиковъ и уніи и выше всего ставившее религіозные интересы; горожанъ, искавшихъ исключительно спокойствія, благопріятнаго для развитія промышленности и торговли, и понимавшихъ, что отъ Рѣчи Посполитой они его не дождутся, и, наконецъ, сельское населеніе, возлагавшее на Московскаго царя упованія относительно улучшенія своего экономическаго положенія, положимъ совершенно не основательныя въ виду тѣхъ экономическихъ процессовъ, которые совершались въ самомъ Московскомъ государствѣ. Противъ подчиненія Малороссіи Москвѣ стояла лишь южно-русская якобы аристократія (причисляя къ ней и высшее духовенство), свыкшаяся съ польскимъ строемъ и желавшая лишь, чтобы права и привиллегіи шляхты были распространены и на нее, но не добившаяся этого отъ Польши и надѣявшаяся осуществить свои вожделѣнія руками Москвы. Но этотъ элементъ, не сильный и самъ по себѣ, былъ постоянно разъѣдаемъ эгоистическими интересами, парализовавшими довольно слабый корпоративный духъ; любой представитель малорусской старшины, до гетмана включительно, готовъ былъ продать себя Москвѣ за села, грунты, мельницы, шинки и иныя благостыни, готовъ былъ устроить ссылку въ Сибирь своего лучшаго друга и благодѣтеля, чтобы занять его мѣсто. Разумѣется, это не черты особаго удальства, или даже разбойничества, а результатъ ложно направленной политической жизни, дѣлавшій всѣ преимущества достояніемъ однихъ избранниковъ.

Рознь между Москвой и Малороссіей сказалась не сразу, и въ Москвѣ сперва не замѣчали ея. Для предстоящей войны сдѣланы были большія приготовленія; торжественно объявлено было о ней иностраннымъ державамъ; послали грамоты къ православнымъ въ земли Рѣчи Посполитой, съ приглашеніемъ перейти въ московское подданство. Движеніе нашихъ войскъ началось въ февралѣ 1654 г., главныя войска выступили въ апрѣлѣ, а царь поѣхалъ къ нимъ въ половинѣ мая. На помощь имъ Х. послалъ казаковъ, и хотя между ними и великороссами съ мѣста начались ссоры, но въ общемъ русскіе имѣли успѣхъ и забрали не мало городовъ; съ побѣжденными царь обращался милостиво и подтверждалъ ихъ права; присягали ему охотно. 23 сентября взятъ былъ Смоленскъ, послѣ чего царь уѣхалъ изъ арміи, а бояре завоевали Бѣлую Русь. Въ концѣ 1654 и началѣ 1655 гг. война однако была менѣе удачна, именно изъ за ссоръ москвичей и казаковъ.

Х. въ это время велъ войну на Украйнѣ, но дѣйствовалъ медленно и тоже ссорился съ прибывшими на помощь воеводами; онъ даже затѣялъ широкіе, но безрезультатные переговоры какъ съ султаномъ, котораго онъ увѣрялъ, что остается у него въ подданствѣ, хотя и не могъ скрыть своего подчиненія Москвѣ, такъ и съ поляками, заключившими союзъ съ ханомъ, понявшимъ опасность для Крыма отъ подчиненія Хмельницкаго царю; 29 января 1655 г. Х. былъ разбитъ поляками подъ Ахматовымъ, послѣ чего борьба на Украйнѣ снова стала незначительною; Х. умолялъ о помощи не только султана, но и шведскаго короля, а польская королева написала къ женѣ Хмельницкаго любезное письмо и прислала цѣнный подарокъ, чѣмъ Х. былъ очень тронутъ. Лѣтомъ 1655 г. царь завоевалъ Литву; въ южной Руси, не смотря на вялость Хмельницкаго и ссоры съ воеводами, власть царя признало Полѣсье и даже Люблинъ; въ виду этихъ потерь поляки просили мира у царя и предложили ему корону Рѣчи Посполитой. Затрудненіями ихъ воспользовались сосѣди: король шведскій Карлъ X, князь трансильванскій Ракочи и герцогъ прусскій курфюрстъ

бранденбургскій Фридрихъ Вильгельмъ; объявивъ войну Рѣчи Посполитой, они стали завоевывать и опустошать ея земли; особенно успѣшны были дѣйствія шведовъ. Къ счастью Польши между врагами ея была недружба; такъ русскіе и шведы ссорились изъ за покоряемыхъ ими литовскихъ городовъ. Въ дѣла Польши вмѣшался императоръ Фердинандъ III и предложилъ царю посредничество; въ Москвѣ тянули дѣло, а Карлъ X тѣмъ временемъ занялъ чуть не всю Польшу. Лишь послѣ усиленныхъ переговоровъ удалось въ 1656 г. склонить царя къ войнѣ со шведами (наше правительство въ то время болѣе всего интересовалось пріобрѣтеніемъ Балтійскаго поморья); а съ поляками шли долгіе переговоры, поведшіе къ заключенію Виленскаго перемирія; при этомъ казацкихъ уполномоченныхъ не допустили къ участію въ переговорахъ, что страшно обидѣло Хмельницкаго и старшину. Х. предсказывалъ, что поляки обманутъ царя, но его не послушали. Избавившись отъ наиболѣе опаснаго противника и воодушевленные патріотизмомъ, поляки вытѣснили шведовъ изъ своихъ земель и тогда дѣйствительно не исполнили тѣхъ условій (о выборѣ царя въ польскіе короли), о которыхъ говорилось при заключеніи перемирія. Въ Москвѣ проглотили обиду въ виду войны со шведами и особенно въ виду того недовѣрія, какое тогда внушала политика Хмельницкаго.

Къ этому времени Х. успѣлъ уже выяснить себѣ разницу во взглядахъ своемъ и московскомъ на соединеніе и разочаровался въ немъ; тогда онъ снова принялся за исканіе иныхъ союзовъ: 26 декабря 1656 г. онъ заключилъ договоръ съ Ракочи, а въ началѣ 1657 г. съ Карломъ X о раздѣлѣ Польши; къ этому союзу присоединился и Фридрихъ Вильгельмъ; Х. даже послалъ казаковъ въ помощь Ракочи, напавшему на Польшу и занявшему тогда Варшаву; но союзниковъ постигли неудачи.

Въ началѣ 1657 г. Х. заболѣлъ; есть извѣстіе, что онъ былъ отравленъ, но это сомнительно; будучи старикомъ и сознавая возможность близкой смерти, онъ въ концѣ апрѣля въ Чигиринѣ устроилъ выборъ въ наказные гетманы сына своего Юрія и послалъ его на помощь Ракочи. Тогда Х. хлопоталъ уже объ устройствѣ федеративнаго союза изъ Малой Россіи и княжествъ Молдавіи, Валахіи и Трансильваніи подъ протекторатомъ польскаго короля (т. е. Ракочи). Такіе планы должны были привести Хмельницкаго къ войнѣ съ Московскимъ государствомъ; онъ и готовился къ ней, укрѣпляя города по московскому рубежу; но затѣмъ онъ окончательно слегъ въ постель. Но и больной Х. продолжалъ вести переговоры съ Польшей о союзѣ и почти привелъ ихъ къ концу, въ то же время увѣряя московскихъ пословъ о своей вѣрности царю, критикуя его новую политику, основанную на союзѣ съ Польшей, и предсказывая ей неуспѣхъ; договаривался онъ и съ Крымомъ; словомъ, запутывался въ политическихъ отношеніяхъ все болѣе и болѣе. На помощь Ракочи отправилъ онъ новый отрядъ казаковъ подъ начальствомъ Юрія Хмельницкаго, но казаки не хотѣли его слушать и взбунтовались, а Ракочи былъ взятъ въ плѣнъ поляками, и всѣ планы союзниковъ рухнули. Среди этихъ событій Богданъ Х. скончался въ Чигиринѣ 27 іюля 1757 г., а 22 августа былъ похороненъ въ Субботовѣ въ построенной имъ Георгіевской церкви. Въ 1664 г. польскій воевода Чарнецкій, взявшій Субботово, приказалъ выбросить изъ гроба кости Хмельницкаго.

О наружности Хмельницкаго можно судить по его портретамъ; видно, что онъ былъ человѣкъ крупный, здоровый; онъ началъ возстаніе старикомъ, но велъ его энергично и былъ постоянно бодрымъ, лишь въ самые послѣдніе годы его жизни замѣчали нѣкоторую усталость. Что Х. былъ человѣкъ очень умный, ясно изъ обзора его дѣятельности, но нельзя видѣть въ немъ какого либо исключительнаго генія, какимъ считаютъ его тѣ, которые приписываютъ именно ему фактъ соединенія Великой и Малой Россіи, тогда какъ Х. въ этомъ случаѣ явился лишь орудіемъ, приведшимъ въ исполненіе это соединеніе, подготовленное предшествующею исторіей обоихъ государствъ: Москвы и Рѣчи Посполитой. Сказано было, что Х. былъ человѣкъ для своего времени образованный, по польскому образцу. Но видѣть въ немъ выдающагося государственнаго человѣка, а тѣмъ болѣе оригинальнаго, нѣтъ основанія; онъ привыкъ къ польскому строю, считалъ его наилучшимъ и ссорился съ Москвою именно изъ

за того, что для Москвы этотъ строй не могъ считаться соотвѣтствующимъ; въ Малороссіи Х., насколько могъ, сохранялъ польскіе порядки. Еще менѣе основаній видѣть въ немъ народнаго героя; вся дѣятельность рисуетъ его какъ шляхтича, ставшаго затѣмъ и жившаго вельможей, выставлявшаго иногда интересы народа, какъ знамя, чтобы привлечь народъ къ возстанію, но никогда серьезно о нихъ не думавшаго; поэтому-то народъ, разочаровавшійся въ его дѣятельности, и слалъ пожеланіе Хмельницкому, чтобы его «первая куля (пуля) не минула». Тѣмъ не менѣе Х. былъ человѣкомъ русскимъ: онъ стоялъ за Украйну и казачество, не давая ихъ въ обиду ни полякамъ, ни москвичамъ; онъ былъ очень религіозенъ и православіе имѣло въ немъ искренняго слугу, хотя оно не помѣшало ему жениться на замужней женщинѣ; таковы были вообще нравы того времени. Вращеніе въ высшихъ политическихъ сферахъ съ одной стороны нѣсколько развило Хмельницкаго, съ другой — придало ему извѣстный макіавеллизмъ, который считается принадлежностью искусной политики; но усвоить его основательно Х. не могъ, и политическія его конъюнктуры поражаютъ своей наивностью; видишь, что Х. живетъ сегодняшнимъ числомъ: только бы теперь выкрутиться, а тамъ что будетъ, то будетъ; впрочемъ, при успѣхѣ Х. былъ самонадѣянъ и даже хвастливъ; за то при неуспѣхѣ быстро падалъ духомъ и топилъ горе въ винѣ. Въ пьянствѣ единогласно обвиняютъ его всѣ его знавшіе, но и это порокъ очень свойственный тому времени. Силою воли Х. тоже не отличался; на него большее вліяніе имѣли окружающіе, особенно Выговскій; и онъ дѣлалъ все, что они хотѣли, а своевольныхъ казаковъ прямо побаивался, понимая, что только ими онъ и силенъ.

Литература о Б. Хмельницкомъ чрезвычайно обширна; источники, опубликованные до 1884 г., перечислены довольно полно въ предисловіи къ 3-му изданію «Богд. Хмельницкаго» Костомарова; и послѣ этого года ихъ напечатано не мало, особенно въ «Кіевской Старинѣ»; почти всѣ труды, сюда относящіеся и вышедшіе до 1891 г., отмѣчены въ сочиненіи проф. Иконникова «Опытъ русск. исторіографіи», Кіевъ 1891—1892 (см. указат. личн. именъ).—Костомаровъ: «Богданъ Хмельницкій», послѣдн. изд. СПБ. 1884.—Костомаровъ: «Богд. Хмельн. данникъ Оттоманской Порты» («см. историч. монографіи»).—Соловьевъ: «Ист. Росс.», т. X.—Г. Карповъ: «Критич. обзоръ разработки главн. русск. источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся, за время съ 8 января 1654 по 30 мая 1672 г.», Москва, 1870.—Г. Карповъ: «Начало историч. дѣятельности Б. Хмельницкаго», Москва, 1873.—Г. Карповъ: «Въ защиту Б. Хмельницкаго» (въ «Чтен. Моск. Общ. ист. и древн. Росс.», 1889, кн. I).—«Собраніе сочиненій», М. А. Максимовича: Кіевъ 1876—1877 (Статьи, относящіяся къ исторіи казачества; затѣмъ до 1880 г. появилось еще нѣсколько его статей о Малороссіи).—П. А. Кулишъ: «Исторія возсоединенія Руси», М. 1874—1877.—П. А. Кулишъ: «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши», М. 1888—1889.—П. А. Кулишъ: «Украинскіе паны и казаки» (въ «Русск. Обозрѣн.» 1895 г.).—Буцинскій: «О Богд. Хмельницкомъ», Харьковъ 1882.—Востокова статья о первыхъ сношеніяхъ Богд. Хмельн. съ Москвою, въ «Кіевск. Стар.» 1887 г., т. XVIII.

23 апр. 1897 г. *Ал. Маркевичъ.*

Хмельницкій, *Иванъ Парѳентьевичъ*, докторъ философіи, прямой потомокъ гетмана Б. Хмельницкаго, отецъ драматурга Николая Хмельницкаго, род. въ январѣ 1742 г., ум. 2 января 1794 г.; окончивъ курсъ въ Кіевской духовной академіи, онъ слушалъ лекціи въ Кенигсбергскомъ университетѣ, гдѣ въ 1761 г., по защитѣ диссертаціи «Разсужденіе объ основаніяхъ философическихъ», былъ удостоенъ степени доктора философіи. По возвращеніи въ Россію Х. состоялъ оберъ-секретаромъ Сената и былъ императрицей Екатериной II назначенъ членомъ Комиссіи для составленія проекта новаго уложенія. Императрица очень благоволила къ нему и въ вознагражденіе за потерю имѣній, принадлежавшихъ нѣкогда роду Хмельницкихъ, а также желая дать Хмельницкому возможность посвятить себя всецѣло научнымъ занятіямъ, настолько обезпечила его матеріальное положеніе, что онъ выстроилъ себѣ въ Петербургѣ домъ. Сочиненія Хмельницкаго философскаго характера, пропитаны духомъ нѣмецкой метафизики второй половины XVIII столѣтія и наполнены діалектическими тонкостями. Кромѣ вышеприведенной диссертаціи его перу принадлежатъ еще слѣдующія сочиненія: «Опроверженіе рабства по закону естественному и по праву всенародному», «О родствѣ по законамъ природы и правамъ народнымъ». Это послѣднее сочиненіе, какъ и докторская диссертація первоначально были написаны на латинскомъ языкѣ, но извѣстны только въ русскомъ переводѣ. Кромѣ того Х. паревелъ рядъ ученыхъ трудовъ съ нѣ-

мецкаго языка на русскій: «Величество и различіе въ царствѣ естества и нравовъ по уставу Зиждителя», «Краткая энциклопедія, или понятіе о всѣхъ наукахъ и художествахъ» и «Свѣтъ зримый въ лицахъ, или величіе и многообразность Зиждителевыхъ намѣреній, открывающіяся въ природѣ и нравахъ, объясненныя физическими и нравственными изображеніями, украшенными достойнымъ сихъ предметовъ словомъ». Этотъ переводъ сочиненія извѣстнаго Амоса Коменскаго выдержалъ четыре изданія, изъ которыхъ первое появилось въ 1773 г., а послѣднія два уже послѣ смерти переводчика, въ 1805 и 1817 гг.

«Пантеонъ и репертуаръ русс. сцены» 1868 г., т. V и VI, кн. 8 и 9.—«Пантеонъ» 1846 г., т. 13, стр. 17. — Митр. Евгеній: «Слов. свѣтск. писат.», т. II, 1845, стр. 239. — Сопиковъ, № 10174 — 10176.—«Ежегодн. императ. театровъ», годъ 6-ой, 1-ая книга приложеній, стр. 89 (въ статьѣ И. Коробки) —«Матеріалы для изуч. русск. литературы», изд. П. А. Ефремовымъ, 1867, стр. 116.—Филаретъ: «Обзоръ русск. дух. литерат.», изд. 3, 1884, стр. 353.

Хмельницкій, *Николай Ивановичъ*, драматическій писатель, сынъ доктора философіи Кенигсбергскаго университета Ивана Пароентьевича Хмельницкаго (см. выше), род. въ Петербургѣ 11 августа 1791 г., ум. 8 сентября 1845 г.; первоначальное образованіе получилъ въ родительскомъ домѣ подъ руководствомъ своего зятя Ник. Ѳед. Эмина († 1814), бывшаго одно время финляндскимъ губернаторомъ и также извѣстнаго въ литературѣ, а затѣмъ поступилъ въ Горный кадетскій корпусъ, уже съ 1799 г. числясь на службѣ канцеляристомъ въ канцеляріи министра удѣловъ. По окончаніи курса въ корпусѣ, онъ въ 1804 г. поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, въ 1806 г. былъ произведенъ въ переводчики, а въ февралѣ 1808 г. получилъ высочайшее повелѣніе отправиться «для иностранной переписки съ нѣкоторыми изъ иностранныхъ державъ» къ гр. Ѳ. Ѳ. Буксгевдену, главнокомандующему финляндской арміей. Затѣмъ онъ въ 1811 г. перешелъ на службу въ департаментъ министерства юстиціи, но пробылъ здѣсь недолго: увлеченный всеобщимъ патріотическимъ возбужденіемъ, онъ вступилъ въ Петербургское ополченіе подъ начальство М. Л. Голенищева-Кутузова, который вскорѣ же назначилъ его къ себѣ въ адъютанты; въ томъ же званіи Х. остался и при преемникѣ Кутузова по командованію ополченіемъ, бар. П. И. Меллеръ-Закомельскомъ. По представленію начальства Х. въ іюлѣ 1813 г. былъ произведенъ «за усердіе къ службѣ» въ надворные совѣтники, а въ августѣ былъ причисленъ къ главному штабу польской арміи и состоялъ при генералѣ К. И. Оппермане, съ которымъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Дрезденѣ и Лейпцигѣ и при взятіи Парижа. По окончаніи войны Х. возвратился на службу въ министерство юстиціи, но уже вскорѣ петербургскій генералъ-губернаторъ гр. М. А. Милорадовичъ, познакомившійся съ Хмельницкимъ еще во время кампаніи 1814 г., пригласилъ его на службу къ себѣ и назначилъ правителемъ своей канцеляріи. Х. быстро пошелъ по лѣстницѣ чиновъ и отличій. Въ 1824 г. онъ составилъ проектъ о частныхъ суммахъ, остававшихся въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ болѣе 10 лѣтъ и никѣмъ не востребованныхъ. 25 ноября того же года этотъ проектъ получилъ утвержденіе, а означенныя суммы, составлявшія къ тому времени болѣе 700,000 р., послужили основаніемъ капитала вновь учрежденнаго Комитета для призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Въ концѣ 1824 г. Х. перешелъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ чиновникомъ для особыхъ порученій, былъ неоднократно посылаемъ въ разныя губерніи и сумѣлъ такъ вести свои дѣла, что 24 февраля 1829 г. былъ назначенъ губернаторомъ въ Смоленскъ, а вскорѣ затѣмъ произведенъ въ дѣйствит. статскіе совѣтники. По словамъ Н. А. Добротворскаго, пользовавшагося изустными преданіями и архивными данными, Х. въ теченіе $8^1/_2$ лѣтъ своего управленія краемъ «сдѣлалъ для города и губерніи чуть ли не больше, чѣмъ каждый изъ остальныхъ губернаторовъ, состоявшихъ въ этой должности иногда по 10—15 лѣтъ». И дѣйствительно, не говоря уже о мелкихъ улучшеніяхъ внѣшняго вида Смоленска, Х. оказалъ ему много услугъ болѣе существенныхъ: такъ, онъ исходатайствовалъ у государя ссуду въ милліонъ рублей на нужды города (1829), еще носившаго на себѣ слѣды Наполеоновскаго нашествія, учредилъ въ Смоленскѣ пу-

бличную библіотеку съ кабинетомъ для чтенія (1831), устроилъ первую въ Россіи губернскую «выставку ремесленныхъ и мануфактурныхъ издѣлій» съ цѣлью поощрить мѣстное производство, составилъ статистическое описаніе 12-ти городовъ и нѣсколькихъ уѣздовъ Смоленской губерніи, описаніе земледѣльческой, ремесленной и торговой ея промышленности, агрономическую карту губерніи и т. п. Его заботамъ обязанъ городъ устройствомъ сада на Облоньѣ, срѣзкой соборной горы, препятствовавшей сообщенію нагорной стороны Смоленска съ заднѣпровьемъ, и многими другими улучшеніями благоустройства города. Въ дѣлѣ внутренней жизни губерніи Хмельницкому пришлось столкнуться съ двумя очень щекотливыми по тому времени вопросами: о злоупотребленіи помѣщичьей властью и о положеніи раскольниковъ. Грубые крѣпостники въ лицѣ Хмельницкаго постоянно встрѣчали твердое и настойчивое противодѣйствіе: онъ всегда бралъ сторону угнетаемыхъ крестьянъ, какъ только замѣчалъ со стороны помѣщика нарушеніе закона или превышеніе власти. На подобные случаи ему приходилось иногда наталкиваться совершенно случайно, во время поѣздокъ на ревизіи, когда онъ запросто, въ сопровожденіи одного кучера, объѣзжалъ губернію и забирался въ самые глухіе уголки ея. Что касается вопроса о расколѣ, то умный и гуманный Х. понималъ, что здѣсь нельзя ничего достигнуть мѣрами строгости и насилія, а потому считалъ полезнымъ постоянно сдерживать пылъ не въ мѣру ревностной полиціи; такой небывалый доселѣ образъ дѣйствій губернатора возбудилъ противъ него общее негодованіе мѣстнаго духовенства, и оно обратилось къ своему архіерею съ просьбою «о принятіи какихъ-либо мѣръ». Но губернаторъ, несмотря на письмо къ нему преосвященнаго, не измѣнилъ своей политики по отношенію къ раскольникамъ, число которыхъ будто бы сильно увеличилось за время его управленія губерніей. Создавъ себѣ такимъ образомъ многочисленныхъ и сильныхъ враговъ, Х. подготовилъ и свое паденіе. На него со всѣхъ сторонъ посылались въ Петербургъ доносы, въ которыхъ, между прочимъ, выставлялось на видъ то, что всѣ произведенныя при Хмельницкомъ казенныя постройки въ губерніи обошлись непомѣрно дорого; не забыли указать даже на слабость холостяка Хмельницкаго къ женскому полу, пользуясь которою отъ «веселаго губернатора» можно было будто-бы добиться всевозможныхъ послабленій. Все это привело къ тому, что для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ была назначена комиссія, а Х., переведенный 6 іюля 1837 г. губернаторомъ въ Архангельскъ, въ началѣ 1838 г. былъ вызванъ въ Петербургъ, такъ какъ комиссія обнаружила большія хищенія казенныхъ денегъ со стороны строителей Смоленско-Московскаго шоссе, а на губернатора взводила обвиненіе, если не въ участіи въ казнокрадствѣ, то въ нерадѣніи къ служебнымъ обязанностямъ. До окончательнаго изслѣдованія дѣла Х. былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ просидѣлъ шесть мѣсяцевъ. Наконецъ императоръ, прочитавъ дѣло о слѣдствіи, убѣдился въ полной невиновности Хмельницкаго, приказалъ немедленно освободить его и даже наградилъ орденомъ Владиміра 2 ст. Х. вышелъ изъ крѣпости уже совершенно разбитый болѣзнями и душевными страданіями, сѣдой и полуослѣпшій. Въ надеждѣ возстановить свое надломленное здоровье, онъ весною 1843 г. уѣхалъ за границу, но, не вылѣчившись, возвратился въ Петербургъ, гдѣ и умеръ въ 1845 г. По словамъ людей, близко знавшихъ Хмельницкаго, это былъ человѣкъ очень добрый, мягкій и душевный, хотя и прикрывавшій свою мягкость и добродушіе маской вѣжливой наружной холодности; онъ всегда съ готовностью отзывался на каждую нужду и несчастіе людей и первый спѣшилъ подать посильную помощь; на подчиненныхъ онъ смотрѣлъ какъ на равныхъ и съ удивительною деликатностью вникалъ въ ихъ жизнь, интересовался домашней обстановкой и нерѣдко помогалъ имъ изъ своихъ средствъ. Какъ губернаторъ онъ оставилъ по себѣ самую хорошую память среди жителей Смоленской губерніи, долго жалѣвшихъ невинно пострадавшаго Хмельницкаго, котораго любили всѣ, хоть сколько нибудь его знавшіе.

Литература была любимымъ занятіемъ Хмельницкаго, которому онъ охотно посвящалъ свои досуги. Во время пребыванія своего въ Петербургѣ Х. постоянно вращался въ литературныхъ кружкахъ

столицы. Между прочимъ, онъ усердно посѣщалъ собранія кн. А. А. Шаховского, куда могъ ввести его извѣстный театралъ С. П. Жихаревъ, сослуживецъ Хмельницкаго по коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Х. и у себя часто устраивалъ вечеринки, которыя охотно посѣщались многими писателями и артистами. Первый литературный опытъ Хмельницкаго, никогда не появлявшійся въ печати, относится къ 1806 г., когда онъ перевелъ «Зельмиру», одну изъ слабыхъ трагедій de Belloy; первый же дебютъ Хмельницкаго передъ публикой относится къ 1817 г., когда появилась на сценѣ (7 мая) его комедія «Говорунъ», передѣланная на русскій ладъ изъ французской комедіи Gui de Boissy «Le Babillard». Написанная легкими стихами, піеска эта прошла съ большимъ успѣхомъ и впослѣдствіи очень часто давалась на домашнихъ спектакляхъ. Такой же успѣхъ имѣла комедія Хмельницкаго «Шалости влюбленныхъ» (игр. 19 августа 1817 г.), передѣланная имъ изъ піесы Regnard'a «Les folies amoureuses». Въ слѣдующемъ году была въ первый разъ разыграна трехъактная комедія въ стихахъ «Своя семья, или замужняя невѣста», написанная для бенефиса М. И. Валберховой кн. А. А. Шаховскимъ въ сотрудничествѣ съ А. С. Грибоѣдовымъ и Хмельницкимъ, причемъ послѣднему принадлежала сцена въ 3-мъ дѣйствіи, въ которой производится «экзаменъ Наташи». 29 іюля того же 1818 г. Х. выступилъ съ одноактной комедіей «Воздушные замки», которую онъ передѣлалъ изъ комедіи Collin d'Harleville — «Les châteaux en Espagne», но отнесся къ оригиналу, нѣсколько тяжеловатому, очень свободно, заимствуя изъ него только сюжетъ и развивая его по своему вкусу; но піеса отъ этого только выиграла. Опера-водевиль «Бабушкины попуган», переведенная съ французскаго, съ музыкой А. Н. Верстовскаго, была сыграна въ первый разъ 28 іюля 1819 г., по словамъ П. Н. Арапова производила большой эффектъ и повторялась очень часто. 18 ноября Х. поставилъ на сцену «Школу мужей» Мольера, въ своемъ переводѣ, который, вмѣстѣ съ переводомъ Мольерова же «Тартюфа» (1826—1828), составляетъ главную заслугу Хмельницкаго въ исторіи нашей литературы. Мольеръ до тѣхъ поръ былъ извѣстенъ у насъ не въ переводахъ, а только въ «передѣлкахъ», и притомъ мало удачныхъ; Х. же далъ русской публикѣ хотя и довольно далекій отъ подлинника, но гладкій стихотворный переводъ, и до сихъ поръ не потерявшій значенія. «Школа женщинъ» въ переводѣ Хмельницкаго очень часто и долго ставилась на сценѣ Петербургскихъ театровъ. Въ 1820 г. были поставлены еще двѣ новыя піесы его: «Нерѣшительный, или семь пятницъ на недѣлѣ» — комедія въ 1 дѣйствіи въ стихахъ, передѣланная изъ піесы Collin d'Harleville — «L'Inconstant», долго не сходившая со сцены, и передѣланная съ французскаго опера-водевиль въ 1 дѣйствіи «Карантинъ», съ музыкой А. Н. Верстовскаго, увертюрой Маурера и танцами. Дѣятельность Хмельницкаго шла не ослабѣвая, и въ 1821 г. появились еще двѣ его піесы. Одна изъ нихъ — «Актеры между собою, или первый дебютъ актрисы Троепольской», была сыграна 3-го января въ бенефисъ М. А. Колосовой; темой для нея послужилъ истинный случай, происшедшій съ Т. М. Троепольской при началѣ ея сценической дѣятельности. Вторая пьеса была переводная опера-водевиль въ 1 дѣйствіи съ музыкой Маурера «Суженаго конемъ не объѣдешь, или нѣтъ худа безъ добра». 12 февраля 1822 г. было торжествомъ для Хмельницкаго, ибо переведенная имъ съ французскаго языка опера-водевиль «Новая шалость, или театральное сраженіе» произвела положительный фуроръ среди театраловъ; успѣхъ этотъ объясняется тѣмъ, что въ піесѣ роли шалуновъ-мальчиковъ были исполнены дѣвушками, что явилось совершеннымъ новшествомъ, доселѣ никѣмъ не примѣнявшимся въ театральномъ искусствѣ. Музыка къ этой піесѣ была написана Маурером, А. Н. Верстовскимъ и А. А. Алябьевымъ; современники считали «Новую шалость» чуть-ли не лучшей изъ всѣхъ водевилей Хмельницкаго. Послѣ этого въ его драматической дѣятельности является перерывъ. Напечатавъ въ 1825 г. въ альманахѣ «Русская Талія» переводъ забавной оперетки Фавара «Греческія бредни, или Ифигенія въ Тавридѣ на изнанку» («La petite Iphigénie»), которая никогда не была поставлена на сцену, Х. снова появился на театрѣ только въ 1826 г., когда въ первый разъ дана была его одноактная комедія въ стихахъ «Свѣтскій случай»,

прелестно разыгранная И. И. Сосницкимъ и Л. О. Дюровой. Въ 1828 г. Х. закончилъ свой переводъ «Тартюфа», надъ которымъ работалъ уже давно; этотъ трудъ его вышелъ еще болѣе удачнымъ, чѣмъ переводъ «Школы женщинъ»: онъ и до сихъ поръ еще не устарѣлъ и хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отступаетъ отъ оригинала, тѣмъ не менѣе вполнѣ передаетъ духъ подлинника. По неизвѣстнымъ причинамъ «Тартюфъ, одобренный уже цензурою, долго не давался на сценѣ и только 15 декабря 1841 г. появился впервые на Петербургскомъ театрѣ и сразу же выдержалъ множество представленій; однако въ печати появился только въ 1848 г. въ журналѣ «Пантеонъ» (т. I). Въ 1829 г. Х. напечаталъ въ альманахѣ Е. В. Аладьина «Букетъ» отрывки изъ своей комедіи «Арзамасскіе гуси», которую онъ началъ уже въ 1819 г., но не окончилъ. Послѣдними произведеніями Хмельницкаго, появившимися на сцену при его жизни, были слѣдующія: «Новый Парисъ», очень веселая опера-водевиль въ 1 дѣйствіи и «Взаимныя испытанія», комедія въ 1 дѣйствіи въ стихахъ, переведенная съ французской одноактной же комедіи N. Forgeot» Les Epreuves» (1785).

Изъ другихъ сочиненій Хмельницкаго, появившихся при его жизни, назовемъ: «Мундиръ, поморскій разсказъ», довольно безцвѣтный, написанный, вѣроятно, по воспоминаніямъ изъ жизни въ Архангельскѣ (онъ напечатанъ, съ портретомъ автора, въ 1845 г. въ III томѣ «Ста русскихъ литераторовъ» Смирдина), и четыре небольшихъ юмористическихъ стихотворенія, помѣщенныхъ въ альманахѣ В. Н. Олина «Карманная книжка любителей русской старины и словесности» (Спб. 1829 г.). Къ произведеніямъ Хмельницкаго, появившимся послѣ его смерти, относятся путевыя письма, напечатанныя въ 1846 г. въ «Финскомъ Вѣстникѣ» (т. X) и «Иллюстраціи» (№ 40 и 41), и историческія піесы: 1) «Царское слово, или сватовство Румянцева», комедія въ 3 д. изъ временъ Петра Великаго, данная въ 1-й разъ въ началѣ 1848 г. въ бенефисъ В. В. Самойловой 2-й; въ этой піесѣ мало цѣльныхъ характеровъ и драматическаго движенія; 2) «Русскій Фаустъ, или Брюсовъ кабинетъ», комедія въ 5 д. съ прологомъ, въ печати не появлявшаяся до изданія сочиненій Хмельницкаго, но ставившаяся нѣсколько разъ на сценѣ въ сезонъ 1848 — 1849 гг.; 3) «Оберъ-кухмейстеръ Фельтенъ», водевиль въ 1 д. въ прозѣ и стихахъ, игранный впервые въ 1846 г. на Александринскомъ театрѣ; 4) трехъактная комедія-водевиль того же названія, никогда не игранная; наконецъ 5) историческая драма въ 5 картинахъ «Зиновій Богданъ Хмельницкій, или присоединеніе Малороссіи», написанная на основаніи историческихъ работъ Д. Н. Бантыша-Каменскаго, И. И. Срезневскаго и др. Піесу эту, равно какъ и другія историческія комедіи, нельзя назвать удачной, чѣмъ и объясняется то, что она никогда не была поставлена на сцену. Только три театральныхъ піесы Хмельницкаго вышли отдѣльнымъ изданіемъ: «Говорунъ» (СПб. 1817), «Своя семья, или замужняя невѣста» (СПб. 1818) и «Воздушные замки» (СПб. 1818); другія же произведенія, частью цѣликомъ, частью отрывками, печатались въ «Сынѣ Отечества» (1817, ч. 38 № 20), «Благонамѣренномъ» (1818, ч. III, 1821, ч. XIII, 1822, чч. XVIII и XIX), въ «Русской Таліи» Булгарина 1825 г., «Драматическомъ альбомѣ на 1826 г.» А. Писарева и А. Верстовскаго, «Драматическомъ альманахѣ» на 1828 г. Ард. Иванова и другихъ періодическихъ изданіяхъ. Кромѣ того, послѣ Хмельницкаго осталось много неизданныхъ сочиненій, которыя указаны въ статьѣ о немъ Е. В. Аладьина. Сочиненія Хмельницкаго были изданы 2 раза: въ 1-й разъ, съ благотворительной цѣлью, Е. В. Аладьинымъ въ 1829—1830 гг. въ 2 частяхъ, подъ заглавіемъ «Театръ Н. И. Хмельницкаго», и во 2-й разъ А. Ѳ. Смирдинымъ въ «Полномъ собраніи сочиненій русскихъ авторовъ» въ 1849 г., въ 3 частяхъ; въ это изданіе вошли, однако, далеко не всѣ произведенія Хмельницкаго, а приложенная къ нему біографія Хмельницкаго, написанная С. Ѳ. Дуровымъ, переполнена ошибками.

Въ исторіи русской литературы Х. занимаетъ довольно скромное мѣсто, хотя въ свое время имя его пользовалось громкой извѣстностью. Пушкинъ называлъ его «любимымъ своимъ поэтомъ». Въ письмѣ къ брату (1825) онъ говорилъ слѣдующее: «Х.—моя старинная любовница: я къ нему имѣю такую слабость, что готовъ помѣстить въ честь его цѣлый куплетъ въ I-ю пѣснь Онѣгина». Х. былъ веселымъ и

остроумнымъ писателемъ, но не больше. Своими игривыми водевилями, всегда естественно и пріятно написанными, онъ ловко умѣлъ угождать вкусамъ и потребностямъ публики, которая за это и любила его; но когда новизна его піесъ прошла, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились запросы и стремленія общества, Х., не удовлетворявшій болѣе этимъ запросамъ, сталъ быстро забываться и потерялъ свою популярность, а память о немъ сохранилась только среди записныхъ театраловъ и историковъ литературы.

«Сынъ Отечества» 1825 г., чч. 67 и 68.—«Благонамѣренный» 1822 г., ч. 18, № 22, ч. 19, № 27.—«Моск. Телеграфъ» 1826 г., ч. VII, 1838 г., ч. XXXI и XXXIII.—«Галатея» 1830 г., ч. 17.—«Сѣверный Меркурій» 1830 г., № 14.—«Репертуаръ» 1845 г., т. XII.—Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго (1845), т. IX, стр. 471.—Е. В. Аладьинъ: «Воспоминанія о Н. И. Х.» («Пантеонъ» 1846 г., т. XIII, и отд. изд., Спб. 1846).—«Пантеонъ» 1848 г., т. I, № 2, отд. VII, т. V, № 10—11, отд. VII, т. VI № 8—9, отд. IX.—С. С. Дудышкина рецензія на соч. Хм. въ «Современникѣ» 1851 г., т. 29.—П. Н. Араповъ: «Лѣтопись русскаго театра». Спб. 1861.—Я. К. Гротъ: «Сочин. Державина», т. II и V.—«Портр. галлерея Мюнстера», т. 2, Спб. 1869.—В. П. Бурнашевъ: «Воспомин. Петербургск. старожила», въ «Русск. Вѣстн.» 1872 г., № 10.—А. И. Вольфъ: «Хроника Петербургск. театровъ», Спб. 1877—1884, ч. I—III.—Записки П. А. Каратыгина, Спб. 1880.—Записки Н. И. Греча, Спб. 1886.—Н. А. Сиротининъ: «Памяти Н. И. Хм.», въ «Артистѣ» 1889 г., кн. 3.—Записки С. П. Жихарева, М. 1892.—Записки М. С. Николева, въ «Русс. Арх.» 1893 г., № 10.—Н. И. Коробка, Біограф. очеркъ Х—каго, въ «Ежегодникѣ импер. театровъ», сезонъ 1895—1896 гг., приложенія, кн. 1. — «Истор. Вѣстн.» 1895 г., т. 62.

Б. Л. Модзалевскій,

Хмельницкій, *Тимовей,* старшій сынъ гетмана Богдана Хмельницкаго, см. въ біографіи Б. Хмельницкаго.

Хмельницкій, *Юрій*, третій сынъ Богдана Хмельницкаго, гетманъ войска запорожскаго, род. въ 1641 г., ум. въ 1685 г. Изо всѣхъ дѣтей Богдана Хмельницкаго лишь Юрій, при всемъ ничтожествѣ, игралъ не маловажную роль въ исторіи южной Россіи. Послѣ смерти матери онъ остался малолѣтнимъ; его воспитала любовница его отца, ставшая Чаплинскою, а потомъ женою Б. Хмельницкаго, и Юрій всегда питалъ къ мачихѣ искреннюю любовь. Воспитывался онъ, повидимому, въ Кіевской братской школѣ (что послѣ стала академіей) и, не окончивъ ея, вызванъ былъ весною 1657 г. въ Чигиринъ больнымъ отцомъ, назначившимъ его съ согласія старшины наказнымъ гетманомъ надъ казаками, посланными въ Польшу на помощь Ракочи; но казаки не слушались 16-лѣтняго вождя и взбунтовались. Въ это время, 27 іюля 1657 г., старый гетманъ скончался. Въ ожиданіи выбора новаго гетмана старшина оставила пока въ этомъ званіи Юрія Хмельницкаго, а 24—27 августа, несмотря на его отказы, казаки, собравшіеся на радѣ въ Чигиринѣ въ небольшомъ числѣ, выбрали его настоящимъ гетманомъ, о чемъ, кажется, сильно хлопоталъ Богданъ Х. передъ смертью; но такъ какъ Юрій Х. былъ для гетманства слишкомъ молодъ, то до его возмужалости избранъ былъ «на тотъ часъ» гетманомъ Ив. Выговскій, а Юрій Х. поѣхалъ въ Кіевъ доучиваться. Гетманство Выговскаго сопровождалось большими междоусобіями въ южной Руси, а затѣмъ и недоразумѣніями ея съ Москвою, общія причины которыхъ указаны въ біографіи Б. Хмельницкаго; въ концѣ концовъ Выговскій измѣнилъ царю и заключилъ съ поляками 6 сентября 1658 г. Гадяцкій договоръ, давшій казакамъ еще большія льготы, чѣмъ Зборовскій. Въ начавшейся войнѣ москвичи терпѣли неудачи, но затѣмъ дѣятельность Выговскаго была парализована народнымъ стремленіемъ сохранить вѣрность царю и измѣнами нѣкоторыхъ представителей казацкой старшины. Х., или лучше сказать, его опекуны сперва поддерживали Выговскаго, но затѣмъ родичи Хмельницкаго заявили, что вѣдь онъ настоящій гетманъ; подъ это знамя стало и Запорожье и на радѣ подъ Германовскою (Кіевской губ.) казаки принудили Выговскаго сложить булаву, которую на радѣ у Бѣлой Церкви на Расавѣ 11 сент. 1659 г. передали Хмельницкому, и старшина заявила отъ его имени о вѣрности Москвѣ. Въ виду немногочисленности казаковъ при этомъ выборѣ вскорѣ собралась новая рада на Жердевой долинѣ у Ржищева (на Днѣпрѣ) и подтвердила гетманство Хмельницкаго и вѣрность Москвѣ, но составила дополнительныя статьи для договора съ нею въ смыслѣ большаго освобожденія южной Руси отъ Московскаго управленія. Но московскіе воеводы въ Малороссіи не признали правильности этого двукратнаго избранія въ виду немногочисленности избирателей и потребовали новой рады, болѣе полной, въ Перея-

славлѣ, гдѣ находились московскія войска; сюда явился Х. съ старшиною и узналъ, что объ утвержденіи дополнительныхъ статей нечего и думать; наоборотъ изъ Москвы доставлены новыя статьи, болѣе стѣснительныя, чѣмъ прежнія; въ томъ числѣ Сѣверщина отнималась отъ Малороссіи и присоединялась непосредственно къ Москвѣ, не только въ Кіевѣ, но и въ иныхъ крупныхъ городахъ ставились московскіе отряды, ослаблялась власть гетмана и усиливалось вліяніе на Малороссію центральныхъ московскихъ учрежденій. Х. предупредилъ бояръ, что условія эти вызовутъ сильное неудовольствіе казаковъ, но его не послушали. 17 октября собралась рада въ присутствіи московскаго войска; Х. снова былъ избранъ гетманомъ и присягнулъ царю, но когда вернулся въ Чигиринъ и огласилъ статьи, то вызвалъ ропотъ на себя и на старшину. Между тѣмъ война съ Польшею на этотъ разъ повсюду была для насъ неудачна. Х. помогалъ москвичамъ, и когда изъ Москвы отправлено было въ Малороссію значительное войско, онъ дѣйствовалъ заодно съ ними; но между москвичами и казаками происходили большіе раздоры; обижали московскіе воеводы и самого гетмана; въ виду этого польскіе агенты стали склонять его и старшину къ измѣнѣ царю. Х. долго колебался, но когда московское войско осенью 1660 г. было разгромлено и взято въ плѣнъ подъ Чудновымъ, и измѣнила часть старшины, то на измѣну склонился и слабохарактерный Х. и заключилъ здѣсь же договоръ съ поляками на условіяхъ Гадяцкаго договора. Обычныя нестроенія въ польскомъ войскѣ и бездѣятельность гетмана лишили Чудновскую битву соотвѣтствующаго значенія; многіе малорусскіе полки, особенно изъ лѣвобережья, сохранили вѣрность Москвѣ и избрали себѣ новыхъ гетмановъ; Х. уже тогда желалъ отказаться отъ булавы и поступить въ монахи; но поляки его удержали и 20 — 21 ноября 1660 г., на радѣ въ Корсунѣ, Х. снова былъ избранъ гетманомъ и признанъ въ этомъ санѣ поляками на Гадяцкихъ же условіяхъ. Въ теченіе 1661 — 1662 гг. въ Малороссіи происходили большія междоусобія и тянулась война съ перемѣннымъ счастьемъ; лѣтомъ 1662 г. Х. осаждалъ Переяславль, но былъ прогнанъ московскими войсками; настигнутый ими подъ Каневомъ 17 іюля, онъ потерпѣлъ сильное пораженіе и чуть не погубилъ всего своего войска; онъ потерялъ бы и Чигиринъ, если бы ему не помогли татары. Тогда Х. убѣдился въ своей неспособности быть гетманомъ, да и казаки въ немъ разочаровались; поэтому въ концѣ 1662 г., на радѣ у Корсуня, Х. отказался отъ гетманства, а 6 января 1663 г. постригся въ Чигиринскій монастырь подъ именемъ Гедеона. Послѣ этого свѣдѣнія о Хмельницкомъ на нѣсколько времени становятся скудными; извѣстно, что онъ перебывалъ въ различныхъ монастыряхъ въ Кіевѣ, Корсунѣ, Смѣлой, бывалъ въ Чигиринѣ, въ концѣ 1663 г. въ качествѣ почетнаго гостя присутствовалъ въ Бѣлой Церкви на диспутѣ и т. п. Когда занявшій его мѣсто гетманъ Тетеря (мужъ его сестры), сторонникъ Польши, нелюбимый казаками, ожидалъ возстанія, то, опасаясь, чтобы оно не произошло во имя Хмельницкаго, онъ захватилъ его въ 1664 г. въ Смѣлянскомъ монастырѣ и послалъ подъ стражей въ Львовъ, откуда его отправили въ заточеніе въ Маріенбургъ. Здѣсь Х. пробылъ до 1667 г., когда ему удалось оправдаться и добиться воли; онъ поселился въ Уманскомъ монастырѣ, гдѣ прожилъ до 1673 г. Послѣ того какъ Польша уступила Турціи по Бугацкому договору Украйну, Х. уѣхалъ съ игуменомъ монастыря изъ Умани въ Кіевъ, но по дорогѣ былъ захваченъ татарскимъ загономъ и возвращенъ въ Умань. Такъ какъ жители этого города не пожелали выкупить Хмельницкаго, то его отправили въ Крымъ, а ханъ представилъ его въ Константинополь, гдѣ съ нимъ обошлись милостиво и помѣстили въ одномъ изъ греческихъ монастырей. Здѣсь прожилъ Х. до 1675 г. и былъ архимандритомъ; но когда происходила борьба за Чигиринъ, то турки, нуждаясь въ кандидатѣ на гетманство, обратились къ Хмельницкому. Онъ скинулъ рясу, провозглашенъ былъ не только гетманомъ, но и княземъ Сарматіи и участвовалъ въ Чигиринской борьбѣ, и когда городъ былъ взятъ турками, получилъ эту часть Украйны въ управленіе, хоть и подъ вѣдомствомъ турецкаго паши, жившаго въ Каменцѣ. Управлялъ Х. Малороссіей очень безтолково и жестоко. Продолжавшаяся война сдѣлала правобережную Малороссію совсѣмъ безлюдною, и Хмельницкому при-

ходилось гетманствовать въ пустынѣ; резиденціей онъ избралъ Немировъ, такъ какъ въ Подоліи оставалось нѣсколько болѣе жителей, чѣмъ въ Кіевщинѣ. Но управлялъ Х. до того безполезно жестоко, что турки арестовали его и отправили въ Константинополь, а край поручили Молдавскому господарю, заботившемуся о его заселеніи. Когда господарь этотъ былъ взятъ въ плѣнъ, султанъ еще разъ, лѣтомъ 1685 г., возстановилъ гетманство Хмельницкаго, но оно не продолжалось и полугода; за жадность, съ которою онъ грабилъ подчиненныхъ, и за страшную жестокость къ нимъ онъ былъ арестованъ въ концѣ 1685 г. и отправленъ въ Каменецъ, гдѣ онъ былъ осужденъ на смерть: его задушили и трупъ бросили съ моста въ рѣку.

По общему свидѣтельству Х. былъ вполнѣ ничтожною личностью. Судя по портрету, онъ былъ довольно красивъ, но слишкомъ тученъ; по уму же и въ зрѣломъ возрастѣ оставался ребенкомъ, малоразвитымъ и слабохарактернымъ; притомъ онъ былъ эпилептикъ и вообще психически ненормаленъ, чѣмъ, вѣроятно, и объясняется его страшная жестокость, тѣмъ болѣе, что онъ скорѣе былъ человѣкъ тихій и лишь когда на него находило бѣшенство, переставалъ понимать, что дѣлаетъ, и могъ совершить самый лютый поступокъ. Въ сущности Х. имѣлъ значеніе лишь какъ сынъ Богдана Хмельницкаго, единственный его переживній, по глупому сыну не пошла въ прокъ отцовская слава.

Монографіи Костомарова: «Гетманство Выговскаго», «Гетманство Юрія Хмельницкаго» и «Руина». — Соловьевъ: «Ист. Росс.», т. XI — XIII. — Барановъ: «Критич. обзоръ разработки главн. русск. источниковъ... за время 1654—1672 гг., М. 1870.

Ал. Маркевичъ.

Хметевскій, *Степанъ Петровичъ*, контръ-адмиралъ, авторъ историческаго журнала, род. въ 1730 г.; воспитаніе получилъ въ Морской академіи, откуда былъ выпущенъ гардемариномъ и находясь до 1759 г. ежегодно въ кампаніяхъ въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ, сдѣлалъ переходъ изъ Кронштадта въ Архангельскъ и обратно. Оставаясь въ Балтійскомъ морѣ и командуя поочередно придворною яхтою «Св. Андрей» и фрегатами «Гремящій» и «Св. Сергій», Х. въ 1769 г. былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга и въ томъ же году отправился на флагманскомъ кораблѣ «Не тронь меня» къ эскадрѣ контръ-адмирала Эльфингстона въ Средиземное море и въ 1770 г. участвовалъ въ сраженіи при Наполи-ди-Романи, а затѣмъ, командуя кораблемъ «Три Святителя», находился въ Чесменскомъ бою; во время сраженія онъ съ своимъ кораблемъ проникъ въ середину турецкаго флота и сталъ дѣйствовать «съ такой рѣшимостью» по четыремъ непріятельскимъ судамъ, что они вынуждены были съ большимъ урономъ удалиться въ Чесменскую бухту; это отступленіе послужило какъ бы сигналомъ къ общему бѣгству всего турецкаго флота. Съ 1771 — 1774 г. Х. крейсировалъ въ Архипелагѣ, участвуя, между прочимъ, и при блокадѣ острова Станчо, и только въ 1775 г. вернулся въ Россію. За храбрость, выказанную въ Чесменскомъ бою и военныхъ дѣйствіяхъ противъ турецкихъ береговыхъ укрѣпленій въ Архипелагѣ, Х. былъ награжденъ орденами св. Георгія 4-ой и 3-ей ст. (1773 и 1775). Произведенный въ капитаны генералъ-маіорскаго ранга (1779), Х., по разстроенному здоровью, подалъ прошеніе объ отставкѣ, но по просьбѣ графа Чернышева взялъ свое прошеніе назадъ и, переименованный въ контръ-адмиралы, командовалъ эскадрой, посланной въ Сѣверный океанъ для крейсированія между Нордкапомъ и Кюльдюиномъ. По возвращеніи въ Кронштадтъ онъ представилъ въ адмиралтействъ-коллегію составленныя имъ карты частей Сѣвернаго океана около Нордкапа, съ примѣчаніями и поясненіями; эти карты были такъ точны и подробны, что на слѣдующій годъ, когда изъ Кронштадта были отправлены корабли въ Сѣверный океанъ, имъ было приказано не брать лоцмановъ для входа и выхода въ мѣстахъ около Нордкапа, а пользоваться картами Хметевскаго. 18 февраля 1780 г. Х., по разстроенному здоровью, вышелъ въ отставку. Во время своего пребыванія въ Средиземномъ морѣ Х. велъ дневникъ, въ которомъ подробно описалъ какъ Чесменскій бой, такъ и всѣ другія дѣйствія русскаго флота въ Архипелагѣ. Этотъ дневникъ, представляющій богатый матеріалъ для исторіи русскаго флота, былъ напечатанъ въ 1855 г. подъ заглавіемъ

«Журналъ Степана Петровича сына Хметевскаго о военныхъ дѣйствіяхъ русскаго флота въ Архипелагѣ и у береговъ Малой Азіи въ 1770—1774 годахъ» («Современникъ», т. XLIX, отд. 2, стр. 37—82, 111—170).

«Общій морск. списокъ», ч. II. — Кротковъ: «Повседневная запись замѣчат. событій въ русск. флотѣ», 1894.—Ѳ. Веселаго: «Матеріалы для истор. русск. флота», ч. XII, 1888, стр. 585.

А. Петцъ 2.

Хмыровъ, *Михаилъ Дмитріевичъ*, писатель-историкъ, потомокъ стариннаго дворянскаго рода Тульской губ., род. въ с. Локоткахъ Глуховскаго уѣзда, Черниговской губ., 1 сентября 1830 г., ум. въ Петербургѣ 27 ноября 1872 г.; воспитывался въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ (нынѣ 1-й), гдѣ служилъ воспитателемъ отецъ его, и, какъ одинъ изъ лучшихъ по успѣхамъ воспитанниковъ, выпущенъ въ 1848 г. прапорщикомъ л.-гв. въ Измайловскій полкъ. По собственнымъ словамъ, «началъ печататься подневольно, написавъ, по приказанію кадетскаго начальства, стихотвореніе на случай 50-лѣтняго юбилея службы и жизни великаго князя Михаила Павловича», напечатанное безъ вѣдома и безъ согласія автора въ «Журналѣ военно-учебныхъ заведеній» въ 1848 г.; оно было положено на музыку Г. Я. Ломакинымъ и затѣмъ издано отдѣльно. Въ 1849 г. Х. принималъ участіе въ Венгерской кампаніи. Въ 1850 г. онъ написалъ стихотвореніе, вызванное 50-лѣтнимъ юбилеемъ службы императора Николая въ Измайловскомъ полку, и это дало автору-прапорщику чинъ подпоручика (1850). 20 апрѣля 1851 г. Х. былъ прикомандированъ къ 1-му Московскому корпусу репетиторомъ математическихъ наукъ; освобожденный такимъ образомъ отъ строевой службы, онъ получилъ возможность обратиться къ занятіямъ отечественной исторіей, къ которымъ онъ, по собственному выраженію, имѣлъ «внутреннее влеченіе». Однако уже 28 ноября 1852 г. Х. получилъ приказаніе возвратиться въ свой полкъ; въ 1854 г. онъ былъ произведенъ въ поручики и во время Крымской войны находился въ составѣ войскъ, охранявшихъ Петербургское побережье. Въ 1858 г., слѣдуя своему влеченію къ историческимъ работамъ, Х. задумалъ, по словамъ его біографа П. А. Ефремова, написать исторію полка, въ которомъ служилъ, и добился разрѣшенія работать какъ въ архивѣ Измайловскаго полка, такъ и въ другихъ Петербургскихъ и Московскихъ архивахъ. Первой его исторической работой была статья въ «Разсвѣтѣ» 1860 г. (№ 1, 2, 8 и 9)—«Графиня Головкина и ея время», вышедшая въ 1867 г. отдѣльнымъ изданіемъ, съ исправленіями и дополненіями. Въ началѣ 1861 г., чтобы имѣть больше времени для любимыхъ занятій, Х. вышелъ въ отставку съ чиномъ штабсъ-капитана, «возмнивъ о возможности существовать трудомъ литературнымъ», какъ писалъ онъ позже въ своей автобіографіи. Тогда-же Х. напечаталъ три обстоятельныхъ очерка жизни русскихъ писательницъ: А. П. Буниной, М. А. Поспѣловой и Е. Б. Кульманъ («Разсвѣтъ» 1861 г., № 11 и 12), статью «Ксенія Борис. Годунова» (ib. 1862, № 3 и 4) и переводъ съ французскаго подлинной записки Бирона: «Обстоятельства, приготовившія опалу Э. І. Бирона, герцога Курляндскаго» («Время» 1861 г., № 1), снабдивъ свой переводъ приложеніемъ обширныхъ и цѣнныхъ примѣчаній. Въ 1862 г. въ «Русскомъ мірѣ» (№ 2 и 3) была напечатана его статья «Густавъ Бирон, братъ регента», перепечатанная потомъ съ дополненіями во 2-й книгѣ «XVIII вѣка» П. И. Бартенева. Затѣмъ дѣятельность Хмырова становится все шире; такъ, онъ помѣстилъ множество статей географическаго, историческаго, біографическаго и генеалогическаго содержанія въ «Энциклопедическомъ словарѣ» (тт. I, IV и VI), въ художественномъ изданіи «Сѣверное сіяніе» (1862—1865 гг.), цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ, обстоятельно составленныхъ біографій въ «Портретной галлереѣ Мюнстера» (1865—1867 гг.; указатель статей, принадлежащихъ Хмырову, см. у Межова: «Библіографич. указатель исторіи русской и всеобщей словесности», Спб., 1872, стр. 285 — 286); въ «Артиллерійскомъ Журналѣ» 1865—1867 гг. Х. напечаталъ статьи военно-историческаго содержанія («Артиллерія и артиллеристы въ до-Петровской Руси», 1865, № 9) и біографіи трехъ первыхъ русскихъ генералъ-фельдцейхмейстеровъ — царевича Александра Имеретинскаго, гр. Я. В. Брюса и И. Я. Гюнтера (1866, № 1—5), сотрудничалъ въ «Книжномъ Вѣстникѣ» 1865 г., «Отечественныхъ

Запискахъ», «Русскомъ Архивѣ», «Живописномъ Сборникѣ» и другихъ періодическихъ изданіяхъ. Сверхъ того, много историческихъ матеріаловъ съ объясненіями и примѣчаніями Хмырова помѣщено въ «Русской Старинѣ». Изъ отдѣльныхъ изданій необходимо упомянуть составленный Хмыровымъ (но, къ сожалѣнію, не оконченный) и приложенный первопачально къ календарямъ Генкеля «Алфавитно-справочный перечень русскихъ удѣльныхъ князей и членовъ дома Романовыхъ» (Половина 1-я, А — И. СПб. 1871), который, по словамъ К. Н. Бестужева-Рюмина, внесъ въ историческую науку нѣсколько новыхъ данныхъ, ибо авторъ для своей работы добросовѣстно перебралъ всѣ лѣтописи. Въ 1869 году Х., вмѣстѣ съ П. А. Ефремовымъ, издалъ шуточное «Полное и обстоятельное собраніе анекдотовъ четырехъ шутовъ: Балакирева, Д'Акосты, Педрилло и Кульковскаго» (СПб.). Уже послѣ смерти Хмырова былъ изданъ сборникъ его историческихъ статей (СПб., 1873), а также трудъ его (дополненный и исправленный К. А. Скальковскимъ)—«Металлы, металлическія издѣлія и минералы въ древней Россіи. Матеріалы для исторіи русскаго горнаго промысла», СПб , 1875,— плодъ долгихъ занятій въ архивѣ Горнаго департамента Министр. внутр. дѣлъ, сочиненіе, встрѣченное очень сочувственно; затѣмъ нѣсколько сообщенныхъ изъ его бумагъ матеріаловъ помѣщено въ «Древней и Новой Россіи», «Русской Старинѣ» и «Историческомъ Вѣстникѣ». Къ сожалѣнію, не увидѣли свѣта сдѣланные Хмыровымъ указатели ко всѣмъ изданнымъ Запискамъ о времени Екатерины II, обширныя поправки къ 8 томамъ «Словаря достопамятныхъ людей русскихъ» Бантыша-Каменскаго и замѣтки и дополненія къ 4 томамъ «Россійской родословной книги» кн. П. В. Долгорукова по генеалогіи, въ области которой Хмыровымъ были собраны богатѣйшіе матеріалы, также дополненія къ «Исторіи Россійской іерархіи» Амвросія, большое собраніе надписей съ надгробныхъ памятниковъ и множество матеріаловъ изъ архивовъ по всѣмъ отраслямъ знаній. Любимой мечтой Хмырова въ продолженіе всей его жизни было—составить «Энциклопедію отчизновѣдѣнія», то-есть, подробный словарь всего, что только писалось о Россіи. Въ этотъ словарь должны были войти всевозможныя свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ: о его исторіи, географіи, статистикѣ этнографіи, торговлѣ, промышленности и т. п. Къ сожалѣнію, мысль эта, для достиженія которой Х. собралъ уже очень много матеріаловъ, не получила осуществленія, и сохранилась только программа изданія, сообщенная С. Н. Шубинскимъ въ «Русской Старинѣ» (1873, т. VII). Говоря о Хмыровѣ, нельзя не упомянуть о его богатѣйшей библіотекѣ, на составленіе которой онъ не жалѣлъ своихъ скудныхъ заработковъ; она состояла изъ 12.000 номеровъ однихъ только журналовъ и вырѣзокъ изъ нихъ и пріобрѣтена въ 1873 г. (всего за 3000 рублей) для Историческаго музея въ Москвѣ. Необезпеченный матеріально, существуя только литературными заработками, Х. подъ конецъ своей жизни сильно нуждался и даже долженъ былъ по частямъ продавать свою библіотеку, приводившую въ восторгъ такого знатока книжнаго дѣла, какъ П. А. Ефремова, и всегда радушно открытую для всѣхъ, желавшихъ въ ней заниматься. Частная помощь не могла поддержать Хмырова, и онъ послѣ трехмѣсячной тяжкой болѣзни скончался въ Петербургѣ отъ скороточнаго воспаленія мозга, оставивъ семьѣ лишь рубль денегъ изъ вспомоществованія, выданнаго ему Литературнымъ фондомъ. Погребенъ Х. въ Сытинскомъ погостѣ Каширскаго уѣзда, Тульской губерніи. Вотъ какъ характеризуетъ Хмырова его другъ П. А. Ефремовъ: «Онъ былъ добръ, прямодушенъ, готовъ на всякую услугу; въ убѣжденіяхъ своихъ былъ твердъ, не мѣнялъ ихъ и не скрывалъ, такъ что каждый могъ знать, съ какимъ человѣкомъ имѣетъ дѣло, и смѣло на него положиться въ случаѣ нужды. Вмѣстѣ съ этимъ онъ былъ, однако, человѣкомъ крайне непрактичнымъ во всемъ, что касалось его личныхъ интересовъ, и часто терялъ тамъ, гдѣ другой на его мѣстѣ могъ бы только выигрывать».

Дѣло Хмыровыхъ въ архивѣ департамента Герольдіи. — «Знакомые». Альбомъ М. И. Семевскаго. СПб. 1888 (автобіографія и списокъ работъ до 1868 г.). — «Русск. Архивъ» 1873 г., № 1 (некрологъ, составл. П. А. Ефремовымъ; отд. оттискъ, М. 1873).—«Русск. Стар.» 1873 г., т. VII, 1882 г., т. XXXIII.– «Историч. Вѣстн.» 1889 г., т. XXXVIII (въ воспом. В. Р. Зотова). — «Всемірн. Иллюстр.» 1872 г., т. 8, № 208 (некрологъ С. Н. Шубинскаго,

съ портр.).—Некрологи въ «Голосѣ» 1872 г., № 212 и 213 (К. Н. Бестужева-Рюмина), «Бирж. Вѣд.» 1872 г., № 329, «Сынѣ Отечества» 1872 г., № 281, «Народной Школѣ» 1873 г., № 1, «Русскомъ календарѣ Суворина» на 1874 г., № 3, «Гражданинѣ» 1873 г., № 3., въ «Русск. Арх.» 1874 г., № 12, «Бирж. Вѣдом.» 1868 г., № 126, «Горномъ Журналѣ» 1873 г., т. 4, № 12, «Библіографѣ» 1892 г., № 12 (съ портр.).—В. С. Иконниковъ: «Опытъ русской исторіографіи». Кіевъ 1891—1892 (по указателю).—В. И. Межовъ: «Русская историческая библіографія, т. 8, Спб. 1890, стр. 285—286.

Б. Л. Модзалевскій.

Хованскіе, князья, происходятъ отъ Гедимина, великаго князя Литовскаго. Въ родословной князей Полоцкихъ и Литовскихъ говорится, что Гедининъ произошелъ отъ Русскаго великаго князя Владиміра Святославича, который «крести Русскую землю и посади сына своего Изяслава на Полоцкѣ»; отъ Изяслава произошли князья Полоцкіе и Литовскіе. Внукъ Гедимина, Патрикей Александровичъ, князь Звенигородскій, прибывъ въ Москву въ 1408 г., вступилъ въ службу великаго князя Василія Дмитріевича. Его сынъ, князь Ѳедоръ Патрикеевичъ, имѣлъ сына Василія, который прозывался Хованскимъ; онъ то и былъ родоначальникомъ князей Хованскихъ, игравшихъ въ XVII столѣтіи видную роль въ Московскомъ государствѣ. При царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ насчитывалось 16 знатнѣйшихъ родовъ, члены которыхъ, за рѣдкими исключеніями, производились прямо въ бояре, минуя чинъ окольничаго; въ числѣ ихъ находился и родъ князей Хованскихъ.

Хованская, княжна, *Евфросинія Андрсевна*, жена кн. Андрея Ивановича Старицкаго, см. кн. А. И. Старицкій.

Хованскій, князь, *Александръ Николаевичъ*, дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, управляющій Государственнымъ ассигнаціоннымъ банкомъ, род. 4 іюня 1771 г., ум. 5 февр. 1857 г.. Зачисленный въ 1785 г. сержантомъ л.-гв. въ Преображенскій полкъ, онъ, по переводѣ въ Семеновскій полкъ, въ 1793 г. былъ произведенъ въ прапорщики и пожалованъ въ камеръ-юнкеры императорскаго двора, съ назначеніемъ ко двору великаго князя Александра Павловича. Оставивъ въ 1796 г. военную службу, кн. Х. въ слѣдующемъ году былъ опредѣленъ совѣтникомъ въ правленіи Государственнаго ассигнаціоннаго банка и, съ производствомъ въ дѣйств. статскіе совѣтники, въ 1799 г. назначенъ членомъ въ бывшую при правленіи банка экспедицію по хозяйственнымъ оборотамъ. Въ февралѣ 1800 г. онъ по Высочайшему повелѣнію выбылъ изъ правленія банка и поселился въ своей Московской деревнѣ, но уже 17 ноября того же года снова былъ опредѣленъ на службу членомъ Московскаго отдѣленія ассигнаціоннаго банка, а 1 марта 1802 г. вторично занялъ должность совѣтника правленія банка и вскорѣ затѣмъ былъ назначенъ управляющимъ экспедиціей для пріема и ревизіи ассигнацій. Пожалованный въ 1803 году въ дѣйствительные камергеры императорскаго двора, кн. Х. въ 1806 г. былъ назначенъ управляющимъ С.-Петербургскою учетною конторою по товарамъ, а въ 1816 г. утвержденъ управляющимъ всѣми отдѣлами Государственнаго ассигнаціоннаго банка, въ 1818г. назначенъ управляющимъ Экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ, съ оставленіемъ въ занимаемой должности. Въ 1826 г. ему повелѣно было присутствовать въ Сенатѣ. 14 сент. 1831 г. кн. Х. удостоился получить рескриптъ Его Величества, съ изъявленіемъ монаршей признательности за похвальную службу и усердіе при исполненіи особо возложеннаго на него порученія. Въ 1843 г. кн. Х. былъ зачисленъ въ сенаторы неприсутствующіе, а 15 дек. 1850 г., за преклонностью лѣтъ, вовсе уволенъ отъ службы.

Формулярный списокъ въ архивѣ Сената за № 772.

Хованскій, князь, *Андрей Андреевичъ*, воевода Тобольскій, ум. въ Нижнемъ Новгородѣ 13 іюня 1629 г.. Состоя въ 1598 г. стольникомъ, онъ подписался подъ избирательной грамотой царя Бориса Годунова, съ 1615—1620 г. находился воеводой въ Астрахани, съ 1626—1628 г. воеводой въ Тобольскѣ. О пребываніи кн. Хованскаго въ Сибири сохранились болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія, изъ которыхъ видно, что его дѣятельность тамъ была весьма разнообразна. Такъ, напр., онъ по царскому указу долженъ былъ разузнавать, можно ли построить острогъ у соленаго озера Ямыша, есть ли тамъ пашня, сѣнные покосы, лѣса и рыбныя ловли, не будетъ-ли отъ «колмацкихъ людей какія тѣсноты и порухи», можно ли съ ними торговать, какіе у нихъ товары и будетъ-ли казнѣ прибыль? Опасаясь, чтобы англичане, или, какъ ихъ тогда называли, «нѣ-

мецкіе люди», не нашли воднаго пути въ Мангазею изъ Архангельска или прямо изъ своихъ земель, минуя Архангельскъ, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ приказалъ разспросить знающихъ людей, нельзя ли поставить гдѣ либо острогъ, а если нѣтъ лѣсу, то привезти изъ Тобольска. Кн. Х. въ точности исполнилъ царскій указъ и отправилъ развѣдчиковъ на парусныхъ лодкахъ, но они не могли доплыть до Зеленой и Мутной рѣкъ и до Карской губы, потому что въ теченіе шести недѣль ждали попутнаго вѣтра, а затѣмъ вода замерзла. Въ слѣдующемъ году кн. Х. возобновилъ разысканія и послалъ поставить острогъ, чтобы не пропустить англичанъ въ Мангазею. Вслѣдствіе частыхъ набѣговъ калмыковъ на г. Тару и его уѣздъ, кн. Х. давалъ тамошнимъ воеводамъ письменныя наставленія относительно мѣропріятій и неоднократно посылалъ къ нимъ въ подмогу людей, порохъ и свинецъ. Многія приказанія царя Михаила Ѳеодоровича другимъ сибирскимъ воеводамъ шли черезъ кн. Хованскаго, какъ, напр., о томъ, чтобы они велѣли сдѣлать чертежи городовъ, остроговъ и близъ лежащихъ рѣкъ и урочищъ, съ обозначеніемъ разстоянія между городами и острогами, а также способа путей сообщенія. Черезъ него же воеводы пересылали въ Москву росписи заключенныхъ въ тюрьмахъ въ Тобольскѣ, Томскѣ, Тюмени, Березовѣ, Нарымскомъ острогѣ и Сургутѣ. Далѣе, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ приказалъ кн. Хованскому устраивать крестьянъ на свою государеву пашню въ разныхъ сибирскихъ городахъ, увеличивать доходы и изыскивать новые. На оборотѣ донесенія кн. Хованскаго относительно количества соли, добытой въ 1625 и 1626 гг., при чемъ въ 1626 г. соли было добыто больше, чѣмъ вдвое, написано: «Государю чтена. Отписать съ похвалою, чтобъ впередъ радѣли и промышляли и прибыли государю искали также». Подобную же похвалу встрѣчаемъ мы на донесеніи кн. Хованскаго о хлѣбныхъ запасахъ, имѣвшихся въ сибирскихъ городахъ. Кн. Х. вникалъ въ нужды мѣстнаго населенія и, не дожидаясь царскихъ указовъ, принималъ зависѣвшія отъ него мѣры; такъ, напр., служилые люди и разные жители сибирскихъ городовъ покупали у торговыхъ людей, пріѣзжавшихъ изъ русскихъ городовъ, табакъ по дорогой цѣнѣ (пудъ стоилъ 100 рублей), пили табакъ вмѣсто вина и такъ «испропивались», что входили въ долги, впадали въ нищету, бросали промыслы и причиняли убытокъ казнѣ, не платя пошлинъ. Кн. Х. велѣлъ отбирать табакъ у торговыхъ людей и возвращать лишь тогда, когда они, окончивъ торговлю, уѣзжали обратно въ Россію; много времени спустя послѣ этого распоряженія былъ полученъ царскій указъ о запрещеніи торговать въ Сибири табакомъ. Въ 1629 г. князь Х. былъ посланъ на воеводство въ Нижній Новгородъ, гдѣ и умеръ два мѣсяца спустя.

Акты Археогр. экспед. II, 43.—Акты ист., III, 162, 236.—Собр. гос. гр. и догов., III, 291, 303.—Разр. кн., I, 79, 196, 406, 544, 663, 720, 1256, 1363; II, 94, 95. — Рус. Ист. Библ., II, 853—857; VIII, 335, 338, 360, 366 и др., IX, 449, 514, 540, 543 и др.

В. Корсакова.

Хованскій, князь, *Андрей Иванович*, боярин, сынъ боярина Ивана Андреевича (Тарарую), казненъ вмѣстѣ съ отцомъ 17 сентября 1682 г.; онъ принималъ участіе въ войнѣ съ поляками подъ начальствомъ своего отца и въ іюнѣ 1680 г. былъ раненъ въ битвѣ при Полонкѣ. Ратные люди были недовольны какъ Иваномъ Андреевичемъ, такъ и его сыномъ и жаловались на ихъ притѣсненія и развратный образъ жизни. 2 іюля 1675 г. кн. Х. былъ назначенъ товарищемъ къ отцу, который въ то время былъ воеводой во Псковѣ, а въ маѣ 1682 г. ему поручено было вѣдать Судный приказъ, и въ день вѣнчанія на царство царей Іоанна и Петра Алексѣевичей (25 іюня) онъ былъ пожалованъ изъ стольниковъ въ бояре. Вскорѣ послѣ этого стали ходить слухи, что кн. Иванъ Андреевичъ Х. хочетъ овладѣть царствомъ и женить своего сына Андрея на одной изъ царевенъ (по словамъ однихъ на Екатеринѣ Алексѣевнѣ, по словамъ другихъ на самой правительницѣ Софьѣ Алексѣевнѣ). 17 сентября въ селѣ Воздвиженскомъ, гдѣ въ то время находился дворъ, собралась боярская дума для обсужденія дѣла князя Ивана Андреевича съ сыномъ. Сына обвиняли въ томъ, что онъ въ Судномъ приказѣ всякія дѣла дѣлалъ самовольствомъ безъ государева указа, чѣмъ учинилъ государямъ безчестіе, а государству убытки, и что вмѣстѣ съ отцомъ убѣждалъ нѣкоторыхъ ратныхъ

и посадскихъ людей помочь ему завладѣть престоломъ, убить царей, патріарха и бояръ и постричь царевенъ, кромѣ одной. Оба боярина, отецъ и сынъ, присуждены были къ смертной казни. Кн. Андрей Х. былъ схваченъ въ своей подмосковной на р. Клязьмѣ. Въ Воздвиженскомъ, куда привели виновныхъ, имъ прочли ихъ вины, но не дали оправдаться. Казнь была совершена въ тотъ же день на площади у большой московской дороги стремяннымъ стрѣльцомъ за отсутствіемъ палача.

Дополн. къ актамъ историч., т. Х, стр. 31, 32, 38, 45, 83.—Дворцовые Разряды, т. III, стр. 1503.—Соловьевъ, Ист. Росс., кн. III, стр. 81, 620, 621, 921—925.

Н. Чулковъ.

Хованскій, князь, *Василій Алексѣевичъ*, оберъ-прокуроръ Св. Синода, сенаторъ, род. 1 апрѣля 1755 г., ум., состоя на службѣ, 27 іюля 1830 г. Поступивъ въ 1766 г. на службу унтеръ-офицеромъ по артиллеріи, онъ въ слѣдующемъ году былъ переведенъ л.-гв. въ Семеновскій полкъ, гдѣ въ 1770 г. произведенъ въ сержанты. Въ 1775 г. кн. Х. былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ генералъ-фельдмаршалу кн. Алекс. Мих. Голицыну, съ чиномъ арміи капитана. Прослуживъ съ 1781—1785 г. въ Рязанскомъ и Ингерманландскомъ карабинерныхъ полкахъ, онъ снова былъ переведенъ въ Семеновскій полкъ и въ войну со шведами (1789) находился съ баталіономъ сего полка на гребной флотиліи въ Финскомъ заливѣ. Въ 1790 г. кн. Х. былъ уволенъ отъ военной службы «для опредѣленія къ гражданскимъ дѣламъ», съ чиномъ бригадира, и въ 1793 г. назначенъ поручикомъ правителя (вице-губернаторомъ) Кіевскаго намѣстничества. Въ свою бытность тамъ онъ ввелъ въ Кіевской губерніи производство фаянса и фарфора, которые изготовлялись потомъ на казенной и Межигорской фабрикахъ. За полезную дѣятельность кн. Х. въ 1795 г. былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3 ст. и въ 1796 г. назначенъ оберъ-прокуроромъ въ учрежденный временный департаментъ казенныхъ дѣлъ Правительствующаго Сената, а въ 1797 г.—оберъ-прокуроромъ Св. Синода, но уже въ 1799 г. отставленъ отъ службы и высланъ на жительство въ Симбирскъ. Переселившись потомъ съ Высочайшаго разрѣшенія въ Москву, онъ въ 1819 г. былъ избранъ и утвержденъ Московскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, въ 1821 г. произведенъ въ тайные совѣтники и въ 1823 г. назначенъ къ присутствованію въ Сенатѣ по 2-му отдѣленію 6-го департамента, а въ 1827 г. перемѣщенъ въ 8-ой департаментъ.

Формулярный списокъ, хранящійся въ бывшемъ домашнемъ архивѣ П. И. Баранова.

Хованскій, князь, *Григорій Александровичъ*, род. въ 1767 г., ум. 1 декабря 1796 г.; дѣтство провелъ въ Москвѣ, въ домѣ отца; былъ ученикомъ Я. Б. Княжнина, жившаго тогда (1773—1781) въ Москвѣ, и послѣ его смерти благоговѣлъ передъ его памятью. Служилъ въ Рязанскомъ пѣхотномъ полку и въ 1793 г. былъ уже маіоромъ. По дошедшимъ извѣстіямъ кн. Х. былъ очень любезный и остроумный человѣкъ, а по выраженію митрополита Евгенія — «съ пылкими и скороспѣлыми дарованіями стихотворецъ». Сверхъ того, его близкій знакомый Н. М. Карамзинъ, состоявшій съ нимъ въ перепискѣ, въ своихъ стихахъ, написанныхъ на смерть Хованскаго («Аониды» 1797 г., кн II, стр. 106 и «Собраніе сочиненій», изданіе Смирдина 1848 г., стр. 59—61), изобразилъ князя, какъ добраго весельчака, человѣка безъ зависти, готоваго отдать послѣднее бѣдняку. Изъ сочиненій кн. Хованскаго мы можемъ заключить, что онъ былъ человѣкъ литературно-образованный, зналъ языки нѣмецкій и французскій и былъ начитанъ въ западной литературѣ: Вольтеръ, Руссо, Буало, Геснеръ, Флоріанъ, Бюффонъ, Гроссэ были его любимыми писателями. Въ литературѣ кн. Х. выступилъ въ 1788 г. въ «Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», гдѣ напечаталъ три своихъ стихотворенія. Затѣмъ онъ сотрудничалъ въ журналахъ И А. Крылова — «Зритель» (1792 г.) и «С.-Петербургскій Меркурій» (1793 г.). Въ «Полезномъ и пріятномъ препровожденіи времени» (1795—1796 гг.) было помѣщено 27 его піесъ, въ числѣ которыхъ, кромѣ стихотвореній, нѣсколько переводовъ съ французскаго, особенно изъ Флоріана (отрывки изъ «Эстеллы», стихотвореніе «Меланхолія» и др.). Кромѣ того, его піесы напечатаны еще въ I книжкѣ

«Аонидъ» 1796 г. Большинство помѣщенныхъ имъ въ журналахъ сочиненій вошло въ собраніе его стихотвореній, напечатанное первымъ изданіемъ въ Петербургѣ въ 1793 г. подъ заглавіемъ «Мое праздное время, или собраніе нѣкоторыхъ мелкихъ сочиненій въ стихахъ», а вторымъ—подъ названіемъ «Жертва Музамъ, или собраніе разныхъ сочиненій, подражаній и переводовъ въ стихахъ». СПб. 1795. Кн. Х. обладалъ небольшимъ, но несомнѣннымъ поэтическимъ дарованіемъ. Особенно выдѣляются среди его стихотвореній пѣсни въ русскомъ духѣ, изъ которыхъ многія вошли въ число народныхъ и о принадлежности которыхъ перу кн. Хованскаго едва-ли многіе знаютъ. Таковы, напримѣръ: «Ахъ луга, луга зелены, гдѣ такъ часто я гулялъ», «Долго-ль въ свѣтѣ одинокой мнѣ скитаться, слезы лить» и особенно: «Я вечоръ въ лугахъ гуляла, грусть хотѣла разогнать», которою восторгался кн. П. А. Вяземскій и въ которой, по его мнѣнію, такъ много свѣжести, простосердечія и безыскусственности (она напечатана впервые въ «Аонидахъ» 1796 г., а въ 1823 г. была переведена на англійскій языкъ и напечатана въ книгѣ «Specimens of the Russian poets. Translated by John Bowring», London, часть II). Такихъ пѣсенъ у кн. Хованскаго въ послѣднемъ сборникѣ его стихотвореній — 6, изъ которыхъ нѣкоторыя вошли въ «Карманный пѣсенникъ» И. И. Дмитріева (1796 г.). Среди остальныхъ стихотвореній кн. Хованскаго встрѣчаемъ нѣсколько переводовъ изъ Вольтера, подражаніе Анакреонту, переводъ стихотворенія Фридриха II, солдатскія и любовныя пѣсни, романсы, идилліи и элегіи, эпитафіи, надписи, посланія, мадригалы, стансы, а также нѣсколько басенъ, сатирическихъ стихотвореній («Анекдотъ, приключившійся въ Петербургѣ», «Воспитанникъ Парижской») и неизбѣжныя оды. Изъ послѣднихъ одна, (вошедшая потомъ въ собраніе стихотвореній): «Стихи на миръ, заключенный между Россіею и Швеціею 3 Августа 1790 г.» напечатана отдѣльно (СПб. 1790).

Гербовое дѣло кн. Хованскихъ (1793), въ архивѣ Департамента Герольдіи. — Кн. Долгоруковъ: «Росс. родословная книга, ч. I, СПб. 1855, стр. 282. — А. Н. Неустроевъ: «Истор. розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ», СПб. 1874. — Описаніе столичнаго города С.-Петербурга», СПб. 1794, стр. 563. — Митр. Евгеній: «Словарь свѣтск. писателей; М. 1845, ч. II, стр. 240.—С. Д. Полторацкій: «Матеріалы для словаря русскихъ писателей», тетр. I, М. 1858, стр. 8—9.— «Библіограф. записки» 1858 г., стр. 589—592. — «Письма Карамзина къ Дмитріеву», съ примѣч. Л. К. Грота и П. П. Пекарскаго. СПб. 1866, стр. 56 и 634. — Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, СПб. 1883, т. VIII, стр. 326—327.— Rossica Имп. Публ. Библіотеки, № 1815. — Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ: «Матеріалы для библіографіи», СПб. 1868, кн. 2, стр. 50.

Б. Л. Модзалевскій.

Хованскій, князь, *Иванъ Андреевичъ*, бояринъ царя Михаила Ѳеодоровича, воевода Новгородскій, намѣсникъ Рязанскій, ум. въ 1621 г.; въ смутное время онъ принималъ участіе въ борьбѣ со сторонниками второго самозванца и съ поляками и въ 1607 г. былъ посланъ подъ Михайловъ, бывшій на сторонѣ противниковъ Василія Шуйскаго, но былъ отбитъ. Въ слѣдующемъ году онъ дѣйствовалъ вмѣстѣ съ Прокопьемъ Ляпуновымъ въ Рязанской области и потерпѣлъ пораженіе подъ Зарайскомъ отъ Лисовскаго. Въ 1610 г. кн. Х. былъ въ отрядѣ кн. М. В. Скопина-Шуйскаго, который поручилъ ему соединиться со шведами и занять южную часть нынѣшней Тверской губерніи, чтобы препятствовать сообщенію между непріятельскими отрядами. Хованскому удалось соединиться со шведами подъ Старицей, послѣ чего они взяли Ржевъ и стали тѣснить Бѣлый. На помощь полякамъ двинулся гетманъ Жолкевскій, но кн. Х. уклонился отъ битвы и пошелъ въ Можайскъ на соединеніе съ кн. Д. И. Шуйскимъ. Въ томъ же году онъ участвовалъ въ несчастной битвѣ при Клушинѣ, гдѣ кн. Д. Шуйскій былъ разбитъ Жолкевскимъ. Когда кн. Д. М. Пожарскій и К. Мининъ собрали ополченіе для спасенія Москвы, то и кн. Х. принялъ участіе въ походѣ и даже вмѣстѣ съ Мининымъ начальствовалъ надъ ратью во время перехода отъ Ярославля до Ростова, пока Пожарскій ѣздилъ въ Суздаль. Въ 1613—1614 гг. кн. Х. былъ воеводой въ Ярославлѣ, а весной 1615 г. былъ пожалованъ въ бояре и въ іюнѣ посланъ начальствовать надъ войскомъ, стоявшимъ въ бездѣйствіи подъ Смоленскомъ. Но и ему не пришлось предпринять ничего рѣшительнаго, потому что начались переговоры о мирѣ; когда же переговоры были прерваны, то кн. Х. былъ поставленъ во гла-

въ пятитысячнаго отряда, дѣйствовавшаго противъ литовцевъ въ Сѣверской Украйнѣ, но допустилъ враговъ перебраться близъ Бѣлгорода за рубежъ. Въ мартѣ 1616 г. онъ былъ отозванъ въ Москву, а въ апрѣлѣ ему велѣно быть «въ отвѣтѣ» съ англійскимъ посломъ Мерикомъ. Въ 1616—1617 гг. кн. Х. вѣдалъ судный Владимірскій приказъ, а съ іюня 1617 г. по 1619 г. былъ воеводой въ Новгородѣ.

Никон. лѣтопись, 83, 130, 134.—Древн. Россійск. виваіоѳ., т. XX, стр. 90. — Дворцовые разряды, т. I, стр. 149, 179, 198, 224, 277, 286.—Карамзинъ, Ист. Гос. Росс., т. XII.—Соловьевъ, Истор. Росс., кн. II, стр. 1025, 1068, 1133, 1134.

И. Чулковъ.

Хованскій, князь, *Иванъ Андреевичъ*, по прозванію *Тараруй*, боярин, племянникъ Ивана Андреевича Хованскаго (см. выше), одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей въ правленіе царевны Софіи Алексѣвны, казненъ 17 сент. 1682 г. По словамъ современниковъ кн. Х. былъ человѣкъ безнравственный, заносчивый, непостоянный, легко поддававшійся чужимъ внушеніямъ, очень высоко ставившій свое происхожденіе отъ Гедимина и приверженный къ старинѣ; вслѣдствіе опрометчивости и неумѣнія соразмѣрять свои силы съ силами непріятельскими, онъ часто проигрывалъ сраженія, такъ что, по выраженію Мейерберга, онъ былъ «suis cladibus orbi notus». Народъ прозвалъ его Тарарусмъ. Свою службу кн. Х. началъ еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и въ 1636 г. упоминается въ числѣ стольниковъ. Съ 1650 г. начинается его дѣятельность въ качествѣ воеводы; въ маѣ этого года, по случаю набѣга крымскихъ татаръ, кн. Х. былъ назначенъ въ Тулу, откуда въ концѣ іюня былъ переведенъ въ Яблоновъ, а осенью возвратился въ Москву; съ 1651—1654 г. онъ находился воеводой въ Вязьмѣ, а въ 1655 г., когда царь Алексѣй Михайловичъ отправился въ походъ противъ поляковъ, кн. Х. состоялъ въ государевомъ полку головою московскихъ дворянъ, въ 1656 г. былъ назначенъ воеводой въ Могилевъ, а въ слѣдующемъ—полевымъ и осаднымъ воеводой во Псковъ. Здѣсь онъ принималъ участіе въ шведской войнѣ и въ октябрѣ 1657 г. разбилъ подъ Гдовомъ графа Магнуса де Лагарди; между тѣмъ въ Нарву прибыли изъ Москвы послы для веденія переговоровъ со шведами, и между ними и кн. Хованскимъ не замедлили произойти столкновенія изъ за того, что послы помимо Хованскаго пригласили къ себѣ для охраны одного изъ находившихся подъ его начальствомъ полковниковъ. Царь, до котораго дошло это дѣло, призналъ виновность пословъ, но въ то же время велѣлъ кн. Хованскому посылать ратныхъ людей для охраны пословъ. Гораздо серьезнѣе были столкновенія кн. Хованскаго съ А. Л. Ординымъ-Нащокинымъ: кн. Х. очень гордился своимъ знатнымъ происхожденіемъ и съ презрѣніемъ относился ко всѣмъ незнатнымъ, но тѣмъ не менѣе добившимся власти. Къ числу такихъ людей принадлежалъ и Ординъ-Нащокинъ. Ненависть кн. Хованскаго къ нему не знала предѣловъ, и когда Нащокинъ пріѣхалъ въ Псково-Печерскій монастырь на богомолье, то кн. Х. послалъ стрѣльцовъ съ порученіемъ убить его. Нащокинъ съ своей стороны доносилъ царю о неправильныхъ дѣйствіяхъ Хованскаго и указывалъ на его неспособность. Царь Алексѣй Михайловичъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы примирить враждующихъ, совѣтуя, между прочимъ, Хованскому не возноситься своей службой, такъ какъ царь взыскалъ и выбралъ его на службу, а то «всякъ называлъ его дуракомъ». Въ 1659 г. кн. Х. принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ и въ февралѣ разбилъ близъ Друи Воловича, за что получилъ почетное званіе намѣстника Вятскаго; оставаясь воеводой во Псковѣ, кн. Х. въ томъ же году былъ возведенъ въ санъ боярина, титулъ же Псковскаго намѣстника получилъ кн. Г. С. Куракинъ, и кн. Х. долженъ былъ писать о дѣлахъ ему, а не царю, что ему было очень непріятно, но онъ долженъ былъ смириться предъ волею царя. Въ концѣ 1659 г. кн. Х. сталъ дѣйствовать съ своимъ полкомъ противъ поляковъ: въ январѣ 1660 г. онъ взялъ и выжегъ Брестъ, въ іюнѣ осадилъ Ляховичи; выступивъ затѣмъ 17 іюня изъ обоза съ пятитысячнымъ отрядомъ и не построивъ его, какъ слѣдуетъ, онъ сразился съ двадцатитысячнымъ польскимъ войскомъ подъ начальствомъ Сапѣги и Чарнецкаго; русскіе потерпѣли совершенное пораженіе: почти вся пѣхота была перебита, и кн. Х. съ жалкимъ остаткомъ войска бѣжалъ къ Полоцку. Собравшись здѣсь съ силами, онъ

снова началъ наступать на поляковъ, но Чарнецкій и Сапѣга вторично обратили его въ бѣгство. Въ февралѣ 1661 г. кн. Х. разбилъ подъ Друей и взялъ въ плѣнъ измѣнившаго государю полковника Лисовскаго и пробывъ послѣ этой побѣды около двухъ мѣсяцевъ во Псковѣ, въ апрѣлѣ снова выступилъ противъ поляковъ, но успѣха не имѣлъ, напротивъ, осенью того же года былъ разбитъ вмѣстѣ съ Нащокинымъ литовцами подъ начальствомъ Жеромскаго: изъ 20-тысячнаго войска спаслось бѣгствомъ въ Полоцкъ не болѣе тысячи человѣкъ. Вслѣдствіе этой неудачи Х. въ январѣ 1662 г. былъ отозванъ изъ Пскова. Когда въ іюнѣ того же года вспыхнулъ мятежъ противъ Милославскихъ и Ртищева, Х. былъ отправленъ въ Москву для его подавленія, но безъ успѣха вернулся въ Коломенское. 8 мая 1663 г. ему было поручено вѣдать Ямской приказъ, а 30 іюня онъ былъ назначенъ полковымъ воеводой въ Новгородѣ и со своимъ полкомъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ, но не всегда удачно; при этомъ ратные люди жаловались, что многіе изъ нихъ побиты и разорены во многихъ бояхъ отъ того, что кн. Х. съ немногими людьми ходилъ на многихъ; жаловались и на его жестокость; такъ, однажды въ полку случилась тревога, и кн. Х. приказалъ дворянъ бить кнутомъ, а двоихъ казнить, обвиняя ихъ въ намѣреніи пограбить во время тревоги обозъ. Наконецъ, обвиняли кн. Хованскаго и его сыновей въ развратной жизни. Въ 1666 г. кн. Х. снова былъ назначенъ воеводой въ Новгородъ, при чемъ смѣнилъ своего недруга Нащокина, который во время своего управленія городомъ произвелъ много полезныхъ для жителей реформъ, ввелъ выборный судъ и вольную продажу вина. Кн. Х., подпавъ подъ вліяніе богатыхъ гражданъ, недовольныхъ Нащокинымъ, немедленно отмѣнилъ всѣ его нововведенія. Въ Новгородѣ кн. Х. пробылъ годъ, послѣ чего снова управлялъ Ямскимъ приказомъ до осени 1668 г., а въ 1670 г. былъ назначенъ полковымъ воеводой въ Смоленскъ, въ 1672 г. — въ Новгородъ. Въ ноябрѣ 1678 г., во время войны съ турками, кн. Х. былъ съ Новгородскимъ полкомъ посланъ оберегать отъ татаръ южную границу и стоялъ сначала въ Рыльскѣ, затѣмъ въ Карповѣ до осени 1679 г. Въ іюлѣ 1680 г. онъ сдалъ Новгородъ новому воеводѣ и вернулся въ Москву, гдѣ ему вскорѣ пришлось играть видную роль. Послѣ смерти царя Ѳеодора Алексѣевича власть перешла въ руки партіи Нарышкиныхъ, партіи новыхъ людей, которымъ не могъ сочувствовать кн. Х. Онъ сталъ возбуждать противъ новаго правительства стрѣльцовъ, стращая ихъ тѣмъ, что они будутъ въ неволѣ у бояръ, которые отдадутъ Москву чужеземцамъ и искоренятъ православную вѣру. 15 мая 1682 г. вспыхнулъ первый стрѣлецкій бунтъ. Когда бунтовщики явились въ Кремль, кн Х. первымъ вышелъ къ нимъ спросить о причинахъ ихъ прихода, а затѣмъ выходилъ съ другими боярами успокоивать стрѣльцовъ. Однако при этомъ, говорятъ, онъ дѣлалъ бунтовщикамъ знаки, чтобы они бросились на Матвѣева. На слѣдующій же день онъ, по словамъ Розенбуша, спрашивалъ стрѣльцовъ, не изгнать-ли изъ дворца царицу Наталью Кирилловну. По усмиреніи бунта стрѣльцы были переименованы въ «надворную пѣхоту», а начальникомъ ихъ сдѣлался кн. Х., назначенный, вѣроятно, царевной Софьей Алексѣевной, какъ человѣкъ любимый стрѣльцами и поэтому могущій оказать на нихъ вліяніе, хотя Медвѣдевъ утверждаетъ, что не было никакого указа о его назначеніи. Кн. Х. заискивалъ у стрѣльцовъ, стараясь все дѣлать въ ихъ пользу; такъ, когда они донесли ему, кто съ нихъ бралъ взятки и недодавалъ жалованье въ походахъ, онъ безъ всякихъ справокъ велѣлъ такихъ лицъ тащить на правежъ; также держалъ онъ на правежѣ безъ государева указа женъ и дѣтей оговоренныхъ лицъ. По ходатайству кн. Хованскаго стрѣльцы получили оправдательную грамоту по поводу майскихъ убійствъ и былъ воздвигнутъ столбъ съ именами убитыхъ. Онъ даже требовалъ, чтобы съ дворцовыхъ волостей собрались подможныя деньги въ пользу стрѣльцовъ, но боярская дума отказала. 23 мая кн. Х. донесъ царевнѣ Софьѣ, что стрѣльцы требуютъ, чтобы царствовали оба брата, Петръ и Іоаннъ; ихъ требованіе было исполнено. Вслѣдъ за стрѣльцами поднялись раскольники. Кн. Х. былъ извѣстенъ, какъ приверженецъ старой вѣры, за которую разъ пострадалъ: былъ битъ батожьемъ. Извѣстный Аввакумъ, называвшій кн. Хован-

скаго миленькимъ, находилъ убѣжище въ его домѣ. Теперь кн. Х. явился посредникомъ между правительствомъ и раскольниками: онъ подалъ патріарху ихъ челобитную о возстановленіи старой вѣры. Своему вліянію у стрѣльцовъ и раскольниковъ кн. Х. придавалъ большое значеніе: «все государство, говорилъ онъ, стоитъ помою кончину, а если меня не будетъ, станутъ въ Москвѣ ходить въ крови по колѣна». Чтобы еще болѣе придать себѣ значенія въ глазахъ правительства, онъ выдумывалъ разныя опасности, грозившія будто бы послѣднему со стороны стрѣльцовъ и раскольниковъ; такъ, передъ тѣмъ, какъ состоялись пренія въ Грановитой палатѣ, онъ убѣждалъ царевну Софью Алексѣевну не ходить туда, такъ какъ раскольники намѣреваются перебить царскую семью. Помощь, оказываемая кн. Хованскимъ раскольникамъ, не могла, конечно, нравиться правительству, но, съ другой стороны, оно не рѣшалось остановить его, опасаясь вызвать неудовольствіе раскольниковъ. Между тѣмъ стали ходить слухи о томъ, что кн. Х., какъ потомокъ Гедимина, хочетъ овладѣть престоломъ и женить сына на одной изъ царевенъ. Приближенные Софьи Алексѣевны убѣдили ее принять рѣшительныя мѣры. 20 августа царское семейство уѣхало въ с. Коломенское. Здѣсь на воротахъ оказался прибитымъ листъ, въ которомъ было написано, что кн. Х. съ сыномъ Андреемъ замышляетъ зло противъ царской семьи, патріарха и бояръ и хочетъ сѣсть на царство. Всѣ ожидали со дня на день стрѣлецкаго бунта Съ другой стороны стрѣльцы боялись мести со стороны боярскихъ людей. Кн. Х. разъѣзжалъ съ конвоемъ и на дворѣ у него стоялъ караулъ изъ 100 человѣкъ. Натянутыя отношенія между нимъ и правительствомъ продолжали обостряться вслѣдствіе своеволія Хованскаго. Ко дню именинъ царя Іоанна Алексѣевича велѣно было прислать въ Коломенское стремянной полкъ. Х. приказанія не исполнилъ; онъ самъ явился въ Коломенское и, желая напугать правительницу, разсказалъ ей, что новгородцы хотятъ прійти въ Москву и всѣхъ пересѣчь. Когда же царевна сказала, что объявитъ объ этомъ всѣмъ, кн. Х. испугался и просилъ не говорить. Изъ Коломенскаго дворъ переѣхалъ въ Воздвиженское, гдѣ были получены опять перемѣтныя письма объ измѣнѣ кн. Хованскихъ. Предполагаютъ, что эти письма подброшены были сторонниками правительства, чтобы имѣть возможность обвинить опаснаго человѣка. Изъ Воздвиженскаго были разосланы по городамъ грамоты съ призывомъ служилыхъ людей спасти Москву отъ измѣнниковъ. 17 сентября 1682 г. боярская дума разсмотрѣла дѣло кн. Хованскаго; его обвиняли въ томъ, что онъ раздавалъ многую казну стрѣльцамъ, распустилъ своихъ подчиненныхъ до того, что они приходили къ государямъ невѣжливо, пыталъ людей безъ указа, правилъ деньги безъ розыска и отвѣтчиковъ отдавалъ челобитчикамъ для правежа головой, незаконно собралъ съ монастырей и дворцовыхъ властей большія суммы денегъ, хвалился при государяхъ своей службой, бояръ поносилъ и грозилъ имъ копьями, ратовалъ съ Никитой Пустосвятомъ на св. церковь, вопреки указу не пускалъ полковъ, куда слѣдуетъ, не былъ 1 сентября у дѣйствія новаго лѣта, наговаривалъ на новгородскихъ дворянъ, отпускалъ однихъ въ города по своимъ прихотямъ, а другихъ задерживалъ послѣ назначенія, говорилъ на надворную пѣхоту, что отъ нея надо ожидать великихъ бѣдъ. Наконецъ, главное обвиненіе состояло въ томъ, что онъ будто бы хотѣлъ уничтожить царскую семью, умертвить патріарха и бояръ, женить сына на одной изъ царевенъ, а остальныхъ заточить въ монастырь, возмутить посадскихъ людей противъ воеводъ и приказныхъ людей, а крестьянъ противъ господъ, и во время смуты сдѣлаться царемъ. За эти вины кн. Х. былъ присужденъ къ смертной казни. Къ нему было послано приглашеніе явиться въ Воздвиженское. Навстрѣчу былъ посланъ боярин кн. Лыковъ, который арестовалъ его около села Пушкина. У воротъ государева двора въ Воздвиженскомъ кн. Хованскому съ сыномъ были прочтены ихъ вины; оправдаться имъ не дали. Стремянной стрѣлецъ отсѣкъ имъ голову на площади у большой московской дороги; тѣла ихъ было запрещено погребать у церкви.

Дополн. къ актамъ историч., т. III, стр. 255, 257, V, стр. 434, IX, стр. 116, X, 23, 31—32. — Акты Моск. Государства, т. II, стр. 1008, 1018. — Дворцовые разряды, т. III, стр. 163, 176, 190, 326, 465, 747, 840, 898, 908, 933, дополненіе къ III т., стр. 40, 103, 109, 174, 176, 179, 181, 212, 254, 262, 294, 296, 305, 376, 384. — Книги

разрядныя, т. II, стр. 1046 — 1353. — В. Берхъ: Царствованіе царя Ѳеодора Алексѣевича и исторія перваго стрѣлецкаго бунта», СПб. 1834.—Е. А. Бѣловъ: «Московскія смуты въ концѣ XVII вѣка» («Журн. мин. нар. просв.», 1887, январь). — Н. А. Аристовъ: «Московскія смуты въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны», Варшава, 1871. — Соловьевъ: «Ист. Росс.», кн. III, стр. 60—65, 78—81, 95—96, 115—116, 164, 166, 193, 615, 620—622, 718, 890, 896, 925.—«Россійская Родословная Книга» кн. П. Долгорукова, т. I.

Н. Чулковъ.

Хованскій, князь, *Иванъ Ивановичъ, Большой*, боярinъ, противникъ реформъ Петра Великаго, сынъ боярина Ивана Никитича (см. ниже), упоминается на службѣ въ числѣ стольниковъ съ 1664 г. Въ 1676 г. онъ былъ назначенъ комнатнымъ стольникомъ царя Ѳеодора Алексѣевича, а въ 1682 г. пожалованъ въ бояре. Вмѣстѣ съ другими Хованскими онъ былъ разжалованъ въ московскіе дворяне, но затѣмъ ему былъ возвращенъ санъ боярина. Въ 1700 г. кн. Х. былъ замѣшанъ въ дѣло книгописца Талицкаго, называвшаго Петра I антихристомъ. Вся вина кн. Хованскаго состояла въ томъ, что онъ сказалъ Талицкому: «Богъ далъ было мнѣ вѣнецъ, да я потерялъ; брали меня въ Преображенское, и на генеральномъ дворѣ Никита Зотовъ ставилъ меня въ митрополиты, и дали мнѣ для отреченія столбецъ, и по тому письму я отрицался, и въ отреченіи спрашивали вмѣсто— «вѣруешь-ли?» пьешь-ли? и тѣмъ своимъ отреченіемъ я себя пуще бороды погубилъ, что не спорилъ, и лучше было мнѣ мученія вѣнецъ принять, нежели такое отреченіе чинить». Х. не дождался конца дѣла и умеръ подъ карауломъ 15 марта 1701 г.

«Указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ», М. 1853.—«Дворцовые разряды, т. III, стр. 566, т. IV, стр. 536. — Есиповъ: «Раскольничьи дѣла XVIII ст., извлеченныя изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и Тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи», СПб. 1861, т. I, стр. 68—69.—Соловьевъ, Ист. Рос. кн. III, стр. 1371.—«Росс. Родослов. книга» кн. Долгорукова, т. I.

Н. Чулковъ.

Хованскій, князь, *Иванъ Никитичъ*, боярinъ, племянникъ Ивана Андреевича Хованскаго, боярина царя Михаила Ѳеодоровича, и двоюродный братъ Тарарул, ум. въ 1675 г. Онъ упоминается въ числѣ стольниковъ въ 1625 г. Съ 20 марта 1628 г. по 1 окт. 1629 г. онъ начальствовалъ надъ большимъ полкомъ въ Тулѣ, въ 1634 г. былъ назначенъ полковымъ воеводой въ Боровскѣ, а въ 1635 г. снова былъ въ Тулѣ, гдѣ находился и въ 1637 г. «для приходу крымскихъ и ногайскихъ татаръ». По восшествіи на престолъ царя Алексѣя Михайловича кн. Х. былъ посланъ въ Можайскъ и Вязьму приводить жителей ко кресту, но въ томъ же году сосланъ въ Сибирь. Въ 1649 г. кн. Х. по государеву указу вернулся въ Москву и пожалованъ въ бояре. Когда въ 1650 г. вспыхнули мятежи въ Новгородѣ и Псковѣ, то кн. Х. былъ посланъ усмирять ихъ. Не входя въ Новгородъ, онъ остановился у Спасо-Хутынскаго монастыря и оттуда уговаривалъ новгородцевъ смириться, что они и сдѣлали спустя нѣсколько дней, а затѣмъ уже начался розыскъ. Царь былъ недоволенъ медленностью кн. Хованскаго, но за него вступился тогдашній митрополитъ новгородскій Никонъ, объявивъ, что онъ посовѣтовалъ кн. Хованскому дѣлать розыскъ медленно и осмотрительно, чтобы не ожесточить новгородцевъ. Изъ Новгорода кн. Х. пошелъ на Псковъ; у него было слишкомъ мало войска, чтобы овладѣть городомъ, но онъ успѣшно отражалъ всѣ вылазки псковичей. Мятежъ удалось прекратить, не прибѣгая къ силѣ. Въ награду за свои дѣйствія кн. Х получилъ шубу бархатную золотную, кубокъ и придачу къ окладу. 20 марта 1652 г. онъ былъ посланъ съ Никономъ въ Соловецкій монастырь за мощами св. митрополита Филиппа. Путешествіемъ этимъ онъ не былъ очень доволенъ и жаловался, что Никонъ замучилъ его молитвой: «заставляетъ ежедневно съ нимъ быть у правила». Въ 1654 г. царь Алексѣй Михайловичъ отправился въ походъ противъ поляковъ; кн. Х. находился въ его свитѣ и, принимая участіе въ приступѣ на Смоленскъ, въ мартѣ 1655 г., по отъѣздѣ царя въ Москву, остался въ Смоленскѣ воеводой и въ 1660 г. разбилъ поляковъ подъ мѣстечкомъ Мальчами.

Дополн. къ актамъ историч. т. IV стр., 190.—Акты Археограф. Экспед., т. IV, № 57.—Книги разрядныя, т. II, стр. 109, 211, 754.—Дворцовые разряды, т. I, стр. 675, т. II, стр. 530, т. III, стр. 3, 117, 151.—«Указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ», М. 1853.—Соловьевъ, Истор. Рос., кн. II, стр. 1535—56.—«Росс. родослов. книга» кн. П. Долгорукова, т. I.

Н. Чулковъ.

Хованскій, князь, *Николай Николаевичъ*, генералъ отъ инфантеріи, сенаторъ, членъ Государственнаго совѣта, род. 1 дек. 1777 г., ум. 20 ноября 1837 г. Въ войнѣ 1812 г. участвовалъ, въ чинѣ генералъ-маіора, во многихъ сраженіяхъ и, отличившись подъ Лейпцигомъ, былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3 ст. и чиномъ генералъ-лейтенанта. Послѣ окончанія кампаніи кн. Х. присутствовалъ въ 1-мъ отд. 5 департамента Сената; въ 1826 г., въ чинѣ генерала отъ инфантеріи былъ назначенъ Смоленскимъ, Витебскимъ и Могилевскимъ генералъ-губернаторомъ и въ 1836 г. — членомъ Государственнаго совѣта; въ послѣдней должности онъ умеръ 60 лѣтъ отъ роду.

Гр. Бобринскій: «Дворянскіе роды», ч. I, стр. 10. — Кн. Долгоруковъ: «Россійская родословная книга», ч. I, стр. 283.—Петровъ: «Ист. родовъ Русск. дворянства», стр. 275.—«Чтенія въ Общ. ист. и древн. Росс.» 1886 г., кн. II, стр. X.—«С.-Петерб. вѣдомости» 1822 г., № 29.

Ховенъ, фонъ-деръ, *Отто Карловичъ* (Otto Hermann), сенаторъ, тайный совѣтникъ, видный дѣятель въ исторіи Курляндіи, род. въ Фокенгофѣ, въ Курляндіи, 13 ноября 1740 г., ум. по дорогѣ изъ С.-Петербурга въ Митаву, на почтовой станціи Гульбенъ, 15 іюня 1806 г. Получивъ университетское образованіе въ Килѣ и совершивъ путешествіе по Германіи и Франціи, Х. въ 1763 г. возвратился на родину, гдѣ вскорѣ затѣмъ былъ избранъ депутатомъ въ ландтагъ и, въ качествѣ представителя его, посланъ курляндскимъ дворянствомъ къ польскому двору. Въ спорахъ съ польскими сановниками молодой Х. совершилъ какую-то крупную безтактность, за что былъ сосланъ въ Ригу и заключенъ въ цитадель. Два года спустя онъ получилъ свободу и отказался на время отъ государственной дѣятельности. Въ 1776 г. Х. снова выступилъ на политическомъ поприщѣ и на этотъ разъ съ лучшимъ успѣхомъ: ему удалось 8 августа того же года достигнуть соглашенія между курляндскимъ герцогомъ и рыцарствомъ, за что онъ былъ избранъ въ безсмѣнные секретари дворянства (beständiger Ritterschaftsseketär). Снова командированный вскорѣ послѣ этого, въ качествѣ уполномоченнаго герцога и страны, въ Варшаву, Х. сумѣлъ на этотъ разъ заслужить благоволеніе польскаго правительства, которое наградило его камергерскимъ ключемъ и орденомъ св. Станислава; но Х. не простилъ полякамъ своего 2-лѣтняго заключенія и, предвидя конецъ независимости Курляндіи, сдѣлался горячимъ сторонникомъ Россіи. Въ 1783 г. онъ, въ званіи перваго уполномоченнаго курляндскаго рыцарства, заключилъ торговую и разграничительную конвенцію съ Россіей, а въ 1794 и 1795 годахъ принималъ видное участіе въ переговорахъ съ Россіей и подписалъ въ С.-Петербургѣ актъ о присоединеніи герцогства къ Россіи. За доказанную приверженность русскому правительству императрица Екатерина II пожаловала Ховена въ тайные совѣтники, а императоръ Павелъ I назначилъ его сенаторомъ и наградилъ орденомъ св. Анны 1 ст.

Recke u. Napiersky: «Allgem. Schriftsteller-und Gelehrten-Lexicon», ч. II, и «Nachträge», ч. I, стр. 287.

Ховенъ, фонъ-деръ, *Романъ Ивановичъ*, генералъ-маіоръ, род. въ Выборгскомъ уѣздѣ въ 1775 г., ум. въ С.-Петербургѣ 4 мая 1861 г.; воспитывался въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ въ 1793 г. въ Выборгскій пѣхотный полкъ. Отличаясь служебными достоинствами какъ въ боевыхъ трудахъ, такъ и при исполненіи административныхъ обязанностей, Х. съ 1812 по 1817 г. состоялъ комендантомъ въ Вильнѣ, а съ 1818 по 1829 г. исправлялъ должность грузинскаго гражданскаго губернатора, будучи переведенъ на Кавказъ въ Грузинскій отдѣльный корпусъ. Переводъ Ховена на Кавказъ, какъ и назначеніе губернаторомъ состоялись по настойчивому требованію А. П. Ермолова, видѣвшаго въ честномъ и крайне добросовѣстномъ Ховенѣ надежный противовѣсъ хищеніямъ и противозаконнымъ дѣяніямъ тогдашней кавказской гражданской администраціи. Надежды Ермолова оправдались вполнѣ: Х. былъ его достойнымъ сотрудникомъ по административному устройству края; на немъ лежали всѣ заботы по управленію, такъ какъ главнокомандующій всецѣло отдавался дѣламъ военнымъ и почти постоянно отсутствовалъ изъ Тифлиса. Дѣятельность Ховена въ странѣ для него новой и далеко еще не устроенной была чрезвычайно многосложна. Подъ его предсѣдательствомъ особая комиссія составила

точный переводъ уложенія царя Вахтанга, которое долгое время служило важнымъ руководствомъ для закавказскихъ присутственныхъ мѣстъ; не малая заслуга Ховена заключалась и въ быстромъ и толковомъ водвореніи и устройствѣ Виртембергскихъ колонистовъ, которые въ числѣ 500 семействъ, совершенно неожиданно для кавказской администраціи, вступили въ предѣлы Кавказа, а также въ неустанныхъ заботахъ его о воспитаніи и образованіи туземнаго населенія въ духѣ русской гражданственности.

«Мѣсяцесловъ» на 1862 г., Спб., приложеніе, стр. 147.—«Русская Старина» 1876 г., т. 17, № 10.—«Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общества», томъ 73, стр. 249, 260, 267 и 308.—К. Ординъ: «Покореніе Финляндіи», Спб. 1889, т. I, стр. 57, примѣч. 62.

Ховенъ, баронъ фонъ-деръ, *Христофоръ Христофоровичъ*, генералъ отъ инфантеріи, сенаторъ, род. въ 1795 г., ум. 20 апр. 1890 г.; воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда въ 1814 г. выпущенъ прапорщикомъ въ 16-ю артиллерійскую бригаду. Послѣ переселенія, въ 1812 г., татарскаго населенія изъ Бессарабіи въ Турцію, правительство, желая заселить вновь пріобрѣтенную область болгарами и колонистами-нѣмцами, назначило особую партію топографовъ для предварительнаго размежеванія и топографической съемки опустѣвшей области; но такъ какъ дѣло туго подвигалось впередъ, то начальникъ партіи топографовъ полковникъ Корниловичъ ходатайствовалъ въ 1816 г. о командированіи ему въ помощь артиллеріи прапорщика барона Ховена. Посвятивъ себя обученію крайне малосвѣдущихъ въ то время землемѣровъ топографическимъ съемкамъ планшерами и вычерчиванію горъ по новой тогда системѣ Лемана, Х. пріобрѣлъ извѣстность, какъ весьма способный геодезистъ. При посѣщеніи Александромъ I, въ апрѣлѣ 1818 г., Бессарабіи, ему были представлены топографическія съемки Буджака (такъ называли турки южную часть этой области); императоръ остался такъ доволенъ ими, что щедро наградилъ Ховена: онъ былъ произведенъ въ подпоручики и переведенъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части. Въ 1819 г. бар. Х. былъ назначенъ преподавателемъ геодезіи въ Московскомъ училищѣ колонновожатыхъ, но вскорѣ, вслѣдствіе трудности кѣмъ либо замѣнить его, снова переведенъ въ главный штабъ 2-й арміи, съ порученіемъ, кромѣ служебныхъ занятій, обучать геодезіи 15 мальчиковъ изъ военныхъ кантонистовъ. Преподавая имъ математику, геодезію и черченіе плановъ, Х. достигъ такихъ успѣховъ, что при представленіи въ 1821 г. императору Александру I топографическихъ чертежей кантонистовъ, у государя явилась мысль объ учрежденіи особаго корпуса топографовъ, который и былъ основанъ въ 1822 г. Продолжая свои преподавательскія занятія съ топографами, бар. Х. перешелъ на практическія упражненія и въ продолженіе 1823 и 1824 гг. производилъ топографическія съемки рекогносцировки въ Подольской, Херсонской и Таврической губерніяхъ. За блестящіе успѣхи, достигнутые русскими топографами, бар. Х. 20 янв. 1825 г. былъ переведенъ штабсъ-капитаномъ въ гвардейскій Генеральный штабъ и назначенъ начальникомъ тригонометрическихъ съемокъ въ Кіевской губерніи. По зачисленіи въ Генеральный штабъ, онъ исправлялъ весьма разнообразныя служебныя обязанности: состоялъ начальникомъ топографовъ 2-й арміи, оберъ-квартирмейстеромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса и наконецъ—начальникомъ штаба Отдѣльнаго Сибирскаго корпуса. Въ 1827 г., наканунѣ турецкой войны, бар. Х. сформировалъ изъ подчиненныхъ ему топографовъ особый эскадронъ, устроилъ походную чертежную съ геодезическими инструментами и литографіей и въ началѣ 1828 г. вступилъ со своею командою, вмѣстѣ съ главнымъ штабомъ, въ Турецкія владѣнія. Въ маѣ того же года, во время обложенія крѣпости Браилова, онъ подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ произвелъ съемки окрестностей осаждаемой крѣпости и рекогносцировку береговъ Дуная, необходимую для предстоявшей переправы нашей арміи. Императоръ Николай I, убѣдившись въ необыкновенной точности этихъ работъ и въ огромной пользѣ, которую онѣ оказали при переправѣ чрезъ Дунай и взятіи крѣпости, лично поблагодарилъ Ховена и щедро осыпалъ его милостями. Такія же работы, при одинаковыхъ условіяхъ и съ тѣмъ же успѣхомъ, бар. Х. производилъ при осадѣ Шумлы, Варны и др. крѣпостей. Воспользуй-

зовавшись оплошностью турецкой арміи, оставившей горные проходы безъ прикрытія, бар. Х. вмѣстѣ съ своими топографами, переодѣтыми въ турокъ, провелъ нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ въ Балканскихъ горахъ; терпя всевозможныя лишенія и находясь въ постоянной опасности быть узнанными, онъ въ виду непріятеля произвелъ подробныя рекогносцировки всей горной страны и проходовъ. Результатомъ его пребыванія въ горахъ была превосходная топографическая карта и обстоятельное описаніе секретно изслѣдованной страны, которыя и до сихъ поръ не утратили своего важнаго военно-топографическаго значенія. Основываясь на работахъ бар. Ховена, наша армія быстро и безпрепятственно двигалась на Силистрію, Кульджу и др. города. По заключеніи Адріанопольскаго мира (1829), на бар. Ховена была возложена съемка Болгаріи и Румеліи; эту работу онъ закончилъ въ октябрѣ 1830 г. и въ то же время составилъ топографическую карту Европейской Турціи на основаніи астрономическихъ пунктовъ, опредѣленныхъ въ томъ же году чинами Генеральнаго штаба. Эти работы, какъ и послѣдующія топографическія съемки Кавказскихъ горъ, исполненныя при постоянной опасности для жизни со стороны дикихъ горцевъ и давшія въ результатѣ весьма подробную топографическую карту Кавказскаго края, пріобрѣли бар. Ховену громкое имя среди спеціалистовъ этого дѣла и монаршее благоволеніе, выразившееся, между прочимъ, въ 12-лѣтней арендѣ въ 1200 р. и въ пожалованіи ордена св. Станислава I ст. Въ 1831 г. бар. Х. участвовалъ въ войнѣ противъ польскихъ мятежниковъ, сперва въ отрядѣ ген.-маіора Ширмана, дѣйствовавшемъ на границѣ Курляндіи, а затѣмъ самостоятельно, командуя отрядомъ, охранявшимъ г. Тельшъ; за оказанныя отличія въ военныхъ дѣйствія онъ былъ награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость». По усмиреніи польскаго мятежа бар. Х. въ 1832 г. былъ переведенъ въ Генеральный штабъ и назначенъ начальникомъ 3-го отдѣленія Военно-топографическаго депо, а годъ спустя—оберъ-квартирмейстеромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса; время управленія тѣмъ и другимъ учрежденіями ознаменовалось обширными топографическими съемками подвѣдомственныхъ областей. Произведенный въ 1836 г. въ генералъ-маіоры, бар. Х. былъ назначенъ состоять въ распоряженіи военнаго министра, но необходимость топографическаго изслѣдованія Зауралья заставила назначить его въ 1838 г. начальникомъ Отдѣльнаго Сибирскаго корпуса. Съ 1841 по 1869 г. бар. Х. послѣдовательно управлялъ губерніями Воронежской, Новгородской и Гродненской, при чемъ въ 1846 г. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ 1869 г. въ генералы отъ инфантеріи. Въ послѣднее время своей служебной дѣятельности онъ состоялъ вице-предсѣдателемъ комитета построенія храма во имя Христа Спасителя въ Москвѣ. Баронъ Х. прослужилъ всего 75 лѣтъ, въ томъ числѣ 53 года въ офицерскихъ чинахъ, и скончался на 95 году своей жизни.

«Русскій Архивъ» 1891 г., стр. 154—156 (автобіограф. записка барона Х. Х. фонъ-деръ-Ховена).—«Русск. Инвалидъ» 1890 г., № 87.—Н. В. Воскресенскій: «Пятидесятилѣтіе Воронежскихъ губернскихъ вѣдомостей», т. I, стр. 32—35.

Л. Вейнберг.

Ходаковскій (*Зоріанъ Яковлевичъ* Доленга), см. Доленга.

Ходани, *Иванъ Кантій*, докторъ богословія, профессоръ Виленскаго университета, род. въ Краковѣ въ 1769 г., ум. въ Вильнѣ 19 іюня 1823 г.; воспитанный въ монастырѣ Латеранскихъ канониковъ, онъ въ краковской Ягеллонской академіи изучалъ математику, философію и богословіе и въ 1793 г. былъ рукоположенъ во священника, съ назначеніемъ преподавателемъ священнаго писанія въ той же академіи и проповѣдникомъ при Краковскомъ каѳедральномъ соборѣ. Въ 1805 г. Х. былъ приглашенъ въ Вильну проповѣдникомъ при церкви св. Іоанна и, удостоенный въ 1806 г. степени доктора богословія, въ 1808 г. назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ нравственнаго богословія въ Виленскомъ университетѣ, а черезъ годъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ той же каѳедры; кромѣ того онъ съ 1814—1819 г. состоялъ цензоромъ духовной литературы, въ 1817 г. былъ избранъ деканомъ факультета этико-политическихъ наукъ, въ 1819 г. назначенъ каноникомъ Виленской римско-католической каѳедры. Х. перевелъ на польскій языкъ идиллiи нѣмецкаго поэта Геснера (Krakow 1800) и Генріаду Вольтера (Kra-

kow 1803) и въ 1802 г. издалъ собраніе своихъ оригинальныхъ стихотвореній подъ заглавіемъ «Natura i sztuka...». Кромѣ того онъ напечаталъ слѣдующія богословскія сочиненія: 1) De veritate religionis christianae ex puritate doctrinae, probatis miraculis et vaticiniis completis demonstrata (докторская диссертація, 1806); 2) Etyka chrzescianska czyli nauka chrzescianskiego zycia (въ «Dzcennik Wilenski» 1817 г., VI, стр. 658); 3) Teologia pasterska podlug X. F. Giftschutza», Wilno 1824. Много другихъ переводовъ и сочиненій Ходани осталось въ рукописяхъ.

«Dzieji Dobroczin.», 1823, II, стр. 300.—«Academia Caesarea romano-catholica ecclesiastica Petropolitana», 1888—1889, стр. 24.

Б-тисъ.

Ходецкій, *Ставріонъ Мартиніановичъ*, ординарный профессоръ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ университетѣ св. Владиміра, род. въ Симферополѣ въ 1820 г., ум. въ Кіевѣ 23 дек. 1886 г.; воспитывался сперва въ Симферопольскомъ уѣздномъ училищѣ, а потомъ въ мѣстной гимназіи и съ 1836 г. во 2-й С.-Петербургской гимназіи; въ 1838 г. Х. поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ для изученія естественныхъ наукъ и въ 1842 г. окончилъ курсъ со степенью кандидата философіи. Въ это время правительство рѣшило учредить курсы сельскаго хозяйства для хозяевъ-практиковъ, съ цѣлью улучшенія сельскаго хозяйства въ Россіи. Потребовались спеціалисты для чтенія публичныхъ курсовъ, а такъ какъ ихъ не имѣлось, то рѣшено было подготовить нѣсколько преподавателей въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ за границей. Въ числѣ трехъ кандидатовъ естественныхъ наукъ, рекомендованныхъ правительству С.-Петербургскимъ университетомъ, находился и Х. Командированный въ августѣ 1842 г. на два года за границу, онъ первый годъ провелъ въ Гогенгеймскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ, въ Вюртембергѣ, гдѣ выслушалъ полный курсъ наукъ и кромѣ того занимался практически при институтѣ. Второй годъ онъ посвятилъ поѣздкамъ по Германіи, Голландіи и Швейцаріи, посѣтивъ почти всѣ имѣвшіяся въ то время агрономическія учебныя заведенія, а также и университеты, гдѣ преподавалось сельское хозяйство. Въ Германіи въ это время выступилъ уже знаменитый Либихъ со своими новыми взглядами на отношеніе науки къ сельскому хозяйству; но смѣлыя идеи Либиха не находили еще сочувствія среди современныхъ ему представителей сельско-хозяйственной науки, въ которой господствовало еще прежнее направленіе, данное ей Тэромъ. Благодаря своимъ выдающимся способностямъ, Х. вскорѣ оцѣнилъ важность идей Либиха и серьезно принялся за изученіе его теорій и воззрѣній въ связи съ земледѣльческой химіей. Въ 1844 г., возвратившись въ Россію, Х. былъ прикомандированъ, на правахъ университетскаго адъюнкта, къ попечителю Харьковскаго учебнаго округа для чтенія сельско-хозяйственныхъ курсовъ въ наиболѣе населенныхъ пунктахъ округа. Въ продолженіе своей семилѣтней службы въ этомъ округѣ онъ читалъ публичныя лекціи въ Курскѣ, Воронежѣ, Орлѣ, Тамбовѣ, Новочеркаскѣ и Харьковѣ. Въ 1851 г. Х., защитившій между тѣмъ при Харьковскомъ университетѣ диссертацію на степень магистра сельскаго хозяйства, былъ приглашенъ въ университетъ св. Владиміра адъюнктомъ по каѳедрѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства; въ слѣдующемъ году онъ былъ утвержденъ экстраординарнымъ, а въ 1854 г.—ординарнымъ профессоромъ этого университета. Преподаваніе курса по новизнѣ дѣла было въ началѣ связано съ большими трудностями вслѣдствіе отсутствія агрономическаго кабинета при университетѣ; но Х. постепенно устроилъ такой кабинетъ, въ которомъ въ 1878 г. числилось уже свыше 1500 нумеровъ моделей земледѣльческихъ орудій и машинъ, типовъ хозяйственныхъ животныхъ въ слѣпкахъ, коллекцій сѣмянъ и т. п. Кромѣ прямыхъ обязанностей по занимаемой каѳедрѣ Х. въ продолженіе своей службы исполнялъ разнообразныя порученія университета и попечителя округа, а также разныхъ сельско-хозяйственныхъ и ученыхъ обществъ и учрежденій. Ему принадлежитъ заслуга главнаго иниціатора въ дѣлѣ учрежденія сельско-хозяйственныхъ выставокъ въ южной Россіи. Первая такая выставка состоялась въ 1849 г. въ Харьковѣ; переѣдя въ Кіевъ, Х. съ 1852 по 1880 г. устроилъ въ этомъ городѣ 6 выставокъ, которыя имѣли большое значеніе для южнорусскаго сельскаго хозяйства. Имъ же со-

ставлялись проекты учрежденія учебныхъ фермъ, техническихъ училищъ, агрономическихъ и лѣсоводныхъ курсовъ и проекты уставовъ возникавшихъ въ то время, частью по его почину, обществъ сельскаго хозяйства, садоводства, пчеловодства, шелководства и др. Въ теченіе 10 лѣтъ, съ августа 1863 г. по сентябрь 1873 г. Х. состоялъ главнымъ редакторомъ «Университетскихъ Извѣстій» и неоднократно исправлялъ должность декана физико-математическаго факультета. Съ 1854 г. въ теченіе 5 семестровъ Х. читалъ публичныя лекціи по технологіи, а съ 1852 г. по 1856 г. занималъ должность преподавателя естественныхъ наукъ въ Кіевскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Въ 1870 г. исполнилось 25-тилѣтіе профессорской дѣятельности его при университетѣ св. Владиміра, и по ходатайству совѣта Х. удостоенъ званія заслуженнаго профессора. Онъ состоялъ членомъ обществъ: Вольнаго экономическаго, Русскаго географическаго, Казанскаго экономическаго, почти всѣхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, Ученаго комитета Министерства государств. имуществъ, Высочайше утвержденной комиссіи для описанія губерній Кіевскаго учебнаго округа, Кіевскаго славянскаго комитета и мн. др. Х. разновременно напечаталъ свыше 40 сочиненій, не считая мелкихъ статей; изъ нихъ заслуживаютъ наибольшаго вниманія: 1) «Полеводство, разведеніе хлѣбовъ колосовыхъ, широколиственныхъ, кормовыхъ травъ, растеній корнеплодныхъ и фабричныхъ» (1845, 1846); 2) «Руководство къ уходу за крупнымъ рогатымъ скотомъ» (конкурсное сочиненіе, удостоенное въ 1850 г. серебряной медали); 3) «Вступительная лекція въ курсъ лѣсоводства» (1855).

Д. Д. Языковъ: «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русск. писателей», 1885, вып. VI (со спискомъ сочиненій Ходецкаго).—«Календарь Суворина» на 1888 г., стр. 250.—«Кіевское Слово» 1886 г., № 281.—«Кіевлянинъ» 1886 г., № 281.—«Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія» 1855 г., ч. XXXV, отд. III, стр. 15 (отзывъ о трудахъ Ходецкаго). — «Правит. Вѣстникъ» 1887 г., № 1, (некрологъ).—Н. В. Воскресенскій: «50-лѣтіе Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», т. I, стр. 63.—В. С. Иконниковъ: «Біографическій словарь проф. и преподават. Имп. университета св. Владиміра» (автобіогр. записка Ходецкаго со спискомъ его сочиненій).

Л. Вейнбергъ.

Ходзько-Борейко, *Александръ Леонардовичъ*, польскій поэтъ и писатель-оріенталистъ, русскій консулъ въ Персіи, род. въ 1804 г. въ имѣніи Кривичахъ Минской губерніи, ум. въ Парижѣ 27 ноября 1891 г.. Образованіе получилъ въ Виленскомъ университетѣ и еще студентомъ сталъ писать стихи, помѣщая ихъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ; собраніе его стихотвореній (балладъ, легендъ, элегій) вышло въ 1828 г. въ Петербургѣ подъ заглавіемъ «Poezye Alex. Chodzki», и вторично въ Познани въ 1833 г. По окончаніи университетскаго курса Х. въ 1824 г. поступилъ въ Петербургѣ въ Институтъ восточныхъ языковъ при Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ и въ 1830 г. былъ назначенъ русскимъ консуломъ въ Персіи, гдѣ и пробылъ до 1845 года, употребляя свободное отъ служебныхъ занятій время на изученіе современной персидской литературы. Плодомъ этихъ занятій явился изданный на англійскомъ языкѣ сборникъ персидской народной поэзіи подъ заглавіемъ «Specimen of the popular poetry of Persia as found in the adventures and improvisatiohs of Karroglu the bandit-minstrel of Northern Persia and in the songs of the people, inhabiting the stores of the Caspian sea (London 1842). Этотъ трудъ былъ переведенъ на французскій и нѣмецкій языки. Выйдя въ отставку и вернувшись въ Россію, Х. вскорѣ затѣмъ переселился на постоянное жительство въ Парижъ, чтобы посвятить себя научнымъ и литературнымъ занятіямъ въ области восточныхъ и славянскихъ языковъ, и на основаніи сочиненія «De la littérature sacrée chez les Slaves» былъ въ 1857 г. назначенъ профессоромъ въ Collége de France по каѳедрѣ славянскихъ литературъ и занималъ ее до 1884 г. Кромѣ приведенныхъ уже сочиненій заслуживаютъ упоминанія еще слѣдующія: «Le Gilan ou le marais Caspien» (Paris 1851); Grammaire persane, ou principes de l'iranien moderne, accompagnés de fac-simile pour servir de modèles d'écriture et de style pour la correspondance diplomatique et familière (Paris 1852); «Legendes slaves du moyen âge, 1169—1237» (Paris 1859); Une renaissance littéraire en Bohême; les poetes modernes» (Paris 1861); одновременно съ французскимъ изданіемъ послѣднее сочиненіе появилось и на рус-

скомъ языкѣ въ журналѣ «Русскій Міръ» (1861, № 26, 36 и 38); «Grammaire paléoslave, suivie des textes paléoslaves» (1869); «Les chants historiques de l'Ukraïne et les chansons des Latyches des bords de la Dvina occidentale» (1879); «Théâtre persan, choix des teazies, ou drames traduits pour la première fois du persan» (1878). Наконецъ, Х. составилъ польско-англійскій и англійско-польскій словарь, первое изданіе котораго появилось въ Берлинѣ въ 1874 г.

«Wielka encyklopedia powszechna ilustrowana», 1893, т. XI и XII, стр. 763.—«Athenaeum 1879 г., т. IV (статья о новѣйшихъ произведеніяхъ польскихъ оріенталистовъ за границей).

Р. М.

Ходзько, *Иванъ*, дядя Игнатія Ходзьки (см. ниже), род. въ Литвѣ, въ Минскомъ воеводствѣ Вилейскаго повѣта, 24 іюня 1777 г., ум. 10 октября 1852 г.; получивъ образованіе въ Вильнѣ, Х. вскорѣ, благодаря уму и энергіи, занялъ отвѣтственную должность визитатора школъ Виленской и Минской губерній и былъ избранъ въ почетные члены Виленскаго университета. Въ 1812 г., во время вторженія французовъ, Х. состоялъ предсѣдателемъ Минской гражданской палаты и когда французская армія проникла въ Литву, внезапно перешелъ на сторону враговъ, измѣнивъ русскому правительству, и, благодаря своему высокому административному положенію, успѣлъ помѣшать жителямъ Минска уничтожить имѣвшіеся въ городѣ запасы провіанта, которые вслѣдствіе этого и достались въ добычу французской арміи. Въ 1812 г. Х. написалъ на злобу дня комедію «Prejscie Niemna», которая съ большимъ успѣхомъ шла на всѣхъ польскихъ театрахъ. Съ удаленіемъ французовъ Х., какъ измѣнникъ, долженъ былъ оставить отечество и возвратившись туда только послѣ манифеста императора Александра I объ амнистіи, принималъ самое дѣятельное участіе въ организаціи масонскихъ ложъ и тайнаго польскаго патріотическаго общества. Когда была обнаружена дѣятельность этого общества, Х. былъ присужденъ къ пятилѣтнему тюремному заключенію, а послѣ вспыхнувшаго 29 ноября 1830 г. возстанія вмѣстѣ со старшимъ сыномъ высланъ въ одну изъ внутреннихъ губерній Россіи, откуда возвратился на родину только въ 1834 г. Имя Ходзьки стало пріобрѣтать извѣстность въ литературѣ, если не считать его комедіи 1812 года, съ 1821 г., когда онъ написалъ книгу «Pan Jan ze Swisloczy (Wilno 1821), получившую широкую популярность. Признанная школьнымъ комитетомъ Виленскаго университета за классическое произведеніе, она была рекомендована для приходскихъ училищъ и переведена тогда же на литовскій языкъ жмудскимъ каноникомъ Румейкой. Въ 1837 г. Х. началъ издавать собраніе своихъ сочиненій подъ заглавіемъ: «Pisma we 12 tomikach» (Wilno 1837), въ которыя и вошли его народные разсказы, оригинальныя и переводныя комедіи, повѣсти и историческія картинки изъ эпохи XVIII вѣка. Кромѣ того, Х. написалъ двѣ трагедіи въ стихахъ: «Bolestaw krzywousky» и «Krakus, pierwszy książe polskie», отрывки изъ которыхъ печатались въ «Dziennik Wilenski». Первая изъ этихъ трагедій шла и на сценѣ.

Rogalski: «Historya liter. polskiéj, т. II, 1871, 194—195, 408.—Grand dictionnaire de Larousse, t. VI.

А. Ч.

Ходзько, *Игнатій*, польскій поэтъ, вице-президентъ Комитета по улучшенію быта крестьянъ Виленской губерніи, род. въ 1794 г., ум. въ своемъ имѣніи Дзѣвентнахъ Виленской губерніи 1 августа 1861 г.; на десятомъ году отъ роду онъ былъ отданъ въ школу въ мѣстечкѣ Борунѣ, откуда въ 1810 г. перешелъ въ Виленскій университетъ и окончилъ тамъ курсъ со степенью кандидата философіи. Послѣ смерти своихъ родителей Х. сблизился съ своимъ дядей Иваномъ Ходзькой (см. выше), извѣстнымъ драматургомъ, учредителемъ масонскихъ ложъ въ Вильнѣ и Минскѣ, который ввелъ его въ Варшавѣ въ кругъ масоновъ и литераторовъ, и тогда уже Х. обратилъ на себя вниманіе своимъ поэтическимъ талантомъ. Принятый въ число членовъ «Общества бездѣльниковъ» (towarzystwo szubrawcow), въ которомъ онъ слылъ подъ именемъ «риѳмоплета», Х. помѣстилъ въ «Wiadomosci brukowe» нѣсколько статей, которыя и понынѣ считаются остроумнѣйшими произведеніями польской литературы того времени. Въ то же время печатались въ журналѣ «Dziennik Wilenski» его стихотворенія (нѣкоторыя изъ нихъ переведены на русскій языкъ и помѣщены въ «Поэзіи славянъ» Гербеля). Приверженецъ стро-

гаго классицизма въ литературѣ, Х. впослѣдствіи, особенно подъ вліяніемъ Э. Одынца и Ю. Корсака, перешелъ въ лагерь романтиковъ и сталъ писать повѣсти и поэтическіе разсказы, и тутъ то его талантъ развернулся во всей своей силѣ. Женившись на дочери Михаила Мацкевича, Х. въ 1826 г. поступилъ на службу по управленію Радзивиловскими имѣніями и съ этого времени сталъ занимать различныя общественныя должности: долгое время онъ былъ почетнымъ попечителемъ училищъ Свѣнцянскаго уѣзда, въ 1858 г. состоялъ членомъ и вице-президентомъ Крестьянскаго комитета въ Вильнѣ, въ 1861 г. былъ избранъ посредникомъ. Первая повѣсть Х. подъ заглавіемъ «Poddany» (крѣпостной) была напечатана въ 1829 г. и обратила на себя всеобщее вниманіе; за ней послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ повѣстей («Samowar», «Ranek przed slubem», «Brzegi Wilii» и др.). Въ 1842 г. въ Вильнѣ стало выходить собраніе повѣстей Ходзьки подъ общимъ заглавіемъ «Obrazy Litewskie» (Литовскіе очерки), которыхъ до 1850 г. было выпущено пять серій. Въ 1847 г. появилась извѣстная его повѣсть «Domek mojego dziadka», въ которой авторъ прекрасно описалъ свое дѣтство, проведенное въ имѣніи дѣда; эта повѣсть была переведена на французскій языкъ (Парижъ 1857) и на русскій («Историч. Вѣстникъ» 1880 г., т. I). Не меньшею славою пользовались его повѣсть «Pamiętniki kwestarza» (1851), переведенная также на русскій языкъ («Историч. Вѣстн.» 1880 г., т. II), два выпуска «Литовскихъ преданій» (Podania Litewskie, 1852 и 1854) и, наконецъ, «Двѣ бесѣды изъ прошлаго» («Dwie konwersacye z przeszlosci»), сжатый оригинальный очеркъ польской литературы. Кромѣ перечисленныхъ произведеній, имѣвшихъ въ свое время большой успѣхъ, перу Х. принадлежитъ еще цѣлый рядъ другихъ повѣстей: «Jubilensz», «Duch opiekunczy», «Autor swatem», «Panna respectowa» (1851), «Dworki na Antokolu» (1854), Zegota z Milanowa Milanowski (1854), «Pustelnik w Proniunach» (1858) и др., а также элегія «Rocznica» (годовщина), въ которой авторъ излилъ свою грусть по умершей дочери.

L. Rogalski: «Historya literatury polskiej», 1840.— «Encyklopedya powszechna» Orgelbranda, t. III.

А. Ч.

Ходзько, *Іосифъ Ивановичъ*, генералъ штаба генералъ-лейтенантъ, одинъ изъ заслуженнѣйшихъ русскихъ геодезистовъ, род. въ Виленской губерніи 6 декабря 1800 г., ум. въ Тифлисѣ 21 февраля 1881 г.; послѣ основательнаго домашняго воспитанія онъ на 16-мъ году отъ роду поступилъ на физико-математическій факультетъ Виленскаго университета, гдѣ въ 1821 г. съ успѣхомъ окончилъ курсъ наукъ, занимаясь по преимуществу астрономіей и геодезіей. Въ 1816 г. было начато первое въ Россіи геодезическое измѣреніе — тріангуляція Виленской губерніи, подъ руководствомъ полковника Теннера. Нуждаясь въ сотрудникѣ для производства астрономическихъ наблюденій, Теннеръ обратился къ ректору Виленскаго университета, астроному Снядецкому, который рекомендовалъ ему для этихъ занятій Ходзьку, готовившагося въ то время къ экзамену на степень магистра физико-математическихъ наукъ. По ходатайству Теннера Х. былъ 20 янв. 1821 г. зачисленъ колоновожатымъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части и годъ спустя произведенъ въ прапорщики гвардейскаго Генеральнаго штаба. До 1831 г. Х. былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ Теннера по производству геодезическихъ и астрономическихъ опредѣленій тріангуляціи сперва Виленской, а затѣмъ Гродненской, Минской и Курляндской губерній, а также градуснаго измѣренія дуги меридіана въ тѣхъ же губерніяхъ. Въ описаніяхъ этихъ работъ, печатавшихся въ «Запискахъ Военно-Топографическаго депо», подробно приведены ежегодные труды Ходзьки, которые, по отзыву спеціалистовъ, отличались особенною точностью и добросовѣстностью. Изъ этихъ описаній, между прочимъ, видно, что Х., еще студентомъ, въ 1824 г. совмѣстно съ директоромъ Виленской обсерваторіи Славинскимъ опредѣлилъ широту первокласснаго астрономическаго пункта Эйтонтацъ, а три года спустя, съ астрономомъ той же обсерваторіи Грушневичемъ производилъ астрономическія опредѣленія на пунктахъ градуснаго измѣренія въ Балинѣ и Немежѣ. Въ 1823 г. Х. участвовалъ въ соединеніи литовскаго градуснаго измѣренія съ лифляндскимъ, произведеннымъ тогдашнимъ директоромъ Дерптской

обсерваторіи В. Я. Струве. Въ 1831 г. Х. былъ командированъ на съемки въ Молдавіи и Валахіи, а оттуда спустя три года переведенъ въ составъ русскаго вспомогательнаго отряда, находившагося подъ начальствомъ Н. Н. Муравьева-Карсскаго на Босфорѣ. Назначенный въ 1833 г. дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 15-й пѣхотной дивизіи, а въ 1834 г.—старшимъ адъютантомъ по части Генеральнаго штаба въ штабъ 5-го пѣхотнаго корпуса, Х. въ теченіе этого времени составилъ военно-статистическое описаніе княжествъ Молдавіи и Валахіи и произвелъ съемку крѣпости Силистріи. Работы Ходзьки доставили ему извѣстность, и въ 1840 г. онъ по ходатайству командующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ ген. Головина былъ назначенъ на Кавказъ для производства геодезическихъ и топографическихъ работъ въ этомъ почти вовсе не изслѣдованномъ краѣ. Въ такой горной странѣ, какъ Закавказье, тригонометрическія измѣренія, столь необходимыя какъ для съемокъ, такъ и для составленія картъ, считались неосуществимыми, тѣмъ болѣе, что помимо чисто физическихъ препятствій приходилось еще считаться съ политическимъ положеніемъ незамиреннаго края. Тѣмъ не менѣе Х. въ 1842 г. приступилъ къ трудной задачѣ, но такъ какъ вслѣдствіе возобновленія военныхъ дѣйствій работы были на время пріостановлены, то онъ въ 1844 г. былъ командированъ въ Пулковскую обсерваторію для ознакомленія съ новѣйшими усовершенствованіями по части геодезіи. Съ назначеніемъ главнокомандующимъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса гр. С. М. Воронцова былъ составленъ проектъ тріангуляціи, Высочайше одобренный въ 1846 г. По этому грандіозному проекту тріангуляція должна была окончиться въ теченіе шести лѣтъ, начиная съ 1847 г., и начальникомъ работъ былъ назначенъ Х., тогда уже въ чинѣ полковника. Работы начались съ измѣренія базиса длиною въ $8^1/_2$ верстъ, на степи праваго берега р. Куры, въ Елизаветпольской губерніи, и продолжались до осени 1853 г. Трудно себѣ вообразить, какія препятствія приходилось Ходзькѣ преодолѣвать при закавказской тріангуляціи; большинство наблюденій дѣлалось на покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ вершинахъ главнаго хребта Закавказья или же на такихъ высотахъ, которыя свободны отъ снѣга въ теченіе лишь одного или двухъ мѣсяцевъ, при іюльской температурѣ въ 3° днемъ и — 13° по ночамъ; однажды пришлось работать на страшно крутой вершинѣ вулкана Алагёчъ, закутанной туманомъ, на высотѣ 13.436 футовъ. Въ 1850 г. Х. совершилъ извѣстное восхожденіе на Большой Араратъ (16.916 фут. абсол. выс.); онъ поднялся на болѣе возвышенную, западную вершину библейскаго исполина и водрузилъ на ней крестъ; пробывъ на вершинѣ четверо сутокъ, Х., кромѣ метеорологическихъ наблюденій, измѣрилъ 134 зенитальныхъ разстояній главнѣйшихъ пунктовъ тріангуляціи. Это была высшая точка, на какой когда либо производились геодезическія измѣренія. Въ іюлѣ 1851 г., находясь на одной изъ вершинъ главнаго Кавказскаго хребта — Галавдурѣ, на высотѣ 10380 фут. надъ уровнемъ моря, онъ наблюдалъ полное солнечное затменіе, а также, во время полнаго закрытія луною солнца,—розовые выступы, называемые протуберанцами. Эти наблюденія, единственныя въ своемъ родѣ, имѣли важное научное значеніе, такъ какъ устранили сомнѣніе многихъ въ реальности этихъ выступовъ и принадлежности ихъ къ солнечной атмосферѣ. Эти наблюденія, оцѣненныя астрономами, Х. описалъ въ статьѣ «Сводъ наблюденій, произведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ Кавказскаго и Закавказскаго края $^{16}/_{28}$ іюля 1851 года», напечатанной въ 1852 г. въ I-й книгѣ «Записокъ Кавк. Отд. Имп. Русск. геогр. общества». Въ 1854 г. Х. закончилъ капитальнѣйшій трудъ свой — тригонометрическое измѣреніе Закавказскаго края, давшее въ результатѣ точное опредѣленіе 1386 пунктовъ по географическому положенію и высотѣ ихъ надъ уровнемъ моря. Лишь съ окончаніемъ этого измѣренія имѣлась возможность приступить къ точнымъ съемкамъ и къ размежеванію Закавказскаго края. За эти работы Х. былъ произведенъ 6 дек. 1852 г. въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ начальникомъ геодезическаго отряда, сформированнаго для топографическихъ съемокъ при движеніи русскихъ войскъ въ Азіатской Турціи, а за боевыя отличія былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 1-й ст. Въ 1860 г. ему была поручена тріангуляція всего сѣвернаго Кавказа, а два года спустя онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ назначеніемъ

состоять при кавказской арміи; этимъ закончилась его активная дѣятельность по службѣ. Ученые труды Ходзьки, положившіе прочную основу для съемокъ, картографіи и вообще для географіи Кавказа, не могли не обратить на себя вниманія; географическія и другія ученыя общества избирали его своимъ членомъ, присылая почетные дипломы, а въ 1868 г. ему была присуждена высшая награда Императорскаго Русскаго географическаго общества—большая Константиновская медаль. Комиссія, составленная изъ ученыхъ, въ представленномъ по этому поводу докладѣ дала такой отзывъ объ его трудахъ: «Тріангуляція генерала Ходзьки по точности своей удовлетворяетъ не только всѣмъ картографическимъ требованіямъ, но и строжайшимъ требованіямъ геодезіи. По трудности же выполненія, по самоотверженію производителя работъ она легко можетъ соперничать со всѣми подобными работами, произведенными гдѣ либо на земномъ шарѣ, не исключая Индійской тріангуляціи, прославившей 25 лѣтъ тому назадъ имя Эвереста». Десять лѣтъ спустя, въ 1871 г., Х. праздновалъ 50-лѣтній юбилей своей дѣятельности. По этому случаю Русское Географическое общество прислало ему дипломъ на званіе почетнаго члена, при собственноручномъ рескриптѣ его Августѣйшаго предсѣдателя; такимъ же рескриптомъ удостоилъ юбиляра покровитель Кавказскаго отдѣла этого общества, великій князь Михаилъ Николаевичъ, а Кавказскій отдѣлъ назначилъ премію его имени за лучшее описаніе Кавказа. Х. до конца своей жизни трудился на пользу науки, помѣщая въ отечественныхъ и иностранныхъ журналахъ статьи по геодезіи и метеорологіи, и приготовилъ къ печати обширный трудъ «Объ орографіи и географіи Кавказа». Лишь съ 1879 г., вслѣдствіе полнаго разстройства здоровья, онъ прекратилъ свои ученыя занятія.

«Русскій Инвалидъ» 1881 г., №№ 49 и 54. — Н. Н. Муравьевъ: «Русскіе на Босфорѣ въ 1833 г.», изд. Чертковской библіотеки, стр. 337. — «Зап. Военно-Топографическаго депо» 1858 г., ч. XX, отчеты. — «Извѣстія Кавк. отдѣла Имп. Русс. геогр. общ.», 1882—1883, т. VII, стр. 15 — 24.— Ibidem, 1864, т. VI (статья Х. «Общій взглядъ на орографію Кавказа»).—Ibidem, 1852, т. I, (статья Х. «Сводъ наблюденій»).—Н. Н. Муравьевъ: «Война за Кавказомъ въ 1855 г.», 1877, т. I, стр. 130.— «Правит. Вѣстникъ» 1872 г., № 146. — «Извѣстія Кавказскаго отдѣла Имп. Русск. геогр. общества» 1872 г., т I, № 4, стр. 155—160 (Описаніе юбилейнаго торжества Ходзьки).

Л. Вейнберъ.

Ходневъ, *Алексѣй Ивановичъ*, профессоръ Кіевскаго и Харьковскаго университетовъ, членъ Ученаго комитета Министерства народнаго просвѣщенія, род. 6 февраля 1818 г., ум. въ Петербургѣ 5 марта 1883 г. Образованіе получилъ въ Педагогическомъ институтѣ и по окончаніи въ немъ курса, былъ командированъ за границу; отчетъ объ этой командировкѣ былъ помѣщенъ въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» (1845, т. XXXIX). Вернувшись въ Россію, Х. защитилъ магистерскую диссертацію по химіи «Составъ студенистыхъ растительныхъ веществъ и ихъ физіологическое назначеніе» (СПб., 1846) и до 1855 г. занималъ каѳедру въ Харьковѣ, гдѣ получилъ степень доктора физики и химіи и напечаталъ «Курсъ физіологической химіи» (1847) и «Историческое развитіе понятій о хлорѣ и вліяніе ихъ на теоретическую часть химіи» (1847). Пріѣхавъ въ Петербургъ, Х. въ концѣ пятидесятыхъ годовъ читалъ блестящія публичныя лекціи по химіи и технологіи и вступилъ въ число членовъ Вольнаго экономическаго общества, гдѣ въ 1859 г. сдѣлался предсѣдателемъ отдѣленія по вспомогательнымъ сельскому хозяйству наукамъ, затѣмъ редакторомъ «Трудовъ Вольнаго экономическаго общества», и въ 1860 г.—секретаремъ общества. Съ этого времени всѣ труды Ходнева были посвящены почти исключительно этому обществу, и каждое трехлѣтіе онъ вновь выбирался въ секретари огромнымъ большинствомъ голосовъ. Х. участвовалъ во всѣхъ комиссіяхъ и отдѣленіяхъ, не пропускалъ ни одного засѣданія, поддерживалъ сношенія общества со всѣми ученымъ и административными учрежденіями, составлялъ протоколы общихъ собраній, писалъ годовые отчеты (за 1861, 1862 и 1863 гг. изданы отд.) и доклады о разныхъ сочиненіяхъ и изобрѣтеніяхъ и т. под. Изъ книгъ и научныхъ статей, напечатанныхъ Ходневымъ въ это время, слѣдуетъ упомянуть: «Курсъ технической химіи» (Спб., 1856), три статьи о селитряномъ промыслѣ въ Россіи («Эконом. Указат.», 1858, 8—9, «Артиллер. Журналъ», 1862, 9—10, и «Промышленность», 1863, т. IX), «Руко-

водство къ селитроваренію въ Малороссіи» (Спб., 1858). Изданное имъ въ 1859 г. сочиненіе «Химическая часть товаровѣдѣнія» въ 1861 г. было по частямъ переиздано въ видѣ ряда брошюръ, дававшихъ наставленія для изслѣдованія доброкачественности спирта, вина, различныхъ напитковъ и съѣстныхъ припасовъ; одновременно имъ былъ сдѣланъ и переводъ сочиненія Джонстона по тому же вопросу (Спб., 1858). Въ 1865 г. Х. составилъ замѣчательную «Исторію Императорскаго Вольно-Экономическаго общества» по случаю празднованія столѣтняго юбилея общества. Въ 70-хъ годахъ Ходневымъ изданы переводъ сочиненія П. Жане «Мораль и политика на Востокѣ» (Спб., 1874), «Протоколы собраній льноводовъ» (Спб., 1878), «Тайны неба и земли» (Спб., 1877) и «Физико-химическія изслѣдованія почвы и подпочвы черноземной полосы Европейской Россіи» (Спб., 1879). Въ 1882 г. Х. былъ избранъ почетнымъ членомъ общества. Одновременно съ дѣятельностью въ обществѣ Х. много работалъ и какъ членъ ученыхъ комитетовъ Министерствъ Народнаго просвѣщенія и государственныхъ имуществъ и Техническаго комитета при Главномъ интендантскомъ управленіи. 5 марта 1883 г. въ засѣданіи Вольнаго экономическаго общества по отдѣлу статистики и политической экономіи происходилъ докладъ объ общинѣ и пониженіи выкупныхъ платежей. Х. возражалъ докладчику и по окончаніи своей рѣчи умеръ въ засѣданіи отъ аневризма.

«Истор. Вѣстн.» 1883 г., № 4 (некрологъ).—Д. И. Языковъ: «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей» вып. III и IV (1886 и 1887).

А. Ловягинъ.

Хойнацкій, *Андрей Ѳедоровичъ,* протоіерей, род. въ 1836 г., ум. 27 августа 1888 г. Уроженецъ Волынской губерніи, Х. обучался въ Кременецкомъ духовномъ училищѣ, откуда въ 1853 г. поступилъ въ тамошнюю духовную семинарію, а съ 1859—1863 г. находился въ Кіевской духовной академіи. По окончаніи курса въ академіи онъ былъ назначенъ преподавателемъ въ Волынской духовной семинаріи, затѣмъ съ 1871 г. состоялъ законоучителемъ Нѣжинскаго юридическаго лицея князя Безбородко и наконецъ, съ 1875 г. и до конца жизни—профессоромъ богословія Нѣжинскаго историко-филологическаго института. Х. былъ очень плодовитый духовный писатель, болѣе 25 лѣтъ снабжавшій почти всѣ духовные и нѣкоторые свѣтскіе журналы статьями и сообщеніями по очень разнообразнымъ отдѣламъ церковной и гражданской русской исторіи, преимущественно юго-западнаго края. Главнымъ предметомъ его изслѣдованій были уніатскія богослужебныя книги и вопросы объ искаженіяхъ, внесенныхъ уніей въ богослужебные обряды православной церкви. Къ этой области относятся сочиненіе «Западно-русская церковная унія въ ея богослуженіи и обрядахъ» (Кіевъ 1871) и статьи въ духовныхъ журналахъ «Голосъ римскаго католицизма о святости и нетлѣніи угодниковъ Кіево-Печерскихъ», «Объ отпустахъ, совершавшихся въ православныхъ церквахъ западнаго края Россіи», «О латинскихъ пѣснописцахъ и ихъ пѣснопѣніяхъ въ римско-католической церкви сравнительно съ пѣснопѣвцами церкви православной» и многія другія. Не мало Х. потрудился и надъ исторіей православія въ родной ему Волыни съ ея Почаевской лаврой; за труды въ этой области его прозвали «исторіографомъ и пѣвцомъ горы Почаевской». Сюда относятся его статьи: «Очерки изъ исторіи православной церкви и древняго благочестія на Волыни» (Житоміръ 1878), «Волынскій патерикъ» (1887), «Историческое сказаніе о Почаевской лаврѣ», далѣе пять изслѣдованій о преподобномъ Іовѣ, игуменѣ Почаевскомъ, и восемь статей объ иконѣ Божіей Матери Почаевской. Уже послѣ смерти Хойнацкаго былъ изданъ его трудъ «Почаевская Успенская лавра, историческое описаніе» (1897).

«Церковн. Вѣдом.» 1888 г., № 47. — «Почаевская Успенская лавра», Почаевъ 1897, стр. 19—29.

Здр.

Хойнацкій, *Іосифъ Петровичъ,* живописецъ, директоръ Одесской рисовальной школы, род. въ Калишѣ въ 1818 г., ум. въ іюлѣ 1885 г. въ Одессѣ. Опредѣленный 10 лѣтъ въ Калишскій кадетскій корпусъ пенсіонеромъ великаго князя Константина Павловича, онъ по смерти отца своего былъ переведенъ въ Варшавскій лицей, гдѣ, кромѣ наукъ, началъ заниматься также и живописью подъ руководствомъ профессора А. Кокуляра. Въ 1840 г. въ первый разъ появилась на судъ публики картина его работы и заслужила по-

четный отзывъ, а послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Римѣ Х. за свои историческія картины былъ удостоенъ серебряной медали. Проживъ затѣмъ довольно долгое время на югѣ Россіи, въ Подольской губерніи, гдѣ занимался главнымъ образомъ портретною живописью, Х. переѣхалъ въ Одессу и былъ однимъ изъ учредителей мѣстнаго Общества любителей искусствъ, а съ 1865 по 1872 г. состоялъ директоромъ учрежденной при немъ рисовальной школы. Изъ его религіозныхъ картинъ, во вкусѣ итальянской школы, многія украшаютъ католическія церкви Подольской губерніи, двѣ же находятся въ православномъ храмѣ Одессы: «св. Іосифъ» и «Младенецъ Христосъ». Изъ другихъ картинъ его «Тайная Вечеря» принадлежала гр. Строганову и «Мадонна» князю Паскевичу.

«Худож. Новости» 1885 г., с. 390. — Русс. календарь Суворина 1886 г., II, 268.

М. Ф.

Хойновскій, *Брониславъ Адамовичъ*, экстраординарный профессоръ госпитальной терапевтической клиники при Варшавскомъ университетѣ, род. близъ Златополя Кіевской губ. 3 мая 1836 г., ум. въ Варшавѣ 6 апрѣля 1870 г. По окончаніи курса сперва въ Златопольскомъ уѣздномъ училищѣ, а затѣмъ въ Бѣло-Церковской гимназіи, Х. въ 1853 г. поступилъ на медицинскій факультетъ университета Св. Владиміра и въ 1858 г. окончилъ курсъ со степенью лѣкаря. Оставленный, какъ выдающійся по способностямъ воспитанникъ, ассистентомъ терапевтической клиники при томъ же университетѣ и избранный съ 1860 г. секретаремъ общества кіевскихъ врачей, Х. 4 іюня 1863 г. удостоился степени доктора медицины послѣ блестящей защиты диссертаціи: «О суточномъ колебаніи температуры человѣческаго тѣла въ состояніи здоровья и болѣзни». Отправленный въ томъ же году за границу, онъ, по возвращеніи въ Россію, въ 1865 г. былъ назначенъ приватъ-доцентомъ Варшавской главной школы, въ 1867 г.—адъюнктъ-профессоромъ по каѳедрѣ патологіи и терапіи и, по открытіи въ Варшавѣ университета, экстраординарнымъ профессоромъ сего университета и терапевтической при немъ клиники. Х. считался однимъ изъ самыхъ талантливыхъ молодыхъ преподавателей въ медицинскомъ факультетѣ и однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ его представителей, но неожиданная смерть (онъ умеръ, заразившись тифознымъ ядомъ въ своей клиникѣ) прервала его дѣятельность на 34 году жизни. Кромѣ упомянутой диссертаціи Х. написалъ: «Объ эксудатѣ молочнаго вида», «Взглядъ на источники животной теплоты», «Холерный грибокъ» и клиническіе отчеты за 1859—1861 гг., напечатанные въ «Изв. Кіевск. университета».

Л. Ѳ. Змѣевъ: «Русскіе врачи-писатели», т. I, стр. 142—143. — «Медиц. Вѣстникъ», 1870, № 17, стр. 144.—«Унив. Изв.» Кіевскаго ун., 1863, № 6, стр. 26 — 28. — «Słownik lekarzów polskich 1883, стр. 5 (перечисленіе 9 мелкихъ статей на польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ).

Вейнбергъ.

Холмогоровъ, *Иванъ Николаевичъ*, преподаватель персидскаго языка въ Казанскомъ университетѣ, ум. въ 1891 г.; окончивъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ (1843) со степенью кандидата по спеціальности восточныхъ языковъ, Х. былъ опредѣленъ старшимъ учителемъ персидскаго языка въ Астраханской гимназіи, но уже черезъ пять лѣтъ перешелъ въ Казанскій университетъ помощникомъ инспектора студентовъ, а съ 1850 г. сталъ преподавать на младшихъ курсахъ арабскій языкъ. Въ 1852 г. Х. былъ переведенъ въ Одессу исправляющимъ должность профессора въ Институтѣ восточныхъ языковъ. Вслѣдствіе прекращенія преподаванія этихъ языковъ въ Одессѣ въ 1855 г., Х. остался за штатомъ, а затѣмъ получилъ назначеніе на должность инспектора Астраханской гимназіи, а потомъ директора народныхъ училищъ Астраханской губерніи. Въ 1861 г. снова возродилось преподаваніе восточныхъ языковъ въ Казанскомъ университетѣ, и тогда же Х. занялъ тамъ должность преподавателя арабскаго языка, а съ 1863 г. безмездно преподавалъ персидскій языкъ. Уволенный въ 1868 г. въ отставку за выслугою лѣтъ, онъ имѣлъ занятія въ разныхъ учрежденіяхъ, наприм., въ Императорской Публичной библіотекѣ, а съ 1880 г. до конца жизни состоялъ преподавателемъ персидскаго языка въ Лазаревскомъ институтѣ въ Москвѣ. Ученая дѣятельность Холмогорова выразилась въ слѣдующихъ трудахъ, напечатанныхъ въ «Ученыхъ запискахъ Казанскаго университета»: 1) «Объ основныхъ постановленіяхъ ислама», 1848; 2) «Исто-

рія Сербедаровъ, изъ V тома исторіи Мирхонда», переводъ, 1860; 3) «Очерки арабской рѣчи и арабской письменности», 1862; 4) «Исторія восточнаго халифата, Фахри»; приложеніе къ 1862 и 1863 гг.; переводъ съ арабскаго съ дополненіями и примѣчаніями. Трудъ этотъ свидѣтельствуетъ о хорошемъ знаніи переводчика арабскаго языка и литературы. 5) «Шейхъ Мослехъ-уддинъ Саади Ширазскій и его значеніе въ исторіи персидской литературы», 1865 (диссертація на степень магистра, защищенная Холмогоровымъ въ 1865 г. въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

Отчеты Казанскаго и Одесскаго унив. и Лазаревскаго института. — «Историч. Вѣсти» 1892 г., 1 (некрологъ).

Н. Веселовскій.

Холмогоровъ, *Михаилъ Семеновичъ*, ординарный профессоръ Казанской духовной академіи, род. въ 1805 г., ум. 1 января 1853 г. Сынъ причетника села Ведерницъ Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи, Х. въ 1828 г., по окончаніи курса Виѳанской духовной семинаріи, поступилъ для высшаго образованія въ Московскую духовную академію, изъ которой выпущенъ былъ въ 1832 г. со степенью магистра богословія; въ томъ же году онъ былъ назначенъ преподавателемъ гражданской исторіи и греческаго языка въ Нижегородской духовной семинаріи, гдѣ состоялъ и помощникомъ инспектора. Но не долго пробылъ Х. въ Нижнемъ Новгородѣ: уже въ 1833 г. онъ былъ перемѣщенъ въ Московскую духовную семинарію, въ которой, кромѣ того, въ томъ же году былъ назначенъ библіотекаремъ, а съ іюня 1838 года—вторымъ помощникомъ инспектора. Въ 1840 г., вслѣдствіе произведенной тогда оберъ-прокуроромъ Св. Синода графомъ Н. А. Пратасовымъ духовно-учебной реформы, Холмогорову пришлось въ семинаріи преподавать такіе, трудно совмѣстимые въ лицѣ одного учителя, предметы, какъ патристика, сельское хозяйство, гомилетика, греческій и нѣмецкій языки, и только въ слѣдующемъ году, когда немного поразобрались въ такомъ смѣшеніи многихъ и разнородныхъ предметовъ, за Холмогоровымъ осталось лишь преподаваніе логики, психологіи и патристики. Въ 1842 г. предположено было открыть Казанскую духовную академію съ ея округомъ, бывшимъ до тѣхъ поръ въ вѣдѣніи Московской духовной академіи, и потому заблаговременно набирался личный составъ ученой корпораціи для новой академіи. Какъ одинъ изъ лучшихъ магистровъ своего курса, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и въ бытность преподавателемъ семинаріи, Х. 9 октября 1842 г. былъ опредѣленъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ словесности въ Казанскую духовную академію, при чемъ на него возложено было также преподаваніе латинскаго языка и завѣдываніе академическою библіотекою. Не будучи достаточно подготовленъ къ новому предмету, Х. не могъ ничего сдѣлать для своей каѳедры въ короткій срокъ пребыванія на ней. Кромѣ того, частію вслѣдствіе неблагопріятныхъ его здоровью климатическихъ условій, частію въ виду житейскихъ неудобствъ въ новой средѣ и чуждомъ городѣ, особенно послѣ бывшаго въ немъ пожара, Холмогорова тянуло въ родную Можайскую губернію, а потому онъ занимался своимъ дѣломъ спустя рукава, читалъ лекціи по чужимъ запискамъ, составленнымъ по Блеру и Бутервеку, и часто опускалъ лекціи, а въ февралѣ 1844 г. подалъ прошеніе оберъ-прокурору Св. Синода о перемѣщеніи его, по болѣзни, если не въ Московскую академію, то въ одну изъ семинарій Московской епархіи. Согласно этому прошенію, Х. 27 сентября того же года былъ перемѣщенъ на должность наставника Виѳанской духовной семинаріи по предметамъ риторики, латинскаго языка и священнаго писанія, съ сохраненіемъ званія профессора. Но и здѣсь прослужилъ онъ только одинъ учебный годъ и въ 1845 г. былъ по болѣзненному состоянію уволенъ отъ училищной службы и съ тѣхъ поръ до самой смерти проживалъ въ Сергіевомъ Посадѣ, Московской губерніи, и въ Троице-Сергіевой лаврѣ, не имѣя опредѣленныхъ занятій, а въ маѣ 1851 г. подалъ прошеніе въ Учрежденный соборъ Троице-Сергіевой лавры о принятіи его въ число братства сей лавры, но въ монашество не былъ постриженъ. Обладая умомъ сильнымъ, систематически развитымъ, и весьма обширными и разнородными познаніями, особенно въ древнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ языкахъ, Х. могъ бы много сдѣлать для науки, еслибъ ему довелось болѣе продолжительное время со-

средоточиться на какомъ либо одномъ предметѣ. Но этого ему не удалось достигнуть. Препятствовала тому, между прочимъ, и слабость здоровья. Митрополитъ московскій Филаретъ высоко цѣнилъ его способности и труды и выразилъ сожалѣніе по поводу его преждевременной кончины. Даже по выходѣ въ отставку, не имѣя средствъ къ жизни и ища занятій, Х. ограничивался лишь случайными и неважными, почти исключительно переводными работами. Такъ, онъ переводилъ нѣкоторыя части твореній св. отцевъ съ греческаго для журнала: «Творенія св. отцевъ въ русскомъ переводѣ», издававшіяся при Московской духовной академіи. Въ 1846 году онъ перевелъ съ греческаго «Службу Успенію Пресвятыя Богородицы», вышедшую въ печати лишь въ 1872 г. подъ другимъ заглавіемъ. Переводъ этотъ сдѣланъ былъ, съ согласія митроп. Филарета, по порученію намѣстника Троице-Сергіевой лавры архимандрита Антонія для открытаго близъ лавры въ 1844 г. Геѳсиманскаго скита. На оборотѣ заглавнаго листа этого изданія такъ и помѣчено: «Преложено съ греческаго въ 1846 году профессоромъ Холмогоровымъ и исправлено святителемъ Филаретомъ, митрополитомъ Московскимъ». Такъ какъ переводъ былъ предназначенъ для богослужебнаго употребленія, то «Служба» переведена на славянскій языкъ. Исправленія митрополита Филарета можно видѣть въ его «Письмахъ къ намѣстнику лавры архимандриту Антонію», ч. II, стран. 268, 272—275, М. 1878. Переводилъ Х. также и съ латинскаго языка нѣкоторыя части изъ твореній блаженнаго Августина и преподобнаго Кассіана Римлянина.

Дѣла архива конференціи Московской духовной академіи за 1832 г., № 102, и Учрежденнаго собора Троице-Сергіевой лавры за 1851 г., № 14 (аттестатъ объ окончаніи Холмогоровымъ училищной службы, дѣло о принятіи его въ число братства лавры, о переводныхъ трудахъ и о кончинѣ его).—С. К. Смирновъ: «Исторія Московской духовной академіи», стр. 460, М. 1879.—Н. И. Кедровъ: «Московская духовная семинарія. 1814—1889», стр. 16, М. 1889. — П. В. Знаменскій: «Исторія Казанской духовной академіи за первый (дореформенный) періодъ ея существованія (1842—1870), вып. II, стр. 51 — 53, Казань, 1892 (здѣсь помѣщены наиболѣе пространныя свѣдѣнія о Холмогоровѣ).—«Письма митроп. Московскаго Филарета къ намѣстнику Свято-Троицкія Сергіевы Лавры архимандриту Антонію», ч. II, 268, 273 и дал., ч. III, 186, М. 1877, 1883.—«Письма» того же митрополита къ архіепископу Алексію, стр. 79, 80, М. 1883. — «Прибавленія къ Твореніямъ Св. Отцевъ» за 1884 г., ч. XXXIV, стр. 315, 326, 327, М. 1884. — Н. П. Гиляровъ-Платоновъ: «Изъ пережитаго», ч. II, 40—42, М. 1886.

Ив. Корсунскій.

Холмскій, князь, *Василій Даниловичъ*, боярин и воевода Московскій, зять великаго князя Іоанна III и сынъ извѣстнаго кн. Данила Дмитріевича Холмскаго (см. ниже), род. въ Москвѣ въ шестидесятыхъ годахъ XV в., ум. въ заточеніи въ Бѣлоозерѣ осенью 1524 г. Первоначально числился въ спискѣ московскихъ дворянъ. Въ Новгородскихъ походахъ 1492 и 1495 гг. состоялъ первымъ воеводою Большого полка и, отличаясь храбростью, былъ замѣченъ великимъ княземъ Московскимъ, который приблизилъ его къ себѣ и, какъ потомка Тверскихъ удѣльныхъ князей, женилъ въ февралѣ 1500 г. на второй своей дочери Ѳеодосіи Іоанновнѣ (ум. 19 февр. 1501 г.), пожаловавъ его по этому случаю въ бояре. Въ 1502 г. кн. Х. вмѣстѣ съ государевымъ сыномъ, великимъ княземъ Дмитріемъ Іоанновичемъ, воевалъ Смоленскую область, опустошилъ окрестности Смоленска и послѣ сильнаго пораженія, нанесеннаго литовцамъ, возвратился въ Москву съ большимъ полономъ. Съ 1505 по 1506 г., находясь во главѣ Большого полка, охранялъ сперва Муромъ, затѣмъ Нижній, а послѣ жестокаго пораженія, нанесеннаго государевымъ войскамъ татарами подъ Казанью въ 1507 г., былъ отправленъ туда съ большой ратью и смирилъ казанцевъ. Въ сентябрѣ того же года кн. Х. съ многочисленнымъ войскомъ выступилъ противъ литовцевъ и разбилъ ихъ у Мстиславля, Полоцка и въ другихъ мѣстахъ. Въ 1509 г., во время вторичнаго нашествія литовцевъ, разбившихъ на голову московскіе отряды, кн. Х. двинулся изъ Можайска, гдѣ онъ стоялъ лагеремъ, на помощь Вязьмѣ, а оттуда, разбивъ литовцевъ, къ Дорогобужу, занятому храбрымъ Станиславомъ Кишкою; разбитый на голову, Кишка спасся бѣгствомъ въ Смоленскъ, а кн. Х., преслѣдуя его, занялъ Дорогобужъ и Стародубъ и двинулся къ Брянску, но оклеветанный предъ Іоанномъ, былъ вызванъ въ Москву и въ томъ же 1509 г. сосланъ въ Бѣлоозеро, гдѣ 15 лѣтъ спустя умеръ въ темницѣ.

«Сокращенное описаніе службъ благородн. Росс. дворянъ», ч. II, степень 18, стран. 193, № 3860.—Петровъ: «Ист. родовъ Русск. дворянства», 1885, стр. 134. — «Русск. Ист. Сборникъ» т. II, кн. 2., стр. 24, 27, 56.—Соловьевъ: «Ист. Россіи съ древн. временъ» (изд. «Общ. Пользы»), кн. I, стр. 1509, 1512, 1581 и 1669—1670. *Л. В.*

Холмскій, князь, *Даніилъ Дмитріевичъ*, боярин, воевода Московскій, извѣстный полководецъ въ княженіе Іоанна III, ум. въ 1493 г. Впервые кн. Х. сдѣлался извѣстнымъ въ исторіи блестящею побѣдою надъ татарами, подступившими въ 1468 г. къ Мурому, гдѣ онъ годовалъ первымъ воеводою. Сдѣлавъ изъ города смѣлую вылазку, онъ нанесъ имъ сильное пораженіе, такъ что немногіе изъ ордынцевъ, побросавъ лошадей и оружіе, спаслись въ ближайшихъ лѣсахъ. Годъ спустя кн. Х., во главѣ великокняжеской рати, подступилъ къ Казани, смѣлымъ ударомъ уничтожилъ татарскія полчища и принудилъ казанскаго царя подписать мирный договоръ, въ силу котораго онъ обязался удерживать своихъ подданныхъ отъ набѣговъ на русскія земли и долженъ былъ возвратить всѣхъ русскихъ плѣнниковъ, взятыхъ татарами въ теченіе 40 лѣтъ. Когда въ 1471 г. вспыхнулъ мятежъ въ Новгородѣ, Іоаннъ, отправляясь въ походъ, назначилъ главнокомандующимъ передового отряда кн. Холмскаго, который не медля вступилъ въ Новгородскую землю и страшно опустошилъ ее. Узнавъ, что магистръ Ливонскаго ордена отправляетъ рать на помощь новгородцамъ, кн. Х., чтобы не допустить соединенія обѣихъ ратей, поспѣшилъ къ Русѣ и 23 іюня, взявъ этотъ важный въ стратегическомъ отношеніи городъ, сжегъ его до тла, прежде чѣмъ подоспѣлъ къ нему на помощь спѣшившій на судахъ по озеру Ильменю новгородскій отрядъ, который затѣмъ былъ настигнутъ на берегу Ильменя у Коростыни и разбитъ на-голову. Отсюда кн. Х. двинулъ свои войска навстрѣчу новгородцамъ, намѣревавшимся зайти московской рати въ тылъ и ударить на нее врасплохъ; на р. Полѣ произошло кровопролитное сраженіе, окончившееся также полнымъ пораженіемъ новгородскаго отряда. Между тѣмъ новгородцы, считая себя безопасными со стороны кн. Холмскаго, отвлеченнаго къ р. Полѣ, двинули 40-тысячное войско противъ псковичей, союзниковъ Іоанна III. Войско это выступило противъ Пскова подъ начальствомъ степеннаго посадника Дм. Борецкаго и шло по лѣвому берегу Шелони. Узнавъ о планѣ новгородцевъ, кн. Х. поспѣшно двинулся имъ навстрѣчу и 14 іюля завидѣлъ новгородскіе полки. Не смотря на огромную разницу въ численности войскъ (по Соловьеву, московская рать едва насчитывала 4.000 чел., тогда какъ новгородцевъ было до 40.000), кн. Х. рѣшился вступить въ бой; его ратники переправились черезъ р. Шелонь и ударили на новгородцевъ, которые потерпѣли страшное пораженіе: они не выдержали дружнаго натиска москвичей и побѣжали въ величайшемъ безпорядкѣ, потерявъ 1.700 плѣнными и до 12 000 убитыми; въ числѣ плѣнныхъ находился и посадникъ Борецкій. Князь Х. преслѣдовалъ новгородцевъ до Нарвы, опустошая новгородскія земли до нѣмецкихъ предѣловъ. Въ 1472 г., послѣ ужаснаго набѣга ордынцевъ на украинные города, кн. Х. былъ поспѣшно отправленъ на Оку для охраны границъ, а годъ спустя выступилъ въ походъ во главѣ многочисленнаго войска на помощь Пскову. Въ этомъ походѣ кн. Х. помимо выдающихся способностей военачальника обнаружилъ и недюжинный умъ администратора: онъ зорко слѣдилъ за движеніями ливонскихъ рыцарей, но въ то же время не оставлялъ безъ вниманія и внутреннія дѣла Пскова; твердою рукою удерживая свою рать отъ грабежа, составилъ роспись повинностей псковитянъ по отношенію къ его войску и принудилъ Ливонскаго магистра и Дерптскаго епископа возобновить миръ со псковитянами, перваго на 25, а второго на 30 лѣтъ; въ силу этого договора оба они обязались предъ Москвою не вступать въ Псковскія земли, давать вездѣ свободный путь русскимъ торговымъ людямъ и не пропускать изъ Ливоніи въ Россію ни меда, ни пива. Это была блестящая безкровная побѣда, доставившая кн. Холмскому званіе боярина отъ Іоанна III и 200 руб. отъ признательныхъ псковитянъ. Вскорѣ однако кн. Х. былъ оклеветанъ предъ великимъ княземъ, будто бы намѣревался съ семействомъ отъѣхать къ иноземцамъ; онъ подвергся опалѣ и, заключенный въ темницу, вѣроятно лишился бы жизни, если бы не заступились за него духовенство и вліятельные друзья. Онъ былъ освобожденъ лишь послѣ того, какъ самъ торжественно поклялся въ вѣр-

ности Іоанну III, а восемь вельможъ выдали по немъ поручныя записи и внесли залогъ въ 2.000 руб. на случай измѣны и отъѣзда кн. Холмскаго за границу. Въ новгородскомъ походѣ 1477 г. Шелонскій герой, предводительствуя передовою дружиною, по льду прошелъ озеро Ильмень и въ одну ночь окружилъ и обложилъ Новгородъ, который вскорѣ сдался Іоанну III. Послѣднимъ подвигомъ въ жизни Х-го былъ Казанскій походъ 1487 года. Казанскій царь Ибрагимъ оставилъ двухъ сыновей: Алегама (Алп-ханъ) и—Магметъ-Амина. Алегамъ съ помощью ногайцевъ одолѣлъ брата и сѣлъ на престолъ; тогда Магметъ-Аминь обратился за помощью къ Іоанну III; великому князю было выгодно посадить на Казанскій престолъ своего ставленника, а потому онъ послалъ на Казань многочисленное войско подъ главнымъ начальствомъ кн. Холмскаго; 18 мая 1487 г. пала столица Казанскаго царства. Алегамъ съ женою и князьями былъ отправленъ военноплѣннымъ вмѣстѣ съ многочисленными трофеями въ Москву, а Магметъ-Аминь возведенъ на престолъ.

«Сокращ. описс. служ. благородн. Росс. дворянъ», ч. II, степень 17, № 3354, стр. 192. — Соловьевъ: «Ист. Россіи съ др. временъ» (изд. «Общ. Пользы»), кн. I, стр. 1361—1363, 1413—1419, 1427—1428, 1483, 1514—1515.—Бантышъ-Каменскій: «Словарь достоп. людей русской земли», ч. 5. — Карамзинъ: «Ист. Госуд. Росс.», т. VI, стр. 81.—Н. Отто и Н. Куприяновъ: «Біогр. очерки лицъ, изображенныхъ на памятникѣ тысячелѣтія Россіи», 1862, стр. 184.—«Военный энциклоп. лексиконъ», изд. 2, т. XIII, стр. 496. — «Русск. ист. сборникъ», т. II, кн. 2, стр. 215. *Л. В.*

Холостовъ, *Порфирій Ефимовичъ*, горный инженеръ, род. въ 1841 г., ум. 21 октября 1884 г. Образованіе получилъ въ Институтѣ корпуса горныхъ инженеровъ, откуда выпущенъ въ іюнѣ 1859 г. съ чиномъ горнаго инженеръ-поручика и поступилъ въ распоряженіе главнаго начальника Уральскихъ горныхъ заводовъ; въ 1860 г. командированъ для практическихъ занятій въ Гороблагодатскіе заводы, гдѣ вскорѣ назначенъ, сначала смотрителемъ, а потомъ и управителемъ Верхне-Туринскаго чугуноплавильнаго и чугунолитейнаго завода. На Уралѣ Х. оставался до 1872 г., въ началѣ котораго переведенъ на Олонецкіе казенные горные заводы въ качествѣ горнаго начальника этого округа. Въ концѣ 1875 г. онъ оставилъ коронную службу и перешелъ къ частной дѣятельности, принявъ на себя управленіе горными заводами князя Голицына въ Пермской губерніи, а въ 1878 г., за продажею этихъ заводовъ Французской компаніи, поступилъ для техническихъ занятій на рельсовый заводъ Путиловскаго общества, гдѣ оставался до начала 1880 г., когда снова перешелъ на казенную службу чиновникомъ особыхъ порученій по Горному департаменту, при чемъ на него было возложено распоряженіе горнозаводскимъ отдѣломъ предстоявшей въ 1882 году всероссійской промышленно-художественной выставки въ Москвѣ. Закончить это порученіе ему не пришлось, такъ какъ онъ вслѣдствіе постигшей его тяжкой болѣзни долженъ былъ оставить службу въ самомъ началѣ 1882 г. Во время нахожденія своего на службѣ Х. получалъ многократныя командировки, которыя дали ему возможность не только изучить Уральскіе казенные и частные горные заводы, но и основательно ознакомиться почти со всѣми мѣстностями Европейской Россіи, гдѣ развито горнозаводское дѣло. Неоднократно также посылался онъ за границу; такъ, въ 1865 г. онъ отправился въ западную Европу для обозрѣнія нѣкоторыхъ важнѣйшихъ горныхъ заводовъ и въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки, гдѣ ему было поручено преимущественно изучить выплавку чугуна изъ рудъ, а также механическія изслѣдованія свойствъ чугуна и отливку изъ него большекалиберныхъ артиллерійскихъ орудій въ формахъ со внутреннимъ охлажденіемъ водою и нагрѣваніемъ наружной поверхности. Въ 1867 г. онъ былъ командированъ для осмотра заводовъ Рейнской Пруссіи и въ Парижъ для ознакомленія съ успѣхами горнозаводскаго производства на второй всемірной выставкѣ. Въ 1873 г. Холостову было поручено устройство горнозаводскаго отдѣла на Вѣнской всемірной выставкѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ назначенъ и экспертомъ по горнозаводской части выставки. За труды по выставкѣ императоръ Австрійскій пожаловалъ Холостову командорскій крестъ ордена Франца-Іосифа. По своему знанію положенія горнозаводскаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и за границею и техническимъ познаніямъ Х. былъ однимъ изъ выдающихся рус-

скихъ горныхъ инженеровъ. Знанія свои онъ доказалъ и на практикѣ. Такъ въ Верхне-Туринскомъ заводѣ имъ была превосходно поставлена доменная плавка, усовершенствованы способы отливки большекалиберныхъ чугунныхъ артиллерійскихъ снарядовъ и мн. др. Въ Олонецкомъ округѣ подъ его руководствомъ капитально перестроена пушечно-литейная фабрика, улучшена сортировка чугуна по выпускамъ изъ доменныхъ печей для отливки артиллерійскихъ орудій, усовершенствованы механическія испытанія чугуна, введена нарѣзка капаловъ орудій и придѣлка къ казенной части ихъ стального запирающаго механизма, отливка большекалиберныхъ, цилиндроовальныхъ снарядовъ и пр. Описанія изученныхъ имъ производствъ и осмотрѣнныхъ заводовъ въ Германіи, Сѣверной Америкѣ, Франціи и Швеціи напечатаны въ числѣ многихъ статей Холостова въ «Горномъ Журналѣ» 1866, 1867 и 1873 гг. Имъ же составлены: «Краткій очеркъ горнозаводскаго дѣла въ Олонецкомъ краѣ... съ 1774 по 1874 г.» и описаніе празднованія столѣтняго юбилея Александровскаго пушечно-литейнаго завода въ г. Петрозаводскѣ («Олонецкія губ. вѣд.» 1874 г., № 54 и «Горный журналъ» 1874 г., № 8). Наконецъ, нельзя не упомянуть и о свѣтлой личности Холостова въ частной жизни. Помимо своихъ служебныхъ заслугъ онъ пользовался глубокимъ уваженіемъ и любовью всѣхъ знавшихъ его лицъ, какъ высокочестный, развитой, доброжелательный человѣкъ и образцовый семьянинъ.

Формулярный спис., хранящійся въ архивѣ Горнаго департамента.

С. К.

Хомутова, *Анна Григорьевна*, дочь сенатора Григорія Аполлоновича Хомутова (см. ниже), род. въ Москвѣ въ 1784 г., ум. въ Петербургѣ въ 1856 г.; она получила въ домѣ родителей отличное воспитаніе, въ совершенствѣ владѣла французскимъ языкомъ и, по обычаю того времени, въ бесѣдахъ всегда пользовалась имъ; еще въ молодости она пристрастилась къ литературѣ, за развитіемъ которой съ увлеченіемъ слѣдила въ продолженіе всей своей жизни. При свѣтломъ природномъ умѣ она обладала замѣчательною памятью и способностью легко и изящно выражать свои мысли: она отлично помнила все, что когда либо читала, могла продекламировать наизусть цѣлыя поэмы и запоминала цѣликомъ длинные разговоры; ей не стоило никакого труда во всякое время сочинить комедію, стихи, куплеты на любой сюжетъ и случай. Она большую часть времени занималась писаніемъ, записывала все, что видѣла и слышала и излагала въ видѣ разсказовъ и повѣстей происшествія, случавшіяся въ большомъ свѣтѣ. И въ Москвѣ, въ родительскомъ домѣ, гдѣ постоянно собиралось лучшее московское общество, и въ Петербургѣ, куда Х. пріѣзжала гостить, она часто имѣла случаи встрѣчаться съ представителями литературы и была близко знакома съ Нелединскимъ-Мелецкимъ, княземъ Вяземскимъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ. Поэтъ Козловъ, двоюродный братъ Хомутовой, къ которому она съ юности питала искреннюю привязанность, посвятилъ ей стихотвореніе «Къ другу весны моей послѣ долгой, долгой разлуки», а Лермонтовъ—стихи «Слѣпецъ, страданьемъ вдохновенный»... Въ сороковыхъ годахъ Х. жила въ Ярославлѣ у старшаго брата, С. Г. Хомутова, занимаясь воспитаніемъ его дѣтей, а послѣ смерти брата поселилась въ Петербургѣ, гдѣ и умерла на 72 году жизни. Х. написала нѣсколько повѣстей и стихотвореній и вела записки, представляющія нѣкоторый интересъ описаніемъ эпохи Отечественной войны и жизни высшаго общества того времени. Отрывки изъ ея записокъ были напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1867 г.

«Русск. Арх.» 1867 г., № 7 (краткій біографич. очеркъ Хомутовой, написанный Екатериной Розе).— Д. Мордовцевъ: «Русск. женщины новаго времени», часть 3, «Женщины XIX в.», СПб. 1874. — Кн. Голицынъ: «Русск. женщины-писательницы».

Хомутовъ, *Григорій Аполлоновичъ*, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ, род. 21 іюня 1750 г., ум. въ своемъ родовомъ имѣніи Литарево Ярославской губерніи, Романовскаго уѣзда, 19 ноября 1836 г. Предки Хомутова, производя начало своего рода отъ графовъ Гамильтоновъ, выходцевъ изъ Шотландіи, съ давнишнихъ временъ числились въ дворянствѣ и уже въ 1627 г. владѣли жалованными помѣстьями. 20-ти лѣтъ отъ роду Х. въ 1770 г. былъ опредѣленъ на службу солдатомъ л.-гв. въ

Семеновскій полкъ и, произведенный въ 1786 г. въ капитаны, въ слѣдующемъ году былъ уволенъ отъ военной службы съ чиномъ бригадира, для опредѣленія къ гражданскимъ дѣламъ. Въ 1792 г. онъ былъ назначенъ въ комиссаріатскій штатъ на должность оберъ-кригсъ-комиссара и, состоя въ этой должности, произведенъ въ генералъ-маіоры (1797) и генералъ-лейтенанты (1799). Въ 1800 г. Х. былъ пожалованъ почетнымъ командоромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, а за дѣятельное участіе въ сооруженіи въ Москвѣ воспитательнаго дома награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст. Высочайшимъ указомъ 5 апрѣля 1804 г. Х. былъ назначенъ къ присутствованію въ 5-мъ департаментѣ Сената, въ 1805 г. перемѣщенъ въ 6-ой департаментъ, а 19 апрѣля 1808 г., по прошенію, уволенъ отъ службы. Проживая послѣдніе годы въ Москвѣ, онъ нѣкоторое время состоялъ московскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Х. обладалъ большимъ состояніемъ и славился въ Москвѣ своимъ хлѣбосольствомъ; къ нему на обѣды и балы, отличавшіеся большою пышностью, собирались вся московская знать, литераторы и поэты и всѣ важные посѣтители древней столицы.

Формулярный списокъ.—«Русск. Архивъ» 1867 г., № 7 (въ біографіи его дочери А. Г. Хомутовой).

Р. М.

Хомутовъ, *Михаилъ Григорьевичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, первый наказный атаманъ войска Донского изъ лицъ не донского происхожденія, членъ Государственнаго совѣта, род. въ 1795 г., ум. въ Петербургѣ 14 іюля 1864 г. Х. воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ и въ 1812 г. выпущенъ корнетомъ л.-гв. въ Гусарскій полкъ, въ рядахъ котораго участвовалъ во всѣхъ главнѣйшихъ сраженіяхъ 1812 и 1813 годовъ и за военныя отличія награжденъ золотою саблею съ надписью «за храбрость». Въ 1823 г. Х. былъ произведенъ въ полковники и три года спустя назначенъ командиромъ С.-Петербургскаго уланскаго полка, съ которымъ находился въ Турецкой кампаніи 1828 и 1829 гг.; за отличія въ сраженіяхъ этой кампаніи онъ въ числѣ прочихъ наградъ былъ пожалованъ въ генералъ-маіоры, а за человѣколюбіе, выказанное по отношенію къ бѣднымъ румелійскимъ семействамъ при переселеніи ихъ въ Россію удостоенъ Высочайшаго благоволенія. Съ 1829 по 1838 г. Х. послѣдовательно состоялъ исправляющимъ должность начальника штаба 5-го пѣхотнаго корпуса, командиромъ 1-ой бригады бывшей 4-ой уланской дивизіи и, наконецъ, командиромъ одновременно л.-гв. Гусарскаго Его Величества полка и 2-ой бригады 1-ой гвардейской кавалерійской дивизіи. Въ 1839 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба войска Донского, въ 1840 г., 6 декабря, произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Неутомимо трудясь въ теченіе восьми лѣтъ на пользу ввѣреннаго его управленію войска, Х., какъ видно изъ Высочайшаго рескрипта, даннаго на его имя 3 іюля 1848 г., былъ назначенъ исправляющимъ должность наказнаго атамана войска Донского, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ утвержденъ въ этой должности. Произведенный въ 1852 г. въ генералы отъ кавалеріи, а въ 1854 г. въ генералъ-адъютанты Его Величества, Х. оставался въ занимаемой имъ должности до 1862 г., когда послѣдовало его назначеніе членомъ Государственнаго Совѣта, съ увольненіемъ отъ должности наказнаго атамана. Въ продолженіе 23 лѣтъ, проведенныхъ на Дону, Х. сдѣлалъ очень много для экономической и особенно для умственной жизни этой области: онъ исходатайствовалъ сравненіе донскихъ офицеровъ въ содержаніи съ офицерами легкой регулярной кавалеріи; значительно расширилъ курсъ преподаванія въ Новочеркасской гимназіи, уравнялъ ее въ правахъ съ губернскими гимназіями и учредилъ при ней особое отдѣленіе восточныхъ языковъ; основалъ большое число мужскихъ и женскихъ станичныхъ училищъ, въ окружной станицѣ Усть-Медвѣдицкой—гимназію, а въ Новочеркасскѣ институтъ благородныхъ дѣвицъ и областную женскую гимназію. Далѣе, онъ улучшилъ пути сообщенія въ области, соорудилъ каменную Аксайско-Ольгинскую дамбу длиною въ 8 верстъ, построилъ желѣзную дорогу отъ Грушевскихъ каменноугольныхъ копей до Аксайской пристани на р. Дону, соорудилъ нѣсколько церквей и много содѣйствовалъ благоустройству Новочеркасска, гдѣ по его почину были построены дворецъ и нѣсколько прекрасныхъ общественныхъ зданій, разведенъ большой городской садъ и устроенъ во-

допроводъ; при этомъ всѣ почти сооруженія произведены были на войсковой капиталъ, накопившійся благодаря благоразумному и честному управленію Хомутова.

«Русск. Стар.» 1879 г., стр. 444, 1880 г., стр. 343.—«Русск. Инвал.» 1864 г., № 157.—«Сборникъ Русск. Истор. общ.», тт. 48 и 51.—«Моск. Вѣд.» 1864 г., № 154.—«Извѣст. Кавказск. Отдѣла Имп. Русск. Географ. Общ.», т. III, 1874, № 1.—«Сѣверная Почта» 1864 г., № 162.—«Портретн. галлер. русск. дѣят.», изд. Мюнстера, т. I, стр. 75.—«Военн. Сборн.» 1864 г., № 7. *Л. В.*

Хомяковъ, *Алексѣй Степановичъ*, сынъ Степана Александровича Хомякова и Маріи Алексѣевны, рожденной Кирѣевской, род. 1 мая 1804 г. въ Москвѣ, ум. 23 сентября 1860 г. въ селѣ Ивановскомъ Донковскаго уѣзда, Рязанской губерніи. И по отцу, и по матери Х. принадлежалъ къ старинному русскому дворянству. Дѣтство, проведенное большею частью въ деревнѣ и давшее возможность близко приглядѣться къ крестьянскому быту, а, съ другой стороны, вліяніе просвѣщенныхъ родителей, особенно матери, женщины умной, энергичной и твердыхъ убѣжденій, притомъ весьма религіозной и любившей, по словамъ сына, Россію болѣе, чѣмъ своихъ близкихъ, — наложили отпечатокъ на все дальнѣйшее развитіе Хомякова. Изъ впечатлѣній дѣтства наиболѣе сильное произведено было на 8-лѣтняго мальчика переѣздомъ, во время нашествія Наполеона, въ рязанское имѣніе Круглое; здѣсь мать Хомякова дала обѣтъ въ память благополучнаго избавленія отъ врага построить церковь; обѣтъ этотъ былъ впослѣдствіи исполненъ сыномъ. Родители Хомякова постарались дать дѣтямъ тщательное домашнее образованіе; особенное вниманіе обращено было на языки: Х. въ дѣтствѣ изучилъ французскій, нѣмецкій, англійскій и латинскій языки. Аббатъ Буавенъ, обучавшій его послѣднему, впервые, кажется, натолкнулъ мысль Хомякова на вопросъ о вѣроисповѣдныхъ различіяхъ, можетъ быть, тѣмъ болѣе, что въ домѣ Хомяковыхъ жизнь шла въ чисто православномъ духѣ, со строгимъ соблюденіемъ обрядовъ. Интересъ къ славянству пробужденъ былъ еще въ дѣтствѣ у Хомякова, по его словамъ, разсказами о подвигахъ Карагеоргія. Въ 1815 и слѣдующихъ годахъ семья Хомяковыхъ жила въ Петербургѣ, гдѣ для преподаванія сыновьямъ русской словесности приглашенъ былъ другъ Грибоѣдова А. А. Жандръ, благодаря которому взгляды «Чацкаго» стали извѣстны, а, можетъ быть, и передались Хомякову. Затѣмъ три зимы проведены были въ Москвѣ, гдѣ молодые Хомяковы оканчивали свое образованіе вмѣстѣ съ братьями Веневитиновыми подъ руководствомъ А. Г. Глаголева. Веневитиновъ, несомнѣнно, оказалъ на Хомякова такое же вліяніе, какъ на всѣхъ, приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе, хотя кружокъ Веневитинова не успѣлъ еще сформироваться въ то время, когда Х. обучался въ Москвѣ и готовился къ сданному имъ вскорѣ затѣмъ экзамену на кандидата математическихъ наукъ. Университетскія занятія Веневитинова начались лишь въ 1822 г., а Х. въ этомъ году находился уже на службѣ въ Петербургѣ въ кираспрскомъ полку (подъ начальствомъ Д. Е. Остенъ-Сакена). Ко времени ученія въ Москвѣ относятся первые стихотворные опыты Хомякова и переводъ «Германіи Тацита», напечатанный въ «Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности». Родители отправили Хомякова въ полкъ, по разсказу П. Бартенева, чтобы дать безопасный выходъ его жаждѣ военныхъ подвиговъ: 17-ти лѣтъ, подъ вліяніемъ гувернера Арбе, онъ собрался было бѣжать изъ Москвы, чтобы помочь возставшимъ грекамъ; его съ трудомъ тогда вернули. Въ 1823 г. Х. перечислился въ конную гвардію. Въ это же время, въ одинъ изъ частыхъ своихъ пріѣздовъ въ Москву, Х. въ домѣ Веневитиновыхъ познакомился съ А. И. Кошелевымъ; послѣдній потомъ писалъ, что уже въ 1823 г. въ общемъ у Хомякова основныя убѣжденія были тѣ же, что и въ 1860 г. Въ началѣ 1825 г. Х. временно оставилъ службу и отправился за границу; во время событія 14 декабря онъ находился въ Парижѣ, гдѣ занимался живописью, потомъ былъ въ Швейцаріи и Сѣверной Италіи, откуда черезъ земли западныхъ славянъ вернулся въ Россію; позже онъ вспоминалъ, что «былъ въ славянскихъ земляхъ принятъ, какъ любимый родственникъ, посѣщающій свою семью». Во время заграничнаго путешествія въ журналахъ стали появляться мелкія стихотворенія Хомякова; въ это же время имъ окончена лирическая драма «Ермакъ», поставленная на сцену въ 1829 г., а напечатанная лишь въ 1832 г. Она вызвала противорѣчивыя сужденія;

впрочемъ, Пушкинъ, находилъ въ ней «очаровательную прелесть поэзіи». По возвращеніи Х. жилъ то въ деревнѣ, то въ Москвѣ или въ Петербургѣ. Онъ занимался переводомъ Шиллера и сотрудничалъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ», органѣ кружка Веневитинова. Во время споровъ въ этомъ кружкѣ Х. отстаивалъ строгое православіе отъ нападковъ шеллингистовъ. Война съ Турціей снова вызвала въ немъ жажду военной дѣятельности: онъ поступилъ въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ и въ началѣ мая былъ уже на Дунаѣ, состоя адъютантомъ при генералѣ кн. Мадатовѣ. За участіе въ дѣлѣ 30 мая онъ былъ представленъ къ Владиміру, однако получилъ лишь св. Анну съ бантомъ. Нѣсколько стихотвореній относятся ко времени пребыванія Хомякова на войнѣ; лучшее изъ нихъ по законченности и силѣ «Прощаніе съ Адріанополемъ» (7 окт. 1829). Приверженность къ славянской идеѣ сильно окрѣпла въ Хомяковѣ во время похода: «проѣзжая по мѣстамъ, вспоминалъ онъ потомъ, куда еще не доходило русское войско, я былъ привѣтствуемъ болгарами, не только какъ вѣстникъ лучшаго будущаго, но какъ другъ и братъ». По заключеніи мира Х. въ чинѣ штабъ-ротмистра вышелъ въ отставку и съ тѣхъ поръ уже не служилъ. Въ это время Х. становится уже однимъ изъ центровъ салона Е. П. Елагиной, гдѣ велъ нескончаемые споры съ шеллингистами и гегельянцами. Литературная дѣятельность его ограничивалась почти одними лирическими стихотвореніями, которыя печатались въ «Европеецѣ», «Библіотекѣ для чтенія» и др. журналахъ; при участіи Погодина онъ въ это время написалъ, а въ 1833 г. напечаталъ новую драму «Димитрій Самозванецъ», отличающуюся тѣмъ же избыткомъ лиризма, какъ и «Ермакъ». Отношеніе Хомякова къ польской войнѣ 1831 г. отразилось въ его «Одѣ», гдѣ онъ призываетъ проклятія на того, «чей гласъ противъ славянъ славянскимъ братьямъ мечи вручалъ въ преступный часъ»; онъ проклинаетъ здѣсь «сраженья, одноплеменниковъ раздоръ и перешедшей въ поколѣнья вражды безсмысленной позоръ». Порабощеннымъ славянамъ посвящено другое его стихотвореніе — «Орелъ» (1832), гдѣ онъ призываетъ помощь «орла полунощныхъ славянъ» младшимъ братьямъ, томящимся «въ сѣтяхъ тевтоновъ вѣроломныхъ, въ стальныхъ татарина цѣпяхъ». Въ «Мечтѣ» (1834) онъ говоритъ о «смерти Запада» и приглашаетъ дремлющій востокъ услышать «гласъ судьбы» и воспрянуть «въ сіяніи новомъ». Такимъ образомъ въ стихотвореніяхъ постепенно высказывались всѣ тѣ мысли, которыя потомъ были развиты въ прозаическихъ произведеніяхъ Хомякова. Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ Х. познакомился съ сестрою Н. М. Языкова, Екатериною Михайловною (род. въ 1818 г.), съ которою 5 іюля 1836 г. вступилъ въ бракъ. Екатерина Михайловна, женщина умная и образованная, но очень скромная и застѣнчивая, всецѣло отдалась семьѣ; она была послушной невѣсткой своей энергичной свекрови, жила лишь интересами мужа и весь свой досугъ удѣляла воспитанію и первоначальному обученію дѣтей, которыхъ у Хомяковыхъ, послѣ смерти первыхъ двухъ сыновей въ 1838 г., было семеро: пять дочерей и два сына. Въ письмахъ своихъ и въ нѣкоторыхъ изъ стихотвореній Х. говоритъ о томъ полномъ счастіи, которое доставила ему семья; памяти первыхъ, рано умершихъ дѣтей посвящено одно изъ лучшихъ стихотвореній его: «Бывало, въ глубокій полуночный часъ...». Проживали Хомяковы часть года въ деревняхъ, часть въ Москвѣ. Съ конца 30-хъ годовъ начинается и усиленная дѣятельность Хомякова, какъ проповѣдника сложившихся въ немъ, и до сихъ поръ имъ лишь въ стихотвореніяхъ высказывавшихся взглядовъ. Москва въ это время была средоточіемъ лучшихъ умственныхъ силъ Россіи. Х., всегдашній гость на оживленныхъ собраніяхъ у Е. П. Елагиной, братьевъ Кирѣевскихъ, Свербеевыхъ, часто встрѣчался съ Чаадаевымъ, съ главами зарождавшейся западнической школы: Герценомъ, Огаревымъ, Грановскимъ, видѣлся съ Н. М. Языковымъ, братьями Аксаковыми, позже и съ отцомъ ихъ, вліялъ своими бесѣдами на А. И. Кошелева, Ю. Ѳ. Самарина, К. А. Коссовича, Ѳ. В. Чижова, А. Н. Попова, былъ хорошо знакомъ съ Шевыревымъ и Погодинымъ. Въ домѣ Хомякова жилъ въ это время племянникъ его жены Д. А. Валуевъ, не смотря на свою молодость, занявшій видное мѣсто въ кружкѣ Хомякова, Кирѣевскихъ и Аксаковыхъ. Въ біографіяхъ всѣхъ перечисленныхъ лицъ мы встрѣчаемъ указанія

на роль, которую въ московскихъ «литературныхъ салонахъ» игралъ Х., въ нескончаемыхъ спорахъ со «своими» и «чужими» развившій замѣчательный даръ діалектики. Герценъ такъ отзывался о Хомяковѣ, какъ спорщикѣ: «Х. былъ дѣйствительно опасный противникъ; закалившійся старый бретёръ діалектики, онъ пользовался малѣйшимъ разсѣяніемъ, малѣйшей уступкой. Необыкновенно даровитый человѣкъ, обладавшій страшной эрудиціей, онъ, какъ средневѣковый рыцарь, карауливший Богородицу, спалъ вооруженный. Во всякое время дня и ночи онъ былъ готовъ на запутаннѣйшій споръ и употреблялъ для торжества своего славянскаго воззрѣнія все на свѣтѣ— отъ казуистики византійскихъ богослововъ до тонкостей изворотливаго легиста. Возраженія его, часто мнимыя, всегда ослѣпляли и сбивали съ толку». Остроты и анекдоты Хомякова, его умѣніе выпутывать противника, отстаиваніе имъ точекъ зрѣнія, иногда казавшихся взаимнопротиворѣчащими, заставили тогда Герцена назвать его «бездушнымъ» и «суетнымъ», но лица, ближе его знавшія, отзывались иначе о діалектическихъ упражненіяхъ Хомякова. Ю. Ѳ. Самаринъ говорилъ впослѣдствіи, что для людей, сохранившихъ въ себѣ чуткость неповрежденнаго религіознаго смысла, но запутавшихся въ противорѣчіяхъ и раздвоившихся душою, Х. былъ своего рода эмансипаторомъ; онъ выводилъ ихъ на просторъ, на свѣтъ Божій и возвращалъ имъ цѣльность религіознаго сознанія. Для самого Самарина, равно какъ и для К. С. Аксакова, встрѣча въ 1840 г. съ Хомяковымъ была рѣшающимъ событіемъ въ ихъ жизни. Х. «превосходилъ ихъ, писалъ потомъ И. С. Аксаковъ, не только зрѣлостью лѣтъ, опытомъ жизни и универсальностью знаній, но и удивительнымъ, гармоническимъ сочетаніемъ противоположностей ихъ обѣихъ натуръ. Въ немъ поэтъ не мѣшалъ философу, и философъ не смущалъ поэта; синтезъ вѣры и анализъ науки уживались вмѣстѣ, не нарушая правъ другъ друга, напротивъ въ безусловной, живой полнотѣ своихъ правъ, безъ борьбы и противорѣчія, но свободно и вполнѣ примиренные». Настоянія Д. А. Валуева были причиною тому, что Х. принялся за записываніе своихъ взглядовъ; приблизительно въ 1838 г. Х. сталъ работать надъ громаднымъ трудомъ по всеобщей исторіи, который остался незаконченнымъ и былъ изданъ уже послѣ его смерти. Это его «Записки о всемірной исторіи», которыя онъ самъ озаглавилъ въ рукописи непонятными 4-мя буквами «*И. и. и. и.*», а друзья въ шутку называли «Семирамидою». Этотъ трудъ представляетъ, по мѣткому выраженію А. Ѳ. Гильфердинга, какъ бы «ученые мемуары», въ которыхъ Х. въ продолженіе почти двадцати лѣтъ записывалъ для себя, въ систематическомъ порядкѣ, свои соображенія, мысли и выводы объ исторіи человѣчества. Несмотря на совершенно случайный поводъ, по которому начала писаться «Семирамида», она является разительнымъ доказательствомъ тому, что къ концу 30-хъ годовъ въ умѣ Хомякова уже была выработана цѣлая историческая система: иначе, какъ указываетъ тотъ же А. Ѳ. Гильфердингъ, было бы совершенно невообразимо, чтобы эта огромная масса разнообразнѣйшихъ фактовъ могла быть съ перваго раза сгруппирована съ такою послѣдовательностью въ сочиненіи, которое самимъ авторомъ не предназначалось для печати и имѣется предъ нимъ какъ черновой набросокъ безъ приписокъ и поправокъ, безъ перестановокъ и безъ дѣленія на главы или какія бы то ни было рубрики. Въ связи съ громаднымъ, предпринятымъ имъ трудомъ, Х. много читалъ и занимался; въ это время онъ основательнѣе познакомился съ греческимъ языкомъ и занялся санскритомъ: по свидѣтельству санскритолога К. А. Коссовича, онъ въ 30-хъ годахъ читалъ и свободно изъяснялъ Ригъ-Веду. Около того же времени Х. изучалъ ликійскія надписи, въ которыхъ находилъ слѣды славянства, усвоилъ себѣ основанія еврейскаго языка и изучилъ остатки финикійскаго языка. Научныя занятія не мѣшали бесѣдамъ въ кружкахъ, посѣщавшихся Хомяковымъ. Зимою 1839 г. на одномъ изъ еженедѣльныхъ вечеровъ у Кирѣевскаго, онъ прочиталъ свою никогда не назначавшуюся для печати статью «О старомъ и новомъ», первую формулировку взглядовъ своихъ на древнюю Русь, на Западъ и на задачи современной Руси. Статья эта начинается съ рѣзкаго приговора надъ московской Русью («безграмотность, неправосудіе, разбой, крамолы, не-

просвѣщеніе и развратъ...»), но основной ея взглядъ вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что позже на эту тему писано Хомяковымъ: въ ней тѣ же строгія требованія къ Руси во имя тѣхъ высшихъ началъ, которыя легли въ основу ея развитія и которыя составляютъ ея преимущество предъ Западомъ. Въ поэтической формѣ та же мысль была высказана Хомяковымъ въ томъ же 1839 г. въ стихотвореніи «Россія», начинающемся словами: «Гордись! тебѣ льстецы сказали...». Въ сознаніи важности «свѣтилъ путеводительныхъ» церкви Хомяковымъ былъ составленъ къ началу сороковыхъ годовъ опытъ катехизическаго изложенія ученія о церкви подъ заглавіемъ «Церковь одна». Здѣсь онъ опредѣляетъ церковь какъ «единство Божіей благодати, живущей во множествѣ разумныхъ твореній, покоряющихся благодати». Признаки ея—«внутренняя святость, не дозволяющая никакой примѣси лжи», и «внѣшняя неизмѣнность»—познаются только ею самою и тѣми, которыхъ благодать призываетъ «быть ея членами». Внѣ церкви никто не можетъ спастись, «спасающійся же спасается въ церкви, какъ членъ ея, и въ единствѣ со всѣми ея членами». Въ связи съ этимъ Х. исповѣдуетъ необходимость для всѣхъ дорожить единствомъ обрядовъ, свято блюсти освященный церковью символъ вѣры, не отвергать ни одного изъ таинствъ. Такъ какъ «по волѣ Божіей св. церковь, послѣ отдѣленія многихъ расколовъ и римскаго патріаршества, сохранилась въ епархіяхъ и въ патріаршествахъ греческихъ», то лишь «тѣ могутъ признавать себя вполнѣ христіанскими, которыя сохраняютъ единство съ восточными патріаршествами или вступаютъ въ сіе единство». Какъ призывъ къ «отторженнымъ дѣтямъ» вернуться въ лоно православія въ это время написано Хомяковымъ стихотвореніе «Кіевъ», предназначавшееся для помѣщенія въ «Кіевлянинѣ» М. А. Максимовича, но по цензурнымъ соображеніямъ тогда не напечатанное. Съ начала 40-хъ годовъ начинается журнальная дѣятельность Хомякова — прежде всего въ «Москвитянинѣ» М. П. Погодина. Первая большая статья Хомякова въ «Москвитянинѣ» была вызвана указомъ 2 апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ. Х. привѣтствовалъ указъ, какъ благое начало, и предлагалъ свое мнѣніе о томъ, какого рода полюбовныя сдѣлки возможны между помѣщикомъ и крестьянами: съ особою настойчивостью при этомъ онъ выдвигаетъ половничество, съ тѣмъ однако различіемъ отъ западноевропейскаго одноименнаго явленія, что предлагаетъ половникомъ сдѣлать не отдѣльнаго крестьянина, а всю сельскую общину; послѣдняя должна будетъ отвѣчать за каждаго отдѣльнаго члена передъ помѣщикомъ и она же будетъ распредѣлять землю по тягламъ. Въ слѣдующемъ году въ томъ же «Москвитянинѣ» Х. напечаталъ «Письмо въ Петербургъ о выставкѣ», гдѣ излагаетъ свой взглядъ на національный характеръ искусства. Въ 1844 г. въ статьѣ о Глинкѣ Х. имѣлъ возможность снова коснуться той же темы; здѣсь онъ торжествуетъ начало новой эры въ исторіи русскаго искусства, которая «создаетъ новыя живыя формы, полныя духовнаго смысла въ живописи и зодчествѣ», и въ которой художники будутъ «вполнѣ русскіе» и вполнѣ жить русскою жизнью. Статья заключается восклицаніемъ: «Нѣтъ человѣчески-истиннаго безъ истинно-народнаго»! Въ основанной Д. А. Валуевымъ «Библіотекѣ для воспитанія» Х. принялъ также участіе, напечатавъ въ ней въ 1844 г. «Царя Ѳедора Іоанновича», а въ 1845 г. «Тридцать лѣтъ царствованія Ивана Васильевича», статьи, назначавшіяся для дѣтскаго чтенія и поэтому мало отражающія личные взгляды Хомякова. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ оцѣнкѣ Грознаго Х. слѣдовалъ съ Карамзинымъ Курбскому, а въ прикрѣпленіи крестьянъ видѣлъ мѣру, необходимую не только для облегченія мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, но и для всего государства. Въ 1844 г. выпущенъ былъ Хомяковымъ и небольшой сборникъ стихотвореній, вызвавшій очень рѣзкій отзывъ Бѣлинскаго, находившаго у Хомякова лишь дарованіе «слагать громкія слова въ фразистыя стопы». Одно изъ стихотвореній Хомякова въ это время было переведено на англійскій языкъ англиканскимъ архидіакономъ Вильямомъ Пальмеромъ, который въ 1844 г., послѣ неудачи первой своей попытки войти въ общеніе съ православною церковью, предпринялъ вторичное путешествіе въ Россію и на Востокъ. Х. тогда познакомился съ Пальмеромъ и вступилъ съ нимъ въ переписку,

продолжавшуюся около десяти лѣтъ. Черезъ Пальмера Х. познакомился и съ другимъ англійскимъ богословомъ, Вильямсомъ, съ которымъ также переписывался. Письма Хомякова свидѣтельствуютъ о томъ интересѣ и сочувствіи, съ которымъ онъ отнесся къ попыткѣ части англиканскаго духовенства сблизиться съ православіемъ. Онъ поддерживалъ Пальмера при его сомнѣніяхъ, помогалъ ему вступить въ сношенія съ нѣкоторыми лицами изъ русскаго духовенства, настаивалъ на большей рѣшительности Пальмера въ дѣлѣ перехода, защищая церковь отъ нареканій архидіакона, обиженнаго холодно-формальнымъ отношеніемъ къ нему представителей восточно-христіанской іерархіи. Вліяніе писемъ Хомякова однако не въ силахъ было преодолѣть тѣхъ личныхъ впечатлѣній, которыя Пальмеръ вынесъ изъ Петербурга, Константинополя и Аѳинъ: въ 1855 г. архидіаконъ принялъ католичество. Почти одновременно съ критикою Бѣлинскаго, обострившіяся отношенія между «западнымъ» и «славянскимъ направленіями сказались въ полемикѣ Хомякова съ Грановскимъ въ 1845—47 гг. Эта полемика была подготовлена и сопровождалась сильными столкновеніями Хомякова и Грановскаго въ московскихъ литературныхъ салонахъ. Н. М. Языковъ передаетъ въ своемъ дневникѣ кое-какіе отзывы Хомякова о Грановскомъ и говоритъ объ объясненіи, бывшемъ между ними на обѣдѣ, данномъ Грановскому («А. С., разумѣется, загонялъ его фактами и словомъ и дѣломъ», пишетъ Языковъ). Журнальная полемика началась изъ-за статьи Хомякова, помѣщенной вмѣсто введенія въ «Сборникѣ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи и о народахъ, ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ», изданномъ Д. А. Валуевымъ. Статья Хомякова представляетъ собою историческій обзоръ судебъ славянства съ древнѣйшихъ временъ съ слѣдующимъ конечнымъ выводомъ: «Долго страдавшій, но окончательно спасенный въ роковой борьбѣ, болѣе или менѣе во всѣхъ своихъ общинахъ искаженный чуждою примѣсью, но нигдѣ не заклейменный наслѣдственною печатью преступленія и неправеднаго стяжанія, славянскій міръ хранитъ для человѣчества, если не зародышъ, то возможность обновленія». Эта статья вызвала возраженіе въ «Отеч. Запискахъ», на которое Х. отвѣчалъ, иронизируя надъ познаніями своего противника; тогда Грановскій выступилъ въ защиту критика «Отеч. Записокъ» и написалъ двѣ замѣтки по тому же поводу; Х. отвѣчалъ и на ту и на другую. Полемика продлилась до 1847 г. Оставляя поле полемики, Грановскій говорилъ, что охотно признаетъ «превосходную ловкость» своего противника «въ умственной гимнастикѣ». Въ 1845 г., помимо статьи, послужившей исходнымъ пунктомъ для полемики, Х. напечаталъ еще три: въ одной изъ нихъ, о желѣзныхъ дорогахъ, онъ имѣлъ случай коснуться вопроса о примѣненіи заимствованій къ характеру народа, другая посвящена вопросамъ охоты и спорта, всегда его привлекавшимъ. Особенно замѣчательна третья, озаглавленная «Мнѣніе иностранцевъ объ Россіи», но заключающая въ себѣ гораздо больше, чѣмъ можно предположить по заглавію. Х. говоритъ здѣсь о странности и неосновательности многихъ отзывовъ иностранцевъ о Россіи и о томъ незаслуженномъ довѣріи, которымъ, тѣмъ не менѣе, эти отзывы пользуются у насъ. Это даетъ ему поводъ перейти къ общему вопросу о самобытности и подражательности; характеризуя послѣпетровское просвѣщеніе какъ «колоніальное», онъ выражаетъ надежду на исцѣленіе «разрыва въ умственной и духовной сущности Россіи», и на возникновеніе въ Россіи «свободнаго художества» и «крѣпкаго просвѣщенія», соединяющихъ въ одно жизнь и знаніе и основанныхъ на уваженіи «исконныхъ началъ» Россіи. Какъ бы дополненіемъ къ «Мнѣнію иностранцевъ объ Россіи» появилась статья въ «Московскомъ Сборникѣ» 1846 г. подъ заглавіемъ «Мнѣніе русскихъ объ иностранцахъ». Мысль объ изданіи подобнаго сборника принадлежала Д. А. Валуеву, которому однако не привелось дожить до выхода его въ свѣтъ: 23 ноября 1845 г. онъ умеръ всего 25 лѣтъ отъ роду. Хомякова эта смерть сильно поразила; это было самое ужасное горе, имъ до тѣхъ поръ испытанное, писалъ онъ Вильямсу. Въ письмѣ Ю. Ѳ. Самарину онъ говоритъ, что обязанъ Валуеву «во всѣхъ самыхъ важныхъ частяхъ своей умственной дѣятельности». Статья Хомякова въ «Московскомъ Сборникѣ» имѣетъ тѣ же характерныя черты, какъ и и сродная ей по содержанію, напечатан-

ная въ 1845 г. Въ ней тѣ же обиліе и оригинальность мыслей и тѣ же неожиданные переходы отъ одной мысли къ другой. Здѣсь опять приводятся доказательства нелѣпости слѣпого подражательнаго отношенія къ западу, поясняется на примѣрѣ исторіи, какія ошибки дѣлаются вслѣдствіе односторонняго подражательнаго направленія нашей науки, не смотря на то, что намъ возможнѣе, «чѣмъ западнымъ писателямъ—обобщеніе вопросовъ, выводы изъ частныхъ изслѣдованій и живое пониманіе минувшихъ событій». Разрывомъ между самобытною жизнью и «привозною наукою» объясняется непониманіе просвѣщенными классами русской жизни, презрѣніе къ народу и мечты о его перевоспитаніи, при полной при томъ неустойчивости взглядовъ на счетъ того, каково должно быть воспитаніе. Вспоминая статью И. В. Кирѣевскаго о современномъ состояніи европейскаго просвѣщенія (въ «Москвитянинѣ» 1845 г.), Х. указываетъ, что нуженъ не одинъ разрушительный анализъ основъ западнаго духовнаго міра, но необходимъ еще животворящій синтезъ, который, въ союзѣ съ анализомъ, создастъ науку живую, освободитъ ее отъ ложныхъ системъ и ложныхъ данныхъ, соединитъ съ жизнью и приведетъ, такимъ образомъ, къ истинному просвѣщенію. Въ слѣдующемъ томѣ «Московскаго Сборника» въ 1847 г. появилась статья Хомякова «О возможности русской художественной школы». Здѣсь противопоставляются начала Запада началамъ Россіи. На Западѣ все основано на двойственности въ жизни народной (завоеванные и завоеватели) и двойственности въ понятіи духовномъ (односторонняя покорность Рима и односторонняя свобода протестантизма); у насъ же въ духовномъ началѣ тождество свободы и единства (свобода въ единствѣ и единство въ свободѣ), а народное начало, представляющее полное внутреннее единство, никакъ не можетъ быть подчинено выводамъ, исторически возникшимъ изъ западной двойственности. И здѣсь повторяются настоянія о необходимости близкаго общенія съ народомъ, носителемъ и хранителемъ исконныхъ началъ Россіи. Замѣчательно въ этой статьѣ первое у Хомякова упоминаніе слова «славянофилы». Въ 1847 г. обычное теченіе жизни Хомякова было прервано путешествіемъ за границу, предпринятымъ имъ вмѣстѣ съ женою и двумя старшими дѣтьми. Они посѣтили Германію, Англію, Францію и Прагу. Особенно привлекала Хомякова Англія, уваженіе къ которой сказывается во многихъ изъ статей его 1845—46 гг. Напечатанное уже по возвращеніи на родину въ «Москвитянинѣ» 1848 г. «Письмо объ Англіи» въ описательной своей части даетъ лучшую въ нашей литературѣ характеристику Англіи и англичанъ, изложенную въ видѣ апологіи. Глубоко интересовавшему Хомякова вопросу о торизмѣ и вигизмѣ онъ придаетъ въ своемъ письмѣ болѣе обширный и глубокій смыслъ, чѣмъ обыкновенно придаютъ этой борьбѣ двухъ политическихъ направленій. Замѣтно его сильнѣйшее сочувствіе торіямъ, въ которыхъ онъ видѣлъ нѣчто соотвѣтствующее тому направленію, которое онъ считалъ себя призваннымъ защищать въ Россіи. Въ іюлѣ 1847 г. Х. былъ въ Прагѣ; памятникомъ посѣщенія имъ этого города осталось четверостишіе, написанное въ альбомъ В. В. Ганкѣ,—молитва о Россіи и «для всѣхъ славянъ», и стихотвореніе «Беззвѣздная полночь дышала прохладой», гдѣ онъ описываетъ видѣніе, какъ въ храмѣ на Петчинѣ «молитва славянская громко звучала въ напѣвахъ знакомыхъ минувшимъ вѣкамъ» и «въ старой одеждѣ святаго Кирилла епископъ на Петчинъ всходилъ». Вскорѣ послѣ возвращенія на родину Хомякову пришлось ощутить начавшіяся съ 1848 г. стѣсненія общественной мысли и слова. Въ это время онъ писалъ А. Н. Попову о необходимости свободы и для консервативной партіи, чтобы въ ней могла выражаться «сила историческая, сила преданія, сила устойчивости общественной». Особое вниманіе его обращено было на крестьянское дѣло. Онъ пропагандировалъ мысль о полюбовныхъ соглашеніяхъ съ крестьянами; самъ онъ всю жизнь свою стремился и успѣлъ почти во всѣхъ своихъ деревняхъ заключить съ крестьянами рѧду на свободномъ соглашеніи. По поводу записки Самарина объ устройствѣ лифляндскихъ крестьянъ, Х. писалъ ему, выражая признательность за установленіе «двухъ правъ, одинаково крѣпкихъ и священныхъ: права наслѣдственнаго на собственность и такого же права наслѣдственнаго на пользованіе». Онъ говоритъ здѣсь, что право крестьянъ

на землю разнится отъ права помѣщиковъ «лишь степенью», а не характеромъ, и «подчиненностью другому началу — общинѣ». Въ 1849 г. въ письмѣ Кошелеву Х. подробнѣе останавливается на сельской общинѣ. «Община, говорится здѣсь, есть одно уцѣлѣвшее гражданское учрежденіе всей русской исторіи. Отними его, не останется ничего; изъ его же развитія можетъ развиться цѣлый гражданскій міръ». Разсматривая далѣе двѣ формы сельскаго быта: сосредоточеніе поземельнаго владѣнія въ немногихъ рукахъ (Англія) и безконечное дробленіе собственности (Франція), онъ указываетъ, что въ первой конкуренція, безземеліе большинства и антагонизмъ капитала и труда доводятъ язву пролетаріатства до безчеловѣчной и непремѣнно разрушительной крайности, а во второй, гдѣ нищета получается лишь въ городахъ, а не въ селахъ, достигается полная разъединенность, а съ нею и полное оскудѣніе нравственныхъ началъ. Община даетъ возможность избѣгнуть и тѣхъ, и другихъ гибельныхъ послѣдствій. Х. надѣется не только на успѣшное развитіе крестьянской общины, но указываетъ и на зачатки промышленной общины и предсказываетъ, что со временемъ и высшіе классы русскаго общества «срастутся» съ общиною. Основныхъ началъ славянофильства Х. коснулся около того же времени (1849 г.) въ статьѣ «По поводу Гумбольдта», въ которой онъ, отмѣчая несогласіе Гумбольдта съ гегелевскимъ ученіемъ о необходимости, говоритъ объ общей несостоятельности системы Гегеля, а затѣмъ переходитъ къ вопросу о противоположности началъ Востока и Запада. Наша эпоха, говоритъ онъ здѣсь, одна изъ такихъ, «въ которыхъ развитіе духовныхъ началъ, правившихъ прошедшею исторіею, окончено; уловки ихъ истощены, и неподкупная логика историческая произноситъ надъ ними свой приговоръ». Западъ самъ въ нынѣшнемъ состояніи своемъ ощущаетъ загадку, которую понять «можемъ только мы, воспитанные инымъ духовнымъ началомъ». «Исторія призываетъ Россію стать впереди всемірнаго просвѣщенія; она даетъ ей на это право за несторонность и полноту ея началъ, а право, данное исторіею народу, есть обязанность, налагаемая на каждаго изъ его членовъ» — такова заключительная мысль этой статьи. Начиная съ 1848 г. Х. до самого конца царствованія императора Николая I сравнительно мало писалъ и еще меньше того печаталъ, что вполнѣ объясняется цензурными стѣсненіями этого времени. Онъ живо интересовался въ это время вопросомъ о раскольникахъ. Въ 1850 г. И. С. Аксаковъ убѣждалъ Хомякова написать по-славянски возраженіе на Выгорѣцкіе отвѣты, но тотъ, по словамъ Аксакова, «вовсе не кстати задобросовѣстился»; тѣмъ не менѣе онъ бралъ на изученіе раскольничьи книги, отвѣты Поморскіе и другія рукописи. Изъ словъ Погодина мы знаемъ, что Х. «на всякой Святой недѣлѣ не упускалъ случая спорить съ раскольниками на паперти Успенскаго собора». Замѣчательно однако, что въ изданныхъ сочиненіяхъ Хомякова нѣтъ спеціально относящихся къ расколу, если не считать двухъ небольшихъ рѣчей, произнесенныхъ въ послѣдній годъ жизни въ Обществѣ любителей Россійской словесности. Въ послѣдней изъ нихъ есть очень характеристическая фраза: «Намъ нечего стыдиться нашего раскола..., онъ всетаки достоинъ великаго народа и могъ бы внушить почтеніе иноземцу, но — онъ далеко не обнимаетъ всего богатства Русской мысли». Отношеніе Хомякова къ славянскому вопросу нашло въ это время себѣ выраженіе въ «Сербской пѣснѣ» (1849) и въ стихотвореніи: «Не гордись передъ Бѣлградомъ, Прага, чешскихъ странъ глава!» (1852). Что слова: «всѣ велики, всѣ свободны» не были лишь фразой у Хомякова, показываетъ его проектъ рѣшенія польскаго вопроса, изложенный имъ въ письмѣ къ А. О. Смирновой. Х. предлагалъ предоставить дѣло рѣшенію народа и для этого устроить добросовѣстную подачу голосовъ на польскомъ, литовскомъ, галицко-русскомъ языкахъ безъ всякихъ манифестацій, съ тѣмъ, чтобы каждый изъ жителей Польши могъ высказаться, желаетъ ли онъ приписаться къ новой Польшѣ или къ сосѣдней державѣ, или войти въ составъ особой общины. Въ концѣ 1851 г. написана Хомяковымъ статья «Аристотель и всемірная выставка», гдѣ занесенная въ Россію западная наука сравнивается съ Аристотелемъ, который былъ свѣтильникомъ въ тьмѣ средневѣковья, а къ началу новаго времени оказался умственнымъ игомъ, котораго паденіе было тор-

жествомъ разума. Въ этой же статьѣ Х. высказываетъ пожеланіе, чтобы русское общество болѣе познакомилось съ внутреннею жизнью Англіи и отъ нея бы поучилось вѣрности старинѣ, въ которой заключается умственная сила англичанъ. Для «Московскаго Сборника» 1852 г. Х. написалъ предисловіе къ нѣкоторымъ русскимъ пѣснямъ, напечатаннымъ изъ собранія П. В. Кирѣевскаго; онъ здѣсь привѣтствуетъ эти народныя произведенія, которыя оторваннымъ отъ народа напоминаютъ «прошедшее, которымъ можно утѣшаться», и «настоящее, которое можно любить». Для слѣдующаго тома «Сборника» Х. написалъ обширное разсужденіе «По поводу статьи И. В. Кирѣевскаго о характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію вообще». Х. безусловно соглашается съ опредѣленіемъ различія началъ западной и русской образованности тѣмъ, что первая основана на разсудочности и раздвоенности, а послѣдняя на разумности и цѣльности; онъ не согласенъ лишь съ положеніемъ Кирѣевскаго, что «христіанское ученіе выражалось въ чистотѣ и полнотѣ во всемъ объемѣ общественнаго и частнаго быта древнерусскаго». Такое положеніе, по его мнѣнію, совершенно не соотвѣтствуетъ фактамъ. На вопросъ, почему, при гораздо высшемъ началѣ, не опередила древняя Русь Запада и не стала во главѣ умственнаго движенія въ человѣчествѣ, Х. предлагаетъ такой отвѣтъ: потому «что самое просвѣтительное начало, по своей всесторонности и полнотѣ, требовало для своего развитія внутренней цѣльности въ обществѣ, которой не было, и что этой цѣльности не могло оно дать мирными путями вслѣдствіе неполнаго понятія о православіи въ значительной части людей, составляющихъ русскій народъ, и недостатка опредѣленнаго сознанія во всѣхъ». Этой статьѣ однако не суждено было появиться въ свѣтъ въ «Сборникѣ». Томъ, предполагавшійся къ выпуску въ 1853 г., былъ запрещенъ цензурою весь, приказано было всѣмъ главнымъ участникамъ, братьямъ Аксаковымъ, кн. Черкасскому, Хомякову, Кирѣевскимъ не иначе печатать свои статьи, какъ проведя ихъ черезъ Главное управленіе цензуры въ Петербургѣ, и, кромѣ того, всѣ сотрудники сборника отданы были подъ надзоръ полиціи. Въ томъ же году на Хомякова обрушилось еще семейное горе. Въ январѣ 1852 г. жена его заболѣла тифомъ, осложненнымъ беременностью, и 26 января умерла. Въ нѣсколько дней, проведенныхъ у ея постели и гроба, Х. постарѣлъ и измѣнился до неузнаваемости, но мужественно перенесъ горе. «Жизнь моя, писалъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя Пальмеру, измѣнилась въ конецъ. Праздникъ и свѣтъ солнечный исчезли; ничего не осталось мнѣ кромѣ труда и утомленія. Самая жизнь не имѣла бы отнынѣ для меня цѣны, если бы не оставалось на мнѣ обязанностей». Религіозные вопросы болѣе всего привлекали Хомякова въ это время; онъ задумалъ выступить передъ западными богословами съ защитою православія. Для этой цѣли имъ написаны три брошюры, напечатанныя за границею на французскомъ языкѣ въ 1853, 1855 и 1858 гг.; всѣ онѣ носятъ то же заглавіе: «Нѣсколько словъ православнаго христіанина о западныхъ вѣрованіяхъ» и подписаны псевдонимомъ Ignotus. Первая изъ брошюръ вызвана возраженіемъ клерикала П. С. Лоранси на статью Ѳ. И. Тютчева «La question Romaine et la papauté» въ Revue des deux mondes 1850 года. Х. опровергаетъ въ этой брошюрѣ указанія Лоранси, будто православная церковь подчинена свѣтской власти и будто она представляетъ собою уклоненіе къ протестантизму. Въ немногихъ словахъ доказавъ нелѣпость перваго утвержденія, Х. подробно развиваетъ мысль о совершенно иныхъ основахъ у православія и у романизма съ протестантизмомъ. Послѣдніе оба основаны на раціонализмѣ, т. е. на отверженіи соборнаго начала во имя начала разсудочнаго. Протестантизмъ лишь воспользовался противъ романизма тѣмъ же орудіемъ, которое послѣдній примѣнилъ, чтобы отторгнуться отъ соборной вселенской церкви. Ложность разсудочнаго начала сказалось съ особою силою въ послѣднихъ созданіяхъ западнаго раціонализма, — въ системѣ Гегеля, приведшей къ полному отрицанію, точнѣе къ небытію. Спасеніе для Запада, по мнѣнію Хомякова, лишь въ разрывѣ съ раціонализмомъ, осужденіи отлученія, произнесеннаго на восточныхъ братьевъ, и принятіи православныхъ вновь въ свое общеніе на правахъ братскаго равенства. Вторыя «нѣсколько словъ» были написаны по по-

воду посланія парижскаго архіепископа, въ началѣ Крымской кампаніи призывавшаго къ крестовому походу противъ «фотіянъ»; эта брошюра, какъ и слѣдующая, была издана въ Лейпцигѣ Брокгаузомъ. Здѣсь Х. доказываетъ, что братоубійство нравственное—отлученіе восточныхъ церквей во имя раціонализма, привело къ братоубійству естественному, союзу съ исламомъ противъ православія. Третья брошюра даетъ отвѣтъ на рядъ изданій католическихъ и протестантскихъ, посвященныхъ православной церкви, и развиваетъ мысли, высказанныя въ первыхъ двухъ заграничныхъ изданіяхъ Хомякова. Въ ней онъ говоритъ о томъ, что его побудило выступить проповѣдникомъ и апологетомъ: это—необходимость исполненія долга передъ Богомъ и людьми, чтобы вразумить тѣхъ, кто не знаетъ сущности догматовъ церкви и мучится въ противорѣчіяхъ, отдающихъ ихъ безъ защиты во власть невѣрію. Во время написанія послѣдней брошюры Х. уже зналъ о переходѣ Пальмера въ католичество и съ горечью отзывается о лицахъ, которыя затворили передъ нимъ врата церкви. Одновременно съ изданіемъ первыхъ изъ этихъ брошюръ, Х. съ величайшимъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ событій, приведшихъ къ восточной войнѣ. Рядъ стихотвореній относится къ этому времени. Въ одномъ изъ нихъ, начинающемся словами: «Вставайте! оковы распались», онъ призываетъ къ возстанію южныхъ славянъ. Въ стихотвореніяхъ «Россія» и «Раскаявшаяся Россія» онъ говоритъ о великомъ испытаніи, предстоящемъ Россіи и о необходимости для нея очиститься отъ грѣховъ, чтобы заслужить милость Божью; въ первомъ изъ этихъ стихотвореній заключается знаменитая строфа о дореформенной Руси: «Въ судахъ черна неправдой черной, и игомъ рабства клеймена; безбожной лести, лжи тлетворной и лѣни мертвой и позорной, и всякой мерзости полна». Въ «Судѣ Божіемъ» Х. выражаетъ надежду на паденіе Турціи. Среди друзей своихъ онъ пропагандировалъ мысль о поступленіи въ ополченіе; онъ говорилъ И. С. Аксакову, что будь его жена жива, онъ бы и самъ пошелъ въ ополченіе. Въ то же время онъ нашелъ досугъ для составленія списка болѣе тысячи словъ санскритскихъ, сближенныхъ имъ съ русскими словами; этимъ спискомъ онъ имѣлъ въ виду доказать, что языкъ славянскій и русское его нарѣчіе суть остатки первичной формаціи, единственные въ мірѣ, кромѣ литовскаго. Списокъ этотъ былъ напечатанъ въ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ», безъ всякаго предисловія, такъ какъ Х. счелъ невозможнымъ писать о своемъ сличеніи словъ, не касаясь общаго вопроса о «живой струѣ, которая протекаетъ во всѣхъ племенахъ славянскихъ», а задѣвать этотъ вопросъ въ данное время ему представлялось не вполнѣ удобнымъ. Новое царствованіе сразу внесло большое оживленіе въ кругъ «славянолюбцевъ». «Утомленные, разсказываетъ А. И. Кошелевъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Хомяковѣ, гнетомъ только что окончившагося 30-лѣтняго царствованія, мы радостно собрались у меня вечеромъ въ самый день присяги Государю, весело выпили за его здоровье и отъ души пожелали, чтобы въ его царствованіе совершилось великое дѣло освобожденія крестьянъ, и русскій человѣкъ могъ ожить умомъ и духомъ». Съ 1856 г. у друзей Хомякова былъ уже свой органъ «Русская Бесѣда», съ которымъ и связывается, главнымъ образомъ, литературная дѣятельность послѣднихъ годовъ жизни Хомякова. Приглашенный Кошелевымъ къ участію въ этомъ органѣ, Х. писалъ много, исполняя всѣ порученія, какія на него возлагались редакціею, и въ то же время былъ весьма цѣненъ тѣмъ, что умиротворялъ всѣ несогласія, возникавшія среди сотрудниковъ «Р. Бесѣды». Его перу принадлежитъ «Предисловіе къ «Русской Бесѣдѣ», излагающее цѣли и направленіе новаго органа: по мысли Хомякова, журналъ долженъ былъ содѣйствовать провѣркѣ началъ западной жизни и утвержденію русской науки на собственныхъ духовныхъ началахъ. Въ теченіе 1856 г. Х. напечаталъ въ «Р. Бесѣдѣ»: «Разговоръ въ подмосковной», затрогивающій разные вопросы, но главнымъ образомъ имѣющій цѣлью доказать, что «служеніе народности есть въ высшей степени служеніе дѣлу общечеловѣческому»; предисловіе къ біографіи Меткальфа, гдѣ послѣдній представляется какъ типъ человѣка, который «относится къ своему отечеству не какъ къ отвлеченному государству, но какъ къ обществу христіанъ, котораго онъ самъ живой членъ»; статью о Кирѣевскомъ; письмо къ Т. И. Филип-

пову (по поводу комедіи Островскаго «Не такъ живи, какъ хочется»), гдѣ Х. затрогиваетъ вопросъ объ эмансипаціи женщинъ. Въ этомъ году смерть унесла обоихъ братьевъ Кирѣевскихъ. Х. въ немногихъ словахъ своей статьи въ «Р. Бесѣдѣ» очерчиваетъ значеніе И. В. Кирѣевскаго, какъ одного изъ людей, принявшихъ на себя подвигъ освобожденія нашей мысли отъ суевѣрнаго поклоненія мысли другихъ народовъ. Отрывки, нашедшіеся въ бумагахъ Кирѣевскаго, были разсмотрѣны Хомяковымъ, и онъ написалъ къ нимъ большое введеніе, напечатанное въ I-й книгѣ «Р. Бесѣды» за 1857 г. Эта статья принадлежитъ по своему изложенію къ наиболѣе систематическимъ изъ написанныхъ Хомяковымъ, и въ ней съ замѣчательной ясностью изложены основы философскаго ученія славянофильства. Ученіе обоихъ представителей «православно-русскаго направленія» (какъ называлъ его А. И. Кошелевъ) является въ этой статьѣ въ органическомъ соединеніи, въ которомъ трудно опредѣлить, что принадлежитъ каждому изъ нихъ въ отдѣльности. Въ 1857 г. Хомяковымъ напечатаны еще: письмо къ Кошелеву о необходимости въ спорѣ о направленіи желѣзныхъ дорогъ помнить интересы Москвы; замѣтка по поводу статьи Иваншева о древнихъ сельскихъ общинахъ; замѣчанія на статью С. М. Соловьева о Шлецерѣ съ возраженіями на теоріи родового быта и нѣкоторое другое (въ послѣдней статьѣ Х. такъ формулируетъ основоположеніе своей школы: «Разумное развитіе народа есть возведеніе до общечеловѣческаго значенія того типа, который скрывается въ самомъ корнѣ народнаго бытія»). Всѣ эти статьи были напечатаны въ «Р. Бесѣдѣ». Въ половинѣ этого года, именно въ іюлѣ, умерла мать Хомякова 87 лѣтъ отъ роду: «въ домѣ и жизни все какъ-то становится мертвѣе и темнѣе», писалъ Х. графу А. П. Толстому. Въ это время для Хомякова открылся новый видъ общественной дѣятельности: возобновилось, благодаря его усиліямъ и при участіи С. Маслова, М. П. Погодина, А. Кубарева, А. Вельтмана и М. Максимовича, Общество любителей Россійской словесности при московскомъ университетѣ. Х. былъ избранъ первымъ по возобновленіи предсѣдателемъ Общества и оставался таковымъ до самой смерти. Первые мѣсяцы на Хомяковѣ лежало много работы по организаціи Общества: «приходилось, говоритъ М. Лонгиновъ, связывать настоящее съ давнопрошедшимъ, отыскивать затерянные слѣды минувшаго и забытаго, заявлять свои старинныя права, воскрешать преданія, возстановлять разрушенные остатки когда-то существовавшаго цѣлаго». На ряду съ этой новой работой не прекращались литературная дѣятельность и другія работы Хомякова. Въ это время издана третья и послѣдняя изъ его заграничныхъ брошюръ и написана обширная записка по крестьянскому вопросу, поданная Я. И. Ростовцеву. Новое царствованіе вообще оживило мечты Хомякова объ освобожденіи крестьянъ. Первый Высочайшій рескриптъ, по словамъ Ю. Самарина, «обрадовалъ Хомякова, какъ ранній благовѣстъ, возвѣщающій наступленіе дня послѣ долгой, томительной ночи». Записка была составлена имъ подъ вліяніемъ толковъ о томъ, что реформа будетъ заключаться лишь въ смягченіи и ограниченіи крѣпостныхъ отношеній безъ надѣленія крестьянъ собственностью. Цѣль записки заключалась въ раскрытіи несостоятельности безвыходно-обязательныхъ отношеній и въ опроверженіи тѣхъ доводовъ, которые заявлялись противниками выкупа. Х. представляетъ здѣсь со своей стороны вполнѣ выработанный проектъ съ описаніемъ всего денежнаго оборота, необходимаго для обязательнаго выкупа, и съ точнымъ указаніемъ, какъ выкупъ этотъ въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ быть доведенъ до конца; нельзя не упомянуть, что Х. все-таки признаетъ возможнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, уже по объявленіи плана выкупа, продлить крѣпостныя отношенія на 1—4 лѣтъ: въ этотъ срокъ однако уже вездѣ долженъ закончиться выкупъ. Записка была отправлена анонимно, обратила на себя вниманіе Я. И. Ростовцева, и нѣкоторое время Хомякова имѣли въ виду пригласить къ участію въ редакціонныя комиссіи, это однако не было сдѣлано. Другой любимой своей мысли—о предпочтительности третейскаго суда передъ всѣми формами судопроизводства Х. коснулся въ это время въ статьѣ «О юридическихъ вопросахъ». Ко всѣмъ дѣламъ редакціи «Р. Бесѣды» Х. оставался очень близокъ. Когда статья Даскалова о возрожденіи болгаръ своими нападками на Цареградскій

патріархатъ вызвала неудовольствіе оберъ-прокурора синода графа А. П. Толстого, Х., по просьбѣ Кошелева, въ два дня написалъ отвѣтъ, который и былъ посланъ въ Петербургъ отъ имени редакціи. Статей за 1858 г. Х. помѣстилъ въ «Р. Бесѣдѣ», сравнительно съ предыдущими годами, немного. Двѣ смерти особенно поразили его въ это время: А. А. Иванова, на котораго онъ возлагалъ большія надежды, и И. В. Шепшина, съ которымъ онъ близко сошелся съ 1852 г. Картинѣ Иванова онъ посвятилъ статью, въ которой ставитъ ее символомъ начинающейся самобытности. Въ слѣдующемъ году смерть унесла еще одного изъ близкихъ Хомякову лицъ: 30 апрѣля 1859 г. умеръ С. Т. Аксаковъ. Статья Хомякова въ «Р. Бесѣдѣ» дала вѣрное опредѣленіе особенностямъ «художественныхъ стихій» въ произведеніяхъ этого великаго мастера русскаго языка. За мѣсяцъ съ небольшимъ до смерти Аксакова начались публичныя засѣданія Общества любителей Россійской словесности, на которыхъ съ тѣхъ поръ Х. не разъ выступалъ ораторомъ. Изъ рѣчей, произнесенныхъ еще до этого, на закрытыхъ засѣданіяхъ, замѣчательны два отвѣта, сказанные на вступительныя слова новыхъ членовъ П. В. Селиванова и графа Л. Н. Толстого 4 февраля 1859 г. Первый заявилъ себя въ своей рѣчи представителемъ обличительной, второй—чисто художественной литературы. Признавая первую отрасль литературы какъ необходимое и отрадное явленіе, могущее очистить нашу умственную атмосферу, Х. указывалъ и на невыгодныя стороны нѣкоторыхъ обличительныхъ произведеній, выставляющихъ лица, а не типы; «словесный мечъ правды, сказалъ онъ, не долженъ быть никогда обращаемъ въ книжалъ клеветы». Гр. Л. Н. Толстому онъ отвѣчалъ указаніемъ на неминуемое и въ чисто художественныхъ произведеніяхъ отраженіе жизненныхъ «правды, радующей душу чистую, и лжи, возмущающей ея гармоническое спокойствіе». На первомъ публичномъ засѣданіи 26 марта 1859 г. Х. прочелъ рѣчь, въ которой коснулся предыдущей судьбы Общества и говорилъ о «духовной болѣзни» русскихъ — разрывѣ между просвѣщеннымъ обществомъ и землею; важнѣйшая цѣль Общества—содѣйствіе исцѣленію этой болѣзни. Дорогой ему мысли о Москвѣ, какъ мѣстѣ общественнаго сосредоточенія—«мысленномъ соборѣ» Россіи, была посвящена рѣчь, произнесенная на публичномъ засѣданіи 26 апрѣля 1859 г. Въ томъ же году Х. былъ и очень дѣятельнымъ членомъ Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства, участвуя во всѣхъ его комиссіяхъ. Въ «Р. Бесѣдѣ» въ этомъ году появилось оригинальное и богатое содержаніемъ письмо его къ Ю. Ѳ. Самарину «О современныхъ явленіяхъ въ области философіи». По содержанію своему оно довольно близко къ статьѣ по поводу отрывковъ Кирѣевскаго. Х. здѣсь разсматриваетъ вновь систему Гегеля и дѣластъ рядъ замѣчаній по поводу перехода гегельянства въ матеріализмъ Фейербаха и иныхъ. Х. предполагалъ продолжить разсмотрѣніе спорныхъ вопросовъ современной философіи, но не успѣлъ въ этомъ, такъ какъ второе письмо о философіи къ Ю. Ѳ. Самарину за смертью Хомякова осталось неоконченнымъ и было напечатано лишь впослѣдствіи. Оно обрывается на полуфразѣ и какъ разъ тамъ, гдѣ авторъ предполагалъ перейти къ наиболѣе трудной части своей задачи. Въ томъ, что мы имѣемъ, содержатся разсужденія о пространствѣ и времени и о волѣ (въ спеціальномъ смыслѣ, придававшемся Хомяковымъ этому слову). Послѣдній—неполный—годъ жизни Хомякова по числу сохранившихся произведеній является однимъ изъ наиболѣе богатыхъ. Прежде всего мы имѣемъ рядъ рѣчей, произнесенныхъ Хомяковымъ на засѣданіяхъ Общества любителей словесности (2 февраля, 6 марта, 30 марта и 28 апрѣля 1860 г.) и свидѣтельствующихъ о томъ, съ какимъ интересомъ онъ слѣдилъ за всѣми новыми явленіями въ литературѣ. Въ этомъ году Общество усиленно хлопотало о сохраненіи ему права на собственную цензуру. Х. велъ это дѣло со всей энергіей, на которую былъ способенъ, и когда хлопоты его оказались безрезультатными, хотѣлъ оставить предсѣдательство; члены Общества однако единогласно просили его остаться на своемъ посту. Подъ его руководствомъ Общество занялось плодотворною издательскою дѣятельностью: предположено было издать словарь В. И. Даля, письма Карамзина и Грибоѣдова и сборникъ пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго. Осуществленія этихъ изданій Хомякову однако не

пришлось дождаться. Одновременно съ этою общественною дѣятельностью Х. съ прежнею любовью отдавался трудамъ богословскимъ. Въ это время онъ обратился съ тремя статьями въ редакцію журнала «Union Chrétienne» въ Парижѣ: 1) «О библейскихъ трудахъ Бунзена», гдѣ онъ высказываетъ свой взглядъ на иранское происхожденіе Моисеевыхъ преданій; 2) «Письмо къ Утрехтскому епископу», въ которомъ онъ доказываетъ логическую несостоятельность янсенизма; 3) «О значеніи словъ «каѳолическій» и «соборный» по поводу рѣчи іезута о. Гагарина», гдѣ онъ защищаетъ терминъ «соборный» въ славянскомъ переводѣ символа вѣры. «Union Chrétienne» помѣстила 1-ю и 3-ю статьи, но второй не приняла, и не напечатала также письма къ издателю журнала «Union Chrétienne», гдѣ Х. отвергаетъ понятіе объ «Уніи» или компромиссѣ въ дѣлѣ вѣры. Послѣдними занятіями Хомякова, по предположенію Ю. Ѳ. Самарина, были переводы изъ Священнаго писанія; два такихъ перевода (посланія къ Галатамъ и къ Ефесеямъ) имъ были закончены.

Смерть застигла Хомякова совершенно неожиданно, среди кипучей дѣятельности. Въ сентябрѣ 1860 г. онъ поѣхалъ въ село Ивановское Рязанской губерніи, гдѣ свирѣпствовала холера. Болѣзнь перешла и на него; принятыя лѣкарства не помогали. Заѣхавшему къ нему 23 сентября утромъ Л. М. Муромцеву Х. сказалъ, что не надѣется выздоровѣть. Въ тотъ же день, около часу пополудни, онъ соборовался. Въ $7^3/_4$ часовъ вечера его не стало. Похоронили Хомякова, какъ онъ самъ того желалъ, въ Даниловомъ монастырѣ, гдѣ «подъ славянскою колонною Венелина» — похоронена и жена его, а также Валуевъ, Гоголь и Языковъ. Похороны его были очень нелюдны. 2 октября была панихида по немъ въ Московскомъ университетѣ, а 5 октября состоялось чрезвычайное засѣданіе Общества люб. Рос. слов. съ чтеніями о немъ. 30 окт. отслужена была панихида по Хомяковѣ въ Вѣнѣ въ посольской церкви, въ присутствіи братьевъ Аксаковыхъ и многочисленныхъ представителей всѣхъ славянскихъ племенъ.

Личность и дѣятельность Хомякова еще не вышли изъ области партійной оцѣнки. Всѣ согласны лишь въ томъ, что Х.—личность выдающаяся, цѣльный характеръ, человѣкъ съ необыкновенными способностями; нѣтъ никакой возможности отрицать и замѣчательной стойкости убѣжденій его, не подвергшихся никакой существенной перемѣнѣ съ 19 до 56-тилѣтняго возраста. Сила личнаго воздѣйствія его была необычайна: это видно изъ того, какъ при жизни, а еще того болѣе послѣ смерти онъ являлся признаннымъ главою цѣлаго направленія. «Утрата Хомякова, писалъ 5 октября 1860 г. И. С. Аксаковъ, исчезновеніе изъ нашей среды этого высокаго, свѣтлаго духа, насъ поднимавшаго, очищавшаго, живившаго,—лишаетъ нашу жизнь ея жизненнаго начала... Когда тотъ палъ, кѣмъ жила и двигалась дружина, такъ исчезаетъ и дружина самая и всѣ разбредутся розно. Теперь для насъ настаетъ пора доживанія, воспоминаній, исторіи; самая жизнь кончилась». Ю. Ѳ. Самаринъ находилъ, что со смертью Хомякова «горизонтъ человѣческой мысли стѣснился». А. И. Кошелевъ высказывалъ предположеніе, что весь кружокъ славянофильскій исчезъ бы безслѣдно съ лица земли, если бы въ немъ не участвовалъ Х. Отъ отзывовъ учениковъ рѣзко рознятся отзывы противниковъ Хомякова, Грановскаго, Герцена и въ особенности С. М. Соловьева, признающаго «блестящія дарованія» Хомякова, но обвиняющаго его въ отсутствіи убѣжденій («скалозубъ по природѣ»), самохвальствѣ, недобросовѣстности и т. п. Нападки противниковъ относятся большею частью къ Хомякову, какъ къ спорщику; не имѣя точныхъ данныхъ объ этихъ спорахъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, нѣтъ возможности опредѣлить степень правдивости обвиненій. Что «зубоскаломъ» Х. былъ лишь по внѣшности, это достаточно разъяснено его ближайшими друзьями и послѣдователями; его сочиненія и особенно его переписка—до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не собранная—ясно доказываютъ, что были убѣжденія, надъ которыми онъ никогда не смѣялся. Х. былъ человѣкъ цѣльнаго міровоззрѣнія. У него были свои опредѣленные взгляды на церковь, народность, государство и на долгъ каждаго человѣка въ отдѣльности, и съ этими взглядами онъ согласовалъ или, по меньшей мѣрѣ, старался согласовать свои поступки и свое отношеніе ко всѣмъ вопросамъ современности. Признавая въ теоріи, что въ православіи содержится истина, онъ и на

практикѣ исполнялъ всѣ религіозныя постановленія, такъ какъ придавалъ большое значеніе обряду, какъ внѣшнему выраженію единства и общенія съ другими вѣрующими. Искренность убѣжденія заставила его выступить и апологетомъ православія передъ Западомъ. Что въ высказывавшихся Хомяковымъ взглядахъ на народность и государство не заключалось никакихъ компромиссовъ съ дѣйствительностью, достаточно доказывается тѣми преслѣдованіями, копмъ подвергся какъ онъ, такъ и друзья его. Взгляды эти покоились на твердой теоретической основѣ. Два понятія, которыя въ идеальномъ осуществленіи, по его мнѣнію, должны явиться сливпимися въ одно, господствовали надъ всѣми его разсужденіями о государствѣ и народности: понятіе общины, которую онъ считалъ коренпымъ славянскимъ учрежденіемъ, и церкви, какъ общенія въ любви всѣхъ вѣрующихъ. На почвѣ этого всехристіанскаго единенія каждому отдѣльному человѣку, по мнѣнію Хомякова, слѣдуетъ стремиться къ свободному проявленію своей индивидуальности, а также и всякій народъ долженъ осуществлять свободно свои индивидуальные задатки. Таковъ былъ исходный пунктъ для всѣхъ его утвержденій о назначеніи Россіи и всего славянства. Вопроса о государственномъ строѣ и о тѣхъ или пныхъ учрежденіяхъ Х. почти не касался. Оцѣнка литературно научнаго наслѣдія Хомякова представляетъ такія же трудности, какъ и сужденіе о его личности. Трудность прежде всего въ самомъ характерѣ его статей. Содержаніе многихъ изъ нихъ отличается какою-то «раскиданностью» мыслей: въ нихъ много отступленій, трудно уловить главную тему, еще труднѣе услѣдить за перебѣгами мысли. Другія сочиненія его представляютъ то затрудненіе, что касаются вопросовъ, по которымъ наука безпомощна дать отвѣтъ для всѣхъ удовлетворительный. Кромѣ того, въ произведеніяхъ Хомякова чрезвычайно много такихъ мѣстъ, которыя не допускаютъ безразличной къ направленію оцѣнки, а требуютъ стать на опредѣленную точку зрѣнія: понятно, что въ этихъ случаяхъ одинъ критикъ можетъ находить откровенія тамъ, гдѣ другой усмотритъ лишь выводы изъ давно опровергнутыхъ положеній. Въ области философіи, гдѣ Х. весьма оригиналенъ, онъ еще неоцѣненъ съ компетентной стороны: философскія сочиненія его еще не были предметомъ спеціальнаго изученія. Послѣдователи его этотъ родъ сочиненій всегда ставили очень высоко. Къ несчастью, наиболѣе законченное по замыслу изъ философскихъ сочиненій Хомякова—его философскія письма къ Ю. Ѳ. Самарину, прервано смертью въ самомъ началѣ. Изъ сохранившихся отрывковъ мы усматриваемъ, что Х. находилъ германскую философію слишкомъ односторонней: по его словамъ, изучая лишь разсудокъ, она совершенно забывала объ одаренности человѣческаго духа еще волею. Между тѣмъ, воля дозволяетъ раздѣлить явленія сознанія на двѣ группы: «я отъ меня» и «я не отъ меня», изъ которыхъ послѣдняя доказываетъ существованіе внѣшняго міра. Анализъ явленій обоихъ міровъ приводитъ Хомякова къ отысканію первопричины сущаго въ «волящемъ разумѣ» или разумѣвающей волѣ. Эта первопричина у Хомякова отличается дѣйствительнымъ бытіемъ отъ чисто отвлеченнаго Гегелевскаго абсолютнаго духа и имѣетъ очень мало общаго съ «волею» Шопенгауэра. Утверждая, что самосознаніе есть первичный и изначальный актъ проявленія сущаго и что въ немъ заключается внутренняя жизнь послѣдняго, Х. отчасти примыкалъ къ Шеллингу. Перехода отъ воли абсолютной къ частной ему не удалось изложить: онъ имѣлъ въ виду остановиться на этомъ въ недописанномъ предсмертномъ письмѣ. О непосредственномъ познаніи истины онъ говорилъ, что оно доступно лишь въ вѣрѣ (зрячести разума). Этимъ открывался переходъ отъ философскихъ изслѣдованій къ богословскимъ трудамъ. Эти послѣдніе обстоятельно разсмотрѣны и оцѣнены Н. И. Барсовымъ, представившимъ «опытъ синтеза» богословскихъ ученій Хомякова. Далекій отъ того, чтобы возводить Хомякова въ учители церкви, какъ это предлагалъ Ю. Ѳ. Самаринъ, Барсовъ однако находитъ, что «немногіе изъ нашихъ богослововъ такъ хорошо поняли умиротворяющій и любвеобильный духъ православія, не многіе сумѣли такъ хорошо—типически выяснить его свѣтлый образъ». Филологическія изысканія Хомякова теперь представляются сильно устарѣвшими, такъ какъ онъ занимался ими въ годы, когда сравнительное

языкознаніе лишь зарождалось. Не удивительно, что этимологическія догадки, и при нынѣшнихъ средствахъ науки представляющія весьма шаткую почву для изысканій, приводили его часто къ страннымъ, даже нелѣпымъ выводамъ. Однако нѣтъ сомнѣнія, что есть и въ филологическихъ трудахъ Хомякова кое-что оригинальное и цѣнное. На ряду съ философскими сочиненіями Хомякова особую важность представляютъ его историческія изысканія, особенно «Записки о всемірной исторіи», единственный въ своемъ родѣ философско-историческій трудъ въ нашей научной литературѣ. Это огромное сочиненіе, занимающее болѣе чѣмъ полторы тысячи страницъ, какъ уже сказано, не закончено и не было пересмотрѣно авторомъ; въ зиму 1859—60 года Х. говорилъ Погодину, что намѣревается приготовить его къ печати. Это намѣреніе однако не только не было выполнено, но, кажется, чуть не съ 1855 г. Х. вообще не работалъ надъ «Семирамидою». Въ настоящемъ своемъ видѣ эти «ученые мемуары» Хомякова доведены до XI в. по Р. Х. въ своей хронологической (второй) части, а въ общей (первой) даютъ основы сравнительнаго изученія племенъ, вѣры и языковъ. Заслуга Хомякова—въ указаніи важности религіознаго фактора въ жизни народовъ. Его выводы по исторіи религіи, указанія, напримѣръ, на роль началъ необходимости и свободы въ первоначальныхъ религіозныхъ представленіяхъ семитовъ и индоевропейцевъ не потеряли значенія и въ настоящее время. «Семирамида» представляетъ однако не одинъ лишь научный, но и художественный интересъ. В. И. Ламанскій, справедливо указываетъ на встрѣчающіяся здѣсь «цѣлыя страницы превосходныхъ характеристикъ разныхъ историческихъ явленій или дѣятелей въ жизни религіозной и государственной восточныхъ и европейскихъ народовъ, страницы, исполненныя изумительной глубины, необычайной силы и живости выраженія». Въ оцѣнкѣ Хомякова, какъ поэта, больше всего корней пустило воззрѣніе на него Бѣлинскаго, видѣвшаго въ стихотвореніяхъ его одну лишь холодную декламацію. Х. не былъ по природѣ поэтомъ (онъ самъ признавался, что у него мысль всегда преобладаетъ надъ чувствомъ), но это не исключало возможности созданія имъ нѣкоторыхъ дѣствительно высоко поэтическихъ произведеній. У него, несомнѣнно, имѣется много стихотвореній, безукоризненныхъ по формѣ и по содержанію. Рѣзкость и опредѣленность его міросозерцанія нигдѣ такъ не сказывается, какъ въ его стихахъ, и это затрудняетъ оцѣнку ихъ. Н. Щербина въ своемъ некрологѣ характеризуетъ Хомякова какъ «человѣка начинанія»; въ одновременной рѣчи и К. А. Коссовичъ называлъ его «начинателемъ». Эта мысль прекрасно развита В. И. Ламанскимъ: «Несмотря на множество ошибокъ, всякихъ натяжекъ и крупныхъ недостатковъ, неизбѣжныхъ у всѣхъ самородковъ и самоучекъ, сильныхъ въ высшей и слабыхъ въ низшей критикѣ, Х. является въ исторіи русской мысли, литературы и образованности великимъ дѣятелемъ и писателемъ, но не въ чемъ нибудь цѣломъ, а въ избранныхъ отрывкахъ. Такіе геніальные самородки были у всѣхъ европейскихъ народовъ. Ихъ значеніе въ исторіи какъ бы преобразовательное, ихъ значеніе—предтечъ. Они собою намѣчаютъ и предсказываютъ будущихъ геніевъ». Въ будущей безпристрастной исторіи самобытной русской мысли XIX в. Хомякову, вѣроятно, будетъ удѣлено одно изъ первыхъ мѣстъ. Значеніе его было бы яснѣе и безспорнѣе, если бы онъ не имѣлъ несчастія остаться безъ продолжателей начатаго имъ дѣла. Мастеромъ языка Х. былъ такимъ же, какъ и Аксаковы: многія его статьи можно причислить къ лучшимъ образцамъ русской прозы 40—50 гг. XIX вѣка.

Полнаго собранія сочиненій Хомякова еще нѣтъ. Предпринятое послѣ его смерти изданіе въ четырехъ томахъ содержитъ: въ т. I (М., 1861; 2 изд. 1878) философскія, историческія, критическія и иныя статьи и рѣчи, наиболѣе отражающія міросозерцаніе Хомякова, въ т. II (Прага, 1867; долго былъ запрещенъ; 2 изд., М., 1880) богословскія статьи съ предисловіемъ Ю. Ѳ. Самарина, въ т. III (М., 1871; 2 изд., 1882) и т. IV (М., 1873) записки о всемірной исторіи съ предисловіемъ Гильфердинга. Стихотворенія, переписка (кромѣ помѣщенныхъ въ II т. писемъ богословскаго содержанія) и нѣкоторыя прозаическія сочиненія Хомякова не собраны еще въ печатномъ трудѣ. Посмертное изданіе избранныхъ стихотвореній напечатано въ 1861 г. (позже М. 1888). Нѣкоторыя изъ писемъ, вошедшихъ во II томъ «Сочиненій», и другія, не вошедшія сюда, печатались въ «М. епарх. вѣдом.» (1869, № 38) и «Правосл. Обозр.» (1869, №№ 3, 4, 9, 11, 12); письмо о польскомъ вопросѣ къ А. О. Смирновой въ «Русской Мысли» за 1881 (№ 3). Главнѣйшіе изъ некрологовъ Хомякова, въ «Спб. Вѣдом.» (№ 215), «Русск. Вѣстн.»

(ст. Лонгинова, сентябрь 1860) и въ «Отчетѣ Имп. Ак. Наукъ» за 1852 — 65 г. Ср. также (Остенъ-Сакенъ), «Начало самобытной жизни А. С. Хомякова» («Рус. Инвал.» 1861 № 48 и «Утро» 1866), «Портретную Галлерею» Мюнстера и «Обз. рус. дух. литер.» арх. Филарета (т. II). «Въ память объ А. С. Хомяковѣ» издано было приложеніе къ «Рус Бесѣдѣ» за 1860 (т. II), куда вошли статьи о Хомяковѣ Погодина, Бартенева, Лонгинова, Гильфердинга, Самарина, Гиляровъ-Платонова (под. инициал. «Н. Г-ва») и К. А. Коссовича. Матеріалы къ біографіи и къ характеристикѣ Хомякова имѣются въ воспоминаніяхъ или перепискѣ Герцена, Грановскаго, И. С. Аксакова, Панаева, Кошелева, С. М. Соловьева, Никитенко и др.; особенно много біографическаго матеріала напечатано въ «Русскомъ Арх.» за 1863, 66, 76 (воспом. А. Рачинскаго), 78, 79 (воспом. А. Кошелева), 81, 84, 85, 86, 87, 91, 92, 94, 96 гг. По оцѣнкѣ литературной дѣятельности Хомякова спеціальныхъ изслѣдованій не имѣется; рядъ цѣнныхъ замѣчаній разсѣянъ въ многочисленныхъ статьяхъ и книгахъ о славянофильствѣ вообще Бестужева-Рюмина, Пыпина, И. Попова, О. Миллера, В. С. Соловьева и др.; ср. еще Барсовъ, «Историческіе, критическіе и полемическіе опыты» (Спб., 1879); Иванцовъ-Платоновъ, «Нѣсколько словъ о богословскихъ сочиненіяхъ А. С. Хомякова» («Православ. Обозр.», 1869, № 1); Ламанскій въ отзывѣ объ «Истор. рус. этнографіи Пыпина («Живая Старина» 1890, вып. II, стр. 229). Новѣйшія попытки біографіи и характеристики Хомякова: Завитневичъ, «А. С. Хомяковъ» («Славянское Обозрѣніе», 1892, т. II), Лясковскій, «А. С. Хомяковъ. Его біографія и его ученіе» («Рус. Архивъ» 1896, № 11 и отдѣльно; съ приложеніемъ систематическихъ выборокъ изъ сочиненій) и Е. Л., «А. С. Хомяковъ» (изданіе Спб. славянскаго благотворительнаго общества, Спб., 1897).

А. М. Ловягинъ.

Хомяковъ, *Ѳедоръ Тимофѣевичъ*, генералъ-поручикъ, поступилъ на службу рядовымъ въ 1708 г. и участвовалъ въ Полтавскомъ бою, а годъ спустя въ атакѣ г. Риги. Въ чинѣ полковника, командуя Азовскимъ драгунскимъ полкомъ, онъ отличился въ Крымскомъ походѣ 1738 года подъ Перекопомъ, взявъ съ боя два знамени и полковую пушку. Въ Шведской кампаніи 1742 года Х. съ однимъ эскадрономъ гусаръ и нѣсколькими казаками атаковалъ шведовъ близъ Эльценъ-Кирки и, встрѣтивъ превосходнаго въ числѣ врага, нѣсколько часовъ держался съ своимъ небольшимъ отрядомъ на позиціи до прихода подкрѣпленій. Съ переходомъ въ гражданскую службу Х., въ чинѣ дѣйств. статскаго совѣтника, съ 1755 — 1756 г. управлялъ Тульскою оружейною канцеляріей, а въ 1758 г. былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ ген.-поручика.

Дѣла армейскаго повытья, опись 8, кн. 369 (Моск. архивъ Главн. Штаба). *М. Г-ъ.*

Хорватъ (Хорватъ-Откуртичъ), *Иванъ Самойловичъ*, генералъ-поручикъ, ум. въ 1780 г.; происходилъ изъ австрійскихъ славянъ и былъ первымъ двигателемъ переселенія сербовъ въ Россію. Въ 1747 г. правительство императрицы Маріи Терезіи, въ благодарность за помощь, оказанную венграми въ войнѣ за австрійское наслѣдство, рѣшило отдать имъ земли ландмилиціи Подунайской, Потисской и Поморишской, а сербовъ, жившихъ на этихъ мѣстахъ, переселить далѣе къ границамъ Турціи. Сербы не захотѣли подчиниться этому рѣшенію; между ними возникли волненія, и наконецъ, полковникъ Иванъ Хорватъ, подполковники Дмитрій Хорватъ и Иванъ Шевичъ и капитаны братья Н. и Ѳ. Чорбы пришли къ мысли переселиться въ Россію. Въ началѣ 1751 г. они представили въ этомъ духѣ прошеніе тогдашнему послу нашему въ Вѣнѣ, гр. М. П. Бестужеву-Рюмину. Хорватъ обѣщалъ, что онъ наберетъ полкъ гусаровъ въ 1.000 человѣкъ изъ сербовъ и другихъ славянскихъ народовъ и полкъ пандуровъ въ 2.000 чел. изъ грековъ; онъ просилъ только земель для поселенія и возмѣщенія расходовъ, какіе онъ дѣйствительно на это дѣло произведетъ. Изъ Петербурга послѣдовало согласіе на этотъ проектъ; правительство Маріи Терезіи должно было уступить желанію сербовъ, и они получили право переселиться въ Россію. 10 октября 1751 г. Х. прибылъ въ Кіевъ съ 218 спутниками; слѣдомъ за нимъ явилось еще нѣсколько человѣкъ. Какъ глава всего этого движенія, Х. получилъ чинъ генералъ-майора, немедленно отправился въ Петербургъ и тамъ представилъ планъ набрать уже не два полка, а четыре, численностью до 10.000 чел. Х. получилъ подарокъ въ 3.000 р. и вообще встрѣтилъ очень хорошій пріемъ; по Высочайшему повелѣнію Сенатъ, совмѣстно съ Военною коллегіею, разсматривалъ проектъ Хорвата, при чемъ и самъ Х. былъ приглашаемъ къ участію въ обсужденіи проекта. Предложеніе было принято; на каждаго поселенца Х. долженъ былъ получить по 10 р. на первоначальное его обзаведеніе; затѣмъ ему отведены были огромныя пространства земли по правому берегу Днѣпра длиною болѣе чѣмъ на 30 миль, между рр. Синюхой, впадающей въ Бугъ, и Тясминой, впадающей въ Днѣпръ; на каждую роту гусарскаго полка поло-

жено было отвести по 320 кв. верстъ земли, а на роту пандурскаго по 240. Эти поселенія получили названіе Новой Сербіи и поставлены были подъ непосредственное и единственное управленіе Хорвата, который не былъ подчиненъ никому, кромѣ Сената. Ближайшимъ образомъ принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ генералъ-маіоръ артиллеріи Глѣбовъ, который сообща съ Хорватомъ, начиная съ весны 1752 г., приступилъ къ отмежеванію земель, предназначенныхъ для поселенцевъ Хорвата. Правительство относилось съ большимъ интересомъ къ этому дѣлу, обѣщавшему столь значительное приращеніе не только военныхъ силъ, но и населенія имперіи. Весною же Хорватъ испросилъ разрѣшеніе принимать выходцевъ и изъ Польши, если только это болгары или валахи, а не природные поляки, такъ какъ по трактатамъ Россія и Польша взаимно обязаны были не принимать природныхъ подданныхъ другого государства; такихъ переселенцевъ въ слѣдующемъ году явилось до 1000 чел.; правительство готово было даже на нѣкоторыя стѣсненія запорожцамъ, когда они сталкивались съ новыми поселенцами Хорвата. Къ началу Семилѣтней войны Х., дѣйствительно, представилъ цѣлый гусарскій полкъ и былъ за это пожалованъ 25 октября 1755 г. въ чинъ генералъ-поручика.

Но внутреннее состояніе заселенной имъ мѣстности было очень плохое. Х. крайне недобросовѣстно расходовалъ тѣ деньги, которыя онъ получалъ на первоначальное обзаведеніе новыхъ пришлецовъ; большею частью онъ бралъ эти деньги себѣ, а переселенцы терпѣли всевозможныя лишенія. Все управленіе дѣлами края сосредоточено было въ учрежденной, по рѣшенію Сената, канцеляріи въ г. Миргородѣ, который былъ устроенъ Хорватомъ и служилъ его резиденціей. Но въ этой канцеляріи сидѣли все родственники Хорвата и, между прочимъ, тамъ считались на службѣ два его малолѣтнихъ сына. Всѣхъ офицеровъ Х. держалъ въ своихъ рукахъ. Онъ привлекалъ ихъ хитрымъ обращеніемъ, обѣщаніями быстраго повышенія, а когда они пріѣзжали въ этотъ отдаленный край, то онъ всевозможными средствами забиралъ ихъ въ руки: если у кого были деньги, онъ бралъ ихъ въ займы или самъ, или черезъ своихъ близкихъ, умышленно по долгу не отдавая взятаго, задерживалъ жалованье и доводилъ обыкновенно до того, что офицеры были кругомъ въ долгу въ различныхъ лавкахъ, которыя онъ же самъ содержалъ на чужія имена, и потому не могли уже уѣхать. Въ то же время Х. старался, чтобы между офицерами не было солидарности, и при помощи нѣсколькихъ преданныхъ ему интригановъ ссорилъ всѣхъ, кто только начиналъ сближаться. Въ личныхъ отношеніяхъ съ подчиненными Х. былъ чрезвычайно дерзокъ, публично билъ капитановъ и поручиковъ и при своемъ энергичномъ характерѣ и ловкости долгое время умѣлъ держать всѣхъ въ полномъ страхѣ и повиновеніи. Первое время поднимались было на него жалобы, но онъ умѣлъ оставаться правымъ, благодаря петербургскимъ связямъ, которыя онъ старательно поддерживалъ неоднократными поѣздками въ Петербургъ. Эти неудачныя попытки бороться противъ почти неограниченнаго во власти начальника наконецъ уничтожили у всѣхъ надежду добиться защиты и управы. Особенно тяжело было положеніе простыхъ переселенцевъ-солдатъ; однажды толпа ихъ, доведенная голодомъ до отчаянія, явилась просить хлѣба прямо у дома Хорвата; онъ придалъ дѣлу такой видъ, будто это бунтъ, разогналъ толпу картечью и тѣло одного убитаго выставилъ за городомъ на колесѣ. Неудивительно, что поселенцы, вынужденные голодомъ, иногда предавались грабежамъ; да и самъ Х. устраивалъ набѣги на польскія границы. Вообще поведеніе Хорвата рисуетъ ужасную картину, до чего могъ дойти тогда въ своихъ беззаконіяхъ и злоупотребленіяхъ ловкій и дерзкій человѣкъ, если онъ имѣлъ власть.

Но во всякомъ случаѣ слухи о злоупотребленіяхъ Хорвата доходили до Петербурга. Немедленно послѣ смерти императрицы Елизаветы Х. отправился въ Петербургъ, вѣроятно, чтобы упрочить свое положеніе при новомъ царствованіи. Но вышло наоборотъ: императору было доложено о его злоупотребленіяхъ; неясно, но несомнѣнно, что какую-то роль игралъ при этомъ ген.-адъютантъ Гудовичъ; весьма возможно, что онъ, какъ малороссъ по происхожденію, получилъ какія-нибудь несомнѣнныя свѣдѣнія о происходившемъ въ Новой Сербіи. 21 марта 1762 г. было начато слѣдствіе о дѣйствіяхъ Хорвата.

Въ крѣпость Св. Елизаветы прибылъ слѣдователь, полковникъ Спичинскій; къ нему бѣжалъ со всѣми дѣлами и документами управляющій канцеляріей Хорвата офицеръ, чтобы быть въ безопастности отъ преданныхъ Хорвату людей; затѣмъ поступила масса жалобъ отъ офицеровъ. Вслѣдствіе рапорта, посланнаго Спичинскимъ въ Петербургъ, оттуда былъ отправленъ для производства слѣдствія ген.-поручикъ кн. Гр. Сем. Мещерскій. Вступленіе на престолъ императрицы Екатерины застало его уже въ дорогѣ; императрица поручила производство слѣдствія ген.-поручику А. П. Мельгунову и ген.-аншефу И. Ѳ. Глѣбову. Х. былъ лишенъ чиновъ и сосланъ въ Вологду, гдѣ и умеръ; на имущество его была обращена казенная претензія въ 64.999 р. Сыновья его служили въ военной службѣ и оба достигли генеральскихъ чиновъ. Новая Сербія была преобразована въ Новороссійскую губернію и поручена управленію Мельгунова.

Полн. Собр. Законовъ №№ 9919, 9976, 9993, 10049. — Соловьевъ: «Исторія Россіи», книга V, 710—713, 1026, 1487. — Н. А. Поповъ: «Военныя поселенія сербовъ въ Австріи и Россіи», въ «Вѣстникѣ Европы» 1876 г., № 6. — «Извѣстіе о похожденіи Сим. Степ. Пишчевича», М. 1884, часть III.

Н. Ч.

Хорисъ, Логгинъ (Людвигъ) Андреевичъ, путешественникъ и живописецъ, род. въ Екатеринославлѣ въ 1795 г., убитъ 22 марта 1828 г. во время путешествія по Мексикѣ. Нѣмецъ по происхожденію, онъ воспитывался въ Харьковской гимназіи и уже съ ранняго дѣтства проявлялъ большія способности къ рисованію и особенный интересъ къ естественнымъ наукамъ, съ большимъ талантомъ рисуя всевозможные предметы, преимущественно изъ естественной исторіи. Благодаря этимъ способностямъ Хорису въ 1813 г. представился случай участвовать въ качествѣ рисовальщика въ экспедиціи извѣстнаго ботаника барона Боберштейна на Кавказскія горы. Вернувшись изъ путешествія, Х. въ 1814 г. поступилъ въ Императорскую академію художествъ, но пробылъ тамъ только одинъ годъ, получивъ въ 1815 г. приглашеніе къ участію въ кругосвѣтномъ плаваніи подъ начальствомъ О. Е. Коцебу на кораблѣ Рюрикѣ, снаряженномъ государственнымъ канцлеромъ гр. Румянцевымъ. Путешествіе продолжалось съ 1815 по 1818 г. Въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ Хорису удалось изготовить массу рисунковъ, изображавшихъ жизнь дикарей Америки, Азіи, Африки и Полинезіи и предметы изъ естественной исторіи. По возвращеніи изъ плаванія онъ въ 1819 г. прибылъ въ Парижъ, гдѣ обратилъ на себя вниманіе извѣстныхъ естествоиспытателей и былъ избранъ членомъ Парижскаго географическаго общества. Тамъ же онъ занялся изученіемъ литографіи, намѣреваясь издать въ свѣтъ собранные во время путешествій матеріалы. Рисунки Хориса носили отпечатокъ оригинальности и большого реализма, шедшаго въ разрѣзъ съ принятымъ художниками того времени обычаемъ прибѣгать въ изображеніи дикарей и ихъ жизни къ идеализаціи. Эти рисунки вошли въ составъ слѣдующихъ двухъ изданій: 1) «Voyage pittoresque autour du monde», Paris, 1821—23; 22 тетради въ листъ съ изображеніями дикарей четырехъ частей свѣта, ихъ жилищъ, оружія, домашней утвари, музыкальныхъ инструментовъ и т. п., а также животныхъ, птицъ и растеній; текстъ этого изданія написанъ нѣмецкимъ поэтомъ Шамиссо, участвовавшимъ въ экспедиціи Коцебу, и столь извѣстными учеными, какъ Кювье и Галль, и многими другими. 2) «Vues et paysages des régions équinoxiales, recueillis dans un voyage autour du monde», Paris, 1826; 24 рисунка въ малый листъ; это изданіе является дополненіемъ къ первому. Въ 1828 г. Х. объявилъ о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ еще одной книги подъ заглавіемъ: «Recueil de têtes et costumes des habitans de la Russie avec des vues du mont Caucase et des ses environs», но это изданіе не состоялось, такъ какъ авторъ въ томъ же году предпринялъ путешествіе въ Америку. Объѣхавъ Антильскій архипелагъ, Х. 19 марта 1828 г. прибылъ въ мексиканскій городъ Веракрузъ и, снабженный рекомендательными письмами, отправился въ сопровожденіи англичанина Гендерсона вглубь страны; но уже 22 марта (3 апрѣля) путешественники подверглись нападенію разбойниковъ, при чемъ Х. былъ убитъ; Гендерсону удалось спастись, и по его указаніямъ въ лѣсу былъ найденъ трупъ Хориса и погребенъ въ Плань-дель-Рio. Въ засѣданіи Парижскаго географическаго общества 3 іюня 1828 г. однимъ

изъ членовъ его было сдѣлано сообщеніе о преждевременной смерти Хориса.

«Biographie universelle des contemporains».—«Моск. Вѣд.» 1828 г., №№ 57 и 71.—«Спб. Вѣд.» 1828 г., № 54. — «Сѣв. Пчела» 1828 г., № 97. — «Словарь достоприм. людей русск. земли», Бантыша-Каменскаго, 1836, т. V.

Н. Б.

Хорошхинъ, *Александръ Павловичъ*, подполковникъ Уральскаго казачьяго войска, ум. 25 августа 1875 г. Дѣтство онъ провелъ на Нижне-Уральской линіи, въ центрѣ калмыцкаго населенія, а затѣмъ воспитывался въ азіатскомъ отдѣленіи Оренбургскаго кадетскаго корпуса, куда поступилъ въ 1853 г. Въ корпусѣ Х. превосходно изучилъ языки инородцевъ, преподаваніе которыхъ велось главнымъ образомъ практически и притомъ отличными учителями. Произведенный въ 1859 г. въ хорунжіи въ Уральскій № 1 полкъ, онъ служилъ тамъ шесть лѣтъ, одновременно состоя секретаремъ Уральской войсковой комиссіи. Въ 1865 г. Х., въ чинѣ есаула, былъ отправленъ по собственному желанію въ Туркестанскій край, гдѣ и занималъ различныя должности по военно-народному управленію, а въ 1868 г. принялъ участіе въ Бухарской экспедиціи. Во время этого похода авганцы, присоединившіеся къ Россіи, составляли отдѣльный отрядъ; начальство надъ нимъ принялъ Х. и 14 августа 1870 г. отличился при взятіи города Китаба. Въ 1873 г., по установленіи протектората надъ Хивой, Х. состоялъ въ совѣтѣ, учрежденномъ при хивинскомъ ханѣ, и эта должность дала ему полную возможность собрать богатый этнографическій и статистическій матеріалъ, который принесъ ему не малую пользу въ послѣдующихъ трудахъ. Съ научной цѣлью Х. объѣхалъ весь Туркестанъ. Въ 1874 г. часть сѣверныхъ авганцевъ отпала отъ Россіи. Х., посланный съ небольшимъ конным отрядомъ, въ короткое время возстановилъ спокойствіе, а въ 1875 г., въ сраженіи подъ Махрамомъ, послѣ взятія укрѣпленной позиціи, съ небольшой партіей казаковъ бросился преслѣдовать противника, но неожиданно очутился предъ сильнымъ отрядомъ врага. Х. и весь его отрядъ были изрублены; тѣло Хорошхина нашли въ степи и похоронили въ Бухарѣ на православномъ кладбищѣ. Кромѣ многочисленныхъ, но небольшихъ по объему статей (до 70), помѣщенныхъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ, Хорошхину принадлежатъ слѣдующіе капитальные труды по топографіи, этнографіи и статистикѣ Туркестанскаго края: 1) «Очерки Туркестана», 1872; 2) «Народы Средней Азіи» («Турк. Вѣдом.» 1871 г., № 9 и 10); 3) «Туркестанъ» (Военный сборникъ» 1873 г., № 3); 4) «Шамды или Талы» («Военный сборникъ» 1873 г., № 4).

«Уральскія Вѣдом.» 1876 г., № 1. — «Гражданинъ» 1876 г., № 4.—«Энциклопедія Эфрона-Брокгауза», въ статьѣ «Бухара». — Предисловіе къ «Очеркамъ Туркестана».

М. Г—з.

Хотинскій, *Матвѣй Степановичъ*, писатель по естественнымъ наукамъ и астрономіи, род. въ 1810 г., ум. въ С.-Петербургѣ 5 января 1866 г.; образованіе получилъ въ С.-Петербургскомъ высшемъ училищѣ Министерства народнаго просвѣщенія. Глубоко убѣжденный въ томъ, что научныя знанія должны быть по возможности распространяемы и сдѣлаться достояніемъ народа, Х. преимущественно занимался переводами и составленіемъ популярныхъ сочиненій по естествознанію и астрономіи. Онъ обладалъ замѣчательнымъ даромъ представлять читателю самые запутанные и сухіе научные вопросы въ ясномъ, общедоступномъ и интересномъ изложеніи, такъ что его многочисленныя популярныя статьи въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ читались публикой съ живѣйшимъ интересомъ. Х. долгое время былъ постояннымъ сотрудникомъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» и помѣстилъ въ немъ какъ большое число критическихъ разборовъ разныхъ книгъ научнаго содержанія (въ частяхъ LIV—CX), такъ и много статей по естествовѣдѣнію и астрономіи, изъ которыхъ можно указать на слѣдующія: «Изысканія Леверрье надъ движеніями Урана, приведшія къ открытію новой планеты—Нептуна (LIII), «Взглядъ на химическія теоріи» (LIII), «Перечень химическихъ изслѣдованій и открытій» (чч. LIV—LVI и LVIII), «Историческій очеркъ экспедиціи въ сѣверо-полярныя страны» (LIX), «Споръ о планетѣ Нептунѣ» (LX, 2), «Успѣхи знаній относительно системы міросозданія» (LXV), «Рѣшеніе вопроса о теоріяхъ свѣта» (LXIX), «Очеркъ жизни и трудовъ Этьена-Жоффруа Сентъ-Илера» (LXXVII). Кромѣ того Х. сотрудничалъ еще въ «Сѣверной Пчелѣ», «Современникѣ»,

«Духѣ Христіанина» и другихъ журналахъ и помѣстилъ, между прочимъ, въ «Сынѣ Отечества» (1860) большой рядъ статей подъ заглавіемъ «Темныя стороны человѣческаго ума и чувствъ», въ которыхъ трактуетъ о чародѣйствѣ и тайныхъ наукахъ. Въ послѣдніе годы жизни Х. почти исключительно занимался переводомъ научныхъ сочиненій; большимъ успѣхомъ пользовался его переводъ сочиненія Араго «Популярная астрономія».

«Русс. Архивъ» 1868 г., № 12, стр. 2024. — «Голосъ» 1866 г., № 12. —, «Сѣверная Пчела» 1851 г., № 138. — «Иллюстр. Газета» 1866 г., № 5.

А. Ч.

Хотовицкій, *Степанъ Ѳомичъ*, тайный совѣтникъ, заслуженный профессоръ Петербургской медико-хирургической академіи, род. въ 1794 г., ум. 30 марта 1885 г. въ Петербургѣ. Сынъ священника, онъ изучалъ медицину въ Петербургской медико-хирургической академіи, курсъ которой блестяще окончилъ въ 1817 г., такъ что «за отличные успѣхи въ наукахъ» былъ удостоенъ серебряной медали, признанъ лѣкаремъ 1-го отдѣленія и оставленъ при академіи. Командированный на казенный счетъ для дальнѣйшаго усовершенствованія за границу, Х. по инструкціи, данной академіей, долженъ былъ изучать медицинскія науки полтора года въ Германіи и столько же въ Англіи и обязательно посѣтить Вѣну, Берлинъ, Геттингенъ, Эдинбургъ и Лондонъ. По собственному выбору онъ спеціально посвятилъ себя изученію акушерства, со включеніемъ женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, а кромѣ того изучалъ еще судебную медицину, медицинскую полицію и эпизоотическія болѣзни, пробывъ, съ разрѣшенія академіи, за границей не три, а четыре года. По возвращеніи въ Петербургъ въ 1822 г., Х. былъ назначенъ адъюнктъ профессоромъ Медико-хирургической академіи по каѳедрѣ акушерства, судебной медицины и медицинской полиціи и вскорѣ затѣмъ принялъ на себя также обязанности ординатора въ госпиталѣ и субъинспектора въ академіи. Въ 1823 г. Х. защитилъ диссертацію на степень доктора медицины «Paedo-gynaicoiatrices synoptica expositio evolutioni et revolutioni vitae superstructa», обнаружившую богатыя познанія Хотовицкаго и «представившую обширный и полный сводъ современнаго состоянія медицины въ Западной Европѣ». Утвержденный въ званіи адъюнктъ-профессора, Х. принялся за разработку богатыхъ матеріаловъ, собранныхъ имъ въ бытность за границей; но эти занятія были прерваны командировкой его Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ Астрахань для изученія господствовавшей тамъ холеры. Къ пріѣзду Хотовицкаго эпидемія въ Астрахани уже прекратилась, однако онъ провелъ тамъ около года, внимательно изучая условія и развитіе болѣзни. Восемь лѣтъ спустя, во время холерной эпидеміи, охватившей всю Россію, онъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ холернаго столичнаго комитета и оказалъ важныя услуги въ дѣлѣ прекращенія болѣзни, за что и удостоился особой монаршей милости. Плодомъ этихъ спеціальныхъ занятій явились двѣ монографіи: «О С.-Петербургской язвѣ» (1831) и «О холерѣ (1832), изъ которыхъ послѣдняя заключала въ себѣ полную исторію холеры съ богатыми литературными указаніями; эта статья заслуживаетъ особаго упоминанія еще и потому, что сосредоточила вниманіе и работы Хотовицкаго на общественной гигіенѣ и медицинской полиціи, отрасляхъ медицины, которыя въ то время въ Россіи находились еще въ зародышномъ состояніи. Какъ болѣе обширные труды Хотовицкаго въ этомъ направленіи слѣдуетъ упомянуть «Жизненные припасы въ медико-полицейскомъ отношеніи» («Военно-медицинскій журналъ» 1829 и 1830 гг.) и «Смерть въ судебно-медицинскомъ и медико-полицейскомъ отношеніяхъ», обширное изслѣдованіе, напечатанное въ девяти номерахъ того-же журнала 1833—1836 гг. Въ началѣ тридцатыхъ же годовъ Х., замѣщая своего учителя, профессора С. А. Горлова, временно занималъ въ академіи каѳедру акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней и въ продолженіе пяти лѣтъ (съ 1828—1833 г.) безмездно исполнялъ обязанности петербургскаго городского акушера. Къ этому періоду относятся его статьи «Менструація и ея болѣзни» («Военно-медиц. журналъ», 1830, ч. 16), «Венерическая болѣзнь у новорожденнаго» (ibid., 1834, ч. 24), «Дѣтская одышка» (ibid., 1838, ч. 31) и много другихъ, нерѣдко занимавшихъ цѣлый номеръ журнала. Съ 1835 — 1839 г. Х. состоялъ редакторомъ «Военно-медицинскаго журнала» и въ это время помѣстилъ въ немъ цѣлый рядъ статей общественно-

гигіеническаго характера, которыя, отличаясь раціональностью взгляда, полнотой и ясностью, содѣйствовали уничтоженію многихъ предразсудковъ, господствовавшихъ въ обществѣ того времени. Неотложная потребность въ учебникѣ по женскимъ болѣзнямъ и невозможность выработать его самостоятельно въ короткое время побудили Хотовицкаго перевести съ нѣмецкаго сочиненіе Каруса «Учебная книга гинекологіи» (Спб. 1833—1836, 3 части), которое въ русскомъ переводѣ выдержало два изданія. Кромѣ того, онъ перевелъ съ англійскаго учебникъ теоретической хирургіи Купера «Чтенія о начальныхъ и практическихъ основаніяхъ хирургіи» (Спб. 1836, 3 части), по порученію Св. Синода составилъ учебникъ подъ заглавіемъ «Народно-врачебное наставленіе для духовныхъ училищъ» (1844), десятое изданіе котораго появилось въ 1863 г., и написалъ учебникъ педіатрики (1847). Въ 1847 г., оставивъ академію, въ которой онъ прослужилъ ровно 30 лѣтъ, Х. до смерти, постигшей его на 91 году, продолжалъ состоять членомъ Медицинскаго совѣта Министерства внутреннихъ дѣлъ и 14 августа 1867 г. праздновалъ пятидесятилѣтній юбилей своей служебно-медицинской дѣятельности.

«Медицинскій Вѣстн.» 1867 г., № 41 («Два юбилея»). — «Врачъ» 1885 г., № 14.—Змѣевъ: «Русск. врачи-писатели», вып. I, стр. 144; во второмъ дополненіи къ этой книгѣ (стр. 47) приведенъ перечень всѣхъ сочиненій и статей Хотовицкаго. — Д. Языковъ: «Обзоръ жизни и трудовъ русск. писателей», вып. 5, 1889.

А. Ч.

Хотяинцевъ, *Иванъ Николаевичъ*, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ, род. въ 1785 г., ум. въ 1856 г. Службу началъ въ 1793 г. капраломъ въ Кексгольмскомъ гарнизонѣ и въ 1805 г. былъ произведенъ въ офицеры, съ переводомъ въ Костромской егерскій полкъ. Его боевая дѣятельность началась въ 1806 г. участіемъ въ сраженіяхъ подъ Голошинымъ, Янковымъ и Лайсбергомъ; 28 мая 1807 г. Х. въ сраженіи при Гутштадтѣ былъ раненъ въ правую ногу. Два года спустя онъ участвовалъ въ кампаніи противъ австрійцевъ, а въ 1810 г. сражался съ турками подъ Рущукомъ и Шумлою. Отечественную войну Х. началъ въ рядахъ Владимірскаго пѣхотнаго полка, куда былъ переведенъ съ чиномъ маіора, и за сраженіе при Городечнѣ (16 нояб.) былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Въ 1813 г. Х. принималъ участіе въ блокадѣ крѣпости Торна и за бой при с. Кенигсвартѣ (7 мая) былъ произведенъ въ полковники, а во время коалиціонной войны противъ Наполеона вновь отличился въ сраженіи при Ля-Ротіерѣ (20 янв. 1814 г.), при чемъ былъ раненъ въ правую щеку съ раздробленіемъ кости. Съ 1820 г. Х. шесть лѣтъ командовалъ Витебскимъ полкомъ, затѣмъ былъ назначенъ командиромъ своднаго Нарвскаго баталіона; въ Турецкой кампаніи 1828 года онъ находился въ сраженіяхъ подъ Силистріей и Журжей, а во время польскаго возстанія 1830 и 1831 гг. дѣйствовалъ въ раіонѣ губерній, лежащихъ по Нѣману. Произведенный въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ командиромъ 1-й бригады 14 пѣхотной дивизіи, Х. сражался на Кавказѣ и весь 1844 г. провелъ въ безпрерывныхъ стычкахъ съ горцами, отличившись особенно набѣгомъ на аулъ Гергебиль (23 іюня), при которомъ, стоя во главѣ незначительнаго отряда, совершенно разбилъ непріятеля. Въ 1845 г. Х. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ начальникомъ резервной дивизіи запасныхъ войскъ 3-го армейскаго корпуса; въ 1852 г. ему было повелѣно присутствовать въ первомъ отдѣленіи 6-го департамента Сената; но вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Николай I, считая Хотяинцева выдающимся боевымъ генераломъ, повелѣлъ, чтобы онъ въ случаѣ сбора резервовъ былъ готовъ немедленно вернуться въ строй. Не прошло и года, какъ Х. получилъ приказаніе сформировать резервные и запасные батальоны въ Москвѣ. По исполненіи этого порученія онъ снова вернулся въ Сенатъ, въ которомъ и присутствовалъ до своей смерти.

Формулярный списокъ за № 1483 въ Сенатск. архивѣ.

М. Г—ъ.

Храниловъ, *Иванъ Ивановичъ*, Ростовскій купецъ, ктиторъ церквей Ростовскаго кремля, род. въ 1826 г., ум. 9 іюня 1866 г. Проведя значительную часть своей юности въ Выборгѣ по дѣламъ торговли, Х. въ концѣ 50-ыхъ годовъ вернулся въ Ростовъ. Съ живымъ интересомъ онъ сталъ знакомиться съ торгово-промышленной жизнью родного города и напечаталъ по

этому вопросу работу «Ростовскій уѣздъ и городъ Ростовъ Ярославской губерніи» (М. 1859) и статьи «Городъ Петровскъ» (1857) и «Замѣчанія о Ярославской ярмаркѣ» (1859), помѣщенныя въ «Ярославскихъ губернск. вѣдомостяхъ». Свою довольно богатую библіотеку Х. предоставилъ въ пользованіе публики, но понесенные при этомъ значительные расходы и убытки заставили его черезъ 2 года закрыть устроенную читальню. Главной заслугой Храпилова является реставрація церквей Ростовскаго кремля, важнаго историческаго памятника второй половины XVII стол., который, однако, со времени перенесенія въ 1787 г. архіерейской каѳедры изъ Ростова въ Ярославль, пришелъ въ совершенное запустѣніе. Хотя вопросъ о реставраціи и былъ поднятъ послѣ посѣщенія кремля великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами (1850), однако, не смотря на попытки разныхъ лицъ, дѣло не подвигалось впередъ до 1860 г. Наконецъ за него взялся Х. и благодаря неутомимой его энергіи работы могли быть начаты въ 1861 г. Не щадя и своихъ собственныхъ средствъ, онъ сумѣлъ въ короткое время собрать довольно значительный капиталъ, на который была возстановлена въ прежнемъ видѣ церковь Воскресенія Христова, построенная, какъ и большинство другихъ кремлевскихъ зданій, митрополитомъ Іоною Сысоевичемъ. Х. же пріобрѣлъ церковную утварь, и въ концѣ 1861 года церковь была торжественно освящена. Въ слѣдующемъ году была реставрирована церковь Божіей Матери Одигитріи, а въ 1863 г. Богословская церковь. Необходимыя для этихъ работъ средства были собраны Храпиловымъ, который сумѣлъ возбудить въ мѣстномъ обществѣ живое сочувствіе и готовность жертвовать на благое дѣло значительныя суммы. За такія услуги Х. 7 окт. 1863 г. былъ утвержденъ епархіальнымъ начальствомъ въ званіи ктитора ростовскихъ кремлевскихъ церквей. На первыхъ порахъ возобновленныя церкви не имѣли своего причта, такъ что для богослуженія приходилось пользоваться услугами соборныхъ священниковъ. Но и это затрудненіе было устранено стараніями Храпилова: по его настоянію городская дума назначила ежегодный кредитъ на содержаніе особаго для этихъ церквей причта. Наконецъ, въ 1865 г. была возстановлена и замѣчательная по своей внутренней архитектурѣ церковь Всемилостиваго Спаса, а также западная часть кремлевской ограды. Къ сожалѣнію, смерть не дала Храпилову довести до конца такъ счастливо начатое дѣло.

«Ярославск. епарх. вѣдом.» 1866 г., № 42 (статья протоіерея Тихвинскаго).—«Сѣв. Пчела» 1863 г., № 252. — «Ярославск. губерн. вѣдом.» 1857 г., часть неоф., №№ 29—31, и 1859 г., № 21.—«Волга» 1863 г., № 64, (статья В. Лаврова по поводу соч. Храпилова «Ростовскій уѣздъ»).

Р. М.

Храпачевъ, *Василій Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, генералъ-кригсъ-комиссаръ, род. въ 1786 г., ум. въ 1851 г.; вступилъ въ службу въ 1804 г. подпрапорщикомъ въ Астраханскій гренадерскій полкъ и въ 1808 г. былъ произведенъ въ офицеры. Онъ участвовалъ въ турецкихъ кампаніяхъ 1806, 1809, 1810 и 1811 гг. и въ войнахъ съ французами 1806 — 1815 гг., отличившись въ сраженіи при Остроленкѣ, при блокадѣ крѣпости Ченстохова и въ сраженіяхъ при Кацбахѣ и Лейпцигѣ. Въ 1813 г. Х. былъ назначенъ адъютантомъ къ начальнику 10-ой пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанту кн. Ливену и оставался въ этой должности до 1822 г., когда получилъ въ командованіе резервную бригаду 11-ой пѣхотной дивизіи, а въ 1825 г. поступилъ въ Военное министерство, занявъ должность вицедиректора Комиссаріатскаго департамента. Произведенный въ ген.-маіоры (1832), онъ въ 1837 г. былъ назначенъ директоромъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ — генералъ-кригсъ-комиссаромъ и занималъ эту должность до конца жизни, будучи въ 1843 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Х. предсѣдательствовалъ во многихъ комиссіяхъ и былъ главнымъ сотрудникомъ при составленіи обширнаго труда «Описаніе обмундированія и вооруженія войскъ русской арміи», изданнаго въ 1841 г.

Послужной списокъ, хранящійся въ Общемъ архивѣ Главнаго штаба.

М. Г—ъ.

Храповицкій, *Александръ Васильевичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, статсъ-секретарь императрицы Екатерины II, писатель, род. 7 марта 1749 г., ум. 29 декабря 1801 г. Отецъ его, Василій Ивановичъ (см. ниже), былъ лейбъ-кампанецъ, послѣ воцаренія Елизаветы Петровны

получившій дворянство и умершій въ чинѣ генералъ-аншефа; мать Храповицкаго была дочь извѣстнаго устроителя Вышневолоцкаго канала Сердюкова. Х. былъ зачисленъ на службу въ 1756 г.; воспитаніе получилъ въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ. Съ самаго дѣтства онъ обнаружилъ большія способности и любовь къ литературѣ; ребенкомъ онъ съ отцомъ бывалъ у Ломоносова и всю жизнь сохранялъ воспоминанія объ этихъ сношеніяхъ. Въ 1762 г. былъ напечатанъ его переводъ съ французскаго «Похожденія Неоптолема, сына Ахиллесова»; въ 1766 г. Х. поступилъ на дѣйствительную службу подпоручикомъ и продолжалъ заниматься литературою: въ 1769 г. А. П. Сумароковъ въ письмѣ на его имя отозвался съ большою похвалою о статьяхъ его, присланныхъ въ журналъ «И то и сё»; въ то же время Х. преподавалъ русскій языкъ извѣстному впослѣдствіи А. Н. Радищеву; въ 1776 г. онъ записанъ былъ въ масонскую ложу Елагина, но дѣятельнаго участія въ ея занятіяхъ не принималъ. Въ 1772 г. Х. былъ въ штатѣ фельдмаршала гр. К. Г. Разумовскаго генералъ-аудиторъ-лейтенантомъ; въ 1775 г. перешелъ на службу въ Сенатъ и въ качествѣ секретаря подписалъ сентенцію о Пугачевѣ и его сообщникахъ; съ 1776 по 1781 г. былъ «у генералъ-прокурорскихъ дѣлъ» сначала секретаремъ, затѣмъ оберъ-секретаремъ. Въ 1781 г., съ введеніемъ въ дѣйствіе только что учрежденныхъ при Сенатѣ, по плану кн. А. А. Вяземскаго, экспедицій о государственныхъ доходахъ и о государственныхъ расходахъ, былъ назначенъ управляющимъ этою послѣднею. 1 января 1783 г. Х. былъ назначенъ въ число статсъ-секретарей императрицы, или какъ тогда говорилось, «у принятія челобитенъ»; другими статсъ-секретарями во время назначенія Храповицкаго были Заводовскій, Безбородко, Пастуховъ, Соймоновъ и Турчаниновъ. Первые три года Х. не былъ особенно отличаемъ императрицею. Но въ 1787 г. онъ сопровождалъ ее во время путешествія въ Крымъ, велъ журналъ этого путешествія и съ того времени императрица приблизила его къ себѣ. Х. въ своихъ запискахъ только очень рѣдко говоритъ о своихъ докладахъ государынѣ по челобитьямъ; императрица давала ему обыкновенно особыя порученія самаго разнообразнаго характера. Онъ былъ близкимъ совѣтчикомъ и сотрудникомъ въ ея литературныхъ и историческихъ трудахъ: исправлялъ по ея порученію слогъ въ нѣкоторыхъ ея произведеніяхъ, составлялъ для нихъ стихотворныя ихъ части, наблюдалъ за перепискою сочиненнаго императрицею, подыскивалъ по ея порученію книги и географическія карты для ея работъ, просматривалъ переводы сочиненій императрицы на французскій языкъ, составлялъ для нея собраніе камей, отбиралъ и представлялъ ей разные антики для пріобрѣтенія. И. П. Дмитріевъ былъ очень высокаго мнѣнія о литературномъ вкусѣ Храповицкаго и его способности къ письмоводству сравнивалъ со способностями Сперанскаго; слѣдовательно, и тутъ императрица Екатерина обнаружила свое обыкновенное умѣнье въ выборѣ людей. Между разговорами и совѣщаніями преимущественно по вопросамъ выше перечисленнымъ императрица разговаривала нерѣдко съ Храповицкимъ и о разныхъ важныхъ дѣлахъ политики внѣшней и внутренней. Онъ вообще почитался, повидимому, спеціалистомъ въ дѣлахъ финансовыхъ и экономическихъ. Такъ, императрица неоднократно совѣщалась съ нимъ о работахъ и предположеніяхъ комиссій, которыя дѣйствовали довольно долго въ началѣ 1780-хъ годовъ по вопросамъ о запасахъ въ разныхъ губерніяхъ хлѣба и соли; впрочемъ, комиссіи эти оказались безсильными выработать мѣропріятія, которыя бы вполнѣ обезпечили для всѣхъ мѣстностей имперіи правильное снабженіе ихъ солью и достаточные запасы хлѣба. Черезъ руки Храповицкаго проходили разныя представленія императрицѣ отъ комиссіи о строеніяхъ, представленія и планы о мѣдной монетѣ, и императрица обыкновенно принимала его совѣты; въ 1786 г. онъ составилъ Карантинное положеніе; въ 1785 г. съ успѣхомъ исполнилъ возложенное на него порученіе—разслѣдовать и исправить недостатки въ управленіи казенною суконною фабрикою въ Ямбургѣ. Въ 1794 г., вмѣстѣ съ Державинымъ и Новосильцевымъ, Х. былъ назначенъ къ разсмотрѣнію бюджета. Въ февралѣ 1789 г. въ театральномъ придворномъ управленіи обнаружены были большіе безпорядки и расходы; Х предложилъ, чтобы управленіе театрами поручено было ему и Соймонову; императрица согласилась и приказала Храповицкому раз-

смотрѣть всѣ счеты и представить свои соображенія, какъ расплатиться со старыми долгами и какъ вести далѣе управленіе театрами. Но представленная Храповицкимъ и Соймоновымъ записка очень не понравилась императрицѣ, потому что они просили для расчетовъ и дальнѣйшаго содержанія театровъ суммы весьма значительной, именно до 135.000 р. единовременно и 280 000 р. ежегодно. Только послѣ многихъ измѣненій въ этомъ докладѣ и съ большими сокращеніями въ составѣ труппы императрица 3 марта назначила Храповицкаго и Соймонова директорами театровъ. Но новые директоры не долго остались на своихъ мѣстахъ. Въ февралѣ 1791 г. молодая актриса Уранова, играя въ Эрмитажномъ театрѣ, пала на колѣни предъ ложею императрицы и подала жалобу, что Х. и Соймоновъ, изъ угожденія графу Безбородко, ухаживающему за ней, препятствуютъ ея браку съ актеромъ Сандуновымъ. Императрица приняла это дѣло очень близко къ сердцу: въ ту же ночь Х. и Соймоновъ были отставлены отъ управленія театрами, на мѣсто ихъ назначенъ князь Юсуповъ, а черезъ нѣсколько дней Сандуновъ и Уранова были обвѣнчаны въ придворной церкви. На нѣкоторое время императрица была очень холодна къ Храповицкому, но затѣмъ вернула ему свое расположеніе; онъ по старому исполнялъ всѣ свои прежнія обязанности при государынѣ до 2 сентября 1793 г., когда, по случаю празднованія мира съ Турціей, пожалованъ былъ чиномъ тайнаго совѣтника и сенаторомъ въ IV департаментѣ, чѣмъ и кончилось его статсъ-секретарство. Въ день коронаціи императора Павла I Х. получилъ орденъ св. Анны I ст., 15 сентября 1801 г. возведенъ въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Х. сдѣлалъ быстро свою карьеру. Въ теченіе службы онъ неоднократно получалъ щедрыя награды, доказывавшія, что императрица была имъ довольна; дважды получилъ онъ денежные подарки въ 5000 р., одинъ разъ въ 1000 р.; при торжествахъ по случаю заключенія мира со Швеціей ему назначено 2000 р. ежегодной пенсіи; неоднократно онъ получалъ цѣнные подарки; при учрежденіи ордена св. Владиміра ему пожалована 2-я степень этого ордена. Императрица удостоивала Храповицкаго и очень любезныхъ шутокъ и большой откровенности во многихъ совершенно интимныхъ дѣлахъ. Онъ былъ друженъ съ гр. А. М. Мамоновымъ, съ гр. А. А. Безбородко и Заводовскимъ; постоянно ладилъ съ извѣстнымъ камердинеромъ императрицы Зотовымъ; кн. Потемкинъ относился къ нему очень благосклонно; Державинъ, Дмитріевъ, Хвостовъ, Княжнинъ высоко цѣнили его умъ, интересный разговоръ, литературныя способности; они охотно обмѣнивались съ Храповицкимъ стихотворными посланіями; часть этихъ посланій и стихотворныхъ шутокъ Храповицкаго напечатана въ сборникѣ «Раутъ» на 1854 г. Изъ произведеній его, кромѣ упомянутаго уже перевода, извѣстны трагедія «Идамантъ» и опера «Пѣснолюбіе».

Но не служебная карьера Храповицкаго и не его литературная дѣятельность сохранили до сихъ поръ и навсегда сохранятъ память о немъ: онъ замѣчателенъ какъ авторъ въ высшей степени драгоцѣнныхъ «Памятныхъ записокъ». Эти записки напечатаны были сначала съ большими пропусками въ «Отечественныхъ Запискахъ» Свиньина, въ частяхъ VII—XVIII, XX, XXI, XXIV, XXVII, XXXI и XXXIII, затѣмъ, полнѣе, Н. Геннади въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей» за 1862 г., наконецъ, по подлинной рукописи Н. Барсуковымъ, отдѣльно, въ 1874 г. «Памятныя записки» Храповицкаго обнимаютъ періодъ времени съ 18 января 1782 г., когда онъ впервые былъ представленъ императрицѣ и началъ понемногу приготовляться къ своимъ будущимъ обязанностямъ, до 7 марта 1793 г., когда онъ вступилъ въ должность сенатора. Главное содержаніе ихъ составляютъ замѣтки автора о томъ, что говорила и дѣлала императрица; о себѣ авторъ говоритъ крайне рѣдко, о другихъ лицахъ лишь тогда, когда сообщаемое о нихъ такъ или иначе касается императрицы. Расположены записки по числамъ и днямъ и съ внѣшней стороны остались совершенно необработанными; онѣ не рѣдко изложены въ видѣ отдѣльныхъ, отрывочныхъ, часто грамматически незаконченныхъ фразъ, но отъ нихъ вѣетъ необыкновенною жизненною правдою и замѣчательною наблюдательностью; если Х. записалъ даже и не самыя характерныя слова и замѣчанія императрицы Екатерины, то все-таки онъ сообщилъ множество въ высшей степени

драгоцѣнныхъ наблюденій, которыя очень разъясняютъ намъ настроеніе императрицы въ шведскую войну, ея отношеніе къ французской революціи и, вообще, всю внутреннюю жизнь императрицы за послѣдній періодъ ея царствованія. Многія замѣчанія, которыя мы находимъ у Храповицкаго, имѣютъ большое значеніе для сужденія и о предшествовавшемъ періодѣ въ жизни и дѣятельности императрицы. Вообще, невозможно вѣрно понять и изобразить эту великую государыню, не изучивъ внимательно замѣтокъ о ней ея наблюдательнаго и умнаго статсъ-секретаря. Какъ авторъ «Памятныхъ записокъ» Х. заслуживаетъ нашей памяти и благодарности.

Свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Храповицкаго находятся въ его «Запискахъ», изданія которыхъ указаны выше. — Бантышъ-Каменскій: «Словарь», ч. III, изданіе 1847 г.—Статья Сушкова въ «Раутѣ» 1854 г., 125—162.—«Сочиненія Державина», подъ ред. Грота, т. I, II, VI, по указателю.—«Сборникъ Импер. Русс. Истор. Общ.», т. I.—Араповъ: «Лѣтопись русскаго театра», 96. — «Мѣсяцесловы» и «Адресъ-календари» за 1775—1793 гг.

Н. Ч.

Храповицкій, *Александръ Ивановичъ,* сынъ Смоленскаго вице-губернатора Ивана Юрьевича Храповицкаго († 1800), род. въ 1787 г., ум. 2 апрѣля 1855 г. Онъ получилъ недостаточное образованіе, хотя и принадлежалъ къ довольно богатой семьѣ. Служа въ гвардіи, Х. сражался въ 1805 г. подъ Аустерлицемъ, отличился въ Отечественной войнѣ и получилъ золотую шпагу за храбрость. Продолжая службу въ Измайловскомъ полку и состоя одно время адъютантомъ графа Е. Ѳ. Комаровскаго, онъ въ 1818 г. былъ уже полковникомъ. Оставивъ военную службу, онъ не долго пробылъ въ отставкѣ и поступилъ въ Дирекцію петербургскихъ театровъ, при чемъ нѣкоторое время преподавалъ декламацію въ Театральной школѣ. Въ 1827 г. Х. былъ назначенъ инспекторомъ репертуара русской драматической труппы и состоялъ въ этой должности по апрѣль 1832 г. Инспекторы были при каждой труппѣ, и должность ихъ состояла въ наблюденіи за порядкомъ и тишиною. Во время инспекторства Храповицкаго русская драматическая труппа надилась въ цвѣтущемъ состояніи. Онъ страстно любилъ театръ, каждый день бывалъ и репетиціяхъ и строго наблюдалъ заазаорядкомъ, но въ постановку піесъ не хвмѣшивлся, сознавая, что не имѣетъ нужныхъ для этого знаній. На частныхъ спектакляхъ Х. и самъ выступалъ на сценѣ, преимущественно въ трагическихъ роляхъ, и слылъ почему-то въ кругу своихъ знакомыхъ за хорошаго актера, однако не былъ таковымъ па самомъ дѣлѣ; П. А. Каратыгинъ называетъ его мученикомъ трагическаго искусства. Въ своихъ служебныхъ отношеніяхъ Х. былъ большимъ формалистомъ, бюрократомъ и былъ одержимъ страстью заводить обо всемъ переписку: о всякихъ пустякахъ у него писались рапорты, предписанія и донесенія то въ театральную контору, то къ директору, то къ актерамъ. Въ 1829 — 1859 гг. Х. велъ записки, которыя напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1879 года (т. XXIV); онѣ представляютъ изъ себя сухой перечень піесъ, дававшихся въ театрахъ, иногда съ краткими замѣчаніями объ игрѣ актеровъ, о самихъ піесахъ и о разныхъ мелочныхъ случаяхъ изъ закулисной жизни.

Мѣсяцесловы на 1816 и 1818 гг.—Записки П. А. Каратыгина, Спб. 1880, стр. 115, 189, 191, 193, 194.—Воспоминанія А. М. Каратыгиной («Русс. Вѣстникъ» 1881, № 4, стр. 595).—Дневникъ А. И. Храповицкаго («Русс. Стар.» 1879 г., ч. XXIV).—Театральныя воспоминанія Л. Л. Леонидова («Русс. Стар.» 1888 г., ч. LVIII, стр. 238). — А. Вольфъ: «Хроника Петерб. театровъ съ 1826 до 1855 г.», Спб., 1877, ч. I, стр. 16. — Театральныя воспоминанія П. И. Куликова («Русс. Стар.» 1892, ч. LXXV). — Записки Р. М. Зотова («Истор. Вѣст.» 1896 г., № 8, стр. 315 — 316).

Вадимъ Модзалевскій.

Храповицкій, *Василій Ивановичъ,* генералъ-аншефъ, род. въ 1714 г., ум. между 1777 и 1782 гг.; онъ происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, предки котораго выѣхали изъ Литвы въ Россію при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Начавъ службу рядовымъ л.-гв. въ Преображенскомъ полку, Х. черезъ десять лѣтъ былъ уже премьеръ-маіоромъ (1741); въ генералъ-маіоры произведенъ 25 января 1756 г. Х. принималъ участіе въ кампаніи 1737 г., въ сраженіи подъ Очаковымъ, въ войнѣ 1742 г. со шведами и въ Семилѣтней войнѣ дѣйствовалъ въ Пруссіи и Помераніи. 7 февраля 1747 г. Х. «въ воздаяніе вѣрныхъ, полезныхъ и важныхъ заслугъ», въ подтвержденіе своего прежняго дворянскаго происхожденія, былъ награжденъ дипломомъ и новымъ гербомъ.

Дѣла армейскаго повытья, опись 10, книга № 566 (Моск. архивъ Гл. Штаба).

М. Г—ъ.

Храповицкій, *Казиміръ Михайловичъ*, генералъ-лейтенантъ, ум. въ Варшавѣ 13 апрѣля 1881 г. Образованіе получилъ въ Школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ и въ 1837 г. произведенъ въ офицеры л.-гв. въ Семеновскій полкъ. Прослуживъ въ этомъ полку 22 года, Х. въ 1850 г. былъ назначенъ командиромъ Брянскаго пѣхотнаго, князя Горчакова, полка, а въ 1863 г. командовалъ сперва 34-ой, а затѣмъ 11-й пѣхотной дивизіей. Х. участвовалъ въ кампаніи 1849 г. и въ Крымской кампаніи, находясь въ составѣ войскъ, назначенныхъ для обороны Балтійскаго побережья. Выступивъ въ походъ въ 1877 г., онъ по пути черезъ Бессарабію занемогъ и долженъ былъ выйти въ отставку.

Послужной списокъ, хранящійся въ общ. арх. Главн. Штаба. —«Русскій Инвалидъ» 1881 г., № 93.

М. Г—ъ.

Храповицкій, *Матвѣй Евграфовичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, генералъ-адъютантъ, С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ, членъ Государственнаго Совѣта, род. 9 августа 1784 г., ум. 31 марта 1847 г. Онъ происходилъ изъ дворянъ Смоленской губерніи и семи лѣтъ поступилъ въ Сухопутный шляхетскій корпусъ (нынѣ 1-й кадетскій), а въ 1797 г. былъ назначенъ камеръ-пажомъ къ великому князю Константину Павловичу, который, отправляясь въ армію Суворова, дѣйствовавшую въ Италіи противъ французовъ, взялъ съ собой 14-лѣтняго Храповицкаго. Сраженіе при Нови 4 авг. 1799 г. было началомъ боевой дѣятельности и первымъ днемъ офицерской службы Храповицкаго. За храбрость онъ былъ произведенъ въ поручики въ л.-гв. Измайловскій полкъ. Въ походѣ нашихъ войскъ въ Швейцарію Х. служилъ съ отличіемъ, и Суворовъ неоднократно упоминалъ о немъ въ донесеніяхъ къ императору Павлу; за эту кампанію онъ получилъ шпагу со знакомъ ордена св. Анны 3 ст. 19-ти лѣтъ отъ роду Х. былъ уже полковникомъ (съ 11 декабря 1803 г.) и, командуя баталіономъ л.-гв. Измайловскаго полка, участвовалъ въ 1805 г. въ войнѣ противъ австрійцевъ. Въ день Аустерлицкаго сраженія, 20 ноября того-же года, гвардія стояла на позиціи въ верстѣ отъ ручья Валькъ-Мюле. Въ самый разгаръ сраженія Х., по личному приказанію императора Александра, повелъ свой баталіонъ къ центру позиціи на Праценскія высоты, куда Наполеонъ направлялъ свой главный ударъ. Блестящая атака, произведенная Храповицкимъ, доставила ему орденъ св. Георгія 4 ст. Въ началѣ 1807 г. гвардія снова выступила въ походъ, а 2 іюня произошло сраженіе подъ Фридландомъ. Х. съ своими измайловцами стоялъ на лѣвомъ флангѣ нашего расположенія, въ числѣ войскъ, которыя генералъ Сенармонъ громилъ изъ 36 орудій на разстояніи 90 саженей: убыль людей была такъ велика, что въ баталіонѣ Храповицкаго изъ 520 человѣкъ въ четверть часа выбыло изъ строя 400. По окончаніи кампаніи Х. командовалъ баталіономъ еще 4 года. 29 октября 1811 г. онъ былъ назначенъ командиромъ Измайловскаго полка, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вспыхнула Отечественная война, и Х. съ своимъ полкомъ 7 марта 1812 г. выступилъ изъ Петербурга. При сформированіи 3-хъ армій, собранныхъ противъ Наполеона, Х. поступилъ въ составъ западной арміи ген. Барклая-де-Толли. 22 августа измайловцы прибыли къ с. Бородино. При первоначальномъ распредѣленіи нашихъ войскъ на позиціи Х. съ своимъ полкомъ стоялъ за центромъ, въ главномъ резервѣ, но въ самый день сраженія (26 августа), по приказанію Кутузова, вмѣстѣ съ л.-гв. Литовскимъ полкомъ, былъ отправленъ на лѣвый флангъ къ д. Семеновской. Наполеонъ, овладѣвъ укрѣпленіями впереди нашего лѣваго крыла, приказалъ всей своей кавалеріи подъ начальствомъ Мюрата, Нансути и Латуръ-Мобура развить успѣхъ. Саксонскіе кирасиры генерала Тильмана бросились въ атаку прямо на полкъ Храповицкаго; измайловцы открыли огонь и атака была отбита. Попытки противника сломить наши полки повторялись еще нѣсколько разъ, но безуспѣшно. Въ одну изъ атакъ Х. былъ раненъ пулей въ лѣвую ногу, но строя не оставилъ, продолжая отдавать приказанія. По окончаніи сраженія начальникъ 3 пѣхотной дивизіи ген. Коновницынъ, подойдя къ Храповицкому, сказалъ: «позвольте обнять храбраго командира безпримѣрнаго полка». За это сраженіе Х. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а измайловцы получили георгіевскія знамена. Рана, полученная Храповицкимъ, требовала лѣченія, а потому

онъ оставилъ армію и уѣхалъ въ Кострому, гдѣ жилъ до выздоровленія и снова принялъ полкъ въ г. Вильнѣ лишь 12 декабря, когда уже ни одного француза не осталось въ Россіи. Съ перенесеніемъ войны въ предѣлы Германіи Х. 1 января 1813 г. вступилъ въ Варшавское герцогство, откуда двинулся въ Саксонію; 20 апрѣля онъ сражался подъ Люценомъ, 9 мая подъ Бауценомъ, затѣмъ, принимая участіе въ общемъ отступленіи нашей арміи къ Швейдницу, оставался въ Силезіи до конца Пойшвицкаго перемирія. Послѣ неудачнаго для насъ Дрезденскаго сраженія армія отступила въ Богемію, а Х. 15 и 16 августа, вмѣстѣ съ прочими полками гвардіи, отбивался отъ 30-титысячнаго корпуса генерала Вандама, чтобы дать возможность нашимъ главнымъ силамъ выбраться изъ Богемскихъ горъ, въ которыхъ Наполеонъ надѣялся запереть и уничтожить ихъ. 17 августа французы атаковали бригаду Храповицкаго, стоявшую на высотахъ Поллендорфа; онъ отошелъ на позицію подъ Кульмомъ и расположился за д. Страденъ. Въ 10 часовъ утра непріятель напалъ на это селеніе, и войска, защищавшія его, отступили; но тутъ подоспѣлъ Х. и опрокинулъ колонны противника, но самъ получилъ рану пулей въ лѣвую ногу. По окончаніи сраженія онъ вынужденъ былъ оставить строй и уѣхалъ лѣчиться въ Петербургъ и только 15 марта 1814 г. могъ снова вернуться къ полку, который стоялъ уже подъ стѣнами Парижа. Съ окончаніемъ Наполеоновскихъ войнъ кончилась и боевая дѣятельность Храповицкаго. Пожалованный 30 августа 1816 г. генералъ-адъютантомъ, онъ черезъ два года былъ назначенъ начальникомъ 3-ей гренадерской дивизіи (20 авг. 1818 г.). 12 лѣтъ Х. оставался въ этой должности, и цѣлый рядъ монаршихъ благоволеній и наградъ служили вѣрнымъ доказательствомъ выдающейся его дѣятельности. Кромѣ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей онъ съ 12 апрѣля 1828 г. состоялъ членомъ комитета по составленію устава пѣхотной службы, а 25 января 1830 г. получилъ повелѣніе состоять при особѣ Императора, при чемъ съ 4 октября того же года предсѣдательствовалъ въ комитетѣ для улучшенія штуцеровъ и ружей. Этотъ же годъ былъ для Храповицкаго и началомъ серьезной административной дѣятельности. 23 декабря императоръ Николай I поручилъ ему отвѣтственный постъ Виленскаго и Гродненскаго военнаго губернатора. Время было тяжелое, Польша волновалась. Къ сожалѣнію, раны, полученныя въ бояхъ, разстроили здоровье Храповицкаго, и онъ уже черезъ годъ вынужденъ былъ просить объ увольненіи отъ этой должности, которое и послѣдовало 23 августа 1831 г.; произведенный въ генералы-отъ-инфантеріи, Х. удостоился рескрипта, въ которомъ ему была изъявлена Высочайшая признательность за «ревность и примѣрную дѣятельность въ исполненіи многотрудныхъ обязанностей, возложенныхъ на него къ прямой пользѣ ввѣреннаго ему края». Оправившись отъ болѣзни, Х. вновь былъ призванъ на службу и 17 іюля 1832 г. назначенъ командующимъ отдѣльнымъ гренадерскимъ корпусомъ, 24 сентября — предсѣдателемъ комитета по составленію устава пѣхотной службы, 2 апрѣля 1833 г. зачисленъ членомъ Военнаго совѣта, а чрезъ 2 года (14 февр. 1835 г.) назначенъ инспекторомъ оружейныхъ заводовъ. 29 іюня 1834 г. въ Тулѣ произошелъ пожаръ, истребившій 9 церквей и 670 домовъ. По Высочайшему повелѣнію Храповицкому было поручено привести въ извѣстность убытки города и раздать большія суммы нуждавшемуся населенію. Съ свойственной ему энергіей онъ въ короткое время исполнилъ это порученіе. Управляя заводами 4 года, Х. 14 февраля 1838 г., по собственному желанію, былъ уволенъ отъ этой должности, съ оставленіемъ въ Военномъ совѣтѣ. 25 февраля 1839 г., призванный предсѣдательствовать въ Попечительномъ совѣтѣ общественнаго призрѣнія въ Петербургѣ, онъ «за долговременную службу престолу и отечеству, ознаменованную многими опытами неутомимой дѣятельности», какъ сказано было въ Высочайшемъ приказѣ 17 апрѣля 1841 г., былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра I ст. 8-го іюля 1845 года Х. былъ назначенъ командиромъ всей резервной пѣхоты. Эта должность была сопряжена съ постоянными разъѣздами, такъ какъ полки формировались въ Ярославлѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Орлѣ, Тулѣ, Москвѣ и Воронежѣ. 7 апрѣля 1846 г., получивъ лестный рескриптъ государя, Х. былъ назначенъ С.-Петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, черезъ десять дней (17 апр.) членомъ Го-

сударственнаго Совѣта, а потомъ и членомъ Комитета министровъ. Старыя раны, неутомимая дѣятельность и преклонные года сломили наконецъ его силы. Х. погребенъ въ Сергіевскомъ монастырѣ.

«Воени. Энциклоп. словарь», т. XIII.—«Портрети. галлер. зимняго дворца», т. 3, Спб. 1849.—Крестовскій: «Истор. Ямбургскаго драгунск. полка», 1881.—«Русск. Инвал.» 1828 г., №№ 47, 54, 55, 1830 г., № 28, 1831 г., №№ 3, 90, 139, 220.

М. Г—з.

Храповицкій, *Михаилъ Васильевичъ*, братъ статсъ-секретаря А. В. Храповицкаго, род. въ Петербургѣ 17 сентября 1758 г., ум. 20 февраля 1819 г. По собственнымъ его словамъ онъ учился въ домѣ профессора Академической гимназіи Фридриха-Карла Модераха. О времени своего дѣтства и юности Х. такъ говоритъ въ отрывкѣ изъ автобіографіи: «Ежедневное чтеніе книгъ по выбору сестры моей Марьи Васильевны» (по мужу Сушковой) «избавило меня отъ предразсудковъ. Юнгъ и подобные помогали развиваться разсужденію и добродѣтели. Я началъ надзирать за собой, любить веселое спокойство духа, удерживать врага своего — природную вспыльчивость, и услаждаться малыми благотвореніями, какія могъ тогда дѣлать. Первый въ нихъ опытъ поселилъ прочное навсегда къ тому стремленіе. Любовь родителя, благодарность и доброхотство жившихъ въ домѣ, ободряя, подкрѣпляли мои чувствованія. На 16-мъ году я началъ писать»... Намъ неизвѣстно, гдѣ началъ службу Х.; но уже въ началѣ 70-хъ годовъ онъ жилъ въ деревенскомъ уединеніи, поселясь почти безвыѣздно въ своемъ Тверскомъ имѣніи «Бережкѣ», и вскорѣ былъ выбранъ предводителемъ дворянства того же уѣзда и эту должность въ разное время занималъ три трехлѣтія. Благодаря своимъ связямъ «онъ легко могъ выйти въ знать», говоритъ о немъ его родной племянникъ Н. В. Сушковъ, «но, искренній мудрецъ и созерцатель природы, Х. уклонялся отъ наградъ и почестей, остался, доброю волею, до могилы надворнымъ совѣтникомъ и на убѣжденія брата своего А. В. Храповицкаго «служить и выслужиться» отвѣчалъ, что склонности его— «читать, сочинять и размышлять» заставляютъ его искать жизни свободной, независимой, и что онъ поэтому предпочитаетъ оставаться въ деревнѣ, чтобы содержать въ порядкѣ и благосостояніи тѣ 200 душъ, которыя послала ему судьба». И дѣйствительно, Х. оправдалъ на дѣлѣ свои слова. «Истинную жизнь полагая въ чувствованіи, въ думахъ и дѣяніяхъ, совѣсть услаждающихъ», и считая желанія и страсти «сильными врагами человѣческаго спокойствія, слѣдственно и благоденствія его», онъ постоянно проживалъ въ своемъ «Бережкѣ», гдѣ велъ скромную, почти затворническую жизнь, выѣзжая изъ своего уединенія только по дѣламъ уѣзднаго предводителя въ Вышній-Волочекъ, да изрѣдка въ Петербургъ навѣстить своихъ родныхъ и гр. Аракчеева, съ которымъ связывали его дружескія отношенія. Происхожденіе этой дружбы Сушковъ объясняетъ тѣмъ, что Х., будучи предводителемъ дворянства, отправилъ Аракчеева, въ числѣ прочихъ бѣдныхъ дворянъ Тверской губерніи, въ С.-Петербургъ для воспитанія въ кадетскомъ корпусѣ, и съ тѣхъ поръ Аракчеевъ «не могъ забыть никогда перваго, хотя случайнаго благодѣтеля, который открылъ ему путь къ извѣстности, почестямъ, богатству, могуществу». Аракчеевъ былъ въ перепискѣ съ Храповицкимъ, но, къ сожалѣнію, изъ многочисленныхъ писемъ его дошли до насъ только два, напечатанныя Сушковымъ въ сборникѣ «Раутъ» на 1852 г. Писемъ же Храповицкаго сохранилось больше: два напечатаны въ «Раутѣ» (стр. 219—222), а семь—въ сборникахъ П. О. Дубровина: «Отечественная война въ письмахъ современниковъ» (Спб., 1882) и «Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе императора Александра I» (Спб., 1883). Изъ писемъ этихъ видно, что Х. относился къ Аракчееву съ большимъ расположеніемъ, не зная, вѣроятно, всей оборотной стороны его дѣятельности, или относясь къ ней съ философскимъ спокойствіемъ и видя въ немъ лишь «исполнителя повелѣній верховной власти». Онъ не извлекъ никакихъ выгодъ изъ близкихъ отношеній съ Аракчеевымъ для себя лично, но часто ходатайствовалъ для другихъ передъ своимъ могущественнымъ другомъ. Въ деревнѣ Х. велъ совершенно своеобразную жизнь. Вотъ какъ Сушковъ описываетъ его времяпрепровожденіе: «Дикарь-нелюдимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ другъ человѣчества, ненавистникъ женщинъ и, однакожъ, любитель всего изящнаго..., Х. удивлялъ

странностью своей жизни сосѣдей и особенно сосѣдокъ. Въ домѣ его не было ни одной женщины... Принималъ посѣщенія въ своемъ «Бережкѣ» охотно — только близкихъ родныхъ, не знатныхъ и бѣдныхъ изъ окрестности людей, когда имъ нужна была его помощь, и очень немногихъ друзей. Самъ рѣдко у кого бывалъ... Круглый годъ онъ ложился спать и вставалъ отъ сна вмѣстѣ съ солнцемъ: такъ, напримѣръ, въ лѣтніе мѣсяцы, отъ мая до сентября, никогда не зажигалась у него въ домѣ свѣча. Хозяйство и полевыя работы мало его озабочивали; порядокъ и тишина были водворены имъ въ имѣніи единожды навсегда. Съ весны до зимы почти безвыходно въ саду, онъ то прикармливалъ домашнихъ и вольныхъ птицъ, которыя не слыхивали ружейнаго выстрѣла въ окрестностяхъ мирнаго жилища страннаго философа и мечтателя; то ставилъ не мудреные въ саду и рощѣ памятники умершимъ друзьямъ и роднымъ, украшая ихъ разными подписями и изреченіями, то удилъ въ озерѣ мелкую рыбу, то посѣщалъ шумное общество пчелъ; зимою перечитывалъ давнія книги ветхой библіотеки своей, бренчалъ старинной по черными косточкамъ Вѣнскаго рояля и писалъ Ломоносовскія и Гораціанскія оды или что-нибудь элегическое и философское». Литературныя занятія были любимымъ времяпрепровожденіемъ Храповицкаго, и количество написаннаго имъ весьма значительно. Впрочемъ, Х. мало печаталъ своихъ произведеній; такъ, изданы лишь слѣдующіе его переводы и сочиненія: «Благодѣтельный грубіянъ, комедія въ 3 д. изъ театра г. Голдонія», перев. съ французскаго (Спб., 1772); «Любовникъ, сочинитель и слуга, ком. въ 1 д., перев. съ французскаго» (Спб., 1773); «Слово похвальное Императрицѣ Екатеринѣ II» (Спб., 1802), написанное уже по смерти государыни. Здѣсь Х. говоритъ о всѣхъ наиболѣе важныхъ дѣлахъ Екатерины какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ Россіи; «Разговоръ уѣздныхъ дворянъ о выборѣ въ судьи» (М., 1790; изд. 2-е Спб. 1790) — небольшая сатира на дворянскіе выборы, въ видѣ діалога между двумя дворянами; «Эклога на заключеніе мира съ Портою въ 1791 году» (изд. 1792 г., по указанію Сушкова); «Весна, ода на всерадостное вступленіе на престолъ государя императора Александра I» (Спб., 1801), въ которой рисуется всеобщій подъемъ духа и искренняя радость, овладѣвшіе русскимъ обществомъ послѣ мрачнаго царствованія Павла I; «Мысли по случаю учрежденія вольныхъ хлѣбопашцевъ въ Россіи» (1803), въ которыхъ онъ заявляетъ себя врагомъ крѣпостного права; онѣ были извлечены изъ рукописей Храповицкаго Сушковымъ и напечатаны имъ въ «Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей» 1858 г. (кн. 2-я) и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1858 г. (т. 18, Соврем. Лѣтопись); «Ода на достопамятное въ Россіи постановленіе о состояніи свободныхъ хлѣбопашцевъ высочайшимъ Императора Александра I указомъ февраля въ 20-й день 1803 г.», помѣщена Сушковымъ въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1858 г. (№ 12, столб. 373 — 378). Здѣсь выражается Храповицкимъ восторгъ по поводу этого перваго шага къ облегченію участи крѣпостныхъ. Въ «Академическихъ извѣстіяхъ» 1780 г. Х. помѣстилъ свою оригинальную оду «Вѣчность» (май, ч. V, стр. 77—84); ему-же, быть можетъ, принадлежатъ двѣ прозаическія піесы, напечатанныя въ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова» 1783 г., съ подписью «М. Х.»: «Утро» (ч. I) и «Полдень» (ч. V). Наконецъ, стихотворенія Храповицкаго обнародованы Сушковымъ въ «Раутѣ» на 1852 и 1854 г. и въ сборникѣ Н. Ѳ. Дубровина «Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе императора Александра I», стр. 20 (стихотвореніе, обращенное къ гр. Аракчееву). Въ «Раутѣ» на 1852 годъ напечатаны также различныя философскія размышленія Храповицкаго подъ названіемъ «Плодъ моего уединенія» (1774—1798), представляющія его мысли о различныхъ вопросахъ, какъ напр.: «Причина созданія міра», «Здѣшняя жизнь человѣческая», «Вѣчность», «Цѣты жизни сей», «Теорія жизни» и т. под.; въ нихъ онъ является человѣкомъ очень симпатичнымъ. Бумаги Храповицкаго, вмѣстѣ съ собраніемъ рукописей его племянника Н. В. Сушкова, къ которому перешли по наслѣдству, поступили въ 1871 г. въ Румянцовскій музей и описаны Е. А. Викторовымъ. Среди нихъ, между прочимъ, находятся слѣдующія неизданныя стихотворенія Храповицкаго: до десяти одъ, нѣсколько думъ, элегій, сонетовъ и т. п.; большое посланіе

къ Сипягину и обширная поэма «Четыре времени года».

Въ біографіи Храповицкаго особеннаго вниманія заслуживаетъ одна глубоко-симпатичная черта, это — его отношеніе къ крестьянскому вопросу. Какъ указано выше, онъ былъ врагомъ крѣпостного права, но, не ограничиваясь одними словами, доказалъ и на дѣлѣ свои мнѣнія на этотъ счетъ, передъ смертью отпустивъ на волю 260 душъ своихъ крестьянъ съ ихъ семействами. На могилѣ его, въ с. Тройца, въ полуверстѣ отъ «Бережка», освобожденные имъ крестьяне воздвигли памятникъ своему «благодѣтелю».

Н. В. Сушковъ: «М. В. Храповицкій и М. И. Сердюковъ»—въ «Раутѣ» на 1854 г.—Н. В. Сушковъ: «Письма А. В. къ М. В. Храповицкому» («Раутъ», кн. 3-я, стр. 157—162 и 247). — Н. В. Варадиновъ: «Исторія Министерства внутр. дѣлъ», т. II, Спб., 1859, стр. 618.—Н. В. Сушковъ: «Изъ записокъ о времени импер. Александра I» («Вѣстникъ Европы» 1867 г., т. II, № 6). — Н. В. Сушковъ: «Выдержки изъ записокъ» («Чтеніе Моск. Общ. истор. и древностей» 1868 г., кн. IV, отд. 5, стр. 24). — Я. К. Гротъ, Сочиненія Державина, т. III, Спб., 1866, и т. VIII, 1880. — А. Е. Викторовъ: «Бумаги Н. В. Сушкова въ Московскомъ Публичномъ музеѣ», М., 1872. — Сочиненія Н. А. Добролюбова, т. I, Спб., 1862, стр. 16, 70, 79, 89.—Л. Н. Майковъ: «Очерки изъ исторіи русск. литерат. XVII и XVIII ст.», Спб., 1889.—М. Н. Лонгиновъ: «Библіограф. записки» («Современникъ» 1857 г., т. LXIII, стр. 69). — Н. Петровскій: «Библіограф. замѣтки о русскихъ журналахъ XVIII вѣка» («Ж. М. Нар. Просв.» 1898 г., № 1, стр. 93—95).

В. Л. Модзалевскій.

Хрептовичъ, графъ, *Михаилъ Приневичъ*, дѣйств. тайный совѣтникъ, оберъ-камергеръ, членъ Государственнаго Совѣта, род. 18 іюня 1809 г., ум. въ Парижѣ 3 февраля 1891 г. Пробывъ три года въ Дерптскомъ университетѣ, онъ въ 1830 г. поступилъ на службу въ Государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ и въ 1835 г. былъ посланъ за границу на должность 3-го секретаря русскаго посольства въ Лондонѣ, но уже четыре мѣсяца спустя вернулся въ Петербургъ, получивъ назначеніе чиновника особыхъ порученій при вице-канцлерѣ. Вторично гр. Х. былъ отправленъ въ Лондонъ въ 1840 г., но на этотъ разъ уже въ качествѣ старшаго секретаря нашего посольства; въ этой должности онъ оставался до 1843 г., когда былъ командированъ въ Неаполь, гдѣ, за отсутствіемъ посланника, неоднократно исполнялъ обязанности повѣреннаго въ дѣлахъ и въ награду за успѣшное исполненіе возложеннаго на него порученія по заключенію трактата съ королевствомъ обѣихъ Сицилій въ 1845 г. былъ произведенъ въ дѣйств. статскіе совѣтники. Въ 1847 г. гр. Х. былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Неаполитанскомъ дворѣ, въ 1853 г. перемѣщенъ на такую же должность при дворѣ Бельгійскаго короля, а въ 1856 г.—при Великобританскомъ дворѣ. Вернувшись въ 1858 г. въ Петербургъ, гр. Х. былъ пожалованъ сначала въ гофмейстеры, а 30 августа 1862 г. въ оберъ-гофмейстеры, съ производствомъ въ дѣйств. тайные совѣтники, и назначенъ управляющимъ дворомъ великаго князя Константина Николаевича; впрочемъ, послѣднюю должность онъ занималъ только около года. 30 ноября 1873 г. онъ былъ пожалованъ въ оберъ-камергеры Высочайшаго двора, а 1 января 1877 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Гр. Х. владѣлъ большими помѣстьями въ Западномъ краѣ и принадлежалъ къ числу крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ въ Россіи. Такъ какъ онъ отъ брака съ графиней Е. К. Нессельроде дѣтей не имѣлъ, то его титулъ перешелъ къ его племяннику М. А. Бутеневу.

Формуляръ, спис., хранящійся въ архивѣ Министерства иностранн. дѣлъ.—«Album Academicum der Kaiserl. Universität Dorpat», 1889, № 2281.

Хрещатицкій, *Александръ Павловичъ*, генералъ-отъ-кавалеріи, род. 15 октября 1809 г., ум. 7 марта 1888 г. въ Тифлисѣ; сынъ генералъ-лейтенанта войска Донского Павла Степановича Хрещатицкаго († 1864), онъ воспитывался въ пансіонѣ при Новочеркасской гимназіи и 1 января 1829 г. поступилъ на службу урядникомъ въ Донской № 38 полкъ. Состоя безсмѣннымъ ординарцемъ начальника 3-го резервнаго корпуса графа Витта, Х. въ Польскую кампанію за отличіе въ сраженіи при Медзержицахъ (5 августа 1831 г.) былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ; при штурмѣ передового укрѣпленія Варшавы былъ тяжко раненъ. Въ 1840 г. Х. состоялъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ штабѣ походнаго атамана Донскихъ полковъ дѣйствующей арміи, а затѣмъ послѣдовательно командовалъ Донскими № 37 и 23 полками и съ послѣднимъ принималъ участіе въ кампаніи 1853 —

1856 гг., дѣйствуя въ отрядѣ барона Врангеля. Въ сраженіи на Чингильскихъ высотахъ Х., командуя всей кавалеріей, разбилъ 12-тысячный отрядъ турокъ, при чемъ самъ былъ раненъ шашкой въ руку. За это дѣло Х. получилъ золотое оружіе и орденъ св. Владиміра 3 ст. Командуя резервными № 4 и № 7 полками, онъ съ 1857 г., съ производствомъ въ генералъ-маіоры, состоялъ начальникомъ конвойнаго отряда при разграничительной комиссіи въ Константинополѣ, а въ октябрѣ 1859 г. былъ назначенъ походнымъ атаманомъ Донскихъ полковъ, состоявшихъ при Кавказской арміи, и въ этой должности прослужилъ 20 лѣтъ, послѣ чего былъ отчисленъ и состоялъ по войску Донскому. 15 мая 1883 г. Х. былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи.

Формул. списокъ въ Общ. архивѣ Главнаго штаба (кн. № 3881). — «Русск. Инвал.» 1887 г., № 56.

М. Г—ъ.

Хрисанѳъ, до пострижения Владиміръ Николаевичъ *Ретивцевъ*, епископъ Нижегородскій, род. въ 1832 г., ум. 6 ноября 1883 г. Сынъ священника села Эська, Бѣжецкаго уѣзда Тверской губерніи, преосвященный Хрисанѳъ первоначальное образованіе получилъ въ Бѣжецкомъ духовномъ училищѣ, среднее въ Тверской семинаріи и высшее въ Московской духовной академіи. Уже при поступленіи въ послѣднюю въ 1852 г. онъ зарекомендовалъ себя съ отличной стороны на пріемныхъ испытаніяхъ и принятъ былъ въ академію въ числѣ первыхъ по списку студентовъ. Относительно написаннаго имъ въ самомъ началѣ 1852 года сочиненія на латинскомъ языкѣ «An praeter vitam individuorum universalis quoque vita est praesupponenda?» знаменитый профессоръ философіи въ этой академіи Ѳ. А. Голубинскій († 1854) замѣтилъ: «Опроверженіе дѣльно. Слогъ ясный и твердый. Знаніе латинскаго языка хорошо». Затѣмъ и во время дальнѣйшаго прохожденія академическаго курса Ретивцевъ обнаружилъ, при обширной начитанности, такія способности и умѣнье овладѣвать предметомъ и вести дѣло изслѣдованія, что писанныя имъ даже на младшемъ курсѣ семестровыя сочиненія, напримѣръ, по словесности и всеобщей исторіи, ходили по рукамъ студентовъ не только младшаго, но и старшаго курса, какъ нѣчто выдающееся изъ ряда обыкновеннаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ у него уже тогда, особенно подъ вліяніемъ профессора Н. П. Гиляpова-Платонова († 1887), постепенно развивался и все болѣе и болѣе твердо устанавливался философско-историческій методъ изслѣдованія предметовъ, о которыхъ ему приходилось разсуждать. Этотъ методъ вносилъ большое оживленіе въ господствовавшую дотолѣ схоластическую систему преподаванія и изслѣдованія, хотя, конечно, не очень нравился представителямъ стараго, діалектическаго метода схоластической системы, видѣвшимъ въ немъ ненужное и отчасти даже вредное нововведеніе, какъ послѣдствіе вліянія западной, преимущественно Гегеліанской философіи, далеко не во всемъ согласной съ православнымъ ученіемъ. Кромѣ того, какъ человѣкъ весьма живой, пылкій и впечатлительный, Ретивцевъ и въ поведеніи своемъ, по молодости, былъ не всегда безукоризненъ. Поэтому не удивительно, что онъ, хотя въ 1856 г. и кончилъ академическій курсъ въ числѣ первыхъ магистровъ, однако, главнымъ образомъ вслѣдствіе нежеланія начальства имѣть его на каѳедрѣ Московской академіи, 15 октября того же 1856 г. былъ опредѣленъ въ Костромскую духовную семинарію на каѳедру Священнаго Писанія. Здѣсь онъ 29 сентября 1857 г., по прошенію, былъ постриженъ въ монашество. Извѣщая объ этомъ намѣстника Сергіевой лавры архимандрита Антонія, митрополитъ Московскій Филаретъ, послѣ замѣчаній о «чужемудріи» нѣкоторыхъ изъ бывшихъ профессоровъ подвѣдомой ему академіи, въ томъ числѣ Н. П. Гиляpова-Платонова, писалъ: «О Хрисанѳѣ преосвященный Евгеній (Сахаровъ-Платоновъ) говоритъ, что преосвященнаго Платона (епископа Костромскаго) предваряли, чтобы онъ не спѣшилъ постригать его, продолжилъ испытаніе его, но преосвященный Платонъ не послушалъ. Благодареніе преподобному Сергію, что мы предостережены, чтобы не взять Хрисанѳа въ академію».

Чрезъ годъ по пострижении въ монашество Х., вслѣдствіе ходатайства ректора Казанской академіи архимандрита Іоанна, былъ назначенъ баккалавромъ въ Казанскую духовную академію по каѳедрѣ основного и обличительнаго богословія и 24 октября 1858 г. читалъ тамъ

свою первую лекцію по обличительному богословію и сразу привлекъ къ себѣ общее вниманіе слушателей новостью и серьезностью постановки предмета преподаванія и изящнымъ изложеніемъ. Подобное же впечатлѣніе производили и его лекціи по основному богословію. Помянутый философско-историческій методъ, которымъ молодой баккалавръ вводилъ слушателей въ пониманіе своего предмета и который дотолѣ былъ совершенно неизвѣстенъ въ Казанской академіи, скоро сдѣлалъ Хрисанѳа любимцемъ аудиторіи и обратилъ на него особенное, въ общемъ благосклонное, вниманіе академическаго начальства. Впрочемъ, и здѣсь нѣкоторые соблазнялись его лекціями и даже готовы были усумниться въ православіи Хрисанѳа. Дѣло въ томъ, что на его лекціяхъ не согласныя съ православіемъ исповѣданія, доктрины и мнѣнія возставали предъ слушателями во всей своей ясности и цѣльности, а опроверженіе ихъ, для нѣкоторыхъ, привыкшихъ къ прежнему, діалектическому методу схоластической системы, казалось слабымъ. «Каждую религію и религіозно-философскую доктрину», говоритъ о Хрисанѳѣ профессоръ и историкъ Казанской академіи И. В. Знаменскій, «онъ бралъ прежде всего какъ историческое явленіе и изучалъ ихъ происхожденіе и развитіе на исторической почвѣ современной имъ культуры и породившей ихъ народности. Уже при одномъ такомъ генетическомъ изслѣдованіи данной системы выяснялись и ея историческое значеніе, и главныя теоретическія и жизненныя черты ея внутренняго содержанія. Разсматривая затѣмъ самое это содержаніе, профессоръ прежде всего старался схватить главный жизненный нервъ системы, ея основное начало и, выяснивъ его тоже главнымъ образомъ при свѣтѣ исторіи, освѣщалъ имъ уже всю систему, показывая весь ея внутренній механизмъ, опредѣляя связь и взаимную зависимость между ея частями и выясняя значеніе каждой части. Все это дѣлалось имъ съ увлекательнымъ мастерствомъ, которое обнаруживало въ немъ рѣдкое въ одномъ лицѣ соединеніе богословско-философской эрудиціи съ историческою, абстрактнаго мышленія съ истинно-художественнымъ талантомъ, сильнаго синтеза и дедукціи съ умѣньемъ изучать и разбирать самые конкретные факты и съ чуткимъ психологическимъ и художественнымъ анализомъ». «Соблазны и молва» о неправославіи Хрисанѳа, по словамъ того же историка, «къ счастію, скоро прекратились, потому что лекціи профессора сами были лучшей для себя апологіей». И само начальство академическое, вполнѣ довѣрившись молодому баккалавру, поручало ему временное преподаваніе такихъ важныхъ предметовъ, какъ догматическое богословіе, въ 1859 и 1860 гг. и нравственное богословіе — въ 1862 г. Въ 1860 г. онъ вошелъ въ составъ комитета для перевода Св. Писанія на русскій языкъ, предпринятаго тогда русскою церковью, и вмѣстѣ съ другими членами трудился надъ переводомъ нѣкоторыхъ книгъ Новаго Завѣта. Вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ 1860 г. онъ сопричисленъ былъ къ соборнымъ іеромонахамъ, а въ 1864 г. награжденъ золотымъ наперснымъ крестомъ и въ 1865 г. «за отличное знаніе и весьма усердное исправленіе своего дѣла» возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора. Но въ томъ же 1865 г. состоялось перемѣщеніе его въ С.-Петербургскую духовную академію на каѳедру нравственнаго богословія. Перемѣщенію этому способствовалъ хорошо знавшій и высоко цѣнившій его ректоръ Казанской духовной академіи, упомянутый архимандритъ Іоаннъ (Соколовъ), не задолго предъ тѣмъ получившій назначеніе на должность ректора С.-Петербургской духовной академіи. Своими лекціями въ этой академіи Х. производилъ такое же обаятельное дѣйствіе на слушателей, какъ и въ Казанской. Въ 1866 г. онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ на должность инспектора академіи; вмѣстѣ съ тѣмъ ему была поручена и каѳедра догматическаго богословія, совмѣстно съ ректоромъ, въ 1867 г. онъ былъ назначенъ членомъ учебнаго комитета при Св. Синодѣ, а въ началѣ 1869 г. ректоромъ С.-Петербургской духовной семинаріи. 15 августа 1874 г. состоялось его назначеніе епископомъ Астраханскимъ, и 29 декабря онъ былъ рукоположенъ во епископа. Это назначеніе вызвало его на новую, кипучую дѣятельность по управленію епархіей, проповѣданію слова Божія и проч. На Астраханской каѳедрѣ епископъ Х. за неутомимые труды былъ награжденъ въ 1876 г. орденомъ св.

Анны 1 ст., а въ 1877 г. С.-Петербургская и Казанская духовныя академіи избрали его за ученые труды въ свои почетные члены, а Казанская духовная академія, сверхъ того, по предложенію и отзывамъ профессоровъ М. Я. Красина и П. В. Знаменскаго объ его ученыхъ трудахъ, и особенно о сочиненіи по исторіи религій древняго міра въ ихъ отношеніи къ христіанству, единогласно признала его въ 1878 г. достойнымъ степени доктора богословія, въ каковой степени онъ и былъ утвержденъ Св. Синодомъ въ томъ же году. Между тѣмъ преосвященный Х. 8 декабря 1877 г. былъ перемѣщенъ на Нижегородскую архіерейскую каѳедру, которую, впрочемъ, занималъ только до 23 мая 1879 г. Постигшіе его въ началѣ этого года два нервныхъ удара, вслѣдствіе которыхъ у него парализована была вся правая сторона тѣла, заставили его просить объ увольненіи отъ управленія епархіей. По увольненіи на покой, съ предоставленіемъ настоятельства въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ, преосвященный Х. прожилъ здѣсь больной еще четыре года, пока третій ударъ не прекратилъ жизни его на 51-мъ году отъ рожденія.

Учено-литературная дѣятельность епископа Хрисанѳа началась очень рано и продолжалась почти непрерывно до тѣхъ поръ, пока онъ былъ въ состояніи писать. Вотъ перечень его болѣе важныхъ трудовъ въ хронологическомъ порядкѣ: 1) «О крещальняхъ въ древней христіанской церкви», статья переводная, напечатана въ «Православномъ Собесѣдникѣ» за 1852 г., ч. III; 2) «Различные пути обращенія изъ язычества къ христіанству въ первые вѣка», статья переводная (тамъ же); 3) «Дѣятельность пастырей церкви IV вѣка по отношенію къ общественной жизни» (магистерская диссертація, тамъ же, 1860, I); 4) «Взглядъ на мнѣнія новѣйшихъ раціоналистовъ о существѣ религіи» (изъ лекцій по основному богословію, тамъ же, III); 5) «Современное іудейство и отношеніе его къ христіанству» (лекція по обличительному богословію, читанная въ присутствіи посѣтившаго Казанскую академію въ 1861 г. Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича; напечатана въ «Трудахъ Кіевской духовной академіи» за 1861 г., кн. 9); въ исправленномъ и дополненномъ видѣ эта лекція была издана отдѣльной брошюрой въ С.-Петербургѣ, 1867; 6) «Наша гласность и ея проявленія» («Правосл. Собесѣдникъ», 1865, I); 7) «Характеръ протестантства и его историческое развитіе» (въ «Христіанскомъ чтеніи» 1865 г., II, 1866 г., I и II). Это сочиненіе вышло затѣмъ отдѣльною книгою въ четырехъ выпускахъ, первымъ изданіемъ въ Петербургѣ въ 1868 г., вторымъ—тамъ же въ 1871 г. Въ этомъ сочиненіи, переработанномъ изъ лекцій по обличительному богословію, особенно ярко выступаетъ философско-историческій методъ, о которомъ говорено было выше; 8) «Эммануилъ Сведенборгъ и его вѣроученіе» (въ «Христ. Чтеніи» 1866 г., I); 9) «Значеніе идеи безсмертія для нравственной жизни человѣка» (тамъ же, II); 10) «Христіанское воззрѣніе на бракъ и современные толки о семейномъ и общественномъ положеніи женщины» (тамъ же, 1867, II); 11) «Задача нравственнаго богословія, какъ науки» (тамъ же, 1868, I); 12) Религіи древняго міра въ ихъ отношеніи къ христіанству. Историческое изслѣдованіе», т. I—III, Спб., 1872, 1875, 1878; болѣе обширная обработка соотвѣтствующаго отдѣла изъ лекцій по основному богословію. Это весьма крупное изслѣдованіе, по мѣрѣ появленія своего въ печати, вызывало много по большей части лестныхъ рецензій не только въ духовной, но и въ свѣтской повременной литературѣ; часть изслѣдованія помѣщена была въ «Христіанскомъ чтеніи» 1872 г., кн. 1—3; 13) «Ветхозавѣтное ученіе о Богѣ сравнительно съ воззрѣніями на Божество въ древнихъ языческихъ религіяхъ», выдержка изъ III тома предыдущаго изслѣдованія (въ «Христіанскомъ чтеніи 1876 г., ч. II). Кромѣ того, слова и рѣчи преосвященнаго Хрисанѳа напечатаны въ «Христіанскомъ Чтеніи», «Православномъ Обозрѣніи» и Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ Астраханскихъ и Нижегородскихъ и были перепечатываемы въ другихъ повременныхъ изданіяхъ.

Преосвященный Х. является очень выдающимся дѣятелемъ, какъ человѣкъ весьма талантливый, живой, быстро ознакомлявшійся съ содержаніемъ прочитываемаго и легко усвоявшій его, интересовавшійся всѣмъ отъ высшихъ предметовъ знанія до житейскихъ мелочей, знав-

шій нѣсколько языковъ древнихъ и новыхъ. Въ общежитіи онъ отличался добродушіемъ, привѣтливостью, общительностью, но въ то же время прямотою характера и иногда вспыльчивостью.

Архивъ Московской духовной академіи и бумаги профессора этой академіи Д. Ѳ. Голубинскаго. — «Голосъ» 1875 г., № 122. — С. К. Смирновъ: «Исторія Московской духовной академіи до ея преобразованія (1814 — 1870)», стр. 243, 448, 449 и др., Москва, 1879. — «Московскія Церковныя Вѣдомости» 1883 г., № 47. — «Московскій Листокъ» 1883 г., № 309. — «Современныя Извѣстія» 1883 г., № 311. — «Православное Обозрѣніе» 1883 г., III, 507, 508. — Д. Д. Языковъ: «Писатели, умершіе въ 1883 г.». — А. И. Надеждинъ: «Исторія Спб. православной духовной семинаріи 1809 — 1884», стр. 565, Спб. 1885. — А. Снѣжницкій: «Календарь Нижегородской епархіи», стр. 170 — 172. Н.-Новгородъ, 1888. — И. А. Чистовичъ: «С.-Петербургская духовная академія за послѣднія 30 лѣтъ (1858 — 1888)», стр. 23, 39, 42 — 45, Спб. 1889. — Особенно же обстоятельныя свѣдѣнія у проф. П. В. Знаменскаго въ его трудѣ: «Исторія Казанской духовной академіи за первый (дореформенный) періодъ ея существованія (1842 — 1870 гг.)», главнымъ образомъ во II выпускѣ, стр. 255—265, Казань, 1891, 1892. — «Русское Обозрѣніе» 1895 г., кн. 8, стр. 550 — 553.

Ив. Корсунскій.

Христинекъ, *Логинъ*, академикъ живописи. Въ качествѣ «вольнаго живописнаго дѣла мастера» въ Петербургѣ, онъ написалъ, между прочимъ, по заказу канцеляріи Императорской Академіи Наукъ въ 1763 г. портретъ императрицы Екатерины II, про который записано дѣло въ журналахъ канцеляріи отъ 10 іюля того же года: «какъ ему (Христинеку) объявлено, что оной портретъ нѣсколько въ лицѣ не сходствовалъ, то онъ на то объявилъ, когда-де онъ сходственной оригиналъ достанетъ, то противъ оного исправитъ безо всякой за то платы безотговорочно; приказано: оного мастера Христинека въ исправленіи того портрета взять подписку и за тою подпискою договорную съ нимъ плату 60 руб. ему выдать». Затѣмъ имя живописца Христинека упоминается не разъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», какъ владѣльца продававшихся домовъ: въ 1770—1774 гг. подлѣ Галернаго двора противъ Англійскаго трактира (когда у него продавалось собраніе голландскихъ и нѣмецкихъ картинъ и гравюръ), въ 1775—1778 гг. — на Вознесенской улицѣ, противъ самой церкви, въ 1783—1889 гг. — на Петербургской сторонѣ. Наконецъ, въ книгѣ положеній собраній Императорской Академіи Художествъ подъ 15 дек. 1785 г. сказано, что «удостоенному, по опредѣленію Совѣта, въ «назначенные» портретному живописцу Логгину Христинеку дана задача — портретъ съ адъюнктъ-ректора Ю. М. Фельтена, по пропорціи прочихъ, имѣющихся въ библіотекѣ сей Академіи портретовъ». Портретъ этотъ дѣйствительно былъ написанъ имъ на званіе академика и до сихъ поръ хранится въ залѣ академическаго совѣта. Въ «Künstler-Lexicon» Наглера приводится еще гравированный на мѣди портретъ англійскаго врача Т. Димсдаля его работы 1769 года.

Архивн. дѣла Академіи Наукъ и Художествъ. — «Спб. Вѣдом.» 1770—1789 гг.

Н. С.

Христіани, *Альбертъ Фридрихъ*, профессоръ Дерптскаго университета, генералъ-суперинтендентъ, род. 14 декабря 1807 г. въ Іоганнегофѣ, Лифляндской губерніи, ум. въ Ригѣ 24 марта 1886 г.; высшее образованіе получилъ въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ въ 1829 г. былъ удостоенъ степени кандидата богословскаго факультета. Пробывъ затѣмъ девять лѣтъ воспитателемъ въ частныхъ домахъ сперва въ Финляндіи, потомъ въ Дерптѣ, онъ въ 1838 г. былъ назначенъ пасторомъ въ Рингенскій приходъ Лифляндской губерніи, а съ 1849 г. занималъ мѣсто пропста въ г. Верро. Въ 1852 г. Х. былъ приглашенъ въ Дерптскій университетъ профессоромъ практическаго богословія, а четыре года спустя соединилъ съ профессурой и обязанности проповѣдника при университетской церкви. Состоя профессоромъ, онъ былъ награжденъ нагруднымъ крестомъ (1856) и орденомъ св. Анны 2 ст. (1860), а въ 1859 г. произведенъ въ статскіе совѣтники. Въ 1865 г. Х. былъ назначенъ вице-президентомъ Лифляндской консисторіи и Лифляндскимъ генералъ-суперинтендентомъ и занималъ эти должности до 1881 г., когда былъ уволенъ въ отставку; послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ Ригѣ, состоя дѣйствительнымъ и почетнымъ членомъ нѣсколькихъ ученыхъ обществъ. Во время долголѣтней службы въ различныхъ должностяхъ Х. вездѣ и всегда являлся искреннимъ и ревностнымъ приверженцемъ и поборникомъ своей церкви и человѣкомъ рѣдкой добросовѣстности въ исполненіи своихъ обязанностей; заботясь о

нравственномъ и духовномъ развитіи своей паствы, онъ перевелъ катихизисъ на дерптское нарѣчіе эстонскаго языка (1847) и принималъ живѣйшее участіе въ редакціи новаго изданія сборника духовныхъ пѣсенъ (1845—1847); за эти важные труды богословскій факультетъ Эрлангенскаго университета удостоилъ его въ 1852 г. степени доктора богословія. Кромѣ цѣлаго ряда проповѣдей, напечатанныхъ въ 1852, 1855, 1863 и 1865 гг., перу Х. принадлежатъ еще слѣдующіе труды: «Uebersichtliche Darstellung des Inhaltes der Apokalypse», Dorpat 1861; «Ein Wort über die Judenmission», 1868; «Bemerkungen zur Auslegung der Apokalypse mit besonderer Rücksicht auf die chiliastische Frage», Riga, 1869; «Zur Auslegung der Apokalypse», Riga 1875.

Формуляры, спис. въ архивѣ Юрьевскаго (Дерптскаго) унив.—Рукописная рѣчь пастора Виллигероде.

В. Ш.

Христіани, *Василій Христіановичъ*, тайный совѣтникъ, генералъ-контролеръ департамента военныхъ отчетовъ, род. въ 1799 г., ум. въ Петербургѣ 20 января 1857 г. Получивъ образованіе въ Московскомъ университетѣ, онъ въ 1815 г. поступилъ колонновожатымъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части; въ 1825 г., въ чинѣ подполковника, былъ назначенъ инспекторомъ Училища колонновожатыхъ, а въ 1826 г.—начальникомъ отдѣленія канцеляріи генералъ-квартирмейстера Главнаго штаба; прослуживъ въ этой должности два года, онъ оставилъ военную службу и въ 1828 г., состоя помощникомъ оберъ-контролера артиллерійскаго департамента Морского министерства, перешелъ въ военно-счетную экспедицію и получилъ особое отдѣленіе по ревизіи отчетовъ за прошлыя персидскую и турецкую кампаніи. Въ 1831 г. Х. былъ призванъ управлять особой экспедиціей при Государственномъ контролѣ, съ назначеніемъ членомъ комитета по составленію ревизіоннаго устава, а черезъ три года назначенъ контролеромъ департамента морскихъ отчетовъ и зачисленъ въ Совѣтъ главнаго управленія путей сообщенія. Въ 1840 г. Х. занялъ должность генералъ-контролера департамента военныхъ отчетовъ и исправлялъ ее до конца своей жизни. Въ сотрудничествѣ съ Крюковымъ и Болотовымъ Х. перевелъ съ французскаго сочиненіе Франкера (Francoeur) «Полный курсъ чистой математики» и удостоенъ за 1-й томъ этого труда, напечатанный въ 1827 г., Высочайшаго подарка; 2-й томъ появился въ 1840 г.

«Русск. Инвал.» 1857 г., № 21.—«Спб. Вѣдом.» 1857 г., № 22.—«Мѣсяцесловъ» на 1858 г., стр. 264.

М. Г—з.

Христіани, *Христіанъ Христіановичъ*, генералъ-маіоръ, начальникъ Главнаго инженернаго училища, род. 15 февраля 1786 г. въ Москвѣ, ум. 25 октября 1835 г. Образованіе получилъ въ Инженерномъ корпусѣ, откуда въ 1805 г. выпущенъ въ офицеры; четыре года спустя онъ, въ чинѣ поручика, былъ командированъ осмотрѣть крѣпости, расположенныя по Днѣпру, 1810 годъ провелъ въ Одессѣ для устройства и приведенія въ порядокъ дѣлъ инженернаго вѣдомства, а съ 1811—1817 г. почти постоянно былъ въ разъѣздахъ, осматривая укрѣпленія въ Астрахани, Ригѣ, Петербургѣ и въ Финляндскомъ округѣ. Съ учрежденіемъ въ 1819 г. Главнаго инженернаго училища Х. былъ опредѣленъ туда преподавателемъ фортификаціи. Произведенный въ 1823 г. въ полковники, онъ въ слѣдующемъ году былъ назначенъ членомъ инженернаго отдѣленія Военно Ученаго комитета, въ 1828 г.—инспекторомъ классовъ и помощникомъ начальника Инженернаго училища, а въ 1832 г., въ чинѣ генералъ-маіора, занялъ должность начальника училища и былъ зачисленъ постояннымъ членомъ Императорской военной академіи (нынѣ Николаевская академія Генеральнаго штаба). За выдающіеся труды по инженерному вѣдомству въ 1833 г. Высочайше повелѣно было, не въ примѣръ другимъ, производить Х. въ продолженіе 12 лѣтъ по 1200 р. ежегодно. 18 октября 1835 г. Х. императоромъ Николаемъ I былъ назначенъ преподавателемъ фортификаціи къ наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу, но уже недѣлю спустя послѣ этого назначенія скончался. Х. считался отличнымъ инженеромъ и много поработалъ надъ различными вопросами своей спеціальности. Ему принадлежатъ два прекрасныхъ перевода съ французскаго: 1) «Курсъ фортификаціи или наука укрѣпленія съ атакою и обороною», Бусмара (Спб. 1818—20, 2 части) и 2) «Примѣчанія и

дополненія къ курсу долговременной фортификаціи, по сочиненіямъ С. Поля и Вусмара, изложенныя Эльснеромъ (Спб. 1820—22, 2 части); первый изъ этихъ переводовъ удостоился Высочайшаго подарка и долгое время былъ единственнымъ руководствомъ по фортификаціи на русскомъ языкѣ.

Формул. списокъ.—Максимовскій: «Очеркъ Инженернаго училища». — «Моск. Вѣдом.» 1835 г., № 89.—«Сѣв. Пчела» 1837 г., № 167.

М. Г—ъ.

Христофоръ *Коряжемскій*, преподобный, основатель Христофоровой Коряжемской Богородицкой пустыни, жилъ во второй половинѣ XVI вѣка. Подвижническіе труды Христофора начались въ скиту преподобнаго Логгина Коряжемскаго, когда послѣдній, удалившись около 1535 г. изъ Павло-Обнорскаго монастыря, въ 1537 г. въ глухомъ лѣсу, въ 15 верстахъ отъ Сольвычегодска на рѣчкѣ Коряжемѣ основалъ свой скитъ (впослѣдствіи Николаевскій Коряжемскій монастырь, упраздненный въ 1863 г.). Х. былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ и постриженниковъ Логгина и, придя въ скитъ, только что начавшій существованіе и мало извѣстный, долженъ былъ съ первыхъ дней испытать всю тягость отшельнической жизни и терпѣть нужду въ самомъ необходимомъ. Логгинъ, пришедшій на Коряжему уже старикомъ, скоро по основаніи скита умеръ (въ 1540 г.). Послѣ его смерти Х. по совѣту своего наставника остался жить въ монастырѣ, подчинившись общежительному уставу, но послѣ десятилѣтней монастырской жизни стремленіе къ уединенію и желаніе усовершенствованія подвиговъ взяло верхъ: получивъ въ благословеніе отъ братіи образъ Божьей Матери Одигитріи, Х. удалился изъ монастыря и поселился въ 20 верстахъ къ югу на рѣчкѣ Малой Коряжемкѣ (въ нынѣшнемъ Сольвычегодскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи, въ 27 верстахъ отъ г. Сольвычегодска). Въ совершенномъ безмолвіи и уединеніи онъ началъ здѣсь свои подвиги, часто цѣлые дни и ночи проводя передъ иконою. Но мало по мало слухи о его жизни распространились въ окрестностяхъ и стали привлекать къ нему учениковъ и богомольцевъ; около 1555 г. Х. построилъ храмъ и долженъ былъ принять начальство надъ братіей; такъ устроился его монастырь. Наравнѣ съ подвигами Христофора и его учениковъ славѣ обители способствовалъ ключъ съ цѣлебной водой, находившійся около монастыря, и икона Одигитріи, исцѣлявшая болѣзни. Вѣсть о цѣлебной водѣ скоро достигла Москвы и внушила царицѣ Анастасіи Романовнѣ мысль воспользоваться водою для облегченія отъ недуга; по приказанію царя Ивана Васильевича Х. самъ прибылъ въ Москву и помогъ царицѣ. Возвратившись въ монастырь, Х. приступилъ къ постройкѣ новаго храма на царское жалованіе; по окончаніи постройки въ 1572 г., онъ скрылся изъ монастыря; куда онъ ушелъ, когда умеръ, гдѣ покоятся его мощи, осталось неизвѣстнымъ. Память его празднуется 25 іюля. Обитель Христофора послѣ его смерти скоро разстроилась; храмовая икона и все церковное имущество было перенесено въ Николаевскій Коряжемскій монастырь; потомъ въ 1582 г. Христофоровъ скитъ былъ возобновленъ Іовомъ, игуменомъ Коряжемскимъ; наконецъ, въ 1764 г. при введеніи штатовъ церкви монастыря были обращены въ приходскія Христофоровой деревни Шалимовской волости.

Вѣрюжскій: «Историческія сказанія о жизни святыхъ, подвизавшихся въ Вологодской епархіи (Вологда 18:0), с. 491—494.— «Словарь историческій о святыхъ, прославленныхъ въ Россійской церкви» (Спб. 1836), с. 271—272. — Барсуковъ: «Исторія русской агіографіи» (Спб. 1882), с. 579.— «Исторія россійской іерархіи», т. VI, с. 606—608. — Ключевскій: «Древне-русское житіе святыхъ» (1871), с. 418. — Сергій: «Полный мѣсяцесловъ Востока», (М. 1876), т. 2, с. 194.

В. С—ій.

Христофоръ Филалетъ, одинъ изъ выдающихся представителей православной стороны въ богословской полемикѣ по поводу Брестскаго собора, авторъ замѣчательнаго сочиненія, по польски озаглавленнаго «Apokrisis abo odpowiedź na xiązki o synodzie Brzeskim». Пріурочивая свѣдѣнія о лицѣ, написавшемъ Апокриписъ, къ имени Христофора Филалета, надо вопервыхъ сказать, что имя это, если не все, то по крайней мѣрѣ его вторая часть (Филалетъ—любящій истину), псевдонимъ. Сообщеніе базиліанца Игнатія Стебельскаго (Dwa wielkie swiatla... 1781) о томъ, что авторъ Апокриписа былъ нѣкій Христофоръ Бронскій нельзя не назвать со-

мнительнымъ; оно основывается лишь на показаніи Мелетія Смотрицкаго о передачѣ Христофору Филалету въ пожизненное владѣніе за Апокрисисъ какого то мѣстечка, на словахъ Іакова Суши (1666 г.) о томъ, что будто даритель былъ князь Константинъ Острожскій, и наконецъ на свѣдѣніи самого Стебельскаго, заключающемся въ томъ, что въ числѣ одаренныхъ кн. Константиномъ былъ нѣкто Христофоръ Бронскій, получившій отъ него украинское мѣстечко Вильскъ; сопоставленіе указаній Суши и Смотрицкаго съ своимъ собственнымъ и дало Стебельскому поводъ называть авторомъ Апокрисиса Христофора Бронскаго. На вопросъ, кто былъ авторъ Апокрисиса можно съ увѣренностью отвѣтить, основываясь на словахъ его книги, только то, что такъ называемый Филалетъ принадлежалъ не къ духовенству, а къ шляхетскому роду. Содержаніе книги свидѣтельствуетъ о выдающемся богословскомъ талантѣ автора, ясности его ума и громадной начитанности въ богословской литературѣ. Нѣкоторыя отличія въ его вѣроисповѣдныхъ убѣжденіяхъ отъ того, что̀ принято православной церковью, побудило нѣкоторыхъ изслѣдователей считать его то кальвинистомъ, то протестантомъ, то отступникомъ православія; другіе, напротивъ, считаютъ его православнымъ, воспитанникомъ православныхъ школъ, хотя и довершившимъ свое образованіе за границей; этотъ вопросъ о его вѣроисповѣданіи до сихъ поръ остается спорнымъ. «Ἀπόκρισις albo odpowiedź na xiążki o synodzie Brzeskim, imieniem ludzi starożytney religiey greckiey, przez Christophora Philaletha w porywczą dana» (1597), т. е. Апокрисисъ или отвѣтъ на сочиненіе о Брестскомъ соборѣ, отъ имени людей древне-греческой вѣры Христофоромъ Филалетомъ поспѣшно данный, явился отвѣтомъ на католическое описаніе этого собора («Synod Brzeski» и «Obrona synodu Brzeskiego»), принадлежащее іезуиту Петру Скаргѣ. Апокрисисъ былъ изданъ подъ псевдонимомъ съ цѣлью избѣжать немпуемаго преслѣдованія со стороны латиноуніатовъ; желаніе собственнаго соблюденія вмѣстѣ съ надеждою предохранить книгу отъ «огня человѣческой злобы» было и причиной посвященія ея коронному гетману Яну Замойскому, католику довольно вѣротерпимому къ православнымъ; неизвѣстно, была ли достигнута первая надежда автора, что же касается до второй, то несомнѣнно она была напрасна: Апокрисисъ, не смотря на посвященіе, подвергся такому страшному истребленію, что черезъ 30 лѣтъ послѣ напечатанія уже трудно было найти его печатный экземпляръ. Вскорѣ послѣ изданія на польскомъ языкѣ явился западно-русскій его переводъ подъ заглавіемъ «Апокрисисъ албо отповѣдь на книжки о съборѣ Берестейскомъ, именемъ людей старожитной релѣи греческой черезъ Христофора Филялета врихлѣ дана», напечатанный въ 1598 или 1599 году, по мнѣнію однихъ въ Вильнѣ, по мнѣнію другихъ въ Острогѣ. Имени переводчика не сохранилось, но нѣкоторыя поправки и передѣлки, съ одной стороны обличающія въ немъ меньшую чѣмъ у Филалета степень образованности и меньшее знакомство съ устройствомъ латинской церкви, а съ другой стороны указывающія его болѣе близкіе къ православію взгляды, заставляютъ думать, что авторъ и переводчикъ не одно лицо.

Главная цѣль автора Апокрисиса заключалась въ опроверженіи книги Петра Скарги и, какъ онъ самъ говоритъ, въ желаніи «показать нашу невинность, а противной стороны преступность», въ желаніи предупредить ложныя понятія «въ нынѣшнемъ, а тѣмъ болѣе въ будущихъ вѣкахъ, которые будутъ безпристрастно судить о вещахъ», далѣе «заградить уста противникамъ, которые, если не отвѣчать имъ на клевету, найдутъ себѣ въ этомъ поводъ торжествовать», наконецъ, чтобъ «врачевать нашихъ древняго греческаго исповѣданія людей». Сочиненіе заключаетъ въ себѣ общее введеніе, четыре части, каждая изъ которыхъ сопровождается частнымъ введеніемъ съ краткимъ обзоромъ содержанія части, и заключеніе. Первая часть историческая—«О соборныхъ дѣяніяхъ въ Брестѣ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ древней греческой вѣры и о преступленіи митрополита кіевскаго и владыкъ владимирскаго, луцкаго, полоцкаго, пинскаго и холмскаго, отъ которыхъ отстали тѣ лица»; въ этой части, какъ говоритъ самъ авторъ въ предисловіи, вмѣсто того, чтобъ отвѣчать на разсказъ дѣписателя (т. е. Скарги) о дѣлахъ, происходившихъ въ Брестѣ,

представлено «въ цѣлости сборное посланіе духовныхъ и свѣтскихъ лицъ древняго греческаго исповѣданія, отставшихъ на Брестскомъ соборѣ отъ митрополита и его сообщниковъ»; такъ какъ въ немъ «говорится о преступленіи митрополита, упомянуто о многихъ вещахъ, не всѣмъ извѣстныхъ», то «для объясненія и подтвержденія» къ нему присовокуплены «разныя письма, грамоты, законы, посольства». Во второй части, озаглавленной «О томъ, какъ поступали на соборѣ приверженцы древней греческой вѣры, которыхъ дѣписатель собора (т. е. Скарга) охуждаетъ», разбирается (слова Филалета) «самый образъ дѣйствій лицъ греческой вѣры, отставшихъ отъ митрополита на Брестскомъ соборѣ и порицаемыхъ дѣписателемъ, при чемъ разсуждается, справедливы ли эти порицанія или нѣтъ». Въ третьей части «О монархіи или единовластіи римскихъ папъ» отвергается право на единовластіе на основаніи евангелія, отцовъ церкви и церковной исторіи. Четвертая часть «О порицаніяхъ цареградской патріархіи и похвалахъ соединенію и сообщенію съ римской церковью, высказанныхъ соборнымъ дѣписателемъ» (въ «Оборонѣ»)—разбираетъ вопросъ, стоитъ ли унія съ римской церковью того, «чтобы изъ-за нея можно было по справедливости отложиться отъ восточныхъ патріарховъ и продаться папѣ» (слова Филалета въ предисловіи). Всѣ богословскія положенія, высказанныя въ Апокрисисѣ, могутъ быть сведены къ тремъ главнымъ понятіямъ, какъ замѣчаетъ изслѣдователь этой книги Филалета: мысли о церкви вообще, о членахъ церкви воинствующей на землѣ и о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ членовъ церкви. Говоря о церкви вообще, Филалетъ называетъ ее единою, всеобъемлющею, нераздѣльною, не связанною ни временемъ, ни мѣстомъ, не принадлежащею никакому отдѣльному народу, имѣющей единую главу Іисуса Христа и Его же, какъ единую основу (противъ латинянъ, считающихъ апостола Петра основаніемъ церкви, краеугольнымъ камнемъ, единовластнымъ вселенскимъ пастыремъ, имѣющимъ право вязать и рѣшить). Подъ церковью воинствующею на землѣ Филалетъ въ своей книгѣ разумѣетъ всѣхъ живущихъ подъ благодатью и истиною христіанъ, изъ которыхъ нѣкоторые называются пресвитерами или епископами и имѣютъ одинаковое назначеніе учить и пасти стадо Божіе; въ противоположность ветхозавѣтнымъ евреямъ, гдѣ только часть народа, одно колѣно служило Богу, нынѣ всѣ христіане не только въ церквахъ и церковныхъ обрядахъ, но во всей жизни, на всякомъ мѣстѣ, во всякое время, во всѣхъ дѣлахъ отданы и посвящены во славу Христа; поэтому всѣ истинные христіане, хотя бы и міряне, называются въ священномъ писаніи народомъ избраннымъ, священствомъ святымъ, народомъ святымъ, людьми обновленія и священниками Божіими; изъ этихъ христіанъ, какъ членовъ, соединенныхъ съ главою — Христомъ, слагается церковь воинствующая на землѣ; она есть виноградъ, возращаемый Христомъ посредствомъ дѣлателей, Его тѣло, для созиданія котораго онъ посылаетъ пастырей и учителей. Пресвитеровъ, по словамъ Филалета, священное писаніе не различаетъ отъ епископовъ: первые стали ниже вторыхъ лишь по обычаямъ, а не по божественнымъ установленіямъ; римскіе папы возвысились также не по божественному установленію; право ихъ принимать апелляціи отъ епископовъ всѣхъ странъ, созывать соборы, предсѣдательствовать на нихъ и утверждать соборныя постановленія — не имѣетъ каноническихъ основаній, не установлено священнымъ писаніемъ. Отношенія между членами церкви — пастырями и паствою, по словамъ Филалета, опредѣляются съ одной стороны обязанностью пастырей совершать таинства и учить вѣрѣ и обязанностью паствы повиноваться пастырямъ, съ другой стороны правомъ пастырей на преимущество ихъ на соборахъ передъ паствою и на судъ преступниковъ и правомъ паствы на избраніе пастырей, на сужденія объ ученіи и вѣрѣ и на участіе въ соборахъ; право на избраніе лицъ на духовныя должности принадлежитъ издавна наравнѣ духовнымъ и мірянамъ. По объясненію св. Кипріана, обычай этотъ введенъ для того, чтобы въ присутствіи всего народа, который изъ частаго взаимнаго обхожденія лучше всего знаетъ жизнь и дѣятельность каждаго своего члена, были открыты грѣхи злыхъ и обнаружены заслуги добрыхъ и такимъ образомъ избраніе, подтвержденное согласіемъ всѣхъ, могло быть достойнымъ, надлежащимъ, справедливымъ. Міряне,

учась вѣрѣ у пастырей, должны не слѣпо, но съ разсужденіемъ повиноваться имъ и только тогда принимать ученіе, когда оно истинно и основаніемъ его являются священное писаніе и правила св. отцовъ. Въ созиданіи церкви духовные имѣютъ первенство передъ мірянами; на соборахъ первые постановляютъ приговоръ и объявляютъ его, міряне изъявляютъ согласіе и наблюдаютъ, чтобы не было постановлено чего нибудь несправедливаго вслѣдствіе поспѣшности или раздраженія. Таковы взгляды на церковь, вошедшіе въ сочиненіе Филалета. Ярый противникъ католичества и уніи, которая явилась результатомъ Брестскаго собора, Филалетъ не отказывается отъ мысли о возможности соединенія восточной и западной церкви, если бъ оно устроилось равноправнымъ путемъ взаимныхъ уступокъ. «Мы не устраняемся,—говоритъ онъ,—того единенія, согласія и любви съ римскою церковью, какія были въ первые вѣка по Христѣ Господѣ, напротивъ весьма желаемъ и просимъ; но мы хранимъ себя отъ того единенія, которое влечетъ за собою порабощеніе Христовой паствы, удаляетъ насъ отъ истинной главы, отъ Христа Господа, уничтожаетъ между первѣйшими пастырями равенство—мать согласія, отмѣняетъ порядокъ, установленный на первыхъ соборахъ, и границы, опредѣленныя между властью папы римскаго и восточныхъ патріарховъ, совершенно извращаетъ древній образъ нашего служенія Богу и налагаетъ на вѣрныхъ непремѣнный долгъ принимать и содержать все, что бы ни выдумалъ какой либо папа, хотя бы это было противно ученію священнаго писанія».

Отвѣтомъ на Апокрисисъ со стороны латино-уніатовъ былъ Антиррисисъ Петра Аркудія (напечатанный подъ псевдонимомъ Филотея въ 1599 году), затѣмъ «Апологія путешествія въ страны восточныя» (1628) Мелетія Смотрицкаго, далѣе—компиляція этой Апологіи, составленная Ѳеодоромъ Ликиніемъ Намысловскимъ подъ заглавіемъ «Поприще, на которомъ не устоять схизматику» (Plac na ktorym sie schyzmatik nie ostoi, 1628), наконецъ «Екзетезисъ» (1629) Мелетія Смотрицкаго. Въ защиту Филалета въ свою очередь выступили Андрей Мужиловскій, протопопъ слуцкій, съ «Антидотомъ именитому народу русскому» (1629) и Геласій Диплицъ съ «Антапологіей» (1632).

Значеніе Апокрисиса для православныхъ современниковъ Филалета было чрезвычайно велико, ибо эта книга явилась первымъ научнымъ опроверженіемъ римско-католическаго ученія о папскомъ главенствѣ. Силу своей книги по отношенію къ противникамъ православія чувствовалъ самъ Филалетъ, назвавъ Апокрисисъ костью, которой подавятся латино-уніаты; дѣйствительно, оппоненты Апокрисиса не могли найти достаточно серіозныхъ опроверженій доводамъ Филалета; видя свою полную несостоятельность въ борьбѣ, они прибѣгли къ самымъ рѣзкимъ средствамъ: «Авторъ Апокрисиса, — говоритъ одинъ изъ нихъ, — наполнилъ свою книгу такимъ множествомъ непристойныхъ и ложныхъ вещей, что и самъ дьяволъ, вылѣзши изъ ада, не могъ сочинить большей неправды, какъ этотъ Христофоръ Филалетъ; по истинѣ каждый можетъ назвать его diawolofor и philopseudis, а не Christum ferens и amator veritatis». Историческое значеніе Апокрисиса не менѣе важно; онъ является замѣчательнымъ памятникомъ православной полемики, сборникомъ документовъ, имѣющимъ характеръ первоисточника, наконецъ, прекраснымъ изображеніемъ взглядовъ современника на близкія ему событія.

Въ заключеніе должно сказать, что нѣкоторые сближаютъ Христофора Филалета съ инокомъ аѳонскимъ Христофоромъ, написавшимъ возраженіе на книгу Скарги «О единствѣ церкви Божіей» подъ заглавіемъ «Писаніе зовется зачапка мудраго латынника съ глупымъ русиномъ въ диспутацію, а по просту глаголющи въ гаданіе или бесѣду вопросъ и отвѣтъ; по семъ Скарзѣ на два артикулы въ книжкахъ его именованныхъ. Христофоръ инокъ русинъ во святой Аѳонской горѣ странствуя». Это мнѣніе не имѣетъ достаточныхъ основаній.

Н. Скабалановичъ: «Объ Апокрисисѣ Христофора Филалета» (Спб. 1873).—«Апокрисисъ Христофора Филалета въ переводѣ на современный русскій языкъ, съ предисловіемъ, приложеніями и примѣчаніями» (Кіевъ 1870; ранѣе, въ 1869 г., эта книга была напечатана безъ дополненій, примѣчаній и предисловія). — «Апокрисисъ. Сочиненіе Христофора Филалета въ двухъ текстахъ, польскомъ и западнорусскомъ 1597—1599» (Русская историческая библіотека т. 7, 1882, с. 1003—1820. Здѣсь же на-

печатано сочиненіе Петра Скарги: «Берестейскій соборъ и оборона его»). – С. Голубевъ: «Библіографическія замѣчанія о нѣкоторыхъ старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ, преимущественно конца XVI и XVII столѣтій» (Труды Кіевской дух. академіи, 1876, январь, с. 137—159).— К. Харламповичъ: «Острожская православная школа» (Кіевская старина, 1897, май, іюль).—К. Харламповичъ: «Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка» (Казань, 1898), с. 273, 494 (здѣсь указана обширная библіографія по вопросу объ Апокрисисѣ, между прочимъ и польская). — П. Лукьяновичъ: «Къ вопросу объ Острожской школѣ XVI вѣка» (Волынскія епарх. вѣдомости, 1881, № 23—27).—М. Кояловичъ: «Литовская церковная унія» (1859), т. 1, ст. 179 — 181.—Филаретъ Гумилевскій: «Обзоръ русской духовной литературы» (1884), с. 174—175.—С. Соловьевъ: «Исторія Россіи», кн. II, с. 1450—1452.— Гильтебрандтъ: «Апокрисисъ» (Виленскій Вѣстникъ, 1871, № 1).

Христофоръ (*Сулима*), епископъ Слободско-Украинскій, род. около 1750 г., ум. 18 мая 1813 г. Онъ происходилъ изъ дворянъ и образованіе получилъ въ Кіевской духовной академіи, гдѣ и постригся въ монашество въ 1765 г. Пройдя многія послушанія въ заграничномъ Мотренинскомъ монастырѣ, Х. въ началѣ 1789 г. прибылъ въ Россію и былъ назначенъ игуменомъ Николаевскаго Моденскаго монастыря, Новгородской епархіи, а 25 декабря того же года возведенъ въ санъ архимандрита Харлампіева Гамалѣевскаго монастыря и съ 1794 г. состоялъ архимандритомъ Успенскаго Елецкаго монастыря. 28 февраля 1798 г. онъ былъ назначенъ, а 18 апрѣля хиротописанъ во епископа Ѳеодосійскаго и Маріупольскаго, викарія Екатеринославской епархіи, но уже въ 1799 г., по упраздненіи этой епархіи, переведенъ во вновь учрежденную Слободско-Украинскую или Харьковскую епархію. На долю перваго епископа новой епархіи выпало не мало трудовъ по ея устройству. Памятникомъ дѣятельности преосв. Христофора служитъ устроенная при немъ Харьковская духовная семинарія, переименованная въ коллегію, и три духовныхъ управленія въ городахъ Харьковской губерніи (1811); извѣстна и борьба его съ мѣстнымъ расколомъ. 16 февр. 1813 г. епископъ Х. по болѣзни былъ уволенъ на покой въ Старо Харьковскій монастырь, гдѣ и скончался черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Дѣла архива Св. Синода 1789 г., №№ 115 и 123; 1798 г., № 219; 1799 г., № 124; 1805 г., № 957; 1811 г., №№ 554 и 967; 1812 г., 997. — Строевъ: «Списки іерарховъ», столб. 490, 515, 531, 965 и др. (Свѣдѣнія, приведенныя объ епископѣ Х-рѣ въ «Харьк. епарх. вѣд.» 1869 г., № 1, неточны). *Здр.*

Христофоръ (*Чарнуцкій*), игуменъ Николаевскаго Пустыннаго монастыря въ Кіевѣ, ум. 28 іюня 1726 г. Свѣдѣнія о немъ очень скудны. Изъ духовнаго его завѣщанія видно, что онъ въ монашество вступилъ въ 1700 г. въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ и вскорѣ затѣмъ былъ опредѣленъ учителемъ въ Кіево-Могилянскій коллегіумъ (академію), гдѣ исполнялъ и обязанности префекта, а въ 1707 г. возведенъ въ санъ игумена и назначенъ ректоромъ академіи, состоя въ то же время и настоятелемъ Братскаго Богоявленскаго монастыря. Съ 1709 г. игуменъ Х. былъ настоятелемъ Николаевскаго Пустыннаго монастыря и состоялъ членомъ Кіевской духовной консисторіи.

Описаніе дѣлъ и докум. архива Св. Синода за 1726 г., т. VI, № 236. — Строевъ: «Списки іерарховъ». *Здр.*

Христофоръ, въ мірѣ *Ѳедоръ Максимовичъ Эммаусскій*, епископъ Вологодскій, род. въ 1795 г., ум. 11 августа 1872 г. Сынъ священника села Эммауса, Тверской губерніи, Максима Лопатинскаго, родного племянника извѣстнаго архіепископа Тверского Ѳеофилакта Лопатинскаго, преосвященный Христофоръ получилъ фамилію Эммаусскій по родному селу, когда въ 1804 г. по смерти отца былъ привезенъ въ Тверскую семинарію. Здѣсь онъ и обучался съ полнымъ успѣхомъ до перехода въ философскій классъ. Въ 1813 г. учитель Тверской семинаріи іеромонахъ Амвросій Орнатскій, впослѣдствіи епископъ Пензенскій, принимавшій живое участіе въ спротѣ Эммаусскомъ, будучи переведенъ въ Новгородскую семинарію, взялъ его съ собою въ эту семинарію и содержалъ на свой счетъ, пока онъ учился въ философскомъ классѣ. Въ 1815 г. Новгородскую семинарію ревизовалъ ректоръ С.-Петербургской духовной академіи архимандритъ Филаретъ (Дроздовъ), и по ревизіи избралъ Эммаусскаго, какъ одного изъ лучшихъ воспитанниковъ семинаріи, въ число студентовъ, предназначавшихся для дальнѣйшаго образованія къ поступленію въ С.-Петербургскую академію. Здѣсь Эммаусскій почти все время своего

обученія (1815—1819) находился подъ непосредственнымъ руководствомъ того же Филарета и слушалъ, въ числѣ прочихъ наставниковъ, знаменитаго гебраиста Г. П. Павскаго († 1863). По окончаніи академическаго курса Эммаусскій въ 1819 г. былъ удостоенъ степени кандидата богословія и назначенъ на должность учителя гражданской исторіи и французскаго языка въ Кіевскую семинарію. Въ 1824 г. онъ былъ переведенъ въ Орловскую семинарію и въ 1825 г. рукоположенъ во священника къ Георгіевской церкви въ г. Болховѣ, а съ окончаніемъ учебнаго года, по прошенію, уволенъ отъ учебной службы. Въ 1826 г. Эммаусскій былъ опредѣленъ присутствующимъ Болховскаго духовнаго правленія, въ 1828 г.— благочиннымъ и первоприсутствующимъ того же правленія, съ возведеніемъ въ санъ протоіерея. Въ 1831 г. онъ былъ перемѣщенъ въ г. Орелъ къ Крестовоздвиженской церкви и въ 1833 г. назначенъ смотрителемъ Орловскаго духовнаго училища. Въ томъ же году 9 декабря, овдовѣвъ, онъ по прошенію былъ постриженъ въ монашество, 9 января 1834 г. опредѣленъ присутствующимъ Орловской духовной консисторіи, а 28 октября, въ уваженіе долговременнаго служенія въ должностяхъ училищныхъ и епархіальныхъ и въ санѣ священства, возведенъ въ санъ архимандрита и опредѣленъ настоятелемъ Болховскаго Оптина заштатнаго Троицкаго монастыря, съ увольненіемъ въ 1835 г. отъ училищной должности. Перемѣщенный въ 1836 г. настоятелемъ въ третьеклассный Трубчевскій Спасскій Чолнскій монастырь, онъ, за недостаткомъ настоятелей въ епархіи, удерживалъ за собою управленіе и Болховскимъ Троицкимъ монастыремъ и 31 октября былъ сдѣланъ благочиннымъ монастырей Орловской епархіи. Въ 1837 г. архим. Х. снова былъ призванъ къ духовно-учебной службѣ, назначенный ректоромъ и учителемъ богословскихъ наукъ въ Волынскую семинарію, съ опредѣленіемъ настоятелемъ заштатнаго Загаецкаго св. Іоанна Милостиваго монастыря. Десять лѣтъ слишкомъ Х. прослужилъ въ должности ректора на Волыни при архіепископахъ Иннокентіи Сельпокриновѣ и Никанорѣ Клементьевскомъ, пользуясь довѣріемъ этихъ преосвященныхъ и уваженіемъ сослуживцевъ и учениковъ семинаріи. Въ 1840 г. за отличноусердную службу Х. былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст., а въ 1844 г. тѣмъ же орденомъ съ Императорскою короною. Въ 1847 г., указомъ св. Синода, архимандритъ Х. былъ вызванъ въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди слова Божія, а въ 1848 г. опредѣленъ присутствующимъ въ Петербургской духовной консисторіи и членомъ комиссіи по возстановленію въ С.-Петербургѣ Воскресенскаго женскаго монастыря на мѣстѣ бывшаго нѣкогда Смольнаго такового же монастыря, обращеннаго въ богоугодное заведеніе. 24 мая 1848 г. Х. былъ назначенъ ректоромъ и учителемъ догматическаго богословія въ С.-Петербургской духовной семинаріи и 5 ноября избранъ членомъ конференціи С.-Петербургской духовной академіи, 20 ноября — членомъ внѣшняго правленія академіи. Въ 1849 г. архимандритъ Х. былъ опредѣленъ настоятелемъ Новоторжскаго Борисоглѣбскаго монастыря Тверской епархіи и членомъ совѣщательнаго комитета изъ лицъ духовныхъ и гражданскихъ по вопросу объ устройствѣ участи людей духовнаго вѣдомства, оставшихся безъ мѣстъ. 5 марта 1850 г., по докладу св. Синода, состоялось Высочайшее назначеніе, а 25 марта рукоположеніе архим. Христофора во епископа Ревельскаго, викарія С.-Петербургской митрополіи, при чемъ рукоположеніе въ Александро-Невской лаврѣ совершалъ соборнѣ съ другими іерархами первенствующій членъ Синода, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій Никаноръ (Клементьевскій), давно знавшій и высоко цѣнившій преосвященнаго Христофора. Вѣрнаго и добраго сотрудника нашелъ себѣ въ немъ митрополитъ Никаноръ какъ въ общемъ управленіи епархіею, такъ и въ исполненіи особыхъ порученій, которыя возлагаемы были на преосвященнаго Христофора. Такъ, епископъ Х. уже въ 1851 г. былъ назначенъ членомъ секретнаго комитета относительно строгаго наблюденія за всѣми дѣйствіями духовной цензуры; 20 іюля того же года обозрѣвалъ С.-Петербургскую духовную семинарію; въ 1852 г. назначенъ предсѣдательствующимъ въ особомъ высшемъ комитетѣ по построенію въ Петербургѣ вышеупомянутаго Воскресенскаго монастыря, въ 1853 г. — членомъ комитета для разсмотрѣнія описей церков-

наго имущества С.-Петербургской епархіи. Въ 1855 г. преосв. Х. былъ утвержденъ вице-президентомъ С.-Петербургскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета и въ 1856 г., когда по случаю коронаціи засѣданія св. Синода перенесены были изъ Петербурга въ Москву, состоялъ присутствующимъ въ С.-Петербургской синодальной конторѣ. За ревностное пастырское служеніе преосв. Х. въ 1852 г. былъ пожалованъ орденомъ св. Анны 1 ст., а въ 1856 г. (31 іюля) назначенъ на самостоятельную каѳедру епископа Вологодскаго и Устюжскаго.

Вологодскою епархіею преосв. Х. управлялъ 10 лѣтъ и въ теченіе этого времени много содѣйствовалъ внутреннему и внѣшнему благоустройству ея, часто обозрѣвая епархію лично во всемъ ея обширномъ пространствѣ, ревностно заботясь о подъемѣ образованія ввѣреннаго ему духовенства и паствы, объ улучшеніи быта духовенства и содержанія духовно-учебныхъ заведеній епархіи. Лѣтомъ 1858 г. онъ имѣлъ рѣдкій въ жизни его епархіи случай встрѣчать въ Вологодскомъ соборѣ императора Александра Николаевича, самъ предварительно составивъ и церемоніалъ встрѣчи. Въ 1866 г. преосв. Х., въ видахъ повышенія, перемѣщенъ былъ на Вятскую архіерейскую каѳедру, но, чувствуя ослабленіе силъ при своемъ старческомъ возрастѣ, и особенно ослабленіе зрѣнія, предпочелъ повышенію удаленіе на покой. По просьбѣ, онъ 20 октября того же 1866 года былъ уволенъ на покой, съ предоставленіемъ ему въ управленіе Тотемскаго Спасо-Суморина монастыря Вологодской епархіи, гдѣ онъ и жилъ до своей кончины, постоянно, не смотря на слабость зрѣнія, слѣдя за политикою, общественною и умственною жизнью. Указомъ св. Синода 20 сентября 1867 г. предписано было братіи Спасо-Суморина монастыря, чтобы она находилась въ полномъ преосв. Христофору послушаніи и въ такихъ же къ нему отношеніяхъ, какъ къ епархіальному архіерею. За все время своего пребыванія на покоѣ преосв. Х. только два раза, въ 1868 и 1871 годахъ, выѣзжалъ изъ своего монастырскаго уединенія: въ первый разъ въ Вологду, а во второй — въ Москву, для совѣта съ врачами относительно потухавшаго зрѣнія; но искусство врачей уже не помогало ему.

Кромѣ учебно-воспитательной и церковно-административной дѣятельности, преосвящ. Х. заявилъ себя и на ученo-литературномъ поприщѣ. Его перу принадлежатъ а) нѣсколько проповѣдей, напечатанныхъ или отдѣльными брошюрами, или въ «Вологодскихъ епарх. вѣдомостяхъ», имъ же и основанныхъ въ 1864 г., и б) трудъ переводный, подъ заглавіемъ: «Двѣнадцать малыхъ пророковъ въ русскомъ переводѣ», напечатанный въ «Воскресномъ Чтеніи» 1876 г., ч. II. Къ числу отдѣльно изданныхъ проповѣдей его относятся: 1) «Слово, произнесенное въ Вологодскомъ каѳедральномъ соборѣ при вступленіи на наству 21 октября 1856 г.» Спб. 1863, и 2) «Воззваніе, приготовленное для произнесенія и поученія къ дворовымъ служителямъ и крестьянамъ по случаю освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости», Спб. 1861. Другія слова и рѣчи его отпечатаны въ «Вологодскихъ епарх. вѣдомостяхъ» за 1864—1866 гг. Что касается переводнаго труда, напечатаннаго по рукописи, сохранившейся въ библіотекѣ Кіевской семинаріи, то онъ обнаруживаетъ основательное знакомство переводчика и съ языками библіи, еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ, и съ толкованіями ея, очевидно вынесенное еще изъ Спб. духовной академіи съ уроковъ Г. П. Павскаго.

П. А. Чистовичъ: «Исторія С.-Петербургской духовной академіи», стр. 369, Спб. 1857. — «Вологодскія епарх. вѣд.» 1868 г., № 21; 1872 г., №№ 17 и 18. — «Вятскія епарх. вѣд.» 1872 г., № 22. — «Церковная лѣтопись» «Духовной бесѣды» 1872 г., № 36.— «Странникъ» 1872 г., III, 207. — А. Н. Надеждинъ: «Исторія С.-Петербургской православной духовной семинаріи», стр. 313, 314, Спб. 1885.

Ив. Корсунскій.

Хромый, *Ѳедоръ Давыдовичъ*, бояринъ и воевода, одинъ изъ выдающихся полководцевъ великаго князя Іоанна III, ум. въ 1483 г. Въ 1471 г. онъ вмѣстѣ съ княземъ Д. Д. Холмскимъ (см. выше) участвовалъ въ новгородскомъ походѣ и за цѣлый рядъ удачныхъ дѣлъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ усмиреніе новгородцевъ, былъ въ слѣдующемъ году пожалованъ въ бояре и съ княземъ Холмскимъ и съ братьями великаго князя отправленъ къ берегамъ Оки для отраженія нападенія хана Золотой орды Ахмета, который съ большими силами приближался къ городу Алексину. Въ 1477 г.,

во вторичномъ походѣ противъ Новгорода, Х., командуя отдѣльнымъ отрядомъ, по льду перешелъ озеро Ильмень и въ одну ночь занялъ всѣ окрестности Новгорода и, участвуя во всѣхъ переговорахъ съ представителями города, содѣйствовалъ окончательному его покоренію.

«Древн. Россійск. Вивліоф.», ч. XX, стр. 3 и 5.—Карамзинъ: «Исторія», т. VI.—«Словарь достопамятн. людей Русск. земли», Бантыша-Каменскаго, ч. V.

Хрулевъ, *Степанъ Александровичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1807 г., въ Тульской губерніи, въ имѣніи отца своего, занимавшаго въ Тулѣ должность предсѣдателя гражданской палаты, ум. 22 мая 1870 г. Пробывъ шесть лѣтъ въ тульскомъ Александровскомъ училищѣ и блестяще выдержавъ въ 1825 г. окончательный экзаменъ при 2-омъ С.-Петербургскомъ кадетскомъ корпусѣ, Х., по существовавшему тогда порядку, былъ прикомандированъ «для ознакомленія со службой» къ Дворянскому полку, а въ слѣдующемъ году, 19-ти лѣтъ отъ роду, произведенъ въ прапорщики и переведенъ въ артиллерійскую конно-легкую № 25 роту, которая въ то время квартировала на границѣ Польши. Польское возстаніе 1831 г. было началомъ боевой дѣятельности Хрулева: едва вспыхнулъ мятежъ, какъ онъ выступилъ въ походъ, слѣдуя черезъ Варшаву въ Люблинъ, и въ этотъ продолжительный переходъ, постоянно сопровождавшійся стычками съ поляками, впервые ознакомился съ боевой обстановкой. Участвуя затѣмъ во многихъ дѣлахъ и особенно подъ Козеницами (7 февраля) и при Люблинѣ (27 февр.), Х. зарекомендовалъ себя очень храбрымъ и способнымъ офицеромъ и уже въ эту первую свою кампанію не разъ имѣлъ случай выказать изумительное хладнокровіе, рѣдкую распорядительность и полное пренебреженіе всякой опасности,—качества, которыя впослѣдствіи сдѣлали его героемъ Севастопольской обороны. За храбрость, выказанную въ эту кампанію, Х. былъ произведенъ въ подпоручики и награжденъ орденами св. Анны и св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ.

Въ 1835 г. Х. былъ прикомандированъ къ образцовой конной батареѣ, а въ слѣдующемъ переведенъ л.-гв. въ конную батарею, гдѣ сперва исполнялъ обязанности казначея, а затѣмъ несъ строевую службу; въ 1844 г., въ чинѣ полковника, онъ вторично былъ зачисленъ въ образцовую конную батарею, а въ концѣ того же года назначенъ командиромъ конно-легкой № 26 батареи. Основательно изучивъ за это время службу и считаясь знатокомъ артиллерійскаго дѣла, Х. неоднократно былъ привлекаемъ къ участію въ обсужденіи важныхъ техническихъ вопросовъ, такъ, между прочимъ, о введеніи въ артиллеріи карточныхъ гранатъ.

Венгерскую кампанію 1849 г. Х. началъ, будучи уже полковникомъ и командиромъ 4-ой конной артиллерійской бригады; на него сначала была возложена обязанность начальника аванпостовъ, а затѣмъ—командира отдѣльнаго партизанскаго отряда. Съ блистательнымъ успѣхомъ Х. въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ (до 5 августа) исполнялъ возложенное на него трудное порученіе, не разъ избѣгая съ своимъ отрядомъ крайней опасности и всегда находя удачный выходъ изъ самыхъ затруднительныхъ положеній; венгерскіе инсургенты подавляли нашихъ партизанъ численностью, и только такому вождю, столь опытному, находчивому и безстрашному, какъ Х., было подъ силу бороться съ ними. Послѣ сраженія подъ Вайценомъ (4 іюля) Х., посланный съ партизанскимъ отрядомъ преслѣдовать аріергардъ разбитой непріятельской арміи и слѣдуя съ 2 эскадронами драгунъ, сотней казаковъ и двумя орудіями, совершенно неожиданно наткнулся у города Лозонча на сильный непріятельскій корпусъ. Вдали отъ русскихъ войскъ и въ виду превосходнаго врага Х. не потерялся и, расположивъ искусно свой отрядъ, чтобы скрыть его малочисленность отъ непріятеля, онъ отправилъ къ командиру корпуса Наги-Шандору парламентеровъ отъ имени фельдмаршала, съ предложеніемъ сложить оружіе и разойтись, угрожая въ противномъ случаѣ немедленно атаковать его всей русской арміей. Парламентеровъ препроводили въ главную квартиру генерала Гергея, который послѣ объясненія съ ними написалъ письмо гр. Паскевичу, прося дать ему 48 часовъ времени для обсужденія вопроса съ прочими венгерскими вождями. Военныя дѣйствія на время переговоровъ были пріостановлены, а тѣмъ временемъ къ Хрулеву подошли передовыя части нашей арміи, и его отрядъ былъ спасенъ. За отличную храбрость и муже-

ство, выказанныя Хрулевымъ въ дѣлахъ Венгерской кампаніи, онъ получилъ золотую саблю съ надписью «за храбрость», чинъ генералъ-маіора и австрійскій орденъ Желѣзной короны 2 ст.

Въ февралѣ 1851 г. Х. былъ назначенъ командиромъ 1-ой бригады 1-ой драгунской дивизіи, а въ маѣ 1853 г. поступилъ въ распоряженіе командира отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса генералъ-адъютанта гр. Перовскаго, который въ то время дѣйствовалъ противъ коканцевъ. Во время труднаго и мучительнаго перехода русскихъ войскъ чрезъ киргизскую степь и рѣку Сыръ-Дарью, Х. командовалъ артиллеріей отряда, съ большимъ успѣхомъ руководя ея движеніями, особенно во время трудной переправы черезъ степную рѣку. Въ началѣ іюля отрядъ подошелъ къ крѣпости Акъ-Мечеть (нынѣ фортъ Перовскій), и 6 числа началась осада. Х. самъ управлялъ траншейными и минными работами, а при штурмѣ (28 іюля) командовалъ одной изъ штурмовыхъ колоннъ. Крѣпость была взята, и гр. Перовскій доносилъ государю: «успѣшное и скорое производство осадныхъ работъ, удачное дѣйствіе нашихъ орудій, одушевленіе войскъ при штурмѣ личнымъ примѣромъ, сбереженіе ихъ, — все это должно быть отнесено къ распорядительности генерала Хрулева, къ его знанію дѣла и къ хладнокровной его неустрашимости, почему, по всей справедливости, принадлежитъ ему вполнѣ и самая честь завоеванія крѣпости». За это дѣло Х. былъ произведенъ въ чинъ генералъ-лейтенанта.

Наступилъ 1854 г., началась война съ Турціей, кончившаяся Крымской кампаніей и знаменитою обороною Севастополя. Славное участіе Хрулева какъ въ этой войнѣ, такъ особенно въ оборонѣ Севастополя стяжало ему вѣчную славу и причислило его имя къ именамъ тѣхъ русскихъ богатырей, память о которыхъ никогда не умираетъ въ народѣ. Въ началѣ 1854 г. Х. прибылъ на Дунай и поступилъ въ распоряженіе начальника инженеровъ генералъ-адъютанта Шильдера, который поручилъ ему немедленно устроить батареи для дѣйствія по судамъ, стоявшимъ у Систова и Никополя. 16 февраля Х. явился въ Каларашъ и произвелъ рекогносцировку обоихъ береговъ Дуная, а 18 числа уже были готовы 4 батареи, къ которымъ на слѣдующій день присоединились еще 3, и когда 20 февр. турки въ числѣ 6000 чел. произвели вылазку на лѣвый берегъ Дуная и, оттѣснивъ нашу передовую цѣпь, уже приступили къ срытію батарей, Х., собравъ войска (одинъ пѣхотный полкъ, два эскадрона драгунъ, двѣ сотни казаковъ и двѣ батареи) и осыпавъ непріятеля картечью, бросился въ атаку и принудилъ турокъ къ поспѣшному отступленію: они едва успѣли сѣсть на суда, оставивъ до 500 человѣкъ на берегу. 27 и 28 февраля Х. дѣйствовалъ при Ольтеницѣ, затѣмъ, находясь противъ крѣпости Силистріи, съ 24 марта по 5 мая завѣдывалъ предварительными осадными работами. 12 іюня Х. командовалъ аріергардомъ при отступленіи нашихъ войскъ отъ Силистріи, а два дня спустя совершилъ смѣлую рекогносцировку, переправившись чрезъ главный рукавъ Дуная. Съ декабря 1854 г. Х. состоялъ при главнокомандующемъ морскими и сухопутными силами въ Крыму генералъ-адъютантѣ кн. Меньшиковѣ. 9-го марта 1855 года окончено было сооруженіе Камчатскаго люнета, и на другой день огонь нашей артиллеріи и штуцеровъ заставилъ непріятеля прекратить траншейныя работы. Однако не довольствуясь этимъ, Х. въ ночь съ 10 на 11 марта произвелъ вылазку изъ Камчатскаго люнета: построившись въ ротныя колонны, войска наши ворвались въ главную французскую траншею и срыли всѣ произведенныя тамъ работы; бой длился всю ночь и только съ разсвѣтомъ Х. далъ знакъ къ отступленію. Донося объ этомъ дѣлѣ, главнокомандующій, между прочимъ, писалъ государю: «свидѣтельствую о геройскомъ мужествѣ генералъ-лейтенанта Хрулева». Государь прислалъ храброму генералу орденъ св. Георгія 3 ст.

5-го мая Х. былъ назначенъ начальникомъ 1-го и 2-го отдѣленій оборонительной линіи. Съ этой стороны Севастополю особенно угрожала опасность, а потому сюда и былъ вызванъ «храбрый, солдатскій генералъ», какъ его называли нижніе чины. Войска съ довѣріемъ и надеждой встрѣтили это назначеніе; большая часть солдатъ не разъ видѣла Хрулева въ бою, знала его отвагу и храбрость; войска любили его за попеченіе о нихъ, за умѣнье однимъ кстати сказаннымъ словомъ ободрить и воодушевить ихъ; имъ было

извѣстно, что Х. назначался только на опасныя мѣста, и всѣмъ стало очевидно, что наступаетъ серіозный періодъ обороны Севастополя. Прибывъ къ новому посту и осмотрѣвъ мѣстность передъ 1-мъ и 2-мъ бастіонами, Х. призналъ необходимымъ отдалить работы противника отъ 1-го отдѣленія. Рѣшено было построить ложементы; работа немедленно началась и скоро была окончена, но мы не могли удержать за собой ложементовъ: въ ночь съ 10-го на 11-е мая французы произвели сильную вылазку; наши войска храбро сражались до 3-хъ часовъ утра но, благодаря значительному превосходству силъ противника, мы потеряли новыя траншеи. 25 мая произошло третье бомбардированіе Севастополя, а на другой день Х. былъ назначенъ начальникомъ корабельной стороны. Онъ прибылъ къ новому посту послѣ полудня, а въ 3 часа начался штурмъ на наши передовыя укрѣпленія. Едва Х. успѣлъ приступить къ распоряженіямъ, какъ показались непріятельскія колонны. Отдавъ приказаніе привести резервы съ корабельной стороны, онъ поскакалъ къ Малахову кургану. Противникъ атаковалъ Камчатскій редутъ и взялъ его послѣ отчаяннаго сопротивленія. Тогда Х., захвативъ изъ подходившихъ подкрѣпленій 2 баталіона Забалканскаго и 1 баталіонъ Суздальскаго полка, бросился съ ними на редутъ и штыками выбилъ французовъ. Въ этотъ моментъ онъ получилъ извѣстіе, что на лѣвомъ флангѣ захвачены непріятелемъ Волынскій и Селенгинскій редуты. Х. поскакалъ туда, но ни его личное мужество, ни геройскія усилія нашихъ войскъ не могли бороться съ врагомъ, къ которому подходили все новыя и новыя силы: бой продолжался до вечера, и мы потеряли передовыя укрѣпленія. Непріятель, запявъ ихъ, сталъ апрошами приближаться къ Малахову кургану и громить бастіоны корабельной части. 5-го іюня союзники открыли четвертое бомбардированіе Севастополя, что указывало на неминуемый штурмъ, и дѣйствительно, около 3-хъ часовъ утра 6-го іюня противникъ по сигналу двинулся на штурмъ. Услышавъ тревогу, Х. бросился на Малаховъ курганъ, какъ самый важный пунктъ обороны. Французы шли прямо на 2-й бастіонъ и Малаховъ курганъ съ прилегающими къ нему батареями, англичане двинулись на 3-й бастіонъ. Х., ежеминутно подвергаясь крайней опасности, хладнокровно отдавалъ приказанія. Два раза противникъ производилъ атаку, но оба разъ былъ отбитъ съ большимъ урономъ. Послѣ второй атаки Х. получилъ донесеніе, что на правомъ флангѣ Малахова кургана непріятель овладѣлъ батареей Жерве. Прискакавъ на всѣмъ знакомомъ бѣломъ конѣ своемъ на батарею и увидѣвъ, что войска, защищавшія ее, отступаютъ въ полномъ безпорядкѣ, Х. крикнулъ имъ: «Ребята, стой! Дивизія идетъ на помощь». Войска остановились. Увидѣвъ 5-ую роту Сѣвскаго полка, которая возвращалась съ работъ съ лопатами и ружьями за спиной, Х. подлетѣлъ къ ней съ крикомъ: «Благодѣтели мои, въ штыки за мной!» Сѣвцы моментально бросились за любимымъ вождемъ. И эти 138 человѣкъ должны были изобразить дивизію, которую обѣщалъ Х. Блестящая атака этой горсти людей сразу измѣнила дѣло: французы были выбиты, и батарея взята обратно; въ 7 часовъ утра союзники отступили. Слава и честь этого дня безспорно принадлежитъ Хрулеву, который и былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2 ст. 27-е августа было послѣднимъ днемъ участія Хрулева въ Севастопольской оборонѣ. Союзники въ этотъ день всѣми силами произвели новый штурмъ на городъ. Х., безотлучно находившійся на Малаховомъ курганѣ, во главѣ Сѣвскаго полка, съ образомъ въ рукѣ, бросился въ атаку, но былъ раненъ въ лѣвую руку. Не оставляя однако строя, онъ продолжалъ распоряжаться боемъ, пока не лишился сознанія. Въ ноябрѣ 1855 г. Х. былъ уволенъ въ Петербургъ для лѣченія и черезъ два мѣсяца назначенъ состоять въ распоряженіи главнокомандующаго отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ. Состоя въ этой должности, онъ съ 15 марта по сентябрь 1856 г. командовалъ отрядомъ, расположеннымъ на турецкой границѣ. Послѣ передачи туркамъ крѣпости Карса Х. вернулся въ Петербургъ и въ сентябрѣ 1861 г. былъ назначенъ командиромъ 2-го армейскаго корпуса, а черезъ годъ зачисленъ въ запасныя войска, въ которыхъ и оставался до своей смерти. Хрулевъ похороненъ въ Севастополѣ, гдѣ ему воздвигнутъ памятникъ. Многихъ выдающихся дѣятелей далъ нашей родинѣ Се-

вастополь, и между ними Хрулеву принадлежитъ видное мѣсто. Его не только знала и цѣнила по заслугамъ армія, но онъ сдѣлался любимцемъ всего народа. Богато одаренный отъ природы, беззавѣтно преданный долгу, Х. обладалъ удивительнымъ умѣньемъ управлять людьми. Средства, къ коимъ онъ прибѣгалъ для этого, были простыя: сердечность и самое строгое вниманіе къ нуждамъ солдата. Неудивительно, что при такомъ начальникѣ самыя отчаянныя предпріятія казались обыкновенными и сулили вѣрный успѣхъ.

Послужной списокъ Хрулева, хранящійся въ Общемъ архивѣ Главнаго Штаба. — Ивановскій: «Хрулевъ», 1872.—«Портретная галлерея русскихъ дѣятелей» Мюнстера, Спб. 1865, т. 1.—«Голосъ» 1870 г., № 146.—«Кіевлянинъ», 1870 г., № 66.—«Русск. Инв.» 1870 г., № 115.—«Морской Сборн.» 1855 г., № 2, 3, 4. — Ореусъ: «Венгерская кампанія» 1849 г., Спб. 1882. — Тотлебенъ: «Оборона Севастополя», томъ 2-й, Спб. 1863. — «Всемірная Иллюстр.» 1873 г., № 272.—«Севастопольскій Сборникъ», изд. 1872 г., № 1. — Записки А. П. Хрущова о Севастоп. оборонѣ, Спб. 1889.

М. Г—ъ.

Хрусталевъ, *Александръ Герасимовичъ,* священникъ Казанскаго каѳедральнаго Благовѣщенскаго собора, сынъ священника, род. въ г. Чебоксарахъ 24 сентября 1826 г., ум. 16 октября 1875 г. Получивъ образованіе въ Казанской духовной семинаріи и академіи, Х. по окончаніи въ 1850 г. курса послѣдней былъ назначенъ смотрителемъ Моздокскаго духовнаго училища, а съ начала 1851 г. состоялъ преподавателемъ логики и психологіи и библіотекаремъ въ Казанской семинаріи. Въ 1854 г. Х. былъ рукоположенъ во священника къ Казанскому каѳедральному собору и въ слѣдующемъ году удостоенъ степени магистра богословія. До 1868 г. онъ служилъ и въ семинаріи, и въ соборѣ: въ первой онъ былъ секретаремъ правленія, преподавалъ гражданскую исторію и состоялъ членомъ правленія по учебной части, а въ соборѣ исполнялъ должности ключаря и экзаменатора посвящаемыхъ въ стихарь; кромѣ того, онъ въ разное время состоялъ членомъ отъ духовенства временнаго комитета объ улучшеніи быта православнаго духовенства, членомъ временнаго комитета о преобразованіи духовныхъ училищъ, членомъ Казанскаго комитета общественнаго здравія и холерно-санитарнаго комитета. Отказавшись въ 1868 г. отъ духовно-учебной службы, Х. однако уже 5 іюля 1870 г. былъ, по выбору окружнаго духовенства, опредѣленъ смотрителемъ Казанскаго духовнаго училища, съ увольненіемъ отъ должностей ключаря и священника собора. Въ 1873 г. онъ отказался отъ должности смотрителя и снова вернулся въ соборъ, при которомъ и оставался до конца своей жизни. Памятникомъ ученой его дѣятельности остался довольно обширный историческій трактатъ, написанный имъ еще въ бытность студентомъ Казанской духовной академіи, подъ заглавіемъ «Очеркъ распространенія христіанства между иновѣрцами Казанскаго края». Это сочиненіе было напечатано въ 1874 г. въ 5-мъ выпускѣ Миссіонерскаго противомусульманскаго сборника.

П. В. Знаменскій: «Истор. Казанской дух. акад. за первый (дореформенный) періодъ ея существованія (1842—1870)», Казань 1892.—«Извѣстія по Казанской епархіи» 1875 г., № 23 (статья Н. Р.).

Здр.

Хруцкій, *Иванъ Трофимовичъ,* академикъ живописи, род. въ 1806 г., ум. въ 1852 г.; сынъ греко-уніатскаго священника, онъ, будучи постороннимъ ученикомъ Академіи Художествъ, выставилъ тамъ въ 1833 г. изъ своихъ работъ двѣ копіи съ картинъ Поттера («Корова») и Рембрандта («Портретъ поляка») и два оригинальныхъ женскихъ портрета, а въ 1836 г.—еще два портрета, три пейзажа и картину «Фрукты». За свои произведенія онъ получилъ отъ Академіи: 2 мая 1836 г. за картину «Плоды и цвѣты», съ натуры, серебряную медаль, а 24 сентября за такую же картину, портреты и пейзажи—званіе свободнаго (некласснаго) художника; въ 1837 г. за портретъ съ натуры — одобреніе, въ 1838 г. за картину «Цвѣты и плоды» и портретъ старухи (находится въ Моск. Румянцевскомъ музеѣ) — вторую золотую медаль, и въ 1839 г. вообще «за отличные труды по портретной и пейзажной живописи и особенно по живописи плодовъ и цвѣтовъ» — званіе академика. Въ означенномъ году имъ были выставлены два портрета, шесть пейзажей съ натуры на Елагиномъ островѣ и пять картинъ «цвѣтовъ и плодовъ» (одна изъ нихъ находится въ Московской галлереи Третьяковыхъ, одна — въ Академіи Художествъ), а въ 1842 г.—еще два портрета (Дружиновой

и купца Денисовскаго), этюдъ головы старика-разносчика, два вида изъ окрестностей Парголова и пять картинъ «цвѣтовъ, плодовъ и овощей».—Почти одновременно съ нимъ въ Академіи находился другой посторонній ученикъ Хрущкій (Евстафій), выставившій въ 1839 г. три портрета съ натуры и въ 1842 г.—портретъ Лукашевича и два вида изъ окрестностей Парголова, и окончившій курсъ Академіи въ 1842 г. съ званіемъ некласснаго художника.

«Сборникъ матеріаловъ для истор. Имп. Акад. Худ.». П. Н. Петрова, т. II, и «Указатель къ нему». А. Е. Юндолова.—«Указатели выставокъ въ Имп. Акад. Худ.» 1833, 1836, 1839 и 1842 гг. — Описи галлерей: Московск. Публ. и Румянц. муз. и бр. Третьяковыхъ.

Н. С.

Хрущовы, русскіе дворяне, родоначальникъ которыхъ, Иванъ Ивановичъ Хрущъ, выѣхалъ изъ Польши въ Россію въ 1493 г. и, принявъ православіе, сталъ именоваться Хрущовымъ. Великій князь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ его волостями въ Тулѣ и Веркушѣ и оставилъ его на службѣ при себѣ въ Москвѣ; дѣти же Ивана Ивановича, получивъ помѣстья, служили сперва по городу Тулѣ, а позднѣе и въ другихъ городахъ. Существуетъ еще два рода Хрущовыхъ, на происхожденіе которыхъ отъ упомянутаго выше рода нѣтъ никакихъ фактическихъ указаній: 1) потомство Фатьяна Хрущова, испомѣщеннаго въ 1572 г. помѣстьями въ Тарусскомъ уѣздѣ, и 2) потомство Григорія Хрущова, жившаго въ первой четверти XVII вѣка. Связь этихъ двухъ родовъ между собою остается также не выясненной. Хрущовы играли видную роль въ концѣ XVI и началѣ XVII вв. при сношеніяхъ Московскаго правительства съ ордынцами и поляками и въ особенности часто пользовались ихъ услугами для политическаго воздѣйствія на донскихъ и заднѣпровскихъ казаковъ.

«Родословный Сборникъ» В. В. Руммеля и В. В. Голубцова, II, 612, 637. — «Гербовникъ», II, стр. 3; VIII, стр. 15.—«Дворянскіе роды» Гр А. Бобринскаго, 1890, ч. I, стр. 548. — «Русская Старина», т. XXXVIII, стр. 472. (Замѣтки изъ родословія и фамильныя предавія, сообщ. М. Н. Хрущовымъ).

Л. В.

Хрущовъ, *Александръ Петровичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, членъ Государственнаго Совѣта, род. 4 августа 1806 г. въ родовомъ имѣніи Бассова близъ г. Тулы, ум. тамъ же 14 іюля 1875 г. Выпущенный въ 1825 г. изъ 2-го кадетскаго корпуса прапорщикомъ въ 7-ой піонерный баталіонъ, онъ много потрудился надъ своимъ дальнѣйшимъ образованіемъ, посвящая все свободное отъ службы время спеціальному изученію военнаго дѣла. Въ Турецкую кампанію 1828 г. Х. былъ уже ротнымъ командиромъ и принималъ дѣятельное участіе въ постройкѣ моста черезъ р. Прутъ. Въ началѣ мая того же года войска наши подступили къ Браилову, и 3 іюня, участвуя въ штурмѣ этой крѣпости, Х. получилъ первую боевую награду, орденъ св. Анны 4 ст. съ надписью «за храбрость», а 30 августа за отличіе въ бояхъ былъ произведенъ въ поручики. По окончаніи кампаніи Х., оставивъ строевую службу, въ продолженіе 17 лѣтъ подвизался на военно-педагогическомъ поприщѣ, назначенный 25 мая 1831 г. воспитателемъ во 2-ой кадетскій корпусъ. Въ 1834 г. Х. временно былъ командированъ въ Институтъ горныхъ инженеровъ, который въ то время преобразовывался изъ гражданскаго въ военное учебное заведеніе, для ознакомленія начальства института съ порядками, существовавшими въ кадетскихъ корпусахъ. За успѣшное исполненіе этого порученія онъ былъ награжденъ бриллiантовымъ перстнемъ. Въ 1839 г., въ чинѣ подполковника, Х. былъ переведенъ въ Дворянскій полкъ (нынѣ Константиновское артиллерійское училище), но уже въ декабрѣ того же года назначенъ ротнымъ командиромъ въ только что открытый тогда Полтавскій кадетскій корпусъ, а въ іюнѣ 1843 г. командированъ въ Орелъ для участія въ организаціи новаго, Орловскаго-Бахтина, корпуса; но не прошло и года, какъ, по личному желанію великаго князя Михаила Павловича, Х. былъ переведенъ въ 1-ый Московскій корпусъ, требовавшій, благодаря неудачному составу воспитателей, усиленнаго надзора. Тяготясь въ послѣдніе годы службой въ корпусѣ, Х. 4 декабря 1848 г. вышелъ въ отставку съ цѣлью вернуться къ строевой службѣ и въ слѣдующемъ году былъ назначенъ командиромъ Минскаго запас-

наго баталіона, а 18 марта 1851 г. — Волынскаго пѣхотнаго полка. Въ 1853 г. полковникъ Х. былъ съ своимъ полкомъ перевезенъ изъ Одессы въ Севастополь и въ апрѣлѣ слѣдующаго года занялъ бухты южной стороны, Стрѣлецкую, Камышеву и Казачью и оставался на этой позиціи до 2 сентября, когда присоединился къ войскамъ, которыя были сосредоточены на рѣкѣ Альмѣ. Въ неудачномъ для насъ Альминскомъ сраженіи Х., находившійся въ резервѣ, съ началомъ общаго отступленія занялъ съ своимъ полкомъ и двумя батареями позицію на высотахъ за Улукуловской долиной и, прикрывая отступленіе нашей арміи, много содѣйствовалъ тому, что оно, по признанію самихъ противниковъ, было «une belle retraite».

Совершивъ 14 сентября блестящую рекогносцировку по направленію къ деревнѣ Упѣ, Х. 19 числа занялъ съ своимъ полкомъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ пунктовъ въ осажденномъ городѣ, 4-ый бастіонъ, на площадку котораго въ иные дни падало до 700 непріятельскихъ снарядовъ. Но судьба приберегала Хрущова на новые подвиги. На 4-омъ бастіонѣ Х. пробылъ около трехъ мѣсяцевъ (до января 1855 г.) и за боевыя отличія былъ 6-го декабря произведенъ въ генералъ-маіоры и 16 января назначенъ командиромъ 1-ой бригады 16-ой пѣхотной дивизіи, но еще до 25 марта, т. е. до прибытія новаго начальника, продолжалъ командовать Волынскимъ полкомъ, который въ половинѣ января былъ переведенъ съ городской стороны на корабельную.

Затрудненія, встрѣченныя противникомъ при приближеніи къ 4-му бастіону, побудили его къ атакѣ Малахова кургана, на пути къ которому находился небольшой пригорокъ; французы рѣшили занять его и оттуда вести атаку кургана. Но главнокомандующій русскими войсками предупредилъ ихъ, соорудивъ укрѣпленія на означенномъ пригоркѣ. Для исполненія столь важнаго и опаснаго предпріятія избрана была ночь съ 9 на 10 февраля и постройка редутовъ поручена Хрущову съ Волынскимъ полкомъ. Нельзя было сдѣлать болѣе удачнаго выбора: чрезвычайно хладнокровный, распорядительный, скромный и добросовѣстный Х. никогда не напрашивался ни на какой подвигъ, но за то никогда и не отказывался отъ исполненія порученія, какъ бы трудно и опасно оно ни было.

9 февраля, съ наступленіемъ сумерокъ, Х. перевелъ свой отрядъ черезъ Киленъ-балку двумя колоннами. Правая колонна, прикрываясь цѣпью и резервами, заняла пригорокъ и приступила къ постройкѣ редута (названнаго впослѣдствіи Селенгинскимъ); въ ту же ночь было построено и нѣсколько ложементовъ. Непріятель только утромъ 10 числа замѣтилъ наши работы и открылъ по нимъ огонь. Въ ночь съ 10 на 11 февраля работы продолжались, но подвигались очень медленно, такъ что къ вечеру 11-го редутъ еще не могъ быть вооруженъ. Былъ 2-ой часъ пополуночи, когда французы бросились на штурмъ, но потерпѣли полную неудачу. Вся честь этого дня безспорно принадлежала Хрущову, и государь наградилъ его орденомъ св. Анны I ст. Едва былъ оконченъ Селенгинскій редутъ, какъ союзники были удивлены еще болѣе смѣлымъ сооруженіемъ: въ ста саженяхъ лѣвѣе Х. въ ночь на 17 февраля возвелъ новый редутъ—Волынскій. Конецъ февраля и весь мартъ 1855 г. Х. находился на лѣвой половинѣ оборонительной линіи (корабельной).

Между тѣмъ въ началѣ апрѣля прибылъ въ Севастополь новый главнокомандующій, кн. Горчаковъ, и немедленно приказалъ Хрущову построить большіе ложементы впереди редута Шварца. Въ ночь на 12 число порученіе было исполнено и воздвигнуты четыре укрѣпленія, соединенныя между собою траншеей, и устроены закрытія для резервовъ; работа все время велась подъ сильнымъ огнемъ союзниковъ. На слѣдующее же утро французы атаковали наши новые ложементы, но благодаря энергіи и распорядительности Хрущова, всѣ попытки врага оказались тщетными. Начальникъ гарнизона, донося объ этомъ дѣлѣ, между прочимъ, писалъ: «генералъ Хрущовъ еще разъ ознаменовалъ наше оружіе блистательнымъ отраженіемъ непріятельскаго нападенія». 23 апрѣля Х. принялъ начальство надъ войсками, расположенными на Инкерманской позиціи, гдѣ и оставался до 8 мая, когда былъ назначенъ начальникомъ Чергунскаго отряда (авангарда войскъ, расположенныхъ на Мекензіевой горѣ и въ Королевскомъ ущельѣ). 27 мая Х. заболѣлъ и уѣхалъ

въ с. Бельбекъ, но чрезъ нѣсколько дней вновь вернулся и 8 іюня принялъ должность помощника начальника правой половины оборонительной линіи (городской части), въ которой и оставался до перехода нашихъ войскъ на сѣверную сторону Севастополя. Въ день общаго штурма (27 августа) Х. одинъ удержалъ укрѣпленія лѣваго фланга, которыми командовалъ, и за этотъ подвигъ получилъ въ награду золотую саблю, украшенную алмазами, съ надписью «за храбрость». На слѣдующій день Хрущову временно было поручено командованіе 16-ой дивизіи, а вскорѣ за тѣмъ 12-ой; съ послѣдней онъ 27 сентября занялъ промежуточную позицію между Инкерманомъ и Мекензіевой горой, а 20 октября вошелъ въ составъ войскъ Евпаторійскаго отряда, гдѣ и сдалъ 12-ую дивизію генералу Химшіеву. Такъ какъ 16-ая дивизія, въ которой Х. считался бригаднымъ командиромъ, предназначена была къ отправленію изъ Крыма, то его назначили командиромъ 2-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи, а вслѣдъ за симъ и начальникомъ всей дивизіи. Оставаясь въ то же время начальникомъ Инкерманской позиціи, Х. пробылъ на ней всю зиму 1856 г. до заключенія мира.

6 декабря 1857 г. Х. принялъ въ командованіе 2-ую гвардейскую дивизію, а 21 ноября 1858 г. былъ зачисленъ по армейской пѣхотѣ и запаснымъ войскамъ. Не долго однако пришлось ему оставаться не у дѣлъ и уже въ маѣ 1859 г. онъ вновь былъ призванъ на службу и назначенъ начальникомъ 5-ой пѣхотной дивизіи. Во время польскаго мятежа 1863 — 64 гг. Х. принималъ участіе въ подавленіи возстанія, дѣйствуя въ Люблинской губерніи, гдѣ была расположена его дивизія. Въ чинѣ генералъ-лейтенанта, Х. 5 іюня 1864 г. занялъ отвѣтственный постъ помощника командующаго войсками Виленскаго военнаго округа, а 28 октября 1866 г. былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками Западной Сибири и войсковымъ наказнымъ атаманомъ сибирскаго казачьяго войска. Много труда и энергіи посвятилъ Х. благосостоянію ввѣреннаго ему края, принимая мѣры къ надежному охраненію нашихъ границъ и къ расширенію торговыхъ сношеній съ Китаемъ, Монголіей и Средней Азіей. За неутомимые и полезные труды по управленію Сибирью Х. въ 1868 г. былъ пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго, а годъ спустя произведенъ въ генералы отъ-инфантеріи, съ назначеніемъ въ генералъ-адъютанты. Заболѣвъ осенью 1874 г., севастопольскій герой долго не хотѣлъ сложить съ себя труды по управленію краемъ, и только крайнее ухудшеніе здоровья заставило его наконецъ просить увольненія отъ должности генералъ-губернатора. Исполняя просьбу Хрущова, государь, вмѣстѣ съ тѣмъ, назначилъ его 1 января 1875 г. членомъ Государственнаго Совѣта. Послѣдніе мѣсяцы своей жизни Х. провелъ въ родовомъ имѣніи «Бассова», гдѣ и скончался на 69 году отъ роду.

Х. написалъ автобіографію за періодъ своей службы съ 1825 по 1853 г.; она была напечатана въ «Московскомъ Обозрѣніи» 1876 г.; кромѣ того, онъ оставилъ «Записки по исторіи Севастопольской обороны», напечатанныя въ «Московскомъ Обозрѣніи» 1877 г., №№ 9 — 31. Эти записки вышли въ 1881 г. въ Петербургѣ отдѣльнымъ изданіемъ, которое было повторено въ 1889 г.

Формул. списокъ, хранящійся въ Общемъ архивѣ Главнаго Штаба (1865, книга 42).—«Рукописи о Севастопольской оборонѣ», т. I, Спб. 1876.—С. Гескетъ: «Военныя дѣйствія въ Польшѣ въ 1863 г.», Варшава, 1894.—«Русск. Инвал.» 1875 г., № 92 и 163.—«Русск. Художеств. Листокъ» 1875 г., №№ 7 и 8.—«Берегъ» 1880 г., № 162.—«Московск. Вѣд.» 1875 г., № 187.—«Сибирь» 1875 г., № 11. — Дубровинъ: «349-тидневная оборона Севастополя», Спб. 1872, стр. 135.— Лееръ: «Энциклопед. воен. и морск. наукъ», т. 8.

М. Г—ъ.

Хрущовъ, *Андрей Ѳедоровичъ*, капитанъ флота, извѣстный причастностью къ дѣлу Волынскаго, род. въ 1691 г., ум. 27 іюня 1740 г. Въ 1712 г. Х., по повелѣнію Петра Великаго, отправленъ былъ въ Голландію для изученія «навигацкой науки» и учился въ Амстердамѣ до 1720 г. По возвращеніи въ Россію служилъ во флотѣ; въ началѣ 30-хъ годовъ состоялъ, въ чинѣ капитана флота, совѣтникомъ экипажной конторы адмиралтейскаго вѣдомства. Въ мартѣ 1734 г. Х. былъ назначенъ главнымъ помощникомъ В. Н. Татищева, отправленнаго въ Пермь начальникомъ Сибирскихъ и Уральскихъ горныхъ заводовъ. По возвращеніи въ Петербургъ, въ концѣ 30-хъ годовъ сблизился съ Артеміемъ Петровичемъ Волынскимъ, войдя въ

тѣсный кружокъ его «конфидентовъ», образованныхъ людей, сошедшихся на почвѣ вражды къ иноземцамъ-временщикамъ и стремленій къ увеличенію политическихъ правъ шляхетства. Х. еще раньше знакомъ былъ какъ съ Волынскимъ, такъ и съ нѣкоторыми членами его кружка; такъ, напр., въ 1732 г. онъ вмѣстѣ съ Ѳ. И. Соймоновымъ производилъ слѣдствіе по дѣлу адмирала Сиверса. Теперь онъ сдѣлался усерднѣйшимъ «конфидентомъ» Волынскаго и главнымъ помощникомъ его при составленіи извѣстнаго «Генеральнаго проекта о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ»; «этотъ трудъ», говорилъ онъ, «будетъ полезнѣе книги Телемаковой». Чрезъ нѣсколько дней послѣ ареста Волынскаго, 16 апрѣля 1740 г. арестованъ былъ и Х. вмѣстѣ съ Еропкинымъ. На допросахъ онъ сначала пытался выгородить Волынскаго, затѣмъ, во время пытки на дыбѣ, оговорилъ его въ стремленіи къ престолу. 27 іюня 1740 г. Х. былъ обезглавленъ.

Д. А. Корсаковъ: «Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII в.». Казань, 1891, стр. 300—335.— П. Барановъ: «Опись сен. арх.», т. II.—Н. Поповъ: «В. Татищевъ и его время», стр. 140.—Голиковъ, «Дѣянія», т. XV, стр. 253. — Сборникъ Импер. русск. истор. общ., т. XI, CIV.

И. П.-С.

Хрущовъ, *Борисъ Лукичъ*, воевода, ум. въ 1608 г. въ Московскомъ уѣздѣ. Службу началъ сыномъ боярскимъ по городу Тулѣ въ 1586 г. и спустя годъ былъ назначенъ вторымъ воеводою передового полка въ Переяславль-Рязанскій; здѣсь онъ годовалъ воеводою до 1592 г., когда былъ посланъ вмѣстѣ съ сыномъ, Лукіаномъ Борисовичемъ, встрѣчать турецкаго посла. Съ 1594 г. до 1600 г. онъ занималъ должность казачьяго головы въ Воронежѣ, а затѣмъ, до 1604 г. — въ Валуйкахъ. Назначенный въ 1605 г. вторымъ воеводою Большого полка въ Тулѣ, онъ вскорѣ снова былъ переведенъ казачьимъ головою сперва въ Елецъ, а затѣмъ, въ 1606 г., въ Рыльскъ. За искусное управленіе казаками, сохранившими при немъ вѣрность Россіи, ему было пожаловано въ 1608 г. московское помѣстье дѣда его, Петра Ивановича Хрущова.

В. В. Руммель: «Родосл. Сб.», ч. II, стр. 612.— «Симбирскій Сборникъ», стр. 141. — Гр. А. Бобринскій: «Дворянскіе роды», ч. I, стр. 549.—Л. В. Вейнбергъ: «Очеркъ Сельско-хозяйственной промышленности Воронежской губ.», вып. I, отдѣлъ «Лѣтопись», стр. 4—7.

Хрущовъ, *Дмитрій Петровичъ*, сенаторъ, род. 24 декабря 1816 г., ум. 28 іюля 1864 г. По окончаніи курса наукъ въ Харьковскомъ университетѣ со степенью кандидата, Х. 3 февраля 1837 г. поступилъ на службу канцелярскимъ чиновникомъ въ С.-Петербургскую губернскую контору государственныхъ имуществъ, и уже черезъ годъ произведенъ въ помощники дѣлопроизводителя по хозяйственной части. Когда 1 іюля 1838 г. Контора казенныхъ имуществъ была преобразована въ С.-Петербургскую палату государственныхъ имуществъ, Х. получилъ должность столоначальника, но занималъ ее недолго, будучи въ 1840 г. назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій VIII кл. при министрѣ Государственныхъ имуществъ; тогда же онъ былъ пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера. Выдающіяся способности Хрущова и основательное знаніе дѣла обратили на него вниманіе начальства, и 2 февраля 1840 г. онъ былъ опредѣленъ помощникомъ редактора въ утвержденную при V отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи комиссію для составленія общаго обозрѣнія государственныхъ имуществъ. Въ 1850 г. Х. пожалованъ камергеромъ, а въ слѣдующемъ назначенъ гофмейстеромъ двора великой княгини Екатерины Михайловны, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Сохраняя свою придворную должность, Х. въ 1854 г. былъ назначенъ членомъ совѣта министра Внутреннихъ дѣлъ и предсѣдателемъ комиссіи по устройству Щукина и Апраксина дворовъ. Несмотря на эти разнообразныя обязанности, требовавшія много труда и времени, Х. принималъ также дѣятельное участіе въ городскомъ самоуправленіи Петербурга, состоя съ 1853 до 1855 г. старшиною 1-го отдѣла С.-Петербургской городской думы. 9 декабря 1855 г. онъ былъ назначенъ директоромъ Департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и пожалованъ гофмейстеромъ Высочайшаго двора. Въ должности директора департамента онъ оставался только до 1856 г., когда былъ перемѣщенъ на должность товарища министра Государственныхъ имуществъ. Наконецъ, въ 1857 г. Хрущову было повелѣно присутствовать во 2-омъ отдѣленіе 5 департамента Правительствующаго Сената. Совершенно разстроенное на службѣ

здоровье принудило Хрущова просить объ отставкѣ. Уволенный 11 іюня 1864 г. отъ службы, онъ скончался въ томъ же еще мѣсяцѣ.

Формулярный списокъ. *Р. М.*

Хрущовъ, *Лукіанъ Борисовичъ,* воевода «горододѣлецъ» (строитель городовъ), ум. въ Воронежѣ въ концѣ XVI столѣтія Государеву службу началъ въ 1563 г. сыномъ боярскимъ по г. Тулѣ; въ 1580 г. состоялъ вторымъ воеводою въ отрядѣ, отправленномъ противъ заднѣпровскихъ казаковъ; въ 1585 г. числился третьимъ воеводою передового полка на р. Окѣ, откуда былъ отправленъ въ качествѣ горододѣльца вмѣстѣ съ кн. Влад. Васил. Кольцовымъ-Мосальскимъ построить г. Ливны, а въ 1590 г. былъ переведенъ вторымъ воеводой въ г. Брянскъ. Въ 1592 г., послѣ возобновленія разрушеннаго реестровыми казаками Воронежа, московское правительство рѣшило учредить въ этомъ городѣ должность казачьяго головы для сношенія съ донскими и заднѣпровскими казаками. На эту должность былъ избранъ Х.

«Родословный Сборникъ» В. В. Руммеля, II, стр. 612. — Гр. А. Бобринскій: «Дворянскіе роды», ч. I, стр. 549. — Л. Б. Вейнбергъ: «Воронежскій край», вып. I, стр. 43, 80, 91.

Хрущовъ, *Петръ Лукичъ,* первый казачій голова донскихъ казаковъ, назначенный Московскимъ правительствомъ, казненъ въ Путивлѣ въ 1605 г. Службу началъ сыномъ боярскимъ по г. Тулѣ, а затѣмъ служилъ казачьимъ сотникомъ въ украинныхъ городахъ: Ливнахъ, Рыльскѣ, Путивлѣ и др. Въ 1592 г., когда царь Ѳеодоръ Іоанновичъ отправилъ посломъ въ Константинополь Григорія Нащокина, то для наблюденія за донскими казаками былъ къ нему прикомандированъ Х. Нащокинъ оставилъ его у донскихъ казаковъ подъ предлогомъ наблюденія за «приходомъ безвѣстно» ордынскихъ хищниковъ; но казаки догадались, что это правительственная попытка учредить за ними надзоръ, и заропотали: «Прежде сего — говорили они — мы служили государю, а чужихъ головъ у насъ не было, и нынѣ рады служить съ своими же головами, а не съ Петромъ». Въ 1601 г. Борисъ Годуновъ отправилъ Хрущова на Донъ разъяснять казакамъ ихъ заблужденія относительно самозванца и убѣждать ихъ идти противъ него; но казаки схватили Хрущова и скованнаго доставили 3 сент. 1604 г. къ Лжедмитрію. Желая спасти свою жизнь, Х. залился слезами предъ самозванцемъ и, павъ на колѣни, воскликнулъ: «вижу Іоанна въ лицѣ твоемъ; я твой слуга на вѣки!» Русская лѣтопись отмѣтила его, какъ «перваго измѣнника», но это несправедливо. Х. искалъ случая погубить самозванца, но не успѣвъ, сталъ его обличать всенародно, за что въ 1605 г. и былъ замученъ въ Путивлѣ.

«Родосл. Сбор.» В. В. Руммеля, ч. II, стр. 612.— Гр. А. Бобринскій: «Дворянскіе роды», ч. I, стр. 549.—«Русск. Старина», 1883 г., XXXVIII, стр. 472.—В. Броневскій: «Ист. Донскаго Войска», ч. I, стр. 86.—А. Савельевъ: «Трехсотлѣтіе Войска Донскаго», Спб., 1870, стр. 4.

Хрущовъ, *Петръ Ѳедоровичъ,* лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка поручикъ, за произведенное вмѣстѣ съ дворянами Гурьевыми и др. возмущеніе и за оскорбленіе величества приговоренъ въ 1762 г. къ смертной казни, но помилованъ и сосланъ въ Камчатку вмѣстѣ съ Беневскимъ, Степановымъ, Пановымъ, Багуринымъ и др. Переведенный въ іюнѣ 1770 г. изъ Охотска въ Камчатскій Большерѣцкій острогъ, Х. съ другими ссыльными, воспользовавшись оплошностью коменданта Нилова, составилъ заговоръ противъ императрицы. Весною 1771 года они произвели бунтъ, убили Нилова, овладѣли казною, двумя пушками и военными припасами и 30 апрѣля захватили казенный галіотъ «Св. Петръ». Приготовивъ судно къ плаванію, Х. вмѣстѣ съ Беневскимъ, Гурьевыми и др. ссыльными вышли въ море и, придерживаясь береговъ, поплыли вдоль Курильскихъ острововъ и Японіи, гдѣ имъ воспретили высадку, и 7 августа достигли о. Формозы. Здѣсь трое изъ ссыльныхъ, высадившихся на берегъ для покупки провіанта, были убиты островитянами, за что послѣдніе были жестоко наказаны Хрущовымъ. Въ январѣ 1772 г. бѣглецы благополучно достигли береговъ Франціи и высадились въ Портъ-Луи. Х. былъ принятъ на службу во французскую армію. Соскучившись по родинѣ, бѣглецы ходатайствовали черезъ русскаго резидента въ Парижѣ Хотинскаго о помилованіи. Императрица Екатерина II простила ихъ, написавъ резиденту: «Имъ отъ меня прощеніе обѣщано, которое

имъ и дать надлежитъ, ибо довольно за свои грѣхи наказаны были. Видно, что Русакъ любитъ свою Русь». Возвратившись въ Россію, Х. вмѣстѣ съ другими былъ водворенъ въ Сибири на свободное житье.

«Сборн. Русск. Ист. Общ.», т. 94, стр. 238.— С. М. Соловьевъ: «Ист. Россіи съ древн. временъ» (Изд. тов. «Общ. Польза»), кн. V., стр. 1376; кн. VI, стр. 1058.—В. Кашпиревъ: «Памятники новой русской исторіи», т. I, стр. 95. — «Заря» 1870 г., апрѣль, стр. 95. — «Полн. Собр. Зак.», № 11693 (манифестъ «о явившихся преступникахъ», 24 окт. 1762 г.).— А. Ѳ. Базуновъ: «Памятн. новой русск. исторіи», 1873., т. III, стр. 334—359 (подр. описаніе побѣга Беневскаго съ товарищами).

Хрущовъ, *Степанъ Петровичъ*, адмиралъ, членъ Адмиралтействъ совѣта, род. въ 1791 г., ум. 25 окт. 1865 г.; выпущенный въ 1806 г. гардемариномъ изъ Морского кадетскаго корпуса, онъ до 1814 г. плавалъ въ Адріатическомъ морѣ и у береговъ Франціи, Англіи и Голландіи и участвовалъ въ десантныхъ вылазкахъ на голландскій берегъ, за что отъ англійскаго правительства получилъ письменную благодарность. Произведенный въ лейтенанты (1813), онъ до 1817 г. командовалъ мелкими судами въ плаваніи по Финскому заливу, а до 1821 г. состоялъ при Петербургскомъ портѣ. Съ 1821—1824 г. Х. совершилъ кругосвѣтное плаваніе въ Камчатку, командуя послѣдніе два года шлюпомъ «Аполлонъ». Состоя командиромъ фрегата «Константинъ» и отличившись въ сраженіи при Наваринѣ (1827), капитанъ Х. былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст., французскимъ орденомъ св. Людовика и англійскимъ Бани. Произведенный въ 1829 г. въ капитаны 1 ранга, Х. съ 1832—1834 г. командовалъ кораблемъ «Память Азова» въ плаваніи по Атлантическому океану и Балтійскому морю, а по окончаніи плаванія за отличіе произведенъ въ контръ-адмиралы и въ 1838 г. назначенъ начальникомъ штаба черноморскаго флота и портовъ, въ 1849 г.—командиромъ Севастопольскаго порта и исправляющимъ должность военнаго губернатора, въ 1852 г.—членомъ Адмиралтействъ совѣта и въ 1854 г.—главнымъ командиромъ Архангельскаго порта и военнымъ губернаторомъ. Въ 1855 г. Х. былъ произведенъ въ адмиралы. Х. описалъ свое плаваніе на шлюпѣ «Аполлонъ» въ 1821—1824 гг.; эта работа была напечатана въ «Запискахъ», изданныхъ Адмиралт. департам. въ 1826 г., ч. X.

Веселаго: «Морск. Списокъ», ч. 8, стр. 40.— А. Кротковъ: «Повседневная запись замѣчат. событій въ русск. флотѣ», 1894, стр. 430.

А. Петцъ 2.

Хрущовъ, *Ѳедоръ Ѳедоровичъ*, стольникъ и воевода, отличился распорядительностью, храбростью и преданностью царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ въ 1689 г., во время заговора Шакловитаго. Х. однимъ изъ первыхъ явился въ Троицкій Сергіевъ монастырь вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ и, по словамъ жалованной грамоты, данной ему по этому поводу, «государское здоровье оберегалъ, и въ людскихъ харчахъ и конскихъ кормахъ имѣлъ великую нужду и убытки». Ему также удалось склонить многихъ мятежныхъ стрѣльцовъ на сторону государя. За троицкій походъ онъ былъ награжденъ обширною вотчиною.

Гр. А. Бобринской: «Дворянскіе роды», ч. I, стр. 550.—«Сборникъ Русск. Ист. Общ.,» т. 94, стр. 780.—«Русск. Старина», т. 38, 1883 г., стр. 472 (родословная Хрущовыхъ и жалов. грамота Ѳ. Ѳ.).

Худяковъ, *Иванъ Александровичъ*, писатель и собиратель русскихъ народныхъ пѣсенъ и сказокъ, род. въ Сибири, ум. въ Иркутскѣ въ январѣ 1876 г. Высшее образованіе Х. получилъ въ Московскомъ университетѣ. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ сборниковъ и журнальныхъ статей, касающихся различныхъ видовъ проявленія народнаго поэтическаго творчества. Въ 1861 г. появились въ печати первыя его работы: «Сборникъ великорусскихъ народныхъ историческихъ пѣсенъ» (Москва), и первый выпускъ «Великорусскихъ сказокъ» (второй и третій выпуски изданы въ слѣдующемъ году). Кромѣ этихъ сборниковъ въ 1861 г. напечатаны были отдѣльнымъ изданіемъ: «Великорусскія загадки» (болѣе 1700), первоначально помѣщенныя въ «Этнографическомъ сборникѣ». Далѣе, въ 1863 г. Х. написалъ «Матеріалы для изученія народной словесности» и брошюру «Русская сказка». Въ «Русской сказкѣ» онъ поставилъ себѣ задачу дать краткій очеркъ чисто народнаго русскаго міровоззрѣнія. Съ этою цѣлью въ первой части труда помѣщены сказки, пословицы, загадки, пѣсни и прибаутки, особенно рель-

ефно и наглядно рисующія взгляды народа на разные вопросы жизни, а во второй части этимъ произведеніямъ народнаго творчества противопоставляется рядъ произведеній книжной литературы, которыя или по своему сюжету, или по личности автора близко соприкасаются съ народомъ, его понятіями, духомъ и чувствомъ. Сюда вошли стихи Некрасова, разсказы Успенскаго, Писемскаго, басни Крылова и др. Въ этомъ же сборникѣ имѣется краткій народный мѣсяцесловъ въ характерныхъ прибауткахъ. Кромѣ указанныхъ трудовъ Худякову принадлежатъ еще слѣдующія журнальныя статьи: «По поводу двухъ выпусковъ пѣсенъ Кирѣевскаго» («Московск. Вѣдом.» 1861 г.); «Основной элементъ народныхъ сказокъ» («Библіотека для чтенія» 1863 г.); «Русская женщина въ допетровской Россіи» («Модный магазинъ» 1863 г.); «Народная историческая сказка». Въ послѣдней статьѣ, появившейся въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», Х. даетъ сравнительный очеркъ русскихъ миѳологическихъ и историческихъ былинъ и сказокъ съ сагами и сказками другихъ народовъ, указывая сходныя ихъ черты. Х. писалъ также критики и рецензіи въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ.

«Московское обозрѣніе» 1876 г., № 7, стр. 95, (некрологъ).—Межовъ: «Русская историческая библіографія», 1860.

Р. М.

Хупотскій, *Петръ Макаровичъ*, баккалавръ Московской духовной академіи, род. въ 1837 г., ум. 12 марта 1890 г. Сынъ священника Георгіевской церкви въ г. Данковѣ Рязанской губерніи, Х. въ Рязанской же епархіи получилъ начальное и среднее образованіе. Въ 1856 г., по окончаніи курса въ Рязанской духовной семинаріи, поступилъ для высшаго образованія въ Московскую духовную академію, гдѣ и окончилъ курсъ первымъ магистромъ въ 1860 г. Какъ лучшій питомецъ академіи, онъ въ ней же былъ оставленъ преподавателемъ, опредѣленнымъ 31 августа того же года баккалавромъ по каѳедрѣ философскихъ наукъ, при чемъ ему поручено было преподаваніе опытной психологіи и нравственной философіи, а за отсутствіемъ профессора философіи В. Д. Кудрявцева-Платонова, который на весь 1861 годъ былъ приглашенъ къ Высочайшему двору для преподаванія философскихъ предметовъ наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу, Х. преподавалъ и метафизику съ исторіей древней философіи. Кромѣ того, онъ съ 30 мая 1862 г. состоялъ помощникомъ инспектора академіи. Но не долго Х. прослужилъ въ академіи: считая себя нравственно обязаннымъ оказывать помощь многочисленному сиротствующему семейству умершаго отца своего и содержать двухъ младшихъ братьевъ своихъ, перемѣщенныхъ имъ изъ Рязанской въ Виѳанскую семинарію, Х. крайне стѣснялся въ средствахъ при тогдашнихъ незначительныхъ окладахъ содержанія по духовно-учебному вѣдомству. А такъ какъ въ то время былъ спросъ на преподавателей философскихъ предметовъ въ университетахъ, то Х. воспользовался приглашеніемъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа И. Д. Делянова и подалъ прошеніе объ увольненіи изъ духовнаго званія и переводѣ въ вѣдомство Министерства Народнаго Просвѣщенія. Для всесторонняго приготовленія къ профессорской каѳедрѣ Х. былъ на два года командированъ за границу. Эти два года (1865—1867) онъ провелъ въ Геттингенскомъ и Іенскомъ университетахъ и слушалъ, между прочимъ, лекціи извѣстнаго философа Лотце. По возвращеніи изъ-за границы Х., какъ посланный туда не отъ университета, а отъ министерства, до представленія и защиты докторской диссертаціи, могъ занять каѳедру въ какомъ либо изъ русскихъ университетовъ лишь въ званіи доцента. И онъ очень озабоченъ былъ написаніемъ докторской диссертаціи, какъ это видно изъ одного, относящагося къ 1868 г. письма его къ ректору Московской духовной академіи протоіерею А. В. Горскому († 1875); но такъ и не написалъ ея. Не пристроился онъ и къ какому бы то ни было университету, хотя въ 1868 г., судя по тому же письму Хупотскаго, министерство и указывало ему на двѣ вакантныя философскія каѳедры—въ Кіевѣ и Харьковѣ. Ему удалось быть преподавателемъ логики лишь въ гимназіяхъ, напримѣръ, Владимірской и Московской частной гимназіи Креймана. Былъ онъ еще нѣкоторое время преподавателемъ русскаго языка въ Московскомъ Александровскомъ военномъ училищѣ. Въ Москвѣ состоялъ онъ также

членомъ комиссіи народныхъ чтеній и писалъ мелкія статьи и замѣтки въ газеты и журналы. Уже съ 1887 г. стали замѣчаться въ немъ признаки психическаго разстройства, почему онъ 1 сентября 1888 г. помѣщенъ былъ въ Московскую Преображенскую больницу для душевнобольныхъ и провелъ въ ней два года, а скончался, отправляясь въ путешествіе на Аѳонъ, въ Кіевѣ, также въ психіатрическомъ заведеніи, на 53-мъ году жизни. Сложившаяся не вполнѣ благопріятно для Хупотскаго жизнь не представила ему возможности обнаружить свои умственныя дарованія въ какихъ либо крупныхъ учено-литературныхъ трудахъ. Самая магистерская диссертація его «О трудахъ Оригена въ изъясненіи новозавѣтныхъ книгъ св. Писанія», писанная по предмету общей церковной исторіи и подъ руководствомъ знаменитаго профессора Московской духовной академіи, протоіерея А. В. Горскаго, только отчасти напечатана въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. Отцевъ, издав. при Московской духовной академіи», за 1861 г. (ч. XX, стран. 100 — 144). По предмету же спеціальности Хупотскаго извѣстна еще рѣчь его «О значеніи слова въ умственномъ развитіи человѣка», напечатанная въ книгѣ: «Годичный отчетъ и рѣчи, произнесенныя 2 октября 1875 г. въ Московской частной гимназіи Фр. Креймана», Москва, 1875. Въ томъ и другомъ трудѣ Хупотскаго видны хорошее знаніе древнихъ и новыхъ языковъ, обширная эрудиція, глубина мысли и широта взгляда автора, заставляющія сожалѣть, что первый изъ этихъ трудовъ не докончень печатаніемъ, и что мы вообще имѣемъ такъ мало напечатаннаго изъ серьезныхъ работъ его.

Какъ человѣкъ, Х. имѣлъ характеръ живой, отзывчивый и общительный; всякому готовъ былъ оказать возможныя для него услуги; былъ одушевленъ наилучшими стремленіями и широкими замыслами. Послѣ Хупотскаго осталось много бумагъ, представляющихъ отрывки изъ лекцій по предметамъ, которые онъ преподавалъ, недоконченныя статьи по философіи, религіи, іудейской теософіи и др., переводы съ нѣмецкаго и другихъ языковъ, библіографическія замѣтки и переписка его съ разными лицами.

Архивъ Московской духовной академіи. Бумаги, оставшіяся послѣ смерти Хупотскаго.—С. К. Смирновъ. «Исторія Московской духовной академіи до ея преобразованія» (1814 — 1870), стр. 244, 393. Москва, 1879 г.

Ив. Корсунскій.

Ц

Цаган-батуръ, тайчжи ойратскаго племени, носившаго имя Хара-Халимакъ (черные калмыки, теленгуты). Безпрерывныя войны и смуты, происходившія въ Чжунгаріи, побудили его въ 1686 году перекочевать во главѣ своего племени въ русскіе предѣлы. Въ какомъ числѣ кибитокъ онъ вступилъ въ Россію доподлинно неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ его племя не было очень многочисленно, да и самъ онъ не игралъ значительной роли въ исторіи русскихъ калмыковъ конца XVII столѣтія. Черезъ присланное въ Москву посольство, Цаганбатуръ «билъ челомъ» о принятіи его и его дѣтей въ русское подданство и о дозволеніи имъ кочевать между Волгою и Дономъ, по рѣкамъ Хопру, Медвѣдицѣ и Илавлѣ. Но какъ удовлетвореніе таковой просьбы не согласовалось съ безопасностью ближайшихъ къ помянутымъ мѣстамъ русскихъ жителей и съ соблюдавшимся доселѣ правиломъ: не пускать никого изъ калмыковъ для кочевья на правый берегъ Волги, то царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, пожаловавъ Цаганъ-батура, его дѣтей и всѣхъ его улусныхъ людей въ вѣчное русское подданство», указалъ князю В. В. Голицыну отвести имъ для кочевокъ степи на луговой сторонѣ Волги, по рѣкѣ Ахтубѣ. Уже на другой послѣ этого годъ эти самые калмыки со своимъ владѣльцемъ «отправляли службу», находясь вмѣстѣ съ донскими казаками въ экспедиціи для искорененія, ушедшихъ къ рѣкамъ Медвѣдицѣ и Кумѣ, воровъ и раскольниковъ.

Іакинѳъ. Историческое Обозрѣніе Ойратовъ или Калмыковъ. Спб. 1835.—Нефедьевъ. Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ. Спб. 1834.—Астраханскія Губерск. Вѣдом. 1860 годъ. (Исторія Калмыцкихъ Хановъ).—Полн. Собр. Законовъ, т. II, № 1245 и 1310.—Толль. Настольн. Справ. Слов. III, 950. — Березинъ. Энц. Слов., отд. 4, т. 3, с. 545.

Н. В. Кюнеръ.

Цалабанъ, *Трофимъ Матвѣевичъ*, Екатеринославскій губернаторъ, род. въ 1774 г., умеръ въ 1824 г.; происходилъ изъ стариннаго рода могилевскихъ мѣщанъ, члены коего занимали высшія выборныя городскія должности. Окончивъ курсъ при Имп. Академіи Наукъ, Цалабанъ въ 1789 г. вступилъ въ Преображенскій полкъ сержантомъ, числился при Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и былъ посланъ курьеромъ съ депешами въ иностранныя государства. 1 января 1795 г. Цалабанъ выпущенъ изъ полка къ статскимъ дѣламъ капитаномъ и поступилъ «на сочинительскую вакансію» въ Комиссію составленія законовъ, откуда въ скоромъ времени переведенъ въ экспедицію Государственнаго Хозяйства на должность переводчика; въ 1800 г. Цалабанъ состоялъ при сенаторахъ Тарбѣевѣ и Митусовѣ, посланныхъ по Высочайшему повелѣнію въ Кіевскую губернію «для изслѣдованія секретнаго дѣла». Назначенный въ 1808 г. совѣтникомъ экспедиціи Государственнаго Хозяйства, Цалабанъ въ началѣ 1810 г. получилъ должность правителя дѣлъ Комитета С.-Петербургскихъ, запасныхъ магазиновъ, а въ концѣ 1810 г. перешелъ на службу въ министерство Полиціи, въ которомъ въ 1815—1818 г.г. управлялъ Хозяйственнымъ департаментомъ. 31 декабря 1818 г. Цалабанъ произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, назначенъ вице-директоромъ Провіантскаго департамента и исправлялъ должность генералъ-провіантмейстера. Съ 1820 по 1823 г. Цалабанъ состоялъ при Провіантскомъ департаментѣ, а 17 февраля 1823 г. назначенъ Екатеринославскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Изъ переводовъ Цалабана извѣстны: 1) «О Сахарѣ» переводъ съ польской рукописи (Новыя ежемѣсячн. сочиненія 1789 г. ч. XLII, 12-я книга, с. 83—90); 2) «Об-

ряды китайцевъ во время ихъ пиршествъ», переводъ съ нѣмецкаго (тамъ же ч. XLIII, 1790 г., январь, с. 77—91); 3) «Путешествіе къ Бѣлой горѣ, въ Шамуни, письмо де-Соссюра къ издателямъ парижскихъ журналовъ, изъ «Esprit des journaux», перев. съ французскаго (тамъ же, ч. XLIV, 1790, февраль, с. 22—51) и 4) «Исторія естественнаго закона» переводъ съ французскаго (тамъ же ч. XLIX, 1790 г., с. 3—21 и ч. L, с. 5—25).

Посл. списокъ Цалабана въ Архивѣ Пр. Сената.—Новыя ежемѣсячныя сочиненія 1789, 1790 г.—Неустроевъ. Историческое Разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ, с. 412—413 и Указатель къ этому изданію, с. 748.

Лемюръ.

Цандтъ, *Густавъ-Фридрихъ* (G.-Fr. v. Zandt), старшій пасторъ при шведской церкви въ С.-Петербургѣ, род. 21 окт. 1801 г. въ Хуттола въ Финляндіи, ум. 24 янв. 1881 г. Поступивъ въ 1818 г. въ университетъ въ Або, на богословскій факультетъ, Цандтъ окончилъ его въ 1823 г. со степенью доктора философіи и, пробывъ около года учителемъ народной школы въ Тавастгусской губерніи, въ 1825 году назначенъ былъ адъюнктомъ при шведской церкви въ С.-Петербургѣ, а черезъ два года сталъ пасторомъ при этой церкви. Затѣмъ съ 1835 г. до своей смерти Цандтъ состоялъ старшимъ пасторомъ С.-Петербургскаго шведскаго прихода, который при своемъ поступленіи нашелъ въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, и устройству и улучшенію котораго посвятилъ всю свою жизнь. Въ этомъ отношеніи Цандту дѣйствительно удалось много сдѣлать. Благодаря его стараніямъ въ 1837 г. былъ собранъ капиталъ въ 80,000 р. для постройки дома, доходы съ котораго идутъ на поддержаніе разныхъ благотворительныхъ учрежденій шведскаго прихода. Въ 1847 г. Цандтъ основалъ сиротскій пріютъ для дѣвочекъ, а въ 1860 г. при церкви имъ была устроена богадѣльня для престарѣлыхъ и больныхъ женщинъ-прихожанокъ. Онъ же собралъ необходимыя средства для перестройки и обновленія внутренняго убранства самой церкви. Съ горячей любовью и большимъ вниманіемъ Цандтъ отнесся къ дѣлу воспитанія дѣтей своихъ прихожанъ. Съ самаго начала своей петербургской дѣятельности до 1835 г. онъ преподавалъ Законъ Божій въ шведской церковной школѣ, а затѣмъ, до 1859 г., былъ директоромъ этой школы, исполняя эти трудныя обязанности въ теченіе 29 лѣтъ безвозмездно, для сбереженія соотвѣтствующихъ суммъ на разныя нужды прихода. Въ 1866 г. трехклассная шведская женская школа была преобразована въ четырехклассную, также главнымъ образомъ благодаря ему. Кромѣ того, Цандтъ давалъ уроки Закона Божія въ 14 казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Петербургѣ и Царскомъ Селѣ. Съ 1841 г. Цандтъ состоялъ членомъ С.-Петербургской евангелической консисторіи. Помимо своей непосредственной многосторонней дѣятельности онъ находилъ еще время для научнаго труда, состоя членомъ финскаго литературнаго общества и участвуя съ 1845 г. въ Журналѣ Минист. Народнаго Просвѣщенія. Въ день пятидесятилѣтняго служебнаго юбилея онъ получилъ орденъ Св. Владиміра 3-й ст. и шведскій орденъ Сѣверной Звѣзды 2-го класса, а въ 1873 г., по случаю юбилея Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ, Цандтъ былъ избранъ почетнымъ докторомъ сего университета.

St. Petersburger Herold 1881 г., № 27, ст. 5.—St. Petersburger Zeitung 1881 г., № 29.—St. Petersburgisches Evangelisches Sonntagsblatt 1881 г. № 6, стр. 47.

Р. Мусселіусъ.

Царевскій, *Аѳанасій*, дьякъ, предки котораго упоминаются среди «княжъ Васильевыхъ людей Глинскаго» въ 1515 г. О службѣ его до избранія на царство Михаила Ѳедоровича Романова сохранилось только извѣстіе, что въ 1612 г., декабря 18, онъ писалъ данную Троицко-Сергіевскому монастырю на владѣніе въ Кремлѣ дворовымъ мѣстомъ. Въ 1613 г. государь посылаетъ его вмѣстѣ съ воеводами кн. Дмитріемъ Мамстрюковичемъ Черкасскимъ и Михаломъ Матвѣевичемъ Бутурлинымъ на польскихъ и литовскихъ людей. Въ томъ же году Царевскій былъ дьякомъ на Земскомъ Дворѣ, но, очевидно, очень недолго, такъ какъ уже 5 сентября 1613 г. онъ участвовалъ съ воеводами, князьями Черкасскимъ и Троекуровымъ, во взятіи гор. Бѣлой, а потомъ въ слѣдующемъ 1614 г. «промышлялъ» съ ними подъ Смоленскомъ. Когда въ 1616 г. Москва го-

товилась защищаться отъ нападенія ногайцевъ, Царевскій, вмѣстѣ съ воеводами Ѳедоромъ Семеновичемъ Пушкинымъ и Денисомъ Оладьинымъ, былъ назначенъ къ Водянымъ воротамъ. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

Книги разрядныя т. I, стр. 205. — Дворц. разряды т. I, стр. 102, 104. — Акты Московскаго Государства, изд. Имп. Ак. Наукъ подъ ред. Н. А. Попова, т. I, стр. 109, 113—115, 122, 126.— Акты историческіе т. III, стр. 3.—Акты Археогр. Экспедиціи, т. III, стр. 14. — Собр. Гос. Грам. и Догов., т. I, с. 609.

В. Бенешевичъ.

Царегородцевъ, *Илья Антоновичъ*, дьякъ митрополичій; участвовалъ въ походахъ 1556 и 1559 гг.; въ 1565 г. подписался на поручной записи по бояринѣ Яковлевѣ, а 20 іюля 1566 г. писалъ приговоръ объ избраніи на Московскую митрополію игумена Филиппа (Колычева, впослѣдствіи святого).

Акты Арх. Эксп. т. I, 815.—Собраніе Госуд. Грам. и Догов., т. I, стр. 508, 511, 513, 558.

В. Бенешевичъ.

Царскій, *Иванъ Никитичъ*, извѣстный собиратель русскихъ древностей; умеръ, въ Москвѣ, 15 іюля 1853 г. Имя И. Н. Царскаго хорошо извѣстно и дорого всякому занимающемуся русской исторіей и археологіей; ему многимъ обязана наша историческая наука и археологія, хотя онъ вовсе не былъ подготовленъ къ прославившему его дѣлу,—послѣднее было совершенно чуждо его главнымъ занятіямъ.

Московскій 1-ой гильдіи купецъ по званію и занятіямъ, «чистый старообрядецъ» по исповѣданію, какъ выражался о немъ П. М. Строевъ,—державшійся церковныхъ книгъ, напечатанныхъ до патріарха Никона, но не чуждый и новшествъ: нѣмецкаго платья, театровъ и клубовъ, служившій нѣсколько лѣтъ сряду депутатомъ отъ купечества въ правленіи четвертаго округа Путей Сообщенія, И. Н. Царскій довольно рано пристрастился къ собиранію русскихъ древностей. Завязавшіяся при этомъ знакомства съ Кубаревымъ, Бодянскимъ, Строевымъ, Погодинымъ и мн. др. русскими историками и археологами лишь поддерживали въ немъ эту страсть. Уже въ 1836 г. въ его библіотекѣ набирается обширная коллекція славянскихъ старопечатныхъ книгъ, какъ видно изъ «Описанія» ихъ, составленнаго въ томъ же году П. М. Строевымъ; продолжая и потомъ собираніе книгъ, онъ настолько увеличилъ число ихъ, что черезъ пять лѣтъ понадобилось новое описаніе вновь пріобрѣтенныхъ книгъ, что и было исполнено тѣмъ же Строевымъ. Вмѣстѣ съ книгами Царскій пріобрѣталъ и рукописи, которыя по своему достоинству и древности, представляли весьма цѣнное собраніе. По каталогу ихъ, составленному П. М. Строевымъ въ 1848 г., подъ заглавіемъ «Рукописи Славянскія и Россійскія», видно, что изъ общаго ихъ числа 749—къ XIV в. принадлежало 15 рукописей, къ XV—28, къ XVI—161, къ XVII—251. Среди этихъ рукописей Царскаго впервые были найдены Кубаревымъ «Похвала Владиміру Ярославова времени», и Бодянскимъ два слова еп. Климента и первое посланіе блаженнаго попа Леонта. Съ 1848 г. до 1853 г. пріобрѣтено было еще свыше 100 рукописей. Многіе изъ актовъ, писцовыхъ книгъ и лѣтописей Царскій жертвовалъ въ «Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ», которое и помѣщало ихъ въ своихъ «Чтеніяхъ», и въ «Одесское Общество Исторіи и Древностей». Коллекціями его лѣтописей пользовался Н. А. Ивановъ для своихъ: «Краткаго Обзора русскихъ временниковъ, находящихся въ библіотекахъ С.-Петербургскихъ и Московскихъ» (Казань, 1843 г.) и «Общаго понятія о хронографахъ и описанія нѣкоторыхъ списковъ ихъ, хранящихся въ библіотекахъ С.-Петербургскихъ и Московскихъ» (1844 г.); а обширное его собраніе древнерусскихъ житій святыхъ послужило главнымъ матеріаломъ для извѣстныхъ изслѣдованій А. Н. Муравьева и В. О. Ключевскаго. Довольно обширное, наконецъ, было у Царскаго и собраніе древнихъ образовъ (о нихъ см. въ «Запискахъ Имп. Археологическаго Общества по отд. русской и славянской археологіи» т. I). Помимо упомянутыхъ собраній немало важную заслугу Царскаго предъ исторической наукой составляетъ и его роскошное изданіе «Выходы царей Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михаловича и Ѳедора Алексѣевича» (М. 1844 г.).

Ученыя общества отнеслись съ большимъ вниманіемъ къ дѣятельности Царскаго: Имп. Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ

избрало его своимъ членомъ-благотворителемъ, Императорскія: Археологическое и Русское Географическое Общество—членомъ-сотрудникомъ, Импер. Публичная Библіотека — почетнымъ корреспондентомъ, Археографическая Комиссія—членомъ-корреспондентомъ, а Одесское Общество Исторіи и Древностей, Московская Коммерческая Академія и Общество Сѣверныхъ Антикваріевъ въ Копенгагенѣ—дѣйствительнымъ членомъ. Въ заключеніе нельзя не привести извѣстныхъ словъ о Царскомъ высоко уважавшаго его М. П. Погодина, которыя были напечатаны еще въ 1849 году, въ «Москвитянинѣ», № 2,—«И. Н. Царскій во всю свою жизнь удѣлялъ часть своихъ избытковъ не на мраморныя стѣны, не на бархатныя подушки, не на золотые картины, не на лихихъ рысаковъ и златокованную сбрую, но на собраніе и сохраненіе драгоцѣннѣйшихъ отечественныхъ памятниковъ, во славу Отечества».

Къ счастію знаменитое собраніе рукописей Царскаго не пропало послѣ смерти собирателя, подобно многимъ русскимъ собраніямъ, а было пріобрѣтено гр. А. С. Уваровымъ за 25.000 рублей и до сихъ поръ сохраняется въ его имѣніи Порѣчьи, служа цѣннѣйшимъ матеріаломъ для русской исторической науки.

Некрологи Царскаго въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1853 г., ч. LXXIX и въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», 1853 г., № 160.—Н. П. Барсуковъ, «Жизнь и труды П. М. Строева» (Спб., 1878 г.) и его же «Жизнь и труды М. П. Погодина» (т. I—VII, Спб., 1888—1893).

В. Рудаковъ.

Цацъ, *Ѳеодосій Ивановичъ*, контръ-адмиралъ черноморскаго флота, умеръ 2 октября 1829 г. Въ 1775 г., ноября 13, Цацъ поступилъ въ Корпусъ чужестранныхъ единовѣрцевъ кадетомъ;—3 марта 1783 произведенъ въ подпоручики арміи и опредѣленъ къ морскому корпусу, а въ 1784 г. переименованъ въ мичманы. Въ 1788 г., въ чинѣ лейтенанта, на кораблѣ «Болеславъ» участвовалъ въ Гогландскомъ сраженіи; въ 1789 г. на кораблѣ «Память Евстафія» былъ въ крейсерствѣ съ флотомъ въ Балтійскомъ морѣ и участвовалъ въ Эландскомъ сраженіи, а въ 1790 г. на кораблѣ «Князь Владиміръ»—участвовалъ въ Красногорскомъ и Выборгскомъ сраженіяхъ. Въ 1798—1800 гг. на кораблѣ «Сѣверный Орелъ», въ эскадрѣ вице-адмирала Тета, перешелъ изъ Архангельска къ берегамъ Англіи, плавалъ въ Нѣмецкомъ морѣ и участвовалъ въ десантной высадкѣ на голландскій берегъ. Потомъ Цацъ служилъ въ Балтійскомъ флотѣ и въ Архангельскѣ, гдѣ въ 1808—1811 гг. былъ помощникомъ главнаго командира порта, а съ 1811 по 1816 гг. командовалъ 4-мъ ластовымъ экипажемъ въ Спб., послѣ чего переведенъ изъ Балтійскаго въ Черноморскій флотъ и былъ командиромъ 44-го флотскаго экипажа, а въ 1817 г. получилъ орденъ св. Георгія 4 класса за 25 лѣтъ. 22 марта 1823 г. Цацъ произведенъ въ капитанъ-командоры и назначенъ управляющимъ временною счетною коммиссіею при Черноморскомъ департаментѣ въ Николаевѣ, а въ 1826 г., декабря 6, произведенъ въ контръ-адмиралы и назначенъ оберъ-интендантомъ Черноморскаго правленія, въ каковой должности и скончался.

Общій морской списокъ, ч. V, стр. 307.

Кн. М. Путятинъ.

Цвиленевъ, *Александръ Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1769 г., умеръ 31 мая 1824. Онъ происходилъ изъ стариннаго, но небогатаго дворянскаго рода, уже въ концѣ XVI вѣка владѣвшаго помѣстьями въ Вяземскомъ уѣздѣ. Пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ Цвиленевъ вступилъ въ службу въ л.-гв. Семеновскій полкъ фурьеромъ и, въ чинѣ сержанта этого полка, участвовалъ въ походѣ 1788—1789 гг. противъ шведовъ, за что 1 января 1790 г. произведенъ въ капитаны арміи—въ Бѣлозерскій полкъ, а въ 1793 г. переведенъ въ Московскій гренадерскій полкъ, въ рядахъ котораго сражался противъ польскихъ конфедератовъ. За отличіе на приступѣ къ Вильнѣ Цвиленевъ получилъ чинъ маіора (1794). По вступленіи на престолъ Императора Павла Цвиленевъ былъ переведенъ во вновь сформированный Павловскій гренадерскій полкъ (впослѣдствіи л.-гв. Павловскій), а 17 мая 1799 г., въ чинѣ маіора, назначенъ полковымъ командиромъ этого полка. Въ томъ же 1799 г. Цвиленевъ, произведенный въ подполковники, участвовалъ съ частью полка въ походѣ противъ французовъ въ Голландію и за отличіе въ сраженіяхъ подъ Бергеномъ и Эгмондомъ получилъ

чинъ полковника и орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Въ 1805 г. Цвилленевъ, состоя въ корпусѣ Толстаго, былъ въ походѣ въ Сѣверную Германію, а 25 марта 1806 г. назначенъ шефомъ Ново-Ингерманландскаго мушкатерскаго полка. Въ 1807—1811 гг. Цвилленевъ со своимъ полкомъ находился въ Молдавіи, гдѣ принималъ участіе во многихъ сраженіяхъ противъ турокъ; въ мартѣ 1810 г. при взятіи крѣпости Дуду онъ первымъ взошелъ на ея валъ, за что получилъ орденъ св. Георгія 4-й ст., а въ іюнѣ того же года Цвилленевъ взялъ крѣпость Кладово и въ ней 21 знамя и 6 знаменъ. За участіе въ военныхъ дѣлахъ противъ турокъ онъ произведенъ былъ въ 1810 г. въ генералъ-маіоры. Весною 1812 г. Цвилленевъ назначенъ былъ командиромъ 2-й бригады 1-й пѣхотной дивизіи и участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Лубинымъ, Бородинымъ (за которое получилъ орденъ св. Анны 1 ст.), Тарутинымъ, Малымъ Ярославцемъ, а 6 ноября въ сраженіи подъ Краснымъ, находясь въ первой линіи войскъ, безъ выстрѣла, атакою въ штыки разбилъ войска маршала Нея, за что получилъ орденъ св. Георгія 3-й ст. Въ 1813 г., въ сраженіи подъ Люценомъ, Цвилленевъ, замѣняя раненнаго Коновницына, удержалъ корпусъ принца Евгенія и тѣмъ содѣйствовалъ успѣшному исходу дѣла, а въ ночь съ 17 на 18 августа, въ сраженіи подъ Кульмомъ былъ тяжело раненъ въ правую руку и получилъ за отличіе орд. св. Владиміра 2-й ст. и Прусскаго Краснаго Орла 2-й ст. При обратномъ походѣ въ Россію Цвилленевъ былъ назначенъ начальникомъ 11-й пѣхотной дивизіи, съ которою участвовалъ въ походѣ 1815 г. во Францію, и въ томъ же 1815 году получилъ чинъ генерала-лейтенанта; съ 1820 по 1823 онъ состоялъ по арміи; 26 сентября 1823 снова назначенъ начальникомъ 11-й дивизіи, а 13 апрѣля 1824 уволенъ отъ этой должности. — Цвилленевъ прекрасно говорилъ по-французски, по-нѣмецки и по-польски, былъ свѣдущъ въ военныхъ наукахъ и отличался беззавѣтною храбростью.

Военная Галлерея Зимняго дворца, т. II.—Воропонъ и Бутовскій. Исторія л.-гв. Павловскаго полка. Спб. 1891, стр. 8, 28, 30, 31, 32, 75, 97 и 113.—Справочный энциклопедическій словарь Крайя, т. XII, с. 11—12.—Русская Старина 1890 г., т. 66, с. 487.

Лемюръ.

Цвиленевъ, *Прохоръ Григорьевичъ*, инженеръ, служилъ въ инженерной экспедиціи до 1805 года, когда былъ назначенъ послѣ генералъ-маіора Фелькерзама директоромъ Тульскаго оружейнаго завода. Въ 1811 году, вслѣдствіе состоявшагося раздѣленія управленія Тульскаго завода, Цвилленевъ былъ назначенъ директоромъ хозяйственной его части и управлялъ заводомъ вмѣстѣ съ инженеръ-маіоромъ барономъ Боде до 1818 года. Въ 1812 году Тульскій оружейный заводъ былъ переведенъ въ вѣдомство Артиллерійскаго Департамента, а въ 1818 году Цвилленевъ былъ уволенъ отъ должности директора. Дальнѣйшая участь его неизвѣстна.

Гамель «Описаніе Тульскаго оружейнаго завода въ историческомъ и техническомъ отношеніяхъ». Спб. 1826 г. — Ф. Графъ. «Оружейные заводы въ Россіи», статья въ «Военномъ Сборникѣ» за 1891 г., т. XXI, № 9—10.

Г. Мефферть.

Цвиллингъ, *Иванъ Ивановичъ*, инженеръ—генералъ-лейтенантъ, предсѣдатель аудиторіата Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія, родомъ изъ мѣщанъ г. Риги. Получивъ въ этомъ городѣ образованіе въ частномъ учебномъ заведеніи, Цвиллингъ въ 1793 году вступилъ въ службу кондукторомъ 3 класса въ комиссію инженера Путей Сообщенія генерала де-Витте, производившую различныя работы въ Курляндіи, Семигаліи и части княжества Литовскаго. Почти вся дѣятельность Цвиллинга была посвящена работамъ по устройству рѣчныхъ путей сообщенія. Такъ въ 1800 году онъ былъ командированъ на развѣдочныя работы по проведенію канала между рѣками Лавеной и Невсюкой въ Литвѣ, а затѣмъ на каналы: Лепельскій, Вышневолоцкій, Маріинскій и Новгородскій. Въ 1801—1802 г.г. Цвиллингъ занимался устройствомъ Березинскаго канала и расчисткой Двинскихъ пороговъ; въ томъ же году онъ былъ назначенъ на работы въ Динамюндѣ по исправленію поврежденій Рардкоменской дамбы. Въ 1807 году Цвиллингъ возвратился въ Ригу, гдѣ ему было поручено исправленіе городскихъ плотинъ, а затѣмъ укрѣпленіе береговъ Эзеля, Даго и Вормса; въ 1808 г. онъ былъ командированъ для расчистки рѣкъ Велиши и Мемеля (Нѣмана). Въ 1812 году Цвиллингъ былъ произведенъ въ подполковники и назначенъ директоромъ

по производству работъ въ VII округѣ Путей Сообщенія и исправляющимъ должность начальника этого округа. Въ 1815 году онъ былъ переведенъ во II округъ Путей Сообщенія и назначенъ управляющимъ Тихвинской системой, а съ 1822 г. управлялъ этимъ округомъ. Въ слѣдующемъ году Цвиллингъ перешелъ на службу по управленію Московскимъ шоссе и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ назначенъ членомъ въ «комиссію при Главномъ Управленіи для разсмотрѣнія проэктовъ и смѣтъ». Произведенный въ 1829 г. въ генералъ-маіоры, онъ вскорѣ отправился въ Нижній Новгородъ для инспектированія производившихся тамъ работъ, а затѣмъ съ той же цѣлью былъ посланъ въ Западный край для осмотра работъ по Огинскому каналу и въ Либавскомъ портѣ. Назначенный въ 1834 году директоромъ Департамента Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій, Цвиллингъ съ этого времени прекратилъ свою практическую инженерную дѣятельность и посвятилъ себя административной службѣ въ центральныхъ учрежденіяхъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія, членомъ Совѣта котораго состоялъ съ 1834 году. Въ 1842 г. онъ занялъ должность предсѣдателя Аудиторіата Главнаго Управленія, былъ временно управляющимъ Департаментомъ Проэктовъ и Смѣтъ и состоялъ (съ 1844 г.) въ комитетѣ по сооруженію Благовѣщенскаго (нынѣ Николаевскаго) моста въ С.-Петербургѣ. Кромѣ того Цвиллингъ былъ предсѣдателемъ (съ 1843 г.) комиссіи, работавшей надъ составленіемъ строительнаго устава. Въ 1857 г. онъ вышелъ въ отставку. Дальнѣйшая участь его неизвѣстна.

Архивъ Министерства Путей Сообщенія. (Дѣло объ уволненіи со службы инженеръ-генералъ-лейт. Цвиллинга. 1857 г.). — Журналъ Путей Сообщенія 1829 г., т. 13. (списокъ чинамъ по Вѣдомству Путей Сообщенія находящимся). — Евг. Соколовскій. Пятидесятилѣтіе Института и Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія, Спб. 1859 г.

Г. Мефферть.

Цвѣтаевъ, *Андрей,* переводчикъ; 1817—1841 г. Біографическихъ свѣдѣній о немъ не имѣется. Помѣщалъ переводы въ нѣкоторыхъ изъ современныхъ журналовъ. Въ «Вѣстникѣ Европы» за 1828 годъ (№№ 5—6) имъ помѣщенъ переводъ: «Выздоровленіе Легуве, или экземпляръ поэмы: Достоинство женщины». Въ «Вѣстникѣ Европы» за 1829 годъ (№ 21): «Объ иностранныхъ посланникахъ», переводъ изъ рѣдкой книги Даніила Принтца: «Moscoviae ortus et progressus. Gubenae 1679 года». Переводы эти сдѣланы тяжелымъ языкомъ и не обнаруживаютъ въ авторѣ литературнаго дарованія.

Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества, 1888 г.—Вѣстникъ Европы за 1828 и 1829 г.г.

Викторъ Войновъ.

Цвѣтаевъ, *Левъ Алексѣевичъ,* статск. сов., юристъ, профессоръ Московскаго Университета, докторъ философіи. Род. въ 1777 г., умеръ состоя профессоромъ, 7 февраля 1835 г. Сынъ священника, Цвѣтаевъ первоначальное образованіе получилъ въ Московской Славяно-греко-латинской Академіи. Въ 1795 г., выйдя изъ духовнаго званія, онъ опредѣлился студентомъ въ Московскій университетъ, гдѣ слушалъ лекціи по нравственно-политическому и словесному факультетамъ (въ числѣ профессоровъ его были: Шаденъ, Чеботаревъ, Сохацкій, Скіаданъ, Баузе). Выдержавъ въ 1791 г. экзаменъ на баккалавра, Цвѣтаевъ въ 1801 г. отправился за границу. Первые три года онъ слушалъ лекціи въ Геттингенскомъ университетѣ, гдѣ, занимаясь подъ руководствомъ Шлецера, изучалъ главнымъ образомъ этико-политическія науки. Затѣмъ въ Парижѣ Цвѣтаевъ слушалъ лекціи Бернарди, Пасторе, Левека, Кювье, Фуркруа, Лаланда и увлекся направленіемъ энциклопедической школы юристовъ. Въ 1804 году парижская Академія Законодательствъ избрала Цвѣтаева въ свои сочлены. Въ 1805 г., вернувшись въ Москву, онъ издалъ свой первый литературный трудъ: «Панорама Парижа или описаніе сего города и его достопримѣчательностей» (въ 1822 г.— второе изд.). Это—живая и яркая картина французской жизни, набросанная талантливымъ и наблюдательнымъ ученымъ, полная любопытныхъ замѣчаній о духѣ народа и тогдашнихъ переворотахъ. Въ этомъ же 1805 г. Цвѣтаевъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ Московскаго университета по каѳедрѣ «теоріи законовъ». Первая его публичная рѣчь на университетскомъ актѣ была напечатана отдѣльнымъ изданіемъ: «Слово о взаимномъ вліяніи наукъ на законы и законовъ на науки. 1805 г. 4°». Курсъ лекцій по

теоріи законовъ составилъ книгу: «Краткая теорія законовъ. 3 части» (издана въ 1810 г.; въ 1816 г. она вышла вторымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: «Начертаніе теоріи законовъ»); этотъ трудъ, составленный по сочиненіямъ Бернарди, Филанжери, Бентама, Беккаріа, находится подъ вліяніемъ энциклопедической школы. Въ 1811 г. Цвѣтаевъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ «правъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ». Потомъ онъ преподавалъ: естественное, гражданское, уголовное, общенародное право и политическую экономію (по тогдашнему университетскому уставу юридическія науки не были строго разграничены). Почти по всѣмъ этимъ предметамъ Цвѣтаевымъ были составлены соотвѣтствующія руководства. Такъ имъ написаны: «Первыя начала права естественнаго, извлеченныя изъ соч. Шмальца», (1816 г.), «Первыя начала правъ частнаго и общаго съ присовокупленіемъ основаній народнаго права» (1823 г.). Къ этому сочиненію прибавлена статья: «Введеніе въ нравственную метафизику» (книга эта при первомъ изданіи имѣла заглавіе: «Естественное право»); «Первыя начала политической экономіи, извлеченіе изъ политической экономіи Шлецера» (1823 г.); «Начертаніе уголовныхъ законовъ» (1825 г.); «Основанія права частнаго и гражданскаго» (1825 г.). Позднѣе, будучи уже заслуженнымъ профессоромъ, Цвѣтаевъ читалъ римское право, бывшее главнымъ и любимымъ предметомъ его занятій. Этому предмету посвящены сочиненія: «Краткая исторія римскаго права» (1818 г.)—(по сочин. Баха), «Начертаніе римскаго гражданскаго права» (1817) (по руководству Вальдека; въ 1824 г.—2-ое изд.); «О вліяніи правовѣдцевъ на усовершенствованіе римскаго права» (1830 г.); «Учебная книга римскаго гражданскаго права. 2 ч.» (1834 г.). Съ этого же года Цвѣтаевъ читалъ право народное и политическое. Кромѣ того Цвѣтаевымъ переведенъ учебникъ римскаго права Макельдея (учебникъ, долго считавшійся классическимъ), причемъ нѣкоторыя статьи имъ передѣланы. Цвѣтаевъ занималъ еще другія должности и не былъ чуждъ литературнымъ занятіямъ. Въ 1805 и 1806 г.г. онъ былъ сотрудникомъ Ученыхъ Записокъ, издававшихся при университетѣ (ему принадлежатъ рецензіи на сочиненія по нравственно-политическимъ вопросамъ). Въ 1810 г. онъ былъ избранъ корреспондентомъ Комиссіи по составленію законовъ Россійской Имперіи; съ этого же года былъ цензоромъ Московскаго цензурнаго комитета; 10 лѣтъ былъ деканомъ нравственно-политическаго отдѣленія; три раза былъ проректоромъ университета; двадцать лѣтъ—членомъ комитета испытанія гражданскихъ чиновниковъ; двадцать два года—инспекторомъ классовъ при московскихъ институтахъ Ордена св. Екатерины и Александровскомъ, и визитаторомъ училищъ и пансіоновъ Московской губерніи. Кромѣ того онъ былъ членомъ комиссіи Высочайше учрежденной для разбора вотчинныхъ дѣлъ Демидовскаго Ярославскаго училища и съ 1812 г. членомъ Московскаго Общества любителей россійской словесности.

Цвѣтаевъ, оставившій послѣ себѣ цѣлое поколѣніе учениковъ, является однимъ изъ выдающихся профессоровъ московскаго университета: онъ былъ не только талантливымъ ученымъ, одареннымъ юридическимъ тактомъ, свѣтлымъ умомъ, способнымъ къ отчетливому аналитическому мышленію, но и опытнымъ наставникомъ. Цвѣтаевъ не мало способствовалъ развитію научнаго пониманія законовъ; этико-политическія же науки много обязаны ему какъ своимъ развитіемъ, такъ и выработкой научнаго языка (слогъ сочиненій Цвѣтаева можно назвать, для своего времени, образцомъ дидактическаго). Некрологи, кромѣ того, отмѣчаютъ любовь къ правдѣ и благотворительность Цвѣтаева, его твердый характеръ, доброе, отзывчивое сердце и рѣдкое радушье (о томъ же говорится—въ неизданныхъ письмахъ И. И. Срезневскаго отъ 1829 г.).

Формул. спис. изъ архива д-та Герольдіи Правит. Сената.—Біограф. слов. проф. и преп. Моск. унив.—Ученыя записки Моск. унив., 1835 г. ч. VII, № 8 (некрол., напис. П. Снегиревымъ).—Записка гр. А. И. Панина о проф. Моск. унив. (Чтевія въ Общ. ист. и древн. Рос. 1870 г. № 4). — Записка Двигубскаго (тамъ же, 1869 г. № 3). — Студенч. воспомин. 1818—1822 гг. Ляликова (Русск. Арх. 1875 г. № 11). — Некрологи: Моск. Вѣд. 1835 г., № 15; Молва 1835 г. ч. 9, № 9; Сѣверн. Пчела 1835 г., № 40.—Энцикл. словари: Березина, Клюшникова, Толя.—Роспись кн. Смирдина, Плавильщикова.—Опись рос. библ. Сопикова.

Вяч. Водарскій.

Цвѣтаевъ, *Павелъ*, врачъ, коллежскій ассессоръ; медицинское образованіе получилъ въ Московскомъ Университетѣ, въ которомъ состоялъ казеннымъ воспитанникомъ; университетъ окончилъ со степенью лѣкаря I отдѣленія въ 1822 г.; въ томъ же году былъ опредѣленъ евпаторійскимъ уѣзднымъ врачемъ; въ 1825 г.—днѣпровскимъ уѣзднымъ врачемъ; въ 1826 г. назначенъ въ ногайскія селенія мелитопольскаго уѣзда; въ 1827 г.—получилъ званіе штабъ-лѣкаря. Съ 1828 г. по 1831 г. Цвѣтаевъ служилъ по военному вѣдомству въ кавказскомъ отдѣльномъ корпусѣ, въ Сухумъ-Кале, а съ 1832 г. по 1836 г.—кромскимъ уѣзднымъ врачемъ. Научно-литературные его труды слѣдующіе: 1) «О спиртовомъ запахѣ, открываемомъ въ тѣлахъ людей, умершихъ скоропостижно.» «Другъ Здравія» 1835 г., 18; 2) «Дѣйствіе минеральнаго магнита противъ боли головы въ перемежающейся лихорадкѣ.» «Другъ Здравія» 1835 г., 30.; 3) «Замѣчаніе о спиевахъ или кровоподтекахъ на мертвыхъ тѣлахъ и о способѣ узнавать по онымъ, въ какомъ положеніи постигла смерть человѣка.» «Другъ Здравія» 1835 г., 36; 4) «Развитіе и прохожденіе воздухообразныхъ веществъ сквозь стѣны ихъ вмѣстилищъ.» «Другъ Здравія» 1836 г., 7; 5) «Способъ ограниченія рожи». «Другъ Здравія» 1836 г., 18; 6) «О признакахъ истинной смерти.» «Другъ Здравія» 1836 г., 36.

Змѣевъ. Русскіе врачи-писатели.

Н. Теренинъ.

Цвѣтаевъ, *Ѳедоръ Фроловичъ*, извѣстный библіофилъ и библіоманъ первой половины XIX вѣка; род. въ апрѣлѣ 1798 г., умеръ въ Спб. 3 ноября 1859 г. и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Мальчикомъ онъ поступилъ въ библіотеку Плавильщикова и впослѣдствіи былъ въ ней же библіотекаремъ, послѣ перехода ея въ руки А. Ф. Смирдина. Съ утра и до ночи проводя время за книгами, будучи знакомъ со всѣми нашими литераторами блестящаго періода русской словесности 1820—1850 гг., Цвѣтаевъ сдѣлался живымъ каталогомъ и справочной энциклопедіей не только по отдѣлу изящной литературы и журналистики, но и по всѣмъ отраслямъ науки. Обладая удивительною памятью, онъ зналъ все, появившееся въ Россіи со времени Ломоносова до послѣдней вновь вышедшей книжонки, и могъ указать не только № и годъ журнала, въ которомъ была напечатана какая-нибудь статья, но и страницу, а также критическіе о ней отзывы въ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Не слишкомъ-то общительнаго и довольно угрюмаго Ѳедора Фроловича зналъ весь читающій Петербургъ, а въ особенности, и вполнѣ справедливо, удивлялся ему литературный міръ отъ Карамзина до Тургенева.

Въ библіотекѣ Цвѣтаевъ оставался и тогда, когда она въ исходѣ сороковыхъ годовъ перешла къ Крашенинникову, и, повидимому, только въ пятидесятыхъ годахъ удалился отъ дѣлъ на покой.

Имя этого скромнаго труженника въ сферѣ своей дѣятельности должно обратить на себя вниманіе будущаго историка русской библіографіи, теперь же оно забыто, какъ потому, что никто изъ болѣе выдающихся русскихъ писателей, пользовавшихся когда-то его указаніями, не обмолвился о немъ ни словомъ, такъ и потому, что отъ него не осталось никакихъ печатныхъ трудовъ: Смирдинская «Роспись», составленіе которой приписываютъ иногда Цвѣтаеву, составлена Анастасевичемъ; объ участіи Цвѣтаева въ этомъ трудѣ можно только догадываться.

«Новое Время» 30 марта 1898 г. — Русскій Архивъ 1872 г., № 9, ст. 1786, 1792. — Сѣверная Пчела за 1859 г., № 241. — Рукописное описаніе Смоленскаго кладбища П. П. Каратыгина л. XCII (въ архивѣ Импер. Русск. Ист. Общества).

В. Бенешевичъ.

Цвѣтихинъ, *Иванъ Алексѣевичъ*, врачъ, надворный совѣтникъ, р. въ 1797 г. и происходилъ изъ духовнаго сословія; медицинское образованіе получилъ въ Московскомъ Университетѣ, гдѣ состоялъ казеннымъ воспитанникомъ, и окончилъ курсъ въ 1825 г. со степенью лѣкаря III отдѣленія; въ томъ же году опредѣленъ ординаторомъ ставропольскаго, на Кавказѣ, госпиталя. Въ 1831 г. Цвѣтихинъ перешелъ въ анапское госпитальное отдѣленіе и въ томъ же году получилъ званіе штабъ-лѣкаря; 31 марта 1833 г. онъ назначенъ старшимъ лѣкаремъ анапскаго военно-временнаго госпиталя, а въ 1836 г. назначенъ ординаторомъ екатеринодарскаго военно-временнаго госпиталя; въ

томъ-же году—полковымъ штабъ-лѣкаремъ курпнскаго егерскаго полка и въ 1839 г. ординаторомъ георгіевскаго военнаго госпиталя; въ 1842 г. назначенъ старшимъ лѣкаремъ внезапненскаго военнаго госпиталя, а 7 декабря 1844 г. уволенъ изъ военнаго вѣдомства; затѣмъ нѣсколько лѣтъ служилъ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ,—до 1858 г. Его печатныя работы: 1) «Перемежающаяся лихорадка въ Малой Кабардѣ въ 1839 г.» «Военно-медицинскій журналъ» 1840 г., ч. 35, II; 2) «Сѣрнокислый хининъ со рвотной солью въ перемежающихся лихорадкахъ Закавказскаго края.» «Другъ Здравія» 1837 г. № 17. И. Ц. изъ Закавказья.

Послужной Спис. въ архивѣ д-та Герольдіи Пр. Сената.—Змѣевъ. Русскіе врачи-писатели.

Н. Тереникъ.

Цвѣтихинъ, *Михаилъ Никитичъ* переводчикъ. Свѣдѣній о его происхожденіи не имѣется, но можно предположить, что онъ былъ изъ духовнаго званія. Родился Цвѣтихинъ въ 1763 г. и воспитывался въ Московской Славяно-греко-латинской Академіи на философскомъ и богословскомъ факультетахъ. Когда въ 1782 году было открыто въ Москвѣ «Дружеское ученое Общество», то Цвѣтихинъ, какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, былъ принятъ въ число 30 воспитанниковъ открытой этимъ Обществомъ Филологической семинаріи. Это Общество имѣло цѣлью развивать въ юношествѣ любовь къ наукамъ и литературѣ и заставляло своихъ питомцевъ заниматься сочиненіями и переводами для помѣщенія ихъ въ издаваемыхъ имъ журналахъ: «Вечерняя Заря» и «Дѣтское Чтеніе». Будучи въ Академіи, Цвѣтихинъ одновременно слушалъ лекціи по опытной физикѣ и математикѣ въ Московскомъ Университетѣ, а въ 1783 г. онъ былъ переведенъ въ гимназію при Академіи Наукъ въ Петербургѣ, въ числѣ одиннадцати лучшихъ учениковъ Московской Академіи, по требованію президента Академіи Наукъ княгини Е. Р. Дашковой. Несмотря на то, что Ц. былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ Московской Академіи, онъ, по отзыву академиковъ Лепехина, Крафта, Фуса и Гекмана, оказалъ весьма слабыя познанія въ наукахъ. Такъ, напр., они сказали, что о «физикѣ онъ имѣетъ весьма малое понятіе, при томъ безъ всякой связи и порядка»; «математика его простирается до простого дѣленія, но и эти первыя ариѳметическія операціи надобно ему претвердить»; «въ нѣмецкомъ языкѣ ничего не знаетъ»; «въ языкѣ французскомъ мало разумѣетъ и въ чтеніи нетвердъ»; «по-гречески учился, но забылъ», и т. п. Въ 1784 году Цвѣтихинъ былъ еще студентомъ Академіи Наукъ; дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

Цвѣтихинъ началъ заниматься переводами съ латинскаго и греческаго языковъ еще будучи студентомъ Московской Академіи, гдѣ этимъ пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность. Изъ сочиненій его, преимущественно мистическаго содержанія, извѣстны слѣдующія: 1) «Кабинетъ любомудрія, въ которомъ точно изъясняется общее всѣхъ древнихъ языческихъ любомудрцевъ понятіе о Богѣ, о добродѣтели и порокѣ, и о средствахъ прямо ведущихъ человѣка къ истинному благополучію...»; переводъ съ греческаго и латинскаго; книга эта напечатана была два раза въ Москвѣ въ 1782 и 1783 годахъ; 2) «Зерцало истинныя любви, или наставленіе, какъ должно любить и какъ ненавидѣть...», переводъ съ латинскаго, Москва, 1783; 3) «Священная сатира на суету міра, или Екклезіастъ премудраго пророка Соломона», переводъ съ латинскаго; Москва, 1783; 4) «Несчастіе отъ женъ, или приключеніе I.... Гервача, пустой Аравіи жителя, уроженца Европейскаго», переводъ съ французскаго, Москва, 1784.

Смирновъ. Исторія Московской славяно-греко-латинской Академіи, М., 1855, стр. 349—351, 374.—Сухомлиновъ. Исторія Россійской Академіи (въ Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорск. Акад. Наукъ, Спб., 1885, т. 37), вып. VII, с. 388, 389, 390. — Лонгиновъ. Новиковъ и московскіе мартинисты, М., 1867, с. 207 приложеніе, стр. 034, № 41, с. 063, № 15.—Губерти. Матеріалы для русской библіографіи, М. 1881, вып. II, с. 121—123.—Сопиковъ. Опытъ россійской библіографіи, № 4276, т4972, 6842, 10179.—Смирдинъ. Роспись россійскимъ книгамъ, № 1033, 1147, 1281, 9061. — Плавильщиковъ. Роспись россійскимъ книгамъ, № 1940, 4534, 5066.

В. Модзалевскій.

Цвѣтковъ, *Алексѣй Никитичъ*, врачъ, коллежскій совѣтникъ, родился въ 1800 г.; сынъ священника; среднее образованіе получилъ въ семинаріи, медицинское—въ Московскомъ Университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1822 г. со званіемъ

лѣкаря I отдѣленія и былъ оставленъ при университетѣ, а въ 1825 г. получилъ степень доктора медицины; въ томъ же году опредѣленъ сверхъ штата въ московскую городскую больницу; въ 1830—31 гг. командированъ въ Дмитровскій уѣздъ, Московск. губ., и въ Нижегородскую губернію на холерное время; въ 1833 г. зачисленъ въ штатъ московской городской больницы; въ отставку вышелъ около 1852 г., скончался въ 1857 г. Имъ написана диссертація: «De secretione in genere et in specie de exhalatione cultanea.» М. 1825.

Формул. спис. въ архивѣ д-та Герольдіи Пр. Сената—Змѣевъ. Врачи-писатели.

И. Терентьевъ.

Цвѣтковъ, *Владиміръ.* Біографическихъ свѣдѣній о немъ не имѣется. Ему принадлежитъ книга: «Новые употребительнѣйшіе, просто греческіе и россійскіе разговоры, раздѣленные на 120 уроковъ. Издалъ Владиміръ Цвѣтковъ». М. типогр. Рѣпетникова. 1809 г.

Роспись книгъ Смирдина. *Вяч. Водарскій.*

Цвѣтковъ, *Григорій Алексѣевичъ,* и. д. адъюнкта по каѳедрѣ законовъ о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ въ университетѣ св. Владиміра; происходилъ изъ духовнаго званія, родился въ 1807 г., въ Ярославской губерніи. По окончаніи курса наукъ въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ въ 1836 г., Цвѣтковъ былъ оставленъ при немъ съ званіемъ старшаго учителя гимназіи, а затѣмъ опредѣленъ въ университетъ св. Владиміра исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ законовъ о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ, и избранъ секретаремъ юридическаго факультета. Состоя въ университетѣ, Цвѣтковъ въ 1836 году удостоился получить за усердную службу и труды монаршее благоволеніе, а въ 1839 году—утвержденъ старостою университетской церкви. Кромѣ лекцій по своему предмету, Цвѣтковъ въ 1843—46 гг. читалъ еще энциклопедію законовѣдѣнія. Въ началѣ 1840-хъ годовъ онъ выдержалъ устное испытаніе на степень магистра, но, отличаясь чрезвычайной мнительностью, диссертаціи не представилъ, хотя, по свидѣтельству нѣкоторыхъ лицъ, имъ было написано ихъ нѣсколько. Какъ человѣкъ, Цвѣтковъ былъ добрымъ и честнымъ по натурѣ, но уступалъ многимъ профессорамъ университета въ преподавательскихъ способностяхъ. Лекціи его по своему предмету составляютъ цѣлые фоліанты, но мало обработаны и представляютъ большею частью систематическій сводъ статей законовъ. Мнительность Цвѣткова развившаяся въ умопомѣшательство, заставила его въ 1856 году оставить университетъ. Въ томъ же году онъ и скончался.

Біографич. словарь профессоровъ и преподавателей Имп. университета св. Владиміра, Кіевъ, 1884, стр. 721—72. *В. Озеровскій.*

Цвѣтковъ, *Иванъ.* Біографическихъ свѣдѣній о немъ не имѣется. Имъ переведена съ французскаго языка книга: «Наука исторіи, содержащая общую систему предварительныхъ познаній историческихъ и новый методъ обучать и обучаться исторіи. Соч Шантро, Перев. съ франц. Ив. Цвѣтковъ». М. типогр. унив. 1808 г. 4°. Кромѣ того ему принадлежитъ книга: «Разговоры греческаго простаго языка, съ россійскимъ переводомъ. Изд. Иваномъ Цвѣтковымъ». М. 1809 г.

Роспись кн. Плавильщикова и Смирдина. *Вяч. Водарскій.*

Цвѣтковъ, *Михаилъ Никитичъ,* статскій совѣтникъ, переводчикъ съ французскаго, изъ духовнаго званія; род. въ 1771 г. умеръ въ іюнѣ 1813 г. Въ 1779 году Цвѣтковъ былъ записанъ рядовымъ въ Преображенскій полкъ и прошелъ всѣ нижніе чины, получивъ въ 1795 г. чинъ сержанта, но уже въ слѣдующемъ году перешелъ на гражданскую службу. 25 февраля 1797 г. онъ назначенъ инспекторомъ Юнкерскаго Института при Сенатѣ (въ бытность его инспекторомъ изъ института выпущено 68 дворянъ для опредѣленія въ статскую службу). Въ декабрѣ 1801 г. Цвѣтковъ назначенъ оберъ-секретаремъ Сената, а 23 іюня 1803 года помощникомъ метриканта въ Метрикантской экспедиціи при Сенатѣ. (т. е. въ Литовской Метрикѣ). Съ марта 1804 г., онъ сверхъ того состоялъ редакторомъ при Комиссіи составленія законовъ. Въ 1809 г., будучи уже въ чинѣ коллежскаго совѣтника (чинъ этотъ данъ ему въ 1807 г.), Цвѣтковъ получилъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ новое назначеніе: онъ становится редакторомъ

«Сѣверной Почты», а 26 декабря 1811 г. произведенъ въ статскіе совѣтники. Цвѣтковымъ переведены слѣдующія книги: «Грамматика или введеніе къ обученію французскаго языка, сочиненная Иваномъ Вегелинымъ. Перевелъ съ франц. Михайло Цвѣтковъ», Москва, 1793 г., 8°. и «Начальныя основанія нравоученія. Соч. Мабли. Перевелъ съ франц. яз. Михаилъ Цвѣтковъ» 3 части. М. Въ типогр. универс. 1803 г.

Формулярный списокъ изъ архива Правит. Сената.—Опытъ рос. библіогр. Сопикова № 3033.—Роспись книгамъ Смирдина и Плавильщикова.

Вяч. Водарскій.

Цвѣтковъ, *Петръ Михайловичъ*, священникъ, законоучитель и богословъ. Біографическихъ данныхъ о немъ не имѣется. Имъ написаны: 1) «Краткое историческое описаніе святыни Новгородской». Спб. 1850 г.; 2) «О молитвѣ. Нѣкоторые изъ уроковъ, читанныхъ въ воскр. дни предъ литургіей для назиданія дѣтямъ учебн. заведеній». Спб. 1836 г.; 3) «О молитвѣ христіанина. Составлено на основаніи священнаго писанія и ученія св. Отцовъ». 2 ч. Спб. 1852 г. (2 изд.). Изложеніе (во второй книгѣ) не отличается изяществомъ рѣчи, но за то вездѣ ясно и просто, безъ замашекъ на ученость. Вторая книга отличается богатствомъ и полнотой содержанія, систематичностью изложенія и обоснованностью положеній.

Отзывы о книгахъ; Отечеств. Зап. 1839 г. т. V, отд. VII, стр. 177; Тамъ же 1853 г. т. LXXXVII, отд. V, стр. 96.

Вяч. Водарскій.

Цвѣтковъ, *Ѳедоръ Алексѣевичъ*, врачъ, писатель по медицинскимъ вопросамъ, род. въ 1806 г., происходилъ изъ духовнаго сословія, среднее образованіе получилъ во Владимірской духовной семинаріи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1827 г.; въ томъ же году поступилъ въ Московскую Медико-Хирургическую Академію; въ 1830 г., будучи студентомъ, работалъ на холерѣ въ Прѣсненской части; въ 1831 г. окончилъ курсъ въ Академіи со званіемъ лекаря II отдѣленія и въ томъ же году опредѣлился въ больницу 3-го округа пахотныхъ солдатъ гренадерскихъ военныхъ поселеній; въ 1833 г. перешелъ въ Брянскій егерскій полкъ, а въ 1836 г. въ Елецкій пѣхотный полкъ; званіе штабъ-лекаря получилъ въ 1837 г. въ Петербургской Медико-Хирургической Академіи; съ маршевыми баталіонами отправленъ на Кавказъ и тамъ опредѣленъ въ 1840 г. ординаторомъ Темнолѣсскаго военнаго госпиталя; въ 1841 г. назначенъ старшимъ лекаремъ Кизлярскаго военно-временнаго госпиталя; въ 1842 г. назначенъ ординаторомъ Бѣлостокскаго военнаго госпиталя, въ 1843 г.—старшимъ ординаторомъ этого госпиталя, а въ 1846 г. старшимъ ординаторомъ Симферопольскаго военнаго госпиталя; въ 1849 г. — главнымъ лекаремъ этого госпиталя; въ 1854 г. тамъ-же помощникомъ главнаго доктора; въ 1855 г. назначенъ главнымъ докторомъ Прилукскаго военно-временнаго госпиталя, гдѣ и умеръ въ чинѣ коллежскаго совѣтника 10 октября 1855 г. Научно-литературные труды его слѣдующіе: 1) «Тифозная эпидемія въ Бѣлостокѣ и его округѣ въ 1845 и 1846 гг.», «Военно-медицинскій журналъ», 1848 г., ч. 52, I; 2) «Сакскія минеральныя грязи», «Военно-медицинскій журналъ», 1849, ч. 54, II, Цв. и Рутковскаго; 3) «Креозотъ въ перемежающихся лихорадкахъ», «Другъ Здравія», 1853, 29 и «Medicin. Zeitung Russland». 1853 г., 284; 4) «Поваренная соль при перевязкѣ застарѣлыхъ язвъ», «Другъ Здравія», 1854 г., 1; 5) «Новыя противо-лихорадочныя средства»; «Другъ Здравія, 1851 г., 1. 6)« Солнечное затменіе 16 іюля 1851 г. въ Перекопѣ и Симферополѣ», «Др. Здр.», 1851 г., № 47; 7) «Азотнокислое серебро снаружи въ глазныхъ воспаленіяхъ», «Другъ Здравія», 1854 г., № 1.

Послужной Списокъ въ Архивѣ Д-та Герольдіи Пр. Сената.—Змѣевъ. Русскіе врачи-писатели.

Н. Теренинъ.

Цвѣцинскій, *Адамъ Игнатьевичъ* (Адамъ-Титъ), генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, род. въ имѣніи отца своего Мосаржахъ, Витебской губ., 4 января 1826 г., умеръ 30 іюня 1881 г. въ St. Martin Lantosque, близъ Ниццы. Цвѣцинскій происходилъ изъ старинnаго, ополяченнаго бѣлорусскаго рода; предки его уже въ началѣ XVII вѣка владѣли имѣніемъ Цвѣцинъ или по бѣлорусски Тветинъ, въ Полоцкомъ воеводствѣ. Получивъ воспитаніе въ Новгородскомъ гр. Аракчеева кадетскомъ корпусѣ и въ Дворянскомъ полку, Цвѣцинскій выпущенъ былъ въ 1846 г. прапорщикомъ въ л.-гв. Волынскій полкъ и прикомандированъ къ

бывшему Главному Инженерному Училищу для слушанія лекцій въ офицерскихъ классахъ этого училища (нынѣ Николаевская Инженерная Академія), гдѣ и окончилъ курсъ въ 1848 г.; въ концѣ этого года Цвѣцинскій, въ чинѣ подпоручика, былъ назначенъ репетиторомъ математическихъ наукъ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, а въ 1850 г. переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ, но оставался въ должности репетитора до 1854 г. Въ 1856 г. при сформированіи л.-гв. 2-го Стрѣлковаго баталіона Цвѣцинскій переведенъ въ оный и командовалъ имъ въ теченіе 14-ти мѣсяцевъ (1858—1859), а въ январѣ 1860 г. назначенъ командиромъ 5-го стрѣлковаго баталіона, во главѣ котораго участвовалъ, уже въ чинѣ полковника, во многихъ дѣлахъ противъ польскихъ мятежниковъ и награжденъ за отличія орденами св. Анны 2 ст. и св. Владиміра 4 ст.—съ мечами. Въ 1864 г. Цвѣцинскій назначенъ былъ командиромъ 20-го пѣхотнаго Галицкаго полка, а въ 1871 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ командиромъ 4-й стрѣлковой бригады, которую поставилъ на блестящую высоту и которая пріобрѣла громкую извѣстность въ войну 1877—1878, покрыла себя славою и получила названіе «желѣзной бригады». 15 іюня 1877 г. Цвѣцинскій съ бригадою, находясь въ авангардѣ, переправился черезъ Дунай у Зимницы, участвовалъ въ бою у Систова, а съ 20 іюня находился въ отрядѣ генералъ-адъютанта Гурко, съ которымъ совершилъ первый забалканскій походъ, гдѣ въ теченіе 18 дней участвовалъ въ семи сраженіяхъ (Ханкіой, Конари, Уфлани, Казанлы, занятіе Шипкинскаго перевала, Ени-Загра и Джуранлы); въ особенности отличился Цвѣцинскій въ сраженіи подъ Уфлани, за которое получилъ орденъ св. Георгія 4 ст. Засимъ А. И. Цвѣцинскій въ отрядѣ Ѳ. Ѳ. Радецкаго участвовалъ въ защитѣ Шипкинскаго перевала, въ критическую для Шипкинскаго гарнизона минуту подоспѣлъ ему на помощь и въ значительной мѣрѣ способствовалъ сохраненію за нами этого важнаго стратегическаго пункта, сражаясь на которомъ въ теченіи 3-хъ дней (съ 11 по 14 августа) 4-я бригада понесла значительныя потери, а самъ Цвѣцинскій лично непрестанно оставался подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ; за оборону Шипки онъ, 10 сентября 1877 г., получилъ чинъ генералъ-лейтенанта, а 14 декабря назначенъ начальникомъ 2-й гренадерской дивизіи, съ которою совершилъ зимній переходъ черезъ Балканы и дошелъ съ нею до Галлиполи. Весною 1878 г. Цвѣцинскій вынужденъ былъ, по болѣзни, оставить дѣйствующую армію, а 17 іюня того же года назначенъ начальникомъ 36-й пѣхотной дивизіи, но командовалъ ею лишь 10 мѣсяцевъ, такъ какъ былъ назначенъ начальникомъ 1-й гренадерской дивизіи. 20 ноября 1879 Адамъ Игнатьевичъ назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ, а 14 декабря получилъ орденъ Бѣлаго Орла. Въ 1878—1881 гг. Цвѣцинскій участвовалъ въ комиссіяхъ по пересмотру и составленію правилъ объ обученіи стрѣльбѣ и гимнастикѣ. 24 февраля 1881 г. Цвѣцинскій, вслѣдствіе постигшей его тяжкой болѣзни былъ отчисленъ отъ должности начальника дивизіи и уѣхалъ въ Ниццу, гдѣ черезъ 4 мѣсяца и скончался. Генералъ Цвѣцинскій былъ въ свое время однимъ изъ лучшихъ знатоковъ стрѣлковаго дѣла.

Формулярный списокъ о службѣ А. И. Цвѣцинскаго.—Дѣло о дворянствѣ рода Цвѣцинскихъ въ архивѣ д-та Герольдіи Прав. Сената.—Русскій Инвалидъ 1881 г. № 151. (Некрологъ) и № 282 («Воспоминаніе о генералъ-адъютантѣ Цвѣцинскомъ).—Русская Старина 1879 г., т. 24, с. 215; т. 26, с. 77—83; 1884, с. 542. *Лемюръ.*

Цебриковъ, *Александръ Романовичъ*, вице-адмиралъ, умеръ 74-хъ лѣтъ, 5-го, а по другимъ источникамъ 31 іюля 1876 г., сынъ Романа Максимовича Цебрикова (см. далѣе), поступилъ въ Морской корпусъ кадетомъ въ 1811 г.; въ 1815 г. произведенъ въ гардемарины, а въ 1818 г. въ мичмана и служилъ въ Балтійскомъ флотѣ; 7 мая 1819 г. переведенъ въ гвардейскій экипажъ. Въ 1828 г. съ гвардейскимъ экипажемъ выступилъ изъ Петербурга въ Тульчинъ, откуда прибылъ въ дѣйствующую армію, подъ Варну, и, поступивъ на корабль «Пантелеймонъ», былъ при блокадѣ этой крѣпости; въ 1829 г. на кораблѣ «Парижъ» крейсеровалъ у Босфора, участвовалъ при занятіи Месемвріи и Нады и при блокадѣ Мидіи, а въ 1830 г. возвратился берегомъ изъ Севастополя въ Петербургъ. Въ 1834 году Цебриковъ произведенъ въ капитанъ-лей-

тенанты, съ переводомъ въ 27-й флотскій экипажъ. Въ 1845 году, въ чинѣ капитана 2-го ранга, за выслугу 25-ти лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ Цебриковъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-го класса; 1-го января 1846 г. произведенъ за отличіе въ капитаны 1 ранга, а 1 іюня 1853 г. произведенъ въ контръ-адмиралы, съ назначеніемъ командиромъ 3-й бригады 4-й флотской дивизіи. Въ 1854 г. онъ былъ назначенъ командиромъ 3-й блигады 5-й флотск. дивизіи, имѣлъ свой флагъ на кораблѣ «Селафаилъ» на Севастопольскомъ рейдѣ, а потомъ имѣя свой флагъ на канонерской лодкѣ № 17, командовалъ дунайской гребной флотиліей въ устьѣ р. Дуная. Въ 1855 году, имѣя свой флагъ на шхунѣ «Рымникъ», Цебриковъ охранялъ входъ въ Измаилъ и фарватеръ вверхъ по Дунаю. Съ 1856 по 1859 г. онъ служилъ въ Черноморскомъ флотѣ, исправляя должности: начальника морскаго госпиталя въ Николаевѣ и члена Общаго Присутствія Черноморскаго Интенданства, а 7 марта 1860 г. произведенъ въ вице-адмиралы съ увольненіемъ отъ службы.

Общій Морской списокъ, ч. VIII, с. 415—417.—Кротковъ. Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ. Спб. 1894, с. 57.

Князь М. Путятинъ.

Цебриковъ, *Егоръ Ивановичъ*, вице-адмиралъ. Въ 1811 г. поступилъ въ морской корпусъ кадетомъ; въ 1815 г. произведенъ въ гардемарины, въ 1818 г.—въ мичмана и служилъ въ Балтійскомъ флотѣ. Въ 1827 году, въ чинѣ лейтенанта, состоя въ эскадрѣ контръ-адмирала графа Гейдена, онъ участвовалъ въ Наваринскомъ сраженіи, за что былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. съ бантомъ. Въ 1828—1830 гг. Цебриковъ плавалъ въ Средиземномъ морѣ, крейсеровалъ въ Архипелагѣ, былъ при блокадѣ Дарданеллъ и возвратился въ Кронштадтъ; въ 1831—1833 гг. на транспортѣ «Америка», подъ командою капитанъ-лейтенанта Хромченко, совершилъ кругосвѣтное плаваніе въ Камчатку; 1834 г., апрѣля 22, произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и за вояжъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степени. Съ 1834 г. онъ служилъ въ Балтійскомъ флотѣ и въ 1835 г. за 18 морскихъ компаній (и бытность въ сраженіяхъ) получилъ орденъ св. Георгія 4 класса. Въ 1842 г. Цебриковъ произведенъ въ капитаны 2-го, въ 1846 г. въ капитаны 1 ранга, а 20 января 1854 г. въ контръ-адмиралы, съ назначеніемъ завѣдывающимъ всѣми запасными ротами балтійскаго флота; имѣя свой флагъ на пароходѣ «Геркулесъ», онъ командовалъ гребной флотиліей на Кронштадтскомъ рейдѣ; 16 іюня назначенъ капитаномъ надъ Рижскимъ портомъ, а 28 декабря 1859 г. произведенъ въ вице-адмиралы съ увольненіемъ отъ службы.

Общій Морской списокъ, ч. VIII, с. 417—419.

Князь М. Путятинъ.

Цебриковъ, *Константинъ Романовичъ*, генералъ-лейтенантъ, умеръ 20 февраля 1879 г. сынъ дѣйств. стат. сов. Романа Максимовича Цебрикова (см. далѣе), въ 1810 г. поступилъ въ Морской корпусъ кадетомъ, въ 1819 г. произведенъ въ мичмана, въ 1824 г. въ лейтенанты. Въ 1831 г. онъ былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба главнаго командира Кронштадскаго порта; въ 1834 г. произведенъ, за отличіе, въ капитанъ-лейтенанты; 5 марта 1841 г. назначенъ помощникомъ капитана надъ Кронштадтскимъ портомъ; въ 1843 году произведенъ, за отличіе, въ капитаны 2 ранга; въ 1844 г. за выслугу 25 лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ и бытность въ сраженіяхъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 класса. Въ 1846 г. онъ произведенъ въ капитаны 1 ранга, въ 1855 г.,—въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ присутствовать въ конторѣ надъ кронштадскимъ портомъ, 14 декабря того же года назначенъ состоять по Морскому Министерству, а 28 марта 1860 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ увольненіемъ отъ службы.

Общій Морской Списокъ, ч. VIII, с. 419—420.

Князь М. Путятинъ.

Цебриковъ, *Николай Романовичъ*, декабристъ, братъ предыдущаго и сынъ слѣдующаго. г. Цебриковъ служилъ въ л.-гв. Финляндскомъ полку сначала портупей-юнкеромъ; затѣмъ, 2 іюля 1818 г. онъ былъ произведенъ въ прапорщики, а въ 1825 г. былъ уже поручикомъ и принадлежалъ къ тайному Сѣверному Обществу. Причастнымъ къ дѣлу 14-го декабря Цебриковъ сталъ, какъ разсказываетъ Н. И. Гречъ, совершенно случайно. Онъ стоялъ съ батальономъ своего полка за городомъ,

й, ничего не зная, пріѣхалъ въ этотъ день въ Петербургъ, чтобы погулять и повеселиться на праздникахъ. Проѣзжая мимо Конногвардейскаго манежа и видя толпу народа, онъ выскочилъ изъ саней и спросилъ, что случилось. Вдругъ видитъ, что бѣжитъ мимо манежа на Сенатскую площадь гвардейскій экипажъ; впереди офицеры съ обнаженными саблями. Цебриковъ зналъ многихъ изъ нихъ, такъ какъ его родной братъ служилъ въ этомъ экипажѣ. Онъ закричалъ имъ: «Куда васъ чертъ несетъ, карбонаріи?» Это было подслушано какимъ-то квартальнымъ и донесено, что Ц. кричалъ: «Въ каре противъ кавалеріи». Обвиненіе было такъ ложно и такъ нелѣпо, что Цебриковъ оправдывался въ немъ передъ Слѣдственной Коммиссіей съ негодованіемъ. Было даже обвиненіе въ томъ, что онъ бралъ знамя и присоединился къ своему полку, котораго на Сенатской площади не было. Оправданіе это, однако, было сочтено за упрямство и дерзость; онъ былъ причисленъ къ XI-му разряду (самому легкому) и приговоренъ 10-го іюля 1826 года Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ къ разжалованію въ солдаты съ выслугою. Однако, 11-го іюля, когда послѣдовало остальнымъ декабристамъ смягченіе наказанія, оно для Цебрикова по внушенію Дибича, было уснлено, и его, «по важности вреднаго примѣра, поданнаго имъ присутствіемъ его въ толпѣ бунтовщиковъ въ виду его полка, какъ недостойнаго благороднаго имени, велѣно было разжаловать въ солдаты безъ выслуги и съ лишеніемъ дворянства». Отсидѣвъ, до приговора, въ Петропавловской крѣпости, онъ былъ отправленъ 10-го августа въ Усть-Каменогорскую крѣпость откуда вскорѣ былъ переведенъ въ Оренбургскій гарнизонъ. Здѣсь онъ попалъ подъ начальство грубому маіору, который смотрѣлъ на него, какъ на простого солдата, заставляя исполнять порученія, наравнѣ съ прочими рядовыми. Одинъ разъ Цебриковъ чуть не былъ высѣченъ маіоромъ. Изъ Оренбурга Цебриковъ вскорѣ былъ переведенъ, по просьбѣ родныхъ, на Кавказъ, куда онъ попалъ въ самый разгаръ Турецкой кампаніи и участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ. Новое начальство сумѣло найти въ немъ добрую, честную душу и блистательную храбрость, наградивъ его, при взятіи Ахалцыха, орденомъ св. Георгія. Въ 1836 г. онъ былъ еще рядовымъ Кабардинскаго егерскаго полка, а въ 1838 уже произведенъ въ прапорщики. Въ этомъ же году онъ получилъ прощеніе и отставку, и возвратился въ Петербургъ доживать свой вѣкъ. По отзывамъ друзей и лицъ, близко знавшихъ его, Цебриковъ былъ человѣкъ оригинальный, правдивый, честнѣйшій, пылкій до сумасбродства. Онъ очень легко поддавался мистификаціи, чѣмъ давалъ поводъ къ шуткамъ надъ нимъ его друзей. Умеръ Цебриковъ въ Петербургѣ, въ 1866 году.

А. П. Бѣляевъ. Воспоминанія о пережитомъ и перечувствованномъ съ 1803 г., въ Русск. Стар. 1881 г., мартъ, с. 502, 504; окт. с. 252—3.—А. Е. Розенъ. Декабристы на Кавказѣ въ 1826—50 г.г., въ Рус. Стар. 1884 г., февр., с. 303.—И. ф.-д.-Ховенъ. Мое знакомство съ декабристами и другими замѣчательными личностями, служившими рядовыми въ Кавказскихъ войскахъ въ 1835—36 г.г., въ Древн. и Нов. Рос., 1877, № 2, с. 222. — Записки Н. И. Греча, Спб. 1886, с. 427, 428.—(А. Е. Розенъ). Записки декабриста, Лейпцигъ, 1870, с. 59, 153, 162, 374, 385, 421.—Н. И. Лореръ. Записки, въ Рус. Арх. 1874 г., сент., с. 658—660. А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ. Декабристы въ Западной Сибири, М., 1895, с. 5.—Записки Н. В. Басаргина, въ Девятнадцатомъ вѣкѣ, 1872 г., кн. I, с. 109.—Исторія л.-гв. Финляндскаго полка, Спб., 1881, отдѣлы II и III (1831—1881), с. 72.

В. Гарскій.

Цебриковъ, *Романъ Максимовичъ,* переводчикъ, членъ Россійской Академіи; род. 1 октября 1763 года въ Харьковѣ, гдѣ и воспитывался, а затѣмъ, около 1778 года, пріѣхалъ въ Петербургъ для окончанія образованія. Изъ Петербурга Цебриковъ отправился на свой счетъ въ Германію вмѣстѣ съ посланными туда изъ Россіи молодыми людьми, и въ 1784 году находился въ Лейпцигѣ и Нюренбергѣ. Здѣсь онъ, не получая никакого пособія и доставая себѣ необходимыя средства преподаваніемъ русскаго языка нѣмцамъ, пріобрѣлъ хорошія познанія въ иностранныхъ языкахъ. Въ 1785 году онъ возвратился изъ за границы, былъ опредѣленъ переводчикомъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ и въ 1788 году назначенъ состоять при походной канцеляріи кн. Потемкина. Весь 1788 годъ и начало 1789 года онъ пробылъ подъ Очаковомъ, ведя дневникъ, въ который заносилъ изо дня въ день все, что видѣлъ, слышалъ, испытывалъ и переживалъ, начиная съ 8-го мая 1788 г. (въ Елисаветградѣ) и оканчивая 2-мъ

февраля 1789 года (въ Кременчугѣ). Въ этомъ дневникѣ, напечатанномъ подъ заглавіемъ «Вокругъ Очакова» въ «Русск. Старинѣ» 1895 г., № 9, стр. 147—212 (отдѣльный оттискъ Спб. 1895), находится много интересныхъ подробностей, касающихся Очаковской осады, но такъ же много ненужныхъ мелочей; такъ, напр., онъ находитъ нужнымъ записать, что Потемкинъ, «ходя ввечеру по своей палаткѣ, ногти обгрызалъ» и т. п. Служба Цебрикова въ походной канцеляріи Потемкина подъ Очаковомъ состояла въ переводѣ на иностранные языки извѣстій о нашихъ побѣдахъ, для сообщенія ихъ русскимъ министрамъ, находившимся при иностранныхъ дворахъ. Въ 1809 г., будучи статскимъ совѣтникомъ, Цебриковъ служилъ помощникомъ начальника III-го отдѣленія («Коммерческаго Уложенія») Коммиссіи составленія законовъ, образованной въ этомъ же году; въ 1814 г. онъ имѣлъ уже чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и состоялъ въ секретной экспедиціи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а въ 1816 г.—въ таковой же—въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Цебриковъ пользовался въ началѣ нынѣшняго столѣтія извѣстностью опытнаго литератора, и 13-го ноября 1809 г. былъ избранъ въ члены Россійской Академіи, при чемъ получилъ пятью голосами болѣе, чѣмъ забаллотированный въ томъ же засѣданіи И. А. Крыловъ. Умеръ Цебриковъ скоропостижно 3-го февраля 1817 года, въ Петербургѣ, и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Изъ переводовъ его извѣстны: 1) «Миръ Европы не можетъ иначе возстановиться, какъ только по продолжительномъ перемиріи, или проектъ всеобщаго замиренія, сопряженнаго купно съ отложеніемъ оружій на двадцать лѣтъ между всѣми политическими державами». Спб. 1789, (переводъ съ французскаго, сдѣланный въ 1788 году подъ Очаковомъ; книга посвящена Цебриковымъ гр. А. А. Безбородкѣ, за благодѣянія, оказанныя имъ его брату и ему самому); 2) «Письма къ двумъ молодымъ женщинамъ о важныхъ предметахъ»; перев. съ нѣм., Спб. 1795; 3) «Виліома практическая логика, или дѣятельное умословіе, руководствующее легчайшимъ способомъ къ познанію истины и здравому сужденію о разныхъ предметахъ»; перев. съ нѣм.; Спб., 1802; 4) «Имманула Канта наблюденія объ ощущеніи прекраснаго и возвышеннаго, въ разсужденіи природы и человѣка вообще и характеровъ народныхъ особенно, служащія къ объясненію нѣкоторыхъ мѣстъ Виліомовой практической логики»; перев. съ нѣм.; Спб. 1804; 5) «Олофа Далина Исторія Шведскаго государства»; перев. съ нѣм.; 8 частей, Спб., 1805—1807 (посвящено Александру I, печатано по Высоч. повелѣнію); 6) «Собраніе превосходныхъ сочиненій, до законодательства и управленія Государственнаго Хозяйства, особливо же финансовъ и Коммерціи касающихся. Ч. I, содержащая въ себѣ: 1) разсужденіе о народосообразимости и извѣщаемости, касательно управленія финансами, 2) разсужденіе о податяхъ и взиманіи оныхъ, 3) разсужденіе о средствахъ, служащихъ къ доставленію Государству денегъ въ чрезвычайныхъ нуждахъ, а особливо въ военное время»; переводъ съ нѣм., изданіе ст. сов. Ф. Г. Вирста, Спб., 1808 (печатано по Высоч. повелѣнію); 7) «Уголовное право, сочиненіе доктора Павла Анзельма Фейербаха»; перев. съ нѣм., сдѣланный вмѣстѣ съ Лодіемъ и Петромъ Полонскимъ; 3 части; Спб., 1810—27; 8) «Философически-юридическое изслѣдованіе государственной измѣны и преступленія противъ Величества, съ краткимъ начертаніемъ исторіи законодательства о семъ преступленіи, сочиненное Д. П. И. А. Фейербахомъ»; перев. съ нѣм., Спб., 1812; 9) «Новѣйшій самоучительный Нѣмецко-Россійскій словарь, въ которомъ помѣщены слова нѣмецкія или совсѣмъ, или отчасти сходствующія съ Русскими, съ присовокупленіемъ разныхъ реченій Нѣмецкому языку свойственныхъ, въ пользу желающихъ изучиться легчайшимъ способомъ Нѣмецкому языку»; 2 части, Спб., 1812—1813; 10) «Избранныя слова Массильона, епископа Клермонскаго, служащія дополненіемъ изданныхъ въ 1808 году»; перев. съ фран.; 3 части, С.-Пб., 1814.

Русск. Стар. 1895, № 9, с. 147—212. — М. И. Сухомлиновъ, Исторія Россск. Академіи, въ Сборн. отдѣленія русск. яз. и словесности Импер. Акад. Наукъ, томъ XXXVII, № 1, вып. VII, Спб., 1885, с. 68.—Н. Григоровичъ, Канцлеръ кн. А. А. Безбородко (въ Сборн. Историч. Общ., т. 29), т. II (1788—1799), Спб. 1881, с. 477, прим. 184.—Матеріалы Д. А. Шлуна въ Русск. Историч. Обще-

ствъ (рукопись), т. 8, Z, стр. 266. — Полное Собраніе Законовъ Росск. Имперіи, т. XXX, с. 862.— Мѣсяцесловъ: 1809, ч. I., с. 235; 1814, ч. I, с. 190; 1816, ч. I, с. 240.—Экземпляры сочиненія Ц. въ Импер. Публ. Библіотекѣ. — Сопиковъ, Опытъ Россійск. библіографіи, №№ 2495, 2941, 5037, 6232, 8146, (8869), 10118, 11018. — Смирдинъ, Роспись русск. книгамъ, №№ 610, 1066, 2154, 2237, 2353, 3199, 5994.—Плавильщиковъ. Роспись русск. книгамъ, №№ 1403, 1641, 1782, 1966, 2083, 2395, 2466, 2848, 3723.—Кн. Юсуповъ, Систематическій каталогъ книгъ на русскомъ языкѣ Импер. Публ. Библіотеки. Спб., 1863, № 3348.

В. Гарскій.

Цёге-фонъ-Мантейфель, *Карлъ-Магнусъ*, р. 27 іюля 1789 г., окончилъ курсъ Дерптскаго университета по философскому факультету въ 1810 г.; занимался сельскимъ хозяйствомъ въ своихъ имѣніяхъ въ Эстляндской губерніи. Онъ написалъ, на предложенную Академіею Наукъ тему, книгу: «Ueber das Sinken der Preise der Landbaueszeugnisse in Russland», напечатанную въ Спб. въ 1829 г., и получилъ за нее отъ Академіи премію. Умеръ Ц. въ 1844 г.

H. Zöge v. Manteuffel. Geschichte der Familie Zöge v. Manteuffel, Estländischer Linie. Reval. 1894. *Леморъ.*

Цёге-фонъ-Мантейфель, *Николай Максимовичъ*, генералъ-лейтенантъ, командиръ 16-го армейскаго корпуса, сынъ предыдущаго; родился 17 октября 1827 г. въ родовомъ имѣніи «Ней-Хармъ», въ Эстляндской губ. Получивъ первоначальное домашнее образованіе, Цёге поступилъ въ 1842 г. въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (нынѣ Николаевское кавалерійское училище); въ 1846 г. изъ унтеръ-офицеровъ этой школы онъ вступилъ въ службу прапорщикомъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ, при чемъ на первыхъ же порахъ принялъ участіе въ походѣ гвардіи къ западнымъ предѣламъ Имперіи въ 1849 г., во время венгерской войны. Въ 1850 г. Цёге переведенъ былъ въ Либавскій пѣхотный полкъ въ чинѣ капитана, а въ 1854 г. произведенъ въ маіоры и переведенъ въ 5-й Калужскій пѣхотный полкъ. Командуя баталіономъ этого полка, онъ принималъ участіе въ охранѣ береговъ Курляндіи противъ соединенныхъ флотовъ и войскъ Англіи и Франціи въ войнѣ 1853—1856 г.г. Во время усмиренія возстанія въ царствѣ Польскомъ въ 1863 г. онъ находился съ полкомъ въ составѣ войскъ Виленскаго военнаго округа и принималъ дѣятельное участіе въ пораженіи шайки Нарбута, 8-го апрѣля, у озера Думля, а 22 апрѣля отрядомъ русскихъ войскъ, подъ его личнымъ начальствомъ, была разбита шайка Линкевича въ Гродненской губ. За послѣднее дѣло Цёге былъ произведенъ въ полковники и назначенъ начальникомъ города Бѣлостока съ его уѣздомъ. За исполненіе этой должности въ 1863 г. Высочайше повелѣно было присвоить ему званіе почетнаго гражданина этого города. Въ 1864 г. онъ былъ переведенъ въ 9-й Ингерманландскій князя Меншикова полкъ, а въ 1865 г.—въ Великолуцкій полкъ съ назначеніемъ въ распоряженіе Туркестанскаго военнаго губернатора. Сейчасъ же по прибытіи Цёге въ Туркестанъ, онъ былъ назначенъ начальникомъ праваго фланга. Въ 1866 году онъ принималъ участіе въ походѣ противъ бухарцевъ. Командуя всей пѣхотой въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, Цёге отличился при взятіи крѣпости Ура-Тюбе, 2-го октября, а также 18 октября при штурмѣ г. Джизака. За отличія оказанныя въ дѣлахъ противъ бухарцевъ Цёге произведенъ былъ въ 1866 г. въ генералъ-маіоры; въ томъ же году онъ временно исполнялъ должность военнаго губернатора Туркестанской области. Въ 1868 г. Цёге былъ назначенъ помощникомъ начальника 2-й гренадерской дивизіи, а въ 1873 г. получилъ въ командованіе 1-ю бригаду той же дивизіи. Въ августѣ 1877 г. онъ вмѣстѣ съ бригадой выступилъ на мѣсто военныхъ дѣйствій противъ турокъ и въ октябрѣ перешелъ во главѣ своей бригады черезъ Дунай у Зимницы. 2-го ноября онъ прибылъ на позицію обложенія Плевны, на лѣвомъ берегу р. Вида, въ д. Дальній Дубнякъ и вступилъ въ составъ западнаго отряда, подъ начальство румынскаго князя Карла. Тотчасъ по прибытіи туда онъ былъ назначенъ начальникомъ передовой линіи войскъ на позиціи 6-го участка обложенія, которыя должны были защищать дорогу изъ Плевны къ Виду. 28 ноября, подъ командой генерала Ганецкаго, Цёге принималъ видное участіе въ сраженіи, рѣшившемъ участь турецкой арміи, войскамъ гренадерскаго корпуса выпала при этомъ трудная и вмѣстѣ съ тѣмъ завидная доля взятія въ плѣнъ арміи Османа-паши; о стойкость гренадеръ разбилась послѣдняя отчаян-

ная попытка турокъ прорваться сквозь линію обложенія. 25 декабря Цёге съ ввѣренной ему бригадой выступилъ въ Забалканскій походъ черезъ г.г. Ловчу, Сельви и Грабово. За отличіе въ сраженіи подъ Плевной онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ назначеніемъ въ распоряженіе главнокомандующаго дѣйствующей арміей, а затѣмъ назначенъ начальникомъ 2-й гренадерской дивизіи. За переходъ черезъ Балканы Цёге награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й ст. съ мечами. Въ 1886 г. онъ былъ назначенъ командиромъ 2-го кавказскаго армейскаго корпуса, въ томъ же году получилъ орденъ св. Александра Невскаго и назначенъ командиромъ 16-го армейскаго корпуса. Цёге умеръ 14 іюля 1889 г. на своей дачѣ Подбережье, близъ Витебска, и похороненъ въ Москвѣ.

Русскій Инвалидъ, 1889 г., № 166. — Hermann Zöge von Manteuffel: «Geschichte der Familie Zöge von Manteuffel, Ehstländischer Linie». Reval. 1894 г., S. 101—102. — Витебскія губернскія вѣдомости, 1889 г., № 53.—«Русскій календарь» на 1890 г., стр. 253.—St.-Petersburger Zeitung, 1889 г., № 207.—Revaler Beobachter, 1889, № 129.—Иллюстрированная хроника войны 1877—78 г.г., приложеніе къ журналу «Всемірная Иллюстрація» за 1877—78 г, № 104, с. 427 и 429.

А. Трика.

Цеддельманъ, *Александръ Юрьевичъ,* генералъ-маіоръ, род. въ 1723 г., умеръ 5 октября 1793 г.; происходилъ изъ стариннаго Эстляндскаго дворянскаго рода; вступилъ въ военную службу въ 1744 г.; въ 1773 г. былъ подполковникомъ Новгородскаго пѣхотнаго полка, 22 сентября 1778 г. произведенъ въ бригадиры и назначенъ вице-губернаторомъ въ Иркутскъ; состоя въ этой должности, произведенъ въ генералъ-маіоры 24 ноября 1780 г., а въ 1787 г. вышелъ въ отставку и поселился въ пожалованномъ ему въ аренду имѣніи Флеммингсгофъ, въ Эстляндской губ.

Оффиціальная родословная рода фонъ-Цеддельманъ въ архивѣ Эстляндскаго дворянства.—Списки по Воинскому Департаменту 1779 г., с. 38; 1780 г., с. 39; 1782 г., с. 41; 1783 г., с. 41.—Siebmacher's Grosses und Allgemeines Wappenbuch, Bd. III, Abth. XI. M. Gritzner. Der Adel der russ. Ostsee-Provinzen, Nürnberg, 1898, S. 486—487.

В. Лемюръ.

Цеддельманъ, *Иванъ Александровичъ,* генералъ-лейтенантъ, двоюродный братъ предыдущаго, род. въ 1739, умеръ въ 1799 или въ 1800 г. Цеддельманъ вступилъ въ службу въ 1747 г.; произведенъ въ подполковники 4 октября 1775 г., служилъ въ Каргопольскомъ пѣхотномъ и въ Черниговскомъ легкоконномъ полкахъ; 26 ноября 1780 г. получилъ орд. св. Георгія 4 ст., а 12 февраля 1786 г., въ чинѣ полковника, назначенъ комендантомъ въ Царицынъ; въ 1797 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, въ 1798 г.—въ генералъ-лейтенанты, а 8 января 1799 г. отставленъ отъ службы.

Оффиціальная родословная рода фонъ-Цеддельманъ въ архивѣ Эстляндскаго дворянства.—Воинскіе Списки 1779 г., с. 76; 1780 г., с. 80; 1782 г., с. 89; 1783 г., с. 92, 241; 1788 г., с. 177, 1789 г., с. 235; 1790 г., с. 235; 1792 г., с. 307; 1793 г., с. 334; 1794 г., с. 353; 1795 г., с. 383.—Siebmacher's Gross. u. Allgemein. Wappenbuch, Bd. III, Abth. XI, S. 486—487.

В. Лемюръ.

Цедергельмъ (*Cederhielm*), *Іоганнъ,* извѣстный энтомологъ, родился въ Россіи. Окончивъ въ 1794 году образованіе въ университетѣ за границей, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и сталъ заниматься спеціальнымъ изслѣдованіемъ фауны Петербургской губерніи (Ингерманландіи), но эту работу не успѣлъ довести до конца; онъ издалъ только описаніе насѣкомыхъ, съ короткимъ, совершенно голымъ спискомъ позвоночныхъ животныхъ Петербургской губерніи. («Faunae Ingricae prodromus» Лейпцигъ. 1798.).

Березинъ. Энц. Слов. — Толль. Справочн. Словарь.

В. Черновъ.

Цейгеръ, профессоръ механики Императорской Академіи Наукъ, писатель. Извѣстно его сочиненіе: «Разсужденіе о машинахъ», помѣщенное въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ и извѣстіяхъ» Академіи Наукъ за 1764 годъ.

«Сборникъ матеріаловъ для исторіи Спб. Имп. Академіи Наукъ въ XVIII вѣкѣ». Спб. 1865 г. 2 т.

Б. Мефферть.

Цейдлеръ, *Августа Андреевна* (родомъ изъ дворянской фамиліи Рыхлевскихъ), талантливая дѣтская писательница, писавшая подъ псевдонимомъ «А. Пчельникова». Род. въ Вяткѣ 2 марта 1830 г., умерла въ 1891 году; образованіе полу-

чила дома, въ Петербургѣ, куда въ томъ же году переѣхали ея родители. Въ 1849 г. Августа Андреевна вышла замужъ за педагога Н. М. Цейдлера (см. далѣе.) Первое литературное произведеніе ея «Ваня и Катя», предназначенное для маленькихъ дѣтей, вышло отдѣльной книжкой въ 1856 г. и въ короткое время выдержало нѣсколько изданій. Затѣмъ ею написаны: «Бесѣды съ дѣтьми о ремеслахъ, произведеніяхъ природы» (вышли въ 7 тетрадяхъ въ 1858—1860 гг.); «Все въ картинахъ —наглядная энциклопедія для дѣтей, передѣл. по Лаукарту, съ нѣм.» (3 тома, 1862—1864 гг.); «Первая книжка для маленькихъ дѣтей»; «Дружокъ, шалунья, хвастунишка и загадка» (1865 г.); «Путешествіе для открытій, предпринятое Настей и Колей»; «Дачная жизнь дѣвицы Насти». Съ 1863 до 1868 г. Цейдлеръ редактировала журналъ (для дѣтей 6—10 лѣтъ): «Забавы и разсказы», составившій цѣлый сборникъ статей, большая часть которыхъ написана самой редакторшей. Въ 70-хъ годахъ она сотрудничала въ «Задушевномъ Словѣ» и «Семейныхъ вечерахъ». Все, написанное Цейдлеръ, обнаруживая въ авторѣ знаніе дѣтскаго міра и умѣніе говорить съ дѣтьми простымъ, понятнымъ для нихъ языкомъ, согрѣто любовью къ своимъ маленькимъ читателямъ, и въ свое время имѣло успѣхъ. Авторъ удачно преслѣдуетъ цѣль—дать дѣтямъ занимательный матеріалъ для чтенія и сообщить имъ кое-какія свѣдѣнія изъ дѣтской жизни и окружающей природы. Разсказы ея, умно задуманные, написаны живо, интересны, лишены сухой морали и только мѣстами растянуты и кое-гдѣ скучны.

Историч. Вѣстн. 1891 г., іюль (некрологъ). — Библіогр. указат. матер. по ист. русск. школы, № 3 (Педагог. Сборникъ, октябрь 1899 г.).

Вяч. Водарскій.

Цейдлеръ, *Иванъ Богдановичъ*, бывшій съ 1821 по 1835 г. иркутскимъ гражданскимъ губернаторомъ, род. въ Спб. въ 1777, умеръ тамъ-же 10 марта 1853 г. Онъ происходилъ изъ древней нѣмецкой дворянской фамиліи, переселившейся въ Россію изъ Германіи во время Семилѣтней войны. Въ 1790 г. онъ началъ службу въ лейбъ-гвардіи конномъ полку и въ 1796 г. произведенъ въ корнеты. Вся военная его служба до 1815 г. прошла почти въ безпрерывныхъ походахъ: въ 1797 г. мы видимъ его сражающимся въ предѣлахъ Римской имперіи; съ 1806 по 1811 — въ Турціи. Въ этомъ послѣднемъ походѣ, при взятіи крѣпости Измаила, Цейдлеръ состоялъ дежурнымъ офицеромъ при корпусѣ генерала Засса и ему выпала честь донести о паденіи крѣпости сначала главнокомандующему князю Багратіону, а отъ него—и самому Государю. Въ 1811 году онъ командовалъ передовыми отрядами на Дунаѣ; въ 1812 г. — исправлялъ должность директора госпиталей въ Молдавской арміи, во время слѣдованія ея на соединеніе съ арміею генерала Тормасова; затѣмъ состоялъ начальникомъ конвоя главной квартиры въ арміи адмирала Чичагова. Въ 1813 и 1814 гг. Цейдлеръ, уже командуя полкомъ, снова былъ въ походахъ за-границею; только въ 1815 году съ возвращеніемъ арміи въ предѣлы Россіи закончилась для него бурная походная жизнь. Храбрый воинъ, Иванъ Богдановичъ за свои боевые подвиги не разъ былъ отличаемъ то повышеніемъ въ чинахъ, то орденомъ, то шпагою «за храбрость». Въ 1819 г. Цейдлеръ былъ назначенъ комендантомъ города Иркутска, а въ слѣдующемъ году произведенъ былъ въ генералъ-маіоры и за отличное устройство Военно-Сиротскаго отдѣленія награжденъ брилліантовымъ перстнемъ. Наконецъ въ 1821 г., по особому ходатайству М. М. Сперанскаго, онъ былъ назначенъ гражданскимъ губернаторомъ города Иркутска, съ переименованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Назначеніе Цейдлера комендантомъ и пріѣздъ его въ Иркутскъ совпали съ весьма важнымъ моментомъ исторической жизни Сибири, вообще, и въ частности, — Иркутска: паденіемъ извѣстныхъ Пестеля и Трескина, и назначеніемъ сибирскимъ генералъ-губернаторомъ Сперанскаго. Трескина, впрочемъ, Цейдлеръ засталъ еще въ Иркутскѣ въ полномъ блескѣ величія, котораго всесильный любимецъ Пестеля не терялъ до самого послѣдняго момента. Въ противоположность Трескину, сторонившемуся общества и окружившему свою особу настоящимъ китайскимъ этикетомъ, Цейдлеръ быстро завоевалъ симпатіи иркутянъ своимъ гуманнымъ обращеніемъ, добродушіемъ, гостепріимствомъ и широкимъ русскимъ хлѣбосольствомъ; послѣдовавшее вскорѣ назначеніе

его губернаторомъ было встрѣчено иркутянами съ большимъ удовольствіемъ. Безспорно возвышаясь надъ общимъ уровнемъ сибирскаго чиновничества своимъ добродушіемъ, въ силу котораго онъ не былъ способенъ на какія бы то ни было злоупотребленія, и — до извѣстной степени — образованностью, интеллигентностью, Цейдлеръ не могъ не обратить на себя вниманіе Сперанскаго,—тѣмъ болѣе, что послѣдній ощущалъ такой недостатокъ въ чиновникахъ, что принужденъ былъ оставлять на мѣстахъ даже Трескинскихъ клевретовъ. Поэтому нисколько не удивительно, что Цейдлеръ, не получившій подготовки въ административной службѣ, назначенъ былъ губернаторомъ. На первыхъ порахъ своей административной дѣятельности онъ обнаружилъ много заботливости и рвенія. Уже въ ноябрѣ 1821 г. онъ представилъ Сперанскому свои распоряженія о сохраненіи порядка въ г. Иркутскѣ; тогда же подалъ проектъ о мѣрахъ поднятія хлѣбопашества среди инородцевъ; издалъ наставленія для управленія приказами общественнаго призрѣнія; ему же принадлежитъ первая мысль о необходимости ссудныхъ земледѣльческихъ кассъ въ Сибири; въ 1822 г. онъ подалъ записку объ этомъ Сперанскому, который, собираясь уже сложить съ себя званіе генералъ-губернатора, передалъ ее на разсмотрѣніе Лавинскому. Послѣднему же поданъ былъ Цейдлеромъ проектъ улучшенія дѣла изученія восточныхъ языковъ въ Иркутскѣ. Всѣ вышеприведенные проекты не увидѣли свѣта; чтобы провести ихъ въ жизнь у Цейдлера не хватало ни силъ, ни умѣнія, ни настойчивости. При назначеніи его губернаторомъ, учебное вѣдомство перешло въ его вѣдѣніе. Цейдлеръ цѣнилъ образованіе и всѣми мѣрами старался поощрить въ молодыхъ людяхъ охоту къ ученію, оказывалъ особенное покровительство молодымъ людямъ, кончившимъ курсъ гимназіи, тѣмъ не менѣе училища при немъ стали падать, назначенныя къ открытію, какъ бы были позабыты, сельскія позакрывались, и были открыты только: училище для дѣтей канцелярскихъ служителей; заведеніе для воспитанія 25 сиротъ въ Иркутскѣ, и русско монгольская школа въ Троицкосавскѣ. Личная любознательность его сказалась въ томъ, что онъ собралъ для себя коллекцію китайскихъ любопытныхъ вещей, а въ рукописныхъ воспоминаніяхъ, (изъ которыхъ нѣкто Лебедевъ сдѣлалъ извлеченіе и напечаталъ статью въ Русскомъ Инвалидѣ: «Свѣдѣнія о Китаѣ, извлеченныя изъ бумагъ очевидца, бывшаго съ 1821 по 1835 г. Иркутскимъ гражданскимъ губернаторомъ, И. Б. Цейдлера»),— оставилъ описанія нѣкоторыхъ сторонъ жизни Китая, видимо его интересовавшаго. Въ сношеніяхъ съ этою страною Цейдлеръ велъ себя очень тактично, оказалъ нѣсколько услугъ китайскому правительству, за что два раза по волѣ самого богдыхана получилъ значительные подарки, при письмахъ, гдѣ въ самыхъ вѣжливыхъ оборотахъ выражалась благодарность китайскаго правительства. Такія мирныя отношенія были весьма кстати, такъ какъ обезпечивали легкія и правильныя сношенія съ нашею Пекинскою миссіею. Изъ наиболѣе важныхъ моментовъ его административной дѣятельности слѣдуетъ отмѣтить руководство имъ коммисіею, учрежденною для переписи инородцевъ и обложенія ихъ ясакомъ. Сборъ податей производился при немъ очень успѣшно, и Цейдлеръ удостоился трижды объявленной ему Высочайшей благодарности. Заботился онъ и о поднятіи земледѣлія и скотоводства въ управляемомъ имъ краѣ. Подъ его попеченіемъ былъ разводимъ въ Якутскомъ краѣ и по берегамъ Лены родъ зернового хлѣба, извѣстнаго тогда подъ именемъ «гималайскаго ячменя»; онъ выписалъ изъ внутреннихъ губерній лучшія породы скота, а въ бытность свою въ Москвѣ купилъ партію мериносовъ и по пріѣздѣ въ Иркутскъ составилъ компанію для ихъ разведенія. Заботливый, достаточно распорядительный губернаторъ, Цейдлеръ по своимъ взглядамъ на управленіе ближе подходилъ къ школѣ Трескина, чѣмъ Сперанскаго, и только свойственная ему доброта предохранила его отъ злоупотребленій по должности; не отличаясь въ то же время большими способностями, онъ естественно, уже по одному своему сравнительно скромному положенію, не могъ оставить глубокаго слѣда въ жизни Иркутской губерніи. Только въ силу одной случайности его имя пользуется нѣкоторою извѣстностью: при проѣздѣ черезъ Иркутскъ женъ декабристовъ въ 1826 г. ему пришлось играть роль того жестокаго губернатора, который ставилъ всевозможныя препят-

смотря на болѣзнь, сопровождаемый своими гатчинцами, покинулъ столицу для с. Поливанова, Подольскаго уѣзда, Московской губерніи, и съ чисто юношескимъ увлеченіемъ принялся за устройство своего новаго дѣтища, но умеръ черезъ полтора года. Плодомъ его литературной дѣятельности, кромѣ статей въ упомянутыхъ изданіяхъ, были: рецензія въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1859 г., № 12) на книгу Ф. Шварца «Руководство къ воспитанію и обученію», въ переводѣ С. Шафранова; «Лѣтніе курсы для сельскихъ учителей», статья напечатанная въ «Голосѣ» (1869 г., № 186), и переводы: книги Эд. Фишеля «Государственный строй Англіи» (Спб., 1862 г.) и «Философской пропедевтики» Румпеля, изданной уже послѣ его смерти.

Некрологъ въ «Гражданинѣ» за 1873, г. № 9.—«Семидесятилѣтіе гимназіи Имп. Человѣколюбиваго Общества (Спб. 1898 г.)»—Иллюстрированная Газета 1873 г., № 11.—Народная Школа 1873, г. № 7.—Полное собраніе соч. А. Майкова, изд. 6 е, Спб. 1893. т. I, стр. 223.

В. Е. Рудаковъ.

Цейеръ, *Францъ Ивановичъ*, дѣйств. статск. совѣтн., сынъ оберъ-офицера; род. въ 1780 г.; воспитывался въ шляхетскомъ корпусѣ и 3 октября 1796 г. выпущенъ въ армію прапорщикомъ, но по слабому здоровью уже въ 1797 г. перешелъ на гражданскую службу и поступилъ въ канцелярію генералъ-прокурора. Здѣсь Цейеръ познакомился со Сперанскимъ и сдѣлался скоро близкимъ ему человѣкомъ, какимъ онъ и оставался неизмѣнно въ теченіи болѣе тридцати лѣтъ. На свадьбѣ Сперанскаго съ Е. А. Стивенсъ, 3 ноября 1798 г., Цейеръ вмѣстѣ съ А. А. Столыпинымъ были свидѣтелями. Хорошенькій мальчикъ, добрый, впечатлительный, простосердечный, мягкій какъ воскъ, съ нѣкоторымъ образованіемъ (хорошій чтецъ), и съ отличнымъ знаніемъ французскаго языка, Цейеръ сдѣлался Сперанскому особенно незамѣнимъ послѣ того, какъ послѣ одинадцати мѣсяцевъ счастливаго супружества умерла жена Сперанскаго, оставивъ на его рукахъ маленькую дѣвочку: для Сперанскаго Цейеръ былъ и хозяйкою, и нянькою, и почти слугою своего покровителя, а впослѣдствіи и товарищемъ игръ маленькой Лизы, дочери Сперанскаго, и жилъ у него въ домѣ; въ петербургскомъ обществѣ нѣкоторые считали даже Цейера родственникомъ покойной жены Сперанскаго, чего на дѣлѣ не было; кажется и самъ Сперанскій не старался разубѣдить въ этомъ людей, не стоявшихъ въ близкихъ къ нему отношеніяхъ. Сперанскій съ своей стороны способствовалъ не мало успѣху служебной карьеры Цейера: въ 1801 г. его перевели въ канцелярію Государственнаго Совѣта письмоводителемъ, а въ 1804 г. онъ былъ секретаремъ директора департамента въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, откуда въ 1808 г. поступилъ въ канцелярію статсъ-секретаря Сперанскаго письмоводителемъ; между прочимъ, Сперанскій попытался въ 1809 году выхлопотать для Цейера почетный крестъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, но князь А. Б. Куракинъ отказалъ, хотя и зналъ, что Сперанскій награду данную Цейеру, счелъ бы для себя личнымъ одолженіемъ. Въ 1810 г. Цейеръ былъ опредѣленъ въ государственную канцелярію письмоводителемъ и одновременно занималъ должности: секретаря отдѣленія финансовъ, въ собственномъ Его Имп. В. вѣдѣніи состоявшей коммиссіи финляндскихъ дѣлъ (до 1811 г.), и редактора по аудиторской части въ коммиссіи военныхъ уставовъ и уложеній (до ноября 1813 г.). Ссылка Сперанскаго поставила Цейера въ такое положеніе, что на вопросъ Императора Александра I при случайной встрѣчѣ на улицѣ: «de quoi existez vous donc maintenant?» Цейеръ отвѣчалъ: «mais presque d'air, Sire!» Государь велѣлъ выдать ему 6000 р. и тѣмъ предупредилъ распоряженіе Сперанскаго изъ ссылки о снабженіи Цейера деньгами изъ его, Сперанскаго, средствъ. Только послѣ назначенія Сперанскаго губернаторомъ въ Пензу и Цейеръ получилъ чинъ статскаго совѣтника и былъ переведенъ опять въ Комиссію Составленія Законовъ (1816 г.). Изъ Великополья и изъ Пензы Сперанскій очень часто писалъ къ Цейеру, давая ему наставленія въ разныхъ религіозныхъ вопросахъ и являясь здѣсь дѣйствительно въ роли «духовнаго отца», какъ самъ же Цейеръ и называетъ его. Къ этому времени относится нѣкоторое охлажденіе въ отношеніяхъ Цейера къ Сперанскому, благодаря близости съ Магницкимъ. Сперанскій объяснялъ поведеніе Цейера въ письмахъ къ дочери изъ Пензы его желаніемъ исправлять крутой нравъ Магницкаго, но при-

чину этой странности въ поведеніи друга видѣлъ въ его болѣзни, а не въ его душевныхъ свойствахъ. По вскорѣ послѣдовалъ разрывъ Цейера съ Магницкимъ и его раскаяніе, и онъ былъ опять принятъ, какъ старый пріятель, въ домѣ Сперанскаго. Въ 1818 г. по просьбѣ Сперанскаго Цейеръ былъ прикомандированъ къ нему на время его генералъ-губернаторства въ Сибири, какъ человѣкъ, «на котораго онъ могъ бы съ достовѣрностью положиться». Не разъ потомъ Сперанскій изъ Сибири благодарилъ за присылку Цейера, котораго онъ называетъ въ письмахъ своимъ «лучшимъ и можно сказать единственнымъ помощникомъ». Г. С. Батенковъ, видѣвшій близко всю дѣятельность Сперанскаго и его помощниковъ въ Сибири, невысокаго мнѣнія и о познаніяхъ и о дарованіяхъ Цейера, бывшаго первымъ лицомъ у Сперанскаго,—его любимцемъ, по отзыву другихъ сибиряковъ; Батенковъ характеризуетъ Цейера въ общемъ такъ: «человѣкъ сей добръ, набоженъ, начитанъ и любитъ Сперанскаго какъ истинный другъ». Сперанскій назначилъ своего добраго и кроткаго Цейера послѣдовательно предсѣдателемъ трехъ слѣдственныхъ коммиссій и поручалъ ему всѣ болѣе трудныя дѣла при обозрѣніи сибирскихъ губерній, требовавшія вѣрности и исполнительности. По ходатайству Сперанскаго Цейеръ получилъ въ 1820 г., 6 іюня, за свою усердную службу въ Сибири чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника съ назначеніемъ присутствовать въ Коммиссіи Составленія Законовъ и въ Сибирскомъ Комитетѣ. Въ 1822 г. ему пожаловано было въ аренду на 12 лѣтъ староство Боговецкое, а въ 1823 г., 11 апрѣля, онъ отправился въ 6-мѣсячный отпускъ за-границу. Послѣ Цейеръ служилъ съ 4 апрѣля 1826 г. во II отдѣленіи Собств. Е. И. В. Канцеляріи, а въ 1829 г. получилъ назначеніе въ Симферополь членомъ межевой канцеляріи, гдѣ и служилъ до 1834 года; былъ ли онъ переведенъ куда-нибудь въ 1835 году или умеръ на этой должности,—неизвѣстно.

Мѣсяцесловъ съ показаніемъ чиновъ за 1834 и 1835 г.—Формулярный списокъ о службѣ Ф. И. Цейера.—Бар. М. Корфъ: «Жизнь гр. М. М. Сперанскаго» т. I стр. 72, 73, 78, 84, 248, 280, 282; т. II, стр. 20, 63, 188, 202, 206, 209.—«Въ память гр. М. М. Сперанскаго» изд. 1872, стр. 4, 5; 9, 154, 249, 267, 276, 498. 566.—«Гр. М. М. Сперанскій и гр. А. А. Аракчеевъ» по запискамъ Г. С. Батенкова (1826 г.) «Русск. Старина, 1897 г., октябрь, стр. 84—86.—А. А. Жерве въ «Русск. Стар.» 1897 г. окт., стр. 109, 111.—«Русск. Архивъ» 1870 г.: письма М. М. Сперанскаго къ Цейеру: 1868 г. ст. 1156, 1176 1871 г. ст. 455, 465, 473; 1893 г. ст. 308. — Вагинъ. Историческія свѣдѣнія о дѣятельности гр. М. М. Сперанскаго въ Сибири съ 1819 по 1822 г. Спб. 1872. т. I, стр. 93, 95, 97, 134, 566, 581. *В. Бенешевичъ.*

Цеймернъ (фонъ-), *Гликерія Алексѣевна*, рожденная Сверчкова, начальница Института Оберъ-офицерскихъ сиротъ при Императорскомъ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, род. 9 мая 1785 г., въ Петропавловской крѣпости (Тобольск. губ.), гдѣ отецъ ея, генералъ-маіоръ Алексѣй Степановичъ Сверчковъ, былъ комендантомъ; это былъ человѣкъ твердаго и положительнаго характера, самыхъ строгихъ правилъ, весьма религіозный, безкорыстный, очень начитанный и одаренный пылкимъ воображеніемъ; мать ея, рожд. Наумова, отличалась нѣжнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойнымъ характеромъ; всѣ эти качества перешли къ Г. А. Лишившись матери на 12-мъ году, Глафира Алексѣевна, предоставленная самой себѣ, такъ какъ отецъ ея слишкомъ занятъ былъ службою, перечитала всю, довольно обширную, библіотеку своего отца и, не удовлетворяясь этимъ, старалась восполнить недостатки своего образованія, прибѣгая къ совѣтамъ и бесѣдуя съ посѣщавшими ея отца образованными людьми, въ числѣ которыхъ былъ и будущій ея мужъ. Такимъ образомъ умная и наблюдательная отъ природы дѣвушка пріобрѣла обширныя и основательныя познанія. На 15-мъ году отъ роду она вышла за маіора Карла Максимовича фонъ-Цеймернъ, потомка старинаго лифляндскаго дворянскаго рода, человѣка многосторонне образованнаго. Вскорѣ послѣ этого Цеймерны переселились изъ Сибири въ Лифляндію; Глафира Алексѣевна, не знавшая до тѣхъ поръ ни одного слова по-нѣмецки, прекрасно изучила этотъ языкъ и владѣла имъ потомъ, какъ роднымъ. Тутъ пришлось Г. А. быть единственною воспитательницею 13 дѣтей: 4 своихъ и 9 племянниковъ и племянницъ, дѣтей умершихъ: родной ея сестры и двухъ невѣстокъ. Въ 1808 г. М. К. Цеймернъ снова вступилъ въ службу и эта семья поселилась въ Витебскѣ, а съ 1810 г. въ—Москвѣ. Потеря

почти всего состоянія несчастія близкихъ, смерть троихъ изъ шестерыхъ дѣтей и разныя другія огорченія слѣдовали одно за другимъ; Г. А. безропотно сносила тяжелые удары судьбы; рѣдкія качества ея ума и сердца снискали ей глубокое уваженіе всего московскаго общества. Въ 1822 г. Императрица Марія Ѳеодоровна по рекомендаціи князя Сергѣя Михайловича Голицына назначила Глафиру Алексѣевну главною надзирательницею Сиротскаго Института при Имп. Московскомъ Воспитательномъ Домѣ. На этомъ посту Г. А. выказала въ полномъ блескѣ свои выдающіяся педагогическія и хозяйственныя способности. Отличаясь изумительною энергіею, она почти не знала отдыха: все видѣла своимъ глазомъ, все устраивала своею рукою, слѣдила за всею умственною и физическою жизнью своихъ воспитанницъ, управляла дѣятельностью классныхъ дамъ и надзирательницъ, входила въ малѣйшія подробности хозяйственной части, была доступна всѣмъ, имѣвшимъ въ ней нужду. Особое вниманіе обращала она на нравственное образованіе воспитанницъ, исправленіе свойственныхъ имъ возрасту недостатковъ, обращеніе юной мысли и воли ко всему доброму, чистому, святому, отличаясь особымъ педагогическимъ тактомъ и умѣніемъ читать въ юномъ сердцѣ. Съ горячею любовью относилась Г. А. ко всѣмъ воспитанницамъ и заботилась о нихъ и по выходѣ ихъ изъ Института съ истинно материнскою нѣжностью и заботливостью, не забывая ни одной изъ нихъ и ведя съ ними постоянную и оживленную переписку; эти высокія качества снискали ей безпредѣльную любовь воспитанницъ института и глубокое уваженіе всѣхъ ее знавшихъ. Въ 1848 г. Г. А. получила Маріинскій знакъ за XXV лѣтъ и тогда же было Высочайше разрѣшено поднести ей отъ имени кандидатокъ серебряную вазу, съ надписью, цѣною въ 1.000 руб. До послѣднихъ дней Г. А. неутомимо трудилась на пользу ввѣреннаго ей Института и скончалась, послѣ кратко-временной болѣзни, 17 января 1853 года.

«Гувернантка» 1862 г., № 5, с. 223—230. — «Московскія Вѣдомости», 1853 г., № 14.— «Москвитянинъ» 1853 г., кн. 4, отд. IV, с. 147—148. — «Московскія Губернскія Вѣдомости», 1853 г., № 4, отд. 2, с. 45. — «На кончину начальницы Института Оберъ-офицерскихъ сиротъ, Имп. Московск. Воспитательнаго Дома, Г. А. фонъ-Цеймернъ» (Стихотвореніе). М. 1853 — «С.-Петерб. Вѣдомости», 1853 г., № 65.— «Сѣверная пчела», 1853 г., № 34.

В. Леморъ.

Цеймернъ (фонъ-), *Максимъ Карловичъ*, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сынъ предыдущей, род. 5 апрѣля 1802 г., умеръ въ СПБ. 20 апрѣля 1882 г. По окончаніи курса наукъ по юридическому факультету Московскаго университета со степенью кандидата, Цеймернъ поступилъ на службу (31 января 1821 г.) въ Комиссію Составленія Законовъ, гдѣ занимался подъ руководствомъ статсъ-секретаря Балугьянскаго, но уже 22 декабря того-же года переведенъ въ 1-й Департаментъ Сената на должность переводчика. 23 марта 1824 г. онъ снова поступилъ въ Комиссію Составленія Законовъ помощникомъ редактора; по упраздненіи этой Комиссіи М. К. перешелъ на службу (4 апрѣля 1826 г.) во II Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи старшимъ помощникомъ, а оттуда въ январѣ 1832 г. переведенъ въ департаментъ министерства Юстиціи. За труды по составленію Свода Законовъ Цеймернъ пропзведенъ былъ въ коллежскіе совѣтники и получилъ орд. Св. Анны 2 ст. съ Императорскою Короною — 24 января 1833 г., а черезъ три мѣсяца снова перешелъ на службу во II Отдѣленіе, гдѣ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи свода Военно-Уголовныхъ Законовъ. 31 мая 1839 г. М. К. произведенъ былъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а 5 февраля 1840 г. назначенъ состоящимъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ 4-мъ департаментѣ Сената; въ мартѣ того-же года министромъ Юстиціи ему было поручено обозрѣніе дѣлопроизводства Герольдіи, въ маѣ — ревизія судебныхъ мѣстъ 1-й инстанціи С.-Петербургской губерніи, а въ апрѣлѣ 1841 г. — ревизія архивовъ Вотчиннаго Департамента въ Москвѣ. Въ 1841—1842 г.г. Цеймернъ ревизовалъ судебныя мѣста Новгородской и Витебской губерній; 30 декабря 1842 г. онъ получилъ орд. Св. Станислава 1 ст.; въ 1844 г. — ревизовалъ судебныя учрежденія Саратовской губерніи, въ 1845 г., 6 іюля, — получилъ орд. Св. Анны 1 ст., а 22 апрѣля 1847 г. командированъ для ревизіи присутственныхъ мѣстъ въ Калужской, Тульской, Рязанской и Пензенской губерніяхъ.

Въ февралѣ 1848 г. М. К. назначенъ членомъ Консультаціи при Министерствѣ Юстиціи, въ ноябрѣ того-же года ревизовалъ судебныя учрежденія С.-Петербургской губ. и 16 января 1850 г. получилъ орденъ Св. Владиміра 2 ст. Состоя за оберъ-прокурорскимъ столомъ и въ должности члена Консультаціи, Максимъ Карловичъ неоднократно исправлялъ должность оберъ-прокурора въ разныхъ департаментахъ Сената. 21 апрѣля 1852 г. Цеймернъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ въ 7-мъ департаментѣ Сената, 4 марта 1853 г. — почетнымъ опекуномъ Московскаго Опекунскаго Совѣта, съ оставленіемъ въ званіи сенатора, а 29 марта слѣдующаго года назначенъ къ присутствованію въ Межевомъ департаментѣ Сената и въ С.-Петербургскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ. Съ 25 мая 1854 г. М. К. управлялъ СПБ. Воспитательнымъ Домомъ, 28 октября того-же года переведенъ изъ Межеваго въ 3-й департаментъ Сената, 26 августа 1856 г. получилъ орд. Бѣлаго Орла, а 30-го того-же мѣсяца назначенъ къ присутствованію въ 4 департаментѣ Сената. 23 апрѣля 1859 г. Цеймернъ получилъ орд. Св. Александра Невскаго, а при переходѣ Сохранной Казны изъ вѣдѣнія Опекунскаго Совѣта въ вѣдѣніе министерства Финансовъ, назначенъ управляющимъ этого учрежденія. 24 іюля 1860 г. М. К. назначенъ управляющимъ С.-Петербургскою Сохранною и Ссудною Казнами и Сберегательною Кассою, а 28 декабря того-же года уволенъ отъ должности почетнаго опекуна и въ слѣдующемъ 1861 г. назначенъ предсѣдателемъ Главнаго Выкупнаго Учрежденія. Въ день пятидесятилѣтія службы своей, 31 января 1871 г., Цеймернъ произведенъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, а 1 января 1879 г. получилъ орд. Св. Владиміра 1 ст. 4 сентября 1881 г. М. К. уволенъ отъ всѣхъ должностей съ оставленіемъ въ званіи сенатора, а 17 того-же мѣсяца Высочайше повелѣно было, вслѣдствіе ходатайства Ц., зачислить его въ число сенаторовъ неприсутствующихъ, по случаю утраты имъ слуха. Умеръ М. К. Цеймернъ въ Спб. 20 апрѣля 1882 г. Цеймернъ былъ человѣкъ высоко образованный, прекрасно знавшій нѣсколько иностранныхъ языковъ и не чуждый литературѣ; имъ написана статья: «Мысли объ устройствѣ ипотечнаго порядка въ Россіи» (Спб. 1862—63), гдѣ онъ доказываетъ, что ипотечный порядокъ съ древнихъ временъ существовалъ въ Россіи и что слѣдуетъ воспользоваться имѣющимися уже у насъ элементами, при помощи коихъ ипотечная система могла-бы быть введена прочно и успѣшно, безъ чуждыхъ нашему быту нововведеній. Кромѣ этого М. К. написалъ нѣсколько рецензій объ историческихъ сочиненіяхъ.

Послужной списокъ М. К. Цеймерна въ Архивѣ Пр. Сената. — Русскій Вѣстникъ 1862 г., № 9.— Журналъ М-ва Юстиціи 1863 г., № 5, отд. II с. 513—528 (рецензія Варадинова о статьѣ Ц. по вопросу объ ипотекѣ).—Вѣстникъ Европы 1868 г., т. 184, стр. 483—484.

В. Лемюръ.

Цеймернъ (фонъ-), *Николай Карловичъ*, генералъ-лейтенантъ, старшій братъ предыдущаго, род. 25 апрѣля 1800 г.; получивъ домашнее воспитаніе вступилъ въ службу, 1 мая 1818 г., подпрапорщикомъ въ Кіевскій гренадерскій полкъ, гдѣ черезъ полъ года получилъ чинъ прапорщика; 9 февраля 1822 г., въ чинѣ подпоручика, переведенъ въ Свиту Его Величества по квартирмейстерской части; былъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 2-й гренадерской (1826—1830), 2-й поселенной кирасирской (1832) и 1-й кирасирской (1833—38), 15-й пѣхотной (1838) и 14-й пѣхотной (1840—42) дивизій, состоя въ генеральномъ штабѣ съ 1830 г. и получивъ 6 декабря 1833 г. чинъ полковника. Въ 1841 и 1842 г.г. Цеймернъ исправлялъ должность отряднаго оберъ-квартирмейстера при Лабинскомъ отрядѣ въ походѣ противъ непокорныхъ горцевъ и участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ. 24 ноября 1842 г. П. К. назначенъ былъ оберъ-квартирмейстеромъ 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, 30 августа 1851 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, а 11 ноября 1853 г. назначенъ завѣдывающимъ формированіемъ резервной дивизіи 6 пѣхотнаго корпуса, но черезъ 9 дней получилъ въ командованіе резервную бригаду 18-й пѣхотной дивизіи. Съ 4 сентября 1855 г. по 30 ноября 1856 г. Цеймернъ командовалъ 5-ю резервною пѣхотною дивизіею, а послѣ ея расформированія состоялъ по запаснымъ войскамъ до 11 апрѣля 1861 г., когда произведенъ былъ въ генералъ-лей-

2-й арміи. Пользуясь покровительствомъ Берга, Цемшъ выхлопоталъ себѣ въ 1773 г. мѣсто штабъ-лѣкаря при Московскомъ магистратѣ, по упраздненіи котораго причисленъ, въ 1783 г., къ Медицинской конторѣ. К. А. Цемшъ умеръ 7 ноября 1794 г.

Рихтеръ. Исторія медицины въ Россіи, ч. III, с. 517.—Чистовичъ. Очеркъ исторіи первыхъ медицинскихъ учрежденій въ Россіи въ XVIII вѣкѣ.—Формулярный списокъ К. А Цемша.

В. Козловъ.

Ценковскій, *Левъ Семеновичъ*, докторъ ботаники, профессоръ ботаники въ С.-Петербургскомъ, Новороссійскомъ и Харьковскомъ университетахъ, извѣстный ученый, прославившійся изслѣдованіями міра низшихъ, преимущественно микроскопическихъ, организмовъ, род. 1 октября 1822 г. въ Варшавѣ и принадлежалъ по происхожденію къ мѣстному городскому сословію. Среднее образованіе Ценковскій получилъ въ Варшавской гимназіи, а высшее въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ со степенью кандидата естественныхъ наукъ. Оставшись въ Петербургѣ для продолженія научныхъ занятій, онъ былъ введенъ знаменитымъ академикомъ К. М. Бэромъ въ кружокъ другихъ академиковъ, первоклассныхъ ученыхъ, какъ Струве, Гельмерсенъ, Якоби и другіе. Въ этомъ кружкѣ любовь къ наукѣ, зародившаяся у Ценковскаго въ университетѣ, нашла себѣ поддержку и развитіе. Защитивъ диссертацію «Нѣсколько фактовъ изъ исторіи развитія хвойныхъ растеній», Ценковскій получилъ степень магистра ботаники въ 1846 году, а въ слѣдующемъ году вмѣстѣ съ Е. П. Ковалевскимъ былъ командированъ Географическимъ Обществомъ для изученія въ центральной Африкѣ бассейновъ Бѣлаго и Голубаго Нила въ этнографическомъ отношеніи, при чемъ Импер. Академія Наукъ поручила Ценковскому изученіе этихъ мѣстъ въ естественно-историческомъ отношеніи. По возвращеніи изъ этого путешествія, во время котораго имъ собраны были богатыя зоологическія и ботаническія коллекціи, Ценковскій, 14 мая 1850 г., былъ назначенъ профессоромъ Естественной Исторіи въ Демидовскомъ Лицеѣ, а 17 декабря 1854 г. переведенъ въ С.-Петербургскій университетъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ ботаники; въ 1855 г. назначенъ секретаремъ физико-математическаго факультета, а 11 мая 1856 г. утвержденъ въ степени доктора естественныхъ наукъ за диссертацію «О низшихъ водорослях и инфузоріяхъ». Въ 1861 г. Ценковскій вышелъ въ отставку и до 1865 г. путешествовалъ съ ученою цѣлью по Европѣ, а 1 мая 1865 г. назначенъ былъ ординарнымъ профессоромъ ботаники въ Новороссійскомъ университетѣ. Лѣтомъ 1871 г. онъ снова оставилъ службу и въ слѣдующемъ году назначенъ профессоромъ ботаники въ Харьковскомъ университетѣ. 16 февраля 1886 г. Харьковскій университетъ торжественно праздновалъ 35-ти-лѣтній юбилей Л. С., по поводу котораго получены были привѣтствія отъ множества ученыхъ учрежденій и многихъ выдающихся русскихъ и иностранныхъ ученыхъ. Л. С. Ценковскій скончался въ Лейпцигѣ 25 сентября 1887 г. Всѣ работы Ценковскаго въ области низшихъ организмовъ были направлены къ точному изученію развитія отдѣльныхъ формъ и разъясненію сродства между группами простѣйшихъ существъ. При этомъ онъ открылъ новые организмы, установившіе связь между монадами и миксомецатами, между ними и Flagellata и Palmellaceae, и нитевидными водорослями; установилъ широкій полиморфизмъ для водорослей и бактерій. Въ области изслѣдованія низшихъ животныхъ Ценковскій работалъ надъ самыми трудными объектами. Онъ изслѣдовалъ noctiluca, свѣтящійся организмъ, изучивъ исторію его развитія и систематическое положеніе, изучилъ морскихъ и прѣсноводныхъ Heliozoa; у радіоларій онъ открылъ образованіе зооспоръ, показалъ способъ образованія ихъ, добывъ такимъ образомъ главные факты развитія этихъ организмовъ. При изслѣдованіи радіоларій Ц. выяснилъ значеніе «желтыхъ клѣтокъ», содержащихся въ ихъ тѣлѣ, указавъ, что эти клѣтки представляютъ собою одноклѣточныя водоросли и живутъ симбіотически въ тѣлѣ радіоларій. Такимъ образомъ Ценковскому первому принадлежитъ честь открытія симбіоза. Общимъ результатомъ работъ его было фактическое подтвержденіе его основной идеи объ отсутствіи границъ между животными и растеніями. Въ научно-практической области Ц. работалъ надъ предохранительной прививкой сибирской язвы. Вслѣдствіе отказа Пастёра допустить Ценковскаго въ свою

лабораторію, ему пришлось долгое время проработать, зная только конечные результаты прививокъ Пастёра, чтобы самому добиться способа прививки; это ему удалось и онъ далъ методъ полученія вакцины сибирской язвы, по дешевизнѣ превосходящей Пастёровскую, а примѣненіе ея къ прививкѣ сибирской язвы у сѣверныхъ оленей показываетъ, что и по качествамъ вакцина, приготовленная по способу Ценковскаго, стоитъ не ниже Пастёровской. Какъ профессоръ, Ц. первымъ сталъ преподавать ботанику съ микроскопомъ въ рукахъ и первый создалъ научную ботаническую школу въ Россіи. Результатомъ его преподавательской дѣятельности въ Петербургскомъ университетѣ было появленіе на научномъ поприщѣ двухъ знаменитыхъ нынѣ его учениковъ Воронина и Фаминцына. Въ настоящее время большинство каѳедръ ботаники въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ заняты или учениками Ценковскаго или учениками его учениковъ, развивающими его идеи. Лекціи Ц. отличались превосходнымъ изложеніемъ; руководство научными работами и практическими занятіями лицъ, работавшихъ у него, Ценковскій велъ съ рѣдкимъ умѣньемъ и тактомъ. Кромѣ научной и преподавательской дѣятельности съ именемъ Ценковскаго тѣсно связано возникновеніе Новороссійскаго Общества Естествоиспытателей. Въ немъ Ценковскій былъ первымъ предсѣдателемъ и благодаря своей энергіи и иниціативѣ много содѣйствовалъ успѣшному развитію этого Общества. Настойчивости Ценковскаго обязана также своимъ возникновеніемъ и севастопольская біологическая станція. Литературная дѣятельность Ценковскаго выразилась кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ диссертацій въ слѣдующихъ работахъ: 1) «Kilka rysów i wspomnień z podróży po Egipcie, Nubii i Sudanie». Gazeta Warszawska, 1853 г., №№ 88, 89, 91, 94, 98, 101, 108, 110, 115, 118, 122; 2) «Zur Befruchtung des Juniperus communis». Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou 1853, № 2; 3)» Bemerkungen über Stein's Acineten Lehre». Bulletin physico-mathématique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. 1855. T. XIII, № 19; 4) «Alcologische Studien». Botan. Zeitung. 1855, №№ 4, 5; 5) «Ueber Cystenbildung bei Infusorien». Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie. 1855. T. VI; 6) «О самозарожденіи» Петербургъ, 1853; 7) «Zur Genesis eines einzelligen Organismus». Bul. phys.-mathém. de l'Acad. Imp. des Sciences de St-Petersb. 1856. T. XIV, № 17; 8) «Rhisidium Confervae Glomeratae». Botan. Zeitung. 1857, № 14; 9) «Ueber meinen Beweis für die Generatio primaria». Bul. phys.-mathém. de l'Acad. Imp. de Sc. de St.-Pétersb. 1858. T. XVII. 10) «Die Pseudogonidien». Jahrbücher für wissenschaftl. Botan. 1858. T. I; 11) «Ueber parasitische Schläuche auf Crustaceen und einigen Insectenlarven (Amoebidium parasiticum)». Botan. Zeitung. 1861, № 25; 12) «Zur Entwicklungsgeschichte der Myxomyceten». Jarb. f. wissen. Botanik. 1862. T. III, № 2; 13) «Das Plasmodium». Jahrbuch. f. wissen. Botanik. 1863. T. III; 14) «Ueber einige chlorophyllhaltige Gloeocapsen». Bot Zeit. 1865, № 3; 15) «Beiträge rur Kenntniss der Monaden». Arch. für mikrosk. Anatomie. 1865. T. I; 16) «Ueber den Bau und die Entwicklung der Labyrinthuleen». 1867 г. Тамъ же, т. III; 17) «Ueber die Clathrulina, eine neue Actinophryen-Gattung». Тамъ же, т. III; 18) «Ueber Palmellaceen und einige Flagellaten». Arch. f. mikr. Anat. 1870. T. VI; 19) «О студенистыхъ водорослях (Palmellaceae) и нѣкоторыхъ жгутиковыхъ (Flagellata)». Труды 2-го съѣзда русск. естеств. въ Москвѣ. 1871 г.; 20) «Ueber Schwärmerbildung bei Noctiluca miliaris». Arch. f. mikr. An. 1871. B. VII; 21) «Ueber Schwärmerbildung bei Radiolarien». Тамъ же, 1871. T. VII; 22) «Die Pilze der Kahmhaut». Bul. phys.-mathém. de l'Acad. Imp. des Scienc. de St.-Pétersb. 1872. T. XVII. 23) «Ueber Noctiluca miliaris». Mélanges biologiques 1873. Bd. IX; 24) «О генетической связи между Mycoderma vini Desm., Penicillum viride Fres. и Dematium pullulans de Bary». Труды 4-го съѣзда русск. ест. и врач. въ Казани. 1873; 25) «О нѣкоторыхъ протоплазматическихъ организмахъ». Тамъ же, 1873; 26) «Ueber Palmellen-Zustand bei Stigeoclonium». Bot. Zeit. 1876, № 2; 27) «Morphologie der Ulotricheen». Bul, phys.-math. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Pétersb. 1876. T. XXI. 28) «О пальмелевомъ состояніи водорослей». Прот. секціон. засѣд. V-го съѣзда русск. естеств. и врач. въ Варшавѣ. 1876; 29) «Ueber einige Rhizopoden und verwandte Organismen». Arch. f. mikros. Anat. 1876. Bd. XII; 30) «Къ мор-

фологіи семейства Ulotricheae». Труды общест. испыт. природ. при Харьковскомъ универ. 1887. Т. X; 31) «Zur Morphologie der Bacterien». Mém. de l'Acad. Imp. d. Scienc. d. St.-Pétersb. Серія 7, т. XXV, № 2; 32) «О студенистыхъ образованіяхъ свеклосахарныхъ растворовъ». Труды общ. испыт. прир. при Харьков. унив. 1879. Т. XII; 33) «О сорндіяхъ Omphalaria macrosoeca Born. и о пальмелевомъ состояніи водорослей». Рѣчи и прот. VI съѣзда русск. ест. и врач. въ Петерб. 1879 г. Засѣд. 4-е ботанич. секціи; 34) «О двухъ протоплазматическихъ организмахъ». Тамъ же, 5-е засѣданіе; 35) «Z życia prostych organizmów». Wiadomosci z Nauk Przyrodronych. Warszawa. 1880; 36) «Отчетъ о бѣломорской экскурсіи». 1880. Труды С.-Пет. общ. естеств. 1881. Т. XII; 37) «Микроорганизмы. Бактеріальныя образованія». Харьковъ. 1882. (Міръ); 38) «О пастеровскихъ прививкахъ». Труды Вольн. Экон. Общ. 1883; 39) «Mikroorganizmy. Istoty bakteryine». Wszechswiat. 1884. Т. IV, №№ 36—39; 40) «О пастеровскихъ прививкахъ». Труды Вольн. Экон. Общ. 1884. Т. I-й, вып. IV; 41) «Отчетъ о прививкахъ антракса въ большихъ размѣрахъ». Сборн. херсонск. земства. Т. Ш. 1886; 42) «Микроскопическій анализъ харьковской водопроводной воды». Харьковъ. 1887.

Формуляръ Ценковскаго.—A. Wrzesniowski, Leon Cienkowski.—Южный Край 1886 г., № 1770, 1772.—Харьковск. губ. вѣдомости 1887 г., № 276.—Записки новоросс. общ. естествоисп., томъ XIII, вып. I.—Ботаническія записки. Изд. А. Н. Бекетова и Хр. Гоби.—Журналъ Мин-ва Народнаго Просвѣщенія, ч. XC, II, VII; XCI, II; XCVI, III.

И. В. Теренинъ.

Цеперникъ (Zepernick), *Юлій*, докторъ медицины, род. 7 августа 1831 г., въ Эстляндіи, изучалъ медицину въ Дерптскомъ университетѣ; получилъ степень доктора медицины въ 1859 г.; съ 1856 г. былъ уѣзднымъ врачемъ въ Ямбургскомъ уѣздѣ; въ 1860 г. назначенъ окружнымъ врачемъ С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома въ Лужскомъ уѣздѣ, а въ 1867 г.—врачемъ при Волковскомъ домѣ для вдовъ и бѣдныхъ. Умеръ въ Спб. 18 февраля 1888 г. въ чинѣ статскаго совѣтника.

Hasselblatt u. Otto. Album academicum d. Kais. Univ. Dorpat-Dorpat. 1889 г., стр. 402, № 5468.

В. Козловъ.

Цеплинъ, *Петръ Андреевичъ*, (Петръ-Фридрихъ), первый по времени опредѣленія профессоръ Казанскаго университета. О первоначальной дѣятельности его имѣются только очень скудныя свѣдѣнія. Уроженецъ Мекленбурга, Цеплинъ обучался въ Ростокскомъ и Геттингенскомъ университетахъ и въ 1801 г. получилъ степень доктора философіи. Въ Россію онъ попалъ въ 1804 г., будучи вызванъ попечителемъ Казанскаго университета, знаменитымъ Румовскимъ, на должность преподавателя всеобщей исторіи въ Казанскую гимназію съ условіемъ получить каѳедру, какъ только будетъ открытъ университетъ. Какъ преподаватель и ученый Цеплинъ почти неизвѣстенъ; читалъ онъ лекціи по дипломатіи и политической экономіи, но, кромѣ нѣсколькихъ учебныхъ программъ, никакихъ сочиненій послѣ него не осталось. Зато существенное значеніе для молодаго университета имѣла его борьба съ директоромъ Казанской гимназіи и инспекторомъ студентовъ, извѣстнымъ Яковкинымъ, человѣкомъ крайне самовластнымъ, нелюбившимъ иностранныхъ профессоровъ. Противъ него и его приверженцевъ съ самаго открытія университета образовалась изъ нѣсколькихъ иностранныхъ профессоровъ и русскихъ адъюнктовъ, т. н. нѣмецкая партія, пытавшаяся отстоять самостоятельность учебнаго совѣта противъ властолюбія и деспотизма Яковкина. Главою этой партіи былъ Цеплинъ. Борьба эта велась очень ожесточенно, принимая, однако, иногда крайне мелочной характеръ. Яковкинъ постоянно жаловался Румовскому, указывая на необходимость, для водворенія тишины и порядка въ совѣтѣ, удалить изъ его засѣданій проф. Цеплина, этого «главнаго высокаго крикуна». Нѣмецкая партія потерпѣла пораженіе: нѣкоторые изъ недовольныхъ устранены отъ должности, другіе, среди нихъ и Цеплинъ, лишены права участвовать въ засѣданіяхъ совѣта. Несмотря на это Цеплинъ не успокоился, производя по прежнему разные безпорядки и оказывая сопротивленіе могущественному директору. Это вызвало новыя жалобы попечителю, вслѣдствіе чего въ 1806 г. Цеплинъ былъ отрѣшенъ отъ должности. До 1813 года о немъ не имѣется никакихъ свѣдѣній. Въ это время на мѣстѣ Румовскаго, главнаго оплота Яковкина, находился Салтыковъ, человѣкъ болѣе либеральный. При немъ снова былъ утвержденъ (9 окт. 1813 г.), по прежде

занимаемой каѳедрѣ дипломатіи и политической экономіи Цеплинъ, назначенный въ слѣдующемъ году (1814 г.) деканомъ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ. 5 августа 1819 г. Цеплинъ былъ уволенъ отъ должности, при массовомъ увольненіи профессоровъ Магницкимъ. Впослѣдствіи онъ служилъ библіотекаремъ Гидрографическаго Отдѣленія Морскаго министерства и умеръ въ Петербургѣ 13 іюля 1832 г.

Буличъ: «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета», ч. I, стр. 72—74, 342, 384, 311—392; ч. II, стр. 697.—Загоскинъ, Дѣятели Имп. Казанскаго Университета, с. 55 и 118.

Р. Мусселіусъ.

Цёпфель, *Василій Ѳедоровичъ,* (Готлибъ-Вильгельмъ), докторъ медицины, сынъ врача, род. въ Митавѣ 4 апрѣля 1788 г. Окончивъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ со степенью доктора медицины въ 1811 г., Цёпфель назначенъ былъ 12 мая 1812 г. старшимъ лѣкаремъ въ Вяземскій военно-временной госпиталь, но уже 13 сентября того же года съ транспортомъ больныхъ отправленъ въ таковой же госпиталь въ Касимовъ. Въ 1813 г. онъ переведенъ былъ въ Рязань, а въ 1814 г. назначенъ ординаторомъ Псковскаго госпиталя, но въ томъ же году переведенъ въ Рижскій военный госпиталь, а въ 1819 году—въ Аренсбургскій гарнизонный батальонъ. Въ 1829 году Цёпфель вышелъ въ отставку, а черезъ годъ снова опредѣленъ на прежнюю должность. Въ 1834 г. онъ назначенъ ординаторомъ въ Рижскій военный госпиталь, но уже въ слѣдующемъ году снова командированъ въ Аренсбургъ, гдѣ и оставался до выхода въ отставку въ 1843 г. Цёпфель умеръ въ чинѣ статскаго совѣтника въ Аренсбургѣ 4 февраля 1868 г. Имъ написана диссертація: «De methodi gastricae usu et abusu», Дерптъ, 1811 г.

Recke und Napiersky, Schriftsteller und Gelehrten Lexicon.—Hasselblat und Otto, Album academicum d. Kais. Univ. Dorpat, стр. 10, № 280. — Аттестатъ о службѣ В. Ѳ. Цепфеля.

В. Козловъ.

Цермъ, *Петръ Ивановичъ,* академикъ Императорской Академіи Художествъ по живописи исторической и портретной; род. въ С.-Петербургѣ около 1826 г.; сынъ парикмахера. Съ 1846 г. Цермъ посѣщалъ классы Академіи Художествъ въ качествѣ вольноприходящаго ученика. Успѣхами въ живописи и талантливостью онъ обратилъ на себя вниманіе Академіи, совѣтъ которой, черезъ вице-президента графа Ѳ. П. Толстого, ходатайствовалъ въ 1849 г. объ увольненіи его изъ С.-Петербургскаго цехового общества, такъ какъ это увольненіе было необходимо для полученія званія художника и вообще для безпрепятственнаго окончанія курса; С.-Петербургская общая дума условіемъ увольненія поставила отправленіе семействомъ умершаго Іоганна Церма, состоявшимъ изъ Петра Церма и двухъ его братьевъ, рекрутской повинности. Это условіе и было вскорѣ выполнено, такъ что въ 1850 г. Цермъ получилъ званіе художника. Въ Академіи Художествъ Цермъ учился одновременно съ Лагоріо, Нотбекомъ, Брюлловымъ, Крюковымъ, Сверчковымъ и въ 1849 г. одновременно съ ними получилъ награду: за «портретъ съ натуры» серебряную медаль второго достоинства. По словамъ профессора Л. Лагоріо, это очень рѣдкій случай въ жизни Академіи Художествъ, чтобы за рисунокъ головы была выдана серебряная медаль; но воспоминаніямъ уважаемаго профессора, Цермъ былъ удивительнымъ рисовальщикомъ съ гипсовыхъ головъ, такъ что его рисунки даже ставились въ оригиналы какъ образецъ для подражанія. По выходѣ изъ Академіи Цермъ, по его собственнымъ словамъ, постоянно занимался «практикой и преподаваніемъ частныхъ уроковъ въ рисованіи и живописи», но болѣе подробныхъ свѣдѣній о его преподавательской дѣятельности не сохранилось. Изъ самостоятельныхъ работъ имъ представлена въ Академію Художествъ только картина «Скупецъ и смерть», за которую Академія удостоила его 25 сентября 1856 г. званія академика; о другихъ его работахъ ничего не извѣстно. Въ 1857 г. Цермъ просилъ о назначеніи его на должность учителя въ рисовальномъ оригинальномъ классѣ Академіи Художествъ; однако, ему было отказано въ этомъ за неимѣніемъ вакансіи. Неизвѣстно въ которомъ году Церму удалось все-таки получить просимое имъ мѣсто въ Академіи, гдѣ онъ пробылъ учителемъ въ классѣ гипсовыхъ головъ до 1863 г., когда его смѣнилъ осенью того же года И. Н. Крамской. И. Е. Рѣпинъ, бывшій ученикъ Церма въ классѣ масокъ и орнаментовъ, говоритъ только, что Крамской не чета Церму и Жуковскому, препо-

валъ Цертелевъ. Что касается до исторіи съ уничтоженіемъ диссертаціи Костомарова, то здѣсь имѣются крайне противурѣчивыя данныя. Сухомлиновъ (въ «Древней и Новой Россіи» 1877 г., № 1) иниціативу въ этомъ вопросѣ приписываетъ, со словъ самого Костомарова, Цертелеву, между тѣмъ Костомаровъ въ автобіографіи («Біографич. словарь проф. унив. св. Владиміра, т. I, стр. 284) заявляетъ, что диссертація «передъ самой защитою возбудила протестъ со стороны еп. Иннокентія (Борисова), была пріостановлена и отправлена на разсмотрѣніе къ министру Народнаго Просвѣщенія». Такимъ образомъ этотъ фактъ, могущій до извѣстной степени освѣтить личность Цертелева въ его отношеніяхъ къ наукѣ и университету, не можетъ намъ дать положительныхъ указаній. Гораздо важнѣе въ этомъ отношеніи статья Цертелева «О погрѣшности въ отношеніи къ отечественному воспитанію» («Вѣстникъ Европы» 1828 г., ч. 159, № 5 и 6). Въ этой статьѣ онъ нападаетъ на господствующую въ Россіи галломанію и обвиняетъ родителей въ небрежномъ отношеніи къ воспитанію. Вообще, симпатіи Цертелева больше склоняются на сторону востока чѣмъ на сторону запада и распространяются не только на всю Россію, но на все славянство (см. статью о трудахъ Челяковскаго, «Сѣверный Архивъ» 1824 г., и стихотвореніе «Славянамъ», «Бесѣды Общества Любит. Россійской Словесности»). Отдѣльно изданы статьи кн. Цертелева: «Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсенъ», Спб. 1819 г.; «О произведеніи древней р. поэзіи», Спб. 1820 г.; «Опытъ общихъ правилъ стихотворства», Спб. 1820 г.; «Взглядъ на русскія сказки и пѣсни и повѣсть въ духѣ старинныхъ р. стихотвореній», Спб. 1820 г.

«Русскій Архивъ» 1871 г., № 3. — «Вѣстникъ Европы» 1870 г., т. 3. Некрологъ Безсонова.— «Вѣстникъ Европы» 1874 г., т. I, «Харьковскій Университетъ и Д. П. Качеповскій», М. Делуле.—«Современная лѣтопись» 1869 г., № 41, некрологъ. — Пыпинъ. «Исторія русской этнографіи» (также «Вѣстникъ Европы» 1885 г., № 8—11). — «Остафьевскій архивъ кн. Вяземскихъ», т. I. — «Древняя и Новая Россія» 1877 г, № 1. «Уничтоженіе диссертаціи Костомарова», ст. Сухомлинова. — Иконниковъ. «Біографическій словарь проф унив. св. Владиміра», т. I, стр. 284. — «Мѣсяцесловъ» на 1819 г., ч. I, стр. 709. — К. К. Фойгтъ. «Историко Статистическія записки о Харьковскомъ Университетѣ».

Викторъ Войновъ.

Цеэ, *Андрей Богдановичъ* (Іоганъ-Генрихъ), докторъ медицины и хирургіи, сынъ бургомистра, род. въ 1781 г. въ Ригѣ, окончилъ курсъ въ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи со степенью кандидата хирургіи 1-го отдѣленія, выпущенъ на службу въ Кавалергардскій полкъ въ 1805 г. и черезъ три недѣли, а именно 4 сентября 1805 г., получилъ званіе лекаря. Въ январѣ 1808 г. вышелъ въ отставку и 30 января того же года получилъ въ Дерптскомъ университетѣ степень доктора медицины. Въ томъ же 1808 г. былъ назначенъ врачемъ при Олсуфьевскихъ минеральныхъ водахъ въ Кашинскомъ уѣздѣ, Тверской губ., и за описаніе этихъ водъ получилъ въ 1810 г. орденъ св. Владиміра 4 ст. Съ 1812 по апрѣль 1815 г. Цеэ, въ званіи дивизіоннаго доктора, состоялъ при баталіонѣ Великой Княгини Екатерины Павловны; 22 іюля 1815 г. онъ былъ назначенъ главнымъ докторомъ Кавказскихъ минеральныхъ водъ и составилъ описаніе этихъ водъ, изданное на счетъ казны въ 1817 году. Въ 1821 г. Цеэ уволенъ отъ должности главнаго доктора и причисленъ къ морскому вѣдомству, но уже въ слѣдующемъ году вышелъ въ отставку; въ 1827 году онъ снова поступилъ на службу докторомъ при штабѣ корпуса жандармовъ и, состоя въ этой должности, 14 апрѣля 1840 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а 2 іюля 1842 года вышелъ въ отставку. Онъ скончался въ Спб. 24 декабря 1842 г. Цеэ написалъ: 1) «De aqua Wissokoensi» Diss. Дерптъ 1808 г.; 2) «Mineralwasser im Kaschinschen Kreise des Gouvernements Twer» (напечатано въ Jahrbuch für Chemie und Pharmacie, Giese и Grindel'я, 1809 г., т. I); 3) «Описаніе Высоцкаго цѣлительнаго источника». М. 1811. 12°; 4) «Описаніе Кавказскихъ цѣлительныхъ водъ». Спб. 1817. 12°.

Сынъ Андрея Богдановича — Василій Андреевичъ нынѣ д. т. с. и сенаторъ.

Recke und Napiersky, Gelehrt Lexicon. — Русскій Инвалидъ 1843 г., № 12. — Аттестатъ о службѣ А. Б. Цеэ.

В. Козловъ.

Циволька, *Августъ Карловичъ*, прапорщикъ корпуса флотскихъ штурмановъ, ум. 16 марта 1839 г. Циволька въ 1830 г. поступилъ кадетомъ въ 1 штурманскій полуэкипажъ и 18 мая 1832 г. произведенъ въ кондукторы корпуса флотскихъ штур-

мановъ, съ назначеніемъ въ Балтійскій флотъ, но вскорѣ переведенъ въ Архангельскъ. Въ 1834 — 1835 гг., командуя карбасомъ «Казаковъ», Ц. участвовалъ въ экспедиціи Пахтусова, причемъ описалъ восточный берегъ Новой Земли отъ Маточкина Шара по направленію къ сѣверу, на разстояніи около 95 верстъ, пересѣкая, но не входя внутрь попадавшихся на пути довольно обширныхъ заливовъ, а затѣмъ сопутствовалъ Пахтусову при описаніи западнаго берега Новой Земли. 12 февр. 1836 г. Циволька былъ произведенъ въ прапорщики корпуса флотскихъ штурмановъ и въ этомъ году находился у описи и при промѣрахъ въ финляндскихъ шхерахъ, а послѣ того снова переведенъ въ Архангельскъ. Въ это время съ нимъ близко познакомился академикъ Бэръ, пригласившій Цивольку участвовать въ предпринятой имъ и снаряженной Имп. Академіею Наукъ экспедиціи для зоологическихъ и ботаническихъ изслѣдованій на Новой Землѣ. Командуя шхуной «Кротовъ», Циволька составилъ довольно подробныя описанія посѣщаемыхъ имъ якорныхъ мѣстъ на Новой Землѣ и въ Бѣломъ Морѣ, а нѣкоторымъ изъ нихъ и глазомѣрные планы, измѣрилъ высоту наиболѣе примѣчательныхъ горъ на берегахъ Маточкина Шара и сдѣлалъ магнитныя наблюденія въ р. Нехватовой. Въ 1838 г. Циволька былъ назначенъ начальникомъ экспедиціи для осмотра и описи сѣвернаго и сѣверо-восточнаго береговъ Новой Земли; обслѣдовавъ нѣкоторые заливы до полуострова Адмиралтейства, Циволька вынужденъ былъ зазимовать въ заливѣ Молкомъ, гдѣ тяжко заболѣлъ водянкою въ груди, отъ которой умеръ 16 марта 1839 г. и погребенъ въ забоѣ снѣга подъ южнымъ утесомъ зимовья.

Общ. Морской Списокъ, т. XII, Спб. 1900., с. 235—236.—Записки Гидрографическаго Департамента, ч. II, с. 412—419; ч. III, с. 25—135.—Свенске, К. Новая Земля въ географическомъ, естественно-историческомъ и промышленномъ отношеніяхъ, Спб., 1866, с. 35—41.—Bulletin Scientifique de l'Académie Imp. des Sciences à St.-Pétersbourg. St. Pet. 1838, т. III.—Beiträge zur Kentniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens. Bd. IX, Abth. 2.—Морской Сборникъ, 1854 г., т. XI, № 3 и 4, «О гидрографическихъ описяхъ европейскихъ и азіатскихъ береговъ Россіи, произведенныхъ въ царствованіе имп. Николая I».—Кронштадтскій Вѣстникъ 1876 г. №№ 104, 113 и 120, ст. Хр. Стрепеля: «Русскія экспедиціи для описанія сѣверныхъ береговъ Сибири и прилегающихъ острововъ 1734—1862 г.г.»—Энциклопед. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXI, XXIII.

В. Козловъ.

Циглеръ (Ziegler), *Викторъ Фридриховичъ* (Францъ-Викторъ), профессоръ уголовнаго права въ Дерптскомъ университетѣ, сынъ пастора, р. 14 апрѣля 1816 г. въ Дюрренъ-Эберсдорфѣ, въ княжествѣ Рейссъ, изучалъ право въ Лейпцигскомъ университетѣ и въ 1837 г. получилъ степень доктора правъ въ Эрлангенскомъ университетѣ. Съ 1840 г. онъ былъ приватъ-доцентомъ публичнаго и уголовнаго права и уголовнаго судопроизводства въ Марбургскомъ, а съ 1846 г.—въ Тюбингенскомъ университетѣ. Пріѣхавъ въ 1851 году въ Дерптъ, Циглеръ 18 марта 1852 года назначенъ былъ экстраординарнымъ, а 8 августа 1856 г.—ординарнымъ профессоромъ уголовнаго права въ Дерптскомъ университетѣ. Въ 1871 г. онъ произведенъ былъ въ дѣйств. статскіе совѣтники, а въ 1877 г. вышелъ въ отставку и поселился въ Дрезденѣ, гдѣ и умеръ 28 января 1888 г. Циглеромъ написаны слѣдующія сочиненія: 1) Oratio manibus et memoriae Kriegelii dicata. Lips. 1826; 2) Observationes juris criminalis. Lips. 1838; 3) Quaestiones ad jus Romanorum pertinentes, p. I. Lips. 1838; 4) Kritik über Henricis Strafrechtstheorien въ Ежегодникѣ Рихтера 1840 г.; 5) Abhandlung über Kirchendiebstahl въ 9 томѣ Staatslexicon'a Rotteck-Welcker'a; 6) Tödtung aus Rechthaberei въ Hitzigs Annalen der Criminalrechtspflege, 1842; 7) Abhandlungen aus dem Strafrechte. Marburg, 1843; 8) Über die Theilnahme an einem Verbrechen nach Art 148 der peinlichen Gerichts-Ordnung. L. Marb., 1845; 9) Über gemeines Recht Deutschlands, insbesondere gemeines deutsches Strafrecht въ Zeitschrift Hitzig'a и Schletter'a, 1846; 10) Über die wissensch. Behandlung der Particularrechte въ «Hallische Literatur-Zeitung», 1847; 11) Die Verbrechensunfähigkeit juristischer Personen. Mitau, 1852; 12) Über Feuerbachs Abschreckungs- oder über die psychologische Zwangstheorie въ журналѣ «Inland», 1854; 13) Beurtheilung des neuesten Werkes von M. v. Wolffeldt «Mittheilungen aus dem Strafrecht und dem Strafprocess in Liv-Est-und Kurland», перепечатано въ отчетѣ о присужденіи Демидовской преміи 1855 г.; 14) Commentationes de jure Romano. Dorp. L. 1860; 15) Commentatio de jure criminum Romano. Ant c. oratio de Alb. Kriegelio. Dorp. 1862; 16) Oratio pro Alb.

Kriegelio jurisconsulto. Ed. 2. Dorp. 1858. Dorp. 1871. — Dess. 1877; 17) Über die Behandlung des Civilrechts in der Gegenwart. Dessau 1876; 18) Denkschrift über die Revision eines Universitäts-Statuts. Dessau, 1876.

Формулярный списокъ В. Ф. Циглера. — Архивъ Юрьевскаго Университета. *В. Шлютеръ.*

Циглеръ (**фонъ-**), *Надежда Никандровна*, рожд. Кривоногова, дочь полковника, воспитывалась въ Патріотическомъ Институтѣ; около 1852 г. вышла замужъ за ротмистра Ивана Павловича фонъ-Циглера. Помѣщала переводы въ «Лучахъ» 1854 г.

Кн. Голицынъ. Словарь русскихъ писательницъ, с. 270. — Дѣло о дворянствѣ рода фонъ-Циглеръ въ Архивѣ Департамента Герольдіи. *В. Лемюръ.*

Цигра (Zigra), *Іоганъ-Германъ*, первый ученый садоводъ въ Россіи, сынъ купца, родился въ Любекѣ 31 іюля (новаго стиля) 1775 г. Рано лишившись отца, молодой Цигра былъ усыновленъ своимъ дядей—Вальбаумомъ, извѣстнымъ естествоиспытателемъ въ Германіи, и помѣщенъ имъ въ гимназію св. Екатерины, высшее гражданское училище въ Любекѣ. Здѣсь Цигра обнаружилъ особенную наклонность къ ботаникѣ и потому, по окончаніи ученія, дядя отправилъ его въ королевскій институтъ Бергъ-Гартенъ въ Ганноверѣ. По окончаніи курса въ Бергъ-Гартенѣ, Цигра путешествовалъ по разнымъ странамъ Германіи, а затѣмъ отправился въ Голландію и въ городѣ Гарлемѣ занимался изученіемъ цвѣтоводства. Въ 1793 г. онъ уже собирался возвратиться на родину, но былъ неожиданно захваченъ французами, во время ихъ вторженія въ Голландію, и съ другими молодыми людьми насильственно опредѣленъ солдатомъ во французскую армію. Однако, черезъ мѣсяцъ ему удалось бѣжать на шведскомъ кораблѣ и возвратиться на родину. Въ 1795 г. Цигра отправился въ Россію и поселился въ Ригѣ. Здѣсь онъ скоро пріискалъ себѣ занятія у ратсгера Голландера, садъ котораго онъ въ короткое время прекрасно устроилъ и сдѣлалъ образцомъ для всѣхъ окрестныхъ садовъ. Въ 1797 г. Цигра основалъ собственное садовое заведеніе и очень скоро привелъ его въ цвѣтущее состояніе; оно довольно долго было единственнымъ въ своемъ родѣ и имѣло большое вліяніе на усовершенствованіе садоводства не только въ Ригѣ и въ прибалтійскихъ областяхъ, но и въ отдаленныхъ частяхъ имперіи, которыя снабжались отсюда въ продолженіи полустолѣтія прекрасными сѣменами и растеніями, садовыми и хозяйственными. Въ то время искусство садоводства было еще мало извѣстно въ Россіи, высшее-же цвѣтоводство, разведеніе плодовыхъ кустарниковъ и деревьевъ, разведеніе экзотическихъ и декоративныхъ растеній совсѣмъ еще не было извѣстно. На этомъ поприщѣ Цигра проявилъ обширную и плодотворную дѣятельность и далъ огромное развитіе торговлѣ сѣменами. Кромѣ того, подъ его руководствомъ искусству садоводства училось много молодыхъ людей, въ числѣ которыхъ были ученики изъ разныхъ губерній Россіи, присылаемые на счетъ правительства. Въ 1799 г. Цигра принялъ русское подданство, приписался къ городскому сословію города Риги и съ тѣхъ поръ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и полезныхъ гражданъ этого города. Онъ былъ однимъ изъ основателей Рижскаго Литературнаго Практическаго Общества, въ періодическихъ изданіяхъ котораго онъ помѣщалъ свои статьи. Кромѣ общественной дѣятельности, Цигра работалъ также и на научно-литературномъ поприщѣ; писалъ онъ, главнымъ образомъ, по своей спеціальности—садоводству. Главныя его сочиненія представляютъ руководства къ лучшимъ способамъ разведенія и ухода за всевозможными полезными растеніями, какъ то: овощами, плодовыми и не плодовыми деревьями, кустарниками, а такъ же декоративными растеніями и цвѣтами. За свои заслуги по отечественному садоводству Цигра, кромѣ многократныхъ изъявленій благоволенія отъ коронованныхъ особъ и лицъ царской фамиліи, удостоивался получать также и награды въ видѣ перстней, табакерокъ, вазъ и медалей. За свою полезную дѣятельность онъ много разъ получалъ награды и отъ сельско-хозяйственныхъ обществъ въ Россіи. Многія ученыя общества какъ въ Россіи, такъ и заграницей избрали его своимъ членомъ, такъ напр. онъ былъ членомъ-корреспондентомъ Имп. Академіи Наукъ, Имп. Вольно-Экономическаго Общества и др. Возведенный въ

1834 г. въ потомственное почетное гражданство, Цигра въ томъ же году получилъ орд. св. Анны 3 ст. 5 января 1857 г. Цигра скончался на 82-мъ году жизни, продавъ незадолго до своей кончины свое садовое заведеніе.

Главные труды Цигры: 1) «Anweisung zur Kultur aller Küchengewächse und der vorzüglichsten Küchenkräuter nebst einem Anhang der vornehmsten Gartenfrüchte und Kräutertrocknung, geschrieben für das Klima Kur-Liv-und Estlands» (Рига 1800 г.); 2) «Der nordische Baumgärtner oder ausführliche Anweisung zur Obstbaumzucht, geschrieben für das nördliche Klima». (Рига 1803 г., второе дополненное изданіе 1820 г.); 3) «Der nordische Blumengärtner» (Сѣверный Цвѣтоводъ. Рига 1806 г. Переведено на русскій П. Ш. М. 1817); 4) «Oeconomisch-praktisches Handbuch über Gemüsebau, Hopfenbau, und Kultur der Ananas etc.» (Рига, 1808 и 2-ое изданіе 1816 г. Переведено на русскій языкъ въ 1840 г.); 5) «Der Nordische Blumenfreund, oder Repertorium des wissenwürdigsten zur Erziehung, Pflege und forwährenden Behandlung der beliebtesten Blumen und exotischen Ziergewächse» (Есть русскій переводъ подъ заглавіемъ: «Полный русскій опытный садовникъ». Перев. съ нѣм. П. Л.); 6) «Dendrologisch-öconomisch-technische Flora der im Russischen Reiche bis jetzt bekannten Bäumen und Sträucher, nebst deren vollständiger Kultur im Kleinen und Grossen und einem Anhange, eine tabellarische Uebersicht der bei uns acclimatisirten nordamerikanischen Baumgarten enthaltend» (Переведено на русскій яз. подъ Заглавіемъ «Древесная флора, или описаніе растущихъ въ Россійскомъ Государствѣ деревъ и кустарниковъ»).

«Экономическія записки» 1857 г., № 28, стр. 221—224.—«Земледѣльческая газета» 1845 г., № 90, стр. 717—718.—«50-ти лѣтній юбилей почетнаго гражданина Цигра въ Ригѣ»—«Отечественныя Записки» 1840 г. Т. X, VI, 79—80; Т. XII, VI, 76—78; 1845 г. Т. XLI, VI, 25 и 1850 г. Т. LXX, VI, 27—28.—Recke und Napiersky, Schriftsteller und Gelehrtenlexicon.—Inland, 1857, № 11.—Beise. J. H. Zigra, ein Bild gemeinnützigen Bürgerlebens. 1857.—Rigasche Stadtblätter 1875, № 35.

В. Черновъ.

Циклеръ, *Иванъ Елисеевичъ*, думный дворянинъ, заговорщикъ; казненъ 4 марта 1697 г. Сынъ полковника изъ «кормовыхъ иноземцевъ», Циклеръ записанъ въ службу въ 1671 г., пожалованъ въ стряпчіе въ 1677 г. и въ стольники въ 1679 г. Циклеръ становится болѣе извѣстнымъ въ 1682 г.; въ это время онъ былъ стрѣлецкимъ подполковникомъ, напереснкомъ Ѳедора Шакловитаго, «собесѣдникомъ» П. М. Милославскаго и дѣятельнымъ орудіемъ царевны Софіи, которая довѣряла ему какъ «самому ревностному приверженцу». Въ 1687—1688 г.г. Циклеръ участвовалъ въ первомъ Крымскомъ походѣ. Но затѣмъ Циклеръ, видя что дѣло Софіи проиграно, явился въ 1689 г. къ Петру и сообщилъ ему о заговорѣ царевны и стрѣльцовъ и назвалъ главныхъ ея сообщниковъ. За это Петръ наградилъ его придачею къ окладу, а потомъ, 9 февраля 1692 г., званіемъ думнаго дворянина и около того же времени отправилъ воеводою въ Верхотурье. Въ промежуткѣ отъ 1689 г. до 1692 г. имя Циклера упоминается еще дважды: въ первый разъ по случаю высылки его для встрѣчи гетмана Мазепы въ 1689 г., а второй—по случаю отправленія его въ январѣ 1691 г. въ Батуринъ къ тому же Мазепѣ «съ милостивымъ словомъ и жалованьемъ за усердную службу и неослабное попеченье о цѣлости малороссійскаго края». Отъ времени его воеводства, продолжавшагося до конца 1695 г., въ «Актахъ Историческихъ» (т. V) сохранилось 4 царскихъ грамоты къ нему и одна его наказная память подъячему Василію Шевелеву. Въ началѣ 1696 г. онъ былъ вызванъ въ Москву и назначенъ къ строенію крѣпостей при Азовскомъ морѣ. Вслѣдствіе этого назначенія, почитавшагося тогда за почетную ссылку, мечты Циклера о дальнѣйшемъ его возвышеніи должны были исчезнуть; между тѣмъ, строгость Петра къ противникамъ повшествъ увеличивалась; тогда Циклеръ, «олицетвореніе крамолы и мятежа», по выраженію П. Г. Устрялова, составилъ заговоръ на жизнь Петра вмѣстѣ съ окольничимъ А. Соковнинымъ и стольникомъ Ѳ. Пушкинымъ. Незадолго до исполненія ихъ замысла, на пиру у Лефорта, 23 февраля 1697 г. два стрѣльца Ларіонъ Елизарьевъ и Григорій Силинъ извѣстили Петра о намѣреніи Ц. и его сообщниковъ «съ братьею стрѣльцовъ» зажечь домъ, въ которомъ царь находился, и на пожарѣ убить его самого. Петръ немедленно явился въ мѣсто собранія заговорщиковъ, лично арестовалъ ихъ и наря-

дилъ надъ ними судъ изъ бояръ, окольничихъ и палатныхъ людей. На судѣ, даже подъ пытками, они не указали иныхъ причинъ къ злодѣянію, какъ упреки Государя въ старой дружбѣ съ Милославскимъ—Циклеръ, злобу за немилость къ своему отцу—Пушкинъ и заботливость о стрѣльцахъ—Соковнинъ; при этомъ Циклеръ оговорилъ и царевну Софію. Повѣривъ ея соучастію и видя въ этомъ заговорѣ противъ себя сѣмя, посѣянное Милославскимъ, Петръ, исполняя приговоръ суда, отомстилъ и Софіи, заставивъ её постричься въ Новодѣвичьемъ монастырѣ подъ именемъ Сусанны, и Милославскому, умершему еще въ 1685 г., тѣмъ, что велѣлъ съ безчестіемъ вырыть его трупъ и подставить подъ плаху такъ, чтобы при казни заговорщиковъ «кровь точила на него—Ивана Милославскаго»; этою жестокостью онъ хотѣлъ еще болѣе устрашить и стрѣльцовъ и другихъ своихъ противниковъ. Головы преступниковъ, воткнутыя на «желѣзные рожны» были выставлены на нѣсколько дней на Красной площади. Двое сыновей Циклера отосланы въ Курскъ на службу съ тѣмъ, чтобы «ихъ безъ указа царскаго въ Москву не отпускать».

Любопытны взгляды иностранцевъ на этотъ заговоръ. Джонъ Перри, пріѣхавшій въ Россію вскорѣ послѣ него и узнавшій кое какія подробности, замѣчаетъ, что заговоръ былъ выраженіемъ негодованія нельможъ, порицавшихъ нововведенія. Плейеръ, находившійся въ 1697 г. въ Москвѣ, придаетъ заговору особенное значеніе, утверждая, что преступный умыселъ былъ направленъ противъ Петра, всего царскаго семейства, всѣхъ лицъ, приближенныхъ къ царю и, наконецъ, противъ всѣхъ иностранцевъ.

С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи».—П. Г. Устряловъ, «Исторія Петра Великаго», т. I.-IV (Спб., 1858 — 1863).—Брикнеръ, «Исторія Петра Великаго» (Спб., 1882 г.).—Полное собр. законовъ, II, № 1577.—Дворц. Разряды, IV, 659, 710, 1023, 1015.—Ивановъ, Указатель къ боярскимъ книгамъ, стр. 447.—Справка Разряднаго Архива въ Родосл. Книгѣ Костромского нам-ва 1791 г., ч. VI.

В. Рудаковъ.

Циліаксъ, *Августъ*, родился въ Веймарѣ въ 1774 году. Обладая прекраснымъ теноромъ, онъ рѣшилъ посвятить себя сценѣ и въ 1795 году съ громаднымъ успѣхомъ дебютировалъ въ Магдебургскомъ театрѣ. Въ 1815 году онъ получилъ ангажементъ въ Петербургъ, гдѣ, состоя артистомъ нѣмецкой труппы, и оставался до самой смерти, послѣдовавшей 8 января 1839 года. Циліаксъ былъ женатъ на любимицѣ петербургской публики, артисткѣ того же театра, съ особеннымъ успѣхомъ исполнявшей роль Моины въ «Фингалѣ» Озерова. Супруги Циліаксъ играли всегда вмѣстѣ и «не мало смѣшили публику тѣмъ, что почти каждый вечеръ публично объяснялись другъ другу въ любви». Кромѣ спектаклей нѣмецкой труппы, Августъ Циліаксъ въ 1820 и 1823 годахъ принималъ участіе въ концертахъ Филармоническаго Общества, гдѣ съ большимъ успѣхомъ исполнялъ сольные номера программы.

Воспоминанія П. А. Каратыгина — «Русская Старина». 1875 г. — Березинъ. «Настольный энциклопедическій словарь».—Перепелицынъ. «Исторія музыки въ Россіи». 1888 г.

Владиміръ Березкинъ.

Цильхертъ, (Otto August Hermann Zilchert), *Оттонъ Карловичъ*, докторъ медицины, ординарный профессоръ теоретической хирургіи, офтальміатріи и офтальмологіи въ университетѣ св. Владиміра, род. 8 декабря 1812 г. въ Лифляндіи; медицинское образованіе получилъ въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1843 г. со степенью лекаря I отдѣленія. Вся дальнѣйшая его дѣятельность протекла при университетахъ; съ 1840 г. по 1842 г. Цильхертъ состоялъ ассистентомъ хирургической клиники въ Дерптѣ, съ 1843 г. по 1846 г. былъ помощникомъ прозектора при анатомическомъ театрѣ того-же университета. Съ 1844 г. по 1846 г. Цильхертъ читалъ лекціи при Дерптскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента. Въ 1846 г., по полученіи степени доктора медицины, онъ былъ опредѣленъ экстраординарнымъ профессоромъ теоретической хирургіи и офтальмологіи въ университетѣ св. Владиміра. 2 мая 1848 г. Ц. скончался въ Кіевѣ отъ тифозной горячки. Незадолго до смерти онъ получилъ званіе ординарнаго профессора. Имъ напечатаны: 1) Methodorum cystotomiae in mori vulgatissimarum, praesertim sectionis bilateralis a Dupuytren propositae et proctocystotomiae dijudicandarum experimentum. Дерптъ, 1843; 2) Qua-

edam de externis remediis, ad sanguinis in lingua profluvia sistenda, adhibendis. Дерптъ, 1846.

«Біограф. словарь проф. и препод. Импер. унив. св. Владиміра». Кіевъ, 1884 г.—Кіевск. губ. Вѣд. за 1848 г.—Жур. Мин. Нар. Просв. за 1848 г. прибавл. кн. I—VI стр. 92—94.—Краткій отчетъ универ. св. Влад. за 1848 г. Кіевъ 1849 г. стр. 3—4.—Album academ. der Kaiserl. Univers. Dorpat. 1880, стр. 228, № 3189.

Н. Терещенъ.

Цимбалинъ, *Константинъ Ивановичъ*, баснописецъ; дворянинъ Саратовской губерніи, родился въ 1807 году, воспитывался въ Московскомъ университетѣ, куда поступилъ въ 1826 году. Другихъ свѣдѣній о его жизни не имѣется. Въ 1836 году вышелъ небольшой сборникъ его басенъ («Басни и сказки Константина Цимбалина», 5 книгъ. Спб. 1836 г. тип. Праца). Басни его не отличаются художественными достоинствами. По своимъ пріемамъ онъ еще не совсѣмъ свободенъ отъ псевдоклассическихъ теорій, любитъ прибѣгать къ миѳологіи (напримѣръ: «Венера и Кошка», «Юпитеръ и Поселянинъ» и другія басни); сюжеты часто заимствованы, особенно у Эзопа. Кромѣ того, замѣтно сильное вліяніе Крылова, сказывающееся уже въ самомъ дѣленіи басенъ на книги, какъ принято у Крылова (хотя каждая изъ этихъ «книгъ» состоитъ изъ десятка—другого басенъ). Но, помимо внѣшности, вліяніе Крылова сказывается въ выборѣ сюжетовъ и разработкѣ ихъ и иногда доходитъ до полнаго подражанія (напримѣръ: «Скупой» Цимбалина и «Дѣлежъ» Крылова). Въ свое время басни были замѣчены критикой, встрѣтившей ихъ довольно равнодушно.

О нихъ рецензіи: 1) «Библіотека для чтенія» 1836 г., т. XVIII, отд. VI, стр. 27; 2) «Телескопъ» 1836 г. т. 34, стр. 87.

Дѣло о дворянствѣ рода Цимбалиныхъ въ Архивѣ д-та Герольдіи.—Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общ. 1888 года т. 62. — «Басни и сказки К. Цимбалина».

Викторъ Войновъ.

Циммерманъ, *Акимъ Константиновичъ*, род. 2 сентября 1817, окончилъ курсъ по юридическому факультету въ университетѣ св. Владиміра со степенью дѣйствительнаго студента въ 1839 г. и 13 іюля 1840 г. назначенъ преподавателемъ энциклопедіи законовѣдѣнія и государственныхъ законовъ въ Лицеѣ князя Безбородко, а черезъ три мѣсяца назначенъ сверхъ того и библіотекаремъ Лицея. Въ 1841 г. Циммерманъ получилъ степень кандидата правъ, 7 марта 1846 г.—магистра общенароднаго права, а 27 сентября 1846 г. утвержденъ въ должности профессора энциклопедіи законовѣдѣнія и государственныхъ законовъ въ томъ-же Лицеѣ. Въ 1859 г. Циммерманъ назначенъ былъ директоромъ 2-й Одесской гимназіи, а 11 марта 1880 г. уволенъ отъ службы за выслугою срока. Какъ профессоръ Ц. отличался ясностью, послѣдовательностью и своеобразностью изложенія, а какъ человѣкъ—это былъ истинный философъ, отличавшійся высокою честностью и пользовавшійся глубокимъ уваженіемъ и любовью, какъ учениковъ своихъ, такъ и всего общества. Циммерманъ умеръ въ чинѣ дѣйств. статск. совѣтника 9 октября 1887 г.

Гимназія Высшихъ Наукъ и Лицей кн. Безбородко. Изд. 2-е Спб. 1881, стр. 313—315. — Послужной списокъ А. К. Циммермана 1850 г.—Дѣло о пенсіи вдовы Ц. въ Архивѣ Мин. Нар. Просв.

В. Козловъ.

Циммерманъ, *Альбертъ-Карлъ-Генрихъ*, актеръ нѣмецкой труппы въ СПБ., родился въ 1828 году въ Вольгастѣ и въ дѣтскихъ лѣтахъ, еще вмѣстѣ со своими родителями, входившими въ составъ странствующей труппы актеровъ, разъѣзжалъ по разнымъ городамъ сѣверной Германіи. Когда отцу его удалось, наконецъ, получить постоянный ангажементъ въ Бременѣ, мальчикъ былъ отданъ тамъ въ училище, гдѣ, однако, оставался, недолго, потому что разныя неблагопріятныя обстоятельства заставили его снискивать себѣ пропитаніе участіемъ въ хорѣ и появленіемъ на сценѣ въ «выходныхъ» ролях. Въ 1844 году онъ получилъ въ Базелѣ самостоятельный ангажементъ, за которымъ вскорѣ послѣдовали другіе, болѣе выгодные, въ Бременѣ и Штутгардтѣ. Въ 1844 г. Циммерманъ поступилъ въ военную службу и болѣе года находился въ Шлезвигѣ и Голштиніи. По возвращеніи оттуда онъ нѣкоторое время игралъ на маленькихъ сценахъ, а въ 1854 году поступилъ въ Гамбургскій «Thalia Theater», гдѣ очень понравился публикѣ и остался до 1859 г., когда его пригласили на роли «бонвиванов» и молодыхъ комиковъ въ Ригу. Тамъ онъ вскорѣ сдѣ-

лался режиссеромъ и временно управлялъ театромъ. Потомъ Циммерманъ пробылъ два года въ двухъ вѣнскихъ театрахъ, «Carltheater» и «Theater an der Wien», а въ 1863 году приглашенъ на петербургскую сцену, гдѣ, послѣ блестящихъ дебютовъ, тотчасъ сдѣлался любимцемъ публики. Ц. создалъ много прекрасныхъ ролей, имѣвшихъ громадный успѣхъ, напр. въ піесахъ «Eine hiette Person», «Ein Engel», «Robert und Bertram», «Doctor Wespe», «Mein Leopold», «Die Journalisten», и мн. др. Умеръ Циммерманъ въ Петербургѣ 17 сентября 1880 года.

Суфлеръ 1880 г., № 72. — Petersburger Herold 1880, № 272.—Petersburger Zeitung 1880, № 263.

Александръ Ивановъ.

Циммерманъ, *Антонъ Михайловичъ*, профессоръ Московскаго университета по каѳедрѣ гражданскихъ законовъ Царства Польскаго, статскій совѣтникъ, родился 13 іюня 1820 года въ городѣ Ченстоховѣ, Варшавской губерніи; происходилъ изъ городского сословія, воспитывался въ Варшавской гимназіи, которую окончилъ въ 1839 году, за особое прилежаніе отправленъ былъ на счетъ казны Царства Польскаго въ Петербургскій университетъ, а по окончаніи курса со степенью кандидата правъ былъ опредѣленъ въ 1844 году сверхкомплектнымъ учителемъ русскаго языка при Варшавскихъ гимназіяхъ и откомандированъ къ Самуплу Линде, занимавшемуся тогда составленіемъ общаго славянскаго словаря. Въ 1847 году, со смертью Линде, изданіе словаря прекратилось и Циммерманъ назначенъ былъ учителемъ во 2-ю Варшавскую гимназію и въ томъ же году переведенъ въ Варшавскую реальную гимназію; въ 1848 году онъ былъ уволенъ отъ должности учителя и посвятилъ себя исключительно службѣ по судебному вѣдомству. Въ 1849 г. Циммерманъ былъ назначенъ правительственною комиссіею юстиціи къ исполненію должности ассесора Варшавскаго суда исправительной полиціи. Когда былъ объявленъ конкурсъ по смерти профессора Залозѣцкаго на занятіе каѳедры гражданскихъ законовъ Царства Польскаго, Ц. былъ выставленъ комиссіей юстиціи въ числѣ многихъ другихъ кандидатовъ и въ 1849 г. былъ выбранъ министромъ Народнаго Просвѣщенія графомъ Уваровымъ, поручившимъ ему преподаваніе польскихъ законовъ. Въ 1850 году по представленію совѣта Московскаго университета Ц. былъ опредѣленъ ординарнымъ профессоромъ «юридическихъ курсовъ, для юношества Царства Польскаго при Московскомъ университетѣ учрежденныхъ» и въ 1854 году произведенъ въ коллежскіе совѣтники. Въ 1858 году онъ былъ командированъ съ научною цѣлью, а также и для поправленія здоровья, заграницу. Въ 1859 году Циммерманъ еще числился профессоромъ Московскаго университета, но въ 1860 году, послѣ упраздненія каѳедры гражданскихъ законовъ Царства Польскаго, имя его уже не находится больше въ спискѣ профессоровъ, а также и вообще въ спискахъ должностныхъ лицъ Имперіи. Циммерманъ занимался собираніемъ матеріаловъ и источниковъ для древняго судопроизводства Царства Польскаго, но изданы эти матеріалы не были.

«Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета.» 1855 г.—Годичные отчеты Московскаго университета.—Григорьевъ. «Петербургскій университетъ за первые 50 лѣтъ существованія.»—Адресъ-календари.

Викторъ Войновъ.

Циммерманъ, *Аполлонъ Эрнестовичъ*, генералъ отъ инфантеріи, род. 29 января 1825 г., умеръ 6 іюля 1884 г., изъ дворянъ Лифляндской губ.; получивъ домашнее образованіе, поступилъ на службу вольноопредѣляющимся въ гусарскій короля Виртембергскаго полкъ, 28 апрѣля 1842 года зачисленъ юнкеромъ, а 25 марта 1843 года произведенъ въ корнеты. Поступивъ въ 1845 году въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, произведенный, по окончаніи въ ней курса, за отличные успѣхи въ штабсъ-ротмистры, Циммерманъ былъ командированъ въ Архангельскую и Олонецкую губерніи для составленія военно-статистическаго обозрѣнія и маршрутной карты этихъ губерній. Въ 1849 г. онъ былъ переведенъ въ генеральный штабъ, съ назначеніемъ состоять при департаментѣ генеральнаго штаба. Съ открытіемъ венгерской кампаніи Циммерманъ былъ командированъ заграницу въ распоряженіе генералъ-адъютанта Берга. За отличія въ сраженіяхъ подъ Сегединомъ, Коморномъ, Серегомъ и Кичъ-Бечкерекомъ онъ произведенъ былъ въ капитаны и пожалованъ орденами св. Анны 3 ст. съ бантомъ и

св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Въ 1851 году Циммерманъ былъ командированъ въ отдѣльный Кавказскій корпусъ, находился въ зимнемъ походѣ въ Малой Чечнѣ и участвовалъ во взятіи приступомъ Гехинской позиціи. Въ 1852 г. Ц. былъ командированъ въ Кутаисскую губернію для составленія военно-статистическаго ея обозрѣнія и затѣмъ участвовалъ въ зимней экспедиціи въ Большую Чечню подъ начальствомъ генералъ-маіора кн. Барятинскаго (впослѣдствіи фельдмаршала). Въ дѣйствіяхъ этой экспедиціи Циммерманъ принималъ столь видное участіе, что былъ посланъ съ донесеніемъ о нихъ къ Государю и за отличіе былъ произведенъ въ подполковники. Въ іюнѣ 1853 г. Циммерманъ участвовалъ въ экспедиціи въ Дагестанъ, а затѣмъ въ октябрѣ того же года, съ началомъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи, назначенъ былъ въ распоряженіе командовавшаго дѣйствующимъ корпусомъ на кавказско-турецкой границѣ и завѣдывалъ штабомъ Ахалкалакскаго отряда; за отсутствіемъ начальника временно командовалъ этимъ отрядомъ, а затѣмъ былъ назначенъ завѣдующимъ штабомъ Ахалцыхскаго отряда. Въ этомъ званіи онъ участвовалъ въ побѣдѣ надъ турками подъ Ахалцыхомъ, 14 ноября 1853 года, и за отличіе награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. Съ января 1855 г. Циммерманъ былъ командированъ въ распоряженіе главнокомандующаго сухопутными и морскими силами въ Крыму и назначенъ помощникомъ начальника штаба севастопольскаго гарнизона. Въ этой должности онъ почти ежедневно обходилъ севастопольскія укрѣпленія, участвовалъ въ ежодневныхъ перестрѣлкахъ и во всѣхъ выдающихся дѣлахъ, и въ ночь съ 5 на 6 іюня былъ контуженъ осколкомъ бомбы въ правую ногу и камнями отъ разрыва бомбы—въ лѣвый пахъ. За боевыя отличія подъ Севастополемъ Циммерманъ произведенъ былъ въ полковники и награжденъ золотою полусаблей съ надписью «за храбрость». Въ октябрѣ 1855 г. онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность оберъ-квартирмейстера 3-го пѣхотнаго корпуса, а въ сентябрѣ 1858 г. назначенъ состоять въ распоряженіи военнаго министра и генералъ-квартирмейстера Главнаго Штаба. Въ мартѣ 1860 г. Циммерманъ былъ командированъ въ распоряженіе командира отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, отправленъ въ укрѣпленіе Вѣрное и назначенъ командующимъ войсками въ Заилійскомъ краѣ. За дѣйствія съ этими войсками противъ кокандцевъ онъ произведенъ былъ въ генералъ-маіоры и награжденъ орденомъ св. Станислава 1 ст. Затѣмъ Циммерманъ былъ назначенъ начальникомъ штаба Виленскаго военнаго округа и въ этой должности принималъ дѣятельное участіе въ усмиреніи польскаго мятежа. Страданія отъ контузіи, полученной въ Севастополѣ, заставили Циммермана прибѣгнуть къ серьезному леченію и онъ былъ уволенъ на шесть мѣсяцевъ въ отпускъ заграницу, съ отчисленіемъ отъ должности. Возвратившись изъ отпуска, онъ былъ назначенъ для особыхъ порученій къ главнокомандующему войсками Варшавскаго военнаго округа, а въ февралѣ 1867 г.—командующимъ 32-ю пѣхотною дивизіей. Произведенный въ маѣ 1868 года въ генералъ-лейтенанты, Циммерманъ командовалъ 4-ю пѣхотною дивизіею, затѣмъ 2-ю гренадерскою и, наконецъ, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ турокъ въ 1877 г. онъ былъ назначенъ командиромъ 14-го армейскаго корпуса, расположеннаго на крайнемъ лѣвомъ флангѣ нашей арміи и назначеннаго для дѣйствій на Нижнемъ Дунаѣ и въ Добруджѣ. Дѣйствія эти въ началѣ кампаніи имѣли цѣлью отвлечь вниманіе непріятеля отъ главнаго пункта переправы нашихъ войскъ у Систова, и съ этой цѣлью отрядъ Циммермана прежде другихъ переправился на правый берегъ Дуная, а затѣмъ въ теченіе всей кампаніи, охраняя нашъ лѣвый флангъ, демонстрировалъ противъ нижнедунайскихъ крѣпостей. За боевыя отличія въ этой кампаніи Циммерманъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго и брилліантовыми къ этому ордену знаками. По окончаніи военныхъ дѣйствій онъ былъ назначенъ членомъ военнаго совѣта и въ маѣ 1883 г. произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Послѣ Циммермана осталась довольно богатая библіотека, преимущественно по части стратегіи, тактики, военной исторіи и военной администраціи. Библіотека эта, по завѣщанію владѣльца, поступила въ Румянцевскій музей. Въ «Военномъ

Сборникѣ» напечатаны двѣ статьи его: «Замѣтка о Крымской войнѣ» (1859 г., т. VI, № 4, отд. II, стр. 379—453) и «Нѣсколько словъ объ австро-прусской войнѣ», переводъ съ французскаго (1868 г., № 6), кромѣ того въ третьемъ выпускѣ «Русскаго Туркестана» напечатано извлеченіе изъ донесенія Циммермана о взятіи Ханкулы. Циммерманъ оставилъ интересныя записки, которыя могутъ быть напечатаны лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

«Русскій Архивъ» 1867 г., ст. 911; 1895 года кн. 3, стр. 176. — «Историч. Вѣстн.» 1884, т. 18, стр. 246.—«Русск. Старина» 1885, т. 46, стр. 334; 1890 г., т. 65, стр. 748; 1894 г., т. 81, апрѣль, стр. 149.—«Нива» 1884 г. № 31, стр., 725—726.—«Русскій Инвалидъ» 1884 г., № 157. — «Отчетъ московскаго публичнаго и румянцевскаго музеевъ за 1883—1885 г.г.» Москва 1886, стр. 98.—«Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ.» Подъ ред. Леера, т. VIII, Спб. 1896. *Н. Мичатекъ.*

Циммерманъ, *Владиміръ Андреевичъ*, писатель по сельскому хозяйству и домоводству, въ 1847 году получилъ отъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества малую золотую медаль за отвѣтное сочиненіе на задачу о рыбномъ ядѣ, а съ 1851 г. состоялъ членомъ этого Общества. Имъ написаны: 1) «Руководство къ разведенію сахарной свекловицы», Кіевъ. 1860; 2) «Наставленіе къ откармливанію рогатаго скота». Спб. 1854; 3) «Наставленія къ разведенію гусей, козъ, индѣекъ». Спб. 1854 (три книги).

Отчеты Имп. Вольно-Эконом. Общ. за 1847 и 1860 годы. — Ходневъ. «Исторія Вольно-Эконом. Общ.» стр. 439.—«Отечественныя записки» 1854 г., XCV, IV, стр. 83—84. *В. Черновъ.*

Циммерманъ, *Дитрихъ-Леопольдъ*, докторъ медицины, сынъ пастора, род. въ им. Доннангенъ, въ Курляндіи, въ 1780 г., изучалъ медицину въ Іенѣ, Берлинѣ и Галле, а въ 1801 г. утвержденъ Медицинскою Коллегіею въ званіи лекаря. Въ 1807 г. онъ назначенъ былъ Туккумскимъ уѣзднымъ врачемъ, а 16 ноября 1811 г. получилъ въ Дерптскомъ университетѣ степень доктора медицины. Въ 1837 году онъ получилъ чинъ статскаго совѣтника, а 14 декабря того-же года вышелъ въ отставку. Онъ былъ живъ въ 1841 г. и умеръ до 1846 г. Циммерманъ написалъ: «Doctrinae de solido vivo origines», Галле 1799 г.

Recke u. Napiersky, Schriftsteller u. Gelehrten Lexicon.—Gurlt u. Hirsch. Biograph. Lexicon der hervorragenden Aerzte. — Атестатъ о службѣ Д. Л. Циммермана. *В. Козловъ.*

Циммерманъ, *Іоганъ-Габріель* (Johann Gabriel Zimmermann), врачъ, первоначально учился въ московскомъ госпиталѣ волонтеромъ и получилъ званіе лекаря 15 мая 1774 г.; находился въ Москвѣ, во время чумы, при лафертовскомъ карантинѣ. Въ 1775 году онъ уѣхалъ въ чужіе края, учился въ Гейдельбергѣ, гдѣ защитивъ диссертацію «De scarlatina in annis 1775 et 1776 epidemica», получилъ дипломъ 7 декабря 1779 года. Черезъ два года онъ былъ опредѣленъ на службу въ Орловскомъ намѣстничествѣ 9 декабря 1781 года. Здѣсь онъ захворалъ и уѣхалъ въ Херсонъ лечиться (1794 г.), а по выздоровленіи опять опредѣленъ на службу въ Вознесенское намѣстничество 26 іюня 1796 г. Умеръ Циммерманъ въ 1799 г. въ Тирасполѣ, гдѣ былъ уѣзднымъ докторомъ.

Чистовичъ, Яковъ. Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи, стр. CCCXXVI въ прилож.

Н. В. Теренинъ.

Циммерманъ, *Карлъ Ивановичъ* (Карлъ-Вильгельмъ), р. около 1785, сынъ оберъ-штейеръ-коммиссара, воспитывался въ бывшемъ при Комиссіи Составленія Законовъ высшемъ училищѣ Правовѣдѣнія, гдѣ окончилъ курсъ въ 1809 г., причисленъ къ означенной Комиссіи и участвовалъ въ составленіи законоположеній, касающихся Финляндіи, за что получилъ въ 1816 г. орденъ св. Владиміра 4 ст. и въ томъ же году назначенъ редакторомъ Комиссіи. 4 апрѣля 1826 г. Циммерманъ назначенъ былъ старшимъ чиновникомъ II отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, а въ 1827 году переведенъ юрисконсультомъ въ Государственный Коммерческій Банкъ. 16 января 1831 г. К. И. былъ назначенъ вице-президентомъ Юстицъ-Коллегіи Лифляндскихъ и Эстляндскихъ Дѣлъ, а осенью того-же года чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ Финансовъ и 25 мая 1834 года произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ 1839 г. Циммерманъ былъ снова назначенъ старшимъ чиновникомъ II Отдѣленія Собственной Е. В. Канцеляріи съ оставленіемъ въ вѣдом-

ствѣ министерства Финансовъ и участвовалъ въ составленіи проекта новаго уголовнаго уложенія. Циммерманъ былъ еще живъ въ 1844 г. Время его смерти неизвѣстно.

Послужной списокъ К. И. Циммермана 1841 г.

В. Козловъ.

Циммерманъ, *Павелъ Ивановичъ*, врачъ, род. въ 1811 году и кончилъ курсъ въ Московской Медико-Хирургической Академіи, въ 1833 году, съ званіемъ штабъ-лекаря. Въ сороковыхъ годахъ Циммерманъ былъ ординаторомъ въ Московской Екатерининской больницѣ, въ качествѣ ординатора, но вскорѣ былъ назначенъ врачемъ Приказа Общественнаго Призрѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ преподавателемъ медицины въ духовной семинаріи въ г. Пензѣ. Во время холерной эпидеміи въ городѣ Пензѣ и ея окрестностяхъ Циммерманъ выказалъ замѣчательную энергію и самоотверженіе въ борьбѣ съ ней, чѣмъ заслужилъ признательность населенія и ему была объявлена Высочайшая благодарность «за самоотверженную дѣятельность во время эпидеміи». Выдержавъ въ 1852 г. экзаменъ при Московскомъ университетѣ, Циммерманъ получилъ званіе инспектора врачебной управы. Въ это же приблизительно время онъ изучилъ хирургію и въ 1855 г. былъ назначенъ, какъ опытный врачъ и хирургъ, старшимъ врачемъ Пензенской больницы Приказа Общественнаго Призрѣнія, которую нашелъ въ весьма запущенномъ состояніи; энергично принявшись за устройство больницы, онъ вскорѣ привелъ ее въ образцовый порядокъ. За это время имъ было сдѣлано значительное количество операцій, въ особенности дѣтямъ крестьянъ изъ окрестностей Пензы, страдавшимъ каменной болѣзнью. Въ 1858 г. онъ былъ назначенъ членомъ-операторомъ Одесской врачебной управы и оставался въ Одессѣ до конца своей жизни. Здѣсь нѣкоторое время онъ состоялъ консультантомъ при институтѣ благородныхъ дѣвицъ, а въ 1878 году былъ назначенъ ординаторомъ военнаго госпиталя. Еще будучи ординаторомъ Московской Екатерининской больницы онъ вмѣстѣ съ Д. Миномъ перевелъ трудъ знаменитаго вѣнскаго профессора и анатома Рокитанскаго: «Руководство патологической анатоміи» (6 томовъ, которые выходили частями въ періодъ съ 1844 г. до 1850 г.). Умеръ Циммерманъ 17 апрѣля 1890 года. Некрологи отмѣчаютъ его извѣстность, какъ практикующаго врача въ Одессѣ, и любовь и уваженіе, которыми онъ пользовался со стороны своихъ паціентовъ и сослуживцевъ.

Систематическій реэстръ русскимъ книгамъ Ольхина Спб. (31—46 г. № 1).—«Новое Время» за 1890 г., № 5081.

Л. Дагаевъ.

Цимсенъ, *Алексѣй Васильевичъ*, тайный совѣтникъ, управляющій Государственнымъ Банкомъ, род. въ 1832 г. и происходилъ изъ обрусѣвшей нѣмецкой фамиліи. Высшее образованіе Цимсенъ получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1852 г. Въ томъ же году онъ поступилъ на государственную службу въ Петербургскую казенную палату, изъ которой былъ затѣмъ переведенъ въ 1855 г. въ Общую Канцелярію министерства Финансовъ, а въ 1859 г. назначенъ былъ ученымъ секретаремъ Ученаго Комитета при томъ же министерствѣ. Большая часть служебной дѣятельности его протекла въ Особой Канцеляріи по кредитной части, куда онъ перешелъ въ 1862 г. Здѣсь онъ послѣдовательно занималъ должности: начальника 1-го отдѣленія, вице-директора (съ 1868 г.) и директора (съ 1873 г.). Въ 1869 г. Цимсенъ произведенъ въ дѣйствит. статскіе совѣтники, а въ 1876 г. въ тайные совѣтники. Находясь во главѣ Особой Канцеляріи по кредитной части, онъ принималъ непосредственное участіе въ операціяхъ всѣхъ государственныхъ займовъ, а также близко соприкасался съ дѣятельностью Государственнаго Банка. Послѣднее и послужило поводомъ, во время завѣдыванія министерствомъ Финансовъ т. с. Бунге, къ выбору Цимсена въ преемники Е. И. Ламанскому, когда тотъ въ 1881 г. оставилъ постъ управляющаго Государственнымъ Банкомъ. Вскорѣ послѣ занятія этого поста Цимсенъ былъ назначенъ членомъ комитета финансовъ.

Онъ былъ не только энергичнымъ и трудолюбивымъ управляющимъ Банкомъ, хорошо ознакомленнымъ съ труднымъ механизмомъ его операцій, но и близкимъ постояннымъ совѣтникомъ министра Финансовъ. Во всѣхъ происходившихъ у послѣдняго совѣщаніяхъ, а также въ засѣда-

ніяхъ разныхъ кредитныхъ установленій Цимсенъ принималъ дѣятельное участіе. Въ 1883 г. онъ получилъ орд. Бѣлаго орла, а въ 1886 г.—св. Александра Невскаго. Шесть послѣднихъ лѣтъ своей жизни Цимсенъ страдалъ порокомъ сердца, отъ котораго скончался скоропостижно 30 января 1889 г. въ Петербургѣ и похороненъ на Смоленскомъ лютеранскомъ кладбищѣ.

«Новое Время», 1889 г., № 4644.—«Новости», 1889 г., №№ 32, 33 и 34.—«Петербургскій Листокъ», 1889 г., №№ 30, 31, 32, 33.—«Петербургская Газета», 1889 г., №№ 30, 32 и 33.—«St.-Petersburger Zeitung», 1889 г., №№ 31, 32, 33, 34 и 35.—«Русскій календарь» на 1890 г., стр. 253.

А. Трика.

Цинскій, *Левъ Михайловичъ,* генералъ-маіоръ, Московскій оберъ-полиціймейстеръ съ 1834 по 1845 г. Объ его дѣтствѣ и первоначальномъ образованіи свѣдѣній не имѣется, извѣстно только, что въ мартѣ 1813 г. онъ произведенъ изъ Дворянскаго кавалерійскаго эскадрона въ Конную гвардію корнетомъ и прикомандированъ къ гвард. резервному эскадрону. Со своей частью онъ принималъ участіе въ кампаніи 1813—1814 гг. и отличился въ Кульмскомъ и Феръ-Шампенуазскомъ сраженіяхъ, за что и былъ награжденъ орденами: св. Анны 3-й степени и св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, былъ полковымъ казначеемъ и квартирмейстеромъ. Въ сентябрѣ 1830 г. Цинскій назначенъ былъ флигель-адъютантомъ къ Е. И. В., участвовалъ въ кампаніи 1831 г. и за отличіе былъ награжденъ орд. св. Анны 2-й степени съ Императорской короной. Въ 1833 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ состоять при 2-й легкой гвард. кавалерійской дивизіи, а въ слѣдующемъ году назначенъ на постъ Московскаго оберъ-полиціймейстера, какового и занималъ до 1845 г. Въ этотъ періодъ Л. М. довольно близко сошелся съ братьями К. А. и Н. А. Полевыми, сначала въ силу чисто служебнаго положенія—послѣ запрещенія «Московскаго Телеграфа», издаваемаго Н. А. Полевымъ. Полевой былъ отданъ подъ ближайшій непосредственный надзоръ Л. М. Гуманное, доброжелательное отношеніе Цинскаго къ Полевому способствовало ихъ сближенію; Н. А. Полевой въ письмѣ къ брату своему отъ 24 ноября 1838 г. просилъ передать сообщаемыя новости «моему доброму Л. М. Ц. и Н. А. Кашинцеву: они не оставляютъ меня въ горѣ и порадуются моей радости», а К. А. Полевой въ одномъ изъ своихъ писемъ даетъ слѣдующую характеристику Цинскаго: «это былъ не такой человѣкъ, который былъ бы способенъ говорить то, чего не было. Я всегда видѣлъ въ немъ благороднаго, достойнаго сподвижника офицеровъ, 1812 г., въ которыхъ господствовалъ честный характеръ. Нѣсколько жесткія формы не мѣшали ему дѣлать добро и пользу при исполненіи трудныхъ его обязанностей». Приблизительно въ это же время Цинскій увлекся первой балериной московской балетной труппы Санковской и сталъ ей замѣтно покровительствовать, что дало поводъ извѣстному въ то время водевилисту Д. Т. Ленскому пустить въ обращеніе слѣдующій экспромтъ, очень скоро ставшій извѣстнымъ не въ одной только Москвѣ:

«Брандъ-маіоръ Тарновской
Тѣмъ себя прославилъ,
Что башмакъ Санковской
Цинскому доставилъ.
Такъ-ли? При рапортѣ-ль..?
Слухи не доходятъ,
Но чрезъ этотъ фортель
Многіе выходятъ.

«Истор. Вѣст.» 1887 г., кн. 9, стр. 505; кн. 10, стр. 50.—«Рус. Старина», 1896 г., кн. 4, стр. 42.—«Полный списокъ шефовъ, подк. командъ. и офицеровъ л.-гв. коннаго полка съ 1731—1886 г.», Спб., 1886 г., стр. 259.—Милорадовичъ, Списокъ лицамъ свиты.

Н. Тычино.

Ціолковскій, *Станиславъ Осипо[вичъ] (Тимовеевичъ),* генералъ-маіоръ, род. 8 декабря 1788 г. въ Бѣлополѣ, Житомірскаго уѣзда; происходилъ изъ древняго польскаго дворянскаго рода. Ціолковскій въ 1808 г. вступилъ въ службу въ Шлиссельбургскій пѣхотный полкъ подпрапорщикомъ и участвовалъ въ Турецкомъ походѣ 1808—1811 гг., причемъ былъ раненъ подъ Батинымъ и за отличіе въ этомъ сраженіи произведенъ, 25 ноября 1810 г., въ подпоручики. Съ декабря 1811 г. по апрѣль 1817 г. онъ состоялъ дивизіоннымъ адъютантомъ при генералѣ Эссенѣ 1-мъ и участвовалъ въ отечественной войнѣ 1812 г. Въ сраженіи подъ Волковыскомъ Ціолковскій былъ сильно контуженъ въ шею; за кампанію 1812 г. онъ получилъ чинъ штабсъ-капитана и орд. св. Анны 2 ст.; 5 января 1817 г. онъ

былъ переведенъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ, а 14 декабря того же года назначенъ старшимъ адъютантомъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, которымъ командовалъ тотъ же Эссенъ. Въ 1820—21 гг. Ціолковскій былъ начальникомъ конвоя, сопровождавшаго нашу миссію въ Бухару. Произведенный въ 1822 г. въ полковники, съ отчисленіемъ отъ Измайловскаго полка по арміи, онъ былъ оставленъ въ Оренбургѣ въ распоряженіи Эссена, а затѣмъ гр. Сухтелена. Въ 1824—1825 гг. Ціолковскій былъ начальникомъ отряда, сопровождавшаго нашъ купеческій караванъ посланный въ Бухару, и подвергшагося нападенію киргизовъ—при переправѣ черезъ Сыръ-Дарью и хивинцевъ—у горы Биштюбы. Въ 1833 г. С. Т. получилъ орденъ св. Георгія 4 ст. за 25 лѣтъ службы въ офицерскихъ чинахъ, а 4 декабря 1834 г. назначенъ командующимъ Башкирскимъ и Мещерякскимъ войскомъ; 1 января 1835 г. онъ произведенъ былъ въ генералъ-маіоры съ оставленіемъ въ должности, а въ 1836 г. получилъ орд. св. Станислава 1 ст. Въ 1839—1840 гг. онъ участвовалъ въ Хивинской экспедиціи, 16 октября 1840 г.—награжденъ орд. св. Анны 1 ст., а 28 ноября 1840 г. по болѣзни вышелъ въ отставку. Время смерти С. Т. Ціолковскаго неизвѣстно.

Указъ отставки С. Т. Ціолковскаго.

В. Лемюръ.

Ципровскій, *Алексѣй*, протоіерей въ Москвѣ. Біографическихъ свѣдѣній о немъ не имѣется. Въ 1842 году имъ была издана небольшая книга: «Разсужденіе о необходимости властей и различныхъ званій въ человѣческихъ обществахъ. Написано по поводу газетныхъ извѣстій о новѣйшемъ вольномысліи и возмущеніяхъ во Франціи. Москва. 1842 г.»

Ольхинъ. Систем. реестръ русск. книгамъ, с. 7, № 66.

В. Черновъ.

Цитадинъ, *Павелъ*, родомъ итальянецъ, родился въ городѣ Миланѣ и находился при дворѣ царя Ѳеодора Іоанновича. Относительно времени его прибытія въ Россію въ точности ничего неизвѣстно, оно относится еще къ предыдущему царствованію. Прослуживъ придворнымъ врачемъ до глубокой старости, Цитадинъ обратился съ просьбой къ королю французскому Генриху IV, въ которой выразилъ свое желаніе отправиться во Францію, гдѣ у него были при дворѣ родственники; вслѣдствіе чего, по просьбѣ Генриха, онъ былъ освобожденъ отъ своихъ обязанностей придворнаго врача и отпущенъ изъ Россіи 7 апрѣля 1595 года.

Н. П. Загоскинъ: «Врачи и врачебное дѣло въ старинной Россіи», Казань, 1891 г., с. 27.—Рихтеръ. «Исторія Медицины», I, 311—313.

Л. Даласъ.

Цитлидзевъ (Цитлядзевъ), *Георгій Павловичъ*, генералъ-маіоръ, командиръ 2-й бригады 30-й пѣхотной дивизіи, род. 18 апрѣля 1827 г. въ Вяткѣ, ум. 18 января 1883 г. въ Минскѣ; происходилъ изъ дворянъ, воспитывался въ 1-мъ Кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ прапорщикомъ въ 19 артиллерійскую бригаду въ 1845 г., потомъ поступилъ въ Военную Академію, гдѣ окончилъ курсъ въ 1850 г., зачисленъ въ генеральный штабъ и назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ 7-й кавалерійской дивизіи, а въ 1858 г. произведенъ въ подполковники и назначенъ начальникомъ штаба 5-й кавалерійской дивизіи. Въ 1863 г., въ чинѣ полковника, онъ принималъ участіе въ усмиреніи польскаго мятежа, причемъ особенно отличился въ дѣлахъ при Бржицкѣ и Порыцкѣ. Въ 1865 г. Цитлидзевъ назначенъ былъ командиромъ 131 Тираспольскаго, а затѣмъ 14 Селенгинскаго—пѣхотныхъ полковъ. Въ 1874 г. Г. П. произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ слѣдующемъ году получилъ въ командованіе 1 бригаду 12 пѣхотной дивизіи; съ этою бригадою онъ участвовалъ въ турецкой кампаніи 1877—1878 гг., состоялъ въ Рущукскомъ отрядѣ и за дѣло у Мечки, гдѣ онъ отбилъ рядъ атакъ втрое сильнѣйшаго непріятеля и даже перешелъ въ наступленіе и преслѣдовалъ противника, получилъ орд. св. Георгія 4 ст. Послѣ войны Цитлидзевъ назначенъ былъ командиромъ 2-й бригады 30-й пѣхотной дивизіи; имѣлъ орд. св. Станислава 1 ст. и св. Владиміра 3 ст. съ мечами

«Русскій Инвалидъ», 1883 г., № 32. — «Русская Старина», 1888 г., т. LVII, с. 333, 343, 345, 346.—Дѣло о дворянствѣ рода Цитлидзевыхъ въ Арх. Д-та Герольдіи.

В. Лемюръ.

Цитовичъ, *Гавріилъ Акимовичъ*, врачъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, авторъ медицинскихъ сочиненій, род. въ

1813 г., происходилъ изъ духовнаго званія; медицинское образованіе получилъ въ Петербургской Медико-Хирургической Академіи, въ которой состоялъ казеннымъ воспитанникомъ; кончилъ въ ней курсъ въ 1834 г. лекаремъ I отдѣленія медицины и ветеринаріи съ золотою медалью и опредѣленъ ординаторомъ въ Люблинскій военный госпиталь; въ 1835 г. перешелъ въ Ловичскій военный госпиталь; въ 1836 г.— въ Ковенскій военно-временный госпиталь; въ 1837 г. назначенъ врачемъ въ Колыванскій егерскій полкъ; 30 октября 1837 г. получилъ степень доктора медицины въ Петербургской Медико-Хирургической Академіи, въ 1838 г. опредѣленъ ординаторомъ въ Варшавскій военный госпиталь; съ 1838 по 1842 г. состоялъ вмѣстѣ съ тѣмъ учителемъ фельдшерской школы въ Варшавѣ; въ 1845 г. состоялъ при генералъ-штабъ-докторѣ дѣйствующей арміи; съ 1853 г. исполнялъ должность главнаго доктора Новогеоргіевскаго военнаго госпиталя; съ 1856 г. состоялъ главнымъ докторомъ Люблинскаго военнаго госпиталя; въ 1859 г. назначенъ главнымъ лекаремъ Замосцкаго военнаго госпиталя; затѣмъ служилъ главнымъ докторомъ Брестъ-Литовскаго военнаго госпиталя, гдѣ и умеръ въ 1872 г. Печатные труды его: 1) «Intussusceptio intestinorum», «Военно-медицинскій журналъ», 1839 г., ч. 34, I, 119; 2) «Прижиганіе сыпей азотнокислою ртутью», «Военно-медицинскій журналъ», 1840 г., ч. 36, I, 3; 3) «Три наблюденія: азотнокислое серебро въ ухотеченіи, пурпура и phlebitis», «Другъ Здравія», 1842 г., 30; 4) «Тифозная горячка», пер. съ фр. Форже. Варшава, 1847 г.; 5) «Antrax въ этіологическомъ и терапевтическомъ отношеніи», «Другъ Здравія», 1855 г., 38; 6) «О раненіяхъ головы», «Другъ Здравія», 1855 г., 49; 7) «Клиническія замѣтки о легочной чахоткѣ», пер. съ франц., «Военно-медицинскій журналъ», 1839 г., ч. 34.

Змѣевъ. Русскіе врачи-писатели.

Н. Теренинъ

Цитовичъ, *Николай Дмитріевичъ*, служилъ по Министерству Государственныхъ Имуществъ; въ 1841 г. былъ коллежскимъ совѣтникомъ и старшимъ контролеромъ 1-го департамента этого министерства. Ему принадлежитъ книжка: «Басни Н. Цитовича. Спб., 1833 г., 8°, 23 стр.». Басни эти, являясь слабымъ подражаніемъ Крылову, полны курьезовъ и несообразностей. Онѣ обнаруживаютъ въ авторѣ только умѣніе подбирать рѣемы и, конечно, никакого литературнаго значенія не имѣютъ.

Ольхинъ. Сист. росп. рус. книгъ, с. 252, № 5621. — Списки чинамъ 5-го и 6-го классовъ 1 іюля 1842 г., с. 315.

Вяч. Водарскій.

Цихоріусъ, *Людвигъ-Эмиль*, докторъ медицины, профессоръ Дерптскаго университета, р. 4 апрѣля 1770 г. въ Лейпцигѣ, гдѣ изучалъ медицину и получилъ степени доктора философіи и доктора медицины. Въ 1803 г. онъ былъ домашнимъ учителемъ у лифляндскаго помѣщика Сиверса, а въ 1804 г. назначенъ профессоромъ анатоміи и прозекторомъ Дерптскаго университета. Въ 1814 г. Цихоріусъ былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ анатоміи, физіологіи и судебной медицины, а съ 1822 г. — деканомъ медицинскаго факультета. Произведеный въ 1825 г. въ коллежскіе совѣтники онъ вышелъ въ отставку въ 1827 г. и умеръ 15 марта 1829 г. Имъ написаны: 1) Разныя статьи въ «Conversations-Lexicon» Лейпольда, на букву P, Лейпцигъ 1800 г; 2) Betrachtungen über die Muttermäler въ «Zuschauer im häuslichen Leben» Lpz. 1796, II, стр. 74—123; 3) Über die physischen Verschiedenheiten der Menschen u. besonders über die in der Gattung dieser existirenden Racen; въ «Paradoxieen» Г. Ф. Мартенса, I, 2, стр. 131—174; 4) Einige Bemerkungen über die Racen unter den Thieren; тамъ-же, стр. 175—180, 5) Chaillets geistliche Reden nach dem Französischen frey bearbeitet, nebst einer Abhandlung über die höchste Wirkung schöner Darstellungen geistlicher Stoffe in Werken der Redekunst, vom Prof. Heydenreich. Leipz., 1797.

«Provinzialblatt für Kur—Liv—und Estland» 1829. — «Literärischer Begleiter» № 9 (24. April 1829)—Recke—Napiersky I, 249 und Nachtr. S. 131.—Формулярный списокъ въ Архивѣ Дерптскаго университета.

В. Шлютеръ.

Цихорскій, *Викентій Фабіановичъ*, сенаторъ, род. въ 1793 г., ум. 30 окт. 1856 г. Онъ происходилъ изъ дворянъ Царства Польскаго и началъ службу въ 1807 г. въ Хелмскомъ земскомъ судѣ, въ Бромбергскомъ департаментѣ; затѣмъ занималъ раз-

личныя незначительныя должности въ мировомъ судѣ Холмскаго повѣта (уѣзда), а по введеніи, 19 марта 1816 г., прусскаго судопроизводства — въ Холмскомъ земскомъ гродскомъ судѣ. 16 августа 1818 г. Ц. вышелъ въ отставку и переселился въ Царство Польское, гдѣ получилъ, 2 октября того же, года мѣсто экспедитора Правительственной Комиссіи Юстиціи, и вскорѣ сдѣлался секретаремъ гражданскаго трибунала Плоцкаго воеводства, а по выдержаніи установленнаго для судебныхъ чиновниковъ экзамена 2 разряда, съ 6 сентября 1820 г., назначенъ асессоромъ ипоточной комиссіи Мазовецкаго, Калишскаго и Плоцкаго воеводствъ. 8 іюля 1821 г. онъ былъ назначенъ асессоромъ гражданскаго трибунала въ г. Калишѣ, а по выдержаніи новаго экзамена 3 разряда, утвержденъ судьей гражданскаго трибунала Подлясскаго воеводства (25 янв. 1827 г.). Польскій мятежъ 1830—31 гг. прервалъ на время служебную дѣятельность Цихорскаго и онъ воспользовался этимъ временемъ для поправленія своего разстроеннаго здоровья, проживая въ г. Сѣдлецѣ, но уже въ іюнѣ 1831 г., по возстановленіи въ краѣ законнаго порядка, вновь вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. 9 февраля 1832 г. онъ былъ перемѣщенъ судьей въ гражданскій трибуналъ Мазовецкаго воеводства, а въ 1833 г., кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей, исправлялъ должность и вице-предсѣдателя Мазовецкаго коммерческаго суда. Проявленное имъ въ теченіе свыше двадцатипятилѣтней службы знаніе судебнаго дѣла и быта Царства Польскаго побудили правительство назначить его членомъ учрежденной въ С.-Петербургѣ пріуготовительной комиссіи для составленія законовъ Царства (12 сент. 1833 г.). По окончаніи трудовъ этой комиссіи, 9 февраля 1838 г., Высочайше повелѣно выдать Цихорскому въ награду пятнадцать тысячъ руб. и опредѣлить къ должности судьи высшей палаты съ самымъ высшимъ окладомъ, мѣсту сему присвоеннымъ. При учрежденіи Варшавскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената (6 сент. 1841 г.) онъ произведенъ въ дѣйств. стат. совѣтники, съ назначеніемъ присутствовать въ Сенатѣ, сначала безъ званія сенатора, а 7 іюня 1855 г. получилъ чинъ тайнаго совѣтника и утвержденъ сенаторомъ. Въ этотъ промежутокъ времени (1841 — 1855) онъ награжденъ, орденомъ св. Анны 2 ст. съ Имперг. короной (1845), св. Владиміра 3 ст. (1851) и св. Станислава 1 ст. (1855). 3 янв. 1856 г. ему повелѣно присутствовать во 2-мъ отдѣленіи 9 департамента Сената.

Формул. списокъ Ф. В. Цихорскаго.

И. Семеновъ.

Цихъ, *Владиміръ Францовичъ*, ординарный профессоръ по каѳедрѣ всеобщей исторіи и ректоръ университета св. Владиміра; родился въ 1805 г., умеръ 19 апрѣля 1837 г. Цихъ по происхожденію, какъ говоритъ фонъ-Брадке, изъ Венгріи или Чехіи, уроженецъ Харьковской губерніи и воспитанникъ Екатеринославской гимназіи и Харьковскаго университета. Черезъ пять лѣтъ по окончаніи университетскаго курса, въ 1830 г., Вл. Фр. началъ свою педагогическую дѣятельность преподаваніемъ исторіи въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, а въ слѣдующемъ году былъ приглашенъ и въ университетъ. По полученіи въ 1833 г. степени магистра, онъ въ 1834 г. былъ переведенъ въ университетъ св. Владиміра экстраординарнымъ профессоромъ и на другой же годъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ и деканомъ I отдѣленія Философскаго факультета, а затѣмъ и ректоромъ университета. Хотя Цихъ посвятилъ кіевскому университету всего три года, однако успѣлъ оказать сильное вліяніе и оставилъ по себя хорошую память. По словамъ О. Новицкаго, онъ «всегда и вездѣ являлъ себя мужемъ разума и совѣта... вездѣ своимъ личнымъ достоинствомъ умѣлъ поддержать свое значеніе». Тогдашній попечитель К. Ѳ. фонъ-Брадке въ своей автобіографіи говоритъ: «Цихъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ былъ откровененъ и прямъ; все, что онъ говорилъ, было ясно и чуждо двуязычія; возложенное на него исполнялось быстро и осмотрительно»; это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что, по свидѣтельству того же фонъ-Брадке, почти всѣхъ окружающихъ Циха можно было назвать льстецами и притворщиками. Обозрѣвая его профессорскую научную дѣятельность, Шульгинъ въ своей «Исторіи университета св. Владиміра», называетъ его «украшеніемъ университета». И дѣйствительно Владиміръ Францовичъ свои чтенія излагалъ съ мастерствомъ ора-

тора, стройно и систематически, всегда по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, знакомилъ слушателей съ источниками, первый употреблялъ строгій критическій методъ, придавалъ наибольшее значеніе внутренней исторіи и вообще далъ много весьма точныхъ опредѣленій и понятій въ области исторіи и ея философіи. Литературныхъ трудовъ у Циха немного, что объясняется, съ одной стороны, непродолжительностью его жизни и, съ другой, множествомъ разнообразныхъ дѣлъ въ области администраціи и устройства новаго университета. Первой печатной работой его была магистерская диссертація «О способѣ преподаванія исторіи» (Харьковъ, 1833 г.), пользовавшаяся большимъ значеніемъ очень долгое время. Затѣмъ имъ было напечатано только двѣ статьи: «Объ эллино-македонскомъ періодѣ» (въ Журналѣ Министерства Народнаго Просв. 1835 г.), гдѣ послѣ подробнаго обозрѣнія дѣятельности Александра Македонскаго, преимущественно по извѣстіямъ Арріана, высказываются личные взгляды автора, какъ о личности самого героя, такъ и о нравственномъ состояніи его современниковъ, и «О цѣли и пользѣ высшихъ учебныхъ заведеній», блестящая рѣчь, отличающаяся выраженіемъ яснаго пониманія значенія университета для края и произнесенная при открытіи университета св. Владиміра 15 іюля 1834 г.

«Записки и рѣчи, чит. при открытіи Имп. Ун. св. Владиміра». Кіевъ, 1840 г.—Р. Архивъ. 1875. Автобіографія К. Ѳ. фонъ-Брадке.—«Біографическій словарь профессоровъ университета св. Владиміра» Иконникова. Кіевъ, 1884 г.—«Исторія унив. св. Владиміра» Владимірскаго-Буданова. Кіевъ 1884. — «Рѣчи, произнесенныя при погребеніи ректора и профессора В. Ф. Циха» М. 1837.

В. Рудаковъ.

Цицiановъ, *князь Дмитрій Ивановичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, сынъ бригадира князя Ивана Дмитріевича и родной племянникъ кн. Павла Дмитріевича (см. далѣе) Цицiановыхъ, род. въ Москвѣ 4 апрѣля 1800 г., воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ и въ 1820 г. выпущенъ изъ камеръ-пажей прапорщикомъ въ гвардейскій генеральный штабъ. Въ 1825 г., въ чинѣ поручика, онъ былъ назначенъ состоять для особыхъ порученій при генералъ-квартирмейстерѣ 1-й арміи Бутурлинѣ. Въ 1827 г. Д. И. переведенъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ и назначенъ адъютантомъ при главномъ директорѣ кадетскихъ корпусовъ генералъ-адъютантѣ Демидовѣ, но черезъ восемь мѣсяцевъ снова переведенъ на прежнюю должность. Въ 1828—1829 гг. Цицiановъ участвовалъ въ турецкой кампаніи, состоялъ при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, по порученію котораго велъ переговоры о сдачѣ крѣп. Браилова, и былъ въ сраженіяхъ съ турками подъ Буланлыкомъ и Шумлою. Въ 1831 г. онъ участвовалъ въ польской кампаніи въ званіи дивизіоннаго квартирмейстера. Въ 1832 г. онъ назначенъ правителемъ дѣлъ Императорской Военной Академіи съ переводомъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ и въ томъ же году произведенъ въ полковники, а въ слѣдующемъ 1833 г. назначенъ старшимъ адъютантомъ при дежурномъ генералѣ Главнаго Штаба. 19 апрѣля 1842 г. Цицiановъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники съ назначеніемъ состоять при Военномъ Министрѣ и 10 августа того же года назначенъ состоящимъ при графѣ П. А. Клейнмихелѣ по телеграфной части, а въ маѣ 1850 г. вышелъ въ отставку и скончался въ С.-Петербургѣ 20 октября 1851 г.; погребенъ на Волковомъ кладбищѣ.

Формулярный списокъ кн. Д. И. Цицiанова.—«Сѣверная Пчела» 1850 г., № 289. — «Закавказскій Вѣстникъ» 1851 г., № 7.—Фрейманъ. «Пажи за 184 года», с. 222. — «Исторія л.-гв. Преображенскаго п.», IV, 285.

В. Лемюръ.

Цицiановъ, *князь Дмитрій Павловичъ*, писатель; происходилъ изъ древняго рода князей Цици-швили, бывшихъ владѣтелями Карталиніи. Отецъ его—князь Паата (Павелъ Захарьевичъ) Ц. въ 1725 г. выѣхалъ изъ Грузіи въ Россію въ свитѣ картлинскаго и кахетинскаго царя Вахтанга, принялъ русское подданство и былъ капитаномъ Грузинскаго гусарскаго полка. Князь Дмитрій Павловичъ Ц. род. въ 1723 году. Въ 1739 г онъ слушалъ лекціи въ Академіи Наукъ «въ физикѣ экспериментальной, въ юсъ натурѣ, въ моралѣ, въ географіи математической, нѣмецкаго языка и россійскаго», а 23 октября, того же 1739 года, поступилъ въ Сухопутный Шляхетный Кадетскій Корпусъ «для настоящаго окончанія тѣхъ наукъ». Отсюда онъ былъ выпущенъ 10 февраля 1742 года «къ штатскимъ дѣламъ, въ должность секретарскую», и поступилъ на службу въ

Государственную Военную Коллегію, гдѣ «россійскому канцелярскому штилю обучался». Въ томъ же 1742 году, 25 февраля, ему и другимъ кадетамъ былъ, по указу Сената, произведенъ экзаменъ въ Академіи Наукъ для освидѣтельствованія ихъ въ наукахъ и, по отзыву профессоровъ: Крафта, Винсгейма, Гейксіуса и Гоплерта, Циціановъ оказалъ во всѣхъ наукахъ и языкахъ прекрасные успѣхи. Въ 1761 г. онъ былъ коллежскимъ ассесоромъ и въ 1767—74 годахъ служилъ въ Межевой Канцеляріи; затѣмъ онъ былъ членомъ Юстицъ-Коллегіи, а 11 января 1801 года, будучи прокуроромъ Главной Соляной Конторы, пожалованъ въ статскіе совѣтники. Время смерти Циціанова неизвѣстно. Сочиненія и переводы его слѣдующіе: 1) «Краткое математическое изъясненіе землемѣрія межеваго»; Спб., 1757 г. (съ 8-ю таблицами фигуръ); 2) «Исторія короля Генриха Великаго, сочиненіе Гердцена Перефикса»; перев. съ франц., сдѣланный вмѣстѣ съ Андреемъ Ниловымъ, 2 части, Тамбовъ, 1789 — 1790 г.; 3) «Завѣщаніе статскаго совѣтника князя Дмитрія Павловича Циціанова дѣтямъ своимъ, послѣдуемое эпитафіею», Спб., 1786 г.

А. Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, т. II, Спб., 1880 г., с. 549. — Девятнадцатый вѣкъ, 1872 г., М., кн. II, с. 1.—Военный Энциклопедическій Лексиконъ, ч. XIII, Спб., 1849 г., с. 602—603.—П. Н. Петровъ, Исторія родовъ русскаго дворянства, т. I, Спб., 1886 г., с. 225.—Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ, т. V (1742—1743), Спб., 1889, с. 36, 37, 53.—Н. В. Губерти, Матеріалы для русской библіографіи, вып. III. М., 1891, № 78.—Сенатскій Архивъ, т. I, Спб., 1888 г., с. 704.—П. А. Ефремовъ, Матеріалы для исторіи русской литературы, Спб., 1867 г., с. 201—202.—Сборникъ Импер. Русскаго Историч. Общества, т. 93, Спб., 1894 г., с. 135. — Сопиковъ, Опытъ Россійской библіографіи, №№ 4555, 4739.—Смирдинъ, Роспись Россійскимъ книгамъ, №№ 2952, 3348, 4019.—Плавильщиковъ, Роспись Россійскимъ книгамъ, № 73.

В. Гарскій.

Циціановъ, *князь Егоръ Павловичъ*, братъ предыдущаго. Время рожденія его неизвѣстно. Служилъ онъ въ л.-гв. Преображенскомъ полку и былъ въ 1765 году бомбардиромъ, въ 1767 г.—бомбардиръ-капраломъ; въ 1772 году былъ произведенъ изъ полковыхъ сержантовъ въ прапорщики, а въ 1778 году изъ капитанъ-поручиковъ—въ подполковники съ переводомъ въ армію. Вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ, княземъ Павломъ Дмитріевичемъ Циціановымъ, будущимъ героемъ Грузіи, Циціановъ перевелъ слѣдующія 2 книги: 1) «Экономія жизни человѣческой, или сокращеніе индѣйскаго нравоученія, сочиненное нѣкоторымъ древнимъ браминомъ и обнародованное чрезъ одного славнаго бонза пекинскаго на китайскомъ языкѣ, съ котораго, во-первыхъ, на англійской, а потомъ на французскій, нынѣ же на Россійскій языкъ переведено лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка бомбардирами князьями: Егоромъ и Павломъ Циціановыми»; М., 1765 г.; 2-е изданіе, М., 1769 г.; 3-е изданіе, М., 1781 г.; 4-е изданіе, М., 1791 г.; 2) «Полевой инженеръ или офицеръ, по случаю нужды строющій полевое укрѣпленіе. Съ французскаго языка переведенъ съ надлежащими изъясненіи и дополненіи отъ князей Егора и Павла Циціановыхъ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка отъ бомбардиръ-капраловъ», М., 1767 г. Кромѣ этихъ двухъ книгъ, извѣстны еще слѣдующіе его переводы и сочиненія; 3) «Въ день рожденія Филлиды 2 ноября 1791 г.», стих., помѣщенное въ «Чтеніи для вкуса, разума и чувствованій» на 1793 г., М., ч. IX, с. 267; 4) «Сирота», стих., помѣщенное тамъ же, с. 294; 5) «Анекдоты», переводъ, помѣщенный въ томъ же журналѣ на 1793 г., ч. XI, с. 33; 6) «Смерть горлицы», басня, перев. съ французскаго, тамъ же, с. 286.

Исторія л.-гв. Преображенскаго полка, Спб., 1883 г., с. 236.—В. Сантовъ, Замѣтки и разъясненія къ опыту Росс. библіографіи Сопикова, Спб., 1878 г., с. 42.—А. Н. Неустроевъ, Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ, за 1703—1802 гг., Спб., 1874 г., с. 696, 697, 698.—Девятнадцатый вѣкъ, 1872 г., М., кн. II, с. 1.—Сопиковъ, Опытъ Россійской библіографіи, №№ 8486, 12713, 12714, 12715, 12716.—Смирдинъ, Роспись Россійскимъ книгамъ, №№ 4292, 1433.—Плавильщиковъ, Роспись Россійскимъ книгамъ, № 1745.

В. Гарскій.

Циціановъ, *князь Михаилъ Дмитріевичъ*, сенаторъ, сынъ кн. Дмитрія Павловича (см. выше), род. въ 1767 г. и, имѣя 10 лѣтъ отъ роду, записанъ, 1 февраля 1777 г., въ службу въ л.-гв. Преображенскій полкъ капенармусомъ; въ слѣдующемъ году онъ произведенъ былъ въ сержанты, 1 января 1790 г.—въ прапорщики, въ 1792 г. — въ подпоручики, въ 1794 г.—въ поручики, а 1 января 1795 г. выпущенъ въ армію, въ Софійскій пѣхотный полкъ, премьеръ-маіоромъ. Произве-

донный, 8 апрѣля 1798 г., въ полковники, Цицiановъ 21 августа того же года переведенъ былъ въ Кираспрскій полкъ Неплюева (впосл. Каменова), а 12 ноября 1799 г. отставленъ, по прошенію, отъ службы. 14 октября 1801 г. М. Д. снова опредѣленъ въ службу присутствующимъ въ Кремлевской экспедиціи съ чиномъ статскаго совѣтника, а въ 1806 г. назначенъ присутствующимъ въ Оружейной палатѣ и 3 марта 1808 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ 1812 г. Цицiановъ уволенъ отъ должностей въ экспедиціи и Оружейной палатѣ, съ причисленіемъ его къ Герольдіи, въ слѣдующемъ году назначенъ директоромъ экспедиціи для строеній въ Москвѣ, въ 1814 г. снова назначенъ присутствующимъ въ Кремлевской экспедиціи и Мастерской Оружейной палатѣ, а 30 августа 1816 г. произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ. Въ 1826 г. М. Д. получилъ орд. св. Владиміра 2-й ст., а 16 ноября 1828 г. уволенъ, по разстроенному здоровью, отъ службы, съ сохраненіемъ всѣхъ получаемыхъ имъ окладовъ содержанія. Умеръ Цицiановъ 16 марта 1841 г. въ Москвѣ и погребенъ въ с. Всесвятскомъ.

Послужной списокъ кн. М. Д. Цицiанова. — «Москов. Вѣдомости», 1841 г., № 24.

В. Лемюръ.

Цицiановъ, *князь Павелъ Дмитріевичъ*, генералъ отъ инфантеріи, главнокомандующій въ Грузіи, астраханскій военный губернаторъ, сынъ кн. Дмитрія Павловича (см. выше), родился въ Москвѣ 8 сентября 1754 г. и по обычаю своего времени еще въ дѣтствѣ, семи лѣтъ отъ роду, былъ записанъ въ военную службу — капраломъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ. Числясь въ полку, онъ оставался дома, гдѣ подъ руководствомъ своего отца получалъ первоначальное образованіе. Уже въ 1767 г. онъ, при помощи отца и старшаго брата, перевелъ сочиненіе: «Полевой инженеръ или офицеръ, по случаю нужды строящій полевое укрѣпленіе» и переводъ поднесъ графу А. Г. Орлову-Чесменскому. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ произведенъ въ бомбардиръ-сержанты, а въ 1772 г. получилъ чинъ прапорщика гвардіи.

Кромѣ нѣсколькихъ стихотвореній, написанныхъ Цицiановымъ въ этотъ періодъ времени, къ 70-мъ же годамъ прошлаго столѣтія относятся три его перевода; два изъ нихъ — «Юлія или счастливое раскаяніе», изд. 1775 г. и «Экономія жизни человѣческой или сокращеніе нидѣйскаго нравоученія, сочиненное нѣкоторымъ браминомъ» (выдержало 4 изданія), не представляютъ особаго интереса; третій — «Духъ кавалера Фоларда, изъ его толкованій на Полибіеву исторію», соч. Фридриха Великаго, — показываетъ, какъ серьёзно изучалъ Цицiановъ творенія великихъ военачальниковъ.

Обладая сильнымъ, быть можетъ, нѣсколько прямолинейнымъ умомъ и выдающейся, непреклонной волей, которая составляла главную и наиболѣе рѣзкую черту въ его характерѣ, онъ много, упорно и самостоятельно работалъ надъ своимъ образованіемъ. Уже въ офицерскихъ чинахъ, безъ всякой посторонней помощи, онъ изучилъ математику и военныя науки, занимаясь въ то же время словесностью — своимъ любимымъ предметомъ.

Въ 1777 г. Цицiановъ былъ произведенъ въ капитанъ-поручики и, не смотря на молодость лѣтъ, получилъ въ командованіе егерскую роту Преображенскаго полка. Въ слѣдующемъ году онъ, по собственному желанію, былъ выпущенъ изъ гвардіи въ армію, — съ чиномъ подполковника въ Тобольскій пѣхотный полкъ, расположенный въ г. Выборгѣ и состоявшій подъ командой его роднаго дяди по матери кн. М. М. Давыдова. П. Д. по своему воспользовался своимъ пребываніемъ въ Финляндіи — онъ рѣшилъ, и сумѣлъ это сдѣлать, ознакомиться со страной съ военной точки зрѣнія. Онъ постоянно бывалъ въ разъѣздахъ, путешествуя по скаламъ и озерамъ этого маленькаго государства, изучая дороги, лѣса и горы, стараясь примѣняться къ труднымъ условіямъ мѣстности и предъ ставить себѣ наиболѣе удобный планъ военныхъ дѣйствій въ этой, тогда почти непроходимой, странѣ.

Въ 1785 г. Цицiановъ получилъ чинъ полковника, а въ 1786 г. ему было поручено командованіе С.-Петербургскимъ гренадерскимъ полкомъ. Впервые молодой князь имѣлъ возможность вести совершенно самостоятельную работу и работа эта была оцѣнена. Полкъ его считался образцовымъ; командиръ же его пользовался безусловнымъ довѣріемъ фельдмаршала графа П. П. Салтыкова.

Съ 1787 г. открылся новый періодъ дѣятельностиЦиціанова—періодъ боевой службы его. Въ августѣ произошелъ разрывъ между Россіей и Оттоманскою Портой, и С.-Петербургскій полкъ вошелъ въ составъ 4-й дивизіи Украинской арміи, бывшей подъ главною командою гр. Румянцева.

Всю кампанію 1787 г. и первую половину 1788 г. Циціановъ провелъ, какъ и большая часть Украинской арміи, въ бездѣйствіи и только 2 іюля прибылъ вмѣстѣ со своимъ полкомъ къ крѣпости Хотину, осажденной русскими и австрійскими войсками. 31 іюля онъ былъ въ первомъ огнѣ, участвовалъ въ отраженіи сильной вылазки гарнизона и за свою распорядительность и энергію заслужилъ одобреніе Румянцева. Послѣ сдачи Хотина, Циціановъ ушелъ со своимъ полкомъ на зимнія квартиры въ Молдавію и, поступивъ въ корпусъ кн. Репнина, оставался тамъ около года. Осенью 1789 г. Циціановъ съ С.-Петербургскимъ полкомъ участвовалъ въ побѣдѣ при рѣкѣ Сальчѣ, въ принужденіи къ отступленію верховнаго визиря Гассана-паши въ Измаилъ и въ неудачныхъ операціяхъ подъ этой крѣпостью; былъ подъ Бендерами до самой сдачи ихъ, послѣ чего, ушелъ на зиму въ Польшу. Здѣсь, по приказанію кн. Потемкина, личный составъ С.-Петербургскаго полка былъ обращенъ на сформированіе другихъ частей; взамѣнъ этого былъ составленъ новый полкъ того же имени и командованіе имъ Императрица поручила Циціанову, который 5 февраля 1790 г. былъ произведенъ въ бригадиры. Циціановъ отправился во Псковъ, сформировалъ тамъ новый полкъ, принялъ надъ нимъ начальство и вскорѣ ушелъ съ нимъ сначала въ Полоцкъ, а затѣмъ въ Гродну. Въ 1793 г. по случаю заключенія мира съ Турціей Циціановъ получилъ чинъ генералъ-маіора и приказаніе ѣхать въ Кавказскую армію, но Императрица, называвшая его «своимъ генераломъ», отмѣнила это приказаніе, предложивъ ему не оставлять Гродны и С.-Петербургскаго полка, впредъ до особаго распоряженія.

Мы видимъ, что война съ Турціей, въ сущности, дала Циціанову не много случаевъ, чтобы показать свои военныя способности. Хотинъ, Сальча, Бендеры были для него школой, въ которой онъ показалъ себя хорошимъ ученикомъ, но не успѣлъ проявить всѣхъ своихъ талантовъ. Въ апрѣлѣ 1794 г. въ Гродну пришло извѣстіе о вспыхнувшемъ въ Варшавѣ и въ Вильнѣ возстаніи. Циціановъ, понимая серьезность положенія, принялъ быстрыя и рѣшительныя мѣры. Онъ вывелъ войска изъ города и расположился лагеремъ вокругъ него; въ Гродну же послалъ отрядъ подъ командою Бардакова и Кузьмина-Караваева, предписавъ имъ снять городскую стражу, занять ее своимъ карауломъ, арестовать всѣхъ военныхъ начальниковъ и требовать совершенной покорности и контрибуціи въ 100,000 р. с.; въ противномъ случаѣ Циціановъ грозилъ сжечь городъ. Отрядъ исполнилъ порученіе съ удивительной точностью. Такимъ образомъ Циціанову удалось предотвратить въ Гроднѣ готовившееся возстаніе. Въ то же время онъ нѣсколько разъ отбрасывалъ непріятельскія партіи, пытавшіяся овладѣть городомъ и оказалъ весьма существенную помощь русскому отряду, вышедшему изъ Вильны. Наградой для него за эти дѣйствія былъ орденъ св. Владиміра 3-й ст. Въ маѣ, когда перевѣсъ въ Литвѣ оказался на сторонѣ русскихъ силъ, Циціановъ, по приказанію кн. Репнина, принудилъ къ выступленію изъ г. Слонима польскаго генерала Сапѣгу и пришелъ подъ Вильну, которую осаждалъ генералъ-поручикъ Кноррингъ. Здѣсь Циціановъ принялъ участіе въ штурмѣ 8 іюля, когда былъ взятъ прикрывавшій городъ ретраншементъ, и въ общей атакѣ 31 іюля, командуя всей штурмующей пѣхотой. Своею храбростью и распорядительностью онъ много содѣйствовалъ успѣху атаки, за что и былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й ст. Въ августѣ Репнинъ поручилъ Циціанову преслѣдовать польскаго генерала Грабовскаго, котораго Циціановъ вскорѣ и настигъ у мѣстечка Любаны, Минской губерніи. Послѣ долгаго и кровопролитнаго сраженія пятитысячный отрядъ непріятеля со всею артиллеріей и обозомъ сдался побѣдителю. Энергичныя дѣйствія Циціанова не остались незамѣченными. Екатерина II-я наградила его золотой шпагой съ алмазами и съ надписью «за храбрость», а Суворовъ выразилъ свое одобреніе, по обыкновенію, оригинально: въ одномъ изъ своихъ приказовъ онъ предлагалъ войскамъ «сражаться рѣшительно, какъ храбрый генералъ Циціановъ».

Польская кампанія выдвинула Циціанова изъ рядовъ его сверстниковъ, показавъ какими административными и военными талантами онъ обладалъ. Императрица обратила на него особое вниманіе и, кромѣ упомянутыхъ выше наградъ, пожаловала ему въ потомственное владѣніе 1.500 душъ крестьянъ въ Минской губерніи. Вотъ почему, когда въ 1795 г. открылись военныя дѣйствія съ Персіей, Екатерина II-я выбрала Циціанова въ помощники главнокомандующему гр. Зубову. Сохраняя званіе шефа С.-Петербургскаго полка, Циціановъ отправился въ Закавказье и 1796—1797 гг. провелъ въ Баку, гдѣ состоялъ комендантомъ крѣпости. Между прочимъ, тогда онъ познакомился и даже подружился съ Гуссейнъ-Кули-ханомъ, впослѣдствіи такъ вѣроломно лишившимъ его жизни.

Персидская война, какъ и турецкая, не дала Циціанову случая отличиться. Не было большихъ сраженій, не было и громкихъ побѣдъ. Послѣ смерти Екатерины II-й, Императоръ Павелъ, въ ноябрѣ 1796 г., назначилъ его шефомъ, состоявшаго въ кавказской инспекціи, Суздальскаго мушкетерскаго полка, но служба Циціанова продолжалась недолго. Миръ съ Персіей былъ заключенъ, онъ былъ уже не нуженъ въ Закавказьи, къ тому же пошатнулось его здоровье, разстроенное персидскимъ климатомъ; онъ рѣшилъ просить отставки, ссылаясь на необходимость систематическаго лѣченія; пріѣхавъ въ С.-Петербургъ, онъ представился Государю, который пытался удержать его на службѣ. Циціановъ настоялъ на своемъ желаніи и, получивъ отставку, уѣхалъ въ пожалованныя ему Екатериной II-й деревни, гдѣ занялся сельскимъ хозяйствомъ. По своемъ восшествіи на престолъ Александръ I-й тотчасъ обратилъ вниманіе на Циціанова; 26 марта 1801 г. разрѣшилъ ему носить въ отставкѣ общій армейскій мундиръ, а 8 мая предложилъ ему службу въ канцеляріи Государственнаго Совѣта, назначивъ его экспедиторомъ по военной части. Въ день коронованія Циціановъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

Послѣ присоединенія Грузіи къ Россіи и дарованія ей управленія, существовавшаго въ прочихъ областяхъ Имперіи, умиротвореніе Кавказа стало необходимой, хотя и крайне нелегкой, задачей для Россіи, причемъ главное вниманіе было обращено на утвержденіе въ Закавказьи. Присоединяя къ себѣ Грузію, Россія становилась въ открыто-враждебныя отношенія къ Турціи, Персіи и къ горскимъ народамъ. Мелкіе владѣтельные закавказскіе князья, успѣвшіе, пользуясь слабостью грузинскаго царства, подъ протекторатомъ котораго находились, сдѣлаться независимыми, смотрѣли крайне непріязненно на усиленіе русскаго вліянія на Кавказѣ и вступали въ тайныя и явныя сношенія съ врагами Россіи. Въ такомъ трудномъ положеніи выборъ Александра I-го остановился на кн. Циціановѣ. Сознавая, что для успѣшныхъ дѣйствій въ Грузіи и Закавказьи нуженъ не только человѣкъ умный и мужественный, но и знакомый съ мѣстностью, съ нравами и обычаями горцевъ, Императоръ отозвалъ назначеннаго Павломъ I-мъ главнокомандующаго Кнорринга и, 9 сентября 1802 г., назначилъ астраханскимъ военнымъ губернаторомъ и главноначальствующимъ въ Грузіи кн. Циціанова. Поручая ему этотъ отвѣтственный постъ и сообщая планъ графа Зубова, состоявшій въ оккупаціи земель отъ рѣки Ріона до Куры и Аракса, до Каспійскаго моря и далѣе, Александръ I-й приказалъ: «привести въ ясность и систему запутанныя дѣла края, и кроткимъ, справедливымъ, но притомъ твердымъ поведеніемъ стараться пріобрѣсти довѣренность къ правительству не только Грузіи, но и разныхъ сосѣдственныхъ съ нею владѣній». «Я увѣренъ», писалъ Императоръ къ Циціанову, «что убѣжденные важностью возлагаемаго на васъ служенія, и руководствуясь, какъ познаніемъ правилъ моихъ на сей край, такъ и собственнымъ вашимъ благоразумiемъ, исполните Вы долгъ Вашъ съ тѣмъ безпристрастіемъ и правотою, какія я въ Васъ всегда предполагалъ и находилъ».

Такимъ образомъ планъ дѣйствій на Кавказѣ былъ отчасти намѣченъ Александромъ I-мъ и гр. Зубовымъ; но Циціановъ не явился простымъ исполнителемъ ихъ указаній; онъ внесъ въ эти указанія много своего, личнаго, оригинальнаго и, быть можетъ, это-то и содѣйствовало болѣе всего успѣху русскаго оружія и дипломатіи на Кавказѣ.

Прибывъ 6 декабря 1802 г. въ Геор-

гіевскъ, Циціановъ немедленно занялся устройствомъ дѣлъ на Кавказской линіи и установленіемъ дружественныхъ отношеній съ народами, сосѣдними съ Грузіей. Онъ принялъ рядъ мѣръ, поощрявшихъ хозяйство и земледѣліе; старался поднять торговлю; открылъ въ Тифлисѣ гимназію; улучшилъ дороги, находившіяся до того времени въ очень печальномъ состояніи; провелъ путь отъ крѣпости Сурама до столицы Имеретіи, Кутаиса; прекратилъ набѣги горцевъ; наконецъ, облегчилъ судопроизводство гражданскихъ дѣлъ. Императоръ, одобряя его распоряженія, предоставилъ ему полную свободу дѣйствій и, чтобы облегчить его положеніе, отдалъ въ его распоряженіе каспійскую флотилію. Получивъ почти неограниченныя полномочія, Циціановъ заключилъ дружественные договоры съ горскими владѣтелями, послы которыхъ прибыли для этого въ Георгіевскъ еще до пріѣзда новаго главнокомандующаго; 26 декабря 1802 г. были подписаны договоры съ преданнымъ Россіи Шамхаломъ Тарковскимъ, съ ханами: Аварскимъ, Дербентскимъ, Талышинскимъ, съ владѣтелями: Табасаранскимъ и Каракатайскимъ. Послѣ этого Циціановъ уѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ принялъ мѣры для прекращенія чумы, занесенной еще при Кноррингѣ въ Грузію, и для отправленія членовъ грузинскаго царствующаго дома въ Россію. Послѣднее имѣло не меньшее значеніе, чѣмъ первое: «Между первѣйшими обязанностями Вашими», писалъ Александръ I-й Циціанову, «поставите Вы принять всѣ убѣжденія, настоянія и, наконецъ, самое понужденіе къ вызову всѣхъ неспокойныхъ царевичей, а особливо царицы Дарьи въ Россію. Мѣру сію считаю я главною къ успокоенію народа, при видѣ ихъ замысловъ и движеній, не перестающаго колебаться въ установляемомъ для счастья ихъ порядкѣ». Вскорѣ Циціановъ былъ принужденъ впервые прибѣгнуть къ оружію: одними изъ самыхъ безпокойныхъ сосѣдей Грузіи были Джаро-Бѣлоканскіе лезгины, жившіе въ восточной Кахетіи; чтобы оградить русскія войска отъ ихъ набѣговъ, Циціановъ предписалъ устроить въ Кахетіи засѣки, но эта мѣра, какъ и слѣдовало ожидать, не имѣла успѣха. Тогда онъ рѣшилъ прекратить однимъ ударомъ всякую возможность дальнѣйшихъ набѣговъ и съ этою цѣлью послалъ генералъ-маіора Гулякова съ тремя баталіонами пѣхоты и двумя сотнями казаковъ на рѣку Алазань, границу Джаро-Бѣлоканскихъ лезгинъ. Дѣйствія отряда Гулякова были успѣшны; Бѣлоканы были взяты приступомъ 9 марта 1803 г., а Джары безъ боя принесли покорность. Примѣру ихъ послѣдовалъ и постоянный союзникъ лезгинъ—султанъ Елисуйскій. Для утвержденія русской власти въ только что покоренной области Циціановъ приказалъ построить на р. Алазани, при бродѣ Урдо, укрѣпленіе, которое назвалъ Александровскимъ. За эту экспедицію онъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. Покореніе непокорныхъ лезгинъ имѣло слѣдствіемъ добровольное вступленіе въ русское подданство владѣльца Мингреліи, князя Григорія Дадіана, зятя послѣдняго грузинскаго царя.

Понимая серьезность опасности, грозившей со стороны Персіи и Турціи, Циціановъ рѣшилъ обезопасить наши предѣлы съ востока и юга и началъ съ ближайшаго къ Грузіи ханства Ганжинскаго, которое уже было покорено гр. Зубовымъ, но, по удаленіи нашихъ войскъ, снова признало власть Персіи. Убѣжденный въ неприступности Ганжи и надѣясь на помощь персіянъ, владѣтель ея, Джаватъ-ханъ, считалъ себя въ безопасности, тѣмъ болѣе, что джарцы и елисуйцы, убѣжденные дагестанскими князьями, вышли изъ повиновенія, не смотря на убѣжденія Циціанова. Джаватъ-ханъ въ отвѣтъ на письмо Циціанова, приглашавшее его покориться, заявилъ, что будетъ сражаться съ русскими до тѣхъ поръ, пока не побѣдитъ. Тогда Циціановъ рѣшилъ дѣйствовать энергично. Усиливъ отрядъ Гулякова, имѣвшаго постоянный постъ на р. Алазани, у Александровска, Циціановъ съ 4-мя батальонами пѣхоты, частью Нарвскаго драгунскаго полка, нѣсколькими сотнями казаковъ, отрядомъ Татарской конницы, при 12-ти орудіяхъ, двинулся къ Ганжѣ. Плана крѣпости и карты ея окрестностей у Циціанова не было. Пришлось дѣлать развѣдки на мѣстѣ. 2 декабря впервые русскіе войска столкнулись съ войсками Джаватъ-хана, а 3 декабря Ганжа была обложена и началось бомбардированіе, такъ какъ Джаватъ-ханъ отказался сдать крѣпость добровольно. Циціановъ долго не рѣшался штурмовать

Ганжу, опасаясь понести сильныя потери. Четыре недѣли длилась осада и только 4 января 1804 г. главная мечеть Ганжи была уже «обращена въ храмъ истинному Богу», какъ выразился Циціановъ въ своемъ письмѣ къ генералу Вязмитинову. Штурмъ Ганжи стоилъ 38 человѣкъ убитыми и 142 раненными. Въ числѣ убитыхъ у непріятеля находился Джаватъ-ханъ. Въ добычу русскимъ достались: 9 мѣдныхъ орудій, 3 чугунныхъ, 6 фальконетовъ и 8 знаменъ съ надписями, 55 пудовъ пороху и большой хлѣбный запасъ.

Для болѣе прочнаго убѣжденія Ганжинскихъ жителей, что русскія войска не только не оставятъ крѣпости, какъ это бывало раньше, но что и весь край навсегда останется въ подданствѣ Россіи, Циціановъ счелъ нужнымъ дать взятой крѣпости русское имя и просилъ Государя дозволить наименовать ее въ честь Императрицы Елисаветы Алексѣевны—«Елисаветполь».

Получивъ донесеніе о взятіи Ганжи, Александръ I-й пожаловалъ Циціанова въ генералы-отъ-инфантеріи. «Подобная награда, «писалъ послѣдній», превышая мѣру моихъ заслугъ, заставляетъ меня душевно скорбѣть только о томъ, что жизнь моя, посвященная Вашему Величеству, приближаясь къ предѣлу своему, не довольно достаточна будетъ, чтобы дать мнѣ время заслужить эту награду». На самомъ же дѣлѣ Циціановъ считалъ себя обиженнымъ, такъ какъ разсчитывалъ на полученіе ордена св. Георгія 2-го класса.

Во время блокады Ганжи, Циціановъ, получая извѣстія о крайнемъ возбужденіи среди джарскихъ лезгинъ, приказалъ генералъ-маіору Гулякову привести ихъ въ повиновеніе; но экспедиція эта не имѣла успѣха, а самъ Гуляковъ былъ убитъ.

Оставивъ въ Ганжѣ гарнизонъ подъ командой полковника Карягина, Циціановъ возвратился въ Тифлисъ и вступилъ въ переговоры съ Имеретинскимъ царемъ Соломономъ, который соглашался вступить въ русское подданство, если будетъ сдѣлано «по обычаю азіатскому заклинаніе въ томъ, что царь останется царемъ». Переговоры тянулись довольно долго; наконецъ, 25 апрѣля состоялось свиданіе Циціанова съ царемъ Соломономъ, на которомъ была совершена присяга и подписанъ трактатъ, изложенный въ формѣ просительныхъ пунктовъ отъ Имеретинскаго царя. Поэтому трактату Имеретія была присоединена къ Россіи, царь Соломонъ отдалъ себя со всѣмъ своимъ потомствомъ и царствомъ въ вѣчное и вѣрное рабство и подданство россійской державѣ, съ оговоркою, что ему и его потомству, а въ случаѣ если его не будетъ, то царевичу Константину Давыдовичу и его потомству, по старшей линіи, будетъ сохранено пользованіе правами царя Имеретинскаго, со всѣми «обязанностями вѣрноподданнаго раба Всероссійскаго Государя Императора». Циціановъ находилъ, что такое сохраненіе имѣетъ свою выгоду, «ограждая Имперію отъ издержекъ, требуемыхъ введеніемъ россійскаго правленія».

Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ полгода, не проливъ ни капли крови, Циціановъ присоединилъ къ Россіи два новыхъ владѣнія: Мингрелію и Имеретію, но это присоединеніе привело къ необходимости завладѣть пристанью Поти, лежащей при устьѣ рѣки Ріона, Батумомъ въ Гуріи и Анакліей, которые всѣ искони принадлежали мингрельскому владѣльцу. Безъ нихъ пріобрѣтенія невозможно было ни процвѣтаніе торговли, ни пользованіе природными богатствами Мингреліи и Имеретіи.

Пріобрѣтеніе Поти встрѣтило серьезное затрудненіе со стороны Порты, между тѣмъ завладѣніе Поти для Россіи было важнѣе завоеванія всей Мингреліи; русское правительство не считало выгоднымъ рвать отношенія съ Портой и Александръ I-й предоставлялъ Циціанову приложить старанія «къ изысканію для пріобрѣтенія Поти такого средства, которое бы, не подавая повода Портѣ къ явному негодованію на насъ, могло бы утвердить за нами мѣсто сіе», т. е. предлагалъ возержаться отъ дѣйствія оружіемъ. Поти, Батумъ и Анаклія присоединены не были.

Одновременно съ принятіемъ въ подданство Имеретинскаго царства, до Циціанова стали доходить извѣстія о сборѣ до 40.000 персидскихъ войскъ у Тавриса, куда прибылъ изъ Тегерана Абасъ-Мирза, сынъ шаха персидскаго Фетъ-Али. Послѣдній крайне недружелюбно смотрѣлъ на упроченіе русскаго вліянія въ Закавказьи. Непріязнь его къ Россіи увеличивалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что

съ паденіемъ Ганжи мусульманскіе ханы, находившіеся на востокѣ отъ Грузіи, одинъ за другимъ переходили въ русское подданство. Престижъ персидскаго шаха падалъ, вліяніе Россіи пропорціонально возрастало. Въ то же время правители Эриванскій и Нахичеванскій привели свои крѣпости въ оборонительное положеніе, заперлись въ нихъ и выжидали случая стать въ открыто-враждебныя отношенія къ Россіи.

Вмѣшательство эриванскаго хана въ духовныя дѣла Арменіи, самовольное удаленіе имъ патріарха Даніила и не менѣе самовольное назначеніе на его мѣсто Давыда, наконецъ, захватъ эчміадзинскихъ сокровищъ, заставили кн. Циціанова, не смотря на натянутыя отношенія съ Персіей, предпринять экспедицію противъ Эривани. Трудность похода увеличивалась еще тѣмъ, что лезгины безпокоили Кахетію и, переходя въ Ахалцыхъ, дѣлали набѣги на Карталинію; на вѣрность царя Имеретинскаго также нельзя было полагаться, что и подтвердилось впослѣдствіи.

При такихъ обстоятельствахъ Циціановъ надѣялся не только взять Эривань, но и расширить предѣлы Россіи до р. Аракса. Войска же въ распоряженіи главнокомандующаго было весьма немного, а именно: одинъ гренадерскій, три егерскихъ и четыре мушкетерскихъ полка, при 24 орудіяхъ; кавалерія состояла изъ драгунскаго Нарвскаго полка и Донского казачьяго, которые были разбросаны по разнымъ постамъ. Такимъ образомъ для экспедиціи противъ Эривани можно было удѣлить только самое незначительное число войскъ. Весь отрядъ состоялъ изъ 4.500 человѣкъ при 12-ти орудіяхъ. Эриванскій ханъ, узнавъ о приготовленіяхъ къ экспедиціи старался своими письмами обмануть Циціанова, выказывая преданность Россіи. «Симъ объявляется Магометъ-хану, отвѣчалъ на нихъ Циціановъ, что на глупыя и дерзкія письма, каково было ханское, съ прописаніемъ повелѣнія словами льва, а дѣлами телепка, Баба-хана, сердаря, Россіяне привыкли отвѣчать штыками, а потому, чтобы оный ханъ ожидалъ сего рода отвѣта въ свое время».

Въ началѣ іюня 1804 г. главнокомандующій отправилъ впередъ, по дорогѣ къ Эривани, часть своего отряда подъ начальствомъ г.-м. Тучкова 2-го, а самъ выступилъ двумя днями позже. 10-го іюня Тучковъ встрѣтился у селенія Гумры съ персидскимъ войскомъ, при которомъ находился грузинскій царевичъ Александръ. Тучковъ аттаковалъ его и обратилъ въ бѣгство. Черезъ нѣсколько дней, царевичъ, получивъ подкрѣпленіе отъ Аббасъ-Мирзы, появился опять въ виду Тучкова; въ то же время главныя силы персіянъ подъ начальствомъ самого Аббасъ-Мирзы уже перешли Араксъ и вступили въ Эриванское ханство. 19-го іюня Циціановъ подошелъ къ Эчміадзину, а 21-го восемнадцатитысячный персидскій корпусъ окружилъ Циціанова, но былъ отброшенъ съ большими потерями. 25-го іюня нападеніе возобновилось и снова персіяне были разбиты; Аббасъ-Мирза отступилъ за Араксъ. Извѣщая объ этомъ Эриванскаго хана, Циціановъ требовалъ отъ него сдачи крѣпости и присяги на подданство. Вѣроломный ханъ, желая отдѣлатся отъ русскихъ и снискать расположеніе персидскаго шаха, послалъ просить его вернуться назадъ. Результатомъ этого было возвращеніе 27.000-аго персидскаго войска, расположившагося лагеремъ при деревнѣ Калагири. Аббасъ-Мирза дѣлалъ здѣсь приготовленія къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, но Циціановъ предупредилъ его. 30-го іюня трехтысячный отрядъ русскихъ войскъ перешелъ р. Зангу и, отбивъ сдѣланную изъ Эриванской крѣпости вылазку, аттаковалъ непріятеля, занимавшаго крѣпкую позицію на высотахъ. Сначала персіяне упорно защищались, но въ концѣ концовъ, были принуждены отступить къ своему лагерю, расположенному въ трехъ верстахъ отъ поля сраженія. Малочисленность кавалеріи не дозволила Циціанову преслѣдовать непріятеля, который покинулъ свой лагерь и обратился въ бѣгство черезъ Эривань. Въ этотъ день персіяне потеряли до 7000 убитыми и ранеными, весь обозъ, четыре знамени, семь фальконетовъ и всѣ награбленныя дорогой сокровища. Наградою Циціанову за побѣду былъ (22 іюля 1804 г.) орденъ св. Владиміра I-й ст. Одержавъ побѣду надъ персіянами, Циціановъ направилъ свои силы противъ эриванскаго хана и 2-го іюля обложилъ Эривань. Въ началѣ ханъ прибѣгнулъ къ переговорамъ, но такъ какъ Циціановъ требовалъ безусловной сдачи, то 15-го іюля часть гар-

низона и нѣсколько тысячъ персіянъ атаковали русскій отрядъ. Послѣ десятичасоваго сраженія нападающіе были отражены, потерявъ два знамени и двѣ пушки. Въ ночь на 25-ое іюля Циціановъ послалъ ген.-маіора Портнягина съ частью своихъ войскъ аттаковать Аббасъ-мирзу, лагерь котораго былъ расположенъ на новомъ мѣстѣ, недалеко отъ Эривани. На этотъ разъ побѣда оказалась на сторонѣ персіянъ и Портнягинъ принужденъ былъ отступить. Положеніе Циціанова становилось все труднѣе и труднѣе. Сильныя жары изнуряли войско; обозы съ провіантомъ приходили съ значительнымъ опозданіемъ или не приходили вовсе; грузинская конница, отправленная имъ обратно въ Тифлисъ, на дорогѣ была взята въ плѣнъ непріятелемъ и отведена въ Тегеранъ; маіоръ Монтрезоръ, занимавшій постъ при селеніи Бомбаки, былъ убитъ персіянами, а отрядъ его истребленъ; лезгины дѣлали набѣги; карабахцы вторглись въ Елисаветпольскій округъ; осетины тоже начали волноваться; сношенія отряда съ Грузіей были прерваны. Словомъ положеніе Циціанова было критическое; въ Петербургѣ и Тифлисѣ ждали извѣстія о гибели отряда и Тифлисъ готовился къ оборонѣ. Одинъ Циціановъ не унывалъ. Непреклонная воля, вѣра въ себя и въ свое войско давали ему силу продолжать осаду Эривани такъ же настойчиво, какъ и раньше. Онъ надѣялся, что съ наступленіемъ осени персидскія войска удалятся и крѣпость, безъ ихъ поддержки, будетъ вынуждена сдаться; но, когда непріятель выжегъ на корню весь хлѣбъ въ окрестностяхъ Эчміадзина и Эривани и отряду сталъ грозить неизбѣжный голодъ, передъ Циціановымъ стала дилемма: снять осаду или взять крѣпость приступомъ. Циціановъ вѣрный себѣ, избралъ послѣднее. Изъ всѣхъ офицеровъ, приглашенныхъ имъ на военный совѣтъ только Портнягинъ присоединился къ его мнѣнію; всѣ остальные были противъ штурма; уступая большинству голосовъ, Циціановъ далъ приказъ отступать. 4-го сентября русскія войска выступили въ обратный походъ. Впродолженіи десятидневнаго отступленія заболѣло до 430 человѣкъ и умерло около 150.

Отказавшись отъ взятія Эривани, Циціановъ надѣялся, что путемъ мирныхъ переговоровъ ему удастся расширить предѣлы Россіи, причемъ отношеніе его къ горскимъ ханамъ и владѣтелямъ было противоположно тому, которому слѣдовало русское правительство до Циціанова. «Я дерзнулъ», писалъ онъ канцлеру, «принять правило противное прежде бывшей здѣсь системѣ и вмѣсто того, чтобы жалованьемъ и подарками, опредѣленными для умягченія горскихъ народовъ, платить нѣкоторый родъ дани за мнимое ихъ подданство, я самъ требую даней». Въ февралѣ 1805 г. кн. Циціановъ принялъ отъ Ибрагимъ-хана Шушинскаго и Карабахскаго присягу на вѣрноподданство Русскому царю; въ маѣ принесъ присягу Селимъ-ханъ Шекинскій; кромѣ того изъявили покорность Джангиръ-ханъ Шагахскій и Будахъ-султанъ Шурагельскій; получивъ донесеніе объ этихъ присоединеніяхъ, Александръ I наградилъ Циціанова денежною арендою въ размѣрѣ 8.000 р. въ годъ.

Между тѣмъ отношенія съ Персіей и безъ того обостренныя, вели къ полному разрыву между двумя державами. Фетъ-Али-Шахъ употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы вооружить противъ русскихъ всѣ народы отъ Чернаго до Каспійскаго моря. Онъ писалъ кабардинскимъ князьямъ о своихъ предположеніяхъ избавить Ганжу и Тифлисъ отъ русскихъ и добраться до Кизляра и Астрахани, и прислалъ ихъ собраться со своими войсками на то мѣсто, которое будетъ имъ назначено. Воззванія шаха, благодаря бдительности Ц., не доходили по назначенію; не смотря на это, въ началѣ апрѣля 1805 г. въ Таврисѣ собралось многочисленное персидское войско.

Зная политическія отношенія Россіи къ Франціи, Циціановъ былъ убѣжденъ, что ему нечего разсчитывать получить подкрѣпленія изъ Россіи и что въ предстоящей борьбѣ съ Персіей онъ будетъ предоставленъ однимъ собственнымъ силамъ. Между тѣмъ количество войскъ, которыми онъ располагалъ, было крайне ограничено. Число людей въ нихъ по штатамъ должно было равняться 25.000; на лицо же подъ ружьемъ имѣлось не болѣе 10.000 ч. Въ этихъ силахъ и въ 30 орудіяхъ артиллеріи состояли всѣ оборонительныя и наступательныя средства Циціанова, за исключеніемъ однако войскъ

кавказской линіи и Астрахани. Чтобы усилить себя и отвлечь вниманіе персіянъ, главнокомандующій счелъ необходимымъ употребить въ дѣло Каспійскую флотилію. Приказавъ выбрать изъ нея 12 лучшихъ судовъ и посадить на нихъ 1400 человѣкъ десантнаго войска, при 4-хъ орудіяхъ, Циціановъ предписалъ шефу Астраханскаго гарнизоннаго полка ген.-м. Завалишину идти къ Энзелинскимъ берегамъ, овладѣть Перибазаромъ, занять во чтобы то ни стало Рештъ, оставить тамъ русскаго консула и одно военное судно для защиты русской торговли и, наконецъ, взять крѣпость Баку. Въ случаѣ успѣха Завалишинъ долженъ былъ оставить въ Баку гарнизонъ и одно изъ военныхъ судовъ; съ остальными же десятью вернуться въ Астрахань. Таковъ былъ планъ Циціанова въ 1805 г. Медленное снаряженіе флотиліи въ самомъ началѣ кампаніи разстроило этотъ планъ. Прежде чѣмъ Завалишинъ успѣлъ появиться у Энзелинскихъ береговъ, персидскія войска уже открыли военныя дѣйствія. Одинъ сильный корпусъ непріятеля, подъ командой самого шаха направился на Таврисъ, другой, подъ начальствомъ Аббасъ-Мирзы, пошелъ къ Каралагу, на границѣ Карабахскаго ханства, гдѣ и расположился лагеремъ; кромѣ того два персидскіе отряда двинулись, одинъ на Карабахъ, другой на Эривань. Общее число выставленныхъ Фетъ-Али-Шахомъ войскъ доходило до 70.000 человѣкъ. Этимъ непріятельскимъ силамъ Циціановъ могъ противопоставить: 300 человѣкъ пѣхоты и двѣ сотни татарской конницы, находившіяся подъ командой маіора Лисаневича и расположенныя въ Карабахскомъ ханствѣ, гдѣ онѣ сторожили Худоферинскую переправу черезъ р. Араксъ; небольшой отрядъ полковника Карягина, отряженный на помощь Лисаневичу изъ Елисаветполя; два неполныхъ пѣхотныхъ полка, стоявшихъ въ Бомбакахъ, подъ командой ген.-маіора Несвѣтаева, и два баталіона, находившихся въ личномъ распоряженіи главнокомандующаго.

Первое столкновеніе съ непріятелемъ произошло у маіора Лисаневича; 11-го іюля онъ отбросилъ непріятеля отъ Худоферинскаго моста, но, понимая, что со своими болѣе чѣмъ незначительными силами онъ не можетъ воспрепятствовать персіянамъ перейти Араксъ, Лисаневичъ отступилъ въ Шушинскую крѣпость.

Второе сраженіе произошло вслѣдствіе нападенія персидскихъ войскъ на отрядъ Карягина, спѣшившаго соединиться съ Лисаневичемъ. Отрядъ отбился отъ всѣхъ нападеній и, съ громадными потерями, успѣлъ соединиться, не съ Лисаневичемъ, а съ Циціановымъ въ Мухратѣ.

Въ послѣднихъ числахъ іюля переправился черезъ Араксъ самъ Фетъ-Али-Шахъ съ главными персидскими силами. Циціановъ съ двумя тысячами пѣхоты и кавалеріи двинулся ему навстрѣчу. Слухъ о приближеніи его такъ подѣйствовалъ на шаха, что онъ, не допустивъ войска до столкновенія, поспѣшно отступилъ за Араксъ.

Въ то время, какъ Баба-ханъ (Фетъ-Али-Шахъ) отступалъ передъ Циціановымъ, Аббасъ-Мирза, 17-го іюля, обложилъ Елисаветполь, отвелъ отъ него воду и началъ бомбардировку города; къ нему присоединился отрядъ возставшихъ шамшадыльцевъ. Послѣднимъ Циціановъ послалъ извѣщеніе, въ которомъ просилъ ихъ опомниться, вернуться къ себѣ и приняться за хозяйство. 22 іюля Карягинъ, посланный Циціановымъ къ Елисаветполю, прибылъ къ крѣпости и заставилъ отступить персидское войско, оставившее на мѣстѣ лагерь, множество хлѣба и всѣ награбленныя вещи. Такъ кончилась персидская кампанія 1805 г. Дѣйствія Каспійской флотиліи были далеко не удачны. Суда были окончательно готовы къ отплытію лишь въ половинѣ іюня, и непріятель имѣлъ достаточно времени, чтобы приготовиться къ оборонѣ, и хотя Завалишинъ занялъ Энзелинскій портъ и съ бою овладѣлъ Перибазаромъ, но направившись въ Рештъ, не могъ взять его и отступилъ въ Перибазаръ, который тоже вскорѣ принужденъ былъ очистить и удалиться въ Энзели. Отсюда въ половинѣ августа онъ направился съ флотиліей къ Баку и, получивъ отъ хана бакинскаго отказъ сдать крѣпость, обложилъ её. Черезъ нѣсколько дней пришло извѣстіе о приближеніи союзниковъ хана бакинскаго — Шихъ-Али-хана Дербентскаго и сына Сурхай-хана Казыкумыкскаго. Завалишинъ, потерявъ надежду завладѣть крѣпостью, рѣшилъ отступить. Обстоятельство это не только сильно ободрило персіянъ, но оказало влія-

ніе на колебавшихся мелкихъ закавказскихъ князьковъ, готовившихся покориться Россіи и ожидавшихъ, чѣмъ кончится осада Баку. Цицiановъ, недовольный неудачею Завалишина, предписалъ ему немедленно вернуться подъ Баку, и въ то же время послалъ письмо къ хану съ требованіемъ безусловнаго повиновенія, угрожая, въ противномъ случаѣ, своимъ прибытіемъ. Отвѣта не было. Главнокомандующій чувствовалъ себя очень плохо, страдая жестокой лихорадкой. Несмотря на это онъ не захотѣлъ откладывать похода и въ холодную, ненастную осень отправился въ Елисаветполь, гдѣ собирались войска; въ концѣ ноября онъ выступилъ въ походъ съ 1.600 чел. пѣхоты и кавалеріи, при десяти орудіяхъ. Дорогою болѣзненное состояніе Цицiанова не улучшилось, такъ что его нерѣдко приходилось снимать съ лошади и класть на землю подъ открытымъ небомъ.

Русскіе двигались черезъ Ширванское ханство, и, при этомъ случаѣ, Цицiанову удалось склонить Ширванскаго хана присоединиться къ Россіи. Ханъ принялъ присягу на подданство 25 декабря 1805 года. Изъ Ширвани князь извѣстилъ хана Бакинскаго о своемъ приближеніи, требуя сдачи крѣпости. Послѣ весьма труднаго перехода черезъ Шемахинскія горы, Цицiановъ со своимъ отрядомъ подошелъ 30 января 1806 г. къ Баку.

Щадя людей и желая избѣжать кровопролитія, Цицiановъ еще разъ послалъ хану предложеніе покориться, причемъ ставилъ четыре условія: въ Баку будетъ стоять русскій гарнизонъ; доходами будутъ распоряжаться русскіе же; купечество будетъ гарантировано отъ притѣсненій; къ Цицiанову будетъ доставленъ, въ качествѣ аманата, старшій сынъ хана. Послѣ довольно долгихъ переговоровъ, ханъ заявилъ, что готовъ покориться русскому главнокомандующему и самого себя предать въ вѣчное подданство Русскому Императору. Въ виду этого, Цицiановъ обѣщалъ оставить его владѣльцемъ Бакинскаго ханства. Ханъ согласился на всѣ условія, поставленныя княземъ, и просилъ Цицiанова назначить день для принятія ключей. Князь назначилъ 8 февраля. Рано утромъ отправился онъ къ крѣпости, имѣя при себѣ 200 человѣкъ, которые должны были остаться въ Баку, въ качествѣ гарнизона. За полъ-версты до городскихъ воротъ ожидали князя бакинскіе старшины съ ключами, хлѣбомъ и солью и, поднося ихъ Цицiанову, объявили, что ханъ не вѣритъ въ полное свое прощеніе и проситъ князя о личномъ свиданіи. Цицiановъ согласился, отдалъ назадъ ключи, желая получить ихъ изъ рукъ самого хана, и поѣхалъ впередъ, приказавъ слѣдовать за собой подполковнику князю Эристову и одному казаку. Шаговъ за сто до крѣпости, вышелъ на встрѣчу Цицiанова Гуссейнъ-Кули-ханъ, сопровождаемый четырьмя бакинцами и въ то время, какъ ханъ, кланяясь, подносилъ ключи, бакинцы выстрѣлили; Цицiановъ и кн. Эристовъ упали; ханская свита бросилась къ нимъ и стала рубить ихъ тѣла; въ то же время съ городскихъ стѣнъ открылся артиллерійскій огонь по нашему отряду.

Тѣло кн. Цицiанова сначало было зарыто въ яму, у тѣхъ самыхъ воротъ, гдѣ онъ былъ убитъ. Генералъ Булгаковъ, взявшій Баку въ томъ же 1806 г., предалъ прахъ его погребенію въ Бакинской Армянской церкви, а управлявшій въ 1811—1812 гг. Грузіей маркизъ Паулуччи, перевезъ его въ Тифлисъ и похоронилъ въ Сіонскомъ соборѣ. Надъ могилой Цицiанова воздвигнутъ памятникъ съ надписью на русскомъ и грузинскомъ языкахъ.

Что касается внутренняго управленія, ввѣреннаго Цицiанову края, то онъ много сдѣлалъ для улучшенія положенія населенія, обращая главное вниманіе на распространеніе образованія, съ одной стороны, и процвѣтаніе торговли—съ другой. Всматриваясь же въ общій характеръ его дѣятельности на Кавказѣ не трудно отличить три главныя цѣли, которыя онъ неуклонно преслѣдовалъ во все время своего управленія краемъ. Во-первыхъ—расширить владѣнія Россіи по плану гр. Зубова; во-вторыхъ, какъ можно болѣе населить край, и въ-третьихъ, какъ было уже указано выше, поднять въ краѣ просвѣщеніе, промышленность и торговлю. Кноррингъ передалъ Цицiанову Грузію въ бѣдственномъ положеніи; сосѣди своими набѣгами раззоряли её, народъ былъ недоволенъ русскимъ правительствомъ, интриги царскаго дома еще болѣе ухудшали состояніе края. Цицiановъ въ три года успокоилъ Грузію, покорилъ Джаръ-Бѣлоканскихъ лезгинъ и Ганжинское ханство; переговорами, безъ

пролитія крови, присоединилъ къ Россіи: Мингрелію, Имеретію, ханства: Карабахское, Шекинское, Ширванское, султанство Шурагельское и др. Въ три года онъ расширилъ русскія границы отъ Чернаго моря до Каспійскаго и отъ кавказскаго хребта до Куры и Аракса. Словомъ за свое короткое управленіе краемъ, Циціановъ не только положилъ начало русскому владычеству въ Закавказьи, но сумѣлъ вселить уваженіе среди кавказскихъ владѣльцевъ къ русскому оружію. Въ этомъ и состоитъ заслуга Циціанова передъ правительствомъ Александра I-го, это и создало ему громкую извѣстность, такъ что слава его дѣйствительно пережила прахъ его.

Пл. Зубовъ, «Жизнеописаніе кн. П. Д. Циціанова» Москва 1823.—Леверъ «Воен. Энц. Сл.». Спб. 1896, т. 8, ст. 254—«Военно-энциклоп. лексиконъ» 1857, т. 13, ст. 541. — Дубровинъ «Закавказье съ 1803 г. по 1806». Спб. 1866. — «Кавказъ» 1846, №№ 6, 7, 11, 37. — «Кавказъ» 1852, № 62.—«Кавказъ» 1849, № 21.—«Кавказъ» 1865, № 86.—«Тифлисскія вѣдомости» 1830, № 69; 1840, № 93; 1831, № 1—17.—«Военный Сборникъ», т. XL (№№ 11 и 12) и т. XXXIX (№ 10).—«Описаніе достопамятныхъ происшествій въ Арменіи», соч. кн. Е Хубова. Спб. 1811. — «Московскія вѣдомости» 1806, № 31.—«Русскій Вѣстникъ» 1867, № 1.—«Кавказскій Календарь» 1848 и 1865. — «Русскій Инвалидъ» 1832, №№ 60, 62 и 63; 1833, №№ 214, 215, 216; 1836, № 104.—«Московскій Телеграфъ» 1825, № 5.—«Любитель словесности» 1896, т. I.—«Славянинъ» 1827, т. 2; 1828, т. 6 и 8; 1829, т. 11 и 12; 1830, т. 15.—«Сѣверный Меркурій» 1830, №№ 35—37.—«Сѣверная Пчела» 1845, №№ 99—101.—«Воскресный Досугъ» 1863, т. 1, №№ 11 и 12. — «Спб. Вѣдомости» 1863, №№ 26, 42 и 55.—Висковатовъ. Біографія кн. Циціанова. — «Русская Старина.», т. L, стр. 279, 371; т. LX, стр. 412; т. LXVI, стр. 140—148, 732; т. LXXIX, стр. 579; т. LXXXII, стр. 137; т. LXXXVIII, стр. 583; т. XLIII, стр. 210, 11; т. XXX, стр. 223 и сл.; т. LXVII, стр. 504; т. XLVIII, стр. 528 и др.—«Русск. Архивъ» 1872, 2100, 2170—«19-ый вѣкъ» II, 1.—«Истор. Вѣсти», т. XXX, 410 и др., т. XIX, стр. 724 и др., т. LXVII, стр. 528; т. XXXIII, стр 280 и др; т. XXXVIII, стр. 506.—«Сборн. Русск. Истор. Общ.», т.т. 23, 45, 54, 73 и др.—П. Зубовъ, «Подвиги русскихъ войскъ на Кавказѣ». Спб. 1826.—Бутковъ, «Матеріалы для новой исторіи Кавказа», т. II и III.

Б. Савинковъ.

Цолликоферъ, *Егоръ Трофимовичъ*, архитекторъ, по происхожденію швейцарецъ изъ нѣмецкаго кантона Сентъ-Галленъ, род. 20 сентября 1802 года; молодымъ человѣкомъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ получилъ званіе техника и работалъ у знаменитаго въ то время архитектора А. П. Брюллова, состоя его помощникомъ на многихъ казенныхъ и частныхъ постройкахъ гор. Петербурга, между прочимъ нѣмецкой церкви св. Петра и Павла, на Невскомъ проспектѣ, и Императорскаго Михайловскаго театра. Кромѣ того, онъ велъ самостоятельно много частныхъ построекъ какъ въ Петербургѣ такъ и въ его окрестностяхъ; умеръ 12 мая 1874 года.

Свѣдѣнія изъ семейнаго архива Цолликофера.

П. Полевой.

Цомакіонъ, *Ѳедоръ Михайловичъ*, профессоръ Казанскаго университета, род. 1 февраля 1848 г.; окончилъ курсъ кандидатомъ физико-математическаго факультета въ Новороссійскомъ университетѣ въ 1869 году. Съ 1877 по 1887 г. онъ былъ лаборантомъ при томъ-же университетѣ, а 27 марта 1880 г. получилъ степень магистра физики. 4 апрѣля 1881 г. Цомакіонъ былъ избранъ въ Казанскій университетъ доцентомъ физической географіи, а съ 1883 г. преподавалъ эту науку также и на историко-филологическомъ факультетѣ. Получивъ степень доктора 22 сентября 1884 г., Цомакіонъ назначенъ былъ экстраординарнымъ, а 1 мая 1886 г.—ординарнымъ профессоромъ, но уже 7 іюня 1887 г. вслѣдствіе тяжкой болѣзни вышелъ въ отставку и умеръ 19 іюня 1887 г. Цомакіономъ изданы отдѣльно слѣдующія сочиненія: 1) Электропроводность газовъ. Одесса, 1879, 8°; 2) Магнитныя наблюденія, произведенныя въ гор. Казани въ теченіи 1883 г. Казань, 1884, 8°; 3) О законахъ прохожденія электричества черезъ газы. Казань, 1884, 8°; 4) Наблюденія магнитно-метеорологической обсерваторіи при Имп. Казанскомъ университетѣ за 1884 г. Казань, 1888, 8°.

Загоскинъ. Дѣятели Имп. Казанскаго университета (1805—1900). Казань, 1900, стр. 94.—Карточный Каталогъ Имп. Публичной Библіотеки. — Дѣло Архива Мин. Народн. Просв. № 174923.

В. Козловъ.

Цорнъ, *Павелъ Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, писатель; сынъ отставного секундъ-маіора русской службы, переселившагося въ Россію изъ Дармштадта, родился 27 іюня 1777 года; воспитаніе получилъ въ Инженерномъ и Артиллерійскомъ (нынѣ 2-й) Кадетскомъ корпусѣ (съ 1787 г.), откуда въ 1793 г. былъ выпущенъ подпоручикомъ въ Тверской Карабинерный полкъ; переведенный затѣмъ въ Кирасирскій Наслѣдника Цесаревича полкъ (въ ко-

торомъ прежде служилъ и его отецъ), Цорнъ 19-го іюня 1795 г. получилъ чинъ поручика, а въ слѣдующемъ году (2-го іюля) ротмистра и 17-го ноября того-же 1796 года только-что вступившимъ на престолъ Императоромъ Павломъ переведенъ былъ въ л.-гв. Конный полкъ; здѣсь онъ уже 2-го мая 1797 г. получилъ чинъ полковника, а 20-го августа 1798 г. былъ назначенъ, съ чиномъ генералъ-маіора, шефомъ Кирасирскаго своего имени (что впослѣдствіи Тверской драгунскій) полка. Уже черезъ два года (въ январѣ 1800 г.) Цорнъ былъ опредѣленъ инспекторомъ кавалеріи Литовской инспекціи, но занималъ эту должность лишь до 19-го мая, будучи 18-го сентября переведенъ въ Тверской драгунскій полкъ, съ пожалованіемъ чина генералъ-лейтенанта и дойдя, такимъ образомъ, до этого чина на 25-мъ году жизни, и въ 7 лѣтъ службы. Со вступленіемъ на престолъ Императора Александра, этотъ любимецъ Павла I подалъ «за болѣзнію» прошеніе объ отставкѣ, которую и получилъ 6-го сентября 1801 года, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ и до 1813 года числился при Герольдіи. 13 августа 1813 г. Цорнъ снова принятъ былъ въ службу генералъ-маіоромъ по кавалеріи и опредѣленъ командующимъ 3-мъ кавалерійскимъ корпусомъ резервной арміи, съ конмъ и находился въ предѣлахъ герц. Варшавскаго въ мѣст. Владавѣ по 1-е сентября 1814 г., получивъ, при отъѣздѣ оттуда: отъ обывателей — золотой перстень, поднесенный ему въ знакъ благодарности, золотой бокалъ—отъ 3-й Уланской дивизіи и золотую табакерку отъ 3-й Гусарской дивизіи. Состоя затѣмъ по кавалеріи, Цорнъ былъ въ 1816 г. Вологодскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, а затѣмъ поселился въ Москвѣ, гдѣ и умеръ въ чинѣ генералъ-лейтенанта 15-го декабря 1829 г.; погребенъ онъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

П. И. Цорнъ занимался вопросами ипологіи; находясь не у дѣлъ, онъ въ 1809 г. издалъ въ Москвѣ книгу: «Новый россійскій опытный коноводъ, совершенный кавалеристъ, знатокъ, ѣздокъ, охотникъ и заводчикъ, собранный изъ лучшихъ авторовъ, съ собственными примѣчаніями» 4 ч. съ фигурами; этотъ трудъ вышелъ 2-мъ изданіемъ, но уже въ 5 частяхъ, въ Москвѣ, въ 1815 г. съ заглавіемъ «Россійскій опытный коноваль» и т. д. Затѣмъ, онъ напечаталъ «Посланіе къ юнымъ защитникамъ Отечества въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1812 г. Изданное состоящимъ по кавалеріи генералъ-маіоромъ Цорномъ» (Спб. 1816). Проживая, затѣмъ, въ Москвѣ, Цорнъ въ 1823 г. издавалъ «Ежегодникъ для охотниковъ до лошадей» (№№ 1 — 52, ч. I—IV), въ 1824 и 1825 г г. носившій названіе: «Записки для охотниковъ до лошадей», въ 1826 г.—«Записки для охотниковъ до лошадей и конюшеннаго порядка», а въ 1827 г.—«Записки для охотниковъ до лошадей, содержащія въ себѣ конюшенный порядокъ» (вышелъ только 1-й №). Каждая книжка украшалась хорошо исполненной гравированной картинкой къ тексту; нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ рѣзцу извѣстнаго талантливаго гравера А. А. Флорова. Самъ Цорнъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ много статей по ипологіи, ветеринаріи и т. под., напр. «О пользѣ и свойствѣ лошадей» (1823, № 1), «Взглядъ на коннозаводство Россійскаго государства» (ib., № 1 и 2), «О конскомъ волосѣ и шерсти» (ib., № 8), «Краткое обозрѣніе скотоврачебнаго искусства» (ib., № 10), «Объ англизированіи» (ib., № 25—26) и еще множество статей, замѣтокъ, объясненій къ рисункамъ и т. под. Журналъ пользовался успѣхомъ и имѣлъ большое, по тому времени, количество подписчиковъ.

Архивъ Департамента Герольдіи Правит. Сената (формулярный списокъ).—Надгробная надпись на Ваганьковскомъ кладб. въ Москвѣ.—«Русскій Инвалидъ» 1814 г., № 92 и 1816 г., № 167.—«Московскія Вѣдом.», 1823 г., № 4 и 101.—«С.-Петерб. Вѣдом.», 1825 г., № 100.—Карточный каталогъ Импер. Публичной Библіотеки.

Б. Львовъ.

Цуберъ, *Іоганнъ Христіанъ*, врачъ, родился въ 1713 году въ княжествѣ Ангальтъ-Бернбургскомъ и изучалъ медицину въ школѣ, основанной при С.-Петербургскомъ Генеральномъ Сухопутномъ Госпиталѣ, которую окончилъ съ производствомъ въ подлѣкаря въ 1734 г. На слѣдующій годъ Цуберъ получилъ назначеніе состоять лекаремъ при С.-Петербургскомъ гарнизонѣ. Прослуживъ здѣсь очень не долго, онъ былъ переведенъ въ крѣпость св. Анны. Во время Азовскаго похода 1736 г. Цуберъ былъ прикомандированъ къ Азовскому драгунскому полку и отправленъ на мѣсто военныхъ дѣйствій, и только черезъ

два года былъ снова переведенъ въ Петербургъ и назначенъ лекаремъ въ С.-Петербургскій Генеральный Сухопутный Госпиталь, но вскорѣ, вслѣдствіе извѣстій о появленіи чумы и начала военныхъ дѣйствій, былъ командированъ въ Кобелякскій госпиталь, числясь въ то же время при прежней должности въ госпиталѣ, изъ котораго онъ переведенъ былъ въ Адмиралтейство, гдѣ, кромѣ обязанностей оператора и лѣкаря, ему было поручено преподавать анатомію ученикамъ госпиталя, подъ руководствомъ Шренбера и фонъ-Меллена. Въ 1742 г. Цуберъ былъ назначенъ врачемъ при духовной семинаріи въ Троице-Сергіевской лаврѣ и на этомъ посту прослужилъ, по контракту, 4 года. Впослѣдствіи контрактъ былъ возобновленъ и продолженъ еще на два года, и при этомъ было включено условіе, чтобы онъ обучалъ семинаристовъ «лекарскому» искусству. Въ 1752 г. онъ опять былъ переведенъ въ Адмиралтейскій госпиталь, но уже главнымъ лекаремъ и вскорѣ былъ назначенъ штабъ-лекаремъ при Кабинетѣ Ея Величества, пробывъ на этой должности до самой смерти. Умеръ Цуберъ въ 1783 году.

Рихтеръ: «Исторія Медицины», т. III.

Л. Дагаевъ.

Цуберъ, *Христіанъ*, сынъ предыдущаго, род. въ Москвѣ. Цуберъ изучалъ медицину въ С.-Петербургскомъ Генеральномъ Сухопутномъ Госпиталѣ и 13 сентября 1762 года получилъ званіе лѣкаря, а затѣмъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ медицинскихъ наукахъ отправился заграницу. Возвратившись въ Россію, онъ былъ назначенъ докторомъ въ Бѣлорусскую дивизію (1772 г.) и черезъ шесть лѣтъ былъ переведенъ въ Морской шляхетный корпусъ, гдѣ прослужилъ около восьми лѣтъ. Въ 1786 г. онъ былъ назначенъ докторомъ С.-Петербургской губерніи, а 10 августа 1797 г. Цуберъ былъ переведенъ на должность доктора къ кори, оспѣ и скарлатинѣ. Служебную карьеру Цуберъ закончилъ на должности главнаго доктора флота, на которую былъ назначенъ 5 декабря 1801 г.

Чистовичъ, Яковъ. «Исторія первыхъ Медицинскихъ школъ въ Россіи», Спб., 1883 г.

Л. Дагаевъ.

Цукато (Zuccato), графъ *Егоръ Гавриловичъ*, генералъ-маіоръ, потомокъ древняго венеціанскаго рода, служилъ сначала въ Виртембергскомъ войскѣ, а въ 1788 г. вступилъ въ русскую службу секундъ-маіоромъ и за отличіе при взятіи Очакова получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени. Въ 1791 г. графъ Цукато былъ произведенъ въ подполковники въ первый Морской полкъ, 1 октября 1794 г.—переведенъ въ конно-гренадерскій Военнаго Ордена полкъ, отличился при штурмѣ Праги, за что получилъ орд. св. Владиміра 4-й ст., а 24 февраля 1797 г. выключенъ изъ службы. Черезъ два года, 8 марта 1799 г., Цукато снова былъ принятъ въ службу и назначенъ волонтеромъ въ корпусъ генерала Розенберга, съ которымъ принималъ участіе въ итальянскомъ походѣ и былъ въ сраженіяхъ при Требіи и при Нови; 30 октября того же года онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, минуя чинъ полковника, при чемъ старшинство въ чинѣ дано ему съ 26 ноября 1798 г. Отставленный отъ службы съ ношеніемъ мундира, 7 марта 1800 г., Цукато снова былъ принятъ на оную и назначенъ присутствующимъ въ Военной Коллегіи (8 ноября 1800 г.). Въ этой должности онъ оставался до 3 августа 1808 г., когда повелѣно было зачислить его по арміи. Въ 1809 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ отдѣльнаго отряда въ Малой Валахіи и за отличіе подъ Расеватомъ (4 сентября) получилъ 8 января 1810 г. орденъ св. Георгія 3-го класса. Въ іюнѣ 1810 г., состоя подъ начальствомъ графа Каменскаго, онъ переправился въ Сербію на помощь Георгію Черному, имѣлъ дѣла съ турками у Бирзо-Паланки, у Праова и въ другихъ мѣстахъ, и сформировалъ изъ сербовъ регулярную кавалерію, носившую названіе сербскихъ казаковъ; за отличіе при Бирзо-Паланкѣ и за возбужденіе у сербовъ «воинственнаго духа» Цукато получилъ орд. св. Анны 1 ст. (14 іюля 1810 г.); 20 іюля и 2 августа онъ снова разбилъ турокъ у Праова. Скончался Цукато въ августѣ 1810 г.

Формулярный списокъ графа Е. Г. Цукато.—Дѣла Капитула орденовъ. — Дѣло о дворянствѣ рода графовъ Цукато въ Архивѣ Д-та Герольдіи.—F. Schröder. Repertorio genealogico delle famiglie confermate nobili e dei titoli nobili esistenti nelle provincie Venete. Venezia. 1830.—Военный сборникъ 1865 г., книга 8, стр. 218—223 (Н. Дубровинъ. «Графъ Н. М. Каменскій 2-й»).

В. Владимировъ.

Цукато, графъ *Николай Егоровичъ*, генералъ отъ кавалеріи, сынъ предыдущаго, род. въ 1794 г., умеръ 20 апрѣля 1867 г.; вступилъ въ службу въ Атаманскій полкъ войска Донского 12 мая 1807 г. и, имѣя отъ роду 15 лѣтъ, произведенъ былъ въ хорунжіе 17 августа 1809 г. Въ 1809—1810 гг. онъ былъ въ походѣ въ Молдавію и за участіе въ дѣлахъ подъ Расеватомъ получилъ орд. св. Анны 4-й ст. съ надписью «за храбрость». Въ началѣ 1811 г. Цукато, по просьбѣ матери, переведенъ былъ въ 7-й егерскій полкъ прапорщикомъ, но числился въ отпуску, а 23 марта 1812 г. переведенъ въ л.-гв. Финляндскій полкъ и участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Тарутинымъ, Княжнымъ Малымъ Ярославцемъ и Краснымъ, а также въ кампаніи 1813—1814 гг.; за кампанію 1812 г. Цукато былъ награжденъ золотымъ оружіемъ. При сформированіи л.-гв. Волынскаго полка въ 1812 г. Цукато, въ чинѣ поручика, былъ переведенъ въ этотъ полкъ, гдѣ уже черезъ 13 мѣсяцевъ получилъ чинъ капитана, а 17 января 1820 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника, но уже въ слѣдующемъ году снова вступилъ въ службу подполковникомъ въ Татарскій уланскій полкъ. Въ 1831 г., уже въ чинѣ полковника, Н. Е. былъ назначенъ командиромъ Волынскаго уланскаго полка, начальствуя которымъ принималъ участіе во многихъ дѣлахъ противъ поляковъ, за что получилъ орд. св. Анны 2 ст. и св. Владиміра 3 ст.

31 марта 1835 г. Цукато назначенъ былъ комендантомъ въ Анапу; въ сентябрѣ 1836 г. онъ разбилъ большія скопища черкесъ, напавшихъ на хлѣбныя поля поселянъ близъ Анапы, а въ октябрѣ того же года принималъ участіе въ дѣлахъ противъ горцевъ, состоя въ отрядѣ генерала Вельяминова. 6 декабря 1836 г. Н. Е. произведенъ былъ въ генералъ-маіоры, въ іюлѣ 1837 г. съ отрядомъ Анапскаго гарнизона занялъ окрестные аулы, въ наказаніе за неоднократныя ихъ нападенія, а 23 сентября того же года принималъ въ Анапѣ Императора Николая Павловича, который остался весьма доволенъ найденнымъ въ крѣпости порядкомъ. Въ декабрѣ того же года Цукато по болѣзни взялъ продолжительный отпускъ, а черезъ два года вышелъ въ отставку, но уже 22 февраля 1841 г. назначенъ атаманомъ Оренбургскаго казачьяго войска. Состоя въ этой должности Н. Е. получилъ въ 1842 г. орд. св. Станислава 1-й ст. и св. Георгія 4 класса за 25 лѣтъ службы въ офицерскихъ чинахъ, въ 1843 г. участвовалъ въ усмиреніи безпорядковъ, возникшихъ среди государственныхъ крестьянъ Челябинскаго уѣзда, а въ 1844 г. получилъ орд. св. Анны 1-й ст.

11 апрѣля 1848 г. Цукато произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты, а 25 марта 1849 г. назначенъ состоящимъ при шефѣ жандармовъ. Съ 3 декабря 1850 г. по 1 января 1860 г. онъ былъ начальникомъ 1-го округа Корпуса Жандармовъ, получивъ въ 1854 г орд. св. Владиміра 2-й ст., а въ 1857 г.—орд. Бѣлаго Орла. Зачисленный съ 1 января 1860 г. по запаснымъ войскамъ, Цукато 11 апрѣля 1861 г. былъ произведенъ въ генералы отъ кавалеріи и уволенъ отъ службы.

Указъ объ отставкѣ гр. Н. Е. Цукато.—Дѣло о дворянствѣ рода гр. Цукато въ Архивѣ Д-та Герольдіи.—Русская Старина, 1884 г., т. XLIII, августъ, с. 379, и сентябрь, стр. 567—575.

В. Лемюръ.

Цуккербеккеръ, *Томасъ*, докторъ медицины, род. въ Ригѣ 8 августа 1796 г., и здѣсь же получилъ первоначальное образованіе, а медицину изучалъ въ г. Эдинбургѣ. Окончивъ въ 1818 г. Эдинбургскій университетъ, онъ защитилъ диссертацію на тему «De rubeola vulgari». (Edinburg 1818 г.) и получилъ степень доктора медицины. Лѣтомъ 1819 г. Цуккербеккеръ отправился въ Москву, но вскорѣ вернулся въ Ригу, гдѣ и умеръ 21 сентября 1820 года.

Recke und Napiersky. Schriftsteller und Gelehrten—Lexicon.

Л. Даіаевъ.

Цумпе, *Іоганнъ-Георгъ*, лекарь, по происхожденію нѣмецъ. Вначалѣ былъ учителемъ латинскаго языка въ С.-Петербургскомъ Генеральномъ Сухопутномъ Госпиталѣ и былъ командированъ въ Олонецкъ для изслѣдованія марціальныхъ водъ. Затѣмъ поѣхалъ въ чужіе края для усовершенствованія въ наукахъ, учился въ Копенгагенѣ и въ 1738 году получилъ тамъ докторскій дипломъ, напечатавъ диссертацію подъ заглавіемъ: «Centuria thesium miselanearum quae dubia vexata ex omnibus partibus medicinae proponunt».

Послѣ этого онъ вернулся въ Петербургъ и былъ подвергнутъ экзамену въ Медицинской Канцеляріи, выдержавъ который былъ признанъ докторомъ, назначенъ младшимъ докторомъ въ С.-Петербургскій Генеральный Госпиталь 31 декабря 1739 г. и откомандированъ въ Шлиссельбургъ къ «строенію» ладожскаго канала. Въ январѣ 1741 г. Цумпе былъ по болѣзни возвращенъ въ Петербургъ и, продолжая здѣсь службу, умеръ въ 1749 г.

«Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи», Чистовича.

Л. Дагаевъ.

Цункъ, *Германъ Леопольдъ*, род. въ Торнѣ 1 апрѣля 1818 г. Воспитывался въ Лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ получилъ званіе доктора философіи. Въ 1844 году онъ выѣхалъ въ Россію и въ 1859 г. былъ причисленъ къ Министерству Народнаго Просвѣщенія, при которомъ состоялъ до 1863 г., а въ 1864 г. опредѣленъ младшимъ помощникомъ хранителя музея Императорскаго Эрмитажа. Во время исправленія этой должности онъ составилъ каталогъ картинной галлереи Эрмитажа. Въ 1871 году Цункъ былъ назначенъ библіотекаремъ Императорской Публичной Библіотеки, завѣдующимъ отдѣленіями беллетристики и филологіи, съ оставленіемъ въ прежней должности. Въ 1872 году Императоръ Александръ II назначилъ его домашнимъ учителемъ нѣмецкаго языка Августѣйшихъ Дѣтей Своихъ и повелѣлъ считать его вольнотрудящимся въ Публичной Библіотекѣ съ 1844 года по годъ опредѣленія его въ должность библіотекаря. Умеръ Цункъ 3 октября 1877 г.

Голосъ 1877 г. № 237. — Архивъ канцеляріи Имп. Публичн. Библіотеки. — Архивъ канцеляріи Императ. Эрмитажа.

П. Шилевой.

Цуръ-Миленъ, (фонъ-) *Андрей Андреевичъ*, (von zur Mühlen, Heinrich Ferdinand), генералъ-лейтенантъ, начальникъ инженеровъ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ; изъ дворянъ Римской Имперіи, сынъ купца города Ревеля, род. 18 сентября 1794 года, умеръ 19 мая 1864 г. Записанный въ 1806 г. во 2 Піонерный полкъ, Цуръ-Миленъ вступилъ въ 1810 г. на дѣйствительную службу и произведенъ въ томъ-же году въ подпоручики. Въ 1810—1828 г. онъ состоялъ въ комплектѣ разныхъ піонерныхъ полковъ и баталіоновъ; въ отечественную войну — принималъ участіе въ отраженіи непріятеля отъ крѣпости Динабурга, 1—3 іюня 1812 г., при чемъ командовалъ тремя полевыми орудіями, а 6 августа того же года, при наведеніи моста чрезъ рѣку Двину, близъ мызы Репяны, находился подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ; въ 1813 г. онъ былъ произведенъ въ поручики, въ 1818 г. въ штабсъ-капитаны, въ 1820 г. въ капитаны и въ 1826 г. въ подполковники. Въ 1828 г. Цуръ-Миленъ переведенъ былъ въ учебный саперный баталіонъ и въ томъ-же году откомандированъ для сформированія временнаго резервнаго піоннернаго (впослѣдствіи 2 резервнаго сапернаго) баталіона, которымъ и командовалъ по 1842 г.; въ 1833 г. произведенъ въ полковники, въ 1842 г. командированъ въ образцовый пѣхотный полкъ, въ томъ-же году назначенъ командиромъ 1 резервнаго сапернаго баталіона и въ 1843 г. — командиромъ л.-гв. Сапернаго баталіона. Произведенный въ 1843 г. въ генералъ-маіоры, Цуръ-Миленъ въ 1845 г. былъ назначенъ и. д. начальника инженеровъ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ, въ каковой должности утвержденъ въ 1850 г. Въ 1852 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и во время Крымской войны находился въ составѣ войскъ, охранявшихъ прибрежье С.-Петербургской губ. Въ 1863 г. Цуръ-Миленъ отчисленъ отъ должности начальника инженеровъ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ и зачисленъ въ запасныя войска. Высшимъ знакомъ отличія онъ имѣлъ орд. Бѣлаго Орла.

Семейный архивъ рода Цуръ-Миленъ.—Послужной списокъ Цуръ-Милена, хранящійся въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба.

А. Гернетъ.

Цурмиленъ, *Германъ - Альфредъ*, род. въ Ревелѣ 5 февраля 1800 г. Изучалъ медицину въ Дерптскомъ университетѣ, который и окончилъ 18 мая 1828 г., защитивъ диссертацію на тему: «Symbolae ad historiam et diagnosin condylomatum» за которую получилъ степень доктора медицины. Въ качествѣ военнаго врача участвовалъ въ турецкой кампаніи 1828 — 1829 г., былъ потомъ старшимъ

врачемъ въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ и умеръ въ чинѣ дѣйств. стат. совѣтника 22 марта 1856 г.

«Schriftsteller und Gelehrten Lexicon» v. Recke und Napiersky. — Hasselblatt u. Otto. Album acad. d. kais. Univ. Dorpat, s. 95, № 1386.

Л. Дагаевъ.

Цурмиленъ (**фонъ -**), *Христіанъ Фердинандъ* (Christian Ferdinand von zur Mühlen), писатель; родился Ц. 27-го ноября 1788 г. въ гор. Ревелѣ. Съ 1807 г. онъ поселился въ Дерптѣ, гдѣ занимался изученіемъ военныхъ наукъ, затѣмъ въ 1812—1815 г.г. дѣлалъ кампанію и былъ награжденъ: орденомъ св. Владиміра 4-й степени и королевскимъ прусскимъ орденомъ «Pour le mérite». Въ 1816 г. въ чинѣ подполковника генеральнаго штаба онъ вышелъ въ отставку и поселился въ отцовскомъ имѣніи Пирсаль (Piersal), въ Викѣ. Умеръ Ц. въ Оппенгофѣ 3 февраля 1837 г. Ц. извѣстенъ слѣдующими своими сочиненіями:—«Einige Landwirthschaftliche Erfahrungen» въ «Lievl. Jahrb. der Landwirtschaft» 1826, I, ст. 389—466.; «Auszug aus einem Briefe (über Düngung)» въ «Oekonom. Beil. z. Ostsee-Provinzen Blatt» 1825, № 1.

«Allg. Schrift. u. Gelehrt. Lexicon» von Recke u. Napiersky IV, ст. 600.—«Nachträge und Fortsetzungen» Napiersk'аго къ этому лексикону, 1859, I, ст. 287.—Hasselblatt u. Otto. Album academicum d. kais. Univ. Dorpat, s. 21, № 302.

Б. Савиковъ.

Цыгановъ, *Николай Григорьевичъ*, актеръ, авторъ популярныхъ пѣсенъ; отецъ его, былъ сперва крѣпостнымъ купца В. А. Злобина, извѣстнаго своими торговыми предпріятіями и хлѣбной торговлей по Волгѣ и ея окрестностямъ; получивъ, затѣмъ, отпускную, Григорій Цыгановъ приписался въ удѣльные крестьяне и долгое время состоялъ повѣреннымъ Злобина въ его многочисленныхъ торговыхъ оборотахъ. Николай Григорьевичъ род. въ Петербургѣ въ 1797 г.; дѣтство и отрочество онъ провелъ въ постоянныхъ странствованіяхъ съ отцомъ по Россіи, учась лишь урывками, то дома, то въ школахъ. Около 1816 г. юный Цыгановъ по какимъ-то случайностямъ поступилъ въ Саратовскую театральную труппу, въ которой игралъ въ Саратовѣ и во время странствованій труппы по другимъ городамъ Россіи. Прослуживъ такимъ образомъ 12 лѣтъ, Цыгановъ въ Симбирскѣ былъ замѣченъ извѣстнымъ театраломъ М. Н. Загоскинымъ, который занималъ тогда мѣсто члена конторы Московскихъ театровъ; онъ отличилъ Цыганова изъ числа другихъ актеровъ и способствовалъ переходу его на сцену Московскаго театра. Какъ актеръ, Цыгановъ не выказалъ недюжинныхъ дарованій, но всегда былъ у мѣста, особенно же въ роляхъ наивно-комическихъ стариковъ. Вся труппа любила его за его доброту, мягкость и непритязательность нрава. Въ 1831 г. Цыгановъ умеръ въ Москвѣ отъ холеры, всего 34 лѣтъ отъ роду. Знавшіе его свидѣтельствуютъ о его искренности, веселости и остроуміи; иногда онъ предавался разгулу, а по нѣкоторымъ извѣстіямъ страдалъ порокомъ, которымъ часто бываютъ одержимы русскіе талантливые люди.

Цыгановъ извѣстенъ въ исторіи русской литературы своими пѣснями, изъ коихъ нѣкоторыя давно уже стали народными. Много поѣздивъ по Россіи, Цыгановъ хорошо познакомился съ устнымъ творчествомъ русскаго народа, прислушивался къ различнымъ повѣрьямъ, собиралъ забытыя преданія; но съ особеннымъ вниманіемъ относился Цыгановъ къ народнымъ пѣснямъ; нѣкоторыя изъ нихъ онъ и клалъ въ основаніе своихъ произведеній; часто сочиненія его являлись продуктомъ минутнаго настроенія, импровизаціей, которую онъ исполнялъ подъ аккомпаниментъ гитары. Вслѣдствіе этого многія изъ пѣсенъ Цыганова навсегда погибли, не будучи никогда записаны; нѣкоторыя же, помимо воли автора, разошлись во множествѣ списковъ по всей Россіи и сдѣлались общеизвѣстными. Особенно популярны: «Что ты рано, травушка, пожелтѣла»?, «Охъ, болитъ да щемитъ ретиво сердечко»!, «При долинушкѣ береза», «По полю, полю чистому», наконецъ—«Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ» и др. Всѣхъ пѣсенъ Цыганова извѣстно 44, стихотворенія: къ П. С. Мочалову и «Въ альбомъ М. Д. Львовой-Синецкой». По отзыву Ѳ. А. Кони, знавшаго его лично, «Цыгановъ былъ замѣчательный русскій поэтъ. Онъ исходилъ почти всю Россію, чтобъ подслушать родные звуки у русскаго человѣка въ скорбный и веселый часъ. Онъ записывалъ ихъ пѣсни, подмѣчалъ оригинальныя выраже-

нія и имѣлъ особенный тактъ отличать чисто національные перлы въ русскихъ пѣсняхъ отъ искусственной поддѣлки подъ національность... Въ поэтическомъ отношеніи, по созданію пѣсенъ, Цыгановъ стоялъ гораздо выше барона Дельвига... Ранняя смерть не дозволила Цыганову обнародовать богатаго собранія волжскихъ разбойничьихъ пѣсенъ, которыя ему удалось подслушать и отыскать въ низовыхъ губерніяхъ, а русская литература потеряла черезъ то чудесный матерьялъ для народной баллады»... Главнѣйшая роль Цыганова въ исторіи литературы та, что онъ явился непосредственнымъ предшественникомъ другого нашего народнаго пѣвца—Кольцова.

Въ 1834 г. въ Москвѣ были изданы «Русскія пѣсни» Цыганова, вышедшія 2-мъ изданіемъ въ 1857 г. (М.) подъ заглавіемъ «Собраніе сочиненій Н. Цыганова съ прибавленіемъ новѣйшихъ простонародныхъ пѣсенъ, собранныхъ С. Кораблевымъ», а въ 1880, 1884 и 1886 г. произведенія Цыганова были собраны и изданы Суворинымъ вмѣстѣ съ пѣснями А. Ѳ. Мерзлякова въ томикѣ «Дешевой библіотеки».

Біографія при изданіи Суворина, 1880 г. — П. В. Гербель, «Русск. поэты», изд. 3-е, Спб., 1888, стр. 327 — 329. — «Русскій Инвалидъ», 1857 г., № 259.—«Молва», 1834 г., № 23, стр. 352—354.—«Сѣверная Пчела», 1834 г., № 188 (статья М. Турунова).—«Библіотека для чтенія», 1834 г., т. V, литер. лѣтоп., стр. 5 — 6. — «Московск. Вѣстн.», 1828 г., ч. XI, стр. 108 — 110 (пѣсни: «Не сиди, мой другъ...», «Ахъ, туманы, вы туманушки», «Да спасибо же тебѣ, сиротѣ кувшину»). — «Молва», 1833 г., № 70, стр. 277 — 278. — «Литерат. Прибавл. къ Русск. Инвалиду», 1839 г. — «Репертуаръ...» 1842 и 1843 г. — «Литературный Кабинетъ», 1842 г., стр. 52 и 57.

Б. Львовъ.

Цыловъ, *Николай Ивановичъ*, генералъ-маіоръ, писатель, род. въ 1801 г. Сынъ доктора медицины, Цыловъ воспитывался въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда въ 1817 году выпущенъ прапорщикомъ въ 19-ую артиллерійскую бригаду. За отличіе въ сраженіи съ горцами 14 ноября 1818 г. при Джангутаѣ онъ получилъ орденъ св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость». Въ 1821 году Цыловъ былъ прикомандированъ къ Артиллерійскому училищу (нынѣ Михайловское артиллерійское) для преподаванія математики и исправленія обязанностей дежурнаго офицера. Въ 1825 г. онъ снова былъ переведенъ въ артиллерійскую бригаду, въ 1826 г. назначенъ для особыхъ порученій къ директору Артиллерійскаго департамента генералу Игнатьеву, а въ 1827 г. былъ командированъ въ г. Тифлисъ для построенія тамъ подъемной машины Ломбора для установленія на лафеты осадной артиллеріи на случай осады персидскихъ крѣпостей, а по возвращеніи оттуда посланъ въ Валдай для заготовленія повозокъ къ подвижнымъ наркамъ. Въ 1828 г. Цыловъ снова поступилъ преподавателемъ въ Артиллерійское училище, гдѣ оставался въ теченіи двѣнадцати лѣтъ, ознаменовавъ свою преподавательскую дѣятельность изданіемъ составленнаго имъ руководства аріометики. (Спб. 1838, 4°). Въ февралѣ мѣсяцѣ 1840 г. онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ подполковника, а въ мартѣ того-же года опредѣленъ въ штатъ С.-Петербургской полиціи приставомъ исполнительныхъ дѣлъ. Въ 1847 г. онъ составилъ «Алфавитный указатель къ отысканію полицейскихъ узаконеній», затѣмъ, издавъ предварительно планъ только одной Литейной части г. С.-Петербурга, въ 1849 г. составилъ подробный атласъ всѣхъ тринадцати частей столицы; къ изданію этому приложенъ алфавитный указатель всѣхъ улицъ и домовладѣльцевъ; атласъ этотъ состоитъ изъ двухъ томовъ и заключаетъ въ себѣ 392 листа подробныхъ плановъ отдѣльныхъ частей С.-Петербурга, съ общимъ планомъ столицы. Въ 1850 г. Цыловъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены Императорскаго Географическаго Общества, а въ 1853 году онъ былъ назначенъ полиціймейстеромъ въ Царское Село и въ этомъ-же году издалъ «Планы С.-Петербурга въ 1700, 1705, 1725, 1738, 1756, 1777, 1799, 1840 и 1849 годахъ, съ приложеніемъ плановъ 13 частей столицы, изданныхъ въ 1853 году въ воспоминаніе перваго основанія С.-Петербурга 16 мая 1703 г. и совершившагося 150 лѣтняго существованія города»; съ приложеніемъ портретовъ Императоровъ Петра I и Николая I и рисунковъ: домика Петра Великаго, Исаакіевскаго соборъ, памятника Петру I и др.» Въ 1856 г. Цыловъ составилъ атласъ Царскаго Села. Въ 1861 г. онъ былъ переведенъ въ Министерство Внутреннихъ

Дѣлъ, а въ 1863 году былъ единогласно избранъ въ дѣйствительные члены С.-Петербургскаго статистическаго комитета. Съ того же 1863 года начинается дѣятельность Цылова въ Сѣверо-западномъ краѣ. Онъ былъ командированъ въ распоряженіе Виленскаго генералъ-губернатора М. Н. Муравьева, который назначилъ его членомъ слѣдственной комиссіи по политическимъ дѣламъ. Первое время его пребыванія въ Вильнѣ въ періодъ съ 1863 по 1867 годъ отличается разнообразной и усиленной дѣятельностью. Онъ устроилъ въ Вильнѣ адресный столъ, издалъ нѣсколько брошюръ, таковы: «Очеркъ польскаго возстанія въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ въ 1863 и 1864 годахъ», «Сборникъ распоряженій графа Муравьева по усмиренію польскаго мятежа», (Вильна, 1866 г., 4°); «Сигизмундъ Сѣраковскій и его казнь, съ предшествующими манифестаціями въ Вильнѣ въ 1861—1863 годахъ». (Вильна, 1867 г., 12°). Кромѣ того онъ принималъ участіе въ различныхъ комиссіяхъ, образованныхъ въ то время въ Вильнѣ; такъ онъ состоялъ предсѣдателемъ комиссіи о разсмотрѣніи польскихъ и жмудскихъ книгъ духовнаго содержанія, членомъ комиссіи для разбора конфискованныхъ и секвестрованныхъ имуществъ лицъ, высланныхъ изъ сѣверо-западнаго края по преступленіямъ или по политической неблагонадежности; а затѣмъ былъ назначенъ предсѣдателемъ этой комиссіи, съ сохраненіемъ званія предсѣдателя и въ другихъ комиссіяхъ. Кромѣ того въ 1867 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи о преобразованіи Виленской городской полиціи, объ изысканіи средствъ къ увеличенію городскихъ доходовъ и о приведеніи въ положительную извѣстность земель, какъ принадлежащихъ городу, такъ и православнымъ монастырямъ и церквамъ. Въ 1867 г. Цыловъ покинулъ Вильну и состоялъ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Въ это время онъ издалъ «Указатель къ приказамъ Военнаго министра и циркулярамъ Главнаго Штаба Е. И. В. за 12-лѣтній періодъ царствованія Императора Александра Николаевича». Въ 1868 г. онъ былъ снова командированъ въ распоряженіе Виленскаго генералъ-губернатора, и назначенъ на должность Виленскаго городского головы. Въ 1870 г. онъ былъ уволенъ отъ должности головы и съ 1871 г. снова состоялъ при министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, числясь по полевой пѣшей артиллеріи, а въ 1878 г. отчисленъ отъ министерства съ прикомандированіемъ къ Главному Артиллерійскому Управленію. Скончался Цыловъ въ 1879 году. Кромѣ вышеуказанныхъ сочиненій Цыловъ издалъ: 1) «Къ портрету Я. В. Захаржевскаго» (стихотвореніе), Спб., 1858 г., 12°; 2) «Его высокопр-ству барону Н. И. Корфу», Спб., 1861 г., 8°; 3) «Описаніе улицъ С.-Петербурга и фамиліи домовладѣльцевъ къ 1863 г.», Спб. 1862 г., 16°; 4) «Воспоминаніе объ А. П. Ермоловѣ». С.-Петербургскія Вѣдомости, 1867 г., № 113 и отдѣльно, Спб., 1867 г., 12°; 5) Этюды изъ боевой жизни А. П. Ермолова на Кавказѣ въ 1818, 1819 и 1820 гг., Спб., 1878 г., 8°.

Послужной списокъ въ Архивѣ Д-та Герольдіи Пр. Сената.—Сѣверная Пчела, 1847 г., № 60; 1849 г., № 230.—Русская Старина, 1879 г., т. 25, с. 61; 1890 г., т. 68, с. 169; 1891 г., т. 72, с. 673; — Современникъ, 1849 г., т. 18, с. 55; 1853 г., т. 41, с. 17—18.—Отечественныя Записки, 1849 г., т. 67, с. 19—20; 1853 г., т. 89, с. 30. — Русскій Инвалидъ, 1849 г., № 230, с. 917.—Журналъ Мин-ва Внутреннихъ Дѣлъ, 1849 г., № 12, с. 336—337.—Библіотека для чтенія, 1853 г., т. 119, с. 48—49.

П. Полевой.

Цымблакъ–см. *Григорій* **Цамблакъ.**

Цыплетевъ, *Иванъ Еремеевичъ*, бригадиръ, род. въ 1726 г.; въ 1737 г. поступилъ кадетомъ въ Инженерный корпусъ, откуда выпущенъ инженеръ-прапорщикомъ въ 1749 г. Въ 1753 г. онъ былъ произведенъ въ артиллеріи подпоручики и служилъ въ артиллеріи до 1765 г., когда произведенъ былъ въ полковники и назначенъ комендантомъ города Царицына. Въ 1772 г. во время содержанія въ Царицынѣ самозванца Богомолова, когда казаками была сдѣлана попытка къ его освобожденію, Цыплетевъ предупредилъ эту попытку, при чемъ былъ раненъ. Въ 1774 г., когда Пугачевъ приблизился къ Царицыну, Цыплетевъ выказалъ себя энергичнымъ, дѣятельнымъ и находчивымъ комендантомъ. Еще за годъ почти начавъ свои приготовленія къ встрѣчѣ врага, онъ предусмотрѣлъ все: исправилъ въ Царицынѣ укрѣпленія, привелъ въ удовлетворительное состояніе артиллерію, жителей вооружилъ и приготовилъ къ защитѣ и лишь только благодаря этимъ его стараньямъ, и предусмотрительности Цари-

цынъ не сдался самозванцу. Рапортъ свой объ отбитіи Пугачева, Цыплетевъ адресовалъ не главнокомандующему графу Панину, а прямо Императрицѣ, что Панину очень не понравилось и вслѣдствіе этого Цыплетевъ своевременно не получилъ награды. Впослѣдствіи, 18 августа 1780 г., Императрица пожаловала Цыплетева бригадирскимъ чиномъ и большими землями въ нынѣшнемъ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ и въ окрестностяхъ Царицына. Съ 1780 г. онъ исправлялъ должность поручика правителя въ Саратовскомъ намѣстничествѣ. Въ 1795 г., будучи дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества, онъ былъ награжденъ отъ Общества серебряною медалью за успѣшное разведеніе винограда близъ Царицына и въ томъ-же году пожертвовалъ Обществу большое собраніе насѣкомыхъ.

Дубровинъ. Пугачевъ и его сообщники, т. 1, стр. 109, 124, 131; т. II, стр. 62, 186; т. III, стр. 227—29, 236—40; 243—4, 247.—Гротъ. Жизнь Державина, т. I, стр. 131, 172, 198, 199; т. II, стр. 74, 84.—Анучинъ. Д. Гр. Панинъ, усмиритель Пугачовщины. Русскій Вѣстникъ, 1869 г., III, стр. 47, IV, 632—39, 641—45, 649—5; V, 146; VI, 393—400.—Александровъ. Рапорты Цыплетева, Рус. архивъ, 1873 г., 452 — 60.—Ходневъ, Исторія Имп. Военно-Экономич. Об-ва. Спб. 1865.

А. Ивановъ.

Цыплетевы, старинный родъ, происходящій будто бы отъ Рюрика и князей Смоленскихъ (черезъ Монастыревыхъ). Не смотря на такое знатное происхожденіе, представители этого рода не стояли высоко въ служебной іерархіи и въ XVI вѣкѣ многіе изъ нихъ были дьяками; въ этомъ званіи особенно прославили себя трое Цыплетевыхъ: Иванъ Дмитріевичъ, сынъ его Елизаръ Ивановичъ и внукъ Иванъ Елизаровичъ. Эти Цыплетевы въ посольскихъ книгахъ называются «дьяками великими».

О первомъ изъ нихъ *Иванѣ Дмитріевичѣ* извѣстно только, что онъ былъ дьякомъ князя Михаила Андреевича Верейскаго; за то о сынѣ и внукѣ его сохранились болѣе подробныя свѣдѣнія.

Елизаръ Ивановичъ, — думный разрядный дьякъ,—въ первый разъ встрѣчается въ 1506 г. въ качествѣ пристава при послахъ и, начиная съ этого времени, имя его попадается безпрестанно, въ продолженіи почти сорока лѣтъ, при описаніяхъ событій того времени, сперва въ качествѣ пристава, а потомъ только какъ дьяка. Такъ, въ 1510 г. онъ вмѣстѣ съ дьякомъ Третьякомъ Далматовымъ приводилъ псковичей къ крестному цѣлованію; какъ дьякъ участвовалъ въ Смоленскомъ походѣ 1513 — 1514 гг., въ 1514 г. присутствовалъ при пріемѣ Камала,—посла турецкаго султана Селима I, и затѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ упоминается при пріемахъ пословъ. Въ 1526 г. онъ былъ отправленъ, вмѣстѣ съ Иваномъ Васильевичемъ Ляцкимъ, съ посольствомъ въ Литву и къ польскому королю Сигизмунду Казиміровичу; въ томъ-же году «у саней собиралъ дѣтей боярскихъ» на свадьбѣ Великаго князя Василія Ивановича. Въ 1533 г. онъ—въ числѣ немногихъ опытныхъ и приближенныхъ къ Великому Князю лицъ—былъ приглашенъ въ думу, собранную умирающимъ Василіемъ Ивановичемъ для предсмертныхъ распоряженій. Въ малолѣтство Грознаго онъ еще встрѣчается при пріемахъ пословъ, но вскорѣ дѣятельность его прекращается (около 1542 г.) и онъ уступаетъ дорогу сыну, который съ этого времени и начинаетъ возвышаться. Елизаръ Ивановичъ упоминается въ перепискѣ Грознаго съ княземъ Курбскимъ; Грозный упрекаетъ Курбскаго въ томъ, что дѣдъ его Михайло Тучковъ «на преставленіе матери нашей, великія царицы Елены, дьяку нашему Елизару Цыплятеву многая надменная словеса изрече».

Иванъ Елизаровичъ, думный разрядный дьякъ,—при жизни своего отца вовсе не упоминается въ документахъ, но за то въ 1549 г. онъ уже стоитъ во главѣ дьяковъ и подписывается подъ указомъ о разрядахъ воеводъ въ качествѣ думнаго разряднаго дьяка. Въ 1556 г. Цыплетевъ упоминается въ спискѣ дьяковъ, бывшихъ съ государемъ, и управляетъ Посольскимъ приказомъ. Въ 1555 г. при его участіи составлена была государева родословная книга, состоящая изъ сорока трехъ главъ и заканчивающаяся родомъ Адашевыхъ, при этомъ подлинный Государевъ родословецъ и Государева разрядная называются «Елизаровскими».

Передъ смертью Иванъ Елизаровичъ постригся въ монахи, принявъ, такъ же какъ и его отецъ, имя Евфимія. Замѣчательно, что и сынъ Ивана Елизаровича принялъ монашество съ тѣмъ-же самымъ именемъ.

Послѣ Ивана Елизаровича осталось большое состояніе, начало которому положили его отецъ и дѣдъ; записи въ кормовой книгѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря подробно знакомятъ съ размѣрами этого состоянія.

Лихачевъ. Разрядные дьяки. Спб. 1888. — Лихачевъ. Отвѣтъ суровому критику. Москва. 1890.— Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ. — Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго, т. VII, примѣч. 321. — Сборникъ Муханова. — Сборникъ Имп. Русскаго Историч. Общества, т. XXXV, стр. 480, 511, 575, 624, 714, 719, 731, 732 — 760, 764, 769, 776; т. LIX, стр. 46 — 50, 65. 66, 70, 71, 76, 146, 152 — 153, 163, 196; т. LXIX, стр. 96, 787—795, 847—859.— Акты историческіе, т. I, стр. 182. — Временникъ Московскаго Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ, т. V, стр. 23 (въ лѣтописцѣ Нормапскаго).— Соловьевъ. Исторія Россіи, т. V, стр. 413; т. VI, стр. 218. — Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія, т. II, стр. 94.—Царственная книга. Спб. 1769 г., стр. 7.—Акты археографической экспедиціи, т. I, стр. 344. — Сказанія князя Курбскаго, изд. 2-ое, 1842 г. (Устрялова), ч. I, стр. 178. — Маркевичъ. Исторія мѣстничества. — Маркевичъ. О мѣстничествѣ.

Б. Еловскій.

Цытовичъ, *Викторъ Степановичъ*, генералъ-лейтенантъ, Акмолинскій губернаторъ, сынъ протоіерея Орденскаго кирасирскаго полка, изъ дворянъ Херсонской губерніи, род. 22 января 1824 г., въ с. Точнѣ, Могилевскаго уѣзда. По окончаніи курса ученія въ Новгородскомъ Аракчеевскомъ кадетскомъ корпусѣ, Цытовичъ выпущенъ былъ въ 1844 г. въ конно-артиллерійскую № 26 батарею, съ причисленіемъ къ Генеральному Штабу, и въ томъ же году назначенъ на службу въ 5-й пѣхотный корпусъ. Въ августѣ 1846 г. онъ поступилъ въ Императорскую Военную (нынѣ Николаевскую) Академію, по окончаніи въ ней курса, въ декабрѣ 1848 г., причисленъ къ Генеральному Штабу, а 1 января 1849 г. назначенъ временно состоять при департаментѣ Генеральнаго Штаба. Въ маѣ 1849 г. Цытовичъ былъ командированъ въ дѣйствовавшій въ Венгріи 2-й пѣхотный корпусъ и за отличіе въ сраженіи при Дебречинѣ, 21 іюля 1849 г., награжденъ орденомъ св. Анны 4-й ст. съ надписью «за храбрость». Въ концѣ 1849 г. Цытовичъ назначенъ младшимъ офицеромъ при 10 пѣхотной дивизіи, въ 1850 г. переведенъ во 2 резервный кавалерійскій корпусъ, а въ 1853 г. назначенъ квартирмейстеромъ резервной уланской дивизіи, и въ слѣдующемъ 1854 г. произведенъ въ капитаны. Въ Крымскую войну онъ сперва былъ въ составѣ отряда для защиты Одессы, а потомъ въ Евпаторійскомъ отрядѣ; участвовалъ 9 марта 1855 г. при отраженіи Турецкаго отряда подъ Евпаторіею, 4 августа—въ сраженіи на рѣкѣ Черной и на Федюхиныхъ высотахъ, 13 сентября—въ дѣлѣ у аула Багай, 11 октября—въ дѣлѣ между ауломъ Чеботаремъ и Темешскимъ телеграфомъ и 31 октября — въ дѣлѣ у аула Курулу-Кипчакъ; за отличіе въ дѣлахъ подъ Евпаторіею награжденъ орденами св. Владиміра 4-й степени съ мечами и св. Анны 2-й ст. съ Императорскою короною и мечами. По упраздненіи въ 1856 г. резервной уланской дивизіи, Цытовичъ прикомандированъ былъ къ штабу бывшаго инспектора резервной кавалеріи для исправленія должности оберъ-квартирмейстера, въ январѣ 1857 г. произведенъ въ подполковники, съ назначеніемъ начальникомъ штаба резервной дивизіи 6 пѣхотнаго корпуса, а въ февралѣ того же года назначенъ начальникомъ штаба 17 пѣхотной дивизіи. Произведенный въ 1861 г. въ полковники, онъ былъ назначенъ въ 1864 г. командиромъ 64 пѣхотнаго Казанскаго Е. И. В. Великаго Князя Михаила Николаевича полка. Въ 1870 г онъ получилъ должность помощника начальника штаба Западно-Сибирскаго военнаго округа и въ томъ же году произведенъ въ генералъ-маіоры; въ 1871 г. назначенъ военнымъ губернаторомъ и командующимъ войсками Акмолинской области; въ 1880 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ 1881 г. назначенъ Акмолинскимъ губернаторомъ, съ оставленіемъ въ Генеральномъ Штабѣ; эту должность онъ занималъ до самой смерти. Цытовичъ имѣлъ ордена св. Анны и св. Станислава 1-й степени. Умеръ онъ 15 апрѣля 1882 года.

Послужной списокъ въ общемъ архивѣ Главнаго Штаба. — Дѣло о дворянствѣ рода Цытовичей въ Архивѣ Д-та Герольдіи.

А. О. Гернетъ.

Цѣцишовскій (или Цѣцишевскій), *Каспаръ-Казиміръ* (Kasper Kazimierz Kolumna - Cieciszowski), архіепископъ могилевскій и митрополитъ римско-католической церкви въ Россіи, р. въ Мазовіи въ 1745 г., происходилъ изъ древняго польскаго рода и былъ сыномъ Домника Цѣцишовскаго, литовскаго кравчаго. Онъ при-

ходился близкимъ родственникомъ извѣстному Залусскому, основателю Варшавской библіотеки. 1768-й годъ можно считать началомъ церковной дѣятельности Цѣцишовскаго; 12 декабря этого года, онъ былъ назначенъ каноникомъ Варшавскимъ, но въ этой должности прослужилъ не долго, такъ какъ Кіевскій епископъ Оссолинскій пожелалъ взять его къ себѣ въ качествѣ коадъютора. 21 февраля 1775 г. король утвердилъ Цѣцишовскаго въ этомъ званіи, а немного времени спустя папа посвятилъ его въ епископы. Въ 1780 г. Цѣцишовскій былъ назначенъ генеральнымъ оффиціаломъ Варшавскимъ. Въ томъ же 1780 г., онъ получилъ должность настоятеля мѣховскаго аббатства стражей Гроба Христова, и, нѣсколько времени спустя, еще настоятеля зубчинскаго въ Краковской епархіи. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1780 г., онъ отказался отъ послѣдней должности, а также сложилъ съ себя званіе каноника Варшавскаго, что доказываетъ его рѣдкое безкорыстіе, такъ какъ оба мѣста служили источникомъ легкихъ и большихъ доходовъ для духовенства. Въ 1782 г. Цѣцишовскій получилъ орденъ св. Станислава, а въ 1784 г., послѣ смерти Оссолинскаго былъ назначенъ епископомъ кіевскимъ. Вступивъ въ управленіе епархіей Цѣцишовскій, еще раньше пользовавшійся любовью паствы, очень скоро сумѣлъ завоевать себѣ и ея уваженіе. Вообще, онъ всегда отличался заботами о просвѣщеніи и строгой личной жизнью; послѣднее обстоятельство, вѣроятно, и послужило причиной суевѣрной молвы, приписывавшей молитвѣ Цѣцишовскаго силу творить чудеса. Такъ, сохранилась легенда, что во время трехмѣсячной засухи 1781 г. дождь пошелъ немедленно послѣ совершенія молебствія Цѣцишовскимъ; въ другой разъ, въ 1783 г., онъ приказалъ служить впродолженіи 4-хъ недѣль молебны объ искорененіи невѣрія и, согласно легендѣ, богослуженія сопровождались продолжительными бурями и грозами. Эти преданія доказываютъ, что Цѣцишовскій сумѣлъ внушить къ себѣ чувства, близко граничащія съ благоговѣйнымъ страхомъ.

Получивъ въ управленіе кіевскую епархію, Цѣцишовскій на время уѣхалъ изъ Варшавы и, когда вернулся, не засталъ короля въ столицѣ, что помѣшало ему немедленно принести сенаторскую присягу, инными словами, лишило его возможности присутствовать на Гродненскомъ сеймѣ; 8 октября 1784 г. онъ былъ утвержденъ королемъ въ своей новой должности и 5 декабря, сложивъ съ себя званіе Варшавскаго оффиціала, принесъ сенаторскую присягу. На своемъ новомъ посту Цѣцишовскій дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно. Когда въ 1785—1787 г.г. случился въ его епархіи голодъ, онъ на собственныя средства все время кормилъ голодающихъ; такимъ образомъ онъ, не въ примѣръ другимъ епископамъ, серьезно заботился о положеніи неимущаго населенія; съ другой стороны, зная постоянное стремленіе духовенства увеличивать свои доходы, онъ, опираясь на постановленіе Тридентскаго Собора, запрещалъ священнослужителямъ имѣть болѣе одной бенефиціи сразу.

Черезъ годъ по вступленіи въ управленіе кіевскимъ епископствомъ, Цѣцишовскій открылъ житомирскую семинарію, надъ устройствомъ которой онъ не мало потрудился. Въ 1786 г. онъ принялъ участіе въ сеймѣ, собравшемся въ Варшавѣ, и впервые выступилъ, какъ политическій дѣятель, произнесши, по порученію 15-и членовъ сейма, рѣчь, встрѣченную собраніемъ сочувственно. По закрытіи сессіи, Цѣцишовскій получилъ орденъ Бѣлаго Орла. На большомъ сеймѣ, когда были подняты вопросы, касавшіеся церкви, онъ принялъ живѣйшее участіе въ преніяхъ, отстаивая интересы своей епархіи; онъ показалъ себя фанатическимъ католикомъ, недопускающимъ и мысли о соединеніи церквей и не признающимъ необходимости уніи. Въ это именно время онъ взялъ къ себѣ въ помощники, впослѣдствіи знаменитаго, Воронича, назначивъ его, вмѣстѣ съ тѣмъ, каноникомъ Кіевскимъ. Воронічъ, между прочимъ, исполнялъ обязанности его домашняго секретаря и нѣкоторыя изъ произнесенныхъ Цѣцишовскимъ проповѣдей принадлежатъ его перу. Въ 1790 г. Цѣцишовскій былъ снова на сеймѣ, гдѣ онъ произнесъ нѣсколько рѣчей, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ и проповѣди, сочинены Воронічемъ. Въ 1791 г. Цѣцишовскій былъ президентомъ житомірской гражданско-военной коммиссіи.

Несмотря на эту разностороннюю и интенсивную дѣятельность, Цѣцишовскій все это время не упускалъ изъ виду дѣлъ своей епархіи и долго работалъ надъ

проектомъ нѣкоторыхъ въ ней улучшеній; проектъ этотъ носитъ названіе «Kościoły parafialne łacińskie w dyjecezyi kijowskiej». 26 апрѣля 1792 г. маршаломъ Малаховскимъ былъ созванъ сеймъ для разсмотрѣнія предложенія Цѣцишовскаго произвести нѣкоторыя реформы въ его епархіи. Сеймъ открылся рѣчью короля, вполнѣ соглашавшагося съ проектомъ епископа. Послѣ оживленныхъ преній, причемъ ни одинъ изъ ораторовъ не высказывался принципіально противъ проекта и только одинъ делегатъ не соглашался на ассигновку денегъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ просилъ епископъ, сеймъ постановилъ: построить 24 новыхъ костела въ епископствахъ Кіевскомъ и Брацлавскомъ; на сооруженіе каждой изъ нихъ отпустить по 3.000 зл.; епископъ самъ долженъ выбрать селенія, въ которыхъ нужно построить костелы, равно указать площади для нихъ, для кладбищъ, домовъ священниковъ, школъ и т. д.; впродолженіи первыхъ шести лѣтъ доходъ съ новыхъ приходовъ цѣликомъ поступаетъ на поддержаніе въ нихъ благоустройства; по истеченіи этого срока 20% ежегодно отчисляется въ казну; десятинъ не взимается никакихъ. Такимъ образомъ предложеніе Цѣцишовскаго въ основныхъ чертахъ было принято сеймомъ. Къ своему постановленію собраніе внесло добавленіе, по которому въ акты было занесено оказаніе помощи Цѣцишовскимъ голодающему населенію епископства въ 1785—87 г., какъ примѣръ достойный подражанія. Несмотря на то, что сеймъ принялъ проектъ, онъ остался на бумагѣ и новые костелы построены не были.

Послѣ второго раздѣла Польши, кіевское епископство цѣликомъ вошло въ составъ Россійской Имперіи; Цѣцишовскій, не смотря на это, не оставилъ управленія дѣлами, а присягнулъ въ вѣрности русскому правительству. Новыя русскія владѣнія заключали, между прочимъ, части разныхъ епархій не подчиненныя никакому епископу; изъ нихъ было образовано 3 епархіи и Цѣцишовскій получилъ титулъ епископа пинскаго. Послѣ коронаціи Павла I Цѣцишовскій былъ награжденъ орденомъ Александра Невскаго.

Въ 1798 г., когда кіевская епархія была соединена съ луцкой и стала носить названіе луцко-житомірской, Цѣцишовскій былъ назначенъ епископомъ новой епархіи и поселился въ Луцкѣ, гдѣ и прожилъ послѣднія десятилѣтія своей жизни почти безвыѣздно. Только въ 1812 г., спасаясь отъ непріятеля, выѣхалъ онъ въ Житоміръ, но вскорѣ вернулся туда съ молдавской арміей Чичагова.

Все это время Цѣцишовскій продолжалъ ревниво блюсти интересы своей паствы, писалъ посланія, произносилъ проповѣди, заботился о просвѣщеніи. Послѣ смерти Сестренцевича, Цѣцишовскій, какъ старшій изъ епископовъ, былъ назначенъ указомъ сената отъ $\frac{28 \text{ февраля}}{12 \text{ марта}}$ 1827 г. на его мѣсто и принялъ званіе архіепископа могилевскаго, митрополита римско-католической церкви въ Россіи, и президента римско-католической коллегіи въ С.-Петербургѣ. Болѣзнь помѣшала ему исполнять новыя обязанности. Сенатскимъ указомъ отъ того же 28 февраля 1827 г. ему былъ назначенъ замѣститель, а въ 1828 г. (25 апрѣля) онъ получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Умеръ Цѣцишовскій 28 апрѣля 1831 г. Н. С. По словамъ гр. Д. А. Толстого Цѣцишовскій былъ самымъ замѣчательнымъ изъ католическихъ епископовъ въ царствованіе Александра I; «онъ отличался строгою жизнью и ревностью къ своей паствѣ, но былъ весьма склоненъ къ іезуитству, оттого и уважался іезуитскимъ орденомъ».

Цѣцишовскій извѣстенъ слѣдующими своими сочиненіями:—«Głos pasterski J. W. Imci Xiędza Kaspra Cieciszowskiego» etc. 1789 d. 19 lipca w Żytomirzu—«Głos pasterski I. W. I. X. etc. na Sessyi Seymowey» 2 września 1790, Warszawa—«Instrukcya Dziekanom» etc. w Bedyczowie d. 12 lipca 1796—«List pasterski z powodu zbliżającego się postu czterdziestodniowego» 178..—«List pasterski» w Warszawie d. 4 marca 1783—«L. P.» (на лат. яз.) Varsaviae d. 19 febr. 1785—«L. P.» w Stawnie d. 12 sierpnia 1788—«L. P.» do duchowieństwa 1789—«L. P.» w Warszawie d. 27 grudnia 1789 (соч. Воронича)—«L. P.» w Warszawie d. 10 maja 1791 (соч. Воронича)—«List okólny do plebanów» w Berdyczowie d. 25 czerwca 1796—«L. P.» w Berdyczowie d. 23 stycznia 1797—«L. P.» do duchowieństwa w Berdyczowie d. 23 stycznia 1797—«L. P.» w Berdyczowie d. 28 sept. 1797—«L. P.» w Berdyczowie d. 3 kwietnia 1798—«L. P.» w Berdyczowie d. 31 augusta 1798—

«L. P.» w Berdyczowie d. 21 czerwca 1798—«Ł. P.» w Łucku d. 31 marca 1799—«L. P.» w Lucku d. 29 maja 1799—«L. P.» w. Lucku d. 4 juni 1799—«L. P.» w Ołyce d. 25 sierpnia 1799, по случаю побѣды русскихъ войскъ надъ французскими.—«Epistola pastoralis data Luceoriae d. 2 decembris 1799»—«Literae encyclycae ad Clerum» etc. 1782. Warsaviae — «Mowa I. W. I. X» etc. d. 16 marca 1789. Warszawa (соч. Воронича)—«Mowa» etc. d. 21 maja 1792—«Mowa» etc. d. 23 kwietnia 1796 w Żytomirzu — «Mowa» etc. d. Augusti 1796 — «Mowa» etc. d. 4 pazdziernika w Lucku 1798—«Mowa» etc. d. 26 września 1798—«Mowa» etc. w Lucku d. 4 grudnia 1799.—«Ordinatio» datum Luceoriae 25 octobris 1798—«Proces wydany» etc. w Warszawie 20 września 1784—«Przymowienie się etc. na Sessyi Sejmowey» d. 24 marca 1789 w Warszawie—«Przymowienie się etc. na Sessyi Seymowey d. 23 maja 1790—«Zalecenie do duchowienstwa» w Berdyczowie d. 11 novemb. 1797—«Zalecenie» w Lucku d. 31 stycznia 1799.

«Gazeta Warszawska» 1780 г. № 25; 1781 г. № 25; 1782 г. №№ 38, 55; 1783 г., suppl. къ № 59; 1784 г., №№ 73, supp. къ 86, supp. къ 98; 1785 г.—№№ 47, 61, 70, supp. къ 86, 86, 1786 г., № 95.—«Pamiętn. relig. moral.» 1853, т. 25, ст. 386.—«Tygodnik Illustrowany» 1864, т. 9, ст. 222; 1861, т. 4, ст. 97, 111; — «Przewodnik heraldyczny» соч. Kosiński, Warszawa 1885, т. V, ст. 651—«Bibliografia polska» соч. Estreicher, т. XIV, ст. 277 — «Encyklop.» Orgelbranda, т. V, 609—616,—«Encykl. Wielka», XII, 982—«Encykl. Powszechna», lit. C.—«Русская Старина», т. ŁXXXI, іюнь, 125. Толстой, гр. Д. А. Римскій Католицизмъ въ Россіи, т. II, ст. 44, 121, 234, 235, П. Карабановъ. Списки.

Б. Савинковъ.

Цюцюра, *Тимовей*, полковникъ переяславскій, одна изъ интересныхъ личностей и любопытныхъ дѣятелей времени измѣны Выговскаго. О его происхожденіи и времени рожденія никакихъ свѣдѣній не имѣется. По всей вѣроятности онъ происходилъ изъ простаго казачества, такъ какъ былъ неграмотенъ и сестра его была въ 1660 году замужемъ за простымъ казакомъ Ерофеемъ Молновецкимъ. Въ одномъ актѣ, въ ноябрѣ 1656 года, упоминается въ м. Борисполѣ, переяславскаго полка «панъ Тимошъ Цицаренко», но одно ли это лицо съ Ц.—мы не знаемъ. При заключеніи въ 1658 году извѣстнаго Гадяцкаго договора, по которому Выговскій передался полякамъ, Цюцюра былъ полковникомъ Переяславскимъ и занималъ враждебное положеніе по отношенію къ Москвѣ, нападая на московское войско. Такъ, напр., онъ 29 декабря 1658 г. начальствовалъ вмѣстѣ съ наказнымъ гетманомъ Скоробогатенкомъ и полякомъ Грушей надъ вѣрными Выговскому татарами и казацкими полками—Каневскимъ, Черкасскимъ, Чигиринскимъ и Корсунскимъ въ бою у Лохвицы съ кн. Ромодановскимъ, но былъ отбитъ. Въ слѣдующемъ, 1659 году, когда квартированіе польскаго «затяжнаго» войска возбудило сильный ропотъ и неудовольствіе народа противъ польскаго правительства и Выговскій удалился съ татарами въ Чигиринъ, Цюцюра, слѣдуя за желаніемъ большинства казаковъ быть въ подданствѣ у царя, объявилъ себя за Москву, сталъ возмущать казаковъ противъ Польши, перебилъ у себя, въ Переяславѣ, тѣхъ изъ старшинъ, которыя противились его предложеніямъ перейти на сторону Москвы, и послалъ гонца въ Путивль къ начальствовавшему тогда надъ московскимъ войскомъ кн. Трубецкому съ извѣстіемъ, что враги царя перебиты и съ просьбою какъ можно скорѣе двинуться къ Переяславу. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ, впрочемъ, Цюцюрою руководила не столько преданность Москвѣ, сколько желаніе самому достигнуть гетманства. Лѣтопись «Самовидца» прямо говоритъ, что Цюцюра поднималъ возстаніе среди казаковъ, «хотячи себѣ гетманства». Прибытіе кн. Трубецкаго въ Переяславъ произошло 29 сентября 1659 г. самымъ торжественнымъ образомъ. Цюцюра встрѣтилъ князя со своимъ полкомъ, духовенствомъ и горожанами за 5 верстъ отъ города и при стрѣльбѣ изъ всѣхъ пушекъ, которыя только были въ Переяславѣ. Кн. Трубецкой объявилъ Цюцюрѣ о принятіи переяславцевъ подъ «высокую руку» царя съ оставленіемъ ихъ при прежнихъ правахъ и вольностяхъ, а казаки «били челомъ» и обѣщали быть «подъ рукою Великаго Государя на вѣку неотступно». На происшедшей затѣмъ, 17 октября, радѣ между княземъ Трубецкимъ и Малороссійской старшиною были постановлены различныя статьи о казакахъ и записаны въ книгу; въ числѣ старшины, подписавшейся подъ статьями былъ и неграмотный Цюцюра. Во время вспыхнувшаго возстанія противъ поляковъ въ Пе-

реяславѣ, Нѣжинѣ и Черниговѣ, погибъ Юрій Немиричъ, главный сотрудникъ Выговскаго по заключенію Гадяцкаго договора, причемъ есть извѣстіе, что отрядомъ, напавшимъ на Немирича предводительствовалъ Цюцюра. Въ началѣ 1660 г. онъ ѣздилъ въ Москву, вѣроятно для заявленія своей преданности царю, и удостоился 1 марта даже приглашенія къ «столу государеву». Далѣе мы видимъ Цюцюру со своимъ полкомъ подъ командою боярина Шереметева во время его неудачнаго похода на Львовъ противъ поляковъ въ союзѣ съ Юріемъ Хмельницкимъ, причемъ Цюцюра носилъ титулъ «сѣверскаго гетмана». Когда, при встрѣчѣ Шереметева съ поляками 11 октября подъ м. Чудновымъ, Хмельницкій передался послѣднимъ, то и Цюцюра, находившійся не при немъ, а при бояринѣ, послѣдовалъ за нимъ съ 2,000 казаковъ, «що», по замѣчанію лѣтописца, «не безъ шкоды казаковъ было, бо иныхъ татаре пошарпали, а иныхъ и въ неволю побрали». Эта-то измѣна и была, по всей вѣроятности, поставлена ему въ вину и послужила причиною ссылки его въ Сибирь. Сохранилась любопытная челобитная Цюцюры къ государю изъ Томска, отъ 20 августа 1667 года, въ которой онъ говоритъ о томъ, что служилъ государямъ «вѣрою и правдою» 13 лѣтъ, «измѣнника Ивашка Выговскаго изъ Малыя Россіи выгналъ и, всю Малую Россію очистивши, съ войскомъ Запороскимъ подъ государеву царскую высокую руку подвелъ». Тутъ же онъ откровенно сознается и въ своемъ «грѣхѣ» подъ Чудновымъ и проситъ простить его и перевести его на жительство въ Москву. Рѣшенія по этой челобитной не сохранилось. Дальнѣйшая судьба Цюцюры неизвѣстна.

А. Маркевичъ, Исторія Малороссіи. М. 1842, т. II, Кіев. Стар. 1889 г., сент., с. 770—772—Н. Костомаровъ, Гетманство Выговскаго, Спб., 1862 г., с. 82, 85, 108, 109.—Мѣстечко Борисполе въ XVII вѣкѣ, съ предисловіемъ А. В. Стороженка, Кіевъ, 1892 г., с. 53.—Соловьевъ, Исторія Россіи, Спб., 1896 г., т. XI, с. 44, 69, 71, 74, 76, 108, 116, 120, 126, 129, т. XII, с. 154.—Черниговская лѣтопись по новому списку (1587—1725 г.), съ предисл. А. Лазаревскаго, Кіевъ, 1890 г., с. 13.—Дополненіе къ III тому Дворцовыхъ Разрядовъ, Спб., 1854 г., стр. 219. *В. Гарскій.*

Цявловскій, *Даніилъ Ивановичъ*, генералъ-маіоръ, происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода Смоленской губ., род. 30 октября 1795 г., воспитывался въ Дворянскомъ полку, изъ котораго выпущенъ прапорщикомъ въ Полтавскій пѣхотный полкъ 24 мая 1812 г. и участвовалъ въ сраженіяхъ при Бородинѣ, Тарутинѣ, Маломъ Ярославцѣ, за отличіе въ которомъ получилъ орд. св. Анны 3-й ст., и Красномъ. Въ кампаніяхъ 1813—1815 гг. онъ былъ, между прочимъ, при блокадѣ Гамбурга и Суасона. Въ турецкую войну 1828—1829 гг. Цявловскій отличился при переправѣ черезъ Дунай у Сатунова и подъ Исакчи, и за эти дѣла получилъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ, а за отличіе подъ Силистріею—золотое оружіе. Въ 1831 г. Д. И., въ чинѣ маіора и въ должности дежурнаго штабъ-офицера 3-го пѣхотнаго корпуса, участвовалъ въ дѣлахъ противъ поляковъ, былъ при блокадѣ кр. Замосця и за отличіе получилъ орд. св. Анны 2 ст., а 16 декабря того же года—орд. св. Георгія 4 ст. за 25 лѣтъ. Въ апрѣлѣ 1832 г. Цявловскій назначенъ былъ кіевскимъ полиціймейстеромъ и пробылъ въ этой должности до 1834 г., а 13 декабря этого года назначенъ президомъ Комиссіи военнаго суда надъ мятежниками; затѣмъ Д. И. послѣдовательно былъ старшимъ адъютантомъ главнаго штаба дѣйствующей арміи (1835 г.) и дежурнымъ штабъ-офицеромъ 4 пѣхотнаго корпуса (1836 г.). Произведенный въ 1843 г. въ полковники, Цявловскій въ январѣ 1846 г. былъ назначенъ помощникомъ окружнаго генерала 10-го округа внутренней стражи, а 1 октября 1864 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ помощникомъ начальника мѣстныхъ войскъ Варшавскаго военнаго округа. Состоя въ этой должности онъ получилъ въ 1867 г. орд. св. Станислава 1-й ст. и умеръ въ Варшавѣ 12 марта 1870 г.

Послужной списокъ Д. И. Цявловскаго.—Русскій Инвалидъ, 1870 г., № 65.—Ежегодникъ русской арміи, 1871 г., ч. II, с. 69.

Лемюръ.

3 руб

ПКш
13458/93